LIFE FOR GOD

Беседы на Евангелие от Матфея

Иоанн Златоуст

Отцы Церкви

90 бесед

Евангелие от Матфея · Matthew

2026

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн

Об издании

Полный текст: 90 бесед. Исторический русский перевод, Санкт-Петербургская духовная академия, 1901.

Автор: святитель Иоанн Златоуст. Русский текст: исторический перевод Санкт-Петербургской духовной академии; том VII собрания творений, 1901. Издание Life for God, 2026. Это исторический перевод, а не новый перевод Сергея Кауди.

Все 90 бесед на Евангелие от Матфея. Основа — электронная перепечатка исторического академического перевода в современной русской орфографии («Азбука веры»); библиографическая основа — том VII, Санкт-Петербург, 1901. Современная аннотация и оформление источника не воспроизводятся.

Использованы исторические русское (1901) и английское (1888) издания, находящиеся в общественном достоянии в США. Метаданные CCEL также обозначают исторический английский текст как Public Domain. Это собственная вёрстка Life for God, а не перепубликация современного PDF-оформления CCEL.

Исторические суждения, полемика и толкования сохраняются как часть авторского произведения. Русские примечания электронной перепечатки смешивают старые пояснения и современные добавления; этот непроверенный аппарат не включён. Содержание всех 90 бесед и библейские ссылки сохранены. Проверены последовательность, границы бесед и заключительные славословия; сплошная сверка каждой строки со сканом не заявляется. Начала четырёх восстановленных английских бесед выборочно сверены с печатным переизданием 1908 года; в беседе 53 исправлена подтверждённая сканом опечатка перепечатки.

Читать на сайте Life for God →

Источники

Русский исторический текст · СПбДА 1901

English · NPNF I.X (1888) · CCEL

Русский текст: все 90 бесед · «Азбука веры»

РГБ: собрание творений, том VII, книга 1, Санкт-Петербург, 1901

NPNF I.10 · Prevost / Riddle (1888) · CCEL

Historical English title page: translator and reviser

Historical English preface, dated September 24, 1888

Restored historical English Homily 53

Restored historical English Homily 54

Restored historical English Homily 58

Restored historical English Homily 79

Historical NPNF facsimile · 1908 reprint (copyright 1888)

Содержание

Об издании 2
Источники 2
Содержание 4
Беседа 1 8
Беседа 2 26
Беседа 3 41
Беседа 4 55
Беседа 5 82
Беседа 6 95
Беседа 7 114
Беседа 8 130
Беседа 9 142
Беседа 10 158
Беседа 11 173
Беседа 12 192
Беседа 13 204
Беседа 14 221
Беседа 15 232
Беседа 16 263
Беседа 17 296
Беседа 18 317
Беседа 19 335
Беседа 20 360
Беседа 21 376
Беседа 22 386

Беседа 23 402
Беседа 24 429
Беседа 25 442
Беседа 26 454
Беседа 27 474
Беседа 28 486
Беседа 29 501
Беседа 30 510
Беседа 31 527
Беседа 32 541
Беседа 33 562
Беседа 34 581
Беседа 35 595
Беседа 36 611
Беседа 37 623
Беседа 38 642
Беседа 39 653
Беседа 40 663
Беседа 41 675
Беседа 42 686
Беседа 43 698
Беседа 44 715
Беседа 45 729
Беседа 46 738
Беседа 47 750
Беседа 48 761
Беседа 49 779

Беседа 50 794
Беседа 51 805
Беседа 52 821
Беседа 53 835
Беседа 54 848
Беседа 55 863
Беседа 56 879
Беседа 57 896
Беседа 58 911
Беседа 59 927
Беседа 60 948
Беседа 61 957
Беседа 62 972
Беседа 63 987
Беседа 64 999
Беседа 65 1015
Беседа 66 1032
Беседа 67 1046
Беседа 68 1060
Беседа 69 1076
Беседа 70 1090
Беседа 71 1104
Беседа 72 1116
Беседа 73 1128
Беседа 74 1141
Беседа 75 1155
Беседа 76 1171

Беседа 77 1186
Беседа 78 1206
Беседа 79 1218
Беседа 80 1232
Беседа 81 1245
Беседа 82 1260
Беседа 83 1276
Беседа 84 1288
Беседа 85 1300
Беседа 86 1312
Беседа 87 1324
Беседа 88 1335
Беседа 89 1347
Беседа 90 1359

Беседа 1

[1] Для чего дано священное Писание. – Когда и как даны были ветхий закон и новый завет. – Почему Матфей назвал свой труд евангелием. – Почему евангелие было писано четверыми. – Незначительные разногласия в повествованиях евангелистов служат доказательством их истинности. – В главном и существенном евангелия вполне согласны. – Различие целей написания четырех евангелий. – Согласие евангелистов подтверждается сродством каждой части их писаний с целым, а равно и принятием их проповеди всею вселенной. – Истина еванг. проповеди доказывается превосходством ее над учением философов и ее удобоприемлемостью для людей всякого звания и возраста. – Ошибочное мнение о простоте и легкости изъяснения евангелия Матфея. – Указание недоумений, представляющихся в самом начале евангелия. – Увещание слушателям быть внимательными к изъяснению, с усердием посещать храм вместо зрелищ, изучать относящееся к жизни небесной и наблюдать в храме тишину и молчание.

[2] ПО-НАСТОЯЩЕМУ, нам не следовало бы иметь и нужды в помощи Писания, а надлежало бы вести жизнь столь чистую, чтобы вместо книг служила нашим душам

благодать Духа, и чтобы, как те исписаны чернилами, так и наши сердца были исписаны Духом. Но так как мы отвергли такую благодать, то воспользуемся уж хотя бы вторым путем. А что первый путь был лучше, это Бог показал и словом и делом. В самом деле, с Ноем, Авраамом и его потомками, равно как с Иовом и Моисеем, Бог беседовал не чрез письмена, а непосредственно, потому что находил их ум чистым. Когда же весь еврейский народ пал в самую глубину нечестия, тогда уже явились письмена, скрижали и наставление чрез них. И так было не только со святыми в Ветхом Завете, но, как известно, и в Новом. Так и апостолам Бог не дал чего-либо писанного, а обещал вместо писаний даровать благодать Духа.

3 «Утешитель же, Дух Святый, – сказал Он им, – …напомнит вам всё» (Ин. 14:26). И чтобы ты знал, что такой путь (общения Бога со святыми) был гораздо лучше, послушай, что Он говорит чрез пророка: «Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет… вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу…» (Иер. 31:31, 33) «и будут все научены Богом» его (Ин. 6:45). И Павел, указывая на это превосходство, говорил, что он получил закон (написанный) «не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца» (2Кор. 3:3). Но так как с течением времени одни уклонились от истинного учения, другие от чистоты жизни и нравственности, то явилась опять нужда в наставлении письменном. Размысли же, какое будет безрассудство, если мы, которые должны бы жить в такой чистоте, чтобы не иметь и нужды в Писании, а вместо книг представлять сердца Духу, – если мы, утратив такое достоинство и возымев нужду в Писании, не воспользуемся, как должно, даже и этим вторым врачевством. Если достойно

укоризны уже то, что мы нуждаемся в Писании и не привлекаем к себе благодати Духа, то какова, подумай, будет наша вина, если мы не захотим воспользоваться и этим пособием, а будем презирать Писание, как излишнее и ненужное, и таким образом навлекать на себя еще большее наказание? Чтобы этого не случилось, вникнем тщательнее в то, что написано, и рассмотрим, как дан был Ветхий закон, и как – Новый Завет. Итак, каким образом, когда, и где дан был древний закон? После гибели египтян, в пустыне, на горе Синае, в огне и дыме, выходившем от горы, при звуке трубы, среди грома и молний, по вшествии Моисея в самый мрак. А в Новом Завете не так: не в пустыне, не на горе, не среди дыма и мрака, тьмы и бури, а при наступлении дня, в доме, когда все сидели вместе, – все происходило при глубокой тишине. Для людей грубых и необузданных нужны были чувственные поразительные явления, как пустыня, гора, дым, трубный звук и тому подобное; для людей же более возвышенных, более покорных и ставших выше чувственных понятий, ни в чем таком не было нужды. Если же и над апостолами был шум, то не ради них, а ради присутствовавших иудеев, ради которых явились и огненные языки. В самом деле, если последние несмотря и на это говорили [про апостолов], что они «напились сладкого вина» (Деян. 2:13), то тем более сказали бы так, если бы не видели ничего подобного. Далее, – в Ветхом Завете Бог сошел, когда Моисей взошел [на гору] (Исх. 19:3); здесь же Дух сошел, когда наше естество вознеслось на небо, а лучше сказать – на царский престол. Если бы Дух был меньше, то явления [сопровождавшие Его пришествие] не были бы более величественными и чудесными, а между тем новозаветные скрижали гораздо превосходнее ветхозаветных, равно как и события

славнее. В самом деле, апостолы не с горы сошли с каменными досками в руках, подобно Моисею, а неся в душе своей Духа, и всюду ходили, источая сокровище и источник учений, даров духовных и всяких благ, став по благодати одушевленными книгами и законами. Так они привлекли [к вере] три тысячи, так – пять тысяч, так – все народы вселенной, потому что устами их говорил ко всем приходящим к ним Бог (Деян. 2:41, 4:4). Так и Матфей, исполнившись Духа Божия, написал книгу, – Матфей мытарь; я не стыжусь называть по занятию ни его, ни других апостолов, потому что это больше всего и обнаруживает и благодать Духа, и их собственную добродетель.

[4] 2. Свое произведение Матфей справедливо назвал Евангелием. В самом деле, он всем, – врагам, невеждам, сидящим во тьме, – возвещает конец наказания, разрешение грехов, оправдание, освящение, искупление, всыновление, наследие небес и сродство с Сыном Божиим. Что же может сравниться с таким благовестием? Бог на земле, человек на небе; все в соединении: ангелы составили один лик с людьми, люди соединились с ангелами и прочими горними силами. Очевидно стало, что древняя брань прекратилась, что совершилось примирение Бога с нашим естеством, дьявол посрамлен, демоны изгнаны, смерть связана, рай отверст, клятва упразднена, грех истреблен, заблуждение удалено, возвратилась истина, повсюду сеется и растет слово благочестия, небесная жизнь насаждена на земле, горние силы пребывают в дружественном общении с нами, ангелы непрестанно сходят на землю, и великая явилась надежда на будущее. Вот почему Матфей и назвал свою историю Евангелием, как бы [давая разуметь, что] все другое, как, например, богатое имущество, величие

власти, начальство, слава, почести, и все прочее, почитаемое людьми за благо, составляет одни лишь пустые слова, а обетования, данные через рыбарей, должны называться в собственном и преимущественном смысле благовестием. И это не потому только, что они – блага прочные и постоянные и превосходят наше достоинство, но и потому, что они даны нам без всякого труда с нашей стороны. Не трудами и потом, не усилиями и страданиями получили мы то, что имеем, а единственно по любви к нам Бога. Но почему, спросим, при столь великом числе учеников, пишут только двое из апостолов и двое из их спутников, – так как кроме Иоанна и Матфея написали Евангелия один ученик Павла, а другой ученик Петра. Потому, что они ничего не делали по честолюбию, но все для пользы. Что же? Разве один евангелист не мог написать всего? Конечно, мог; но когда писали четверо, писали не в одно и то же время, не в одном и том же месте, не сносясь и не сговариваясь между собою, и, однако, написали так, как будто все произнесено одними устами, то это служит величайшим доказательством истины.

5 И, однако, скажешь ты, случилось противное, так как они часто обличаются в разногласии. Но это-то самое и является вернейшим знаком истины. В самом деле, если бы они были до точности согласны во всем – и касательно времени, и касательно места, и самых слов, то из врагов никто бы не поверил, что они написали Евангелия не сошедшись между собой и не по обычному соглашению, и что такое согласие было следствием их искренности. Теперь же представляющееся в мелочах разногласие освобождает их от всякого подозрения и блистательно говорит в пользу писавших. Если они, относительно места и времени, кое-что написали различно, то это нисколько

не вредит истине их повествований, что мы и попытаемся, с Божьею помощью, доказать впоследствии. Теперь же просим вас заметить, что в главном, заключающем основание нашей жизни и составляющем сущность проповеди, они нигде один с другим ничуть не разногласят. В чем же именно? В том, что Бог стал человеком, творил чудеса, был распят, погребен, воскрес, вознесся на небо и придет судить; что Он дал спасительные заповеди, ввел закон, не противный ветхозаветному; что Он – Сын, единородный, истинный, единосущный Отцу, и тому подобное. Во всем этом мы находим у евангелистов полное согласие. Если же относительно чудес не все всё сказали, а один описал одни, другой – другие, то тебя это не должно смущать. Если бы один евангелист сказал все, то были бы излишни остальные; если бы каждый написал различное и новое сравнительно с другими, то не очевидно было бы доказательство их согласия. Вот почему они сказали о многом и сообща, и каждый из них выбрал нечто особое, чтобы не оказаться, с одной стороны, излишним и писавшим без цели, а с другой – чтобы представить нам верное доказательство истины своих слов.

[6] 3. Так Лука указывает и причину, по которой он приступает к писанию Евангелия. Чтобы ты имел, говорит, «твердое основание того учения, в котором был наставлен» (Лк. 1:4), т. е. чтобы ты удостоверился в том, чему часто был поучаем, и пребывал в твердой уверенности. Иоанн сам умолчал о причине (написания им Евангелия), но, как говорит дошедшее до нас от отцов предание, и он приступил к писанию не без причины. Так как первые три евангелиста по преимуществу старались изложить историю земной жизни Христа, и учению о божестве Его угрожала опасность остаться нераскрытым,

то Иоанн, побуждаемый Христом, приступил наконец к написанию Евангелия. Это видно как из самой истории, так и из начала Евангелия. Он начинает не с земного, подобно прочим евангелистам, а с небесного, которое он по преимуществу имел в виду, и для того составил всю книгу. Впрочем, не только в начале, а и во всем Евангелии он возвышеннее прочих. Равным образом и Матфей, как говорят, по просьбе уверовавших иудеев, пришедших к нему, написал им то, что говорил устно, и составил Евангелие на еврейском языке. То же самое сделал, по просьбе учеников, и Марк в Египте. Вот почему Матфей, как писавший для евреев, не старался показать ничего более, как происхождение Христа от Авраама и Давида; между тем как Лука, писавший для всех вообще, возводит родословие выше, доходя до Адама. Затем, первый начинает с рождения Иисуса Христа, поскольку для иудея не могло быть ничего приятнее, как сказать ему, что Христос есть потомок Авраама и Давида, а второй не так начинает, а упоминает предварительно о многих других событиях и затем уже приступает к родословию. Что касается согласия евангелистов, то мы можем доказать его и свидетельством всей вселенной, принявшей их писания, и свидетельством самих даже врагов истины. После евангелистов родилось много ересей, учивших противно их писаниям; одни из них приняли все сказанное в последних, а другие принимают только часть, отделив ее от прочего. Если бы в писаниях евангелистов было несогласие, то ни ереси, утверждающие противное им, не приняли бы всего, а только ту часть, которая казалась бы им согласной, ни принявшие только часть, не были бы изобличаемы этой частью, так как и самые малые части в писаниях евангелистов ясно обнаруживают свое сродство с целым.

Подобно тому, как если ты возьмешь, например, часть ребра, и в этой части найдешь все, из чего состоит целое животное – и нервы, и жилы, и кости, и артерии, и кровь, словом, все существенные части телесного состава, так точно и в Писании можно видеть то же самое: и здесь всякая часть написанного ясно показывает сродство с целым. Если бы евангелисты разногласили, то не оказывалось бы и такого сродства, и самое учение их давно бы рушилось, так как «всякое царство, разделившееся само в себе» не устоит (Мф. 12:25; Мк. 3:24). Теперь же, если и есть у них какие разногласия, этим только ясно обнаруживается сила Духа (Святого), убеждающая людей, чтобы они, держась необходимого и главного, нисколько не смущались ничтожными несогласиями.

[7] 4. Где писал каждый из евангелистов, – этим вопросом заниматься нам нет особенной нужды; но что они не противоречили друг другу, это мы постараемся доказать во всем нашем толковании. Если ты обвиняешь их за разногласие, то делаешь не что иное, как заставляешь их говорить одними и теми же словами и употреблять один и тот же способ выражения. Я не говорю уже о том, что и многие из величающихся знанием риторики и философии, написав много книг об одних и тех же предметах, не только разногласили, но и противоречили друг другу, – иное ведь дело – разногласить, другое дело – противоречить. Об этом я уже не говорю: я не имею нужды пользоваться их неразумием для защиты (евангелистов) и не хочу подтверждать истины ложью. Но вот о чем охотно спросил бы я: как заслужили веру разногласящие писания? Как они одержали победу? Как могли заслужить удивление, веру и славу по всей вселенной люди, противоречившие один другому?

Свидетелями их проповеди были многие; многие притом были врагами и противниками. Написав Евангелия, они не скрыли их в одном уголке вселенной, а распространяли их всюду, на суше и море, в слух всех; как и теперь, они читаемы были и в присутствии врагов, и ничто из сказанного в них никого не соблазняло. И вполне естественно, потому что все во всех производила и совершала божественная сила. Иначе, каким образом мытарь, рыбарь неученый могли бы так мудрствовать? Чего некогда языческие мудрецы не могли и во сне представить, о том они проповедуют с великой уверенностью и убедительностью, – и не только при жизни, но и по смерти, – не двум, не двадцати человекам, не сотням, не тысячам и десяткам тысяч, а (целым) городам, племенам и народам, суше и морю, Греции и странам варварским, земле обитаемой и пустыне, возвещая учение, много превышающее наше естество. Оставив земное, они говорят только о небесном, предлагают нам другую жизнь и новый образ жизни, иное богатство и иную бедность, иную свободу и иное рабство, иную жизнь и смерть, иной мир, иной устав жизни, – все иное. (Они преподают правила жизни) не так, как Платон, составивший пресловутую «Политию», или Зенон, и другие писавшие об общественном устройстве и составители законов. Все они самыми произведениями своими доказали, что их душе внушал злой дух, лютый демон, воюющий против нашего естества, враг чистоты, противник благонравия и низвратитель всякого порядка. В самом деле, что еще можно сказать про них, когда они предписывали всем иметь общими жен, выводить напоказ мужчинам обнаженных девиц во время ристалищ, учинять украдкой браки, когда они ниспровергли и уничтожили всякий порядок и извратили уставы самой

природы? Что все это – изобретения демонов и противно природе, об этом может свидетельствовать нам сама природа, которая не терпит ничего такого. И они писали об этом не среди гонений, не среди опасностей, не среди браней, а с полной безопасностью и свободой, часто пользуясь, кроме того, еще многими прикрасами. А между тем проповедь рыбарей, гонимых, бичуемых, проводивших жизнь среди опасностей, со всей охотой принимали и простецы и мудрецы, и рабы и свободные, и варвары и греки.

[8] 5. И ты не можешь сказать, что учение этих рыбарей было для всех удобоприемлемо потому, что оно маловажно и низко. Нет, оно даже гораздо возвышеннее учения философов. О девстве, например, даже об имени таком те не могли и во сне подумать, равно как ни о нестяжательности, ни о посте, ни о какой другой высшей добродетели. Между тем наши учителя не только похоть искореняют, не только действие (преступное) подвергают наказанию, но осуждают и бесстыдный взгляд, и оскорбительные слова, и непристойный смех, и одежду, и поступь, и крик, простирают строгость даже до самого малейшего. По всей вселенной они насадили семена девства. О Боге и вещах небесных они внушают такие понятия, какие никому из философов никогда не могли и на ум прийти. Да и как могли иметь такие понятия люди, боготворившие изображения зверей, пресмыкающихся животных и других презренных тварей? И, однако, такое высокое учение (апостолов) было принято и заслужило веру, процветает доселе и возрастает с каждым днем, а учение философов отжило, погибло, исчезло легче паутины. И вполне правильно, так как его проповедовали демоны. Вот почему, кроме бесстыдства, оно представляет много темного и трудного для уразумения.

Что может быть смешнее, например, того учения, в котором философ, потратив тысячи слов на то, чтобы показать, что такое справедливость, все еще старается разъяснить этот вопрос в длинной и крайне неясной речи? Если бы он указал что-нибудь и полезное, то для жизни человеческой и это осталось бы совершенно без пользы. В самом деле, если бы земледелец, или ваятель, или плотник, или кормчий, или другой кто-нибудь, питающийся трудами рук своих, вздумал отстать от своего занятия и честных трудов, чтобы потратить многие годы на изучение того, что такое справедливость, то прежде, чем узнать это, он ради этой самой справедливости изнурил бы себя постоянным голодом и погиб бы, окончил бы жизнь свою насильственною смертью, так и не научившись ничему полезному. А наше учение не таково. В кратких и ясных словах Христос научил нас, в чем состоит и справедливое, и честное, и полезное, и всякая вообще добродетель. Так Он говорил, например, что в двух заповедях «утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:40), то есть в любви к Богу и ближнему, или еще: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:12). Все это удобопонятно и легкопостижимо и для земледельца, и для раба, и для вдовицы, и даже для отрока и самого малосмыслящего. Такова истина! Доказательством служит опыт. Все, действительно, узнали, что нужно делать, и не только узнали, но старались и исполнить (то, что узнали), и не в городах, не на торжищах только, а и на вершинах гор. И там ты увидишь великое любомудрие, и там сияют лики ангелов в человеческой плоти и на земле является жизнь небесная. Образ этой жизни начертали нам рыбари, повелевая приниматься (за обучение ему) не с детского возраста, как делали то философы, и не

узаконяя для изучения добродетели определенного числа лет, а наставляя всякий возраст без исключения. Учение философов – детская забава, а учение апостолов – сама истина. Местом для этой жизни они назначили небо, а руководителем и законодателем ее признали Бога, как и надлежало. Наградами за эту жизнь служат не лавровый венок, не масличная ветвь, не пиршество в Пританее, не медные изображения, не такие пустые и бесполезные вещи, а бесконечная жизнь, усыновление Богу, ликование с ангелами, предстояние царскому престолу и постоянное пребывание со Христом.

[9] 6. Руководителями в этой жизни являются мытари, рыбари и скинотворцы, которые жили не краткое время, но всегда живут, почему и по смерти своей могут оказывать величайшую помощь своим последователям. Подвизающимся в этой жизни предстоит брань не с людьми, а с демонами и бесплотными силами. Вот почему и вождем у них не какой-нибудь человек, не ангел, а сам Бог. И оружия этих воинов соответствуют характеру брани: они изготовлены не из кожи и железа, а из истины, правды, веры и всякого вида любомудрия. Об этой самой жизни написано и в Евангелии Матфея, о котором нам предстоит теперь говорить. Итак, будем со тщанием внимать ясным речам о ней евангелиста. Все, что он говорит, не его слова, а самого Христа, узаконившего эту жизнь. Будем же внимательны, чтобы и нам удостоиться быть вписанными в эту жизнь и сиять вместе с теми, которые прошли уже ее и получили неувядаемые венцы. Для многих, заметим, эта книга кажется легкопонятною сравнительно с пророками, которые представляют трудности для понимания. Но это говорят люди, которые не знают глубины сокрытых здесь мыслей. Поэтому прошу вас следовать за мною со всею ревностью, чтобы

войти нам в самую глубь Писания; водителем же в этом пути будет нам сам Христос. А чтобы слово наше было удобопонятнее, просим и убеждаем вас (как делали мы это при изъяснении и других Писаний) наперед перечитывать тот отдел книги, который мы будем изъяснять; пусть уразумению предшествует чтение, как то было с евнухом (Деян. 8:28 и далее); это доставит нам большое облегчение. В самом деле, вопросы здесь во множестве возникают на каждом шагу. Вот смотри, сколько, например, недоумений рождается тотчас же в самом начале Евангелия. Во-первых, для чего излагается родословие Иосифа, который не был отцом Христа? Во-вторых, откуда нам может быть видно, что Христос происходит от Давида, когда мы не знаем предков Марии, от которой Он родился, – ведь родословной Девы не показано? В-третьих, почему дается родословие Иосифа, который нисколько не причастен был рождению, а от каких родителей, дедов и прадедов Дева, которая была матерью Христа, не сказано? Кроме того, заслуживает исследования и то, почему евангелист, ведя родословие по мужской линии, упомянул и о некоторых женах. Затем, если ему так рассудилось, то почему он не перечислил всех жен, а умолчав о достославных, как, например, Сарре, Ревекке и подобных им, выставил только известных по своим порокам, например, блудницу, или прелюбодеицу, иноплеменницу, или чужестранку? Так именно он упомянул о жене Уриевой, о Фамари, о Раави и Руфи, из которых последняя была иноплеменница, другая блудница, третья имела связь со свекром, и притом не по закону брака, а похитив ложе под видом блудницы; что же касается жены Урия, то о ней всякий знает по выходящему из ряда вон ее поступку. И, однако, евангелист, опустив всех других, поместил в родословии

только одних этих жен. Если уж нужно было упоминать о женах, то следовало упомянуть о всех; если же не о всех, а только некоторых, то о прославившихся своими добродетелями, а не пороками. Видите, сколько нам нужно внимания уже при самом начале Евангелия, хотя для иных это начало кажется яснее прочего, а для многих даже излишним, потому что представляет простое только перечисление имен. Далее, – заслуживает исследования и то, почему Матфей умолчал о трех царях. Если он умолчал о них, как о слишком нечестивых, то ему не нужно было бы упоминать и о других подобных. Вот и еще представляется вопрос: почему евангелист, разделив родословие на части по четырнадцати родов в каждой, в третьей части не соблюл этого числа? Затем: почему Лука упомянул о других именах, и не только не о всех тех, какие есть у Матфея, но и указал их гораздо больше, а Матфей привел и меньше и другие имена, хотя и он кончил на Иосифе, на котором прекратил родословие и Лука. Смотрите же, сколько нам нужно бдительности не только для того, чтобы разрешить недоумения, но и для того, чтобы узнать, что требует решения. Немаловажное ведь дело и суметь найти недоуменные вопросы. Вот и еще, например, недоуменный вопрос: каким образом Елизавета, происходя из колена Левиина, могла быть родственницею Марии?

[10] 7. Но, чтобы не обременить вашей памяти множеством вопросов, остановимся здесь. Для возбуждения вашего внимания достаточно и того, если вы узнаете только, какие представляются здесь вопросы. Если же вы желаете узнать и решение, то и это будет зависеть, прежде нашего наставления, от вас самих. Если я увижу у вас внимание и охоту научиться, то буду стараться предложить и решение, а если замечу леность и

невнимательность, то не покажу ни самых вопросов, ни решения их, следуя божественной заповеди, гласящей: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими» (Мф. 7:6). Кто же этот попирающий? Тот, кто не почитает Писания драгоценным и важным. Но кто же, скажешь, столь несчастен, чтобы не считать его важным и всего драгоценнее? Тот, кто не уделяет ему и столько времени, сколько тратит для распутных женщин на сатанинских зрелищах. Многие проводят там целые дни, совсем запускают ради бесполезного такого времяпровождения домашние дела, и что услышат там, стараются с точностью запомнить и сохранить на пагубу души своей, а здесь, где говорит сам Бог, не хотят побыть и малого времени. Вот почему у нас нет ничего общего и с небом, и наша (небесная) жизнь только на словах. Однако ж за это Бог угрожает нам и геенною, – не с тем, чтобы ввергнуть нас в нее, а чтобы дать нам возможность избежать этого тяжкого наказания. А мы делаем напротив, и каждый день стремимся на путь, ведущий к геенне: Бог повелевает не только слушать, но и исполнять то, что нам говорится, а мы не хотим и выслушать. Когда же, скажи мне, начнем мы исполнять то, что нам повелевается, когда примемся за дела, если мы не хотим даже и слушать о них, если негодуем и досадуем даже на самое краткое пребывание в храме? Когда мы, разговаривая о предметах ничего не стоящих, замечаем в собеседниках невнимание, то считаем это себе за обиду. А о том не думаем, что оскорбляем Бога, когда Он говорит нам о столь важных предметах, а мы пренебрегаем Его словами и смотрим в сторону? Какой-нибудь старец, исходивший много земель, со всею точностью сообщает нам и о расстояниях и о положении городов, об их видах,

пристанях, площадях (и мы с удовольствием слушаем его), а сами, между тем, не знаем и того, сколь далеко отстоим от небесного града. В противном случае, если бы мы знали это расстояние, мы постарались бы сократить путь. Если, ведь, мы нерадим, то расстояние этого града от нас не только такое, какое находится между небом и землей, а даже гораздо больше; напротив, если прилагаем старание, то можем дойти до врат его в одно мгновение, потому что это расстояние определяется не протяжением пространства, а состоянием нашей нравственности.

[11] 8. Ты отлично знаешь дела здешней жизни, – и новые и старые и древние, можешь перечислить начальников, у которых ты служил раньше в войсках, и распорядителей игр, и победителей на них, и вождей, от чего тебе нет никакой пользы. А кто начальник в небесном граде, кто первый, кто второй, кто третий, сколько времени каждый служил и что сделал славного, об этом тебе никогда и во сне не грезилось. О законах, которыми управляется этот город, ты не хочешь внимательно послушать, когда говорят о них и другие. Как же, скажи мне, ты надеешься получить обещанные блага, если не хочешь и внимать, когда говорят о них? Но если мы не заботились об этом раньше, то постараемся по крайней мере сделать это теперь. Вот мы намереваемся вступить, если благоволит Бог, в златой град, и даже драгоценнейший всякого злата. Рассмотрим же его основания и врата, сделанные из сапфира и маргаритов. Лучший руководитель наш – Матфей. Его дверью входим мы ныне; только нужно большое старание с нашей стороны, потому что, в ком он не видит усердия, того он изгоняет из града. Это – град царственный и славный; в нем нет разделения торжища от царских дворцов, как в наших городах; в нем – все царский чертог. Итак, отверзем двери ума, отверзем слух

наш, и с великим трепетом приступая к преддверию этого чертога, поклонимся живущему в нем Царю, потому что и первый шаг может поразить зрителя страхом. Врата теперь еще заключены для нас; когда же увидим их отверстыми (т. е. когда решатся недоуменные вопросы), тогда узрим внутри его великий свет. Просвещаемый духом, этот мытарь обещает показать тебе все: и где восседает Царь, и какие предстоят Ему воины, где ангелы и где архангелы; какое место назначено в этом граде для новых граждан, какой туда ведет путь; какой жребий получили вступившие в него первыми, какой – вторые, какой – вошедшие впоследствии; сколько чинов среди тамошних граждан, сколько советов и как различны достоинства. Итак, войдем в этот град не с шумом и смятением, а с благоговейным молчанием. Если царские грамоты прочитываются в театре, когда наступает полная тишина, то тем более в этом граде должны все утихнуть и стоять с напряженною душою и слухом, потому что здесь будут читаться повеления не земного царя, а Владыки ангелов. Если мы так себя расположим, то сама благодать Духа вернейшим образом укажет нам путь, и мы придем к самому Царскому престолу и получим все блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 2

[1] Мф. 1:1. Книга родства Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля

[2] Повторение увещания, данного в конце предыдущей беседы. – Описание небесного града. – Неизъяснимость рождения Сына Божия, как небесного, так и земного. – Величие воплощения. – Сын Божий воплотился, чтобы человека сделать сыном Божиим. – Христос соединил ветхий завет с новым. – Значение имени «Иисус»; его ветхозаветный прообраз. – Почему Матфей назвал свое евангелие «книгою родства И. Христа». – Почему он ставит Давида раньше Авраама. – Доказательства происхождения Иосифа и Девы от Давида. – Почему дается родословие Иосифа, а не Марии. – Увещание заниматься духовным учением. – Чтение Свящ. Писания необходимо особенно для живущих в миру, как врачевство против пустословия и сквернословия. – Действие слова Божия на человека. – И одно только слушание Писания полезно.

[3] 1. Помните ли вы наставление, которое недавно мы сделали вам, прося слушать все, что будет говориться, с глубоким молчанием и с благоговейною тишиною?

Сегодня мы должны вступить в священные преддверия; потому я и напоминаю об этом наставлении. Если иудеям, когда надлежало приступить им к горящей горе, к «огню, тьме, мраку и буре», а лучше сказать, даже и не приступить, а видеть и слышать все издали, еще за три дня велено было воздерживаться от общения с женами и вымыть одежды, если и сами они, а равно и Моисей, находились в страхе и трепете, – то тем более должны показать высшее любомудрие мы, когда нам надлежит услышать такие великие слова и не издали предстать дымящейся горе, а взойти на самое небо; не одежды измыть должны мы, а очистить одеяние души и освободиться от всякой житейской примеси. Не мрак увидите вы, не дым, не бурю, а самого Царя, сидящего на престоле неизреченной Своей славы, предстоящих Ему ангелов и архангелов, и сонмы святых с бесчисленными тьмами воинств небесных. Таков град Божий, вмещающий в себе церковь первородных, духи праведных, торжествующее собрание ангелов, кровь кропления, чрез которую все соединено, небо восприняло земное, земля – небесное, настал мир давно вожделенный для ангелов и святых. В этом граде водружено блистательное и славное знамя креста: там добыча Христа, начатки нашего естества, стяжания Царя нашего. Обо всем этом мы с точностью узнаем из Евангелий. И если ты будешь следовать за нами с подобающим спокойствием, мы сможем провести тебя повсюду и показать, где лежит пригвожденная (ко кресту) смерть, где повешен грех, где многочисленные и дивные памятники этой войны, этой битвы. Увидишь там и связанного мучителя, сопровождаемого толпою пленников, и ту твердыню, откуда этот гнусный демон в прежнее время производил всюду свои набеги; увидишь убежища и пещеры

разбойника, уже разоренные и открытые, потому что и туда приходил Царь. Не утомляйся, возлюбленный! Ты не можешь вдоволь наслушаться, если тебе кто-нибудь рассказывает об обычной войне, о трофеях и победах, и ни пище, ни питью не предпочтешь такого рассказа. Если тебе так приятен такой рассказ, то гораздо более – мой. Представь, в самом деле, каково слышать, как Бог, восстав с небес и царских престолов, нисходил на землю и в самый ад, как Он ополчался на брань, как дьявол боролся с Богом, – не с неприкровенным, впрочем, Богом, а с Богом, скрывавшимся под покровом человеческой плоти. И, что удивительно, ты увидишь, как смерть разрушена смертью, как клятва упразднена клятвою, как мучительство дьявола ниспровержено тем самым, через что он приобрел силу. Итак, воспрянем, и не будем предаваться дремоте! Я вижу уже, как пред нами отверзаются врата. Войдем же с полным благочинием и трепетом. Сейчас мы вступаем в самые преддверия. Что же это за преддверие?

[4] Мф. 1:1. Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова

[5] Что говоришь ты? Обещался сказать о единородном Сыне Божием, а упоминаешь о Давиде, о человеке, который существовал спустя тысячи родов, и его называешь отцом и прародителем? Погоди, не все сразу старайся узнать, а узнавай постепенно и мало-помалу. Ты ведь стоишь еще в преддверии, у самого порога: зачем же спешить во святилище? Ты еще не осмотрел хорошенько всего снаружи. И я пока еще не говорю тебе о первом – небесном рождении, а лучше сказать, не говорю даже и о втором – земном, потому что и оно неизъяснимо и неизреченно. Об этом раньше меня еще сказал тебе и

пророк Исаия, когда именно, возвещая страдания Господа и великое Его попечение о вселенной, поражаемый зрением того, кто Он был и чем стал, и куда нисшел, он громко и ясно воскликнул: «Род Его кто изъяснит» (Ис. 53:8)?

[6] 2. Итак, у нас теперь речь не о том, небесном рождении, а об этом дольнем, земном рождении, имевшем тысячи свидетелей. Да и о нем мы будем говорить настолько, насколько то нам возможно по мере полученной благодати Духа. Со всею ясностью нельзя представить и этого рождения, так как и оно полно таинственности. Итак, слыша об этом рождении, не подумай, что слышишь о чем-то маловажном; но воспрянь умом своим и ужаснись, как скоро слышишь, что Бог пришел на землю. Оно было так дивно и чудно, что и ангелы, составив хвалебный лик, воздали за него славу за целый мир, и пророки задолго прежде изумлялись тому, что Бог «явился на земле и обращался между людьми» (Вар. 3:38). И подлинно, крайне дивно слышать, что неизреченный, неизъяснимый и непостижимый Бог, равный Отцу, пришел чрез девическую утробу, благоволил родиться от жены и иметь предками Давида и Авраама. И что говорю – Давида и Авраама? Что еще изумительнее, – тех жен, о которых я упомянул раньше. Слыша это, воспрянь, и не заподозри ничего унизительного; напротив, тому-то особенно и подивись, что Сын безначального Отца, Сын истинный, благоволил назваться сыном Давидовым, чтобы тебя сделать сыном Божиим, благоволил иметь раба Своим отцом, чтобы тебе, рабу, сделать отцом Владыку. Видишь, какое благовестие в самом же начале? Если же сомневаешься в своем богосыновстве, то уверься в нем, слыша, что было с Ним. По человеческому рассуждению гораздо ведь труднее

Богу стать человеком, нежели человеку сделаться сыном Божиим. Итак, когда слышишь, что Сын Божий есть сын Давидов и Авраамов, то не сомневайся уже, что и ты, сын Адамов, будешь сыном Божиим. Не уничижил бы Он Себя напрасно и без цели до такой степени, если бы не хотел возвысить нас. Он родился по плоти, чтобы ты родился по духу; родился от жены, чтобы ты перестал быть сыном жены. Вот почему Его рождение и было двоякое, – с одной стороны подобное нашему, с другой – превышающее наше. Тем, что родился от жены, Он уподобился нам; тем же, что родился не от крови, не от хотения мужа или плоти, но от Духа Святого, Он предвозвещает превышающее нас будущее рождение, которое Он имел даровать нам от Духа. Таково же было и все прочее. Таково было, например, крещение. И в нем было и нечто ветхое, было и нечто новое: крещение от пророка показывало ветхое, а снисхождение Духа знаменовало новое. Подобно тому как кто-нибудь, став между двоими, стоящими порознь, протянет обоим свои руки и соединит их, так точно сделал и Сын Божий, соединив Ветхий Завет с Новым, божеское естество с человеческим, Свое с нашим. Видишь блистание града Божия? Видишь, каким блеском осиял тебя при самом входе? Видишь, как тотчас же показал тебе Царя в твоем образе, как бы посреди стана? И здесь, на земле, царь не всегда является в своем величии, а часто, сложив порфиру и диадему, облекается в одежду простого воина. Но царь земной делает это для того, чтобы, став известным, не привлечь к себе неприятеля; Царь небесный, наоборот, для того, чтобы, став известным, не заставить врага бежать от ратоборства с Ним и не привести в смятение Своих, так как Он желал спасти, а не устрашить. Вот почему евангелист тотчас же назвал Его и соответствующим именем «Иисус». Это имя

«Иисус» не греческое; Иисусом Он называется по-еврейски, что на греческом языке означает Спаситель (Σωτηρ); Спасителем же Он называется потому, что спас народ Свой.

[7] 3. Видишь ли, как евангелист воскрылил слушателя, как он, говоря обычными словами, открыл в них всем нам то, что выше всякого чаяния? Оба данных имени были хорошо известны у иудеев. Так как события, коим надлежало совершиться, были дивны, то и самим именам предшествовали образы, чтобы таким способом заранее был устранен всякий повод к ропоту на нововведение. Так преемник Моисея, введший народ в землю обетованную, называется Иисусом. Видишь образ? Рассмотри и истину. Тот ввел в землю обетованную, этот – на небо и ко благам небесным; тот по смерти Моисея, этот по прекращении закона; тот – как вождь, этот – как Царь. Но чтобы ты, слыша «Иисус», не приведен был сходством имен в заблуждение, евангелист присовокупил: «Иисуса Христа, Сына Давидова». Тот Иисус не был сыном Давидовым, а происходил из другого колена. Но почему Матфей называет свое Евангелие «родословием Иисуса Христа», тогда как оно содержит не только одно родословие, но и все домостроительство? Потому, что рождение Христа составляет главное во всем домостроительстве, является началом и корнем всех дарованных нам благ. Подобно тому, как Моисей называет свой первый труд книгою бытия неба и земли, хотя повествует в ней не только о небе и земле, но и о том, что находится между ними, так и евангелист назвал свою книгу по главному из дел, совершенных (для нашего спасения). Всего изумительнее, выше всякой надежды и чаяния, действительно, есть то, что Бог стал человеком; а когда это совершилось, то все последующее и понятно, и естественно.

[8] Но почему евангелист не сказал сначала: «Сына Авраамова», и затем уже: «Сына Давидова»? Не потому, как думают некоторые, что хотел представить родословие по восходящей линии, – потому что тогда он сделал бы так же, как и Лука, а он делает наоборот. Итак, почему же он упомянул сначала о Давиде? Потому, что это был человек у всех на устах, как в силу знаменитости его деяний, так и по времени, потому что умер много позже Авраама. Хотя обетования Бог дал им обоим, но об обетовании, данном Аврааму, как древнем, мало говорили, а обетование, данное Давиду, как недавнее и новое, повторялось всеми. Иудеи сами говорят: не «сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова и из Вифлеема, из того места, откуда был Давид» (Ин. 7:42)? И никто не называл Его сыном Авраамовым, а все звали сыном Давидовым, потому что и по времени жизни, как я уже сказал, и по знатности царствования Давид у всех был больше в памяти. Вот почему и всех царей, живших после Давида, которых особенно уважали, называли его же именем не только иудеи, но и сам Бог. Так Иезекииль и другие пророки говорят, что к ним придет и воскреснет Давид; разумеют же не умершего Давида, а подражающих его добродетели. Так Езекии говорит Бог: «Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего» (4Цар. 19:34); и Соломону говорил, что ради Давида не разделил царство при жизни его (3Цар. 11:34). Слава этого мужа велика была и пред Богом и пред людьми. Вот почему евангелист непосредственно и начинает родословие с знатнейшего, а потом уже обращается к прародителю древнейшему – Аврааму, возводить же родословие далее находит для иудеев излишним. Эти два мужа возбуждали особенное удивление; один как пророк и царь, другой как патриарх и

пророк. Но откуда видно, спросишь ты, что Христос происходит от Давида? Если Он родился не от мужа, а от одной только жены, а родословия Девы у евангелиста нет, то почему мы можем знать, что Христос был потомком Давида? Здесь два вопроса: почему не дается родословия Матери, и почему именно упоминается об Иосифе, который нисколько не был причастен к рождению? По-видимому, последнее излишне, а первое требовалось бы. Что же нужно решить сначала? Вопрос о происхождении Девы от Давида. Итак, откуда мы можем знать, что она происходит от Давида? Слушай: Бог повелевает Гавриилу идти «к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома и отечества Давидова» (Лк. 1:27). Чего же яснее этого хочешь ты, когда слышишь, что Дева была из дома и отечества Давидова?

[9] 4. Отсюда ясно, что и Иосиф происходил из того же рода, потому что был закон, повелевавший брать жену не иначе, как из своего колена. А патриарх Иаков предсказал, что Христос восстанет от колена Иудова, говоря так: «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель, и Ему покорность народов» (Быт. 49:10). Пророчество это, скажешь ты, действительно показывает, что Христос был от колена Иудова; но что Он происходил и из рода Давидова, этого еще не показывает. Разве в колене Иудовом не было ни одного рода кроме Давидова? Нет, было много и других родов, и можно было принадлежать к колену Иудову, но не происходить еще из рода Давидова. Чтобы ты не сказал этого, евангелист разрешает твое сомнение, говоря, что Христос был из дома и отечества Давидова. Если хочешь убедиться в этом иным образом, то мы не затруднимся представить и другое доказательство. У иудеев не позволялось брать жену не только из другого

колена, но и из другого рода или племени. Поэтому, приложим ли мы слова: «из дома и отечества Давидова» к Деве, сказанное остается несомненным; приложим ли к Иосифу, сказанное о нем будет относиться и к Деве. Если Иосиф был из дома и отечества Давидова, то взял жену не из иного рода, а из того же, из которого происходил и сам. Но что, скажешь ты, если он нарушил закон? Евангелист предупредил и это возражение, засвидетельствовав, что Иосиф был праведен, так что, зная его добродетель, ты можешь быть уверен и в том, что он не нарушил бы закона. Будучи столь кротким и чуждым страсти, что даже побуждаемый подозрением не захотел подвергать наказанию Деву, ужели бы он нарушил закон ради плотского удовольствия? Мудрствуя выше закона (так как отпустить, и отпустить тайно, свойственно было человеку, который мудрствовал выше закона), ужели бы он сделал что-нибудь вопреки закону, и притом без всякой побудительной причины? Итак, из сказанного ясно, что Дева происходила из рода Давидова. Теперь следует сказать, почему евангелист дал не Ее родословие, а Иосифа. Итак, почему же? У иудеев не было обычая вести родословие по женской линии; поэтому, чтобы соблюсти и обычай, и не оказаться при самом же начале его нарушителем, а с другой стороны – показать нам и происхождение Девы, евангелист, умолчав о Ее предках, и представил родословие Иосифа. Если бы он представил родословие Девы, это почли бы новшеством; если бы умолчал об Иосифе, мы не знали бы предков Девы. Итак, чтобы мы знали, кто была Мария, откуда происходила, и вместе не был нарушен обычай, евангелист представил родословие Ее обручника и показал, что он происходит из дома Давидова. А раз это доказано, тем самым доказано и то, что и Дева была из того же рода, потому что этот

праведник, как я сказал выше, не допустил бы себе взять жену из чужого рода. Можно, впрочем, указать и другую причину, более таинственную, по которой умолчано о предках Девы; но теперь не время открывать ее, потому что и так уже много сказано. Итак, окончив здесь разбор вопросов, постараемся пока с точностью запомнить то, что объяснилось для нас, а именно: почему сперва упомянуто о Давиде, почему евангелист назвал свою книгу книгою родства, почему прибавил: «Иисуса Христа», в чем рождение Христа было сходно с нашим, и в чем не сходно, чем доказывается происхождение Марии от Давида, почему представлено родословие Иосифа и умолчано о предках Девы. Если вы сохраните все это, то возбудите и в нас большее усердие к дальнейшим изъяснениям; а если отнесетесь небрежно и забудете, то и у нас будет меньше охоты изъяснять прочее. Ведь и земледелец не захочет заботиться о семенах, если земля погубит у него посеянное прежде. Итак, прошу вас заняться сказанным. От таких занятий происходит великое и спасительное благо для души. Имея заботу о таких занятиях, мы можем угодить Богу, и уста наши, когда мы упражняем их беседами духовными, будут чисты от укоризн, срамословия и ругательств. Мы будем страшны и для демонов, когда вооружим язык свой такими беседами; в большей мере привлечем на себя и благодать Божию; проницательнее сделается и взор наш. Бог дал нам и очи, и уста, и слух, для того, чтобы все члены служили Ему, чтобы мы угодное Ему говорили, чтобы угодное Ему делали, чтобы воспевали Ему непрестанные песни хвалы, чтобы воссылали благодарения и таким образом очищали свою совесть. Как тело, наслаждаясь чистым воздухом, становится здоровее, так и душа, питаясь такими занятиями, делается мудрее.

[10] 5. Не замечал ли ты, что и из телесных очей, если они постоянно бывают в дыму, всегда текут слезы, а на свежем воздухе, на лугу, при источниках и в садах они становятся и здоровее и острее. То же бывает и с оком душевным. Если оно питается на лугу духовных учений, то бывает чистым, ясным и проницательным, а если погружается в дым житейских попечений, то непрестанно будет точить и проливать слезы и в этой, и в будущей жизни. Подлинно, дыму подобны дела человеческие. Потому-то некто и сказал: «Исчезли, как дым, дни мои» (Пс. 101:4). Но пророк хотел этими словами выразить только мысль о краткости и непостоянстве жизни человеческой, а я сказал бы, что их должно разуметь не в этом только смысле, но и как указание на мятежность жизни. Действительно, ничто так не угнетает и не возмущает душевного ока, как толпа житейских забот и рой пожеланий; это – дрова упомянутого дыма. Подобно тому, как обыкновенный огонь, охватывая вещество влажное и промокшее, разводит густой дым, так точно и сильная пламенная страсть, завладевая вялой и слабой душою, производит большой дым. Вот почему и необходима роса Духа и легкое Его веяние, чтобы угасить этот огонь, развеять этот дым, и окрылить наш разум. Невозможно, невозможно никак, обремененному таким злом воспарить к небу. Нет; нам надобно быть хорошо препоясанными, чтобы совершить этот путь, а вернее сказать – и при этом невозможно, если не возьмем крыльев Духа. Итак, если нам нужен и легкий ум и благодать Духа, чтобы взойти на эту высоту, а у нас ничего этого нет, если, напротив, мы влачим с собою только противное и сатанинскую тяжесть, то как мы можем воспарить, когда такая тяжесть влечет нас долу? Если бы кому-нибудь вздумалось на верных весах взвесить

наши слова, то в тысяче талантов житейских разговоров он едва ли найдет и сто динариев духовных слов, а вернее сказать – не найдет и десяти оволов. Не стыдно ли, не смешно ли до последней степени, что мы, имея слугу, употребляем его обычно на дела нужные, а владея языком, с собственным нашим членом не обходимся даже так, как с слугою, а употребляем его, напротив, на дела бесполезные и напрасные? Да если бы только на напрасные! А мы делаем из него противное и вредное употребление, от которого нам нет никакой пользы. Если бы для нас было полезно то, что мы говорим, то наши речи были бы, конечно, угодны и Богу.

11 А между тем, мы только и говорим, что внушит дьявол: то насмехаемся, то острословим; то проклинаем и обижаем, то клянемся, лжем и преступаем клятвы; то с досады не хотим вымолвить и слова, то пустословим и болтаем хуже старух, говоря о том, что до нас вовсе не касается. Кто из вас, здесь присутствующих, скажите мне, если спросить, может прочитать хотя один псалом или какое-нибудь другое место из Священного Писания? Ни один! И не это только удивительно, а и то, что вы, будучи так ленивы на дела духовные, на дела сатанинские оказываетесь быстрее огня. Если кто вздумает спросить вас о песнях дьявольских, о напевах распутных и сладострастных, то найдет, что многие знают их прекрасно и пропоют с полным удовольствием. И чем оправдываются, если станешь в том обвинять? Я, говорят, не монах, а имею жену и детей, хлопочу о доме. От этого-то именно и происходит весь вред, что вы думаете, будто чтение божественного Писания подобает одним только монахам, тогда как сами вы нуждаетесь в нем гораздо более их. Кто живет в мире и каждый день получает новые раны, для того особенно и нужно

врачевство. Поэтому считать излишним чтение Писания гораздо хуже, чем не читать его. Такая мысль – сатанинское внушение.

[12] 6. Не слышите ли, как говорит Павел, что все это написано «в наставление нам» (1Кор. 10:11)? А ты, который не осмеливаешься взяться за Евангелие неумытыми руками, ужели не думаешь, что заключающееся в нем чрезвычайно важно? Вот почему все и идет навыворот. Если тебе хочется узнать, как велика польза от Писания, понаблюдай за собой, что с тобою бывает, когда ты слушаешь псалмы, и что – когда слушаешь сатанинскую песню; в каком расположении ты проводишь время в церкви, и в каком сидишь в театре. Тогда ты увидишь разницу между тем и другим состоянием души, хотя душа одна и та же. Вот почему Павел и сказал: «худые беседы развращают добрые нравы» (1Кор. 15:33). Вот почему нам и нужны постоянно духовные песнопения. В этом-то и состоит наше превосходство над бессловесными животными, хотя в других отношениях мы им значительно и уступаем. Это – пища души, это – ее украшение, это – ее ограждение; наоборот, не слушать Писания – для души голод и пагуба. Дам им, говорит Господь, «не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних» (Ам. 8:11). Может ли быть что бедственнее, когда ты сам на собственную свою голову навлекаешь то зло, которым Бог угрожает как наказанием, томишь душу ужасным голодом и делаешь ее слабейшею всего на свете? Обыкновенно слово и портит душу, и исцеляет ее; слово и возбуждает в ней гнев, и оно же опять укрощает ее; срамное слово разжигает похоть, слово пристойное располагает к целомудрию. Если же слово вообще имеет такую силу, то как же ты, скажи мне, пренебрегаешь Писание? Если

простое увещание так сильно действует, то гораздо более увещания, сопровождаемые действием Духа. Слово, произнесенное от Божественного Писания, сильнее огня умягчает ожесточенную душу и делает ее способною на все прекрасное. Таким средством и Павел, когда узнал о коринфянах, что они стали гордыми и надменными, смирил их и сделал их более скромными. Они превозносились тем, что должны были считать стыдом и позором. Но слушай, какая в них произошла перемена, когда они получили послание. О ней засвидетельствовал сам учитель, когда говорил им: «Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие, какие извинения, какое негодование [на виновного], какой страх, какое желание, какую ревность, какое взыскание!» (2Кор. 7:11). Этим средством мы можем управлять и слугами, и детьми, и женами, и друзьями; можем и врагов делать друзьями. Этим путем и великие мужи, други Божии, достигали совершенства. Так Давид по совершении греха, как скоро внял слову, тотчас явил в себе прекраснейший образец покаяния (2Цар. 12:13) и апостолы при помощи слова стали тем, чем были впоследствии, и посредством слова обратили всю вселенную. Но что, скажешь, за польза, когда иной слушает, а не исполняет того, о чем говорят ему? Немалая польза будет и от одного слушания. По крайней мере, человек узнает себя, поскорбит, а когда-нибудь дойдет и до того, что будет исполнять слышанное. А кто не знает даже, что грешит, перестанет ли когда грешить? Может ли прийти в познание самого себя? Итак, не будем пренебрегать слушанием Священного Писания. Это – умысел дьявола – не дозволить нам видеть сокровища, чтобы мы не обогатились. Он боится, чтобы слушание у нас не перешло в дело; потому и внушает нам, что одно

слушание не имеет никакого значения. Итак, зная этот лукавый его умысел, оградимся со всех сторон, чтобы, защитившись оружием слова Божия, не только самим не попасться в плен, но и ему сокрушить голову, и, увенчавшись таким образом победными знаками, достигнуть будущих благ по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 3

[1] Мф. 1:1. Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова

[2] Другая причина, почему дается родословие Иосифа, а не Марии. – Почему евангелист не упоминает об Исаве. – Упоминание о порочных предках служит к большему прославлению Воплотившегося, научает нас не стыдиться злонравия предков, если мы добродетельны, низлагает гордость иудеев, величавшихся происхождением от Авраама, и показывает необходимость пришествия Христова. – Фарес и Зара служат образом народа еврейского и церкви Христовой. – Образом последней служат также Раав и Руфь. – Не должно хвалиться не только предками, но и собственными заслугами. – Добродетель каждого человека ничтожна сравнительно с его грехами. – Забвение добрых дел есть самое безопасное их хранилище. – Исповедание грехов – лучший способ умилостивления и благодарения Бога. – Смирение есть начало всякого любомудрия и мать всех благ. – Образцом смиренномудрия может служить Давид.

[3] 1. Вот уже третья беседа, а мы еще не кончили предисловия. Итак, не напрасно говорил я, что размышления эти, по свойству своему, весьма глубоки. Постараемся же сегодня досказать о том, что остается. О чем же теперь у нас вопрос? О том, для чего евангелист представляет родословие Иосифа, который нимало не был

причастен к рождению Христа. Одну причину мы уже указали; надобно открыть и другую, которая таинственнее и сокровеннее первой. Какая же это причина? Евангелист не хотел, чтобы при самом рождении известно было иудеям, что Христос родился от Девы. Но не смущайтесь, если сказанное мною для вас страшно; я говорю здесь не свои слова, но слова отцов наших, чудных и знаменитых мужей. Если Господь и многое первоначально скрывал во мраке, называя Себя Сыном Человеческим; если Он и не везде ясно открывал нам Свое равенство со Отцом, – то чему дивиться, если Он скрывал до времени и о Своем рождении от Девы, устрояя нечто чудное и великое? Что же здесь чудного, скажешь ты? То, что Дева сохранена и избавлена от худого подозрения. Иначе, если бы об этом с самого начала сделалось известным иудеям, они, перетолковав слова в худую сторону, побили бы Деву камнями и осудили как блудницу. Если уже и в таких случаях, коих примеры часто встречались им еще в Ветхом Завете, они обнаруживали свое бесстыдство (например, называли Христа беснующимся, когда Он изгонял бесов, почитали Его противником Богу, когда исцелял больных в субботу, несмотря на то, что суббота и прежде уже многократно была нарушаема), – то чего бы не сказали они, услышав об этом? Им благоприятствовало и то, что в прежнее время никогда не случалось ничего подобного. Если и после многочисленных Его чудес они называли Иисуса сыном Иосифовым, то как бы поверили, еще прежде чудес, что Он родился от Девы? Вот почему и пишется родословие Иосифа, и обручается ему Дева. Когда даже Иосиф, муж праведный и дивный, чтобы поверить такому событию, имел нужду во многих доказательствах, – в явлении ангела, сонном видении, свидетельстве пророков, – то как же бы приняли такую

мысль иудеи, народ грубый и развращенный, и так враждебно расположенный ко Христу? Без сомнения, их крайне возмутило бы такое необыкновенное и новое событие, когда они и слухом не слыхали, чтобы нечто подобное случилось у предков. Кто однажды уверовал, что Иисус есть Сын Божий, тот не стал бы уже и в этом сомневаться. Но кто почитает Его льстецом и противником Богу, как не соблазнился бы этим еще более и не возымел бы указанного подозрения? Вот почему и апостолы не с самого начала говорят о рождении от Девы. Напротив, они часто и много говорят о воскресении Христовом, потому что примеры воскресения были уже и в прежние времена, хотя и не такие; а о рождении Его от Девы говорят редко. Даже сама Матерь Его не смела объявлять о том. Посмотри, что говорит Дева самому Христу: «Вот, отец Твой и Я… искали Тебя» (Лк. 2:48)! Почитая Его рожденным от Девы, не стали бы уже признавать сыном Давидовым; а отсюда произошло бы много и других зол. Потому и ангелы возвестили об этом одной только Марии и Иосифу; когда же благовествовали о рождении пастырям, не присовокупили уже об этом. Но для чего евангелист, упомянув о Аврааме и сказав, что он родил Исаака, а Исаак Иакова, не упоминает о брате последнего, между тем как после Иакова упоминает и о Иуде, и о братьях его?

[4] 2. Причиною этого некоторые поставляют злонравие Исава, то же говоря и о других некоторых предках. Но я этого не скажу: если бы это было так, то почему же немного после евангелист упоминает о порочных женах? Очевидно, здесь слава Иисуса Христа обнаруживается чрез противоположность, не чрез величие, а чрез ничтожество и низость Его предков. Для высокого в том-то и слава великая, если он может уничижить себя до

крайней степени. Итак, почему же евангелист не упомянул об Исаве и других? Потому что сарацины и измаильтяне, арабы и все, которые произошли от тех предков, не имели ничего общего с народом израильским. Потому и умолчал он об них, а обращается прямо к предкам Иисуса и народа иудейского, говоря: «Иаков родил Иуду и братьев его». Здесь уже означается род Иудейский. «Иуда родил Фареса и Зару от Фамари».

5 Что делаешь ты, богодухновенный муж, напоминая нам историю беззаконного кровосмешения? Что же в том? отвечает он. Если бы мы стали перечислять род какого-либо обыкновенного человека, то прилично бы было умолчать о таком деле. Но в родословии воплотившегося Бога не только не должно умолчать, но еще велегласно надлежит возвестить об этом, для того, чтобы показать Его промышление и могущество. Он и пришел не для того, чтобы избегать позора нашего, но чтобы уничтожить его. Как особенно удивляемся не тому, что Христос умер, но тому, что и распят (хотя это и поносно, – но чем поноснее, тем большее показывает в Нем человеколюбие), так можно сказать и о рождении: Христу должно удивляться не только потому, что воспринял на Себя плоть и соделался человеком, но и потому еще, что порочных людей удостоил быть Своими сродниками, не стыдясь нимало наших пороков. Так, с самого начала рождения Он показал, что не гнушается ничем нашим, научая тем и нас не стыдиться злонравия предков, но искать только одного – добродетели. Человек добродетельный, хотя бы происходил от иноплеменника, хотя бы родился от блудницы или другой какой грешницы, не может получить от этого никакого вреда. Если и самого блудника, если он переменится, прежняя жизнь нисколько не позорит, то тем более человека

добродетельного, если он произошел от блудницы или прелюбодеицы, нимало не может позорить порочность его родителей. Впрочем, Христос поступал так не только для нашего научения, но и для укрощения гордости иудеев. Так как они, нерадя о душевной добродетели, при всяком случае превозносились только Авраамом, и думали оправдаться добродетелью предков, то Господь с самого начала и показывает, что надлежит хвалиться не родом, но собственными своими заслугами. Притом Он хочет еще показать и то, что все, и самые праотцы, виновны во грехах. Так патриарх, от которого и самое имя получил народ иудейский, оказывается немалым грешником: Фамарь обличает его в блудодеянии. И Давид от жены прелюбодейной родил Соломона. Если же такие великие мужи не исполнили закона, то тем более те, которые ниже их. А если не исполнили, то все согрешили, и пришествие Христа было необходимо. Для того евангелист упомянул и о двенадцати патриархах, чтобы унизить тем иудеев, превозносившихся знаменитыми предками. Ведь многие из патриархов рождены были от рабынь, и однако же различие родивших не произвело различия между рожденными. Все они равно были и патриархами и родоначальниками колен. В этом-то и состоит преимущество Церкви; в этом отличие нашего благородства, прообразованное еще в Ветхом Завете. Хотя бы ты был раб, хотя бы свободный, тебе нет от этого ни пользы, ни вреда; одно только потребно – воля и душевное расположение.

[6] 3. Кроме сказанных, есть еще причина, по которой евангелист упомянул об истории кровосмешения Иудина. Не без цели к Фаресу присоединен Зара. По-видимому, напрасно и излишне было бы после Фареса, от которого надлежало вести родословие Христа, упоминать еще о

Заре. Для чего же упомянутое? Когда Фамари пришло время родить их и начались болезни, Зара первый показал руку. Повивальная бабка, увидев это, чтобы заметить первенца, перевязала ему руку красною нитью. Когда же рука была перевязана, младенец сокрыл ее, и тогда родился Фарес, а потом Зара. Видя это, повивальная бабка сказала: «Как ты расторг себе преграду» (Быт. 38:29)? Примечаешь ли таинственное прообразование? Не без причины об этом для нас написано, – так как не стоило бы повествовать о том, что сказала когда-то повивальная бабка и рассказывать, что родившийся вторым первый выставил руку. Итак, что значит это прообразование? Во-первых, разрешает этот вопрос имя младенца: Фарес означает разделение и рассечение. Во-вторых, самое событие: не по естественному порядку происходило то, что показавшаяся рука, будучи перевязана, опять сокрылась. Тут не было ни разумного движения, ни естественного порядка. Родиться другому тогда, когда один показал руку, может быть, естественно; но сокрыть ее, чтобы дать путь другому, – это уже несогласно с законом рождаемых. Нет, здесь присутствовала благодать Божия, устроившая рождение младенцев, и предначертывавшая чрез них для нас некоторый образ будущих событий. Что же именно? Те, кто тщательно вникал в это происшествие, говорят, что эти младенцы прообразовали два народа. Потом, чтобы ты знал, что бытие второго народа предваряет происхождение первого, младенец не показывается весь, а только протягивает руку, но и ее опять скрывает, и уже после того, как брат его весь вышел на свет, и он весь является. Так и случилось с тем и другим народом. Сначала во времена Авраама явилась жизнь церковная, затем, когда она сокрылась, произошел иудейский народ с жизнью

подзаконною, а после того явился уже целый новый народ со своими законами. Потому-то повивальная бабка и говорит: «Как ты расторг себе преграду»? Прившедший закон пресек свободу жизни. И Писание обыкновенно называет закон преграждением. Так пророк Давид говорит: «Разрушил Ты ограды ее, так что обрывают ее все, проходящие по пути» (Пс. 79:13). И Исаия: «обнес его оградою» (Ис. 5:2). И Павел: «и разрушивший стоявшую посреди преграду» (Еф.2:14).

[7] 4. Другие утверждают, что слова: «Как ты расторг себе преграду»? сказаны о новом народе, поскольку он своим появлением упразднил закон. Видишь ли, что не по немногим и маловажным причинам евангелист упомянул о всей истории Иуды? Для того же упоминается о Руфи и Раав, из которых одна была иноплеменница, а другая блудница, т. е., чтобы научить тебя, что Спаситель пришел уничтожить все наши грехи, пришел как врач, а не как судия. Подобно тому, как те взяли в замужество блудниц, так и Бог сочетал с Собою прелюбодейную природу. Пророки древле применяли это и к синагоге; но она оказалась неблагодарною к своему Супругу. Напротив Церковь, единожды освобожденная от отеческих пороков, осталась в объятиях Жениха. Посмотри и на то, что в приключениях Руфи сходно с нашими. Она была чужестранка и доведена до крайней бедности, – и, однако, увидевший ее Вооз, не презрел ее бедности, и не погнушался низким ее происхождением. Точно также и Христос, восприявший Церковь иноплеменную и весьма обнищавшую, сделал ее участницею великих благ. И как та никогда не вступила бы в такое супружество, если бы не оставила наперед отца, и не презрела дома, рода, отечества и сродников, так и Церковь, когда оставила отеческие нравы, тогда соделалась любезною Жениху. Об

этом и пророк, обращаясь к Церкви, говорит: «Забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей» (Пс. 44:11–12). Так поступила и Руфь, и чрез то соделалась матерью царей, равно как и Церковь, потому что от нее произошел Давид. Итак, евангелист составил родословие и поместил в нем этих жен для того, чтобы такими примерами пристыдить иудеев и научить их не превозноситься. Руфь была родоначальницею великого царя, и Давид не стыдится этого.

[8] Невозможно, совершенно невозможно чрез добродетели или пороки предков быть честным или бесчестным, знаменитым или неизвестным. Напротив, я должен сказать, – хотя бы мои слова показались и странными, – что тот-то более и знаменит, кто, будучи рожден не от добрых родителей, сделался добрым. Итак, никто пусть не гордится предками; но, размышляя о прародителях Господа, пусть отложит всякое тщеславие, и хвалится своими заслугами, а лучше и ими не хвалится. От самохвальства фарисей стал хуже мытаря. Если хочешь показать великую добродетель, не высокомудрствуй, и тогда покажешь еще большую; не думай, что, совершив что-нибудь, ты уже и все сделал. Если мы становимся праведными тогда, когда, будучи грешниками, считаем себя тем, что мы в самом деле, как случилось с мытарем, то сколько более тогда, когда, будучи праведными, считаем себя грешниками? Если смиренномудрие и грешников делает праведными, хотя бы то и не было смиренномудрие, но искреннее сознание; и если искреннее сознание имеет такую силу в грешниках, то – смотри, чего не сделает смиренномудрие в праведниках? Итак, не губи трудов своих, не делай, чтобы твой пот был пролит напрасно, и ты, пробежавши тысячи поприщ, лишился всякой награды. Господь гораздо лучше тебя

знает твои заслуги. Если ты дашь чашу холодной воды, – Он и этого не презрит. Если подашь один овол, если только воздохнешь, – Он все примет с великою благосклонностью, и вспомнит, и определит за это великие награды. Для чего же ты рассматриваешь свои добродетели, и постоянно выставляешь их нам напоказ? Или ты не знаешь, что, если хвалишь самого себя, не будешь уже похвален Богом? Равным образом, если ты унижаешь самого себя, Он непрестанно будет прославлять тебя пред всеми? Он не хочет уменьшить награду за труды твои. Что я говорю: уменьшить? Он все делает и устрояет, чтобы и за малое увенчать тебя, и ищет всяких предлогов, за что бы избавить тебя от геенны.

[9] 5. Вот почему, хотя бы ты потрудился только одиннадцатый час дня, Господь даст тебе полную награду. «Хотя не за что спасти тебя, скажет Он, Я это делаю для Себя, чтобы не осквернялось имя Мое» (Ср.: «Не для вас Я сделаю это, дом Израилев, а ради святаго имени Моего. Не ради вас Я сделаю это, говорит Господь Бог, да будет вам известно». – Иез. 36:22, 32.). Если только вздохнешь, только прослезишься, Он сам тотчас воспользуется всем этим, как случаем к твоему спасению. Итак, не будем превозноситься, будем называть себя непотребными, чтобы быть благопотребными. Если ты сам называешь себя достойным похвалы, то ты непотребен, хотя бы и в самом деле был достоин похвалы; напротив, если ты сам называешь себя непотребным, сделаешься благопотребным, хотя бы был недостоин похвалы. Вот почему должно забывать о своих добрых делах. Но ты скажешь: как можно не знать того, что нам совершенно известно? Что ты говоришь? Ты непрестанно оскорбляешь Господа, живешь в неге и веселии, и не знаешь того, что ты грешил, предавая все забвению, а не можешь позабыть

о своих добрых делах? Хотя страх гораздо сильнее, но у нас бывает напротив: каждый день оскорбляя Бога, мы не обращаем на то и внимания, а если подадим бедному хотя малую монету, то носимся с этим постоянно. Это крайнее безумие, и величайший ущерб для того, кто собирает. Забвение добрых своих дел есть самое безопасное их хранилище. И как одежда и золото, если мы раскладываем их на торгу, привлекают многих злоумышленников, а если убираем и скрываем их дома, то соблюдаются в полной безопасности, так если и добрые свои дела мы постоянно держим в памяти, то раздражаем Господа, вооружаем врага и возбуждаем его к похищению, а если никто не будет знать их кроме Того, Кому надлежит знать, то они пребудут в безопасности. Итак, не хвались постоянно своими добрыми делами, чтобы кто-нибудь не лишил тебя их, чтобы с тобою не случилось того же, что было с фарисеем, который носил их на языке своем, откуда и похитил их дьявол. Хотя он и с благодарением вспоминал о них, и все возносил к Богу, но и это не спасло его, потому что благодарящему Бога не прилично поносить других, показывать свое преимущество пред большинством и превозноситься пред грешниками. Если ты благодаришь Бога, то тем только и довольствуйся; не говори о том людям, и не осуждай ближнего, потому что это уже не есть дело благодарности. Хочешь знать, как нужно выражать благодарность? Послушай, что говорят три отрока: «Согрешили мы, и поступили беззаконно» (Дан. 3:29); «ибо праведен Ты во всем, что соделал с нами» (Дан.3:27), «и все, что Ты навел на нас… соделал по истинному суду» (Дан.3:31). Исповедывать свои согрешения и значит благодарить Бога; кто исповедует свои грехи, тот показывает этим, что он виновен в бесчисленных грехах,

и только не получил достойного наказания. Он-то наиболее и благодарит Бога. Итак, будем остерегаться хвалить себя за доброе, потому что это делает нас и пред людьми ненавистными, и пред Богом мерзкими. Потому, чем больше будем делать добра, тем меньше будем говорить о себе. Таким только образом можем приобрести величайшую славу и у Бога и у людей; вернее же сказать – у Бога не только славу, но и награду, и великое воздаяние. Итак, не требуй награды, чтобы получить награду; исповедуй, что ты спасаешься благодатью, чтобы Бог и сам признал Себя твоим должником не только за твои добрые дела, но и за твою благопризнательность. Когда мы делаем добро, то Он нам должен бывает только за наши дела; а когда вовсе и не думаем, что сделали какое-нибудь доброе дело, то Он нам остается должным и за такое наше расположение, и притом более, нежели за дела, – так что такое наше расположение равняется самым добродетелям, а без него и самые дела не важны. Так и мы оказываем благоволение нашим слугам особенно тогда, когда они, во всем услуживая нам с усердием, думают, что еще не сделали для нас ничего важного.

10 Итак, если и ты желаешь, чтобы твои добрые дела были велики, то не почитай их великими, и тогда они будут велики. Так и сотник говорил: «Я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой» (Мф. 8:8), и чрез это сделался достойным, и заслужил удивление более всех иудеев. Так и Павел говорил: «Недостоин называться Апостолом» (1Кор. 15:9), и чрез это сделался первым из всех. Так и Иоанн говорил: «У Которого я недостоин развязать ремень обуви» (Лк. 3:16), и за то был другом Жениха, и ту руку, которую считал недостойною прикоснуться к сапогам, Христос возложил на Свою главу. Так и Петр

говорил: «Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный» (Лк. 5:8), и за это стал основанием Церкви. Подлинно, ничто так не приятно Богу, как если кто считает себя в числе величайших грешников. Это есть начало всякого любомудрия: смиренный и сокрушенный никогда не будет ни тщеславиться, ни гневаться, ни завидовать ближнему, словом – не будет питать в себе ни одной страсти. Разбитую руку, сколько бы мы ни старались, никак не можем поднять вверх; если подобным образом сокрушим и душу, то хотя бы тысяча страстей, надмевая, воздымали ее, она нисколько не поднимется. Если тот, кто плачет о житейских делах, изгоняет все душевные болезни; то гораздо более оплакивающий свои грехи сделается любомудрым. Кто же, скажешь ты, может так сокрушить свое сердце? Послушай Давида, который особенно этим прославился, посмотри на сокрушение его души. Когда он, совершив уже множество подвигов, подвергся опасности лишиться отечества, дома и самой жизни, и в самую минуту несчастия увидел, что один низкий и презренный воин ругается над его бедствием и поносит его, то не только сам он не отвечал ругательствами, но запретил и военачальнику, который хотел его убить, говоря: «Оставьте его, потому что Господь повелел ему» (2Цар. 16:11). И в другой раз, когда священники просили у него позволения нести за ним кивот, то он не согласился, но что сказал? «Возврати ковчег Божий в город. Если я обрету милость пред очами Господа, то Он возвратит меня и даст мне видеть его и жилище его. А если Он скажет так: «нет Моего благоволения к тебе», то вот я; пусть творит со мною, что Ему благоугодно» (2Цар. 15:25–26). А то, что он делал в отношении к Саулу, не раз, не два, но многократно, какую показывает высоту мудрости? Такое поведение было выше

ветхого закона, и приближалось к заповедям апостольским. Потому он все принимал от Господа с любовью, не исследуя того, что с ним происходит, но стараясь единственно о том, чтобы всегда повиноваться и следовать данным от Него законам. И по совершении столь великих подвигов, видя принадлежащее себе царство в руках мучителя, отцеубийцы, братоубийцы, притеснителя, беснующегося, он не только тем не соблазнялся, но говорил: если угодно так Богу, чтобы я был гоним, скитался и бегал, а враг мой был в чести, то я принимаю это с любовью, и еще благодарю за бесчисленные бедствия. Он не так поступал, как многие бесстыдные и дерзкие, которые, не совершив и малейшей части его подвигов, едва увидят кого-нибудь в благополучном состоянии, а себя хотя в малой скорби, бесчисленными хулениями губят душу свою. Не таков был Давид, но во всем показывал кротость. Потому и Бог сказал: «Я обрел Давида», сына Иессеева, мужа по сердцу Моему (Пс. 88:21). Постараемся и мы иметь такую душу, и что бы с нами ни случилось, будем переносить с кротостью, и здесь, до получения царства, соберем плоды смиренномудрия. «Научитесь от Меня, – говорит Господь,– ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф. 11:29). Итак, чтобы нам наслаждаться покоем и здесь и там, со всем тщанием будем насаждать в душах наших матерь всех благ, т. е. смиренномудрие. С помощью этой добродетели мы сможем без волнений переплыть и море настоящей жизни, и достигнуть тихой пристани, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 4

[1] Мф. 1:17. Итак, всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов.

2 Почему родословие разделено на три части. – Почему родословие опускается у Марка, но есть у Луки – Для чего Матфей исчисляет количество родов до Христа? – Почему зачатие совершилось не прежде обручения – Непостижимость рождения. – Христос действительно родился от Девы и имеет плоть одинаковую с нами. – Добродетель и мудрость Иосифа. – Почему ангел возвещает ему о зачатии не с самого начала, как Деве. – Каким образом Ангел уверяет его в истине зачатия от Духа Св. – Величие дара отпущения грехов, принесенного Христом, побуждает верующих жить достойно этого дара. – Верующий должен отличаться от неверующего своею доброю жизнью, – равно и всем своим внешним поведением. – Безобразие души можно видеть как в зеркале, изучая жизнь святых мужей. – Человек, дающий волю своим страстям, хуже зверя. – Кто ищет внешней славы, тот бесчестит себя. – Истинную славу дает благочестие. – Пример трех отроков научает предпочитать нищету прелестям богатства. – Увещание творить милостыню.

3 1. Евангелист разделил все родословие на три части, желая тем показать, что иудеи с переменою правления не

делались лучшими; но и во время аристократии, и при царях, и во время олигархии предавались тем же порокам: под управлением судей, священников и царей не оказали никакого успеха в добродетели. Но для чего же евангелист в средней части родословия опустил трех царей, а в последней, поместив двенадцать родов, сказал, что их четырнадцать? Первое предоставляю собственному вашему исследованию, не почитая нужным решать для вас все, чтобы вы не обленились; о втором же скажем. Мне кажется, что он причисляет к родам время пленения, и самого Иисуса Христа, всюду совокупляя Его с нами. И кстати упоминает о пленении, показывая, что иудеи и в плену не сделались благоразумнее, так что из всего была видна необходимость пришествия Христова. Но скажут: Почему Марк не делает того же, и не излагает родословия Иисусова, а говорит обо всем кратко? Думаю, что Матфей прежде других писал Евангелие, – почему и излагает с точностью родословие, и останавливается на важнейших обстоятельствах, а Марк писал после него, – почему наблюдал краткость как повествующий о том, что было уже пересказано, и сделалось известным. А почему Лука излагает также родословие, и притом еще полнее? Потому, что он, имея в виду Евангелие Матфея, хочет доставить нам больше сведений, чем Матфей. Притом каждый из них подражал учителю, – один Павлу, который разливается как река, а другой Петру, который любит краткость. А почему Матфей в начале Евангелия не сказал по примеру пророков: «Видение, которое я видел» (Иез.11:24), или: «И было ко мне слово Господне» (Иез.37:15, 38:1)? Потому, что писал к людям благомыслящим, и таким, которые были к нему весьма внимательны. И бывшие чудеса подтверждали им писанное, и читатели исполнены были веры. Во времена

же пророков не было столько чудес, которые бы подтверждали их проповедь, напротив являлось множество лжепророков, которым охотнее внимал иудейский народ, – почему им и нужно было таким образом начинать свои пророчества. А если когда и бывали чудеса, то бывали для язычников, чтобы они в большем числе обращались к иудейству, и для явления силы Божией, когда враги, покорявшие себе иудеев, думали, что они победили их силою своих богов. Так случилось в Египте, откуда вышло за иудеями множество народа; таковы же после были в Вавилоне – чудо в пещи и сновидения. Впрочем, были чудеса и в пустыне, когда находились там иудеи одни, как было и у нас; и у нас явлено множество чудес, когда мы выходили из заблуждения. Но после, когда благочестие всюду насаждено, чудеса прекратились. Если же бывали чудеса у иудеев и после, то не в большом числе и изредка, как то: когда остановилось солнце, и в другой раз, когда отступило назад. Опять и у нас можно видеть то же: и в наше время с Иулианом, превзошедшим всех в нечестии, много совершилось чудесного. Когда иудеи предприняли восстановление иерусалимского храма, огонь вышел из-под основания и помешал работам; и когда Иулиан безумно посягнул поругаться над священными сосудами, хранитель сокровищ и дядя Иулианов, соименный ему, первый умер – изъеденный червями, а другой развалился пополам. И то было весьма важное чудо, что во время принесения там жертв иссякли источники, и что в царствование Иулианово города были постигнуты голодом.

[4] 2. Бог обыкновенно творит знамения, когда умножается зло. Когда видит, что Его рабы утеснены, а противники без меры упиваются мучительством над ними, тогда

показывает собственное Свое владычество. Так поступил Он с иудеями в Персии. Итак, из сказанного видно, что евангелист не без причины и не случайно разделил предков Христовых на три части. Заметь же, кем начинает, и кем оканчивает. Начав с Авраама, ведет родословие до Давида; потом с Давида до переселения Вавилонского, а с последнего до самого Христа. Как в начале всего родословия обоих – Давида и Авраама – поставил рядом, так точно упомянул об обоих и в конце родословия, потому что, как я прежде сказал, им даны были обетования. Почему же, упомянув о переселении в Вавилон, не упомянул о переселении в Египет? Потому что египтян иудеи уже не боялись, а вавилонян еще трепетали, и потому что первое случилось давно, а последнее недавно; притом в Египет отведены были не за грехи, а в Вавилон за беззакония. Если же кто пожелает вникнуть в значение самих имен, то и здесь найдет много предметов для созерцания, много такого, что послужит к объяснению нового завета; таковы имена Авраама, Иакова, Соломона и Зоровавеля, так как имена эти даны им не без намерения. Но чтобы не наскучить вам продолжительностью, умолчим об этом и займемся необходимым. Итак, когда евангелист перечислил всех предков и окончил Иосифом, он не остановился на этом, но присовокупил: «Иосифа, мужа Марии», показывая, что для Марии упоминал в родословии об Иосифе. Потом, чтобы ты, услышав о муже Марии, не подумал, что Иисус родился по общему закону природы, смотри, как он устраняет эту мысль дальнейшими словами. Ты слышал, говорит он, о муже, слышал о матери, слышал об имени, данном младенцу; теперь выслушай и то, как Он родился.

[5] Мф.1:18. Рождество Иисуса Христа было так.

[6] Скажи мне, о каком рождении говоришь ты? Ты уже сказал мне о предках. Хочу, говорит евангелист, сказать и об образе рождения. Видишь ли, как он возбудил внимание слушателя? Как бы намереваясь сказать нечто новое, обещает изъяснить образ рождения. И заметь, какой превосходный порядок в рассказе. Не вдруг стал говорить о рождении, но прежде напоминает нам, которым был Христос (в порядке родов) от Авраама, которым от Давида и от переселения в Вавилон; а этим побуждает слушателя тщательно исследовать время, желая показать, что Он есть тот самый Христос, Который предвозвещен пророками. В самом деле, когда исчислишь роды и по времени узнаешь, что Иисус есть точно Христос, тогда без затруднения поверишь и чуду, совершившемуся в рождении. поскольку же евангелисту нужно было говорить о великом деле, каково рождение от Девы, то сперва, не приступая к исчислению времени, он с намерением затемняет речь, упоминая о муже Марии, и даже прерывает повествование о рождении, а потом исчисляет уже лета, напоминая слушателю, что рожденный есть Тот самый, о Котором говорил патриарх Иаков, что Он явится при оскудении князей от Иуды, и о Котором пророк Даниил предвозвестил, что Он придет по истечении многих седмиц. И если кому угодно те годы, которые ангел определил Даниилу числом седмиц, от построения города вычислить до рождения Иисусова, тот увидит, что время рождения Его согласно с предсказанием. Итак, скажи, как Иисус родился?

[7] По обручении Матери Его Марии.

[8] Не сказал «Деве», но просто «Матери», чтобы речь была понятнее. Но, приведя сперва слушателя в ожидание услышать нечто обыкновенное и удержав его в этом

ожидании, вдруг изумляет присовокуплением необыкновенного, говоря:

9 Прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго.

10 Не сказал: прежде, нежели приведена была в дом к жениху, она жила уже у него в доме, так как у древних было обыкновение держать обрученных по большей части в своем доме, чему и ныне еще можно видеть примеры. И зятья Лотовы жили в доме у Лота. И так и Мария жила в одном доме с Иосифом.

11 3. Но почему не прежде обручения Она зачала во чреве? Чтобы, как я сказал еще в начале, зачатие до некоторого времени оставалось тайною, и Дева избегла всякого худого подозрения. Тот, которому надлежало ревновать более всякого другого, не только не отсылает ее от себя и не бесчестит, но принимает, и оказывает ей услуги во время беременности. Но явно, что, не будучи твердо удостоверен в зачатии по действию Св. Духа, не стал бы держать ее у себя и во всем ей услуживать. Притом весьма выразительно сказал евангелист: «Оказалось, что Она имеет во чреве», – как обыкновенно говорится о происшествиях особенных, случающихся сверх всякого чаяния и неожиданных. Итак, не простирайся далее, не требуй ничего больше сказанного, и не спрашивай: каким образом Дух образовал Младенца в Деве? Если при естественном действии невозможно объяснить способа зачатия, то как можно объяснить его, когда чудодействовал Дух? Чтобы ты не беспокоил евангелиста и не утруждал его частыми об этом вопросами, он освободил себя от всего, наименовав Совершившего чудо. Ничего больше не знаю, говорит он, а знаю только, что событие совершилось силою Духа

Святого. Пусть стыдятся те, кто старается постигнуть сверхъестественное рождение! Если никто не может изъяснить того рождения, о котором есть тысячи свидетелей, которое за столько веков предвозвещено, которое было видимо и осязаемо, то до какой степени безумны те, которые с любопытством исследуют и тщательно стараются постигнуть рождение неизреченное? Ни Гавриил, ни Матфей не могли ничего более сказать, кроме того, что родившееся есть от Духа; но как, и каким образом родилось от Духа, этого никто из них не объяснил, потому что было невозможно. Не думай также, что ты все узнал, когда слышишь, что Христос родился от Духа. Узнав и об этом, мы еще многого не знаем, например: как невместимый вмещается в утробе? Как всесодержащий носится во чреве жены? Как дева рождает, и остается девою? Скажи мне, как Дух устроил этот храм? Каким образом не всю плоть принял от утробы, но только часть ее, которую потом возрастил и образовал? А что точно произошел из плоти Девы, евангелист ясно показал это словами: «От Которой родился» **(Мф.1:16); и Павел словами:** «Который родился от жены» (Гал. 4:4). От жены, говорит он, – заграждая уста тем, которые утверждают, что Христос прошел чрез Марию, как бы сквозь некоторую трубу. Если это справедливо, то нужна ли была и девическая утроба? Если это справедливо, то Христос не имеет с нами ничего общего; напротив плоть Его различна с нашею, не одинакового с нею состава. И как же назвать Его тогда происшедшим от корня Иессеева? Жезлом? Сыном Человеческим? Как и Марию назвать Матерью? Как сказать, что Христос произошел от семени Давидова? Воспринял зрак раба? Что «Слово стало плотию» (Ин.1:14)? Почему же Павел сказал римлянам: «От них Христос по плоти, сущий над всем Бог» (Рим.

9:5)? Из этих слов и из многих других мест Писания видно, что Христос произошел от нас, из нашего состава, из девической утробы; а каким образом, того не видно. Итак, и ты не разыскивай, но верь тому, что открыто, и не старайся постигнуть того, что умолчано.

[12] Мф. 1:19. Иосиф же муж Её, будучи праведен, – говорит евангелист, – и не желая огласить Её, хотел тайно отпустить Её.

[13] Сказавши, что (родившееся от Девы) есть от Духа Святого и без плотского совокупления, он приводит на это еще новое доказательство. Иной мог бы спросить: откуда это известно? Кто видел, кто слышал, чтобы когда-либо случилось что-либо подобное? Но чтобы ты не подозревал ученика, что он по любви к Учителю выдумал это, евангелист вводит Иосифа, который тем самым, что в нем происходило, утверждает в тебе веру в сказанное. Евангелист как бы так говорит здесь: ежели ты не веришь мне и заподозриваешь мое свидетельство, то поверь мужу. «Иосиф же, – говорит,– муж Её, будучи праведен». Здесь он называет праведным того, кто имеет все добродетели. Хотя быть праведным – значит не присваивать себе чужого; но праведностью же называется и совокупность добродетелей. В этом-то особенном смысле Писание и употребляет слово «праведность», когда, например, говорит: «Человек этот непорочен, справедлив» (Иов. 1:1), и еще: «Оба они были праведны» (Лк. 1:6).

[14] 4. Итак Иосиф, будучи праведным, т. е. добрым и кротким, «хотел тайно отпустить Ее». Для того евангелист описывает случившееся еще во время незнания Иосифова, чтобы ты не сомневался в происшедшем по узнании. Хотя подозреваемая не только заслуживала быть опозоренною, но закон повелевал даже

наказать Ее, однако Иосиф избавил Ее не только от большего, но и от меньшего, т. е. от стыда, – не только не хотел наказать, но и опозорить. Не признаешь ли в нем мужа мудрого, и свободного от мучительнейшей страсти? Вы сами знаете, что такое ревность. Потому-то, вполне знавший эту страсть, сказал: «Ревность – ярость мужа, и не пощадит он в день мщения» (Притч. 6:34). «Люта, как преисподняя, ревность» (Песн. 8:6). И мы знаем многих, которые готовы лучше лишиться жизни, нежели быть доведенными до подозрения и ревности. А здесь было уже не простое подозрение: Марию изобличили ясные признаки беременности; и однако, Иосиф столько был чужд страсти, что не захотел причинить Деве даже и малейшего огорчения. Так как оставить Ее у себя казалось противным закону, а обнаружить дело и представить Ее в суд значило предать Ее на смерть, то он не делает ни того, ни другого, но поступает уже выше закона. Подлинно, по пришествии благодати, надлежало явиться многим знамениям высокой мудрости. Как солнце, не показавши еще лучей, издали озаряет светом большую часть вселенной, так и Христос, восходя из девической утробы, прежде, нежели явился, просветил всю вселенную. Вот почему еще до рождения Его пророки ликовали, и жены предсказывали будущее, и Иоанн, не выйдя еще из утробы, взыгрался во чреве. И Иосиф показал здесь великую мудрость, не обвинял и не порицал Девы, а только намеревался отпустить Ее. Когда он находился в таком затруднительном положении, является ангел и разрешает все недоумения. Здесь достойно исследования то, почему ангел не пришел прежде, пока муж не имел еще таких мыслей, но приходит тогда, когда он уже помыслил. «Но когда он помыслил это» (Мф.1.20), – говорит евангелист, ангел приходит; между тем Деве

благовествует еще до зачатия, – что опять приводит к новому недоумению. Если Иосифу не сказал ангел, то почему умолчала Дева, слышавшая от ангела, и видя жениха своего в смущении, не разрешила его недоумения? Итак, почему ангел не сказал Иосифу прежде его смущения? Прежде надобно разрешить первый вопрос. Почему же не сказал? Чтобы Иосиф не обнаружил неверия, и с ним не случилось того же, что с Захариею. Не трудно поверить делу, когда оно уже пред глазами; а когда нет и начала его, тогда слова не так легко могут быть приняты. Потому-то ангел и не сказал сначала; по той же причине молчала и Дева. Она думала, что не уверит жениха, сообщив о необыкновенном деле, а напротив огорчит его, подав мысль, что прикрывает сделанное преступление. Если сама Она, слыша о даруемой Ей такой благодати, судит по-человечески: и говорит: «Как будет это, когда Я мужа не знаю?» (Лк. 1:34), – то гораздо более усомнился бы Иосиф, особенно слыша это от подозреваемой жены.

[15] 5. Вот почему Дева вовсе не говорит Иосифу, а ангел является, когда потребовали обстоятельства. Почему же, скажут, не также поступлено и с Девою, почему и Ей возвещено не после зачатия? Чтобы предохранить Ее от смущения и большего смятения. Не зная дела ясно, Она естественно могла бы решиться сделать с собою худое, и, не перенесши стыда, прибегнуть к петле или к мечу. Поистине, Дева была во всем достойна удивления; и евангелист Лука, изображая Ее добродетель, говорит, что, когда услышала приветствие, не вдруг предалась радости и поверила сказанному, но смутилась и размышляла: «Что бы это было за приветствие» (Лк.1:29)? Будучи таких строгих правил, Дева могла бы от печали лишиться ума, представив стыд и не видя надежды, чтобы кто-нибудь

поверил Ее словам, что Ее беременность не следствие прелюбодеяния. Итак, чтобы этого не случилось, ангел пришел к ней до зачатия. Надобно было, чтобы не знала смущения та, в чью утробу взошел Творец всяческих; чтобы свободна была от всякого смятения душа, удостоившаяся быть служительницею таких тайн. Вот почему ангел возвещает Деве до зачатия, а Иосифу во время беременности Ее. Многие по простоте и по недоразумению находили разногласие в том, что ев. Лука упоминает о благовествовании Марии, а св. Матфей о благовествовании Иосифу, не зная, что было то и другое. То же самое необходимо наблюдать и во всем повествовании; таким образом мы решим многие кажущиеся разногласия. Итак, ангел приходит к смущенному Иосифу. Доселе явления не было как по сказанной выше причине, так и для того, чтобы обнаружилось любомудрие Иосифа. А когда дело приблизилось к исполнению, ангел, наконец, является.

[16] Мф.1:20. Но когда он помыслил это, – се, Ангел Господень является Иосифу во сне.

[17] Примечаешь ли кротость этого мужа? Не только не наказал, но и не сказал никому, даже самой подозреваемой, а размышлял только с собою, и от самой Девы старался скрыть причину смущения. Не сказал евангелист, что Иосиф хотел Ее выгнать, но – отпустить: так он был кроток и скромен! «Но когда он помыслил это», ангел является во сне. Почему же не наяву, как является пастырям, Захарии и Деве? Иосиф имел много веры; для него не нужно было такого явления. Для Девы нужно было необыкновенное явление прежде события, потому что благовествуемое было весьма важно, важнее, нежели благовествуемое Захарии; а для пастырей нужно

было явление, потому что это были люди простые. Иосиф получает откровение по зачатии, когда душа его объята уже была худым подозрением, и вместе готова перейти к благим надеждам, если бы только явился кто-нибудь и указал удобный к тому путь. Для того благовествуется после зародившегося подозрения, чтобы это самое послужило доказательством сказанного ему. О чем никому не говорил, но только помыслил в уме, о том услышать от ангела служило несомненным признаком, что ангел пришел и говорит от Бога, потому что одному Богу свойственно знать сердечные тайны. Видишь, сколько достигается целей! Обнаруживается любомудрие Иосифа; благовременность сказанного помогает ему в вере; самое повествование делается несомненным, так как показывает, что Иосиф был точно в таком положении, в каком следовало быть.

[18] 6. Каким же образом ангел уверяет его? Послушай и подивись мудрости того, что сказано. Пришедши, ангел говорит ему: «Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою» (Мф.1:20). Тотчас приводит ему на память Давида, от которого должен был произойти Христос, и не дает оставаться ему в смущении, наименованием предков напомнив об обетовании, данном всему роду. Иначе, для чего бы его называть сыном Давидовым? «Не бойся». В других случаях Бог поступает не так; и когда некто против супруги Авраамовой умышлял, чего не должно, Бог употребил сильнейшие выражения и угрозу, хотя и там причиною было неведение. Фараон взял к себе Сарру по незнанию, однако же, Бог привел его в страх. Но здесь Бог поступает снисходительнее потому, что совершалось дело весьма важное, и большая была разность между фараоном и Иосифом, почему и не нужно было угроз. Сказавши же:

«Не бойся», показывает, что Иосиф боялся оскорбить Бога, держа в доме подозреваемую в прелюбодействе, потому что, если бы этого не было, он и не подумал бы Ее отпускать. Итак, из всего открывается, что ангел пришел от Бога, обнаруживая и пересказывая все, о чем Иосиф размышлял, и чем был встревожен ум его. Изрекши же имя Девы, ангел не остановился на этом, но присовокупил: «жену твою», каким именем не назвал бы, если бы Ее девство было растлено. Женою же называет здесь обрученную: так обыкновенно Писание обрученных еще до брака называет зятьями. Что же значит: «принять»? Удержать у себя в доме, потому что Иосиф мысленно уже отпустил Деву. Эту-то отпущенную, говорит ангел, удержи у себя; ее поручает тебе Бог, а не родители. Поручает же ее не для брака, но чтобы жить вместе; вручает, объявляя о том чрез меня. Как Христос после поручил Ее ученику, так ныне поручается Она Иосифу. Потом ангел, намекнув о причине своего явления, умолчал о худом Иосифовом подозрении; а между тем уничтожил его скромнее и благопристойнее, изъяснив причину зачатия и показав, что по тому самому, почему Иосиф опасался и хотел Ее отпустить, он должен принять и удержать Ее у себя, и, таким образом, совершенно освободил его от беспокойства. Она не только чиста от беззаконного смешения, говорит ангел, но и зачала во чреве сверхъестественным образом. Потому не только отложи страх, но еще возрадуйся: «Ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго» **(Мф.1:20). Странное дело, превосходящее человеческое разумение и превышающее законы природы! Чем уверится в сем Иосиф, не слыхавший о таковых событиях? Открытием прошедшего, говорит ангел. Для того он и обнаружил все, что происходило в уме**

Иосифовом, чем был он возмущен, чего боялся и на что решался, чтобы чрез это уверить и в том. Справедливее же сказать, ангел уверяет Иосифа не только прошедшим, но и будущим. «Родит же, **– говорит он, –** Сына, и наречешь Ему имя Иисус» **(Мф. 1:21). Хотя родившееся есть от Духа Святого, но не думай о себе, что ты устранен от служения при воплощении. Хотя ты не содействуешь рождению, и Дева пребыла неприкосновенною, однако же, что принадлежит отцу, то, не вредя достоинству девства, предоставляю тебе, то есть, ты дашь имя рождаемому, – ты** «наречешь Ему имя». Хотя Он не твой сын, но ты будь Ему вместо отца. Итак, начиная с наречения имени, усвояю тебя рождаемому. Потом, чтобы кто-либо отсюда не заключил, что Иосиф есть отец, послушай, с какою осторожностью говорит ангел далее. «Родит же, – говорит он, – Сына». Не сказал: родит тебе, но выразился неопределенно: родит, так как Мария родила не ему, но целой вселенной.

[19] 7. Для того и имя принесено ангелом с небес, чтобы показать, что чудно рождаемое, потому что сам Бог свыше посылает имя чрез ангела Иосифу. Поистине, это не просто было имя, но сокровище бесчисленных благ. Потому ангел и объясняет его, внушает благие надежды, и тем приводит Иосифа к вере. Мы обыкновенно более склонны к благим надеждам, а потому и охотнее им верим. Итак, всем утвердив Иосифа в вере, – и прошедшим, и будущим, и настоящим, и честью, ему оказанною, – ангел, кстати, приводит слова пророка, который все то подтверждает. Но, не приведя еще слов его, возвещает о благах, какие чрез рожденного дарованы будут миру. Какие же это блага? Освобождение от грехов, и уничтожение их. «Он **, – говорит ангел, –** спасет людей

Своих от грехов их» (Мф.1:21)**. И здесь возвещается нечто чудное; благовествуется освобождение не от чувственных браней, не от варваров, но – что гораздо важнее – освобождение от грехов, от которых прежде никто не мог освобождать. Для чего же, спросят, сказал:** «Людей Своих», а не присовокупил – и язычников? Чтобы не изумить вдруг слушателя. Разумному слушателю он дал разуметь и о язычниках, потому что люди Его, суть не одни иудеи, но и все приходящие и приемлющие от Него познание. Смотри же, как открыл нам и достоинство Его, назвавши иудейский народ людьми Его. Этим ангел показывает то именно, что рождающийся есть Сын Божий, и что он говорит о горнем Царе, так как, кроме этого единого Существа, никакая другая сила не может отпускать грехи. Итак, получив таковой дар, примем все меры, чтобы не поругать столь великого благодеяния. Если наши грехи достойны были наказания и прежде такой чести, то тем более достойны после такого неизреченного благодеяния.

[20] И это говорю теперь не без причины. Я вижу, что многие после крещения живут небрежнее некрестившихся, и даже не имеют никакого признака христианской жизни. Потому-то ни на торжище, ни в Церкви не скоро различишь, кто верующий, и кто неверующий; разве только при совершении таинств можешь увидеть, что одни бывают высылаемы, а другие остаются в храме. Между тем следовало бы отличаться не по месту, а по нраву. Достоинства внешние обыкновенно познаются по внешним признакам, а наши достоинства надобно распознавать по душе. Верующий должен быть виден не только по дару, но и по новой жизни. Верующий должен быть светильником для мира и солью. А если ты самому себе не светишь, не предотвращаешь собственной

гнилости, то по чему нам узнать тебя? По тому ли, что ты погружался в священные воды? Но это может довести тебя до наказания. Величие почести для нежелающих жить сообразно этой почести увеличивает казнь. Верующий должен блистать не тем одним, что получил от Бога, но и тем, что ему собственно принадлежит; надобно, чтобы он по всему был виден – и по поступи, и по взору, и по виду, и по голосу. Говорю об этом для того, чтоб нам наблюдать благоприличие не для показа, а для пользы тех, кто смотрит на нас. А теперь, с которой стороны ни стараюсь распознать тебя, везде нахожу тебя в противоположном состоянии. Хочу ли заключить о тебе по месту, – вижу тебя на конских ристалищах, на зрелищах, вижу, что ты проводишь дни в беззакониях, в худых сходбищах, на рынке, в сообществе с людьми развратными. Хочу ли заключать о тебе по виду твоего лица, – вижу, что ты непрестанно смеешься и рассеян, подобно развратной блуднице, у которой никогда не закрывается рот. Стану ли судить о тебе по одежде, – вижу, что ты наряжен ничем не лучше комедианта. Стану ли судить о тебе по спутникам твоим, – вижу, что ты водишь за собою тунеядцев и льстецов. Стану ли судить о тебе по словам, – слышу, что ты не произносишь ничего здравого, дельного, полезного для нашей жизни. Буду ли судить о тебе по твоему столу, – здесь открывается еще более причин к осуждению.

[21] 8. Итак, скажи мне, по чему могу узнать, что ты верный, когда все исчисленное мною уверяет в противном? И что говорю – верный? Даже человек ли ты, и того не могу узнать доподлинно. Когда лягаешься, как осел; скачешь как вол; ржешь на женщин, как конь; объедаешься, как медведь; утучняешь плоть, как лошак; злопамятен, как верблюд; хищен, как волк; сердит, как

змея; язвителен, как скорпион; коварен, как лисица; хранишь в себе яд злобы, как аспид и ехидна; враждуешь на братьев, как лукавый демон, – как могу счесть тебя человеком, не видя в тебе признаков естества человеческого? Ища различия между оглашенным и верным, подвергаюсь опасности не найти различия даже между человеком и зверем. Как, в самом деле, назову тебя зверем? Ведь у каждого зверя какой-нибудь один из этих пороков. А ты, совокупив в себе все пороки, далеко превосходишь и их своим неразумием. Назову ли тебя бесом? Но бес не служит мучительству чрева, не любит денег. А когда в тебе больше пороков, нежели в зверях и бесах, скажи мне, как можно назвать тебя человеком? Если же нельзя назвать тебя человеком, то как наименуем тебя верным? А что всего печальнее, находясь в столь худом состоянии, мы и не помышляем о безобразии души своей, не имеем и понятия об ее гнусности. Когда ты сидишь у брадобрея и стрижешь волосы, то, взявши зеркало, со всем вниманием рассматриваешь прическу волос, спрашиваешь близ стоящих, и того, кто стриг, хорошо ли они лежат у тебя на лбу? Будучи стариком, часто не стыдишься до неистовства предаваться юношеским мечтам. А того, что душа наша не только безобразна, но даже зверообразна, и стала сциллою или химерою, упоминаемыми в языческом баснословии, нимало не чувствуем, хотя и здесь есть духовное зеркало, которое гораздо лучше и полезнее вещественного, потому что не только показывает безобразие, но даже, если захотим, превращает его в несравненную красоту. Таким зеркалом служит память о добрых мужах, и повествование об их блаженной жизни, чтение Писания, законы от Бога данные. Если захочешь однажды посмотреть на изображения тех святых, увидишь

гнусность своего сердца; а увидев, ни в чем другом не будешь иметь уже нужды, чтобы избавиться от своего безобразия. Вот для чего и полезно нам это зеркало; оно делает удобным превращение. Итак, никто не оставайся в образе бессловесных. Если раб не входит в дом отца, то, как ты можешь вступить в преддверия дома, будучи зверем? И что говорю – зверем? Такой человек хуже всякого зверя. Зверь, хотя по природе дик, но часто посредством человеческого искусства делается кротким. А ты, который природное их зверство превращаешь в несвойственную им по природе кротость, какое извинение будешь иметь, когда свою природную кротость превращаешь в неестественное зверство? Дикого по природе делаешь смирным; а себя, по природе смирного, против природы обращаешь в дикого? Льва укрощаешь и делаешь ручным; а своему гневу попускаешь быть неукротимее льва? В первом случае встречаются два затруднения: то, что зверь лишен разума, и то, что он всех сердитее; и однако, ты, по избытку мудрости, данной тебе от Бога, преодолеваешь и природу. Как же ты, в зверях препобеждающий природу, в себе самом изменяешь и природе и совершенству воли? Если бы я велел тебе сделать кротким другого человека, ты не счел бы моего приказа невозможным, хотя и мог бы мне возразить, что ты не господин чужой воли, и что не все от тебя зависит. Но теперь велю тебе укротить собственного твоего зверя, над которым ты полный господин.

[22] 9. Итак, чем оправдаешься в том, что не владеешь природою? Какое можешь представить благовидное извинение в том, что из льва делаешь человека, а о себе не заботишься, когда из человека делаешься львом; ему сообщаешь свойства выше его природы, а в себе не сохраняешь и естественных? Диких зверей стараешься

довести до одинакового с нами благородства, а себя самого низвергаешь с царского престола, и доходишь до зверского неистовства? Представь себе, если хочешь, что и гнев есть зверь, и сколько другие стараются над обучением львов, столько покажи старания над собою, и необузданный ум свой соделай тихим и кротким; ведь гнев имеет столь страшные зубы и когти, что истребит все, если не укротишь его. Даже лев и ехидна не могут терзать внутренностей с такою жестокостью, как гнев непрестанно терзает железными когтями. Он не только вредит телу, но расстраивает самое здравие души, поедая, терзая, раздробляя всю силу ее, и делая ее ни к чему неспособною. У кого внутри завелись черви, тот не может дышать, потому что все внутренности его изъедены. Как же мы можем породить что-нибудь благородное, нося внутри себя такого змия, – разумею гнев, – снедающего внутренности наши? Каким образом избавимся от этой язвы? Если будем употреблять питие, которое может умертвить внутренних червей и змей. Но какое питие, спросишь, имеет такую силу? Честная кровь Христова, если с упованием приемлется. Она может уврачевать всякую болезнь. Затем внимательное слушание божественных Писаний и присоединяемая к тому милостыня. Всеми этими средствами могут быть умерщвлены страсти, расслабляющие нашу душу. И тогда только будем жить, а теперь мы ничем не лучше мертвых. Когда живы страсти, нам невозможно жить, но необходимо должно погибнуть. Если не успеем умертвить их здесь, то они умертвят нас там. Вернее же сказать, еще здесь прежде той смерти подвергнут нас жесточайшему наказанию. Каждая из этих страстей жестока, мучительна, ненасытна, и, каждый день поедая нас, ничем не удовлетворяется. Зубы их – зубы львиные, и

даже страшнее львиных. Когда лев сыт, тотчас оставляет попавшееся ему тело. А страсти никогда не насыщаются и не отстают, доколе уловленного ими человека не увлекут к дьяволу. Такова сила страстей, что они требуют от пленников своих такого же рабства, в какое предался Христу Павел, презиравший для Него и геенну и царство. Тот, кто впадает в плотскую ли любовь, или сребролюбие, или честолюбие, начинает уже смеяться над геенною и презирать царство, только бы исполнить ему волю тех страстей. Итак, поверим Павлу в том, что он столько любил Христа. Когда есть люди в такой же степени раболепствующие страстям, что же невероятного в любви Павловой? Потому и слабее наша любовь ко Христу, что вся наша сила истощается на любовь порочную, и мы хищники, сребролюбцы, рабы суетной славы. А что может быть ничтожнее этой славы? Если сделаешься и в тысячу раз знатнее, ничем не лучше будешь людей неизвестных. Напротив, чрез это самое сделаешься даже бесчестнее. Когда те, которые тебя прославляют и выставляют знаменитым, смеются над тобою за то самое, что ты желаешь от них славы, то твое усердие не произведет ли противного твоему желанию?

[23] 10. Эти люди поступают как обличители. Кто хвалит преданного прелюбодеянию или блуду и льстит ему, тот этим самым более обличает, нежели хвалит похотника. Равным образом, если все мы хвалим пристрастного к славе, то более обличаем, нежели хвалим славолюбивого. Итак, для чего же ты много заботишься о таком деле, которого следствия всегда противны твоей цели? Если хочешь прославиться, презирай славу, и будешь славнее всех. Для чего тебе подвергаться тому же, что случилось с Навуходоносором? Он поставил статую, думая получить еще большую славу от дерева и бесчувственного

изображения, имеющий жизнь хотел прославиться чрез то, что не имеет жизни. Видишь ли крайнее безумие? Думая почтить себя, он более обесчестил, показав, что более надеется на бездушную вещь, нежели на самого себя и на живую душу свою, – почему и воздал такое предпочтение дереву. Не достоин ли он посмеяния за то, что ищет себе похвалы не в нравах, а в досках? Это все равно, как если бы кто вздумал больше хвалиться полом в доме, или красивою лестницею, нежели тем, что он человек. Между тем и из нас многие подражают ныне Навуходоносору. Как он своим изображением, так из нас иные думают удивлять одеждами, другие домом, лошаками, колесницами, колоннами, находящимися в домах их. Погубивши в себе достоинство человека, они ходят и ищут себе совсем смешной славы в других предметах. Знаменитые и великие слуги Божии не этим просияли, но чем надлежало. Они были и пленники, и рабы, и юноши, и чужестранцы; не имели у себя ничего собственного, но оказались гораздо почтеннее того, кто всем изобилует. Ни огромная статуя, ни вельможи, ни вожди, ни бесчисленные войска, ни множество золота, ни вся пышность не могли удовлетворить страсти Навуходоносора показать себя великим. А для слуг Божиих, лишенных всего, довольно было одного любомудрия. Не имея у себя ничего, они оказались столько же блистательнее носящего диадему и порфиру и обладающего всем, сколько солнце блистательнее жемчужин. На позор целого мира приведены были юноши, пленные рабы, и едва появились, как глаза царевы засверкали огнем, окружили их вожди, правители, чиновники и все сонмище бесовское; отовсюду звук флейт, труб и всяких музыкальных орудий, несясь до небес, огласил слух их. Пещь пылала до безмерной

высоты, и пламя ее касалось самых облаков; все было исполнено страха и ужаса. Но юношей ничто не устрашало. Напротив, посмеявшись, как над детскою игрою, они показали мужество и кротость, и громогласнее тех труб взывали: «Да будет известно тебе, царь» (Дан. 3:18)! Они и словом не хотели оскорбить мучителя, а желали только показать свое благочестие. Потому не стали распространяться и в словах, но все выразили кратко: «Бог наш, – говорят они, – Которому мы служим, силен спасти нас от печи» (Дан. 3:17). Для чего выставляешь перед нами множество народа? Что нам пещь? К чему острые мечи, страшные копьеносцы? Наш Владыка выше и сильнее всего этого. Потом, подумавши, что может быть Богу так угодно, и Он попустил им быть сожженными, – чтобы и в таком случае не назвали их лжецами, они в заключение присовокупили: «Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем».

[24] 11. Если бы они, предположив, что Бог действительно их не избавит, сказали, что Он не избавляет за грехи, то им не поверили бы. Поэтому они пред царем о грехах умалчивают, а говорят о том в пещи; там вспоминают все грехи свои. Пред царем же ничего подобного не произносят, а только то, что они не изменят благочестию, хотя бы им надлежало сгореть. Не для наград и воздаяний, но из одной любви делали они все, что ни делали; несмотря на то, что были в плену и рабстве, не пользовались никакими благами, лишились отечества, свободы и всего имущества. Не говори мне о почестях, какие даны им при царском дворе. Святые и праведные юноши в тысячу раз охотнее согласились бы собирать милостыню в своем отечестве и наслаждаться красотою храма, как говорит Давид: «Желаю лучше быть у порога в

доме Божием, нежели жить в шатрах нечестия»; и «один день во дворах Твоих лучше тысячи» (Пс. 83:11). В тысячу раз охотнее согласились бы они быть последними в своем отечестве, нежели царствовать в Вавилоне. Это видно из того, что говорят они в пещи о тягостях пребывания в Вавилоне. Хотя сами они и пользовались великими почестями, но, видя бедствия других, жестоко терзались. Таково преимущественное свойство святых – ни славы, ни чести и ничего другого не предпочитать спасению ближних. Смотри, как они в пещи молились за весь народ. А мы и при покойной жизни не помним о братиях. Равным образом, когда они старались объяснить и сны, они имели в виду не свою пользу, но пользу многих. Что они презирали смерть, это они доказали впоследствии многими опытами. Они на все готовы, только бы умилостивить Бога. поскольку же признают себя к тому неспособными, то прибегают к отцам, и говорят, что сами ничего не могут принести, кроме сокрушенного духа. Будем и мы подражать им. Ведь и пред нами стоит золотой образ, мучительская власть мамоны. Но не будем внимать тимпанам, трубам, арфам и другим прелестям богатства; и хотя бы надлежало впасть в пещь нищеты, предпочтем эту нищету, только бы не поклониться идолу, – и будет роса среди пещи шумящая. Итак, не убоимся, слыша о пещи нищеты. И тогда ввергенные в пещь стали блистательны, а поклонившиеся идолу убиты. Но тогда все произошло в одно время, а теперь одно исполняется здесь, а другое в будущей жизни, иное же и здесь, и там. Избравшие нищету, чтобы не кланяться мамоне, будут сиять и здесь и там; а неправедно обогащающиеся здесь понесут там жесточайшее наказание. Из этой пещи вышел и Лазарь, блистая не менее трех отроков; а богач, принадлежа к числу поклонявшихся идолу, осужден на

мучение в геенне. Одно служит образом другого. Как здесь ввержены в пещь ничего не потерпели, а стоявшие вне, мгновенно были сожжены, так будет и тогда. Святые, переходя огненную реку, не почувствуют ничего неприятного, но будут казаться радующимися; а поклонявшиеся идолу увидят, что огонь нападает на них свирепее всякого зверя и увлекает их в геенну. Если кто не верит, что есть геенна, тот, видя халдейскую пещь, пусть чрез настоящее уверится в будущем, и убоится не пещи нищеты, но пещи греха. Грех есть пламень и мучение, а нищета – роса и прохлада. В греховной пещи предстоит дьявол, а в пещи нищеты – ангелы, отражающие пламень.

25 12. Пусть внимают этому богачи, возжигающие пламень нищеты! Бедным не сделают они никакого вреда, потому что на них сходит роса; а самих себя сделают жертвою пламени, который зажгли собственными руками. Тогда ангел сошел к трем отрокам, а ныне мы сойдем к находящимся в пещи нищеты, и милостынею произведем росу, отразим пламень, – чтобы и нам вместе с ними получить венцы, чтобы и для нас рассеялся пламень геенский от гласа Христова: вы видели Меня жаждущего, и напоили (Мф. 25:35). Этот глас будет тогда для нас росою, шумящею посреди пламени. Итак, сойдем с милостынею в пещь бедности, посмотрим на любомудрых, ходящих в ней и попирающих угли; посмотрим на чудо новое и странное, на человека в пещи поющего, на человека в огне благодарящего, связанного крайнею нищетою и воздающего великие хвалы Христу. Кто с благодарением переносит нищету, тот равен трем отрокам, потому что бедность страшнее огня, и обыкновенно сильнее опаляет. Однако, отроков не опалил пламень, и узы их разрешились мгновенно, лишь только

они принесли благодарение Господу. Так и теперь: если ты, впав в бедность, будешь благодарить, то и узы разрешатся, и пламень угаснет. А если не угаснет, то совершится еще большее чудо – пламень сделается источником, как случилось и тогда. Посреди пещи они прохлаждались чистою росою, которая хотя не угасила пламени, но препятствовала огню жечь ввержeнных туда. То же можно приметить и в любомудрых: и они в нищете более свободны от страха, нежели богатые. Итак, не будем стоять вне пещи, то есть, не имея милосердия к нищим, – чтобы не потерпеть нам того же, что случилось тогда с бывшими около пещи. Если ты сойдешь к отрокам и станешь с ними, то огонь не причинит тебе никакого зла; а если станешь вверху, и будешь смотреть на тех, которые находятся в огне нищеты, то пламень сожжет тебя. Итак, сойди в огонь, чтобы не сгореть от огня. Не стой вне огня, чтобы не увлек тебя пламень. Если огонь застигает тебя вместе с бедными, то устранится от тебя; а если увидит тебя чуждающимся их, в ту же минуту нападет на тебя и увлечет тебя. Итак, не отходи от тех, которые ввержены, и когда дьявол непоклоняющихся злату велит ввергнуть в пещь нищеты, то будь в числе не ввергающих, а ввергаемых, чтобы быть тебе в числе спасаемых, а не сожигаемых. Не покоряться страсти сребролюбия и жить в сообществе с бедными – это самая обильная роса. Кто попрал страсть к богатству, тот всех богаче. Как отроки, презревшие тогда царя, сделались блистательнее царя, так и ты, если презришь все мирское, будешь драгоценнее целого мира, подобно тем святым, «которых весь мир не был достоин» (Евр. 11:38). Итак, чтобы тебе сделаться достойным небесного, презирай настоящее. Тогда и здесь получишь большую славу, и насладишься будущими благами, по благодати и

человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 5

[1] Мф. 1:22–23. А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил.

[2] Слушание проповеди приносит пользу тогда, когда слышанное припоминается и обсуждается дома. – Смысл выражения: сие же все бысть. – Для чего ангел напоминает Иосифу пророчество Исаии. – Почему Христос называется Эммануилом. – Возражение иудеев против девства Марии опровергается переводом 70-ти, равно как не имеет опоры и в других переводах. – Мария пребыла девою и после рождения. – Пример братьев Христа по плоти показывает, что родство с праведником не приносит пользы, если нет собственной добродетели. – Молитвы праведников не могут спасти тех, которые нерадят сами о спасении. – Милостыня, подаваемая и от неправедно приобретенного имущества, умилостивляет Бога. – Преступность и вред ростовщичества.

[3] 1. Многие, как я слышу, говорят: когда бываем здесь (в храме), и слышанное принимаем к сердцу, тогда

приходим в себя, а лишь только удалимся отсюда, становимся опять другими, и огонь ревности в нас гаснет. Что же нам сделать, чтобы этого не было? Посмотрим, отчего это происходит. Итак, отчего бывает с нами такая перемена? Оттого, что занимаемся, чем не следует, и проводим время с худыми людьми. По выходе из церкви не надлежало бы нам приниматься за дела, непристойные церкви; но, пришедши домой, надобно было бы сейчас же взять книгу, и вместе с женою и детьми привести на память, что было говорено; потом уже приступать к делам житейским. Если, вышедши из бани, ты предпочитаешь не ходить на рынок, чтобы там в хлопотах не лишиться пользы от бани, то тем более ты должен поступать так по выходе из церкви. А мы поступаем напротив и от того теряем все. Еще не утвердится в нас совершенно то, что было полезного в сказанном, как сильный поток житейских дел, устремляясь на нас, все уносит с собой и оставляет пустоту. Итак, чтобы этого не было, по выходе из церкви почитай нужнейшим для себя делом привести на память, что было тебе сказано. Да и слишком было бы неразумно на дела житейские употреблять пять или шесть дней, а на дела духовные не уделить и одного дня или даже малой части дня. Не видите ли, как наши дети целый день занимаются уроками, какие им заданы? То же самое будем делать и мы. Иначе не будет для нас никакой пользы ходить сюда, потому что, не прилагая такого же попечения о соблюдении сказанного нам, какое показываем в сбережении золота и серебра, каждый день будем черпать в разбитый сосуд. Приобретший несколько динариев прячет их в мешок и накладывает печать; а мы, принявши учение, которое многоценнее и золота и дорогих камней, приобретши сокровища Духа, не скрываем их в хранилище души и с крайнею

небрежностью даем им вытекать из нашего сердца. Кто же после этого пожалеет об нас, когда сами себе причиняем вред и ввергаем себя в такую бедность? Итак, во избежание этого, и для самих себя, и для наших жен и детей, поставим непременным законом – этот один день в неделе посвящать весь слушанию и припоминанию того, что мы слышали. В таком случае будем сюда приходить с большею готовностью принимать, что будет говорено. И для нас меньше будет труда, и для вас больше пользы, когда станете слушать дальнейшее, содержа в памяти прежде сказанное. Это немало будет способствовать к уразумению того, что говорится, – если именно вы будете хорошо знать порядок мыслей, которые мы предлагаем вам в связи. Так как невозможно высказать всего в один день, то старайтесь сохранить в памяти, что вам предлагается в разные дни, составляйте из этого как бы одну цепь, и облагайте ею душу, чтобы таким образом вышло целое тело Писаний. Поэтому и теперь, припомнив недавно сказанное, приступим к тому, о чем следует говорить.

[4] 2. Но о чем же следует теперь говорить? «А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит». Достойно чуда и достойно самого себя воскликнул ангел, говоря: «А все сие произошло». Он видел море и бездну человеколюбия Божия; видел явленным на деле то, осуществления чего никогда нельзя было и ожидать; видел, как законы природы нарушились, примирение совершилось, – Превысший всех нисходит к тому, кто всех ничтожнее, средостение рушится, преграды упраздняются; видел еще и больше того – и в немногих словах выразил чудо: «А все сие произошло, да сбудется реченное Господом». Не думай, говорит он, будто это ныне только определено; это

в древности было предобразовано, – как то и Павел старался везде показать. Затем (ангел) отсылает Иосифа к Исайи, чтобы, пробудившись, если и забудет его слова, как совершенно новые, будучи вскормлен Писанием, вспомнил слова пророческие, а вместе с ними привел на память и его слова. Он не сказал этого жене, потому что она, как отроковица, была еще неопытна; а предлагает пророчество мужу, как человеку праведному, который углублялся в писания пророков. И сперва говорит он Иосифу: «Марию, жену твою»; а теперь, приводя слова пророка, вверяет ему тайну, что она Дева. Иосиф не так скоро успокоился бы мыслями, слыша от ангела, что она Дева, если бы прежде не услышал того от Исайи; от пророка же он должен был выслушать это не как что-либо странное, но как нечто известное и долго его занимавшее. Потому-то ангел, чтобы слова его удобнее были приняты, приводит пророчество Исайи; и не останавливается на том, но возводит пророчество к Богу, говоря, что это слова не пророка, но Бога всяческих. Потому и не сказал он: да сбудется реченное Исайею, но говорит: «Да сбудется реченное Господом». Уста были Исайи, но пророчество дано свыше. Какое же это пророчество? «Се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (Ис. 7:14). Почему же, скажешь, наречено Ему имя не *Еммануил*, а – Иисус Христос? Потому, что не сказано «наречешь», но «нарекут», т. е. народы и самое событие. Здесь заимствуется имя от происшествия, как и свойственно Писанию – происшествия употреблять вместо имен. Итак, слова: «нарекут Еммануил» означают не что иное, как то, что увидят Бога с человеками. Хотя Бог всегда был с человеками, но никогда не был так явно. Если же иудеи бесстыдно будут упорствовать, то спросим их, какой младенец назван: «Магер-шелал-хаш-баз»

(«скоро пленил, нагло расхитил»)? На это они ничего не могут сказать. Как же пророк сказал: «Нареки ему имя: Магер-шелал-хаш-баз» (Ис. 8:3)? Так как после рождения Его случилось, что взяты и разделены добычи, то самое происшествие, при нем бывшее, дается ему вместо имени. Равным образом и о городе говорит пророк, что он наречется «город правды, столица верная» («град правды, мать городов, верный Сион») (Ис. 1:26); и, однако, нигде не видно, чтобы город этот назывался «правдою», он продолжал называться Иерусалимом. Но так как Иерусалим действительно таковым учинился, когда исправился, то и сказал пророк, что он так назовется. Таким образом, если какое-либо происшествие яснее самого имени показывает того, кто его совершил, или им воспользовался, то Писание действительность события вменяет ему в имя. Если же иудеи, будучи опровергнуты в этом, найдут другое возражение против сказанного о девстве, и представят нам других переводчиков, говоря: они перевели не «дева», а «молодая женщина» (νεανις), – то наперед скажем им, что семьдесят толковников, по справедливости, пред всеми прочими заслуживают большего вероятия. Те переводили после пришествия Христова, оставаясь иудеями; а потому справедливо можно подозревать, что они сказали так больше по вражде, и с намерением затемнили пророчество. Семьдесят же, которые за сто лет до пришествия Христова, или даже более, предприняли это дело, и притом таким большим обществом, свободны от всякого подобного подозрения; они и по времени, и по многочисленности, и по взаимному согласию, преимущественно заслуживают вероятия.

[5] 3. Но если иудеи приведут свидетельство и тех переводчиков, то и тогда победа на нашей стороне. В

Писании часто имя юности (νεανιονητος) употребляется вместо девства не о женщинах только, но и о мужчинах. «Юноши, – говорит оно, – и девицы, старцы и отроки» (Пс. 148:12). И опять, рассуждая о деве, подвергшейся насилию, говорит: если возопит «отроковица» (νεανις), т. е. дева (Втор. 22:27). То же значение подтверждают и предыдущие слова пророка. В самом деле, пророк не просто говорит: «Се, Дева во чреве приимет»; но, сказавши наперед: «Итак Сам Господь даст вам знамение» (Ис. 7:14), потом присовокупил: «Се, Дева во чреве приимет». Если бы не деве надлежало родить, но произошло бы рождение по закону брака, то такое происшествие как могло быть знамением? Знамение должно выходить из обыкновенного порядка, быть чем-то странным и необычайным. Иначе, как оно будет знамением? «Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень» (Мф. 1:24). Видишь ли послушание и покорный ум? Видишь ли человека решительного, и во всем прямодушного? Когда он подозревал Деву в чем-то неприятном и неприличном, то не хотел держать ее у себя. Когда же освободился от такого подозрения, не только не захотел выслать ее, но держит и делается служителем воплощения. «И принял, – говорит Писание, – жену свою». Видишь ли, как часто евангелист употребляет это имя, не желая до времени открыть тайну девства, чтобы устранить всякое худое подозрение?

6 Принявши же ее, «и не знал Ее» *до тех пор пока* (или *пока, доколе*) «*как* наконец Она родила Сына Своего первенца» (Мф.1:25). Здесь евангелист употребил слова «до тех пор пока»; но ты не подозревай из того, будто Иосиф после познал ее. Евангелист дает этим только знать, что Дева прежде рождения была совершенно неприкосновенною. Почему же, скажут, употребил он

слово: «пока»? Потому, что в Писании часто так делается. Это слово не означает определенного времени. Так и о ковчеге сказано: «Выпустил ворона, который, вылетев, отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды» (Быт.8:7, 14), хотя он и после не возвратился. Также о Боге Писание говорит: «Ты нам прибежище в род и род» (Пс. 89:2), но тем не полагает пределов. И опять, когда, благовествуя, говорит: «Во дни его процветет праведник, и будет обилие мира, доколе не престанет луна» (Пс. 71:7), тем не означает конца для этого прекрасного светила. Так и здесь евангелист употребил слова «до тех пор пока» в удостоверение о том, что было прежде рождения. Что было после рождения, о том предоставляет судить тебе самому. Что тебе нужно было узнать от него, то он и сказал, то есть, что Дева была неприкосновенною до рождения. А что само собою видно из сказанного, как верное следствие, то предоставляет собственному твоему размышлению, то есть, что такой праведник (каков Иосиф) не захотел познать Деву после того, как она столь чудно соделалась матерью и удостоилась и родить неслыханным образом, и произвести необыкновенный плод. А если бы он познал ее и действительно имел женою, то для чего бы Иисусу Христу поручать ее ученику как безмужнюю, никого у себя не имеющую, и приказывать ему взять ее к себе? Но скажут: как же Иаков и другие называются братьями Иисуса Христа? Так же, как и сам Иосиф был почитаем мужем Марии. Многими завесами до времени сокрываемо было рождение Христово. Потому и Иоанн назвал их также (братьями), говоря: «Ибо и братья Его не веровали в Него» (Ин. 7:5). Впрочем, прежде неверовавшие сделались после достойными удивления и славными. Так, когда Павел прибыл в Иерусалим для рассуждения о вере,

тотчас явился к Иакову, который так был уважаем, что его первого поставили епископом. Рассказывают также, что он вел такую строго-подвижническую жизнь, что все члены его омертвели, что от непрерывной молитвы и беспрестанных земных поклонов лоб у него отвердел до такой степени, что жесткостью не отличался от колен верблюда. Он и Павла, который после опять приходил в Иерусалим, вразумляет, говоря: «Видишь, брат, сколько тысяч уверовавших» собравшихся (Деян. 21:20)? Так велико было его благоразумие и ревность, а лучше сказать: так велика была сила Христова! В самом деле, те, которые поносили Христа во время земной Его жизни, по смерти Его так возревновали о Нем, что совершенно готовы были даже умереть за Него, – что и показывает особенно силу воскресения. Для того славнейшее и соблюдено к концу, чтобы доказательство было несомненно. Если тех, которым дивимся при жизни, забываем по смерти, то как же хулившие Христа при жизни признали Его после Богом, если Он был обыкновенный человек? Как бы решились идти за Него на смерть, если бы не имели ясного доказательства воскресения.

[7] 4. Говорю об этом не для того, чтобы вы только слышали, но чтобы и подражали мужеству, дерзновению и всякой добродетели; чтобы никто не отчаивался в самом себе, хотя прежде того был ленив, и чтобы, после милосердия Божия, ни на что другое не надеялся, как только на собственную добродетель. Если сродники Христовы, жившие со Христом в одном доме и отечестве, не получили от этого никакой пользы, пока не явили в себе добродетели, то как можем получить прощение мы, если, представляя за себя ходатаями праведных своих родственников и братьев, сами не будем добронравны и

утверждены в добродетели? На это указывает пророк, когда говорит: «брат не избавит, избавит ли человек» (Пс. 48:8), хотя бы то был Моисей, или Самуил, или Иеремия? Послушай, что говорит Бог Иеремии: «Не проси за этот народ и не возноси за них молитвы», так как не послушаю тебя (Иер. 11:14). И что дивишься, если Я тебя не слушаю? Хотя бы предстал сам Моисей и Самуил, то Я не принял бы и их прошения об этих людях. Хотя Иезекииль станет молиться, – и он услышит, что если предстанет Ной, Иов и Даниил, то сынов и дщерей их не избавят (Иез. 14:14, 18). Хотя патриарх Авраам будет ходатаем за неисцельно больных и нераскаянных, – Господь, оставив его, удалится, чтобы не слышать его моления о них (Быт. 18:33). Хотя и Самуил будет также предстательствовать, – Господь скажет ему: не плачь о Сауле (1Цар. 16:1). Хотя и о сестре кто станет молиться безвременно, – услышит то же, что и Моисей: «Если бы отец ее плюнул ей в лице» (Числ. 12:14). Не станем же слишком уповать на других. Молитвы святых имеют очень великую силу, но только когда мы сами раскаиваемся (во грехах) и исправляемся. И Моисей, избавивши некогда брата своего и шестьдесят тысяч от угрожавшего им гнева Божия, не мог избавить сестру, хотя и грех не равен был. Мариам оскорбила Моисея, Аарон же с народом отважились на явное нечестие. Но об этом предоставляю подумать вам самим, а я постараюсь решить еще более трудный вопрос. В самом деле, стоит ли говорить о том, что Моисей не мог умолить за сестру, когда этот предстатель многочисленного народа не в силах был пособить себе самому? После бесчисленных трудов и бедствий, после сорокалетних попечений о народе ему возбранен был вход в ту землю, о которой было столько предсказаний и обетований. Какая же тому была причина? Та, что

допущение Моисея в обетованную землю не только не принесло бы пользы, но произвело бы большой вред и для многих иудеев послужило бы соблазном. Если они за одно избавление из Египта, оставивши Бога, стали искать всего в Моисее и ему все приписывать, то до какого бы нечестия не дошли они, когда бы увидели, что он ввел их в землю обетованную? Потому-то и место погребения его осталось неизвестным. И Самуил не мог избавить Саула от гнева Божия, хотя часто спасал израильтян. И Иеремия не помог иудеям (2Мак.15:15), хотя в другое время укрепил одного пророчеством. Даниил избавил варваров от поражения, но не спас иудеев от плена (Дан. 2). И в Евангелии мы видим, что не с разными людьми, но с одними и теми же случалось то и другое: один и тот же мог иногда спасти себя, а иногда нет. Задолжавший, например, тысячи талантов однажды усиленною просьбою избавил себя от опасности, а в другое время не мог. Другой же напротив: сперва подвергся опасности, а потом нашел вернейшее средство помочь себе. Кто же это такой? Расточивший отеческое имение. Итак, если мы сами о себе нерадим, то чрез других не спасемся. Если же будем неусыпны, то и сами собою достигнем спасения; даже сами собою спасемся вернее, нежели чрез других. Подлинно, Богу приятнее давать благодать непосредственно нам, а не другим для нас, чтобы, стараясь сами отвратить гнев Его, делались мы дерзновеннее и добродетельнее. Так Он помиловал хананеянку, так спас блудницу, так спас разбойника, хотя не было никакого за них предстателя и ходатая.

[8] 5. Впрочем, говорю это не для того, чтобы не призывать святых в молитвах, но для того, чтобы мы не ленились, и, предавшись беспечности и сну, не возлагали только на других того, что должны делать сами. И Христос, сказав:

«Приобретайте себе друзей», не остановился на этом, но присовокупил: «богатством неправедным», требуя тем и твоего содействия (Лк. 16:9), – поскольку здесь Он разумел не что иное, как милостыню. И что удивительно, Он ничего уже не взыскивает с нас, если только мы отступим от неправды, потому что слова Его имеют такой смысл: ты приобрел худо – истрать хорошо. Собрал неправедно – расточи праведно. Что, кажется, за добродетель – раздавать из имения, неправедно приобретенного? И однако Бог, по человеколюбию Своему, снисходит до того, что обещает нам многие блага даже и за такие дела. Но мы до такого доходим бесчувствия, что ничего не уделяем и из приобретенного неправедно; напротив, грабя тысячами, думаем, что все уже сделали, подав малую долю. Разве не слыхал ты, что говорит Павел: «Кто сеет скупо, тот скупо и пожнет» (2Кор. 9:6)? Итак, что ты скупишься? Сеяние ужели есть трата, ужели убыток? Нет! Это доход и прибыль. Где сеяние, там и жатва; где сеяние, там и приращение. Возделывая тучную и мягкую землю, которая может принять в себя много семян, ты засеваешь ее всеми своими семенами и берешь еще взаймы у других, потому что скупость в этом случае считаешь убытком. А когда надобно возделывать небо, которое не подвержено никакой воздушной перемене и все, вверенное ему, несомненно, возрастит с большим приращением, ты ленишься, медлишь и не думаешь о том, что сберегая, теряешь, а расточая, приобретаешь. Итак, сей, чтобы не потерять; не береги, чтобы сберечь; рассыпай, чтобы сохранить; трать, чтобы приобрести. Хотя и нужно было бы что сберечь, ты не береги, потому что непременно это погубишь, а поручи Богу, у Которого никто не похитит. Сам не торгуй, потому что не умеешь получать прибыли;

но большую часть капитала отдай взаймы Тому, Кто дает рост, отдай взаймы туда, где нет ни зависти, ни клеветы, ни обмана, ни страха. Отдай взаймы Тому, Кто сам ни в чем не нуждается, но терпит нужду для тебя; Кто всех питает, но алчет для того, чтобы ты не был голоден, обнищал для того, чтобы ты обогатился. Отдай взаймы туда, откуда ты получишь не смерть, но жизнь вместо смерти. За такой только рост можешь приобрести себе царство, а за всякий другой получишь геенну, потому что тот рост показывает сребролюбие, а этот – любомудрие; тот – дело жестокости, а этот – человеколюбия. И чем оправдаемся, когда, имея возможность получить большее и притом с твердою уверенностью получить в надлежащее время, с полною свободою, без укоризны, без страха, без опасностей, пренебрегаем этими благами, а гоняемся за тем, что постыдно, ничтожно, обманчиво, тленно, и уготовляет нам пещь огненную?

9 Ничего, ничего нет постыднее и жестокосерднее, как брать в рост здесь на земле. В самом деле, ростовщик обогащается за счет чужих бедствий, несчастие другого обращает себе в прибыль, требует платы за свое человеколюбие, и, как бы боясь показаться немилосердным, под видом человеколюбия роет яму глубже; помогая, теснит нищего; подавая руку, толкает его; по видимому вводит в пристань, а в то же время подвергает крушению, как бы направляя на скалы, утесы и подводные камни. Но чего требуешь ты, скажут? Того ли, чтобы, собранные мною и мне самому нужные деньги, отдать в распоряжение другому и не требовать за то никакой платы? Нет, я не говорю этого; напротив, весьма желаю, чтобы ты получил плату, – только не малую, и не ничтожную, но гораздо большую; желаю, чтобы ты в рост за золото приобрел небо. Итак, для чего ты сам себя

подвергаешь нищете, прилепляясь к земле, и вместо большего ищешь малого? Это доказывает, что ты не умеешь обогатиться. Когда Бог за малое имущество обещает тебе небесные блага, ты говоришь: не давай мне неба, а дай мне вместо неба скоро гибнущее золото. Это значит, что ты произвольно хочешь остаться в нищете. Кто ревнует об истинном богатстве и обилии, тот вместо скорогибнущего изберет негибнущее, вместо изживаемого – неизживаемое, вместо немногого – многое, вместо тленного – нетленное, – а за такими благами последуют и те, кто вместо неба ищет землю, тот и ее непременно потеряет; а кто предпочитает небесное земному, тот и тем, и другим насладится с великим избытком. Чтобы и нам достичь этого, презревши все здешнее, изберем будущие блага, и таким образом получим и то, и другое, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 6

[1] Мф. 2:1–2. Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему.

2 Звезда, явившаяся при рождении Христа, не служит оправданием учения астрологов. – Она была невидимой силой, принявшей вид звезды; – четыре доказательства этого. – Цель явления звезды и пришествия волхвов. – Бог в устроении домостроительства применяется к состоянию и обычным воззрениям людей. – Для чего евангелист указывает время и место рождения. – Кто побудил волхвов к путешествию. – Бог не нарушает свободного произволения. – Отчего смутились иудеи, услышав о рождении Христа. – Увещание слушателям воспитывать в себе любовь к духовному и сокрушение о грехах. – Слезы покаяния так же очищают душу, как и крещение. – Смех осуждается Писанием; он происходит от внушения дьявола, как и зрелища. – Великий вред, причиняемый зрелищами.

3 1. Много нужно нам бодрствовать, много молиться, чтобы суметь изъяснить настоящее место, и узнать, кто были эти волхвы, откуда и как пришли, кто их к тому побуждал, и что это была за звезда. Но если угодно, предложим лучше наперед то, что говорят противники истины. Дьявол так овладел ими, что они и здесь находят повод вооружаться против слова истины. Что же говорят они? Вот сказано, что и при рождении Христовом явилась звезда, – это значит, говорят они, что астрология есть

наука несомненная. Но если Христос родился по астрологическим законам, то, как же Он истребил астрологию, отверг судьбу, заградил уста демонам, изгнал заблуждение, и ниспроверг всякого рода волхвование? Да и что узнают волхвы по звезде Его? Что Он был Царь иудейский? Но Он был Царем не земного царства, как и Пилату сказал: «Царство Мое не отсюда» (Ин. 18:36). Да Он и не показывал Себя Царем: не имел при Себе ни копьеносцев, ни щитоносцев, ни коней, ни парных мулов, – словом ничего тому подобного; а вел жизнь простую и бедную, водя за Собою двенадцать человек, ничем не знаменитых. Но если волхвы и знали, что Он Царь, то зачем приходят? Дело звездословия, как говорят, вовсе не в том состоит, чтобы по звездам узнавать, кто родится, но чтобы по времени рождения предсказывать о том, что случится вперед. Между тем волхвы ни при родах Матери не были, ни времени, когда родила, не знали, а потому не имели и основания заключать о будущем по течению звезд. Напротив, задолго до рождения, увидевши звезду, явившуюся в их земле, они идут смотреть Родившегося; а это еще непонятнее прежнего. Какая же причина их побудила? В надежде каких наград из такой отдаленной стороны они идут поклониться Царю? Если б думали, что Он будет их Царем, и тогда не было бы им достаточной причины идти. Если бы еще Он родился в царских чертогах, если бы отец Его был царем и при Нем находился, то можно было бы сказать, что поклонением родившемуся Младенцу они хотели угодить отцу, и тем заслужить себе его благоволение. Но теперь они знают, что новорожденный будет Царем не у них, а у другого народа, в стране, от них отдаленной; знают, что Он еще не в совершенном возрасте: для чего же предпринимают такое путешествие, и несут дары, притом подвергаясь в

этом деле великим опасностям? В самом деле, и Ирод, услышав, смутился, и весь народ, когда услыхал от них о том, взволновался. Разве этого они не предвидели? Но это невероятно. Даже при всей недальновидности они не могли бы не знать того, что, когда придут в город, имеющий царя, и станут всенародно объявлять, что есть другой царь, кроме теперь там царствующего, то подвергнут себя тысяче смертей. Для чего же они поклонялись лежащему в пеленах? Если бы Он был в совершенном возрасте, можно было бы сказать, что они ввергаются в явную опасность в надежде на Его помощь; но и то было бы признаком крайнего неразумия – персиянину, варвару, не имеющему ничего общего с народом иудейским, решиться выйти из своей земли, оставить отечество, родных и дом, и подвергнуться чужому владычеству!

[4] 2. Если это неразумно, то следующее еще неразумнее. Что же такое? Перейти такой дальний путь, только поклониться, всех взволновать и тотчас уйти. И какие они нашли признаки царского сана, когда увидели хижину, ясли, младенца в пеленах, и бедную мать? Кому принесли дары? И для чего? Разве было установлено и принято в обычай так изъявлять почтение всякому рождающемуся царю? Разве они обходили всю вселенную и о ком узнавали, что он из низкого и бедного состояния сделается царем, тому поклонялись прежде восшествия на царский престол? Но этого никто сказать не может. Для чего же они поклонялись? Если для настоящих выгод, то чего могли они ожидать от младенца и бедной матери? Если в надежде будущих, то, как они могли знать, что младенец, которому они поклонились, когда он был в пеленах, вспомнит о том впоследствии? Положим, что мать ему о том напомнила бы; но и в таком случае они

стоят не похвалы, а порицания за то, что подвергли его явной опасности, так как Ирод, смущенный ими, расспрашивал, разыскивал и прилагал все меры умертвить его. Да и где бы то ни было, о младенце, который родился от частных людей, сказать, что он будет царем, – значит только предать его на смерть, навлечь на него множество бед. Видишь ли, сколько открывается несообразностей, если судить об этом событии по ходу дел человеческих, и по общему обыкновению? Да и, кроме того, можно было бы найти и много других, еще больших затруднений.

5 Но чтобы, присовокупляя недоумения к недоумениям, не привести вас в замешательство, приступим теперь к разрешению вопросов. Начнем со звезды Христовой. Если мы узнаем, что это была за звезда, и какая она – обыкновенная, или отличная от прочих, действительная ли была звезда, или только имела вид звезды, то легко будет понять все прочее. Откуда же узнать о том? Из самого Писания. Что она была не обыкновенная звезда, и даже не звезда, а, как мне кажется, какая-то невидимая сила, принявшая вид звезды, это доказывает, во-первых, самый путь ее. Нет, и не может быть звезды, которая бы имела такой путь. Видим, что и солнце и луна и все прочие звезды идут от востока к западу; а эта звезда текла от севера на полдень: именно в таком положении находится Палестина в отношении к Персии. Во-вторых, то же можно видеть из самого времени: она является не ночью, а среди дня, при сиянии солнца, что не свойственно не только звезде, но и луне. Хотя луна больше всех звезд, но при появлении солнечного света тотчас скрывается и делается невидимою. Звезда же Христова превосходством своего блеска преодолела самый свет солнечный, была яснее солнца, и как оно ни

блистательно, а она сияла больше. В-третьих, доказывается тем, что звезда то является, то опять скрывается. Когда волхвы шли в Палестину, она была видна и указывала им путь; а когда вошли в Иерусалим, она скрылась. Потом, когда они, сказавши Ироду, зачем пришли, оставили его и собрались в путь, звезда опять является. Это уже есть движение не звезды, а некоторой совершенно разумной силы. Она не имела своего определенного пути, но когда нужно было остановиться, и она стояла, во всем соображаясь с их нуждою, подобно столпу облачному, по которому полк иудеев и останавливался и поднимался с места, когда было нужно. В-четвертых, то же ясно можно видеть из самого способа, каким звезда указала место. Не с высоты неба она указала его, – в таком случае волхвы не могли бы различить места; но, чтобы указать его, опустилась вниз. Сами знаете, что обыкновенной звезде нельзя показать такого малого места, какое занимала хижина, особенно же в каком вмещалось тело Младенца. Так как высота ее неизмерима, то она не могла бы собою обозначить и определить такого тесного пространства для желавших узнать его. Об этом всякий может судить по луне; она, будучи гораздо больше звезд, кажется близкою для каждого из обитателей вселенной, рассеянных по всей земной широте. Так скажи же, как бы звезда указала такое тесное место яслей и хижины, если бы не оставила высоту, не сошла вниз, и не стала над самою главою Младенца? Это самое дает разуметь и евангелист, говоря: «И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, *как* наконец пришла и остановилась над *местом*, где был Младенец» (Мф. 2:9). Видишь, сколько доказательств на то, что эта звезда была необыкновенная, и явилась не по законам внешней природы.

[6] 3. Но для чего она явилась? Для того, чтобы обличить нечувствительных иудеев, и лишить их – неблагодарных – всякого способа к оправданию. Так как цель пришествия Христова была та, чтобы отменить древние правила жизни, призвать всю вселенную на поклонение Себе, и принимать это поклонение на земле и на море, то Христос с самого начала отверзает дверь язычникам, желая чрез чужих научить своих. Так как иудеи, непрестанно слыша пророков, возвещавших о пришествии Христовом, не обращали на то особенного внимания, – Господь внушил варварам прийти из отдаленной страны, расспрашивать о Царе, родившемуся у иудеев; и они от персов первых узнают то, чему не хотели научиться у пророков. Бог сделал это для того, чтобы дать им вернейший способ убедиться, если будут благоразумны, или лишить всякого оправдания, если будут упорны. В самом деле, что могут сказать в свое оправдание иудеи, не принявшие Христа после столь многих пророческих доказательств, видя волхвов, которые по явлению только звезды приняли Его, и поклонились явившемуся? Итак, с волхвами Бог поступил так же, как с ниневитянами, к которым послал Иону, так же, как с самарянкою и хананеянкою. Потому и сказано: «Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят» и: «Царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит» род сей (Мф. 12:41–42), – потому что они поверили меньшему, а иудеи не поверили и большему. Ты спросишь, для чего Бог привел волхвов к Христу таким явлением? А как же бы надлежало? Послать пророков? Но волхвы пророков не приняли бы. Дать глас свыше? Но они гласу не вняли бы. Послать ангела? Но и того не послушали бы. Поэтому Бог, оставивши такие средства, по особенному Своему снисхождению употребляет для призвания их то, что было им больше знакомо:

показывает большую и необычайную звезду, чтобы она поразила их и величиною, и прекрасным видом, и необыкновенным течением. Подражая этому, и апостол Павел, когда рассуждает с эллинами, начинает речь с жертвенника, и приводит свидетельства из их стихотворцев; а когда проповедует иудеям, говорит об обрезании, – уча живущих под законом, начинает с жертв. Так как всякий любит то, к чему привык, то к этому применяются и Бог и люди, посылаемые Им для спасения мира. Итак, не думай, чтобы недостойно было Бога призывать волхвов посредством звезды; иначе должен будешь отвергнуть все иудейское – и жертвы, и очищения, и новомесячия, и ковчег, и самый храм, потому что все это допущено по языческой грубости иудеев. И Бог для спасения заблуждающихся с небольшим изменением допустил в служении Себе то, что наблюдали язычники при служении демонам, чтобы, понемногу отвлекая от языческих привычек, возвести к высокому любомудрию. Так поступил он и с волхвами, благоволив призвать их явлением звезды, чтобы потом удостоить высшего. Побудивший их идти и руководствовавший в пути, после того как поставил пред яслями, наставляет их уже не чрез звезду, а чрез ангела; таким образом, понемногу они восходили к высшему. Подобно этому Бог поступил и с жителями Аскалона и Газы. Когда пять филистимских городов, по прибытии к ним ковчега, поражены были смертною язвою и не находили никаких средств к избавлению от постигшего их бедствия, тогда, созвавши волхвов, в общем собрании советовались, как освободиться от этой язвы, ниспосылаемой от Бога; волхвы присоветовали взять коров, которые не были еще под ярмом и принести первых телят, запрячь под кивот и пустить одних идти, куда хотят, чтобы чрез то увидеть, от

Бога ли это ниспосланная язва, или какая случайная болезнь. Если коровы, – говорили они, – как не привыкшие к ярму, разобьют его, или воротятся к телятам, то будет значить, что язва произошла по случаю; если же пойдут прямо, мычание телят не произведет на них никакого действия и они не собьются с дороги, им незнакомой, то будет явно, что рука Божия коснулась этих городов (1Цар. 5:6). Жители послушались волхвов, и поступили по их совету; и Бог, по Своему снисхождению, не почел для Себя недостойным, применяясь к мнению волхвов, привести в действие предсказанное ими, и оправдать слова их событием. Такое действие было тем важнее, что и сами противники засвидетельствовали силу Божию, а учителя их подтвердили то своим приговором. Много и других примеров видеть можно в божественном домостроительстве. Так, например, и то, что известно о чревовещательнице (1Цар. 28), случилось по тому же божественному промыслу, о чем сами вы можете рассудить по сказанному выше. Все это сказано мною для объяснения написанного о звезде; вы же сами, может быть, в состоянии сказать и более, – сказано ведь: «Дай *наставление* мудрому, и он будет еще мудрее» (Притч. 9:9).

[7] 4. Пора, однако, обратиться к началу прочитанного. Какое же начало?

[8] Мф.2:1. Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода , приходят в Иерусалим волхвы с востока.

[9] Волхвы последовали за ведущею их звездою, а иудеи не поверили и проповедовавшим пророкам. Но для чего евангелист означает и время и место, говоря: «В Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода»? Для чего

также упоминает о самом достоинстве? О достоинстве – для того, что был и другой Ирод, умертвивший Иоанна; но тот был четверовластник, а этот царь; на время же и место указывает для того, чтобы привести нам на память древние пророчества, из которых одно произнес Михей: «И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными?» (Мих. 5:2), другое – патриарх Иаков, который, с точностью означивши время, указал и важнейший признак пришествия Христова: «Не отойдет, – сказал он, – скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель, и Ему покорность народов» (Быт. 49:10). Достойно исследования и то, откуда волхвам пришла мысль идти, и кто их побудил к тому. Мне кажется, что это было делом не одной звезды; но сам Бог подвиг их сердце, подобно тому, как поступил Он с Киром, расположив его отпустить иудеев. Впрочем, Он сделал это не нарушая свободного произволения, подобно тому как и Павла призвав гласом свыше, вместе явил Свою благодать и открыл его послушание. Но, скажешь, почему не всем волхвам открыл это? Потому, что не все бы поверили, а эти были готовы более других. Тысячи народов гибли, а к одним только ниневитянам послан был пророк Иона; двое было разбойников на кресте, но один только спасся. И так знай, что волхвы оказали добродетель не тем одним, что пришли, но и тем, что поступили смело. Чтобы их не сочли людьми подозрительными, они по приходе рассказывают о своем путеводителе, о дальнем пути, и при этом обнаруживают смелость: «Пришли, – говорят они, – поклониться Ему» (Мф.2:2), и не страшатся ни ярости народной, ни жестокости царя. Из этого заключаю, что они и дома были учителями своих соотечественников; если здесь – в Иерусалиме – они не усомнились говорить об этом, то с

большим дерзновением проповедовали о том в своем отечестве, после того, как получили откровение от ангела и свидетельство от пророка.

[10] Мф.2:3. Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним.

[11] Ироду, как царю, естественно было опасаться и за себя, и за детей; но чего боялся Иерусалим, когда пророки задолго предсказали о Христе, как о Спасителе, благодетеле и освободителе? Что же смутило иудеев? То же легкомыслие, которое и прежде отвращало их от Бога – их благодетеля, так что, получивши полную свободу, вспоминали о египетских мясах. Смотри же, как пророки ничего не опускали: один из них задолго предсказал и об этом: «Будут отданы на сожжение, в пищу огню. Ибо младенец родился нам – Сын дан нам» (Ис. 9:5–6). Но несмотря на свое смущение, жители Иерусалима не заботятся сами проверить случившееся, не следуют за волхвами, не любопытствуют: столько-то они были всех упорнее и нерадивее! Им надлежало бы хвалиться, что у них родился Царь, и привлек к себе страну персидскую, и что все им покорятся, когда обстоятельства так переменились к лучшему, когда самое начало так блистательно; но они и от того не сделались лучшими, хотя только лишь освободились от плена персидского. Если бы им не открыто было никаких высоких тайн, то, судя по одним настоящим событиям, можно бы им было заключить так: если столько благоговеют к нашему Царю при самом его рождении, то гораздо более будут бояться его и покоряться ему в совершенном его возрасте, и мы сделаемся гораздо славнее варваров. Но ни одна подобная мысль не восхитила их: столь велика была их беспечность, а вместе с нею и ослепление! Потому тщательно надобно

удалять от себя оба эти порока, и надобно быть сильнее огня тому, кто хочет против них вооружиться. Потому-то и Христос сказал: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк. 12:49). Потому и Дух Святый является в виде огня.

[12] 5. Но мы холоднее праха и мертвее мертвецов, тогда как видим, что Павел возносится выше неба и неба небес, сильнее всякого пламени все преодолевает и возвышается над всем дольним и горним, настоящим и будущим, сущим и несущим. Положим, что этот пример не по твоим силам; впрочем, это отговорка одной твоей беспечности (что Павел имел пред тобою лишнего, почему бы тебе невозможно было подражать ему?). Но, чтобы нам не спорить, оставив Павла, возьмем в пример первенствующих христиан, которые оставили богатство, имения, заботы и все житейские дела, предали себя совершенно Богу, день и ночь прилежно внимая учению слова. Таков духовный огонь; он не оставляет в нас никакого пристрастия к земному, но воспламеняет нас иною любовью. Потому-то возлюбивший духовное, если нужно будет и все оставить, презреть удовольствия и славу, отдать самую душу, все это сделает без всякого затруднения. Теплота духовного огня, проникая душу, изгоняет из нее всякую беспечность, и объятого ею делает легче пера, и заставляет презирать все видимое. Такой человек пребывает уже в непрестанном сокрушении (сердца), проливая неиссякаемые источники слез, и получая от того великое удовольствие, потому что ничто столько не сближает и не соединяет с Богом, как такие слезы. Такой человек, хотя живет и в городе, проводит жизнь как в пустыне, в горах и в пещерах, не занимаясь окружающими его, и никогда не насыщаясь своими слезами, плачет ли о себе или о чужих грехах.

Потому-то и Бог прежде других ублажил плачущих, сказав: «Блаженны плачущие» (Мф.5:4). А как же Павел говорит: «Радуйтесь всегда в Господе» (Флп. 4:4)? Он говорит об удовольствии, проистекающем от этих слез. Как мирская радость бывает смешана с печалью, так слезы по Боге произращают всегдашнюю и неувядающую радость. Так блудница, объятая этим огнем, стала достойнее дев. Согретая покаянием, она воспылала такою любовью ко Христу, что распустила волосы, и святые ноги Его обливала слезами, отирая их своими волосами, и не жалела мира. Но все это было только наружное; а что происходило у нее в сердце, и что видел один Бог, то было гораздо пламеннее. Оттого и каждый из нас, слыша об этом, радуется с нею, восхищается ее добрым делом, и прощает ей все проступки.

13 Если же мы, будучи злы, произносим о ней такой суд, то подумай, сколько она оправдана человеколюбивым Богом, и какие собрала плоды покаяния, еще до получения даров Божиих? Как после проливного дождя воздух делается чистым, так и по пролитии слез настает тишина и ясность, а мрак греховный исчезает. Как сперва очистились мы водою и духом, так после очищаемся слезами и покаянием, если только делаем это не по лицемерию и тщеславию. Плачущая притворно заслуживает даже более осуждения, нежели та, которая прикрашивается румянами и притираньями. Я требую слез, проливаемых не напоказ, а из сокрушения, проливаемых тайно, в уединенной комнате, без свидетелей, в тишине и в безмолвии, слез из глубины сердца, от внутренней скорби и печали, проливаемых единственно для Бога, каковы были слезы Анны: «Уста ее, – сказано,– только двигались, и не было слышно голоса ее» (1Цар. 1:13). Но одни только слезы вопияли

громогласнее трубы; за такие слезы и отверз Бог утробу ее, и жесткий камень сделал мягкою нивою.

[14] 6. Если и ты плачешь так же, то подражаешь своему Господу. И Он ведь плакал о Лазаре (Ин. 11:35), об Иерусалиме (Лк. 19:41), и возмутился духом об Иуде (Ин. 13:21). Да и часто бывало, что Его видели плачущим, а чтобы Он смеялся, или хотя мало улыбался, этого никогда никто не видел, – почему и ни один из евангелистов не упомянул о том. Также и Павел, что он плакал, и плакал три года день и ночь, сам о том свидетельствует (Деян. 20:31), и другие о нем говорят то; а чтобы когда-либо смеялся, об этом нигде не говорит ни сам он, ни другой апостол, ни один из святых, ни о нем, ни о ком другом ему подобном. Об одной только Сарре говорит Писание (Быт. 18:12), за что она и получила упрек, также о сыне Ноевом, который за то из свободного сделался рабом. Впрочем, я говорю это, не запрещая смеяться, но удерживая от неумеренного смеха. Скажи мне, чему без меры радуешься и смеешься, когда подлежишь такой ответственности, должен некогда предстать на страшный суд и дать строгий отчет во всем, что сделано тобою в жизни? Мы должны дать отчет во всех произвольных и непроизвольных грехах своих: «А кто, – говорит Господь,– отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. 10:33). Хотя бы это отречение было невольное, однако же, и оно не избежит наказания, и за него отдадим отчет, и за то, что знаем, и чего не знаем: «Ибо *хотя* я ничего не знаю за собою, – говорит Павел (1Кор. 4:4), – но тем не оправдываюсь», – и за то, что сделано по неведению и за то, что – сознательно. «Ибо свидетельствую им, – говорит апостол (Рим. 10:2), – что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению». Однако же, это не оправдывает их. И в

послании к Коринфянам: «Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, *уклонившись* от простоты во Христе» (2Кор. 11:3). Тебе нужно будет дать такой строгий отчет, а ты сидишь и смеешься, шутишь и думаешь о забавах? Но скажешь: какая польза, если вместо этого буду плакать? Громадная польза, – такая, что нельзя и выразить словом. На суде человеческом, сколько ни плачь, не избежишь наказания, когда определение сделано; а здесь, если только вздохнешь – и приговор уничтожен, и прощение получено. Вот почему Христос так часто и говорит нам о слезах и называет плачущих блаженными, а смеющихся бедными. Здесь не место смеху, и собрались мы сюда не смеяться, но стенать, и за эти стенания наследовать царствие. Стоя пред земным царем, ты и слегка улыбнуться не смеешь; а где обитает Владыка ангелов, стоишь без трепета и без благоговения, даже смеешься, когда Он много раз прогневан тобою? И не подумаешь, что этим раздражаешь Его больше, нежели грехами? Подлинно, Бог обыкновенно отвращается не столько от грешащих, сколько от тех, которые, учинив грех, не сокрушаются о нем. При всем том некоторые столь бесчувственны, что, несмотря на сказанное, говорят: лучше мне никогда не плакать, но дай Бог всегда смеяться и играть. Что может быть безрассуднее такой мысли? Не Бог, а дьявол учит играть. Выслушай, что случилось с играющими: «И сел народ, – говорит Писание, – есть и пить, а после встал играть» (Исх.32:6). Так вели себя содомляне, так вели себя жившие пред потопом. О первых говорит Писание, что они в гордости, и в изобилии, и «пресыщении и праздности» (Иез. 16:49). А жившие при Ное, столько времени видя созидаемый ковчег, беззаботно веселились, нимало не думая о

будущем; за это самое всех их и погубил наступивший потоп, и всю вселенную подверг тогда кораблекрушению.

15 7. Итак, не проси у Бога того, что получается от дьявола. Богу свойственно давать сердце сокрушенное и смиренное, трезвенное, целомудренное и воздержное, кающееся и умиленное. Вот дары Божии, потому что в них мы имеем наибольшую нужду. В самом деле, нам предстоит трудный подвиг, борьба с невидимыми силами, брань с духами злобы, война с началами, со властями; и хорошо, если бы мы, при всем тщании, трезвенности и бдительности, могли устоять против этого свирепого полчища. Если же будем смеяться, играть и всегда предаваться лености, то еще прежде сражения падем от собственной беспечности. Не наше дело постоянно смеяться, забавляться и жить весело; это дело лицедеев, зазорных женщин, и людей на то предназначенных, тунеядцев, льстецов; не званным на небо, не написанным в горнем граде, не приявшим духовное оружие свойственно это, но тем, которые обрекли себя дьяволу. Это он, он самый изобрел такое искусство, чтобы привлекать к себе воинов Христовых, и ослаблять силы их духа. На то и построил он в городах театры и, обучив смехотворов, этою язвою поражает целый город. Чего Павел велел бегать (Еф. 5:4), – я разумею пустословие и шутки, – то дьявол убеждает любить; и что в этом есть самого худшего, то бывает поводом к смеху. Когда представляющие смешное в театре скажут что-либо богохульное и срамное, тогда многие, будучи еще безумнее их, смеются, забавляются этим; за что надлежало бы побить камнями, тому рукоплещут, и за такое удовольствие сами себе готовят огненную пещь. Ведь те, которые хвалят говорящих такие речи, тем самым поощряют их к ним; а потому и наказанию, которое

назначено для смехотворцев, справедливее падать на смеющихся, потому что если бы не было ни одного зрителя, то не было бы и действующего. А когда видят, что вы оставляете свою мастерскую, и работу, и то, что могли бы выработать, словом все, только бы провести время в театре, тогда они становятся усерднее, с большим старанием отправляют свое дело. Впрочем, не в извинение их говорю это, но чтобы вас вразумить, что от вас собственно берется начало и корень этого беззакония, от вас, которые тратите на это целый день, подвергаете посмеянию честное супружество, посрамляете великое таинство. Поистине не столько грешит тот, который представляет в театре, сколько в сравнении с ним ты, который заставляешь это делать; и не только заставляешь, но и заботишься о том, радуешься и смеешься, хвалишь представление, всячески пособляешь демонской работе. Скажи мне, какими глазами после будешь смотреть дома на жену, видевши ее опозоренною в театре? Как, не покрасневши, представишь себе супругу, когда ты видел весь пол ее обесчещенным?

[16] 8. Не говори мне, что представляемое в театре есть одно лицедейство. Лицедейство это многих сделало прелюбодеями, и многие дома расстроило. О том-то особенно и скорблю, что в этом даже не подозревают худого, но такие развратные представления принимают с рукоплесканиями, с восклицаниями и громким смехом. Итак, скажешь, что все это лицедейство? Но за то самое лицедеи и стоили бы тысячи смертей, что они научились подражать запрещенному всеми законами. Если дело худо, то и подражание ему худо. Не говорю еще о том, сколь многих делают блудниками представляющие эти любодейные зрелища, к какой наглости и бесстыдству приучают они зрителей. Ведь одному только

сладострастному и наглому глазу сносно смотреть на эти зрелища. На площади ты не станешь смотреть на обнаженную женщину, а еще менее дома, – ты оскорбишься таким зрелищем; а в театр идешь, чтобы оскорбить честь и мужеского и женского пола, и осрамить глаза свои. Не говори, что обнажена блудница, потому что один пол и одно тело как у блудницы, так и у благородной женщины. Если в этом нет ничего непристойного, то почему, когда на площади увидишь то же, и сам бежишь прочь, и гонишь от себя бесстыдную? Или когда бываем порознь, тогда это непристойно, а когда соберемся и сидим вместе, тогда уже не позорно? Это смешно и постыдно и означает крайнее безумие. Лучше грязью, или навозом вымарать себе все лицо, чем смотреть на такое беззаконие, потому что для глаза не так вредна грязь, как любострастный взгляд и вид обнаженной женщины. Вспомни, что было причиною наготы в начале, и страшись того, что было виною этой срамоты. Что же произвело наготу? Преслушание и злоумышление дьявола. Таково давнее и первое его старание. Но прародители, по крайней мере, стыдились наготы своей, а вам это нравится, по апостольскому слову: «Слава их – в сраме» (Флп. 3:19). Как будет смотреть на тебя жена, когда ты возвратишься с такого беззаконного зрелища? Как примет тебя? Как будет говорить с тобою после того, как ты столь бесчестно посрамил весь женский пол, пленился таким зрелищем, и сделался рабом блудницы? Впрочем, если слово мое огорчит вас, то я много вам за то благодарен: «Кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною» (2Кор. 2:2)? Никогда не переставайте рыдать об этом и терзаться; такая скорбь будет для нас началом исправления. Для того-то я и усилил мое слово, чтоб сделать рану глубже, избавить вас от гниения

зараженных членов, и возвратить вам совершенное душевное здравие, которым да наслаждаемся все мы вполне, и да получим награды, определенные нам за такие добрые дела наши, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 7

[1] Матф. 2:4–5. И, собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу? Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском.

[2] По явлению волхвов и другим событиям, сопровождавшим рождение Христа, иудеи могли познать истину. – Почему достоинство Христа не так ясно открывается при Его рождении, как впоследствии. – Злоба и безумие Ирода. – Для чего звезда скрылась и вновь явилась. – Поклонение волхвов испровергает учение Маркиона и Павла Самосатского. – Оно знаменовало призвание язычников. – Увещание подражать волхвам чрез служение Христу. – Порицание тем, которые оставляют Христа ради позорных зрелищ. – Целомудрие – долг всякого христианина.

[3] 1. Видишь ли, как все события служат к обличению иудеев? Пока они еще не видали Иисуса Христа, и не были объяты завистью, то свидетельствовали о Нем всю правду. Но как скоро увидали славу Его чудес, то, объятые завистью, изменили, наконец, истине. Но истине все содействовало, и сами враги только более споспешествовали ей. Смотри, насколько чудные и необычайные совершаются здесь дела. Варвары и иудеи

взаимно учатся друг от друга, и наставляют друг друга чему-то великому. Иудеи слышат от волхвов, что и в персидской стране звезда проповедала Его (Христа); а волхвы узнают от иудеев, что о Том, Кого проповедала звезда, пророки задолго предвозвестили. Таким образом, вопрос, предложенный волхвами, как для них самих, так и для иудеев, послужил к яснейшему и точнейшему познанию истины. Враги истины невольно принуждены были прочесть слова Писания, и изъяснить пророчество. Впрочем, они изъяснили его не все, потому что, сказав о Вифлееме, что из него произойдет Пастырь Израиля, не присовокупили последующих слов из лести к царю. Какие же это слова? «Которого происхождение из начала, от дней вечных» (Мих. 5:2). Но если Ему надлежало произойти оттуда (из Вифлеема), то для чего жил Он, скажешь ты, после рождения в Назарете, и тем затемнил пророчество? Напротив, Он не затемнил, а еще более раскрыл его. Если Он родился в Вифлееме, несмотря на то, что мать Его постоянно жила в Назарете, то очевидно, что дело происходило по особенному устроению. Потому-то и после рождения Он не тотчас оставил Вифлеем, но пробыл там сорок дней, чтобы желающим дать время с точностью все исследовать. Если бы только захотели обратить внимание, то много было побуждений к такому исследованию. По прибытии волхвов, возмутился весь город, а с ним и царь; вызвали пророка, собралось великое судилище. К тому же много произошло и других событий, о которых подробно повествует евангелист Лука; я разумею известное нам об Анне, Симеоне, Захарии, ангелах и пастырях; все это легко могло побудить внимательных к открытию истины. Если волхвы, пришедшие из Персии, узнали место, то тем более жившие в Иудее могли узнать обо всем случившемся. С

самого начала Христос открыл Себя во многих чудесах. Но так как не хотели узнать Его, то Он, скрывшись на несколько времени, после явил Себя другим, славнейшим образом. Тогда уже не волхвы, не звезда, но сам Отец свыше свидетельствовал о Нем, когда Он крестился в струях иорданских, и Святый Дух нисходил вместе с тем гласом на главу крестящегося. Иоанн безбоязненно взывал во всей Иудее, наполняя проповедью о Христе и города и пустыню. И чудеса, и земля, и море, и вся тварь торжественно возвещали о Нем. Подлинно, и при рождении такие были знамения, которые могли показать, что он уже пришел. Иудеи не могут сказать: не знаем, когда и где родился Он! Вся история волхвов и другие упомянутые события так устроены, что иудеи не имеют никакого извинения, когда не хотели исследовать случившегося.

[4] 2. Но заметь еще точность в словах пророчества. Пророк не сказал: будет жить в Вифлееме, но «произойдет» (из Вифлеема) (Мф.2:6) пророчество, следовательно, и указывало на то, что Он только родится в Вифлееме. Некоторые же из иудеев с бесстыдством утверждают, будто бы это сказано о Зоровавеле. Но как это могло быть? Его «происхождение» не «из начала, от дней вечных». Да и можно ли к нему отнести сказанное в начале: «из тебя произойдет»? Он родился не в Иудее, а в Вавилоне, потому и Зоровавелем назван, что там родился. Знающие сирийский язык поймут мои слова. Кроме того, что мы сказали, и все последовавшие затем обстоятельства совершенно подтверждают, что это пророчество относится к Иисусу Христу. Что именно сказано? «Мал ли ты между тысячами Иудиными», и тут же присовокупляется причина знаменитости места: «из тебя произойдет» (Мих.5:2). Это место сделалось

известным и знаменитым только через Иисуса Христа. Именно, после Его рождения со всех концов земли приходят видеть ясли и вертеп, что именно предвозвестил и пророк, говоря: «мал ли ты между тысячами Иудиными», т. е. между главами племен. В этих словах он заключал и Иерусалим. Но иудеи не обратили на все это никакого внимания, хотя для них это было бы полезно. Потому-то и пророки первоначально говорят не столько о достоинстве Христа, сколько о благодеянии, которое Он оказал иудеям. Так, когда родила Дева, «наречешь, – говорит ангел, – имя Ему Иисус»; и присовокупляет: «ибо Он спасет людей Своих от грехов их» (Мф.1:21). И волхвы не говорили «где Сын Божий», но: «где родившийся Царь Иудейский» (Мф.2:2)? Так и здесь (Мих.5:2) не говорится «из тебя произойдет Сын Божий», но «должен быть Владыкой в Израиле». Сначала надлежало говорить с ними сколько можно ближе к мыслям их, чтобы они не соблазнились, и говорить именно об их спасении, чтобы тем лучше привлечь их. Вот почему все, какие сначала и при самом Его рождении произнесены о Нем свидетельства, не раскрывают еще вполне Его величия, не так, как бывшие после явления знамений; последние яснее говорят о Его достоинстве. Так, когда после многих чудес воспели Ему дети, слушай, что говорит тогда пророк: «из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу» (Пс. 8:3); и еще: «когда взираю я на небеса Твои – дело Твоих перстов» (Пс. 8:4), – что показывает в Нем Творца вселенной. А относящееся к Его вознесению свидетельство показывает равенство Его с Отцом. «Сказал, – сказано, – Господь Господу моему: седи́ одесну́ю Меня» (Псал. 109:1). Также Исаия говорит: «восстающий владеть народами, на Того народы уповать будут» (Ис. 11:10). Но почему же сказано, что Вифлеем

«ничем не меньше между тысячами» Иудиными, между тем как эта весь не только в Палестине, но и во всей вселенной сделалась известной? Здесь речь обращена еще к иудеям, потому и присовокупил: «должен быть Владыкой в Израиле». Хотя Он пасет всю вселенную, но, как я сказал, не желая оскорбить их, умалчивает о язычниках. Но отчего же, скажешь ты, Он не упас и народа иудейского? Неправда; и это действительно совершилось. Под Израилем здесь Он разумеет уверовавших в Него иудеев что, изъясняя, Павел говорит: «не все те Израильтяне, которые от Израиля… но дети обетования признаются за семя» (Рим. 9:6, 8). Если же не всех Он упас, то это их собственная вина. Им бы надлежало вместе с волхвами поклониться и прославить Бога за то, что наступило время оставления их прегрешений (ведь не о суде и не об ответственности их возвещалось им, но о кротком и тихом Пастыре); они же поступают совершенно напротив, возмущаются и возмущают, и устраивают потом бесчисленные козни.

[5] Матф. 2:7. «Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды», умышляя убить рожденного; это доказывало не только его ярость, но и крайнее безумие. И то, что было говорено ему, и самые события могли отклонить его от всякого подобного покушения. События совершались не в порядке дел человеческих. Звезда призывает волхвов, иноплеменные мужи предпринимают столь далекое путешествие, чтобы поклониться лежащему в пеленах и в яслях, и пророки наперед еще о нем предвозвещают. Все эти события были более, нежели человеческие. Однако же ничто не удержало Ирода.

[6] 3. Такова уже злоба, что она сама себе вредит, и всегда предпринимает невозможное. Смотри, какое безумие! Если Ирод верил пророчеству и почитал его непреложным, то, очевидно, он замышляет дела невозможные. А если он не верил и не думал, чтобы сбылось предречение, то не нужно было ему бояться и страшиться, а потому и строить козни. Итак, в обоих случаях хитрость была излишней. И то уже крайнее безумие, что он думал, будто волхвы предпочтут его родившемуся, для которого они совершили столь дальнее путешествие. Если они, прежде чем увидели Младенца, горели к Нему столь сильной любовью, то, как Ирод мог надеяться, что они согласятся предать ему Младенца после того, как увидели Его, и утвердились в вере пророчеством? И, однако же, несмотря на все эти обстоятельства, которые должны были отвлечь от предпринятого намерения, Ирод не оставляет его: «тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них». Он думал, что иудеи дорожат Младенцем, и не предполагал, что они дойдут до такого неистовства, что согласятся предать врагам своего Ходатая и Спасителя, пришедшего для избавления их: потому и призывает волхвов тайно и выведывает не время рождения Младенца, но явления звезды, с хитростью уловляя добычу. Я думаю, что звезда явилась гораздо прежде (рождения), потому что волхвы должны были много времени наперед провести в путешествии, чтобы предстать только что Рожденному; а между тем Христу надлежало принять поклонение в самых пеленах еще, чтобы событие явилось чудесным и необычайным. Потому-то звезда и является гораздо раньше (рождения Христова). Если бы она явилась волхвам на востоке тогда, как уже Христос родился в Палестине, то, пробывши долго в пути, по своем

прибытии, они уже не могли бы Его видеть в пеленах. Не нужно удивляться тому, что Ирод избивает младенцев от двух лет и ниже; здесь ярость и страх для вернейшего успеха прибавили и больше времени, чтобы никто не избежал (поражения). Итак, призвав волхвов, говорит:

[7] Мф.2:8. пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему

[8] Какое безумие! Если ты, Ирод, говоришь это по внушению истины, то для чего вопрошаешь тайно? А если с коварным намерением, то, как не понимаешь, что тайные расспросы твои заставят волхвов подозревать тебя в злом умысле? Но душа, объятая злобой, как я сказал уже, становится совершенно безумной. Он не сказал: пойдите, испытайте о царе, но: о Младенце. Для него несносно было произнести даже имя, означающее власть. А волхвы, по великому благочестию своему, нисколько того не замечали, потому что никак не предполагали, чтоб он дошел до такой злобы и вздумал противоборствовать столь чудному устроению. Ничего подобного не подозревая, но судя по себе и обо всех других, они уходят от него.

[9] Мф.2:9. И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними.

[10] Она скрывалась для того, чтобы они, лишившись путеводителя, принуждены были прибегнуть с вопросами к иудеям, и, таким образом, событие сделалось для всех известным. Когда же они спросили и разведали о Младенце от самих врагов, то звезда им опять является. Смотри, какой здесь прекрасный порядок! После того, как оставила волхвов звезда, принимают их иудейский народ

и царь; приводят пророка, чтобы объяснить явление; а после того опять научает их всему ангел, и они идут из Иерусалима в Вифлеем вслед за звездой. Звезда опять им сопутствовала, – и отсюда ты опять можешь видеть, что звезда эта не была из числа обыкновенных звезд, – нет ни одной звезды, которая имела бы такое свойство. Она не просто шла, но предшествовала им, ведя их как бы за руку среди дня.

[11] 4. Но что за нужда, спросишь, была в звезде, когда место сделалось уже известным? Та, чтоб указать и самого Младенца, потому что иначе нельзя было узнать Его, поскольку и дом не был известен, и Мать Его не была славна и знаменита; а потому и нужна была звезда, которая бы привела их прямо к тому месту. Поэтому, по выходе их из Иерусалима, она является им и останавливается не прежде, как уже дошедши до яслей. Здесь чудо присоединяется к чуду. Дивны оба события: и то, что волхвы поклоняются, и то, что их приводит звезда; это должно тронуть и самые каменные сердца. Если бы волхвы сказали, что они слышали об этом предречение пророков, или что объявили им о том ангелы по особенному откровению, то можно было бы еще им и не поверить; но сиянием звезды, явившейся свыше, заграждаются теперь уста и самых бесстыднейших. Далее звезда, достигши Отрока, опять остановилась. И это опять доказывает, что здесь действует сила большая, нежели какая свойственна обыкновенным звездам, т. е., что она то скрывается, то является, и, явившись, останавливается. Отсюда и волхвы еще более утвердились в вере, и возрадовались, что нашли то, чего искали, что сделались провозвестниками истины, что не напрасно предпринимали столь дальний путь. Настолько-то сильна была любовь их к Христу! Звезда, приблизившись, стала

над самой головой (Отрока), показывая этим божественное происхождение Его. И остановившись, приводит к поклонению не простых язычников, но самых мудрейших из них. Видишь ли, что звезда не даром явилась? Волхвы, и по выслушивании пророчества, и после того, как услышали изъяснение его от первосвященников и книжников, все еще были внимательны к ней.

12 Да посрамится Маркион, да посрамится Павел Самосатский, которые не хотели видеть того, что видели волхвы-первенцы Церкви (я не стыжусь так называть их). Да посрамится Маркион, видя, как поклоняются Богу во плоти. Да постыдится Павел, видя, как Христу поклоняются – не просто как человеку. Хотя пелены и ясли показывают, что поклоняются воплощенному, однако же, поклоняются не как простому человеку; это видно из того, что приносят Ему, еще младенцу, такие дары, которые прилично приносить одному только Богу. Да посрамятся вместе с ними и иудеи, которые, видя, что иноплеменники и волхвы предваряют их, не хотели идти даже и вслед за ними. Событие это служило знамением будущего, и с самого начала показывало, что язычники предварят иудеев. Но почему, ты спросишь, после уже, а не сначала, сказано: «идите, научите все народы» (Матф. 28:19)? Потому что, как я сказал уже, случившееся тогда было образом и предсказанием будущего. Иудеям следовало прийти первым; но так как они добровольно отринули собственно им предложенное благодеяние, то дела получили другой ход. И здесь, ведь, при рождении, волхвам не следовало прийти прежде иудеев; жившим в столь дальнем расстоянии не следовало предупредить живущих подле самого города; не слыхавшим ничего не следовало предварить воспитанных среди такого числа

пророчеств. Но так как иудеи совершенно не понимали тех благ, которые им принадлежали, то пришедшие из Персии предваряют живущих в Иерусалиме. Так говорит об этом и апостол Павел: «вам первым надлежало быть проповедану слову Божью, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам» (Деян. 13:46). Если иудеи и не верили прежде, то, по крайней мере, им надлежало бы идти тогда, как услышали от волхвов; но и того они не хотели сделать. И потому-то во время такого их ослепления волхвы и предваряют их.

13 5. Последуем же и мы волхвам, и, оставив чуждые (христианству) обычаи, совершим великое путешествие, да и мы узрим Христа. Так как и волхвы не видали бы Его, если бы не удалились из своей страны, то и мы будем удаляться земного. Волхвы, доколе были в земле персидской, видели одну звезду; как скоро оттуда удалились, узрели Солнце правды. Но не видать бы им и самой звезды, если бы не поспешили оттуда со всей охотой. Восстанем же и мы; пусть все приходят в смятение, – мы потечем к дому Младенца. Пусть цари, народы, пусть владыки земли преграждают этот путь, – не погасим ревности своей. Только таким образом и можем отстранить предстоящие опасности: ведь и волхвам не избежать бы бедствия со стороны угрожавшего царя, если бы они не увидели Младенца. Прежде, чем узреть Младенца, и страх и опасности и беспокойства отовсюду окружали волхвов; когда же поклонились Младенцу, они стали спокойны и безопасны. И вот уже не звезда, но ангел сопутствует им, так как через поклонение они сделались иереями, и дары принесли. Так и ты, оставив иудейский народ, возмущенный город, кровожадного мучителя, светскую пышность, спеши к Вифлеему, где

находится дом хлеба духовного. Пастырь ли ты? Теки туда, и ты в вертепе узришь Младенца. Царь ли ты? Если не пойдешь в храмину, нет тебе никакой пользы от порфиры. Волхв ли ты? И это нисколько не воспрепятствует тебе, если только пойдешь воздать честь и поклониться Сыну Божьему, и не станешь попирать Его. Впрочем, делай это с трепетом и радостью: и то и другое может совместиться. Смотри, не будь Иродом, и подобно ему, сказав: «чтобы и мне пойти поклониться Ему» (Матф. 2:8), не замышляй, когда придешь, убить Младенца; ему уподобляются те, кто недостойно приобщается святых тайн. Такой, по слову апостола, «виновен будет против Тела и Крови Господней» (1Кор. 11:27). Такие люди служат скрытому в них самих мамоне, который, будучи гораздо хуже Ирода, ненавидит царство Христово. Желая господствовать над людьми, он посылает своих поклонников, которые наружно поклоняются Христу, а во время поклонения убивают Его. Убоимся показывать себя по наружности покорными поклонниками, а на самом деле быть Его врагами. Кланяясь, повергнем все перед Ним из рук своих. Если есть у нас золото, принесем Ему, а не будем закапывать. Если тогда иноплеменники почтили Его своими дарами, то за кого надобно почесть тебя, когда ты отказываешь требующему твоей помощи? Если они совершили такой великий путь для того, чтоб узреть рожденного, то чем извинишься ты, который не хочешь пройти одной улицы для посещения страждущего и заключенного в узах? Мы милосердствуем о самих врагах наших, когда они в болезни или узах, а ты не чувствуешь сострадания к Благодетелю твоему и Господу. Те принесли золото, а ты едва подаешь хлеба. Те, увидев звезду, возрадовались, а ты не трогаешься, видя самого Христа и странствующего и нагого. Но найдется ли

кто-нибудь между вами, хотя один из числа получивших тысячу благодеяний, кто бы предпринимал для Христа такое путешествие, какое совершили эти мудрейшие самых мудрецов варвары? Но что я говорю – такое путешествие? Многие женщины у нас так изнежены, что если не будут привезены на мулах, не хотят пройти и одной улицы для того, чтобы увидеть Христа в духовных яслях? Если же и есть такие, которые могут приходить к Христу, то одни из них предпочитают хлопоты по домашним делам, а другие даже посещение зрелищ хождению в это наше собрание. Варвары, не видав еще Христа, столь великий для Него протекли путь; а ты, и, видев Его, не подражаешь им, но, взглянув, оставляешь Его и спешишь смотреть на шута (я обращаюсь опять к тому же, о чем говорил и прежде) и, видя Христа, лежащего в яслях, бежишь от Него для того, чтобы видеть на сцене женщин. Каких громов и молний не достойны такие поступки!

[14] 6. Положим, что кто-нибудь обещался ввести тебя в царские чертоги и показать в них царя: скажи мне, захотел ли бы ты, вместо того смотреть на зрелище, хотя бы от первого и не мог ожидать никакой для себя выгоды? Но здесь – от этой трапезы истекает духовный огненный источник; а ты, оставляя его и убегая на зрелище видеть играющих и подвергающих всеобщему бесславию свой женский пол, не оставляешь ли самого Христа, Который сидит при этом источнике? Да, Он и ныне сидит при источнике, беседуя не с одной самарянкой, но с целым городом. А быть может, что и теперь говорит одной самарянке, так как нет при Нем и теперь никого; некоторые только телом, а другие и телом не хотят быть при Нем. Но, при всем том, Он не отходит, а стоит, и у нас просит пить, но не воды, а святыни, так как и сам только

святым дарует святое. Не воду подает Он нам из этого источника, а кровь живую, которая, будучи образом Его смерти, есть источник нашей жизни. А ты, оставив источник крови, эту страшную чашу, течешь на дьявольский источник смотреть плавающую в нем блудницу, и потопить там свою душу. В этой воде – море любострастия – не тела потопают, а души гибнут. Та плавает с обнаженным телом, а ты, смотря на нее, погружаешься в бездну любострастия. Таковы сети дьявола, что он губит не тех, которые уже погружены в самой воде, но тех, которые, сидя спокойно, смотрят на это, и подвергает потоплению, более ужасному, чем какому подвергся фараон, утонувший некогда с конями и колесницами. И если бы можно было видеть души, то я показал бы вам много утонувших в этих водах, как некогда тела египтян. Но что всего хуже, такую погибель называют увеселением, и бездну погибели источником наслаждения, – хотя безопаснее можно переплыть Эгейское и Тирское море, чем возвратиться с такого зрелища. Во-первых, дьявол всю ночь занимает души ожиданием; потом, показав ожидаемое, тотчас связывает их и делает своими пленниками. Не думай, что ты чист от греха, когда не совокупился с блудницей; ты пожеланием все уже сделал. Подлинно, если ты питаешь похоть, то этим больший возжигаешь пламень. Если же зрелище не производит на тебя никакого впечатления, то тем большего ты достоин осуждения за то, что служишь соблазном для других, поощряя такие зрелища, оскверняешь свой взор, а с взором и душу. Но не ограничимся одним воспрещением; а представим и способ исправления. Какой же это способ? Я хочу отдать вас для научения женам вашим. По закону Павлову, надлежало бы вам быть их учителями; но как грех извратил весь

порядок, и туловище стало вверху, а глаза внизу, то и мы уж изберем этот путь. Если же стыдно для тебя иметь учителем жену, убегай от греха, и ты опять получишь вверенную тебе от Бога власть. Но до тех пор, пока будешь беззаконно вести себя, Писание посылает тебя не только к женам, но и к бессловесным самым низким; оно ведь не стыдится одаренного разумом посылать учиться к муравью. Впрочем, не Писание в том виновато, а те, кто сами теряют свое достоинство. То же сделаем и мы: теперь отдадим тебя учиться к жене, если же ты не будешь и ее слушать, то отошлем на поученье к бессловесным животным, и покажем, сколько на земле птиц, рыб, сколько четвероногих животных, сколько пресмыкающихся по земле, которые чище и воздержаннее тебя. Если же ты стыдишься и краснеешь при этом сравнении, возвратись к свойственному тебе благородству, и убегай моря геенского и огненной реки, т. е. купален в театре, потому что они влекут тебя в море похоти и возжигают эту пламенную бездну.

15 7. Если «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею» (Матф. 5:28), то не гораздо ли чаще делается пленником тот, кто заставляет себя смотреть на нагую? Не столько потоп, бывший во время Ноя, пагубен был для рода человеческого, сколько эти плавающие женщины бесстыднейшим образом губят всех зрителей. Тот, хотя и причинил смерть телу, но зато очищал душу от грехов; а эти производят противное: оставляя тело, они губят душу. Когда речь идет о преимуществе, вы присваиваете себе первое место во всей вселенной, потому что наш город первый облекся христианским именем; а в подвиге целомудрия не стыдитесь уступать и самым последним по образованию городам. Хорошо, скажете вы, – что же нам

прикажешь делать? Идти в горы и сделаться монахами? Сожалею, что вы скромность и целомудрие почитаете обязанностью одних монахов, тогда как Христос постановил общие для всех законы. Когда он говорит: «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней», то говорит не к монашествующему, но и к женатому, потому что гора та (на которой Он говорил) покрыта была людьми всякого рода. Содержи же в уме твоем это зрелище, и возненавидь зрелище дьявольское, и не укоряй меня в том, будто я предложил тебе слово тяжкое. Я не воспрещаю жениться, не препятствую веселиться; но хочу, чтобы это происходило не без целомудрия, не с бесстыдством и бесчисленными пороками. Я не предписываю идти в горы и пустыни, но чтобы ты вел себя честно, скромно, целомудренно, живя среди города. Все законы у нас с монахами общие, кроме брака. А Павел повелевает и брачным во всем уподобляться монахам: «время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие» (1Кор. 7:29). Следовательно, как бы сказал так: я не повелеваю удаляться на верхи гор, хотя желал бы того, потому что города поступают подобно содомлянам, – впрочем, не понуждаю к тому. Пребывай дома с детьми и женой; только не бесчесть жены, не соблазняй детей, и не вноси заразы со зрелищ в дом твой. Слышишь ли, что говорит Павел: «муж не властен над своим телом, но жена» (1Кор. 7:4)? Он обоим полагает общий закон. Но ты, когда жена твоя часто ходит в церковь, жестоко за то обвиняешь ее; а сам, проводя целые дни на зрелищах, не считаешь себя достойным обвинения. Ты о целомудрии жены печешься даже до излишества и чрезмерности, так что не позволяешь ей необходимых выходов, а для себя все почитаешь позволенным. Но этого не позволяет тебе

Павел, который дал ту же власть и жене: «жене, – говорит он, – муж должное благорасположение оказывает» (1Кор. 7:3). Но что это за честь, когда ты обижаешь ее в главнейшем, когда отдаешь тело, принадлежащее ей, блудницам (ведь тело твое ей принадлежит)? Какая честь, когда вносишь в дом возмущения и ссоры, когда то на площади делаешь, о чем рассказывая дома, стыдишь слушающую жену, заставляешь краснеть предстоящую дочь, а прежде них себя самого? Лучше бы уже молчать, нежели бесстыдно говорить о том, за что и рабов надобно наказывать. Чем извинишься, – скажи мне, – в том, что смотришь с великим вниманием на то, о чем неприлично и говорить, – предпочитаешь всему то, чего нельзя терпеть в рассказе? Но довольно; чтобы не отяготить вас, я кончу здесь слово мое. Впрочем, если вы останетесь при прежнем, то изощрю меч мой, нанесу глубочайшую рану, – и не успокоюсь дотоле, пока, рассеяв дьявольское зрелище, очищу общество, составляющее Церковь. Таким только образом мы избавимся и от настоящего срама, и сподобимся жизни будущей, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 8

[1] Мф.2:11. И, войдя в дом, увидели Младенца с Марией, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну.

[2] Что побуждало волхвов поклониться Младенцу. – Для чего они удаляются в Персию. – Бог для достижения своих целей попускает иногда врагам Своим впадать в заблуждение. – Для чего Христос посылается в Египет. – Пророчество Ос. 11:1 получает надлежащее исполнение во Христе. – Перемена, совершившая с Египтом, показывает силу Христову. – Пустынножительство в Египте. – Слава великого Антония. – Жизнь в миру не может служить препятствием для подражания монашествующим.

[3] 1. Как же говорит Лука, что Младенец положен был в яслях? Потому что родившая тотчас положила Его там. По причине множества собравшихся для переписи, нельзя было найти дома, на что и указывает Лука, говоря: «положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице» (Лук. 2:7). Но после она взяла Его и держала на коленях. Она вскоре, по прибытии в Вифлеем, разрешилась от бремени. Итак, ты и отсюда можешь видеть все домостроительство, и что все это не просто и

не по случаю происходило, но по божественному промышлению, и исполнялось вследствие пророчества. Но что заставило волхвов поклониться, когда ни Дева не была знаменита, ни дом не был великолепен, да и во всей наружности ничего не было такого, что бы могло поразить и привлечь их? А между тем, они не только поклоняются, но и, открывши сокровища свои, приносят дары, и дары не как человеку, но как Богу, потому что ливан и смирна были символом такого поклонения. Итак, что их побудило и заставило выйти из дому и решиться на столь дальний путь? Звезда и божественное озарение их мысли, мало-помалу возводившее их к совершеннейшему ведению. Иначе они не оказали бы Ему такой чести, при столь маловажных по всему обстоятельствах. Для чувств не было ничего там великого, были только ясли, хижина и бедная матерь, чтобы ты открыто видел отсюда любомудрие волхвов, и познал, что они приступали не как к простому человеку, но как к Богу и благодетелю. Потому-то они и не соблазнялись ничем видимым и внешним, но поклонялись и приносили дары, не похожие на грубые (приношения) иудейские; приносили (в жертву) не овец и тельцов, но, как бы были истинные христиане, принесли Ему познание, послушание и любовь.

[4] Мф.2:12. Получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою.

[5] Смотри и отсюда, какова вера их, – как они не соблазнились, но были благопослушны, благоразумны! Не смущаются, не размышляют в самих себе, говоря: если этот младенец действительно велик, и имеет какую-либо силу, то для чего нам бежать и тайно удаляться, и для чего ангел высылает нас из города, как рабов и беглецов, тогда как мы пришли явно и с дерзновением предстали

перед таким множеством народа и перед царем неистовым? Ничего подобного они и не говорили, и не думали, а это-то и есть особенное дело веры, – не изыскивать причин того, чего не велят делать, но только покоряться повелениям.

[6] Мф.2:13. Когда же они отошли, – се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет.

[7] Здесь можно иметь некоторое недоумение и касательно волхвов и младенца. Пусть сами они и не пришли в смущение, а все приняли с верой: однако, мы должны исследовать, почему и волхвы и Младенец не остаются в прежнем месте, но волхвы удаляются в Персию, а Младенец с матерью бежит в Египет? Что же? Неужели Младенцу должно было впасть в руки Ирода, и, впавши, не подвергнуться смерти? Но тогда могли бы усомниться в том, что Он принял плоть, и не поверить величию домостроительства. Если и после этих и многих других человеческих действий, некоторые осмелились назвать восприятие плоти басней, то до какой глубины нечестия не ниспали бы они, если бы Он везде действовал так, как прилично Богу и Его могуществу? Что же касается волхвов, то Бог вскоре высылает их, частью потому, что Он посылает их учителями в страну персидскую, а частью – предотвращает неистовство тирана, чтобы этим вразумить его, что он предпринимает невозможное, и чтобы угасить его ярость, и отвести его от этого тщетного труда. Могуществу Божьему свойственно не только открыто преодолевать врагов Своих, но и без затруднения попускать им впадать в заблуждение. Так именно Он попустил, например, иудеям ввести в заблуждение египтян, и, имея право открыто отдать богатство их в руки

евреев, повелевает сделать это тайно и с лестью, – что не менее других знамений сделало Его страшным для врагов.

[8] 2. Так и жители Аскалона и прочих городов, когда взяли Ковчег Завета, и, будучи поражены, увещевали своих сограждан – не враждовать и не сопротивляться, то наряду с другими чудесами представляли и вышеуказанное, говоря: «для чего вам ожесточать сердце ваше, как ожесточили сердце свое Египтяне и фараон? вот, когда Господь показал силу Свою над ними, то они отпустили народ Его и те пошли» (1Цар. 6:6)? Говорили же они так потому, что, по их мнению, и это дело Божье, не менее других, открыто совершившихся знамений, доказывало силу и величие Божье. Так и здесь, того, что случилось, довольно было, чтобы привести в ужас тирана. Представь, в самом деле, сколько должен был страдать и мучиться Ирод, обманутый и осмеянный от волхвов? Что же из того, если он не сделался лучшим? В том виновен не Тот, Кто устроил это, а чрезмерное ослепление того, кто не внимал данным ему достаточным внушениям – отстать от лукавства, а ожесточался еще более, чтобы за таковое безумие подвергнуться тягчайшему наказанию. Но для чего, скажешь, Младенец посылается в Египет? Главную причину показал сам евангелист, говоря:

[9] Мф.2:15. да сбудется предреченное: «из Египта вызвал сына Моего» (Ос. 11:1);

[10] А вместе с тем и предвозвещались уже начатки благих надежд всей вселенной. Так как Вавилон и Египет более всей земли были разжигаемы огнем нечестия, то Господь, показывая в самом начале, что Он исправит и сделает лучшими жителей обеих стран, и через то уверяя, что следует ожидать благ и для всей вселенной, посылает

волхвов в Вавилон, а сам с матерью приходит в Египет. Кроме того, мы узнаем отсюда и нечто другое, что немало споспешествует к нашему любомудрию. Что же именно? То, что мы с самого начала должны ожидать искушений и наветов. В самом деле, смотри, как все это начинается тотчас от самых пелен. Лишь только Христос родился, и тиран неистовствует, и приключается бегство в чужие земли, и вовсе невинная мать убегает в страну варваров. После этого и ты, удостоившись послужить какому-нибудь духовному делу, если будешь претерпевать жесточайшие напасти и подвергаться бесчисленным бедствиям, не должен смущаться и говорить: что это значит? Когда я исполняю волю Господню, то мне следовало бы быть увенчанным и прославленным, светлым и знаменитым. Но, имея пример Христа, переноси все мужественно, зная, что с духовными людьми так и должно особенно быть, и что их удел – отовсюду подвергаться искушениям. Смотри, что совершается не только над матерью и отроком, но и над волхвами: и они тайно удаляются, подобно беглецам, и сама мать, никогда не отходившая от своего дома, получает повеление отправиться в далекий и прискорбный путь, по причине этого чудного отрока и духовных мук рождения. Вот еще что удивительно: Палестина строит для Него ковы, а Египет Его принимает и спасает от наветов! Таким образом сбывались прообразования не только на детях патриарха, но и на самом Владыке: тогдашними Его делами предвозвещены были многие из последующих событий, каково, например, событие касательно **ослёнка** и **жеребёнка**. Явившийся ангел беседует не с Марией, а с Иосифом. И что он говорит ему? «Встань, возьми Младенца и Матерь Его». Здесь он уже не говорит: «жену свою», но – «матерь Его». Так как рождение совершилось, сомнение кончилось, и

муж был убежден, то ангел уже открыто беседует с ним, не называя ни Младенца, ни жену его, но: «возьми – говорит, – Младенца и Матерь Его и беги в Египет», и показывает причину бегства: «ибо хочет, – говорит он, – Ирод искать душу Младенца».

[11] 3. Иосиф, услышав это, не соблазнился и не сказал: что это за странность? Ты прежде говорил, что Он спасет народ Свой, а теперь Он даже и Себя не спасает, и нам нужно бежать, удалиться и переселиться в отдаленную страну? Это противоречит тому, что обещано. Но он ничего такого не говорит, потому что он был муж верный; не любопытствует даже о времени возвращения, о котором и ангел не сказал определенно: «будь там, доколе не скажу тебе». Он и этим не огорчился, но, будучи готов терпеть все, с радостью оказал покорность и послушание. И человеколюбец Бог эти скорби его растворил радостью, как и обычно Он поступает со всеми святыми, не попуская им быть и в непрестанных опасностях, и не оставляя их в совершенном покое, но устраивая жизнь праведных из совокупления того и другого. Так и здесь Он устроил. Смотри: Иосиф видел, что Дева имела в чреве; это повергло его в смущение и крайнее беспокойство, потому что он подозревал Деву в прелюбодействе. Но тотчас предстал ангел, уничтожил подозрение, и рассеял страх, и Иосиф, видя родившегося Младенца, объят был величайшей радостью. Снова эту радость сменяет немалая скорбь. Город возмущается, царь беснуется и ищет родившегося. Но за этим беспокойством последовала новая радость – звезда и поклонение волхвов. После этой отрады опять страх и опасность, сказано, что Ирод ищет душу Младенца, – и опять ангел велит бежать и переселиться ему, как свойственно человеку, потому что не настало время творить чудеса. Если бы Господь с

первого Своего возраста начал творить чудеса, то Его не стали бы признавать человеком. Потому и храм не просто зиждется, но происходит чревоношение в продолжение обыкновенного девятимесячного времени; потом болезни и рождение, и питание молоком, и продолжительный покой, и ожидание возраста, приличного мужам, – и все это для того, чтобы сделать более удобовразумительным таинство домостроительства. Для чего же, скажешь, были сначала и эти знамения? Для матери, для Иосифа, для Симеона, близкого уже к кончине, для пастырей, для волхвов, для иудеев. Если бы и они захотели тщательнее вникнуть в тогдашние события, то немалую бы от этого приобрели пользу на будущее время. Если пророки не говорят о волхвах, то не смущайся; не все они предрекли, как и не обо всем умолчали. Если бы люди были свидетелями совершившихся происшествий, о которых вовсе прежде не слыхали, то это повергло бы их в большое смущение и недоумение; подобным образом, если бы они узнали все прежде, то ничто бы уже не возбуждало их к исследованию, не оставалось бы ничего делать евангелистам. Если же иудеи и недоумевают касательно пророчества: «из Египта вызвал Сына Моего», как будто бы это о них сказано, то мы им отвечаем, что пророчества, между прочим, имеют и такое свойство, что многое, сказанное об одних, исполняется и на других. Так, например, о Симеоне и Левии сказано: «разделю их в Иакове и рассею их в Израиле» (Быт. 49:7); между тем это сбылось не на них, а на их потомках, точно также и сказанное Ноем о Ханаане сбылось на гаваонитянах, внуках Ханаана. То же сбылось и на Иакове, как мы видим; данное ему благословение: «будь господином над братьями твоими, и да поклонятся тебе сыны матери твоей» (Быт. 27:29), исполнилось не над ним (даже и как

могло это быть, когда сам Иаков страшился и ужасался брата своего, и многократно ему кланялся?), но над его потомками. То же должно сказать и в настоящем случае (о Христе). Кого вернее назвать можно Сыном Божьим? Того ли, кто поклоняется тельцу, или служил Веельфегору и приносил детей в жертву бесам, или Того, кто по естеству Сын, и чтит Родившего? Итак, если бы Христос не пришел, то пророчество не получило бы надлежащего исполнения.

[12] 4. Смотри, как и евангелист намекает на то, говоря: «да сбудется», и, показывая, что это не исполнилось бы, если бы не пришел Сын Божий. Это и на Деву проливает немалый свет и славу. То, чем весь народ (иудейский) хвалился, уже и она могла себе усвоить. То, чем иудеи непомерно хвалились и величались, говоря о своем возвращении из Египта (на что намекает и пророк, говоря: «не иноплеменников ли Я вывел из Каппадокии, и ассириян из рова» (Амос 9:7), составляет также преимущество и Девы. Лучше же сказать, и народ и патриарх, своим приходом в Египет и возвращением оттуда, представляли образ возвращения Христова. И они шли в Египет, убегая от голодной смерти, и Христос – избегая смерти, приготовляемой коварством; но они, придя туда, избавились от голода, Христос же, придя туда, освятил всю страну Своим пришествием. Итак, смотри, как сила Божия открывается среди уничижений! Ангел, сказав: «беги в Египет», не обещался им сопутствовать, ни туда, ни оттуда, – чтобы тем вразумить, что они имеют великого спутника – рожденный Младенец, Который явлением Своим и все вещи изменяет, и самих врагов заставляет во многом послужить домостроительству спасения. В самом деле, волхвы и варвары, оставив злочестие отцов своих, приходят Ему

поклониться. Августово определение о переписи оказывается случаем к рождению Христову в Вифлееме. Египет приемлет и блюдет Его в бегстве от наветов, и получает, таким образом, случай сделать Его близким себе, – чтобы, когда услышит апостольскую проповедь о Нем, мог похвалиться тем, что он первый принял Его.

[13] Эта честь принадлежала одной Палестине; но Египет оказался ревностнее последней. И ныне, если ты придешь в Египетскую пустыню, увидишь, что пустыня, эта лучше всякого рая; увидишь там в образе человеческом бесчисленные лики ангелов, сонмы мучеников, собрания дев; увидишь, что все тиранство дьявольское ниспровергнуто, а царство Христово сияет; увидишь, что Египет, некогда отец и стихотворцев, и мудрецов, и волхвов, изобретший все виды волхвования и предавший их другим, теперь уже красуется рыбарями, и, презирая все прежнее, всюду славит мытаря и скинотворца, и хвалится крестом. И это совершается не только в городах, но даже гораздо более в пустынях, нежели в городах. По всей этой стране можно видеть Христово воинство, и царственное стадо, и образ жизни, свойственный горним силам. И это ты найдешь там не только среди мужей, но и среди женщин: и они любомудрствуют не меньше мужей. Они не берут щитов, не садятся на коней, как повелевают славные греческие законодатели и философы, но вступают в иную, гораздо труднейшую брань. У них, как и у мужей, идет брань с дьяволом и властями тьмы, и в этой брани естественная слабость пола ничуть не служит им препятствием, потому что успех таких браней зависит не от естества тел, а от произволения души. Потому и жены часто превосходили своими подвигами мужей, и воздвигали славнейшие знамения победы. Не так светло

небо, испещренное сонмом звезд, как Египетская пустыня, являющая там повсюду иноческие кущи.

[14] 5. Кто знает древний Египет, богоборный и беснующийся, раба кошек, страшившегося и трепетавшего перед огородным луком, тот вполне уверится в силе Христовой. Впрочем, нам не нужно особенно прибегать к древним сказаниям, потому что и доныне еще сохраняются остатки неразумия, свидетельствующие о прежде бывшем безумии. И, однако, все те, которые прежде доходили до такого безумия, ныне уже любомудрствуют о небе и о небесных вещах, смеются над отеческими обычаями, горюют о своих прародителях и ни во что ставят своих мудрецов. Они самым делом узнали, что учение их мудрецов представляет лишь болтовню безумных старух, и что, напротив, истинная и достойная небес премудрость есть та, которая им проповедана рыбарями. Вот почему они, со всей тщательностью сохраняя учение, особенно стараются оправдать его своей жизнью. Отрекшись от всех стяжаний и распявшись всему миру, они идут еще далее, употребляя свои телесные силы в пользу нищих. Несмотря на пост и бодрствование, они не хотят быть праздными даже и в продолжение дня; но, проводя ночи в священных песнях и бдениях, дни проводят в молитвах и вместе в рукоделии, подражая апостольской ревности. Если апостол, рассуждают они, когда устремляла на него взоры вся вселенная, трудился, работал, занимался ремеслом, и проводил без сна целые ночи в таковых подвигах для пропитания неимущих, – то тем более нам, живущим в пустыне и удалившимся от всякого городского шума, часы спокойного досуга должно употреблять на духовное делание. Итак, должно стыдиться всем нам, и богатым и бедным, когда они, решительно ничего не имея

кроме рук, всеми силами стараются трудиться для того, чтобы неимущие обрели от их трудов прибыток, а мы и при бесчисленном нашем имении жалеем употребить в пособие неимущим даже наших избытков. Какой мы дадим ответ, скажи мне? Чем извинимся? Подумай, как эти аскеты были прежде любостяжательны и вместе с другими пороками угождали чреву? Там были котлы мяса, о которых вспоминали иудеи, там было великое чревонеистовство; и, однако, лишь только захотели, тотчас изменились, и, приняв огонь Христов, устремились к небу. Прежде они были всех невоздержаннее и склонны к гневу и сладострастию, а ныне уже кротостью, бесстрастием и прочими добродетелями подражают силам бестелесным. Кто был в этой стране, тот согласится с тем, что я говорю.

15 А если кто никогда не входил в те кущи, тот пусть вспомнит, что Египет произвел славнейшего после апостолов мужа, блаженного и великого Антония, о котором все доныне говорят непрестанно, и пусть поразмыслит, что и он был в той же стране, где и фараон. И, однако, эта страна нисколько не послужила ему во вред, а еще он сподобился и божественного созерцания, и вел такую жизнь, какой требуют Христовы законы. В этом уверится всякий, кто прочтет со вниманием книгу, содержащую повествование о его жизни, в которой найдет и многие пророчества. Так он предсказал и о зараженных Ариевым зловерием, и о вреде, который имел от них произойти. Тогда Бог все ему показал, и будущее представил перед его очами. И то обстоятельство, что ни одна из ересей не имеет подобного мужа, служит, наряду с прочим, величайшим доказательством истины нашего учения. Но чтобы не рассказывать вам об этом, прочитайте сами то, что написано в его книге, узнайте

все подробно, и научитесь из нее многому любомудрию. Только, прошу вас, чтобы вы не ограничивались одним чтением, а старались и самым делом подражать тому, что написано, не извиняясь ни местом, ни воспитанием, ни нечестием предков. Если мы решимся обратить на себя должное внимание, то ничто подобное не послужит нам препятствием. И Авраам имел нечестивого отца, но не наследовал его беззакония; и Езекия был сын Ахаза, но сделался другом Божьим; и Иосиф жил в Египте, и украсился венцом целомудрия; и три отрока, живя в Вавилоне, в царском доме, при роскошнейшей трапезе, показали величайшую мудрость. И Моисей был в Египте, и Павел в миру; но никому из них ничто не послужило препятствием в подвигах добродетели. Так и мы, помышляя обо всем этом, бросим неуместные отговорки и предлоги, и решимся на добродетельные подвиги. Тогда мы привлечем к себе и большую божественную любовь, и умолим Господа споспешествовать подвигам нашим, и сподобимся вечных благ, которые и да получим все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 9

[1] Мф.2:16. Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался, и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов.

[2] Для чего Бог попустил избиение младенцев. – Страдания и бедствия, претерпеваемые несправедливо, или заглаждают наши грехи, или служат к получению больших наград на небе. – В жизни человека все совершается по действию бож. Промысла. – В доказательство Своей силы, Бог исполняет Свои намерения средствами противоположными. – Почему Иосиф приходит в Назарет. – Пророческие писания не все сохранены евреями. – Не должно гордиться ни отечеством, ни предками, ни богатством, ни другими внешними преимуществами. – Богатство не доставляет безопасности и приводит к погибели души.

[3] 1. Без сомнения, Ироду следовало не гневаться, но возыметь страх, смириться и познать, что он предпринимает дело невозможное; однако же, он не смиряется. Когда душа бесчувственна и неизлечима, она не принимает никакого врачевания, даруемого Богом. Смотри, как Ирод снова подвизается в прежних делах

своих, прилагает убийство к убийству, и безумствует. Объятый гневом и завистью, как некоторым демоном, он ни на что не смотрит, неистовствует над самой природой, и гнев свой, возбужденный посмеявшимися над ним волхвами, изливает на неповинных младенцев, и, таким образом, совершает теперь в Палестине злодеяние, подобное бывшему некогда в Египте: «послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов» (Матф. 2:16). Будьте здесь внимательны к словам моим. Многие очень неразумно судят об этих детях, и возмущаются несправедливостью их избиения, причем одни выражают свои сомнения довольно скромно, а другие с большой дерзостью. Итак, чтобы остановить дерзость одних, и разрешить сомнение других, выслушайте с терпением краткое мое размышление об этом предмете. Если порицают то, что избиение детей попущено Промыслом, то пусть порицают его и за смерть воинов, которые стерегли Петра. Как здесь, после бегства Отрока, избиваются другие дети вместо искомого, так и там, когда ангел освободил Петра от темницы и уз, точно такой же – и по имени и по нравам – тиран, не найдя Петра, вместо него предал смерти стерегших его воинов. Но что это, скажешь ты? Это не решение, а только усложнение вопроса. Я и сам это знаю; но для того и предлагаю это, чтобы на все такого рода вопросы дать одно решение. Итак, в чем состоит это решение? Какое можно дать решение удовлетворительнее того, что не Христос был причиной смерти детей, но жестокость царя; равно и не Петр был причиной смерти воинов, но безумие Ирода? В самом деле, если бы этот последний нашел подрытую стену, или разломанные двери, тогда он, пожалуй, имел бы право винить в беспечности воинов, стерегших

апостола. Но раз все оставалось в надлежащем порядке, – и двери были заперты, и оковы остались на руках стражей (ведь они были связаны вместе с Петром), то он мог бы без сомнения заключить отсюда, если бы только здраво рассудить мог о происшедшем, что это не есть дело силы человеческой, или какого-либо обмана, а дело божественной и чудодейственной силы, и благоговеть перед Сделавшим это, а не восставать на стражей. Для того все это Бог и совершил таким образом, чтобы не только не подвергнуть наказанию стражей, но чтобы через них и самого царя привести к истине. Если ж он оказался нечувствительным, то разве небрежность больного падает на премудрого Врача душ, Который все употребил для его блага? То же самое можно сказать и здесь. Для чего ты, Ирод, будучи поруган волхвами, разгневался? Или ты не знал, что рождение было божественное? Не ты ли призвал архиереев? Не ты ли собирал книжников? Не приводили ли призванные с собой перед твое судилище и пророка, давно уже о том предсказавшего? Не видел ли ты, что древнее согласно с новым? Не слышал ли, что и звезда служила волхвам? Не устыдился ли ты ревности варваров? Не удивлялся ли их дерзновению? Не ужаснулся ли пророческой истины? Не мог ли заключить от прошедшего к последующему. После всего этого, почему же ты не размыслил, что это произведено не обманом волхвов, но силой Божьей, которая все устраивает надлежащим образом? Но если ты и обманут волхвами, то чем же виноваты дети, нимало тебя не оскорбившие?

[4] 2. Все это так, скажешь ты; но, показав ясно, сколь не извинителен и кровожаден был Ирод, ты не разрешил еще вопроса о несправедливости самого события. Пусть он действовал несправедливо, – но почему, скажешь ты, Бог

попустил это? Что же нам ответить на этот вопрос? Укажу вам на то самое правило, о котором я непрестанно говорю и в церкви, и на торжище, и во всяком месте, – правило, которое, – желаю я, – чтобы и вы тщательно соблюдали, поскольку оно дает нам решение на все подобные недоумения. Что же это за правило? В чем оно заключается? То, что обижающих много, а обижаемого нет ни одного. Чтобы такой загадкой не смутить вас еще более, я сейчас же и разрешу ее. Обиды, несправедливо претерпеваемые нами от кого бы то ни было, Бог вменяет нам или в отпущение грехов, или в воздаяние награды. Чтобы мои слова были понятнее, я объясню их примером. Положим, что какой-нибудь раб должен своему господину большую сумму денег; допустим далее, что этот раб обижен бесчестными людьми, и какая-нибудь часть его имения отнята. Итак, если бы этот господин, имея возможность удержать похитителя и лихоимца, вместо того, чтобы возвратить рабу похищенные у него деньги, зачел их за долг свой, то обижен ли был бы раб? Никак. А что если бы господин отдал ему еще более похищенного? Не приобрел ли бы он еще более чем потерял? Это для всех очевидно. Точно также и мы должны думать и о своих страданиях: этими страданиями мы или заглаживаем наши грехи, или же, если не имеем грехов, получаем за них блистательнейшие венцы. Послушай, что говорит Павел о блуднике: «предать сатане в изможднение плоти, чтобы дух был спасен» (1Кор. 5:5). Но к чему это, скажешь? Речь идет об обижаемых другими, а не о тех, которых исправляют учители. На самом деле, однако, здесь нет никакого различия, потому что у нас вопрос был о том, действительно ли в страданиях нет обиды страждущему? Но чтобы более приблизить слово к предмету нашего исследования, напомним о Давиде,

который, видя Семея, нападавшего на него, издевавшегося над его несчастьем и осыпавшего его бесчисленными ругательствами, удержал военачальников, хотевших убить его, говоря: «оставьте его, пусть злословит», дабы видел «Господь… смирение мое, и возвратил благостью за теперешнее… злословие» (2Цар. 16:11–12). И в Псалмах воспевая, сказал: «посмотри на врагов моих, как много их, и *какою* лютою ненавистью они ненавидят меня,.. и прости все грехи мои» (Псал. 24:19, 18). И Лазарь достиг покоя потому, что в настоящей жизни претерпевал бесчисленные бедствия. Итак, те, которые кажутся обиженными, не обижены на самом деле, если только все несчастья переносят с мужеством; напротив, еще более приобретают, получают ли удары от самого Бога, или от дьявола. Но какой грех имели младенцы, скажешь ты, который должны были смыть своей кровью? Вышесказанное справедливо ведь можно применять только к людям возрастным, которые много согрешили; но те, которые претерпели столь безвременную смерть, какие грехи загладили своими страданиями? Но разве ты не слышал сказанного мной, что если нет грехов, то за здешние страдания там воздается награда? Итак, какой урон понесли дети, умерщвленные по такой причине и скоро достигшие покойной пристани? Ты скажешь, что они совершили бы многие, а может быть, и великие дела, если бы продолжилась их жизнь. Но Бог не малую предлагает им награду за то, что они лишились жизни по такой причине; иначе Он и не попустил бы ранней их смерти, если бы они могли сделаться великими. Если уже Бог с таким долготерпением попускает жить и тем, которые всю жизнь проводят во зле, то тем более не попустил бы

умереть так этим детям, если бы предвидел, что они совершат что-либо великое.

[5] 3. Таковы наши основания; впрочем, это не все, но есть и другие сокровеннейшие, которые совершенно знает только Сам устраивающий это. Итак, предоставив Ему совершеннейшее ведение об этом, обратим внимание на последующее, и из несчастий других научимся все переносить мужественно. Подлинно, немалые скорби постигли Вифлеем, когда детей отторгали от сосцов матерей, и предавали неправедной смерти. Если же ты еще малодушествуешь и не в силах возвыситься до такого любомудрия, то узнай конец того, кто дерзнул на такое злодеяние, и немного успокойся. В самом деле, суд весьма скоро постиг Ирода за его поступок, и он за свое злодейство был достойно наказан: он кончил жизнь тяжкой смертью, и даже более жалкой, чем та, на которую он осудил младенцев, потерпев при этом бесчисленное множество и других страданий. Об этом вы можете узнать из истории Иосифа, которую передавать здесь мы не считаем нужным – с одной стороны, чтобы не удлинить нашего слова, с другой – чтобы не прерывать порядка.

[6] Мф. 2:17–18. Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет.

[7] Так как евангелист повествованием об этом насильственном, несправедливом, лютом и беззаконном избиении исполнил ужасом слушателя, то он же и утешает его, говоря, что это не потому случилось, чтобы Бог не мог воспрепятствовать, или не предвидел этого, но что Он предвидел и предвозвестил об этом устами

пророка. Итак, не смущайся и не падай духом, когда взираешь на Его неизреченный Промысел, который ясно можно усматривать как в Его действии, так и в попущении. Это самое и Христос дал разуметь ученикам, когда однажды, в беседе с ними, предвозвестив им о судилищах, узах, о вражде всей вселенной и о непримиримой брани, сказал для их воодушевления и утешения: «не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без *воли* Отца вашего» (Матф. 10:29). Этими словами Он хотел показать, что без Его ведома ничего не бывает, но что Он знает все, хотя и не делает всего. Поэтому, говорит, не смущайтесь и не бойтесь. Если Тот, Кто знает ваши страдания и может отвратить их, однако же, не отвращает, то без сомнения потому, что промышляет и печется о вас. Так должны мы рассуждать и в собственных искушениях, и мы отсюда получим немалое утешение. «Рахиль, – сказано, – плачет о детях своих». Но, – скажет кто-нибудь, может быть, – что общего имеет Рахиль с Вифлеемом? Что так же Рама имеет общего с Рахилью? Рахиль была мать Вениаминова, и по смерти погребена на пути ипподрома (Быт. 35:19) близ Рамы. Итак, поскольку и гроб ее был близ Рамы, и это место досталось в удел Вениамину, сыну ее (Рама была в колене Вениамина), то и по родоначальнику, и по месту погребения евангелист справедливо называет избитых детей – детьми Рахили. Потом, показывая, что приключившееся горе было тяжко и неутешно, – говорит: «не хочет утешиться, ибо их нет». И отсюда мы научаемся опять тому же, о чем я выше говорил, именно – что не должно смущаться, когда обстоятельства кажутся несообразными с обетованием Божьим. Смотри вот, какое было начало, когда пришел Господь для спасения Своего народа, или лучше – для спасения всей вселенной. Мать

бежит, отец подвергается несносным страданиям, совершается убийство, всех убийств тягчайшее; всюду плач, рыдание и вопль многий. Но не смущайся! Господь, в яснейшее доказательство Своей силы, обыкновенно исполняет Свои намерения средствами, всегда противоположными. Так и учеников Своих Он воздвиг, научил и предуготовил ко всяким подвигам, совершая это ради большего чуда средствами противоположными. Потому и они, будучи истязаемы, гонимы и претерпевая бесчисленные бедствия, остались победителями над теми, которые истязали и гнали их.

[8] Мф.2:19–20. По смерти же Ирода, – се, Ангел Господень во сне является Иосифу в Египте и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву.

[9] Теперь уже не говорит «беги», но «иди».

[10] 4. Видишь ли, как за искушением опять следует покой, а за покоем опять опасность? Кончилось его изгнание; он возвратился в свою страну, и узнал о смерти избившего младенцев; но, вступив в отечественную землю, он еще находит остатки прежних опасностей, находит в живых – и на престоле – сына тирана. Но как мог царствовать в Иудее Архелай, когда Понтийский Пилат был игемоном? Ирод только что умер и царство еще не разделилось на части, а так как тотчас по смерти Ирода власть принял вместо отца сын его, а между тем брат Архелая звался также Иродом, то евангелист и присоединил:

[11] Мф.2:22. вместо Ирода отца своего .

[12] Но, скажешь ты, если Иосиф убоялся идти в Иудею по причине Архелая, то ему следовало бояться и Галилеи по причине Ирода. Нет; с переменой места жительства дело уже было скрыто. Все нападение было на Вифлеем и его

пределы, и раз уже совершено было избиение, то Архелай сын Иродов думал, что все уже кончилось, и что между многими убит и Тот, Кого искали. Притом же, может быть, видя такой конец жизни отца своего, он боялся простираться далее и еще упорствовать в беззаконии. Таким образом, Иосиф приходит в Назарет, как во избежание опасности, так и по желанию жить в отечестве. Для большого же ободрения получает об этом извещение и от ангела. Между тем святой Лука не говорит, чтобы Иосиф пошел в Назарет вследствие такого извещения; по его словам, Иосиф и Мария возвратились в Назарет, исполнивши все по закону очищения. Что ж на это сказать? То, что святой Лука говорит это, повествуя о времени до путешествия в Египет. Ангел, конечно, не повел бы их туда прежде очищения, чтобы не было никакого нарушения закона; он ожидал, пока совершится это очищение и они пойдут в Назарет, а тогда уже велел идти в Египет. Затем, когда они возвратились оттуда, – повелевает им идти в Назарет; в первый же раз они шли туда не по внушению ангела, а делали это сами собой, из любви к отчизне. Так как они ходили в Вифлеем только по причине переписи, и не имели даже места, где бы остановиться, то, кончивши дело, за которым приходили, возвратились в Назарет. Итак, ангел возвращает их в дом и успокаивает на будущее время. И это случилось не просто, а по пророчеству:

[13] Мф.2:23. Да сбудется , – говорит евангелист, – реченное через пророков, что Он Назореем наречется.

[14] Какой пророк сказал это, не любопытствуй слишком и не исследуй. Как можно видеть из истории Паралипоменон, пророческих книг много пропало. Иудеи, будучи нерадивы и часто впадая в нечестие, иным

попустили затеряться, иные и сами сожгли и изорвали. Об одном говорит Иеремия, о другом писатель четвертой книги Царств, сообщая, что после долгого времени едва нашли где-то закопанное и затерянное Второзаконие. Если же иудеи так нерадели о священных книгах, когда не было еще врагов, то тем более – при нашествии неприятелей. Впрочем, соответственно предречению пророков, и апостолы часто называют Христа Назореем. Но не затемняло ли это, скажешь, пророчества о Вифлееме? Нет. Напротив, это-то особенно и побуждало к тщательному исследованию того, что было сказано о Нем. Так и Нафанаил начинает свое исследование о Нем словами: «из Назарета может ли быть что доброе» (Иоан. 1:46)? Действительно, Назарет был место не важное; да и не только он, но и вся область Галилейская. Потому и фарисеи говорили: «рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк» (Иоан. 7:52). И однако, Господь не стыдится называться по имени этого места, показывая тем, что Он не имеет нужды ни в чем человеческом; также и учеников Своих выбирает из Галилеи, уничтожая тем всякие отговорки людей ленивых и показывая, что для подвига добродетели нам нет нужды ни в чем внешнем. Потому же он не избирает Себе и дома: «Сын Человеческий, – говорит, – не имеет, где приклонить голову» (Лук. 9:58). Потому Он и бегает от козней Ирода, и при рождении полагается в яслях, и пребывает в гостинице, и избирает бедную Мать, – научая нас тем не почитать ничего такого постыдным, попирая с самого начала гордость человеческую и убеждая к одной добродетели.

15 5. И для чего ты гордишься отечеством, говорит Он, когда Я повелеваю тебе быть странником всей вселенной, когда ты можешь сделаться таким, что весь мир не будет

тебя достоин? Откуда ты происходишь, – это так маловажно, что сами языческие философы не придают этому никакого значения, называют внешним и отводят последнее место. Однако же, Павел допускает это, скажешь ты, когда говорит: «в отношении к избранию, возлюбленные *Божии* ради отцов» (Рим. 11:28). Но скажи, когда, о ком и кому он так говорит? Обратившимся язычникам, которые гордились своей верой, восставали против иудеев, и тем самым еще более отчуждали их от себя. Итак, он говорит это для того, чтобы в одних низложить кичливость, а других привлечь и возбудить к подобной ревности. Когда же он рассуждает о тех благородных и великих мужах, то слушай, что говорит: «ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества. И если бы они в мыслях имели то *отечество*, из которого вышли, то имели бы время возвратиться; но они стремились к лучшему, то есть к небесному» (Евр. 11:14–16). И опять: «все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались» (Евр. 11:13). Точно также говорил Иоанн приходившим к нему: «не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам» (Матф. 3:9); также Павел: «не все те Израильтяне, которые от Израиля, ...не плотские дети суть дети Божьи» (Рим. 9:6, 8). В самом деле, скажи мне, что пользы было детям Самуила в благородстве отца их, когда сами они не наследовали его добродетели? Что пользы детям Моисея, не поревновавшим его строгой жизни? Они не наследовали его власти. Они писались его детьми, но управление народом перешло к другому, кто был сыном ему по добродетели. Напротив, повредило ли Тимофею то, что он имел отцом язычника? Что опять было пользы сыну Ноя от добродетели отца его, если он сделался из свободного рабом? Видишь ли, как мало защиты детям в

благородстве отца их? Развращение воли преодолело законы природы, и лишило Хама не только благородства родительского, но и самой свободы. Также Исав не был ли сыном Исаака, который еще и ходатайствовал о нем? Хотя и отец старался и желал того, чтобы он был участником в благословении, и он сам для того исполнял все его повеления, но так как он был худ, то все это не помогло ему. Несмотря на то, что и по природе он был первенцем, и отец вместе с ним всячески старался о сохранении его преимущества, он лишился, однако, всего, потому что не имел Бога с собой. Но что я говорю об отдельных людях? Иудеи были сынами Божьими, и, однако, ничего не приобрели от этого достоинства. Итак, если кто, будучи даже сыном Божьим, за то, что не окажет добродетели достойной такого благородства, еще более наказывается, то, что уже выставлять благородство дедов и прадедов? Да и не только в ветхом, но и в новом завете можно найти то же самое. «А тем, которые, – сказано, – приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими» (Иоан. 1:12); между тем, для многих из этих чад, по словам Павла, совсем бесполезно то, что они имеют такого Отца. «Если вы обрезываетесь, – говорит он, – не будет вам никакой пользы от Христа» (Галат. 5:2). Если же и Христос совсем бесполезен для тех, которые не хотят внимать самим себе, то, что пользы в человеческом предстательстве? Итак, не будем гордиться ни благородством, ни богатством, но будем презирать надмевающихся подобными преимуществами; не будем унывать по причине бедности, но будем искать того богатства, которое состоит в добрых делах, и убегать той бедности, которая вводит нас в грех. По этой последней причине и известный богач действительно был беден, почему и не мог, несмотря на усиленные просьбы,

получить и одной капли воды. Между тем, есть ли между нами такой нищий, который бы не имел и воды для прохлады? Нет ни одного; и те, кто истаивает от крайнего голода, могут иметь каплю воды, и не только каплю воды, но и другое, гораздо большее утешение. А этот богач и того не имел, – так он был беден, и, что всего тягостнее, ниоткуда не мог иметь утешения в своей бедности. Итак, что мы алчем денег, когда они не возводят нас на небо? Скажи мне, если бы какой-либо земной царь сказал, что богатый не может блистать в его царских чертогах, или достигнуть какой-либо почести, то не все ли с презрением бросили бы имения? Итак, если мы готовы презреть имение, когда оно лишает нас чести у царя земного, то при голосе Царя небесного, который ежедневно взывает и говорит, что неудобно с богатством войти в священные те преддверия, не презрим ли все, и не отвергнем ли богатства, чтобы свободно войти в Его царство?

[16] 6. И достойны ли мы какого-либо прощения, когда с великим старанием обременяем себя тем, что заграждает нам туда вход, и скрываем свое богатство не только в сундуках, но и в земле, тогда как можно бы положить его в хранилище небесное? Ты поступаешь в этом случае подобно тому земледельцу, который, взяв пшеницу, вместо того, чтобы посеять ее на плодоносном поле, бросает в озеро, отчего и сам не получает никакой пользы, и пшеница, испортившись, пропадает. И чем обыкновенно оправдываются люди, когда мы так обличаем их? То не мало утешает нас, говорят они, что мы уверены в безопасности всего скрытого у нас. Но и не быть уверенным, что есть скрытые сокровища, также утешительно. Положим, что ты не боишься голода; но ради такого хранилища ты необходимо должен бояться других, тягчайших бедствий – смерти, вражды, наветов.

Да и в случае голода народ, им понуждаемый, поднимет руку на дом твой. Вернее же сказать, поступая таким образом, ты сам же причиняешь и голод городам, и через то готовишь своему дому опасность страшнее голода. Я не знаю, умирал ли кто вдруг от голода, потому что против этого зла можно придумать много всякого рода средств; но за деньги, за богатство, и за подобные вещи много могу представить убитых и тайно, и явно. Множеством таких примеров наполнены дороги, судебные места и торжища. Да что я говорю о дорогах, судебных местах и торжищах? Посмотри, – самое море исполнено кровью. Тираническая власть любостяжания не только на земле распространила свою державу, но и на море свирепствует с великим неистовством. Один плывет за золотом, другого умерщвляют за него же; одного эта мучительная страсть делает купцом, другого человекоубийцей. Итак, на что всего менее можно полагаться, как не на богатство, когда из-за него нужно скитаться, подвергаться опасности и самой смерти? Но «кто пожалеет об ужаленном заклинателе змей» (Сирах 12:13), по слову Писания? Зная жестокость тиранства, надлежало бы убегать рабства, и истреблять пагубную любовь. Но, скажешь, возможно ли это? Возможно, если только водворишь в себе другую любовь, любовь к небесам. Кто желает Царства Небесного, тот смеется над корыстолюбием. Раб Христов не будет рабом богатства, но его властелином. Богатство обыкновенно само ищет того, кто от него бегает, и убегает от того, кто его ищет; не столько чтит ищущего его, сколько презирающего; ни над кем так не издевается, как над своими искателями, – и не только издевается над ними, но и опутывает их бесчисленными узами. Итак, освободимся хотя бы теперь от этих пагубных цепей. Зачем порабощать разумную душу неразумному веществу,

матери бесчисленных зол? Но не смешно ли? Мы спорим против него словами, а оно спорит против нас делами; водит нас повсюду и, к нашему бесславию, спорит с нами, как с невольниками и непотребными рабами. Что постыднее и бесчестнее этого. Если мы не преодолеваем вещества бесчувственного, то, как же будем преодолевать силы бестелесные? Если не презираем низкое вещество и презренные камни, то, как покорим себе начала и власти? Как будем упражняться в целомудрии? Если и блеск серебра поражает нас, то, как сможем презреть красоту лица? Есть люди, которые до того преданы этой тиранической власти, что самый вид золота производит над ними особенное действие, и они для шутки говорят, что и для глаз полезно смотреть на золотую монету. Но не шути так, человек! Поистине ничто так не вредит и телесным, и душевным очам, как эта страсть. Пагубная любовь эта погасила светильники неразумных дев, и лишила их брачного чертога. Взгляд на золото, – по словам твоим, полезный для глаз, – не позволил несчастному Иуде внять гласу Господа, и еще довел до того, что он удавился, разверзся посередине и, наконец, низвергся в геенну. Итак, что может быть беззаконнее этого взгляда? Что ужаснее? Не о веществе денег говорю я, но о безмерной и необузданной к ним страсти. Она-то по каплям проливает кровь человеческую, имеет смертоубийственный вид, всякого зверя лютее, так как и падших терзает, и, что еще хуже, не дает и чувствовать этих терзаний. Одержимым этой страстью надлежало бы простирать руки к мимоходящим и взывать о помощи; а они еще благодарят за эти мучения. Что может быть злосчастнее? Итак, размышляя об этом, будем убегать от этой неисцелимой болезни, будем врачевать ее угрызения и подальше уклоняться от таковой язвы, чтобы и

здешнюю жизнь провести безопасно и спокойно, и будущие наследовать сокровища, которых и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава и честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 10

[1] «В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». (Мф. 3:1–2)

[2] Какое время означается выражением «в те дни». – Почему Христос крестился тридцати лет. – Отличие крещения Иоаннова от данного Христом. – Цель пришествия Иоанна. – Явление и деятельность Иоанна заранее предсказаны были пророками. – Образ жизни Иоанна. – Увещание подражать Иоанну. – Близость суда и необходимость покаяния. – Покаяние состоит не только в оставлении худых дел, но и в замене их делами добрыми. – Почему Бог не скоро исполняет наши прошения. – Польза искушений.

[3] 1. В какие это дни? По свидетельству св. Луки, Иоанн пришел не в те дни, когда Иисус был еще отроком и возвратился в Назарет, но по прошествии тридцати лет. Как же сказано здесь: «В те дни»? В Писании весьма часто употребляется такой образ речи, когда говорится не только о таких происшествиях, которые непосредственно следовали друг за другом, но и о таких, которые были по истечении многих лет. Так, когда ученики приступили к Иисусу, сидевшему на горе Елеонской, и желали узнать от Него и об Его пришествии, и о разрушении Иерусалима

(а вы знаете, какое расстояние времени между этими двумя событиями), тогда Он, кончивши речь о разорении иудейской столицы и переходя к концу мира, присовокупил: «тогда и это будет». Словом «тогда» Он не смешивал времена, но означил только то время, в которое произойдет кончина мира. Точно так же употреблены и здесь слова: «В те дни». Евангелист указывает этими словами не на те дни, которые непосредственно следовали, но на те, в которые должно было случиться то, о чем он намеревался говорить. Но почему, скажешь ты, Иисус пришел креститься спустя тридцать лет? Потому, что после этого крещения Ему надлежало уже упразднить закон. Чтобы не сказал кто-нибудь, что Он потому отменяет закон, что не мог исполнить его, Он во всей точности исполнял его во все продолжение того возраста, который обыкновенно способен ко всяким грехам. Не во всякое ведь время все страсти действуют в нас; но в раннем возрасте обыкновенно бывает больше неразумия и малодушия, в последующем сильнее действует похоть, а далее, в следующем возрасте – любостяжание. Потому-то Христос, прошедши чрез все эти возрасты и во всех них исполнив закон, тогда уже приходит к крещению, чем и заключил исполнение всех заповедей. А что крещение было последним из дел законных, выслушай Его слова: «Ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф. 3:15). Смысл этих слов таков: мы все предписанное законом исполнили, не преступили ни одной заповеди; и так как остается только одно крещение, то и это нам должно присовокупить, и таким образом исполним всякую правду. Под «правдой» Он разумеет здесь исполнение всех заповедей. Отсюда видно, для чего Христос приступил к крещению. Но почему вздумалось Иоанну крестить? По свидетельству ев. Луки, не сам

собою сын Захарии приступил к крещению, но по возбуждению Божию: «Был глагол Божий» к нему (Лк. 3:2), т. е., повеление Божие ему. И сам Иоанн говорит: «Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего» как голубя, «и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым» (Ин. 1:33). Для чего же он послан совершать крещение? И это опять объясняет нам сам Креститель, говоря: «Я не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю» (Ин. 1:31). Но если одна эта причина, то как же еванг. Лука говорит: «Он проходил по всей окрестной стране Иорданской, проповедуя крещение покаяния для прощения грехов» (Лк. 3:3)? Крещение Иоанново не давало прощения грехов. Это последнее было даром крещения, после данного нам. В нем мы спогреблись со Христом; в нем ветхий наш человек сораспялся с Христом; а прежде креста Христова нигде не видно отпущения грехов: оно везде приписывается крови Его. И апостол Павел говорит: «Но омылись, но освятились» не крещением Иоанновым, но «именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего» (1Кор. 6:11). И в другом месте: «Иоанн крестил крещением покаяния, – не сказано отпущения, – чтобы веровали в Грядущего по нем» (Деян. 19:4). Да и каким бы образом могло быть отпущение грехов, когда еще ни жертва не была принесена, ни Дух (Святый) не сходил, ни грехи не были заглаждены, ни вражда не пресеклась, ни проклятие не уничтожилось?

[4] 2. Итак, что же значит – «для прощения грехов»? Нераскаянны были иудеи и никогда не чувствовали грехов своих, но будучи подвержены крайним порокам, всегда считали себя праведными, а это-то особенно и губило их, и отдаляло от веры. Апостол Павел, укоряя их

за это, сказал: «Не разумея праведности Божией усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией» (Рим. 10:3). И еще: «Что же скажем? Язычники, не искавшие праведности, получили праведность [от веры]. А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности. Почему? потому что [искали] не в вере, а в делах закона» (Рим. 9:30–32). Так как это было причиною их зол, то приходит Иоанн, чтобы привести их к сознанию своих грехов. Это выражалось в самой наружности его; располагавшей их к покаянию и исповеданию грехов, то же показывала и его проповедь, потому что он только и говорил: «Сотворите же достойные плоды покаяния» (Лк. 3:8). Итак, поскольку несознание грехов своих, как говорит и апостол Павел, удаляло их от Христа (тогда как, напротив, от помышления о своих грехах происходит желание искать Искупителя и прощения), – то и цель пришествия Иоанна состояла в том, чтобы расположить их к познанию своих грехов и склонить к покаянию; не для того, чтобы они были наказаны, а чтобы стали через покаяние более смиренными, осудили самих себя и прибегли к получению прощения. Смотри, с какою точностью евангелист указал на это. Сказав, что Иоанн «приходит… и проповедует в пустыне Иудейской… крещение покаяния», он присовокупил – «для прощения», как бы говоря тем: он убеждал их к сознанию и покаянию в грехах, не для наказания их, но чтобы они удобнее получили отпущение, имевшее быть после. Если бы они не осудили самих себя, то не стали бы искать и милости; а не ища ее, не удостоились бы и отпущения грехов. Итак, крещение Иоанново пролагало путь к другому. Потому-то и сказано: «Чтобы веровали в Грядущего по нем». Этими словами, кроме означенной нами, указывается еще и

новая причина крещения. Неприлично было Иоанну обходить дома и, взявши Христа за руку, водить везде, говоря: веруйте в Него; неприлично также было перед всеми мимоходящими возносить этот блаженный глас, и совершать все прочее. Потому и пришел он крестить. И уважение к Крестителю, и цель самого действия привлекала и призывала к Иордану всех жителей, так что здесь было великое собрание народа. Вот почему приходящих к нему он смиряет и убеждает не думать о себе много, показывая, что они подвергнутся величайшим бедствиям, если не покаются, – убеждает перестать хвалиться своими предками и принять грядущего. В это время явление Христово было еще прикровенно, и многие, по причине бывшего в Вифлееме избиения, почитали Его умершим. Правда, Он, будучи еще двенадцати лет, обнаружил Себя, но в скором времени опять сделался неизвестным. Вот почему Его явление в самом начале долженствовало быть особенно знаменитым и высоким. Потому-то Иоанн в первый раз громогласно и проповедует народу иудейскому то, чего они не слыхали ни от пророков и ни от кого другого, – напоминает им о небесах и о небесном царстве, и не говорит уже ни о чем земном. Под царством же разумел он пришествие Христово, как первое, так и последнее. Но для чего, скажешь ты, говорил он это иудеям, когда они не понимали слов его? Я для того говорю это, скажет он, чтобы они, будучи возбуждены таинственностью слов, стали искать проповедуемого. И действительно, Иоанн так воодушевил благими надеждами приходивших к нему, что даже многие мытари и воины спрашивали: что им делать, и как устроить жизнь свою? – а это было признаком, что они, оставивши житейские дела свои, начали обращать взор свой на другое важнейшее, и как бы во сне представлять

будущее. Все, что они видели и слышали, порождало в них высокие мысли.

[5] 3. В самом деле, представь, каково было видеть человека, исходящего из пустыни, по прошествии тридцати лет, сына одного из первосвященников, того, который никогда не имел нужды в вещах человеческих, во всех отношениях достоин был уважения, и сверх того имел за собой пророка Исаию, поскольку этот последний возглашал о нем, говоря: «вот тот, о котором я предвещал, что он приидет вопиять в пустыне, и обо всем громогласно проповедовать». И действительно, пророки так были заботливы в настоящем случае, что задолго предвозвестили не только о Владыке своем, но и о том, кто будет слугой Его; и предвозвестили не только о лице его, но предсказали и место, где он будет проповедовать, и образ проповеди, который он употребит для научения, и то, какие добрые последствия произойдут от его проповеди. Смотри, как оба они, т. е. пророк и креститель, соглашаются в одной мысли, хотя и не одними словами выражают ее. Исаия говорит, что такова будет проповедь Иоанна: «Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте… стези» Его (Ис. 40:3); сам же креститель, по пришествии своем, говорит: «Сотворите же достойные плоды покаяния», – это означает то же самое, что и слова: «Приготовьте путь Господу». Видишь ли, что и слова, изреченные пророком, и проповедь самого Иоанна означают только то, что он пришел предуготовить и предустроить путь ко Христу? Пришел не для того, чтобы подавать дар, т. е. отпущение грехов, но чтобы приуготовить души тех, которые имели принять Бога всяческих. Лука же еще нечто прибавляет; он приводит не начало только пророчества, но передает его полностью: «Всякий дол да наполнится, и всякая гора и

холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими; и узрит всякая плоть спасение Божие» (Лк. 3:5–6; Ис. 40:4). Видишь ли, как говорит? Пророк давно все предсказал: и стечение народа, и перемену вещей к лучшему, и успех проповеди, и причину всех этих событий, – хотя это все выражено иносказательно, так как это были слова пророческие. Когда пророк говорит: «Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся,... и неровные пути сделаются гладкими», – то он означает этим, что и смиренные вознесутся и гордые смирятся, и трудность закона переменится в легкость веры. Не будет уже более трудов и пота, говорит он, но настанет благодать и прощение грехов, облегчающие путь спасения. Потом указывает и причину этого, говоря: «узрит всякая плоть спасение Божие», т. е. не одни уже только иудеи и принявшие их веру, но вся земля и море, и все естество человеческое. Через стропотное он означил всякую развращенную жизнь, разумел мытарей, любодеев, разбойников, волхвов и вообще всех тех, которые прежде жили развращенно, а после вступили на правый путь, о чем говорил и сам Христос: «Мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие» (Мф. 21:31), – так как они уверовали. То же самое выразил пророк еще и другими словами: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком» (Ис. 11:6), «Волк и ягненок будут пастись вместе» (Ис. 65:25). Как там, под образом холмов и дебрей, указывает на соединение различных нравов в один согласный образ мыслей, так и здесь, в свойствах различных животных изображая различные нравы людей, говорит, что они также соединятся и будут между собою согласны в благочестии; и здесь опять, представляет тому причину: «И будет, – говорит, – в тот день: к корню Иессееву,

который станет, как знамя для народов, обратятся язычники, – и покой его будет слава» (Ис. 11:10). Эту же причину и там привел он, сказав: «И узрит всякая плоть спасение Божие» (Лк. 3:6). В обоих случаях он указывает на то, что сила и познание Евангелия разольются во все концы земли, и род человеческий от зверских нравов и от грубого образа мыслей перейдет к кротости и мягкости. «Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих» (Мф. 3:4). Видишь ли, как иное предвозвестили пророки, а иное предоставили евангелистам? Почему Матфей и пророчества приводит, и от себя присоединяет, не почитая излишним сказать и об одежде праведника.

[6] 4. В самом деле, странно и удивительно было видеть в человеческом теле такое терпение: это-то особенно и привлекало иудеев. Они видели в нем великого Илию; зрелище, которого они были свидетелями, напоминало им об этом святом муже, и даже еще более изумляло их. Действительно, тот питался и в городах и домах, а этот от самой колыбели постоянно жил в пустыне. Предтече Того, Кто имел упразднить все древнее, как то: труд, проклятие, печаль и пот, надлежало и самому иметь некоторые знаки такого дара и быть выше древнего осуждения. Таковым он и был. Ни земли Он не обрабатывал, ни бразд не рассекал, ни хлеба не ел в поте лица; но стол имел готовый, одежду находил легче стола, а о жилище еще менее заботился, нежели об одежде. Он не имел нужды ни в доме, ни в постели, ни в столе, ни в чем другом подобном, но, нося плоть, вел какую-то ангельскую жизнь. Для того-то он и носил власяную одежду, чтобы и самою одеждою научить нас удаляться человеческого, и не иметь ничего общего с землею, но возвращаться к прежнему благородству, в каком был некогда Адам, прежде, нежели возымел нужду

в платье и одежде. Таким образом, сама одежда Иоанна служила знаком и царского достоинства, и покаяния. Не спрашивай меня, откуда он, живя в пустыне, мог достать власяницу и пояс? Если ты будешь спрашивать об этом, то найдешь множество и других вопросов, например: как он во время зимы и во время зноя солнечного жил в пустыне, особенно же в незрелом возрасте и с слабым, еще не укрепившимся телом? Каким образом детское его тело могло перенести такие перемены погоды, при таком необыкновенном столе и прочих невыгодах пустынной жизни? Где ныне те греческие философы, которые суетно ревновали циническому бесстыдству? Какая была польза запираться в бочке, и потом предаваться такой гнусности? Где эти философы, которые, пренебрегая всеми приличиями, имели между тем множество колец, чаш, слуг и служанок, и окружали себя прочею пышностью, вдаваясь, таким образом, в две крайности? Но не таков был Иоанн; он обитал в пустыне, как на небе, строго исполняя все правила философии, и оттуда, подобно ангелу с неба, нисходил во грады, – подвижник благочестия, увенчанный всею вселенной, и философ философии, и достойной неба. Притом он был таковым тогда, когда еще не был разрешен грех, не прекратился еще закон, не была еще связана смерть, не были еще сокрушены медные врата, но когда еще имел силу ветхий завет. Такова-то мужественная и крепкая душа: она всюду проходит и побеждает все преграды. Таков был и Павел в новом завете. Но для чего, скажешь ты, Иоанн вместе с одеждою носил и пояс? Таков был обычай древних, прежде чем вошла в употребление одежда мягкая и раздувающаяся. Так опоясывался Петр, равно как и Павел: «Мужа, – говорится, – чей этот пояс» (Деян. 21:11). Так же одет был Илия; так же одевался и каждый из

святых, потому что они непрестанно были в деле: или путешествовали, или чем-нибудь другим нужным занимались и трудились. Впрочем, не по одной только этой причине они одевались таким образом, но еще и потому, что пренебрегали всякими украшениями и любили жизнь строгую и суровую; а это и Христос поставляет в величайшую похвалу добродетели: «Что же, – говорит, – смотреть ходили вы? человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских» (Мф. 11:8).

[7] 5. Если же Иоанн, этот столь чистый муж, светлейший неба и высший всех пророков, более которого никого не было и который имел такое дерзновение, – если он вел такую суровую жизнь, совершенно пренебрегая всеми излишними удовольствиями, то какое же оправдание будем иметь мы, которые после явленных нам великих благодеяний, и при бесчисленных грехах, нас обременяющих, не оказываем даже и малейшей части его покаяния, но упиваемся, пресыщаемся, намащаемся благовониями, живем ничем не лучше театральных блудниц, всячески нежимся, и таким образом делаем себя легкою добычею дьяволу? «Тогда Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои» (Мф. 3:5–6). Видишь ли, как сильно подействовало явление пророка, как заставило весь народ встрепенуться, как привело его в чувство грехов своих? И подлинно, чудное было для иудеев зрелище, когда они видели, что Иоанн в человеческом образе проявляет такие дела, говорит с таким дерзновением, восстает на всех как на детей, блистает особенною благодатью в лице своем. Удивление их увеличивалось еще более от того, что явление пророка последовало спустя долгое время (ведь

благодать пророческая оскудела у них, и возвратилась к ним спустя долгое время). Да и самый образ проповеди был какой-то странный и особенный. В самом деле, они не слыхали от Иоанна ничего обыкновенного: ни о земных войнах, битвах и победах, ни о бедствиях голода и мора, ни о вавилонянах и персах, ни о взятии города, ни о другом чем-либо обыкновенном, но о небесах, небесном царстве и о мучении в геенне. Вот почему иудеи, несмотря на то, что незадолго перед тем временем сообщники возмутителей Иуды и Февды все были побиты в пустыне Иорданской, нимало не страшились идти туда. Иоанн призывал их не с тем же намерением, как эти возмутители, т. е. чтобы склонять их к восстановлению царства, восстанию и нововведениям, но чтобы руководствовать к небесному царству. Потому он и не удерживал их в пустыне, чтобы вести за собою, но отпускал, преподав крещение и правила строгой жизни; он всеми мерами старался внушить им презирать все земное, а возноситься и устремляться постоянно к будущему. Будем и мы подражать Иоанну, и оставив сластолюбие и пьянство, начнем жизнь воздержную. Теперь время покаяния как для некрещеных, так и для крестившихся, чтобы одни, покаявшись, сделались причастниками святого таинства, а другие, омывши скверны, приобретенные после крещения, с чистою совестью приступили к трапезе. Оставим же эту сластолюбивую и развращенную жизнь. Нельзя ведь, никак нельзя в одно и то же время и каяться, и предаваться сластолюбию. И в этом пусть уверит вас одежда, пища и жилище Иоанна. Что ж, скажете, – прикажешь и нам вести такую суровую жизнь? Не приказываю, но советую и прошу. Если же для вас это невозможно, то хоть оставаясь в городах, будем совершать

покаяние. Суд уже у дверей. Да если бы он и не был так близок, все-таки, нам не должно быть беспечными, потому что конец жизни каждого имеет такую же силу для отзываемого в будущую жизнь, как и кончина мира. А что суд уже у дверей, послушай, как говорит о нем Павел: «Ночь прошла, а день приблизился» (Рим.13:12); и в другом месте: «Грядущий придет и не умедлит» (Евр. 10:37). Да и самые признаки, возвещающие день суда, уже открылись, потому что сказано: «Проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (Мф. 24:14).

[8] 6. Заметьте особенно эти слова. Не сказал Спаситель: когда уверуют все люди, но: когда будет всем проповедано. Потому-то Он и прибавил: «во свидетельство всем народам», давая чрез то знать, что Он не будет отлагать пришествия Своего дотоле, пока все уверуют. «Во свидетельство» здесь значит: в обвинение, в обличение, в осуждение неверовавших. А мы, слыша и видя это, спим и видим грезы, как бы погруженные в самый глубокий полночный сон. И действительно, происходящее теперь наяву, радостное ли то, или прискорбное, ничем не лучше грез. Потому и умоляю вас, наконец, пробудиться, и воззреть к Солнцу правды. Сонный не может видеть солнца, и усладить взор свой красотою лучей его. Если же что и видит, то все как бы во сне. Итак, нам нужны теперь глубокое раскаяние и обильные слезы, как потому, что мы грешим и остаемся бесчувственными, так и потому, что грехи наши велики и превышают прощение. А что я не лгу, в том свидетелями большая часть слушателей. Впрочем, хотя грехи и превышают прощение, обратимся все же к покаянию, и мы удостоимся венцов. Покаянием же я называю не то,

чтобы только отстать от прежних худых дел, но и то, чтобы показать большие добрые дела. «Сотворите, – сказано,– же достойные плоды покаяния» (Лк. 3:8). Как же нам сотворить их? Поступая напротив. Например, ты похищал чужое? Вперед давай и свое. Долгое время любодействовал? Теперь воздерживайся и от своей жены в известные дни; привыкай к воздержанию. Оскорблял и даже бил, кого ни встречал? Вперед благословляй обижающих тебя и благодетельствуй бьющим. Для исцеления нашего не достаточно только вынуть стрелу, но еще нужно приложить к ране лекарство. Ты предавался прежде сластолюбию и пьянству? Теперь постись и пей воду; старайся истребить зло, происшедшее от прежней жизни. Ты смотрел прежде сладострастными очами на чужую красоту? Вперед для большей безопасности совсем не смотри на женщин. «Уклоняйся, – сказано,– от зла и делай добро» (Пс. 33:15), и еще: «Удерживай язык свой от зла и уста свои от коварных слов» (Пс. 33:14). А я требую, чтобы ты еще говорил доброе. «Ищи мира и следуй за ним» (Пс. 33:15) не только с людьми, но и с Богом. Прекрасно сказано: «следуй». Подлинно мир отринут и изгнан, и, оставив землю, отошел на небо. Но мы можем возвратить его опять, если только, оставив гордость, наглость и все, что препятствует ему, захотим вести жизнь скромную и кроткую. В самом деле, нет ничего хуже наглой надменности. Она-то и делает нас и напыщенными и в то же время раболепными, а потому в первом случае смешными, во втором отвратительными, и таким образом производит зараз два противоположных порока: гордость и подлое ласкательство. Если же мы искореним эту ненасытную страсть, то будем и истинно-смиренными, и высокими без всякой для себя опасности. От излишества, ведь, и в телах наших

происходит порча соков, и когда составные части нашего тела по чрезмерности выходят из своих границ, то рождаются бесчисленные болезни и страшные случаи смерти. То же самое бывает и с душою.

9 7. Итак, отсечем всякую безмерность и, принявши спасительное врачевство умеренности, будем жить добропорядочно, как следует, и станем усердно прилежать к молитвам. Если и не получим просимого, будем молиться, чтобы получить; если же получим, не престанем молиться и по получении просимого. Бог не для чего-нибудь иного откладывает исполнение наших прошений, но для того, чтобы замедлением возбуждать к неусыпным молитвам. Для того-то Он и отлагает исполнение наших прошений, и часто попускает нам впадать в искушения, чтобы мы непрестанно к Нему прибегали и не оставляли Его. Так поступают и любящие отцы и чадолюбивые матери: видя, что дети перестают ласкаться к ним, и оставляют их, чтобы играть с своими сверстниками, они часто приказывают слугам своим пугать их, чтобы страхом принудить их бежать к материнским объятиям. Так и Бог часто угрожает нам не потому, что Он готов исполнить над нами Свои угрозы, но для того, чтобы привлечь к Себе. Оттого-то, когда мы к Нему обращаемся, Он тотчас перестает быть грозным. Если бы мы были одинаковы как в благополучии, так и в искушениях, то не было бы и нужды в искушениях. И что нам говорить о себе? И сами святые мужи часто вразумляемы были искушениями. Потому-то и говорит пророк: «Благо мне, что я пострадал» (Пс. 118:71). И сам Христос говорит апостолам: «В мире будете иметь скорбь» (Ин. 16:33). То же самое разумеет и Павел, когда говорит: «Дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня» (2Кор. 12:7). Вот почему, хотя и просил он избавиться от

этого искушения, он не получил просимого, потому что ему от него была большая польза. Если пройдем всю жизнь Давида, то найдем, что и он был светлее во время бедствий. И не только он, но и все другие ему подобные. Так Иов наиболее сиял во время бедствий; тогда же наиболее прославился Иосиф; также Иаков, и отец его и отец отца его, и все, которые когда-либо сияли и получили блистательнейшие венцы, увенчались и прославились от скорбей и искушений. Зная все это, не будем, по словам мудрого, «смущаться во время посещения» (Сир. 2:2), а научимся тому единственно, чтобы мужественно все переносить, и, что бы ни случилось с нами, ни о чем не любопытствовать и не беспокоиться. Знать, когда должны кончиться наши скорби, принадлежит Богу, Который их попускает, а переносить эти скорби со всею благодарностью – есть дело уже нашей благопризнательности. Если будет так, то все будет у нас хорошо. А чтобы это действительно было, чтобы нам быть славнее здесь – на земле и блистательнее на небесах, будем принимать все, постигающее нас, с благодарностью к Тому, Кто лучше нашего знает, что нам полезно, и Кто любит нас сильнее самих родителей. Эти две мысли припоминая себе при каждом постигающем нас бедствии, будем укрощать скорбь свою и прославлять Бога, Который во всех случаях все творит и устрояет в нашу пользу. Таким образом мы и легко отразим все наветы, и получим нетленные венцы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Беседа 11

[1] «Увидев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, сказал им: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева?» (Мф. 3:7)

[2] Неверие фарисеев, приходивших к Иоанну. – Обличение фарисеев Иоанном не лишало их надежды спасения чрез покаяние. – Для покаяния не требуется продолжительного времени. – Превосходство крещения Христова над крещением Иоанновым. – Почему Иоанн говорит о даровании Духа Св., умалчивая о предшествующих делах Христа. – Одного крещения недостаточно для спасения; требуется еще и добродетельная жизнь. – Нужно извлекать пользу из проповеди. – Добродетели надо научаться постепенно, переходя от легчайшего к более трудному. – Польза эпитимий. – Приобретение навыка в добродетели.

[3] 1. Почему же Христос говорит, что они не верили Иоанну? Потому что это была не вера, если они не приняли Того, о Ком Иоанн проповедовал. Они, по-видимому, внимали и учению пророков, и словам Законодателя, – и однако Христос обличал их в невнимании, потому что они не приняли Того, о Ком предрекали пророки. «Ибо если бы вы верили Моисею, –

говорит Он,– то поверили бы и Мне» (Ин. 5:46). И впоследствии, когда Христос спрашивал их: «Крещение Иоанново откуда было»? – они так рассуждали между собою: «Если сказать: от человеков, – боимся народа; если скажем: с небес, то Он скажет нам: почему же вы не поверили ему» (Мф. 21:25–26)? Из всего этого, таким образом, видно, что они приходили к крещению, и крестились, но не пребыли в вере проповеданному. И евангелист Иоанн открывает нам их злобу, когда, говоря о посланных спросить Крестителя: «Ты Илия?» Христос ли ты? тотчас прибавляет: «А посланные были из фарисеев» (Ин. 1:21, 24). Так что же? А простой народ разве не точно так же думал? Правда, говорит; но только простой народ думал так по простоте сердца, фарисеи же хотели уловить его. Так как, например, было известно, что Христос придет из веси Давидовой, а Иоанн был от колена Левиина, то они и предлагали ему коварный вопрос, чтобы в самом его ответе найти случай напасть на него. Это видно и из дальнейшего: несмотря на то, что он и не дал тех ответов, каких они ожидали, они все-таки нападают на него, говоря: «Что же ты крестишь, если ты ни Христос...» (Ин. 1:25)? Но чтобы тебе еще более увериться в том, что фарисеи приходили креститься с одними мыслями, а простой народ с другими, послушай, как показал это евангелист. О простом народе он говорит, что он приходил и крестился от Иоанна, исповедуя свои грехи; а о фарисеях говорит уже не то, но вот что: «Увидев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, сказал им: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева»? Какая высота духа! Как сильно говорит он к людям, всегда жаждавшим крови пророков, – людям, ничем не лучшим змей! С какою свободою он обличает и их самих, и родивших их!

[4] Так, скажешь: свобода велика; но вот что надобно спросить: имеет ли она какое-либо основание? Ведь он видел их не согрешающими, но кающимися; казалось бы, поэтому, он должен был не порицать их, а похвалить, и принять за то именно, что они, оставив город и свои дома, пришли слушать его проповедь. Что же мы на это скажем? То, что он обращал внимание не на настоящие обстоятельства, не на то, что происходило, но видел тайные их помышления, которые открыл ему Бог. Так как они величались своими предками, что и было причиною их погибели, и повергло их в беспечность, то он исторгает самый корень их гордости. Потому же и Исайя называет их начальниками содомскими и народом гоморрским (Ис. 1:10), а другой пророк говорит: «Не таковы ли (вы), как сыны Ефиоплян» (Ам. 9:7)? Так все их предостерегают от этого предрассудка, смиряя их гордость, бывшую для них источником бесчисленных зол. Но ты скажешь: пророки справедливо так поступали, потому что они видели их согрешающими; здесь же почему и для чего делать это Иоанну, когда он видит их уже покорными? Для того, чтобы еще более смягчить их. Если же кто со вниманием рассмотрит его слова, то и в самом обличении откроет похвалу им, потому что эти слова были произнесены им от удивления, что они, хотя и поздно, но все же могли сделать то, что казалось некогда невозможным. Следовательно, и само обличение их Иоанном означает более желание привлечь их и расположить к покаянию. В то время, когда он, по-видимому, поражает их, он открывает и прежнее их великое нечестие, и вместе с тем их дивную и неожиданную настоящую перемену. Как это могло быть, говорит он, что они, будучи детьми таких родителей и так худо воспитаны, начали раскаиваться? Откуда такая перемена? Кто смягчил суровое их сердце?

Кто исцелил неисцельное? Смотри, как он с самого начала поразил их, говоря им о геенне. Не о обыкновенных бедствиях сказал он им, как например: «кто внушил вам бежать от врагов, нашествия варваров, плена, голода и язвы?» Нет; он угрожает им другим наказанием, о котором они еще не имели ясного понятия, говоря таким образом: «Кто внушил вам бежать от будущего гнева»?

[5] 2. Справедливо назвал Иоанн фарисеев и порождением ехидны. Подобно тому, как это животное убивает мать, его рождающую, и является на свет, как говорят, разгрызая у нее чрево, так и они поступали, убивая своих отцов и матерей и раздирая своими руками учителей. Впрочем, Иоанн не останавливается на одном обличении, но предлагает и совет: сотворите, говорит, плоды достойные покаяния (Мф. 3:8), потому что не достаточно только удалиться от нечестия, но надобно показать и великую добродетель. Не делайте же, говорит он им, того, что для меня противно, а для вас обыкновенно, и не возвращайтесь к прежним порокам, только смирившись на малое время. Мы уже не в таком положении, как прежние пророки. Настоящие обстоятельства отличны от прежних и выше, потому что ныне грядет сам Судия и Господь царства, чтобы возвести нас к высшему любомудрию, воззвать на небо и привлечь в тамошние обители. Потому-то я и говорю о геенне, что теперь как награды, так и наказания вечны. Итак, не оставайтесь в прежних ваших пороках, не указывайте, по обычаю, в свою защиту на благородство ваших предков – Авраама, Исаака и Иакова. Впрочем, этими словами он не возбранял им называться потомками этих святых, но возбранял слишком полагаться на это, пренебрегая добродетельною жизнью. Говоря так, он раскрывал и

настоящие их мысли, и предрекал будущее. Действительно, они и после того еще говорили: мы «семя Авраамово и не были рабами никому никогда» (Ин. 8:33). Так как это особенно побуждало их к гордости, и приводило к погибели, то Иоанн прежде всего и обличает этот порок. Смотри же, с каким уважением к патриарху приступает он к их исправлению! Сказавши: «Не думайте говорить в себе: «отец у нас Авраам"», не сказал: патриарх не может принести вам никакой пользы, но с какою-то кротостью и ласковостью то же самое дал разуметь словами: «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф. 3:9). Некоторые говорят, что здесь Иоанн указывает на язычников, называя их иносказательно камнями. Но, по моему мнению, слова эти заключают в себе и другую мысль. Какую же? Не думайте, говорит, что если вы погибнете, то патриарх уже останется бездетен. Нет, нет! Богу возможно и от камней дать ему детей и продолжить род его, так как и с начала так было, потому что от камней быть людям все то же, что родиться младенцу от бесплодной матери. Так и пророк, указывая на это, говорит: «Взгляните на скалу, из которой вы иссечены, в глубину рва, из которого вы извлечены. Посмотрите на Авраама, отца вашего, и на Сарру, родившую вас» (Ис. 51:1–2). Итак, напоминая им об этом пророчестве, он показывает, что как с самого начала Бог чудесным образом соделал Авраама отцом, как бы из камня, так и ныне это возможно. Примечай, как он их и устрашает, и поражает. Не сказал, что уже воздвиг, чтобы они не пришли в отчаяние, но – что может воздвигнуть. Притом не сказал, что может людей воздвигнуть от камней, но гораздо более – родных чад Аврааму. Видишь ли, как он их отводит от плотских мыслей и надежды на предков, чтобы они в собственном покаянии и

смиренномудрии имели надежду на спасение? Видишь ли, как он, истребляя в них мысль о родстве по плоти, вводит родство по вере?

[6] 3. Но примечай, как он и последующими словами умножает их страх и возбуждает в них беспокойство. Сказав, что «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф.3:9), он тотчас присовокупил: «Уже и секира при корне дерев лежит» (Мф.3:10). Вся речь его вселяет ужас. И он, по самому образу своей жизни, мог говорить очень свободно; да и они требовали сильного обличения, потому что уже давно огрубели. Сказать ли вам, говорит он, что вы имеете лишиться родства с патриархом и увидите других воздвигнутых от камения, получающих ваши достоинства? Но наказание ваше этим не ограничится; оно простреться далее. «Уже, – говорит, – и секира при корне дерев лежит». Ничто не может быть ужаснее этого выражения. Ты видишь уже не серп летящий, не ограду разрушенную, или виноградник потоптанный, но острейшую секиру, и что еще ужаснее, лежащую при дверях. Не веря пророкам, они часто говорили: «где есть день Господень?», и: «пусть приблизится и придет в исполнение совет Святаго Израилева, чтобы мы узнали!» (Ис. 5:19). Так как предсказания часто исполнялись по прошествии многих лет, то чтобы лишить их и такого утешения, он угрожает им близким бедствием, что и выразил словом: «уже», присоединив еще: «при корне». Нет уже, говорит, никакого расстояния, но при самом корени лежит. Не сказал: при ветвях, или: при плодах, но: «при корне», научая их, что, в случае их нерадения, они подвергнутся ничем неотвратимым бедствиям и без всякой надежды избавления. И это потому, говорит, что пришедший не есть уже раб, как приходившие прежде, но сам Господь

всяческих, в руке Которого страшное и ужасное наказание. Впрочем, устрашив их таким образом, он не попускает им впасть в отчаяние. Как раньше он не сказал, что Бог уже воздвиг, но что «может… воздвигнуть детей Аврааму», чтобы и устрашить их и в то же время утешить, – так точно и здесь не сказал, что секира уже прикоснулась к корню, но что «при корне дерев лежит», близ него, – чем исключает всякое замедление. Впрочем, хотя и полагает в такой близости, но само посечение ставит в зависимость от вашей воли. Если вы покаетесь и сделаетесь лучшими, то и секира эта будет отнята от корня, ничего ему не сделавши. Если же будете делать то же, что и прежде, то и секира не замедлит с корнем исторгнуть дерево. Для того именно она и не отнимается от корня и, лежа при нем, не посекает его, чтобы вы, с одной стороны, не предались беспечности, а с другой – убедились бы в том, что еще можете, хотя и в краткое время, спастись, если покаетесь. Таким образом, он всячески умножает их страх, чтобы пробудить их и привести к покаянию. Действительно, отпасть от предков, видеть других на своем месте, быть при дверях опасности и подвергнуться неизбежному злу, что он означает чрез корень и секиру, – все это достаточно к тому, чтобы и самых беспечных людей возбудить и соделать деятельнейшими. На то же самое и Павел указывая, говорит: «слово сокращено сотворит Господь на» всей земли. Но не бойся; или лучше бойся, но не отчаивайся! Ты еще можешь надеяться на перемену; приговор еще не произнесен, и секира еще не начинает посекать (что в самом деле препятствовало бы ей посекать, когда она уже при корени?), а лежит для того, чтобы внушаемым страхом исправить тебя и сделать способным приносить плоды. Для того-то он и присоединяет: «Всякое дерево, не

приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь». Сказав: «всякое», этим он опять истребляет всякую надежду на благородство предков. Будь, говорит он, потомок самого Авраама, имей своими сродниками бесчисленных патриархов, но если сам ты не принесешь плода, то понесешь лишь двойное наказание. Этими словами он устрашает и мытарей, потрясает и сердца воинов; впрочем, не повергает их в отчаяние, а только отводит от всякой беспечности. Слова его, внушая страх, предлагают и великое утешение, потому что выражение: «не приносящее доброго плода» – показывает, что древо, приносящее плод, свободно от всякого наказания.

[7] 4. Но скажут: как мы можем принести плод, когда нам угрожают посечением, когда остается уже так мало времени и конец уже приближается? Можешь, отвечает он, потому что от тебя не требуется плода такого, какой приносит дерево. Плод древесный требует и много времени, и зависит от перемен погоды, и многого также требует попечения. Но тебе стоит только захотеть – и дерево тотчас прозябнет. К такому плодородию весьма много способствует не только свойство корня, но и искусство самого земледельца. Итак, чтобы не стали говорить, что ты нас смущаешь, стесняешь и делаешь нам насилие, полагая секиру и угрожая посечением, в самом наказании требуешь от нас плода, – Иоанн, в доказательство того, как легко приносить плоды, присоединяет: «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин» разрешить ремень сапог: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем» (Мф.3:11). Этими словами он показывает, что нужны одно только желание и вера, а не труды и подвиги; и, как легко креститься, так легко и перемениться и сделаться лучшими. Потрясши, таким образом, их душу

страхом суда, ожиданием наказания, напоминанием о секире, отчуждением их от предков, приведением новых чад, и двояким наказанием – посечением и сожжением, смягчив всеми способами их жестокосердие и возбудив в них желание избавления от этих зол, он, наконец, начинает беседу и о Христе, но не просто, а отдавая Ему великое преимущество, и потом, полагая различие между Ним и собою, чтобы не подумали, что он говорит это из одного угождения, сравнивает то, что дает каждый из них. В самом деле, он не тотчас сказал: «Не достоин» разрешить ремень сапог Его; но, показав прежде недостаточность своего крещения, которое ничего более не могло сделать, как только привести их к покаянию (потому и не сказал: водою оставления, но: *покаяния*), говорит и о крещении Христа, преисполненном неизреченных даров. Чтобы ты, говорит, слыша, что Он по мне грядет, не стал презирать Его, как уже после пришедшего, – познай силу Его дара, и ты ясно поймешь, что я не сказал ничего лишнего, ни даже надлежащего, сказав: «Не достоин» разрешить ремень сапог. Итак, когда ты слышишь, что Он «сильнее меня», не думай, чтобы я говорил это только по сравнению; я недостоин быть даже в числе рабов Его, и самых даже последних рабов, и в служении Ему воспринять даже самую низкую должность. Вот почему он не просто сказал «сапоги», но «ремень сапог», что считалось самым последним делом. Потом, чтобы ты не подумал, что это сказано по смирению, он приводит в доказательство самые дела: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем». Видишь, какова мудрость Крестителя! Когда сам проповедует, то говорит все страшное и ужасающее, когда же посылает ко Христу, то уже говорит кротко и утешительно. Не говорит уже ни о секире, ни о древе посекаемом и во огнь

вметаемом, ни о будущем гневе, но указывает на отпущение грехов, отнятие наказания, оправдание, освящение, искупление, усыновление, братство, участие в наследии и обильное излияние Святого Духа. Все это разумел он под словами: «будет крестить вас Духом Святым», выражая этим иносказанием обильное излияние благодати. Не сказал: даст вам Духа Святого, но – «будет крестить вас Духом Святым»; присоединением же слов: «и огнем» еще более выражает силу и могущественное действие благодати.

[8] 5. Представь же, каково должно быть расположение слушателей при той мысли, что они скоро будут подобны пророкам, и притом величайшим из них. Для того-то, ведь, он и упомянул об огне, чтобы их привести на мысль об этих мужах, поскольку почти все являвшиеся им видения были открываемы огнем. Так Бог беседовал с Моисеем в купине, так беседовал со всем народом на горе Синайской, так говорил с Езекиилем среди херувимов. Смотри же, как он возбуждает слушателя, сказавши наперед о том, что имело быть после всего. В самом деле, сперва надлежало свершиться закланию Агнца, истреблению греха, разрушению вражды, потом погребению и воскресению, и наконец уже пришествию Святого Духа. Но обо всем этом он пока еще ничего не говорит и наперед поставляет последнее, – то, для чего совершилось и все прочее, и что особенным образом могло показать достоинство Христа. И это делает он для того, чтобы слушатель, после того как узнает, что он в такой силе получит Святого Духа, спросил самого себя: как и каким образом это возможно, при столь сильном владычестве греха? – и чтобы, заметив в нем такое смущение и готовность к слушанию, сказать тогда и о страдании, так как после того никто уже не мог этим

соблазняться, в виду ожидания такого дара. Вот для чего он снова взывал: «Вот Агнец Божий, Который берёт [на Себя] грех мира» (Ин. 1:29)! Не сказал: оставивший, но: «берёт», что означает большее попечение, так как не все равно – просто оставить, и – воспринять грех: первое не сопряжено ни с какою опасностью, а последнее соединено со смертью. И еще говорил, что Христос «есть Сын Божий» (Ин. 1:34). Впрочем, и эти слова не давали еще слушателям ясного понятия об Его достоинстве, потому что из них они не могли еще заключить, что Он есть истинный Сын; между тем из обильного подаяния Духа это становилось уже несомненным. Потому-то и Бог Отец, посылая Иоанна, первым признаком достоинства в лице, имевшем явиться, поставил следующее: «На Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым» (Ин. 1:33). Вот почему и сам Иоанн говорит: «И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий» (Ин. 1:34), так как через то делалось уже несомненным и это последнее. Далее, высказав приятное, и тем ободрив и успокоив слушателя, он снова начинает теснить его, чтобы тот не впал в беспечность. Таков уж был народ иудейский, что среди благ он скоро приходил в расслабление, и делался хуже. Потому Иоанн снова угрожает ему, говоря: «Лопата Его в руке Его» (Мф. 3:12). Раньше он сказал о наказании, а здесь показывает уже и Судию и представляет вечность казни: «Солому, – говорит Он,– сожжет огнем неугасимым». Отсюда ты видишь, что Господь тварей есть вместе и делатель, хотя в другом месте и об Отце то же сказано: «Отец Мой – виноградарь» (Ин. 15:1). Так как прежде говорит он о секире, то чтобы ты не подумал, что это дело требует труда и неудобно в различении, он другим примером поясняет и его легкость, показывая, что

весь мир в Его власти, потому что Он не стал бы наказывать тех, которые – не Его. Теперь все перемешано между собою, и хотя пшеница блистает, но лежит вместе с плевелами, как на гумне, а не как в житнице. Тогда же будет большое различие. Где же те, которые не верят геенне? Иоанн два действия приписывает Христу: крестить Духом Святым и предать неверующих огню. Итак, если должно верить первому, то и последнему также необходимо. Потому-то он и поставил два предсказания вместе, чтобы одно, уже исполнившееся, уверяло и в другом, еще не исполнившемся. Точно также и Сам Христос весьма часто делает, иногда в одних и тех же вещах, а иногда в противных заключая два пророчества; и одно из них исполняет здесь, а другое обещает исполнить в будущей жизни, чтобы исполнившееся пророчество самых упорнейших удостоверяло и в том, которое еще не исполнилось. Так, например, тем, кто для Него все оставил, Он сторицею обещает воздать в настоящем веке и даровать жизнь вечную в будущем, и через настоящее воздаяние уверяет и в несомненном получении будущего. Точно также в настоящем случае поступил и Иоанн, сделав два предсказания, т. е., что Христос будет крестить Духом Святым, и что сожжет огнем неугасаемым.

[9] 6. Итак, если бы Христос не крестил каждодневно Духом Св. апостолов и всех того желающих, то ты мог бы сомневаться и в другом. Если же то, что, по-видимому было выше, труднее и непостижимо для ума, исполнилось и ежедневно исполняется, то почему же ты не почитаешь истинным того, что легко и понятно? Итак, сказав: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем», и обещав здесь множество благ, Иоанн тотчас, чтобы ты от этого не сделался беспечным, оставив все прежнее, указывает на

лопату, означая этим будущий суд. Не думайте, говорит он, что достаточно одного крещения, хотя бы вы после жили нечестиво. Нет, нам нужно еще много добродетели и любомудрия. Таким образом, от секиры он ведет их к благодати и воде крещения, а вслед за этим угрожает лопатою и огнем неугасающим. Между теми, которые еще не приняли крещения, он не делает никакого различия и просто говорит: «Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают» (Мф. 3:10), указывая этим на казнь, ожидающую всех неверных; а по крещении делает некоторое разделение, так как многие из веровавших имели вести жизнь недостойную веры. Итак, никто не должен быть плевелами, никто не должен быть легким в веянии, или до того предаваться худым склонностям, чтобы они всюду легко увлекали его. Если ты пребудешь пшеницею, то хотя бы и постигло тебя искушение, не потерпишь никакого зла, так как и на гумне зубчатые колеса телеги не раздробляют пшеницы. Если же ты смешаешься с слабой соломой, то и здесь будешь претерпевать несносные бедствия, угнетаемый всеми, и там постигнет тебя вечное наказание. Действительно, все таковые, еще до будущей пещи, здесь бывают пищею безумных страстей, как солома для бессловесных животных, и там опять будут веществом и пищею огня. Если бы Иоанн прямо сказал, что Христос будет судить дела наши, то его слова не так бы легко приняли; но употребив притчу, в которой все выражалось, он внушил большее убеждение, и слушатель с большею охотою увлекался им. Потому и Христос большею частью беседовал с ними таким же образом, употребляя в речи Своей подобия гумна, жатвы, винограда, точила, поля, мрежи, рыбной ловли, и всяких других обыкновенных, окружающих их предметов. То же самое сделал здесь и

Креститель; он представил сильнейшим доказательством своих слов дар Духа Святого. Кто столь могущественен, говорил он, что может отпускать грехи и даровать Святого Духа, Тот тем более может сделать и то. Замечаешь ли, как здесь уже предуказывалось и таинство воскресения и суда? Почему же, спросят, он не сказал о тех знамениях и чудесах, которые вскоре имели совершиться чрез Христа? Потому что дарование Духа было величайшим из всех чудес, и все остальные ради этого только и были устроены. Указав главное, он и все обнял: попрание смерти, истребление грехов, уничтожение проклятия, освобождение от продолжительной борьбы, вход в рай, восхождение на небо, общение с ангелами, участие в будущих благах: получение Духа служило залогом всего этого. Таким образом, сказавши об этом, он уже сказал и о воскресении тел, и о знамениях, имеющих быть при этом, и об участии в царстве, и о тех благах, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» (1Кор. 2:9). Все это подано нам вместе с тем даром. Следовательно, излишне было и говорить о тех знамениях, которые вскоре имели последовать, и судить о которых предоставлялось по очевидности, а надобно было сказать о том, в чем они сомневались, именно, что Христос есть Сын Божий, что Он несравненно превосходит Иоанна, что Он вземлет грехи мира, что Он подвергнет суду дела наши, что наша жизнь не ограничивается только настоящим, но что каждый получит праведное наказание за гробом. Всего этого еще нельзя было представить наглядно.

[10] 7. Итак, зная это, будем рачительны, доколе находимся на гумне; здесь еще можно и из плевел обратиться в пшеницу, так как и из пшеницы многие сделались плевелами. Не будем же ослабевать, не будем увлекаться

всяким ветром, не будем отделяться от братий наших, как бы они ни казались малы и незнатны. Ведь и пшеница, хотя по величине менее плевел, но по свойству лучше их. Смотри не на внешнее величие, так как оно уготовано огню; но на то твердое и неразрушимое уничижение пред Богом, которое не может быть ни посечено, ни сожжено огнем. Ради этих уничиженных только и долготерпит Бог плевелам, чтобы от обращения с ними эти последние соделались лучшими. Для того еще и нет суда, чтобы мы все вообще получили венцы, чтобы многие от лукавства обратились к добродетели. Итак, убоимся, слушая эту притчу, так как огонь этот неугасаем. Ты скажешь: как он может быть неугасаемым? Но не видишь ли ты солнце, которое всегда горит и никогда не угасает? Не видишь ли также купину, горящую и несгораемую? Итак, если и ты хочешь избегнуть огня, то отложи жестокосердие, и ты не испытаешь его. Если ты здесь поверишь этим словам, то когда отойдешь в жизнь загробную, не увидишь огненной пещи; если же здесь не будешь верить, то там хорошо узнаешь ее на опыте, но тогда уже невозможно будет избежать ее. Мучение, определенное проведшим жизнь неправедно, неизбежно. Впрочем, и одной только веры недостаточно: и бесы трепещут пред Богом, но при всем том не избегнут мучения. Поэтому нам должно проводить жизнь с великим рачением. Потому-то и мы часто собираем вас сюда, не для того, чтобы вы только приходили сюда, но для того, чтобы вы получили и какие-нибудь плоды от пребывания здесь. Если же вы будете выходить отсюда без всякого плода, то, хотя бы вы всегда ходили сюда, ваше хождение и присутствие ничего не будет значить. Если и мы, когда посылаем детей к учителям, и видим, что они ничему не научаются, сильно негодуем на учителей, и часто посылаем их к другим, то

чем мы будем извинять себя, если не будем прилагать хотя такого же старания к добродетели, какое оказываем в отношении к этим земным занятиям, и будем всегда носить домой пустые листы? Притом здесь учителя и лучше, и больше их. В каждом собрании мы представляем вам учителями и пророков, и апостолов, и патриархов, и всех праведных, и при всем том нет никакой пользы. Пропев два или три псалма, и кое-как совершив обычные молитвы, вы расходитесь, думая, что этого достаточно для вашего спасения. Слышали ли вы, что говорит пророк, или лучше, сам Бог чрез пророка: «Этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня» (Ис. 29:13). Пусть же не будет сказано то же и про нас. Поэтому изгладь буквы, или лучше: те начертания, которые дьявол напечатлел в душе твоей, и принеси мне сердце свободное от всех житейских смятений, чтобы я мог написать беспрепятственно на нем то, что хочу. Теперь ничего нельзя видеть в нем кроме дьявольских письмен: хищения, любостяжания, зависти и злобы. Потому-то я, когда беру ваши листы, не могу даже и читать их; я не нахожу тех букв, которые мы написываем вам в дни воскресные, и с которыми отпускаем вас, но нахожу вместо них другие – негодные и искривленные. Мы стираем эти буквы, и пишем буквы духовные, а вы, выйдя отсюда, предаете сердца ваши действиям дьявола, и опять доставляете ему случай написать в вас свое, вместо нашего. Какое же отсюда выйдет следствие? Если я и не буду говорить, об этом уже знает совесть каждого. Впрочем, я не перестану исполнять мою обязанность, и писать в вас правильные буквы. Если же вы будете разрушать наш труд, то нам предстоит несомненная

награда, а вам немалая опасность. Впрочем, я не хочу говорить ничего тягостного.

11 8. Я опять только прошу и молю вас: подражайте в этом случае хотя прилежанию малых детей. Они прежде всего заучивают начертание букв, потом стараются узнать их в сложении, и наконец таким путем доходят и до чтения. Будем и мы поступать так же. Разделивши добродетель на части, прежде всего научимся не клясться, не преступать клятвы, не злословить; потом, переходя к другой букве, научимся не завидовать, не любить плоти, не угождать чреву, не упиваться, не быть жестокими и нерадивыми; от этих добродетелей опять перейдем к духовным, и будем стараться о воздержании и презрении чрева, о целомудрии, правде, презрении славы, о кротости и сердечном сокрушении, – все это совокупим вместе и напишем в душе нашей. И во всем этом мы можем упражняться дома со своими друзьями, с женою, с детьми. Начнем же пока с первых и легчайших добродетелей, так, например, с воздержания от клятвы, и этим начальным уроком будем непременно заниматься дома. Ведь и дома много препятствий этому занятию: раздражает слуга, возбуждает гнев оскорбляющая жена, доводит до угроз и клятвы глупое и своевольное дитя. Итак, если ты дома, будучи постоянно раздражаем всем этим, удержишься от клятвы, то сможешь легко воздержаться от нее и в обществе. Точно также перестанешь и браниться, если не будешь бранить ни жены, ни раба, ни кого другого из своих домашних. Жена часто похваляя кого-нибудь и жалуясь на свою участь, побуждает злословить похваляемого; но ты не доходи до того, чтобы злословить его, но все переноси великодушно. Равным образом, если видишь, что слуги твои хвалят других господ, не смущайся, но будь великодушен. Пусть

дом твой будет местом борьбы и подвижничества в добродетели, чтобы, обучившись хорошо здесь, ты мог с великим искусством обращаться и в обществе. Таким же образом поступай и с тщеславием. Если постараешься не тщеславиться пред женою и слугами, то легко преодолеешь эту страсть и в обращении с другими. Хотя везде болезнь эта тяжка и мучительна, но особенно в присутствии жены. Если, следовательно, мы здесь разрушим ее силу, то легко преодолеем ее и в других случаях. Таким же образом будем поступать и с прочими страстями, ежедневно подвизаясь и упражняясь против них дома. А чтобы для нас легче был этот подвиг, наложим на себя и эпитимию, если преступим какую-нибудь из предположенных обязанностей. Пусть служит нам и эпитимия; не вред причинит она нам, а приобретет награду и принесет величайшую пользу, когда мы, например, осудим себя на строгие посты, на земные поклоны, или на другое какое-нибудь трудное дело. Таким образом отовсюду мы приобретем великие выгоды: и здесь будем вкушать сладость добродетельной жизни, и будущие получим блага, и будем всегдашними друзьями Божиими. А чтобы опять не случилось того же, – чтобы вы, подивившись сказанному здесь, по выходе отсюда, не бросили беззаботно книгу ума вашего, и не подали бы дьяволу случая изгладить написанное в ней, для того пусть всякий, придя домой, призовет жену свою, расскажет ей то, что выслушал, возьмет ее в помощницу, и с этого же дня вступит на это прекрасное поприще, укрепляя себя елеем Духа Святого. Если во время этого подвига ты и упадешь не один раз, не отчаивайся, но опять вставай, и подвизайся, и не отступай до тех пор, пока не увенчаешься блистательным венцом победы над дьяволом, и стяжания добродетели не скроешь в

безопасном хранилище. Когда же утвердишь себя в навыке такого благого любомудрия, то уже не будешь более преступать каких-либо заповедей по нерадению, потому что привычка по крепости подобна будет природе. Как легко спать, есть, пить, отдыхать, так же легко для нас будет и исполнение добродетели. В награду за это мы получим чистое удовольствие, достигнем тихой пристани, будем наслаждаться постоянным спокойствием, и, направив наш нагруженный сокровищами корабль в тот день к тому граду, удостоимся неувядаемых венцов, которые да сподобимся получить все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне, присно и во веки веков. Аминь.

Беседа 12

[1] «Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него». (Мф. 3:13)

[2] Крещение от Иоанна не уничижало Христа. – Христос крестился, чтобы исполнить весь закон. – Для чего нисшел Дух Св. по крещении на Иисуса. – Почему иудеи, видевшие сошествие Духа, не верили во Христа. – На всякого крещающегося и теперь сходит Дух Св. – Почему Дух Св. сошел в виде голубя. – Дух Св. по достоинству не ниже Сына Божия. – Исполнив крещение иудейское, Христос отверз дверь крещению новозаветному. – Христианин должен вести жизнь, достойную дара крещения. – Верующий должен на деле оправдывать свое учение пред язычниками и служить для них примером.

[3] 1. С рабами Господь, с виновными Судия идет креститься. Но не возмущайся этим: в этом-то смирении и сияет особенно высота Его. Да и чему удивляться, если принял крещение и вместе с другими пришел к рабу Тот, Который благоволил столько времени быть в девической утробе, родиться с нашим естеством, принять заушения и крест, и претерпеть все, что претерпел Он? То чудно, что Он, будучи Богом, восхотел соделаться человеком; все же прочее было уже следствием этого. Потому-то и Иоанн

говорил предварительно, что он недостоин развязать ремень у сапога Его (Лк. 3:16); также, что Христос есть Судия, воздаст каждому достойное и всем ниспошлет в обилии Духа, – чтобы ты, видя Его идущего ко крещению, не судил о Нем низко. Вот почему и тогда, как Он пришел креститься, Иоанн удерживает Его, говоря: «Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне» (Мф. 3:14)? Так как крещение Иоанново было крещением покаяния, и приводило людей в сознание грехов, то, чтобы кто не подумал, что и Иисус приходит на Иордан с таким же намерением, в предупреждение этого Иоанн называет Его Агнцем и Искупителем мира от греха. Тот, Кто мог истребить грехи всего рода человеческого, сам уже без сомнения был безгрешен. Потому Иоанн и не сказал: вот безгрешный! но, что гораздо важнее: «берет [на Себя] грех мира» – чтобы вместе с этим ты уверился, и уверившись увидел, что он приходит ко крещению с иною какою-то целью. Потому-то Иоанн и говорил пришедшему к нему Христу: «Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне»? Не сказал: Ты ли хочешь креститься от меня? Он не дерзал сказать и этого. Но что сказал? «И Ты ли приходишь ко мне»? Что же Христос? Он и здесь поступил точно так же, как после с Петром. И этот не давал Ему умыть ног своих, но, когда услышал: «Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после»; также: «не имеешь части со Мною» (Ин. 13:7–8), – тотчас оставил упорство и оказал послушание. Подобным образом и Иоанн, услышав: «Оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф. 3:15), – немедленно повиновался. Оба они – и Петр и Иоанн – не были упорны, но оказывали и любовь и послушание, и во всем старались повиноваться Господу. Смотри же, как Иисус, убеждает Иоанна тем самым, чем он особенно затруднялся: не

сказал, что того требует справедливость, но: «так надлежит» (так прилично). Тогда как Иоанн почитал весьма неприличным для Него принять крещение от раба, Он напротив, указывает ему на полное приличие этого, как бы говоря: не потому ли ты уклоняешься и отрекаешься от этого, что находишь это неприличным? Напротив, это весьма прилично, и потому оставь это. И не просто сказал: «оставь», но присовокупил: «теперь». Не всегда будет это, говорит Он; напротив, ты увидишь Меня и в том состоянии, в каком желаешь видеть, а теперь пока ожидай его. Далее, Христос показывает и то, почему это прилично. Почему же это прилично? Потому, что нам надлежит исполнить весь закон, – что и означил Он словами: «всякую правду», – так как правда есть исполнение заповедей. Так как мы, говорится, исполнили уже все другие заповеди, и остается только одно это, то должно присовокупить и это. Я пришел разрешить клятву, лежащую на вас за преступление закона; потому должен прежде сам исполнить весь закон и освободить вас от осуждения, и таким образом прекратить действие закона. Итак, Мне надлежит исполнить весь закон, потому что Я должен разрешить проклятие, написанное против вас в законе. Для того-то Я и принял плоть, и пришел в мир. «Тогда [Иоанн] допускает Его. И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, – и се, отверзлись Ему небеса, и увидел [Иоанн] Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него» (Мф. 3:15–16).

4 2. Естественно, народ почитал Иоанна гораздо выше Христа. Тот всю жизнь свою проводил в пустыне, был сын архиерея, носил необычайную одежду, призывал всех ко крещению, и сверх того, родился от неплодной; Иисус же произошел от незнатной отроковицы (рождение от Девы не было еще всем известно), воспитывался в доме,

обращался со всеми и носил обычную одежду. Так как никто еще не знал неизреченных тайн домостроительства, то и почитали Христа меньшим. Крещение от Иоанна еще более могло утверждать иудеев в этом мнении, если бы даже они и не имели других побуждений к тому. Они думали о Иисусе, что и Он из числа обыкновенных людей. Если бы Он был необыкновенный человек, рассуждали они, то не пришел бы креститься вместе с другими. Напротив, Иоанн был в глазах их гораздо более и удивительнее Его. Вот почему, чтобы такая мысль не утвердилась в народе, тотчас, по крещении Иисуса, отверзаются небеса, нисходит Дух, и вместе с Духом глас, возвещающий достоинство Иисуса, как Единородного. А так как этот глас: «Сей есть Сын Мой возлюбленный» (Мф. 3:17) многим казался относящимся к Иоанну, потому что не было прибавлено: сей крещаемый, но сказано просто «сей»; да и как по самому достоинству Крестителя, так и по всем вышесказанным обстоятельствам, каждый, слышавший эти слова, естественнее прилагал их к крестившему, чем к крестившемуся, – то Дух Святый сошел в виде голубя, чтобы обратить глас на Иисуса, и показать всем, что слово «сей» сказано не об Иоанне крестившем, но об Иисусе крестившемся. Почему же, – скажут, – несмотря на такое событие, иудеи не уверовали в Него? По жестокосердию своему. Точно также и при Моисее много было чудес, хотя и не столь великих; но народ, после всех этих чудес, после гласов и труб и молний, слил себе тельца и прилепился к Веельфегору. Да и те же самые, которые были при крещении, видели впоследствии воскресение Лазаря; и однако, не только не уверовали в Того, Кто сотворил это чудо, но еще многократно покушались и убить Его. Итак, если они, видя

собственными глазами воскресение мертвых, до такой степени упорствовали во зле и неверии, то чему дивиться, если они не поверили гласу, нисшедшему свыше? Когда душа находится в состоянии бесчувственности и развращения, и одержима недугом зависти, тогда она не убеждается никаким чудом. Напротив, когда душа благопризнательна, тогда она принимает все с верою, даже и в чудесах не имеет особенной нужды. Итак, не спрашивай, почему они не поверили; но рассмотри лучше, не все ли было сделано, что было нужно для преклонения их к вере. Это показывает Сам Бог, когда устами пророка защищает все, что Он сделал для блага их. Когда иудеям угрожала погибель и последнее наказание, то, чтобы кто-нибудь за их развращение не стал обвинять Промысл, Он говорит: «Что еще надлежало бы сделать для винограднika Моего, чего Я не сделал ему» (Ис. 5:4)? Так и здесь, рассмотри, чему бы еще надлежало быть, и не было? Да и когда бы ни случились подобные рассуждения о промысле Божием, употребляй всегда этот образ защиты против дерзающих обвинять его за пороки людей. Смотри же, какие совершаются чудеса, и какие открываются начатки будущего: ведь не рай, а самое небо отверзается. Впрочем, речь против иудеев отложим до другого времени; а теперь, при содействии Божием, обратимся к дальнейшему. «И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, – и се, отверзлись Ему небеса». Для чего же отверзлись небеса? Для того, чтобы ты познал, что и при твоем крещении бывает то же самое; тогда Бог призывает тебя к горнему отечеству, и убеждает ничего уже не иметь общего с землею. Ты не видишь этого, но, несмотря на то, не сомневайся. Чувственные видения дивных и духовных вещей и все подобные знамения являются только в начале, и то для людей грубых и таких,

которые, не могут вместить никакой мысли о существе бестелесном, и поражаются только видимым, и потому имеют нужду в чувственных видениях; но и это бывает с тою целью, чтобы с верою принималось то, что однажды в начале было утверждено чудесами, хотя бы этих чудес потом уже и не было. Так на собрании апостолов был шум дыхания бурного, и явились видения огненных языков, – не для самих апостолов, но для иудеев, которые тогда находились с ними. Между тем и мы приемлем то, что единожды утверждено чудесами, хотя и нет более чувственных знамений. Так и при крещении, *голубь* явился для того, чтобы и присутствующим, и Иоанну указать, как бы перстом, Сына Божия, и вместе для того, чтобы и ты знал, что и на тебя, когда крещаешься, нисходит Дух Святой.

[5] 3. Но нам нет нужды уже в чувственном видении, потому что для нас вместо всех знамений довольно одной веры; знамения даются не для верующих, но для неверующих. Почему же Дух Святый явился в виде голубя? Потому что голубь есть животное кроткое и чистое. И как Дух Святый есть Дух кротости, то Он и явился в этом виде. Кроме того, такое явление напоминает нам и о древней истории. Когда всеобщий потоп объял всю вселенную, и род наш подвергался опасности совершенного истребления, тогда явилась эта птица и дала знать о прекращении потопа, и, принесши ветвь масличную, принесла благую весть о всеобщей тишине во вселенной. Все это было прообразованием будущего. Тогда люди находились в худшем состоянии, и достойны были гораздо большего наказания. Поэтому, чтобы ты не отчаивался, Писание и приводит тебе на память эту историю. И в то время, несмотря на самое отчаянное положение дел, было некоторое избавление от бедствий и восстановление;

тогда это произошло посредством наказания, а теперь посредством благодати и дара неизглаголанного. Поэтому и голубица не с масличною ветвью является, но указывает нам на Освободителя от всех зол и подает благие надежды. Не одного только человека выводит она из ковчега, но всю вселенную возводит на небо, и вместо масличной ветви приносит усыновление всему роду человеческому. Представляя величие этого дара, не уменьшай в мыслях твоих достоинства Святого Духа потому только, что Он явился в таком образе. Я слышал, как некоторые говорят, будто такое же различие между Христом и Святым Духом, какое между человеком и голубем, потому что Тот явился в человеческом естестве, а этот в виде голубя. Что на это должно сказать? То, что Сын Божий принял естество человеческое, а Дух Святой не принял естества голубя. Потому и евангелист не сказал: в естестве голубя, но – «в виде» голубя. Да кроме данного случая, после Он никогда не являлся в таком образе. Далее, если ты по этой только причине почитаешь Его меньшим по достоинству, то потому же самому и херувимы будут лучше Его, и притом во столько раз, во сколько орел превосходнее голубя, потому что они являлись в виде орлином. Также и ангелы будут лучше Его, потому что и они часто являлись в образе человеческом. Но да не будет этого, да не будет! Иное ведь дело истинным соделаться человеком, иное – на время являться в каком-либо виде. Итак, не будь неблагодарным пред своим Благодетелем, и не плати злом за добро даровавшему тебе источник блаженства. Где достоинство усыновления, там и отъятие всех зол и дарование всех благ. Вот почему отменяется крещение иудейское, а наше получает начало. Что было с пасхою, то же происходит и с крещением. Как там Христос, совершив

ту и другую пасху, одну отменил, а другой дал начало, так и здесь, исполнив крещение иудейское, отверз двери и крещению Церкви новозаветной. Как там, в одной вечери, так здесь в одной реке и тень начертал, и истину представил. Только наше крещение имеет благодать Святого Духа; крещение же Иоанново не имело такого дара. Потому-то ничего подобного и не случалось при крещении других людей, а совершилось только с Тем, Кто имел преподать этот дар, чтобы ты кроме вышесказанного познал и то, что не чистота крещающего, но сила крестившегося произвела это. Тогда и небеса отверзлись, и Дух Святой снизошел. Так Христос от древнего образа жизни уже изводит нас к новому, отверзая нам врата небесные и ниспосылая оттуда Святого Духа, Который призывает нас к горнему отечеству; и не просто призывает, но и облекает высочайшим достоинством: соделывает нас не ангелами и архангелами, но возлюбленными сынами Божиими. Так Он влечет нас к тому горнему достоянию.

[6] 4. Представляя все это, яви жизнь достойную и любви призывающего, и сообщества небесного, и чести тебе дарованной. Распявшись миру и мир распявши себе, со всяким тщанием старайся жить так, как живут на небесах. Не думай, что ты имеешь нечто общее с землею, потому что тело твое еще не вознесено на небо; глава твоя там – на небесах. Для того-то Господь нисшел на землю и низвел с Собою ангелов, а потом, восприявши тебя, восшел на небо, чтобы ты, еще прежде восшествия твоего туда, уверился, что можешь жить и на земле, как на небе. Итак, будем постоянно сохранять то достоинство, которое мы получили в начале; будем ежедневно стремиться к небесным чертогам, и все земное почитать тенью и сновидением. В самом деле, если бы какой-нибудь

земной царь неожиданно усыновил тебя, бедного и нищего, ты бы и не подумал о своей бедной хижине, хотя между тем и другим еще и не велико различие. Так и ты не думай ни о чем прежнем, потому что ты призван к благам гораздо важнейшим. Тот, кто тебя призывает, есть Владыка ангелов, а блага, даруемые тебе, превыше всякого слова и разумения. Он переселяет тебя не от земли на землю, подобно царю земному, но от земли на небо, и от смертного естества в славу бессмертную и неизглаголанную, которая тогда только откроется нам в истинном своем виде, когда будем ею наслаждаться. Надеясь получить такие блага, неужели ты будешь еще вспоминать о деньгах, и прилепляться к мечтам земным? Ужели не уверишься, что все видимое малоценнее рубища нищего? Как же ты явишься достойным такой великой чести? Какое принесешь оправдание? Или лучше, какой не понесешь казни за то, что после такого дара опять бежишь к прежней блевотине? Ведь ты будешь наказан за грехи свои не просто как человек, но как сын Божий, и величие чести послужит тебе только к большему наказанию. И мы за одни и те же проступки не одинаково наказываем провинившихся рабов и детей, особенно если они много облагодетельствованы нами. И если тот, кому дан был в удел рай, за одно только преслушание после великой чести подвергся таким бедствиям, то мы, получившие небо и соделавшиеся сонаследниками Единородного, можем ли испросить прощение, когда, оставив голубя, поспешаем к змию? Нет, мы уже не услышим тогда: «Прах ты и в прах возвратишься» или «будешь возделывать землю» (Быт.3:19), и прочего, что некогда сказано было Адаму, но нам угрожают наказания гораздо тягчайшие – тьма кромешная, узы неразрешимые, червь ядовитый, скрежет зубов; и по делам. Тот, кто и

после такого благодеяния не сделался лучшим, по всей справедливости должен подвергнуться последнему и тягчайшему наказанию. Илия некогда отверз и заключил небо для того, чтобы низвести и удержать дождь; а тебе отверзается небо для того, чтобы ты восшел туда, и не только сам восшел, но – что гораздо важнее – и других возвел с собою, если захочешь. Вот какое дерзновение и власть даровал тебе Господь во всех (благах) Своих! Итак, если там дом наш, то положим туда все свое имение, и не оставим ничего здесь, чтобы не лишиться его. Здесь – на земле – хотя бы ты запер свое имущество ключом, хотя бы приделал двери и запоры, хотя бы приставил тысячу стражей, и защитил его от всех злодеев, хотя бы укрыл его от взора завистников, хотя бы предохранил даже от моли и от порчи, причиняемой временем, что, впрочем, невозможно, – ты все же не избежишь, рано или поздно, смерти; и все это в одно мгновение будет у тебя отнято, и не только отнято, но и предано в руки врагов твоих. Если же ты перешлешь свое имение в дом небесный, то будешь совершенно безопасен. Не нужно тебе будет ни замков, ни дверей, ни запоров. Такова крепость того града; так неприступно то место для хищников; так неприкосновенно для тления, и ограждено от всякого злого умысла.

[7] 5. Не крайнее ли безумие – собирать все туда, где все полагаемое истлевает и погибает, а где все остается неприкосновенным, и даже еще возрастает, туда не отлагать ни малейшей части? И это делаем мы, которые там должны жить вечно. Потому-то и язычники не верят нашим словам. Они хотят не на словах, а в делах наших видеть доказательство нашего учения о жизни будущей. Видя, что мы строим пышные дома, заводим сады и бани, покупаем поля, они не хотят верить, чтобы мы готовились

переселиться в другой небесный град. Если бы это было так, говорят они, тогда бы христиане все, что только здесь имеют, променявши на серебро, заблаговременно отправили туда. Так заключают они из того, что обыкновенно бывает в мире. В самом деле, мы видим, что богатые люди строят дома, покупают поля и все прочее в тех городах, в которых намереваются жить. Между тем мы делаем напротив. Мы всеми силами стараемся приобрести землю, и за несколько десятин земли и домов не только не жалеем денег, но даже проливаем кровь; а для приобретения неба не хотим пожертвовать и самими избытками, между тем как могли бы купить его за малую цену, и, купивши, обладать им вечно. Потому-то мы и подвергнемся крайнему наказанию, если придем туда наги и нищи; и не за свою только бедность будем терпеть несносные мучения, но и за то особенно, что и других вовлекли в подобное состояние. В самом деле, если язычники увидят, что и мы, сподобившись великих таинств, привязаны к земному, то тем более сами будут прилепляться к нему. Через это мы сами собираем сильнейший огонь на главу нашу. Нам надлежало бы учить их презирать все видимое, а мы, вместо того, больше всех возбуждаем в них пристрастие к нему. Как же мы можем спастись, когда должны будем подвергнуться истязанию за погибель других? Неужели же ты не знаешь, что Христос повелел нам быть солью и светильниками в этом мире, чтобы мы и укрепляли расслабляемых сладострастием, и просвещали омраченных заботами о богатстве? Если же мы повергаем их еще в большую тьму, и только еще больше расслабляем, то какая останется нам надежда спасения? Совершенно никакой, но с воплем и скрежетом зубов, связанные по рукам и ногам, будем ввержены в огонь

геенский, после того как уже здесь истомимся заботами о богатстве. Итак, размыслив о всем этом, расторгнем все узы обольщения сребролюбием, чтобы не впасть нам в те узы, которыми увлекут нас в огонь неугасаемый. Тот, кто рабствует богатству, и здесь и там всегда будет в узах; а не имеющий этой страсти и здесь и там будет свободен. Чтобы и нам достигнуть этой свободы, сокрушим тяжкое ярмо сребролюбия, и воскрылимся к небу, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 13

[1] «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от дьявола». (Матф. 4:1)

[2] Изъяснение 4:1–11. Для чего Христос терпел искушения в пустыне. – Польза искушений. – Не должно самому искать искушений. – Пост – оружие против дьявола. – Почему Христос постился 40 дней. – Смысл и значение трех искушений. – Своим примером Христос научает, как нужно побеждать дьявола. – Разнообразие средств, употребляемых дьяволом для обольщения. – Не следует усиленно искать спокойной жизни. – Благоденствующие грешники подвергнутся тягчайшему наказанию. – Несомненность будущего суда и воздаяния; доказательства этого.

[3] 1. «Тогда»: когда же это? После сошествия Святого Духа, после голоса, сошедшего свыше и возвестившего: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение»! И вот что удивительно: Иисус, как говорит евангелист, возведен был в пустыню Духом Святым. Так как Христос все делал и терпел для нашего научения, то и теперь попускает Он отвести Себя в пустыню и поставить в борьбу с дьяволом для того, чтобы никто из крестившихся, если бы ему случилось после крещения претерпевать еще больше прежних искушения, не

смущался ими, как чем-то неожиданным, но мужественно переносил бы всякое искушение, как дело обыкновенное. Не для того, ведь, ты получил оружие, чтобы быть праздным, но чтобы сражаться. Вот почему и Бог не препятствует посещать тебя искушениям. Во-первых, Он попускает их для того, чтобы ты познал, что ты сделался гораздо сильнее; во-вторых, чтобы ты пребывал в смирении, и не превозносился величием даров, видя, что искушения могут смирять тебя; в-третьих, для того, чтобы лукавый дух, все еще сомневающийся в твоем от него отступлении, видя твое терпение в искушениях, уверился, что ты совершенно оставил его и отступил от него; в четвертых, чтобы ты через это сделался тверже и крепче всякого железа; в-пятых, чтобы получил ясное свидетельство о вверенных тебе сокровищах. В самом деле, дьявол не стал бы приступать к тебе, если бы не видел тебя на высшей степени чести. Потому самому и в начале он восстал против Адама, что видел его украшенным высоким достоинством. Потому же вооружился и против Иова, когда увидел его увенчанным и прославленным от Господа всяческих. Как же, возразишь ты, сказано: «молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Матф. 26:41)? Но потому-то и говорит тебе евангелист, что Иисус не сам пришел, а был возведен в пустыню по божественному смотрению, чем показывается, что и мы не должны сами вдаваться в искушения, но когда будем вовлечены в них, то должны стоять мужественно. И смотри, куда привел Его Дух; не в город, не на площадь, но в пустыню. Он как бы хотел тем привлечь дьявола, давая ему случай искусить не только голодом, но и самым местом уединенным, потому что дьявол тогда особенно и нападает на нас, когда видит, что находимся в уединении – только сами с собой. Так и в

начале он приступил к жене, нашедши ее одну, без мужа. Когда же видит нас в сообществе с другими, то не так бывает смел, и не отваживается нападать. И по этой, следовательно, причине нам всем нужно чаще собираться вместе, чтобы дьявол не мог удобно уловлять нас. Итак, дьявол нашел Христа в пустыне, – и в пустыне непроходимой (что такова была та пустыня, об этом свидетельствует Марк, говоря: «был со зверями» – (Марк. 1:13). Смотри, с какой хитростью, с каким лукавством приступает он, и какое выждал время. Он приступает не тогда, когда Иисус постился, но когда взалкал. Отсюда познай, сколь великое благо и сколь сильное оружие против дьявола – пост; познай и научись, что, омывшись водами крещения, не должно предаваться удовольствиям, пьянству и обильным яствам, но соблюдать пост. Потому-то и сам Христос постился, – не потому, что Ему нужен был пост, но для нашего научения. Служение чреву было виной грехов, бывших до крещения. Поэтому, как врач, излечив больного, запрещает ему делать то, от чего произошла болезнь, так и здесь Христос после крещения установил пост. И Адама изгнало из рая чревоугодие; оно же во времена Ноя было причиной потопа; оно же и на содомлян низвело огонь. Хотя преступлением их было и сладострастие, но корень той и другой казни произошел от чревоугодия, на что и Иезекииль указывает, говоря: «вот в чем было беззаконие» содомлян, что они в гордости и «пресыщении и праздности» (Иез. 16:49). Так и иудеи, начав пьянством и объедением, предались беззаконию и сделали величайшие преступления.

[4] 2. Вот почему и Христос постился сорок дней, показывая нам спасительное врачевство. Дальше этого Он не простирается, чтобы чрезмерным величием чуда не

сделать сомнительной самую истину воплощения. Теперь этого быть не может, потому что и прежде Его еще Моисей и Илия, укрепляемые божественной силой, оказались в состоянии вынести такой же продолжительный пост. А если бы Христос постился долее, то многим и это могло бы служить поводом сомневаться в истине воплощения. Итак, пропостившись сорок дней и ночей, «напоследок взалкал» (Матф.4:2), давая, таким образом, случай дьяволу приступить к Нему, чтобы Своей борьбой с ним показать, как должно преодолевать и побеждать. Так поступают и борцы, желая научить своих учеников одолевать и побеждать борющихся с ними; они нарочно в палестрах схватываются с другими, чтобы ученики замечали телодвижения борющихся, и учились искусству победы. То же сделано было и там. Восхотев привлечь дьявола на борьбу, Христос обнаружил перед ним Свой голод, и когда тот приблизился, Он взял его, и затем раз, другой раз, и третий низложил его со свойственной Ему легкостью. Но, чтобы слишком беглым взором на эти победы не уменьшить вашей пользы, рассмотрим подробно каждую борьбу, начав с первой. Когда, говорится, взалкал Иисус, «приступил к Нему искуситель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Матф.4:3). После того как слышал уже голос, сошедший с неба и свидетельствующий: «Сей есть Сын Мой возлюбленный» (Матф. 3:17), слышал столь же славное о Нем свидетельство Иоанна, искуситель вдруг видит Его алчущим. Это приводит его в недоумение: припоминая сказанное об Иисусе, он не может поверить, чтобы это был простой человек; с другой стороны, видя Его алчущим, не может допустить, чтобы это был Сын Божий. Находясь в таком недоумении, он приступает к Нему со

словами сомнения. И, как некогда, приступив к Адаму, выдумал то, чего совсем не было, чтобы узнать истину, так и теперь, не зная ясно неизреченного таинства воплощения, и того, кто перед ним, коварно сплетает новые сети, чтобы, таким образом, узнать сокровенное и остававшееся в неизвестности. Что же говорит он? «Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами». Не сказал: если алчешь; но: «если Ты Сын Божий», думая обольстить Его похвалами. О голоде он умалчивает, чтобы не показалось, что он выставляет это Ему на вид и хочет уничижить Его. Не постигая величия действий, относящихся к домостроительству спасения, он почитал это за постыдное для Иисуса. Поэтому он льстит Ему и коварно напоминает только о Его достоинстве. Что же Христос? Низлагая кичливость дьявола и показывая, что случившееся нимало не постыдно и не недостойно Его премудрости, Сам выражает и обнаруживает то, о чем искуситель умолчал из лести, и говорит: «не хлебом одним будет жить человек». Так искуситель начинает с потребности чрева. Посмотри на хитрость злого духа, с чего он начинает борьбу, и как остается верен своему коварству: чем он изринул из рая первого человека, и подверг его бесчисленным бедствиям, тем и здесь начинает свое обольщение, т. е. невоздержанием чрева. И ныне от многих безумцев ты услышишь, что чрево для них было причиной бесчисленных зол. Но Христос, желая показать, что добродетельного человека и самое жестокое насилие не может принудить сделать что-либо неподобающее, алчет, и, однако же, не повинуется внушению дьявола, научая и нас ни в чем его не слушаться. Так как первый человек, послушав дьявола, и Бога прогневил, и закон преступил, то Господь всячески внушает тебе не слушать дьявола даже и тогда, когда

требуемое им не будет преступлением закона. Но что я говорю – преступлением? Хотя бы что и полезное внушали демоны, и тогда Господь запрещает их слушать. Так Он повелел молчать бесам и тогда, когда они возвещали, что Он Сын Божий. Так и Павел запретил им кричать, хотя то, что они говорили, было полезно; но чтобы совершенно посрамить их и преградить всякое их злоумышление против нас, несмотря на то, что они проповедовали спасительные истины, прогнал их, заградил им уста и повелел молчать (Деян. 16:18). Потому-то и теперь Христос не согласился на слова дьявола, но что сказал? Он отвечал ему словами ветхого завета: «не хлебом одним будет жить человек». Слова эти значат, что Бог может и словом напитать алчущего. Этим Христос научает нас, несмотря ни на голод, ни на какие другие страдания, никогда не отступать от Господа.

[5] 3. Если же кто-нибудь скажет, что Спасителю надлежало бы показать силу Свою, то я спрошу его: для чего и почему? Дьявол говорил это не для того, чтобы самому уверовать, но чтобы, как он думал, обличить Христа в неверии, так как и прародителей он обольстил таким же образом, и обнаружил, что они мало имели веры к Богу. Пообещав им совершенно противное тому, что говорил Бог, и, надмив их пустыми надеждами, он поверг их в неверие, а через это лишил и тех благ, которыми они обладали. Но Христос не изъявляет Своего согласия ему, точно так же, как впоследствии и иудеям, которые, водясь его духом, просили знамений, в том и другом случае научая нас, чтобы мы, если и можем что-либо сделать, не делали ничего напрасно и без причины, и даже в случае крайней нужды не слушались дьявола. Что ж теперь начинает делать этот гнусный обольститель? Побежденный Иисусом и оказавшись не в силах склонить

Его, несмотря на сильный Его голод, к согласию на свое требование, дьявол приступает к другому средству и говорит; «если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногой Твоей» (Матф. 4:6). Почему к каждому искушению он прилагает: «если Ты Сын Божий»? Как поступил он с прародителями, так поступает и теперь. Подобно тому как тогда словами: «в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши» (Быт. 3:5) он клеветал на Бога, желая этим показать, что они обмануты, обольщены и нимало не облагодетельствованы, так и теперь старается внушить то же самое, и как бы говорит: напрасно Бог назвал Тебя Сыном Своим, Он ввел Тебя в обольщение этим даром, если же это не так, то покажи нам божественную Свою силу. А поскольку Господь говорил с ним словами Святого Писания, то и он приводит свидетельство пророка.

6 Что же Христос? Он не вознегодовал на это и не разгневался, но с великой кротостью отвечает ему опять словами Святого Писания: «не искушай Господа Бога твоего» (Матф. 4:7). Этим Христос научает нас, что дьявола должно побеждать не знамениями, но незлобием и долготерпением, и что ничего не надобно делать только по честолюбию, для того, чтобы показать себя. Далее: посмотри, как безумие искусителя видно и в самом приведении свидетельства. Оба приведенные Господом свидетельства, приведены как нельзя более кстати, а предложенные им взяты без разбора, как попалось, и совсем не относились к делу, потому что словами: «Ангелам Своим заповедает о Тебе» не предписывается нам бросаться в пропасть; притом же, это не о Господе и сказано. Но Господь не стал обличать его безумия, хотя дьявол и привел слова Писания с обидой для Него, и

совершенно в превратном смысле. От Сына Божия никто не потребует такого дела; свойственно бросаться вниз только дьяволу и демонам, Богу же свойственно и лежащих восстанавливать. Если бы и нужно было Сыну Божьему явить силу Свою, то, конечно, не в том, чтобы самому безрассудно бросаться с высоты, но в том, чтобы спасать других. А бросаться в пропасти и стремнины свойственно полчищу дьявольскому; так всегда и поступает обольститель, управляющий ими. Однако Христос и после этих слов не открывает Себя, но все еще говорит с ним как человек; слова: «не хлебом одним будет жить человек», и: «не искушай Господа Бога твоего» еще не обнаруживали ясно, кто Он, но показывали в Нем простого человека. Не удивляйся тому, что дьявол, говоря с Христом, бросается то в ту, то в другую сторону. Подобно тому, как бойцы, получив смертельную рану, и обливаясь кровью, в беспамятстве мечутся во все стороны, так и он, пораженный уже первым и вторым ударами, начинает говорить без разбора, что пришло на ум, и, таким образом, приступает в третий раз к борьбе. И возведя «Его на весьма высокую гору, показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Матф. 4:8–10). Так как дьявол согрешил теперь уже против Бога Отца, называя вселенную, которая принадлежит Ему, своей, и осмелился выдавать себя за Бога, как будто бы он был зиждителем мира, то Христос, наконец, запретил ему, но и тут не с гневом, а просто: «отойди, сатана». Да и это было скорее повеление, нежели запрещение, потому, что лишь только Христос сказал ему: «отойди», дьявол, – он тотчас убежал и не смел уже более искушать Его.

[7] 4. Как же Лука говорит, что дьявол окончил «всё» искушение (Лук. 4:13)? Мне кажется, что он, упомянув о главных искушениях, сказал: «всё», потому что в этих искушениях заключаются и все другие. В самом деле, источниками всех бесчисленных зол являются следующие три порока: служение чреву, тщеславие, чрезмерное пристрастие к богатству. Зная это, и гнусный искуситель сильнейшее искушение, т. е. желание большего, сберег к концу. Мучительное желание высказать это искушение было у него с самого начала; но, как сильнейшее прочих, он сохранил его на конец. Таков закон его борьбы: употреблять после всего то, что, по его мнению, удобнее может низложить врага. Так поступил он и с Иовом; так и здесь. Начав с того, что почитал менее важным и слабейшим, доходит до сильнейшего. Как же нужно побеждать его? Так, как научил Христос: прибегать к Богу, не унывать и при самом голоде, веруя в Того, Кто может напитать нас и словом; и если получим какие блага, не искушать ими Даровавшего, но, довольствуясь славой небесной, нимало не заботиться о человеческой, и во всем удаляться излишеств. Поистине, ничто столько не подвергает нас власти дьявола, как желание большего и любостяжание. Это можно видеть даже и из того, что происходит ныне. И ныне есть такие, которые говорят: «все это дадим тебе, если, падши, поклонишься нам»; они хотя и люди по естеству, но сделались орудиями дьявола. Так и тогда он не сам только нападал на Христа, но употреблял в помощь и других, что показывает и евангелист Лука, говоря: «отошел от Него до времени» (Лук. 4:13); этими словами он дает разуметь, что дьявол и после нападал на Христа посредством своих орудий. «И се, Ангелы приступили и служили Ему» (Матф. 4:11). Пока совершалась брань, Христос не допускал являться

ангелам, чтобы этим не отогнать того, кого надлежало уловить. Но когда Он изобличил дьявола во всем и заставил бежать, тогда являются и ангелы. Отсюда познай, что и тебя после побед над дьяволом примут с рукоплесканием ангелы и будут ограждать во всех случаях. Так они приняли и отнесли на лоно Авраама Лазаря, искушенного в печи бедности, голода и всяких скорбей. Христос, как я говорил и прежде, много явил здесь такого, что и с нами должно случиться. Итак, поскольку все это совершилось для тебя, то поревнуй и подражай победе Спасителя. Если кто-нибудь из служителей демона или из единомышленников его приступит к тебе, и, издеваясь над тобой, будет говорить: «переставь гору, если ты чудотворец и человек великий!» – ты не возмущайся этим, не выражай негодования, но с кротостью отвечай, как отвечал твой Владыка: «не искушай Господа Бога твоего». Если он будет предлагать тебе славу, власть и неисчислимые сокровища, и потребует за то поклонения, опять стой мужественно. Не с одним только Владыкой всех нас так поступил дьявол, но и против каждого из рабов Его он ежедневно строит те же ковы, не только в горах и пустынях, но и в городах, на площадях и в судах, – не только сам собой, но и через людей, собратий наших. Итак, что же нам делать? Совершенно не верить ему, заграждать слух свой, ненавидеть его, когда льстит, и чем более обещает, тем более отвращаться от него. Ведь и Еву он низринул и подверг величайшим бедствиям тем, что надмил дух ее слишком высокими надеждами. Он – неумолимый враг наш, и ведет с нами непримиримую брань. Не столько мы стараемся о своем спасении, сколько он о нашей погибели. Итак, будем отвращаться от него не только на словах, но и на самом деле, не только мыслью, но и

делами, и не будем делать ничего ему угодного. Так поступая, мы исполним все, что угодно Богу. Дьявол много обещает нам, но не с тем, чтобы дать, а чтобы у нас взять. Обещает доставить богатство посредством хищения, с тем, чтобы отнять у нас царствие и правду; расстилает по земле сокровища, как бы тенета и сети, для того, чтобы лишить и этих сокровищ, и небесных; хочет обогатить нас здесь, чтобы мы не имели богатства там. Когда же не может лишить нас небесного наследия посредством богатства, то избирает для того другой путь – путь бедности, как поступил он с Иовом. Когда он увидел, что богатство не причинило никакого вреда Иову, то связал сети из бедности, надеясь, таким образом, одержать над ним победу. Что может быть безумнее этого? Кто умел благоразумно пользоваться богатством, тот тем более будет мужественно переносить бедность. Кто не имел пристрастия к богатству, когда обладал им, тот не станет искать, когда его и не будет, как и действительно не искал его блаженный Иов, напротив, в бедности он сделался еще славнее. Злой демон хотя и мог лишить его богатства, но любви к Богу не только не лишил, но даже еще более усилил ее и, отняв у него все, сделал то, что Иов обогатился еще большими благами, так что дьявол не знал даже, что еще и предпринять. Чем более он поражал его, тем более видел в нем сил. А когда, испытав все средства, не получил никакого успеха, то прибег, наконец, к древнему оружию – к жене, и, надев на себя личину сострадания, весьма живо и трогательно изображает его несчастья и, как бы радея об избавлении его от бедствий, подает гибельный совет. Но этим он не победил Иова; этот удивительный муж приметил хитрость его, и с великим благоразумием заградил уста жене, которая по внушению дьявола предлагала совет.

[8] 5. Так и мы должны поступать. Хотя бы в лице брата, или искреннего друга, или жены, или кого-нибудь из самых близких к нам людей, дьявол внушал нам что-либо неподобающее, мы не по лицу должны судить о словах и принимать советы, но и по гибельному совету должны заключать о том, кто предлагает совет, и отвращаться от него. Дьявол ведь и ныне часто поступает подобным образом: принимает личину сострадания, и, притворяясь доброжелательным, подает нам советы пагубнее и вреднее всякого яда. Его дело – льстить нам, к вреду нашему; а дело Божье – наказывать нас, для нашего блага. Итак, не будем обманываться, не будем усиленно искать спокойной жизни: «кого любит Господь, того наказывает» (Притч. 3:12), говорит Писание. Если мы наслаждаемся благоденствием, живя порочно, то, тем более, должны сокрушаться. Служа греху, мы и всегда должны страшиться, но особенно тогда, когда не претерпеваем никакого несчастья. Когда Бог посылает нам наказания, так сказать, по частям, то облегчает этим казнь за грехи; напротив, когда долготерпит обо всех наших прегрешениях, то тем сохраняет нас для большей казни, если мы пребываем в грехах. Если и для праведников необходимо страдание, то тем более для грешников. Посмотри, сколь великое долготерпение Божье испытал на себе фараон и, наконец, какой жестокой подвергся казни за все свои злодеяния! Сколько преступлений учинил Навуходоносор, пока, наконец, не понес казни за все! Равным образом и евангельский богач, за то самое, что здесь не потерпел никакого бедствия, после сделался несчастнейшим. Насладившись удовольствиями в этой жизни, он перешел в тот мир, чтобы потерпеть казнь за все, и там не мог уже найти никакого утешения в своем страдании. Несмотря на это,

есть такие холодные и безумные люди, которые ищут всегда только настоящего и говорят такие достойные смеха слова: «наслажусь теперь всеми настоящими благами, а после подумаю о том, что неизвестно; буду угождать чреву, буду рабом удовольствий, не буду много дорожить и настоящей жизнью: дай мне нынешний день, и возьми себе завтрашний!» Какое непомерное безумие! Чем отличаются такие люди от козлов и свиней (Иер. 5:8)? Если пророк не хочет почитать людьми неистовствующих против жены ближнего своего, то кто вас осудит, когда мы скажем, что те люди безумнее и козлов, и свиней, и ослов, – люди, которые неизвестным почитают то, что яснее очевидного? Если ты уже ничему другому не веришь, то посмотри на мучение демонов, которые стараются во всем вредить нам и словами и делами. Ты не будешь противоречить тому, что они употребляют все средства, чтобы увеличить нашу беспечность, истребить в нас страх геенны и сделать то, чтобы мы не верили будущему суду; но при всем том, они часто с криком и воплем возвещают о мучениях адских. Почему же они говорят противное тому, чего желают? Конечно, вынуждает их к этому жестокость мук, ими претерпеваемых. Добровольно они никогда не сознались бы ни в том, что их мучат люди умершие, ни в том вообще, что терпят какое-либо мучение. Для чего же это сказал я? Для того чтобы показать, что и демоны свидетельствуют о геенне, хотя и не желают, чтобы люди верили геенне; а ты, удостоившись столь высокой чести, и приобщившись неизреченных таинств, не подражаешь и бесам, но и их сделался безумнее. Ты скажешь: кто приходил из ада и возвестил о тамошних мучениях? Но я спрошу: кто приходил и с небес и возвестил, что есть Бог, все сотворивший? Равным образом, откуда известно, что мы

имеем душу? Если ты хочешь верить только тому, что видишь, то усомнишься и о Боге, и об ангелах, и об уме, и о душе, и, таким образом, для тебя исчезнет все учение истины. Впрочем, если ты хочешь верить только тому, что ясно, то более должен верить невидимому, нежели видимому. Хотя это странно, однако же, истинно и признано за несомненное всеми людьми, имеющими ум. И действительно, глаза часто обманываются не только в невидимом (его они вовсе не знают), но даже и в тех вещах, которые, кажется, мы видим, потому что и расстояние, и воздух, и устремление мысли на другой предмет, и гнев, и забота, и тысячи других причин препятствуют им правильно видеть. Но размышление души, просвещенной светом божественного Писания, представляет вернейшее и не обманчивое суждение о вещах. Итак, не будем тщетно обманывать самих себя, чтобы при беспечности жизни, происходящей от такого учения, не собрать для самих себя лютейшего огня и за самое учение. Если нет суда, если мы не дадим отчета в делах своих, и не получим награды за труды, то посмотрите, куда увлекает вас ваше богохульство, когда вы говорите, что праведный человеколюбивый и милосердный Бог презрит такие труды и подвиги. И возможно ли это?

9 Если ничто другое не вразумляет тебя, то посмотри хотя на домашнюю твою жизнь, и ты увидишь всю нелепость твоих мыслей. В самом деле, – предположим, что ты был бы безмерно жесток и бесчеловечен, превосходил своей свирепостью и самых зверей; но, находясь при смерти, ты, конечно, не захотел бы оставить без награды усердного своего слугу, а и отпустил бы его на волю, и наградил бы деньгами; и если ты сам, умирая, уже ничего не можешь сделать в его пользу, то, по крайней мере, завещаешь о

нем наследникам твоим, просишь их, убеждаешь, всячески стараешься, чтобы он не остался без награды. Если же, будучи злым, оказываешься столь добрым и человеколюбивым к слуге своему, то Бог, беспредельная благость, неизреченное человеколюбие и доброта, неужели презрит и оставит не увенчанными рабов Своих – Петра и Павла, Иакова и Иоанна, которые ежедневно ради Него томились голодом, были заключаемы в узы, мучимы, потопляемы, предаваемы зверям, каждый день умирали и претерпевали бесчисленные страдания? Председатель на Олимпийских играх провозглашает имя победителя и увенчивает его; господин награждает раба, царь воина; и вообще всякий, сколько может, платит добром слуге своему: Бог ли один, после скольких трудов и подвигов, не даст им ни малой, ни великой награды? Неужели эти праведные и благочестивые мужи, подвизавшиеся во всякой добродетели, будут находиться там же, где и прелюбодеи, отцеубийцы, человекоубийцы и гроборасхитители? Мыслимо ли это? Если за гробом нет ничего, если бытие наше ограничивается только настоящей жизнью, то, действительно, участь тех и других одинакова. Впрочем, и в таком случае еще не одинакова. Допустим, как ты думаешь, что по смерти они будут и в одинаковом состоянии, а здесь одни из них провели все время в покое, а другие в страдании. Но какой же тиран, какой жестокий и свирепый человек захотел бы так поступить с рабами, ему послушными? Видишь ли, какая чрезмерная нелепость, и какой конец такого умствования? Итак, если ты не хочешь верить ничему другому, то вразумись хотя бы этим рассуждением, оставь свои нечестивые мысли, беги от порока, начни трудиться для добродетели, – и тогда увидишь ясно, что наша участь не ограничивается

пределами настоящей жизни. А если кто спросит тебя: кто приходил с того мира и возвестил, что там делается? – отвечай ему так: из людей никто (да если бы кто и пришел оттуда, большая часть людей ему бы не поверили, думая, что он хвастает и преувеличивает то, о чем рассказывает); но Владыка ангелов все это возвестил нам с полным удостоверением. Итак, какая нам нужда в свидетельстве человеческом, когда сам Тот, Кто потребует от нас ответа, ежедневно проповедует, что Он уготовал и геенну и царствие, и на все это представляет нам ясные доказательства? В самом деле, если бы Он не имел судить нас, то не посылал бы наказаний и здесь. Далее, чем объяснить и то, что некоторые из злых людей здесь наказываются, а другие нет? Если Бог нелицеприятен, – каков Он и на самом деле, – то почему же Он одного наказывает, а другому попускает умирать без наказания? Это еще непонятнее того, что сказано прежде. Но если вы благосклонно желаете послушать меня, то я разрешу и это недоумение. Каким же образом? Бог не всех наказывает здесь для того, чтобы ты не отчаялся в воскресении, и не перестал ожидать суда, ввиду того, что все уже получили воздаяние здесь; не всех также оставляет и без наказания, чтобы ты опять не подумал, что вселенная не управляется провидением. Он и наказывает, и не наказывает. Когда наказывает, то этим дает разуметь, что от тех, которые не были наказаны здесь, Он потребует отчета там; когда же не наказывает, то этим заставляет тебя верить, что по отшествии из этой жизни будет страшный суд. Если бы Он вообще не хотел воздавать каждому свое, то и здесь никого бы ни наказывал, ни награждал. А теперь ты видишь, что Он для тебя и распростер небо, и возжег солнце, и основал землю, разлил море и воздух, установил течение луны,

назначил не переменяемые законы временам года, и все прочее заставляет Своим мановением неуклонно совершать свое течение. И наша природа, и природа существ неразумных, пресмыкающихся, ходящих, летающих, плавающих, находящихся в озерах, источниках, реках, в горах, лесах, домах, в воздухе, на полях, – растения, семена, деревья лесные и растущие в садах, плодоносные и не плодоносные, словом, все, будучи движимо не устающей Его рукой, содействует к сохранению нашей жизни, и служит не только к удовлетворению наших нужд, но и к изобилию. Итак, видя столь прекрасный порядок в мире, – хотя мы не показали и малейшей его части, – дерзнешь ли ты сказать, что Тот, Кто столько благ устроил для тебя, при конце жизни презрит тебя, и по смерти оставит тебя поверженным вместе с ослами и свиньями? Удостоив тебя бесценного дара благочестия, и через него сделав тебя равным ангелам, неужели Он презрит тебя после бесчисленных твоих трудов и подвигов? Возможно ли это? Очевидно, нет. Это яснее самых лучей солнечных; и если мы умолчим, то камни возопиют об этом. Итак, сообразив все это, будем верить, что по отшествии из здешней жизни мы предстанем на страшный суд, отдадим отчет во всех делах своих и, если пребудем в грехах, то подвергнемся истязанию и казни, а если решимся хотя бы мало внимать себе, то удостоимся венцов и благ неизреченных; утвердившись же в этой вере, заставим молчать инакомыслящих, а сами вступим на путь добродетели, чтобы с подобающим дерзновением предстать на тот суд, и получить обетованные нам блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 14

[1] «Услышав же Иисус, что Иоанн отдан под стражу, удалился в Галилею». (Мф.4:12)

[2] Изъяснение 4:12–24. Для чего Христос удаляется в Галилею. – Что такое Галилея. – Почему Христос начинает проповедь после Иоанна. – Призвание Петра и Андрея. – Пример послушания Христу, показанный ими. – Почему Христос в начале проповеди творил чудеса. – Христос и ныне исцеляет болезни душевные – источник болезней телесных. – Чтобы просить отпущения грехов, нужно чувствовать свои грехи. – Нераскаянность больше всего прогневляет Бога. – По смерти нельзя грешнику получить прощение.

[3] 1. Для чего Он опять удаляется? Для того чтобы научить нас не идти самим навстречу искушениям, но отступать и уклоняться от них. Не тот виновен, кто не бросается в опасности, но тот, кто в опасностях не имеет мужества. Итак, чтобы научить этому и укротить ненависть иудеев, Христос удаляется в Капернаум, исполняя пророчество, и, вместе, поспешая, подобно рыбарю, уловить учителей вселенной, которые, занимаясь своим искусством, проживали в этом городе. Заметь здесь, как Христос всякий раз, намереваясь удалиться к язычникам, побуждения для этого берет от иудеев. Так и в настоящем

случае иудеи, умыслив зло против Предтечи и посадив его в темницу, самого Иисуса прогоняют в языческую Галилею. А что под именем Галилеи разумеется ни какая-либо только часть народа иудейского, ни все колена вообще, это ты можешь видеть из слов, которыми пророк определяет эту страну: «земля Неффалимова; возвеличит приморский путь, Заиорданскую страну, Галилею языческую. Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий» (Ис. 9:1–2). Тьмой здесь называет он не чувственную тьму, но заблуждение и нечестие, почему и прибавил: «на живущих в стране тени смертной свет воссияет» (Ис. 9:2). А чтобы видно было, что он говорит не о чувственном свете и тьме, для этого, говоря о свете, пророк называет его не просто светом, но светом великим, который в другом месте именует «светом истинным» (Иоан. 1:9); а, говоря о тьме, называет ее тенью смертной. Желая, затем, показать, что жители этой страны не сами искали и нашли этот свет, но Бог явил им свыше, евангелист говорит: «свет воссиял им» (Матф. 4:16), т. е. сам свет воссиял и осветил их, а не сами они наперед пришли к свету. В самом деле, род человеческий перед пришествием Христовым находился в самом бедственном состоянии; люди уже не ходили, а сидели во тьме; а это значит, что они даже и не надеялись освободиться от этой тьмы. Они даже не знали, куда нужно идти, и объятые тьмой, сидели, не будучи уже в силах и стоять.

4 «С того времени Иисус начал проповедовать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Матф. 4:17). «С того времени»: когда же это? С того времени, как Иоанн был посажен в темницу. Почему же Христос не проповедовал им сначала? Для чего Ему нужен был Иоанн, когда самые дела ясно свидетельствовали о Нем?

С одной стороны, для того, чтобы отсюда видно было Его достоинство, когда и Он так же, как Отец, имеет пророков, о чем и Захария сказал: «и ты, младенец, наречешься пророком Всевышнего» (Лук. 1:76); с другой – для того, чтобы не оставить бесстыдным иудеям никакого извинения. На это последнее сам Христос указал, когда говорил: «пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес. Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана премудрость чадами ее» (Матф. 11:18–19). Притом и нужно было, чтобы о Христе наперед сказал кто-нибудь другой, а не сам Он. Если уж и после столь многих и столь сильных доказательств и свидетельств говорили: «Ты Сам о Себе свидетельствуешь, свидетельство Твое не истинно» (Иоан. 8:13), то чего бы не сказали, если бы о Нем ничего не говорил Иоанн, а Он Сам первый начал бы свидетельствовать о Себе народу? Вот почему Он и не проповедовал прежде Иоанна, и чудес не творил до тех пор, пока последний не был посажен в темницу. Он не хотел Своей проповедью и произвести разделения в народе. По этой же причине и Иоанн не сотворил ни одного чуда, чтобы и этим привести к Христу народ, привлекаемый к Нему силой Его чудес. И действительно, если уже, и после столь многих и великих чудес, ученики Иоанна и прежде и после его заточения с ревностью смотрели на Иисуса и если многие почитали Христом не Его, а Иоанна, то, что было бы, если бы дело обстояло иначе? Вот для чего евангелист Матфей и показывает, что Христос «с того времени начал проповедовать»; и в начале Своего проповедования Он учил тому же, что проповедовал и Иоанн, а о самом Себе еще не говорил ничего, но продолжал только проповедь Крестителя, потому что пока еще не имели о Нем

надлежащего понятия, хорошо было бы, если бы и это учение было принято.

[5] 2. По той же самой причине в начале Своей проповеди Христос не предлагает и ничего тягостного и прискорбного, подобно Иоанну. Тот упоминал о секире, о дереве посекаемом, о лопате, о гумне, о неугасаемом огне (Матф. 3:10, 12); напротив, Христос начинает Свою проповедь радостным благовестием о небесах и «царствии небесном», уготованном слушающим Его. «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы, и говорит им: идите за Мной, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним» (Матф. 4:18–20). Евангелист Иоанн иначе описывает их призвание. Из его слов видно, что это призвание было уже второе, – о чем можно заключить из многих признаков. Именно, у Иоанна говорится, что они пришли к Иисусу, когда Иоанн еще не был посажен в темницу; а здесь – что они пришли после его заточения. Там Андрей призывает Петра (Иоан. 1:41–42), а здесь обоих сам Христос. Притом Иоанн говорит, что Иисус, увидев Симона, идущего к Нему, сказал: «ты – Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень Петр» (Иоан. 1:42). А Матфей утверждает, что Симон уже назывался этим именем; именно он говорит: «видел Симона называемого Петром». То же показывает и самое место, откуда они были призваны, и многие другие обстоятельства, – например, и то, что они легко послушались Его, и то, что оставили все: значит, они еще прежде были хорошо приготовлены к этому. И действительно, из Иоаннова повествования видно, что Андрей приходил в дом к Иисусу и слышал от Него многое (Иоан. 1:39); здесь же видим, что они,

услышав одно только слово, тотчас за Ним последовали. Вероятно, что они, сначала последовав за Иисусом, потом оставили Его, и увидев, что Иоанн посажен в темницу, удалились и опять возвратились к своему занятию; потому Иисус и находит их ловящими рыбу. Он и не воспрепятствовал им сначала удалиться от Него, когда они того желали, и не оставил их совершенно, когда удалились; но, дав свободу отойти от Себя, опять идет возвратить их к Себе. Вот самый лучший образ ловли.

6 Посмотрите же, какова их вера и послушание. Они заняты были своим делом (а вы знаете, как приманчива рыбная ловля); но, как скоро услышали призыв Спасителя, не замедлили, не отложили до другого времени, не сказали: «сходим домой и посоветуемся с родственниками»; но, оставив все, последовали за Ним точно так же, как Елисей последовал за Илией (3Цар. 19:20). Христос желает от нас такого послушания, чтобы мы ни на малейшее время не откладывали, хотя бы того требовала самая крайняя необходимость. Вот почему, когда некто другой пришел к Нему, и просил позволения «похоронить отца своего» (Матф. 8:21), Он и этого не позволил ему сделать, показывая тем, что следование за Ним должно предпочитать всему. Ты скажешь, что им много было обещано. Но потому-то я особенно и удивляюсь им, что они, не видев еще ни одного знамения, поверили столь великому обещанию, и всему предпочли следование за Христом. Они поверили, что и они в состоянии будут уловлять теми же словами других, какими уловлены были сами. Да и это было обещано только Петру и Андрею; а Иакову и Иоанну и того не было сказано; только пример послушания первых проложил путь и им; впрочем, они и прежде много слышали об Иисусе. Далее – смотри, с какой подробностью евангелист

указывает на их бедность: Иисус нашел их чинящими сети свои (Матф. 4:21). Они были бедны до такой степени, что не имели на что купить новых сетей, и потому чинили обветшавшие. Между тем не малым доказательством их добродетели служит и то, что они легко переносят свою бедность, питаются от праведных трудов, друг с другом связаны узами любви, живут вместе с отцом и служат ему. Когда, таким образом, Христос уловил их, Он начинает в их присутствии творить чудеса, подтверждая делами то, что сказал о Нем Иоанн. Он начинает часто посещать синагоги, научая этим учеников Своих, что Он не противник Богу и не обманщик какой-либо, но пришел согласно воле Отца; и при посещении синагог Он не только проповедовал, но и творил чудеса.

7 3. Всякий раз, когда происходит что-нибудь особенное и необыкновенное, или когда вводится какой-либо новый образ жизни, Бог обыкновенно дает знамения, как бы в залог Своего могущества для тех, кто должен принять Его законы. Так, намереваясь создать человека, Он прежде сотворил весь мир, и потом дал уже ему в раю известный закон. Так, когда хотел дать закон Ною, опять совершил великие чудеса, изменил всю тварь, в ее основаниях, повелел страшному наводнению целый год держать землю, и посреди столь великого обуревания сохранил невредимым праведника. Так и Авраама оградил многими знамениями; даровал ему победу на брани, поразил ударами фараона, и избавлял праотца от опасностей. Так и перед обнародованием закона иудеям Он явил дивные и великие чудеса, а потом дал уже закон. Так и здесь, намереваясь дать высшие правила жизни и предложить людям то, чего они никогда не слыхали, подтверждает слова Свои чудесами. Так как возвещаемое им царствие не было видимо, то видимыми знамениями Он и

невидимое сделал видимым. И заметь, какую евангелист наблюдает краткость; он не говорит о каждом исцелившемся подробно, но в немногих словах упоминает о множестве знамений: «приводили к Нему», говорит он, «всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их» (Матф. 4:24). Но спрашивается: почему Христос ни от кого из этих исцеленных не требовал веры? Почему не сказал им того, что после говорил: «веруете ли, что Я могу это сделать» (Матф. 9:28)? Это потому, что Он еще тогда не явил доказательств Своего могущества. Впрочем, немалую их веру доказало и то, что они приступили к Нему и подводили больных. Они не приносили бы их издалека, если бы не имели к Нему великой веры. Последуем и мы за Христом. И мы имеем многие болезни душевные, а эти-то болезни он преимущественно и желает уврачевать. Для того ведь Он врачует и телесные болезни, чтобы истребить и душевные. Приступим же к Нему и будем просить не каких-либо житейских благ, но отпущения грехов; Он и ныне подает (все нужное), если только просим прилежно. Тогда разнесся о Нем слух по всей Сирии, ныне же по всей вселенной. Стекались к Нему тогда жители разных стран, слыша, что Он исцеляет бесноватых, а ты, имея перед очами гораздо многочисленнейшие и важнейшие опыты Его могущества, не хочешь восстать и устремиться к Нему? Те оставляли и отечество, и друзей, и сродников, а ты не хочешь выйти из дому, чтобы приступить к Нему и получить гораздо лучшее? Но мы и этого от тебя не требуем. Оставь только злые привычки, и ты можешь, оставаясь дома со своими, удобно спастись. Имея какую-нибудь телесную болезнь, мы всеми силами стараемся освободиться от нее, а, страдая тяжко от

болезней душевных, мы медлим и отказываемся от врачевства. Потому мы не избавляемся и от телесных болезней, что необходимое для нас мы почитаем маловажным, а маловажное необходимым, и, оставив самый источник зла, хотим очистить потоки. А что испорченность души есть причина болезней телесных, тому доказательством служит и тот расслабленный, который был в болезни тридцать восемь лет, и тот, которого спустили на одре, разобрав кровлю, а, прежде всего – Каин. Да и многие другие примеры показывают то же. Итак, истребим источник зла, и тогда все потоки болезней иссякнут сами собой. Не одно расслабление телесное есть болезнь, но и грех; и последний еще более первого, так как душа лучше тела. Итак, приступим и ныне к Христу, будем просить Его, чтобы Он уврачевал расслабленную нашу душу, и оставив все житейское, будем заботиться только о духовном. Стяжав это, ты можешь печься потом и об остальном. Не почитай себя безопасным, если не скорбишь о грехах своих; но о том-то особенно и стенай, что не чувствуешь сокрушения о своих беззакониях. Твое спокойствие происходит не оттого, чтобы грех не угрызал, но от бесчувствия души, преданной греху. Представь себе, как терзаются чувствующие тяжесть грехов своих, как горько вопиют они, – горестнее, нежели те, кого режут или жгут! Что делают они, как страдают, сколько проливают слез, сколько испускают стенаний, чтобы освободиться от мучений совести? Этого они не стали бы делать, если бы сильно не страдали душой.

[8] 4. Всего лучше совсем не грешить; а если кто согрешил, то нужно чувствовать свой грех и исправляться. Если же этого не будет, то, как мы станем умолять Бога и просить отпущения грехов, когда самим себе не даем в них

никакого отчета? Когда сам ты, согрешивший, не хочешь знать и того, что согрешил, то о прощении каких грехов будешь просить Бога? О тех, которых не знаешь? И как ты можешь познать величие благодеяния? Итак, исповедуй все грехи твои подробно, чтобы узнать, сколь велик долг, который тебе прощается, и, таким образом, возбудишь в себе благодарность к своему Благодетелю. Оскорбив человека, ты упрашиваешь и друзей, и соседей, и самих привратников, тратишь деньги, теряешь много дней, ходя к нему и умоляя о прощении. И, хотя бы оскорбленный отогнал тебя однажды, и в другой раз, и тысячу раз, ты не отстаешь, но тем с большей ревностью усугубляешь свои моления. А, раздражив Бога всяческих, мы небрежем о том, остаемся холодными, роскошествуем, упиваемся и делаем все то, к чему привыкли: когда же мы Его умилостивим?... Напротив, продолжая так жить, не раздражаем ли Его еще более? И действительно, нераскаянность в грехах гораздо более возбуждает Его гнев и негодование, нежели самый грех. Нам надлежало бы скрыться под землей, не видеть солнца, и даже не пользоваться воздухом за то, что, имея столь милостивого Владыку, мы раздражаем Его и, раздражая, даже не раскаиваемся в том. Он и в гневе Своем не только не имеет к нам ненависти и отвращения, но и гневается для того, чтобы хотя бы таким образом привлечь нас к Себе; ведь если бы Он, будучи оскорбляем, воздавал тебе одними благодеяниями, то ты еще более стал бы презирать Его. Чтобы этого не случилось, Он на время отвращает от тебя лицо Свое, чтобы соединить тебя с Собой навеки. Итак, одушевимся надеждой на Его человеколюбие, принесем усердное покаяние прежде, нежели настанет день, в который самое покаяние не принесет нам никакой пользы. Ныне все от нас зависит; а

тогда приговор над нами будет во власти одного Судьи. Итак, «предстанем лицу Его со славословием» (Псал. 94:2), будем плакать и рыдать. Если мы прежде дня Господня умилостивим Судью, чтобы Он отпустил нам согрешения, то не будем подлежать суду. В противном случае, каждый из нас, перед лицом всей вселенной, приведен будет на суд, и мы не будем иметь никакой надежды получить прощение. Никто из живущих на земле, не получив разрешения в грехах, по переходе в будущую жизнь, не может избежать истязаний за них. Но как здесь преступники из темниц приводятся на суд в оковах, так и по отшествии из этой жизни, все души приведутся на страшный суд, обремененные различными узами грехов. Подлинно, жизнь настоящая ничем не лучше темницы. Подобно тому, как, входя в темничный дом, мы видим всех обремененных оковами, так и теперь, если, устранив весь внешний блеск, войдем в жизнь каждого, то увидим, что душа каждого обложена узами тяжелее железных, а особенно если взойдем в души богатых. Подлинно, чем большим они владеют богатством, тем более и уз на них. Подобно тому, как видя узника, у которого и шея, и руки, а часто и ноги в железе, ты почитаешь его крайне несчастным, так и видя богатого, владеющего несчетными сокровищами, не называй его счастливым, но за то-то самое и считай его самым злополучным. В самом деле, кроме того, что он в узах, при нем находится еще жестокий страж темничный – злое любостяжание, которое не позволяет ему выйти из темницы, но приготовляет для него тысячи новых оков, темниц, дверей и затворов; и ввергнувши его во внутреннюю темницу, еще заставляет его услаждаться своими узами, так что он не может даже найти и надежды освободиться от зла, его угнетающих. И если ты

проникнешь мыслью во внутренность души его, то увидишь ее не только связанной, но и крайне безобразной, осквернённой и наполненной червями. Удовольствия сластолюбивой жизни ничем не лучше, но еще отвратительнее, потому что растлевают и тело и душу, и поражают их бесчисленным множеством болезней. Представляя все это, будем молиться Искупителю душ наших, чтобы Он и разорвал оковы, и отогнал от нас того жестокого стража, и, освободив дух наш от тяжких железных уз, сделал бы его легче пера; а с молитвой к Нему соединим и собственное старание и усердие и благую готовность. Таким образом, мы сможем в короткое время освободиться от обладающего нами зла, и познать свое прежнее состояние, и воспринять дарованную нам прежде свободу, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 15

[1] «Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря: блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». (Матф. 5:1–3)

[2] Изъяснение 5:1–16. Своим примером Христос научает не делать ничего напоказ. – Обращая речь к ученикам, Христос говорит чрез них ко всем людям. – Кто разумеется под нищими духом. Смирение – начало всякого благочестия. – Плач о грехах освобождает от пристрастия к земному. – Утешение, даруемое Богом, помогает побеждать все. – Под землею, обещанною кротким, разумеются и чувственные блага. – Кто разумеется под алчущими и жаждущими правды, под милостивыми, чистыми сердцем, миротворцами и изгнанными правды ради, и какова их награда. – Не всякие поношения делают людей блаженными. – Царство небесное обещается не одним нищим духом. – Почему последняя заповедь обращена прямо к ученикам. – Терпеть злословие – больший подвиг, чем переносить опасности. – Заповеди пролагают путь одна другой. – Что значат выражения: «вы соль земли» и «свет мира». – Сила проповеди показывает могущество Христово. – Добродетель не может укрыться. – Она одна делает счастливым. – Злословящие внутренно хвалят добродетель. – Жизнь христианина должна оправдывать учение. – Порицание

гоняющимся за наживой, подающим милостыню из тщеславия, забавляющимся ссорами других, и увещание не заводить распрей и ссор и прощать обиды.

3 1. Смотри, как Христос далек был от честолюбия и гордости! Он не водил народа за Собой, но когда нужно было врачевать, Сам ходил всюду, посещая города и веси. А когда собралось великое множество, садится на одном месте, не в городе, не среди площади, но на горе, в пустыне, – научая тем нас ничего не делать напоказ, удаляться от шума, особенно когда нужно любомудрствовать и рассуждать о важных предметах. Когда взошел Он и сел, приступили ученики. Видишь ли, как они успевают в добродетели, и как скоро сделались лучшими? Народ смотрел на чудеса, а ученики хотели уже слышать что-нибудь высокое и великое. Это-то и побудило Христа предложить учение и начать проповедь. Он не только исцелял тела, но врачевал и души, и опять от попечения о душах переходил к попечению о телах, разнообразя пользу, и соединяя с учением словесным явление знамений. Этим попечением, как о душе, так и о теле, Он заграждает бесстыдные уста еретиков, показывая тем, что Он есть виновник всецелой жизни. Потому-то Он и прилагал о теле и душе большое попечение, врачуя то первое, то последнее. Так поступил Он и теперь. «Отверз», говорит евангелист, «уста Свои, учил их». Для чего это прибавлено: «отверз уста Свои»? Чтобы ты познал, что Он учил даже и тогда, когда молчал, не только – когда говорил; учил, то отверзая уста Свои, то вещая делами Своими. Когда же ты слышишь слова: «учил их», не думай, что Он говорит только к ученикам Своим, но что через учеников говорит и ко всем. Но так

как толпа была необразованна, состояла из людей, еще пресмыкавшихся долу, то Он, собрав перед Собой учеников, обращает к ним речь Свою, и в беседе с ними так говорит, что учение мудрости делается занимательным и для всех прочих, которые почти совершенно были неспособны Его слушать. Намекая на это, и Лука сказал; что Он обратил речь к ученикам. И Матфей, показывая это, написал: «приступили к Нему ученики Его, и учил их». Ввиду этого и прочие должны были слушать внимательнее, нежели тогда, когда бы Он обратил речь Свою ко всем. Итак, с чего Христос начинает, и какие полагает для нас основания новой жизни? Послушаем внимательно слова Его. Говорено было к ученикам, а написано для всех, которые будут после них. Потому-то и Христос, хотя обращается с проповедью к ученикам, но не к ним относит слова Свои, а говорит о всех блаженствах неопределенно. Не сказал: блаженны вы, если будете нищими, но – «блаженны нищие». Даже, если бы говорил и к ним одним, и тогда Его проповедь относилась бы ко всем. В самом деле, когда, например, Он говорит: «се, Я с вами во все дни до скончания века» (Матф. 28:20), то говорит не к ним одним, но через них и ко всей вселенной. Равным образом, когда ублажает их за претерпение преследований, гонений, жестоких страданий, то сплетает венец не одним им, но и всем так живущим. Но чтобы это было яснее, и ты узнал, что слова Его имеют большое отношение и к тебе и ко всему роду человеческому, если кто внимателен, – послушай, как Он начинает дивное слово Свое: «блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Что значит: нищие духом? Смиренные и сокрушенные сердцем. Духом Он назвал душу и расположение человека. Так как есть много

смиренных не по своему расположению, а по необходимости обстоятельств, то Он, умолчав о таких (потому что в том не велика слава), называет, прежде всего, блаженными тех, которые по своей воле смиряют себя и уничижают. Почему же не сказал Он: смиренные, а сказал: «нищие»? Потому, что последнее выразительнее первого; нищими Он называет здесь тех, которые боятся и трепещут заповедей Божьих, которых и через пророка Исаию Бог называет угодными Себе, говоря: «на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего перед словом Моим» (Ис. 66:2)?

[4] 2. Много степеней смирения: иной умеренно смирен, а иной с преизбытком. Последнего рода смирение восхваляет и блаженный пророк, когда он, описывая нам не просто смиренное, но весьма сокрушенное сердце, говорит: «жертва Богу – дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Псал. 50:19). И три отрока, вместо великой жертвы, приносят Богу это смирение, говоря: «но с сокрушенным сердцем и смиренным духом да будем приняты» (Дан. 3:39). Такое смирение ублажает здесь и Христос. Все величайшие бедствия, удручающие всю вселенную, произошли от гордости. Так и дьявол, не бывший прежде таковым, сделался дьяволом от гордости, на что указывая, и Павел сказал: «чтобы не возгордился и не подпал осуждению с дьяволом» (1Тим. 3:6). Так и первый человек, обольщенный от дьявола пагубной надеждой, пал и сделался смертным; он надеялся стать богом, но потерял и то, что имел. За то и Бог, порицая его и как бы смеясь над его неразумием, сказал: «вот, Адам стал как один из Нас» (Быт. 3:22). Так и каждый после Адама, мечтая о своем равенстве с Богом, впадал в нечестие. Так как, следовательно, гордость есть верх зла, корень и

источник всякого нечестия, то Спаситель и приготовляет врачевство, соответствующее болезни, полагает этот первый закон, как крепкое и безопасное основание. На этом основании с безопасностью можно созидать и все прочее. Напротив, если этого основания не будет, то хотя бы кто до небес возвышался жизнью, все это легко разрушится и будет иметь худой конец. Хотя бы ты отличался постом, молитвой, милостыней, целомудрием или другой какой добродетелью, все это без смирения разрушится и погибнет. Так случилось с фарисеем. Взойдя на самый верх добродетели, он ниспал с него и потерял все потому, что не имел смирения – матери всех добродетелей. Как гордость есть источник всякого нечестия, так смирение есть начало всякого благочестия. Потому-то Христос и начинает со смирения, желая с корнем исторгнуть гордость из души слушателей. Какое же имеет это отношение к ученикам, которые всегда были смиренны? Они не имели никакого повода к гордости, будучи рыбаками, бедными, незнатными, не учеными. Но если это не относилось к ученикам, то относилось к тем, которые были там, и которые после должны были принимать учеников, чтобы последние не были в презрении по причине своей нищеты. Впрочем, слова Христа относились и к ученикам. Если в то время они и не имели нужды в этом полезном наставлении, то могли иметь впоследствии – по совершении знамений и чудес, после такой славы в целом мире и после такого дерзновения к Богу. Поистине, ни богатство, ни власть, ни самое царское достоинство не могли столько внушить гордости, сколько все то, что имели апостолы. Впрочем, еще и до совершения знамений они могли возгордиться, могли поддаться слабости человеческой, когда видели многочисленное собрание народа, окружавшее их

Учителя. Потому-то Христос наперед и смиряет их помыслы. Преподаваемое учение Христос излагает не в виде увещаний или повелений, а в виде блаженства, делая, таким образом, проповедь Свою занимательнее, и для всех открывая поприще учения. Не сказал: такой-то и такой блажен, а – все так поступающие блаженны, так что хотя бы ты был рабом, бедняком, нищим, бесприютным, необразованным, нет никакого препятствия к тому, чтобы быть тебе блаженным, если будешь иметь эту добродетель. Начав с того, с чего преимущественно и должно было начать, Христос переходит к другой заповеди, которая, по-видимому, противоречит мнению целой вселенной. В самом деле, тогда как все почитают блаженными радующихся, а сетующих, бедных и плачущих – несчастными, Он вместо первых называет блаженными последних, говоря так: «блаженны плачущие», хотя все почитают их несчастными (Матф. 5:4). Но Христос для того наперед и творил знамения, чтобы, предписывая подобные правила, более иметь доверенности к Себе. И здесь опять не просто разумеет плачущих, но плачущих о грехах своих, так как есть другой плач, вовсе непозволительный – плач о житейских предметах, на что указал и Павел, говоря: «печаль ради Бога производит неизменное покаяние к спасению, а печаль мирская производит смерть» (2Кор. 7:10).

[5] 3. Этих-то печалящихся Христос здесь и называет блаженными; и не просто печалящихся, но тех, которые предаются сильной печали. Потому и не сказал: печалящиеся, но: «плачущие». Действительно, и эта заповедь научает также всякому благочестию. В самом деле, если тот, кто оплакивает смерть детей, жены, или кого-нибудь из родственников, в это время скорби не увлекается ни любовью к богатству и плоти, ни

честолюбием, не раздражается обидами, не снедается завистью, ни другой какой-либо предается страсти, а бывает всецело поглощен скорбью, то не гораздо ли более покажут свое бесстрастие относительно всего этого те, которые подобающим образом оплакивают грехи свои? Какая же будет им награда? «Ибо они утешатся», говорит Христос. Скажи мне, где они утешатся? И здесь, и там. Так как эта заповедь была слишком тяжка и трудна, то Он обещает то, что наиболее могло бы облегчить ее. Итак, если хочешь иметь утешение – плачь. И не почитай этих слов иносказательными. Подлинно, когда Бог утешает, то хотя бы тысячи горестей с тобой случились, все победишь, потому что Бог всегда награждает труды с преизбытком. То же сделал Он и здесь, когда сказал, что «плачущие блаженны», – не потому, чтобы самый плач стоил того, но по Его человеколюбию (то есть, награда обещана не по важности действия, но по любви Его к людям). В самом деле, плачущие оплакивают грехи свои, а для таких довольно только получить прощение и оправдание. Но как Христос весьма человеколюбив, то Он и не ограничивает награды отменой наказания и оставлением грехов, но еще делает таких людей блаженными, и подает великое утешение. А плакать нам повелевает не о своих только грехах, но и о грехах других. Так поступали святые, как то: Моисей, Павел, Давид; все они часто оплакивали чужие грехи. «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Матф. 5:5). Скажи мне, какую наследуют землю? Некоторые говорят, что наследуют землю духовную. Но это несправедливо. В Писании нигде не упоминается о земле духовной. Что же значат эти слова? Христос разумеет здесь чувственную награду, как и Павел, когда он вслед за словами: «чти отца твоего и мать», присовокупляет: «будешь долголетен на земле»

(Ефес. 6:2–3). Равным образом и сам Господь сказал разбойнику: «ныне же будешь со Мной в раю» (Лук. 23:43). Применяясь к тем слушателям, которые более предаются чувственному и прежде ищут настоящего, нежели будущего, Христос не поощряет их будущими только благами, но и настоящими. Потому-то и далее в Своей беседе, сказав: «мирись с соперником твоим скорее», за такое благоразумное дело определяет награду, говоря: «чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге» (Матф. 5:25). Видишь, откуда Он заимствовал угрозы! От предметов чувственных, от самых обычных явлений. И еще: «кто скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону» (Матф. 5:22). Также и Павел весьма часто указывает на чувственные награды, и заимствует побуждения от предметов настоящих, например, когда рассуждает о девстве: тут он совсем не упоминает о небесах, а побуждает настоящими благами, говоря: «если же кто почитает неприличным», и: «мне вас жаль», и: «хочу, чтобы вы были без забот» (1Кор. 7:36, 28, 32). Так и Христос с духовными наградами соединил чувственные. Так как кроткий человек может подумать, что он теряет все свое имущество, то Христос обещает противное, говоря, что он-то безопасно и владеет своим имуществом: он ни дерзок, ни тщеславен; кто же, напротив, будет таковым, тот может лишиться и наследственного имения, и даже погубит самую душу. Впрочем, так как и в ветхом уже завете часто пророк говорил: «кроткие наследуют землю» (Пс. 36:11), то Христос выражает, следовательно, Свою мысль словами уже им известными, чтобы не везде употреблять новые выражения. Однако, в Своих словах Он не ограничивает наград настоящими благами, но вместе предлагает и будущие. Когда Он говорит о чем-нибудь

духовном, то не отвергает и выгод настоящей жизни; равным образом, когда обещает что-нибудь в здешней жизни, то этим еще не ограничивает Своего обещания. «Ищите», говорит Он, «прежде Царства Божия, и это все приложится вам» (Матф. 6:33). И еще: «всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Матф. 19:29). «Блаженны алчущие и жаждущие правды» (Матф. 5:6). Какой правды? Говорит ли Он о добродетели вообще, или разумеет тот вид правды, который противоположен любостяжанию? Так как Он намеревался предложить заповедь о милосердии, то и научает, как должно оказывать его; именно, называет здесь блаженными тех, которые стараются о правде, воспрещающей хищение и любостяжание.

[6] 4. Вникни и в то, с какой силой Он выразил Свою заповедь! Он не сказал: блаженны те, которые ищут правды, но – «блаженны алчущие и жаждущие правды», внушая этим, чтобы мы не как-нибудь, но с полной любовью стремились к ней. А как полную любовь имеют сребролюбивые, то есть, они не столько заботятся об удовлетворении голода и жажды, сколько о том, чтобы более и более иметь и приобретать, то Христос повелевает обращать подобную любовь к нелюбостяжанию. Потом Он опять представляет чувственную награду, говоря: «ибо они насытятся». Так как многие думают, что сребролюбие делает богатыми, то Он говорит, что бывает напротив, то есть, что богатыми делает правда. Итак, поступая справедливо, не бойся бедности, и не страшись голода. Поистине, те-то особенно и лишаются всего, которые похищают чужое, а кто любит справедливость, тот владеет всем безопасно. Если же не похищающие чужого

имения наслаждаются таким благоденствием, то гораздо больше те, которые свое раздают. «Блаженны милостивые» (Матф. 5:7). Здесь, мне кажется, говорит Он не столько о тех, которые оказывают свое милосердие деньгами, но и о тех, которые оказывают его делами. Есть много различных видов милосердия, и заповедь эта обширна. Какая же награда за милосердие? «Ибо они помилованы будут». Такое воздаяние, по-видимому, равносильно добродетели; но на самом деле оно много превосходит добродетель. В самом деле, милостивые милостивы, как люди; а сами получают милость от Бога всяческих. Милосердие же человеческое и Божье не равны между собой, а отличаются одно от другого так же, как зло – от добра. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Матф. 5:8). Вот опять духовная награда! Чистыми здесь Он называет тех, которые приобрели всецелую добродетель, и не сознают за собой никакого лукавства, или тех, которые проводят жизнь в целомудрии, потому что для того, чтобы видеть Бога, мы ни в чем столько не имеем нужды, как в этой добродетели. Потому и Павел сказал: «старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» (Евр. 12:14). Видение же здесь разумеет такое, какое только возможно для человека. Так как многие бывают милостивы, не похищают чужого, не сребролюбивы, а, между тем, любодействуют и предаются похоти, то Христос, показывая, что недостаточно первого, присоединяет и эту заповедь. То же самое и Павел, в послании к Коринфянам, подтвердил примером македонян, которые богаты были не только милосердием, но и другими добродетелями: указывая там на щедрость их в раздаянии имуществ, он говорит, что они «предали себя Господу и нам» (2Кор. 8:5). «Блаженны миротворцы»

(Матф. 5:9). Здесь Христос не только осуждает взаимное несогласие и ненависть людей между собой, но требует еще более, – именно того, чтобы мы примиряли несогласия и других; и опять представляет также духовную награду. Какую же? «Ибо они будут наречены сынами Божьими», так как и дело Единородного Сына Божьего состояло в том, чтобы соединить разделенное и примирить враждующее. Потом, чтобы ты не подумал, что мир везде есть дело похвальное, Христос присоединил и эту заповедь: «блаженны изгнанные за правду» (Матф. 5:10), – то есть, гонимые за добродетель, за покровительство другим, за благочестие, так как правдой обыкновенно Он всегда называет полное любомудрие души. «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Матф. 5:11). «Радуйтесь и веселитесь» (Матф. 5:12). Христос как бы так сказал: хотя бы вас называли обманщиками, льстецами, злодеями или другим каким именем, – вы все же блаженны. Что, кажется, страннее таких наставлений, – называть вожделенным для человека то, чего, по мнению других, нужно избегать, то есть: нищету, слезы, гонения, поношения. И, однако, Он не только изрек эти заповеди, но внушил к ним и веру, и убедил не двух, не десять, не двадцать, не сто, или тысячу человек, а всю вселенную. И толпы народа, слушая столь тяжкие, трудные и противные общему понятию наставления, изумлялись. Такова была сила слов небесного Наставника!

[7] 5. Впрочем, чтобы ты не подумал, что одни поношения, какие бы то ни было, делают людей блаженными, Христос определяет эти поношения двумя видами, именно, когда мы терпим их ради Него, и когда они будут ложны. Если же не будет ни того, ни другого, то поносимый не только

не блажен, но и несчастлив. Посмотри, какая опять награда: «ибо велика ваша награда на небесах». Если ты слышишь, что не при каждом роде блаженства даруется царство небесное, не унывай. Хотя Христос различно описывает награды, но всех вводит в царство. И когда Он говорит, что плачущие утешатся, и милостивые будут помилованы, и чистые сердцем узрят Бога, и миротворцы назовутся сынами Божьими, – всем этим Он означает не что иное, как царство небесное. Кто получит те блага, тот получит, конечно, и царство небесное. Итак, не думай, что этой награды удостоятся одни только нищие духом; ее получат и жаждущие правды, и кроткие, и все прочие. Он для того при каждой заповеди и упомянул о блаженстве, чтобы ты не ожидал ничего чувственного. Не может быть блаженным награждаемый тем, что в настоящей жизни разрушается и исчезает скорее тени. Сказав: «велика ваша награда», Христос присовокупил еще другое утешение: «так гнали и пророков, бывших прежде вас». Так как приближалось царствие, и было ожидаемо, то Он представляет им утешение в общении с теми, которые прежде них пострадали. Не думайте, говорит Он, будто вы страдаете потому, что говорите и предписываете вопреки справедливости, или что вас будут гнать, как проповедников нечестивых учений. Вы подвергнетесь наветам и опасностям не потому, будто вы неправо учите, а по злобе слушающих. Поэтому и клеветы падут не на вас – страдальцев, а на тех, которые так худо поступают. Об этом свидетельствует все прежнее время. И пророков не обвиняли в беззаконии, или безбожном учении, когда некоторых из них побивали камнями, других изгоняли, а иных подвергали другим бесчисленным бедствиям. Итак, да не устрашает это вас. По тем же соображениям и ныне все делают. Видишь ли, каким образом он ободряет их,

ставя их наравне с Моисеем и Илией? Так и апостол Павел в послании к фессалоникийцам говорит: «ибо вы, братья, сделались подражателями церквам Божьим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся» (1Фес. 2:14–15). То же самое и здесь Христос сделал. Хотя Он в других блаженствах говорил: «блаженны нищие, блаженны милостивые»; но здесь говорит Он уже определенно, и прямо обращает речь Свою к ученикам: «блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня», показывая, что это по преимуществу относится к ним, и свойственно перед всеми прочими учителям. Вместе с тем здесь Он показывает Свое достоинство и равночестие с Отцом. Он говорит: как пророки страдали ради Отца, так вы будете страдать ради Меня. Когда же Он говорит: «пророков, бывших прежде вас», то этим показывает, что и сами они уже были пророками. Потом, желая показать, что страдания особенно для них полезны и служат к их славе, не сказал, что вас будут поносить и преследовать, а Я этому воспрепятствую. Он хочет обезопасить их не от того, чтобы они ничего худого о себе не слыхали, но чтобы худые слухи переносили великодушно, и оправдывали себя делами, потому что последнее гораздо лучше первого, и не унывать во время страданий гораздо важнее, чем совсем не страдать. Потому Он здесь и говорит: «велика ваша награда на небесах». По повествованию евангелиста Луки, Христос изрек это еще сильнее и утешительнее. Он не только называет блаженными тех, которые терпят поношение за Господа, но и называет несчастными тех, о которых все говорят

доброе. Он говорит: «горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо» (Лук. 6:26). И об апостолах говорили доброе, но не все. Поэтому Он и не сказал: когда доброе будут говорить о вас люди; но прибавляет слово – «все». Действительно, невозможно, чтобы добродетельные всеми были хвалимы. И опять говорит: «пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь» (Лук. 6:22–23). Он определил награду не только за опасности, которым они подвергались, но и за поношение. Поэтому Он не сказал: когда изгонят вас и убьют; но – когда будут поносить вас и всячески злословить. Поистине злословие уязвляет гораздо более, нежели самые дела. В опасностях есть много такого, что облегчает скорбь, например, когда все поощряют, многие одобряют, хвалят и прославляют. Но здесь, в злословии, отнимается и самое утешение. Переносить злословие не считается за великий подвиг, хотя на самом деле злословие уязвляет подвижника более чем самые опасности. Многие налагают на себя руки, не в силах будучи перенести худой о себе молвы. И что дивиться на других, когда эта-то именно причина более всего побудила удавиться того бесстыдного и гнусного предателя, который совершенно потерял стыд ко всему. И Иов – этот адамант, тверже самого камня, – когда потерял свое имущество, претерпел несносные мучения, лишился вдруг всех детей, когда увидел тело свое преисполненное червями, укоряющую жену, то все легко переносил. Когда же увидел друзей, которые его порицали, ругались над ним и, злословя его, говорили, что он терпит это за грехи свои, и несет наказание за пороки свои, тогда и этот мужественный и великий подвижник поколебался и пришел в смятение.

[8] 6. Подобным образом и Давид, забыв все, что он терпел, просил у Бога мздовоздаяния только за понесенное им злословие: оставь «его [Семея] злословить», говорит он, «ибо Господь повелел ему»: да «призрит на уничижение мое, и воздаст мне Господь благостью за теперешнее его злословие» (2Цар. 16:11–12). И Павел восхваляет не только подвергающихся опасностям, не только лишающихся имения, но и тех, которые терпят злословие, говоря: «вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий» (Евр. 10:32). Потому и Христос положил за это великую награду. Но чтобы кто не сказал: почему же Ты ныне не отмщаешь злословящих и не заграждаешь уст их, а обещаешь награду на небесах? – Христос представил для этого пророков, показывая, что Бог и в их время не отмщал врагам их. Но если и тогда, когда воздаяние было на виду, Бог поощрял их надеждой на будущее, то, гораздо более Он поощряет ныне, когда и самая надежда на будущее прояснилась и любомудрие стало выше. Заметь и то, после скольких заповедей предложил эту последнюю. Он сделал это не без намерения и желал показать, что тот, кто заранее не приготовлен и не утвержден всеми теми заповедями, не может вступать и в эти подвиги. Потому-то Христос сплел нам из этих заповедей золотую цепь, всегда пролагая путь от предыдущей заповеди к последующей. В самом деле, человек смиренный будет оплакивать и грехи свои; оплакивающий свои грехи будет и кротким и праведным и милостивым; милостивый, праведный и сокрушенный будет непременно и чистым по сердцу, а такой будет и миротворцем; а кто всего этого достигнет, тот будет готов и к опасностям, не устрашится злоречия и бесчисленных бедствий. Дав ученикам приличное наставление, Господь

снова подкрепляет их похвалами. Так как заповеди были высоки и труднее ветхозаветных, то чтобы ученики не поколебались, не пришли в смятение, и не сказали: как мы можем их исполнять? – слушай, что сказал Господь: «вы есть соль земли» (Матф. 5:13), показывая этими словами, что Он по необходимости дает такие заповеди. Учение, которое вам поручается, говорит Христос, должно относиться не к одной только вашей жизни, но и ко всей вселенной. Я посылаю вас не в два, не в десять, не в двадцать городов, посылаю не к одному народу, как некогда пророков, но на сушу и море, во всю вселенную, притом преисполненную зла. Словами: «вы есть соль земли», Христос показал, что все человечество помрачилось и повредилось от грехов. Потому-то Он и требует от учеников таких добродетелей, которые были особенно необходимы и полезны к исправлению других. В самом деле, кто кроток, тих, милостив и праведен, тот не для себя только одного творит добрые дела, но старается эти благие источники добра излить и на пользу других. Также и чистый сердцем и миролюбивый и гонимый за истину живет для блага общего. Итак, не думайте, говорит Христос, что вам предстоят легкие подвиги; не думайте, что слова Мои: «вы есть соль» земли маловажны. Что же? Неужели они, в самом деле, исправили то, что уже испортилось? Нет, так как солью нельзя помочь тому, что уже испортилось. Они этого и не делали, а осоляли уже прежде исправленное, им переданное и освобожденное от зловония, содержа и сохраняя в том самом обновлении, в каком приняли от Господа. Освободить от зловония греховного – было дело Христа. Апостолы же должны были трудиться и заботиться о том, чтобы исправленное опять не пришло в первое свое состояние. Замечаешь ли, как Христос мало-помалу

возвышает учеников перед самими пророками? Он называет их учителями не одной Палестины, но целой вселенной, и не просто учителями, но еще учителями страшными. И то удивительно, что ученики не лестью и не угождением, но сдерживающим, наподобие соли, действием, для всех сделались достолюбезными. Итак, не дивитесь, говорит Христос, если Я, оставив других, беседую с вами и подвергаю вас стольким опасностям. Рассудите только, скольким городам, народам и языкам Я хочу послать вас в наставники. Потому Я и хочу, чтобы вы не только сами были благоразумны, но и других делали такими. Быть благоразумными особенно нужно тем, от которых зависит спасение других, и столько нужно им иметь в себе добродетели, чтобы можно было уделять ее в пользу других. Если вы не будете такими, то и сами не спасетесь.

[9] 7. Итак, не огорчайтесь, если слова Мои кажутся вам тяжкими. Через вас и другие заблудившиеся могут образумиться, а если вы утратите свою силу, то погубите с собой и других. Поэтому, чем важнее возложены на вас обязанности, тем более вы должны иметь ревности. Потому и говорит Христос: «если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленой? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям». Другие, если и много раз согрешат, все-таки могут быть прощены; но учитель, если согрешит, не может ничем извинить себя, и должен понести тягчайшее наказание. Чтобы ученики, слыша слова: «когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить» не устрашились всенародно проповедовать, Христос говорит, что если вы не решаетесь на это дело, то напрасно и избраны. Не злословия надобно бояться, но того, чтобы не представить из себя лицемеров; в таком случае вы покажете себя

неразумными и достойными презрения. Если же вы будете строги в обращении, и за это подвергнетесь злословию, радуйтесь. Таково именно свойство соли, что она едкостью остроты своей неприятна на вкус людей сластолюбивых. Злословие, следовательно, необходимо будет преследовать вас, но нисколько не повредит вам; напротив, будет свидетельствовать о вашей твердости. Если же вы, устрашась злословия, оставите подобающую вам твердость, то подвергнетесь тягчайшим бедствиям; вас все будут и злословить, и презирать, а это-то самое и значит: «попираема». Вслед за тем Христос переходит к другому, высшему сравнению: «вы есть», говорит Он, «свет мира» (Матф. 5:14). Опять – «мира», не одного народа, не двадцати городов, но всей вселенной; свет духовный – подобно, как и соль духовная, – который превосходнее лучей видимого солнца. Сперва Он назвал их солью, а потом светом, чтобы ты знал, сколько выгод от строгих слов, и сколько пользы от чистого учения. Оно обуздывает и не позволяет рассеиваться, но, направляя к добродетели, делает внимательным. «Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике» (Матф. 5:14–15). Этими словами Христос опять побуждает учеников Своих к строгой жизни, научая их быть осторожными, так как им надлежало явиться перед лицом всех и подвизаться на поприще целого мира. Не смотрите, говорит, на то, что мы сидим теперь здесь, что мы находимся в самой малой частичке мира. Нет, – вы так будете приметны всем, как город, стоящий на верху горы, как светильник, поставленный на подсвечнике и светящий всем, находящимся в доме.

10 Где теперь неверующие в могущество Христово? Пусть услышат это и, подивившись силе пророчества,

благоговейно поклонятся Его могуществу! Подумай, в самом деле, сколько обещано было тем, которые были неизвестны даже в своем городе! Земля и море узнает их, и слава о них распространится до пределов вселенной, или – лучше, – не слава, а самые их благодеяния, – потому что не громкая слава сделала их везде известными, но величие самых дел. Они, как птицы, пронеслись через всю вселенную быстрее солнечного луча, распространяя повсюду свет благочестия. Здесь Христос, по моему мнению, старается в учениках Своих поселить еще смелость, потому что словами: «не может укрыться город, стоящий на верху горы» ясно выражает Свое могущество. Как такой город не может укрыться, так и благовествованию невозможно утаиться и остаться в неизвестности. Так как прежде Христос говорил о гонениях, злословии, наветах и вражде, то, чтобы ученики не подумали, что все это может воспрепятствовать их проповеди, Он, ободряя их, говорит, что благовествование не только не останется в неизвестности, но и просветит всю вселенную, а через это и сами они станут славными и знаменитыми. Итак, здесь Христос показывает Свое могущество, а в последующих словах требует смелости от Своих учеников. «Зажегши свечу», говорит Он, «не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Матф. 5:15–16). Я, говорит Он, возжег свет, а вы своим старанием должны поддерживать этот свет, – и это не для себя только самих, но и для других, которые должны воспользоваться его сиянием и руководствоваться им к истине. Злословие нимало не затмит вашего света, если вы должным образом станете проводить жизнь свою, если будете жить так, как подобает людям, которые должны

обратить всю вселенную. Покажите жизнь вполне достойную благодати, чтобы благовествование ваше везде оправдывалось вашей доброй жизнью. Кроме спасения людей, Христос показывает затем и другую пользу, которая может побудить учеников к усерднейшему и ревностнейшему исполнению их обязанностей. Если хорошо будете жить, говорит Он, то не только обратите всю вселенную, но и будете способствовать к славе имени Божьего; напротив, худой жизнью и людей погубите, и дадите повод к хуле имени Божьего.

[11] 8. Каким же образом, скажешь ты, прославится через нас Бог, если люди будут злословить нас? Но не все; да и самые злословящие нас будут делать это по зависти, в сердце же своем они будут почитать и удивляться нам, подобно тому, как есть люди, которые явно льстят нечестивым, а в сердце своем обвиняют их. Что же прикажешь? Жить нам для тщеславия и честолюбия? Нет, я не то говорю. Я не сказал: старайтесь выставлять на вид добрые дела ваши, показывайте их; но сказал только: «да просветится свет ваш», т. е. да будет добродетель ваша велика, огонь обилен, свет неизречен. Когда добродетель будет такова, то сокрыть ее невозможно, хотя бы тот, кто имеет ее, всячески старался укрывать. Итак, показывайте жизнь безукоризненную, и никто не будет иметь достаточной причины злословить вас. Пусть злословящих будет бесчисленное множество, никто, однако же, не сможет затмить славу вашу. Хорошо сказано слово: «свет». Действительно, ничто так не распространяет славы о человеке, как блеск добродетели, хотя бы этот человек и старался всеми мерами скрыть его. Он как бы окружен солнечным лучом, и светит яснее самого луча, простирая свое сияние не на землю только, но и на самое небо. Здесь Христос утешает учеников Своих еще более.

Пусть прискорбно вам, говорит Он, когда вас поносят; но многие через вас сделаются истинными поклонниками Богу. И в том, и другом случае вам готовится награда: и когда вы будете терпеть злословие для Бога, и когда через вас прославляют Бога. Но чтобы мы не старались распространять худой молвы о себе, зная, что за это будет награда, Христос не просто сказал о злословии, но указал только на два вида его, именно: когда о нас говорят ложно, и когда злословят нас для Бога. Но в то же время Христос показывает, что не только такое злословие приносит великую пользу, но и хорошая слава, когда через нее распространяется слава Божия. Здесь Христос подкрепляет учеников благими надеждами. Это злословие нечестивых, говорит Он, не так сильно, чтобы и другим могло воспрепятствовать видеть свет ваш. Тогда только будут попирать вас, когда вы помрачите себя, но не тогда, когда будете поступать хорошо. Напротив, тогда многие будут удивляться вам, и не только вам, но через вас и Отцу вашему. Далее, Христос не сказал: прославят Бога, но – Отца, чем самым полагает начатки достоинства, которое будет даровано им. Потом, чтобы показать Свое равночестие с Отцом, Христос сказал прежде: не скорбите, когда худое о себе услышите, потому что довольно с вас, что вы это ради Меня слышите, – а здесь указывает на Отца, везде обнаруживая равенство. Итак, если мы знаем, какая польза происходит от упражнения в добродетели, и какая опасность от беспечности (потому что поношение из-за нас Господа нашего гораздо хуже нашей погибели), то не будем подавать соблазна ни иудеям, ни язычникам, ни верным, а будем вести такую жизнь, которая бы сияла светлее солнца. Пусть кто-нибудь нас злословит; мы не тогда должны скорбеть, когда слышим это злословие, но тогда,

когда оно справедливо. Если мы будем жить в нечестии, то хотя бы никто нас не злословил, мы всех несчастнее; напротив, если мы будем жить добродетельно, то хотя бы вся вселенная говорила о нас худое, и тогда мы будем счастливее всех, и привлечем к себе всех желающих спастись, потому что они будут обращать внимание не на злословия нечестивых, но на добродетельную жизнь. Подлинно, голос добродетели громче всякой трубы, и жизнь чистая светлее самого солнца, хотя бы злословящих было неисчислимое множество. Итак, если мы будем иметь все упомянутые добродетели: если будем кроткими, смиренными, милостивыми, чистыми, миротворцами, не будем отвечать на оскорбления оскорблением, а, напротив, принимать их даже с радостью, то мы всех взирающих на нас привлечем этим не менее, как и чудесами, и все охотно устремятся к нам, хотя бы кто был неукротим подобно зверю, хотя бы кто был лукав подобно злому духу, – словом, как бы кто ни был худ. Если же явятся и злословящие, не беспокойся этим; не смущайся, что тебя злословят перед людьми, но рассмотри совесть злословящих, и ты увидишь, что они рукоплещут тебе, удивляются и внутренне осыпают бесчисленными похвалами. Так, обрати внимание, с какой похвалой говорил Навуходоносор о тех отроках, которые были в печи, несмотря на то, что был их врагом и гонителем. Так как он увидел их мужество, то хвалит их, и прославляет, и за то именно, что они не покорились ему и остались верны закону Божьему (Дан. 3). Так-то дьявол, когда видит, что нисколько не успевает, уходит, наконец, боясь, чтобы не доставить нам своими кознями большей славы. А когда он удалится, и напускаемая им тьма рассеивается, тогда всякий, как бы ни был развращен и

нечестив, познает добродетель. Если же и люди не поймут тебя, то будешь иметь у Бога похвалу и большую славу.

12 9. Итак, не скорби, и не малодушествуй. И апостолы были «для одних запахом смертоносным на смерть, а для других запахом живительным на жизнь» (2Кор. 2:16). Если ты не подал никакого повода к злословию, то ты свободен от всякого обвинения; напротив, ты сделался даже счастливейшим человеком. Пусть же сияет твоя жизнь, и не обращай никакого внимания на тех, кто злословит тебя; невозможно ведь, совершенно невозможно, чтобы добродетельные не имели у себя многих врагов. Но от них ничего не потерпит добродетельный человек; напротив, он через это еще более прославится. Итак, размышляя об этом, будем иметь ввиду одно – вести жизнь свою добродетельно. Ведя так жизнь, мы и сидящих во тьме будем руководить к небесной жизни. Такова сила этого света, что он не только здесь сияет, но и освещает путь идущим туда. Когда сидящие во тьме увидят, что мы презираем все настоящее и стремимся к будущему, тогда они и без слов, самыми делами нашими, убедятся в этом. Кто, в самом деле, настолько безумен, чтобы, видя человека, который три дня тому назад роскошествовал, был богат, а сегодня отказался от всего, ничего не имеет, готов терпеть нищету, голод, всякие лишения и опасности, готов пролить кровь свою, идти на заклание, терпеть все, что есть жестокого, – кто настолько безумен, говорю, чтобы, видя все это, не вывел для себя ясного доказательства о будущем? Если же мы будем прилепляться к настоящему, и совершенно к нему пристрастимся, то поверят ли нам, что мы стремимся в другое отечество? Какое, наконец, будет у нас извинение, когда для нас страх Божий будет иметь меньше значения, чем даже слава человеческая

имела для языческих философов? Так, некоторые из них отвергали богатство, презирали смерть, надеясь приобрести славу от людей, почему и надежда их была суетна. Что нас защитит, когда при стольких благах, нам обещанных, при стольких путях, открытых нам для благочестивой жизни, мы не только не можем сравниться с ними, но губим и себя и других? Не столько вреда приносит язычник, поступающий нечестиво, сколько христианин, так поступающий. И это вполне понятно. Учение язычников нелепо, наше же, по благодати Божьей, досточтимо и славно у самих нечестивых. Вот почему, когда они хотят особенно упрекнуть нас, и усилить свое злословие, то говорят: «христианин»! Не сказали бы они этого, если бы не имели высокого мнения о нашем учении. Ужели ты не знаешь, что и как заповедал Христос? И как ты можешь исполнить хотя бы одну из заповедей Его, когда, оставив все, ты стараешься только собрать барыши, пустить деньги в рост, завести торговые связи, купить множество рабов, заготовить драгоценные сосуды, закупить поля, дома, и разные домашние принадлежности? И пусть было бы только это одно; но, когда к этим бесполезным занятиям ты присоединяешь еще неправду, отнимая землю у соседей, грабя дома, разоряя бедных, увеличивая голод других, – то, когда ты приступишь к этим заповедям? Но ты иногда милуешь нищих? Знаю это. Однако же, и тут опять большая погибель для тебя, потому что ты делаешь это или с надменностью, или из тщеславия, так что и в добрых делах для тебя нет пользы. Что может быть бедственнее того, когда ты даже у самой пристани терпишь кораблекрушение? Итак, чтобы не случилось этого с тобой, для этого, сделав доброе дело, не ищи от меня благодарности, чтобы иметь тебе должником самого

Бога, Который сказал: «взаймы давайте тем, от которых вы не надеетесь ничего получить» (Лук. 6:35). Имея такого должника, для чего же ты, оставив Его, требуешь от меня, человека бедного и скудного? Разве этот должник гневается, когда требуют с Него долг. Или Он беден? Или отказывается платить? Но разве ты не видишь Его неисчислимых сокровищ? Разве ты не видишь Его неизреченной щедрости? Итак, с Него проси и требуй; это Ему приятно. А если Он увидит, что ты с другого требуешь долг Его, то Он оскорбится этим, – и не только не отдаст тебе, но и по праву осудит тебя. В чем ты нашел Меня неблагодарным, скажет Он? Какую бедность у Меня нашел, что, оставив Меня, идешь к другим? Одному дал взаймы, а с другого требуешь? Ведь, хотя и человек получил, но велел дать Бог. Итак, Бог сам хочет быть первым должником и порукой, доставляя тебе бесчисленные случаи всегда с Него требовать. Не оставляй же такое богатство и такое обилие, и не ищи получить с меня, – человека ничего не имеющего. И для чего ты подаешь милостыню на моих глазах? Разве я говорил тебе: «дай»? Разве от меня ты слышал, чтобы с меня требовать? Сам Бог сказал: «благотворящий бедному дает взаймы Господу» (Притч. 19:17). Ты дал взаймы Богу; с Него и требуй. Но Он не отдает теперь всего? И это Он делает для твоей пользы. Он не какой-нибудь обыкновенный должник, который спешит только отдать долг, но должник, который всячески старается еще о том, чтобы взятое взаймы сохранить в целости. Потому-то Он, что нужно отдать здесь, отдает, а что там, сберегает.

[13] 10. Итак, зная это, станем оказывать милосердие и большее человеколюбие как имуществом, так и делами. Если увидим, что кого-либо мучат и бьют на площади, и

если можем избавить его деньгами, то избавим. А если можем освободить словами, не поленимся и это сделать. Есть ведь награда и за слова, даже и за самые вздохи: и об этом-то блаженный Иов говорил: «не плакал ли я о том, кто был в горе? не скорбела ли душа моя о бедных?» (Иов. 30:25). Если же есть награда за слезы и вздохи, то подумай, каково будет воздаяние, когда присоединятся к ним слова, усердие и другое подобное тому. И мы были некогда враги Богу, и Единородный примирил нас, сделавшись посредником, претерпев за нас раны и самую смерть. Постараемся же и мы избавлять от бесчисленных бедствий тех, которые подвергаются им и перестанем поступать так, как мы поступаем теперь, когда, например, видя, что другие ссорятся и дерутся между собой, останавливаемся и окружаем это дьявольское зрелище, чтобы позабавиться бесстыдством других. Может ли что быть бесчеловечнее этого? Видим, что бранятся, дерутся, раздирают друг у друга одежду, разбивают друг другу лицо, и спокойно продолжаем стоять. Неужели тот, кто дерется, медведь? Неужели зверь? Неужели змей? Это человек, всегдашний сообщник твой; он брат тебе, он сочлен твой. Итак, не делай для себя зрелища, но прекращай ссоры; не забавляйся, но укрощай; не побуждай других к такому бесстыдству, но разнимай и усмиряй дерущихся. Радоваться таким несчастным случаям свойственно только людям бесстыдным, подлым, непотребным и безумным. Ты смотришь на человека бесстыдно поступающего, и не замечаешь, что и сам то же делаешь? И ты не вступаешься, чтобы рассеять сборище дьявольское, и прекратить злобу человеческую! Чтобы мне и самому принять побои, скажешь ты, – и ты это велишь? Совсем нет! Ты не примешь их. А если и примешь, так это будет тебе вместо мученичества, потому

что за Бога претерпишь это. Если же не хочешь принять побоев, то подумай. Сам Господь восхотел претерпеть за тебя крест. Как обижающий, так и обижаемый, от сильного гнева, ими обладающего, подобны пьяным и потерявшим рассудок, потому и имеют нужду в человеке здравомыслящем, который бы им помог: первому, чтобы перестал обижать, а второму, чтобы избавился от побоев. Итак, пойди и подай руку помощи – трезвый опьянелому. Подлинно, и гнев опьяняет, и это опьянение даже гораздо хуже опьянения от вина. Посмотри на корабельщиков: они как скоро видят где-либо кораблекрушение, тотчас, подняв паруса, спешат, чтобы спасти от волн своих товарищей по ремеслу. Итак, если имеющие одинаковое ремесло так друг другу помогают, то тем более надлежит помогать друг другу тем, которые имеют одинаковую природу. Ведь и ссора – кораблекрушение, притом и гораздо бедственнее того. В самом деле, кто ссорится, тот или изрыгает хулы, и, таким образом, теряет все прежние добрые дела, или в сильном гневе клянется ложно, и, таким образом, впадает в геенну, или наносит побои и совершает убийство, и опять подвергается такому же кораблекрушению. Итак, пойди, прекрати зло, спустись в это бурное море и спаси утопающих, и, разрушив зрелище дьявольское, уговаривай каждого порознь, погаси пламень и укроти волны. Если пожар распространится, огонь усилится, – не бойся: многие тебе подадут руку помощи, только начни, – а прежде всех поможет Бог мира. И если ты первый начнешь гасить пламя, то многие и другие последуют за тобой, и ты получишь награду и за их доброе дело. Послушай, что говорит Христос иудеям, пресмыкающимся долу. Если увидишь, говорит Он, упавшего осла у врага своего, не проходи мимо, но подыми (Исх. 23:5). Но гораздо легче разнять ссорящихся

между собой, нежели поднять упавшую скотину. Если же должно поднимать осла у врагов, то тем более души у друзей, особенно когда последнее падение гораздо бедственнее; ведь души от тяжести гнева падают не в грязь, а в огненную геенну. Между тем ты, жестокий и бесчеловечный, видя брата своего лежащего под тяжким бременем, и дьявола предстоящего и разжигающего пламя гнева, проходишь мимо! Так поступать даже и с животными не безопасно. Самарянин, когда увидел раненого, человека совсем ему неизвестного и не имевшего к нему никакого отношения, остановился, посадил его на своего осла, привез в гостиницу, нанял врача, и деньги хозяину гостиницы частью заплатил, частью обещал заплатить (Лук. 10 и далее). А ты, видя человека, который попался не разбойникам, но полчищу демонов, и подвергся ярости врага не в пустыне, но среди площади, – когда тебе не нужно ни денег платить, ни осла нанимать, ни идти далеко, а только сказать несколько слов, – ты, жестокий и бесчеловечный, не хочешь помочь, но бежишь мимо! Как же ты надеешься сам когда-нибудь получить милость у Бога? Вам говорю я, которые перед всеми поступаете бесстыдно, – вам, обидчикам и притеснителям! Скажи, пожалуйста: ты наносишь побои, топчешь ногами, кусаешь? Разве ты кабан, или дикий осел? И ты не стыдишься, не краснеешь от своего зверства, забывая свое достоинство? Ты беден? Но ты свободен. Ремесленник ты? Но ты христианин. Потому-то самому тебе и должно жить смирно, что ты беден. Ссориться свойственно только богачам, а не бедным, – богачам, говорю, которые имеют многие причины к ссоре. Ты не пользуешься удовольствиями богатства, между тем ищешь неприятностей, с ним неразлучных – вражды, распрей, ссор, мучишь и душишь брата своего, и

повергаешь его перед всеми. Неужели ты не понимаешь, что в своем бесстыдстве подражаешь необузданности бессловесных, или вернее, делаешь еще хуже их? У бессловесных все общее, они собираются и ходят вместе; а у нас, напротив, ничего нет общего, но все вверх дном: вражды, распри, ссоры, ненависть, обиды. Мы не стыдимся ни неба, куда мы все призываемся, ни земли, которая всем нам дана в общее жилище, ни самой природы своей; но все подавляют в нас гнев и любостяжание. Или не знаешь ты о том рабе, который должен был десять тысяч талантов, и после того, как долг прощен был ему, душил товарища своего за сто динариев, – или не знаешь, сколько претерпел он бедствий, и как предан был вечному мучению (Матф. 28 и далее)? И ты не боишься такого примера? Не страшишься подвергнуться тому же? Ведь и мы много, много должны Господу, однако, Он ждет и долготерпит; не истязает нас, как мы своих собратий, не душит нас, не мучит. Между тем если бы Он захотел потребовать от нас хотя бы малейшей части долга, мы давно бы погибли. Размышляя об этом, возлюбленные, смиримся, и будем снисходительны к должникам своим; через них имеем случай, если только мы благоразумны, получить прощение в великих долгах своих и за малое приобрести многое. Итак, зачем же ты насильно требуешь долг от ближнего своего? Тебе даже надлежало бы простить и тогда, когда бы он сам захотел тебе отдать, – простить для того, чтобы получить все от Бога. А ты между тем всеми силами стараешься получить долги, заводишь споры, чтобы не потерять ни малейшей части своего имущества. Ты думаешь причинить обиду ближнему, а, между тем, сам на себя поднимаешь меч, и умножаешь для себя мучение в геенне. Если ты хоть немного будешь здесь благоразумным, то облегчишь

участь свою на суде. Ведь Бог для того только и требует от нас такого снисхождения к ближним нашим, чтобы самому иметь случай прощать нам великие согрешения наши. Итак, сколько бы ни было у тебя должников, деньгами ли то, или оскорблениями, всех прости, и за такое великодушие проси от Бога воздаяния. Доколе они будут оставаться твоими должниками, до тех пор и Бог не будет твоим должником; напротив, как скоро простишь их, тогда можешь приступить к Богу, и требовать от Него воздаяния себе за такой добрый поступок. Если бы кто, проходя мимо тебя и видя, что ты держишь своего должника, велел тебе отпустить его, обещав заплатить за него; если, говорю, этот человек не откажется заплатить тебе всего долга вместо твоего должника, – то не более ли, не тысячекратно ли более воздаст нам Бог, когда мы, повинуясь Его заповеди, простим должников своих, не требуя от них ничего? Мы должны иметь в виду не временное удовольствие, происходящее от требования долгов, но тот вред, который потерпим за то в будущем, и который будет состоять в лишении бессмертных благ. Итак, возвысившись над всем этим, будем прощать и деньги, и оскорбления должникам своим, чтобы и самим нам можно было получить прощение в своих долгах; и чего мы не успели достигнуть через другую добродетель, этого мы достигнем, когда не будем помнить зла на ближних своих, и, таким образом, сподобимся благ вечных, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 16

[1] «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков». (Мф. 5:17)

[2] Изъяснение 5:17–26. Для чего Христос говорит, что Он не разрушает закона. – Почему Он иное говорит и делает со властью, иное со смирением и с молитвою к Богу. – Как Христос исполнил закон и пророков. – Заповеди, восполнявшие ветхий закон, даны уже в предшествующих заповедях блаженства. – Почему свои заповеди Христос называет малыми. – Собственные дела должны предшествовать учению. – Ветхозаветная правда сродна с новозаветной. – Почему в новом завете требуются большие подвиги. – Заповеди Христовы утверждают и восполняют заповеди ветхозаветные. – Ветхозаветный закон свидетельствует о благости Законодателя. – Законодатель ветхого и нового завета один. – Не всякий гнев запрещается Христом. – Почему за оскорбления словом Христос угрожает геенной. – Примирение с братом есть истинная жертва Богу. – Почему повелевается мириться с соперником скоро. – Медлительность в совершении добрых дел бывает причиною больших зол. – Побуждением к добродетели должна служить мысль, что мы все делаем для Бога. – Помощь Божия все делает легким. –

Добродетель кажется трудной для человека, пока только он пребывает в грехах.

[3] 1. Но кто и думал об этом? Или кто обвинял Его в этом и вызывал на такой ответ? Сказанные Им слова совсем не возбуждали такой мысли, Его заповеди – быть кроткими, тихими, милосердыми, чистыми сердцем и подвизаться за правду – ничего подобного не показывали, но даже совершенно противное. Итак, для чего же Он сказал это? Без сомнения, не без причины, не без цели. Так как Он намеревался дать заповеди выше древних (как видно из слов Его: «Вы слышали, что сказано древним: не убивай. Я говорю вам» не гневайтесь (Мф.5:21–22)) и проложить путь к некоему божественному небесному образу жизни, то, чтобы новость учения не смутила сердец слушателей и не заставила их сомневаться в Его наставлениях, Он и предупреждает их словами: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков». Иудеи, хотя и не исполняли закона, имели, однако же, к нему великое уважение, и хотя каждодневно нарушали его своими делами, тем не менее желали, чтобы Писание оставалось неприкосновенным, и чтобы никто ничего не прибавлял к нему. Впрочем, они строго держались и некоторых прибавлений, сделанных их начальниками, хотя последние клонились не к лучшему, а к худшему. Так, например, этими прибавлениями нарушалось должное почтение к родителям; да и многие другие обязанности подрывались этими неуместными дополнениями. Итак, поскольку Христос происходил не из священнического колена, а то, что Он вознамерился ввести, было прибавлением, – которое, впрочем, не уменьшало добродетели, но возвышало ее, – то Он предвидел, что и то и другое могло бы смутить их, и потому прежде, чем

начертать свои чудные законы, опровергает те сомнения, которые могли скрываться в уме их. В чем же могли заключаться их сомнения и возражения? Они думали, что Христос говорит это для уничтожения древних постановлений закона. Это-то подозрение Он и удаляет. Так Он делает не только здесь, но и в других случаях. Так, когда иудеи почитали Его противником Богу за нарушение субботы, то, чтобы опровергнуть такое их мнение и защитить Себя, в одном случае Он употребляет слова, приличные Ему как Сыну Божию, говоря: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» (Ин. 5:17), – а в другом – исполненные смирения, как, например, когда показывает, что для спасения овцы, погибшей в субботу, может быть нарушение закона, также, когда замечает, что и обрезание совершается в субботу (Мф. 12:11–12). Для того Он часто и говорит так смиренно, чтобы истребить их мнение, будто Он поступает противно Богу. Для того-то, когда и Лазаря воззывал из гроба, обратился с молитвою к Богу, несмотря на то, что прежде единым словом воскрешал многих мертвых (Ин. 11:41). А чтобы отсюда не заключили, что Он менее Отца Своего, – предупреждая такое мнение, присовокупляет: «Сказал [сие] для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня» (Ин. 11:42). Таким образом, Он не все (чудеса) производит, как полновластный Владыка, для того, чтобы исправить ошибочное о Нем мнение иудеев, но и не перед каждым обращается с молитвою к Богу, чтобы в последствии времени не подать случая к превратному мнению, будто Он был слаб и бессилен; но в иных случаях поступает так, а в других – иначе, и делает так не без разбора, но с свойственною Ему мудростью. Важнейшие чудеса Он совершает как полномочный Владыка, а в менее важных возводит очи к небу. Так, когда он отпускал

грехи, открывал тайны, отверзал рай, изгонял бесов, очищал прокаженных, попирал смерть, воскрешал многих мертвых, – все это Он совершал одним велением, а умножая хлебы, что было менее важно, обращается к небу. Очевидно, что Он делает это не по слабости. В самом деле, если Он мог полновластно совершить большее, то какую имел надобность в молитве для совершения меньшего? Без сомнения, Он делал это, как я и прежде сказал, для обуздания бесстыдства иудеев. То же самое должен ты думать и в тех случаях, когда слышишь, что Он говорит со смирением. Много Он имел причин так говорить и действовать, как то: чтобы не подумали, что Он действует не по воле Божией, чтобы подавать наставления и врачевание всем, чтобы научать смирению, чтобы показать, что Он облечен плотью, и что иудеи не могут принять всего вдруг, также, чтобы научить их не много о себе думать. По этим-то причинам часто и говорил сам о Себе со смирением, предоставляя говорить о Нем великое другим.

4 2. Так сам Он, беседуя с иудеями, говорил: «Прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Ин. 8:58); а ученик Его сказал об этом так: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1). Опять, сам Он нигде прямо не говорит, что Он сотворил небо, и землю, и море, и все видимое и невидимое; а ученик Его смело и не обинуясь, не один, или два раза, но многократно говорит об этом: «Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть»; также: «В мире был, и мир чрез Него начал быть» (Ин 1:3, 10). Да и чему удивляться, если другие о Нем сказали более, нежели Он сам, когда Он, многое, не выражая ясно словами, показывал делами? Что Он сотворил человека, то ясно доказал исцелениями слепого; между тем, говоря о сотворении человека в начале, не

сказал: Я сотворил, но – «Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их» (Мф. 19:4). Равным образом, что Он создал мир, и все находящееся в нем, то доказал ловитвою рыб, претворением воды в вино, умножением хлебов, укрощением бури на море, лучезарным светом, которым воссиял Он на кресте, и многими другими чудесами; хотя на словах никогда ясно не выражал этого, но ученики Его: Иоанн, Павел и Петр говорят о том весьма часто. Если и эти ученики, которые и днем и ночью слышали Его беседы, видели чудотворения, которыми Он многое разрешал наедине, даровал силу даже воскрешать мертвых, и которых, наконец, соделал столь совершенными, что они для Него оставили все, – если и они, восшедши на такую степень добродетели и любомудрия, не могли еще сносить всего, прежде чем приняли дары Святого Духа; то каким образом иудейский народ, который не имел ни такого познания, ни такой добродетели, и только иногда был свидетелем того, что делал, или говорил Христос, уверился бы, что Он поступает согласно с волею Бога всяческих, если бы сам Иисус не оказывал во всем Своего снисхождения? Вот почему, и нарушая, например, субботу, Он не вдруг ввел такое законоположение, но наперед представил многие и различные причины. Если же, намереваясь отменить и одну заповедь, Он употребляет такую осторожность в словах, чтобы не устрашить слушающих, то, когда присоединял к целому прежнему закону целый новый, тем более имел нужду предуготовлять слушателей Своих и применяться к их состоянию, чтобы не возмутить их.

5 По той же причине Он и о Своем божестве не везде ясно говорит. В самом деле, если прибавление к закону так возмущало их, то не гораздо ли более возмутило бы их то, когда бы Он объявил Себя Богом? Потому Он и говорит

много такого, что ниже Его божественного достоинства. Так точно и здесь, намереваясь восполнить закон, приступает к этому с великою осторожностью. Не довольствуясь тем, что сказал уже раз: Я не разоряю закона, Он повторяет то же и в другой раз, и притом еще с большею выразительностью. Сказав: «Не думайте, что Я пришел нарушить», – присовокупляет: «Не нарушить пришел Я, но исполнить». Этими словами обуздывается не только бесстыдство иудеев, но и заграждаются уста еретиков, утверждающих, что древний закон произошел от дьявола. В самом деле, если Христос пришел разрушить власть дьявола, то как же Он не только не разрушает ее, но еще и исполняет? Он не только сказал: не разоряю, – хотя и того было бы довольно, – но еще прибавил: исполняю, а это показывает, что Он не только не противился закону, но еще и одобрял его. Но каким образом, спросишь ты, Он не нарушил закона? И как исполнил закон, или пророков? Пророков – тем, что подтвердил делами Своими все, что они говорили о Нем, почему и евангелист постоянно говорит: «Да сбудется реченное через пророков» (Мф. 2:23); например, когда Он родился, когда отроки воспели Ему чудную песнь, когда воссел на *жребя*. Да и во многих других случаях Он исполнял пророчества, которые все остались бы без исполнения, если бы Он не пришел в мир. А закон исполнил не в одном отношении, но в трояком. Во-первых, Он ни в чем не преступил его. Чтобы увериться, что Он исполнил весь закон, послушай, что Он говорит Иоанну: «Ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф. 3:15). Равным образом и иудеям Он говорил: «Кто из вас обличит Меня в неправде?» (Ин. 8:46); также ученикам Своим: «Идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего» (Ин. 14:30). Издревле и пророк предсказал о Нем, что Он

«не сделал греха» (Ис. 53:9). Итак, вот первый способ, которым Он исполнил закон. Во-вторых, Он исполнил закон за нас. Поистине достойно удивления, что Он не только сам исполнил закон, но и нам даровал его исполнение, как то изъясняет Павел, говоря, что «конец закона – Христос, к праведности всякого верующего» (Рим. 10:4), и что Он «осудил грех во плоти, чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти» (Рим. 8:3–4), и в другом месте: «Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем» (Рим. 3:31). Так как цель закона состояла в том, чтобы сделать человека праведным, чего, однако же, он не мог сделать, то этому назначению закона удовлетворил сам Господь, нисшед на землю и установив образ оправдания чрез веру. И чего закон не мог сделать посредством букв, то сам Христос совершил через веру, – почему и говорит: «Не нарушить пришел Я» закон.

[6] 3. Если же кто тщательно будет исследовать, то найдет еще и третий образ исполнения закона. В чем же состоял он? В учреждении того закона, который Христос имел дать. В самом деле, Его учение не уничтожало прежнего закона, но возвышало и восполняло его. Так, например, заповедь: «не убивай» не уничтожается заповедью: «не гневайся»; напротив, последняя служит дополнением и утверждением первой. То же самое должно сказать и о всех прочих. Бросая первые семена Своего нового учения, Христос не навлек на Себя никакого подозрения; но теперь, когда Он начал сравнивать ветхий закон с новым, тем более мог быть подозреваем в противоречии первому, почему предварительно и сказал: «Не нарушить пришел Я, но исполнить». Действительно, заповеди, предлагаемые теперь, уже основывались на прежде сказанном. Так, например, слова: «Блаженны нищие

духом» означают то же, что и повеление не гневаться; «Блаженны чистые сердцем» – то же, что и запрещение взирать на жену с вожделением; заповедь – не скрывать себе сокровищ на земле соответствует словам: «Блаженны милостивые». Плакать, претерпевать гонения и поношения значит то же самое, что и входить узкими вратами; алкать и жаждать правды означает не что иное, как требование, выраженное в словах: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7:12). Когда Христос ублажает миротворца, то высказывает почти то же самое, что выражено в повелении оставить дар, и поспешить помириться с оскорбленным братом и согласиться с соперником. Различие лишь в том, что там Христос исполняющим заповеди обещает награды, а здесь преступающим их угрожает наказанием. Там говорит, что кроткие наследят землю; а здесь – что тот, кто назовет брата своего безумным, будет повинен геенне огненной. Там говорит, что чистые сердцем узрят Бога; а здесь – что воззревший на жену нечистым оком является уже настоящим прелюбодеем. Там миротворцев называет сынами Божиими; а здесь – немиролюбивых устрашает словами: «Чтобы соперник не отдал тебя судье» (Мф. 5:25). Там плачущих и претерпевающих гонения называет блаженными; а здесь, подтверждая то же самое, угрожает гибелью тем, кто не идет этим путем, – так как, говорит, идущие широким путем погибают. Также и слова: «Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24), кажется мне, сходны с изречением: «Блаженны милостивые» и: «жаждущие правды». Но здесь, как я и выше заметил, Господь намеревается прежде сказанное изложить яснее, и не только яснее, но еще с дополнениями. Так, например, Он не только повелевает быть милостивым, но еще

отдавать с себя и срачицу (сорочку); не только быть кротким, но хотящему ударить в ланиту подставить и другую. Потому-то, чтобы предотвратить мнимое противоречие, Он и говорит, что пришел не разрушить закон, и повторяет это, как и прежде я сказал, не однажды, но два раза, сказавши: «Не думайте, что Я пришел нарушить», – присовокупляет: «Не нарушить пришел Я, но исполнить». Далее говорит: «Истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» (Мф. 5:18). Слова эти имеют такой смысл: невозможно, чтобы закон остался без исполнения, но и малейшая черта его должна быть выполнена, что и доказал Господь Своим примером, во всей точности исполнивши закон. Здесь также Он дает нам разуметь, что и весь мир должен принять иной вид. Не без причины Он сказал так, но с тою целью, чтобы возвысить дух слушателя и показать, что Он праведно поступает, учреждая новые правила жизни; если вся тварь должна принять новый вид, то и род человеческий должен быть призван к другому отечеству – к образу жизни высшей. «Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном» (Мф.5:19). Устранив от Себя всякое подозрение и заградив уста тех, кто вздумал бы противоречить, Господь начинает уже возбуждать страх и предлагать сильные угрозы для ограждения вводимого Им закона. А что приведенные слова Его относятся не к древним заповедям, но к тем, которые Он Сам намеревался дать, это видно из дальнейшего. «Ибо, говорю вам, – говорит Он, – если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф.5:20). Если бы Его

угрозы относились к нарушителям ветхого закона, то для чего бы говорить Ему: «если не превзойдет»? Те, кто делал то же, что и фарисеи, без сомнения, не могли перед ними иметь никакого преимущества в праведной жизни. В чем же состояло это преимущество? В том, чтобы не гневаться, не смотреть на жену любострастным оком.

[7] 4. Почему же Он называет эти новые заповеди малыми, когда они так важны и высоки? Потому, что Он сам хотел дать этот закон. Как Он смирит Себя Самого, и во многих местах говорит о Себе скромно, – так говорит и о законе Своем, научая этим и нас всегда быть скромными. Притом же, так как Его могли подозревать в нововведении, то Он до времени и употребляет смиренный образ выражения. А когда ты слышишь слова: «малейшим в Царстве Небесном», то разумей не иное что, как геенну, или мучение. Царствием Он называет не только наслаждение будущими благами, но и время воскресения, и страшное второе пришествие. В самом деле, возможно ли, чтобы тот, кто назовет брата своего глупым, и нарушит одну заповедь, был ввержен в геенну, а кто нарушит весь закон и других доведет до того же, будет находиться в царствии? Не это, следовательно, разумеется здесь, но то, что нарушитель закона в то время будет меньшим, т. е. отверженным, последним; а последний, без сомнения, ввержен будет тогда в геенну. Будучи Богом, Христос предвидел беспечность многих, предвидел, что некоторые примут слова Его за преувеличение, и будут умствовать о законе так: «неужели тот будет наказан, кто назовет брата своего глупым? Неужели тот прелюбодей, кто только посмотрит на жену?» Предотвращая такое небрежение к закону, Он и произносит страшную угрозу против тех и других, т. е. и против нарушителей закона, и против тех, которые других доводят до этого. Зная такие

угрозы, потщимся и сами не нарушать закона, и не будем ослаблять ревности других, желающих блюсти его. «А кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Мф.5:19). Мы должны быть полезны не только для самих себя, но и для других; не одинаковую награду получает тот, кто только сам добродетелен, и тот, кто ведет с собою к тому же и другого. Как учение, не оправдываемое делами, осуждает учащего («уча другого, – говорит апостол, – не учишь себя самого?» (Рим. 2:21)), так и добрые дела, если мы не будем в то же время руководить и других, получают меньшую награду. Итак, в том и другом надобно быть совершенным; исправив прежде самого себя, должно приложить старание и о других. Потому-то и Сам Христос поставил прежде дела, а потом учение, показывая, что только таким образом можно учить с успехом; в противоположном же случае скажут: «Врач! исцели Самого Себя» (Лк. 4:23). В самом деле, если кто, будучи не в состоянии научить себя самого, вздумает исправлять других, тот сделается для многих предметом посмеяния; вернее же – он совсем не в состоянии будет учить, так как дела его будут противоречить его учению. А если он будет совершен в том и другом, то «тот великим наречется в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф. 5:19,20). Здесь под словом: «праведность» разумеет Он вообще добродетель, как и в повествовании об Иове сказано: «И был человек этот непорочен, праведен» (Иов.1:1). В таком же смысле и апостол Павел праведником называет того, для которого, по словам его, и закон не положен: «Закон положен не для праведника» (1Тим. 1:9). Да и во многих других местах можно видеть, что слово это употребляется для

означения вообще добродетели. Из слов Христа ты можешь, между прочим, видеть, как приумножилась благодать, если Христос желает, чтобы ученики Его, едва вступившие на путь правды, были лучше учителей ветхозаветных. Говоря о книжниках и фарисеях, Он не разумеет преступающих закон, но исполняющих его. Если бы это были люди, не исполняющие закона, то Он не сказал бы об их правде, и правду, которой нет, не стал бы сравнивать с правдою существующею. Заметь еще здесь и то, как Он подтверждает существование древней правды, сравнивая ее с новою; а это показывает, что та и другая – сродны между собою, так как больше ли, меньше ли правда, но все-таки правда. Итак, Христос не хулит древней правды, а хочет возвысить ее. В самом деле, если бы она была худа, то Он не стал бы требовать высшей, не стал бы усовершать ее, но просто отверг бы. Но, скажешь ты, если она в самом деле такова, отчего же ныне не вводит в царствие? Она не вводит тех, которые живут после пришествия Христова, так как они, получивши большую силу, должны оказать и более подвигов; питомцев же своих вводит всех. «Многие придут с востока и запада, – говорит Господь,– и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом» (Мф. 8:11). Так известно, что Лазарь, удостоившийся великих наград, находится в недрах Авраама. И вообще все, особенно просиявшие в Ветхом завете, просияли этою правдою. И сам Христос, пришедши в мир, не исполнил бы этой правды всецело, если бы она была худа и не сродна с новою. Если бы Он делал это только для того, чтобы привлечь иудеев, а не для того, чтобы показать ее сродство и согласие с новою, то почему не исполнил Он законов и обычаев эллинских, чтобы привлечь к Себе эллинов?

[8] 5. Все это показывает, что ветхозаветная правда не потому не вводит в царство, что она худа, но потому, что настало время заповедей высших. Если она и не совершеннее новой, то и отсюда не следует, чтобы она была худа; иначе на том же основании можно было бы сказать то же самое и о новой правде. Ведь и ее знание – в сравнении с будущим – есть знание отчасти, несовершенное, и когда наступит совершенное, упразднится: «Когда же настанет, -:говорит Писание,– совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» (1Кор. 13:10). Это-то и случилось с древнею правдою по введении новой. Однако, из-за этого мы не будем осуждать настоящей правды. Хотя она и уступит место новой, когда мы достигнем царствия, – так как тогда, по Писанию, «то, что отчасти, прекратится», – но все же мы называем ее великою. Итак, когда Господь обещает нам и высшие награды, и большую силу от Духа (Святого), то по справедливости требует и больших подвигов. Здесь обещается уже не земля, текущая млеком и медом, не маститая старость, не многочадие, не хлеб и вино, не стада овец и волов; но – небо и блага небесные, усыновление и братство с Единородным, соучастие в наследии, в славе и царствовании, и другие бесчисленные награды. А что мы удостоились и большей помощи, это видно из следующих слов ап. Павла: «Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу, потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти» (Рим. 8:1–2). Таким образом, изрекши угрозы против преступающих закон, и обещав великие награды исполняющим его, показав затем, что по праву требует от нас более прежнего, Христос начинает наконец предлагать новый закон, – притом не просто, но сравнивая

его с постановлениями древнего закона. Таким сравнением Он хотел показать, во-первых, что Его законоположение не противоречит прежнему, но весьма согласно с ним; во-вторых, что Он справедливо и весьма благовременно к древнему закону присоединяет новый. Чтобы это было для нас очевиднее, выслушаем сами слова Законодателя. Что же Он говорит? «Вы слышали, что сказано древним: не убивай» (Мф. 5:21). Хотя Он Сам дал эту заповедь, но пока говорит об этом безлично. В самом деле, если бы Он сказал: вы слышали, что Я говорил древним, – то слушатели не приняли бы таких слов и оскорбились бы ими. Если бы сказал также: вы слышали, что сказано древним от Отца Моего, а потом присовокупил бы: «А Я говорю», то слова Его показались бы им великою самонадеянностью. Поэтому Он просто говорит: «сказано», имея Своею целью показать только то, что Он в надлежащее время говорит об этом. Из слов: «сказано древним» видно было, что уже много времени протекло с тех пор, как иудеи получили эту заповедь. А это Он делает для того, чтобы пристыдить слушателя, отказывающегося от исполнения высших заповедей; подобно, как бы учитель говорил ленивому ребенку: и ты не знаешь, сколько потерял времени учась складам? То же давал разуметь и Христос, когда упоминал о древних. Желая призвать слушателей уже к высшему учению, Он как бы так говорит: уже довольно времени вы занимались этим; пора, наконец, перейти и к высшему! Достойно замечания и то, что Господь не смешивает порядка заповедей, но начинает с первой, которою начинается и закон; и это показывает согласие Его учения с законом. «А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф. 5:22). Видишь ли власть совершенную? Видишь ли образ действия,

приличествующий Законодателю? Кто так говорил когда-нибудь из пророков? Кто из праведников? Кто из патриархов? Никто. «Сие говорит Господь», говорили они. Но не так говорит Сын. Те возвещали слова Владыки, а Он слова Отца Своего; слова же Отца суть вместе слова и Сына: «И все Мое Твое, и Твое Мое» (Ин. 17:10), говорит Христос. Те давали закон подобным себе рабам, а Он – рабам Своим. Теперь спросим тех, которые отвергают закон: заповедь – «не гневайся» противоречит ли заповеди – «не убивай»? Или, напротив, она есть усовершенствование и подтверждение последней? Очевидно, что первая служит дополнением второй, а потому и важнее ее. Кто не предается гневу, тот, без сомнения, не решится на убийство; кто обуздывает гнев свой, тот, конечно, не даст воли рукам своим. Корень убийства есть гнев. Поэтому, кто исторгает корень, тот, без сомнения, будет отсекать и ветви, или – лучше – он не даст им и возникнуть.

[9] 6. Итак, не для нарушения древнего закона, но для большего сохранения его Христос дал закон новый. В самом деле, с какою целью древний закон предписывал эту заповедь? Не с тою ли, чтобы никто не убивал ближнего своего? Итак, восставшему против закона надлежало бы позволить убийство, потому что заповеди – «не убивай» противоположно позволение убивать. Когда же Христос запрещает даже и гневаться, то тем еще более утверждает то, чего требовал закон, потому что не так удобно воздержаться от убийства человеку, имеющему в мыслях только то, чтобы не убивать, как тому, кто истребил и самый гнев. Этот последний гораздо более удален от такого поступка. Но чтобы и другим образом опровергнуть наших противников, рассмотрим все их возражения. Что же они говорят? Они говорят, что Бог,

сотворивший мир, повелевающий солнцу сиять на злых и добрых, посылающий дождь на праведных и неправедных, есть какое-то существо злое. А умереннейшие из них, хотя этого не утверждают, но, называя Бога правосудным, не признают Его благим. Дают Христу другого какого-то отца, которого и нет, и который ничего не сотворил. Бог, которого они называют не благим, пребывает в своей области, и сохраняет принадлежащее ему; а Бог благий входит в чужую область, и без всякого основания хочет сделаться спасителем того, чего не был творцом. Видишь ли, как чада дьявола говорят по научению отца своего, признавая творение чуждым Богу, вопреки словам Иоанна: «Пришел к своим», и: «И мир чрез Него начал быть» (Ин. 1:10–11). Далее, рассматривая древний закон, который повелевает исторгать око за око и зуб за зуб, тотчас возражают: как может быть благим Тот, Который говорит это? Что же мы ответим им? То, что это, напротив, есть величайший знак человеколюбия Божия. Не для того Он постановил такой закон, чтобы мы исторгали глаза друг у друга, но чтобы не причиняли зла другим, опасаясь потерпеть то же самое и от них. Подобно тому, как, угрожая погибелью ниневитянам, Он не хотел их погубить (ведь если б Он хотел этого, то Ему надлежало бы умолчать), но хотел только, внушив страх, сделать их лучшими, дабы оставить гнев Свой, – так точно и тем, которые так дерзки, что готовы выколоть у других глаза, определил наказание с тою целью, чтобы по крайней мере страх препятствовал им отнимать зрение у ближних, если они по доброй воле не захотят удержаться от этой жестокости. Если бы это была жестокость, то жестокостью было бы и то, что запрещается убийство, возбраняется прелюбодеяние. Но так говорить могут только сумасшедшие, дошедшие до последней степени

безумия. А я столько страшусь назвать эти постановления жестокими, что противное им почел бы делом беззаконным, судя по здравому человеческому смыслу. Ты говоришь, что Бог жесток потому, что повелел исторгать око за око; а я скажу, что когда бы Он не дал такого повеления, тогда бы справедливее многие могли почесть Его таким, каким ты Его называешь. Положим, что всякий закон утратил свое значение, и никто не страшится определенного им наказания, – что всем злодеям, и прелюбодеям, и убийцам, и ворам, и клятвопреступникам, и отцеубийцам – предоставлена свобода жить без всякого страха по своим склонностям: не извратится ли тогда все, не наполнятся ли бесчисленными злодеяниями и убийствами города, торжища, дома, земля, море и вся вселенная? Это всякому очевидно. Если и при существовании законов, при страхе и угрозах, злые намерения едва удерживаются, то, когда бы отнята была и эта преграда, что тогда препятствовало бы людям решаться на зло? Какие бедствия не вторглись бы тогда в жизнь человеческую? Не то только жестокость, когда злым позволяют делать, что хотят, но и то, когда человека, не учинившего никакой несправедливости, и страдающего невинно, оставляют без всякой защиты. Скажи мне, если бы кто-нибудь, собрав отовсюду злых людей и вооруживши их мечами, приказал им ходить по всему городу и убивать всех встречных, – могло ли бы что-нибудь быть бесчеловечнее этого? Напротив, если бы кто-нибудь другой связал этих вооруженных людей и силою заключил их в темницу, а тех, которым угрожала смерть, исхитил бы из рук беззаконников, – может ли быть что-нибудь человеколюбивее этого? Теперь примени эти примеры и к закону. Повелевающий исторгать око за око налагает этот страх, как некие крепкие узы, на души

порочных, и уподобляется человеку, связавшему вооруженных злодеев; а кто не определил бы никакого наказания преступникам, тот вооружил бы их бесстрашием, и был бы подобен человеку, который роздал злодеям мечи и разослал их по всему городу.

10 7. Видишь ли, что заповеди Божии не только не жестоки, но еще исполнены и великого человеколюбия? Если же ты за это называешь Законодателя жестоким и тяжким, то скажи мне, что труднее и тягостнее – не убивать, или даже и не гневаться? Кто более строг, тот ли, кто определяет наказание за человекоубийство, или тот, кто налагает его даже и за гнев? Тот ли, кто карает прелюбодея по совершении греха, или тот, кто за само вожделение подвергает наказанию, и наказанию вечному? Видите, как мы дошли до заключения, совершенно противного лжеумствованиям еретиков! Бог древнего закона, называемый ими жестоким, оказывается кротким и милостивым; Бог же нового закона, признаваемый ими за благого, представляется, по их безумию, строгим и жестоким. Но мы исповедуем единого Законодателя в Ветхом и Новом завете, Который все устроил, как нужно было, и по различию самых времен постановил и два различные закона. Итак, ни ветхозаветные заповеди не были жестоки, ни новозаветные не обременительны и не тягостны; но и те и другие показывают одинаковую попечительность и любовь. А что и ветхий закон дал сам Бог, послушай, как говорит об этом пророк, или лучше сказать – что говорит сам Он в лице пророка: «Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их» (Иер. 31:31–32). Если же кто, зараженный нечестием Манихейским, не принимает этих слов, тот пусть послушает Павла, который говорит то же

самое: «Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной… Это два завета»(Гал. 4:22, 24). Как там две различные жены, но муж их один, так и здесь – два завета, но Законодатель один. А чтобы ты знал, что в том и другом открывается одно и то же человеколюбие, для этого там Он сказал: «Око за око», а здесь: «Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:39). Как там Он отклоняет человека от обиды страхом наказания, так равно и здесь. Каким же это образом, скажешь ты, когда Он повелевает обратить и другую ланиту? Ну так что ж из этого? Давая такую заповедь, Он не освобождает от страха, а повелевает только дать ему свободу вполне удовлетворить свой гнев. Господь не говорит, что оскорбляющий останется без наказания, но только не велит тебе самому его наказывать, и таким образом, как на того, кто ударил, наводит больший страх, если он пребудет во гневе, так утешает и того, кто получил удар. Но все это я говорил, рассуждая, так сказать мимоходом, о всех вообще заповедях. Теперь надобно обратиться к нашему предмету, и изъяснить все вышесказанное по порядку. «Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду», – говорит Христос. Этими словами Он не устраняет гнев совершенно: во-первых, потому, что человек не может быть свободен от страстей; он может сдерживать их, но совершенно не иметь их не властен; во-вторых, потому, что страсть гнева может быть и полезна, если только мы умеем пользоваться ею в надлежащее время. Посмотри, например, сколько добра произвел гнев Павла против коринфян. Он избавил их от великого вреда. Равным образом, посредством гнева же обратил он и отпадший народ галатийский, и многих других. Когда же бывает приличное время для гнева?

Тогда, когда мы не за себя самих отмщаем, но обуздываем дерзких, и обращаем на прямой путь беспечных. А когда гнев неуместен? Тогда, когда мы гневаемся, чтобы отмстить за самих себя, что запрещает и апостол Павел, говоря: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу [Божию]» (Рим. 12:19); когда ссоримся из-за денег, чего тоже апостол не позволяет, говоря: «Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения?» (1Кор. 6:7)? Как этот последний гнев излишен, так первый нужен и полезен. Но многие поступают наоборот. Они приходят в ярость, когда обижают их самих, но остаются холодны и малодушествуют, когда видят, как подвергается обиде другой. То и другое противно законам евангельским. Итак, не гнев собственно есть нарушение закона, но гнев неблаговременный, почему и пророк сказал: «Гневаясь, не согрешайте» (Пс. 4:5). «Кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону» (Мф.5:22). Сонмищем здесь Господь называет судилище еврейское. Он упоминает о нем теперь для того, чтобы не подумали, что Он во всем вводит новое и небывалое. Слово «рака» не составляет большой обиды; оно выражает только некоторое презрение или неуважение со стороны того, кто его произносит. Подобно тому, как мы, приказывая что-нибудь слугам и другим низкого состояния людям, говорим: пойди ты туда, скажи ты тому-то; так точно и говорящие сирским языком употребляют слово «рака» вместо слова «ты». Но человеколюбивый Бог, чтобы предотвратить большие обиды, хочет прекратить и самые малые, повелевая нам во взаимном обращении соблюдать приличие и надлежащее друг к другу уважение. «А кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной». Для многих эта заповедь кажется тяжкою и

неудобоисполнимою, потому что кажется невозможным, чтобы мы за одно простое слово подверглись столь великому наказанию; и некоторые полагают, что это сказано скорее гиперболически. Но я страшусь, как бы нам за то, что будем обольщать себя такими словами здесь, не потерпеть жесточайшего наказания на самом деле там.

11 8. Почему, в самом деле, скажи мне, эта заповедь кажется тебе тяжкою? Разве ты, не знаешь, что большая часть грехов и наказаний происходят от слов? Через слова происходят хулы, через слова – отречение от Бога, ругательства, обиды, клятвопреступления, лжесвидетельства и убийства. Итак, не смотри на то, что тут только одно слово, но разбери, не влечет ли оно за собою великой опасности. Или не знаешь, что во время ссоры, когда возгорается гнев и душа воспламеняется, и самая ничтожная мелочь представляется чем-то великим, и не очень обидное слово кажется нестерпимым? Такие мелочи весьма часто порождают убийства и разрушают целые города. Как дружба и тяжкое делает легким, так, напротив, вражда и малое превращает в несносное, и хотя бы что сказано было просто, во вражде представляется, что это сказано с злым намерением. Доколе огонь заключается в малой искре, до тех пор, сколько бы ни прикладывали к ней дров, они не загорятся; но когда пламя разгорится и поднимается высоко, то пожирает с легкостью не только дрова, но даже камни и всякое другое вещество, какое только ни бросят в него, даже и то, чем обычно гасят огонь, теперь еще более воспламеняет его. (Тогда, как говорят некоторые, не только дрова, лен и другие удобосгораемые вещества, но и сама вода, которую льют на огонь, увеличивает его силу). Так и при гневе, всякое слово тотчас обращается в пищу

этого злого огня. Чтобы предотвратить все это, Христос и подвергает гневающегося напрасно суду, говоря: «гневающийся… подлежит суду»; а того, кто скажет «рака», предает суду сонмища. Но эти наказания еще не так велики, потому что они совершаются здесь. Но тому, кто назовет другого уродом, Он угрожает огнем геенским. Здесь в первый раз Христос употребляет слово: «геенна». Сначала Он беседовал о царстве, а потом упоминает и о геенне, показывая, что первого мы удостаиваемся по Его человеколюбию и воле, а в последнюю ввергаем себя по своей беспечности. Смотри, как постепенно Он переходит от малых наказаний к большим, и тем как бы защищает Себя пред тобою, показывая, что Он Сам вовсе не хотел бы употреблять подобных угроз, но что мы сами заставляем Его произносить такие приговоры. Я сказал тебе, говорит Он, не гневайся напрасно; потому что повинен будешь суду. Ты пренебрег этим первым предостережением. Смотри же, что породил гнев твой! Он тотчас заставил тебя оскорбить другого. Ты сказал брату своему: «рака». За это Я подверг тебя еще другому наказанию – суду сонмища. Если ты, презревши и это, прострешь далее свою наглость, то Я не стану более налагать на тебя таких умеренных наказаний, но подвергну тебя вечному мучению гееннскому, чтобы ты наконец не покусился и на убийство. Подлинно ничто, ничто не бывает так несносно, как оскорбление, ничто столько не угрызает душу человеческую; а чем язвительнее слова обидные, тем сильнейший возгорается огонь. Итак, не почитай за маловажное называть другого уродом (безумным). Когда ты отнимаешь у брата своего то, чем мы отличаемся от бессловесных, и что преимущественно делает нас людьми, т. е., ум и рассудок, ты через это лишаешь его всякого благородства. Итак, не

на слова только должны мы обращать внимание, но и на само дело и на страсть, представляя то, какой удар нанести может слово, и какое причинить зло. Вот почему и Павел извергает из царствия не только прелюбодеев и блудников, но и обидчиков. И весьма справедливо. В самом деле, обидчик разоряет благо, созидаемое любовью, подвергает ближнего бесчисленным бедствиям, производит непрестанные вражды, разрывает члены Христовы, ежедневно изгоняет любезный Богу мир, и своими ругательствами уготовляет дьяволу просторное жилище, и способствует его усилению. Потому и Христос, чтобы ослабить крепость его, постановил этот закон. Он имеет великое попечение о любви, поскольку любовь есть мать всех благ, есть отличительный признак Его учеников; она одна содержит в себе все наши совершенства. Поэтому Христос справедливо с такою силою истребляет самые корни и источники вражды, разрушающей любовь. Итак, не думай, чтобы в словах Христовых было преувеличение; но, размыслив, какие от этих постановлений происходят блага, удивляйся их кротости. Ведь Бог ни о чем так не печется, как о том, чтобы мы жили в единении и союзе между собою. Потому-то Господь и Сам, и через Своих учеников, как в Новом, так и Ветхом завете, много говорит об этой заповеди, и показывает Себя строгим мстителем и карателем за пренебрежение ею. Ничто столько не способствует ко введению и укоренению всякого зла, как истребление любви, почему и сказано: когда умножится беззаконие, «во многих охладеет любовь» (Мф. 24:12). Так Каин сделался братоубийцею; так предались жестокости Исав и братья Иосифовы; так бесчисленное множество зол вторглось в мир от разрыва любви. Потому-то Христос

со всею заботливостью истребляет все то, что разрушает любовь.

[12] 9. Но, не останавливаясь на этом, Господь присовокупляет к сказанному еще новые наставления, из которых видно, сколько Он печется о любви. Прежде Он угрожал сонмищем, судом и геенною, а теперь предлагает новые правила, согласные с прежними, говоря так: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф. 5:23–24). О, благость! О, неизглаголанное человеколюбие! Господь повелевает, чтобы поклонение Ему оставлено было ради любви к ближнему, и тем показывает, что и прежние Его угрозы происходили не от неприязненности или желания наказывать, но от избытка любви. Какая кротость может сравниться с тою, которая выражается в этих словах? Пусть, говорит Он, прервется служение Мне, только бы сохранилась твоя любовь, потому что и то жертва, когда кто примиряется с братом. Потому-то Он не говорит: примирись по принесении, или прежде принесения дара; но посылает примириться с братом, когда дар лежит пред алтарем, и жертвоприношение уже начато. Не велит взять с собою принесенный дар, не говорит: примирись прежде, нежели принесешь его; но повелевает бежать к брату, оставив дар пред алтарем. Для чего повелевает Он так поступить? Как мне кажется, Он имел двоякую цель: во-первых, как я уже сказал, Он хотел показать, что высоко ценит любовь, и почитает ее величайшею жертвою, и без нее не принимает и жертвы вещественной; во-вторых, хотел поставить в необходимую обязанность примирение с ближним. В самом деле, тот, кому велено принести дар не

прежде, как примирившись, конечно поспешит прийти к оскорбленному и прекратит вражду, если не по любви к ближнему, то по крайней мере для того, чтобы жертвоприношение не осталось напрасным. Для того Господь каждому слову и придает особенную выразительность, устрашая и побуждая приносящего. В самом деле, не сказал Он только: «Оставь там дар твой», – но присовокупил: «пред жертвенником», чтобы напоминанием о священном месте привести его в страх; не сказал только: «и пойди», но присовокупил: «прежде..., и тогда приди и принеси дар твой». Через все это Он показывает, что трапеза Господня не допускает к себе враждующих друг против друга. Да слышат это посвященные в таинства, но со враждою приступающие к алтарю; да слышат и непосвященные, потому что и к ним относится это слово! И они ведь приносят дар и жертву, т. е. молитву и милостыню; а что и это есть жертва, послушай, как говорит об этом пророк: «Кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня»; и еще: «Принеси в жертву Богу хвалу» (Пс. 49:23, 14); и в другом месте: «Воздеяние рук моих – как жертва вечерняя» (Пс. 140:2). Итак, если ты принесешь и молитву с неприязненным расположением, то лучше тебе оставить ее, и пойти примириться с братом, и тогда уже совершить молитву. Для того ведь все и устроено было, для того и Бог соделался человеком, и совершил все дело искупления, чтобы нас собрать воедино. Здесь Христос посылает обидевшего к обиженному, а научая молитве, ведет обиженного к обидевшему, и примиряет их; здесь говорит: (если) «брат твой имеет что-нибудь против тебя, и пойди прежде примирись с братом твоим», а там говорит: «Будете прощать людям согрешения их» (Мф. 6:14). Впрочем, и здесь, мне кажется, Он посылает

обиженного, потому что не говорит: попроси брата твоего, чтобы он примирился с тобою, но просто – «примирись». И хотя, по-видимому, речь здесь обращена к оскорбившему, но все относится к оскорбленному. Если ты, говорит Он, примиришься с ним из любви к нему, то и Я буду к тебе милостив, и ты можешь приносить жертву с полным дерзновением. Если же гнев еще пылает в тебе, то представь, что Я Сам охотно соглашаюсь на то, чтобы ты оставил на время жертву, только бы вам сделаться друзьями. Пусть же это укротит гнев твой. Притом Он не сказал: помирись, когда ты сильно обижен; но: сделай это и тогда, когда оскорбление будет маловажно, – (если) «брат твой имеет что-нибудь против тебя». И не сказал также: когда ты гневаешься справедливо, или несправедливо; но просто: (если) «брат твой имеет что-нибудь против тебя», – хотя бы даже гнев твой был справедлив, и тогда не должно питать вражды. Так и Христос, не взирая на то, что гнев Его против нас был праведен, предал Себя самого за нас на заклание, не вменяя нам грехов наших.

[13] 10. Потому и Павел, другим образом побуждая нас к примирению, сказал: «Солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф. 4:26). Как Христос побуждает нас к примирению, указывая время жертвы, так и Павел увещевает нас к тому же самому, указывая на время дня. Он страшится ночи, опасаясь, чтобы она, застигши в уединении человека, терзаемого гневом, еще более не растравила его раны. В продолжение дня многие могут и отвлекать и отторгать нас от гнева, а ночью, когда человек остается один и вдается в думы, волны вздымаются сильнее и буря свирепствует с большею яростью. Предупреждая это, Павел и хочет, чтобы мы примирившись встречали ночь, чтобы дьявол не

воспользовался нашим уединением, и не разжег сильнее пещь гнева. Подобным образом и Христос не терпит ни малейшего отлагательства, чтобы, по совершении жертвы, принесший ее не сделался беспечнее, и не стал бы отлагать примирения со дня на день. Он знал, что эту страсть надобно погашать как можно скорее. Как мудрый врач предлагает не только предохраняющие от болезни средства, но и служащие к ее изменению, так поступает и Христос. Запрещение называть другого безумным есть врачевство, предохраняющее от вражды; а повеление примириться с ближним служит к удалению болезней, возникающих после вражды. Смотри, с какою строгостью Он предписывает исполнять то и другое. Там угрожает геенною; а здесь прежде примирения не хочет принять и дара, и тем показывает, как велик гнев Его против враждующих. Таким образом Он исторгает и корень и плод его. Сперва говорит: «не гневайся»; а потом – *не произноси ругательных слов*, поскольку одно усиливается другим – от вражды возрастает ругательство, от ругательства вражда. Потому-то Он сперва истребляет корень, а потом и плод, не дает возникнуть злу в самом начале; если оно уже возрастает и приносит пагубный плод, то сжигает его совершенно. С тою же целью, вслед за упоминанием о суде, сонмище, геенне, и наставлением касательно принесения жертвы, Христос присовокупляет еще следующее: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним» (Мф. 5:25). Не говори: что же мне делать, если меня обижают, если отнимают от меня имущество и влекут меня на суд? Христос и в таком случае запрещает питать вражду, отнимая всякий к тому повод и предлог. Так как это повеление было особенно важно, то Господь убеждает к исполнению его указанием не на будущие блага, а на настоящие выгоды, которые

скорее могут обуздывать грубых людей, чем обещания будущего. Ты говоришь: он меня сильнее и причиняет мне обиду? Но не причинит ли он тебе еще больше вреда, если ты не примиришься с ним, и принужден будешь идти в темницу? Примирившись, ты уступишь имение, но зато тело твое будет свободно; а когда подвергнешь себя приговору судии, то будешь связан и понесешь жесточайшее наказание. Если же ты избежишь этой распри, то приобретешь двоякую пользу: во-первых, ты не потерпишь никакой неприятности; во-вторых, это будет уже твоя добродетель, а не следствие принуждения. Если же ты не хочешь внять моим увещаниям, то не столько причинишь вреда сопернику, сколько себе. Смотри, как Христос и здесь убеждает тебя скорее примириться. Сказав: «Будь благоразумен с соперником твоим», – присовокупляет: «скорее». Но не довольствуясь и этим, Он предлагает новое побуждение искать скорейшего примирения, говоря: «пока ты еще на пути с ним», чтобы через все это сильнее склонить тебя и понудить к прекращению ссоры. В самом деле, ничто столько не нарушает порядка в нашей жизни, как наша медлительность и постоянные отсрочки при совершении добрых дел. Такая медлительность часто бывает причиною того, что мы всего лишаемся. Потому-то, как Павел говорит: прежде нежели зайдет солнце, прекрати вражду, и выше сам Христос увещевает: прежде нежели принесешь дар, примирись, – так и здесь он побуждает к тому же, говоря: «Скорее, пока ты еще на пути с ним», – пока еще не дошел ты до дверей судилища, пока не предстал пред судию и не оказался в конце концов в его власти. До тех пор, пока ты не взошел в суд, ты полный господин над собою; но как скоро переступишь за его порог, ты уже подневольный другого, и сколько бы ни

усиливался, не можешь уже располагать собою, как хочешь. Что же значит: «будь благоразумен» (мирись)? Это значит или то, чтобы ты согласился лучше потерпеть обиду, или то, чтобы ты смотрел на дело, поставив себя на место твоего соперника, чтобы по самолюбию не нарушить справедливости, но рассуждая о своем деле, как о чужом, произнести беспристрастный приговор. Если тебе кажется это слишком великим, то не удивляйся. Христос для того ведь и предвозвестил все известные уже блаженства, чтобы, угладивши путь, и предуготовив душу слушателя, сделать ее способнейшею к принятию всех этих законов.

[14] 11. Некоторые говорят, что Господь под именем соперника разумеет дьявола, и не велит иметь с ним никакого дела; что и означают будто бы слова: «будь благоразумен» (мирись), поскольку от дьявола невозможно уже избавиться по отшествии из этой жизни, когда мы подвергнемся неизбежному наказанию. Но мне кажется, что Он говорит о судиях, о пути в суд и о темнице, какие мы видим здесь. Наряду с побуждениями, взятыми от высшего и будущего, Христос устрашает нас и тем, что бывает в настоящей жизни. Так поступает и Павел, убеждая слушателя представлением не только будущего, но и настоящего. Так, чтоб отвести от зла, он представляет делающему зло человеку начальника с мечом: «Если же делаешь зло, – говорит он,– бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга» (Рим. 13:4). Равным образом, предписывая повиноваться начальнику, он представляет побуждением не только страх Божий, но и угрозы начальника, и его о нас заботы: «И потому, – говорит он,– надобно повиноваться не только из [страха] наказания, но и по совести» (Рим.13:5). На людей грубых, как я уже сказал, обыкновенно больше действует то, что

находится перед их глазами и под ногами. Потому и Христос упомянул не только о геенне, но и о суде, о заключении в темницу, и о всех бедствиях заключения, желая через все это истребить самый корень убийства. Кто не произносит ругательных слов, не хочет судиться и не усиливает вражды, тот может ли покуситься на убийство? Таким образом, и отсюда видно, что с пользою ближнего сопряжена и наша польза. Примиряющийся с своим соперником гораздо больше сам получит пользы, потому что избавится от судилища, темницы и всех бедствий заключения. Итак, примем к сердцу эти наставления, и не будем производить ни споров, ни ссор, и тем более, что данные повеления еще прежде будущих наград приносят с собою удовольствие и пользу. Ежели же для многих это кажется слишком тягостным и трудным, то пусть они помыслят, что делают это для Христа, и тогда тяжкое сделается приятным. Если мы будем постоянно держаться этой мысли, то не почувствуем никакой тягости, но все будет приносить нам великое удовольствие: самый труд не покажется уже трудом, напротив – чем более станет умножаться, тем более сделается приятным и сладостным.

15 Итак, когда злой навык или страсть к любостяжанию будет сильно обольщать тебя, вооружись против них этою мыслию: презревши временное удовольствие, я получу великую награду. Скажи душе своей: ты скорбишь о том, что я лишаю тебя удовольствия; но радуйся, потому что я готовлю для тебя небо. Ты трудишься не для человека, но для Бога; потерпи же немного, и ты увидишь, какая произойдет отсюда польза; пребудь твердою в жизни настоящей, и ты получишь неизреченную свободу. Если таким образом будем беседовать с душою, и если будем представлять не одну тягость добродетели, но и венец ее,

то скоро отвлечем ее от всякого зла. Дьявол обещает нам удовольствие временное, а скорбь уготовляет нескончаемую, и несмотря на то преодолевает нас и побеждает; а Бог, напротив, требует от нас труда временного, и обещает сладость и пользу вечную: чем же мы оправдаемся, если после такого утешения не последуем добродетели? Вместо всех иных побуждений и мысли о цели трудов, для нас довольно одной лишь твердой уверенности, что все это мы переносим для Бога. Если тот, кто имеет царя должником своим, почитает себя счастливым и безопасным на всю жизнь, то представь, как счастлив должен быть тот, кто своими добрыми делами, и малыми и великими, сделал должником своим человеколюбивого Бога, всегда живущего! Итак, не говори мне о тяжести трудов и подвигов. Бог облегчил для нас подвиг добродетели не одною только надеждою на будущие блага, но и другим способом, т. е. всегдашним Своим содействием и помощью. Тебе стоит только оказать хотя малое усердие, и все прочее последует само собою. Он для того требует от тебя хотя малых трудов, чтобы и тебе вменена была победа. Как царь повелевает сыну своему стоять в строю, и быть на виду – для того, чтобы ему приписать победу, а между тем сам управляет всем ходом сражения, так и Бог поступает в войне нашей против дьявола. Он требует от тебя только того, чтобы ты решительно объявил себя врагом дьявола, и если ты это сделаешь, то всю войну Он Сам уже окончит. Воспламеняется ли в тебе гнев, или ненасытное желание богатства, появляется ли другая какая-либо мучительная страсть, – Он, как скоро увидит тебя ополчающимся и готовым на брань, тотчас делает все легким, и поставляет выше пламени страстей, подобно тому, как и отроков в пещи Вавилонской, которые точно также ничего не

показали более, кроме готовности терпеть. Итак, чтобы и нам здесь утушить горящую пещь беспорядочного удовольствия, а там избежать геенны, будем ежедневно того только желать, о том стараться и пещись, чтоб усердием к добру и непрестанными молитвами привлечь к себе Божие благоволение. Тогда все то, что теперь кажется нам несносным, будет совершенно удобно, легко и вожделенно. Пока мы увлекаемся страстями, до тех пор добродетель почитаем трудною, неудобною и неприступною, а порок любезным и приятным. Но как скоро, хотя немного, станем избегать грехов, порок будет нам казаться гнусным и безобразным, а добродетель легкою, удобною и любезною. В этом могут нас уверить примеры тех, которые исправили жизнь свою. Послушай, как стыдились своих пороков (римляне), даже и тогда, когда от них избавились, как свидетельствует Павел: «Какой же плод вы имели тогда? [Такие дела], каких ныне сами стыдитесь» (Рим. 6:21); а добродетель, несмотря на понесенные труды, называет он приятною, скорбь мгновенною и труд легким, радуется в страданиях, веселится в скорбях и хвалится теми язвами, которые приемлет за Христа. Итак, чтобы и нам достигнуть такого состояния, будем ежедневно устроять жизнь свою согласно с наставлениями Господа, которые мы слышали, и, забывая задняя, будем простираться в передняя, и стремиться к почести вышнего звания, чего все мы да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 17

[1] «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». (Мф. 5:27–28)

[2] Изъяснение 5:27–37. Почему Христос начинает Свое учение не с заповеди о единобожии. – Какое пожелание запрещает Христос. – Почему запрещается самое воззрение на женщину. – Обличение женщин, любящих наряды. – Должно удаляться от соблазняющих, хотя бы и близких людей. – Почему закон дозволял давать разводную. – Почему запрещается брак с отпущенной. – Ограничение свободы развода. – Запрещение клятвы. – Для исполняющего заповеди Христовы не может быть нужды в клятве. – Почему развод и клятва допущены были в ветхом завете. – Одно и то же, смотря по времени, может быть и хорошим и нехорошим. – От человека в новом завете требуется высшее совершенство, чем в ветхом. – Как можно отстать от привычки клясться.

[3] 1. Раскрыв во всей полноте первую заповедь и возведши ее к высшему началу духовной жизни, Спаситель, в

порядке постепенности, переходит затем и ко второй заповеди, следуя и в этом случае порядку заповедей древнего закона. Но, быть может, кто скажет, что это не вторая, а третья заповедь. Да и самая заповедь – «не убивай» – не есть первая. Первая заповедь – «Один у вас Отец, Который на небесах». В виду этого можно спросить: почему Спаситель начал Свое учение не с этой заповеди? Итак, почему же? Потому, что если бы начал с первой заповеди, Ему надлежало бы ее раскрыть с большею полнотою, а следовательно, пришлось бы говорить и о Себе самом. Между тем предлагать подробное учение о Себе самом было еще не время. Кроме того, до известного времени Он предлагал только нравственное учение, желая и Своими наставлениями, и Своими чудесами наперед убедить слушателей, что Он есть Сын Божий. В противном случае, если бы Он прежде, чем преподать нравственное учение и совершить чудеса, сказал: «вы слышали, что сказано было древним: Я Господь Бог твой, и кроме Меня нет другого Бога; а Я говорю вам, что и Мне должны воздавать такое же поклонение, как Ему», то он всех бы заставил только смотреть на Себя, как на беснующегося. Если и после Его проповеди и многих знамений, называли Его беснующимся, когда Он говорил о Своем богоравенстве даже прикровенно, то чего бы не сказали, чего бы не выдумали, если бы Он в самом начале решился сказать что-либо о Себе самом, как о Боге? Между тем, сохранив учение о божестве Своем до удобного времени, Он тем самым для многих сделал это учение удобоприемлемым. Вот почему Спаситель теперь и умолчал о нем. Он сперва расположил к нему слушателей знамениями и высочайшим нравственным учением, а потом уже и на словах открыто выразил его. Итак, теперь Он открывает его мало-помалу –

совершением знамений и самым образом учения. Предписывая заповеди и восполняя закон с божественною властью, он тем самым постепенно возводил внимательного и благоразумного слушателя и к уразумению догмата о божестве Своем. Евангелист говорит, что слушатели дивились Его учению, потому что Он учил не как их книжники (Мф. 7:29; Мк. 1:22). Итак, начав с главных наших страстей, т. е. гнева и пожелания (поскольку эти страсти сильнее в нас действуют и более других свойственны нам), Спаситель с великою властью, подобающею законодателю, исправил понятие о них, и со всею точностью определил их сущность. В самом деле, Он не сказал, что только любодей наказывается; но что Он сказал касательно «убивающего», то же говорит и здесь, назначая наказание и за любострастный взор, чтобы показать, в чем состоит превосходство Его пред книжниками. «Всякий, кто смотрит на женщину, – говорит Он,– с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем», т. е. кто привык засматриваться на телесную красоту, уловлять прелестные взоры, услаждать таким зрелищем свою душу и не сводить глаз с миловидных лиц, тот уже любодействует. Христос пришел избавить от злых дел не только тело, но еще более душу. Так как благодать Духа Святого мы принимаем в сердце, то Спаситель прежде всего его и очищает. Но как, скажешь, возможно освободиться от пожелания? Если только пожелаем, то очень возможно и его умертвить и сделать недействительным. Впрочем, Христос запрещает здесь не всякое пожелание, но пожелание, рождающееся в нас от воззрения на жен. Кто любит смотреть на красивые лица, тот больше всего сам возжигает в себе пламя страсти, и делая душу пленницею страсти, скоро затем приступает и к совершению пожелания. Потому-то

Христос и не сказал: «кто вожделеет, уже прелюбодействует», но – «кто посмотрит на женщину с вожделением». Когда Он говорил о гневе, то делал некоторое ограничение словом: «всуе» и «напрасно». А говоря о пожелании, не употребил подобного ограничения, но всецело воспретил пожелание, – хотя гнев и пожелание равно нам врожденны, и не без цели находятся в нас, именно – гнев для того, чтобы нам наказывать злых и исправлять беспорядочно ведущих себя, а пожелание для того, чтобы нам рождать детей, и таким образом преемственно сохранять род наш.

[4] 2. Итак, почему же Спаситель и здесь не употребил ограничения? Если углубим внимание, то и здесь найдем весьма большое ограничение. В самом деле, Он не просто сказал: кто пожелает, – потому что можно желать и сидя в горах, – но: «кто посмотрит на женщину с вожделением», то есть, кто сам воспламеняет в себе пожелание, кто без всякого принуждения вводит этого зверя в спокойное свое сердце. Это уже происходит не от природы, но от нерадения. Такое пожелание возбраняется и в ветхом законе, когда говорится: «Не засматривайся на чужую красоту» (Сир. 9:8). Далее, чтобы кто не сказал: какая беда, если я посмотрю, но не буду увлечен страстью? – Христос угрожает наказанием и за само такое воззрение, чтобы ты, слишком надеясь на себя самого, не впал таким образом после в грех. Но великий ли грех, скажешь ты, если я посмотрю и пожелаю, но ничего худого не сделаю? Нет; и в этом случае ты равняешься с любодеями. Так определил Законодатель, и ты не должен более любопытствовать. Когда ты посмотришь так один, два, три раза, то, быть может, еще в состоянии будешь преодолеть страсть; но если постоянно будешь делать и возожжешь пламень страсти, то непременно будешь побежден ею,

потому что ты не выше природы человеческой. Подобно тому, как мы, видя дитя, держащее нож, хотя и без вреда для себя, наказываем его за это и запрещаем впредь прикасаться к нему, так и Бог запрещает страстное воззрение еще прежде действительного преступления, чтобы нам когда-либо не впасть в само преступление. Кто однажды возжег в себе страстное пламя, тот и в отсутствие виденной им женщины беспрестанно строит в воображении образы постыдных дел, а от них часто переходит и к самому действию. Поэтому Христос запрещает и любодейное движение сердца. Итак, что скажут те, которые имеют у себя сожительницами девиц? Они, по определению закона, виновны в бесчисленном множестве прелюбодеяний, потому что ежедневно смотрят на них с вожделением. Потому-то и блаженный Иов положил себе главным законом никогда не позволять себе такого *воззрения* (Иов. 31:1). Действительно, когда посмотришь на женщину, то уже труднее воздержаться от наслаждения тою, которую любишь. Притом удовольствие, получаемое нами от воззрения, не так велико, как велик вред, претерпеваемый нами от усиливающегося пожелания; таким образом мы сами усиливаем нашего противника, даем больше свободы дьяволу, так что оказываемся уже не в состоянии отразить его, если впустим его внутрь себя и откроем для него свое сердце. Поэтому-то Спаситель и говорит: не прелюбодействуй глазами, – тогда не будешь прелюбодействовать и сердцем. Можно смотреть на женщин и иначе, – именно так, как смотрят целомудренные. Поэтому-то и Спаситель не вовсе запретил смотреть на жен, но только смотреть на них с вожделением. А если бы Он не имел такого намерения, то сказал бы просто: кто воззрит на жену; но Он сказал не

так, а: «кто посмотрит на женщину с вожделением», то есть, кто взглянет для того, чтобы усладить взор свой. Не для того Бог создал тебе глаза, чтобы ты делал их орудием прелюбодеяния, но для того, чтобы, взирая на Его творения, благоговел пред Творцом. Как можно гневаться всуе, так можно и смотреть всуе, – именно, когда смотришь с вожделением. Если хочешь смотреть и услаждаться взором, то смотри постоянно на свою жену и люби ее: этого не воспрещает никакой закон. Если же ты будешь назирать чужую красоту, то оскорбишь и жену свою, отвращая от нее глаза свои, и ту, на которую смотришь, так как касаешься ее вопреки закону. Пусть ты не коснулся ее рукою; но ты коснулся своими глазами. Вот почему и такой поступок признается прелюбодеянием и прежде будущего мучения еще и в настоящей жизни повергает человека немалому наказанию. В самом деле, вся внутренность наполняется беспокойством и смущением, поднимается великая буря, возникает ужасная болезнь, и участь человека, претерпевающего все это, ничем не лучше участи пленных и заключенных в оковы. Притом нередко та, которая пускает смертоносную стрелу, удаляется от пораженного, а рана остается надолго; или справедливее, не она поражает тебя стрелою, но ты сам наносишь себе смертельную рану, смотря любострастными очами. Говорю это для того, чтобы оправдать целомудренных женщин. Но если кто из них украшает себя для того, чтобы привлечь на себя взоры встречных мужчин, такая женщина, хотя бы никого не уязвила своею красотою, подвергнется величайшему наказанию. Она уже приготовила отраву, растворила яд, но только никому не успела поднести отравленной чаши, или вернее, – она уже и подносила эту смертоносную чашу, но только не

нашелся желающий выпить ее. Почему же, спросишь ты, Христос в словах Своих не касается и женщин? Потому, что везде Он полагает общие законы, хотя, по-видимому, направляет их к одним мужчинам; говоря в назидание *главе*, вместе с тем Он дает наставление и всему телу. Он знает, что муж и жена суть единое существо, почему нигде и не различает пола.

5 3. Если хочешь послушать обличение, касающееся одних только женщин, то послушай Исайю, который всячески их порицает, осмеивая и вид их, и взгляд, и походку, и стелющиеся хитоны, их игривую поступь и изгибающиеся шеи (Ис. 3:16). Послушай также и блаженного Павла, который предписывает им многие законы, и сильно обличает за одежды, за золотые украшения, за плетение волос, за изнеженность и тому подобное. Да и сам Христос в дальнейшей речи прикровенно высказал то же самое. Когда Он повелевает вырвать и отсечь то, что соблазняет нас, то этим показывает Свой гнев против жен. Для того и присоединил: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя» (Мф. 5:29). Такую заповедь Он дает для того, чтобы ты не сказал; почему же не посмотреть на женщину, если она моя родственница, или если заставляет смотреть на нее какая другая необходимость? Давая эту заповедь, Христос говорил не о членах – нет, – Он нигде не осуждает плоть, но везде обвиняет развращенную волю. Не глаз твой смотрит, а ум и сердце. Когда душа наша бывает обращена на другие какие-либо предметы, тогда глаз часто не видит того, что находится пред ним. Следовательно, не все надо приписывать действию глаза. Если бы Христос говорил о членах, то сказал бы не об одном глазе, и притом не о правом только, но об обоих. Ведь если кто соблазняется

правым глазом, тот без сомнения соблазняется и левым. Итак, почему же Спаситель упомянул только о правом глазе и о правой руке. Чтобы ты знал, что речь идет не о членах, но о людях, имеющих с нами тесную связь. Если ты кого-либо столько любишь, что полагаешься на него как на правый свой глаз, или признаешь его настолько полезным для себя, что считаешь его вместо правой руки своей, и если он развращает твою душу, то ты и такого человека отсеки от себя. И заметь здесь силу выражения. Спаситель не сказал: отстань; а говорит: «Вырви его и брось от себя», желая указать на полное удаление. Далее, так как Он предписал заповедь довольно строгую, то показывает и пользу ее в обоих отношениях, – в отношении добра и в отношении зла. «Ибо лучше для тебя, – говорит Он, продолжая свое иносказание, – чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Мф. 5:29). В самом деле, когда близкий тебе человек и себя самого не спасает, и тебя с собою губит, то какое было бы человеколюбие – обоим вам погрязать в бездне погибели, тогда как, разлучившись друг от друга, по крайней мере, один из вас может спастись? Как же, скажешь, Павел желал быть отлучен от Христа ради братий своих? Апостол желал этого не без пользы, но для того, чтобы другие спаслись; а здесь бывает вред для обоих. Потому Спаситель и не сказал только: «вырви», но и: «брось от себя», – так, чтобы уже никогда не восстановлять связи с другом, если он останется таким же, как и прежде. Таким образом ты и его освободишь от большого осуждения, и самого себя избавишь от погибели. Чтобы тебе яснее видеть пользу такого закона, применим, если тебе угодно, сказанное для примера к телу. Если бы тебе предстояла необходимость избрать одно из двух: или, сохраняя глаз, быть

ввергенным в ров и там погибнуть, или, лишившись глаза, сохранить прочие члены тела, – не согласился ли бы ты на последнее условие? Это для всякого очевидно. Это не означало бы, что ты не жалеешь глаза, но что жалеешь все прочие члены. Так же точно рассуждай о мужчинах и женщинах. Если друг твой, который вредит тебе, будет совершенно неизлечим, то он, будучи от тебя отсечен, и тебя освободит от всякого вреда, и сам избавится от большого осуждения, поскольку он, помимо своих грехов, уже не будет подлежать ответственности и за твою погибель. Видишь ли, какою кротостью и попечительностью исполнен закон Христов, и какое великое оказывается человеколюбие в мнимой Его строгости? Да слышат это те, которые спешат на зрелища, и ежедневно делают себя любодеями! Если закон повелевает нам отсекать от себя вредного друга, то какое могут иметь извинение те, которые на зрелищах ежедневно привлекают к себе совершенно незнакомых им, и сами изобретают бесчисленные случаи к погибели? Итак, Спаситель не только не позволяет смотреть любострастными очами, но, показав происходящий от этого вред, еще более усиливает закон, повелевая нам соблазняющий член вырывать, или отсекать, и бросать от себя прочь. И это законополагает Тот, Кто тысячу раз говорил о любви, чтобы в том и другом случае ты узнал, как велико попечение Его о тебе, и как Он всюду ищет твоей пользы. «Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует» (Мф. 5:31–32).

[6] 4. К новому предмету Спаситель переходит лишь после того как раскроет во всей полноте предыдущий. Так и в данном случае Он показывает нам еще другой вид прелюбодеяния. Какой же это? Был в Ветхом завете закон, который всякому, кто не любит жену свою по какой бы то ни было причине, не воспрещал отвергать ее, и жениться вместо нее на другой. Впрочем, закон повелевал делать это не просто, а предписывал дать жене разводную, чтобы ей нельзя уже было опять возвращаться к мужу, чтобы сохранить таким образом, по крайней мере, вид брака. Если бы в законе такого повеления не было, и было бы позволено одну жену отпустить, и взять другую, а потом опять возвратить первую, то произошло бы великое смешение; тогда все беспрестанно брали бы жен друг у друга, и это было бы уже явным прелюбодеянием. Законодатель оказал немалое снисхождение, позволив давать разводную; но это было сделано для избежания другого, гораздо большего зла. В самом деле, если бы закон принуждал держать жену и ненавистную, то ненавидевший легко мог бы убить ее. А народ иудейский на это был способен. Если иудеи не щадили своих детей, умерщвляли пророков и кровь проливали как воду, тем более они не пощадили бы жен. Поэтому Законодатель и допустил меньшее зло, чтобы пресечь большее. А что закон этот был не из числа первоначальных, послушай, как об этом говорит Христос: «Моисей по жестокосердию вашему» написал это (Мф. 19:8), – то есть, чтобы вы, удерживая у себя жен, не убивали их, но изгоняли бы от себя. Но так как Спаситель воспретил всякий гнев, запрещая не только убийство, но и всякое негодование без причины, то Ему легко было теперь упомянуть и о законе касательно развода. А приводя всегда слова Ветхого завета, Он показывает тем, что учит не

противному, а согласному с ними, и только усиливает, а не ниспровергает, исправляет, а не уничтожает древнее учение. Заметь, опять, как Он везде обращает речь к мужу. «Кто разводится с женою своею, – говорит Он,– ...тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует». Первый, хотя бы не взял другой жены, делается виновным через то, что заставляет жену свою прелюбодействовать, а другой становится прелюбодеем потому, что взял чужую. Не говори мне, что тот изгнал жену, потому что она и изгнанная, все-таки, остается женою изгнавшего. Далее, чтобы, возложив всю вину на изгоняющего, не сделать чрез то жену более наглою, Христос заключил для нее двери ко вступлению в брак с другим, говоря: «Кто женится на разведенной, тот прелюбодействует». Устраняя, таким образом, для отпущенной жены всякую возможность вступления в брак с другим мужем, Христос заставляет ее, хотя бы против желания, быть целомудренною, а тем самым лишает ее и возможности подавать мужу повод к малодушию. Зная, что ей безусловно необходимо или оставаться с мужем, который ей достался сначала, или, по выходе из его дома, лишиться всякого прибежища, она, хотя бы и против воли, но должна будет любить своего мужа. Если Спаситель прямо не говорит ей об этом, ты не должен дивиться. Жена существо слабое. Поэтому-то, не говоря к ней прямо, Христос в угрозе, относящейся к мужу, внушает и ей не быть легкомысленной. В этом случае Он поступил точно так же, как если бы кто-нибудь, вместо того, чтобы укорять своего распутного сына, стал бы обличать тех, которые делают его таковым, и запрещал бы им быть с ним и приближаться к нему. Если слова Христовы кажутся для тебя тягостными, то вспомни выше

сказанное, где Спаситель назвал блаженными слушающих, и ты увидишь, что исполнение этих слов очень возможно и удобно. Кроткий, миротворец, нищий духом и милостивый изгонит ли жену? Тот, кто примиряет других, будет ли сам питать вражду к своей жене? Кроме того, Христос еще и другим образом закон Свой касательно развода соделал легким – именно, позволив его только по одной причине: «кроме вины прелюбодеяния». Но и в этом случае Он имел целью то же целомудрие. В самом деле, если бы Он позволил мужу держать в своем доме и такую жену, которая жила со многими, то опять вышло бы прелюбодеяние. Видишь ли, как эти слова согласны с высказанными раньше. В самом деле, не взирающий на чужую жену любострастными глазами не учинит и блуда; а не учинивший блуда не подаст мужу случая удалить от себя свою жену. Вот почему Христос весьма строго ограничивает свободу мужа, и внушает ему страх, представляя для него великую опасность, если он удалит жену свою, поскольку в этом случае он становится виною ее прелюбодеяния. И чтобы ты, услышав слова: «вырви глаз», не подумал, что это говорится о жене, Христос благовременно разрешил такое твое недоумение, позволяя разводиться с нею исключительно только по причине прелюбодеяния. «Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. А Я говорю вам: не клянись вовсе» (Мф.5:33–34). Почему же Христос перешел дальше не к воровству, а к лжесвидетельству, пройдя молчанием заповедь касательно кражи? Потому, что вор иногда и клянется; а кто не клянется и не лжет, тот тем более не захочет воровать. Таким образом, данною заповедью Христос ниспровергает и воровство, потому что ложь рождается от воровства. Но что значит:

«исполняй пред Господом клятвы твои»? Это значит, что в клятве ты должен говорить истину: «А Я говорю вам: не клянись вовсе».

[7] 5. Потом, чтобы еще более отвратить слушателей от обыкновения клясться Богом, Спаситель говорит: не клянитесь «ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя» (Мф. 5:34–35). Говоря здесь словами пророков, Христос показывает, что Он не противоречит древним. Древние имели обыкновение клясться то небом, то землею, то Иерусалимом; и в конце Евангелия показан один из случаев такой обычной клятвы. Далее обрати внимание на то, почему Господь возвышает указанные предметы? Он возвышает их не по собственной их природе, но по особенному отношению к ним самого Бога, сообразно с нашим понятием. Так как тогда повсюду господствовало идолослужение, то, чтобы указанные предметы не показались сами по себе достойными уважения, Спаситель и представил ту причину, о которой мы сказали, т. е., выставил на вид славу Божию. Он не сказал: поскольку хорошо и велико небо; не сказал: поскольку полезна земля; но – поскольку небо есть престол Божий, земля подножие, – и таким образом Своих слушателей повсюду побуждал к прославлению Господа. «Ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным» (Мф. 5:36). Опять и здесь Христос запрещает клясться головою не по уважению к человеку, иначе бы и сам человек достоин был поклонения, усвояя славу Богу; Он показывает, что ты не властен над собою, а потому не имеешь власти и клясться головою. Если никто не согласится отдать сына своего другому, то тем более Бог не уступит Своего

творения тебе. Хотя голова и твоя, но она есть собственность другого, и ты до такой степени не властен над ней, что не можешь сделать для нее и самомалейшего. Христос не сказал, что ты не можешь вырастить волоса, но что не можешь даже переменить его качества. Но как же быть, скажешь ты, если кто-нибудь требует клятвы, и даже принуждает к тому? Страх к Богу да будет сильнее всякого принуждения. Если ты станешь представлять такие предлоги, то не сохранишь ни одной заповеди. Тогда ты и об жене скажешь: что, если она буйна и расточительна? Скажешь и о правом глазе: а что, если я люблю его и стану разжигаться? Скажешь и о любострастном воззрении: ужели мне нельзя и смотреть? Равно можешь сказать и о гневе на брата: что, если я вспыльчив, и не могу удерживать своего языка? Таким образом тебе не трудно будет попрать все вышесказанные заповеди. Между тем, касательно законов человеческих ты никогда не смеешь представлять подобных предлогов, и говорить: что, если то-то, или то-то? – но волею или неволею, а непременно повинуешься предписанию. Притом, что касается рассматриваемой заповеди, то тебе может не представиться и необходимости когда-либо клясться. Кто внял учению о вышесказанных блаженствах, и устроил себя так, как повелел Христос, того всякий будет считать достойным почтения и уважения, и никто не станет принуждать к клятве. «Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф.5:37). Итак, что означает лишнее против слов: «да» и «нет»? Это означает клятву, а не клятвопреступление. Всякому известно, и никому нет нужды доказывать, что клятвопреступление происходит от неприязни, и не только излишнее дело, но и богопротивное, а клятва есть дело излишнее и без нужды

прибавляемое. Итак, скажешь, клятва была от лукавого? А если она от лукавого, то почему позволена была законом? То же самое ты можешь, однако, сказать и о жене: на каком основании ныне почитается любодеянием то, что прежде было позволительно? Что же на это можно сказать? То, что тогда многое сказано было из снисхождения к приемлющим закон. Ведь и чтить Бога туком жертв столь же недостойно Его, как недостойно и философа – пустословить. Ныне, когда добродетели возросли, отпущение жены вменяется в прелюбодеяние, и клятва признается от неприязни. А если бы законы касательно развода и клятвы с начала были законами дьявола, то они не были бы столько полезны и действительны. С другой стороны, если бы не предшествовали эти законы, то не так бы легко было принято и Христово учение о них. Итак, ныне, когда нужда в этих законах миновала, не ищи уже в них силы. Они нужны были при тогдашних обстоятельствах; впрочем, ежели угодно, нужны и ныне. И ныне показывается их сила, и особенно тем самым, что они лишаются у нас своего значения. То, что они ныне представляются таковыми, служит для них величайшею похвалою. Они, конечно, не показались бы нам таковыми, если бы не воспитали нас надлежащим образом, и не сделали способными к принятию высших законов. Сосцы, когда исполнят свое дело и младенец сделается способным вкушать более совершенную пищу, делаются уже бесполезными. И родители, которые прежде почитали сосцы необходимыми для своего младенца, делают их предметом шуток; а многие не только шутят, но и намазывают их каким-нибудь горьким веществом, чтобы, если словами не могут отучить от них младенца, то

уже самым делом уничтожить в нем расположение к сосцам.

[8] 6. Так и Христос, когда сказал, что клятва происходит от неприязни, то сказал не потому, будто древний закон произошел от дьявола, но чтобы сильнее отвлечь слушателей от древнего несовершенства. Так Он говорил Своим ученикам. А что касается до бесчувственных иудеев, нераскаянно пребывающих в своем прежнем нечестии, то страхом пленения, как бы некоторою горечью, окружив их город (Иерусалим), Он сделал его для них недоступным. Но так как и это не могло обуздать их, и они опять, подобно детям стремящимся к сосцам, желали видеть этот город, то Бог, наконец, сокрыл его от очей их, разрушив его, и большинство из них удалив от него, подобно как удаляют тельцов от матерей их, чтобы со временем заставить их отстать от прежней привычки к материнскому молоку. Если бы древний закон был от дьявола, он не отвлекал бы от идолослужения, но напротив приводил бы и повергал бы в него, потому что этого желал дьявол. Но мы видим, что древний закон производил противное. И самая клятва в Ветхом завете потому узаконена, чтобы не клялись идолами. Клянитесь, говорит пророк, истинным Богом (Иер. 4:2). Итак, древний закон о клятве доставил людям не малое, но весьма великое благо. Назначение его состояло в том, чтобы они перешли к твердой пище. Так значит, скажешь ты, клятва не от злого? – Нет! и весьма даже от злого; но только ныне, когда открыта нам самая высокая мудрость, а не тогда. Но как может быть, скажешь ты, одно и то же то хорошим, то не хорошим? А я наоборот скажу: как одно и то же не может быть хорошим и не хорошим, когда это неопровержимо доказывают все дела, искусства, плоды и все прочее? Смотри, как это возможно, прежде всего, в

отношении к нам самим. Например: быть носиму на руках в первом возрасте хорошо, а после вредно. Питаться разжеванною пищею в младенчестве хорошо, а после – отвратительно. Питаться молоком и прибегать к сосцам в начале полезно и спасительно, а после вредно и опасно. Видишь ли, как одно и то же, смотря по времени, хорошо, а после представляется не таковым? Носить детскую одежду отроку хорошо, а мужу неприлично. Хочешь ли знать и с противной стороны, как то, что мужу прилично, отроку неприлично? Одень отрока в одежду человека возрастного, – будет и смешно, и опасно для него ходить, потому что он часто будет запутываться. Поручи ему производство гражданских дел, поручи торговлю, заставь сеять и жать, – опять будет очень смешно. И что я говорю об этом? Само убийство, всеми признаваемое за изобретение лукавого, будучи совершено в приличное время, сделало Финееса, учинившего его, достойным степени священнической (Числ. 25). А что убийство есть дело дьявола, то послушай, что говорит сам Спаситель: «Вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала» (Ин. 8:41, 44). Но Финеес был человекоубийца, и – «[это] вменено ему в праведность», говорит Писание (Пс. 105:31). А Авраам был не только человекоубийцею, но, что еще хуже, детоубийцею, – и тем самым больше всего благоугодил Богу. Равным образом и Петр учинил двойное убийство, и однако, это было делом духовным (Деян. 5 и след.). Итак, не станем просто судить о делах, но будем тщательно вникать во время, причину, намерение, в различие лиц и во все другие обстоятельства, – иначе нельзя дойти и до истины. И если хотим достигнуть царствия, то должны стараться доказать что-нибудь большее против ветхозаветных заповедей, а иначе нельзя получить небесных благ. Если мы достигнем

только в меру возраста ветхозаветных, то будем стоять вне врат царствия: «Если праведность ваша не превзойдет праведности, – говорит Господь, – книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф. 5:20). И однако, есть люди, которые, и при такой угрозе, не только не превосходят древней правды, но даже и ее не имеют. Они не только не избегают клятв, но и преступают их; не только не остерегаются любострастного взгляда, но совершают и само гнусное действие и безумно попирают все прочие заповеди, дожидаясь только одного дня мучения, чтобы понести тогда жесточайшее наказание за свои преступления. Такова только и может быть участь тех, которые окончили жизнь свою в нечестии. Им нужно оставить всякие надежды на спасение и не ждать ничего, кроме наказания, потому что только находящиеся еще здесь удобно могут и вступить в борьбу, и победить, и увенчаться.

[9] 7. Итак, не ослабевай, человек, и не упраздняй доброго расположения! То, что повелевается тебе, не тягостно. Скажи мне, какой труд избегать клятвы? Разве нужна тут трата денег? Разве требуются великие усилия и изнурения? Стоит только захотеть – и все сделано. Если же кто-нибудь представит мне в оправдание привычку, то я скажу тому, что по этому самому и легко исполнить заповедь. Если ты приобретешь себе другую привычку, этим все и кончишь. Вспомни, для примера, многих эллинов, как одни из них, будучи заиками, при усиленном старании, исправили недостаток в своем языке; а другие отстали от привычки постоянно поднимать и дергать беспорядочно плечами, приставляя к ним сверху меч. Если вы не убеждаетесь Писанием, то я вынужден, к стыду вашему, убеждать вас примером язычников. Так и Бог поступал с иудеями, говоря: «Пойдите на острова

Хиттимские и посмотрите, и пошлите в Кидар… и рассмотрите: …переменил ли какой народ богов [своих], хотя они и не боги?» (Иер. 2:10–11). А часто посылает их даже к бессловесным тварям, напр. говоря: «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым» и «пойди ко пчеле» (Притч.6:6, 8). Так и я теперь скажу вам: представьте философов языческих, и тогда узнаете, какого достойны наказания те, которые преступают божественные законы. Те ради людского уважения употребляли бесчисленные труды; а вы даже о небесных благах не хотите приложить такого же тщания. Если же и после этого ты скажешь, что привычка сильна, она может обмануть и самых осторожных, то хотя я и согласен с этим, но вместе с тем скажу и то, что привычка так же легко может быть исправлена, как легко может вводить в обман. Если поставишь над собою дома многих стражей, например, жену, раба, друга, то всеми побуждаемый и поощряемый легко отстанешь от худой привычки. И если займешься этим хоть только десять дней, то тебе более будет и не нужно; все счастливо совершится и устроится у тебя, добрая привычка опять твердо укоренится в тебе. Итак, когда начнешь исправлять худую привычку, то хотя бы раз, хотя бы два, три раза, хотя бы двадцать раз преступил закон, не отчаивайся; вставай и принимайся опять за тот же труд – и непременно останешься победителем.
Клятвопреступление есть немаловажное зло. Если и клятва происходит от злого, то какого наказания будет достойно клятвопреступление? Вы хвалите мною сказанное? Но мне не нужны ваши рукоплескания, громкие отзывы и похвалы. Я желаю одного только, чтобы вы, с безмолвием и разумением слушая, исполняли слова мои. Это заменяет для меня всякое ваше рукоплескание,

и всякую вашу похвалу. Если же ты хвалишь сказанное, а не исполняешь того, что хвалишь, то тебе это служит к тягчайшему наказанию и большему осуждению, а нам к стыду и посмеянию. Здесь не театр, здесь вы смотрите не актеров, чтобы только рукоплескать. Здесь училище духовное. Потому об одном только и должно стараться, чтобы исполнить сказанное, и делами доказать повиновение. Тогда я все получу от вас; а теперь я почти принужден в вас отчаиваться. Я и частным образом приходящих ко мне не переставал увещевать в том, о чем говорю теперь, и в общем собрании непрестанно об этом беседовал с вами, и однако не вижу никакого плода: вы все еще держитесь только первых начал; а это может привести учащего в великое уныние. Посмотри, как и Павел скорбел от того, что его слушатели долгое время оставались на низшей степени учения. «[Судя] по времени, вам надлежало быть учителями; – говорит он,– но вас снова нужно учить первым началам слова Божия» (Евр. 5:12). Потому и я плачу, и сердечно болезную. И если еще увижу вас неуспевающими, то запрещу вам, наконец, и приступать к этим священным вратам и приобщаться бессмертных тайн, подобно блудникам, прелюбодеям и обвиняемым в убийствах. Лучше ведь с двумя или тремя хранящими закон Божий возносить обычные молитвы, нежели собирать множество беззаконников, которые развращают других. Пусть же не гордится, пусть не надмевается здесь ни один богач, ни один вельможа. Все это для меня басни, тень и сновидение. Там, за гробом, нынешний богач не защитит меня, когда я буду обвиняем и принуждаем давать отчет, почему не с надлежащею ревностью защищал законы Божии. Это-то именно погубило и знаменитого старца первосвященника Илия; хотя он сам вел жизнь

безукоризненную, тем не менее, вместе с детьми своими потерпел страшное наказание за то, что небрег о попираемых законах Божиих. Если же и родственные узы не могли освободить от вины, если даже отец, который не с надлежащею строгостью поступал с своими детьми, подвергся столь тяжкой казни, то какое будем иметь извинение мы, которые, будучи свободны от таких уз, портим все своим послаблением? Итак, чтобы не погубить вам и меня и себя, то прошу вас: послушайтесь моего наставления и, приставив к себе многих наблюдателей и советников, оставьте привычку к клятвам, – чтобы вы, начавши с этого, могли упражняться с полным успехом и в других добродетелях и насладились будущими благами, которые все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 18

1 «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду». (Мф. 5:38–40)

2 Изъяснение 5:38–48. Для чего дан был закон око за око. – Что значит не противиться злому. – Повеление подставлять ударившему другую щеку выражает общий закон о незлобии. – Зло побеждается терпением. – Заповеди о непротивлении легкоисполнимы. – Исполнение их приносит пользу и обижающим. – Должно терпеть без сопротивления даже страдания. – Девять степеней незлобия. – Высшая степень добродетели – молитва за врагов. – Образец незлобия, данный Христом. – Увещание обходиться с гневающимися как с больными, предупреждать друг друга приветствиями и быть готовыми на всякие обиды и презрение – для Бога.

3 1. Видишь ли, что Спаситель, предписывая выше заповедь вырывать соблазняющее око, разумел не самое око, но такого человека, который дружбою своею наносит нам вред и ввергает нас в ров погибели? В самом деле,

если здесь Он предлагает столь высокое правило, что не позволяет вырвать око даже у того, кто вырвал бы его у нас, то мог ли Он повелеть кому-либо вырвать око у себя самого? Если же кто порицает ветхий закон за то, что в нем предписывается воздавать такую месть, тот, по моему мнению, вовсе не имеет понятия о свойственной Законодателю мудрости, не соображается с обстоятельствами времени, и не знает, как иногда полезно бывает снисхождение. В самом деле, если ты размыслишь, кто были слышавшие это повеление, каково было расположение их духа, и в какое время они приняли этот закон, то признаешь мудрость Законодателя и увидишь, что как закон о мщении, так и закон о незлобии даны одним и тем же Законодателем, и оба предписаны вполне своевременно и с величайшею пользою. Если б эти высокие и великие заповеди Законодатель предложил с самого начала, то люди не приняли бы ни этих заповедей, ни прежних. Теперь же, те и другие предложив в приличное время, Он исправил ими всю вселенную. С другой стороны, Законодатель предписал – *око за око* не для того, чтобы мы друг у друга вырывали глаза, но чтобы удерживали руки свои от обид; ведь угроза, заставляющая страшиться наказания, обуздывает стремление к делам преступным. Таким образом Законодатель мало-помалу посеивает в сердцах благочестие, когда повелевает, чтобы обиженный за причиненное ему зло платил равным, хотя, по требованию правосудия, зачинщик преступления достоин был бы большего наказания. Но так как Ему угодно было правосудие растворить человеколюбием, то учинившего большее преступление Он осуждает на наказание гораздо меньшее, нежели какого он достоин, желая тем самым научить нас и среди самого страдания показывать великую кротость. Итак, приведя

постановление ветхого закона и прочитав его от слова до слова, Спаситель опять показывает, что не брат учиняет обиду, но лукавый. Поэтому и присовокупляет: «А Я говорю вам: не противься злому» (τω πονηρω). Не говорит: «*не противься брату*», но: злому, показывая тем, что обидчик все делает по наущению дьявола, и таким образом, слагая вину на другого, весьма много ослабляет и пресекает гнев против обидевшего. Что же, скажешь ты: ужели нам не должно противиться лукавому? Должно, но не так, а как повелел сам Спаситель, то есть, готовностью терпеть зло. Таким образом ты действительно победишь лукавого. Не огнем ведь погашают огонь, а водою. А чтобы знать тебе, что и в Ветхом завете победа и венец остаются на стороне претерпевшего обиду, рассмотри, что происходит в этом случае, и увидишь, что преимущество остается на стороне обиженного. В самом деле, кто первый поднимает руку на совершение неправды, тот вырывает два глаза, – и у ближнего и у себя. Поэтому он справедливо подвергается общей ненависти и бесчисленным обвинениям. Между тем обиженный, хотя и воздаст за причиненное ему зло равным, не сделает никакого зла, почему многие даже и сожалеют о нем, так как он чист от греха в этом деле, хотя и воздал равным за равное. И хотя несчастие у обоих одинаково, но суждение о них не одинаково, как у Бога, так и у людей, а следовательно, уже и несчастие не одинаково. Итак, Спаситель сначала сказал: «Гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду, а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной»; здесь же требует еще высшего любомудрия, повелевая обиженному не только молчать, но и подставлять обижающему другую щеку, и таким образом еще сильнее побороть его своим великодушием. И это говорит Он не

только для того, чтобы дать закон, повелевающий переносить обиды, но чтобы и во всех других случаях научить нас незлобию.

[4] 2. Подобно тому, как в том случае, когда Спаситель говорит, что «кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной», разумеет не одно только это обидное слово, но и вообще всякое поношение, так и здесь Он не только предписывает, чтобы мы переносили великодушно одни заушения, но чтобы мы не смущались и всяким другим страданием. Вот почему, как и там Он избрал обиду самую чувствительную, так и здесь упомянул об ударе по щеке, который считается особенно позорным и составляющим великую обиду. Давая эту заповедь, Спаситель имеет в виду пользу и наносящего удары, и терпящего их. В самом деле, если обиженный вооружится тем любомудрием, которому научает Спаситель, то он не будет и думать, что потерпел обиду, он даже не будет и чувствовать обиды, почитая себя скорее ратоборцем, чем человеком, которого бьют. А обижающий, будучи пристыжен, не только не нанесет второго удара, хотя бы он был лютее всякого зверя, но и за первый будет крайне обвинять себя. Поистине, ничто так не удерживает обижающих, как кроткое терпение обижаемых. Оно не только удерживает их от дальнейших порывов, но еще заставляет раскаяться и в прежних, и делает то, что они отходят от обиженных, удивляясь их кротости, и наконец, из неприятелей и врагов делаются не только их друзьями, но даже самыми близкими людьми и рабами. Наоборот, мщение производит совершенно противные следствия. Оно обоим причиняет стыд, ожесточает их и еще больше воспламеняет гнев, и зло, простираясь далее, доводит нередко до смерти. Вот почему Спаситель заушаемому не только запретил гневаться, но и повелел насытить

желание ударяющего так, чтобы вовсе и неприметно было, что ты первый удар претерпел невольно. Действительно, таким образом ты поразишь бесстыдного гораздо чувствительнее, чем в том случае, если бы ты ударил его рукою, и из бесстыдного сделаешь его кротким. «Кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду». Спаситель хочет, чтобы мы показывали такое же незлобие не только, когда нас бьют, но и когда хотят отнять от нас имение. Потому опять предлагает столь же высокое правило. Как там Он повелевает побеждать терпением, так и здесь уступкою большего, чем ожидает любостяжатель. Впрочем, Он не просто предложил это последнее правило, а с оговорками, – он не сказал: «Отдай ему и верхнюю одежду», но – «и кто захочет судиться с тобою», т. е. если он влечет тебя в суд и хочет завести с тобою дело. И, подобно как после заповедей – не называть брата безумным и не гневаться на него напрасно, в последней Своей проповеди Он потребовал большего, повелев подставлять и правую щеку, так и теперь, после высказанного уже повеления – мириться с соперником, опять простирает Свое требование еще далее, предписывая не только отдать сопернику то, что он хочет взять, но и оказать большую щедрость. Что ж? Неужели скажешь, мне ходить нагим? Не были бы мы наги, если бы в точности исполняли эти повеления; напротив, еще были бы гораздо лучше всех одеты. Во-первых, потому, что никто не нападет на человека, имеющего такое расположение духа, а во-вторых, если бы и нашелся кто настолько жестокий и немилосердный, что дерзнул бы и на это, то без сомнения еще более бы нашлось таких, которые человека, восшедшего на такую степень любомудрия, покрыли бы

не только одеждами, но, если бы было возможно, и самою плотью своею.

[5] 3. А если бы кому довелось и нагим ходить ради такого любомудрия, то и в этом не было бы стыда. Адам в раю был наг и не стыдился (Быт. 2:25). И Исайя, ходивший нагим и без обуви, был знаменитее всех иудеев (Ис. 20:3). Иосиф тогда особенно просиял (добродетелью), когда оставил одежду. Нимало не худо так обнажаться, но постыдно и смешно так одеваться, как мы одеваемся ныне, т. е. в драгоценные одежды. Вот почему тех Бог прославил, а нас осуждает и через пророков, и через апостолов. Итак, не будем почитать невозможными повеления Господни. Они и полезны, и весьма удобны к исполнению, если только мы будем бодрствовать. Они так спасительны, что не только нам, но и обижающим нас приносят величайшую пользу. Особенное же достоинство их состоит в том, что они, убеждая нас терпеть обиды, тем самым научают любомудрствовать и причиняющих их. В самом деле, когда обижающий важным почитает отнимать собственность других, а ты на самом деле покажешь ему, что для тебя легко отдать и то, чего он не просит, и таким образом противопоставишь его нищенствованию и любостяжанию свою щедрость и любомудрие, то представь, сколь сильное получит он вразумление, не словами, но самыми делами научаясь презирать злые склонности и любить добродетель! Бог хочет, чтобы мы были полезны не только для самих себя, но и для всех ближних. Итак, если ты отдашь требуемое без всякого спора и суда, то приобретешь пользу только себе. Если же сверх требуемого отдашь и другое что-нибудь, то и соперника отпустишь от себя лучшим. Вот что значит та *соль*, каковою Спаситель желает быть ученикам Своим; она и саму себя сберегает, и сохраняет

другие тела, ею осоленные. Вот что значит и тот свет; он светит и самому себе, и другим. Итак, поскольку Господь и тебя поставил в число учеников Своих, то просвети сидящего во тьме; научи его, что он и то, чего от тебя требовал, взял у тебя не насильно; убеди его, что ты не считаешь себя обиженным. Таким образом, и сам заслужишь большее уважение и почтение, когда уверишь его, что он ничего у тебя не отнял, а ты сам подарил ему. Своею кротостью обрати грех его в повод к проявлению твоего благородства. Если это кажется тебе очень высоким, то подожди, – ты еще увидишь, что это не есть верх совершенства. Спаситель не останавливается еще здесь, предписывая тебе правила терпения обид, но простирается далее, говоря: «И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Мф. 5:41). Видишь ли, на какую высоту любомудрия возводит тебя Спаситель? Он говорит, что и тогда, когда отдашь своему врагу и верхнюю и нижнюю одежду, ты не должен противиться ему, если бы он и обнаженное тело твое захотел подвергнуть страданиям и трудам. Он хочет, чтобы все было общим – и тела, и имущество, и чтобы мы служили ими как бедным, так и тем, кто обижает нас. Последнее – долг мужества, а первое – человеколюбия. Поэтому-то Он и сказал: «И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два», возводя тебя еще выше, и повелевая оказывать новые опыты равного прежним великодушия. Если прежние Его предписания, которые требуют гораздо меньшего, доставляют исполняющим их столь великое блаженство, то подумай, какой жребий ожидает тех, кто исполняет эти последние, и каковыми еще прежде наград являются те, которые в человеческом и страстном теле показывают совершенное бесстрастие. Если они не только не оскорбляются обидами, ударами, отнятием имущества,

не только не побеждаются ничем другим тому подобным, но еще жаждут больших страданий, то представь, какова у них делается душа. Потому-то Христос, как повелел поступать при нанесении ударов и при лишении имущества, так точно повелевает поступать и в этом случае. Что я говорю, – как бы так говорит он, – об обидах и отнятии имущества? Если бы кто захотел и само тело твое подвергнуть тяжким и изнурительным трудам, и притом несправедливо, то и тогда ты должен победить его несправедливое желание, и стать выше его. «Принудить силой» – значит влечь кого неправедно, без всякой причины и с обидою. Но ты и на это будь готов; будь готов потерпеть даже больше, нежели, сколько тот хочет причинить тебе. «Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Мф. 5:42). Этими словами Спаситель требует меньшего, нежели прежними, но не удивляйся этому. Спаситель обыкновенно так делает: Он всегда к великому присоединяет малое. Если же слова эти и малы в сравнении с первыми, пусть, однако, внимают им те, которые берут чужое, а собственное имущество раздают блудницам, и таким образом возжигают для себя сугубый огонь чрез неправедный прибыток и пагубное расточение. Предписывая здесь давать в заем, Спаситель разумеет не отдачу денег в рост, но простое одолжение. А в другом месте требует еще большего, говоря, чтобы мы давали и тем, от кого не надеемся получить. «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных»

(Мф. 5:43–45). Вот высочайший верх добродетелей! Вот для чего учил Спаситель не только терпеливо сносить заушения, но и подставлять правую щеку, не только вместе с верхнею одеждою отдавать и нижнюю, но и две версты идти с тем, кто принуждает пройти одну! Все это предложил Он для того, чтобы ты с полною готовностью мог принять и то, что гораздо выше этих предписаний. Что же выше их, скажешь ты? Не почитать того врагом, кто причиняет тебе обиды, – даже нечто и того высшее, поскольку Господь не сказал: не возненавидь, но – возлюби; не сказал: не обижай, но – и благотвори.

[6] 4. Но если тщательнее рассмотрим слова Спасителя, то увидим, что в них заключается новое предписание, гораздо еще высшее. В самом деле, Он повелевает не только любить врагов, но и молиться за них. Видишь ли, на какие восшел Он степени, и как поставил нас на самый верх добродетели? Смотри и исчисляй их, начавши с первой: первая степень – не начинать обиды; вторая – когда она уже причинена, не воздавать равным злом обидевшему; третья – не только не делать обижающему того, что ты потерпел от него, но и оставаться спокойным; четвертая – предавать себя самого злостраданию; пятая – отдавать более, нежели, сколько хочет взять причиняющий обиду; шестая – не питать к нему ненависти; седьмая – даже любить его; восьмая – благодетельствовать ему; девятая – молиться о нем Богу. Видишь ли, какая высота любомудрия? Но за то блистательна и награда. Так как повеление велико и требует мужественной души и великого подвига, то и мзду за исполнение его Спаситель обещает такую, какой не соединял ни с одною из прежних заповедей. Он обещает здесь не землю, как кротким, не утешение и помилование, как плачущим и милостивым, но Царствие

Небесное, но, что они будут подобны Богу, насколько то возможно для людей: «Да будете сынами, – говорит, – Отца вашего Небесного» (Мф.5:45). Заметь, что Он ни здесь, ни прежде не называет Бога Отцом Своим; но там, когда говорил о клятвах, называл Его Богом и Царем великим, а здесь называет Отцом нашим. Он делает так потому, что беседу об этом хочет оставить до приличного времени. Объясняя, затем, в чем состоит богоподобие, Он говорит: «Ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных», то есть, Бог не только не ненавидит оскорбляющих Его, но даже благодетельствует им. Конечно, здесь нет равенства ни по чему, так как не только благодеяния Божии, но и величие Его достоинства превосходит все, что только вообразить можно. Тебя оскорбляет подобный тебе, а Его – раб, и притом такой, который получил от Него бесчисленные благодеяния. Ты, молясь за врага, благодетельствуешь ему словами, а Бог благодетельствует ему весьма великими и чудными делами, освещая его солнцем и ежегодно посылая дожди в определенное время. И при всем том я допускаю твое богоравенство, какое только возможно для человека. Итак, не питай ненависти к человеку, делающему тебе зло, когда ты через него приобретаешь такие блага и достигаешь столь великой чести. Не кляни обижающего тебя; иначе ты оскорбление претерпишь, а плода лишишься, – понесешь вред, а награды не получишь. А это крайне безумно – претерпевши труднейшее, не перенести легчайшего. Но как это возможно, скажешь ты? Ты видишь, что Бог для тебя сделался человеком, что Он так уничижил Себя и так много пострадал за тебя, и еще ли спрашиваешь и недоумеваешь, как можешь ты прощать обиды равным себе? Не слышишь ли, что говорит Он на

кресте: «Прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:34)? Не слышишь ли, что говорит Павел: восшедший на небо, и седящий «одесную Бога, Он и ходатайствует за нас» (Рим. 8:34)? Не видишь ли, что Он и после распятия и вознесения на небо послал к умертвившим Его иудеям апостолов, принесших им бесчисленные блага, и вместе потерпевших от них бесчисленное множество зол? Но ты весьма много обижен? Что же такое потерпел ты, что было бы подобно страданию твоего Владыки, Который после оказанных Им бесчисленных благодеяний был связан, претерпел заушения, бичевания, оплевания от рабов, и наконец претерпел смерть – и смерть поноснейшую из всех смертей? Если же ты и много обижен, то по тому-то самому и должен еще более благодетельствовать, чтобы и для себя самого получить блистательнейший венец, и брата избавить от крайне жестокой болезни. Когда больные, находящиеся в сумасшествии, наносят удары и обиды врачам своим, то последние в это-то время особенно и жалеют о них и стараются об их излечении, зная, что дерзость их происходит от чрезмерной болезни. Подобным образом и ты имей такое же расположение духа к злоумышляющим против тебя, и таким же образом поступай с обижающими тебя, потому что они совсем больные и делают все совершенно невольно. Итак, освободи врага своего от тяжкой его гордости, заставь его бросить гнев, и избавь от лютого демона – ярости. Видя беснующихся, мы проливаем слезы, а не думаем сами подобно им бесноваться. Будем поступать также и с гневающимися, потому что и они подобны бесноватым, или даже несчастнее их, потому что хотя они и беснуются, но еще не лишились ума. Потому-то и бешенство их непростительно.

[7] 5. Итак, не нападай на лежащего, но жалей о нем. Когда мы видим, как человек, страдающий желчью, мучится головокружением и силится изблевать эту вредную мокроту, то тотчас подаем руку, поддерживаем терзаемого, и не отвращаемся от него, хотя бы замарали и одежду, но о том только и стараемся, чтобы как-нибудь избавить его от такого тяжкого положения. Подобным образом станем поступать и с разгневанными, станем помогать им, как изрыгающим из себя желчь и терзаемым, и не будем оставлять их до тех пор, пока они не извергнут всей горечи. И когда такой человек успокоится, то воздаст тебе величайшую благодарность. Тогда он ясно узнает, от какого расстройства ты его избавил. Но что я говорю о его благодарности? Сам Бог тотчас же тебя увенчает и наградит бесчисленными благами за то, что ты освободил брата своего от жестокой болезни. Да и тот будет почитать тебя, как своего господина, будет всегда с благоговением взирать на твою кротость. Не видишь ли, как мучащиеся родами кусают стоящих около них женщин, и между тем последние не ощущают боли? Вернее же сказать: они ощущают ее, но только мужественно переносят, соболезнуя о мучащихся и терзающихся болезнями рождения. Поревнуй и ты их великодушию и не будь слабее женщин. Когда родят эти жены, – а гневающиеся малодушнее самих жен, – тогда они узнают в тебе мужа. Если же эти повеления кажутся тебе тяжкими, то помысли, что Христос для того и пришел, чтобы насадить их в наших сердцах, и чтобы сделать нас полезными как для врагов, так и для друзей. Поэтому Он и повелевает заботиться о тех и других; о братиях – когда говорит: «Если ты принесешь дар твой»; о врагах же – когда приказывает любить их и молиться за них. И побуждает к исполнению этого, не только указывая

на пример благости Божией, но и на противное: «Ибо если вы будете любить, – говорит Он,– любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари» (Мф.5:46)? То же самое подтверждает и Павел: «Вы еще не до крови сражались, – говорит он, – подвизаясь против греха» (Евр. 12:4). Итак, если ты исполняешь заповедь любви ко врагам, то пребываешь с Богом; если же оставляешь ее, то с мытарями. Видишь ли, что эти заповеди еще не так велики, как велико различие между мытарями и Богом? Итак, не станем помышлять о трудности повеления, но представим награду, и подумаем, кому соделаемся подобными, когда исполним это повеление, и с кем сравнимся, когда не будем исполнять. Спаситель повелевает нам мириться с братом, и до тех пор не отходить от него, пока совершенно не истребим вражды. Когда же говорит о всех вообще, то не налагает на нас такой обязанности, но только требует того, что от нас зависит, и таким образом облегчает трудность закона. Выше сказал Он: «Так гнали [и] пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5:12); теперь, желая, чтобы ученики Его за то же самое не досадовали на своих гонителей, повелевает им не только терпеть так поступающих с ними, но и любить их. Видишь ли, как Он с самым корнем истребляет гнев, пристрастие к плоти, к богатству, к славе и к настоящей жизни? Это уже сделал Он и в начале Своей проповеди, но гораздо более теперь. Действительно, нищий духом, кроткий и плачущий изгоняет из себя гнев; праведный и милостивый истребляет в себе пристрастие к богатству; чистый сердцем свободен от злой похоти; гонимый, претерпевающий обиды и злословимый приучается к совершенному презрению вещей временных, и пребывает чист от надменности и тщеславия. Освободив, таким образом, слушателя от всех

этих уз и приготовив к подвигам, Христос опять иным образом и с большим тщанием исторгает из его сердца указанные страсти, начиная с гнева, и уничтожая всю силу этой страсти, когда говорит, что гневающийся на брата своего, называющий его безумным и пустым человеком, заслуживает наказания; что принесший дар не должен приступать к трапезе, пока не прекратит вражды; что имеющий соперника, прежде нежели увидит судилище, должен сделать его из врага другом. Потом опять переходит к похоти и говорит, что воззревший любострастными очами заслуживает наказание как прелюбодей; соблазняющийся любострастною женою или мужем или другим кем-либо из близких к нему должен отсечь от себя всех таковых; имеющий законную жену не должен никогда удалять ее от себя и обращать взоров к другой. Этими внушениями Спаситель исторгает корни злой похоти. Вслед за тем Он обуздывает любовь к богатству, запрещая клясться, лгать и удерживать даже рубашку, какую кто имеет на теле; повелевает отдавать верхнюю одежду и не жалеть даже тела для услуг требующему. Так истребляет Он в конец пристрастие к богатству.

[8] 6. Наконец, все эти повеления Спаситель украшает прекраснейшим венцом, говоря: «Молитесь за обижающих вас и гонящих вас», – и таким образом возводит учеников Своих на высочайший верх любомудрия. Как терпеть заушения есть высший подвиг, нежели быть кротким; отдавать рубашку и верхнюю одежду есть дело более важное, нежели быть милостивым; переносить обиды есть высшая добродетель, нежели быть праведным; сносить побои и не противиться, когда понуждают идти, значит больше, нежели быть миротворцем, – так, и среди гонений благословлять

гонящего – гораздо важнее, нежели быть гонимым. Видишь ли, как Он мало-помалу возводит нас на самое небо? Итак, чего будем достойны мы, которые получили повеление ревностно стараться об уподоблении себя Богу, и между тем, может быть, еще не сравнялись и с мытарями? В самом деле, если и мытари, и грешники, и язычники любят любящих, а мы и этого не делаем (а не делаем мы этого, когда завидуем доброй славе наших братьев), то какому не подвергнемся наказанию, будучи ниже язычников, тогда как должны быть превосходнее книжников? Как же, скажи мне, мы можем узреть царство? Как взойдем в его священные преддверия, будучи ничем не лучше мытарей? На это и указывает Спаситель, говоря: «Не то же ли делают и мытари»? Что особенно удивительно в учении Христа, так это то, что награды за подвиги Он предлагает повсюду в великом множестве: обещает подвизающимся, что они и узрят Бога, и Царствие Небесное наследят, и будут сынами Божиими и подобными Богу, и помилованы будут, и утешатся, и получат многую мзду на небесах; а если где нужно было упомянуть о прискорбном, то упоминает об этом кратко, так что имя *геенны*, например, Он употребил в столь продолжительной беседе всего лишь один раз. В других случаях Он исправляет слушателя кроткими вразумлениями, убеждая его более увещаниями, нежели угрозами, например, когда говорит: «Не то же ли делают и мытари»? Или: «Если же соль потеряет силу»; Или: «Малейшим наречется в Царстве Небесном». Иногда полагает Он вместо наказания грехи, предоставляя самому слушателю заключать из тяжести последних о тяжести наказания, например, когда говорит: «прелюбодействовал с нею в сердце своем»; или: «кто разводится с женою своею,...тот подает ей повод

прелюбодействовать». Для вразумления имеющих ум не нужно упоминать о наказании, а довольно только представить тяжесть греха. Вот почему и в настоящем случае Он представляет в пример язычников и мытарей, чтобы ученики Его устыдились, видя, с какими людьми Он их сравнивает. То же делал и Павел, когда говорил: «Дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды» (1Фес. 4:13), и «как и язычники, не знающие Бога» (1Фес. 4:5). Кроме того, слова эти: «Не так же ли поступают и язычники?» (Мф. 5:47) Спаситель сказал и для того, чтобы показать, что Он не требует ничего чрезмерного, но немного больше обыкновенного. Этим, однако, Он не заключает Своего слова, но оканчивает его указанием на награды и благими надеждами, говоря: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48). Часто упоминает Он во всей беседе Своей о небе, чтобы представлением самого места возбудить сердца учеников Своих, так как в это время они были еще довольно слабы и грубы. Итак, представляя все доселе сказанное, будем оказывать всякую любовь ко врагам. Отвергнем то смешное обыкновение, которым страдают многие неразумные люди, дожидающиеся, чтобы встречные предупреждали их своим приветствием, и таким образом не ревнуют о том, что заключает великое блаженство, но гоняются за тем, что достойно смеха. Почему же ты не приветствуешь его прежде? Потому, скажешь ты, что он ожидает этого. Но потому-то самому и надлежало поспешить тебе, чтобы венец достался тебе. Нет, – скажешь, – я потому именно и не приветствую его, что ему сильно этого хочется. Что может быть хуже такого безумия? Так как, говоришь ты, он сильно желает доставить мне случай к награде, по тому самому я не хочу этим случаем воспользоваться. Если он тебя

предупреждает своим приветствием, то ты не получишь никакой пользы, хотя после и ответишь ему тем же; если же ты поспешишь прежде выразить ему приветствие, то ты, как бы торгуясь с его гордостью, получишь себе большую выгоду и соберешь обильный плод с его надменности. Итак, не крайне ли мы будем безумны, когда, имея случай двумя словами приобрести столь великую пользу, выпустим ее из рук, и сами впадем в то же безрассудство, за которое осуждаем другого? Если ты обвиняешь его в том, что он прежде ожидает приветствия от другого, то зачем подражаешь тому, что осуждаешь сам, и стараешься как доброе перенимать то, что сам называешь злом? Видишь ли, что нет ничего безумнее человека, живущего в злобе? Поэтому умоляю вас, будем избегать этой злой и достойной посмеяния привычки. Болезнь эта расторгнула бесчисленное множество дружеских союзов и произвела многие раздоры. Будем же, поэтому, приветствиями предупреждать других. Если нам заповедано терпеть и тогда, когда враги нас заушают, насильно заставляют провожать себя и обнажают, то заслужим ли мы какого-нибудь прощения, если с таким упорством будем отказываться от простого приветствия? Ты скажешь: я подвергнусь презрению и буду как оплеванный, когда окажу ему такую честь. Итак, чтобы не презирал тебя человек, ты оскорбляешь Бога? Чтобы не презирал тебя беснующийся равный тебе раб, ты презираешь Владыку, Который столь много тебя облагодетельствовал? Ежели неразумно, что презирает тебя человек равный тебе, то еще более неразумно, что ты презираешь Бога, Который сотворил тебя. Сверх того, заметь и то, что презирающий тебя тем самым доставляет тебе случай к получению большей награды, поскольку ты терпишь это для Бога, повинуясь Его законам. А с этою

наградою какая честь, какие венцы сравниться могут? Я готов лучше терпеть всякие обиды и презрение – для Бога, нежели у всех царей быть в почтении, так как ничто, ничто не может сравниться с этою славою. Будем же искать этой славы так, как повелел сам Спаситель, и нимало не заботясь о суждениях человеческих, но во всем показывая истинное любомудрие, по нему будем устроять жизнь свою. Таким образом, еще здесь мы будем предвкушать блага небесные и славу венцов райских; будем обращаться с людьми – как ангелы, и обитать на земле – как силы небесные, освободившись от всякой похоти и всех земных страстей; а вместе со всем этим восприимем и неизреченные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава, держава и поклонение со безначальным Отцом и Святым и благим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 19

[1] «Смотрите, не творите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас». (Матф. 6:1)

[2] Изъяснение 6:1–15. Тщеславие незаметно приражается к добродетели. – Бог смотрит на намерение творящего добрые дела. – Как должно творить милостыню и молитву. – Заповедь Спасителя не запрещает молитвы в церкви. – В церкви во время молитвы должно наблюдать благопристойность. – От молящегося требуется не громкий вопль, а сердечное сокрушение. – Постоянство в молитве. – Для чего нужно молиться, если Бог знает наши нужды. – Наименование Бога Отцом заключает в себе учение о всякой добродетели. – Изъяснение молитвы Господней. – Прощение обид преимущественно заповедуется Христом. – Оно более всего уподобляет человека Богу. – Молитва об отмщении врагам прогневляет Бога. – Памятование собственных грехов – лучший способ научиться прощению обид.

[3] 1. Наконец, Спаситель изгоняет самую пагубную страсть – тщеславие, это неистовство и бешенство, которым одержимы бывают даже люди добродетельные. Сначала Он ничего не говорил об этой страсти, потому что

излишне было бы, не убедив наперед исполнять должного, учить тому, как надобно исполнять и доходить до совершенства. Но когда Он уже научил благочестию, тогда истребляет и ту язву, которая неприметным образом заражает его. Болезнь эта, действительно, не вдруг зарождается, но тогда, когда мы исполним уже многое из повеленного нам. Итак, нужно было прежде насадить добродетель, а потом уничтожать страсть, повреждающую плод ее. Чем же начинает Спаситель свою беседу? Словом о посте, молитве и милостыне, потому что тщеславие преимущественно присоединяется к этим добродетелям. Так, например, постом возгордился фарисей, когда говорил: «пощусь два раза» в неделю, «даю десятую часть» из имения (Лук. 18:12). И в самой молитве искал он суетной славы, творя ее напоказ. Когда уже не было никого другого, то он старался выказать себя перед мытарем. «Я не таков, как прочие люди, – говорит он, – или как этот мытарь» (Лук. 18:11). Теперь посмотри, как начинает Спаситель слово Свое. Он как будто хочет говорить о каком-то звере, весьма хитром и страшном, который может внезапно схватить не совсем осторожного. «Смотрите, – внушает, – не творите милостыни вашей перед людьми». Так и Павел говорит филиппийцам: «берегитесь псов» (Фил. 3:2). Зверь этот подходит тайно, и все доброе, внутри нас находящееся, тихо развевает и нечувствительно уносит. Итак, после того как Христос предложил довольно пространное слово о милостыне, представил в пример и Бога, посылающего лучи солнца Своего и на злых и на благих, и всячески побуждая слушателей к этой добродетели, убедил их к щедрому подаянию, Он исторгает, наконец, и все то, что может вредить этой доброй маслине. Потому говорит: «смотрите, не творите милостыни вашей перед людьми», так как

милостыня, о которой прежде было сказано, есть милостыня Божья. И сказав: «не творите перед людьми», присовокупил: «чтобы они видели вас». Последние слова, по-видимому, означают то же, что и первые. Но если кто тщательно рассмотрит, то увидит, что последние слова означают нечто другое, и заключают в себе великую предусмотрительность, неизреченную попечительность и предохранение. В самом деле, и перед людьми делающий добро может делать не для того, чтобы его видели, равно, как и не делающий перед людьми может делать с тем, чтобы его видели. Вот почему Бог наказывает или увенчивает не самое дело наше, но намерение. Если бы не было сделано такого точного разделения, то настоящая заповедь многих привела бы в недоумение касательно раздачи милостыни, потому что не везде всем можно тайно творить милостыню. Поэтому, освобождая тебя от такой необходимости, Спаситель назначает наказание или награду не за совершение дела, но за намерение творящего. Чтобы ты не сказал: что пользы мне, если увидит другой? – Христос говорит тебе: Я не того требую, но мысли твоей и образа действия. Он желает исправить душу и освободить ее от всякой болезни. Итак, запретив творить милостыню для тщеславия и показав вред, происходящий от этого, тщету и бесполезность такой милостыни, Он опять возбуждает мысли своих слушателей воспоминанием об Отце и небе, чтобы не ограничиться одним только указанием на вред, но вразумить и напоминанием об Отце Своем. «Не будет вам», говорит Он, «награды от Отца вашего Небесного». Впрочем, и здесь не остановился, но идет еще дальше, внушая и другим образом величайшее отвращение от суетной славы. Подобно тому, как выше Он указал на мытарей и язычников, чтобы качеством лица посрамить

подражателей их, так и здесь упоминает о лицемерах. «Когда», говорит Он, «творишь милостыню, не труби перед собой, как делают лицемеры» (Матф. 6:2). Так говорит Спаситель не потому, что лицемеры имели трубы, но, желая показать их великое безумие, этим иносказанием осмеивая и осуждая их. И хорошо назвал их лицемерами. Милостыня их имела одну только личину милостыни, а сердце их было исполнено жестокости и бесчеловечия. Они творили ее не из милосердия к ближнему, но для получения славы. Крайняя жестокость – искать для себя чести, и не избавлять от несчастья другого, когда он погибает от голода. Итак, Спаситель требует не того только, чтобы мы подавали милостыню, но и того, чтобы подавали ее так, как должно подавать.

[4] 2. Обличив, таким образом, лицемеров и коснувшись их для того, чтобы пристыдить и слушателя, Христос опять врачует душу, страждущую недугом тщеславия, и, сказав, как не должно творить милостыню, показывает, как должно творить ее. Как же должно творить? «Пусть не знает», говорит Он, «левая рука твоя, что делает правая» (Матф. 6:3). Здесь Он опять не руки разумеет, но усиливает Свою мысль: если возможно, говорит, и себя самого не знать, и если возможно скрыться от самых служащих тебе рук, то постарайся об этом. Поэтому, те недостаточно объясняют данные слова, которые думают, будто Спаситель повелевает в них скрываться от худых людей. Здесь Он повелел от всех скрываться. Обрати далее внимание, какая обещается награда. Упомянув о наказании, ожидающем лицемеров, Спаситель показывает и ту славу, которая ожидает раздающих милостыню втайне, чтобы и тем и другим возбудить Своих слушателей, и возвести их к высокому учению. Он внушает, что Бог везде присутствует, и что наши дела не

ограничиваются настоящей жизнью, но что после этой жизни мы предстанем на страшное судилище, дадим отчет во всех делах своих и получим или почести, или наказания, и что тогда ни малое, ни великое дело не может скрыться, хотя бы оно во время настоящей жизни, по-видимому, и было скрыто от людей. На все это Спаситель сделал намек, когда сказал: «Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Матф. 6:4). Воздаст, когда представит тебе великое и священное зрелище, когда то, чего теперь желаешь, даст тебе в великом обилии. Чего желаешь ты, говорит Он? Не того ли, чтобы иметь кого-нибудь зрителем дел твоих? Так вот тебе зритель – Сам Бог всяческих, а даже не ангелы, не архангелы. Если же ты желаешь иметь своими зрителями и людей, то Он в надлежащее время исполнит и это твое желание, и даже в величайшем избытке удовлетворит его. Если ты ныне захочешь показать себя, то можешь показаться только десяти, двадцати, или ста человекам; а если стараешься скрываться ныне, то тогда сам Бог возвестит о тебе перед всей вселенной. Итак, если ты особенно желаешь того, чтобы люди видели твои добродетели, то скрой их ныне, чтобы все с большей честью увидели их тогда, когда Бог сделает их явными, откроет и возвестит перед всеми. Видящие ныне обвинят тебя, пожалуй, и в тщеславии; а когда увидят тебя венчаемого, тогда не только не обвинят тебя, но и все удивятся тебе. Таким образом, если ты можешь получить от Бога величайшую награду и всех привести в удивление, для этого только потерпев малое время, то подумай, какое бы было безумие лишиться того и другого, и, прося у Бога награду за свои добрые дела, стараться показать их людям, тогда как на них взирает Сам Бог? Если уж нужно показывать себя, то, прежде всего, нужно показывать

Отцу, а особенно – когда Отец властен и увенчать, и наказать. Даже, если бы Бог и не наказывал за тщеславие, то и тогда ищущему славы неприлично было бы менять Бога на людей, заставляя их смотреть на свои дела. Кто бы был так жалок, чтобы, пренебрегши царем, спешащим видеть его блистательные подвиги, захотел быть видимым одними только бедными и нищими? Потому-то Спаситель повелевает нам не только не выказывать самих себя, но и стараться скрывать себя от других; а не иметь желания выказывать себя, и иметь желание скрываться – не одно и то же. «И когда молитесь», продолжает Спаситель, «не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне» (Матф. 6:5–6). Вот и здесь молящихся с тщеславием Он называет лицемерами. И весьма справедливо, – потому что они, притворяясь, будто молятся Богу, только смотрят на людей, и, таким образом, представляют из себя не молящихся, но людей смешных. Тот, кто желает молиться, оставив всех, взирает только на Того одного, Который силен исполнить его прошение. Если же, оставив Его, будешь блуждать по различным предметам и всюду обращать взоры свои, то отойдешь с пустыми руками, – потому что ты сам захотел этого. Потому Спаситель не сказал, что таковые не получат мзды, но что получат мзду свою, т. е. примут мзду, но только от тех, от кого желают сами. Не Бог хочет этого, – напротив, Он Сам желал бы от Себя даровать награду, – а сами они, ища награды от людей, уже недостойны получить ее от Того, для Кого ничего не сделали. Смотри, какое человеколюбие Божье, когда Он обещается

даровать награду даже и за те блага, о которых мы просим Его. Итак, Иисус, и в рассуждении места и в расположении обличив творящих молитвы неподобающим образом, и показав, до какой степени они смешны, предлагает лучший образ молитвы, говоря: «войди в комнату твою», и молящимся таким образом обещает награду.

[5] 3. Что ж, спросишь ты, неужели не должно молиться в церкви? И очень даже, но только смотря потому, с каким намерением. Бог везде смотрит на цель дел. Если и в клеть войдешь и затворишь за собой двери, а сделаешь это напоказ, то и затворенные двери не принесут тебе никакой пользы. Смотри, и здесь какое точное определение употребил Спаситель, когда сказал: «чтобы показаться перед людьми»! Итак, хотя бы ты затворил двери, Он желает, чтобы ты, прежде чем затворить их, изгнал из себя тщеславие, и заключил двери сердца твоего. Быть свободным от тщеславия – дело всегда доброе, а особенно во время молитвы. Если и без этого порока мы всюду блуждаем и носимся своими мыслями во время молитвы, то когда приступим к молитве с болезнью тщеславия, тогда и сами не услышим молитв своих. Если же и мы не слышим молитв и прошений своих, то, как можем умолить Бога, чтобы Он услышал нас? И, однако, есть люди, которые, несмотря на все такие наставления, так худо себя ведут во время молитвы, что хотя самих их и не видно было бы, они своими непристойными воплями всем дают знать о себе и как видом своим, так и криком делают самих себя смешными. Не знаешь ли, что если кто и на торжище будет так делать и просить с воплем, то отгонит от себя того, кого просит, а когда спокойно и приличным образом станет просить, тогда скорее привлечет к себе могущего оказать ему милость? Итак,

будем творить молитвы не с движениями тела и не с воплем гласа, но с благим и искренним расположением; не с шумом и гамом, не для показа, способного отогнать ближних, но со всей кротостью, сокрушением сердца и непритворными слезами. Но ты скорбишь душой и не можешь не вопиять? Напротив, сильно скорбящему и свойственно именно молиться и просить, таким образом, как я сказал. Так и Моисей, когда скорбел, молился таким образом, и был услышан, почему и сказал ему Бог: «что вопиешь ко мне» (Исх. 14:15)? Подобным образом и Анна, хотя голос ее не был слышан, получила все, что просила, потому что сердце ее вопияло (1Цар. 1). А Авель не только молча, но и умирая, молился, и кровь его издавала глас громче трубы. Восстенай же и ты так, как этот святой: я не запрещаю. Раздери, как повелел пророк, сердце твое, а не одежды; из глубины призови Бога. «Из глубины», говорит Давид, «взываю к Тебе, Господи» (Пс. 129:1). Из глубины сердца твоего извлеки глас, сделай молитву твою тайной. Не видишь ли, что и в царских чертогах возбраняется всякий шум, и бывает повсюду великое молчание? Так и ты, как бы входя в царский дом, не земной, но более страшный – небесный, покажи великую благопристойность. Ты находишься в сонме ангелов и в обществе архангелов, и поешь с серафимами. А все эти лики небесные сохраняют великое благочиние, и свое таинственное сладкопение и священные песни со многим страхом воспевают Царю всех Богу. Итак, соединись с ними во время молитвы, и поревнуй их таинственному благочинию. Ты ведь не людям молишься, но Богу вездесущему, слышащему тебя еще прежде твоего голоса, и знающему тайны сердечные. Если ты так станешь молиться, то великую получишь награду. «Отец Твой», говорит Спаситель, «видя тайное, воздаст тебе явно»; не

сказал: дарует тебе, но – «воздаст тебе». Таким образом, Бог сделал Себя должником твоим, и тем самым опять почтил тебя великой честью. Так как Он невидим, то желает, чтобы такова была и молитва твоя. Далее Христос предлагает и самые слова молитвы. «Молясь», говорит Он, «не говорите лишнего, как язычники» творят (Матф. 6:7). Когда Христос говорил о милостыне, то устранял только вред, происходящий от тщеславия, а ничего более не предложил, например, не сказал, что милостыню должно творить от праведных трудов, а не из похищенного и собранного любостяжанием, потому что это было отлично известно всем, да и раньше Спаситель уже указал на это, когда именно ублажил алчущих правды. Говоря же о молитве, Он присовокупляет еще и то, чтобы не говорить лишнего. И как там Он осмеивает лицемеров, так здесь язычников, чтобы примером низких людей устыдить слушателя. Так как сравнение с отверженными людьми особенно опечаливает и уязвляет человека, то Спаситель этим и предостерегает своих слушателей от тщеславия и многоглаголания во время молитвы. А под многоглаголанием разумеем здесь пустословие, например, когда мы просим у Бога неприличного, как то: власти, славы, победы над врагами, множества богатства, словом – совсем для нас бесполезного. «Ибо знает Отец ваш», говорит, «в чем имеете нужду» (Матф. 6:8.).

[6] 4. Кроме того, здесь, как мне кажется, Спаситель запрещает продолжительные молитвы; впрочем, продолжительные не по времени, но по множеству и продолжительности слов, так как с терпением должно ожидать того, чего просим: «в молитве постоянны», говорит апостол (Рим. 12:12). Притом и сам Спаситель притчей о вдовице, которая немилосердного и жестокого

судью преклонила неотступностью просьбы, и притчей о друге безвременно ночью пришедшем и поднявшем с одра спящего, не по дружбе, но по неотступному прошению, не иное что заповедал, как то, что все непрестанно должны молиться Ему. Впрочем, Он повелел не воссылать к Нему молитвы, составленной из многочисленных стихов, а просто открывать Ему наши прошения. На это Он и указал в словах: «ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду» (Матф. 6:7–8). А если Он знает, – скажет кто-либо, – в чем мы имеем нужду, то для чего нужно молиться? Не для того, чтобы указать Ему твои нужды, но для того, чтобы преклонить Его; чтобы через непрестанное моление соединиться с Ним, чтобы смириться перед Ним, чтобы вспомнить грехи свои. «Молитесь же так», продолжал Спаситель: «Отче наш, сущий на небесах» (Матф. 6:9). Смотри, каким образом Он тотчас ободрил слушателя, и в самом начале вспомнил обо всех благодеяниях Божьих. В самом деле, тот, кто называет Бога Отцом, одним этим наименованием исповедует уже и прощение грехов, и освобождение от наказания, и оправдание, и освящение, и искупление, и сыноположение, и наследие, и братство с Единородным, и дарование Духа, так как не получивший всех этих благ не может назвать Бога Отцом. Итак, Христос двояким образом воодушевляет Своих слушателей, – и достоинством называемого, и величием благодеяний, которые они получили. Когда же говорит – «на небесах», то этим словом не заключает Бога на небе, но отвлекает молящегося от земли, и поставляет его в превыспренних странах и в горних жилищах. Далее, этими словами Он научает нас молиться и за всех братьев. Он не говорит: Отче мой, сущий на небесах, но – «Отче наш», и тем

самым повелевает возносить молитвы за весь род человеческий, и никогда не иметь ввиду собственных выгод, но всегда стараться о выгодах ближнего. А таким образом и вражду уничтожает, и гордость низлагает, и зависть истребляет, и вводит любовь – мать всего доброго; уничтожает неравенство дел человеческих и показывает полное равночестие между царем и бедным, так как в делах высочайших и необходимейших мы все имеем равное участие. Действительно, какой вред от низкого родства, когда по небесному родству мы все соединены, и никто ничего не имеет более другого: ни богатый более бедного, ни господин более раба, ни начальник более подчиненного, ни царь более воина, ни философ более варвара, ни мудрый более невежды? Бог, удостоивший всех одинаково называть Себя Отцом, через это всем даровал одно благородство. Итак, упомянув об этом благородстве, о высшем даре, о единстве чести и о любви между братьями, отвлекши слушателей от земли и поставив их на небесах, – посмотрим, о чем, наконец, повелевает Иисус молиться. Конечно, и наименование Бога Отцом заключает в Себе достаточное учение о всякой добродетели: кто Бога назвал Отцом, и Отцом общим, тот необходимо должен так жить, чтобы не оказаться недостойным этого благородства и показывать ревность, равную дару. Однако Спаситель этим наименованием не удовлетворился, но присовокупил и другие изречения. «Да святится имя Твое», говорит Он. Ничего не просить прежде славы Отца небесного, но все почитать ниже хвалы Его – вот молитва, достойная того, кто называет Бога Отцом! «Да святится» значит – да прославится. Бог имеет собственную славу, исполненную всякого величия и никогда неизменяемую. Но Спаситель повелевает молящемуся просить, чтобы Бог славился и

нашей жизнью. Об этом Он и прежде сказал: «да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Матф. 5:16). И серафимы, славя Бога, так взывают: «свят, свят, свят» (Ис. 6:10)! Итак, «да святится» значит – да прославится. Сподоби нас, – как бы так учит нас молиться Спаситель, так чисто жить, чтобы через нас все Тебя славили. Перед всеми являть жизнь неукоризненную, чтобы каждый из видящих ее возносил хвалу Владыке, – это есть признак совершенной мудрости. «Да приидет царствие Твое» (Матф. 6:10). И эти слова приличны доброму сыну, который не привязывается к видимому, и не почитает настоящих благ чем-либо великим, но стремится к Отцу и желает будущих благ. Такая молитва происходит от доброй совести и души, свободной от всего земного.

[7] 5. Этого и Павел желал каждодневно, почему и говорил: «имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего» (Римл. 13:23). Кто имеет такую любовь, тот не может ни возгордиться среди благ этой жизни, ни отчаяться среди горестей; но, как живущий на небе, свободен от той и другой крайности. «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Видишь ли прекрасную связь? Он прежде повелел желать будущего и стремиться к своему отечеству; но доколе этого не будет, живущие здесь должны стараться вести такую жизнь, какая свойственна небожителям. Должно желать, говорит Он, неба и небесного. Впрочем, и прежде достижения неба Он повелел нам землю сделать небом и, живя на ней, так вести себя во всем, как бы мы находились на небе, и об этом молить Господа. Действительно, к достижению совершенства горних сил нам нимало не препятствует то, что мы живем на земле. Но можно, и здесь обитая, все делать так, как бы мы жили на небе. Итак, смысл слов

Спасителя таков: как на небе совершается все беспрепятственно и не бывает того, чтобы ангелы в одном повиновались, а в другом не повиновались, но во всем повинуются и покоряются (потому что сказано: «крепкие силой, исполняющие слово Его» (Пс. 102:20)), – так и нас, людей, сподоби не в половину творить волю Твою, но все исполнять, как Тебе угодно. Видишь ли? Христос научил и смиряться, когда показал, что добродетель зависит не от одной только нашей ревности, но и от благодати небесной, и вместе заповедал каждому из нас во время молитвы принимать на себя попечение и о вселенной, – Он не сказал: да будет воля Твоя во мне, или в нас, но на всей «земле», – т. е., чтобы истребилось всякое заблуждение и насаждена была истина, чтобы изгнана была всякая злоба и возвратилась добродетель и чтобы, таким образом, ничем не различалось небо от земли. Если так будет, говорит Он, то дольнее ничем не будет различаться от горнего, хотя по свойству они и различны; тогда земля покажет нам других ангелов. «Хлеб наш насущный дай нам на сей день» (Матф. 6:11). Что такое «хлеб насущный»? Повседневный. Так как Христос сказал: «да будет воля Твоя и на земле, как на небе», а беседовал Он с людьми, облеченными плотью, которые подлежат необходимым законам природы, и не могут иметь ангельского бесстрастия, то, хотя и повелевает нам так исполнять заповеди, как и ангелы исполняют их, однако снисходит к немощи природы, и как бы так говорит: Я требую от вас равноангельской строгости жизни, впрочем, не требуя бесстрастия, поскольку того не допускает природа ваша, которая имеет необходимую нужду в пище. Смотри, однако, как и в телесном много духовного! Спаситель повелел молиться не о богатстве, не об удовольствиях, не о многоценных одеждах, не о другом

чем-либо подобном, но только о хлебе, и притом о хлебе повседневном, так чтобы нам не заботиться о завтрашнем, почему и присовокупил: «хлеб насущный», т. е. повседневный. Даже и этим словом не удовлетворился, но присовокупил вслед затем и другое: «дай нам на сей день», чтобы нам не сокрушать себя заботой о наступающем дне. В самом деле, если ты не знаешь, увидишь ли завтрашний день, то для чего беспокоишь себя заботой о нем? Это Спаситель заповедал и далее затем в Своей проповеди: «не заботьтесь», говорит, «о завтрашнем дне» (Матф. 6:34). Он хочет, чтобы мы всегда были препоясаны и окрылены верой, и не более уступали природе, чем, сколько требует от нас необходимая нужда. Далее, – так как случается грешить и после купели возрождения, то Спаситель, желая и в этом случае показать Свое великое человеколюбие, повелевает нам приступать к человеколюбивому Богу с молением об оставлении грехов наших, и так говорить: «и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Матф. 6:12). Видишь ли бездну милосердия Божьего? После отъятия стольких зол, и после неизреченно великого дара оправдания, Он опять согрешающих удостаивает прощения. А что эта молитва принадлежит верным, – показывают как уставы Церкви, так и начало самой молитвы Господней. Непросвещенный верой не может Бога называть Отцом. Если же молитва Господня принадлежит верным, и если она повелевает им молиться об отпущении грехов, то явно, что и после крещения не уничтожается благодетельное употребление покаяния. Если бы Христос не хотел показать этого, то не заповедал бы и молиться таким образом. Когда же Он упоминает и о грехах, и повелевает просить их прощения, и научает, каким образом мы можем получить это прощение, и тем

самым делает для нас легким путь к получению его, то, без сомнения, дал этот закон молитвы потому, что и сам совершенно знал, и нам желал внушить, что и после крещения можно омыть грехи. Напоминанием о грехах Он внушает нам смирение; повелением отпускать другим уничтожает в нас злопамятство; а обещанием за это и нам прощения утверждает в нас благие надежды и научает нас размышлять о неизреченном человеколюбии Божьем.

[8] 6. Особенно же достойно замечания то, что Он в каждом вышесказанном прошении упомянул обо всех добродетелях, а этим последним прошением еще объемлет и злопамятство. И то, что через нас святится имя Божье, есть несомненное доказательство совершенной жизни; и то, что совершается воля Его, показывает то же самое; и то, что мы называем Бога Отцом, есть признак непорочной жизни. Во всем этом уже заключается, что должно оставлять гнев на оскорбляющих нас; однако, Спаситель этим не удовлетворился, но, желая показать, какое Он имеет попечение об искоренении между нами злопамятства, особо говорит об этом, и после молитвы припоминает не другую какую заповедь, а заповедь о прощении, говоря: «если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный» (Матф. 6:14). Таким образом, это отпущение первоначально зависит от нас, и в нашей власти состоит суд, произносимый о нас. Чтобы никто из неразумных, будучи осуждаем за великое или малое преступление, не имел права жаловаться на суд, Спаситель тебя, самого виновного, делает судьей над самим собой, и как бы так говорит: какой ты сам произнесешь суд о себе, такой же суд и Я произнесу о тебе; если простишь своему собрату, то и от Меня получишь то же благодеяние, – хотя это последнее на

самом деле гораздо важнее первого. Ты прощаешь другого потому, что сам имеешь нужду в прощении, а Бог прощает, Сам ни в чем не имея нужды; ты прощаешь со-рабу, а Бог рабу; ты виновен в бесчисленных грехах, а Бог безгрешен. С другой стороны, Господь показывает Свое человеколюбие тем, что хотя бы Он мог и без твоего дела простить тебе все грехи, но Он хочет и в этом благодетельствовать тебе, во всем доставляет тебе случаи и побуждения к кротости и человеколюбию; гонит из тебя зверство, угашает в тебе гнев и всячески хочет соединить тебя с твоими членами. Что ты скажешь на это? То ли, что ты несправедливо потерпел какое-нибудь от ближнего зло? Если так, то, конечно, ближний согрешил против тебя; а если ты претерпел по правде, то это не составляет греха в нем. Но и ты приступаешь к Богу с намерением получить прощение в подобных, и даже гораздо больших, грехах. Притом еще прежде прощения мало ли получил ты, когда ты уже научен хранить в себе человеческую душу и наставлен кротости? Сверх того и великая награда предстоит тебе в будущем веке, потому что тогда не потребуется от тебя отчет ни в одном грехе твоем. Итак, какого будем достойны мы наказания, если и по получении таких прав оставим без внимания спасение наше? Будет ли Господь внимать нашим прошениям, когда мы сами не жалеем себя там, где все в нашей власти? «И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь» (Матф. 6:13). Здесь Спаситель явно показывает наше ничтожество и низлагает гордость, научая нас не отказываться от подвигов и произвольно не спешить к ним; таким образом, и для нас победа будет блистательнее, и для дьявола поражение чувствительнее. Как скоро мы вовлечены в борьбу, то должны стоять

мужественно; а если нет вызова к ней, то должны спокойно ожидать времени подвигов, чтобы показать себя и не тщеславными, и мужественными. Лукавым же здесь называет Христос дьявола, повелевая нам вести против него непримиримую брань, и показывая, что он таков не по природе. Зло зависит не от природы, но от свободы. А что преимущественно дьявол называется лукавым, то это по чрезвычайному множеству зла, в нем находящегося, и потому что он, не будучи ничем обижен от нас, ведет против нас непримиримую брань. Потому Спаситель и не сказал: «избави нас» от лукавых, но: от «лукавого», и тем самым научает нас никогда не гневаться на ближних за те оскорбления, какие мы иногда терпим от них, но всю вражду свою обращать против дьявола, как виновника всех зол. Напоминанием о враге сделавши нас более осторожными и пресекая всякую беспечность нашу, Он воодушевляет нас далее, представляя нам того Царя, под властью Которого мы воинствуем, и показывая, что Он могущественнее всех. «Ибо Твое есть», говорит Спаситель, «царство и сила и слава». Итак, если Его царство, то не должно никого бояться, так как никто Ему не сопротивляется и никто не разделяет с Ним власти. Когда Спаситель сказал: «Твое есть царство», то показывает, что и тот враг наш подчинен Богу, хотя, по-видимому, еще и сопротивляется, по попущению Божьему. И он из числа рабов, хотя и осужденных и отверженных, а потому и не дерзнет нападать ни на одного из рабов, не получив прежде власть свыше. И что я говорю: ни на одного из рабов? Даже на свиней не дерзнул он напасть до тех пор, пока сам Спаситель не повелел, ни на стада овец и волов, доколе не получил власти свыше. «И сила», – говорит Христос. Итак, хотя бы ты и весьма был немощен, однако, должен дерзать, имея

такого Царя, Который и через тебя легко может совершать все славные дела. «И слава во веки. Аминь».

9 7. Этот Царь не только освобождает тебя от угрожающего тебе зла, но еще может делать тебя и славным и знаменитым; как сила Его велика, так и слава Его неизреченна, – словом, все у Него беспредельно и бесконечно. Видишь ли, как Спаситель отовсюду укрепляет и ободряет подвижника? Потом, – как прежде сказал я, – Спаситель, желая показать, что Он более всего отвращается и ненавидит злопамятство, и что более всего Ему любезна добродетель, противоположная этому пороку, опять и после молитвы вспомнил об этой великой добродетели, и к повиновению заповеди о незлобии побуждает слушателя как предстоящим наказанием, так и определенной наградой. «Если вы будете», говорит Он, «прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам» (Матф. 6:14–15). Здесь Христос опять упомянул о небесах и об Отце для того, чтобы этим упоминанием пристыдить слушателя, если бы, т. е., он, будучи сыном такого Отца, продолжал бы оставаться жестоким и, будучи призван к небу, имел бы какое-нибудь земное и житейское мудрование. Чтобы быть сыном Божьим, для того нужна не благодать только, но и дела. А ничто так не уподобляет нас Богу, как то, когда мы прощаем людей злых, которые обижают нас. Это и прежде показал Спаситель, когда говорил, что Отец небесный «посылает лучи солнца Своего на злых и на благих». Потому-то и в каждом изречении Он повелевает совершать общие молитвы, когда говорит: «Отче наш! да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам; прости нам долги наши; не введи нас в искушение; избавь нас». Так,

повелевая нам произносить все прошения от лица многих, Он тем самым заповедует не иметь и следа гнева против ближнего. Итак, какого будут достойны наказания те, которые, не взирая на все это, не только сами не прощают, но и Бога просят об отмщении врагам и, таким образом, совершенно нарушают закон о незлобии, тогда как Бог все делает и устраивает для того, чтобы нам не враждовать между собой? Корень всякого добра есть любовь; потому-то Он и уничтожает все, что может вредить любви, и всеми способами старается соединить нас между собой. Подлинно, совершенно никто – ни отец, ни мать, ни друг, ни другой кто-либо не любит нас столько, сколько сотворивший нас Бог. И это особенно видно как из Его ежедневных благодеяний, так и из повелений. Если же ты мне укажешь на болезни, печали и прочие бедствия жизни, то подумай, сколько ты оскорбляешь Его каждый день, – и тогда не станешь дивиться, если тебя постигнут и еще большие бедствия; напротив, ты станешь дивиться и изумляться тогда, когда тебе случится наслаждаться каким-либо благом. Теперь мы смотрим только на постигающие нас несчастья, а об оскорблениях, которыми ежедневно оскорбляем Бога, не помышляем. Поэтому и скорбим. Между тем если бы мы тщательно размыслили о грехах, и в один только день учиненных нами, то ясно бы увидели, насколько тяжким повинны мы наказаниям. И не говоря о других грехах, каждым из нас прежде сделанных, скажу только о грехах, совершенных сегодня. Хотя мне и неизвестно, в чем каждый из нас согрешил, однако, грехов так много, что и, не зная всего совершенно можно указать на многие из них. Кто из вас, например, не ленился на молитве? Кто не гордился? Кто не тщеславился? Кто не сказал оскорбительного слова брату? Кто не допустил злого

пожелания? Кто не посмотрел бесстыдными глазами? Кто не вспомнил о враге с возмущением духа, и сердца своего не наполнил надменностью? Если же находясь даже в Церкви и в краткое время мы сделались преступными в стольких грехах, то каковы будем, когда выйдем отсюда? Если в пристани такие волны, то когда войдем в пучину зол, т. е. выйдем на торжище, приступим к гражданским делам и домашним заботам, – тогда будем ли в силах даже и узнать самих себя? И, однако, Бог, желая, чтобы мы освободились от столь многих и великих грехов, предложил нам путь краткий, легкий и удобный. Какой, в самом деле, труд – простить оскорбившему? Не прощение, но хранение вражды составляет труд. Напротив, освободиться от гнева и весьма легко тому, кто захочет, и это же доставляет спокойствие.

[10] 8. Не нужно переплывать море, совершать дальнее путешествие, восходить на вершины гор, тратить деньги, удручать тело; довольно только пожелать – и все грехи прощены. Если же не только сам ты не прощаешь оскорбившего тебя, но и Бога умоляешь против него, то какую будешь иметь надежду спасения, коль скоро в то время, когда должен умилостивлять Бога, оскорбляешь Его, принимая на себя вид молящегося, а между тем испуская зверские крики и бросая против себя самого стрелы лукавого? Потому и Павел, упоминая о молитве, ничего так не требует, как сохранения заповеди о незлобии: «воздевая», говорит он, «чистые руки без гнева и сомнения» (1Тим. 2:8). Если ты даже и в то время, когда имеешь нужду в помиловании, не оставляешь гнева, но глубоко сохраняешь в своей памяти, зная притом, что через это ты вонзаешь меч в себя самого, то когда же сможешь сделаться человеколюбивым и извергнуть из себя пагубный яд злобы? Если ты еще не видишь, как

тяжко и безрассудно молиться об отмщении врагам, то подумай об отношении к тому же людей, и тогда увидишь, как тяжко оскорбляешь ты Бога. Так, если бы к тебе, человеку, пришел кто-нибудь с просьбой о помиловании, потом увидел бы врага, и, перестав просить тебя, стал бить его, то ужели б ты еще более не разгневался? Знай, что то же и у Бога бывает. Ты обращаешься с прошением к Богу и, между тем, оставив молитву, начинаешь поносить врага своего и бесчестить заповеди Божьи, вызывая Бога, повелевшего оставлять всякий гнев, против оскорбивших тебя, и прося Его сделать противное собственным Его велениям. Неужели тебе недостаточно для наказания, что ты преступаешь закон Бога? А ты еще и Его самого умоляешь сделать то же? Разве Он забыл, что повелел? Разве Он как человек сказал это? Он – Бог, Который все знает и желает, чтобы законы Его сохраняемы были во всей точности, и не только того, о чем просишь Его, не сделает, но и тебя за то самое, что ты так говоришь, отвращается, ненавидит и подвергнет жесточайшей казни. Как ты хочешь получить от Него то, от чего сам Он повелевает тебе всеми силами удерживаться? Но есть люди, которые дошли до такого безумия, что не только молятся против врагов, но и детей их проклинают, и самые тела их готовы бы пожрать, если бы возможно было, или даже и пожирают. Не говори мне, что ты не вонзил зубов в тело оскорбившего. Ты гораздо хуже сделал, когда со всей ревностью молил, чтобы гнев свыше пришел на него, и чтобы он предан был вечному наказанию и погиб со всем домом своим. Разве это не больнее всяких угрызений? Не язвительнее всяких стрел? Не тому научил тебя Христос; Он не велел так окровавливать уст. Таковые языки лютее уст, окровавленных терзанием человеческих тел. Как же ты

станешь лобызать брата? Как коснешься жертвы? Как вкусишь кровь Господню, имея столько яда в сердце? Ведь когда ты говоришь: растерзай его, разрушь дом, истреби все, и желаешь ему бесчисленных погибелей, то ты ничем не отличаешься от человекоубийцы, или даже от зверя, пожирающего людей.

11 Итак, перестанем страдать таким безумием; будем оказывать оскорбившим нас благорасположение, которое заповедано нам Господом, чтобы сделаться нам подобными небесному Отцу нашему. А освободимся мы от этой болезни, если будем помнить о своих грехах, если строго будем исследовать все беззакония наши – и внутренние и внешние, и те, которые делаем на торжище, и те, которые совершаем в церкви. Ведь и за одно только непристойное поведение в этом месте мы можем оказаться достойными крайнего наказания. В самом деле, в то время как поют псалмы пророки, славословят апостолы, и сам Бог говорит, мы рассеиваемся по предметам внешним, производим шум разговорами о житейских делах, и для слушания законов Божьих не хотим уделить и такого внимания, какое оказывают зрители на зрелищах, когда читаются царские указы. Там, когда читаются эти указы, все стоят в безмолвии и со вниманием слушают слова – и консулы, и префекты, и сенат и народ; а если кто среди глубочайшего этого безмолвия вдруг закричит, то такой, как оскорбитель царского величия, подвергается тяжкому наказанию. А здесь, когда читаются писания небесные, отовсюду слышен шум, хотя Тот, чьи эти писания, гораздо выше царя земного, и зрелище – священнее. Не одни только люди находятся здесь, но и ангелы; притом и победные награды, возвещаемые в этих писаниях, гораздо превосходнее земных, почему не только человекам, но и

ангелам и архангелам, словом всем, как небожителям, так и обитающим на земле, повелевается славословить общего Царя. «Благословите», говорит пророк, «Господа все дела Его» (Псал. 102:22). Подлинно, и дела Его не маловажны, но превосходят всякое слово, и ум, и мысль человеческую. Об этих делах Его всякий день проповедуют пророки, и каждый из них различно возвещает Его славу. Один говорит: «восшел на высоту, пленил плен, принял дары для человеков» (Псал. 67:19; Ефес. 4:8). «Господь крепкий и сильный в брани» (Псал. 23:8). Другой же говорит: «с сильными будет делить добычу» (Ис. 53:12). Для того Он и пришел, чтобы пленным проповедовать свободу и слепым прозрение. Иной, воспевая победу над смертью, говорил: «смерть, где твое жало» (1Кор. 15:55)? «Ад, где твоя победа» (Ос. 13:14)? Иной, опять, благовествуя глубочайший мир, говорил: «перекуют мечи свои на орала, и копья свои – на серпы» (Ис. 2:4; Иоил. 3:10). А иной взывает к Иерусалиму: «ликуй от радости, дщерь Сиона, торжествуй, дщерь Иерусалима: се, Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной» (Зах. 9:9). Иной и второе пришествие Его проповедует, говоря: «придет в храм Свой Господь, Которого вы ищете, И кто выдержит день пришествия Его» (Малах. 3:1–2)? «Взыграете, как тельцы упитанные» (Малах. 4:2). А другой в изумлении опять говорит: «Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним» (Варух. 3:36). При этих и других весьма многих вещаниях нам надлежало бы трепетать и быть как бы не на земле; а мы, как на торжище, производим шум и смятение и проводим все время священного собрания в разговорах о совершенно бесполезных для нас вещах. Итак, когда мы так

небрежны, и в малом и великом, и в слушании и в деле, и вне церкви и в церкви, и сверх того еще молимся об отмщении врагам, то, как мы можем надеяться получить спасение, мы, которые к бесчисленным грехам нашим прилагаем еще новое равное всем им преступление, то есть, эту беззаконную молитву? Итак, нужно ли после того удивляться, когда случится с нами какое-либо неожиданное несчастье? Не должно ли, напротив, удивляться, если ничего подобного не случается с нами? Первое является естественным следствием наших дел, а последнее будет непонятным и неожиданным случаем. Подлинно, нельзя понять, как враги и оскорбители Божьи наслаждаются и сиянием солнца, и дождями, и всеми другими благодеяниями Божьими. Наслаждаются те люди, которые после духовной трапезы, после великих благодеяний, после бесчисленных наставлений, своей жестокостью превосходят зверей, восстают друг на друга, и окровавливают язык свой, угрызая ближних. Итак, приняв все это в соображение, выбросим из сердец яд, разрушим вражду, станем возносить приличные нам молитвы; вместо демонского зверства воспримем ангельскую кротость, и как бы тяжко мы ни были оскорблены, представим себе собственные наши согрешения, вспомним о награде, какая ожидает нас за соблюдение этой заповеди, и умягчим гнев, укротим волны, чтобы нам и настоящую жизнь пройти безмятежно, и по отшествии туда, найти для себя Господа таковым, каковыми мы были к собратьям своим. Если это тяжко и страшно, то постараемся сделать легким и вожделенным, отверзем для себя светлые двери дерзновения к Богу, и чего не могли совершать воздержанием от грехов, будем достигать кротостью к оскорбившим нас (это не тяжко и не трудно), и,

благодетельствуя врагам своим, будем предуготовлять себе самим великую милость. Таким образом и в настоящей жизни все нас возлюбят, и прежде всех Бог нас возлюбит и увенчает, и удостоит всех будущих благ, которые получить да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 20

1 «Когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися». (Матф. 6:16)

2 Изъяснение 6:16–23. Притворяющиеся постящимися заслуживают особенного осуждения. – Обман лицемера изобличается и в настоящей жизни, и в будущей. – Добродетель должно почитать ради нее самой. – Христос постепенно истребляет страсть корыстолюбия. – Двоякое побуждение к подаянию милостыни. – Богатство порабощает душу. – Что глаз для тела, то ум для души. – Богатство не доставляет того, чего человек от него ожидает. – Оно делает его неспособным ни на что истинно полезное. – Как можно истребить вожделение богатства. – Отдаленность воздаяния не должна служить препятствием к собиранию сокровищ на небе.

3 1. При этих словах прилично нам тяжко восстенать, и горько восплакать. Мы не только подражаем лицемерам, но и превзошли их. Я знаю многих, которые не только, когда постятся, обнаруживают это перед людьми, но и совсем не постясь, принимают на себя лица постящихся и в извинение представляют нечто худшее самого греха. Я

делаю это, говорят они, для того, чтобы мне не соблазнить других. Но что ты говоришь? Поститься тебе повелевает закон Божий; а ты ссылаешься на соблазн. И неужели думаешь, что, исполняя этот закон, ты соблазняешь, а, нарушая его, не делаешь соблазна? Что может быть хуже такого извинения? Ты хочешь быть хуже лицемеров, вдвойне лицемеришь и вымышляешь крайнее нечестие. Неужели не приводит тебя в стыд выразительность изречения Спасителя? Он не сказал, что они только лицемерят, но, желая сильнее их обличить, сказал: «принимают на себя мрачные лица», т. е. портят, искажают их. Если же и для суетной славы казаться бледным значит портить лицо, то, что сказать о белилах и румянах, которыми женщины портят лица свои на пагубу сладострастным юношам? В первом случае делают вред только себе самим; а в последнем и себе и тем, которые смотрят на них. Бегите от той и другой язвы с возможным усилием. Спаситель заповедал нам не только не выставлять на вид добрых дел своих, но и тщательно укрывать их, – как Он и сам еще прежде наставления поступил. Касательно милостыни не просто сказал Он: «не творите милостыни вашей перед людьми», но присовокупил: «чтобы они видели вас» (Матф. 6:1). О посте же и молитве этого не сказал. Почему? Потому что подавать милостыню совершенно тайно невозможно; а молиться и поститься – можно. Итак, когда говорил: «пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Матф. 6:3), то говорил не о руках, но о том, что должно тщательно от всех скрываться; на то же самое указывал Он, когда повелел входить в клеть, а не на то, что в ней непременно или преимущественно должно совершать молитву. Подобным образом и здесь, повелев помазывать голову, не заповедал, чтобы мы непременно намащивали

себя; иначе мы все были бы преступниками данной заповеди, и прежде всех общества пустынников, которые, удаляясь в горы, преимущественно стараются соблюдать заповедь о посте. Итак, не это заповедал Спаситель. У древних был обычай помазывать себя во время радости и веселья, как это видно из примера Давида и Даниила. И Христос заповедует помазывать голову не с тем, чтобы мы непременно делали это, но чтобы тщательно старались скрывать пост – это стяжание свое. А чтобы ты уверился, что это точно так, Он заповедь Свою исполнил самым делом, когда, постясь сорок дней и постясь втайне, не помазывал головы и не умывал лица, но, не делая этого, все совершал без всякого тщеславия. То же самое Он и нам заповедует: упомянув о лицемерах и представив слушателям две заповеди, Он наименованием этим, т. е. наименованием лицемеров, указывает еще на нечто другое. Именно: Он отвращает от лукавого желания не только тем, что дело лицемера достойно осмеяния и крайне вредно, но и тем, что обман лицемера может скрываться только на некоторое время. В самом деле, лицедей только дотоле кажется блистательным, пока продолжается зрелище, да и то не для всех: большая часть зрителей знает, кто он таков и за кого выдает себя. Но, когда кончится зрелище, тогда для всех открывается он в том виде, каков есть. Такой же точно участи необходимо подвергаются и тщеславные. И если уже здесь на земле многим известно, что они не таковы, каковыми кажутся, но только надевают на себя личину, то тем более они изобличатся после, когда «все будут наги и обнажены». С другой стороны, Спаситель отклоняет Своих слушателей от подражания лицемерам и указанием на легкость предписываемой Им заповеди. Он не заповедует долгого поста, не предписывает много

поститься, но только предостерегает, чтобы нам не лишиться венца за него. Итак, то, что есть тяжкого в посте, лежит и на нас, и на лицемерах: ведь и они постятся. А самое легкое дело, т. е. трудиться с тем, чтобы не потерять награды, составляет Мою заповедь, говорит Спаситель. Таким образом, Он нимало не увеличивает для нас трудов, но только ограждает безопасностью награды, не желая, чтобы мы отходили не увенчанными подобно лицемерам. Эти последние не хотят поступать так, как поступают подвизающиеся на Олимпийских состязаниях, которые в присутствии огромного собрания простого народа и знаменитых лиц стараются угодить только тому, кто увенчивает их за победу, хотя бы это был человек и низкого состояния. Ты имеешь сугубое побуждение подвизаться и побеждать перед очами Господа; Он будет и увенчивать тебя, и Он же несравненно выше всех, находящихся на позорище мира сего; между тем, ты объявляешь о своей победе другим, которые не только не могут принести тебе никакой пользы, но весьма много могут еще и вредить.

[4] 2. Впрочем, Я и этого не запрещаю, говорит Он. Если желаешь показаться людям, то подожди; Я и это тебе доставлю во всей полноте и с пользой для тебя. Теперь это желание твое отлучит тебя от славы Моей, так как пренебрежение всем этим сочетает со Мной, – но тогда со всей безопасностью насладишься всем. Даже и прежде того, еще здесь, ты получишь немаловажный плод, презирая человеческую славу: ты освободишься от тяжкого раболепства людям, сделаешься искренним другом добродетели; а если, наоборот, будешь любить людскую славу, то, хотя бы удалился и в пустыню, ты не приобретешь добродетели, потому именно, что не будешь иметь зрителей. Подумай: ты обижаешь и самую

добродетель, когда исполняешь ее не для нее самой, но для какого-нибудь веревочника, кузнеца и толпы торгашей; хочешь, чтобы дивились тебе и люди худые, для которых добродетель – стороннее дело; созываешь и самых врагов добродетели, чтобы показать им ее как бы на зрелище. Это подобно тому, как если бы кто захотел вести целомудренную жизнь не по уважению к чистоте целомудрия, но чтобы выказать себя перед блудниками: точно так же и ты не избрал бы добродетели, если бы не имел желания прославиться перед врагами добродетели, – между тем как надлежало бы почтить ее и потому, что ее хвалят и враги ее. Так мы должны почитать ее не ради других, но ради нее самой. И мы сами ставим себе в обиду, когда нас любят не ради нас самих, но ради других. Точно так же рассуждай и о добродетели: не ради других люби ее, не для людей повинуйся Богу, но для Бога людям. Если же поступаешь иначе, то, хотя, по-видимому, и любишь добродетель, раздражаешь Бога наравне с тем, кто совсем не следует ей. Как этот последний не повинуется Богу, потому что не исполняет добродетели, так и ты преступаешь закон Божий, потому что беззаконно исполняешь ее. «Не собирайте себе сокровищ на земле» (Матф. 6:19). После того, как Спаситель излечил болезнь тщеславия, по естественному порядку, предлагает слово о нелюбостяжании. Подлинно, ничто столько не заставляет любить богатство, как тщеславие. И толпы служителей и евнухов, и золотом одетые лошади, и серебряные столы, и тому подобные весьма смешные вещи придуманы людьми не для того, чтобы удовлетворить нужде, или чтобы получить удовольствие, но для того, чтобы выказать себя перед другими. Итак, выше Иисус Христос говорил только о том, что должно быть милосердным; а здесь, словами: «не собирайте

сокровищ», показывает и то, в какой степени должно быть милосердным. Так как корыстолюбие с чрезвычайной силой господствует над людьми, и потому предложить учение о презрении богатства нельзя было вдруг, с самого начала, – то Спаситель искореняет эту страсть мало-помалу, освобождает от нее постепенно, и, таким образом, делает учение о нелюбостяжании, наконец, удобоприемлемым для сердец Своих слушателей. Вот почему, прежде всего, Он говорил: «блаженны милостивые» (Матф. 5:7); потом: «мирись с соперником твоим» (Матф. 5:25); затем: «кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» (Матф. 5:40); а здесь требует гораздо большего. Там сказал: если видишь угрожающую тебе ссору, то поступи так, потому что лучше ничего не иметь и быть дальше от ссоры, нежели иметь что-либо и вести вражду; а здесь, не упомянув ни об истце, ни об ответчике, ни о другом ком-либо, поучает просто презрению имущества, независимо от чего бы то ни было. Он дает эту заповедь не столько для получающего, сколько для подающего милостыню, чтобы, то есть, и тогда, как никто нас не обижает и не влечет в судилище, мы презирали богатство и раздавали его бедным. Впрочем, и в настоящем случае Он еще не все открыл. Хотя в пустыне Он и показал чрезвычайные подвиги для добродетели нелюбостяжания, однако, не поставляет их на вид, так как еще не время было открыть это. Теперь Он хочет разобрать только (обыкновенные) помышления человеческие, и предлагает Свои слова более в качестве советующего, нежели законодателя. «Не собирайте себе сокровищ на земле», говорит и присовокупляет: «где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут». Таким образом, Он как самым местом, так и свойством предметов доказывает

вред земных сокровищ и достоинство небесных. И здесь не останавливается, но представляет и другое соображение. Во-первых, Он побуждает слушателей к добродетели тем самым, чего они больше всего страшатся. Чего страшишься ты, говорит Он? Ужели истощится твое богатство, если ты подашь милостыню? Нет: подавай милостыню – и тогда оно не истощится; и что удивительнее, оно не только тогда не истощится, но еще получит большое приращение, потому что к нему присовокупятся и блага небесные. Он здесь прямо еще не говорит об этом, но в дальнейшей речи утверждает это.

[5] 3. Теперь, предлагая то, что особенно могло убедить слушателей Его, т. е., что сокровище пребудет у них неистощимым, Он и с другой стороны склоняет их к милосердию; не говорит, что если подашь милостыню, то сокровище сохранится, но угрожает противным случаем, т. е., что если не подашь, то оно погибнет. Подивись неизреченной мудрости! Не сказал, что другим его по себе оставишь, что нередко бывает приятно людям; но, к их ужасу, показывает, что они и этого не в силах сделать, потому что, хотя бы люди богатству и не причинили ущерба, но всегда будут вредить моль и ржа. Хотя, казалось бы, и легко совладеть с этим вредом, но на самом деле трудно преодолеть или предотвратить его. Что бы ты не придумал, не можешь предотвратить этого вреда, Почему же? Неужели золото истребляется молью? – Если молью не истребляется, то воры крадут. – Но неужели всех обкрадывают? – Если и не всех, – по крайней мере, очень многих. Ввиду этого Спаситель рассматривает богатство и с другой стороны, как я выше упомянул: «где сокровище» человека, говорит Он, «там и сердце» его (Матф. 6:21). То есть, хотя и ничего подобного не случится, но немалый для тебя вред будет заключаться в

том, что ты будешь прилеплен к земному, будешь рабом вместо свободного, отпадешь от небесного, не в состоянии будешь помыслить о горнем, а только о деньгах, о процентах, о долгах, о прибытках и гнусных корчемствах. Что может быть бедственнее этого? Такой человек впадает в рабство, более тяжкое, чем рабство всякого раба, и, что всего гибельнее, произвольно отвергает благородство и свободу, свойственные человеку. Сколько ни беседуй с тобой, имея ум, пригвожденный к богатству, ты не можешь услышать ничего полезного для себя. Но как пес в логовище, прикованный к заботам о деньгах крепче цепи, бросаешься ты на всех приходящих к тебе, – занимаешься только тем, чтобы для других сохранить лежащее у тебя сокровище. Что может быть бедственнее этого? Но так как мысль эта превышала понятие слушателей, и как вред, так и польза, проистекающие от богатства, для многих не были очевидны, и, чтобы понять это, нужен был ум довольно проницательный, то Спаситель, после предварительного объяснения, и сказал: «где сокровище» человека, «там и сердце» его. Поясняя то же самое далее, Он обращает речь от умственных предметов к чувственным, именно говорит: «светильник для тела есть око» (Матф. 6:22). Смысл слов Его таков: не закапывай в землю ни золота, ни чего-либо другого тому подобного, потому что сокровище ты собираешь для червя, тли и для воров. Хотя ты и сбережешь его от этих истребителей, но не сохранишь своего сердца от порабощения и прилепления ко всему земному, – потому что где будет сокровище твое, там будет и сердце твое. Напротив, если будет твое сокровище на небе, то не только имеешь ту выгоду, что сподобишься за это небесных почестей, но еще и здесь получишь награду, возносясь на небо, помышляя и заботясь о небесном, так

как очевидно, что ты туда же перенесешь и ум свой, куда положишь свое сокровище; наоборот, когда ты положишь свое сокровище на земле, то будешь испытывать совершенно противное. Если же сказанное кажется тебе неясным, то выслушай следующее: «светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма» (Матф. 6:22–23). Таким образом, Спаситель обращает Свое слово к наглядным примерам. Так как Он упомянул о порабощении и пленении ума, а это для многих было неудобопонятно, то Он Свое учение прилагает к предметам внешним и перед очами находящимся, чтобы по ним могли уразуметь и то, чему подвергается ум. Как бы так говорил Спаситель: если не знаешь, что значит повреждение, случающееся с умом, то научись этому из рассмотрения вещей телесных. Что значит глаз для тела, то самое и ум для души. Конечно, ты никогда бы не захотел носить золота, облекаться в шелковые одежды и, вместе, быть слепым, – но здравие очей предпочел бы всей такой пышности. Ведь если лишишься зрения, то никакой не будет для тебя приятности в жизни. Но как при слепоте очей и прочие члены, не пользуясь более светом, очень ослабевают в своей деятельности, так равно и по растлении ума жизнь твоя исполнится бесчисленных зол. Поэтому, как касательно тела мы наиболее заботимся о том, чтобы иметь здоровое зрение, так и касательно души преимущественно должны заботиться о здравии ума. Если ослепим ум, долженствующий доставлять свет и прочим способностям, то чем смотреть будем? Загради источник – иссушишь и реку; подобным образом кто помрачает ум, тот приводит в беспорядок все действия его в настоящей

жизни. Потому Спаситель и говорит: «если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма». Когда кормчий сделается добычей волн, когда светильник угаснет, когда вождь будет пленен, тогда какая уже надежда останется для подчиненных?

[6] 4. Потому теперь уже не упоминая о наветах, ссорах и тяжбах, возникающих из-за богатства (на них Он указал выше, когда сказал: «чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге» – (Матф. 5:25)), поставляет здесь на вид неизбежное и более тяжелое, отклоняя, таким образом, от злой страсти корыстолюбия. Поработить ум этой болезни – гораздо тяжелее, нежели быть ввергнутым в темницу. Притом последнее не всегда случается, а то непременно следует за привязанностью к богатству. Потому-то Христос уже после того зла упомянул об этом зле, как тягчайшем и непременно случающемся. Бог, говорит Он, даровал нам ум для того, чтобы мы рассеивали мрак неведения, имели правильное понятие о вещах и, пользуясь им, как орудием и светом против всего скорбного и вредного, пребывали в безопасности. А мы этот драгоценный дар промениваем на лишние и бесполезные вещи. Что пользы в воине, украшенном золотом, когда военачальник пленен? Какая выгода в украшенном корабле, когда кормчий сделается добычей волн? Что пользы в стройном теле, когда глаза будут лишены зрения? Если бы кто врача, который должен быть здоровым, чтобы лечить болезни других, повергнув в болезнь, положил в позолоченной храмине на серебряную кровать, то из этого какая польза вышла бы для больных? Так и ты, если повредишь ум, могущий обуздывать страсти, и привяжешь его к сокровищу, то не только не получишь никакой пользы, но, напротив, много потеряешь, и нанесешь своей душе великий вред. Видишь

ли, как Спаситель тем самым, чем люди больше всего побуждаются к пороку, отвлекает их от последнего, и приводит к добродетели? Для чего желаешь богатства, говорит Он? Не для того ли, чтобы веселиться и роскошествовать? Но этого-то ты и не получишь, а встретишь совсем противное. Если, лишенные глаз, мы по причине этого несчастья не наслаждаемся никакими удовольствиями, то тем более должны ощущать то же по развращении и ослеплении ума. Для чего ты закапываешь в землю свои сокровища? Для того ли, чтоб безопаснее сохранить их? Но и здесь испытаешь совершенно противное. Таким образом, как постящегося, подающего милостыню и молящегося из одного тщеславия, Он тем самым удержал от тщеславия, чем особенно они побуждаются к этому пороку (для чего ты так молишься и подаешь милостыню, говорит Он? Не для того ли, чтобы получить от людей славу? Но не молись с таким намерением – и тогда получишь ее в последний день, – так точно и сребролюбца Он отвлекает от привязанности к богатству тем самым, о чем он преимущественно заботится. Чего желаешь ты, говорит Он? Того ли, чтоб сохранить свое богатство и наслаждаться удовольствиями? Все это доставлю тебе с великим избытком, если положишь золото там, где Я тебе повелеваю. Хотя повреждение ума, происходящее от пристрастия к богатству, Спаситель яснейшим образом раскрыл уже впоследствии, именно тогда, когда упомянул о тернии, тем не менее, и здесь достаточно указал на него, когда объятого безумной страстью корыстолюбия назвал помраченным. И как находящиеся во тьме ничего не могут ясно разобрать, и когда увидят веревку, думают, что это змея, а когда увидят горы и дебри, умирают от страха, так и корыстолюбцы по своей подозрительности

страшатся того, что для других кажется не страшным. Они страшатся бедности, или справедливее, страшатся не только бедности, но и всякого маловажного убытка. Если потерпят какой-либо малый ущерб, то печалятся и сокрушаются гораздо более, нежели те, которые не имеют даже необходимой пищи. Многие из богачей, не снеся такого несчастья, даже удавились. Равным образом, обиды и насилия для них кажутся столь несносными, что и от них многие лишили себя жизни. Богатство, кроме служения себе самому, делает их ко всему прочему неспособными. Когда оно заставляет их служить себе, тогда они решаются и на смерть, и на раны, и на всякое постыдное дело. Это составляет самое крайнее несчастье. Где надобно иметь терпение, там они слабее всех. А где бы надлежало им быть осторожными, там они бывают чрезвычайно бесстыдны и наглы. Подлинно, с ними происходит то же самое, что и с тем, кто все свое имущество расточит на ненужные вещи. Таковой, неблагоразумно расточивши все свои стяжания, когда настает время для нужных издержек, ничего не имея, претерпевает тягчайшие бедствия.

[7] 5. Подобно тому, как актеры, изучив свои предосудительные искусства, когда показывают их, переносят много страшного и опасного, а в других, полезных и необходимых, делах оказываются всех смешнее, так точно и корыстолюбцы. Как те, ходя по протянутой веревке, показывают на ней большое присутствие духа, а когда какое-нибудь важное дело потребует от них отваги и мужества, то и придумать не могут, как на то решиться, так точно и богатые для денег на все решаются, а для любомудрия не могут отважиться решительно ни на что. И как те занимаются и опасным, и бесполезным делом, так и эти переносят множество

опасностей и трудностей, но ничего полезного, в конце концов, не достигают и покрываются сугубой тьмой: и от развращения ума своего слепнут, и от несбыточности своих предприятий помрачаются великой тьмой, почему и не могут смотреть свободно. Находящийся только во мраке при появлении солнца освобождается от тьмы; лишенный же зрения даже и при появлении солнца не видит. То же самое претерпевают и богатые. Даже и тогда, когда Солнце правды сияет и наставляет их, они не чувствуют, потому что богатство ослепило их очи, – почему и страждут сугубой слепотой: и сами от себя, и от того, что не внимают Учителю. Итак, будем тщательно внимать Ему, чтобы, хотя и поздно, прозреть. А как можно прозреть? Ты прозришь, если познаешь, как ты стал слеп. Как ты стал слеп? От злого вожделения. Страсть к деньгам, подобно вредоносной мокроте, покрыв чистый зрачок глаза, навлекла на тебя густое облако. Но это облако можно удобно и разогнать и рассеять, если примем луч Христова учения, если будем внимать Его наставлению и словам: «не собирайте себе сокровищ на земле». Что мне пользы от слушания, скажешь ты, когда вожделение держит меня? Но непрестанным слушанием, наконец, может быть истреблено и самое вожделение. Если же будешь еще одержим им, то представь, что вожделение не вожделенно. В самом деле, какое тут вожделение, когда ты подвержен жесточайшему рабству и мучительству, отовсюду связан, пребываешь во тьме, исполнен всякого смятения, переносить бесполезные труды, бережешь богатства для других, а часто и для врагов? Вожделенно ли это насколько-нибудь? Не следует ли, наоборот, убегать и удаляться от этого? Что за вожделение полагать свое сокровище среди татей? Если ты непременно желаешь богатства, то перенеси его туда,

где оно может оставаться в безопасности и целости. А как ты теперь поступаешь, – поступать так свойственно не богатства желающему, но рабства, напасти, убытка и непрестанной скорби. Если бы какой-нибудь человек указал тебе на земле безопасное место для сохранения твоего богатства, то, хотя бы он завел тебя и в самую пустыню, ты не поленился бы и не замедлил, но с полной доверенностью положил бы там свое имущество. Когда же вместо людей это обещает тебе Бог, и предлагает не пустыню, а небо, ты принимаешь совсем противное. И это несмотря на то, что, хотя бы и совершенно было в безопасности здесь твое имение, ты никогда не можешь быть свободен от беспокойства. Пусть ты его не потеряешь, но беспокоиться о нем никогда не перестанешь. Напротив, полагая сокровище на небе, ты не испытаешь ничего такого; и, что всего важнее, тогда ты не закапываешь, а насаждаешь свое золото. Тогда оно вместе бывает тебе и сокровищем и семенем, или и того и другого лучше. Семя не остается навсегда, а то всегда пребывает. Опять, здешнее сокровище не прозябает, а то приносит тебе нетленные плоды. Если же ты будешь ссылаться на продолжительность времени и отдаленность воздаяния, то и я могу тебе показать, сколько и здесь ты получишь пользы; а сверх того, и самыми житейскими обстоятельствами постараюсь тебя убедить, что ты напрасно представляешь такие отговорки.

[8] 6. Ты и в настоящей жизни заготовляешь много такого, чем сам никогда не думаешь пользоваться; и если кто тебя в этом будет обвинять, ты, указывая на детей и внуков, думаешь найти достаточное утешение в излишних трудах своих. Когда ты, находясь в самой глубокой старости, строишь великолепные дома, прежде окончания которых ты, может быть, умрешь; когда насаждаешь

деревья, которые принесут плод спустя много лет, (когда насаждаешь в поле даже такие деревья, от которых произойдет плод разве лет через сто); когда покупаешь имения и наследства, которыми будешь владеть спустя много времени; когда ты заботишься о многом таком, чем никогда не будешь пользоваться, – то все это для себя ли ты делаешь, или для потомков? Итак, не есть ли это признак крайнего безумия, когда ты касательно земных благ не смущаешься продолжительностью времени и даже, по причине этой продолжительности, подвергаешься опасности лишиться всей награды за труды; а касательно небесных благ унываешь по причине замедления, тогда как это замедление приносит тебе больше пользы, и не другим доставляет ожидаемые тобой блага, но все дары сохраняет для тебя? Да притом эта медленность и не продолжительна, – дело наше при вратах судилища; мы не знаем, – может быть, уже в наше время все окончится, и наступит этот страшный день, и Его грозное и нелицеприятное судилище. В самом деле, очень многие знамения уже совершались: и Евангелие проповедано по всей вселенной, и брани и землетрясения и голод сбылись, и не велик остающийся промежуток. Но ты не видишь знамений? Вот это самое есть величайшее знамение. Так и бывшие во времена Ноя не видели начала всегубительства, – и страшное наказание постигло их, в то время как они играли, ели, женились и делали все обычное. Подобным образом жители Содома среди увеселений нимало не предугадывая, что с ними имело случиться, пожраны ниспадшим пламенем. Итак, все это представляя, постараемся приготовить самих себя к отшествию отсюда. Пусть день всеобщей кончины еще не настал; но конец каждого, и старца и юноши, уже находится при дверях. И уже нельзя отсюда отошедшим

купить елея, или получить прощение, хотя бы Авраам молился, хотя бы Ной, хотя бы Иов, хотя бы Даниил. Итак, пока имеем время предуготовить себе дерзновение перед Богом, запасем елея в изобилии, перенесем все на небо, чтобы нам в свое время, и когда особенно будем иметь нужду, всем этим насладиться, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 21

[1] «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть». (Матф. 6:24)

[2] Изъяснение 6:24–27. Двоякий вред богатства. – Можно быть богатым, но не служить мамоне. – Почему богатство названо мамоной. – Христос запрещает заботу о житейских нуждах. – Удобоисполнимость заповеди. – Почему эта заповедь кажется невыполнимой. – Щедрая милостыня – путь к полному нестяжанию.

[3] 1. Видишь ли, как Христос мало-помалу удаляет пристрастие к настоящим благам, и, предлагая обширное слово о презрении богатств, ниспровергает владычество сребролюбия? Он не удовлетворился тем, что сказал прежде, хотя говорил много и сильно; но присоединяет и другие побуждения, более грозные. Что может быть поразительнее теперь произнесенных слов, если богатство, в самом деле, может отлучить нас от служения Христу? И что вместе вожделеннее, если, презирая богатство, можем иметь истинное расположение и любовь к Христу? Что всегда говорил, то и ныне скажу: именно, подобно искусному врачу, показывающему, что от невнимания его советам происходит болезнь, а от повиновения здравие, Христос тем и другим, т. е., пользой и вредом, побуждает слушателей к повиновению словам Своим. Итак, смотри, как Христос, уничтожая

препятствие, указывает и устраивает нашу пользу. Не потому только, говорит Он, вредно для вас богатство, что оно вооружает против вас разбойников и совершенно помрачает ум ваш; но преимущественно потому, что оно, делая вас пленниками бездушного богатства, удаляет вас от служения Богу, и, таким образом, вредит вам и тем, что делает вас рабами вещей, над которыми вы должны господствовать, и тем, что не позволяет служить Богу, которому всего более вы должны служить. Как прежде показал Он двоякий вред для собирающих богатство на земле – и тот, что собирают богатство там, где тля тлит, и тот, что не собирают его там, где стража самая безопасная, так и теперь показывает двоякий вред – и тот, что богатство удаляет нас от Бога, и тот, что оно порабощает маммоне. Впрочем, не тотчас выставляет это на вид, но наперед высказывает общие мысли, говоря таким образом: «никто не может служить двум господам». Здесь под двумя господами разумеет Он господ, приказывающих совсем противное один другому: иначе они не были бы и двоими. Ведь у множества веровавших «было одно сердце и одна душа» (Деян. 4:32). Хотя верные были разделены телом, но помыслом были одно. Потом, усиливая сказанное, Спаситель говорит: тот не только служить не будет, но еще возненавидит и отвратится. «Или одного будет ненавидеть», говорит Он, «а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть». В двух этих изречениях Спаситель, кажется, выражает одну и ту же мысль; но не без причины говорит Он так, а с тем намерением, чтобы показать, как удобно перемениться на лучшее. Чтобы ты не говорил: я однажды и навсегда порабощен богатством, угнетен им, Он показывает, что возможно и перемениться, возможно перейти как на ту, так и на другую сторону. Итак,

высказав общую мысль, чтобы заставить самого слушателя быть беспристрастным судьей слов Его и произнести суд на основании самого дела, Христос как скоро увидел, что слушатель соглашается с Его словами, тотчас открывает Свою мысль: «не можете», говорит, «служить Богу и маммоне». Помыслим и ужаснемся, что заставили мы сказать Христа, – сравнить богатство с Богом! Если же и представить это ужасно, то не гораздо ли ужаснее на самом деле работать богатству, и его самовластное владычество предпочитать страху Божьему? Итак, что же – скажет кто-нибудь – ужели не могло быть этого у древних? Нисколько. Как же Авраам и Иов угодили Богу, спросишь ты? Не о богатых упоминай мне, но о тех, которые раболепствовали богатству. Иов был богат, но не служил маммоне; имел богатство и обладал им, был господином его, а не рабом. Он пользовался им как управитель чужого имения, не только не похищая чужого, но и собственное отдавая неимущим; и что всего более, он не услаждался тем, что имел у себя, как сам свидетельствовал об этом, говоря: «радовался ли я, что богатство мое было велико» (Иов. 31:25)? Потому-то, и когда лишился богатства, не скорбел. Но ныне не таковы богатые; они, будучи несчастнее всякого пленника, платят дань маммоне, как некоему жестокому тирану. Любовь к богатству, овладев их сердцем, как бы некоторой крепостью, непрестанно дает им оттуда свои повеления, дышащие беззаконием, и ни один из них не противится этим повелениям. Итак, не мудрствуй излишне! Бог однажды и навсегда сказал, что служение Богу и маммоне не может быть соединено вместе. А потому ты не говори, что может быть соединено. Когда маммона велит похищать чужое, а Бог повелевает отдавать и собственное имущество; когда Бог повелевает

вести жизнь целомудренную, а маммона – жить блудно; когда маммона повелевает упиваться и пресыщаться, а Бог, напротив, – обуздывать чрево; когда Бог повелевает презирать настоящие мирские блага, а маммона – прилепляться к ним; когда маммона заставляет удивляться мраморам, стенам и крышам, а Бог – все это презирать и почитать истинную мудрость: как же ты говоришь, что служение Богу и маммоне может быть соединено вместе?

[4] 2. Далее, Христос назвал маммону госпожой, не потому, чтобы маммона по свойству своему была госпожой, но по причине жалкого состояния тех, кто раболепствует ей. Равным образом, и чрево называется богом не по достоинству, но по причине бедственного положения служащих ему, – что хуже всякого наказания и прежде муки может мучить плененного. В самом деле, каких осужденных не будут несчастнее те, которые, имея Господом Бога, свергают с себя Его кроткую власть, и добровольно покоряются жесточайшему мучительству, не смотря даже на то, что отсюда и в настоящей жизни происходит величайший вред? Отсюда вред несказанный, отсюда ссоры, обиды, распри, труды, слепота душевная; и, что всего несноснее, служение маммоне совершенно лишает небесных благ. Спаситель, доказав выше, что презрение богатств имеет свои выгоды, и именно, сохраняет самые богатства и доставляет душевную радость, способствует приобретению любомудрия и ограждает благочестие, – теперь доказывает, что заповедь Его и исполнить можно. Дело лучшего законодательства не в том только состоит, чтобы предписывать полезное, но особенно в том, чтобы сделать его удобоисполнимым. Поэтому Спаситель и присовокупляет: «не заботьтесь для души вашей, что вам есть» (Матф. 6:25). Но, может быть,

сказали бы: что же, неужели все бросать? Тогда как же будем жить? На эти возражения Спаситель отвечает заранее. Если бы Он с самого начала сказал: «не заботьтесь», то Его заповедь показалась бы тяжкой; но как скоро Он показал вред от сребролюбия, то тем самым уже сделал настоящее увещание Свое удобоприемлемым. Потому теперь не просто сказал: «не заботьтесь», но присоединил к заповеди и причину. После того, как сказал: «не можете служить Богу и маммоне», – говорит: «посему говорю вам: не заботьтесь», – т. е. по причине великого вреда. Не только попечение о снискании богатства для вас вредно, но даже вредна излишняя заботливость о самонужнейших вещах, поскольку ею подрывается ваше спасение; она удаляет вас от сотворившего, промышляющего и любящего вас Бога. «Посему говорю вам: не заботьтесь»! Показав величайший вред от пристрастия к богатству, Христос простирает далее Свое повеление. Он не только повелевает презирать богатство, но запрещает печься и о нужной пище, говоря: «не заботьтесь для души вашей, что вам есть». Христос не потому сказал так, будто душа имеет нужду в пище, – она бестелесна, – а применительно к обычному способу выражения у людей. Ведь, хотя душа и не имеет нужды в пище, но не может пребывать в теле, если оно не питается. И это наставление Христос не оставляет так, а опять приводит и здесь доказательства, заимствуя их из нашей природы и из других примеров. Из нашей природы: «душа не больше ли пищи, и тело одежды»? Т. е. Тот, Кто дал большее, не даст ли и меньшее? Тот, Кто образовал плоть, имеющую нужду в пище, не даст ли ей пищи? Потому не просто сказал: «не заботьтесь, что есть и во что одеться», но присоединил: «телом и душой», – так как отсюда хотел заимствовать

Свои доказательства через сравнение. Далее, Бог однажды даровал душу, и она пребывает всегда одинаковой, а тело возрастает каждодневно. Это-то самое желая показать, т. е. бессмертие души и тленность тела, Спаситель присовокупил далее: «кто из вас может прибавить себе росту хотя бы на один локоть» (Матф. 6:27)? Умолчав о душе, как не получающей приращения, Он сказал только о теле, показывая тем, что и тело взращивает не пища, но Божий промысел. Павел, объясняя это другими словами, сказал: «и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог взращивающий» (1Кор. 3:7). Вот как Спаситель убеждал доказательствами, заимствованными из нашей природы! Другими же примерами Он так поучал: «взгляните на птиц небесных» (Матф. 6:26). Чтобы не сказал кто-либо, что заботы нам необходимы, Он отклоняет от этого сравнениями – как говорят – и от большего, и от меньшего, от большего – примером души и тела, от меньшего – примером птиц. То есть: если Бог так печется о самых низших тварях, то ужели вам не даст того, в чем вы имеете нужду? Так Он говорит к простому народу, но дьяволу не так отвечал. Как же? «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих» (Матф. 4:4). Здесь говорит Он о птицах, и очень убедительно; пример их имеет великую силу. Впрочем, некоторые нечестивцы дошли до такого безумия, что порицают и этот пример. Кто хочет действовать на свободную волю, говорят они, не должен для этого заимствовать примеры из природы физической, потому что здесь действует необходимость.

[5] 3. Что же нам сказать на это? Хотя здесь, точно, действует необходимость, но мы можем то же делать и по своей воле. Спаситель не сказал: смотрите на птиц – они летают; это человеку невозможно; но сказал: смотрите –

они питаются без заботы. А это и нам, если захотим, легко исполнить. И это доказали те, которые самым делом то исполнили. Потому-то особенно и должно удивляться благоразумию Законодателя, что Он, хотя и мог представить в пример людей и указать на Илию, Моисея, Иоанна и других подобных, не заботившихся о пище, но чтобы сильнее поразить слушателей, упомянул о бессловесных. Если бы Он указал на тех праведников, то слушатели могли бы сказать Ему, что мы еще не сделались подобными им. А теперь, умолчав о них и приведши в пример птиц небесных, пресек всякий повод к извинению, подражая и в этом случае древнему закону. И ветхий завет посылает то к пчеле, то к муравью, то к горлице, то к ласточке. Немалую честь приносит нам, когда мы силой воли совершаем то, что они имеют от природы. Итак, если Бог имеет такое попечение о вещах сотворенных для нас, то тем более о нас; если печется о рабах, то тем более о господине. Вот почему Спаситель сказал: «взгляните на птиц»; и не прибавил, что они ни корчемствуют, ни торгуют (так как это относилось у иудеев к делам презренным), а прибавил: «не сеют, ни жнут». Итак, неужели не должно сеять, скажет кто-либо? Нет, Он не сказал, что не должно сеять, но что не должно заботиться; и не сказал, что не должно работать, но что не должно быть малодушным, и изнурять себя заботами. Он велел и кормиться, но не заботиться о пище. На эту мысль намекает и Давид, когда говорит: «открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по благоволению» (Псал. 144:16); и в другом месте: «дает скоту пищу его и птенцам ворона, взывающим к Нему» (Псал. 146:9). Кто же, скажешь ты, не заботился? Неужели не слышал ты, скольких многих праведников я представил тебе в пример? Не видишь ли между ними и Иакова, который

вышел из отеческого дома без всего? Не слышишь ли его молитвы? «Даст мне хлеб есть и одежду одеться» (Быт. 28:20), говорил он. Это означало, что он ни о чем не заботился, но просил всего от Бога. То же исполнили и апостолы, которые, отвергнув все, ни о чем не заботились; то же самое показали и те пять тысяч, и три тысячи уверовавших. Если же, слыша такие слова, не хочешь освободиться от тяжких житейских уз, то, по крайней мере, помыслив о бесполезности своей заботы, оставь ее. «Кто из вас», сказал Спаситель, «заботясь, может прибавить себе росту хотя бы на один локоть» (Матф. 6:27)? Смотри, как Он, представив уже очевидный пример, сделал ясным то, что могло показаться тебе непонятным. Как телу, говорит Он, при всем попечении твоем, нисколько не можешь прибавить роста, так точно не можешь снискать пищи, хотя считаешь это возможным. Из этого ясно, что не наше старание, но Божий промысел приводит все то в исполнение, что, по-видимому, совершаем мы сами, так что если Бог оставит нас, то ни попечение, ни заботливость, ни труд, словом – ничто не поможет нам, но все будет тщетно.

[6] 4 . Итак, не будем думать, что заповедей (Божьих) невозможно исполнить; и ныне многие исполняют их. Если же ты этого не знаешь, то ничего нет удивительного. И Илия думал, что остался только он один, но услышал от Господа, «Я оставил между Израильтянами семь тысяч мужей» (3Цар. 19:18). Отсюда видно, что и ныне есть много таких, которые ведут жизнь апостольскую, подобно, как и тогда три тысячи и пять тысяч уверовавших. Если же мы не верим этому, то не оттого, что нет добродетельных, но оттого, что мы сами слишком мало делаем. Предавшийся пьянству не легко может поверить тому, что есть какой-либо человек, который не пьет даже

воды, хотя и это многие из монахов исполняют на наших глазах. Похотливый не вдруг поверит, что легко можно сохранять девство; хищник не скоро поверит, что есть такие, которые охотно отдают и свое; так и те люди, которые каждодневно изнуряют себя бесчисленными заботами, не скоро примут учение о том, что можно быть свободным от житейских забот. А что многие исполнили это учение, мы можем доказать примером тех, которые так любомудрствуют и в наше время. Но на первый раз для нас достаточно будет, если вы научитесь не лихоимствовать, почитать добром милостыню, и узнаете, что должно уделять от своих имуществ неимущим. Если, возлюбленный, ты исполнишь это, то скоро будешь в состоянии исполнить и то. Итак, прежде оставим ненужную пышность, станем держаться умеренности, и все, что думаем получать, научимся приобретать праведными трудами. Так и блаженный Иоанн, когда беседовал с собирающими пошлины и воинами, заповедовал довольствоваться жалованьем. Он, хотя желал возвести их к другой, гораздо высшей мудрости, но поскольку они к тому были еще неспособны, то предлагает низшую заповедь. Если бы он стал внушать высшие заповеди, то они не только не стали бы внимать им, но не исполнили бы и низших. Поэтому и мы занимаем вас истинами низшими; мы ведь знаем, что бремя нелюбостяжания превосходит силы ваши, и сколько отстоит небо от земли, столько от вас – такое любомудрие. Итак, по крайней мере, сохраним последние заповеди. Не малый и это урок. Правда, некоторые из эллинов исполнили и ту заповедь, о которой мы рассуждаем, и оставили всякое имущество, хотя и не с таким расположением, с каким должно; впрочем, для вас довольно будет и того, если вы станете щедрой рукой

раздавать милостыню, потому что когда мы будем таким образом вести себя, то скоро станем исполнять и ту заповедь. Если же и этого не станем исполнять, то какого мы достойны будем прощения, – мы, которые обязаны превзойти ветхозаветных, а между тем оказываемся хуже и эллинских мудрецов? Что скажем мы, когда, обязанные быть ангелами и сынами Божьими, не соблюдем и человеческих обязанностей? Похищать и желать чужое свойственно свирепым зверям, а не кротким людям; даже похищающие чужое несравненно хуже и самых зверей. Зверям это свойственно от природы; а мы, будучи украшены разумом, но, унижаясь до неестественного неблагородства, какое получим прощение? Итак, представляя степени любомудрия, нам указываемого, по крайней мере, будем достигать середины, чтобы и от будущего наказания освободиться, и, преуспевая таким образом, достигнуть и высших благ, которых все мы да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 22

[1] «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них». (Матф. 6:28–29)

[2] Изъяснение 6:28–34. Почему, говоря о заботе касательно одежды, Христос приводит в пример лилию. – Промышление Божие о человеке. – Почему Христос усвояет промышление Богу Отцу. – Вера в Промысл освобождает от бесполезных забот и малодушия. – Искание благ небесных дает и блага земные. – Все, что мы ни делаем, делаем помощью Бога. -Что означает выражение довлест дневи злоба его. – Искреннее желание делает легкоисполнимою всякую заповедь. – Нет греха, который не изглаждался бы покаянием. – Бог не спасает человека против воли. – Усиленная молитва всегда бывает услышана. – Бог не может быть врагом человека. – Молитва всегда благовременна и угодна Богу.

[3] 1. Спаситель, сказав о необходимой пище, и показав, что и о ней не нужно заботиться, переходит далее к тому, о чем еще менее надобно заботиться, потому что одежда не

так необходима, как пища. Почему же Он, говоря об одежде, не употребил того же самого сравнения, заимствованного от птиц и не упоминает нам о павлине, лебеде и овце? Ведь и отсюда можно было бы заимствовать много примеров? Это потому, что Христос хочет с двух сторон показать важность предложенной Им заповеди – и со стороны ничтожества того, что облечено в такую красоту, и со стороны самой красоты, данной лилиям. Вот почему, описав красоту лилий, Он уже после и не называет их лилиями, но «травой полевой» (Матф. 6:30). Даже не довольствуется и этим названием, но еще с другой стороны представляет их ничтожность, говоря: «сегодня есть», и не говорит: этого сена на другой день уже нет, но еще более унижает, говоря: «брошена в печь». Также, Он сказал не просто: «одевает», но: «так одевает». Видишь ли, как Спаситель постепенно более и более усиливает Свою мысль? И это Он делает для того, чтобы сильнее подействовать на Своих слушателей. Для того же Он прибавил и слова: «насколько больше вас»? Это сказано с особенной выразительностью и силой. Словом: «вас» Он показывает не что иное, как то, что род человеческий удостоен от Бога великой чести и особенного попечения. Христос как бы так говорил: вас, которых Бог одарил душой, для которых образовал тело, для которых создал все видимое, для которых послал пророков, которым дал закон и сделал бесчисленные блага, для которых предал Единородного Сына (и через Него сообщил бесчисленные дары). После этого, Спаситель упрекает слушателей, говоря: «маловеры»! Таково свойство советующего. Он не только убеждает, но и обличает, чтобы еще более побудить к повиновению словам Своим. Так Христос запрещает нам не только заботиться о красивых одеждах, но и удивляться, когда

видим их на других. Убранство цветов, красота трав и даже самое сено более достойно удивления, чем наши дорогие одежды. Итак, для чего ты гордишься тем, в чем тебя несравненно превосходит трава? Заметь, как Спаситель с самого начала показывает, что Его заповедь легка, удаляя (всякую мысль об излишних заботах, точно так же, как и прежде, когда говорил Он о пище, то есть, удаляя) от того, чего слушатели боялись. Сказав: «посмотрите на полевые лилии». Он присовокупил: «не трудятся». Значит, этой заповедью Он хочет освободить нас от трудов. Итак, не то составляет труд, когда мы не заботимся об одежде, но то, когда заботимся. И как тогда, когда Христос сказал: «не сеют», возбранил не сеяние, но излишнюю заботу о пище, так и этими словами: «ни трудятся, ни прядут», запрещает не самое занятие, но излишнее попечение об одежде. Соломон во всем величии своем не мог сравниться с красотой цветов, и притом не какой-нибудь один раз, но во все время своего царствования (никто не может сказать, что Соломон ныне так одевался, а в другое время иначе; нет, не было ни одного дня, когда бы он украшался так великолепно, как цветы, – на что Христос и указывает словами: «во всей славе своей»). Притом, Соломон красотой одежд своих не мог сравниться не только с одним, или с другим цветом, но со всеми без исключения (почему Спаситель и сказал: «как всякая из них», – а такое же различие находится между одеждами и цветами, какое между истиной и ложью). Итак, если и этот царь, знаменитейший из всех когда-либо бывших на земле, не мог сравняться с полевыми цветами, то можешь ли ты когда-либо превзойти красоту цветов, или хотя несколько приблизиться к ней? Отсюда Спаситель научает нас, чтобы мы совершенно и не помышляли о таком

украшении. Смотри, какой конец его. Спаситель, после того как восхвалил так красоту лилий, говорит: «брошена в печь». Итак, если Бог столь промышляет о вещах, ничего не стоящих, и доставляющих самую малую пользу, то неужели Он не будет печься о тебе – существе лучшем из всех существ? Для чего же Бог, спросишь ты, сотворил цветы столь прекрасными? Для того, чтобы показать Свою премудрость и великое Свое могущество, чтобы мы отовсюду познали славу Его. Не одни «небеса проповедуют славу Божью» (Псал. 18:2), но и земля. И Давид, свидетельствуя об этом, сказал: «хвалите Господа, дерева плодоносные и все кедры» (Псал. 148:9). Одно прославляет Творца своего плодоносностью, другое величием, иное красотой. И это есть знак великой мудрости и могущества Божия, когда Он облекает в такую красоту самое последнее Свое творение. (В самом деле, что может быть еще ниже того, что сегодня существует, а завтра нет)? Итак, если Бог и сену дает то, что вовсе ему не нужно (нужна ли, например, его красота огню?), то, как Он тебе не даст того, в чем ты имеешь нужду? Если и самое последнее Свое творение Он украсил с избытком, и это не по нужде какой-либо, но ради великолепия, то тем более украсит всем нужным тебя – существо драгоценнейшее из всех.

[4] 2. Так как Спаситель доказал уже промысел Божий о человеке, то Ему оставалось только теперь обличить слушателей. И здесь обличение Его соединено с кротостью. Он обличает Своих слушателей не в неверии, но в маловерии: «если же траву полевую Бог так одевает», говорит Он, «то намного более вас маловеры». Хотя все это Он сам совершает, потому что «все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть» (Иоан. 1:3), однако, Он еще нигде не упомянул о самом Себе. Для

доказательства Его власти пока достаточно было и того, что Он при каждой заповеди говорил: «вы слышали, что сказано древним; а Я говорю вам» (Матф. 5:21–22 и д.). Итак, не удивляйся, если и в последующих словах Христос или вовсе не говорит о Себе, или со смирением: прежде всего Он заботился только о том, чтобы слово его было принято слушателями охотно, и во всем показать, что Он не противник какой-либо Богу, но единомыслен и согласен с Отцом. Это самое и здесь делает. В продолжение всей беседы Он непрестанно упоминает об Отце, удивляясь Его премудрости, промышлению и попечению обо всем, о малом и о великом. Когда Он говорил об Иерусалиме, то назвал Его городом Царя великого; когда упоминал о небе, также наименовал Его престолом Божьим. Рассуждая о строительстве мира, Он опять все приписывает Богу, говоря: «ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Матф. 5:45). И в молитве научил нас говорить: «ибо Твое есть Царство и сила и слава» (Матф. 6:13). Равным образом и здесь, рассуждая о промысле Божьем, показывая, как Бог даже и в малых вещах является превосходным художником, говорит, что Он траву полевую одевает. И притом нигде не называет Его Своим Отцом, но Отцом их (слушателей), чтобы лучше убедить представлением о такой их почести, и чтобы они уже не негодовали, когда Он назовет Его Отцом Своим. Но если о маловажных и необходимых вещах не должно заботиться, то какого прощения будут достойны те, которые заботятся о вещах многоценных? Особенно же какого прощения будут достойны те, которые даже лишают себя сна, чтобы похитить чужое? «Не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего

этого ищут язычники» (Матф. 6:31–32). Видишь ли, как Он опять, и притом гораздо сильнее, нежели прежде, обличает слушателей, и показывает притом, что Он не заповедует ничего трудного и неудобоисполнимого? Подобно тому как тогда, когда Он говорил: если любите любящих вас, то ничего великого не делаете, – и язычники то же творят (Матф. 5:46–47), – этим напоминанием о язычниках возбуждая Своих слушателей к большему, – так и теперь представляет язычников для того, чтобы обличить нас и показать, что Он от нас требует самого необходимого. Если нам должно превзойти книжников и фарисеев, то чего мы будем достойны, когда не только не превосходим их, но и пребываем в слабости язычников и ревнуем их малодушию? На этом обличении Христос однако не остановился, но после того, как тронул, пробудил, сильно укорил Своих слушателей, с другой стороны утешает их, говоря: «Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом» (Матф. 6:32). Не сказал: знает Бог, но – «знает Отец», чтобы, таким образом, возбудить в них большое упование. В самом деле, если Бог есть Отец, и притом Отец всеведущий и попечительный, то не может Он презреть сынов, находящихся в бедах, когда даже и люди, будучи отцами, не делают этого. Вместе с тем Христос приводит и другое доказательство. Какое же? «Что вы имеете нужду во всем этом». Смысл этих слов Его такой: излишне ли это, чтобы Бог мог пренебрегать этим? Он даже и излишним не пренебрегает, как, например, красотой в цветах; а тут – необходимое. Таким образом, что тебя побуждает заботиться, то, по-моему, должно отвлекать тебя от такой заботливости. Если ты скажешь: мне потому должно заботиться о пище и одежде, что они нужны, то я, напротив, скажу: по тому-то самому, что они

необходимы, ты и не должен заботиться. Если бы они были и излишни, то и тогда надлежало бы не отчаиваться, но с твердым упованием ожидать подаяния их; а раз они необходимы, то и сомневаться об этом не следует. Какой отец не захочет доставить необходимого своим детям? Так и поэтому уже Бог непременно подаст нужное. Он сам и Творец природы, и совершенно знает нужды ее. Ты не можешь сказать, что, хотя Бог есть Отец и требуемое нами необходимо, но Он не знает, что мы имеем нужду в том. Кто знает самую природу, Кто сотворил и так устроил ее, Тот, очевидно, знает и нужды ее лучше тебя, имеющего нужду в пище и одежде: Ему же ведь угодно было даровать природе твоей такую потребность. Он не будет противоречить Себе, лишая наше естество нужного и необходимого, тогда как Сам устроил его с такими потребностями.

[5] 3. Итак, не будем заботиться; от забот своих мы ничего не получим, кроме того только, что они развлекут нас. Если Бог подает нам все нужное, заботимся ли о том, или не заботимся, и притом подает скорее тогда, когда мы не заботимся, то какую пользу доставляет тебе твоя суетливость, кроме того, что ты казнишь самого себя? Заботится ли о пище тот, кто идет на пышный обед? Запасается ли питьем тот, кто идет к источнику? И мы, имея у себя блага лучше и обильнее, нежели, сколько воды в потоках и брашен на вечерях, то есть, промысел Божий, – не должны заботиться и малодушествовать. Сверх вышесказанного, Спаситель для возбуждения в нас несомненного упования во всех вещах на промысел Божий представляет еще доказательство, говоря: «ищите же прежде Царства Божьего, и это все приложится вам» (Матф. 6:33). Удалив от нас всякую мысль об излишних заботах, Христос упомянул и о небесах; Он для того и

пришел, чтобы разрушить древнее, и призвать нас к лучшему отечеству; потому Он все делает, чтобы удалить нас от излишеств и от пристрастия к земным вещам. Для того и о язычниках упомянул, сказав, что «этого ищут язычники», которые весь труд свой ограничивают настоящей жизнью, которые нимало не рассуждают о будущности и не думают о небесах. А для вас должно быть не это важно, но другое. Мы не для того ведь сотворены, чтобы есть, пить и одеваться, но чтобы угодить Богу и получить будущие блага. Итак, усиленно и заботиться и молиться о земном не должно. Потому Спаситель и сказал: «ищите же прежде Царства Божьего, и это все приложится вам». И не сказал: даны будут, но – приложатся, чтобы ты знал, что настоящие блага ничего не значат в сравнении с величием будущих. Потому-то Он и не повелевает просить настоящих благ, но просить иных благ, и надеяться, что и те присоединятся к этим. Итак, ищи благ будущих – и получишь настоящие; не ищи видимых – и непременно получишь их. Да и неприлично тебе приступать к Владыке с молитвой о таковых благах. Будучи обязан прилагать все тщание и всю заботу свою о неизреченных благах, ты крайне бесчестишь себя, когда изнуряешь себя заботливыми помыслами о благах скоропреходящих. Но как же, – скажешь ты, – разве Христос не повелел просить хлеба? Но Он присовокупил: «насущного», и опять к этому прибавил: «сегодня». То же самое Он и здесь внушает; не просто сказал: «не заботьтесь», но: «не заботьтесь о завтрашнем дне» (Матф. 6:34). Таким образом, Он вместе дарует и свободу нам, и обращает душу нашу к предметам более необходимым. И если Он повелевает молиться, то не потому, будто бы Бог имеет нужду в нашем напоминании, но для того, чтобы нам знать, что мы только Его помощью совершаем все,

что ни делаем, и чтобы нам непрестанным молением сделаться Ему более приятными. Видишь ли, как и здесь Он уверяет Своих слушателей, что они непременно получат настоящие блага? Тот, кто подает большее, тем скорее даст меньшее. Не для того, говорит Он, Я не велел заботиться и просить, чтобы вы бедствовали, ходили наги, но чтобы во всем был у вас достаток. А этим Он всего более мог привлечь слушателей к Себе. Потому, как при подаянии милостыни Он запрещает им показываться людям, убеждая преимущественно тем, что обещает через то большую честь (именно сказал: «Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно»), так и здесь, отклоняя их от искания благ настоящих, отклоняет особенно Своим обещанием – доставить им эти блага в большем изобилии, если не станут искать их. Я, говорит Он, запрещаю искать не для того, чтобы ты не получил, но чтобы получил в большем обилии, и получил, как тебе прилично получить, с истинной пользой для тебя; чтобы ты заботой и мучительным попечением об этих благах не сделался недостойным и их, и духовных благ, чтобы ты не навлек на себя излишнего бедствия и не лишился желаемого тобой. «Не заботьтесь о завтрашнем дне: довольно для каждого дня своей заботы», т. е. скудость и печаль его. Не довольно ли для тебя есть хлеб твой в поте лица твоего? Для чего подвергаешь себя и другому злостраданию, происходящему от твоей заботы, тогда как ты должен быть свободен и от первых трудов?

[6] 4. Злобой Спаситель здесь называет не лукавство, – нет, – но злострадание, труд и несчастья; так и в другом месте говорится: «бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы» (Амос 3:6)? Здесь под злом разумеются не грабительства, не любостяжание, и не другое что-либо тому подобное, но наказания,

посылаемые свыше. И еще говорится: «Я делаю мир и произвожу бедствия» (Ис. 45:7). И здесь говорится не о злобе, но о голоде и заразе, которые для многих кажутся злом; многие обыкновенно так и называют их. Так и жрецы, и волхвы пяти городов, когда, впрягши в колесницу под кивот коров без телят, пустили их идти, куда они захотят, называли злом и ниспосланные свыше наказания, и происшедшую от них скорбь и печаль (1Цар. 6:9). Итак, то же самое Спаситель обозначает злобой и здесь, говоря: «довольно для каждого дня своей заботы», потому что ничто столько не мучит душу, как попечение и забота. Подобным образом и Павел, склоняя к девственности, предлагал следующий совет: «я хочу, чтобы вы были без забот» (1Кор. 7:32). Когда же Христос говорит, что «завтрашний день сам будет заботиться о своем», то говорит это не потому, будто бы день заботится о себе, но так как Он говорил с простым народом, то, желая сделать слова Свои выразительнее, олицетворяет время, сообразно общему обыкновению. Здесь Он предлагает только совет, но, впоследствии времени, поставляет это уже в закон, говоря: «не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои» (Матф. 10:9). Сперва на деле, а потом и словом Он устанавливает новый, твердый закон, от чего и слово Его, будучи прежде утверждено самыми делами Его, легко было принимаемо. А что Он Свое учение о бесстрастии к земному доказал самыми делами Своими, то послушай, что Он говорит: «Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Матф. 8:20). И не довольствуется одним только собственным примером, но и в учениках представляет нам тот же пример, когда и им внушил не заботиться о земном, и не допустил ни в чем нуждаться. Но смотри, – Его попечение превышает нежность всякого отца.

Заповедую это, говорит Он, не для иного чего, как только для освобождения вас от излишних забот, потому что если ты сегодня будешь заботиться о завтрашнем, то опять и завтра тебе нужно будет заботиться. Итак, к чему излишнее? Для чего ты стараешься отяготить настоящий день больше, чем уделено ему тягот? Для чего возлагаешь на него бремя и наступающего дня? Таким прибавлением ты не можешь облегчить тяжести другого дня, но только покажешь жадность к излишним трудам. Чтобы сильнее тронуть Своих слушателей, Христос олицетворяет самое время и представляет его как бы обиженным и вопиющим против напрасной обиды, которую они учиняют ему. Ты получил день для того, чтобы заботиться о принадлежащем ему. Для чего же возлагаешь на него и попечение другого дня? Ужели забота о себе не составляет для него достаточного бремени? Для чего же более надлежащего отягощаешь его? Но когда это говорит Законодатель наш и будущий Судья, то подумай, какие утешительные Он подает нам надежды, когда сам представляет жизнь нашу столь бедственной и трудной, что и попечение одного дня может нас озлобить и сокрушить. И мы, все-таки, не взирая на множество таких свидетельств, заботимся о земном, а о благах небесных совсем не печемся. Противясь словам Его, мы совершенно извратили порядок. Смотри: Он говорит: не ищите настоящего совсем, – а мы непрестанно ищем. Ищите, говорит Он, небесных благ, – а мы даже минуты не посвящаем на искание их, но, насколько печемся о житейском, настолько же, или еще несравненно более, нерадим о духовном. Но это не всегда нам будет проходить даром, и не всегда будет удаваться. Вот мы нерадим десять дней, вот двадцать, вот сто. Но разве нам не надлежит рано или поздно умереть и впасть в руки

Судьи? Но отлагательство приносит утешение? Какое же утешение – ежедневно ожидать наказания и мучения? Если ты хочешь получить какое-либо утешение от этого отлагательства, то покажи исправление, которое есть плод покаяния. Если ты думаешь получить некоторую отраду из отлагательства наказания, то гораздо больше пользы не подвергнуться наказанию. Итак, воспользуемся этим отлагательством для совершенного избавления себя от предстоящих зол. Ни одна заповедь не тяжка и не прискорбна; напротив, каждая легка и удобоисполнима, так что, если бы мы имели искреннее желание, все могли бы совершить, хотя бы подвержены были бесчисленному множеству грехов. Манассия дерзнул на ужасные преступления, потому что руки свои простер на святыню, внес в храм мерзости, город наполнил убийствами, и другие непростительные совершил беззакония. И, однако, после таких великих преступлений, он все загладил. Каким же способом? Покаянием и добрым изволением.

[7] 5. Нет, подлинно нет ни одного греха, который бы не покорился и не был побежден силой покаяния, или справедливее, благодатью Христовой. Лишь только мы успеем обратиться, Он уже нам помогает. И если хочешь быть добрым, никто не препятствует, – или лучше, дьявол хотя и старается препятствовать, но не может, когда сам ты избираешь лучшее, и, таким образом, самого Бога делаешь своим защитником. Но если ты не захочешь и воспротивишься Богу, то, как Он будет твоим заступником? Он хочет, чтобы ты получил спасение не по принуждению и насилию, но по свободной воле. Если и ты, имея слугу, который тебя ненавидит, отвращается и часто от тебя бегает, не захотел бы держать его, несмотря на то, что ты имеешь нужду в его служении, то тем более Бог, Который все делает не по Своей какой-либо

надобности, но для твоего спасения, не захочет тебя насильно удерживать. Напротив, лишь только изъявишь расположение, то никогда тебя не захочет оставить, что бы дьявол ни замышлял против тебя. Итак, мы сами бываем виновниками собственной своей погибели, потому что не приступаем к Богу, не молимся Ему, не призываем Его подобающим образом. А если и приступаем, то делаем это так, как бы не думали получить, – не с подобающей верой все делаем, не с усильным молением, а нерадиво и беспечно. Между тем Бог хочет, чтобы мы Его просили, и если ты просишь, являет тебе великую милость. Это единственный Должник, Который, когда мы просим Его, оказывает нам милость и дает то, чего мы не давали Ему в заем. Если Он усмотрит, что проситель неотступен, то дает и то, чего не получил от нас. Но если просят Его с нерадением, то и Он медлит – не потому, что не расположен дать, но потому что Ему угодно, чтобы мы Его умоляли. Потому Он и представил тебе в пример друга, ночью пришедшего и просящего хлеба, и судью, Бога не боящегося и людей не стыдящегося. И не ограничился этими примерами, но и засвидетельствовал то же самыми делами, когда финикийскую женщину отпустил с обильными даяниями. В ее примере показал, что усиленно просящим Он дает и то, чего бы не надлежало давать. «Нехорошо, – говорил Он, – взять хлеб у детей и бросить псам» (Марк 7:27), – и, однако, дал за ее неотступное прошение. А в примере иудеев показал, что беспечным не дает и их собственности. Потому они не только ничего не получили, но и лишились того, что им принадлежало. Они, потому что не просили, не получили и принадлежащего им, а финикиянка, за то, что просила усердно, присвоила себе и чужое, – и пес получил то, что принадлежало чадам. Настолько-то полезно неотступное

прошение! Хотя бы ты был пес, но если станешь неотступно просить, то будешь предпочтен беспечному чаду. В чем не успевает дружба, того достигает усиленная просьба. Итак, не говори, что Бог – мой враг, потому и не выслушает меня. Он, если неотступно будешь умолять Его, тотчас ответит тебе, если не по близости твоей к Нему, по крайней мере, ради неотступной просьбы твоей. Ни вражда, ни безвременность, ни иное что не будет служить препятствием. Не говори: я недостоин, и потому не прошу. И сирофиникиянка была такова. Не говори: я многогрешен, и потому не могу просить разгневанного; Бог не на достоинство смотрит, но на расположение. Если вдова преклонила начальника, Бога не боявшегося и людей не стыдившегося, то тем более непрестанная молитва привлечет к себе Благого. Пусть ты не друг Богу, пусть просишь недолжного, пусть ты расточил отеческое достояние и долгое время находился в отсутствии, пусть ты приходишь к Нему лишенным чести и как худший из всех, пусть являешься к разгневанному и негодующему; только возымей намерение молиться и возвратиться к Нему, – все получишь, и гнев и осуждение тотчас истребишь. Но вот, я молюсь, скажешь ты, – и нет никакого успеха! Это потому, что ты молишься не как сирофиникиянка, или друг, безвременно пришедший, – не как вдова, непрестанно просящая судью, и сын, расточивший отцовское имущество. Если бы ты так же молился, то скоро бы получил. Хотя и раздражен Бог, но Он – Отец; хотя и разгневан, но чадолюбив, и одного только ищет – не того, чтобы наказать тебя за обиду, но того, чтобы видеть тебя обратившимся и умоляющим Его.

[8] 6. О, если бы и мы так воспламенялись, как согрето благоутробие Божье любовью к нам! Огонь этой любви ожидает только случая, и если малую искру приложишь к

нему, то возожжешь великий благодеющий тебе пламень. Господь болезнует не о том, что обижен, но о том, что ты дерзок и неистовствуешь подобно пьяному. Если мы, будучи злы, болезнуем о детях, несмотря на причиняемые нам от них обиды, то Бог ли, Которого нельзя обидеть, будет гневаться на тебя за то, что досаждаешь Ему? Если мы, любя любовью естественной, болезнуем о детях, то тем более и вполне естественно чадолюбивый болезнует о нас. «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя» (Ис. 49:15). Итак, приступим к Нему и скажем: «так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их» (Матф. 15:27)! Будем приступать к Богу благовременно и безвременно; или вернее сказать, безвременно приступать к Нему никогда нельзя. Безвременно приступать – у Него значит не всегда приступать. Того, Который всегда желает давать, благовременно всегда просить. Как дыхание никогда не бывает безвременно, так и прошение; но, напротив, не прошение – безвременно. Как мы имеем нужду в дыхании, так и в Его помощи, и если захотим, то удобно привлечем Его к себе. И пророк, показывая и свидетельствуя, что Бог всегда готов благодетельствовать, говорил: «как утренняя заря – явление Его» (Ос. 6:3). Сколько бы раз ни приступали к Нему, увидим, что Он всегда ожидает прошений от нас. Если же из источника Его милостей мы ничего не почерпаем, то вся вина наша. Укоряя иудеев, Он говорил: «благочестие ваше, как утренний туман и как роса, скоро исчезающая» (Ос. 6:4). Слова эти имеют такой смысл: хотя Я, со своей стороны, все исполнил, – но как знойное солнце при самом восходе прогоняет и облако и росу, так и вы своей великой злобой останавливаете Мою неизреченную щедрость. Впрочем, и здесь вместе

действует промысел: как скоро Бог усматривает нас недостойными благодеяний, удерживает их, чтобы они не сделали нас беспечными. Если же мы хотя несколько обратимся, т. е., настолько, насколько нужно для того, чтобы узнать, что мы согрешили, – тогда весьма богатые и обильные изливает на нас милости. И, чем больше ты приемлешь от Него, тем более Он радуется, и более обильные готовит нам новые благодеяния. Спасение наше и щедрые дары просящим Он считает Своим богатством. Так говорит об этом и Павел: «богатый для всех, призывающих Его» (Рим. 10:12). Но когда мы не молим, тогда гневается; когда не просим, тогда отвращается. Для того Он и обнищал, чтобы нас сделать богатыми; для того все претерпел, чтобы нас побудить к молитвам. Итак, не будем отчаиваться. Но, имея такие побуждения, такие добрые надежды, если и каждодневно согрешаем, будем приступать с прошением, молением и требованием отпущения грехов. Таким образом, и на грех будем уже более косны, и дьявола прогоним, и милосердие Божье призовем, и будущих благ достигнем благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 23

[1] «Не судите, да не судимы будете». (Мф.7:1)

[2] Изъяснение 7:1–20. Заповедь о неосуждении не все грехи повелевает не судить и не всем запрещает судить. – Должно с любовью исправлять согрешающих. – Не исправивший себя, не должен осуждать другого. – Не должно открывать учение Христово людям, не способным его принять. – Евангельские заповеди легкоисполнимы при помощи Божией, подаваемой по молитве. – Не должно отчаиваться в получении просимого. – О чем следует молиться. – Вместе с молитвою необходима и добрая жизнь. – Что делает трудный путь, ведущий в жизнь, легким. – Нужно распознавать и избегать прикрывающихся личиной добродетели. – Лицемер может быть легко узнан по делам его. – Лишение небесной славы и любви Христовой тяжелее самой геенны. – Жизнь людей, преданных мирским заботам, подобна детской игре. – Расточающий имение в помощь нуждающимся достоин более уважения, чем собирающий; уничиженный – более, чем пользующийся славой.

[3] 1. Что ж? Ужели не должно обвинять согрешающих? Да; и Павел то же самое говорит, или – лучше – Христос через Павла: «А ты что осуждаешь брата твоего?» Или: «И ты,

что унижаешь брата твоего? Кто ты, осуждающий чужого раба?» (Рим. 14:10, 4)? И опять: «Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь» (1Кор. 4:5). Каким же образом тот же апостол в другом месте говорит: «Обличай, запрещай, увещевай» (2Тим. 4:2)? И еще: «Согрешающих обличай перед всеми» (1Тим. 5:20)? Равным образом, и Христос говорит Петру: «Пойди и обличи его между тобою и им одним. Если же не послушает, возьми с собою» другого, если же и при этом не уступает, «скажи церкви» (Мф. 18:15–17). И для чего Он поставил столь многих обличителей, и не только обличителей, но и карателей, так что кто не послушается никого из этих последних, того велел почитать за язычника и мытаря? С какою также целью вверил им и ключи? Если, ведь, они не будут судить, то не будут иметь никакой важности и, следовательно, всуе получили власть вязать и решить. С другой стороны, если бы это было так, то все пришло бы в расстройство и в Церкви, и в гражданских обществах и в семьях. Если господин не будет судить своего слугу, а госпожа служанку, отец сына, и друг своего друга, то зло будет распространяться все более и более. И что я говорю: друг друга? Даже если врагов не будем судить, то никогда не будем в состоянии разрушить вражду, но все придет в совершенный беспорядок. Что же значит указанное изречение? Рассмотрим теперь внимательнее, чтобы врачевство спасения и законы мира не почел кто-нибудь законами ниспровержения и смятения. Для имеющих здравый ум Спаситель хорошо изъяснил уже силу данного закона в следующих дальнейших словах: «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь» (Мф. 7:3)? Если же для многих, не так сообразительных, изречение Христово кажется все еще

недовольно ясным, то я снова постараюсь изъяснить его. Именно – здесь, как мне кажется, Спаситель не все вообще грехи повелевает не судить и не всем без исключения запрещает это делать, но тем только, которые, сами будучи исполнены бесчисленных грехов, порицают других за маловажные какие-нибудь поступки. Мне кажется также, что Христос указывает здесь и на иудеев, которые, будучи злыми обвинителями своих ближних в каких-нибудь маловажных и ничтожных поступках, сами бессовестно творили великие грехи. За это Господь порицал их и под конец (Своего служения), говоря: связуете «бремена тяжелые и... а сами не хотят и перстом двинуть их». И еще: «Даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру» (Мф. 23:4, 23). Итак, можно думать, что Христос указывал и на них, желая предварительно упрекнуть их в том, в чем они, впоследствии времени, порицали учеников. Хотя последние ни в чем подобном не согрешили, но иудеям казалось грехом, например, что они не соблюдали субботы, ели неумытыми руками, возлежали с мытарями, о чем Спаситель и в другом месте говорит: «Оцеживающие комара, а верблюда поглощающие» (Мф. 23:24). Впрочем, Христос полагает здесь и общий закон о неосуждении. И Павел в послании к коринфянам запретил не вообще судить, но судить только высших, в виду неизвестности дела; равным образом, не вообще запрещает исправлять согрешающих. Он упрекал и тогда не всех без различия, а укорял, во-первых, учеников, которые так поступали в рассуждении своих учителей, и во-вторых, тех людей, которые, сами будучи виновны в бесчисленных согрешениях, клеветали на неповинных. То же самое дает разуметь и Христос в данном месте, и не просто дает

разуметь, но еще внушает великий страх, и угрожает неизбежным наказанием: «Ибо каким судом судите, – говорит Он,– [таким] будете судимы» (Мф. 7:2). Ты осуждаешь, говорит Он, не ближнего, но себя самого, и себя самого подвергаешь страшному суду и строгому истязанию. Подобно тому, следовательно, как в отпущении грехов начало зависит от нас самих, так и в этом суде мы же полагаем известную меру нашего осуждения. Итак, должно не порицать, не поносить, но вразумлять; не обвинять, но советовать; не с гордостью нападать, но с любовью исправлять, – потому что не ближнего, но себя самого предашь ты жесточайшему наказанию, когда не пощадишь его, произнося твой приговор о его прегрешениях.

[4] 2. Видишь ли, как эти две заповеди и легки, и доставляют великие блага покорным, и наоборот, причиняют великое зло непослушным? Тот, кто оставляет ближнему своему его прегрешения, освобождает от обвинения не столько его, сколько себя самого, и притом без всякого труда; и тот, кто с пощадою и снисходительно разбирает преступления в других, таковым судом своим полагает большой залог прощения для себя самого. Что же, – скажешь ты, – если кто прелюбодействует, неужели я не должен сказать, что прелюбодеяние есть зло, и неужели не должен исправить распутника? Исправь, но не как неприятель, не как враг, подвергая его наказанию, но как врач, прилагающий лекарство. Спаситель не сказал: не останавливай согрешающего, но: не суди, т. е., не будь жестоким судиею; притом же это сказано не о важных и явно запрещенных грехах, как уже мною было и прежде замечено, но о таких, которые и не почитаются грехами. Потому Он и сказал: «Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего» (Мф.7:3)? Многие и ныне так

поступают: видя монаха, имеющего излишнюю одежду, обыкновенно представляют ему закон Господень, хотя сами постоянно только и занимаются хищениями и лихоимством; или видя, что он употребляет нескудную пищу, делаются жестокими обвинителями, хотя сами каждый день пьянствуют и упиваются, не зная того, что чрез это, при своих грехах, готовят для себя больший огонь, и лишают себя всякого оправдания. И в твоих, ведь, поступках должно потребовать строгого отчета, раз ты сам первый положил такой закон, строго осудив поступки ближнего. Итак, не считай для себя тягостью, когда и сам ты будешь подвергнут такому истязанию. «Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза» (Мф.7:5). Здесь Спаситель хочет показать великий Свой гнев к тем, которые осуждают ближних. Действительно, всякий раз, когда Он хочет показать тяжесть какого-либо греха, великость наказания за него и Свой гнев, Он обыкновенно начинает укором. Так, например, и требовавшему (от своего товарища) сто динариев Христос с негодованием говорит: «Злой раб! весь долг тот я простил тебе» (Мф. 18:32); так точно и здесь употребил слово: «лицемер». Строгий суд о ближнем показывает не доброжелательство, а ненависть к человеку; и хотя осуждающий носит личину человеколюбия, но на самом деле исполнен крайней злобы, поскольку подвергает ближнего напрасному поношению и обвинению, и восхищает место учителя, сам не будучи достоин быть даже учеником. Потому Христос и назвал его лицемером. Если ты так строг в отношении к другим, что видишь и малые проступки, то почему так невнимателен к себе, что не замечаешь и великих грехов? «Вынь прежде бревно из твоего глаза». Видишь ли, что Спаситель не запрещает судить, но прежде велит изъять бревно из собственного глаза, и тогда уже исправлять

согрешения других? Всякий ведь свое знает лучше, нежели чужое, и лучше видит большее, нежели меньшее, и наконец, более себя самого любит, чем ближнего. Следовательно, если ты судишь других, желая им добра, то прежде пожелай его себе, имеющему грех и очевиднее, и более; если же нерадишь о самом себе, то ясно, что и брата своего судишь не из доброжелательства к нему, но из ненависти и желания опозорить его. Если же и должно быть ему судимым, то пусть его судит тот, кто ни в чем подобном не согрешил, а не ты. Так как Спаситель предложил великие и высокие правила жизни, то чтобы кто-нибудь не сказал, что легко так любомудрствовать на словах, Он и изрек эту притчу в доказательство всей свободы, с какою мог сказать о Себе, что Он не погрешил ни против одного из предложенных Им правил, но все исполнил. Хотя впоследствии времени Ему самому надлежало судить и говорить: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры» (Мф. 23:23), однако же, сам Он нимало не был виновен в том, в чем обвинял других. Ни сучка не изымал, ни бревна не имел в глазах Своих; Он был свободен от того и другого, и исправлял, таким образом, согрешения всех. Не должен, говорит Он, судить других тот, кто сам в том же виновен. И ты удивляешься, что Он положил этот закон, когда и разбойник на кресте признал его, и выразил мысль Христа в словах своих, обращенных к другому разбойнику: «Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же» (Лк. 23:40)? А ты не только не изымаешь у себя бревна, но и не видишь; напротив того, сучок у другого не только видишь, но и осуждаешь, и стараешься изъять, – подобно как одержимый тяжкою водяною или другою какою-либо неизлечимою болезнью нерадит об ней, а между тем в другом обвиняет нерадение о малом недуге. Если уж худо

не обращать внимания на свои грехи, то вдвое или втрое хуже судить других, имея в собственных своих глазах бревно, и не чувствуя от того никакой боли; ведь грех тягостнее и бревна.

5 3. Итак, сказанная Спасителем заповедь имеет такой смысл: кто сам подвержен многим порокам, тот не должен быть строгим судиею погрешностей других людей, и особенно когда они маловажны; следовательно, Он не запрещает обличать или исправлять, но возбраняет нерадеть о собственных грехах, и восставать против чужих. И это потому, что осуждение других много содействовало бы к увеличению зла, усугубляя порочность. В самом деле, кто привык нерадеть о своих великих преступлениях и строго судить о малых и незначительных погрешностях других, тот терпит двоякий вред, – как потому, что нерадит о своих грехах, так и потому, что питает ко всем вражду и ненависть, и каждый день возбуждается к крайней жестокости и немилосердию. Итак, уничтоживши все это через прекрасное то законоположение, Христос присоединил еще другое правило, говоря: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» (Мф. 7:6). Хотя далее Он и говорит: «Что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях» (Мф. 10:27), но это последнее нимало не противоречит прежнему, так как и тут не всем вообще повелено говорить, но тем только говорить со всею свободою, которым должно говорить. Под именем же псов Он здесь разумел тех, которые живут в неисцельном нечестии, без всякой надежды исправления; а под именем свиней – всегда живущих невоздержно; все таковые, по слову Его, недостойны слушать высокое учение. То же самое и Павел выразил, сказав: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он

почитает это безумием» (1Кор. 2:14). И во многих других местах Он развращение жизни поставляет причиною того, что не приемлется совершеннейшее учение. Потому и повелевает таким людям не отворять дверей, потому что, узнавши, они становятся еще более дерзкими. Когда это учение открывается людям признательным и благомыслящим, то они благоговеют пред ним; а люди безнравственные уважают более тогда, когда его не знают. Итак, поскольку по природе своей такие люди не могут познать этого учения, то пусть будет оно от них скрыто, говорит Спаситель, чтобы, по крайней мере, почтили его по причине своего неведения. И свинья не знает, что такое бисер, а если не знает, то пусть и не видит, чтобы не попрала того, чего не знает. Ничего, кроме только еще большего вреда, не произойдет от слушания для людей с таким расположением. Они ругаются над святынею, не зная ее, и еще более возносятся и вооружаются на нас. Таков смысл слов Христовых: «Чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас». Но скажешь: святыня должна быть так крепка, чтобы и по узнании осталась непобедимою, и другим не подавала случая вредить нам? Нет, не она подаст к тому случай, но то, что приемлющие ее – свиньи. Так и бисер попираемый – не потому попирается, что достоин пренебрежения, но потому, что попал к свиньям. И хорошо сказано: «обратившись, не растерзали вас». В самом деле, сначала они принимают на себя личину кротости, чтобы узнать; потом, когда узнают, сделавшись совсем иными, ругаются, поносят, смеются над нами, как бы над обманутыми. Потому и Павел говорит Тимофею: «Берегись его и ты, ибо он сильно противился нашим словам» (2Тим. 4:15). И в другом месте: «Таковых удаляйся» (2Тим. 3:5). И еще:

«Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся» (Тит. 3:10). Итак, врагов всего священного вооружает против нас не сама святыня, но их доводит до безумия то, что, познав ее, они исполняются гордостью. Вот почему немалая польза оставаться им в неведении: в таком случае они не будут пренебрегать; если узнают, то двойной вред: и сами не получат от того никакой пользы, разве еще больший вред, и тебе причинят бесчисленные беспокойства. Пусть слышат это те, которые без всякого стыда сводятся со всяким без разбору и делают предметом пренебрежения то, что достойно всякого уважения. От того-то и мы, совершая таинства, затворяем двери и возбраняем вход непросвещенным – не потому, будто мы признаем недействительность совершаемых таинств, но потому, что еще многие не довольно к ним приготовлены. От того-то и сам Христос многое говорил иудеям в притчах, что они видя не видели (Мф. 13:13). Потому и Павел повелел «дабы вы знали, как отвечать каждому» (Кол. 4:6). «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Мф. 7:7). Выше Спаситель предложил великие и чудные заповеди, повелел возвышаться над всеми страстями, привел к самому небу, и заставил уподобляться не ангелам или архангелам, но, сколько возможно, самому Владыке всяческих; а ученикам повелел не самим только исполнять все это, но и других исправлять, и различать злых от не злых, и псов от не псов (много ведь в людях прикровенного), чтобы не говорили, что это трудно и неисполнимо, так как и действительно, впоследствии времени, Петр сказал нечто подобное: «Кто же может спастись»? И еще: «Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться» (Мф. 19:25, 10).

[6] 4. Итак, чтобы и теперь не сказали подобного, Спаситель и прежде уже показал удобоисполнимость предписываемых Им заповедей, приведя ряд убедительных доказательств, и наконец представляет самый, так сказать, верх этой удобоисполнимости, именно – помощь от беспрерывных молитв, подающих немалое утешение в трудах. Он говорит, что не самим только должно стараться, но и свыше призывать помощь, которая непременно придет, и предстанет, и облегчит наши подвиги, и все сделает для нас легким. Потому и просить повелел, и обещал исполнение прошения. Впрочем, не просто повелел просить, но с великим тщанием и усилием, – что и выражается словом: «ищите». В самом деле, кто ищет, тот, выбросив все из своих мыслей, напрягает свое внимание только к тому, чего ищет, и ни о чем настоящем не помышляет. Мои слова понимают все те, которые, потерявши золото или рабов, после ищут. Это-то и означает Спаситель словом: «ищите». А сказав: «стучите», показывает, что должны приступать к Богу с силою и теплою мыслию. Итак, не унывай, человек, не прилагай старания о добродетели гораздо меньшего, нежели какое имеешь о богатстве. Богатства ты часто не находишь, хотя бы и много раз принимался искать его. И тем не менее, хотя и знаешь, что не всегда найдешь его, все-таки употребляешь все способы к его приобретению. А о добродетели, хотя и имеешь обещание, что непременно получишь помощь, не хочешь показать даже и частицы такого старания. Если же не тотчас получаешь, то и в таком случае не отчаивайся. Христос ведь для того и сказал: «стучите», чтобы показать, что, если и не скоро отверзет двери, должно ждать. Если не веришь моим словам, то, по крайней мере, поверь следующему примеру. «Есть ли между вами такой человек, – говорит

Христос,– который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень» (Мф. 7:9)? Если бы ты часто делал так пред людьми, то показался бы им и тяжким и жестоким; но Бога раздражаешь более тогда, когда этого не делаешь. Если же ты постоянно будешь просить Его, то хотя и нескоро получишь просимое, однако же, непременно получишь. Для того-то и заперта дверь, чтобы побудить тебя к *стучанию*; для того-то и не тотчас внимает, чтобы ты просил. Итак, постоянно проси – и непременно получишь. И чтобы ты не сказал: что, если я буду просить и не получу? – в предотвращение этого Спаситель представляет тебе притчу, приводит опять доказательства, и от примеров человеческих возводит тебя к надежде получения, показывая через все это не только то, что должно просить, но и о чем должно просить. «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень»? Так, если ты не получаешь, то не получаешь потому, что просишь камня. Хотя ты и сын, но этого еще не довольно к получению. Напротив это-то самое и препятствует тебе получить, что ты, будучи сыном, просишь неполезного. Итак, не проси ничего мирского, но всего духовного, и непременно получишь. Так Соломон, когда просил должного, смотри, как скоро получил. Итак, молящемуся надлежит соблюдать два правила: первое то, чтобы просить усильно; второе то, чтобы просить должного. И вы, ведь, говорит Спаситель, будучи отцами, дожидаетесь просьбы от своих детей; и если они у вас станут просить бесполезного, то отказываете; когда же будут просить полезного, то соизволяете и даете. Потому и ты, представляя это, не отступай до тех пор, пока не получишь, не отходи, пока не найдешь, не отлагай своего тщания, пока не будет отверста дверь. Если ты

приступишь с такою мыслию и скажешь: не отступлю до тех пор, пока не получу, – то непременно получишь, если только того просишь, что и Тому, от Кого просишь, прилично дать, и тебе, просящему, полезно. Что ж бы это такое было? То, чтобы просить всего духовного, приступать к испрашиванию оставления своих грехов, по оставлении согрешений другим, без гнева и сомнения воздевать чистые руки (1Тим. 2:8). Если мы так будем просить, то получим. Но ныне наши прошения достойны смеха, и свойственны более людям пьяным, нежели трезвым. Отчего же, скажешь, я не получаю и тогда, когда прошу духовного? Конечно от того, что ты или не со тщанием ударяешь в двери, или сделал себя недостойным к принятию просимого, или скоро перестал просить. Но ты опять скажешь: для чего же Спаситель не сказал, чего должно просить? Но Он уже все сказал прежде, и показал, зачем должно приступать к Богу. Итак, не говори: я приходил и не получил. Никогда нельзя не получить от Бога, Который так любит, что Своею любовью превосходит самих отцов и превосходит настолько, насколько благость превосходит злобу. «Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный» (Мф.7:11). Это Христос сказал не в упрек человеческому естеству, или в осуждение человеческого рода, – нет, но здесь Он называет отеческую любовь злобою для различия от Своей благости. Столько-то велико Его человеколюбие.

[7] 5. Видишь ли неизреченную мысль, которая и в самом отчаянном сильна возбудить благие надежды? Здесь Спаситель в доказательство Своей благости указывает на пример отцов, а выше указал на величайшие Свои дары, – на душу и тело. Но Он нигде еще не упоминает о главнейшем из благ, нигде не указывает на Свое

пришествие. Тот, Кто благоволил Сына Своего дать на жертву, не даст ли нам всего? Но тогда эта жертва еще не совершилась? Но Павел уже на это указывает, говоря так: «Сына Своего не пощадил..., как с Ним не дарует нам и всего» (Рим. 8:32)? А сам Христос в беседе с Своими слушателями предлагает еще доказательства обыкновенные. Потом показывая, что не должно надеяться и на молитву нерадящим о самих себе, равно как и тем, которые стараются о самих себе, не должно полагаться только на собственное старание, но должно свыше просить помощи, и употреблять собственные усилия, – Он беспрестанно внушает и то и другое. В самом деле, после многих наставлений, Он научает молиться; научивши молиться, снова научает тому, что должно делать; вслед затем Он опять научает, что непрестанно должно молиться, говоря: «просите, ищите, стучите», а отсюда опять переходит к тому, что и самим нам должно быть тщательными. «Итак во всем, – говорит Он,– как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7:12). В этих кратких словах Спаситель заключил все и показал, что добродетель и кратка, и удобна, и всем известна. И не просто сказал: «во всем, как хотите»; но: «Итак во всем, как хотите»; слово «итак» не без намерения употребил, но с особенною мыслию. Если хотите, говорит Он, быть услышаны, то кроме того, сказанного Мною, и это делайте. Что же именно? «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди». Видишь ли, как Он и отсюда вывел то, что вместе с молитвою необходима нам и добрая жизнь? Он не сказал: чего хочешь себе от Бога, то делай ближнему твоему, – чтобы ты не возразил: как это возможно? Он Бог, а я человек. Но произнес: если чего хочешь себе от равного тебе, то и сам то же оказывай ближнему. Что может быть этого легче?

Что справедливее? Потом, предлагая величайшую похвалу, еще прежде самых наград получаемую за соблюдение этой заповеди, говорит: «Ибо в этом закон и пророки». Отсюда видно, что добродетель нам естественна, и мы все сами по себе знаем, что должно делать, так что никогда нельзя извиняться неведением.

8 «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» (Мф.7:13). Далее: «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф.7:14). Но после Он говорил: «Иго Мое благо, и бремя Мое легко». И незадолго пред тем внушал то же самое. Как же здесь путь, ведущий в жизнь, называет узким и тесным? Если обратишь все свое внимание, то увидишь, что Спаситель и здесь называет путь этот весьма легким, удобным и незатруднительным. Скажешь: как же тесный и узкий путь может быть вместе и удобным? Тем этот путь и удобен, что Он есть путь и врата, – так как и другой путь, хотя широкий и пространный, все же есть путь и врата: на них ничто не останавливается, но все проходит, как горести, так и радости в жизни. И не потому только удобна добродетель: по концу своему она делается еще удобнейшею. Потому, что она своих подвижников может утешить не только тем, что все труды и подвиги оканчиваются, но еще более тем, что конец их добрый, так как оканчиваются жизнью. Потому и кратковременность трудов, и вечность венцов, и то, что труды предшествуют венцам, а венцы последуют за ними, – все это составляет величайшее утешение в трудах. Потому и Павел назвал скорбь легкою, не по свойству самой скорби, но по произволению подвижников и по надежде будущего: «Ибо кратковременное легкое страдание наше производит, – сказал он, – в безмерном

преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое» (2Кор. 4:17–18). Если волны и пучины для мореходцев, поражения и раны для воинов, непогоды и морозы для земледельцев, сильные удары для бойцов, – если все это бывает легко и выполнимо по надежде наград временных и тленных, – то тем более могут быть нечувствительны настоящие скорби, когда предстоит небо, неизреченные блага и бессмертные награды.

[9] 6. Если же и при всем этом некоторые почитают ведущий в жизнь путь трудным, то мнение это происходит только от собственной их лености. Смотри, как Спаситель и иным способом делает этот путь удобным, когда запрещает вмешиваться между псами, предавать себя свиньям и повелевает остерегаться лжепророков, – всячески внушает быть осторожными. Самое даже наименование тесным путем весьма много способствует к тому, чтобы сделать его удобным, – потому что заставляет нас бодрствовать. Как Павел не с тем говорит: «Наша брань не против крови и плоти» (Еф. 6:12), чтобы привести в уныние, но чтобы возбудить сердца воинов, – так точно и Господь путь жизни назвал трудным для того, чтобы, так сказать, пробудить от сна путников. Мало того: Он побуждает к бодрствованию еще и дальнейшим указанием на то, что на пути этом есть много препинающих, и – что еще опаснее – последние нападают не явно, но скрытно. Таков именно род лжепророков. Но не на то смотри, говорит Христос, что этот путь труден и тесен, а на то, где он оканчивается; и не на то опять смотри, что противоположный путь широк и пространен, а на то, куда он ведет. Все же это Он говорит для того, чтобы возбудить в нас бодрость. С тою же целью Он и в другом месте сказал, что «употребляющие усилие

восхищают его» (Мф. 11:12). Подвижник бывает ревностнее, когда ясно видит, что подвигоположник чтит трудные его подвиги. Итак, не будем скорбеть, если на пути жизни случатся с нами многие несчастья. Пусть путь прискорбен и врата тесны; но не таков тот град, к которому ведут они. Потому-то ни здесь не должно ожидать покоя, ни там не должно предполагать ничего печального. Когда же Спаситель говорит, что «немногие находят их», то и здесь опять открывает леность многих, и внушает Своим слушателям обращать внимание не на благоденствие многих, но на труды немногих. Гораздо больше, говорит Он, таких людей, которые не только не идут прискорбным путем, но даже и не избирают его, – что показывает крайнее безумие. Но не должно смотреть на многих, и от того смущаться; а должно ревновать немногим и, всячески укрепляя самих себя, таким образом идти тем путем. Кроме того, что путь этот тесен, многие еще препятствуют идти по нему. Потому Христос и присоединил: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф. 7:15). Вот, кроме псов и свиней, другой род наветов и коварства, гораздо опаснее первого: те, по крайней мере, известны и явны, а эти – скрытны. Потому и Спаситель тех повелел только удаляться, а этих еще внимательно рассматривать, так как невозможно узнать их с первого взгляда. Потому и сказал: «берегитесь», внушая тем большую тщательность в их распознавании. Потом, чтобы слышавшие, что должно идти тесным, прискорбным и для многих неприятным путем, притом, хранить себя от псов и свиней и от других (врагов) злейшего рода, т. е., от волков, – чтобы, говорю, слышавшие это не пришли в уныние от множества скорбей, так как надлежало идти путем для многих

неприятным, и притом еще иметь в виду вышесказанные препятствия, – для этого Спаситель привел на память происшествия, бывшие при их отцах, упомянув именно о лжепророках. Все подобное и тогда случалось. Итак, говорит, не смущайтесь. Ничего не случится нового, или особенного. Дьявол всегда к истине присоединяет обман. Здесь под именем лжепророков, как мне кажется, Христос разумел не еретиков, но тех, которые, ведя развратную жизнь, прикрывают себя личиною добродетели, – каковых людей обыкновенно называют обманщиками. Потому Спаситель и присовокупил: «По плодам их узнаете их» (Мф.7:16). У еретиков часто можно найти жизнь добрую; но у тех, о которых я сказал, – никогда. Скажешь: что, если они и тут притворяются? Но они удобно могут быть пойманы. Тот путь, по которому Христос заповедал идти, по самому свойству труден и тягостен. Лицемер же никогда не захочет трудиться; его дело только притворяться. Потому он легко может быть и изобличен. Когда Господь говорит: «немногие находят их», то опять отделяет этих немногих от тех, которые не обретают его, а только притворяются, внушая тем смотреть не на лицемеров, но на истинно шествующих по этому пути. Но для чего, скажешь, Спаситель не открыл таковых лицемеров, а нас самих заставил испытывать их? Для того, чтобы мы бодрствовали и всегда были на страже, охраняя себя не только от явных, но и скрытых врагов, на которых и Павел указывая, говорил, что «красноречием обольщают сердца простодушных» (Рим. 16:18). Итак, не будем смущаться, когда и ныне много таковых увидим. Христос заранее ведь и это предрек.

[10] 7. Заметь кротость Спасителя. Он не сказал: накажите их; но только: остерегайтесь, чтобы не получить себе вреда от них и чтобы по неосторожности не впасть в их

сети. Потом, в предотвращение твоего возражения, что невозможно узнать таких людей, приводит еще доказательство, заимствуя его от примера человеческого: «Собирают ли с терновника виноград, – говорит Он,– или с репейника смоквы» (Мф. 7:16)? «Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые» (Мф.7:17). «Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые» (Мф.7:18). Слова эти заключают в себе такой смысл: люди, о которых идет речь, не имеют ничего кроткого, ничего сладкого, по одной только коже они овцы, – почему и легко узнать их. И чтобы ты нимало не колебался, для этого Христос то, что иначе быть не может, сравнивает с естественною необходимостью. Об этом и Павел говорит: «Помышления плотские суть смерть...; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут» (Рим. 8:6–7). Хотя Спаситель и два раза говорит одно и то же, но тут нет тождесловия. Чтобы кто-нибудь не сказал, что злое дерево, хотя и приносит плоды злые, но может приносить и добрые, а при двояком плодоношении трудно уже делать различение, в опровержение этого Спаситель говорит, что этого быть не может, что оно приносит только злые плоды, но добрых никогда не принесет; равно как и наоборот. Что ж, неужели добрый человек не может сделаться худым, и наоборот? Жизнь человеческая наполнена многими такими примерами. Но Христос не то говорит, будто худому человеку невозможно перемениться, или доброму невозможно пасть, но то, что человек не может принести доброго плода, доколе живет худо. Худой человек может перейти к добродетели; но доколе он остается худым, дотоле не может принести доброго плода. Как же Давид, будучи и добр, принес худой плод? Не в состоянии

добродетели, но уже переменившись, он это сделал, так что он не принес бы такого плода, если бы всегда пребыл тем, чем был, потому что, оставаясь добродетельным, он не осмелился бы сделать того, на что дерзнул. Эти слова Спаситель сказал и для того, чтобы заградить уста безрассудно клевещущих, и обуздать язык злословящих. Этими словами Он хотел лишить всякого извинения тех злых людей, из-за которых подозревают и добрых. После того ты уже не можешь сказать: я обманулся, не догадался! – потому что тебе предложено Мною самое действительное средство к познанию порочных людей, т. е., повелено рассматривать их поступки, а не безрассудно смешивать все. Далее, хотя Спаситель не велел их наказывать, но только остерегаться, – однако же, чтобы с одной стороны утешить обижаемых ими, а с другой – устрашить обижающих и побудить их к исправлению, Он определяет им наказание, говоря: «Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь» (Мф. 7:19). Затем, несколько смягчая Свое слово, присоединил: «Итак по плодам их узнаете их» (Мф.7:20). Чтобы слушатели не подумали, что Он внушает им одни только угрозы, Он трогает их сердца, предлагая учение Свое в виде совета и увещания. Здесь, мне кажется, Он разумеет и иудеев, которые являли таковые плоды, – почему и напомнил им слова Иоанна, описывая казнь их теми же словами. И тот говорил то же, напоминая им секиру, и дерево посекаемое, и огонь неугасаемый. И кажется, здесь одно только наказание, именно сожжение; но если кто внимательнее рассмотрит, тот найдет два наказания. В самом деле, кто сожигается, тот без сомнения лишается и царствия; а это наказание лютее еще первого. Знаю, что многие ужасаются только одной геенны; но я думаю, что лишение небесной славы есть

мучение более жестокое, нежели геенна. Если этого нельзя представить в слове, то нет ничего удивительного; мы ведь не знаем и блаженства вечных благ, чтобы ясно видеть несчастие, происходящее от их лишения. А Павел, который ясно знал это, видел, что отпасть от славы Христовой всего ужаснее. Это и мы узнаем, когда будем испытывать на себе.

[11] 8. О, если бы мы никогда не подвергались этому, Единородный Сыне Божий, – если бы никогда не испытали на себе этого нестерпимого наказания! Невозможно ясно выразить, как велико зло – лишиться небесных благ; впрочем, сколько могу, постараюсь и поспешу хотя несколько объяснить вам это на примере. Представим себе такого удивительного юношу, который бы с добродетелью соединял царствование над вселенною, и который бы во всем был так совершен, что мог бы во всех возбудить к себе отеческую любовь. Чего, думаете вы, не согласился бы с удовольствием претерпеть отец этого юноши, чтобы только не лишиться его общения? Или, на какое бы несчастье, великое ли то или малое, не решился бы он, чтобы только видеть и увеселяться им? Подобным образом мы должны размышлять и о небесной славе. Поистине, не столько любезно и вожделенно отцу его дитя, как бы оно ни было совершенно, сколько вожделенно получить те блага, разрешиться и быть со Христом (Флп. 1:23). Нестерпима геенна и мучение в ней; но если представить и тысячи геенн, то все это ничего не будет значить в сравнении с несчастьем лишиться той блаженной славы, возненавиденным быть от Христа и слышать от Него: «Не знаю вас» (Мф. 25:12) и обвинение, что мы, видя Его алчущего, не напитали. Поистине лучше подвергнуться бесчисленным ударам молнии, нежели видеть, как кроткое лицо Господа отвращается от нас и

ясное око Его не хочет взирать на нас. И действительно, если Он меня, врага Своего, при всей к Нему ненависти и отвращении от Него, так возлюбил, что даже не пощадил самого Себя, но предал Себя на смерть, и если, после всего этого, не подам Ему и хлеба, когда Он алчет, – то какими уже глазами буду взирать на Него? Но и здесь заметь Его кротость. Он не исчисляет Своих благодеяний, не жалуется на то, что ты презрел столь великого своего благодетеля, не говорит: Я тебя привел из небытия в бытие, вдохнул в тебя душу, поставил тебя владыкою над всем, что находится на земле; для тебя Я сотворил землю и небо, море и воздух, и все сущее; от тебя я был презрен и казался тебе ниже дьявола, но при всем том не оставил тебя: бесчисленные открыл средства для твоего спасения, восхотел сделаться рабом, был бит по ланите, оплеван, заклан, умер поноснейшею смертью; даже на небе за тебя ходатайствую, даю тебе Духа, удостаиваю тебя царствия и предлагаю тебе такие благодеяния; восхотел быть твоим главою, женихом, ризою, домом, корнем, пищею, питием, пастырем, царем и братом; избрал тебя наследником и сонаследником Своим, из мрака привел тебя в область света. Хотя Господь мог сказать это и еще того более, но Он ничего такого не говорит, а упоминает только об одном грехе твоем. Являет и здесь Свою любовь и милосердие, которое имеет к тебе. Не сказал: «Идите… в огонь вечный», уготованный вам, но – «уготованный диаволу». И прежде говорит о том, чем Его обидели, но и тут упоминает не о всех обидах, а о немногих. Притом, прежде осуждения оскорбивших Его, Он призывает праведных, чтобы показать, что Он справедливо обвиняет. Какого же мучения не ужаснее эти слова Его? Никто, видя благодетеля своего истаивающим от голода, не презрит его; а если бы и презрел, то после того лучше бы

согласился сам с поношением скрыться в землю, нежели при двух или трех друзьях слышать обвинение в этом. Что же будет с нами, когда пред всею вселенною услышим от Господа подобное обвинение, которого, впрочем, Он не произнес бы и тогда, если бы не хотел оправдать Своего суда? А что Он произнес это обвинение не в поношение грешников, но в оправдание самого Себя и для показания, что Он не вообще и не без причины говорил к ним: «Идите от Меня», – это очевидно из неизреченных Его благодеяний. Если бы Он хотел подвергнуть грешников поношению, то выставил бы все свои благодеяния; а Он говорит только о том, что претерпел.

[12] 9, Итак, возлюбленные, убоимся услышать эти слова. Жизнь наша – не игра, или лучше сказать, настоящая жизнь – игра, но будущая – не игра. А может быть, и не игра только, но и хуже того. Не смехом оканчивается, но и большой причиняет вред тем, которые не хотят тщательно благоустроять самих себя. Скажи мне: чем мы, созидающие великолепные дома, различаемся от детей, играющих и строящих домики? Какое различие между их обедом и нашею роскошью? Нет никакого – разве только то, что мы это делаем с мучением. Если же мы не примечаем ничтожности всего этого, нет в том ничего удивительного, потому что мы еще не сделались мужами. А когда сделаемся, то узнаем, что все это детские забавы. Приходя в зрелый возраст, мы смеемся над детскими занятиями, хотя в детском возрасте почитаем эти занятия весьма важными и, собирая черепки и грязь, тщеславимся не менее тех, которые строят высокие стены. И однако, состроенное нами скоро разрушается и падает; да если бы и стояло, на что нам годилось бы? Так и великолепные наши дома. Они ведь не могут принять гражданина небесного, и не захочет обитать в них тот, кто имеет

высшее отечество; но как мы ногами разрушаем детские игрушки, так и он своим духом ниспровергает наши здания. И как мы смеемся над детьми, плачущими о разрушении построенного ими домика, так и он не только смеется, но и плачет, когда мы рыдаем о своих домах, потому что он имеет сострадательное сердце, и видит для нас великий от этого вред. Итак, будем мужами. Долго ли нам пресмыкаться по земле? Долго ли величаться камнями и деревьями? Долго ли играть? И если бы только играли! Нет, мы оставляем и самое спасение свое. И как дети, пренебрегающие учением, а занимающиеся играми только, подвергаются жестоким наказаниям, так и мы, истощив все старание свое на житейские занятия, и оказавшись не в состоянии дать на деле отчет в духовном учении, который после смерти потребуется от нас, понесем крайнее наказание. И никто не может избавить нас, хотя бы то был отец, хотя бы брат, или другой кто-либо. Но все, чему мы преданы ныне, погибнет, а мучение, происходящее от этого, будет бесконечное и непрестанное. Так это случается и с детьми, когда отец за их леность совершенно истребляет все их детские игрушки, и чрез то заставляет их непрестанно плакать. А чтобы увериться тебе в истине слов моих, я представлю такую вещь, которую люди более всего почитают достойною уважения, именно, богатство, и противопоставлю ему душевную добродетель, какую тебе угодно: тогда ты ясно увидишь всю нищету его. Итак, представим двух людей (я уже не говорю о любостяжании, а о богатстве, правильно приобретенном), и один из них пусть умножает свое имение, пусть переплывает моря, обрабатывает землю и употребляет всякие другие способы к приобретению; хотя я и не знаю, может ли он, так поступая, делать законное

приобретение, но положим, что он приобретает выгоды законным образом. Пусть будет так; пусть он покупает поля, рабов и прочее, пусть не будет в этом приобретении его ни одной неправды. Напротив, другой, столь же богатый, пусть продает свои поля, продает дома, золотые и серебряные сосуды, подает требующим; пусть облегчает участь бедных, врачует больных, помогает находящимся в нужде; пусть разрешает от уз, одних выводит из рудокопней, других освобождает от удавления, пленников освобождает от наказания… На чьей стороне хотели бы вы быть? Впрочем, я еще не сказал о будущем, но пока о настоящем. Итак, кому из них хотели бы вы последовать: тому ли, который собирает золото, или тому, который избавляет других от несчастья? Тому ли, который покупает поля, или тому, который определил себя на служение роду человеческому? Тому ли, который окружен множеством золота, или тому, который увенчан бесчисленными похвалами? Не уподобляется ли этот последний некоему ангелу, сшедшему с небес для исправления прочих людей? А другой не похож ли более на какое-то дитя, которое собирает все без цели и смысла, нежели на возрастного? Если же и законное приобретение богатств так достойно смеха, и есть знак крайнего безумия, то как не назвать того несчастнейшим из всех, кто еще и неправедно собирает его? Если же и теперь он достоин великого смеха, то каких слез достойна будет жизнь его по смерти, когда присоединится к тому геенна и лишение царствия?

[13] 10. Но рассмотрим, если хочешь, и другой вид добродетели. Для этого представим опять другого человека – могущественного, всеми повелевающего, облеченного великим саном, имеющего и блестящего глашатая, и пояс, и жезлоносцев, и большое число слуг.

Не представляется ли тебе это все великим и вожделенным? Теперь и этому человеку противоположим другого: незлобивого, кроткого, смиренного и великодушного; пусть будут его оскорблять, бить, а он пусть будет сносить терпеливо и благословлять таким образом поступающих с ним. Итак, скажи мне: кто достоин удивления, – тот ли, надменный и напыщенный, или этот, уничиженный? Не уподобляется ли этот последний горним бесстрастным силам, а тот – надутому пузырю, или человеку, страждущему водяною болезнью и сильною опухолью? Не подобен ли тот духовному врачу, а этот смешному дитяти, надувающему щеки? Да и чем ты гордишься, человек? Тем ли, что ты носишься на высокой колеснице? Или тем, что тебя возят запряженные мулы? Так что ж? Это бывает и с каменьями. Или тем, что ты облечен в красивые одежды? Но посмотри на того, который вместо одежд облечен добродетелью, – и увидишь, что ты подобен гниющей траве, а он подобен дереву, приносящему чудный плод, и доставляющему большое удовольствие зрителям. Ты носишь на себе пищу червей и моли, которые, если нападут на тебя, скоро обнажат тебя от этого украшения (так как одежды – пряжа червей, а золото и серебро – земля и прах; да, земля – и более ничего). Украшенный же добродетелью такую имеет одежду, которой не только моль, но и самая смерть не может повредить. И это весьма справедливо: добродетели души не земное имеют начало, но суть плод духовный, и не подлежат съедению от червей. Эти одежды ткутся на небе, где нет ни моли, ни червей, ни чего-либо подобного. Итак, скажи мне, что лучше: богатым ли быть, или бедным? В славе ли быть, или в унижении? Иметь ли изобилие, или терпеть голод? Конечно, лучше быть в чести, иметь изобилие и богатство.

Итак, если ты хочешь самих вещей, а не одних названий, то оставь землю и все, что находится на ней, и переселись на небо. Все здешнее есть одна тень, а тамошнее неподвижно, непоколебимо, и никем не может быть похищено. Итак, будем искать небесного со всяким тщанием, чтобы нам и освободиться от здешних беспокойств, и, приплывши к тихому тому пристанищу, явиться с великим грузом и неизреченным богатством милостыни. О, если бы всем нам достичь этого пристанища и богатства благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 24

[1] «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного». (Мф.7:21)

[2] Изъяснение 7:21–27. Ни правая вера, ни дар чудотворения не приносят пользы при отсутствии добродетели. – Благодать часто действует в недостойных для блага других. – Одна добродетель доставляет безопасность в настоящей жизни. – Праведнику никто не может причинить вред. – Многочисленные труды не приносят никакой пользы порочным. – Пример апостолов и иудеев показывает силу добродетели и бессилие порока. – Порок бессилен против добродетели. – Жизнь порочного исполнена печалей и страха.

[3] 1. Почему Спаситель не сказал: но исполняющий волю Мою? Потому, что на первый раз довольно было, чтобы и первая мысль принята была слушателями; а последняя была слишком высока для их слабости. Впрочем, в первой мысли заключается и последняя. Притом и то должно сказать, что воля Сына не различна от воли Отца. Но здесь кажется мне, Спаситель главным образом касается иудеев, которые все полагали в догматах, а о жизни нимало не заботились. Потому и Павел обличает их, говоря: «Вот, ты называешься Иудеем, и успокаиваешь

себя законом, и хвалишься Богом, и знаешь волю [Его]» (Рим. 2:17–18). Но пользы для тебя в том нет никакой, когда не видно того из жизни и дел твоих. Однако ж Христос не остановился на указанных словах, но сказал еще гораздо более: «Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали» (Мф. 7:22)? То есть: не только тот лишается царствия небесного, который имеет веру, а о жизни нерадит; но равно будет устранен от священных врат его и тот, кто при вере сотворил даже много знамений, а доброго ничего не сделал. «Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали»? Видишь ли, как неприметным образом Спаситель уже вводит и Свое собственное лицо и, кончивши всю беседу, объявляет Себя Судьею? Что наказание постигнет грешников, об этом Он объявил выше; а кто будет наказывать, это Он открывает уже здесь. Впрочем, не сказал прямо: Я буду наказывать; но – «Многие скажут Мне», через что внушает то же самое. В самом деле, если бы не сам Он был Судиею, то как бы сказал слушателям: «И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня» (Мф.7:23), – то есть, не только во время суда, но даже и тогда, когда вы творили чудеса? Потому-то и ученикам Своим говорил: «Не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк. 10:20). Да и везде Он повелевает иметь великое попечение о жизни. Невозможно, чтобы человек, ведущий добродетельную жизнь и свободный от всех страстей, когда-либо был презрен; хотя и случится ему впасть в заблуждение, Бог тотчас привлекает его к истине. Но некоторые говорят, что представляемые Спасителем люди потому не получат спасения, что они притворно исповедуют Господа. Если

так, то Спаситель говорит против Своего намерения. В самом деле, Он хочет здесь показать, что вера без дел ничего не значит; распространяя далее эту мысль, Он присовокупил и чудеса, показывая тем, что не только вера, но даже и чудеса никакой не приносят пользы тому, кто производит их, если нет добродетели. А если бы люди, о которых идет речь, не творили чудес, то Христос никак бы здесь не упомянул о чудесах; с другой стороны – и те не дерзнули бы во время суда сказать Ему о чудесах. Да и самый ответ их, и то, что они говорят в виде вопроса, показывает, что они действительно творили чудеса. Так как они видят конец, совершенно противный их ожиданию, и после того как здесь по чудесам своим для всех были предметом удивления, а там видят себя определенными к наказанию, то как бы в изумлении и удивлении они и говорят: «Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали»? Как же теперь Ты отвращаешься от нас? Что значит странный и неожиданный этот конец? Но пусть они удивляются тому, что, сотворивши столько чудес, подверглись наказанию; ты же не удивляйся. Вся эта благодать была ничто иное, как дар Подавшего ее, а те ничего от себя не привнесли, почему справедливо и наказываются, поскольку сделались неблагодарными и нечувствительными пред Тем, Который так их почтил, что дал им, хотя и недостойным, благодать чудотворения. Так неужели, скажешь, совершая дела нечестия, они вместе совершали чудеса? На это некоторые говорят, что они не в то время, когда чудодействовали, вели себя нечестиво, но уже после развратились и делали преступления. Но это также совершенно противно намерению Спасителя; Он хотел показать, что ни вера, ни чудеса ничего не значат без добродетельной жизни. То же и Павел говорит: «Если

имею [дар] пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что [могу] и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто» (1Кор. 13:2). Кто же, спросишь, те, которых Иисус Христос, несмотря на их чудотворения, представляет достойными мучения? Многие из веровавших получали дары: таков был тот, который изгонял демонов, не будучи последователем Иисуса Христа; таков был и Иуда, потому что и он, будучи злым, имел дар чудотворения. То же можно найти и в Ветхом Завете, то есть, что благодать часто действовала в недостойных, для блага других. Так как не все ко всему были способны, но иные вели жизнь непорочную, а не имели такой веры, другие же напротив, то Господь как первых через последних побуждал являть великую веру, так и последних через этот несказанный дар призывал к исправлению.

[4] 2. Вот почему Господь и давал благодать в великом обилии. «Многие чудеса, – говорят они, – творили». «И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас»: то есть, ныне они почитают себя Моими друзьями, а тогда узнают, что Я даровал им благодать не как друзьям. И что дивиться тому, что Он дары благодати дал людям, уверовавшим в Него, но не имеющим жизни, согласной с верою, когда Он является действовавшим и в тех, которые не имели ни той, ни другой? Так Валаам был чужд и веры, и добродетельной жизни; и однако, благодать в нем действовала для устроения спасения других. Фараон был такой же; однако, и ему Бог показал будущее (Быт. 41). Навуходоносору, самому беззаконному человеку, также открыл то, что имело случиться по прошествии многих родов; также и сыну его, своим нечестием превзошедшему отца, открыл будущее, – и все для чудных и великих дел Своего промысла (Дан. 2). Итак, поскольку

и тогда, при начале евангельской проповеди, нужны были многие доказательства силы Христовой, то и из числа недостойных многие получали дары. Впрочем, от таких чудес они никакой не получили для себя пользы, а только навлекли на себя еще большее наказание. Потому Спаситель и произнес к ним страшное это слово: «Никогда не знал вас»! Так, многих Он и здесь уже ненавидит, и до суда уже отвращается. Итак, возлюбленные, устрашимся, и приложим великое старание о жизни своей, и не станем думать, что мы, не производя теперь чудес, потому самому имеем менее благодати. От чудес никогда ничего не прибудет нам, равно как ничего не убудет и от того, что мы не творим их, если только заботимся о всякой добродетели. За чудеса мы сами остаемся должниками перед Богом, а за жизнь и дела имеем Бога должником. Итак, когда Спаситель все уже окончил, и, со всею подробностью предложив беседу о добродетели, вместе с тем показал различие между принимающими на себя ее личину, из которых одни для выказывания себя постятся и молятся, другие приходят в овечьих кожах, третьи, которых назвал свиньями и псами, чернят ее, то, показывая наконец, как полезна добродетель и в здешней жизни, и как вреден порок, говорит: «Всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному» (Мф. 7:24). Вы слышали, какое понесут наказание те, которые не соблюдают слов Его, хотя бы и чудеса творили. Теперь вам должно знать и то, какими благами будут наслаждаться не только в грядущем веке, но и в настоящем те, которые повинуются всем словам Его: «Всякого, – :сказал Он,– кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному». Видишь ли, как Он разнообразит Свою речь? Прежде говорит: «Не

всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!"», и тем открывает Себя самого; потом говорит: «Но исполняющий волю Отца Моего», и опять представляет Себя Судиею: «Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали»? – и скажу: «не знал вас». Наконец здесь опять показывает, что Он имеет власть над всеми, почему и говорит: «Всякого, кто слушает слова Мои сии». Так как Он все уже рассказал о будущем, упомянув и о царстве, и о неизреченной награде, и об утешении, и о всем прочем, тому подобном, то после этого, желая и здесь доставить Своим слушателям плоды, показывает, как сильна добродетель и в настоящей жизни. В чем же состоит эта сила добродетели? В том, что с нею живут безопасно, не колеблются ни от каких несчастий, стоят выше всех гонителей. Что может сравниться с этим? Этого не может приобрести себе даже украшенный диадемою, а добродетельный достигает. Он один со многим избытком стяжал такую безопасность, в пучине настоящей жизни наслаждаясь великою тишиною. И подлинно: удивительное дело, что он не в приятную погоду, но во время жестокой бури, при великом смятении и при постоянных искушениях, нимало не может колебаться. «Пошел дождь, и разлились реки, – говорит Спаситель,– и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне» (Мф.7:25). Здесь дождем, реками и ветрами Он иносказательно называет человеческие несчастья и злоключения, как то: клевету, наветы, скорби, смерть, погибель ближних, оскорбления от других и всякое другое зло, какое только бывает в настоящей жизни. Но душа праведного, говорит Он, ничем не побеждается. Причина этого в том, что она основана на камне. Камнем здесь Христос называет

твердость Своего учения. И поистине, заповеди Его гораздо тверже камня: помощью их праведник становится выше всех волн человеческих, так как кто тщательно соблюдает эти заповеди, тот побеждает не только гонения людей, но и козни дьявольские.

[5] 3. И что сказанное – не одни высокопарные слова, свидетель тому Иов, который при всех кознях дьявольских остался непоколебимым. В том же могут удостоверить и апостолы, которые при устремлении на них всех волн вселенной, и народов и тиранов, и своих (соплеменников) и чужих, демонов и дьявола, и при всех ухищрениях стояли тверже камня, и все это разрушили. Итак, что может быть блаженнее такой жизни? И этого ничто не может нам обещать – ни богатство, ни крепость телесная, ни слава, ни могущество, ни другое что-либо, но одно только стяжание добродетели. Кроме одной добродетельной жизни совершенно невозможно найти другой, которая бы была свободна от всех зол. Свидетели тому вы, – вы, которые видите и в царских чертогах наветы, и в домах богатых мятежи и возмущения. Но с апостолами не было ничего подобного этому. Как? Неужели с ними не случилось ничего такого? Неужели не было с ними никакого несчастия? Нет, – но то-то всего и удивительнее особенно, что они многим подвергались наветам, многие разражались над ними тучи – и однако, все это нимало не поколебало их мужества и не повергало их в уныние, но, сражаясь без всяких внешних пособий, они все победили и превозмогли. Подобным образом и ты всему посмеешься, если захочешь тщательно исполнять заповеди Христовы. Стоит только тебе оградиться любомудрыми этими наставлениями, – тогда ничто тебя не сможет опечалить. Какой вред может причинить тебе тот, кто захочет коварствовать против тебя? Отнимет у

тебя имение? Но еще прежде его угрозы тебе повелено презирать богатство и столько отвращаться его, чтобы никогда ничего подобного и не просить у Господа. Ввергнет ли тебя в темницу? Но еще прежде темницы тебе заповедано так жить, чтобы уже распяться всему миру. Злословит ли тебя? Но Христос освободил тебя и тут от печали, когда и без труда твоего, за одно незлобие обещает тебе великую награду, и столько сделал тебя непричастным досаде и огорчению, что даже повелел молиться за врагов. Гонит ли тебя и окружает бесчисленным множеством зол? Но тем самым тебе сплетает он блистательный венец. Убивает ли тебя и закалает? И через это опять приносит тебе величайшую пользу, поскольку готовит для тебя мученические награды, ускоряет твой путь в безмятежное пристанище, доставляет тебе случай к получению большого воздаяния, и содействует тебе откупиться от общего суда. Это-то всего и удивительнее, что наветующие люди не только нимало не вредят тем, которым стараются вредить, но еще делают их через то славнее. Что может сравняться с тем благом, когда мы изберем такую жизнь, – одну только добродетельную жизнь? Сказавши, что путь добродетели тесен и прискорбен, Спаситель тотчас, чтобы ободрить Своих слушателей к трудам, показывает на этом пути великую безопасность и великое услаждение, тогда как на противном пути – большую опасность и вред; указанными уподоблениями Он именно показал как награды за добродетель, так и воздаяния за порок. Что я всегда говорил, то и теперь скажу: Спаситель везде созидает спасение слушателей двояким образом – и ревностью к добродетели, и ненавистью к пороку. Так как имели быть такие, которые, хотя станут изъявлять уважение к словам Спасителя, но делами не будут этого

доказывать, то Он предварительно устрашает их словами: хотя сказанное и хорошо, но одного слушания недостаточно для спасения; нужно еще и повиновение, выражаемое делами, и в этом-то преимущественно состоит сущность всего. И здесь оканчивает Свою речь, оставив слушателей в великом страхе. Как к добродетели Спаситель побуждал их не только будущими благами, упоминая о царствии, небесах, неизреченной награде, утешении и о других бесчисленных благах, но и настоящими, когда указал на твердость и непоколебимость камня, – так и от порока отклоняет не только страхом имеющих быть следствий, говоря о посекаемом дереве, огне неугасаемом, затворенном входе в Царствие Небесное, а равно и словами: «не знал вас», но и настоящими бедствиями, представленными под образом падения храмины. Потому и речь употребил более выразительную, предложив ее в виде притчи. Если бы Спаситель сказал просто, что добродетельный непреодолим, а порочный скоро изнемогает, то Его речь не имела бы такой силы, какую она теперь имеет, когда для выражения Своей мысли Он употребил камень, дом, реки, дождь, ветры и тому подобное. «А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке» (Мф.7:26). Справедливо Спаситель назвал такого человека безрассудным. В самом деле, что может быть безрассуднее того, кто строит дом на песке, подъемлет труд, но плода и спокойствия не получает, а вместо того несет наказание? А что и преданные пороку трудятся, то всякому известно. И хищник, и прелюбодей, и клеветник переносят много трудов и беспокойств, чтобы свое нечестие привести в исполнение; но от этих трудов не только не получают никакой пользы, но еще терпят

великий вред. Так и Павел, намекая на это, говорит: «Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление» (Гал. 6:8). Такому-то сеятелю подобны и те, которые на песке строят, как то: на блуде, роскоши, на пьянстве, на гневе и на всем прочем.

[6] 4. Таков был Ахав, но не таков Илия. Противоположивши пороку добродетель, мы тем лучше увидим различие между ними. Илия построил дом свой на камне, а тот на песке, а потому и царем будучи боялся и трепетал пророка, который имел только одну милоть. Таковы были иудеи, но не таковы апостолы. Потому последние, несмотря на свою малочисленность и на пребывание в узах, показывали твердость камня; а те, при всем своем множестве и вооружении, являли слабость песка, и говорили: «Что нам делать с этими людьми» (Деян. 4:16)? Видишь ли, что в недоумении находятся не задержанные и связанные, но те, которые задержали и связали их? Что может быть страннее этого? Ты держишь – и недоумеваешь? Так и должно быть. Так как иудеи все построили на песке, потому они и были слабее всех. Это же было причиною и других слов их: что вы делаете, желая «навести на нас кровь Того Человека» (Деян. 5:28)? Что это говоришь ты? Ты мучишь, и ты же страшишься? Ты гонишь, и ты же ужасаешься? Ты судишь, и сам же трепещешь? Вот как бессилен порок! Но апостолы не так говорили: «Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (Деян. 4:20). Видишь ли высокий их дух? Видишь ли камень, посмевающийся волнам? Видишь ли дом неподвижный? И, что всего удивительнее, апостолы не только не страшились всех наветов вражеских, но делались еще гораздо дерзновеннее и своих врагов ввергали в большое беспокойство. Тот, кто ударяет в адамант, сам поражается; тот, кто идет против рожна, сам

прободается и получает жестокие раны. Подобным образом, и наветующий добродетельным сам подвергается опасностям. Порок бывает тем слабее, чем более вооружается против добродетели. И как тот, кто берет огонь в одежду, пламень не погашает, а одежду сожигает, так и тот, кто гонит добродетельных, притесняет и заключает в узы, их через то самое делает блистательнее, а себя самого губит. И подлинно: чем более потерпишь несчастий, ведя строгую жизнь, тем сделаешься крепче; чем более станешь держаться любомудрия, тем менее будешь иметь нужды, а чем менее будешь иметь нужды, тем более укрепляешься и всех превосходишь. Таков был Иоанн, почему его никто не мог опечалить; напротив, он опечалил Ирода. Тот, не имея ничего, восстал против властелина; а этот облеченный в диадему и багряницу и другие бесчисленные украшения, трепещет и страшится лишенного всего; и даже не мог взирать без ужаса на отсеченную голову его. А что Ирод и по смерти Иоанна имел сильный страх, то послушай, что он говорит: это есть Иоанн, которого я убил (Лк. 9:9). Слово «убил» показывает, что Ирод не превозносился этим, но укрощал свой страх и побуждал свою мятущуюся душу припомнить, что он убил Иоанна. Добродетель так сильна, что и по смерти могущественнее живых. Потому же и при жизни Иоанна приходили к нему обладавшие великим богатством, и вопрошали его: «Что же нам делать» (Лк. 3:10)? Столько вы имеете, и хотите узнать путь к вашему счастью от того, который ничего не имеет? Богатые – от нищего? Воители – от не имеющего даже и дома? Таков был и Илия, почему с таким же дерзновением говорил к народу. Иоанн говорил: «порождения ехиднины» (Мф. 3:7); а этот: «Долго ли вам хромать на оба колена» (3Цар. 18:21)? Этот говорил:

«Убил, и еще вступаешь в наследство?» (3Цар. 21:19); а тот: «Не должно тебе иметь ее» (Мф. 14:4). Видишь ли камень, видишь ли, как легко храмина, построенная на песке, распадается? Как легко она уступает напастям? Как легко зыблется, хотя бы она принадлежала царю, хотя бы народу, хотя бы властелину? Порок последователей своих делает безрассуднейшими; и храмина, построенная на песке, распадается не просто, но с великим бедствием. «И было падение его великое», – говорит Спаситель. И в самом деле, здесь опасность угрожает не маловажным вещам, но душе, и притом лишением неба и нетленных тех благ. Но и прежде того порочный будет проводить жизнь самую несчастную, сопряженную с непрерывными печалями, страхом, заботами и сильными беспокойствами, на что указывая, Премудрый говорит: «Нечестивый бежит, когда никто не гонится [за ним]» (Притч. 28:1). Действительно, таковые люди трепещут теней, подозревают друзей, врагов, рабов, знаемых и незнаемых, и таким образом, прежде вечных мучений еще здесь терпят жесточайшее мучение. Показывая все это, Христос и сказал: «И было падение его великое». Таким образом, и настоящими бедствиями сильно убеждая самых упорных неверных избегать порока, Он сделал приличное заключение Своим благим заповедям. Хотя слово о будущем и важнее, но людей, слишком одебелевших, изображение настоящего более могло обуздать и отклонить от порока. Потому Спаситель и заключил Свою проповедь таким изображением, чтобы польза от исполнения Его заповедей для слушателей была ощутительнее. Итак, зная все это, как настоящее, так и будущее, будем убегать порока и поревнуем о добродетели, чтобы нам не вообще и не напрасно трудиться, но чтобы и в настоящей жизни насладиться

безопасностью, и в будущей сделаться причастниками славы, которую все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 25

[1] «И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его». (Мф.7:28)

[2] Изъяснение 7:28–8:4. Сила учения Христова. – Почему за учением следует совершение чудес. – Почему Христос исцеляет прокаженного прикосновением руки. – Должно иметь в мыслях Бога не только во время болезни, но и при здравии. – Для чего Христос порою соблюдает закон, порою не соблюдает. – Христос делает с своей стороны все, чтобы привлечь к вере. – Благодарность Богу есть лучшее средство сохранить Его благоволение. – Должно благодарить Бога за блага, дарованные не только нам, но и другим. – Всякий дар Божий велик. – Бог благодетельствует часто против воли самого человека. – Смирение делает благодарным Богу.

[3] 1. Следовало бы, судя по тяжести предложенных заповедей и по высокости повелений, народу болезновать и прийти в уныние; но такова была сила Учителя, что Он многих пленил и привел в величайшее удивление, и сладостью Своих слов убедил не отступать от Него и тогда, когда перестал говорить. Даже и тогда, когда Он уже сошел с горы, слушатели все еще не отходили, но все следовали за Ним: вот сколь великую Он внушил любовь к

Своим словам! Но они более всего удивлялись Его власти, так как Он Свою речь говорил не от лица другого, подобно пророку Моисею, но всюду показывал, что Сам имеет власть. Так, предписывая законы, Он постоянно прибавлял: «А Я говорю вам»; и, напоминая о последнем дне, представлял Себя Судиею, как по отношению к наказаниям, так и по отношению к наградам. Все это, кажется, должно бы было привести слушателей в смятение. В самом деле, если книжники бросали в Иисуса Христа камни, и изгоняли тогда, как Он уже самими делами доказывал Свою власть, то как бы, кажется, не соблазниться народу теперь, когда Он одними только словами доказывал эту власть и особенно когда слова эти сказаны были в самом начале, прежде нежели Он показал на опыте Свою силу? И однако, с народом ничего такого не случилось. Так, когда сердце и ум бывают доброго расположения, тогда легко убеждаются словами истины. Вот почему книжники соблазнялись и тогда, когда знамения возвещали о Его могуществе; а теперешние слушатели, и внимая только Его учению, повиновались и следовали за Ним. Это дает разуметь и евангелист в своих словах: «За Ним последовало множество народа»; то есть, последовал за Ним не кто-нибудь из начальников и книжников, но те только, которые чужды были лукавства и имели искреннее расположение. Во всем Евангелии видеть можно, что только эти последние прилеплялись к Нему. Так, и когда Он говорил, они безмолвно слушали и ничего не прибавляли к словам Его, не прерывали их, не искушали Его и не искали случая уловить Его, подобно фарисеям; и по окончании проповеди, с удивлением следовали за ним. Обрати внимание на мудрость Владыки, с каким разнообразием Он устрояет пользу предстоящих, когда переходит то от чудес к словам, то от слов к

чудесам. Прежде чем взойти на гору, Он исцелил многих, пролагая чрез то путь проповеди; и после окончания этой продолжительной беседы, опять возвращается к чудесам, чтобы самым делом подтвердить сказанное Им. Так как Он учил «как власть имеющий» (Мф. 7:29), то, чтобы такой образ Его учения не сочли исполненным тщеславия и высокомерия, Он то же самое и делами подтверждает, и, как имеющий власть, исцеляет болезни, чтобы те, кто видел Его таким образом учащего, не смущались уже после того, как Он с такою же властью совершал и чудеса. «Когда же сошел Он с горы,… подошел прокаженный и, кланяясь Ему, сказал: Господи! если хочешь, можешь меня очистить» (Мф. 8:1–2). Велико благоразумие и вера пришедшего! Он не прервал учения, не старался протесниться сквозь собрание, но дожидался удобного времени, и подходит уже тогда, когда Христос сошел с горы. И не просто, но с великою горячностью и, как говорит другой евангелист, «падая пред Ним на колени» (Мк. 1:40), просит Его, просит с искреннею верою и с надлежащими о Нем мыслями. В самом деле, прокаженный не сказал: если попросишь Бога; или: если помолишься Ему; но: «если хочешь, можешь меня очистить». Не сказал также: Господи, очисти; но все препоручает Ему, Его воле предоставляет исцеление, и свидетельствует о Его высочайшей власти. А что, если мнение прокаженного, скажут, было погрешительно? В таком случае Христу надлежало бы его опровергнуть, изобличить и исправить. Но сделал ли Он это? Нет, но напротив, все слова прокаженного Он подкрепляет и утверждает; потому-то и не сказал: очистися, но – «хочу, очистись», – так что это понятие о могуществе Христовом становится уже не мнением прокаженного, но мыслию самого Христа. Апостолы не так говорили; как же? Когда

весь народ изумлялся, они говорили: «Что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит» (Деян. 3:12)? Господь же, хотя часто с скромностью говорил, и притом много такого, что ниже Его славы, но здесь, чтобы утвердить мысль о Своем могуществе, Он говорит пред слушателями, изумляющимися Его власти: «хочу, очистись»! Хотя и прежде творил многие и великие чудеса, но, как известно, таким образом никогда не говорил.

[4] 2. Но здесь, чтобы подтвердить мнение о Своей власти как прокаженного, так и всего народа, Он прибавил: «хочу», – и Своего слова не оставил без исполнения, а подтвердил его и последовавшим тотчас же делом. Если бы Он несправедливо сказал и произнес богохуление, то делу надлежало бы разрушиться. Но теперь природа, получив повеление, повинуется, и повинуется с надлежащею и даже с большею скоростью, нежели как говорит евангелист. Слово: «тотчас» не выражает той скорости, с какою совершилось дело. Далее, Спаситель не просто сказал: «хочу, очистись», но и «простерши руку, коснулся его», – что особенно достойно исследования. Для чего Спаситель, очищая его хотением и словом, еще прикоснулся рукою? Мне кажется, не для чего другого, как для того, чтобы и тем показать, что Он не подлежит закону, но выше его; и что для чистого нет ничего нечистого. Так Елисей даже не посмотрел на Неемана, – и даже тогда, когда узнал, что он, не вышедши к Нееману и не прикоснувшись к нему, тем самым привел его в соблазн, и тогда, строго соблюдая закон, сам остался дома, а его послал измыться в Иордане. Но Владыка, в доказательство, что Он исцеляет не как раб, а как Господь, – прикасается. Рука через прикосновение к проказе не сделалась нечистою; между тем, тело

прокаженное от святой руки стало чисто. Христос пришел уврачевать не только тела, но и души возвести к истинной мудрости. Как, вводя высокий закон о безразличии пищи, не возбранял уже есть неумытыми руками, так и здесь научает, между прочим, что должно заботиться о душе и, оставив внешние очищения, надлежит ее очистить и страшиться проказы только душевной, которая есть грех. Телесная проказа нимало не препятствует добродетели. Он сам первый прикасается к прокаженному, и никто не обвиняет Его. Суд был беспристрастный, и зрители не были одержимы завистью. Потому они не только не унизили чуда, но и с удивлением признали его за истинное, будучи возбуждены к благоговению пред Его непобедимою силою – и Его учением и делами. Далее, излечив тело прокаженного, Христос повелевает об этом никому не сказывать, но показаться священнику и принести дар, «какой повелел Моисей, во свидетельство им» (Мф.8:4). Некоторые утверждают, что Спаситель по той причине повелел никому ничего не сказывать, чтобы с коварным намерением не стали исследовать, точно ли прокаженный очищен от проказы. Но думать таким образом весьма безрассудно. Прокаженный не с тем был очищен, чтобы очищение было сомнительно; нет, – Христос для того прокаженному повелел никому не сказывать, чтобы через это предотвратить от тщеславия и любочестия. Хотя Иисус и знал, что прокаженный не послушается, а возвестит о Благодетеле, но делает Свое. Как же Он, спросишь ты, в других местах повелевает исцеленным рассказывать о своем исцелении? Через это Он не противоречит Себе, но научает их быть благодарными, потому что и в таковых случаях Он не повелевал прославлять самого Себя, но дать славу Богу. Чрез прокаженного, о котором теперь говорится,

Спаситель предохраняет нас от гордости и тщеславия, а через других внушает нам чувство признательности, и научает во всех делах возносить хвалу Господу. Так как люди обычно, находясь в сильной болезни, вспоминают о Боге, а получив исцеление от нее, предаются беспечности, – то Он, повелевая и во время болезни, и во время здравия непрестанно иметь в мыслях Господа, говорит: «Воздай славу Богу» (Ин. 9:24). Для чего упоминаемому прокаженному Спаситель приказал показаться священнику и принести дар? Для того, чтобы исполнить закон. Он как не везде нарушал, так и не везде сохранял его; но иногда поступал так, иногда иначе. Не соблюдал закона для того, чтобы проложить путь к будущей высшей мудрости; соблюдал же для того, чтобы до времени обуздать бесстыдный язык иудеев и снизойти к их слабости. И удивительно ли, что Христос таким образом поступал в самом начале Своего благовестия, когда и апостолы, получив повеление идти к язычникам, для всей вселенной отверзать двери евангельского учения, отменить закон, обновить заповеди и прекратить все древнее, – представляются иногда соблюдающими закон, а иногда преступающими его? Но как, скажешь ты, слова: «Покажи себя священнику» относятся к соблюдению закона? И очень относятся. Древний закон требовал, чтобы очистившийся прокаженный не сам себе давал удостоверение очищения, но чтобы являлся пред священником, и представлял ему доказательство своего очищения, и чтобы по суду священника был принимаем в число чистых. Доколе священник не объявлял, что прокаженный очистился, до тех пор последний оставался еще с нечистыми, вне стана. Почему Спаситель и сказал: «Покажи себя священнику и принеси дар, какой повелел Моисей» (Мф. 8:4). Не сказал: принеси дар, который Я

повелеваю; но до времени отсылает к закону, чтобы таким образом во всех случаях заграждать уста иудеев, – именно, чтобы не сказали, что Он предвосхитил у священников славу, для этого Он дело совершил сам, а испытание предоставил священникам, и их определил судиями Своих чудес. Таким образом, слова Христовы заключают в себе такую мысль: Я не только не хочу сопротивляться Моисею, или священникам, но еще заставляю облагодетельствованных Мною повиноваться им.

[5] 3. Но что значит: «во свидетельство им»? В обличение, в обвинение и в доказательство, если они не захотят вразумиться. Именно, когда они скажут: мы преследуем Его как соблазнителя и обманщика, как богопротивника и законопреступника, – тогда, говорит Христос, ты засвидетельствуй обо Мне, что Я не преступник закона, потому что, исцелив тебя, отсылаю к закону и на суд священников; а поступать таким образом свойственно тому, кто почитает закон, уважает Моисея и не противится древним постановлениям. Если же такое соблюдение закона не могло доставить им никакой пользы, то отсюда еще более должно заключать о Его уважении к закону, так как Он, хотя и предвидел, что они этим случаем нимало не воспользуются, однако ж, исполнил все то, что только зависело от Него. А что Он это предвидел, видно из Его слов; Он не сказал: для исправления их, или для научения, но: «во свидетельство им», то есть, в обвинение, в обличение и в доказательство того, что Я все для тебя сделал; и хотя Я предвидел, что они не исправятся, но, не взирая и на это, Я не оставил без исполнения того, что надлежало Мне сделать, а они остались пребывать в своем нечестии. Подобным же образом и в другом месте Спаситель говорит: «И

проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (Мф. 24:14), – т. е., во свидетельство всем языкам, которые не послушают, не поверят. Для чего же, скажут Ему, всем и проповедовать, если не все уверуют? Для того, отвечает Он, чтобы видно было, что Я, с Своей стороны, исполнил все, что до Меня касается, и чтобы после этого никто не мог обвинять Меня в том, что он не слыхал. Самая проповедь будет свидетельствовать против таковых, и им нельзя уже будет сказать: мы не слышали, потому что слово благочестия пройдет во все концы вселенной.

6 Так и мы, представляя это, станем исполнять с своей стороны все в отношении к ближним, и всегда благодарить Бога. Преступно было бы, если бы мы на самом деле, наслаждаясь Его благодеяниями, не стали бы исповедывать Его благодати, когда притом это исповедывание приносит нам великую пользу. Не Ему, ведь, потребно что-либо от нас, но нам потребно все от Него. Благодарность ничего Ему не прибавляет, между тем нас приближает к Нему. Если мы, воспоминая о благодеянии людей, большею воспламеняемся к ним любовью, то тем более, непрестанно воспоминая о благодеяниях к нам Господа, будем усердны к заповедям Его. Потому и апостол Павел говорит: «Будьте благодарны» (Кол. 3:15). Памятование о благодеянии и непрестанное благодарение есть самое лучшее средство сохранить благорасположение к себе. Вот почему и страшное и столь спасительное таинство, совершаемое во время наших собраний, называется *евхаристиею* (ευχαριστια, благодарение), – потому что оно служит воспоминанием многих благодеяний, и указывает на важнейшее действие промышления Божия, и чрез все это

возбуждает нас к благодарности. В самом деле, если рождение Господа от Девы есть великое чудо, и евангелист с изумлением говорит: «А все сие произошло» (Мф. 1:22), то куда, скажи мне, отнести Его заклание за нас? Если только рождение Его называется – «все сие», то как назвать то, что Он распят и пролил кровь за нас, и самого Себя предложил нам в пищу и пиршество духовное? Итак, станем непрестанно благодарить Его, и да предшествует это благодарение нашим словам и делам. Станем же благодарить за благодеяния, не только нам оказанные, но и другим; таким образом мы в состоянии будем истребить и зависть, и утвердить любовь и соделать ее искреннейшею. Ты уже не в состоянии будешь завидовать тем, за кого благодаришь Господа. Потому-то и священник во время предложения той жертвы повелевает нам благодарить Бога за всю вселенную, за отсутствующих, за находящихся в храме, за тех, которые были прежде нас, и за тех, которые будут после нас. Такое благодарение освобождает нас от земли, переселяет на небо и делает из людей ангелами. И они, составив хор, благодарят Бога за благодеяния Его к нам: «Слава в вышних Богу, – воспевают они, – и на земле мир, в человеках благоволение» (Лк. 2:14)! А какое, скажешь, имеют отношение к нам те, которые не обитают на земле и не принадлежат к числу людей? Пример их особенно должен быть для нас поучителен. Мы научаемся так любить своих сорабов, чтобы и их блага почитать нашими.

[7] 4. Потому и Павел во всех посланиях своих благодарит за блага всей вселенной. Так и мы станем непрестанно благодарить Бога за свои и за чужие, за малые и за великие блага. Хотя бы дар был и мал, но он становится велик потому, что дарован Богом; или лучше, – нет малого ни одного из Его даров, не потому только, что они от Него

сообщаются, но и по самому своему свойству, и, не говоря уже о всех прочих благодеяниях Божиих, которые своим множеством превосходят самый песок, – что может сравниться с домостроительством спасения нашего? За нас – врагов Своих – Бог предал Того, Который был для Него всего драгоценнее, единородного Сына Своего; и не только предал, но после предания предложил еще нам Его в пищу. Он все сам для нас сделал: и даровал нам Сына Своего, и соделал нас благодарными за то (чрез таинство евхаристии). Так как человек бывает большею частью неблагодарен, то Бог все относящееся до нас принимает на Себя и совершает. И как иудеям о Своих благодеяниях Он напоминал чрез места, времена и празднества, так точно сделал и здесь, посредством жертвы внушая нам непрестанное памятование о Своих благодеяниях. Таким образом, никто столько не старается сделать нас совершенными, великими и во всем благопризнательными, как сотворивший нас Бог. Потому-то Он благодетельствует часто и против воли, и еще чаще – без ведома нашего. Если же это тебе кажется удивительным, то я покажу тебе, как это сбылось не над кем-либо неизвестным, но над блаженным Павлом. Этот блаженный муж, премного бедствуя и страдая, часто просил Бога удалить от него искушения; однако же, Бог взирал не на прошения его, а на пользу, и показывая это, говорил: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2Кор. 12:9). Господь, прежде, нежели открыл ему причину, благодетельствовал ему, несмотря на то, что апостол этого не хотел и не знал. Итак, велико ли его требование, когда Он повелевает нам быть благодарными за такое Его о нас попечение? Будем же Ему покорны, и всегда будем соблюдать это повеление. Иудеев ничто столько не губило, как их

неблагодарность; и ничто другое, как эта именно неблагодарность, повергала их столь многим и частым казням; а что всего важнее, она же еще прежде этих казней растлила их душу: «Надежда неблагодарного, – говорит Премудрый, – растает, как зимний иней» (Прем. 16:29). Неблагодарность так же делает душу нечувственною и мертвенною, как холод тело. Это происходит от гордости и оттого, что почитают себя достойными благодеяния. Смиренный же будет благодарить Бога не за блага только, но и за то, что считается противным; и что бы он ни терпел, он не будет думать, что потерпел незаслуженно. Так и мы, чем более преуспеем в добродетели, тем более станем смирять самих себя, потому что и это составляет великую добродетель. Чем острее у нас зрение, тем более познаем, как далеко мы отстоим от неба. Подобным образом, чем более преуспеваем в добродетели, тем больше научаемся познавать, как велико расстояние между Богом и нами. А немалая мудрость, когда можем сознавать, чего мы стоим. Тот наиболее знает самого себя, кто считает себя за ничто. Вот почему и Давид и Авраам, когда взошли на высшую степень добродетели, тогда особенно явили добродетель смирения: Авраам называл себя землею и пеплом (Быт. 18:27), а Давид – червем (Пс. 21:7). Подобно им, и все святые почитают себя ничтожными. Напротив, кто увлекается гордостью, тот всего менее знает себя. Потому и у нас вошло в привычку говорить о гордых: не ведает себя, не знает себя. А незнающий себя кого будет знать? Как познавший самого себя познает все, так незнающий себя не может узнать и ничего другого. Таков был тот, который говорит: «Выше звезд Божиих вознесу престол» (Ис. 14:13). Не познавши самого себя, он не знал и ничего другого. Но Павел не так рассуждал: он называл

себя извергом и последним из людей, и после столь многих и столь великих подвигов, совершенных им, не почитал себя даже достойным наименования апостольского. Ему-то будем ревновать и подражать. Подражать же ему мы будем в состоянии тогда только, когда освободимся от земли и от земных забот. Подлинно ничто столько не препятствует человеку познать себя, как прилепление к житейскому; и наоборот, ничто столько не побуждает его прилепляться к житейским делам, как неведение самого себя. Это неведение и привязанность к мирскому зависят друг от друга. Как любящий внешнюю славу и много уважающий настоящие блага, сколько бы ни старался, не может познать себя самого, так, напротив, презирающий земное удобно познает самого себя. А познавший самого себя через то самое будет преуспевать и во всех других добродетелях. Итак, чтобы нам приобрести это благое знание, освободимся от всего временного, что столь сильно воспламеняет нас, и познавши свою бедность, станем оказывать всевозможное смирение и любомудрие, чтобы получить нам и настоящие и будущие блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, держава и честь, со святым и благим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 26

[1] «Когда же вошел Иисус в Капернаум, к Нему подошел сотник и просил Его: Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает». (Матф. 8:5–6)

[2] Изъяснение 8:5–13. Христос похваляет тех, кто имел о Нем высокое мнение. – Матфей и Лука говорят об одном и том же чуде, взаимно восполняя друг друга. – Высота веры и добродетели сотника. – Христос возвещает учение об оправдании верою и призвании язычников. – Как для добродетельного возможно падение, так и для порочного исправление. – Пример Давида научает, как и для добродетельного нужно постоянное бодрствование, и как легко восстать после падения.

[3] 1. Прокаженный приступил к Иисусу по сошествии Его с горы, а этот сотник по пришествии Его в Капернаум. Почему же ни тот, ни другой не взошли на гору? Не по нерадению, так как оба имели пламенную веру; но чтобы не прервать Его учения. Сотник, приступив, сказал: «слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает». Некоторые говорят, что он в оправдание свое представил и причину, почему не привел и его самого. Невозможно было, говорят, привести расслабленного, который мучился и находился при последнем издыхании. А что отрок находился при последнем издыхании, об этом

свидетельствует Лука: «при смерти». Но, по моему мнению, это означает великую веру сотника, и гораздо большую, нежели какую имели свесившие (расслабленного) сквозь кровлю. Так как он ясно знал, что довольно и одного повеления, чтобы восстал лежащий, то почел излишним приводить его. Что же делает Иисус? То, чего прежде нигде не делал. Во всех других случаях Он сообразовался с желанием просителей; а здесь Сам предупреждает желание сотника и обещается не только исцелить, но и прийти в его дом. А это делает для того, чтобы мы познали добродетель сотника. Если бы Он не обещал этого, а сказал только: иди, да исцелится отрок твой, – тогда бы мы совершенно не знали о его добродетели. То же самое, хотя противоположным образом, сделал Он и с женой финикийской. Здесь, без приглашения, добровольно сам обещает прийти в дом, чтобы ты познал веру сотника и великое смирение. Финикиянке же отказывает в даре, и ожиданию ее как бы не подает надежды. Как опытный и проницательный врач, Он умеет из противного производить противное. Так здесь веру сотника открывает через добровольно обещанное пришествие, а там веру женщины – через продолжительную отсрочку и отказ. Так поступил Он и с Авраамом, сказав: «утаю ли Я от Авраама» (Быт. 18:17), – чтобы ты познал Его любовь и попечение о содомлянах. Так и посланные к Лоту отказываются взойти к нему, чтобы ты познал величие страннолюбия этого праведника.

4 Итак, что же говорит сотник? «Я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой» (Матф. 8:8). Послушаем это мы, намеревающиеся принять Христа, – ведь и ныне можно Его принимать, – послушаем и поревнуем, и примем с таким же тщанием. В самом деле, когда ты принял

бедного, алчущего и нагого, то принял и напитал Его самого. «Но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой». Смотри, как и сотник, подобно прокаженному, имеет надлежащее понятие о Христе. И он не сказал: призови Бога; не сказал: помолись и умилостиви Его; но только – повели. Потом, опасаясь, чтобы Он по смирению не отказался, говорит: «ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает» (Матф. 8:9). Что ж из того, скажет кто-нибудь, если сотник так думал? Дело в том, ведь, одобрил ли и подтвердил ли то Христос? Хорошо и весьма благоразумно ты говоришь. Итак, на это-то и посмотрим; и мы найдем здесь то же, что случилось с прокаженным. Прокаженный сказал: «если хочешь» – и мы удостоверяемся во власти Спасителя не только через прокаженного, но и через голос самого Христа, потому что Он не только не отверг такого мнения, но еще более подтвердил его, когда для утверждения его присовокупил излишнее слово, сказав: «хочу, очистись». Равно и здесь надобно посмотреть, не произошло ли чего-либо подобного. И действительно найдем, что и здесь случилось то же самое. В самом деле, когда сотник сказал такие слова и засвидетельствовал о такой власти Спасителя, тогда Он не только не осудил его, но и одобрил, и даже более, нежели одобрил. Евангелист не сказал, что Спаситель похвалил только слова сотника, но, показывая важность похвалы, говорит, что Он даже «удивился»; и не только удивился, но и в присутствии всего народа представил его другим в пример для подражания. Видишь ли, как каждый из засвидетельствовавших о Его власти восхваляется? «И, слыша, народ дивился учению Его» (Мф.7:28), поскольку

Он учил «как власть имеющий»; и Христос не только не обвинил их, но еще сошел с ними с горы, и через очищение прокаженного утвердил их мнение. Опять прокаженный сказал: «если хочешь, можешь меня очистить»; и Христос не только не обличил, но, врачуя его так, как он сказал, очистил его. Также сотник говорит: «скажи только слово, и выздоровеет слуга мой». И Иисус, удивляясь ему, говорил: «и в Израиле не нашел Я такой веры» (Матф. 8:10).

[5] 2. То же можешь ты познать и из противного. Марфа, за то, что не сказала ничего такого, но противное: «чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог» (Иоан. 11:22) – не только не похвалена, хотя и знал ее Христос и любил, и хотя она весьма пеклась о Нем, но даже была Им обличена и вразумлена, потому что неблагоразумно сказала. «Не сказал ли Я тебе», так говорил ей Христос, «если будешь веровать, увидишь славу Божью» (Иоан. 11:40)? – обвиняя так ее, как еще не уверовавшую. И опять, когда она сказала: «чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе», Спаситель, отклоняя ее от такой мысли и научая, что Он не имеет нужды заимствовать что-либо от другого, но Сам есть источник благ, говорит: «Я есть воскресение и жизнь» (Иоан. 11:25), – то есть, Я не ожидаю получения силы, но Сам Собой все совершаю. Потому-то Он и удивляется сотнику, предпочитает его всему народу, удостаивает дара царствия и прочих побуждает к соревнованию ему. А, чтобы ты знал, что Он для того сказал это, чтобы и других научить подобной вере, послушай, с какой точностью евангелист указал на это. «Иисус удивился и сказал», говорит, «идущим за Ним: истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры». Итак, высокая мысль о Нем наиболее всего служит залогом веры, царствия и прочих благ. Христос не только

на словах похвалил сотника, но за веру его возвратил ему больного здоровым, и сплетает ему светлый венец, и обещает великие дары, говоря: «многие придут с востока и запада и возлягут» на лоне Авраама и Исаака и Иакова; «сыны царства извержены будут во тьму внешнюю» вон (Матф. 8:11–12). После того, как Спаситель совершил многие чудеса, Он беседует с народом с большей уже свободой. Потом, чтобы кто не почел Его слова за лесть, но чтобы все знали, что сотник точно такого был расположения, говорит: «иди, и, как ты веровал, да будет тебе» (Матф. 8:13). И дело, свидетельствующее о таком расположении его, тотчас последовало: «и выздоровел слуга его в тот час». То же случилось и с сирофиникиянкой, так как и ей Спаситель сказал: «о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час» (Матф. 15:28). Так как Лука в повествовании о данном чуде со слугой сотника включает много другого, что, по-видимому, показывает разногласие, то нужно и это изъяснить вам. Итак, что говорит Лука? Сотник «послал к Нему Иудейских старейшин просить Его» прийти (Лук. 7:3). Матфей же говорит, что он сам, придя, говорил: «недостоин»! Некоторые говорят, что это – разные лица, хотя они и много имеют сходного. О том говорится: «любит народ наш и построил нам синагогу» (Лук. 7:5), а об этом сам Иисус говорит: «и в Израиле не нашел Я такой веры». О том не сказано: «многие придут с востока», – откуда вероятно, что он был иудей. Что же сказать нам на это? То, что такое решение легко; спрашивается только, истинно ли оно? Я думаю, что это одно и то же лицо. Но от чего же, скажет кто-либо, по свидетельству Матфея, он сказал: «я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой»; по свидетельству же Луки, послал

за Христом, чтобы Он пришел? Мне кажется, что Лука указывает нам на лесть иудейскую, и на то, что люди, в несчастье будучи непостоянны, часто переменяют намерения. Весьма вероятно, что когда сотник хотел идти, иудеи воспрепятствовали, льстя ему и говоря: мы сходим и приведем Его. Смотри, и самая просьба их исполнена лести. «Ибо любит», говорят, «народ наш и построил нам синагогу»; и не знают даже, за что нужно похвалить этого мужа. Им надлежало бы сказать, что он сам хотел прийти и попросить, а мы воспрепятствовали, зная его несчастье и видя лежащее в доме тело, и, таким образом, надлежало бы представить величие его веры; но об этом они не говорят. По зависти они не хотели обнаружить веру этого мужа; но чтобы призывающего не почли за какого-либо великого человека, они решились лучше помрачить добродетель того, за которого пришли просить, нежели, обнаружив его веру, исполнить то, за чем пришли. Зависть легко может ослепить ум. Но ведущий тайное прославил его против их воли. А что это так, послушай, как сам Лука опять, изъясняя это, говорит: «когда Он недалеко уже был от дома, сотник прислал к Нему друзей сказать Ему: не трудись, Господи! ибо я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой» (Лук. 7:6). Как скоро он освободился от докучливости иудеев, то посылает сказать: не подумай, что я не пришел по лености, но потому, что почел себя недостойным принять Тебя в дом.

6 3. Если же Матфей повествует, что сотник сказал это не через друзей, но сам лично, то это не показывает никакого противоречия. Дело в том, оба ли евангелиста показали благорасположенность этого мужа и то, что он имел достойное мнение о Христе. Вероятно, что и сам он, после того как послал друзей, пришел и сказал то же.

Если же Лука не упомянул об этом, а Матфей не упомянул о том, то произошло это не от их разногласия, но более оттого, что один восполнял то, что другой опускал. Смотри, как Лука обнаружил его веру и с другой стороны, сказав: «отрок был болен при смерти». Это не повергло сотника в отчаяние и не лишило надежды; но он и в этом случае надеялся, что отрок его останется в живых. Если же, по словам Матфея, Христос сказал: «и в Израиле не нашел Я такой веры», и тем показал, что он не был израильтянином, а Лука повествует, что он построил синагогу, то и здесь нет противоречия, поскольку можно было, и не будучи иудеем, построить синагогу и любить народ иудейский.

7 Но ты не просто исследуй слова сотника, а прими во внимание еще его положение как египетского начальника, и тогда увидишь добродетель этого мужа. В самом деле, начальствующие бывают весьма надменны и не унижаются в самых несчастьях. Так, упоминаемый у Иоанна (царедворец) влечет Иисуса в дом, и говорит: «приди», – отрок мой при смерти (Иоан. 4:49); напротив, сотник не так поступил, но гораздо лучше, нежели и этот царедворец, и те, которые спустили одр сквозь кровлю. Он не домогается телесного присутствия, и не принес страждущего к врачу; а это и показывает, что сотник не низко о Нем думал, но имел богоприличное мнение, когда говорит: «скажи только слово». И не с начала говорит: «скажи слово», но сперва рассказывает только о болезни, так как по великому смиренномудрию не ожидал, чтобы Христос тотчас его послушал и пошел к нему в дом. Вот почему, когда услышал уже слова Его: «Я, придя, исцелю его», тогда говорит: «скажи слово». И болезнь не смущала его, но он и в несчастье любомудрствует, имея ввиду не столько здоровье отрока, сколько то, чтобы не показать в

действиях своих чего-либо неблагоговейного. Хотя он и не настаивал, но Христос обещал. А он и при этом опасался, чтобы каким-либо образом не выйти из пределов собственного достоинства, и не обременить себя каким-либо тяжким поступком. Видишь ли его благоразумие? Посмотри на безумие иудеев, которые говорят: он достоин, чтобы Ты оказал ему милость. Надлежало бы прибегнуть к человеколюбию Иисуса, а они выставляют достоинство человека, сами не зная, с какой стороны должно выставить его. Напротив, сотник иначе поступил: он сознавал себя весьма недостойным не только благодеяния, но и того, чтобы принять Господа в дом. Потому-то, сказав: «отрок мой лежит», не прибавил: «скажи», опасаясь сделаться недостойным принятия дара, но рассказал только о своем несчастье. Когда же увидел милосердие Христово, то и в этом случае не настаивал, но соблюл приличную себе меру. А если бы кто спросил: для чего Христос взаимно не почтил его? – мы ответили бы, что Он, напротив, много почтил его: во-первых, тем, что изъявил согласие, как видно это особенно из того, что не пошел в дом; а во-вторых, тем, что ввел его в царство и предпочел всему народу иудейскому. За то, что Он признал себя недостойным даже принять Христа в дом, удостоился получить царство и блага, которыми наслаждается Авраам. Почему же, скажет кто-либо, прокаженный, показавший больше того, не был похвален? Он не сказал: «скажи слово», но, – что гораздо более, – пожелай только, как то пророк говорит об Отце: «творит все, что хочет» (Псал. 113:11). Но и прокаженный был похвален. Когда Спаситель сказал: «принеси дар, какой повелел Моисей, для свидетельства им», то этими словами выразил не иное что, как то, что ты обвинишь их, потому что ты уверовал. С другой стороны,

не все равно было – уверовать иудею, и – тем, кто вне народа иудейского. А что сотник не был иудеем, это видно как из того, что он сотник, так и из сказанного о нем: «и в Израиле не нашел Я такой веры».

[8] 4. Подлинно, весьма много значило, что человек, не из числа иудеев, имел столь высокую мысль о Христе. Мне кажется, он имел представление о воинствах небесных, или о том, что болезни, смерть и все прочее так же подчинено Христу, как ему самому воины. Потому Он и говорил: «ибо я и подвластный человек», – т. е., ты Бог, я человек; я под властью, Ты же не под властью. Итак, если я, будучи человеком и находясь под властью, столько могу, то гораздо более можешь Ты, будучи Богом и не находясь под властью. С особенной силой он хочет убедить Его в том, что он представляет это не как пример сходный, но как несравненно высший. Если я, говорит он, будучи равен подчиненным и находясь под властью, при малом преимуществе начальства имею такую силу, что никто мне не противоречит, но что я приказываю, то и делают, хотя бы и различны были приказания («говорю одному: пойди, и идет; и другому: приди, и приходит»), то гораздо большую силу имеешь Ты. Некоторые же читают это место и таким образом: «ибо я человек», и, отделив эти слова знаком, присоединяют: «имея у себя в подчинении воинов». Но ты обрати внимание на то, как ясно показал он, что Христос может управлять смертью как рабом, и повелевать как Владыка. Когда он говорит: «пойди, и идет; приди, и приходит», то выражает этими словами такую мысль: если Ты повелишь смерти не приходить к нему, она не придет. Видишь ли, какую он имел веру? Он уже ясно открыл то, что впоследствии всем должно было открыться, то есть, что Христос имеет власть над смертью и жизнью, и может низводить во врата ада и

возводить. И не только упомянул о воинах, но и о рабах, – что служит знаком большего послушания. Но, несмотря на то, что он имел столь великую веру, он почитал себя еще недостойным. Христос же, показав, что он достоин того, чтобы прийти в дом его, сделал гораздо более, когда удивлялся ему, хвалил его и даровал ему более, нежели, сколько он просил. Он пришел искать телесного здоровья отроку, а возвратился, получив царствие. Видишь ли исполнение сказанного: «ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Матф. 6:33)? Как скоро сотник явил великую веру и смирение, Христос даровал ему небо и, сверх того, возвратил здоровье его отроку. И не этим только почтил его, но и засвидетельствованием, что он вводится в царствие, и какие люди из него изгоняются. Отсюда Христос для всех уже делает известным то, что спасение – от веры, а не от дел закона. Потому дар этот предложен будет не только иудеям, но и язычникам, и последним более, нежели первым. Не подумайте, говорит, что так случилось только с сотником; то же будет и со всей вселенной. Здесь пророчески говорит Он о язычниках, и им подает благую надежду. Между следовавшими за Ним были и жители Галилеи языческой. Говорил же Он это для того, чтобы не оставить и язычников в отчаянии, и смирить гордость иудеев. Но чтобы Своими словами не оскорбить слушателей, и не подать никакого им повода к сопротивлению, для этого Христос вводит речь о язычниках, не в самом начале, а когда случай к тому подал сотник; и не прямо выражает имя язычников. Не сказал: многие из язычников, но: «многие от востока и запада», – что означает язычников. А таким образом не оскорбил слушателей, поскольку сказанное было прикрыто. И не этим только смягчает кажущуюся новость

учения, но и тем, что вместо царствия упомянул о лоне Авраама. И это имя для них было неизвестно; между тем, напоминание об Аврааме сильнее угрызало их. Потому и Иоанн сначала ничего не сказал о геенне, но, что особенно их оскорбляло, говорил: «и не думайте говорить в себе», что «отец у нас Авраам» (Матф. 3:9). Вместе с тем Христос имеет ввиду и другое, именно – чтобы не показаться противоречащим древним уставам. Действительно, кто удивляется патриархам, и недра их называет наследием добрых, тот совершенно уничтожает такое подозрение. Итак, никто не должен думать, что здесь одна только угроза. Иудеям возвещается сугубое наказание, язычникам сугубая радость: первым потому, что они не только отпали, но и отпали от своего; а последним потому, что они не только получили, но и получили то, чего не ожидали. К этому присоединяется третье то, что последние получили принадлежащее первым. Сынами же царствия Спаситель называет тех, кому было уготовано царствие. Это особенно сильно уязвляло иудеев, когда, показав, что по обетованию они пребывают в недрах Авраама, вслед затем тотчас же и исключает их. Далее, так как это изречение было приговором, то Христос утверждает его знамением, – как равно и знамение подтверждает предсказанием, впоследствии исполнившимся.

[9] 5. Итак, кто не верит исцелению отрока, тогда бывшему, тот пусть верит в него на основании предсказания, ныне исполнившегося. В самом деле, предсказание прежде события для всех объяснилось знамением, тогда бывшим. Потому-то Спаситель прежде изрек пророчество, а потом исцелил расслабленного, чтобы будущее подтвердилось настоящим, и меньшее – большим. Что добродетельные наслаждаются благами, а злые претерпевают несчастья,

это не заключает в себе никакой несообразности, но согласно и с разумом, и с силой законов. А укрепление расслабленного и воскрешение мертвого – превыше естественных сил. И, однако, этому великому и чудному делу немало содействовал сотник, что и Христос, показывая, сказал: «иди, и, как ты веровал, да будет тебе»! Видишь ли, как исцеление отрока обнаружило и силу Христову, и веру сотника, и утвердило будущее? Или лучше, все это возвещало силу Христову, потому что Он не только исцелил тело отрока, но посредством чудес привлек и душу сотника к вере. Но ты взирай не на то только, что один уверовал, а другой исцелился, но и подивись скорости, которую показывая, евангелист говорит: «и выздоровел слуга его в тот час», – как и о прокаженном сказал, что он тотчас очистился. Христос являл силу не только через исцеление, но и через то, что производил его нежданно и мгновенно. И не этим только приносил Он пользу, но и тем, что во время совершения чудес часто предлагал учение о царствии, и всех привлекал к нему. Даже и тем, которым Он угрожал извержением, угрожал не для того, чтобы извергнуть, но чтобы, устрашив словами, привлечь к царствию. Если же отсюда иудеи не получали никакой пользы, то во всем виновны сами они и все страждущие их болезнью неверия. Всякому известно, что то же случилось не только с иудеями, но и с уверовавшими. Иуда был сыном царствия, и вместе с прочими учениками слышал: «сядете на двенадцати престолах» (Матф. 19:28), однако, сделался сыном геенны. Ефиоплянин же, будучи варваром и одним из тех, которые пришли от востока и запада, удостоился венцов вместе с Авраамом, Исааком и Иаковом. То же и ныне между нами происходит. «Ибо многие», говорит Господь, «будут первые последними, и последние

первыми» (Матф. 19:30). Это сказал Он для того, чтобы как последние не предавались беспечности, как не имеющие сил возвратиться, так и первые не надеялись бы на себя, как твердо стоящие. О том же предвещал раньше и Иоанн, говоря: «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Матф. 3:9). Так как этому надлежало совершиться, то заранее и предвозвещается, для того, чтобы никто не смутился странностью вещи. Но Иоанн, как предтеча, говорит о том как о возможном; а Христос – как о несомненно имеющем быть, и доказывает это делами.

10 Итак, если стоим, не будем надеяться на себя, но будем говорить себе: «кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть» (1Кор. 10:12); а если лежим, то не будем отчаиваться, но будем говорить себе: «разве, упав, не встают» (Иер. 8:4)? Действительно, многие, достигнув до самой высоты неба, показав всякое терпение, живя в пустынях и не видав женщины даже во сне, но несколько вознерадев, преткнулись и дошли до самой бездны зла. Другие, напротив, из этой бездны возвысились к небу, и от позорища и от места пляски обратились к жизни ангельской, и столь великую явили добродетель, что изгоняли демонов и совершали много других подобных знамений. Такими событиями исполнено Писание, такими примерами исполнена наша жизнь. Любострастные и изнеженные заграждают уста манихеев, которые злобу почитают неизменной, которые служат дьяволу, расслабляют руки желающих упражняться в добре и извращают все уставы жизни. Те, которые внушают такие убеждения, не только причиняют вред в будущем, но и здесь, по возможности, все извращают. Как кто-либо из порочных будет стараться о добродетели, когда он возвращение к добродетели и изменение на лучшее

почитает невозможным? Если и теперь, когда и законы существуют и наказания угрожают, когда многих возбуждает слава, когда ожидается геенна и обещается царствие, когда злые осуждаются, а добрые восхваляются, – если и теперь некоторые едва решаются на подвиги добродетели, то, по уничтожении всего этого, что воспрепятствует всеобщему растлению и гибели?

[11] 6. Итак, познав коварство дьявольское и то, что как указанные люди, так и те, которые силятся утвердить учение о судьбе, мыслят противно и языческим законодателям, и божественным изречениям, и естественному разуму, и общему мнению всех людей, и варварам, и скифам, и фракиянам, и всем вообще, – будем, возлюбленные, бодрствовать и, оставив всех этих противников истины, будем шествовать тесным путем с упованием и страхом: со страхом – по причине стремнин, отовсюду предстоящих; с упованием же – потому, что Иисус предходит перед нами. Пойдем с трезвостью и бодрствованием. Если кто хотя несколько задремлет, тотчас низринется. Мы не осмотрительнее Давида, который, несколько вознерадев, низвергнулся в самую бездну греха. Впрочем, он и восстал скоро. Взирай поэтому не на то только, что он согрешил, но и на то, что он очистил свой грех. Для того написана и история его падения, чтобы ты не на падение его взирал, но удивлялся его восстанию; чтобы ты знал, как после падения должно тебе восставать. Как врачи, выбирая самые трудные болезни, описывают их в книгах и учат других способу врачевания, чтобы последние, узнав труднейшие болезни, удобнее могли преодолеть слабейшие, так точно и Бог сделал явными самые великие грехи для того, чтобы те, которые впадают в малые грехи, могли через то удобно исправлять их. В самом деле, если

могли быть очищены большие грехи, то тем более меньшие. Итак, рассмотрим, как тот блаженный муж изнемог, и как он восстал в скором времени. Какой же был образ изнеможения? Он учинил прелюбодеяние и убийство. Я не стыжусь громогласно возвещать об этом: если Дух Святый не почел постыдным изложить всю эту историю, то тем более нам не должно скрывать ее. Поэтому я не только возвещаю об этом, но нечто и еще присоединяю. Те, которые скрывают падение Давида, весьма помрачают добродетель этого мужа. И как умалчивающие о сражении его с Голиафом, лишают его немалых венцов, так точно поступают и те, кто оставляют без внимания настоящее повествование. Может быть, мои слова кажутся странными? Но подождите немного, и вы узнаете, что это сказано нами справедливо. Я для того увеличиваю грех, и представляю дело в более странном виде, чтобы в большем обилии приготовить врачевство. Итак, что же мне присоединить? Добродетель мужа. Это увеличивает и вину его: неодинаково ведь осуждается все во всех. «Сильные», говорит Писание, «сильно будут истязаны» (Прем. Сол. 6:6). И: «тот, который знал волю господина своего», и не исполняющий, «бит будет много» (Лук. 12:47). Следовательно, большее ведение служит причиной большего наказания. Поэтому иерей, впадающий в одинаковые грехи с подчиненными себе, не одинаковым с ними подвергается наказаниям, но гораздо тягчайшим. Может быть, вы, видя, что вина возрастает, трепещете и устрашаетесь, и удивляетесь мне, как будто бы я хожу по стремнинам; но я столько уверен в праведнике, что простираюсь еще далее. Чем более увеличу вину, тем более в состоянии буду восхвалять Давида. Но можно ли, спросят, сказать что-либо более этого? Можно. Именно: как Каин учинил не только

убийство, но и худшее многих убийств, – поскольку он убил не чужого, но брата, и брата не обидевшего, но обиженного, не после многих убийц, но первый изобрел таковое злодеяние, – так и здесь преступление состояло не в одном только убийстве, потому что не простой человек учинил его, но пророк, убил не обидевшего, но обиженного, поскольку этот последний был уже обижен в то время, когда была похищена жена, и, таким образом, к этому преступлению Давид присоединил еще новое. Видите ли, как я не пощадил праведника, и как без всякого послабления рассказал его проступки? Не смотря, однако же, на это, я так надеюсь защитить его, что, не взирая на столь великую тяжесть греха, желал бы, чтобы здесь находились как манихеи, весьма издевающиеся над ним, так и зараженные учением Маркиона, чтобы мне совершенно заградить их уста. Они говорят, что Давид учинил убийство и прелюбодеяние. А я не только то же говорю, но и доказал, что убийство его было двойное, как потому, что убит был обиженный, так и потому, что высоко было достоинство согрешившего.

[12] 7. Не одно и то же значит, когда отваживается на такие преступления человек, удостоившийся Духа, столько облагодетельствованный, имеющий великое дерзновение, притом в таком возрасте, – и когда то же самое делает тот, кто лишен всего этого. И при всем том, доблестный этот муж достоин величайшего удивления, потому именно, что он, ниспадши в самую глубину зла, не упал духом, не отчаялся и не остался ниц лежащим, получив от дьявола столь опасную рану, но скоро, даже тотчас, и с великой силой нанес ему более опасную рану, нежели какую получил. Случилось то же самое, как если бы во время сражения и в строю какой-либо варвар вонзил копье в сердце мужественного воина, или, оставив в груди

его стрелу, присоединил к прежней другую опаснейшую рану, а получивший эти тяжкие раны, весь обливаясь потоками крови, проворно встал бы и, пустив копье в своего врага, тотчас бы поверг его замертво на землю. Так точно и здесь, чем большую представишь рану, тем более удивительной покажешь душу уязвленного, – поскольку он, несмотря на эту тяжкую рану, имел силу встать среди строя, и повергнуть того, кем был поражен. Как это важно, особенно знают те, которые впадают в тяжкие грехи. Подлинно, не столько тогда открывается мужественная и твердая душа, когда кто-либо без падений пробегает путь (потому что таковой имеет спутником своим благую надежду, возбуждающую, ободряющую, укрепляющую и делающую его ревностнейшим), сколько тогда, когда кто-либо, после бесчисленных венцов, многих трофеев и побед, претерпевая крайний урон, опять может вступить на прежние пути. Для большей ясности, я постараюсь предложить вам другой пример, не менее важный, в сравнении с первым. Вообрази, что какой-нибудь мореплаватель, бывший на бесчисленных морях, проплывший все море, после многих бурь, подводных камней и волн, имея много товара, стал бы утопать при самом входе в пристань, и едва с нагим телом избег бы этого опасного кораблекрушения: в каком он будет расположении к морю, к плаванию и к морским опасностям? Не обладая особенно сильным характером, захочет ли он когда-нибудь посмотреть на берег, на корабль, на пристань? Не думаю; он скроется, будет лежать, не различая дня от ночи и от всего отказываясь, – предпочтет лучше жить милостыней, чем приняться за прежние труды. Не таков был блаженный Давид; но, после бесчисленных трудов и подвигов, претерпев

ужасное кораблекрушение, не скрылся, а извлек корабль и, распустив паруса и взявшись за кормило, принялся за прежние труды – и опять собрал богатство, большее прежнего. Если стоять и после падения не лечь навсегда – достойно удивления, то каких венцов достоин тот, кто тотчас же встает и совершает великие дела? Много было для Давида побуждений к отчаянию: и, во-первых, величие греха; во-вторых, то, что он потерпел это крушение не в начале жизни, когда больше надежд, а под конец, – ведь и купец, претерпевший кораблекрушение тотчас же по выходе из пристани не одинаково скорбит с тем, который после бесчисленных куплей попал на подводный камень; в-третьих, то, что он претерпел это уже после того, как собрал великое богатство. В самом деле, немало у него было тогда сокровищ: были, например, сокровища, которые приобрел он в первом возрасте, когда был пастухом, – в сражении с Голиафом, когда поставил блистательный трофей, – в мудром обращении с Саулом. Поистине, Давид показывал евангельское великодушие, когда, тысячекратно имея в руках врага, всегда щадил его и лучше решил лишиться отечества, свободы и самой жизни, нежели умертвить того, который несправедливо строил ему козни. Немало также он имел добродетелей после принятия царства. Кроме всего сказанного и худое мнение народа, а равно и лишение столь блистательной славы – производили не малое смущение. Не столько украшала его порфира, сколько покрывало стыдом пятно греха.

13 8. Вы, конечно, знаете, как тяжко бывает тому, чьи грехи разглашаются, и какое великое мужество требуется от такого человека, чтобы после всеобщего обвинения и после того, как много находится свидетелей его преступлений, не упасть духом. Но тот доблестный муж,

извлекши из души своей все эти стрелы, столько после того просиял, так омыл пятно, так очистился, что и по смерти заглаживал грехи своих потомков. И что сказал Бог об Аврааме, то же говорит и о Давиде, – и о нем даже гораздо более. О патриархе Он говорит: я вспомнил «завет Свой с Авраамом» (Исх. 2:24); говоря же о Давиде, не о завете говорит, а о чем? «Ради Давида, раба Моего буду охранять город сей» (4Цар. 19:34). И, по благоволению к нему, не попустил лишиться царства Соломону, столь тяжко согрешившему. И до того велика была слава Давида, что Петр, после столь многих лет произнося к иудеям речь, так говорит: «с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что он и умер и погребен» (Деян. 2:29). И Христос, беседуя с иудеями, показывает, что он после греха удостоился такой благодати Духа, что и опять сподобился пророчествовать о Его божестве. Заграждая его пророчеством уста их, Он говорил: «как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня» (Матф. 22:43–44). И что совершилось над Моисеем, то и над Давидом. Подобно тому, как Бог, против воли Моисея, по великой Своей любви к этому праведнику, наказал Мариам за обиду брата, так скоро отомстил и за Давида, оскорбленного сыном, хотя Давид того и не желал. И этого достаточно. Чтобы доказать добродетель этого мужа, и это даже более чем что-либо другое может служить доказательством ее. Когда Бог утверждает, тогда не нужно более исследовать. Если же хотите подробно знать мудрость Давида, то, прочитав историю его после греха, можете увидеть его упование на Бога, любовь, возрастание в добродетели и тщание до последнего издыхания. Итак, имея такие примеры, будем бодрствовать и остерегаться от падения. Если же и

случится нам пасть, то не будем лежать. Я не для того упомянул о преступлениях Давида, чтобы повергнуть вас в беспечность; но для того, чтобы большее произвести опасение. Если даже этот праведник, несколько вознерадев, подвергся таким страданиям и получил такие раны, то чего не потерпим мы, каждодневно предающиеся беспечности? Итак, познавши его падение, не предавайся нерадению, но представь, сколько совершил он и после него, сколько пролил слез, сколь великое являл раскаяние, день и ночь испуская источники слез и омывая ими постель, и сверх того, облекаясь во вретище. Если же для него потребно было такое поведение, то, как можем спастись мы, несмотря на множество преступлений, не имеющие сокрушения? Кто еще имеет великие добродетели, тот удобно может покрыть ими грехи; не имеющий добродетелей, откуда бы ни был поражен стрелой, получает смертельный удар. Итак, чтобы этого не случилось, вооружим себя добрыми делами, и, если учиним какое-либо преступление, будем очищать себя, чтобы, проведя настоящую жизнь во славу Божью, удостоиться нам наслаждения будущей жизнью, которую все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 27

[1] «Придя в дом Петров, Иисус увидел тещу его, лежащую в горячке, и коснулся руки ее, и горячка оставила ее; и она встала и служила им». (Матф. 8:14–15)

[2] Изъяснение 8:14–22. С какою быстротою совершались Христом исцеления. – Болезни телесные суть следствия грехов. – Христос ничего не делал из тщеславия. – Христос привлекал народ не только чудотворениями, но и приятностью своего вида. – Вопрошавшим Христос давал ответы сообразно их внутреннему расположению. – Заботы о духовном должно предпочитать всему остальному. – Живущие во грехах хуже мертвецов.

[3] 1. Марк, желая показать и время, говорит: «и тотчас» (Марк 1:30); а Матфей описал только чудо, не означив времени. Другие говорят, что больная даже просила Его; но Матфей и об этом умолчал. Впрочем, в этом нет разногласия: одно происходит от краткости, а другое от полноты повествования. Но для чего Христос вошел в дом Петров? Мне кажется, для принятия пищи; на это указал и евангелист, когда сказал: «встала и служила им». Христос останавливался у учеников, как например, и у Матфея, когда его призвал, чтобы через то почтить их и сделать усерднейшими. Но ты и здесь заметь Петрово почтение к Нему. Имея тещу, лежащую дома в сильной горячке, он не привел Его в дом свой, но ожидал, пока

будет окончено учение и исцелятся все прочие; и тогда уже, когда Он вошел в дом, начал просить Его. Так он с самого начала научался предпочитать выгоды других своим. Итак, не Петр приводит Его в дом, но Он сам по собственной воле пришел, после того как сотник сказал: «я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой», показывая, сколько Он благоволил к ученику. Но представь, каковы были дома этих рыбаков; при всем том Христос не гнушался входить в их бедные хижины, научая тебя во всем попирать человеческую гордость. Иногда Он словами только исцеляет, иногда и руку простирает, а иногда делает и то и другое, чтобы видимо было врачевание Его. Он не хотел всегда чудодействовать необычайным образом. Но Ему надлежало еще скрываться, и особенно при учениках, потому что они в великой радости все бы рассказали. И это видно из того, что, по восшествии на гору, Он почел нужным объявить им, чтобы они никому не сказывали. Итак, коснувшись тела, Он не только прекратил горячку, но и вполне возвратил здоровье. Так как болезнь была незначительна, то Он явил Свое могущество в способе лечения, чего не могло бы сделать врачебное искусство.

4 Вам известно, что и по освобождении от горячки больным требуется много времени для того, чтобы прийти в прежнее здоровье. Но тогда все зараз последовало. И не здесь только случилось это, но и на море. И там Он не только укротил ветры и бурю, но тотчас остановил и самое движение волн, что было также странно. (Обычно) и после того, как буря прекратится, волны еще долго колеблются. Но у Христа не так; у Него все вместе прекращалось. Так именно случилось и с этой женой. Указывая на это, евангелист и говорит: «встала и служила им», – что было знаком и силы Христовой и расположения

жены, которое она оказывала к Христу. Отсюда мы можем усматривать вместе и то, что Христос по вере одних дает исцеление другим (здесь именно просили Его другие, как то было и с отроком сотника). Впрочем, Он благодетельствует, если только желающий исцеления не упорствует в неверии, а только или по причине болезни не может прийти к Нему, или по причине неведения и незрелого возраста не имеет о Нем высокого понятия. «Когда же настал вечер, к Нему привели многих бесноватых, и Он изгнал духов словом и исцелил всех больных, да сбудется реченное через пророка Исаию, который говорит: Он взял на Себя наши немощи и понес болезни» (Матф. 8:16–17). Видишь ли, как многие, наконец, уверовали? Они не хотели удалиться, хотя время и побуждало к тому, и не почитали неблаговременным приводить вечером больных своих. Заметь, о каком множестве исцеленных евангелисты умалчивают, когда не говорят нам и не повествуют о каждом порознь, но одним словом переходят неизреченное море чудес. Потом, чтобы величие чуда не повергло в недоверие, что Он такое множество и от столь различных болезней освободил и исцелил в одно мгновение времени, евангелист приводит пророка, свидетельствующего о случившемся, показывая тем, что доказательство, заимствованное из Писания, во всяком случае, важно и не ниже самых знамений. Исаия сказал, говорит он, что Христос «взял на Себя наши немощи и понес болезни». Пророк не сказал: освободил, но – взял и понес: это, мне кажется, сказано пророком более о грехах, согласно со словами Иоанна: «вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Иоан. 1:29).

[5] 2. Итак, почему же здесь евангелист относит это пророчество к болезням? Или потому, что принимал это

свидетельство буквально, или для того, чтобы показать, что большая часть болезней есть следствие грехов душевных. В самом деле, если самая смерть, утверждение болезней, имеет своим корнем и началом грех, то тем более многие болезни. Точно также и то, что мы можем подвергаться болезням, родилось от греха. «Увидев же Иисус вокруг Себя множество народа, велел ученикам отплыть на другую сторону» (Матф. 8:18). Видишь ли, опять как Он чужд тщеславия? Другие евангелисты говорят, что Он запрещал демонам сказывать, кто Он; а Матфей говорит, что Он удалял от Себя народ. Делал Он это с одной стороны для того, чтобы научить нас скромности, с другой – для того, чтобы укротить иудейскую зависть и убедить нас ничего не делать из тщеславия. Он не только исцелял тела, но и исправлял душу, научая благочестию; показывал Себя и в том, что исцелял болезни, и в том, что ничего не делал из тщеславия. Действительно, многие из любви и удивления к Нему, и желая всегда наслаждаться Его лицезрением, неотступно пребывали при Нем. Да и кто бы удалился от творившего такие чудеса? Кто бы и просто не захотел взирать на Его лицо и уста, изрекающие такие слова? Он достоин удивления не только по чудесам, но даже и один вид Его исполнен был великой приятности, как показывает то пророк, говоря: «прекраснее сынов человеческих» (Псал. 44:3). Когда же Исаия говорит: «не было в Нем вида, который привлекал бы» (Ис. 53:2), то говорит это или о непостижимой и неизреченной славе Божества, или о том, что случилось с Ним во время страдания, и именно – о бесчестии, которое претерпел Он во время распятия на кресте, или о смирении, которое являл во всем, в продолжение целой жизни. Далее Спаситель не прежде повелел ученикам переправиться на

ту сторону, как по исцелении болезней. Иначе народ не мог бы перенести этого. Как на горе он не только пребывал с Христом тогда, как Он проповедовал, но и последовал за Ним, когда Он молчал, так и здесь прикреплялся к Нему, не только тогда, когда Он чудодействовал, но и когда перестал чудодействовать, и от самого лица Его получал великую пользу. В самом деле, если Моисей имел прославленное лицо, и Стефан лицо ангельское, то представь, каков тогда должен быть вид общего Владыки! Может быть, многие воспламенились желанием узреть Его образ; но если мы пожелаем, то узрим и гораздо лучший образ. Если мы с упованием проведем настоящую жизнь, то увидим Его на облаках, встретив в бессмертном и нетленном теле. Смотри, с каким благоразумием Спаситель отсылает народ, чтобы не устрашить. Он не сказал: удалитесь; но повелел переплыть на ту сторону, обнадеживая, что и Он непременно придет туда. Но тогда как народ показал столько любви к Христу и с таким усердием следовал за Ним, один раб богатства и весьма надменный человек подошел к Нему и сказал: «Учитель! я пойду за Тобой, куда бы Ты ни пошел» (Матф. 8:19). Видишь ли, какова гордость? Почитая недостойным считать себя между простым народом, но, показывая, что он гораздо выше черни, с такими мыслями приступает к Иисусу. Таковы уже иудейские нравы; они обычно исполнены неблаговременного дерзновения. Точно также впоследствии и некто другой, когда все молчали, сам, приступив, сказал: «какая первая заповедь» (Матф. 22:36)? Впрочем, Господь не осудил его за неуместную дерзость, научая нас тому, что бы мы терпели и таковых. Потому-то Он не обличает явно тех, которые имели злые намерения, но Свои ответы направляет против их мысли,

предоставляя им одним видеть обличение, и доставляя им двоякую пользу: во-первых, тем, что показывал в Себе знание сокровенного в совести; во-вторых, тем, что несмотря на такое сердцеведение, попускал скрывать свои намерения, и давал возможность исправиться, если только захотят. Таким точно образом поступил Он и с приступившим к Нему теперь. Последний, видя многие знамения, и то, что многие ими были привлекаемы к Иисусу, надеялся обогатиться от таковых чудес, почему и поспешил заявить о своем желании следовать за Ним. Но из чего это известно? Из ответа, который дает Христос, сообразуясь не со словами вопроса, но с мыслью. Что же, – говорит ему Христос, – ты надеешься, следуя за Мной, собирать деньги? Не видишь ли, что у Меня нет жилища даже и такого, какое имеют птицы? «Лисицы», говорит Он, «имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Матф. 8:20). Впрочем, это сказал Он не для того, чтобы отдалить его от Себя, но чтобы обличить его худое намерение и доставить случай следовать за Собой с таковой надеждой, если захочет. А чтобы узнать тебе его лукавство, смотри, что он делает. Услышав слова Христовы и будучи обличен, он не сказал: готов последовать.

[6] 3. Подобным образом часто поступал Христос и в других случаях. Хотя явно не обличал Он, но ответом показывал мысль к Нему приходивших. Так и тому, который говорил: «Учитель благий» (Матф. 19:16) и этой лестью думал расположить Его к себе, Он, имея ввиду его намерение, отвечал: «что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог» (Матф. 19:17). И когда говорили Ему: «вот Матерь Твоя и братья Твои» ищут Тебя (Матф. 12:47) (так как последние еще имели в себе нечто человеческое, и желали не услышать что-нибудь

полезное, но показать, что они близки к Нему, и тем тщеславиться), послушай, что говорит: «кто Матерь Моя? и кто братья Мои» (Матф. 12:48)? И опять самим братьям Своим, которые говорили Ему: «яви Себя миру» (Ин. 7:4), и желали через то приобрети себе тщетную славу, сказал: «Мое время еще не настало, а для вас всегда время» (Иоан. 7:6). То же самое делает и с противной стороны. Так о Нафанаиле говорит: «вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства» (Иоан. 1:47). И опять: «пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите» (Матф. 11:4). И здесь Он дал ответ не на слова, но на мысль пославшего. Подобным образом, и к народу говорит сообразно с его внутренним расположением: «что смотреть ходили вы в пустыню» (Лук. 7:24)? Так как народ, вероятно, думал об Иоанне, как о простом и обыкновенном человеке, то, исправляя такое его мнение, говорит: «что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую? человека ли, одетого в мягкие одежды» (Лук. 7:24–25)? – показывая через то и другое, что он и сам в себе тверд, и не может быть расслаблен никакими удовольствиями. Так точно и здесь Христос дает ответ, сообразный с мыслью говорившего. Приметь, какую кротость показывает Он и в настоящем случае. Он не сказал: хотя Я имею, однако презираю; но сказал: не имею. Видишь ли, сколь великую Он имел осмотрительность и вместе снисходительность? Ел ли Он когда, пил ли, или казался делающим что-либо несогласно с Иоанном, – Он делал и это для спасения иудеев, или лучше, для спасения целой вселенной, и, вместе, заграждая уста еретиков, и сильно желал привлечь к Себе бывших тогда при Нем. Другой же некто, продолжает евангелист, сказал Ему: «Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего» (Матф. 8:21).Видишь ли различие? Тот бесстыдно говорит: «я

пойду за Тобой, куда бы Ты ни пошел»; а этот, даже испрашивая позволение на благочестивое дело, говорит: «позволь мне». Впрочем, Христос не позволил, а сказал: «иди за Мной, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Матф. 8:22). Спаситель везде обращал внимание на намерение. Но почему, скажет кто-либо, не позволил? Потому что и без него было кому исполнить то дело, и умерший не остался бы без погребения; между тем ученику не должно было удаляться от дела более необходимого. Сказав же: «своих мертвецов», показывает, что мертвец не Его. Умерший, по моему мнению, был из неверующих. Если же ты удивляешься юноше в том, что он спрашивал Иисуса о столь необходимом деле и не удалился самовольно, то тем более подивись тому, что он остался при Иисусе и тогда, когда получил запрещение. Но скажет кто-либо: не быть при погребении отца не было ли знаком крайней неблагодарности? Если бы он сделал это по лености, то оказал бы неблагодарность; но если сделал это для того, чтобы не прервать необходимейшего дела, то в таком случае удалиться было бы знаком величайшего неразумия. Конечно, Иисус запретил ему не потому, чтобы повелевал не воздавать почтения родителям, но с целью показать, что ничто не должно быть для нас необходимее небесного, и что с великим тщанием должно стараться о небесных благах и не забывать о них даже на самый краткий срок, хотя бы отвлекали от того самые нужные и неминуемые дела. В самом деле, что может быть необходимее погребения отца и что легче? На это потребно было немного времени. Если же и настолько времени, сколько нужно для погребения отца, не безопасно оставлять духовные предметы, то представь, чего будем достойны мы, которые всегда оставляем дела христианские и самое маловажное

предпочитаем необходимому, и без всякого побуждения предаемся нерадению. Далее, мудрости учения Спасителя должно удивляться и потому, что Он сильно привлек к Себе юношу словом и, вместе с тем, освободил его от бесчисленного множества зол, как то: от рыданий, плача и всего отсюда происходящего. Действительно, после погребения нужно было рассматривать завещания, заниматься разделом наследства и всем прочим, что происходит в таких случаях, – и, таким образом, волна за волной, унося его все дальше, весьма далеко увлекли бы от пристанища истины. Потому-то Христос влечет и прикрепляет его к Себе. Если же ты еще удивляешься и смущаешься тем, что ему не было дозволено находиться при погребении отца, то вообрази, что многие не дают знать малодушным о смерти их ближних и не допускают быть при гробе, хотя бы умер отец, или мать, или сын, или другой кто-либо из родственников, и мы за это не обвиняем их в жестокости и бесчеловечии – и весьма справедливо. Напротив, допускать малодушных предаваться плачу – было бы делом жестокости.

[7] 4. Но если худо плакать и сокрушаться о сродниках, то гораздо хуже удаляться от духовных наставлений. Вот почему Спаситель в одном месте и говорит: «никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» в царствии небесном (Лук. 9:62). Подлинно, гораздо лучше проповедовать царствие Божье и других избавлять от смерти, нежели погребать ни к чему не нужного умершего, и особенно тогда, когда есть люди, могущие исполнить это дело. Итак, отсюда научаемся мы тому, что не должно терять и малого времени, хотя бы было бесчисленное множество побуждений к тому, но всему, даже самому необходимому, должно предпочитать духовное, и знать, в

чем состоит жизнь и в чем смерть. Многие ведь, из тех которые, по-видимому, живут, ничем не различаются от мертвых, когда живут во зле; вернее – они даже хуже мертвецов. «Умерший освободился от греха» (Рим. 6:7), говорит апостол. А тот, кто живет во зле, служит греху. Не говори мне, что он не съедается червями, не лежит в гробу, не закрыл глаз и не обвит пеленами. Он большие претерпевает мучения, нежели умерший, не потому, чтобы черви съедали его, но потому, что страсти душевные терзают его лютее зверей. А если у него открыты глаза, то и это опять гораздо хуже того, как если б они были закрыты. Глаза умершего ничего не видят худого; а этот, имея открытые глаза, подвергает себя бесчисленным болезням. Тот лежит в гробу ничего не чувствуя; а этот заключен в гробу бесчисленных болезней. Но ты не видишь гниения его тела? Что же? Душа его еще прежде тела растлилась, погибла и подвергается большему гниению. Тот смердит десять дней, а этот во всю жизнь дышит зловонием, имея уста хуже всяких нечистых мест, – так что они различаются между собой только тем, что один подвергается только естественному тлению, а другой к нему присоединяет еще гниение, происходящее от нечестивой жизни, ежедневно вымышляя для себя бесчисленные причины растления. Но этот ездит на коне? Что же? Умерший лежит на одре. Но что важнее, его никто не видит истлевающим и сгнивающим, потому что он имеет гроб своим покровом; а этот смердит повсюду, нося мертвую душу в теле, как в гробу. И если бы можно было увидеть душу человека, живущего в роскоши и нечестии, то ты увидел бы, что гораздо лучше лежать связанным в гробу, нежели быть окованным цепями греховными; лучше иметь на себе лежащий камень, нежели тяжкий покров

бесчувственности. Вот почему сродникам этих мертвецов, когда они пребывают в такой бесчувственности, особенно должно приступать к Иисусу с молением о них, подобно тому, как Мария молила о Лазаре. Пусть будет он смердящим, пусть четверодневным, – не отчаивайся, но приступи и отвали прежде камень, – и тогда увидишь его лежащим как бы в гробу и обвитым пеленами. И, если вам угодно, я представлю кого-нибудь из великих и знатных мужей. Не бойтесь: я представлю пример, не указывая на имя; – впрочем, если бы я открыл и имя, то и тогда не надлежало бы бояться. Кто, в самом деле, когда-либо боялся мертвого? Что бы он ни стал делать, всегда остается мертвым. Мертвый живому не может сделать никакого оскорбления. Итак, посмотрим на связанную голову таковых мертвецов. В самом деле, так как они беспрестанно пьяны, то у них, на подобие того, как мертвые связываются многими покровами и пеленами, все чувства заключены и связаны. Если же хочешь посмотреть и на руки, то увидишь, что и они, так же как у мертвых, привязаны к чреву и обвязаны не пеленами, а что гораздо хуже, узами любостяжания. Оно не допускает им простираться к милостыне или к другому какому-либо доброму делу, но делает их гораздо бесполезнее рук умерших. Хочешь ли видеть и ноги связанные? Смотри – они также связаны заботами и оттого никогда не могут прибегать в храм Божий. Ты видел мертвого; теперь смотри и на погребающего. Итак, кто же погребает этих мертвецов? Дьявол, тщательно связывающий их и не дозволяющий уже человеку казаться человеком, но сухим деревом. Кто не имеет ни глаз, ни рук, ни ног, ни других членов, тот как может казаться человеком? Таким образом, можно видеть, что и душа их обвита пеленами, и есть скорее идол, нежели душа. Итак, поскольку они

пребывают в бесчувственности, сделавшись некоторым образом мертвыми, то мы приступим к Иисусу, будем молить Его об их воскресении, отвалим камень, развяжем пелены. Как скоро ты отвалишь камень, т. е. отнимешь ту бесчувственность, которую они показывают во зле, то тотчас изведешь их из гроба, а, выведя отсюда, гораздо удобнее освободишь их от оков. Когда ты воскреснешь, тогда познает тебя Христос; когда разрешишься от уз, тогда Он призовет тебя и к Своей вечери. Итак, вы, друзья Христовы, ученики Его, – вы, любящие умершего, приступите к Христу и помолитесь! Пусть умерший исполнен чрезмерного зловония; сродники не должны оставлять его и в этом случае, но тем более приступать к Богу (чем более умножается тление), подобно как сделали и сестры Лазаревы; должны до тех пор просить, молить и умилостивлять Бога, доколе мы не увидим его живым. Если мы будем так стараться о себе и о ближних, то скоро достигнем и будущей жизни, которую все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Беседа 28

[1] «И когда вошел Он в лодку, за Ним последовали ученики Его. И вот, сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами; а Он спал». (Матф. 8:23–24)

[2] Изъяснение 8:23–34. Почему Христос взял одних только учеников и попустил им обуреваться волнами. – Различие между чудом Христовым и чудом Моисея. – Бесы исповедуют божество Христа. – Согласие евангелистов в повествовании об исцелении бесноватых. – Почему бесноватые жили в гробах. – Душа, исшедшая из тела, не остается на земле. – Бог промышляет о каждом человеке. – Для чего Христос позволил бесам потопить свиней. – Сребролюбцы страдают более тяжким недугом, чем бесноватые. – Изображение сребролюбца. – Сребролюбие вредит самому приобретению богатства.

[3] 1. Лука, не входя в исследование порядка времен, говорит так: «в один день Он вошел с учениками Своими в лодку» (Лук. 8:22). Точно так же говорит и Марк. Но Матфей поступает не так: он соблюдает здесь и самый порядок происшествий. Не все евангелисты обо всем писали одинаково, – о чем и прежде говорил я, чтобы кто-нибудь из опущения не заключил, что между евангелистами есть разногласие. Итак, Христос послал

прежде народ, а учеников взял с Собой, как они свидетельствуют о том; взял же их не без цели и не без намерения, но для того, чтобы сделать их зрителями чуда, имеющего совершиться. Он, как некий наилучший наставник детей, поучал их тому, чтобы они с одной стороны были бесстрашны среди бедствий, а с другой – смирялись среди почестей. Чтобы они не превозносились тем, что Спаситель, отослав прочих, удержал их при Себе, – для достижения этой цели и вместе для приучения их к мужественному перенесению искушений, попустил им обуреваться волнами. Хотя, конечно, велики были и прежние чудеса, но настоящее чудо и заключало в себе немалое назидание, и было знамением, подобным древнему. Потому Спаситель и берет с Собой одних только учеников. Где совершались одни только чудеса, там дозволял Христос быть и народу; но где предстояли искушения и ужасы, там Он брал с Собой одних только подвижников вселенной, которых Он хотел обучить. Далее, Матфей говорит просто, что Иисус «спал»; а Лука говорит, что Он «спал на возглавии», показывая через то Свое смирение, и поучая нас великой мудрости. Итак, когда поднялась буря и море сильно волновалось, ученики будят Его, говоря: « Господи! спаси нас, погибаем» (Матф. 8:25). Спаситель, прежде чем усмирить море, обратился к ним с обличением. Буря, как сказал я, попущена была для научения учеников; это было образом имеющих постигнуть их искушений, так как и после того Спаситель часто попускал им впадать в жесточайшие бедствия, и через то укреплял дух их. Потому и Павел говорил: «мы не хотим оставить вас, братья, в неведении, потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых» (2Кор. 1:8). И далее опять говорит: «Который избавил нас от столь близкой смерти»

(2Кор. 1:10). Итак, Иисус прежде всего укорил учеников Своих, показывая тем, что надобно быть мужественными и среди сильнейшего обуревания волн, что Он все устраивает во благое. Так и самое смущение их принесло им пользу, поскольку чудо представилось им гораздо важнейшим, и происшествие навсегда сохранилось в их памяти. Когда Бог имеет намерение совершить что-нибудь чудесное, то сначала предустраивает многое для утверждения его в памяти людей, чтобы они не забывали совершенного Им чуда. Так и Моисей сначала страшится змия, и страшится не просто, но и с великим смущением, и потом уже видит совершающееся чудо; так и ученики ожидали сначала себе погибели, а потом получили спасение, чтобы они, через уверенность в опасности, познали величие чуда. Вот почему Спаситель и предается сну. В самом деле, если бы буря случилась во время Его бодрствования, то они или не устрашились бы, или не стали бы Его просить, а может быть даже не подумали бы, что Он может совершить подобного рода чудо. Потому-то Он и предался сну, чтобы дать им время испытать страх, и заставить их сильнее почувствовать происходящее. Человек иначе смотрит на то, что случается с другими людьми, и что случается с ним самим. Так как ученики видели всех других облагодетельствованными, а себя самих не получившими никакого благодеяния, и были беззаботны (они ведь ни хромы не были, и никакой другой подобной болезни не имели), и потому им надлежало собственным чувством испытать Его благодеяния, то Он попускает восстать буре, чтобы им через спасение от нее сильнее почувствовать Его благодеяние. Вот почему Спаситель совершает чудо и не в присутствии народа, чтобы не обвинили учеников в маловерии; но, взявши их с Собой одних, исправляет, и

прежде укрощения волнения вод, укрощает волнение душ их, укоряя их такими словами: «что вы так боязливы, маловерные» (Матф. 8:25)? и вместе научая, что не нашествие искушений, но слабость духа производит страх. А если кто скажет, что ученики не по страху и не по маловерию приступили к Иисусу и разбудили Его, то я скажу, что это-то самое особенно и было доказательством ненадлежащего их о Нем мнения. Они были уверены в том, что Он, встав, может укротить бурю; но что может сделать это и во время сна – в этом не были уверены. И что удивляться несовершенству их в настоящем случае, когда они и после многих других чудес еще оставались весьма несовершенными? Потому-то Христос часто и укоряет их; так, например, когда говорит: «неужели и вы еще не разумеете» (Матф. 15:16)? Итак, не удивляйся, если народ не имел о Нем высокого понятия, когда и сами ученики пребывали несовершенными. «Удивляясь», говорит евангелист, «говорили: кто это, что и ветры и море повинуются Ему» (Матф. 8:27)? Впрочем, Христос не обличил их в том, что Его называли человеком; но ждал, до времени вразумляя их чудесами, что такое их мнение о Нем ошибочно. Отчего же почитали Его человеком? Оттого, что Он имел образ человеческий, спал и был на корабле. Поэтому-то они в недоумении и говорили: «кто это»? Тогда как сон и внешний вид показывали в Нем человека, – море и тишина являли в Нем Бога.

[4] 2. Хотя и Моисей сотворил некогда подобное же чудо, однако, и здесь открывается преимущество Христа, потому что Моисей чудодействовал как раб, а Христос – как Господь. Христос не простирал жезла, подобно Моисею, не воздевал рук к небу, не имел нужды в молитве; но, как Господь, повелевающий рабу и Творец твари, единым словом и повелением Он укротил и

усмирил море, и буря тотчас совершенно утихла, так что не осталось никакого и следа волнения. Евангелист изобразил это так: «и сделалась великая тишина». И что было сказано о величии Отца Его, то Он опять явил в делах Своих. Что же было сказано об Отце? «Скажет, – говорит пророк, – и восстанет бурный ветер» (Псал. 106:25). Так и здесь говорится: сказал – «и сделалась великая тишина». Потому-то особенно и удивлялись Ему люди; между тем они не удивились бы, когда бы Он поступил подобно Моисею. После того, как Христос удалился от моря, последовало другое, страшнейшее чудо. Беснующиеся, как злые беглецы, увидев Господа, говорили: «что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? пришел Ты сюда прежде времени мучить нас» (Матф. 8:29). Тогда как народ почитал Его человеком, бесы пришли исповедать божество Его, и те, которые оставались глухими при возмущении и укрощении моря, услышали демонов, взывавших о том, о чем возвещало море своей тишиной. Потом, чтобы слова их не показались лестью, они самым опытом доказывают их истину: «пришел Ты сюда», вопияли они, «прежде времени мучить нас». Потому-то, прежде всего, они и сознаются в своей вражде, чтобы их прошение не подверглось подозрению. Действительно, будучи пронзаемы, воспламеняемы и претерпевая нестерпимые мучения от одного только присутствия Христова, они невидимо подвергались истязаниям и обуревались сильнее моря. Тогда как никто не осмелился приблизиться к ним, Христос сам подходит к ним. По свидетельству Матфея, они сказали: «Ты сюда прежде времени мучить нас». Другие же к этому присовокупили и то, что бесы умоляли Его и заклинали не ввергать их в бездну. Они думали, что уже настало время их наказания, и боялись, как бы уже имеющие

подвергнуться мучению. То, что Лука упоминает об одном беснующемся, тогда как Матфей говорит о двух, не показывает между ними разногласия. Разногласие между ними оказывалось бы только тогда, когда бы Лука сказал, что один только был беснующийся, а другого не было. Когда же один говорит об одном, а другой о двух, то это не есть признак противоречия, а показывает только различный образ повествования. И мне кажется, что Лука упомянул о том только, который был лютейшим из них, почему и бедствие его представляет более плачевным, говоря, например, что он, расторгая узы и оковы, блуждал по пустыне; а Марк свидетельствует, что он еще бился о камни. Да и самые слова их достаточным образом обнаруживают их лютость и бесстыдство, потому что они говорили: «Ты сюда прежде времени мучить нас». Они не могли сказать, что не согрешили; но просят Его не подвергать их наказанию прежде времени. Так как Спаситель нашел их делающими нестерпимые лютости и злодеяния, и всяким образом обезображивающими и мучащими Его творение, то бесы и думали, что Он, по причине чрезмерных их злодеяний, не будет отлагать времени наказания. Потому-то они просили и умоляли Его. Таким образом, те, которых не могли удержать и узы железные, приходят связанные; те, которые бегали по горам, выходят на поле; те, которые другим преграждали путь, останавливаются, увидев преграждающего им самим путь. Но почему они любили жить в гробах? Потому, что им хотелось во многих посеять пагубное учение, то есть, что души умерших превращаются в бесов, чего никогда не должно даже и в уме представлять. Что же ты скажешь на то, – спросит кто-нибудь, – что многие из чародеев закалают детей с той целью, чтобы их души после того им содействовали? А откуда это известно? Что

закалают детей, о том говорят многие. Но что души закланных находятся с заклавшими их, скажи мне, откуда ты узнал об этом? Ты скажешь, что сами бесноватые взывают: я душа такого-то человека! Но и это – хитрость и обман дьявола. Не душа какого-нибудь умершего вопиет, а притворяющийся так демон, для обольщения слушателей. Если бы душа могла войти в существо дьявольское, то тем более она могла бы войти в свое тело. Притом нельзя представить, чтобы душа обиженная стала содействовать обидевшему ее, или чтобы человек в состоянии был изменить свою бестелесную природу в другое существо. Если невозможно это в отношении к телам, так как никто не может превратить тела человеческого в тело ослиное, то тем более невозможно это в отношении к невидимой душе, которую никто не может превратить в существо демонское.

[5] 3. Итак, это – бредни пьяных старух и детские страхи. Душе, отделившейся от тела, уже невозможно блуждать здесь, потому что «души праведных в руке Божьей» (Премудр. Сол. 3:1). Если же души праведных в руке Божьей, то и души детей, так как они не сделались еще злыми. Да и души грешников тотчас удаляются отсюда. Это видно из притчи о Лазаре и богаче. И в другом месте Христос говорит: «в эту ночь душу твою возьмут у тебя» (Лук. 12:20). Да и быть не может, чтобы душа, вышедшая из тела, блуждала здесь. И это вполне сообразно с разумом. В самом деле, если мы, ходя по земле знакомой и известной нам, и будучи облечены телом, когда совершаем путь в странах чужих, не знаем без руководителя, какой надобно идти дорогой, то каким образом душа, отделившаяся от тела и отрешившаяся от всех земных связей, может знать без путеводителя, куда ей должно идти? Также и из многих других доказательств

всякий может легко увидеть, что душа, вышедшая из тела, не может уже здесь оставаться. Так, Стефан сказал: «прими дух мой» (Деян. 7:59); и Павел говорит: «разрешиться и быть с Христом, потому что это несравненно лучше» (Фил. 1:23). Также о патриархе Писание говорит: «и приложился к народу своему, и умер в старости доброй» (Быт. 25:8). А что и души грешников по смерти не могут здесь пребывать, послушай богача, который много о том просил, и не получил желаемого. Если бы это возможно было, то он сам пришел бы и возвестил о происходящем там. Отсюда видно, что души, по отшествии отсюда, уводятся в некую страну и, уже не имея возможности возвратиться оттуда, ожидают страшного того дня.

6 Но, может быть, кто спросит: для чего Христос исполнил просьбу демонов, позволив им войти в стадо свиное? Я скажу на это то, что Он сделал так не потому, чтобы убежден был ими, но по многим премудрым целям. Во-первых, для того, чтобы освободившимся от этих злых мучителей показать величие вреда, причиняемого им этими злоумышленниками; во-вторых, для того, чтобы всех вразумить в том, что бесы без Его позволения не смеют даже прикасаться и к свиньям; в-третьих, для того, чтобы дать знать, что с людьми бесы поступили бы даже еще хуже, нежели со свиньями, если бы те в таком несчастии не удостаивались великого промышления Божьего. Что бесы ненавидят нас более, нежели бессловесных животных, это всякому известно. Следовательно, если они не пощадили свиней, но в одно мгновение всех их низвергли в бездну, то тем более сделали бы это с одержимыми ими людьми, которых они таскали и влачили по пустыням, если бы провидение Божье, и при самом жестоком мучении, не обуздывало и

не удерживало дальнейшего их стремления. Отсюда ясно, что нет ни одного человека, о котором бы не промышлял Бог. Если же Он и не обо всех печется одинаковым образом, то и это есть величайший знак Его промысла. Бог являет промысел Свой сообразно с пользой каждого. Сверх же сказанного, мы научаемся отсюда еще и тому, что Бог промышляет не только о всех вообще, но и о каждом человеке в частности, – что показал Господь и в отношении к ученикам Своим, сказав: «у вас же и волосы на голове все сочтены» (Матф. 10:30). То же самое всякий ясно может видеть и из примера этих бесноватых, которые давно были бы уже задушены, если бы не были свыше сохраняемы великим попечением. По этим-то причинам Спаситель и позволил бесам войти в стадо свиное, чтобы и жители тех стран познали Его всемогущество. Где известно было имя Его, там Он не очень много показывал Себя; но где никто не знал Его и все пребывали в бесчувствии, там Он совершал славные чудеса, чтобы привлечь их к познанию Своего божества. А что жители того города находились в бесчувствии, это видно из конца происшествия. Им надлежало бы поклониться Христу и удивиться Его могуществу; а они отсылали Его и «просили» отойти «от пределов их» (Матф. 8:34). Но для чего демоны погубили свиней? Бесы постоянно стараются привести людей в отчаяние, и всегда радуются их гибели. Так дьявол поступил и с Иовом. Хотя и здесь позволил Бог, но позволил не потому, что был убежден дьяволом, а для того, чтобы еще более прославить раба Своего, отнять у дьявола всякий предлог к бесстыдству, и обратить на его же главу его поступки с праведником. Так и в настоящем случае случилось противное их желанию. И могущество Христа торжественно проповедано было, и злоба демонов, от

которой освободил Он одержимых ими, яснее обнаружилась, и открылось то, что они без попущения Бога всяческих не могут прикасаться даже и к свиньям.

[7] 4. Никому нимало не возбраняется разуметь эту историю в таинственном смысле. Хотя это и история, но следует знать, что люди, уподобляющиеся свиньям, легко уловляются действием бесов, и страждущие от них часто могут побеждать их, если только они люди. Но когда совершенно уподобятся свиньям, тогда не только бывают одержимы бесами, но и низвергаются в бездну. Сверх того, чтобы кто-нибудь происшествия этого не назвал басней, но чтобы совершенно поверил исшествию бесов, для этого оно доказывается погибелью свиней. Заметь кротость Иисуса Христа, соединенную с могуществом! Когда жители той страны, столь облагодетельствованные Им, принуждали Его удалиться, то Он без сопротивления удалился и оставил показавших себя недостойными Его учения, дав им наставниками освобожденных от демонов и – пасших свиней, чтобы узнали от них обо всем случившемся, а сам, удалившись, оставил их в великом страхе. Действительно, великая потеря распространяла слух о случившемся, и событие это занимало их ум. Отовсюду неслись слухи о необыкновенном чуде и от исцелившихся, и от хозяев потопленных свиней, и от пастухов их. И ныне можно видеть такие происшествия, и множество бесноватых, живущих в гробах, которых ничто не удерживает от неистовства: ни железа, ни оковы, ни множество народа, ни увещание, ни убеждение, ни страх, ни угрозы и ничто другое подобное. Так, когда сладострастный пленяется всякой красотой телесной, тогда он ничем не различается от беснующегося. Будучи облечен одеждой, но, не имея истинного одеяния и лишенный приличной ему славы, он всюду бегает

обнаженным, подобно бесноватому, поражая себя не камнями, но беззакониями, которые гораздо тяжелее многих камней. Итак, кто сможет связать и укротить столь бесстыдного и неистового, никогда не бывающего в самом себе, но всегда ходящего при гробах. Подлинно таковы жилища блудников, исполненные великого зловония и гнилости. А что сказать о сребролюбце? Не таков ли и он? Кто может когда-либо связать его? Каждодневные страхи, угрозы, увещания и советы? Но он все эти узы расторгает, и если кто придет освободить его от уз, заклинает не освобождать его, почитая величайшим для себя мучением не быть в мучении. Что может быть бедственнее этого? Бес, хотя презирал людей, но повелению Христову покорился, и немедленно вышел из тела. А этот не повинуется и повелению Христову, хотя Он каждодневно слышит Его слова: «не можете служить Богу и маммоне» (Матф. 6:24), и угрозы геенной и нестерпимыми мучениями, и все-таки не повинуется – не потому, что он могущественнее Христа, но потому, что Христос против нашей воли не ведет нас к исправлению. Вот потому такие люди, и живя в городах, живут как бы в пустынях. В самом деле, какой благоразумный человек захочет обращаться с такими людьми? Я, по крайней мере, желал бы лучше жить со множеством беснующихся, нежели с одним из страждущих такой болезнью. А что я не заблуждаюсь, это видно из тех страданий, какие претерпевают сребролюбцы и беснующиеся. Сребролюбцы считают врагом своим человека, не причинившего им никакого вреда, желают сделать рабом свободного и ввергают его в бесчисленные бедствия; напротив, беснующиеся ничего другого не делают, как только в самих себе питают болезнь. Первые ниспровергают множество домов, заставляют хулить имя

Божье, являются заразой городов и всей вселенной; а мучимые бесами более достойны сожаления и слез. Эти последние многое делают в бесчувствии; напротив первые, имея ум, безумствуют, среди городов неистовствуют и беснуются некоторым новым бешенством. В самом деле, все беснующиеся делают ли что-либо подобное тому, на что дерзнул Иуда, совершивший неслыханное преступление? И все ему подражающие, подобно диким зверям, убежавшим из ограды, возмущают города, никем не будучи удерживаемы. Хотя они отовсюду обложены узами, как то: страхом судей, угрозой законов, презрением от людей и многим еще другим, – но они, разрывая их, все извращают. И если бы кто совершенно отнял от них те узы, тогда ясно увидел бы в них беса гораздо лютейшего и жесточайшего, нежели каков вышедший из упомянутого ныне бесноватого.

[8] 5. Но так как это невозможно, то, по крайней мере, предположим это на словах, и снимем со сребролюбца те оковы, и тогда ясно познаем его крайнее неистовство. Впрочем, не бойтесь зверя, когда я открою его, – это только изображение на словах, а не истинная действительность. Итак, представим себе человека, извергающего из очей своих огонь, черного, вместо рук имеющего на обоих плечах своих висящих драконов; представим у него такие уста, в которых вместо зубов вонзены острые мечи, а вместо языка находится источник, изливающий яд и испускающий смертоносное питье; представим, что чрево его пожирает более всякой печи, истребляет все ввергаемое, а ноги как бы крылатые и быстрее всякого пламени. Пусть лицо его будет составлено из собачьего и волчьего; пусть он не будет произносить ничего человеческого, но будет издавать из

себя звуки нестройные, отвратительные и страшные; пусть также и в руках у него будет пламень. Может быть, вам представляется страшным сказанное мной; но я еще не изобразил его надлежащим образом. К сказанному надобно присовокупить и еще нечто: пусть он поражает встречающихся с ним, пожирает и терзает плоть их. Но сребролюбец гораздо хуже и такого чудовища. Он нападает на всех, все поглощает подобно аду, всюду ходит, как общий враг рода человеческого. Ему хочется, чтобы не было ни одного человека, чтобы ему одному обладать всем. Мало того, он и на этом не останавливается. Но когда всех истребит, по своему желанию, тогда желает истребить самое существо земли, и увидеть на месте ее золото; и не землю только, но и горы, и леса, и источники, словом все видимое. А чтобы вам знать, что мы еще не вполне изобразили его неистовство, – представьте, что никто не будет обвинять и устрашать его, уничтожьте, по крайней мере на словах, страх со стороны законов, – и вы увидите, как он, схватив меч, истребляет всех, не щадя никого, ни друга, ни родственника, ни брата, ни самого родителя. Вернее же, не нужно делать никакого и предположения, а спросим его самого: не строит ли он всегда таковые мечты в своем воображении, и не нападает ли на всех, умерщвляя мысленно и друзей, и родственников, и самих родителей? Но даже нет нужды и спрашивать его; всем известно, что одержимые недугом корыстолюбия тяготятся старостью отца, а приятное и вожделенное для всех чадородие почитают тяжким и несносным. Многие из-за этого находят удовольствие в бесплодии, делают естество свое бесплодным, не только умерщвляя родившихся детей, но и не давая им зародиться. Итак, не удивляйтесь, если я так изобразил вам сребролюбца (он гораздо даже хуже,

нежели мы его представили), но посмотрим, как нам освободить его от беса. Как же мы освободим его? Если он ясно узнает, что сребролюбие вредно ему и для самого стяжания богатства. В самом деле, желающие приобрести малозначащее всегда претерпевают великий ущерб, – почему об этом даже сложилась и пословица. Так многие, желая давать взаймы с большими процентами, в надежде получить от того прибыток, но не испытав тех, которые берут взаймы, нередко вместе с прибытками лишались и всего собственного достояния. Другие, подвергшись каким-либо опасностям и не захотев лишиться малого, погубили с имуществом и самую душу; а иные, тогда как могли приобрести за деньги выгодные достоинства, или что-нибудь другое тому подобное, по чрезмерной скупости своей всего лишились. Так как они сеять не умеют, а всегда заботятся только о собирании плодов, то часто и не получают их. Невозможно ведь всегда собирать плоды; так точно невозможно постоянно и приобретать сокровища. Вот почему корыстолюбцы, не желая расточать, не умеют и приобретать. Когда им нужно бывает и жениться, то и тогда встречают те же самые невыгоды, потому что они или обманываются, когда берут за себя бедную вместо богатой, или, если берут и богатую, но с бесчисленными недостатками, и опять терпят величайший вред. Подлинно, не изобилие имущества, но добродетель производит богатство. Что пользы в богатстве, когда жена расточительница и мотовка и все имущество уносит быстрее ветра? Что пользы, когда она будет распутна и заведет себе бесчисленное множество любовников? Что пользы, когда будет предаваться пьянству? Не сделает ли она вскоре же мужа своего беднейшим из всех? Но не при женитьбе только обманываются сребролюбцы, а и при покупке рабов, когда

они, по великой скупости, стараются купить не трудолюбивых, но дешевых. Итак, представив все это в уме своем (ведь не можете еще слушать слов о геенне и царствии), и размыслив о тех неудачах, какие вы, по своему корыстолюбию, часто претерпеваете и при отдаче денег в рост, и при покупке, и при женитьбе, и в начальственных отношениях, и во всем прочем, – оставьте пристрастие к богатству. Тогда вы безопасно будете проводить и настоящую жизнь, и, несколько преуспев, будете в состоянии слушать учение мудрости, и, несколько прояснив взор, узрите самое Солнце правды, и получите блага, обещанные Господом, которых все мы да сподобимся быть причастниками благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 29

[1] «Тогда Он, войдя в лодку, переправился [обратно] и прибыл в Свой город. И вот, принесли к Нему расслабленного, положенного на постели. И, видя Иисус веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои». (Мф. 9:1–2)

[2] Изъяснение 9:1–8. Матфей и Иоанн говорят о двух различных расслабленных. – Христос подтверждает свое божественное достоинство и равночестие с Отцом чрез отпущение грехов, обнаружение тайных мыслей врагов и исцеление расслабленного. – Врагов истины должно исправлять с кротостью.

[3] 1. Собственным городом Иисуса евангелист называет здесь Капернаум. Город, в котором Христос родился – Вифлеем; в котором воспитан – Назарет; а в котором имел постоянное пребывание – Капернаум. Расслабленный, о котором здесь говорится, не тождествен с упоминаемым у Иоанна. Тот лежал при купели, а этот в Капернауме. Тот страдал тридцать восемь лет, а об этом ничего подобного не сказано. О том никто не заботился, а у этого были люди, заботившиеся о нем, которые и принесли его ко Христу. Этому Спаситель сказал: «Чадо! прощаются тебе грехи твои», а тому: «Хочешь ли быть здоров» (Ин. 5:6)? Того исцелил в субботу, а этого не в субботу; иначе иудеи не упустили бы случая обвинить Его. При исцелении этого, они ничего не говорили, а за исцеление первого не

переставали гнать Его. На эти различия я указал не напрасно, но для того, чтобы кто-либо, приняв обоих расслабленных за одно лицо, не подумал, что евангелисты разногласят между собою. Но обрати внимание на смирение и кротость Господа. Он и прежде отдалял от Себя народ, и когда жители страны Гадаринской не хотели принять Его к себе, Он не воспротивился им, но удалился от них, хотя и не далеко. И взошед опять на корабли, переправился на другую сторону, тогда как мог сделать это и без помощи корабля. Он не всегда хотел творить чудеса, чтобы не нарушить порядка Своего домостроительства. Матфей говорит только, что расслабленного принесли; а другие евангелисты прибавляют, что принесшие раскрыли и кровлю и, спустив больного, поставили его пред Христом, не говоря ничего, а все оставляя на волю Спасителя. Прежде Господь Сам обходил страны, и не требовал такой веры от приходящих к Нему; а теперь к Нему и пришли, и обнаружили пред Ним веру свою, – евангелист именно говорит: «Видя Иисус веру их», то есть, тех, которые спустили расслабленного. Спаситель не всегда требовал веры от самих страждущих, например, когда они страдали сумасшествием или лишились ума по причине какой-нибудь другой болезни. Но здесь и больной обнаружил свою веру. Иначе, не имея веры, он не позволил бы и спустить себя. Итак, поскольку и расслабленный и принесшие его показали великую веру, то и Господь явил Свою силу, отпустил грехи больному, как имеющий на то полную власть. Он во всем показывал Свое одинаковое достоинство с Богом Отцом. Прежде Он показал это в Своем учении, когда учил народ, как имеющий власть; над прокаженным, когда сказал ему: «хочу, очистись» (Мф. 8:3); над сотником, когда за слова

его: «Скажи только слово, и выздоровеет слуга мой» (Мф.8:8), удивился ему и превознес его пред всеми; над морем, когда укротил его одним словом; над демонами, когда они исповедали Его Судиею, и когда Он с великою властью изгнал их. А теперь опять иным, высшим образом принуждает врагов Своих признать Свое равночестие с Богом Отцом, и возвещает это их устами. Спаситель был чужд любочестия, несмотря на то, что пред Ним предстояло великое множество народа, который заграждал даже вход к Нему, почему и расслабленного спустили сверху; Он не тотчас приступает к исцелению тела явившегося пред Ним больного, но от самих врагов ожидает к тому повода, и сперва врачует невидимое, т. е. душу, отпустив грехи, – что само доставило расслабленному исцеление, а Исцелившему не принесло большой славы. Книжники, снедаемые злобою, и думая обвинить Его в богохульстве, против своей воли способствовали, однако, прославлению совершившегося чуда. Спаситель по Своей прозорливости воспользовался их хулою для показания знамения. Когда они возмущались и говорили: «Он богохульствует. Кто может прощать грехи, кроме одного Бога?» (Мф. 9:3, Мк. 2:7), – что тогда Господь сказал им в ответ? Опроверг ли их мнение? Если бы Он не был равен Отцу, то Ему надлежало бы сказать: для чего вы составляете обо Мне неправильное мнение? Я не имею такого могущества. Но Он не сказал ничего подобного, а подтвердил и доказал совершенно противное, как словами Своими, так и сотворенным чудом. Но, так как собственный отзыв Его о Себе мог казаться неприятным для слушателей, то Он через других показывает, кто Он, и, что удивительно, не только через друзей, но и через врагов, в чем открывается Его высочайшая мудрость. Через друзей Господь показал

это, когда сказал прокаженному: «хочу, очистись», и сотнику: «В Израиле не нашел Я такой веры» (Мф. 8:3, 10); а через врагов – при настоящем случае. Так как книжники говорили, что никто не может оставлять грехов, кроме одного только Бога, то Спаситель, желая показать им, «что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою, и иди в дом твой» (Мф. 9:6). И не только здесь, но и в другом случае, когда иудеи говорили: «Не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом» (Ин. 10:33), – Спаситель не опроверг такого их мнения о Нем, но опять подтвердил его, сказав: «Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне; а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим» (Ин. 10:37–38).

4 2. Впрочем, при исцелении расслабленного Иисус Христос представляет и другое немаловажное доказательство Своей божественности и равночестия с Богом Отцом. Книжники говорили, что власть отпускать грехи принадлежит одному Богу, а Он не только отпускает грехи, но еще прежде обнаруживает в Себе другое свойство, приличное единому Богу, именно – открывает тайны сердечные. Книжники не обнаружили перед всеми своих мыслей: «При сем, – говорит евангелист, – некоторые из книжников сказали сами в себе: Он богохульствует. Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших» (Мф. 9:3–4)? А что ведение тайн сердечных принадлежит единому Богу, об этом, – послушай, – что говорит Соломон: «Ты один знаешь сердце» (2Пар. 6:30), равно как Давид: «испытуешь сердца и утробы» (Пс. 7:10), и Иеремия: «Лукаво сердце [человеческое] более всего и

крайне испорчено; кто узнает его» (Иер. 17:9)? И сам Бог говорит: «Человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце» (1Цар. 16:7). И из других мест Писания можно видеть, что одному Богу свойственно знать тайны сердца. Итак, желая показать, что Он есть Бог, равный Богу Отцу, – то, о чем книжники помышляли в себе (а они, опасаясь народа, не смели обнаружить своих мыслей перед всеми), Он открыл и обнаружил, являя и здесь великую кротость. «Для чего, – говорит Он, – вы мыслите худое в сердцах ваших»? Если кто мог негодовать, то разве один больной, как обманувшийся в своей надежде. Он мог сказать: я пришел для того, чтобы Ты исцелил меня от расслабления, а Ты врачуешь другое; чем я могу увериться в том, что мне отпускаются грехи? Но он ничего подобного не говорит, но предает себя во власть Исцеляющего. Между тем книжники по своей гордости и зависти порицают сами благодеяния Его, оказанные другим. Потому-то Спаситель и обличает их, впрочем, с кротостью. Если вы не верите первому доказательству Моей божественности, и почитаете слова Мои тщеславием, то вот Я присовокупляю к нему и другое: открываю ваши тайны. Вслед затем Он представляет еще новое доказательство. Какое же это? Он укрепил тело расслабленного. Когда Он говорил расслабленному, то не ясно обнаружил власть Свою, так как не сказал: Я отпускаю тебе грехи, но – «прощаются тебе грехи твои»; а когда нужно было уверить в этом врагов, яснее показывает власть Свою, говоря: «Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи». Видишь ли, как Он желал, чтобы Его почитали равным Богу Отцу? Он не сказал, что Сын человеческий имеет нужду в помощи другого, или что Он получил власть от другого, но говорит: «имеет власть». И говорит это не по

честолюбию, но для того, чтобы убедить врагов в том, что Он не богохульствует, делая Себя равным Богу Отцу. Господь везде желает представлять ясные и неопровержимые доказательства; так, например, очистившемуся от проказы говорит: «Пойди, покажи себя священнику» (Мф. 8:4). Теще Петровой дарует силы служить Ему, и свиньям попускает низринуться в море. Так точно и здесь, в доказательство отпущения грехов расслабленному, укрепляет его тело, а в доказательство укрепления тела заставляет его нести одр, чтобы сотворенного Им чуда не почли за обман. И не прежде исцеляет расслабленного, как, предложив книжникам вопрос: «Ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать»: возьми одр твой, и иди в дом твой (Мф. 9:5)? Эти слова имеют такой смысл: что вам кажется легче, тело ли исцелить от расслабления, или душу освободить от грехов? Очевидно, что исцелить тело. Насколько душа превосходнее тела, настолько и отпущение грехов – дело большее, чем исцеление тела. Но так как исцеления души нельзя видеть, а исцеление тела очевидно, то Я присоединяю к первому и последнее, которое хотя ниже, но очевиднее, чтобы посредством его уверить в высшем – невидимом. Таким образом Спаситель еще прежде самими делами показал на Себе то, что после сказал о Нем Иоанн: «Вот Агнец Божий Который берет [на Себя] грех мира» (Ин. 1:29).

[5] 3. Итак, восставив расслабленного, Господь посылает его в дом. Здесь Он опять показывает Свое смирение и снова подтверждает, что сотворенное Им чудо не есть мечта: тех, которые были свидетелями болезни расслабленного, делает свидетелями и его здравия. Как бы так говорил Он: Я желал бы чрез твою болезнь исцелить и тех, которые почитают себя здоровыми, а на

самом деле больны душою; но поскольку они не хотят того, то «иди в дом твой», и исправляй тех, которые там находятся. Видишь ли, как Господь показывает, что Он есть Творец души и тела? Он исцеляет больного от расслабления и духовного и телесного, и невидимое открывает посредством видимого. И однако, свидетели все еще пресмыкаются долу. «Народ же, видев это, – говорит евангелист,– удивился и прославил Бога, давшего такую власть человекам» (Мф. 9:8). Плоть препятствовала им вознестись горе. Между тем Спаситель не укоряет их, но продолжает делами Своими возбуждать их от усыпления, и возносить ум их на высоту. И то уже немаловажно было, что они поставляли Его выше всех людей, и почитали пришедшим от Бога. Если бы эта мысль как следует утвердилась в их уме, то мало-помалу наконец они узнали бы и то, что Христос есть Сын Божий. Но они не познали этого ясно, почему не могли и прийти к Нему. Впоследствии они опять говорили: «Не от Бога Этот Человек» (Ин. 9:16), и часто обращались к этой мысли, чтобы найти в ней защиту для своих страстей. Так многие поступают и ныне. Выдавая себя за строгих ревнителей славы Божией, они удовлетворяют собственным страстям, тогда как надлежало бы во всем поступать с кротостью. В самом деле, Бог всяческих, Который мог бы поразить молниею хулящих Его, повелевает восходить солнцу, ниспосылает дождь и все блага подает с щедростью. Подражая Ему, и мы должны просить, увещевать и внушать с кротостью, без гнева и ярости. Богохульство не унижает величия Божия, и потому не должно побуждать тебя к ярости. Кто богохульствует, тот наносит раны самому себе. Итак, тебе должно воздыхать и плакать, потому что эта болезнь достойна слез, и человека, зараженного ею, не иначе

можно исцелить, как кротостью. Кротость сильнее всякого насилия. Посмотри, с какою кротостью сам Бог, как в Ветхом, так и в Новом Завете, взывает к оскорбившим Его. Там Он говорит: «Народ Мой! что сделал Я тебе» (Мих. 6:3)? А здесь: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня» (Деян. 9:4)? Равно и Павел повелевает наставлять противников с кротостью. И сам Христос, когда приступали к Нему ученики, прося у Него позволения низвести огонь с неба, сделал им сильный упрек говоря: «Не знаете, какого вы духа» (Лк. 9:55)! Подобным образом и в настоящем случае Он не сказал книжникам: о, нечестивцы и обманщики, о, ненавистники и враги человеческого спасения! Но сказал только: «Для чего вы мыслите худое в сердцах ваших» (Мф. 9:4)? Итак, с кротостью должно избавлять от болезни. Кто из-за страха человеческого сделался лучшим, тот вскоре опять возвратится к прежнему несчастию. Потому Господь не велел исторгать и плевел, чтобы дать время для покаяния. Многие таким образом покаялись к добру, тогда как прежде были нечестивы, как то: Павел, мытарь и разбойник. Будучи прежде плевелами, они потом соделались зрелою пшеницею. Хотя в семенах такой перемены быть не может, но в воле человеческой она легко и удобно произойти может, поскольку она не связана узами необходимости, но одарена свободою. Итак, когда ты увидишь врага истины, исцели его, позаботься о нем, возврати к добродетели, подавай наилучший пример своею жизнью, наставляй неукоризненным словом, покровительствуй и имей попечение, и употребляй все средства к исправлению, подражая наилучшим врачам. Ведь и врачи не всегда одним только способом врачуют болезни; но когда видят, что рана не исцеляется одним лекарством, прилагают

другое, а если нужно, третье; иногда рассекают, а иногда обвязывают. Так и ты, сделавшись врачом души, пользуйся всяким способом врачевания по заповедям Христовым, чтобы получить тебе награду и за свое спасение, и за то, что ты доставлял пользу другим. Все делай во славу Божию: таким образом и сам прославишься. «Прославляющих Меня», – говорит Господь, – «прославлю» и уничижающие Меня уничижены *будут* (1Цар. 2:30). Итак, будем все делать во славу Божию, чтобы соделаться наследниками блаженной той участи, которой да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 30

[1] «Проходя оттуда, Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: следуй за Мною». (Мф. 9:9)

[2] Изъяснение 9:9–17. Почему Матфей призывается после других. – Могущество Христа и послушание Матфея. – Достоверность евангелий. – Для чего Христос разделял трапезу с Матфеем и другими грешниками. – Обращение с грешниками и их исправление предпочитается жертвам. – Не утвержденных не должно обременять тяжкими заповедями. – В исправлении других должно подражать Христу, начиная с легчайшего. – Наставления, как исправлять жен, любящих украшаться.

[3] 1. Сотворив чудо над расслабленным, Христос не остался в Капернауме, чтобы Своим присутствием не возжечь в книжниках еще большей зависти; но в угождение им, и для укрощения этой их страсти, удаляется. Так и нам не должно раздражать врагов своих своим пребыванием с ними, но чтобы смягчить гнев их, надобно уступать и удаляться от них. Но почему Спаситель не в одно время с Петром, Иоанном и другими призвал Матфея? Потому, что как к тем Иисус пришел в то время, когда они способны были послушать Его, так и

Матфея призвал тогда, когда он готов был идти за Ним. По той же причине и апостола Павла призвал по воскресении. Знавший *сердца* и ведавший сокровенные мысли каждого человека знал, когда кто из них будет готов последовать Ему. Потому и Матфея призвал не в начале, когда он был еще мало восприимчив, но после того, как сотворил великое множество чудес, и когда слава о Нем распространилась всюду, и Матфей сделался способнее к повиновению. Достойно также удивления и любомудрие евангелиста Матфея. Он не только не скрывает прежней своей жизни, но и называет себя по имени, тогда как другие скрывали свое имя под другим наименованием. Для чего же евангелист сказал: «сидящего у сбора пошлин»? Для того, чтобы показать могущество Господа, Который призвал его не после того как он оставил свой бесчестный торг и перестал заниматься им, но исхитил его из среды зол, так же как и блаженного Павла обратил тогда, когда он неистовствовал, дышал яростью и злобою на церковь. Об этом и сам Павел, желая показать могущество Призвавшего его, пишет к Галатам: «Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию» (Гал. 1:13). И рыбарей Господь призвал тогда, когда они занимались своим ремеслом. Но их ремесло не заключало в себе ничего бесчестного; оно было свойственно людям необразованным и простым. Напротив, ремесло мытарей было позорно и бесстыдно. Это – корысть ничем неизвиняемая, бесчестная нажива, хищение под видом закона. И, однако, ничего этого Призвавший не устыдился; и удивительно ли, что Он не устыдился мытаря, когда Он не только не устыдился призвать блудницу, но и не возбранил ей облобызать и омочить слезами ноги Его? Для того Он и пришел, чтобы

уврачевать не только тело, но и душу исцелить от зла. Так поступил Он и с расслабленным. Ясно показав при совершении этого чуда, что Он может отпускать грехи, Спаситель вслед затем призывает и Матфея, чтобы другие, видя, что Он принимает в число учеников Своих мытаря, уже не смущались. Если Он имеет власть отпускать все грехи, то чему же удивляться, если Он и мытаря делает апостолом? Но познав могущество Призвавшего, познай теперь и послушание призванного. Он не воспротивился, не усомнился и не сказал: что это значит, ужели Господь зовет меня, столь великого Грешника? – такое смирение было бы неуместно, – но тотчас повиновался, и даже не обнаружил желания идти в дом и посоветоваться об этом с родственниками, как поступили и рыбари. Как те оставили и сети, и лодку, и отца, так и Матфей оставил свое ремесло и прибыль, пошел вслед Иисуса, показывая полную готовность ко всему, и вдруг отрекшись от всего житейского, совершенным повиновением подтвердил благовременность своего призвания. Но почему же, спросишь, нигде не сказано о том, как призваны прочие апостолы, а говорится только о призвании Петра, Иакова, Иоанна и Филиппа? Потому что они имели презренные и низкие занятия: что в самом деле хуже звания мытаря, что маловажнее занятия рыбарей? А что и Филипп был незнатного происхождения, это показывает его отечество. Вот почему евангелисты преимущественно и повествуют о призвании этих учеников и их занятиях. Они хотели через это показать, что им должно верить и в повествованиях о делах важных. В самом деле, если они, повествуя о делах Учителя и учеников Его, не опускают ничего, что относилось, по-видимому, к их бесславию, а даже с особенною подробностью повествуют о том, то почему бы

можно было подозревать их тогда, когда они говорят о делах славных? Если они умалчивают о многих знамениях и чудесах Иисуса, а между тем подробно повествуют о происшествиях, бывших при кресте, по видимому унизительных, и, не стыдясь, говорят о низких занятиях и бедном состоянии учеников, о предках Учителя, известных или по своим грехам, или по бедности, – то не очевидно ли, что они весьма уважали истину, и ничего не писали по пристрастию или из тщеславия?

[4] 2. Призвав Матфея, Христос удостоил его великой чести, тогда же приобщившись его трапезы. Чрез это Он подал ему благую надежду на будущее время, и породил в нем большее упование. Не долговременным врачеванием, но вдруг исцелил болезнь души его. Впрочем, не с одним Матфеем возлежал Христос за столом, но и со многими другими. По-видимому, и это служило порицанием для Иисуса, что Он не удалял от Себя грешников; но евангелисты и этого не скрывают, и говорят, что фарисеи осуждали Его за таковой поступок. К Матфею пришли многие мытари как к своему сотоварищу, потому что он, вменяя себе в честь посещение Христово, созвал всех их. Христос употреблял всякого рода и врачевания. Он избавлял многих от болезней душевных не только тогда, когда учил, или исцелял больных, или обличал врагов, но и тогда, когда возлежал за столом, научая нас чрез то, что всякое время и всякое дело может нам доставлять пользу. И хотя все, что предлагалось на этой трапезе, было собрано неправдою и хищением, тем не менее, Христос не отрекся быть ее участником; так как Его присутствие могло принести великую пользу, то Он согласился быть в одном доме и за одним столом с великими грешниками, хотя и навлек на Себя худую славу за то, что ел вместе с мытарем в доме мытаря и со

многими мытарями. Такова ведь участь врача: если он не захочет переносить гнилого запаха от больных, то не может исцелить их от болезни. Смотри, как иудеи поносят Его за это: «Вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам» (Мф. 11:19). Да услышат это все, кто постом старается приобрести себе великую славу, и да помыслят, что Владыку нашего называли человеком, который «любит есть и пить вино», и Он не стыдился этого, но все оставлял без внимания, чтобы исполнить Свое намерение, которое и совершил: мытарь переменился, и таким образом сделался лучшим. А чтобы тебе увериться, сколь великое значение имело для грешников соучастие Христа в их трапезе, послушай, что говорит Закхей, другой мытарь. Услышав от Христа слова: «Сегодня надобно Мне быть у тебя в доме» (Лк. 19:5), он в восторге сказал: «Половину имения моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо» (Лк.19:8). Тогда Иисус сказал ему: «Ныне пришло спасение дому сему» (Лк.19:9). Таким образом, всеми способами можно наставлять других. Как же, скажешь ты, Павел повелевает: «Кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем...; с таким даже и не есть вместе» (1Кор. 5:11)? Но, во-первых, из этих слов еще не видно, дает ли апостол такое наставление учителям, или одним братьям. Затем, мытари не принадлежали ни к числу совершенных, ни к числу братьев. Сверх того, Павел повелевает удаляться таких братьев, которые не хотят отстать от своих пороков, а мытари перестали делать зло и переменились. Но фарисеев ничто не вразумило; они укоряют учеников Иисусовых, говоря: «Для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками» (Мф.9:11)? В другом случае, когда им показалось, что ученики согрешали, фарисеи обращаются с укоризнами к самому

Учителю, говоря: «Вот, ученики Твои делают, чего не должно делать в субботу» (Мф. 12:2). Здесь же перед учениками клевещут на учителя. Все это они делали с худыми намерениями, желая отвлечь учеников от Учителя. Что же отвечает бесконечная Премудрость? «Не здоровые, – говорит она, – имеют нужду во враче, но больные» (Мф. 9:12). Смотри, как Господь из слов фарисеев выводит совершенно противное заключение. Они поставляли Ему в вину общение Его с мытарями; а Он, напротив, говорит, что не иметь общения с ними – дело недостойное Его и несообразное с Его человеколюбием, и что исправлять таких людей есть дело не только не заслуживающее никакой укоризны, напротив весьма важное, необходимое и достойное бесчисленных похвал. Потом, чтобы не подумали, что Господь порицает призываемых, называя их болящими, смотри, как Он опять смягчает слова Свои, когда в обличение фарисеев говорит: «Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы» (Мф.9:13). Он сказал это для того, чтобы укорить их в незнании Писания, и употребил строгое слово не потому, будто бы Сам гневался на фарисеев, но чтобы вывести мытарей из сомнения. Он мог бы сказать: или вы не знаете, как Я отпустил грехи расслабленному? Как укрепил его тело? Но ничего такого Он не говорит, а сначала употребляет доказательство общее, а потом приводит слова Писания. Сказавши: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные» , и таким образом, скрытно назвавши Себя врачом, присовокупил: «Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы» (Ос. 6– «Ибо Я милости хочу, а не жертвы»). Так поступает и апостол Павел. Употребив сперва общие доказательства в подтверждение своей мысли, и сказав: «Кто, пася стадо, не ест молока от стада» (1Кор. 9:7), он приводит потом и

слова Писания, говоря: «Не заграждай рта волу, когда он молотит» (Втор. 25:4); и еще: «Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования» (1Кор. 9:14). Но учеников Своих Спаситель убеждает не так; Он напоминает им о Своих знамениях, говоря: «Не понимаете и не помните о пяти хлебах на пять тысяч [человек], и сколько коробов вы набрали» (Мф. 16:9)?

[5] 3. А с фарисеями Христос поступает иначе; им напоминает Он об общей немощи, показывает, что и они сами немощны, потому что не знают Писания и, пренебрегая прочими добродетелями, все свое служение Богу ограничивают одними жертвами. На это-то преимущественно указывая, Спаситель в кратких словах заключает то, что говорили все пророки. «Научитесь, – говорит Он,– что значит: милости хочу, а не жертвы».. Этими словами Он вразумляет их, что не Он поступает несправедливо, но они; как бы так говорил: за что вы обвиняете Меня? За то ли, что я исправляю грешников? Но в таком случае вы обвиняете в том же и Отца Моего. Итак, словами: «Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы», Он выражает ту же самую мысль, которая заключается и в других словах Его: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» (Ин. 5:17). Как Отец, говорит Он, хочет этого, так и Я. Видишь ли, как Он одно представляет излишним, а другое необходимым? Он не сказал: милости хочу и жертвы, но – «милости хочу, а не жертвы»: одно одобрил, а другое отверг, и тем показал, что обращение с грешниками, за которое Его обвиняли, не только не воспрещено, но еще предписано законом, и даже предпочитается жертвам; и в доказательство этого приводит само место из Ветхого Завета, в котором предписывается делать то же, что делал Иисус. Итак, опровергши фарисеев и общими доказательствами и

свидетельством Писания, Он присовокупляет далее: «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию». Эти слова Спаситель сказал в посмеяние фарисеев, подобно тому, как сказано: «Вот, Адам стал как один из Нас» (Быт. 3:22); и в другом месте: «Если бы Я взалкал, то не сказал бы тебе» (Пс. 49:12). А что на земле не было ни одного праведного, о том ясно свидетельствует Павел, говоря: «Потому что все согрешили и лишены славы Божией» (Рим. 3:23). С другой стороны, слова Христовы служили утешением и для призванных, – Он как бы так говорил: Я не только не гнушаюсь грешников, но для них одних и пришел. А чтобы не сделать их беспечными, для этого, сказав: «Я пришел призвать не праведников, но грешников», не остановился на этих словах, но присовокупил: «к покаянию», – т. е., Я пришел не для того, чтобы грешники остались грешниками, но чтобы они переменились и сделались лучшими.

6 Итак, когда Христос совершенно заградил уста фарисеев доказательствами, заимствованными как из Писания, так и из обыкновенного порядка вещей, и они ничего не могли сказать Ему вопреки, – потому что, обвиняя Его, сами оказались виновными и противниками ветхозаветного закона, – то, оставив Его, они опять начинают обвинять учеников. Евангелист Лука говорит, что их обвиняли фарисеи (Лк. 5:33), а Матфей приписывает это ученикам Иоанна. Но вероятно, что и те и другие обвиняли учеников Христовых. Можно думать, что фарисеи, не зная, что им делать, взяли с собою и учеников Иоанна, как после брали иродиан. Действительно, ученики Иоанна всегда завидовали Христу и противоречили Ему, и тогда только смирились, когда Иоанн ввержен был в темницу; тогда они пришли возвестить об этом Иисусу, но после опять возвратились к

прежней зависти. Что ж они говорят? «Почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся» (Мф. 9:14)? Вот та болезнь, которую Христос, предвидя могущее произойти от нее зло, врачевал прежде, говоря: «Когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое» (Мф. 6:17). Однако Он не укоряет учеников Иоанна, и не называет их тщеславными и кичливыми, но со всею кротостью отвечает им, говоря: не могут «сыны чертога брачного» поститься, «пока с ними жених» (Мф. 9:15). Когда Христос защищал других, именно мытарей, то для утешения сокрушенного духа их сильно обличал поносителей; а когда укоряли Его и учеников Его, Он отвечает со всею кротостью. Смысл же слов, сказанных учениками Иоанна, следующий: пусть Ты, как врач, поступаешь так; но для чего ученики Твои, оставив пост, участвуют в таких трапезах? И чтобы более придать силы обвинению, выставляют в пример, во-первых, себя, затем фарисеев, желая через сравнение увеличить вину учеников Иисуса. И мы, и фарисеи, говорят они, постимся много. Действительно, и те и другие постились, первые – научившись от Иоанна, вторые – из закона, как и фарисей говорил: «Пощусь два раза в неделю» (Лк. 18:12). Что ж отвечает Иисус? «Могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених»? Прежде Он наименовал Себя врачом, а теперь называет женихом, открывая этими наименованиями неизреченные тайны. Он мог бы сильнее обличить их такими словами: вы не имеете права постановлять законы касательно поста! Какая польза в посте, когда душа исполнена лукавства, когда обвиняете других, когда осуждаете их, сами имея бревна в глазах своих, и все делаете для того, чтобы показать себя? Прежде всего, должно изгонять тщеславие и исполнять все добродетели, как то: любовь, кротость, братолюбие.

Но Христос не говорит ничего такого, а со всею кротостью отвечает им: «Могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених», – напоминая им чрез то слова Иоанна: «Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха» (Ин. 3:29). Смысл же слов Христовых следующий: настоящее время есть время радости и веселья; итак, не делай его временем печали. А пост действительно имеет в себе нечто печальное, не по своему свойству, но потому, что ученики еще слабы, хотя, напротив, для желающих любомудрствовать, он составляет приятное и вожделенное занятие. Как здравие тела доставляет великую радость, так и благосостояние души приносит еще большее удовольствие. Таким образом Спаситель приспособлял Свой ответ к их мыслям. Так и Исайя, говоря о посте, называет его смирением души (Ис. 58:3), равно как и Моисей (Числ. 30:14?).

[7] 4. Впрочем, не этим только Спаситель заграждает уста учеников Иоанна, но и другим способом, когда говорит: «Придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься». Этими словами Господь показывает, что это было не ради угождения чрева, но некоторого дивного смотрения; отвечая на слова противников, Он вместе с тем начинает предсказывать и о Своем страдании, заранее приучая учеников Своих помышлять о происшествиях, по видимому скорбных. Если бы Спаситель сказал об этом им самим, это было бы для них тяжко и прискорбно, – потому что и впоследствии речь о страдании приводила их в смущение. Но когда это говорилось другим, то для учеников слышать было менее тягостно. А так как и страдание Иоанна, как я думаю, надмевало учеников его, то настоящими словами Спаситель низлагает и это их высокомерие. Но о

воскресении Своем Он не говорит еще ничего, потому что не пришло время. Умереть Ему, как человеку, каким обыкновенно почитали Его, было естественно, но воскреснуть – это выше естества. Далее, Спаситель и здесь поступает так же, как поступил прежде. Как прежде тем, которые старались обвинить Его за то, что Он ест с грешниками, доказал противное, то есть, что Его поступок не только не заслуживает обвинения, а напротив, еще достоин похвалы, – так и теперь хотевшим обличать Его в том, что не умеет наставлять учеников Своих, показывает, что говорить так свойственно тем, которые без всякой причины поносят других, и не умеют обращаться с своими последователями. «И никто, – говорит Он, – к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленой ткани» (Мф.9:16). Спаситель опять подтверждает слова Свои общими доказательствами. Смысл слов Его таков: ученики еще не утвердились, и требуют большего снисхождения; они еще не обновились духом; а при таком их состоянии не должно налагать на них тяжких заповедей. Говоря это, Он дал ученикам Своим закон и правило, чтоб и они, когда будут принимать в число учеников своих всех живущих во вселенной, обращались с ними с великою кротостью. «Не вливают также вина молодого в мехи ветхие» (Мф.9:17). Видишь ли, как эти примеры, – одежды и мехов, – сходны с употребленными и в Ветхом Завете? Так Иеремия называет народ чреслением, и упоминает о вине и мехах (Иер. 13:11–12). От этих вещей Спаситель заимствует примеры потому, что речь была о чревоугодии и трапезе. Евангелист Лука прибавляет еще, что и новое раздирается, если приложить его к старому. Видишь ли, что отсюда не только не происходит никакой пользы, а только еще больший вред? Говоря о настоящем, Христос

вместе предвещает и будущее, – именно то, что ученики Его впоследствии времени обновятся; но доколе этого не будет, дотоле не должно возлагать на них никаких строгих и тяжких заповедей. Кто прежде надлежащего времени, говорит Христос, предлагает людям высокое учение, тот и в свое время уже не найдет их способными следовать ему, навсегда сделав их бесполезными. Это зависит не от вина и не от мехов, в которые оно вливается, но от неблаговременной поспешности вливающих. Употребив эти сравнения, Спаситель открыл нам и причину того, почему Он, беседуя с учениками Своими, часто употреблял о Себе скромные выражения. Сообразуясь с их немощью, Он много говорил такого, что было гораздо ниже Его достоинства. Об этом свидетельствует и евангелист Иоанн, приводя слова Христовы: «Многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить» (Ин. 16:12). Чтобы они не думали, что Он только то и может сказать им, что сказал, но представляли бы, что Он может сказать много и другого, гораздо важнейшего, – для этого Христос указал на их слабость, обещая сказать и остальное, когда они будут крепки. То же самое Спаситель выражает и здесь, говоря: «Придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься». Поэтому и мы в самом начале не должны от всех требовать всего, но только того, что возможно, и тогда скорее достигнем и остального. Если ты спешишь и стараешься скорее окончить дело, то потому самому и не должен спешить, что стараешься скорее окончить его. Если слова мои кажутся тебе загадочными, то познай это из самого свойства вещей, и тогда легко увидишь всю силу их. Не смущайся, если кто неблаговременно будет обвинять тебя, – и здесь ведь фарисеи обвиняли и поносили учеников.

[8] 5. И однако ничто не побудило Христа переменить Свое мнение, и Он не сказал: стыдно одним поститься, а другим не поститься. Но как искусный кормчий не смотрит на разъяренные волны, а на свое искусство, – так и Христос поступил тогда: не того надлежало стыдиться, что они не постились, но что за пост получали смертельные раны, были биты и терзаемы. Представляя это, и мы должны поступать с домашними своими подобным образом, например, с женою, любящею украшаться и намащать себя различными благовонными веществами, преданною излишней роскоши, болтливою и беспечною. Хотя нельзя думать, чтобы все пороки соединились в одной какой-либо женщине, но мы вообразим себе такую женщину. Для чего ж, скажут, жену, а не мужа представляешь ты? То правда, что есть и мужчины хуже такой женщины; но так как мужу дано право управлять женою, то мы и представим женщину, а не потому, будто женщины более развращенны. Действительно, и между мужчинами можно найти много таких пороков, каких нет у женщин, как, например, человекоубийство, расхищение гробниц, звероборство и многое тому подобное. Итак, не подумайте, что я делаю это из презрения к полу: совсем нет! Делаю я это потому только, что теперь полезно представить такой пример. Итак, положим, что существует такая жена, и пусть муж всячески старается исправить ее. Как же он исправит ее? Он достигнет цели, если не вдруг все станет запрещать ей, но начнет с легчайшего, к чему она не особенно привязана. Если ты вдруг захочешь исправить ее, то ни мало не успеешь. Итак, не отнимай у нее тотчас же драгоценных уборов, но позволь ей некоторое время пользоваться ими. Эти украшения можно считать меньшим злом в сравнении с разными притираниями и

намащениями. Итак, сперва уничтожь притиранья; да и это делай не страхом и угрозами, но убеждениями и ласками: говори, что за это осуждают, и произноси свой собственный суд и мнение, и чаще напоминай ей, что тебе не только не нравится такое украшение лица, но и весьма неприятно; уверяй ее, что это очень огорчает тебя; потом, произнесши свой собственный суд, присоединяй к этому мнения других; говори, что это безобразит и красивых женщин, чтобы таким образом истребить страсть ее. Не говори ей ничего ни о геенне, ни о царствии, потому что напрасно будешь говорить об этом; но уверь, что она более тебе нравится в таком виде, в каком Бог сотворил ее; а когда она разглаживает, натирает и намащает лицо свое, то и другим не кажется красивою и благовидною. Итак, сперва убеждай ее общими доказательствами, и врачуй болезнь, ссылаясь на общий суд. А когда смягчишь ее такими убеждениями, тогда уже говори ей и о геенне и о царствии. И если много раз ты будешь говорить ей, и она не послушает тебя, и тогда не переставай повторять слов своих, впрочем, не со враждой, но с любовью; и иногда показывай как бы недовольный вид, а иногда ласкай и угождай ей. Не видишь ли, как живописцы, желая начертать красивое лицо, то наводят, то стирают краски? Не поступай же хуже их. Если они, желая изобразить какое-либо тело, прилагают такое старание, то тем более нам при изображении души надлежит употребить все искусство. Если ты украсишь душу жены своей, то не увидишь более на теле ее ни безобразного лица, ни окровавленных губ, ни уст подобных устам медведицы, обагренных кровью, ни бровей очерненных сажею, как бы от прикосновения к очагу, ни ланит подобных стенам гробов поваленных: все это сажа, прах, пепел и знак крайнего безобразия.

[9] 6. Но я не приметил, как увлекся этими обличениями и, советуя другим учить кротко, сам уклонился к гневу. Итак, возвратимся опять к кроткому увещанию, будем переносить все слабости жен, чтобы только исправить в них то, что хотим. Не видишь ли, как мы переносим плач младенцев, когда желаем отнять их от сосцов, и все терпим для того только, чтоб отучить их от прежней пищи. Так будем поступать и с женщинами: все прочее будем сносить терпеливо, только бы отучить их от указанного порока. Когда ты исправишь этот порок, то и другие легко тебе будет исправлять; тогда ты можешь перейти к золотым украшениям, и рассуждать о них таким же образом. И таким образом, мало-помалу вразумляя жену свою, ты будешь превосходным живописцем, верным рабом и добрым делателем. При этом напоминай и о древних женах: Сарре, Ревекке, о благобразных и неблагообразных, и доказывай, что все они были целомудренны. Так Лия, жена патриарха Иакова, не будучи красивой, не помышляла ни о каких прикрасах, и несмотря на то, что была неблаговидна и не слишком любима своим мужем, совсем не думала о таких вещах, и не портила лица своего, а всегда сохраняла неизменными его черты, хотя была воспитана язычниками. А ты, верная, имея главою Христа, употребляешь для нас сатанинское ухищрение! Вспомни о воде, омывавшей лицо твое, о жертве, украшающей уста твои, о крови, обагряющей язык твой! Если все это представишь, то как ни велика была бы твоя привязанность к украшениям, не дерзнешь, и не захочешь этот прах и пепел возложить на себя. Знай, что ты сочеталась со Христом, и удаляйся такого безобразия; Ему неприятны такие украшения; Он требует иной красоты – красоты душевной, которую весьма любит.

Приобретать такую красоту и пророк повелевает тебе, говоря: «И возжелает Царь красоты твоей» (Пс. 44:12). Итак, не будем безобразить себя ненужными украшениями; все творения Божии совершенны, и ни одно не имеет нужды в твоем поправлении. Если бы кто по своему произволу решился что-нибудь прибавить к выставленной картине, представляющей царя, тот за такую дерзость подвергся бы великому наказанию. Для чего же ты поправляешь творение рук Божиих, когда ничего не прибавляешь и к тому, что сделал человек? Верно ты не представляешь геенского огня, верно не чувствуешь пустоты в душе своей! Точно ты совершенно оставила в небрежении душу, потому что все попечение свое истощаешь на плоть свою. И что я говорю о душе? И самому телу вашему вы не доставляете того, о чем стараетесь. Смотри: ты желаешь казаться красивою, но твои украшения делают тебя безобразною; ты хочешь нравиться мужу, но это больше печалит его, и как ему, так и другим подает случай осуждать тебя. Ты хочешь казаться молодою, но это скорее приведет тебя к старости. Ты желаешь похвалы, но это наносит тебе бесславие, потому что такая жена стыдится не только равных себе, но и рабов и рабынь, знающих ее, а прежде всех стыдится себя самой. Но что говорить об этом? Я опустил здесь самое тягчайшее зло: то, что ты оскорбляешь Бога, нарушаешь целомудрие, возжигаешь пламень ревности, подражаешь блудницам непотребного дома. Итак, представив все это, посмейтесь над сатанинскою пышностью и дьявольским ухищрением, и, оставив эти украшения, или лучше – безобразие, уготовьте красоту в душе своей, которая и ангелам вожделенна, и Богу любезна, и вашим мужьям приятна, чтобы вам и в настоящем и в будущем веке приобрести

славу, которую все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 31

1 «Когда Он говорил им сие, подошел к Нему некоторый начальник и, кланяясь Ему, говорил: дочь моя теперь умирает; но приди, возложи на нее руку Твою, и она будет жива». (Мф. 9:18)

2 Изъяснение 9:18–26. Просьба начальника синагоги об исцелении дочери. – Почему кровоточивая тайно приступила ко Христу, и для чего Он обнаружил ее. – Превосходство кровоточивой пред начальником синагоги. – Христос научает не страшиться смерти. – Истинность воскрешений, совершенных Христом, удостоверяется предшествующими и последующими обстоятельствами. – Вера в воскресение и будущую блаженную жизнь запрещает плач об умерших. – Плач об умерших происходит от превратной любви к ним. – Смерть освобождает от земных бедствий.

3 1. За словами последовало и дело, чтобы тем более заградить уста фарисеев. Пришедший ко Христу был начальником синагоги, и его скорбь была самая тяжкая: у него одна только и была дочь, имевшая двенадцать лет, и находившаяся в самом цвете возраста. Потому-то особенно Христос тотчас же воскресил ее. Если евангелист Лука говорит, что некоторые из дома

начальника синагоги придя говорили ему: «Дочь твоя умерла; не утруждай Учителя» (Лк. 8:49), то мы должны сказать, что начальник синагоги называл дочь свою умершею, или судя по продолжительности путешествия, или желая увеличить свое несчастье. Действительно, люди, которые просят помощи, имеют обыкновение увеличивать и представлять в большем виде свои действия, чтобы тем удобнее склонить на милость тех, кого они просят. Обратите внимание на грубость начальника синагоги. Он предлагает Христу две просьбы, – чтобы пришел, и чтобы возложил руку. Это показывало, что он оставил дочь свою еще дышащею. Того же требовал от пророка и Нееман Сириянин: «Сказал, – говорит последний, – ...что он выйдет... и возложит руку свою» (4Цар. 5:11). Так люди грубые имеют нужду в видении и в вещах чувственных. Евангелист Марк (Мк. 5:37) говорит, что Христос взял с Собою троих учеников, также и Лука (Лк. 8:51), но Матфей не определяет числа их. Почему же Господь не взял с собою Матфея, который только что присоединился к Нему? Для того, чтобы возбудить в нем сильнейшее желание, и потому, что он был еще несовершен. Христос одних предпочитает другим для того, чтобы последние старались уподобляться первым. Для Матфея довольно было и того, что он видел исцеление жены кровоточивой, и удостоился быть за одною со Христом трапезою и иметь общение в пище. Когда же Иисус встал, многие последовали за Ним, как для того, чтобы посмотреть на великое чудо, так и по причине личного достоинства того, кто пришел к Иисусу, а равно и потому, что они по своей грубости не столько искали исправления душ, сколько исцеления тела. Таким образом, стеклось множество людей – одни, будучи понуждаемы своими недугами, другие – желанием

посмотреть на исцеление других; но для слушания словес и учения пришли очень немногие. Впрочем, Господь не позволил им взойти в дом, но взял только учеников, да и то не всех, всюду научая нас избегать славы человеческой.

4 «И вот, женщина, двенадцать лет страдавшая кровотечением, подойдя сзади, прикоснулась к краю одежды Его, ибо она говорила сама в себе: если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею» (Мф. 9:20–21). Почему же она не приступила к нему с дерзновением? Потому что стыдилась болезни своей, и почитала себя нечистою. Если женщина во время месячного очищения почиталась нечистою, то тем более могла почитать себя таковою страждущая такою болезнью. Болезнь эта, по закону почиталась весьма нечистою. Вот почему кровоточивая скрывается и таится. Притом она не имела еще надлежащего и совершенного понятия об Иисусе; иначе она не думала бы, что может укрыться от Него. Эта жена первая приходит к Иисусу Христу при народе, так как слышала, что Он и жен исцеляет, и теперь идет к умершей отроковице. Призвать Христа в свой дом она не осмелилась, хотя была и богата; она даже не дерзнула явно и приступить к Нему, но тайно с верою прикоснулась к одежде Его; она не сомневалась и не говорила сама в себе: исцелюсь ли я от болезни, или нет? но приступила с твердою уверенностью, что получит исцеление. «Ибо она говорила, – говорит евангелист,– сама в себе: если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею». Она видела, из какого дома Он вышел – из дома мытаря, и кто за Ним следовал – грешники и мытари; и все это произвело в ней благую надежду. Что же Христос? Он не захотел, чтобы она оставалась в неизвестности, но открыл и обнаружил ее по многим причинам. Некоторые безумные говорят,

что Иисус Христос сделал это из любви к славе. Для чего, говорят они, Христос не оставил ее в неизвестности? Что ты говоришь, нечестивый и беззаконный? Неужели, Тот любит славу, Кто и другим запрещает говорить, и Сам не упоминает о бесчисленных чудесах Своих? Итак, для чего же Он обнаруживает кровоточивую? Во-первых, Он освобождает ее от страха, чтобы она, угрызаемая совестью, как похитительница дара, не проводила жизнь в мучении. Во-вторых, исправляет ее, потому что она думала утаиться. В-третьих, открывает всем веру ее, чтобы и другие соревновали ей. Да и показать, что Он знает все, есть столь же великое чудо, как и остановить течение крови. Наконец и начальника синагоги, который легко мог потерять веру, а с нею и все, исправляет примером жены. Действительно, пришедшие говорили: «Дочь твоя умерла; не утруждай Учителя», и находившиеся в дому смеялись над Иисусом, когда Он сказал, что девица спит; естественно, что и сам отец мог поколебаться в вере.

[5] 2. Чтобы предостеречь отца девицы от такой слабости, Христос и обнаруживает жену. А что отец отроковицы принадлежал к числу самых грубых людей, послушай, что Христос говорит ему: «Не бойся, только веруй, и спасена будет» (Лк. 8:50). Спаситель с намерением медлит, и приходит в дом тогда, когда девица уже умерла, чтобы ясно показать, что Он воскресил ее. Для того Он и медленно идет и много разговаривает с женщиною, чтобы дать время умереть отроковице, и прийти тем, которые возвестили о ее смерти и говорили: «Не утруждай Учителя». На это указывает и евангелист, говоря: «Когда Он еще говорил это», пришли некоторые из дома (начальника синагоги), говоря: «Дочь твоя умерла; не утруждай Учителя» (Лк. 8:49). Христос хотел, чтобы они

уверились в смерти отроковицы, дабы после не могли сомневаться в ее воскресении. Так поступает Он и во всех случаях. Так и к Лазарю приходит по прошествии трех дней после его смерти. Вот по каким причинам обнаруживает Он жену и говорит ей: «Дерзай, дщерь!»; также как и расслабленному сказал: «Дерзай, чадо!» (Мф. 9:2). Женщина была объята страхом; поэтому Он и говорит: «дерзай», и называет ее дщерию, – потому что вера сделала ее дщерию. Потом в похвалу ее говорит: «Вера твоя спасла тебя» (Мф.9:22). Евангелист Лука много и другого говорит нам об этой женщине. Когда она подошла, говорит он, и получила исцеление, Христос не тотчас после этого призвал ее, но прежде сказал: «Кто прикоснулся ко Мне» (Лк. 8:45)? Потом, когда Петр и бывшие с ним говорили: «Наставник! народ окружает Тебя и теснит, – и Ты говоришь: кто прикоснулся ко Мне?» – (что служило несомненным доказательством того, что Иисус облечен был истинною плотью и попирал всякую гордость: народ не в отдалении следовал за Ним, но отовсюду окружал Его), – Господь снова настойчиво повторил: «Прикоснулся ко Мне некто, ибо Я чувствовал силу, исшедшую из Меня» (Лк.8:46), – приспособляя ответ Свой к грубым понятиям Своих слушателей. Он сказал это для того, чтобы заставить женщину добровольно сознаться в своем поступке. С намерением Он не тотчас изобличил ее, чтобы, показав, что он все знает, убедить ее добровольно рассказать все, и заставить возвестить о случившемся, и чтобы не показаться подозрительным, если бы Сам стал говорить о том.

6 Видишь ли превосходство жены пред начальником синагоги? Она не удержала, не остановила Христа, но краями перст прикоснулась только к одежде Его; и, придя последнею, первая ушла с исцелением. Начальник

синагоги самого Врача ввел в дом свой; а для этой довольно было и одного прикосновения. Хотя она связана была узами болезни, но вера окрыляла ее. Смотри же, как Спаситель утешает ее: «Вера твоя, – говорит Он,– спасла тебя». Если бы он обнаружил ее из честолюбия, то не присовокупил бы этих слов. Но Он говорит так для того, чтобы научить вере и начальника синагоги, и похвалить жену, а равно доставить ей радость и пользу не меньшую телесного здравия. А что Христос поступил таким образом не для того, чтобы прославиться Самому, но чтобы прославить жену и исправить других, это видно и из того, что Он равно мог быть славным и без этого чуда (потому что чудеса Его превосходили своим множеством и самые капли дождевые, а также и потому что Он и сотворил и намерен был сотворить чудеса гораздо более славные, чем настоящее), между тем жена, если бы Христос не обнаружил ее, осталась бы в неизвестности и лишилась великих похвал. Вот почему Господь обнаружил ее, похвалил, освободил от страха (она, говорится, приступила с трепетом), ободрил ее и, даровав ей телесное здравие, напутствовал желанием и других благ, сказав: «Иди с миром».

7 «И когда пришел Иисус в дом начальника и увидел свирельщиков и народ в смятении, сказал им: выйдите вон, ибо не умерла девица, но спит. И смеялись над Ним» (Мф. 9:23–24). Хорошо отличали себя начальники синагоги: свирели и кимвалы возбуждают у них плач по умершем! Что же Христос? Он всех изгнал, кроме родителей, да и этих оставил только для того, чтобы не сказали, что не Он, а другой кто воскресил девицу. И прежде, нежели воскрешает ее, возбуждает словом, говоря: «Не умерла девица, но спит». Он и во многих других случаях поступал подобным образом. И как на

море сперва укоряет учеников Своих, так точно и здесь прежде освобождает предстоящих от мыслей, смущавших их, и вместе показывает, что для Него легко воскрешать умерших (как поступил Он и при воскрешении Лазаря, говоря: «Лазарь, друг наш, уснул» (Ин. 11:11), – и вместе научает не страшиться смерти, потому что смерть уже не есть более смерть, но стала сном. Так как Ему и самому надлежало умереть, то, воскрешая других, заранее приготовляет учеников Своих к мужеству и спокойному перенесению смерти, так как, после Его пришествия, смерть сделалась сном. Находившиеся в доме смеялись над Ним; но Он не оскорблялся тем, что они не верили чуду, которое Он намерен был вскоре сотворить, и не укорил смеющихся, чтобы и самый смех, и свирели, и кимвалы, и все прочее свидетельствовало о смерти девицы.

[8] 3. Так как люди часто не верят чудесам, которые уже совершились, то Господь наперед предохраняет их от такого неверия их же собственными ответами. Так было при воскресении Лазаря; так было и с Моисеем. Моисею Бог говорит: «Что это в руке у тебя» (Исх. 4:2)? – чтобы он, узревши змия, сделавшегося из жезла, не забыл, что прежде в руке его был жезл, но, вспомнив о своем ответе, удивился чуду. И при воскресении Лазаря Господь спрашивает: «Где вы положили его» (Ин. 11:34)? – чтобы те, которые отвечали: «Пойди и посмотри», также: «Уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе» (Ин.11:39), – не могли уже не верить, что Он воскресил мертвого. Итак, увидев кимвалы и множество народа, Христос выслал всех из дома, и в присутствии родителей творит чудо, не другую душу влагая в умершую, но возвращая ту самую, которая вышла из нее, и как бы от сна пробуждая отроковицу. Для большего же удостоверения зрителей

берет ее за руку, чтобы тем проложить путь к вере в воскресение. Отец говорил Ему: возложи руку; а Он делает больше: не возлагает Своей руки, но, взяв умершую за руку, воскрешает ее, показывая тем, что Ему все легко сделать, и не только воскрешает, но и приказывает дать ей пищу, чтобы сотворенного Им чуда не почли за обман. И не Сам дает ей пищу, но повелевает родителям; как и о Лазаре говорит: «Развяжите его, пусть идет» (Ин. 11:44) и после того делает его сообщником трапезы. Так (Христос) всегда имел обыкновение представлять несомненные доказательства и смерти и воскресения. Но ты обрати внимание не только на воскресение, но и на то, что Христос повелел никому о том не говорить, и отсюда прежде всего научись быть смиренным и не тщеславиться, а потом заметь и то, что Он всех плакавших выслал из дома, и признал их как бы недостойными видеть столь великое чудо. И не будь подобен свирельщикам, которых Господь изгнал из дома; но уподобляйся Петру, Иоанну и Иакову. Если тогда Спаситель выслал скорбевших вон, то тем более ныне, поскольку тогда еще неизвестно было, что смерть есть сон, ныне же эта истина яснее самого солнца. Но Господь не воскрешает ныне твоей дочери? Но Он несомненно воскресит ее и притом с большею славою. В самом деле, та, восставши От мертвых, опять умерла; а твоя дочь, когда восстанет, пребудет уже бессмертною. Итак, никто уже не должен плакать, никто не должен скорбеть и порицать дело Христово. Подлинно Он победил смерть. Что же ты напрасно плачешь? Смерть уже есть не что иное, как сон. Для чего же ты сетуешь и рыдаешь? Если эллины так поступают, то и они достойны посмеяния. Когда же верующий малодушествует в подобных случаях, то чем он может оправдать себя? Как могут получить

прощение те, которые столь безрассудно поступают, несмотря на то, что уже так много прошло времени от пришествия Христова, и воскресение мертвых сделалось несомненным? Но ты, как бы стараясь увеличить свое осуждение, представляешь нам плачущих эллинских жен, усиливая плач и воспламеняя пещь, а не внимаешь словам апостола Павла: «Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным» (2Кор. 6:15)? Даже и эллинские мудрецы, хотя не знают ничего о воскресении, однако же, находят для себя утешение, говоря: переноси мужественно, случившегося нельзя переменить и исправить плачем. А ты, слушая высочайшие и назидательнейшие истины, не стыдишься малодушествовать больше их? Мы не говорим тебе: переноси мужественно, потому что случившегося нельзя переменить; но говорим: переноси мужественно, потому что несомненно, что умерший воскреснет. Спит отроча твое, а не умерло; покоится, а не погибло; оно воскреснет и получит жизнь вечную, бессмертие и жребий ангельский. Или ты не слышишь, что говорит Псалмопевец: «Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь облагодетельствовал тебя» (Пс. 114:7)? Бог называет смерть благодеянием, а ты сетуешь. Что бы ты больше этого сделал, если бы был противником и врагом умершего? Если кому должно плакать, то пусть плачет дьявол; пусть он скорбит и рыдает о том, что мы идем получить высочайшие блага. Такое рыдание достойно его злобы, а тебе, долженствующему увенчаться и успокоиться, не прилично. Поистине, – смерть есть тихое пристанище. Смотри, сколь многих бедствий исполнена настоящая жизнь; размысли, сколько раз сам ты проклинал ее. Жизнь наша, чем долее продолжается, тем становится тягостнее. Ты уже в самом начале осужден на

великие скорби, потому что сказано: «В болезни будешь рождать детей»; и еще: «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3:16,19); также: «В мире будете иметь скорбь» (Ин. 16:33). Но о будущей жизни не сказано ничего подобного; совершенно напротив, о ней говорится: «Печаль и воздыхание удалятся» (Ис. 35:10); и еще: «Придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом» (Мф. 8:11). Там чертог духовный, светлые светильники и жизнь небесная.

[9] 4. Итак, для чего же ты срамишь умершего? Для чего других заставляешь бояться и трепетать смерти? Для чего побуждаешь многих обвинять Бога, как будто бы Он уготовал для нас великие бедствия? Или, еще более, для чего ты, по смерти кого-либо из присных, созываешь нищих, просишь священников, чтобы они молились об нем? Для того, скажешь ты, чтобы умерший получил успокоение, чтобы Судия был милостив к нему. Итак, об этом-то ты плачешь и рыдаешь? Но ты противоречишь себе самому. Оттого, что он удалился в пристань, ты подвергаешь себя буре. Но что же делать? – скажешь ты: такова природа наша. Нет, не вини природу, и не почитай слез своих необходимыми. Мы сами все превращаем, сами предаемся слабостям, сами унижаем себя и неверных делаем худшими. В самом деле, как станем мы говорить другому о бессмертии, как можем уверить в этом язычника, когда сами более его боимся и трепещем смерти? Многие из эллинов, несмотря на то, что не имели никакого понятия о бессмертии, по смерти детей своих украшали себя венцами, облекались в белые одежды, чтобы приобрести настоящую славу; а ты и для будущей славы не перестаешь уподобляться женам и плакать. Но у тебя нет наследника, тебе некому отказать свое имение? Но чего бы ты пожелал лучше: того ли, чтоб сын твой был

наследником твоего имения, или – наследником благ небесных? Чего бы ты захотел более: того ли, чтобы он получил в наследие сокровища тленные, которые вскоре он должен будет оставить, или того, чтоб стяжал блага вечные и нетленные? Тебе нельзя иметь его своим наследником, но вместо тебя Бог сделал его Своим наследником. Он не имеет участия в наследии своих братьев; но он стал сонаследником Христу. Кому ж, скажешь, мы оставим одежды, дома, рабов и поля? Ему же, и притом с большею безопасностью, нежели при жизни его; для этого нет никаких препятствий. В самом деле, если варвары сжигают вместе с умершими их имущество, то тем более ты должен отослать вместе с умершим принадлежащее ему имущество, только не для того, чтобы оно сделалось прахом, как у тех, но чтобы умершего облекло в большую славу, чтобы, если он отошел отселе грешным, разрешило его от грехов, если праведным – увеличило его награду и воздаяние. Но ты желаешь видеть его? Живи подобно ему, – и ты вскоре достигнешь священного того видения. Кроме того, ты должен помыслить и о том, что если нам не поверишь, то самое время непременно уверит тебя в этом; но тогда уже не будет для тебя никакой награды, потому что утешение получится от изобилия времени. Если же теперь станешь любомудрствовать, то получишь два величайшие блага: освободишь себя из среды зол, и увенчаешься светлейшим венцом от Бога, поскольку великодушное перенесение несчастий гораздо важнее и милостыни и других добродетелей. Представь, что и сам Сын Божий умер, и притом для тебя, – а ты умираешь за себя самого. Он, хотя и сказал: «Если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф. 26:39), хотя скорбел и ужасался, – однако не хотел избегнуть смерти, но подъял ее со многим

страданием и подвигом. Он не просто только претерпел смерть, но претерпел поноснейшую смерть; да еще и прежде смерти подвергся бичеванию, и прежде бичевания – поношению, поруганию и злословию, научая тебя все переносить мужественно. Впрочем, умерши и отложив тело, Он опять восприял его с большею славою, подавая чрез то и тебе благие надежды. Если все это не басня, то не плачь; если все это признаешь истинным, то не проливай слез; если же ты сам плачешь, то как можешь уверить эллинов, что ты этому веришь?

[10] 5. Но, несмотря на эти убеждения, ты все еще не можешь переносить своей скорби? Но потому-то ты и не должен плакать об умершем, что он освободился от многих таких несчастий. Итак, не завидуй ему. Действительно, просить смерти самому себе, по причине преждевременной его кончины, и плакать о том, что он не жил долее, чтобы претерпевать множество таких скорбей, – свойственно более завидующему. Помышляй не о том, что он уже никогда не возвратится в дом твой, но что и ты сам скоро переселишься к нему; не о том думай, что умерший не возвратится сюда, но – и что все видимое нами не пребудет всегда одинаковым, а примет другой вид. И небо, и земля, и море, все изменится; и тогда-то ты получишь сына своего с большею славою! И если он отошел отсюда грешником, то через смерть у него отнята возможность продолжать зло; ведь если бы Бог видел, что он переменит образ своей жизни, то не восхитил бы его прежде покаяния. Если же он скончался праведником, то приобрел блага, которых никогда не потеряет. Отсюда ясно, что слезы твои происходят не от сильной любви, но от безрассудной страсти. Если ты любишь умершего, то тебе надлежит радоваться и веселиться, что он освободился от настоящих зол. Скажи мне: что случилось

в мире особенного, необыкновенного и нового, чего прежде не было? Не видишь ли ты каждый день повторение одних и тех же перемен? За днем следует ночь, за ночью день; после зимы наступает лето, за летом следует зима, – и более ничего; перемены эти всегда одни и те же, – одни бедствия увеличиваются и возникают вновь. Итак, ужели ты желаешь, чтобы твой сын постоянно испытывал эти бедствия, – чтобы он, пребывая здесь, подвергался болезням, скорбям, страшился, трепетал и – одни бедствия претерпевал, а других опасался? Ты, ведь, не можешь сказать того, чтобы, плавая по этому пространному морю, он мог быть свободным от скорбей, забот и других подобных бедствий. Кроме того, помысли и о том, что ты его родила не бессмертным, и что если бы он не теперь умер, то подвергся бы этой участи несколько позже. Но ты еще не успела насладиться им? Насладишься вполне в будущей жизни. Но ты желаешь и здесь видеть его? Что же препятствует? Ты можешь видеть его и здесь, если находишься в бодрственном состоянии, потому что надежда будущих благ светлее самого зрения. Если бы сын твой находился в царских чертогах, ты не стала бы его требовать оттуда, чтобы посмотреть на него, слыша, что он находится там в чести; а теперь, видя, что он отошел для получения гораздо лучших благ, не можешь равнодушно перенести кратковременной разлуки, и притом имея вместо него мужа. Но у тебя нет мужа? Но ты имеешь утешение в Отце сирых и Судии вдовиц. Послушай, как и Павел уважает такое вдовство, говоря: «Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога» (1Тим. 5:5). Подлинно, чем более таковая вдовица показывает терпения, тем более прославляется. Итак, не плачь о том, за что ты можешь получить венец, за что ты можешь

требовать награды; ты отдала залог, но возвратила то, что тебе было вверено. Не заботься более, отдав стяжание свое в сокровищницу, из которой не могут его похитить. Если познаешь, какова жизнь настоящая и какова будущая, и что блага жизни настоящей – паутина и тень, а блага будущей непреходящи и бесконечны, то уже не потребуешь других убеждений. Теперь сын твой освободился от всякой перемены; а пребывая здесь, он, может быть, был бы добр, а может быть – и нет. Не видишь ли, сколько людей отрекаются от детей своих? Сколь многие принуждены бывают держать у себя в доме таких детей, которые хуже самых отверженных? Итак, представляя все это в уме своем, будем любомудрствовать; поступая таким образом, мы и умершему благоугодим, и от людей заслужим многие похвалы, и от Бога получим великие награды за терпение, и достигнем вечных благ, которых все мы да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 32

1 «Когда Иисус шел оттуда, за Ним следовали двое слепых и кричали: помилуй нас, Иисус, сын Давидов! Когда же Он пришел в дом, слепые приступили к Нему. И говорит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: ей, Господи! Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам. И открылись глаза их». (Матф. 9:27–30)

2 Изъяснение 9:27–10:15. Почему Христос требует от исцеляемых исповедания веры, – и запрещает рассказывать об исцелении. – Действия Христа противоположны действиям дьявола. – Благотворящий для Бога должен на злословие отвечать благодеяниями. – Образ и цель посольства учеников. – Мир, обещанный Христом, дается в церкви чрез предстоятелей. – Отвергающим этот мир угрожает тяжкое наказание. Увещание соблюдать благоговение в церкви и оказывать любовь и проповеднику и друг другу. – Не должно требовать от проповедника чудес. – Добродетель выше чудес и больше приносит пользы.

3 1. Для чего Христос заставляет идти слепых за собой и просить о помиловании? Для того чтобы и в этом случае научить нас убегать людской славы. Так как дом

находился по близости, то Он ведет их туда в намерении исцелить наедине. Это видно из того, что Христос не велел никому сказывать об исцелении. Не мало также обличает это и иудеев, когда слепые, будучи лишены зрения, приемлют веру по одному слуху; между тем как иудеи, видя чудеса и уверяясь в действительности их собственными глазами, поступают совершенно иначе. Заметь и усердие слепых, о котором можно судить по их крику и молению; они не просто приступили, но взывали громким голосом, – ничего больше не говоря, кроме: «помилуй нас»! Сыном же Давидовым называли потому, что это казалось им почетным наименованием. Часто и пророки так называли царей, которых хотели почтить и возвеличить (Иез. 34:23; Зах. 12:8). Приведя слепых в дом, Христос еще спрашивает. Он большей частью исцелял только по просьбе – чтобы не подумали, что Он из честолюбия Сам ищет случаев творить такие чудеса, а равно, чтобы показать, что исцеляемые Им были достойны исцеления, и чтобы не сказали, что если Он исцелял по одному милосердию, то надлежало бы всем исцелиться. Ведь и самое человеколюбие соразмеряется несколько с верой исцеляемых. Но не по этим только причинам Христос требует от них веры. Так как они называли Его сыном Давида, то, возводя их к высшему понятию и научая, как должны разуметь о Нем, Он и спрашивает: «веруете ли, что Я могу это сделать» (Матф. 9:28)? Не сказал: веруете ли, что Я могу умолить Отца Моего, могу испросить у Него; но сказал: веруете ли, что Я могу это сделать? Что же они? «Ей Господи»! Уже называют Его не сыном Давида, но парят мыслью выше, и исповедуют Его владычество. А тогда уже и Сам Он, возлагая руку, говорит: «по вере вашей да будет вам». Делает это, чтобы укрепить их веру и показать, что сами

они участвовали в своем исцелении, а равно и засвидетельствовать, что в словах их не было лести. Он не сказал: да отверзнутся очи ваши, но говорит: «по вере вашей да будет вам». То же самое Он говорит и многим другим из приходящих к нему, чтобы прежде исцеления телесных недугов обнаружить сердечную их веру, а через то и исцеленных сделать более опытными, и в других возбудить большую ревность к добру. Так Он поступает и с расслабленным; прежде, нежели возвратил крепость телу, восставляет расслабленную его душу, говоря: «дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои» (Матф. 9:2)! Также, воскресив девицу, взял ее за руку, и, повелев ей есть (Марк 5:41, 43; Лук. 8:54–55), научил ее познать своего Благодетеля; подобным образом поступил и с сотником, все приписав вере его (Матф. 8:13). Равно и при избавлении учеников от бури морской, сперва избавил их от маловерия (Матф. 8:26). Так и здесь: хотя Он знал тайные их мысли прежде, чем они их высказали, но, чтобы и в других возбудить такую же ревность, открывает их и другим, совершением исцеления обнаруживая сокровенную их веру.

4 Потом, по исцелении, Христос повелевает им никому об этом не сказывать, и не просто повелевает, но со всей строгостью: «запретил им, – говорится, – Иисус… сказал: смотрите, чтобы никто не узнал. А они, выйдя, разгласили о Нем по всей земле той» (Матф. 9:30–31). Впрочем, они не удержались, но стали проповедовать и благовествовать, – не удержались, несмотря на повеление молчать о происшедшем. Если Христос в другом случае говорит: иди и проповедуй славу Божью, то это не противоречит сказанному в настоящем случае, но вполне с ним согласно. Христос научает нас не только ничего не говорить о себе, но удерживать и тех, которые захотят

хвалить нас; но если слава воздается Богу, то мы должны не только не препятствовать, но даже побуждать к тому. «Когда же те выходили, то привели к Нему человека немого бесноватого» (Матф. 9:32). Эта болезнь была не естественная, но происходила от дьявольского злоумышления. Потому и нужно было, чтобы бесноватого привели другие. Так как этот бесноватый, будучи не в состоянии говорить, не мог просить ни сам, ни через других, так как бес связал его язык, а с языком и душу, – то Господь не спрашивает его о вере, но немедленно исцеляет от болезни. «Когда бес был изгнан», говорит евангелист, «немой стал говорить. И народ, удивляясь, говорил: никогда не бывало такого явления в Израиле» (Матф. 9:33). Это-то особенно и причиняло досаду фарисеям, что Христа предпочитали не только всем современникам Его, но и предшественникам; предпочитали не за то, что исцелял, но за то, что исцелял легко, скоро, притом бесчисленные и неизлечимые болезни. Так об Иисусе судил народ.

5 2. Но фарисеи судили совсем иначе. Они не только перетолковывают Его поступки, но не стыдятся говорить и против самих себя. Такова-то злоба! В самом деле, что говорят они? «Он изгоняет бесов силой князя бесовского» (Мф. 9:34). Может ли быть что безрассуднее этого? Совершенно ведь невозможно, – как и Сам Христос говорит после, – чтобы бес изгонял беса, так как и бес обыкновенно свое утверждает, а не разоряет. А Христос не только изгонял бесов, но и очищал прокаженных, воскрешал мертвых, укрощал море, отпускал грехи, проповедовал царствие, приводил к Отцу, чего бес никогда и не захочет, и не сможет сделать. Бесы приводят к идолам, отвращают от Бога и научают не верить будущей жизни. Бес, будучи оскорблен, не станет делать

добро, когда он и, не будучи оскорблен, причиняет вред даже тем, которые служат и угождают ему. Но Христос поступает совсем иначе. Он и после стольких укоризн и поношений, «ходил», говорит евангелист, «по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях» (Матф. 9:35). Он не только не наказывал их за бесчувственность, но даже и не укорял, показывая тем и Свою кротость и опровергая возводимую на Него клевету, и вместе желая последующими чудесами еще более удостоверить, и потом уже обличать словами. Итак, Он ходил и по городам, и по селам, и по синагогам их, научая тем нас воздавать за злословие не злословием, но большими благодеяниями. Если ты оказываешь благодеяния своим со-рабам не для людей, но для Бога, то как бы они ни поступали, не переставай благодетельствовать, чтобы получить большую мзду. А кто перестает благодетельствовать потому, что его злословят, тот показывает, что он благотворил не ради Бога, но ради похвалы от людей. Вот почему Христос, научая нас, что Он по одной благости пришел благодетельствовать, не дожидался того, чтобы приходили к Нему страждущие, а Сам поспешал к ним, принося им два величайших блага: во-первых, евангелие царствия, во-вторых, исцеление от всех болезней. Он ни города не проходил мимо, ни селения не пропускал, но посещал всякое место. Даже и тем не довольствуется, но показывает и еще большую заботливость. «Видя толпы народа», говорит евангелист, «Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря. Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало; итак, молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» (Матф. 9:36–38).

Смотри опять, как Он далек от тщеславия. Чтобы не водить всех за Собой, Он посылает учеников. Впрочем, не для того только посылает, но и для собственного их обучения, чтобы, образовавшись в Палестине, как бы в некотором училище ратоборства, они приготовили себя к подвигам в целом мире. Потому-то, как юных птенцов приучая к летанию, Он открывает обширнейшее поприще для их действования, сколько было то соразмерно с их силами, чтобы они удобнее могли приступить к последующим подвигам; и сначала делает их только врачами тел, чтобы после вверить им важнейшее – врачевание душ. И смотри, как показывает легкость и необходимость этого дела. «Жатвы», говорит Он, «много, а делателей мало». Я, говорит, посылаю вас не сеять, но жать. Подобным образом сказал Он и у Иоанна: «другие трудились, а вы вошли в труд их» (Иоан. 4:38). Этими словами Он удерживал их от самомнения, возбуждал к бодрости и показывал, что предшествовавший труд был больше. Смотри же: Он и здесь начинает милостью, а не судом. «Сжалился над ними», сказано, «что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря». Этим Он укорял начальников иудейских за то, что они, будучи пастырями, показывали в себе свойства волков, потому что не только не исправляли народа, но и препятствовали ему быть лучшим. Народ удивлялся и говорил: «никогда не бывало такого явления в Израиле» (Матф. 9:33)! А они, напротив, говорили: «Он изгоняет бесов силой князя бесовского» (Матф. 9:34)! Но о каких делателях говорит здесь Господь? О двенадцати учениках. Что же? Сказав: «делателей мало», увеличил ли их число? Нет, но послал двенадцать только. Так почему же Он сказал: «молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою», – а никого к ним не

присоединил? Потому, что впоследствии Он и двенадцатью заменил многих, не увеличив их числом, но даровав им силу.

[6] 3. Далее, желая показать, как велик дар, говорит им: «молите Господина жатвы» – и, хотя не прямо, дает разуметь, что Он есть этот Господин. Сказав: «молите Господина жатвы», без просьбы и без моления их, Сам немедленно рукополагает их в это звание и приводит им на память то, что говорил Иоанн о гумне, о лопате, о плевелах и о пшенице. Отсюда видно, что Он есть Делатель, Он есть Господин жатвы, Он есть Владыка пророков. Если Он послал жать, то конечно не чужое, но то, что Он сеял через пророков. И не тем только ободрил их, что назвал служение их жатвой; но особенно тем, что даровал им и силу к этому служению. «И призвав», говорит евангелист, «двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь» (Матф. 10:1). Впрочем, Дух еще не был ниспослан: «ибо еще не было на них Духа Святого, потому что Иисус еще не был прославлен» (Иоан. 7:39). Как же они изгоняли духов? Повелением и властью Христа. Смотри же, как благовременно это посольство. Он не с самого начала послал их, но когда они уже довольно времени были Его последователями, и видели; как Он воскресил мертвого, запретил морю, изгонял бесов, исцелил расслабленного, отпускал грехи, очистил прокаженного. Когда достаточно, и делом и словом, удостоверились в могуществе Его, тогда уже и посылает их; посылает не на опасные подвиги, – в Палестине не было еще никакой опасности, – приходилось только подвергаться злословиям. Впрочем, предсказывает им и об опасностях, чтобы заранее приготовить и частым напоминанием

приучить их к ним. Далее, так как евангелист сказал уже о двух двоицах апостолов, – о Петре и Иоанне с братьями их (Матф. 4:18,21), – и после них упомянул о призвании Матфея (Матф. 9:9), о призвании же и именах других апостолов ничего не говорил нам, то теперь находит нужным перечислить их по порядку, и называет их по именам, говоря так: «Двенадцати же Апостолов имена суть сии: первый Симон, называемый Петром» (Матф. 10:2). Был и другой Симон, называвшийся Кананитом; равно как был Иуда Искариот и Иуда Иаковлев, и Иаков Алфеев и Иаков Заведеев. Марк перечисляет апостолов по достоинству, после двух верховных поставляя Андрея; но Матфей перечисляет не так, а иначе: он ставит выше себя Фому, который был гораздо ниже. Рассмотрим же их по порядку, начиная с первого. «Первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его». И это уже немалая похвала. Одного похвалил за добродетель, а другого за благородство нрава. Далее – «Иаков Зеведеев и Иоанн брат его». Видишь, что евангелист не по достоинству ставит их. Мне думается, что Иоанн был не только выше других, но и брата своего. После того, сказав: «Филипп и Варфоломей», присовокупил: «Фома и Матфей мытарь» (Матф. 10:3); а Лука, напротив, ставит его выше Фомы. Далее: «Иаков Алфеев» – потому что был, как я выше сказал, Иаков Зеведеев. Затем, сказавши о Леввее, который иначе назывался Фаддеем, и о Симоне Зилоте, которого называет также Кананитом, доходит до предателя, и говорит о нем не как враг и противник, но как историк. Не сказал: скверный и беззаконный Иуда, – но по имени города назвал его Искариотом. Был и другой Иуда – Леввей, прозванный Фаддеем, которого Лука называет Иаковлевым, говоря; *Иуда Иаковлев* (Лук. 6:16), а потому Матфей, отличая одного от другого, говорит:

«Иуда Искариот, который и предал Его» (Матф. 10:4). И не стыдится говорить: «который и предал Его». Так евангелисты никогда ничего не скрывают, – даже и того, что казалось предосудительным. Впрочем, самый первый и верховный из апостолов был человек неученый и простой. Но посмотрим, куда и к кому Христос посылает их? «Сих двенадцать», говорит, «послал Иисус» (Матф. 10:5). Кто же они таковы? Рыбари, мытари. Четверо из них были рыбари, двое мытари – Матфей и Иаков, а один и предатель. Что же говорит им? Тотчас заповедует им, говоря: «на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева» (Матф. 10:5–6). Не подумайте, говорит Он, будто за то, что они Меня поносят и называют беснующимся, Я питаю к ним ненависть и отвращение; напротив, Я стараюсь исправить их прежде других, и запрещаю вам ходить к другим народам; к ним посылаю вас учителями, врачами. И не только запрещаю вам проповедовать кому-либо прежде их, но не позволяю даже и ступать на путь, который ведет к язычникам, и входить в город самарянский.

[7] 4. И самаряне были противниками иудеев, хотя их обращать было удобнее, потому что они гораздо более расположены были к вере, а обращать иудеев было труднее. И, однако, Иисус посылает апостолов к упорным иудеям, показывая тем Свое о них попечение, заграждая их уста, и пролагая путь проповеди апостольской, чтобы после не стали жаловаться, что апостолы пошли к необрезанным, и чтобы не имели никакой благовидной причины убегать и отвращаться их. Называя же их овцами погибшими, а не заблудившимися, всячески внушает им мысль о прощении, и привлекает сердца их. «Ходя же», говорит Он, «проповедуйте, что приблизилось Царство

Небесное» (Матф. 10:7). Видишь величие служения? Видишь достоинство апостолов? Им не велено говорить ни о чем чувственном, о чем говорили Моисей и прежде бывшие пророки; но повелевается говорить о предметах новых и необычайных. Те проповедовали не о небесном царствии, но о земле и о земных благах; а эти проповедуют о царстве небесном, и обо всем, что там. Но не этим только апостолы превосходят пророков, но и послушанием. Они не отказываются, не уклоняются от повелений, как поступали древние; но, слыша и об опасностях, и о войнах, и о несносных бедствиях, с совершенной покорностью принимают повеления, как проповедники царствия. Но чему тут дивиться, скажешь, ежели они охотно повиновались, когда должны были проповедовать без скорби и тягости? Что ты говоришь? Им не заповедано ничего тягостного? Разве не слышишь о темницах, о смертных приговорах, о гонениях от единоплеменников, о всеобщей ненависти? Все это, по словам Христа, вскоре должны они были испытать на себе. Он посылает их проповедниками и раздаятелями бесчисленных благ другим; а самим возвещает и предрекает несносные бедствия. Затем, чтобы их проповедь удобнее могла расположить к вере, говорит: «больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Матф. 10:8). Заметь, как Он заботится о нравах их: не меньше, чем о чудесах, показывая им, что чудеса без доброй нравственности ничего не значат; говоря: «даром получили, даром давайте», – Он смиряет их высокоумие и предостерегает от сребролюбия. И чтобы не подумали, что производимые ими чудеса плод их добродетелей, и не возгордились тем, говорит: «даром получили, даром давайте». Вы ничего своего не даете тем,

которые принимают вас; получили вы эти дары не в награду и не за труды: это Моя благодать. Так и другим давайте, потому что нельзя найти цены, достойной этих даров. Потом, исторгая тотчас же и самый корень зла, говорит: «не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха» (Матф. 10:9–10). Не сказал: не берите с собой; но хотя бы ты и в другом месте мог взять, избегай этого пагубного недуга. Через это достигал Он многого. Во-первых, удалял от учеников всякое подозрение; во-вторых, освобождал их от всякой заботы, чтобы они занимались одной проповедью; в-третьих, показывал им Свое могущество. Для того-то и говорит им после: имели ли вы в чем недостаток, когда Я посылал вас без одеяния и без обуви? И не вдруг говорит им: «не берите»; но сперва сказал: «больных исцеляйте, прокаженных очищайте», а потом уже заповедал: ничего «не берите; даром получили, даром давайте» (Матф. 10:9,8), повелевая им то, что и на деле полезно, что и прилично, и возможно. Но, может быть, скажут: другие требования справедливы; но почему Он и в дороге не велел им иметь ни сумы, ни двух одежд, ни жезла, ни сапог? Потому что хотел приучить их к строгой жизни, так как и выше не позволил им заботиться даже и о следующем дне. Он готовил их быть учителями вселенной; потому и делает их, так сказать, из людей ангелами, освобождая их от всякого житейского попечения, чтобы они заботились об одной только проповеди, – или, лучше сказать, Он освобождает их и от этой заботы, говоря: «не заботьтесь, как или что сказать» (Матф. 10:19), и таким образом, что казалось весьма трудным и тягостным, представляет им весьма легким и удобным. Подлинно, ничто столько не служит к душевному спокойствию, как свобода от забот и

попечений, особенно если, освободившись от этих забот и попечений, можно не иметь ни в чем недостатка, имея помощником Бога, Который заменяет Собой все. Потом, в предупреждение вопроса: откуда же будем получать необходимое пропитание? – не говорит им: вы слышали, что Я говорил вам прежде: «взгляните на птиц небесных» (Матф. 6:26), – каковой заповеди они еще не в состоянии были выполнить, – но выразился легче, сказав: «ибо трудящийся достоин пропитания» (Матф. 10:10), желая показать этими словами, что им должно получать себе пропитание от учеников, чтобы они не гордились перед учениками своими тем, что, доставляя им все, сами ничем от них не заимствуются, а ученики, в свою очередь, будучи презираемы ими, не отделились от них.

[8] 5. Далее, чтобы ученики не сказали: итак, велишь жить милостыней? и не вменили бы того себе в стыд, – Христос, называя их делателями, а даваемое им – мздой, показывает, что это так должно и быть. Хотя дело ваше, говорит Он, состоит только в учении, но не думайте, чтобы оказываемое вами благодеяние было маловажно; ваше занятие сопряжено с великими трудами, и что дают вам поучаемые, дают не даром, но в вознаграждение: «ибо трудящийся достоин пропитания». Это Он сказал не потому, чтобы труды апостолов того только и стоили, – совсем нет! Здесь Он давал только ученикам правило не требовать большего, а доставляющих им нужное вразумлял, что они делают это не по щедрости, но по долгу. «В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете» (Матф. 10:11). Когда Я сказал, – говорит Он, – «трудящийся достоин пропитания», то этим не отворил дверей для вас ко всем; напротив, и в этом повелеваю вам поступать с большой осмотрительностью, что послужит

вам к приобретению и чести, и самого пропитания. В самом деле, если принимающий вас человек будет достоин, то он непременно даст вам пропитание, особенно, если вы кроме необходимого ничего более не потребуете. Но Христос не только повелевает искать достойных, но и не переходить из дома в дом, чтобы ни принимающего не оскорбить, ни самим не подвергнуться нареканию в чревоугодии и легкомыслии. Это-то и внушал Он словами: «там оставайтесь, пока не выйдете». То же самое можно видеть и у других евангелистов. Видишь ли, как Он этим делает учеников достойными уважения, а приемлющих их ревностными к принятию, показав, что от этого несравненно более для них самих будет и славы, и пользы? Продолжая то же наставление, говорит: «а, входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится» (Матф. 10:12–13). Смотри, до каких подробностей Он доходит в Своих наставлениях, – и не без причины. Он готовил их быть подвижниками благочестия и проповедниками вселенной; а потому, приучая к умеренности и делая достойными любви, говорит: «а если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому» (Матф. 10:14–15). Не ожидайте, говорит, приветствия себе от других, потому что вы учители, но сами прежде отдавайте честь другим. Кроме того, показывая, что их приветствие не простое слово, но благословение, говорит: если будет дом достоин, придет мир ваш на него, а если оскорбят вас, то первым наказанием будет то, что дом лишится мира, а вторым то, что подвергнется одинаковой участи с

Содомом. Но скажут: какая нам польза в их казнях? Такая, что для вас найдутся дома достойных. Что же значит выражение: «отрясите прах от ног ваших»? Этим показывается или то, что апостолы ничего у них не заимствовали, или это служит свидетельством дальнего путешествия, которое апостолы предпринимали для них. Но заметь, что Господь еще не все дарования дает апостолам. Так не дает еще им предведения, чтобы могли узнавать, кто достоин и кто недостоин, а велит узнавать и дожидаться, что покажет опыт. Почему же Сам Он пребывал у мытаря? Потому что мытарь, переменившись, сделался достойным. Заметь еще, что Он, лишив апостолов всего, все им дал, когда позволил жить в тех домах, где принимали их наставления, ничего при себе не имея, входить в эти дома. Таким образом, и сами они освобождались от забот, и принимавших удостоверяли, что пришли к ним единственно для спасения их, как тем, что ничего с собой не приносили, так и тем, что кроме необходимого ничего от них не требовали, наконец, и тем, что входили не ко всем без разбора. Господь хотел, чтобы апостолы славились не одними чудесами, но более чудес – своими добродетелями. Подлинно, ничто столько не отличает любомудрия, как то, чтобы не иметь ничего излишнего и довольствоваться как можно меньшим. Это знали и лжеапостолы. Потому Павел и говорит; «дабы они, чем хвалятся, в том оказались такими же, как и мы» (2Кор. 11:12). Если же и на чужой стороне, отправляясь к людям незнакомым, не должно ничего более домогаться, кроме ежедневной пищи, то не гораздо ли более, находясь дома?

[9] 6. Не выслушать только должны мы сказанное, но и исполнять на деле. Не об одних ведь апостолах сказано это, но и о последующих святых. Итак, постараемся

сделаться достойными принять их к себе. Смотря по расположению принимающих, мир может и приходить к ним и опять удаляться; это зависит не от власти только учителей, но и от достоинства приемлющих. Не станем же считать для себя маловажной потерей, если не насладимся этим миром, о котором еще издревле провозгласил пророк, говоря: «как прекрасны ноги благовестника, возвещающего мир» (Ис. 52:7), причем, изъясняя достоинство мира, присовокупил: «благовествующего радость». И сам Христос показал важность этого мира, говоря: «мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Ин. 14:27). Поэтому должно употреблять все старание, чтобы наслаждаться им как дома, так и в церкви. И в церкви предстоятель дает мир, и это служит образом мира, даруемого Христом; и потому предстоятеля должно принимать со всяким усердием, предоставляя ему не столько трапезу, сколько свое расположение. Если худо не уделять от трапезы, то не гораздо ли хуже отвергать благословляющего? Для тебя сидит пресвитер, для тебя стоит учитель, трудится и изнуряется. Какое же ты будешь иметь извинение, когда и слов его не принимаешь? Церковь есть общий для всех дом, куда мы входим за вами, по примеру апостолов, почему и, входя, тотчас же, по заповеди Христовой, всех вообще приветствуем миром. Итак, никто не будь нерадив, никто не будь рассеян, когда священники входят и преподают поучение: за это угрожает немалое наказание. Лучше для меня тысячекратно подвергнуться презрению, входя к кому-нибудь из вас в дом, чем не быть выслушанным, когда здесь приветствуют вас миром. Последнее для меня гораздо несноснее первого, так как и дом этот несравненно важнее; здесь хранятся великие наши сокровища, здесь все наши надежды. И что здесь не

велико, что не досточтимо? И трапеза эта несравненно почтеннее и сладостнее твоей домашней трапезы, и светильник этот – твоего светильника; это знают те, которые, с верой и благовременно помазавшись елеем, получили исцеление. И эта сокровищница несравненно превосходнее и необходимее твоей сокровищницы, потому что в ней положены не одежды, но милостыня, хотя и немногие владеют этой сокровищницей. Здесь и ложе лучше твоего: успокоение, доставляемое Священным Писанием, приятнее всякого ложа. И если бы мы соблюдали совершенное согласие, то кроме этого мы не имели бы другого дома. А что это не трудно, свидетельствуют те три тысячи и пять тысяч верующих, которые имели и дом, и трапезу, и душу одну. У множества веровавших, говорится, «было одно сердце и одна душа» (Деян. 4:32). Но так как в этой добродетели мы далеко отстали от них, и живем по разным домам, то, по крайней мере, когда собираемся сюда, будем ревностно исполнять ее. Если мы недостаточны и бедны в чем другом, по крайней мере, будем богаты хотя бы в этом. Поэтому хотя здесь, когда входим к вам, принимайте нас с любовью. И когда я скажу: «мир вам», вы скажите: *и духови твоему*; скажите не голосом только, но и сердцем, не устами только, но и духом. Иначе, ежели ты здесь скажешь: и духови твоему мир, а выйдя, будешь восставать против меня, будешь меня презирать, злословить и втайне поносить бесчисленными ругательствами, – то что это за мир? Впрочем, хотя ты и будешь меня всячески злословить, я даю тебе мир от чистого сердца, с искренним расположением, и ничего худого никогда не могу сказать о тебе: у меня отеческое сердце, и хотя иногда я и осуждаю тебя, но делаю это, заботясь о тебе же. А если ты втайне язвишь меня, и не

принимаешь в доме Господнем, то страшусь, чтоб ты еще не увеличил моей скорби – не тем, что оскорбил меня, ни тем, что выгнал меня, но тем, что отверг мир, и навлек на себя столь жестокое наказание. Хотя я и не оттрясу праха, хотя не пойду от тебя прочь, – но угроза остается во всей своей силе. Я часто приветствую вас миром, и никогда не перестану приветствовать. Хотя вы и с презрением меня будете принимать, я все-таки и тогда не оттрясу праха, – не потому, чтобы я не хотел повиноваться Господу, но потому, что весьма горячо люблю вас. Притом, я ничего и не терпел для вас, не предпринимал дальнего путешествия; пришел к вам не так, как приходили апостолы, ничего при себе не имея (за что и виним наперед себя), пришел не без сапог, не без другой одежды, – почему, может быть, и вы упускаете со своей стороны должное. Только этого недостаточно для вашего оправдания. Пусть мы подвергнемся большему осуждению; но это нимало не служит к вашему извинению.

[10] 7. Тогда дома были церквами, а ныне церковь сделалась домом. Тогда и в домах не говорили о житейском, а ныне и в церкви не говорят о духовном. Вы и здесь поступаете, как на торжище; и когда говорит сам Бог, не только не слушаете слов Его в молчании, а занимаетесь разговорами совсем о других предметах. И пусть бы вы занимались тем, что касается вас самих; нет – вы говорите и слушаете то, до чего вам и дела нет. Вот о чем я плачу, и не перестану плакать! Я не властен оставить этого дома; нам необходимо оставаться здесь, доколе не отойдем из настоящей жизни. Итак, «вместите нас» (2Кор. 7:2), – как увещевал Павел. Это сказано у него не о трапезе, но о сердце и расположении. Того же и мы от вас требуем: любви, приязни сердечной и искренней. Если же и это

тяжело для вас, то, по крайней мере, оставив теперешнюю беспечность, возлюбите самих себя. Для нашего утешения довольно и того, если увидим, что вы успеваете в добре и делаетесь лучшими. В таком случае и я покажу больше любви, «если и слишком любя вас, вами буду любим менее». Многое ведь побуждает нас к взаимному общению: всем нам предлагается одна трапеза; один Отец породил нас; все мы произошли от одной утробы; всем подается одно питье, и не только одно, но из одной чаши. Отец, между прочими средствами расположить нас к взаимной любви, употребил и то, чтобы мы пили из одной чаши: это служит знаком крепкой любви. Но скажешь, что мы не можем равняться с апостолами. И я в том согласен, и ни мало не спорю; мы не стоим не только их, но даже и тени их. Но при всем том вы должны исполнять свое дело. Это не только не сделает вам стыда, но еще более послужит к вашей пользе. Когда будете оказывать должную любовь и послушание к недостойным, получите большее воздаяние. Мы говорим не от себя, так как у нас и нет учителя на земле; что мы приняли, то и даем, и когда даем, ничего не требуем от вас, кроме одной любви. Если мы на самом деле недостойны любви, то, по крайней мере, достойны ее за любовь нашу к вам. Кроме того, нам заповедано любить не только любящих нас, но и врагов наших. Кто же будет столь жестокосерд, столь груб, что, получив такую заповедь, станет отвращаться и ненавидеть даже любящих его, хотя сам исполнен бесчисленных пороков? Мы имели общение в духовной трапезе; будем иметь общение и в духовной любви. Если разбойники, сидя за общим столом, забывают свои злые нравы, то, какое будем иметь оправдание мы, которые, всегда приобщаясь тела Господня, не подражаем даже и им в кротости? Для

многих служит достаточным побуждением к дружбе не только то, что имеют общий стол, но и то, что они из одного города; а мы, у которых и город, и дом, и стол, и путь, и дверь, и корень, и жизнь, и глава, и Пастырь, и Царь, и Учитель, и Судья, и Творец, и Отец, и все общее, – какое будем иметь извинение, удаляясь от общения друг с другом? Не требуете ли и от нас чудес, какие творили апостолы, приходя проповедовать: чтобы и мы очищали прокаженных, изгоняли бесов, воскрешали мертвых? Но то и будет самым сильным доказательством вашего благородства и любви, если будете веровать в Бога, не требуя залогов. Бог, как по этой причине, так и по другим, прекратил чудеса. Если без чудес, обладающие теми или другими совершенствами, как то: даром слова, или благочестием, тщеславятся, превозносятся, друг от друга отделяются, то где не было бы разделений, если бы были еще и чудеса? А что это говорю не по догадке, – представляю в доказательство коринфян, которые от этого самого разделились на многие толки. Ищи не чудес, но спасения души. Не ищи того, чтоб видеть одного мертвеца воскресшим, когда знаешь, что все мертвые воскреснут; не ищи, чтобы видеть слепца прозревшим, но смотри, как ныне все начинают получать лучшее и полезнейшее зрение. Научись и сам смотреть целомудренно, и исправь твое око. Подлинно, если бы мы жили все, как должно, то язычники дивились бы нам больше, нежели чудотворцам. Чудеса часто считают обманом, и находят в них много подозрительного, хотя чудеса христианские совсем не таковы. Но жизнь непорочная не может подвергнуться никакому подобному подозрению, – напротив, добродетель заграждает уста всем.

[11] 8. Итак, будем упражняться в добродетели; она составляет великое богатство и великое чудо. Она доставляет истинную свободу, являет ее и в самом рабстве, не освобождая от рабства, но самих рабов делая почтеннее свободных; а это гораздо важнее, чем дать самую свободу. Она не делает бедного богатым, но и в самой бедности делает его достаточнее богатого. Если ты хочешь и чудеса совершать, то освободись от грехов – и все тобой будет сделано. Возлюбленные, грех есть самый злой бес. И если его из себя выгонишь, то сделаешь более, нежели те, которые изгоняют тысячи бесов. Послушай, как Павел добродетель ставит выше чудес: «ревнуйте», говорит он, «о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший» (1Кор. 12:31); и далее, показывая этот путь, не упомянул ни о воскресении мертвых, ни об очищении прокаженных, ни о чем другом тому подобном, но вместо всего того сказал о любви. Послушай, что говорит и Христос: «тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лук. 10:20). И прежде, в другом месте: «многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им» не знаю вас (Матф. 7:22–23). Также перед крестным страданием, призвав учеников, сказал им: «по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой» (Иоан. 13:35), – а не потому, что будете изгонять бесов. И опять: по этому узнают все, что Ты Меня послал (Иоан. 17:23) – не из того, что они будут воскрешать мертвых, но из того, что будут едино. Чудеса часто другому приносят пользу, а тому, кто творит их, вредят, или, доводя его до гордости и тщеславия, или другим каким образом; а от добрых дел

ничего такого ожидать нельзя: они приносят пользу и тем, которые творят их, и другим многим. Итак, будем совершать их со всем тщанием. Если ты из жестокосердого сделался милостивым, то исцелил сухую руку; если, оставив зрелище, пошел в церковь, то исправил хромую ногу; если отвратил глаза свои от блудницы и от красоты чужой жены, то отверз слепые очи; если вместо сатанинских песней выучил ты духовные псалмы, то, будучи прежде немым, стал говорить. Вот самые великие чудеса! Вот дивные знамения! Если мы непрестанно будем совершать такие чудеса, то посредством их и сами сделаемся великими и удивительными, и всех порочных привлечем к добродетели, и достигнем будущей жизни, – которой да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 33

[1] «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби». (Матф. 10:16)

[2] Изъяснение 10:16–22. Новый закон брани, данный апостолам. – Кроткие побеждают силою благодати, хотя должны оказывать и свое содействие. – Что разумеется под мудростью змииной. – Удобоисполнимость заповеди Христовой подтверждается примером апостолов. – Послушание апостолов Христу. – Дело апостолов, как по условиям совершения, так и величием своим, безмерно превосходит дела языческих философов и знаменитых мужей. – Причина успеха их проповеди. – Пример апостолов лишает извинения падающих и изнемогающих в мирное время. – К подвигам должно приучаться прежде их наступления. – Пример Иова.

[3] 1. После того, как Господь обеспечил апостолов относительно пропитания, и отверз им все дома, Он и самый вход их сделал достойным уважения, повелевая им входить не как скитающимся и нищим, но как таким людям, которые гораздо почтеннее самих принимающих их. (Это именно дал Он разуметь как словами: «трудящийся достоин пропитания» (Матф. 10:10), так и повелением осведомляться о достойных и у них

оставаться, а равно повелением приветствовать приемлющих и угрозой жестоких казней не приемлющим). Когда, таким образом, Он освободил их от заботы о пропитании, вооружил знамениями, сделал их как бы железными и адамантовыми, отрешив от всего житейского и освободив от всех временных забот, – тогда-то Он начинает говорить уже и о тех бедствиях, которые имели их постигнуть, и не только о тех, которые должны были наступить вскоре, но и о тех, которые имели последовать по прошествии многого времени, и таким образом заранее, приготавливает их к брани против дьявола. Этим достигалось многое: во-первых, апостолы узнали силу предведения Его; во-вторых, никто уже не мог думать, что эти бедствия происходят от бессилия Учителя; в-третьих, те, которые должны были терпеть эти бедствия, не могли ужасаться их, как непредвиденных и неожиданных; в-четвертых, слыша это, апостолы не должны были смущаться и при наступлении времени крестных страданий, – как они смутились в то время, когда Он, обличая их, говорил: «от того, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше; и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь» (Иоан. 16:6, 5)? Впрочем, Он о Себе еще ничего не говорит; не говорит, например, что Он будет связан, мучим и умерщвлен, чтобы этим не возмутить сердец их; а только предсказывает им то, что имело с ними случиться. Далее: чтобы они поняли, что им предлежит новый закон брани и чудный образ ополчения, Он, посылая их почти нагими, с одной одеждой, без обуви, без жезла, без меди при поясе, без сумы, и повелевая самое пропитание получать от тех, которые их принимают, и тем не кончил Своего слова, но, показывая, несказанную силу Свою, говорит: вот как вам должно идти (на проповедь): показывайте овечью кротость, хотя

вы должны идти против волков, и не просто против волков, но и посреди волков. И не только кротость овечью Он повелевает иметь им, но и голубиное незлобие. Я покажу Мою крепость в особенности в том, что овцы преодолеют волков и, находясь среди них и подвергаясь бесчисленным угрызениям, не только не истребятся, но преобразят и их самих. А гораздо удивительнее и более значит – изменить расположение воли и преобразовать ум, нежели умертвить, в особенности, когда овец только двенадцать, а волков полна вся вселенная.

4 Итак, устыдимся поступать вопреки заповеди Христовой и нападать на врагов как волки. Доколе мы будем овцами, дотоле будем побеждать; хотя бы и бесчисленное множество волков нас окружало, но мы их преодолеем и победим. Если же будем волками, – будем побеждены, потому что отступит от нас помощь Пастыря (Он пасет не волков, а овец); Он оставит и удалится от тебя, потому что ты не дашь открыться Его силе. Когда ты показываешь в злостраданиях кротость, то вся победа Ему принадлежит; а когда сам нападаешь и сражаешься, помрачаешь победу. Смотри же: кто те, которым даются столь тяжкие и неудобоисполнимые повеления? Это люди боязливые и простые, некнижные и неученые, вовсе не знатные, вовсе не образованные по внешним законам, не занимавшиеся судебными делами, рыбари, мытари, исполненные только бесчисленных недостатков. Если эти последние могли привести в замешательство и людей важных и великих, то, как же не могли они привести в отчаяние и ужас людей вовсе неискусных и никогда не помышлявших ни о чем достохвальном? Но они не привели их в отчаяние. Но, может быть, иной скажет: так тому и быть надлежало, потому что Он дал им власть очищать прокаженных и изгонять бесов. А я на это скажу, что это-то самое и

должно было привести их еще в большее смущение, когда, несмотря на данную им власть воскрешать мертвых, им следовало терпеть такие ужасные бедствия на судилищах, заключение в темницы, нападение от всех, общую ненависть вселенной, и подвергаться таковым бедствиям, имея власть творить чудеса. И какое было для них утешение во всех этих бедствиях? Сила Посылающего. Потому-то Он прежде всего и сказал: «вот, Я посылаю вас». Этого довольно для вашего утешения; этого довольно для того, чтобы вас ободрить и чтобы вам не бояться никого из противников ваших.

[5] 2. Видишь ли ты могущество? Видишь ли власть? Видишь ли непреодолимую силу? Слова Его имеют такой смысл: не смущайтесь, говорит Он, что Я вас посылаю как овец среди волков, и повелеваю, чтобы вы были как голуби. Я мог поступить иначе: Я мог не попустить претерпевать вам какое-либо зло и не предавать вас как овец волкам; Я мог сделать вас страшнее львов. Но лучше этому быть так: это и вам приносит более славы, и Мою возвещает силу. Так же Он говорил и Павлу: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2Кор. 12:9). Такова Моя воля относительно вас. Итак, когда Господь говорил: «вот, Я посылаю вас, как овец», – давал им разуметь: не унывайте, Я знаю, Мне совершенно известно, что вы в особенности, поступая таким образом, не будете никем побеждены. Далее, чтобы они сколько-нибудь и сами содействовали, чтобы не все казалось делом одной благодати, и чтобы не подумали, что они получают венцы ни за что, – говорит: «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби». Но поможет ли нам сколько-нибудь, скажут, наша мудрость в таких опасностях? И можно ли иметь какую-либо мудрость, когда нас обуревают такие волны? Сколько бы овца мудра

ни была, но что она может сделать среди волков, и притом среди такого множества волков? Сколько бы ни был незлобив голубь, но что ему делать при нападении такого множества ястребов? Для бессловесных тут нет никакой пользы, а для вас – польза величайшая. Но посмотрим, какая здесь требуется мудрость. Мудрость змеиная. Как змей ничего не бережет и, когда самое тело его рассекают на части, не сильно защищается, чтобы только соблюсти голову, так и ты, говорит Христос, все отдай: и имение, и тело, и самую душу – кроме веры. Вера есть глава и корень; если ты сохранишь ее, то хотя бы и все потерял, опять все приобретешь с большей славой. Вот почему Господь и повелел быть им не простыми только и незлобивыми, и не мудрыми только, но совокупил то и другое, чтобы из того и другого составилась добродетель: Он требовал змеиной мудрости для предостережения от опаснейших поражений, а голубиного незлобия – для предотвращения мстительности за обиды и отплаты за наветы, потому что нет никакой пользы и в мудрости, когда она не соединена с незлобием. Что может быть строже этих повелений? Не достаточно только претерпевать бедствия: нет, – говорит, – Я не позволяю тебе за то даже и гневаться (это и значит быть голубем). Походит на то, как если бы кто-нибудь, бросив трость в огонь, повелевал ей не только не сгорать в огне, но и погасить огонь. Но не будем смущаться: эти повеления сбылись, исполнились, и самым делом совершились. Люди одного и того же, а не другого с нами естества, бывали и мудры как змеи, и незлобивы как голуби. Итак, да не почитает кто-либо этих повелений вовсе неудобоисполнимыми. Господь лучше всех знает естество вещей; Он знает, что дерзость погашается не дерзостью, но кротостью. И если хочешь видеть, как это совершается

на самом деле, то прочитай книгу Деяний Апостолов, и увидишь, сколько раз, когда восставал против них народ иудейский и скрежетал зубами, они, подражая голубю и отвечая иудеям с надлежащей кротостью, угашали их ярость, прекращали неистовство, утишали страсти. Так, когда иудеи говорили им: «не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сем» (Деян. 5:28)? – то апостолы, имея власть творить бесчисленные чудеса, не сказали и не сделали ничего грубого, но со всей кротостью защищались, говоря: «судите, справедливо ли перед Богом слушать вас более, нежели Бога» (Деян. 4:19). Видишь ли голубиное незлобие? Но вот и мудрость змеиная: «мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (Деян.4:20). Видишь, какая потребна во всем твердость, чтобы и в бедах не ослабеть, и не раздражиться в гневе? Потому-то Христос и сказал: «остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас, и поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками» (Матф. 10:17–18). Опять Он располагает их к бодрствованию, обрекая и здесь их на злострадания, а злодействовать попуская другим; и это для того, дабы ты знал, что победа и славные трофеи даются претерпеванием бедствий. Он не сказал: сражайтесь и вы, и противостойте тем, которые будут причинять вам насилие, но только: вы будете терпеть крайние бедствия.

6 3. Как велика сила Того, Кто так говорил! Как велико любомудрие тех, которые слушали! Нужно крайне удивляться, каким образом апостолы, эти боязливые люди, никогда не бывавшие далее озера, в котором ловили рыбу, слыша такие речи, тотчас же не удалились. Как они не подумали и не сказали сами в себе: куда же

нам бежать? Против нас судилища, против нас цари и правители, иудейские синагоги, народы эллинские, начальники и подчиненные, – потому что Христос им предсказал не только о бедствиях, ожидающих их в одной Палестине, но предвозвестил и о брани против них всей вселенной, говоря: «поведут вас к правителям и царям за Меня», – показывая тем, что Он впоследствии пошлет их проповедниками и к язычникам. Ты против нас воздвиг всю вселенную, вооружил против нас всех живущих на земле – народы, властителей, царей. А то, что затем следует, еще ужаснее: когда люди сделаются из-за нас и братоубийцами, и детоубийцами, и отцеубийцами. «Предаст», сказано, «брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их» (Матф. 10:21). Как же будут верить нам прочие, когда увидят, что из-за нас родители убивают детей, братья братьев, и все наполнится убийством: не будут ли нас отовсюду изгонять, как злых демонов, как развратников и губителей вселенной, когда увидят землю, исполненную крови родственников и подобными убийствами? Хорош же будет мир, который мы преподадим, входя в дома, наполнив их такими убийствами! Если бы нас было и много, а не двенадцать человек; если бы мы были не простецами и не некнижными, а мудрецами, риторами и сильными в слове, или лучше, если бы мы были даже царями, имели войска и множество богатства, то и тогда как могли бы мы убедить кого-либо, возжигая междоусобные брани и даже хуже междоусобных. Если мы будем нерадеть и о собственном нашем спасении, то послушает ли нас кто-нибудь? Но апостолы ничего такого не подумали, не сказали; они не требовали объяснений и оснований таких повелений, а только соглашались и покорялись. И это означало не их одну добродетель, но и

премудрость Учителя. В самом деле, смотри, как Он с каждой печалью сопрягает и приличное утешение! О тех, которые не будут принимать, говорит: «отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому» (Матф. 10:15); равно и здесь, сказав: «поведут вас к правителям и царям», присовокупил: «за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками». А страдать за Христа, и страдать в обличение язычников, – это не малое утешение. Бог везде Свое совершает, хотя бы и никто и не обращал на то внимания. Это служило для них утешением не потому однако, чтобы они желали отмщения другим, а потому, что могли быть уверены, что Тот, Кто предвидел и предсказал им эти злоключения, будет всюду с ними присутствовать, и что они будут терпеть эти бедствия не как преступники и злодеи. Кроме того, Он и другое присовокупляет немалое для них утешение, говоря: «когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Матф. 10:19–20). Чтобы они не сказали: как можно нам убеждать при таких обстоятельствах? – Он повелевает им быть твердо уверенными и относительно защиты. И в другом месте Он говорит: «Я дам вам уста и премудрость» (Лук. 21:15); а здесь, говоря: «Дух Отца вашего будет говорить в вас», Он возводит их в достоинство пророческое. Потому-то, когда сказал о данной им силе, Он говорит вместе и о бедствиях, об убийствах и закланиях. «Предаст», говорит, «брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их», – и даже на этом не остановился, но присовокупил еще более ужасное, что могло потрясти и самый камень: «и будете ненавидимы всеми»; но тотчас же дал здесь и утешение: вы

подвергнетесь, говорит, этим страданиям «за имя Мое»; а далее еще и другое утешение: «претерпевший же до конца спасется» (Матф. 10:22). Впрочем, слова Христовы могли возбудить в апостолах мужество еще и иным образом, – именно, внушив им мысль, что проповедь их будет пламенеть такой силой, которая победит самое естество, отвергнет родство, и что слово их, будучи предпочтено всему, могущественно преодолеет все. Если уже сила родственных уз не сможет противостать проповеди, но будет разрушена и низложена, то, что другое в состоянии будет преодолеть вас? Впрочем, хотя это и будет так, однако же, вы не будете жить в безопасности; напротив, все живущие во вселенной будут вашими врагами и неприятелями.

[7] 4. Где ныне Платон? Где Пифагор? Где толпа стоиков? Первый, при всем том, что пользовался великим уважением, до такой степени был унижен, что был даже продан и ни у одного государя не мог привести в исполнение ни одного из своих желаний. Другой, предав своих учеников, жалким образом кончил жизнь. И цинические пошлости исчезли как сон и тень. И это несмотря на то, что с ними никогда ничего такого не случалось, что было с апостолами. Напротив, они прославляемы были за мирское любомудрие, и афиняне, например, всенародно читали письма Платоновы, присланные от Диона. Они все время проводили в покое и владели не малым достатком. Так Аристипп за дорогую цену нанимал блудниц, а один из философов написал завещание и оставил после себя немалое наследство; другой ходил по ученикам своим, как по мосту; а о Диогене Синопском говорят, что он всенародно делал бесчинства на торжище. Вот славные дела их! Но у апостолов нет ничего такого; а напротив, постоянное

целомудрие, полнейшая пристойность, притом брань с целой вселенной за истину и благочестие, ежедневное подвергание смерти, и затем – блистательные победы. Скажут: есть и у них искусные военачальники, как то: Фемистокл, Перикл. Но деяния их в сравнении с действиями рыбарей – детские забавы. Что бы ты сказал мне о Фемистокле? То ли, что он убедил афинян взойти на корабли, когда Ксеркс напал на Грецию? Но здесь не Ксеркс делает нападение, а дьявол, со всей вселенной и с бесчисленным множеством бесов, устремляется на двенадцать человек; и эти двенадцать побеждают и одолевают его, не раз какой-нибудь, а в течение всей своей жизни, и – что удивительно – побеждают, не истребляя противников своих, но переменяя и исправляя их. Это-то особенно и достойно всякого внимания, что они не убивали и не истребляли тех, которые злоумышляли против них, но, найдя их подобными дьяволам, сделали равными ангелам, и таким образом освободили человеческое естество от лютого владычества, а злобных тех и все возмущающих бесов изгнали с торжищ, из домов и даже из самой пустыни. Доказательство этому – лики монахов, которых они всюду насадили, очистив через них не только места обитаемые, но и необитаемые. И что всего удивительнее, совершили все это, не отражая силу силой, но достигли всего через злострадания. В самом деле, этих двенадцать беззащитных простолюдинов заключили в узы, подвергали бичеванию, водили с места на место, – и, однако же, не могли заградить им уст. Как невозможно связать лучей солнечных, так невозможно было связать и языка их. А причина этому та, что не они сами говорили, но сила Духа. Этой-то силой и Павел победил Агриппу и Нерона, превосходившего своим нечестием всех людей: «Господь же предстал мне»,

говорит он, «и укрепил меня и» избавил «из львиных челюстей» (2Тим. 4:17). А впрочем, подивись и им самим, как они, услышав слова: «не заботьтесь», поверили, послушались, и никакие ужасы не могли их поколебать. Но скажешь: Господь дал им достаточное утешение, сказав: «Дух Отца вашего будет говорить в вас». Но потому-то особенно я и удивляюсь им, что они не поколебались и не стали просить освобождения от опасностей, несмотря на то, что им предстояло претерпевать их не два, не три года, но целую жизнь, как то давал им разуметь Господь словами: «претерпевший же до конца спасется». Он хочет, чтобы не только являлась Его сила, но чтобы и с их стороны были подвиги. В самом деле, с самого начала заметь, как одно совершается Им, а другое – учениками. Творить чудеса – Его дело; не стяжать ничего – дело учеников. Опять: отворить все дома – это дело высшей благодати; а не требовать ничего, кроме необходимого – это дело их любомудрия: «трудящийся достоин пропитания» (Матф. 10:10). Даровать мир – это дар Божий; находить достойных и не ко всем без разбору входить – это дело их воздержания. И опять: наказывать не приемлющих их – это дело Божье; а удаляться от таковых без препирательств, без укоров и досаждения – это дело апостольской кротости. Давать Духа и освобождать от попечения как или что говорить – это дело Посылающего их; а быть подобными овцам и голубям и все переносить великодушно – это дело их твердости и благоразумия. Быть ненавидимыми и не унывать, а терпеть – это их дело; а спасать претерпевающих – это дело Посылающего их. Поэтому Он и сказал: «претерпевший же до конца спасется».

[8] 5. Так как обыкновенно бывает, что многие начинают дела с ревностью, а впоследствии ослабевают, то Спаситель и говорит, что – Я смотрю на конец. Что пользы в тех семенах, которые сначала цветут, а после скоро увядают? Потому Он и требует от учеников своих постоянного терпения. И чтобы кто не сказал, что Господь сам все сотворил и потому нет ничего удивительного, что они были таковыми, раз не терпели тяжких страданий, то Он говорит им, что вам нужно и терпеть. Хотя Я избавлю вас от первых опасностей, но Я вас соблюдаю для тягчайших, за которыми опять последуют новые, так что вы не перестанете подвергаться наветам даже до последнего издыхания. Это именно Он и давал разуметь словами: «претерпевший же до конца спасется». Вот почему, сказав: «не заботьтесь, как или что сказать», в другом месте Он же говорит: «будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1Петр. 3:15). Когда борьба происходит между друзьями, Он повелевает и нам иметь попечение; но когда открывается страшное судилище, неистовствуют народы и отовсюду ужас, тогда Он Сам подает нам силу дерзновенно вещать, не ужасаться и не изменять правде. Подлинно, великое дело, когда человек, занимавшийся рыболовством, или выделкой кож, или сбором податей, явившись перед лицом владык, которым предстоят сатрапы и телохранители с обнаженными мечами и, вместе с ними, всякий народ, – один, связанный, с поникшей головой, в состоянии был открыть уста. Им даже не дозволили защищать свое учение, а прямо присуждали на избиение, как всеобщих развратителей вселенной. «Эти всесветные возмутители», говорили про них, «пришли и сюда» (Деян. 17:6); и далее: они

проповедуют против «повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса» (Деян. 17:7). Повсюду судилища уже наперед были заняты такими мыслями, и требовалась великая свыше помощь, чтобы доказать, что и учение, которое они преподавали, есть истинно, и что общих законов они не ниспровергают; нужна была помощь с одной стороны для того, чтобы при ревностной проповеди учения не подать случая думать, что они ниспровергают законы, с другой стороны – для того, чтобы не повредить истине учения, когда они старались доказать, что не ниспровергают общественных уставов. Ты увидишь, что все это совершено с надлежащей мудростью Петром, Павлом и всеми другими. Хотя их порицали по всей вселенной как возмутителей, мятежников и нововводителей, но они не только опровергли такое мнение, но заставили всех о себе думать совсем напротив – как о спасителях, попечителях и благодетелях. И все это они совершили великим терпением. Потому Павел и говорил: «каждый день умираю» (1Кор. 15:31), и пребывал в опасностях до конца жизни. Итак, достойны ли будем какого-нибудь извинения мы, когда, видя такие примеры, даже и наслаждаясь миром, ослабеваем и падаем? Никто против нас не воюет, а мы закалаемся; никто нас не гонит, а мы изнемогаем. Нам определено спасаться среди мира – и того мы не можем сделать! Апостолы и тогда, как вся вселенная горела и вся земля пылала огнем, шли в середину пламени и исторгали оттуда горящих; а мы и себя не можем сберечь. Какое после этого мы будем иметь оправдание, какое прощение? Нам не угрожают ни бичевания, ни темницы, ни власти, ни синагоги, и ничто тому подобное, – напротив, мы сами начальствуем и владычествуем. И цари теперь благочестивы, и христиане пользуются всякими почестями, властью, славой,

наслаждаются спокойствием; и при всем том мы не побеждаем. Те, будучи каждодневно уводимы на казни, и учители и ученики претерпевая бесчисленные раны и непрестанные уязвления, веселились более, нежели пребывающие в раю; а мы, даже и во сне не потерпев ничего такого, слабее всякого воска. Скажешь: они творили чудеса. А разве за то их не бичевали? Разве за то не изгнали? То-то и удивительно, что они часто терпели такие страдания даже от облагодетельствованных ими, и все-таки, воспринимая зло вместо благ, не приходили в смущение; а ты, оказав какое-нибудь ничтожное благодеяние другому, а потом, получив от него какое-либо огорчение, ропщешь, негодуешь, и раскаиваешься в том, что ты сделал.

[9] 6. Теперь, если бы случились (чего не дай Бог никогда) брань и гонение на церкви, подумай, сколько бы было уничижения, какое бы было поношение! И вполне естественно. Раз никто не упражняется в искусстве борьбы, то, каким образом окажется кто-нибудь славным победителем во время состязаний? Какой же ратоборец, раз он не учился приемам борьбы, будет в состоянии с успехом и достоинством бороться с противником на Олимпийских играх? Не должно ли и нам каждодневно упражняться в борьбе, бое и беге? Не видите ли, что так называемые пятиборцы, когда им не с кем бывает бороться, повесив туго набитый песком мешок упражняют на нем все свои силы, а более молодые приучают себя к сражению с противниками в борьбе со своими товарищами? И ты подражай им, и занимайся подвигами любомудрия. В самом деле, многие тебя возбуждают к гневу, влекут к похоти и воспаляют великий пламень. Стой же против страстей, переноси мужественно душевные болезни, чтобы мог ты переносить и телесные

страдания. И блаженный Иов, если бы не был хорошо приготовлен к подвигам прежде их наступления, не просиял бы так блистательно во время подвигов; если бы не приучился быть совершенно беспечальным, то по смерти детей сказал бы, может быть, что-нибудь строптивое. А теперь устоял против всех нападений, против лишения богатства и потери такого изобилия, против утраты детей, против сострадания жены, против телесных ран, против упреков друзей, против укоризны рабов. Если же ты хочешь видеть, как он приготовлял себя к подвигам, то послушай его, как он презирал богатства: «радовался ли я», говорит он, «что богатство мое было велико»; разве не считал я золото за прах; «говорил ли сокровищу: ты – надежда моя» (Иов. 31:25, 24). Потому-то он и не пришел в смущение тогда, когда отнято было у него имение, что он не питал пристрастия к нему, когда и обладал им. Послушай, как он относился и к детям: он не был к ним слишком снисходителен, как мы, а требовал от них полного благонравия. Если он и о неведомых поступках их приносил жертву, то подумай, каким был он строгим судьей их явных поступков. Если ты хочешь слышать и о подвигах его целомудрия, то послушай, что он говорит: «завет положил я с глазами моими, чтобы не помышлять мне о девице» (Иов. 31:1). Вот почему не поколебала его твердости и жена; он любил ее и прежде, но не чрезмерно, а так, как надлежит любить жену. После этого для меня даже удивительно, откуда пришла мысль дьяволу воздвигнуть против него брань, раз он знал о предварительных подвигах его. Откуда же, однако? О, это зверь лукавый, и никогда не приходит в отчаяние; и это, конечно, служит к величайшему нашему осуждению, что он никогда не отчаивается в нашей погибели, а мы отчаиваемся в своем

спасении. Смотри далее, как Иов заранее приучал себя относиться к тяжким поражениям и болезням телесным. Так как сам он никогда ничему подобному не подвергался, но постоянно жил в богатстве, неге и роскоши, то он каждый день представлял себе чужие бедствия. «Ужасное, чего я ужасался», – говорил он, свидетельствуя об этом, – «то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне» (Иов. 3:25). И еще: «не плакал ли я о том, кто был в горе? не скорбела ли душа моя о бедных» (Иов. 30:25). Вот почему ни одно из приключившихся с ним великих и тяжких бедствий и не смутило его. Но не смотри на потерю только имения, на лишение детей, на неисцелимую язву, на наветы жены, а обрати внимание на то, что гораздо тягостнее всего этого. Но, скажешь, что же еще тягостнее этого претерпел Иов? Действительно, из истории мы ничего более не знаем. Но мы не знаем потому, что спим, а кто с большим прилежанием и тщанием станет рассматривать этот перл добродетели, тот несравненно более увидит. Было действительно нечто другое, более тяжкое, что могло привести Иова еще в большее смущение. И, во-первых, он ничего еще не знал ясно о царствии небесном и воскресении, почему со скорбью и говорил: «опротивела мне жизнь, не вечно жить мне» (Иов. 7:16). Во-вторых, он много сознавал в себе доброго. В-третьих, ничего не сознавал за собой худого. В-четвертых, он думал, что терпит все от Бога; а если и от дьявола, то и это могло его привести в соблазн. В-пятых, он слышал, как друзья несправедливо обвиняли его в нечестии: не недостойно, говорили они, за грехи страдаешь (15:11). В-шестых, он видел, что порочные жили благополучно и насмехались над ним. В-седьмых, он не мог видеть, чтобы кто другой когда-нибудь пострадал так много.

[10] 7. И если ты хочешь знать, как это было тяжко, суди по настоящему. Если некоторые даже теперь, – при несомненном ожидании царствия, при чаянии воскресения и несказанных благ, несмотря притом же на множество сознаваемых за собой пороков, несмотря на то, что имеют перед собой такие примеры и обучены такому любомудрию, – когда лишатся малость золота, да и то часто приобретенного хищением, почитают для себя жизнь не в жизнь, хотя не восстает против них жена, не отняты дети, не поносят их друзья, не насмехаются рабы, а напротив многие утешают, одни словом, другие делом, – то каких же достоин венцов Иов, который, видя, как случайно и внезапно похищено было у него собранное праведными трудами имущество, и после принужденный терпеть бесчисленное множество искушений, среди всех напастей остается непоколебимым и за все это приносит Господу подобающее благодарение? И тут, если бы и никто ему ничего не говорил, то и одних слов жены достаточно было бы к тому, чтобы поколебать даже скалу. Посмотри, в самом деле, на ее злодейство. Она не упоминает ни об имении, ни о верблюдах, ни о стадах овец и волов (потому что она знала, как любомудрствовал об этом муж ее), а напоминает о том, что было всего тяжелее – о детях: она говорит о печальной судьбе их с особенной выразительностью, указывая притом и на свое горе (Иов. 2:9). Если жены многократно преклоняли ко многому мужей и во время благополучия, когда они никакой не терпели неприятности, то помысли, как мужественна была душа этого праведника, если она отразила жену, напавшую на нее с такими оружиями и попрала две сильнейшие страсти: вожделение и жалость. Подлинно, многие победили вожделение, но побеждены были жалостью. Так мужественный Иосиф обуздал сильнейшую

похоть и отразил варварскую ту жену, употреблявшую против него многочисленные ухищрения, но не удержался от слез, – напротив, как скоро увидел братьев, причинивших ему обиду, объят был жалостью и тотчас же, оставив притворство, открыл все дело. Но когда приступает жена и обращается с речью, способной возбудить сожаление, причем ей благоприятствуют и время, и раны, и язвы, и бесчисленные несчастия, то не должно ли по справедливости сказать, что душа, которая нимало не поколебалась от такой бури, тверже всякого адаманта? Да, позвольте мне смело сказать, что тот блаженный муж, если не более, то, по крайней мере, не менее был самих апостолов. Их утешало то, что они страдали за Христа; и это было для них врачевством, которое могло на всякий день укреплять их вновь. Господь везде прибавлял, говоря: «за Меня», «за имя Мое»; и: «если» Меня «Хозяина дома назвали веельзевулом» (Матф. 10:25). Между тем Иов не имел такого утешения, – равно как и утешения, даруемого совершением знамений, или благодатью, потому что он не имел такой силы духа. И что особенно важно, – он потерпел все свои страдания будучи воспитан в великой неге, будучи не рыбарем каким-нибудь, не мытарем, не бедняком, а человеком, пользовавшимся великим почетом. И что казалось для апостолов самым тяжким, то же самое перенес и Иов, будучи ненавидим от друзей, рабов, врагов и облагодетельствованных им; а священного якоря и не обуреваемого пристанища, каковым были для апостолов слова «за имя Мое», он не имел. Удивляюсь я и трем отрокам, что они не устрашились пещи, что воспротивились царю. Но послушай, что они говорят: «мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся» (Дан. 3:18).

Уверенность, что все, что они ни переносят, переносят за Бога, была для них величайшим утешением. А Иов не знал, что это было для него и борьба и подвиг. А если бы знал, то он и не почувствовал бы происходившего с ним. Когда он услышал: «думаешь ли я иначе тебя сотворил, чтобы ты не был правдив?» (Иов. 40:3) – то представь, как он тотчас же ободрился от одного слова; как уничижил себя, как не счел даже и страданием того, что он перестрадал, говоря: «зачем еще спорю, наказуем и обличаем от Господа, слыша такое, ибо я ничтожен» (Иов.39:34)? И еще: «я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле» (Иов. 42:5–6). Поревнуем такому мужеству, такой кротости праведника, жившего до закона и благодати, и мы, живущие после закона и по благодати, – чтобы вместе с ним сподобиться вечных обителей, которых и да сподобимся все мы получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 34

1 «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий». (Матф. 10:23)

2 Изъяснение 10:23–33. Христос утешает учеников обещанием скорого своего пришествия, примером собственных страданий, надеждою будущих благ и успехом проповеди. – Презрение смерти избавляет от истинной смерти. – Для исповедания Христа нужна помощь благодати. – Почему кроме сердечной веры требуется и устное исповедание. – Не должно бояться смерти. – Должно радоваться, что тело истлевает – Сколько худых последствий имело бы неистление тел. – Красота души сообщает благообразие телу. – Должно любить и искать красоты душевной.

3 1. После страшных, способных привести в трепет и сокрушить самый адамант, предсказаний о будущей участи апостолов по распятии, воскресении и вознесении Его, – Спаситель опять переходит к речи более успокоительного свойства, чтобы дать этим подвижникам возможность вздохнуть и доставить им великое ободрение. Именно – Он не повелевает гонимым вступать

в борьбу с гонителями, но убегать от них. И так как это было только еще началом для них и предначатием, то Спаситель и говорит к ним гораздо снисходительнее. Господь говорит не о тех гонениях, которые имели быть после, но о тех, которые долженствовали быть прежде распятия и страдания Его, что и показал словами: «не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий». Итак, чтобы ученики не говорили: а что, если мы убежим от гонителей куда-нибудь, а они и там найдут нас и опять будут преследовать, – Спаситель, уничтожая такой страх, говорит: вы не успеете обойти Палестины, как Я тотчас приду к вам. Смотри опять, как и в данном случае, Он не уничтожает бедствий, а только является помощником во время опасностей. Он не сказал: Я избавлю вас и прекращу гонения; но что? – «не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий». И подлинно, для утешения их довольно было того, чтобы только увидеть Его. Итак, смотри, как Он не все и не везде предоставляет благодати, но повелевает им нечто присовокуплять и от себя. Если, говорит Он, вы боитесь, то бегайте; на что Он и указал словами: «бегите», и: «не бойтесь». И, однако же, Он не прежде повелевает им бежать, чем начнут их гнать; равным образом, и место назначает им не большое, а повелевает только обойти города израильские. После этого Он опять приготовляет их к другому роду любомудрия. Сперва Он освободил их от попечения о пище, потом от страха опасностей; а теперь освобождает от страха поношения. Освободил их от попечения о пище, когда сказал: «трудящийся достоин пропитания» (Матф. 10:10) и открыл, что многие будут принимать их; освободил от страха опасностей, когда сказал: «не

заботьтесь, как или что сказать» (Матф. 10:19), и: «претерпевший же до конца спасется» (Матф. 10:22).

4 Но так как апостолы, кроме того, должны были подвергнуться еще и худому о себе мнению других, что для многих кажется тягчайшим злом, то смотри, как Христос и здесь их утешает: Он дает им утешение, с которым ничто не могло сравняться, именно указывает на свой собственный пример, – на то, что говорили о Нем самом. Подобно тому, как раньше, сказав: «будете ненавидимы всеми», Он присовокупил: «за имя Мое» (Матф. 10:22), так точно и здесь, причем присоединяет еще и другое утешение. Какое же? «Ученик», говорит, «не выше учителя, и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его. Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его? Итак, не бойтесь их» (Матф. 10:24–26). Смотри, как Он открывает о Себе, что Он есть Владыка вселенной, Бог и Творец. Что же? «Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего». Доколе кто ученик или раб, дотоле он не имеет равной чести с учителем и с господином. Не указывай мне на редкие примеры противоположного рода, а принимай сказанное применительно к тому, как обыкновенно бывает. Далее, – чтобы показать свою особенную близость к ученикам, Он не говорит: «не тем ли более» раб, но: «домашние» его. Так и в другом месте Он говорил: «Я уже не называю вас рабами; вы друзья Мои» (Иоан. 15:15, 14). И не просто сказал: если Господина дома поносили и злословили, но указывает и самый образ поношения, говоря, что Его назвали Веельзевулом. Вслед за тем он дает еще и другое, не меньшее утешение. Конечно, то утешение было величайшее, но так как апостолы еще не готовы были к

любомудрию, и нужно было такое утешение, которое могло бы особенно их укрепить, то Он присовокупляет и его. Что же говорит Он? «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано» (Матф. 10:26). Хотя образ речи выражает, по-видимому, положение самое общее, однако, сказано не обо всех вообще случаях, но о данных только. Речь Спасителя имеет такой смысл: довольно для вашего утешения и того, что и Я, Учитель и Господь ваш, подвергаюсь одинаковой с вами укоризне. Если же вы, слыша это, не перестаете все же смущаться, то имейте ввиду и то, что спустя немного времени вы избавитесь и от позорных нареканий. И о чем вы скорбите? О том ли, что вас называют обманщиками и льстецами? Но подождите немного, и все будут называть вас спасителями и благодетелями вселенной. Время все сокровенное открывает; оно изобличит и клевету врагов, и откроет вашу добродетель. Если вы самым делом окажетесь спасителями и благодетелями, и явите всякую добродетель, то люди не станут внимать их словам, а будут смотреть на истину дел. Тогда они сами окажутся клеветниками, лжецами и злодеями, а вы воссияете светлее солнца, – потому что время впоследствии откроет и возвестит, кто вы таковы, прозвучит громче трубы, и сделает всех свидетелями вашей добродетели. Итак, мои слова, которые Я теперь говорю, не должны приводить вас в уныние, но должны одушевлять вас надеждой будущих благ; невозможно, чтобы дела ваши остались в неизвестности.

[5] 2. После того, как Спаситель освободил апостолов от всякого беспокойства, страха и заботы и поставил их превыше поношений, Он благовременно, наконец, говорит и о дерзновении, которое они должны были иметь в проповеди учения. «Что говорю вам в темноте», говорит,

«говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях» (Матф. 10:27). Конечно, тьмы не было, когда Христос говорил это, и говорил Он ученикам не на ухо; здесь употреблен лишь усиленный оборот речи. Так как Он беседовал с ними наедине и в маленьком уголке Палестины, то и сказал – «во тъме» и «на ухо», желая противопоставить образ настоящей беседы с тем дерзновением в проповедании, которое Он имел даровать им. Не одному, не двум и не трем городам, но всей вселенной проповедуйте, говорит Он, и, проходя землю, море, места обитаемые и необитаемые, с открытой головой и со всякой смелостью говорите все царям и народам, философам и риторам. Потому Он сказал: «на кровлях и при свете», т. е. без всякой робости и со всей свободой. Но для чего Он не сказал только: «проповедуйте на кровлях», и: «говорите при свете», а присовокупил еще: «что говорю вам в темноте», и: «что на ухо слышите»? Для того чтобы ободрить их в духе. Подобно тому как в другом месте Он говорил: «верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Иоан. 14:12), так и здесь присовокупил эти слова для того, чтобы показать, что Он все совершит через них, и совершит более, нежели сколько совершил Сам. Я, говорит Он, положил начало и предначинание, и через вас хочу совершить гораздо более. Говоря это, Он не только дает им повеление, но и предсказывает будущее с совершенной уверенностью в истине слов Своих, и показывает, что они все преодолеют, причем опять прикровенно искореняет в них страх злословия. Подобно тому, как проповедь эта, неприметная теперь, распространится всюду, так и худое мнение иудеев скоро исчезнет. Потом, ободрив и возвысив их, Он опять предсказывает опасности, воскрыляя дух их и вознося

превыше всего. Что говорит Он? «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Матф. 10:28). Видишь ли, как Он ставит их превыше всего? Не только превыше забот, злословий, опасностей и наветов, но убеждает их презирать то, что всего страшнее – самую смерть, и не просто смерть, но смерть насильственную. Он не сказал, что вы будете умерщвлены, но со свойственным Ему величием открыл все, говоря: «не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Матф. 10:28), что Он и всегда делает, употребляя в речи противоположность. Что, в самом деле, Он говорит? Вы боитесь смерти, и потому не смеете проповедовать? Но потому-то самому вы и проповедуйте, что боитесь смерти. Это вас избавит от истинной смерти. Хотя вас будут умерщвлять, но не погубят того, что в вас есть самое лучшее, хотя бы о том и всемерно старались. Потому-то не сказал Он: «души» же не убивающих, но: «не могущих убить». Хотя бы они и хотели это сделать, но не смогут. Итак, если ты боишься муки, то бойся муки гораздо ужаснейшей. Видишь ли, что Он опять не обещает им избавления от смерти, но, попуская умереть, дарует большее благо, нежели когда бы Он не попустил им пострадать таким образом? И подлинно, заставить презирать смерть – гораздо важнее, нежели освободить от смерти. Итак, Он не ввергает их в опасности, но возвышает над опасностями, в кратких словах утверждает в них учение о бессмертии души, двумя-тремя словами насаждает спасительное учение и утешает их другими рассуждениями. И чтобы тогда, когда будут их умерщвлять и закалать, они не подумали, что терпят все потому, что оставлены Богом, опять начинает речь о Божьем промысле, говоря: «не две ли малые птицы

продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего» (Матф. 10:29). «У вас же и волосы на голове все сочтены» (Матф. 10:30). Что, говорит, малозначительнее их? Однако же, и их нельзя уловить без ведения Божия. Он не то говорит, что падают по содействию Божьему (это недостойно Бога); а только то, что ничего не происходит такого, что бы Ему было неизвестно. Если же Он знает все, что ни происходит, а вас любит сильнее, нежели отец, – любит так, что и волосы ваши у Него исчислены, то вам не должно бояться. Впрочем, сказал это не потому, будто Бог исчисляет волосы, но чтобы показать совершенство ведения Божия и великое попечение о них. Итак, если Бог и знает все происходящее, и может сохранить вас, и хочет, то каким бы вы ни подвергались страданиям, не думайте, что страдаете потому, что Бог оставил вас. Он не хочет избавить вас от бед, но хочет заставить вас презирать беды, потому что в этом-то и состоит настоящее избавление от бед. Итак – «не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц» (Матф. 10:31). Видишь ли, что тогда страх уже овладевал ими? Он знал тайные помышления. Потому и присовокупил: «не бойтесь» их. Если они и одолеют, то одолеют только худшее, т. е. тело, которое хотя бы они и не убивали, все равно природа разрушит.

[6] 3. Таким образом, они не властны и над телом, но оно зависит от природы. А если ты боишься этого, то тебе должно трепетать, должно бояться гораздо большего – Того, Который может и душу и тело погубить в геенне. Он хотя и не говорит прямо, что есть Тот самый, Который может погубить душу и тело, но из вышесказанного уже показал, что Он есть Судья. А ныне у нас бывает напротив: Того, Кто может погубить душу, т. е. наказать нас, мы не боимся, а убивающих тело – трепещем; Бог

может погубить и душу и тело, а люди не только не могут погубить души, но и тела; хотя они и бесчисленным казням подвергают тело, но через то делают его только более славным. Видишь ли, как Он представляет подвиги легкими? Смерть сильно потрясла их душу, объемля их страхом потому в особенности, что не была еще удобопреодолима, и те, которые должны были презирать ее, еще не сподобились благодати Святого Духа. Итак, рассеяв боязнь и страх, колебавшие их души, последующими словами опять вселяет в них бодрость: именно – страхом изгоняет из них страх, и не только страхом, но и надеждой великих наград, притом еще, угрожая с великой властью, Он отовсюду побуждает их к безбоязненному исповеданию истины, так продолжая речь: «всякого, кто исповедает Меня перед людьми, того исповедаю и Я перед Отцом Моим Небесным; а кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и Я перед Отцом Моим Небесным» (Матф. 10:32–33). Так не только наградами, но и казнями побуждает, и оканчивает речь угрозой. И смотри, какая точность! Он не сказал: «Меня», но – «обо Мне», показывая, что исповедающий исповедует не собственной силой, но, будучи вспомоществуем свыше благодатью. Об отвергающемся же не сказал: «обо Мне», но: «от Меня», так как он отвергается потому, что бывает чужд благодати. За что же, скажешь, винить его, если он отвергается потому только, что лишен благодати? За то, что причина этого лишения заключается в том, кто лишается. Для чего же Он не довольствуется только сердечной верой, но еще требует и устного исповедания? Для того чтобы побудить нас к дерзновению, к большей любви и усердию, и возвысить, почему и говорит ко всем вообще, а не разумеет здесь одних только учеников; не их только, но и

учеников их старается Он сделать мужественными. Кто будет знать это, тот не только будет учить других с дерзновением, но и претерпевать все легко и охотно. Это многих, которые поверили этому слову, привлекло к апостолам; и отвергшиеся в муках подвергнутся большему томлению, и исповедавшие в блаженном состоянии получат большее воздаяние. Когда праведник продолжительностью времени усугубляет свои приобретения, и грешник в отсрочке наказания думает находить для себя выгоду, то Он равносильное, или еще несравненно большее предлагает воздаяние. Ты приобрел более для себя, говорит Он, за то, что ты первый Меня здесь исповедал, и Я, говорит Он, обогащу тебя более, когда дам тебе более, и несказанно более, так как Я тебя «исповедую» там. Видишь ли, что там предуготовлены и награды, и наказания? Что же ты заботишься и беспокоишься? Что ищешь здесь воздаяния, когда ты можешь быть спасен только надеждой? Поэтому, если ты сделаешь что-нибудь доброе, и не получишь здесь за то воздаяния, не смущайся; в будущем веке ожидает тебя за это сугубая награда. Если же сделаешь что-нибудь худое и останешься без наказания, – не ленись. Там постигнет тебя наказание, если только не переменишься и не сделаешься лучше. А когда не веришь этому, то из настоящего заключай о будущем. Если еще во время подвигов исповедники бывают так славны, то подумай, каковы они будут во время раздаяния венцов? Если даже враги прославляют их здесь, то не возвеличит ли и не прославит ли тебя Чадолюбивейший из всех отцов? Тогда будут возданы и награды за добрые дела, и наказания за злые; потому отвергающиеся и здесь и там будут мучиться. Здесь – тем, что будут жить со злой совестью, так как если они еще и не умерли, то умрут непременно; а

там – подвергнутся уже конечному наказанию. Другие, напротив, и здесь и там приобретут пользу; здесь – побеждая смерть, делаясь славнее живущих, а там – наслаждаясь неизреченными благами. Бог готов не наказывать только, но и благодетельствовать, и готов несравненно более благодетельствовать, нежели наказывать. Но почему о награде упоминает однажды, а о наказании дважды? Конечно потому, что слушающие лучше вразумляются страхом наказания. Вот почему, сказав, «бойтесь Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Матф. 10:28), еще присовокупил: «отрекусь от того и Я» (Матф. 10:33). С этой целью и Павел часто напоминает о геенне.

[7] 4. Итак, предложив слушателю всевозможные поощрения (Он отверз перед ними и небеса, поставил и страшное то судилище, показал и зрелище ангелов и, посредством их: проповедание о венцах, так как это много способствует успеху благочестия), – наконец, чтобы боязливость их не была препятствием проповеди благочестия, Он повелевает им быть готовыми и на заклание, чтобы они знали, что остающиеся в заблуждении понесут наказания и за самые против них наветы. Итак, не будем бояться смерти, хотя и не пришло время смерти: мы воскреснем для жизни гораздо лучшей. Но, скажешь, истлеет тело? Потому-то особенно и должно радоваться, что смерть тлит, и погибает смертное, а не сущность тела. Когда ты видишь, что выливают истукан, то не говоришь, что вещество его пропадает, но что оно получает лучший образ. Так же рассуждай и о теле, и не плачь. Тогда надлежало бы плакать, когда бы оно навсегда осталось в муках. Но ты скажешь: это могло бы быть и без истления тел, так чтобы они оставались в целости. А какую бы это принесло пользу живым, или

умершим? Доколе будете привязаны к телу? Доколе, пригвождая себя к земле, будете прилепляться к тени? Какая бы из того была польза? Или лучше, какого бы не произошло вреда? Если бы не истлевали тела, то, во-первых, овладела бы многими гордость, – зло из всех зол самое большее. Если и ныне, когда тело подвержено тлению и преисполнено червей, многие хотели быть почитаемы за богов, то чего бы не было, когда бы тело пребывало нетленным? Во-вторых, не стали бы верить, что тело взято из земли. Если и теперь, несмотря на то, что самый конец ясно свидетельствует, некоторые сомневаются в этом, то чего бы не подумали, если бы не видели этого конца? В-третьих, тогда чрезмерно любили бы тела, и большая часть людей сделалась бы еще более плотскими и грубыми. Если и ныне, когда тела совершенно уже истлеют, некоторые обнимают гробы и раки, то чего не стали бы делать тогда, когда бы могли сберегать и самый образ их в целости? В-четвертых, не очень бы привержены были к будущему. В-пятых, те, которые утверждают, что мир вечен, еще более утвердились бы в этой мысли, и не стали бы признавать Бога Творцом мира. В-шестых, не были бы уверены в достоинстве души, ни в том, как тесно связана душа с телом. В-седьмых, многие, лишившиеся своих родственников, оставив города, стали бы жить в гробницах и, подобно безумным, непрестанно стали бы разговаривать со своими умершими. Если и ныне люди, поскольку самого тела удержать не в состоянии (да и невозможно, потому что оно против их воли тлеет и исчезает), снимая портреты, прилепляются к доскам, то каких нелепостей не вымыслили бы тогда? Мне кажется, что тогда многие в честь любимых тел воздвигли бы храмы, а занимающиеся волхвованиями постарались бы

уверить, что посредством их демоны дают ответы, тем более что и теперь имеющие дерзость заниматься вызыванием мертвых (некромантией) делают много нелепостей (несмотря даже на то, что тело обращается в прах и пепел). Каких же бесчисленных видов идолопоклонства не произошло бы отсюда? Итак, Бог, отъемля все могущее служить поводом к таким нелепостям и научая нас отрешаться от всего земного, поражает тела тлением перед нашими глазами. Таким образом, любитель телесной красоты, до безумия пристрастившийся к благовидной девице, если умом не захочет узнать безобразие телесного существа, то увидит это собственными глазами. Много было девиц столь же цветущих красотой, или еще несравненно прекраснее, нежели любимая им, которые после смерти своей через один или два дня представляли из себя зловоние, гной и гнилость червей. Подумай же, какую ты любишь красоту, и каким прельщаешься пригожеством? Но если бы тела подвержены были тлению, нельзя бы было хорошо знать этого; как бесы стекаются к гробам, так многие из объятых любовной страстью, непрестанно сидя при гробах, сделали бы душу свою обиталищем бесов, и от жестокой страсти скоро бы и сами умерли. А теперь, кроме всего другого, облегчает душевную скорбь и то, что невозможность видеть образ любимого предмета способствует забвению и самой страсти.

[8] 5. Если бы тела не истлевали, то не было бы даже и гробов, и ты увидел бы города, вместо статуй, полными мертвых, потому что каждый пожелал бы тогда видеть подле себя своего умершего. Отсюда произошел бы великий беспорядок: никто бы из простолюдинов не стал печься о душе своей, не стали бы принимать учения о бессмертии. Много бы и других еще худших произошло

нелепостей, о которых и говорить даже неприлично. Для того-то тотчас и истлевает тело, чтобы ты мог видеть в наготе красоту души. В самом деле, если она такую красоту и такую живость дает телу, то, как она прекрасна должна быть сама в себе? Если она поддерживает столь безобразное и отвратительное тело, то тем более может поддержать саму себя. Не в теле красота, но красота тела зависит от того образования и цвета, который запечатлевает душа в существе его. Итак, люби душу, которая сообщает телу такое благообразие. Но что я говорю о смерти? Я тебе докажу и самой жизнью, что все прекрасное зависит от души. Если душа радуется, то розы рассыпает по ланитам; если печалится, то, отъемля всю красоту у тела, все облекает в черную одежду. И если постоянно находится в радостном состоянии, то и тело бывает в безболезненном состоянии; если же находится в печали, то и тело становится слабее и бессильнее паутины. Если рассердится, то и телу дает отвратительный и безобразный вид; если покажет ясный взор, то и телу дает приятный вид. Если бывает объята завистью, то и на тело разливает бледность и томность. Если исполнена бывает любовью, то и телу сообщает особенное пригожество. Таким-то образом многие жены, не будучи пригожи лицом, особенную приятность получают от души; напротив другие, блистая внешней красотой, всю ее портят тем, что не имеют привлекательности душевной. Представь, как румянится белое лицо и какую производит приятность разнообразием цвета, когда краска стыдливости разливается по нему. Вот потому, в ком бесстыдна душа, у того и самый вид отвратительнее вида всякого зверя; напротив, стыдливая душа и самый вид делает кротким и любезным. Подлинно, нет ничего прекраснее и любезнее

доброй души. Любовь к телесной красоте смешана с огорчением; напротив, любовь к красоте душевной соединена с чистым, не возмущаемым удовольствием. Итак, для чего ты, минуя царя, дивишься глашатаю. Для чего, оставив самого мудреца, с изумлением смотришь на истолкователя его? Видишь привлекательный внешний взор, – постарайся узнать внутренний; и, если последний некрасив, презри и внешний. Если ты увидишь безобразную женщину в прекрасной маске, конечно, не пленишься ей; наоборот, не захочешь, чтобы благовидная и красивая прикрывала себя маской, но пожелаешь, чтобы маска была снята, чтобы ты мог ее видеть в естественной красоте ее. Так поступай и по отношению к душе: ее наперед старайся узнать. Тело как маска прикрывает ее, и каково есть, таким всегда и остается; а душа, хотя бы была и безобразна, скоро может сделаться прекрасной; хотя бы имела око безобразное, свирепое, суровое, – оно может сделаться красивым, миловидным, ясным, ласковым, привлекательным. Этого-то благообразия, этой красоты лица будем искать, чтобы и Бог, возжелавши нашей красоты, даровал нам вечные блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 35

[1] «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч». (Мф. 10:34)

[2] Изъяснение 10:34–42. Единомыслие не всегда полезно. – Причиной брани, произведенной Христом, служит злоба человеческая. – Единство и согласие ветхого и нового заветов. – Должно повиноваться родителям в том, что не противно благочестию. – Ради Христа должно быть готовым на всякую смерть. – Награда принимающим апостолов. – Должно принимать всякого нуждающегося в помощи. – Не должно упрекать просящего милостыни. – Нужда извиняет бесстыдство просящего. – Упрекающий нищего показывает большее бесстыдство. – Порицание отказывающим в милостыни по лености и гордости.

[3] 1. Опять Спаситель предсказывает великие скорби, притом гораздо многочисленнейшие, – и что ученики могли бы Ему возразить, о том Сам говорит им наперед. Именно, чтобы слыша слова его, они не сказали: «Итак, Ты пришел для того, чтобы погубить нас и наших последователей, и возжечь на земле всеобщую брань?» – Он Сам предупреждает их, говоря: «Не мир пришел Я принести» на землю (Мф. 10:34). Как же Сам Он

заповедовал им, входя в каждый дом, приветствовать миром? Почему же, равным образом, ангелы воспевали: «Слава в вышних Богу, и на земле мир» (Лк. 2:14)? Почему также и все пророки благовествовали о том же? Потому что тогда особенно и водворяется мир, когда зараженное болезнью отсекается, когда враждебное отделяется. Только таким образом возможно небу соединиться с землею. Ведь и врач тогда спасает прочие части тела, когда отсекает от них неизлечимый член; равно и военачальник восстановляет спокойствие, когда разрушает согласие между заговорщиками. Так было и при столпотворении. Худой мир разрушен добрым несогласием, – и водворен мир. Так и Павел поселил раздор между согласившимися против него (Деян. 23:6). А согласие против Навуфея было хуже всякой войны (3Цар. 21). Единомыслие не всегда бывает хорошо: и разбойники бывают согласны. Итак, брань была следствием не Христова определения, а делом воли самих людей. Сам Христос хотел, чтобы все были единомысленны в деле благочестия; но как люди разделились между собою, то и произошла брань. Впрочем, Он не так сказал. А что же говорит? «Не мир пришел Я принести», – чем самым утешает их. Не думайте, говорит, что вы виноваты в этом: Я это делаю, потому что люди имеют такие расположения. Итак, не смущайтесь, как будто эта брань возникла сверх чаяния. Для того Я и пришел, чтобы произвести брань; такова именно Моя воля. Итак, не смущайтесь тем, что на земле будут брани и злоумышления. Когда худшее будет отсечено, тогда с лучшим соединится небо. Так Христос говорит для того, чтобы укрепить учеников против худого мнения о них в народе. Притом, не сказал: *войну*, но, что гораздо ужаснее – *меч*. Если сказанное слишком тяжко и грозно,

то не дивитесь. Он хотел приучить слух их к жестоким словам, чтобы они в трудных обстоятельствах не колебались. Поэтому и употребил такой образ речи, чтобы кто не сказал, что Он убеждал их лестью, скрывая от них трудности. По этой причине даже и то, что можно было бы выразить мягче, Христос представлял более страшным и грозным. И действительно, лучше видеть легкость на самом деле, нежели на словах. Потому-то Он не удовольствовался и этим выражением, но, изъясняя самый образ брани, показывает, что она будет гораздо ужаснее даже междоусобной брани, и говорит: «Пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (Мф. 10:35). Не только, говорит, друзья и сограждане, но и сами сродники восстанут друг против друга, и между единокровными произойдет раздор. «Ибо Я пришел, – говорит,– разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее»; то есть, брань будет не просто между домашними, но даже между теми, которые соединены искреннею любовью и теснейшими узами. Это-то особенно и доказывает силу Христову, что ученики, слыша такие слова, и сами принимали их, и других убеждали. И хотя не Христос был причиною этого, но злоба человеческая, тем не менее говорит, что Сам Он делает это. Такой образ выражения свойствен Писанию. Так и в другом месте говорится: дал им Бог очи, чтоб они не видели (Ис. 11:9; Иез. 12:2). Так говорит Христос и здесь, чтобы ученики, как выше сказал я, предварительно привыкнув к такому образу речи, не смущались и среди самих поношений и обид. Если же некоторые сочтут это тягостным, то пусть припомнят древнюю историю. И в древние времена было то же самое, чем и показывается особенно единство Ветхого Завета с Новым, и то, что

здесь говорит Тот же, Который тогда давал заповеди. И у иудеев, именно, когда слили тельца, и когда приобщились Веельфегору (Исх. 32:28; Числ. 25:3), как скоро каждый умертвил ближнего своего, Бог прекратил гнев на них. Итак, где же утверждающие, что тот Бог был зол, а этот благ? Вот и этот Бог наполнил вселенную кровью родственников. Впрочем, мы говорим, что и это есть дело великого милосердия. Потому, показывая, что Он же Сам одобрял и бывшее в Ветхом Завете, вспоминает и о пророчестве, которое хотя не на этот случай сказано, однако объясняет то же самое. Какое же это пророчество? «Враги человеку – домашние его» (Мф. 10:36). И у иудеев случилось нечто подобное. И у них были пророки и лжепророки; бывали также в народе разногласия, и дома разделялись. Одни верили тем, другие другим. Поэтому пророк, увещевая, говорит: «Не верьте другу, не полагайтесь на приятеля; от лежащей на лоне твоем стереги двери уст твоих. … враги человеку – домашние его» (Мих. 7:5–6). А говорил это для того, чтобы тех, которые примут учение, поставить выше всего. Не смерть, ведь, зло, а худая смерть – зло. Потому и сказал: «Огонь пришел Я низвести на землю» (Лк. 12:49). Говоря это, Он показывал силу и горячность той любви, какой требовал. Так как сам Он много нас возлюбил, то хочет, чтоб и мы любили Его столько же. А такие слова и апостолов укрепляли и возвышали в духе. Если и ученики ваши, говорил Он, будут оставлять сродников, детей и родителей, то каковы, подумай, должны быть вы, учителя! Бедствия эти не кончатся на вас, но перейдут и на других. Так как Я пришел даровать великие блага, то и требую великого послушания и усердия. «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня»

(Мф. 10:37). «И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10:38). Видишь ли достоинство Учителя? Видишь ли, как Он, повелевая все оставить долу и любовь к Нему предпочесть всему, показывает тем, что Он есть единородный Сын Отца? И что говорить, сказал Он, о друзьях и сродниках? Если даже душу свою будешь предпочитать любви ко Мне, ты еще далек от того, чтобы быть Моим учеником. Что же? Не противно ли это древнему закону? Нет, – напротив, весьма с ним согласно. И там Бог повелевает не только ненавидеть идолослужителей, но и побивать их камнями; а во Второзаконии, похваляя таковых ревнителей, говорит: «Который говорит об отце своем и матери своей: «я на них не смотрю», и братьев своих не признает, и сыновей своих не знает; ибо они, [левиты], слова Твои хранят» (Втор. 33:9). Если же Павел многое заповедует о родителях, и велит во всем им повиноваться, не дивись. Он велит повиноваться им только в том, что не противно благочестию. Святое дело – воздавать им всякое иное почтение. Когда же они потребуют более надлежащего, не должно им повиноваться. Потому и у евангелиста Луки говорится: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14:26). Повелевает не просто возненавидеть, потому что это совершенно противозаконно; но если кто из них захочет, чтобы ты любил его более, нежели Меня, в таком случае возненавидь его за это. Такая любовь и любимого, и любящего губит.

[4] 2. Так говорил Он для того, чтобы и детей сделать мужественнее, и родителей, которые бы стали препятствовать благочестию, уступчивее. Действительно,

родители, видя, что Христос имеет могущество и силу отторгать от них даже детей, должны были отступиться от своих требований, как невозможных. Вот почему, миновав родителей, Он обращает речь к детям, научая чрез то первых не употреблять бесполезных усилий. Потом, чтобы они на это не досадовали и не скорбели, смотри, до чего простирает речь. Сказавши: «Кто ... не возненавидит отца своего и матери», присовокупил: «и самой жизни своей». И что, говорит, думаешь ты о родителях, о братьях, о сестрах и жене? Для всякого ничего нет ближе души своей; но если не возненавидишь и ее, то поступишь совсем не так, как любящий. Притом повелел не просто возненавидеть душу, но даже подвергаться и войне и битвам, не страшиться смерти и кровопролития. «И кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником» (Лк. 14:27). Не просто сказал, что должно быть готовым на смерть; но готовым на смерть насильственную, и не только насильственную, но и поносную. При этом ни слова не говорит о Своих страданиях, чтобы после таковых уроков удобнее могли выслушать, что скажет о Своих страданиях. Не должно ли удивляться тому, как у них, при таких словах, душа удержалась в теле, когда беды отовсюду были перед глазами, а награды только в ожидании? Как же удержалась? Велика была сила Говорящего, велика и любовь слушающих; потому-то, слыша гораздо тягостнейшее и прискорбнейшее, нежели что слышали те великие мужи – Моисей и Иеремия, пребыли послушными и нисколько не противоречили. «Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Мф. 10:39). Видишь ли, как вредно любить душу более надлежащего, и как полезно ненавидеть ее? Так как требования Христа были тяжки, поскольку Он

повелевал им восставать и против родителей и детей против природы и сродства, против вселенной и даже против собственной души, – то обещает за это и награду самую великую. Это, говорит, не только не причинит вреда, но даже принесет величайшую пользу; противное же тому будет пагубно. Так Он и везде делает: что для людей вожделенно, тем и убеждает. Почему ты не хочешь возненавидеть душу свою? Потому ли, что любишь ее? По этому самому и возненавидь, и тогда всего более принесешь ей пользы, и докажешь, что ты любишь. И заметь, какая здесь неизреченная премудрость! Он говорит о пренебрежении не родителей только и детей, но и души, которая всего ближе, – чтобы необходимость первого очевиднее открылась из необходимости другого, и чтобы они узнали, что они и своим ближним доставят величайшую выгоду и пользу, когда то же самое приобретается для души, которая всего ближе.

5 Итак, достаточно было и этого для убеждения людей принимать тех, которые послужат к их спасению. В самом деле, кто бы не принял со всем усердием мужей столь доблестных и неустрашимых, которые как львы обтекали вселенную, и небрегли о всем, только бы спаслись другие? И однако, Господь предлагает и другую награду, показывая, что Он в этом случае более печется о принимающих, нежели о принимаемых. Хотя Он и отдает последним первую честь, говоря: «Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня» (Мф. 10:40), – что может сравниться с честью принять Отца и Сына? – но вместе с тем обещает Он и другое еще воздаяние: «Кто принимает, – говорит,– пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника» (Мф. 10:41). Выше угрожал

наказанием не принимающим, а здесь назначает награду принимающим. И чтобы ты знал, что об этих последних Господь более печется, не просто сказал: приемлющий пророка, или: приемлющий праведника; но присовокупил: «во имя пророка» и «во имя праведника». То есть, если примет кого не по мирскому гостеприимству, или не по другим каким-либо мирским расчетам, но потому, что он пророк, или праведник, мзду пророка, мзду праведника приимет, – или какую достоин получить принявший пророка, или праведника, или какую получит сам пророк, или праведник, как и Павел говорит: «Ваш избыток в [восполнение] их недостатка; а после их избыток в [восполнение] вашего недостатка» (2Кор. 8:14). Далее, чтобы никто не стал отговариваться бедностью, говорит: «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мф. 10:42). И если ты подашь только чашу холодной воды, что не потребует никакой издержки, то и за нее положена тебе награда; для вас, которые принимаете, Я все сделаю.

[6] 3. Видишь ли, какие Он употребил убеждения, и как отверз им вход в дома по всей вселенной? Во всей беседе Своей Он показал, что люди их должники. Во-первых, сказал: «Трудящийся достоин пропитания» (Мф. 10:10); во-вторых, посылал их ни с чем; в-третьих, подверг их вражде и браням за принимающих их; в-четвертых, дал им власть творить знамения; в-пятых, даровал силу словом Своим на дома принимающих низводить мир – источник всех благ; в-шестых, не принимающим их угрожал наказанием жесточе содомского; в-седьмых, показал, что принимающие их принимают Его и Отца; в-восьмых, за принятие обещал награду пророка и праведника; в-девятых, и за чашу студеной воды назначил великую

награду. Каждая из этих причин сама по себе достаточна была к убеждению людей. В самом деле, скажи мне, кто со всею готовностью не отворил бы всех дверей своего дома для военачальника, после многих побед возвращающегося с брани и сражения, видя его покрытого бесчисленными ранами и обагренного кровью? И кого же должно принимать, скажешь? Чтобы показать это, Он присовокупил: «во имя пророка, ученика и праведника», – давая тем знать, что Он назначает награду не только по достоинству приемлемого, но и по расположению приемлющего. Так здесь Он говорит о пророках, праведниках и учениках; а в другом месте повелевает принимать даже самых презренных, и тем, кто не принимает таковых, определяет наказание: «Так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне» (Мф. 25:45); и о тех же меньших опять говорит, что принимающий их принимает Его самого. Пусть принимаемый тобою ни ученик, ни пророк, ни праведник; но он – человек, который с тобою в одном живет мире, одно и то же видит солнце, имеет такую же душу, одного и того же Владыку, приобщается одних и тех же с тобою таинств, к тому же призывается небу и совершенно в праве требовать от тебя призрения, будучи беден и нуждаясь в необходимой пище. Между тем теперь, когда приходят к тебе в дурную погоду люди с флейтами и свирелями, будят тебя от сна, напрасно и без дела беспокоят, то отходят от тебя с немалыми подарками; равно и те, которые носят ласточек, натираются сажею и всех пересмеивают, получают от тебя награду за свои проказы. А если придет к тебе бедный и станет просить хлеба, то ты наговоришь ему множество ругательств, будешь злословить, укорять в праздности, осыпать упреками, обидными словами и

насмешками, и не подумаешь о себе, что и ты живешь в праздности, однако же Бог дает тебе Свои блага. Не говори мне, что ты и сам делаешь что-нибудь, но покажи мне то, чем занимаешься ты дельным и нужным. Если скажешь мне, что ты занимаешься торговлею, корчемничеством, стараешься о сбережении и приумножении своего имения, то и я скажу тебе, что это – не дело; настоящие дела – милостыня, молитвы, защищение обиженных и другие добродетели, которыми мы совершенно в жизни пренебрегаем. И однако же Бог никогда нам не говорил: так как ты живешь в праздности, Я не буду освещать тебя солнцем; так как ты не занимаешься необходимым, и Я погашу луну, заключу недра земли, остановлю озера, источники, реки, отыму воздух, не дам дождей во время. Напротив, Бог все это доставляет нам в изобилии, всем этим позволяет пользоваться не только живущим в праздности, но и делающим зло. Итак, если увидишь бедного и скажешь: мне досадно, что этот молодой, здоровый человек ничего не имеет, хочет прокормиться живя в праздности, а может быть он еще беглый слуга, оставивший своего господина, то все, мною сказанное, примени к себе, или лучше – ему позволь сказать тебе со всею смелостью. И он может сказать тебе с большим правом: и мне досадно, что ты, будучи здоров, живешь в праздности и ничего не делаешь из того, что повелел тебе Бог, а как раб, бежавший от повелений своего господина, бродишь будто по чужой стороне, проводя жизнь свою в пороках, в пьянстве, в невоздержности, в воровстве, в хищничестве и в разорении чужих домов. Ты укоряешь за праздность, а я укоряю тебя за худые дела, когда ты злоумышляешь, когда божишься, лжешь, похищаешь, когда делаешь тысячу подобных дел.

[7] 4. Впрочем, говорю это не для того, чтобы защитить праздность. Совсем нет, – напротив, очень желаю, чтобы все занимались делами, потому что праздность научила всем порокам; а только увещеваю вас не быть немилосердными и жестокими. Так и Павел, выразив сильное порицание праздности и сказав: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2Фес. 3:10), – не остановился на этих словах, но присовокупил: «Вы же, братия, не унывайте, делая добро» (2Фес. 3:13). Но здесь, по-видимому, есть противоречие: если ты не позволяешь праздным даже и есть, то как же увещеваешь нас подавать им? Я не противоречу себе, говорит апостол: хотя я и повелел удаляться от живущих праздно и не сообщаться с ними, но я же опять сказал: не считайте их врагами, но вразумляйте (2Фес. 3:15). Следовательно, нет противоречия в моих наставлениях, но они совершенно между собою согласны. Будь только готов оказывать милосердие, – тогда бедный тотчас оставит праздность, а ты перестанешь быть жестоким. Но скажешь: нищий много лжет и притворяется. И в этом случае он достоин сожаления, потому что дошел до такой крайности, что даже не стыдится так лгать. А мы не только не имеем жалости, но еще присовокупляем такие жестокие слова: не получал ли ты и раз и два? Так что ж? Ужели ему не нужно опять есть, потому что однажды ел? Почему же ты не положишь такого же правила и для своего чрева, и не говоришь ему: ты сыто было вчера и третьего дня, так не проси ныне? Напротив, чрево свое пресыщаешь чрезмерно, а нищему, когда он просит у тебя и немногого, отказываешь, хотя должен бы дать ему милостыню за то, что он каждый день принужден ходить к тебе. Если не чувствуешь других побуждений, то за это одно должен подать ему милостыню. Ведь крайняя бедность заставляет

его делать это. Ты не имеешь к нему жалости, потому что он, слыша такие слова твои, не стыдится; но нужда сильнее стыда. Но ты не только не имеешь к нему жалости, а еще издеваешься над ним, и тогда как Бог повелел давать милостыню тайно, всенародно поносишь пришедшего, между тем как надлежало бы оказать ему сострадание. Если не хочешь подать, то для чего еще укоряешь бедного и сокрушаешь его огорченное сердце? Он пришел к тебе, как в пристань, и просит руки помощи; для чего же ты воздвигаешь волны, и бурю делаешь свирепее? Для чего гнушаешься нищетою его? Пришел ли бы он к тебе, если бы знал, что услышит от тебя такие слова? Если же и наперед зная это пришел к тебе, то потому-то и надобно тебе сжалиться над ним и ужаснуться своей жестокости, по которой ты, при виде самой крайней нужды, не делаешься сострадательнее, не представишь себе, что один страх голода служит для него достаточным оправданием в бесстыдстве, но укоряешь его за бесстыдство, хотя сам ты часто бывал несравненно бесстыднее и в важнейших делах. В нужде и бесстыдство простительно. Между тем мы часто, делая то, за что бы надлежало нас наказать, не стыдимся, – и тогда как нам, помышляя о таких делах, следовало бы смириться, мы нападаем на бедных: они просят у нас врачевства, а мы прибавляем им ран. Если не хочешь дать, то для чего и бьешь? Если не хочешь оказать милость, то для чего и обижаешь? Но он без того не отойдет? Так поступи, как повелел мудрый: «Отвечай ему ласково, с кротостью» (Сир. 5:8). Он не по своей воле поступает так бесстыдно. Поистине, нет человека, который бы без всякой нужды захотел сделаться бесстыдным; и хотя бы представляли тысячи доказательств, никогда не поверю, чтобы человек, живущий в изобилии, решился просить милостыни. Итак,

никто не уверяй нас в противном. Если и Павел говорит: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь», – то говорит это нищим, а не нам; нам он говорит напротив: «Не унывайте, делая добро». Так мы поступаем и в домашних делах; когда двое ссорятся между собою, отведя каждого в сторону, даем им противоположные советы. Так поступил и Бог, так поступил и Моисей, который так говорил Богу: «Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня» (Исх. 32:31–32). А израильтянам повелел убивать друг друга, не щадя даже и родственников. Хотя эти действия одно другому противоположны, однако же, то и другое клонилось к одной цели. Так же Бог говорил Моисею: «Оставь Меня, … и истреблю их» (Исх. 32:10), – что и иудеи слышали (хотя в то время, когда Бог говорил это, их тут не было, но они должны были услышать об этом после), а тайно внушает тому противное, что после Моисей вынужден был обнаружить, говоря так: «Разве я носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка» (Числ. 11:12)? То же бывает и в семейной жизни. Часто отец учителю за суровые поступки с сыном наедине делает такой выговор: не будь суров и жесток; а сыну между тем говорит другое: хотя бы тебя и несправедливо наказали, терпи; и такими двумя противными советами достигает одной полезной цели. Так и Павел тем, которые здоровы и просят милостыни, говорит: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь», – чтобы заставить их трудиться; а тем, которые в состоянии благотворить, так говорит: «Не унывайте, делая добро», – чтобы побудить их к милосердию. Так и в послании к Римлянам (Рим. 11:17), когда уверовавших из язычников убеждает не гордиться перед иудеями и представляет в пример дикую маслину, по видимому говорит одним то,

другим другое. Итак, не будем жестокосердны, но исполним сказанное Павлом: «Не унывайте, делая добро» (2Фес. 3:13); исполним сказанное самим Спасителем: всякому «просящему у тебя дай» (Мф. 5:42), и: «будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6:36). Давая многие другие заповеди, Господь не присовокупил таких слов, а употребил их, говоря только о милостыне. Ничто столько не уподобляет нас Богу, как благотворительность.

[8] 5. Но нет бесстыднее бедного, говоришь ты. Почему же, скажи? Потому ли, что он, подбегая к тебе, кричит? Но хочешь ли, докажу, что мы гораздо бесстыднее и наглее нищих? Вспомни, сколько раз случалось и в нынешний пост, когда вечером стол был уже накрыт и позванный тобою слуга приходил не скоро, ты все опрокидывал, толкая, браня и ругая его за малое промедление, хотя верно знал, что если не тотчас, то немного спустя, утолишь свой голод. Однако ты не называешь себя бесстыдным, когда от малости приходишь в бешенство; а нищего, который страшится и трепещет большего зла (потому что страшится не медленности, а голода), называешь дерзким, наглым и бесстыдным, и даешь ему всякие поносные имена. Не крайнее ли это бесстыдство? Но мы о том не рассуждаем; потому и считаем нищих для себя несносными. Но если бы мы разбирали свои поступки и сравнивали бы себя с нищими, то не стали бы говорить, что они нам в тягость. Не будь же жестоким судиею. Хотя бы ты был чист от всех грехов, то и в таком случае законом Божиим запрещено тебе строго судить о чужих проступках. Если фарисей чрез это погиб, то какое извинение будем иметь мы? Если людям неукоризненной жизни запрещено строго судить проступки других, то тем более грешникам. Итак, не будем жестоки, бесчеловечны, неумолимы, бесчувственны; не будем злее зверей. Я знаю

многих, которые дошли до такого зверства, что из одной лености оставляют голодных без помощи, отговариваясь так: теперь нет у меня слуги; домой идти далеко, а разменять не у кого. Какая жестокость! Большее ты обещал, а меньшего не делаешь. Ужели ему истаивать голодом, потому что тебе не хочется пройти несколько шагов? Какая гордость! Какая спесь! Если бы тебе надлежало пройти и десять стадий, то зачем лениться? А не подумаешь, что за то было бы тебе больше награды? Когда подашь, то получишь награду только за подаяние; а когда сам пойдешь, то за это тебе будет другая награда. Так и патриарху дивимся потому, что он, имея триста восемнадцать домочадцев, сам побежал в стадо и взял тельца (Быт. 14:14, 18:7). А ныне некоторые до такой степени надуты спесью, что без стыда употребляют на то слуг. Но скажет иной: ты велишь самому мне делать это? Не сочтут ли меня тщеславным? Да и теперь ты также водишься тщеславием, только иным, – когда стыдишься разговаривать при других с нищим. Но спорить о том не буду, – сам ли, через других ли, как хочешь, – только подавай милостыню, а не укоряй, не бей, не бранись; нищий, приходя к тебе, надеется получить врачевство, а не раны, милостыню, а не побои. Скажи мне: если в кого бросят камнем и он, с раною на голове, весь в крови, мимо всех других пробежит под твою защиту: ужели ты кинешь в него другим камнем, и нанесешь ему другую рану? Не думаю, чтобы ты так поступил; напротив, верно постараешься и нанесенную ему рану излечить. Для чего же ты с бедными поступаешь не так? Ужели ты не знаешь того, сколько и одно слово может или ободрить, или привести в уныние? «Слово, -:говорится, – лучше, нежели даяние» (Сир. 19:16). Ужели не рассудишь, что ты сам на себя подъемлешь меч и наносишь себе жесточайшую

рану, когда обруганный тобою нищий пойдет от тебя безмолвно, вздыхая и обливаясь слезами? Нищего посылает к тебе Бог. Итак, обижая его, подумай, кому делаешь обиду, когда сам Бог его посылает к тебе, и тебе велит подавать, а ты не только не подаешь, но еще и ругаешь пришедшего. Если же не понимаешь, как это худо, то посмотри на других, и тогда хорошо узнаешь всю важность своего преступления. Если бы твой слуга, по твоему приказанию, пошел к другому слуге взять у него твои деньги, и возвратился к тебе не только с пустыми руками, но еще жалуясь на обиду, то чего бы ты не сделал обидевшему? Какому бы не подверг его наказанию, будучи как бы сам лично им обижен? Так точно суди и о Боге: Он сам посылает к нам нищих, и когда мы даем, даем Божие. Если же, ничего не подавши, гоним еще от себя с бранью, то подумай, скольких громов и молний достойны мы за такое дело? Помышляя о всем этом, обуздаем язык, перестанем быть жестокосердными, простремруки для подаяния милостыни и будем не только снабжать бедных имуществом, но и утешать словами, чтобы избегнуть нам и наказания за злословие, и наследовать царство за благословение и милостыню, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков Аминь.

Беседа 36

[1] «И когда окончил Иисус наставления двенадцати ученикам Своим, перешел оттуда учить и проповедывать в городах их». (Мф. 11:1)

[2] Изъяснение 11:1–6. Цель посольства Иоаннова ко Христу. – Ответ Христа ученикам Иоанна. – Опровержение ошибочных мнений о цели посольства: Иоанн, как и другие пророки, знал о страдании и смерти Христовой; проповедь предтечи о Христе не нужна была в аде. – Жившие добродетельно до пришествия Христа будут наслаждаться всеми благами. – Существование будущих наказаний не нарушает правды Божией.

[3] 1. Пославши учеников, Господь сам уклонился от них, чтобы дать им место и время делать, что велел. Если б сам Он находился с ними и исцелял, то никто не захотел бы идти к ученикам. «Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников своих сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого» (Мф. 11:2–3)? А Лука говорит, что ученики сами возвестили Иоанну о чудесах Христовых, и тогда уже Он послал их (Лк. 7:17). Впрочем, это никакого не заключает в себе затруднения, а стоит только замечания: в этом обнаруживается зависть учеников Иоанна к Иисусу. Но что говорится далее, должно быть тщательно исследовано. Что же именно? То, что сказал Иоанн: «Ты

ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого»? Тот, который знал Иисуса еще до чудес, извещен был о Нем от Духа, слышал от Отца, проповедовал о Нем перед всеми, посылает теперь узнать от Самого: Он ли это или нет? Но если сам не знаешь, точно ли это Он, то как же считаешь себя достойным вероятия, сказав свое мнение о неизвестном? Свидетельствующий о других, наперед сам должен быть достоин вероятия. Не ты ли говорил: «Недостоин развязать ремень обуви» (Лк. 3:16)? Не ты ли говорил: «Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым» (Ин. 1:33)? Разве ты не видал Духа в виде голубя? Разве не слыхал гласа? Разве не ты удерживал Его, говоря: «Мне надобно креститься от Тебя» (Мф. 3:14)? Разве не ты говорил ученикам: «Ему должно расти, а мне умаляться» (Ин. 3:30)? Разве не ты учил весь народ, что Он будет крестить их Духом Святым и огнем (Лк. 3:16) и что Он есть «Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира» (Ин. 1:29)? Не проповедовал ли ты всего этого о Нем прежде знамений и чудес? Как же теперь, когда Он всем стал известен и слух о Нем прошел всюду, и мертвые воскресли, и бесы изгнаны, и столько произведено знамений, – тогда уже посылаешь ты спрашивать у Него? Что это значило? Ужели все слова Иоанна были какой-нибудь обман, подлог, басня? И какой разумный человек сказал бы это? Не говорю уже об Иоанне, который взыграл во чреве матернем, проповедовал Христа прежде своего рождения, был гражданином пустыни, показал образец ангельской жизни. Напротив, если бы он был даже одним из людей обыкновенных и самых ничтожных, то не мог бы сомневаться после многочисленных свидетельств, данных

как им самим, так и другими. Отсюда видно, что Иоанн посылал не по сомнению, и спрашивал не по неведению. Никто также не может сказать и того, чтобы он, хотя верно знал Иисуса, будучи в темнице, стал боязливее. Он не ожидал себе освобождения из темницы; а если бы и ожидал, то не изменил бы благочестию, твердо решившись принять всякую смерть. В самом деле, будучи к тому готовым, не показал бы он такого мужества перед целым народом, привыкшим проливать кровь пророков. Не осмелился бы обличить такого жестокого тирана, с таким дерзновением, среди города и торжища, во всеуслышание делая ему сильные выговоры, как малому ребенку. Если же он стал и боязливее, то как не постыдился учеников своих, перед которыми столько раз свидетельствовал о Христе, но через них стал спрашивать, когда надлежало через других, и хотя верно знал, что ученики его завидовали Иисусу и желали найти какой-либо случай? Как не постыдился народа иудейского, перед которым столько раз проповедовал о Христе? Да и как могло это служить ему к освобождению от уз? Не за Христа он ввержен был в темницу, не за то, что проповедовал Его силу; но за то, что обличал беззаконный брак. Не навлекал ли он этим на себя нарекания, что он подобен бессмысленному ребенку, или совершеннолетнему безумцу? Итак, что же значит такой поступок? Из сказанного видно, что сомневаться об Иисусе было несвойственно не только Иоанну, но и всякому, даже человеку совершенно несмысленному и безумному. Нужно, однако, наконец, дать решение. Итак, для чего Иоанн посылал спрашивать? Для того, что ученики Иоанна, как всякий приметить может, не расположены были к Иисусу и всегда Ему завидовали, что явствует из сказанного ими своему учителю. «Тот,

Который был с тобою, – говорят они,– при Иордане и о Котором ты свидетельствовал, вот Он крестит, и все идут к Нему» (Ин. 3:26). И еще был спор у иудеев с Иоанновыми учениками об очищении. А в другом случае Иоанновы ученики, пришедши к самому Иисусу, говорили: «Почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся» (Мф. 9:14)?

[4] 2. Они еще не знали, кто был Христос; но почитая Иисуса простым человеком, а Иоанна более, нежели человеком, с досадою смотрели на то, что слава Иисусова возрастала, а Иоанн, как сам о себе говорил, приближался уже к концу. Все это препятствовало им прийти к Иисусу, так как зависть преграждала доступ. Пока Иоанн находился с ними, он часто их вразумлял и учил, однако не убедил. Когда же приближался уже к смерти, еще больше о том заботился. Он опасался, чтобы не оставить им повода к превратному толкованию, и чтобы они не были навсегда отлученными от Христа. Он и с самого начала старался всех своих учеников обратить ко Христу; но так как не убедил в том, перед смертью оказывает уже большее усердие. Если бы, поэтому, он стал говорить: пойдите к Нему, Он лучше меня, – то этим не убедил бы людей, которые были привязаны к нему самому; напротив, они подумали бы, что говорит так из скромности и прилепились бы к нему еще более. А если бы стал молчать, опять ничего бы не вышло. Что же он делает? Выжидает случая от самих услышать, что Иисус творит чудеса; и тут сам не дает им советов, и не всех посылает, но только двоих, о которых может быть знал, что они способнее прочих уверовать, – чтобы вопрос не был подозрителен, и чтобы они из самих дел увидели разность между ним и Иисусом. И потому говорит: подойдите и скажите: «Ты ли Тот, Который должен

прийти, или ожидать нам другого»? Христос же, проникая в мысль Иоаннову, не сказал: точно, Я, потому что хотя и следовало так сказать, но это было бы опять неприятно для слушателей. Напротив, предоставляет самим заключить из дел. Евангелист говорит, что в то время, когда они пришли к Иисусу, Он исцелил многих. И какая тут была бы сообразность, когда спрашивают: «Ты ли Тот»? – ничего не сказать на это, а тотчас начать исцелять больных, если бы Христос не хотел этим внушить того, о чем я сказал? Свидетельство делами почиталось более убедительным и несомненным, чем свидетельство словами. Поэтому, как Бог, зная намерение, с каким Иоанн послал учеников, Христос в тот же час исцелил слепых, хромых и других многих – не с тем, чтобы, уверить Иоанна (на что было уверять уверенного?), но чтобы уверить сомневающихся учеников. И исцеливши, говорит: «Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют». И потом присовокупил: «И блажен, кто не соблазнится о Мне» (Мф. 11:4–6), показав тем, что знает и тайные помышления их. Если бы Он сказал: точно, Я Христос, – то, как заметил я, это могло быть для них неприятно и могло навести на мысль, хотя бы они и не высказали ее, подобно иудеям: «Ты Сам о Себе свидетельствуешь» (Ин. 8:13). Вот потому сам Он и не говорит этого, а предоставляет им заключать обо всем из чудес, делая через то учение Свое неподозрительным и очевиднейшим. А вместе и их обличил тайным образом. Так как они соблазнялись о Нем, то обнаруживши их болезнь и предоставив все дело одной их совести, и никого не сделав свидетелем этого обличения кроме их самих, которые одни понимали это – тем больше привлек

их к Себе, говоря: «Блажен, кто не соблазнится о Мне», – говоря это, Он разумел собственно их. Но не ограничимся только высказанными нами мыслями. Чтобы сделать для вас истину более ясною, путем сопоставления с другими мнениями, нам нужно сказать и об этих последних. Что же говорят иные? Утверждают, что не та причина, какая нами указана; а та, что Иоанн действительно не знал. Не все было ему неизвестно. Что Иисус есть Христос, это он знал, а что хочет и умереть за людей, – того не знал, потому и сказал: «Ты ли Тот, Который должен прийти»? – то есть: Ты ли Тот, Которому должно сойти во ад? Но такое мнение не имеет основания; Иоанн знал и это. Об этом он прежде всего проповедовал, это первое засвидетельствовал, говоря: «Вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира» (Ин. 1:29)! Назвал же Агнцем, провозвещая крест; равно и словами – «который берет [на Себя] грех мира» показал то же самое. Ведь не иначе, как только крестом совершено отъятие греха, о чем и Павел сказал: «Рукописание, которое было против нас, и Он взял его от среды и пригвоздил ко кресту» (Кол. 2:14). Также когда сказал: «Он будет крестить вас Духом Святым» (Лк. 3:16), пророчествовал о том, что имело последовать по воскресении. Но говорят: Иоанн знал, что Христос воскреснет и даст Святого Духа; а что будет распят, того не знал. Но как же бы Он воскрес, не пострадавши и не будучи распят? Чем же бы Иоанн был более пророка, если бы не знал того, что знали пророки?

5 3. Что Иоанн был больше пророка, засвидетельствовал сам Христос (Лк. 7:28), а что пророки знали о страдании Христовом, известно всякому. Исайя говорит: «Как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен» (Ис. 53:7); а прежде этого свидетельства говорит: «Будет в тот день: к корню Иессееву, который

станет, как знамя для народов, обратятся язычники» (Ис. 11:10–11). Потом, говоря о страдании и о славе, за ним следующей, присовокупил: «И покой его будет слава». Этот пророк предсказал не только о том, что Христос будет распят, но и с кем: «И к злодеям причтен», – говорит он (Ис. 53:12). Мало того, он предсказал даже и то, что Христос не будет оправдываться, когда говорит: «Он не отверзал уст Своих» (Ис.53:7); и что будет осужден несправедливо, когда продолжает: во смирении Его суд Его взятся (Ис.53:8). А прежде Исайи то же говорит Давид, и описывает самое судилище такими словами: «Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное? Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против Помазанника Его» (Пс. 2:1–2). В другом месте говорит даже и об образе распятия: «Пронзили руки мои и ноги мои» (Пс. 21:17), и со всею точностью изображает наглость воинов: «Делят, -:говорит,– ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий» (Пс.21:19). И еще в другом месте даже говорит, что поднесли Ему уксус: «Дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом» (Пс. 68:22). Итак, пророки за столько лет описывают и судилище, и осуждение, и распятых с Ним, и разделение одежд, и метание о них жребия, и весьма многое другое, что все перечислять теперь нет нужды, чтобы не продлить слова, а Иоанн, больший всех пророков, не знал всего этого? Возможно ли это? Почему же он не сказал: «Ты ли Тот, Который должен прийти во ад?», но говорит просто: «Ты ли Тот, Который должен прийти»? Но это было бы еще смешнее прежнего. Говорят: Иоанн для того спрашивал об этом Иисуса, чтобы сошедши в ад проповедовать о Нем. Утверждающим это прилично сказать: «Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы» (1Кор. 14:20).

Только настоящая жизнь есть время для подвигов, а после смерти – суд и наказание. «Во гробе, -:сказано,– кто будет славить Тебя» (Пс. 6:6)? Чем же сокрушены врата медные, и стерты вереи железные? Телом Христовым. Тогда именно в первый раз явилось тело бессмертным, и разрушило владычество смерти. Впрочем это показывает только, что Им сила смерти разрушена, а не истреблены грехи умерших прежде пришествия Его. В противном случае, если Он освободил от геенны всех прежде умерших, то почему же сказал: «Земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе» (Мф. 11:24)? Этим дано разуметь, что и они, хотя легче, однако же будут наказаны. И хотя они здесь уже понесли крайнее наказание, однако и это их не избавит. А если не избавит их, то не гораздо ли больше тех, которые здесь ни мало не пострадали? Итак, неправосудно, скажешь, поступлено с жившими прежде пришествия Христова? Нимало. Тогда можно было спастись и не исповедуя Христа. Не это от них требовалось, а то, чтоб они не служили идолам и знали истинного Бога. «Господь, Бог наш, – сказано,– Господь един есть» (Втор. 6:4). Потому и Маккавеи заслужили удивление, так как все, что они ни претерпели, претерпели за соблюдение закона (1 Макк. 1:63); также три отрока и многие другие из иудеев, проводившие добродетельную жизнь и соблюдшие меру данного им познания, ни к чему более обязаны не были. И так тогда, как я уже сказал, для спасения довольно было знать одного Бога; ныне же того не довольно, а нужно еще знать Христа. Потому Христос и говорил: «Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем» (Ин. 15:22). То же надлежит сказать и о делах. Тогда убийство губило совершившего его, а ныне губит и один гнев. Тогда

прелюбодей и посягавший на чужую жену подвергался наказанию, а ныне наказываются и за воззрение похотливыми глазами. Как знание, так и добродетель ныне возведены на высшую степень. Итак, (в аде) не было нужды в предтече. В противном же случае, если неверные по смерти могут, обратившись к вере, спастись, то никто никогда не погибнет: тогда все покаются и поклонятся Христу. А что это истинно, послушай Павла, который говорит, что «всякий язык исповедал» и «преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних» (Флп. 2:11, 10), и что: «Последний же враг истребится – смерть» (1Кор. 15:26). Но от этой покорности никакой не будет пользы, потому что она произойдет не от доброго произволения, но уже, так сказать, от самой необходимости обстоятельств.

[6] 4. Не станем же вводить таких бабьих учений и иудейских басен. Послушай, что говорит Павел о живших до Христа: «Которые, не [имея] закона, согрешили, вне закона и погибнут», – рассуждает он о живших до закона; «а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся» (Рим. 2:12), – говорит о всех, живших после Моисея. И еще: «Открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков» (Рим. 1:18); и – «ярость и гнев, скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, Иудея, [потом] и Еллина» (Рим. 2:8–9). И подлинно, бесчисленное множество зол терпели тогда язычники; это доказывают как языческие истории, так и наши христианские писания. Кто, например, исчислит плачевные события с вавилонянами или египтянами? А что те, которые хотя и не знали Христа, как жившие до пришествия Его во плоти, но удалялись идолопоклонства, поклонялись единому Богу и проводили добродетельную жизнь, будут наслаждаться

всеми благами, послушай, что об этом говорит Павел: «Слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, [потом] и Еллину» (Рим. 2:10). Видишь ли, что таким людям за добрые дела уготованы великие награды, а делающим противное – казни и мучения? Итак, где неверующие геенне? Если жившие до пришествия Христова и не слышавшие ни об имени геенны, ни о воскресении, и здесь понесли наказание, и там еще будут наказаны, – то насколько более постигнет казнь нас, вскормленных обильным словом мудрости. Но согласно ли, скажешь, с разумом, чтобы люди, которые не слыхали даже о геенне, ввержены были в геенну? Они могут, ведь, сказать: если бы Ты угрожал нам геенною, то мы больше боялись бы, жили бы воздержно. Несомненно (разве нет?) они стали бы жить так, как живем теперь мы, которые ежедневно слышим, что говорят о геенне, и нисколько не внимаем тому. Да и то нужно сказать, что кого не удерживают наказания, которые под ногами, того еще менее удержат наказания будущие. Людей нерассудительных и грубого нрава то, что происходит у них на глазах и немедленно, обыкновенно вразумляет более, нежели то, что случится по прошествии долгого времени. Но, скажешь, мы живем в большем страхе, и в этом отношении с язычниками не поступлено ли несправедливо? Нимало. Во-первых, не те же подвиги предстоят нам, какие им; напротив, нам гораздо большие. А кто подъемлет большие труды, тому нужно иметь и большую помощь. А умножение страха – помощь не малая. Если же мы преимуществуем пред ними в том, что знаем будущее, то они преимуществуют пред нами тем, что на них тотчас налагаются жестокие наказания.

7 Но многие и об этом рассуждают иначе. Именно, говорят: где же правда Божия, когда согрешающий в

чем-либо здесь, наказывается и здесь, и там? Угодно ли, напомню вам собственные ваши слова, чтобы вы более не делали труда нам, но сами себе дали решение? Многие у нас, – слыхал я, – как скоро узнают, что убийце отрубили голову в суде, негодуют на то и говорят так: этот злодей и изверг совершил до тридцати или еще более убийств, а сам потерпел одну только смерть: какая тут правда? Итак, вы сами признаетесь, что одной смерти недостаточно для наказания: почему же теперь держитесь противного мнения? Потому что произносите суд не о других, но о себе. Вот как самолюбие препятствует нам вникнуть в справедливость! Когда судим о других, разбираем все до точности: а когда произносим суд о себе, ослепляемся. Если бы и о себе самих разобрали дело так же, как о других, то произнесли бы нелицеприятный приговор. И у нас есть грехи, заслуживающие не две и три, но тысячу смертей. И не говоря о прочих грехах, вспомним, сколько нас недостойно приобщается тайн? А причащающиеся недостойно повинны «будет против Тела и Крови Господней» (1Кор. 11:27). Итак, когда говоришь об убийце, примени это и к себе. Он убил человека, а ты повинен в убиении Владыки. Он совершил убийство, не приобщаясь тайн, а мы стали убийцами, вкушая от священной трапезы. Что же сказать о тех, которые угрызают, снедают, отравляют ядом многим братий? И что сказать о том, кто отнимает кусок у бедного? Если и не подающий милостыни есть уже отнимающий, то тем более похищающий чужое. Сколь многих разбойников хуже корыстолюбцы? Сколь многих человекоубийц, сколь многих расхитителей гробниц хуже лихоимцы? Сколько таких, которые, ограбив, жаждут еще крови? Нет, избави от этого Бог! говоришь ты. Теперь говоришь – нет! Скажи это тогда, когда будешь иметь врага: тогда вспомни эти

слова, тогда покажи всю исправность жизни, чтобы и нас не постигла участь содомлян, и нам не подпасть казни гоморрян, и нам не потерпеть зол постигших тирян и сидонян, и более всего – чтобы не оскорбить Христа, что всего тяжелее и ужаснее. Хотя многим геенна и кажется ужасною, но я никогда не перестану вопиять, что оскорбить Христа – мучительнее и ужаснее самой геенны, и вам советую прийти в то же чувство. Тогда мы и геенны избавимся, и будем наслаждаться славою Христовой, которую да сподобимся все мы получить, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Ему и слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 37

[1] «Когда же они пошли, Иисус начал говорить народу об Иоанне: что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую? Что же смотреть ходили вы? человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских. Что же смотреть ходили вы? пророка? Да, говорю вам, и больше пророка». (Мф. 11:7–9)

[2] Изъяснение 11:7–24. Как Христос защищает Иоанна против подозрений народа. – Почему Иоанн назван большим пророка. – Христос не может быть сравниваем с Иоанном. – Прекращение явления пророков доказывает, что Иисус есть Мессия. – Иоанн и Христос противоположными путями шли к одной цели. – Неверие иудеев Иоанну и Христу не может иметь оправдания. – Увещание к страннопримству. – Против срамных песен и рассказов. – Вред, причиняемый семейной и общественной жизни зрелищами. – Где нужно искать чистых удовольствий.

[3] 1. Для учеников Иоанна Спаситель сделал, что нужно было сделать, и они возвратились, уверившись (в том, что Он есть Мессия) посредством чудес, совершенных пред ними. Теперь надлежало подать нужное врачевство и народу. Ученики Иоанна не подозревали ни в чем своего

учителя; между тем в народе, которому неизвестна была цель посольства учеников Иоанна, вопрос их мог породить много неуместных сомнений. Многие могли рассуждать и говорить так: тот, который с такою силою свидетельствовал о Иисусе, ныне переменил мысли свои и сомневается – этот ли, или другой есть Грядущий? Не с тем ли намерением он говорит это, чтобы восстать против Иисуса? Или темница научила его быть осторожнее? Ужели он напрасно прежде свидетельствовал о Иисусе? И так, поскольку народ мог предаваться многим подобным сомнениям, то смотри, как Господь врачует его немощь и уничтожает эти сомнения. «Когда же они пошли, – говорит евангелист, – Иисус начал говорить народу об Иоанне». Для чего Он начал говорить уже по отшествии учеников Иоанна? Чтобы не подумали, что Он льстит Иоанну. Но исправляя сомневающихся, Он не обнаруживает их сомнения, а только разрешает смущающие их помыслы, показывая тем, что Он знает тайные мысли всех. Он не говорит им, как иудеям: «Для чего вы мыслите худое» (Мф. 9:4)? – потому что, если они и думали так, то думали не по злобе, но потому, что не понимали сказанного. Вот почему Спаситель и не укоряет их, а только исправляет их мысли, и защищает Иоанна, показывая, что он не оставил и не переменил прежнего своего мнения, что он человек не легкомысленный и переменчивый, но твердый и постоянный, и не может во вверенном ему быть неверен. Впрочем Спаситель не произносит о нем прямо Своего приговора, но наперед подтверждает это их собственным свидетельством, показывая, что они не только словами, но и делами своими засвидетельствовали его постоянство, почему и говорит: «Что смотреть ходили вы в пустыню»? Как бы так сказал: для чего вы, оставив города и дома, собирались

все в пустыню? Для того ли, чтобы увидеть какого-нибудь жалкого и непостоянного человека? Но это невозможно. Не то показывает ваше великое усердие и всеобщее стечение в пустыню. Такое множество народа, жители столь многих городов, не устремились бы с таким усердием в пустыню на реку Иордан, если бы не надеялись увидеть там великого, удивительного и твердого как камень мужа. Вы ходили смотреть не трость ветром колеблемую, – люди легкомысленные и переменчивые, которые говорят сегодня одно, а завтра другое, и ни на чем не останавливаются, те именно весьма подобны трости колеблемой ветром. Но смотри, как Господь, оставив всякое другое зло, обращает внимание на то, которое особенно в это время возмущало их, и отнимает самый предлог к легкомыслию. «Что же смотреть ходили вы? человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских». Эти слова означают то, что Иоанн не был по природе непостоянен, и это вы доказали своим усердием. Но и того никто не может сказать, что он хотя и был по природе тверд, но впоследствии, предавшись роскоши, сделался слаб. Одни из людей от природы бывают слабы, а другие впоследствии времени делаются таковыми. Например, один гневлив по природе, а другой от долговременной болезни приобретает эту страсть. Равным образом одни бывают непостоянны и легкомысленны по природе, а другие от того, что предаются роскоши и неге. Но Иоанн не был таков и по природе, – вы ходили смотреть, говорит Спаситель, не трость, колеблемую ветром, – равно как не потерял он сокровища, которым обладал, предавшись роскоши. Что он не был рабом роскоши, это показывает его одежда, пустыня и темница. Если бы он хотел носить дорогие одежды, то жил бы не в

пустыне и не в темнице, а в царских чертогах. Он одним молчанием мог бы достигнуть величайших почестей. В самом деле, если Ирод так уважал его, несмотря даже на то, что он обличал его и находился в узах, то тем более стал бы льстить ему, если бы он молчал. Итак, могут ли падать такие подозрения на того, кто самым делом доказал свою твердость и постоянство?

4 2. Изобразив таким образом Иоанна посредством указания на место его жительства, на его одежду и на стечение к нему народа, Спаситель называет его наконец и пророком, говоря: «Что же смотреть ходили вы? пророка? Да, говорю вам, и больше пророка. Ибо он тот, о котором написано: се, Я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою» (Мал. 3:1). Приведя наперед свидетельство иудеев, Он присоединяет потом свидетельство пророка. Или – лучше, – во-первых, представляет мнение иудеев, которое, как свидетельство врагов, должно составлять сильнейшее доказательство; во-вторых, указывает на жизнь этого мужа; в-третьих, представляет свой суд; в-четвертых, называет его пророком, чтобы совершенно заградить уста их. Потом, чтобы не сказали они: что же, если он прежде был таков, а ныне переменился? – Спаситель приводит дальнейшие доказательства, – указывает на его одежду, темницу, и наряду с этим приводит и пророчество. Сказав, что он больше пророка, показывает далее и причину, почему больше. Итак, почему же? По причине близости своей к Пришедшему. «Я посылаю, – говорится,– Ангела Моего пред лицем Твоим», т. е., близ тебя. Как во время путешествия царей, те, кто славнее других, идут близ их колесниц, так и Иоанн является пред самым пришествием Христовым. Смотри, как и этим, Господь показал преимущество его! Но и здесь не останавливается, а

приводит и Свое мнение, говоря: «Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя» (Мф.11:11), т. е., ни одна жена не родила человека, который бы был больше Иоанна. Чтобы увериться в достоинстве Иоанна, достаточно и одного приведенного изречения; но если ты хочешь познать его из самих дел его, то представь его трапезу, образ жизни и высоту духа. Подлинно, он жил как бы на небе, и, возвысившись над всеми нуждами природы, шел путем необыкновенным, проводя все время в песнях и молитвах, и удалившись от общества людей, непрестанно беседовал с одним Богом. Он никого не видел из подобных себе, и никому из них не являлся; не питался молоком, не имел ни постели, ни крова, ни съестных припасов, ни других вещей, которыми пользуются люди, и однако же, был кроток и вместе строг. Например, послушай, с какою кротостью беседует он с своими учениками, с каким мужеством – с народом иудейским, и с какою смелостью – с царем. Вот почему и сказал о нем Спаситель: «Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя». Но чтобы опять и великие похвалы не породили неприличного мнения о Иоанне в иудеях, которые предпочитали его Христу, смотри, как Господь предотвращает и это зло. Как то, что служило к утверждению учеников Иоанна, причиняло вред народу, который почитал его легкомысленным, так и от того, что служило к исправлению народа, больший бы произошел вред, если бы слова Христовы подали повод иудеям предпочитать Ему Иоанна. Потому Христос и это не обинуясь исправляет, говоря: «Но меньший в Царстве Небесном больше его» (Мф. 11:11), т. е., меньший по возрасту и по мнению многих. Действительно, о Нем говорили, что Он «ест и пьет» (Мф. 11:19); также: «Не

плотников ли Он сын» (Мф. 13:55)? и везде уничижали Его. И так Христос был больший по сравнению с Иоанном, скажешь ты? Нет; когда Иоанн говорит: «сильнее меня» (Мф. 3:11), – не сравнительно говорит это; также и Павел, когда вспоминая о Моисее пишет: «Ибо Он достоин тем большей славы пред Моисеем» (Евр. 3:3), – не сравнительно пишет; и Сам Спаситель, говоря: «И вот, здесь больше Соломона» (Мф. 12:42), – не сравнивает Себя с ним. А если и допустить, что Он сравнивает Себя с Иоанном, то делает это для пользы слушателей, по причине их немощи. Люди и прежде весьма уважали Иоанна, а теперь его еще более прославили темница и дерзновение пред царем, и со стороны многих слова Христа легко могли быть приняты за сравнение. И в Ветхом Завете таким же образом исправляемы были души заблудших, – о несравнимом говорилось сравнительно; так, например, когда говорится: «Нет между богами, как Ты, Господи» (Пс. 85:8); и еще: «Кто Бог так великий, как Бог [наш]» (Пс. 76:14). Некоторые говорят, что Христос сказал это об апостолах, а другие – об ангелах; но это несправедливо. Люди, удалившиеся от истины, обыкновенно во многом заблуждаются. В самом деле, к чему говорить здесь об ангелах, или об апостолах? Притом, если Он сказал это об апостолах, то что препятствовало Ему назвать их по имени? Но говоря о Себе, Он справедливо скрывает лицо Свое, как по причине господствовавшего о Нем мнения, так и для того, чтобы не подумали, что слишком превозносит Себя. Спаситель и во многих случаях так поступает. Что же значат слова: «в Царстве Небесном»? – Т. е., во всем духовном и небесном. Сказав: «Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя», – Спаситель

отличил Себя от Иоанна, и таким образом показал, что Его не должно сравнивать с Иоанном.

[5] 3. Хотя Христос был рожден и от жены, но не так, как Иоанн, потому что был не простой человек, и родился не так, как обыкновенно рождаются люди, но необыкновенным и чудным рождением. «От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12). Какую связь имеют эти слова с тем, что сказано было прежде? Великую, и весьма тесную. Спаситель заставляет и понуждает ими слушателей Своих к вере в Него, и вместе подтверждает то, что сказал прежде о Иоанне. В самом деле, если до Иоанна все исполнилось, то значит – Я грядущий. «Ибо все, – говорит,– пророки и закон прорекли до Иоанна» (Мф. 11:13). Пророки, следовательно, не перестали бы являться, если бы не пришел Я. Итак, не простирайте своих надежд вдаль и не ожидайте другого (Мессии). Что Я – грядущий, это видно как из того, что перестали являться пророки, так и из того, что с каждым днем возрастает вера в Меня; она сделалась столь ясною и очевидною, что многие восхищают ее. Но кто же, скажешь ты, восхитил ее? Все те, кто приходит ко Мне с усердием. Далее Спаситель приводит и другое доказательство, говоря: «И если хотите принять, он есть Илия, которому должно прийти» (Мф. 11:14). «Вот, Я пошлю к вам, – говорит Писание, – Илию пророка.... И он обратит сердца отцов к детям» (Мал.4:5–6). Итак, если вы будете внимать со тщанием, то познаете, что он и Илия, так как говорит Писание: «Я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим» (Мф. 11:10; Мал. 3:1). Спаситель не напрасно сказал: «И если хотите принять», но чтобы показать, что Он не принуждает их. Я не принуждаю вас, говорит Он. Этими словами Он требует

от них самих внимательного размышления и показывает, что Иоанн есть Илия, и Илия – Иоанн: оба они приняли на себя одинаковое служение, оба были предтечами. Потому и сказал не просто: сей есть *Илия*, но: «И если хотите принять», «он есть», то есть, если будете смотреть со вниманием на события. Впрочем, и на этом Спаситель не остановился, но желая показать, что нужно быть внимательными к словам: «Он есть Илия, которому должно прийти», – присовокупил: «Кто имеет уши слышать, да слышит» (Мф. 11:15)! Столь много трудных для уразумения мыслей предложил Он для того, чтобы возбудить в иудеях желание предлагать свои вопросы. Если же и это не пробудило их от усыпления, то тем более не могли бы пробудить ясные и удобопонятные слова Спасителя. Никто, ведь, не может сказать того, что они не смели спрашивать Его и боялись приступить к Нему. Если они искушали Его, спрашивая о делах маловажных, и несмотря на то, что Спаситель тысячекратно заграждал им уста, не отставали от Него, то почему бы не могли спросить о делах нужных, если бы желали узнать о них. Если спрашивали о делах касающихся закона, какая, например, первая заповедь, и тому подобном, хотя не было никакой и нужды спрашивать о таких вещах, то как бы не потребовали объяснения на слова Его, когда Он должен был отвечать на их вопросы, а особенно, когда сам располагал и побуждал их к тому? В самом деле, словами: «употребляющие усилие восхищают его», Спаситель возбуждает в них желание предлагать Ему вопросы. Равным образом и словами: «Кто имеет уши слышать, да слышит!», – делает то же самое. «Кому уподоблю род сей»? – говорит Он. «Он подобен детям, которые сидят на улице и, обращаясь к своим товарищам, говорят: мы

играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали» (Мф.11:16–17).

[6] По-видимому, и эти слова не имеют никакой связи с предыдущими, на самом же деле они весьма тесно связаны с ними. Христос направляет их все к той же еще главной цели и желает показать, что Иоанн поступал согласно с Ним, хотя происходившее, как, например, вопрос учеников Иоанна, и казалось противоречием. Вместе с тем Он показывает и то, что для спасения иудеев не было оставлено ни одного нужного средства, как и о винограднике говорит пророк: «Что еще надлежало бы сделать для винограда Моего, чего Я не сделал ему» (Ис. 5:4)? «Кому уподоблю род сей? – говорит Спаситель. – Он подобен детям, которые сидят на улице и, обращаясь к своим товарищам, говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали. Ибо пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес. Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам» (Мф. 11:16–19). Смысл этих слов следующий: Я и Иоанн пришли противоположными путями, и поступили подобно ловцам, которые, желая поймать неудоболовимого зверя с двух противоположных сторон, становятся друг против друга, каждый на своем пути, и гонят его от себя, чтобы таким образом он непременно попал в руки того или другого. Посмотри, в самом деле, с каким изумлением весь род человеческий смотрит на чудный пост и на эту суровую и посвященную любомудрию жизнь. Для того-то и устроено было, что Иоанн от самого младенчества приучен был к столь суровой жизни, чтобы и чрез это сделать проповедь его достойною веры. Но почему же, скажешь ты, сам Иисус не избрал этого пути? Напротив, и Он шел этим путем,

когда постился сорок дней, и обходил страны, уча, и не имея [где главы преклонить]. Впрочем, Он и другим путем шел к той же цели, и получал пользу от того, которым шел Иоанн, потому что получить свидетельство от человека, идущего путем жизни строгой, значило то же, что и самому идти этим путем, или даже и более. Притом, Иоанн ничего более не показал, кроме строгого образа жизни, так как Иоанн не совершил ни одного знамения, а Спаситель свидетельствовал о Себе и знамениями и чудесами. Таким образом, предоставив Иоанну блистать постом, сам избрал путь противный: участвовал в трапезах мытарей, вместе с ними ел и пил.

[7] 4. Теперь спросим иудеев: что скажете вы о посте? Хорош он и похвален? Если так, то вам надлежало повиноваться Иоанну, принимать его и верить словам его. Тогда слова его привели бы вас к Иисусу. Или пост тяжек и обременителен? Тогда вам надлежало повиноваться Иисусу и верить Ему, как идущему путем противным. Тот и другой путь мог привести вас к царствию. Но они, подобно дикому зверю, восставали против того и другого. Итак, не должно обвинять тех, которым не верили. Но вся вина падает на тех, которые хотели не верить им. Никто не станет в одно и то же время порицать, также как и хвалить, вещей противных: так, например, кто любит человека веселого и роскошного, тому не может нравиться печальный и суровый; равным образом не будет хвалить человека веселого тот, кто хвалит печального; невозможно об одном и том же предмете в одно и то же время думать и так и иначе. Потому-то Иисус и сказал: «Мы играли вам на свирели, и вы не плясали», – т. е., Я вел жизнь нестрогую, и вы не покорились Мне, – мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали», – т. е., Иоанн проводил жизнь строгую и суровую, и вы не внимали ему.

Впрочем, Иисус не говорит, что Иоанн вел тот, а Я – другой образ жизни. Но так как оба они имели одну цель, хотя дела их были различны, то как о Своих, так и о его делах говорит как об общих. И то, что они шли противными путями, происходило от их великого согласия, направленного к одной цели. Итак, какое же вы можете иметь оправдание? Потому-то Спаситель и присоединил: «И оправдана премудрость чадами ее». То есть: хотя вы и остались неубежденными, но уже не можете обвинять Меня, – как и о Боге Отце говорит пророк: «Так что Ты праведен в приговоре Твоем» (Пс. 50:6). Хотя Бог и не видит никакого плода от Своего о нас попечения, однако же, с Своей стороны исполняет все, чтобы людям бесстыдным не оставить ни малейшего повода к безрассудным сомнениям. А что Господь употребляет простые и неблагородные сравнения, ты не удивляйся этому: Он говорил так, приспособляясь к немощи слушателей. Так и Иезекииль часто употребляет сравнения, приличные иудеям, но несообразные с величием Божиим. Но и это есть дело особенного попечения Божия о нас. Но смотри, как иудеи и иным образом запутали себя в противоречивых мнениях. Сказав об Иоанне, что он (беса имеет), они не удовольствовались этим, – напротив, и об Иисусе, Который избрал путь противный, утверждали то же самое. Так всегда они вдавались в противоречивые мнения! Евангелист Лука кроме этих обвинений приводит еще и другое, сильнейшее, говоря: «Мытари воздали славу Богу», принявши крещение Иоанново (Лк. 7:29). Иисус тогда уже начал порицать города, когда оправдана была премудрость, – когда Он показал, что все исполнено. Так как Он не убедил иудеев, то начинает оплакивать, что еще важнее угроз. Он обнаружил пред ними Свое учение и

Свою чудодейственную силу; но так как они не оставили своего упорства, то начинает порицать их. «Тогда, – говорит евангелист,– начал Он укорять города, в которых наиболее явлено было сил Его, за то, что они не покаялись, – говоря: горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида!» (Мф.11:20–21)! А чтобы тебе увериться, что жители этих городов были злы не по природе, Он упоминает о таком городе, из которого произошли пять апостолов; именно из Вифсаиды произошли Филипп и четыре первоверховных апостола. «Ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретище и пепле покаялись, но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня; но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе» (Мф.11:21–24). Спаситель присоединяет к этим городам Содом не без причины, но чтобы увеличить осуждение. Подлинно, сильнейшим доказательством злобы иудеев служит то, что они являются худшими не только современных им, но и всех когда-либо бывших злых людей. Подобным образом Спаситель и в другом месте обличает их, сравнивая с ниневитянами и с южною царицею (Мф. 12:41–42). Но там Он осуждает их, сравнивая с праведниками, а здесь – с грешниками, что гораздо тяжелее. Такой способ осуждения употреблял и Иезекииль. Он говорит к Иерусалиму: «Через твои мерзости, какие делала ты, сестры твои оказались правее тебя» (Иез. 16:51). Так Иисус везде сообразовался с Ветхим Заветом! Впрочем Он и этим не оканчивает Своего обличения, но наводит на них страх, говоря, что они потерпят гораздо тягчайшие бедствия, нежели

жители Содома и Тира, чтобы всеми способами преклонить их к вере – и сожалением, и страхом.

[8] 5. Будем внимать этому и мы. Не неверующим ведь только, но и нам определил Спаситель наказание более жестокое, чем содомлянам, если мы не будем принимать приходящих к нам странников, когда повелел им отрясать прах от ног своих; и весьма справедливо. Неверные, хотя и тяжко согрешали, но – прежде закона и благодати; напротив мы, согрешая после столь великого попечения о нас, как можем надеяться получить прощение, когда оказываем столь великую ненависть к странникам, заключаем двери для бедных, и еще прежде заграждаем слух от их воплей, или лучше – не только для бедных, но и для самих апостолов? По тому самому ведь мы и поступаем так с бедными, что не внимаем словам апостолов. Когда читают писание Павла, и ты не внимаешь; когда проповедуется учение Иоанна, и ты не слушаешь, – то как можешь принять к себе бедного, не принимая апостола? Итак, чтобы наши двери непрестанно отверсты были для бедных и слух – для учения апостолов, очистим слух души от нечистоты. Как нечистота и грязь заграждают слух телесный, так любострастные песни, рассказы о делах житейских, о долгах, о ростах и процентах – более всякой нечистоты заграждают слух душевный, и не только заграждают, но еще делают его нечистым. Рассказывающие о таковых делах наполняют нечистотою слух ваш, и чем некогда угрожал варвар, когда говорил: «будете есть кал свой» и проч. (Ис. 32:12), тому же или еще и худшему подвергают вас и эти люди, и не на словах, а на самом деле. Подлинно, срамные песни отвратительнее всякой внешней нечистоты и, что всего вреднее, вы не только не скучаете, слушая их, но и восхищаетесь, тогда, как надлежало бы гнушаться ими и

бежать. Если же они не отвратительны, то ступай к плясунам и подражай тому, что хвалишь; или лучше – пляши с тем, который производит этот смех. Но ты не согласен на это. Итак, для чего же воздаешь ему такую честь? И языческие законы признают людей этого рода бесчестными; а ты вместе с целым городом принимаешь их как послов и вождей, и всех созываешь слушать то, что оскверняет слух. Если раб скажет тебе вслух что-либо гнусное, ты подвергаешь его жестокому наказанию; если сын твой, или жена, или другой кто сделает то же, ты почитаешь такой поступок обидою; но если пригласят тебя слушать постыдные слова люди презренные и негодные, то ты не только не досадуешь, но даже радуешься и хвалишь это. И что может сравниться с таким безрассудством? Но ты не говоришь сам постыдных слов? Что же от этого пользы? Притом, откуда это видно? Ведь если бы ты не говорил таких слов, то не смеялся бы, и слыша их от других, и не стремился бы с таким усердием на посрамляющий тебя голос. Скажи мне, с удовольствием ли ты слушаешь богохульствующих, или трепещешь и заграждаешь от них слух свой? Я думаю, что так. Почему же это? Потому, что ты сам не богохульствуешь. Так же поступай и с теми, которые говорят постыдные слова. А если ты хочешь ясно доказать нам, что тебе неприятны постыдные слова, то и не слушай их. В самом деле, как можешь ты быть человеком добрым, обращаясь среди людей, от которых слышишь столь постыдные речи? Захочешь ли ты когда-либо подъять труды, которых требует целомудрие, расслабевая мало-помалу от смеха, песен и этих срамных слов? И не осквернённая слушанием таких песен и слов душа едва может быть чистою и целомудренною; тем более невозможно это для той, которая непрестанно слышит их.

Или вы не знаете, что мы более склонны ко злу? Итак, когда это сделается нашим ремеслом и главным занятием, то каким образом избежим вечного огня? Или ты не слышишь, что говорит Павел: «Радуйтесь всегда в Господе» (Флп. 4:4)? Он не сказал – радуйтесь о дьяволе.

[9] 6. Итак, можешь ли ты слышать Павла, можешь ли чувствовать свои беззакония, всегда и непрестанно упиваясь позорным зрелищем? Что ты сюда пришел, это не удивительно и не важно. Вернее, впрочем, удивительно, потому что сюда ты идешь без всякого участия, только для вида; напротив, туда – с усердием, поспешностью и с большею охотою. И это видно из того, что ты приносишь в дом свой, возвращаясь оттуда. В самом деле, всю нечистоту, приставшую к вам там от слов, от песен и смеха, каждый из вас несет в дом свой, и не только в дом, но и в свое сердце. От того, что недостойно презрения, ты отвращаешься, а что достойно его, того не только не ненавидишь, но и любишь. Многие, возвращаясь от гробов умерших, омывают себя, а возвращаясь с зрелищ, не воздыхают, не проливают слез, хотя мертвый и не оскверняет, между тем как грех полагает такое пятно, которого нельзя смыть тысячью источников, а только одними слезами и раскаянием. Между тем никто не чувствует этой скверны. Так как мы не боимся того, чего должно бояться, то страшимся того, чего не должно. Что значит этот шум, это смятение, эти сатанинские крики и дьявольские подобия? Иной юноша имеет сзади косу и, принимая вид женщины, и во взорах, и в поступи, и в одежде, словом – во всем старается изобразить молодую девицу. А другой, напротив, достигши уже старческого возраста, стрижет волосы, опоясывается по чреслам и, потеряв прежде волос весь стыд, готов принимать удары, готов все говорить и делать.

А женщины, без всякого стыда, с обнаженною головою обращаются в речах своих к народу, с великою старательностью выказывая свое бесстыдство, и поселяя в душах слушателей всякую наглость и разврат. У них одна только забота – искоренить всякое целомудрие, посрамить природу, исполнить волю злого духа. Здесь и слова постыдны, и лица смешны, и стриженые волосы таковы же, и походка, и одежда, и голос, и телодвижения, и взгляды, и трубы, и свирели, и действия, и их содержание, и все вообще исполнено крайнего разврата. Итак, скажи мне, когда ты отрезвишься от блудного пития, которое дьявол предлагает тебе, – когда перестанешь пить из чаши невоздержания, которую он растворяет для тебя? Там и прелюбодеяния, и измены супружеской верности; там и жены блудницы, и мужья прелюбодеи, и юноши изнежены; там все исполнено беззакония, все чудовищно, все постыдно. Итак, тем, кто присутствует на таких зрелищах, надлежало бы не смеяться, а горько плакать и скорбеть. Что же? Или нам закрыть театр, скажешь ты, и по твоему приказанию ниспровергнуть все? Напротив, теперь именно все ниспровергнуто. В самом деле, скажи мне, отчего нарушается супружеская верность? Не от театра ли? Отчего оскверняются брачные ложа? Не от этих ли зрелищ? Не по их ли вине жены не терпят мужей? Не от них ли мужья презирают жен своих? Не отсюда ли множество прелюбодеев? И если кто ниспровергает все и вводит жестокую тиранию, то это тот, кто посещает театр. Нет, скажешь ты: зрелища – хорошее учреждение законов! Увлекать жен от мужей, развращать молодых, детей, ниспровергать дома свойственно тем, кто владеет укреплениями. Кто, например, скажешь ты, от этих зрелищ сделался прелюбодеем? Но кто же не прелюбодей? Если бы мне можно было перечислить

теперь всех поименно, то я показал бы, как многих мужей разлучили с женами эти зрелища; как многих пленили эти блудницы, которые одних отвлекли от супружеского ложа, а другим не дают и подумать о браке. Итак, что же, – скажи мне, – ужели нам ниспровергнуть все законы? Напротив, – уничтожая эти зрелища, мы истребим нарушение законов. Вредные для общества люди бывают именно из числа тех, что действуют на театрах. От них происходят возмущения и мятежи. Люди, воспитывающиеся у этих плясунов и из угождения чреву продающие свой голос, которых занятие состоит в том, чтоб кричать и делать все неприличное, они-то именно более всех и возмущают народ, они-то и производят мятежи в городах, – потому что преданное праздности и воспитываемое в таких пороках юношество делается свирепее всякого зверя.

[10] 7. Например, скажи мне: откуда чародеи? Не из театров ли они выходят, чтобы возмущать праздный народ и доставлять случай пляшущим пользоваться выгодами многих смятений, и блудных жен поставлять преградою для целомудренных? Их чародейство доходит до такой дерзости, что они не стесняются даже тревожить кости умерших. Не они ли заставляют тратить тысячи на это лукавое дьявольское сонмище? А распутство и другие бесчисленные пороки откуда? Теперь видишь ли, что ты разрушаешь жизнь, привлекая на эти зрелища, а я скрепляю ее, уничтожая их? Итак, нам должно уничтожить театр? О, если бы это было возможно! Если вы хотите, то я согласен уничтожить и истребить его. Впрочем, я не требую этого. Сделайте то, чтобы он, и существуя, как бы не существовал; это доставит вам большую похвалу, нежели разрушение его. Если не другому кому, то по крайней мере, старайтесь подражать

варварам: у них вовсе нет таких зрелищ. Чем же мы оправдаем себя, если, будучи гражданами неба, приобщившись к лику херувимов, и имея общение с ангелами, окажемся в данном случае хуже варваров, тогда как мы можем иметь тысячу других удовольствий, гораздо лучших? Если ты хочешь получить удовольствие, иди в сады, к текущей реке и озерам; рассматривай цветы и слушай пение кузнечиков; посещай гробницы мучеников, – здесь найдешь ты и здравие для тела, и пользу для души, а вреда никакого; и не будешь раскаиваться после такого удовольствия, как то бывает после тех зрелищ. Ты имеешь жену, имеешь детей: что может сравниться с этим удовольствием? У тебя есть дом, есть друзья: эти удовольствия вместе с целомудрием доставляют и великую пользу. В самом деле, скажи мне: что может быть приятнее детей и жены для того, кто хочет жить целомудренно? Говорят, что варвары, услышав об этих беззаконных зрелищах и непристойных удовольствиях, произнесли весьма мудрое изречение, сказав: римляне выдумали эти удовольствия, потому что не имели жен и детей. Они показали этим изречением, что для того, кто хочет жить честно, нет ничего приятнее жены и детей. Но что, скажешь ты, если я укажу тебе людей, которые не получили никакого вреда от того, что проводили время в театре? Но и то уже составляет великий вред, что они тратят напрасно время и служат соблазном для других. Положим, что ты сам не терпишь никакого вреда от зрелищ; но ты возбуждаешь к ним охоту в другом. Да и возможно ли, чтобы ты сам не получал вреда, когда подаешь повод ко вреду другим? Ведь и чародей, и блудник, и блудница, и все эти дьявольские скопища вину своих действий возлагают на главу твою. Если бы не было зрителей, то не было бы и

тех, которые действуют на зрелищах; наоборот, раз есть зрители, то являются и действующие лица. Итак, хотя бы ты нимало не вредил своему целомудрию, – что впрочем, невозможно, – но ты жестоко будешь наказан за погибель других – как зрителей, так и тех, которые их увлекали на зрелища. Притом, ты еще более приобрел бы целомудрия, если бы не ходил туда. Если ты и ныне целомудрен, то был бы еще целомудреннее, если бы убегал этих зрелищ. Итак, оставим бесполезные споры, и не будем вымышлять безрассудных оправданий. Единственное оправдание состоит в том, чтобы избегать пещи вавилонской и удаляться египетской блудницы, хотя бы пришлось и нагим вырваться из рук ее. Поступая таким образом, мы будем наслаждаться великим удовольствием без всякого угрызения совести, и настоящую жизнь будем вести целомудренно, и сподобимся будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 38

[1] «В то время, продолжая речь, Иисус сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам; ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение». (Мф. 11:25–26)

[2] Изъяснение 11:25–30. Многообразие средств, употребленных Христом для возбуждения веры в иудеях. – Смирение делает человека достойным откровения. – Единосущие Сына с Отцом. – Невозможность полного познания Отца и Сына. – Смирение – мать всякого любомудрия. – Иго порока тяжелее ига добродетели. – Подтверждение этой истины примером людей, возлюбивших нищету, и богатых, незлобных и гневливых.

[3] 1. Смотри, сколько употребляет Он средств для того, чтобы возбудить в иудеях веру. Он, во-первых, побуждает их к ней похвалами Иоанну; изобразив его великим и достойным удивления, представляет достоверным и все то, чем он привлекал своих учеников к познанию Господа. Во-вторых, словами, что «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12); так свойственно говорить понуждающему, и возбуждающему. В-третьих, уверением, что все предсказания пророков исполнились; отсюда становилось ясным, что пророки предвозвещали о Нем. В-четвертых, уверением, что все то совершилось, чему совершиться от

Него надлежало, для чего предложил им и притчу о детях. В-пятых, тем, что порицал неверующих, поражал их страхом и великими угрозами. В шестых, тем, что благодарил за веровавших; слово: «славлю Тебя» здесь значит: благодарю. Благодарю, – говорил Он, – «что Ты утаил сие от мудрых и разумных». Что же? Ужели Он радуется о погибели и о том, что они этого не узнали? Никак. Но наилучший путь спасения состоит в том, чтобы презирающих предлагаемое учение и не хотящих принимать его не принуждать, чтобы, если они чрез призывание не оказались лучшими, но отпали и презрели его, самым их отвержением возбудить в них большее расположение к слову. Чрез это и внимающие должны были сделаться тщательнее. Откровение истин одним должно производить в них радость; напротив сокрытие их от других должно произвести в последних не радость, но плач. Так Он и поступает, когда плачет о граде. Итак, не беде чьей бы то ни было радуется, но тому, что утаенное от премудрых и разумных познали младенцы. Подобным образом и Павел, когда говорил: «Благодарение Богу, что вы, быв прежде рабами греха, от сердца стали послушны тому образу учения» (Рим. 6:17), не тому радуется, что они были рабами греху, но тому, что они, будучи таковыми, сподобились таких благ. Премудрыми же Господь именует здесь книжников и фарисеев, и говорит это для того, чтобы учеников Своих сделать более усердными и вместе показать этим премудрым, сколь великих рыбари удостоились благ, которых все они лишились. Называя же их мудрыми, говорит не о мудрости истинной и достохвальной, но о той, которую они приписывали своим силам. Потому и не говорит: *открыл* безумным, но: *младенцам*, то есть, непритворным, простым, и показывает, что фарисеи не

получили этих благ не потому только, что не были того достойны, но и лишились их по самой справедливости. А всем этим научает Он нас убегать гордости и ревновать о простоте. Потому и Павел, говоря о том же, пишет подробнее так: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым» (1Кор. 3:18). Так раскрывается благодать Божия! Но почему же Он благодарит Отца, когда Он сам это сотворил? Как Он молится и ходатайствует за нас пред Богом, показывая тем многую любовь к нам в ином месте, так поступает и здесь, и это исповедание исполнено великой Его любви. Этим показывает Он и то, что (фарисеи) не от Него только отпали, но и от Отца. Так Он сам наперед исполнил самым делом то, что сказал ученикам: «Не давайте святыни псам» (Мф. 7:6). Далее Он показывает вышесказанными словами и Свою первоначальную волю, и волю Отца; Свою – когда благодарит и радуется о совершившемся; волю Отца – когда показывает, что Отец это сделал не потому, что был умолен, но потому, что Сам по Себе восхотел. «Ибо таково, – говорит,– было Твое благоволение» , – то есть, так Тебе угодно было. А почему от них утаил? Послушай, что говорит на это Павел: «Усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией» (Рим. 10:3). Итак, подумай, каковым надлежало быть ученикам, слышащим это, когда они узнали то, чего не знали мудрые, и узнали по откровению Божию, будучи еще младенцами. Лука повествует, что Иисус возрадовался и сказал означенные слова в тот самый час, когда семьдесят учеников, пришедши, возвещали о повиновении им бесов; а это самое делало их не только ревностнейшими, но и располагало к большему смирению. Так как они могли удобно впасть в высокомудрие из-за того, что изгоняют

бесов, то Он тут же их и располагает к смирению, указывая на то, что победы их над бесами были следствием не собственного их тщания, а действием откровения.

4 2. Так и книжники, и премудрые, сами себя почитающие разумными, отпали по причине своей гордости. Итак, если по этой причине сокрыто от них то (что открыто младенцам), то и вы, – говорит, – бойтесь, и пребудьте младенцами, потому что как младенческое состояние соделало вас достойными откровения, так противное состояние лишило их последнего. Слова: «утаил еси» не означают того, чтобы Бог был причиною всего; но подобно тому как Павел, когда говорит: «Предал их Бог превратному уму» (Рим. 1:28), и ослепил помышления их, – не в том смысле говорит это, будто Бог производит такие действия, а относит это к людям, подающим к тому причину, в таком же точно смысле и здесь Христос говорит: «утаил еси». Далее, чтобы ты не подумал, что, когда Господь говорил: «Славлю Тебя..., что Ты утаил сие... и открыл то младенцам», сам по Себе не имел той же силы и не мог совершить того же, – так благодарит, говоря: «Все предано Мне Отцем Моим» (Мф. 11:27). И тем, которые радуются, что им повинуются бесы, говорит: чему вы удивляетесь, что бесы вам повинуются? Моя суть вся: «Все предано Мне». Когда же слышишь – «предано», не предполагай тут ничего человеческого. Это выражение не должно вести тебя к той мысли, будто два Бога нерожденных. А что Он родился и вместе есть Владыка всего, это видно из других многих мест.

5 Далее Он предлагает нечто еще более важное, и тем направляет твое разумение: «И никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына».

Незнающим кажется, что эти слова не зависят от предыдущих, между тем как они стоят с ними в тесной связи. Сказавши: «Все предано Мне Отцем Моим», Господь дает разуметь эти слова, говоря: чему тут дивиться, что Я Владыка всего, когда Я имею и нечто большее? Я знаю Отца, и единосущен Ему. И на это последнее указывает Он прикровенно, говоря, что Он один так Его знает, потому что слова: «Отца не знает никто, кроме Сына» – это и означают. И заметь, когда Он говорит это апостолам: тогда, когда они получили доказательства силы Его из самых дел, когда не чудодействующим Его только видели, но и сами во имя Его могли производит такие чудеса. Далее, так как он сказал раньше – «открыл то младенцам», (разумея Отца), то показывает, что и это Его же дело. «Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть». Не сказано: кому заповедует, или кому повелевает, но: «кому Сын хочет открыть». Сын же, открывая Отца, открывает и Себя. Но это последнее, как известное всем, оставляет, а первое предлагает подробнее; и везде так же поступает, когда например говорит: «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6). Этими словами Он научает и другому, именно объясняет, что Он во всем согласен и единомыслен со Отцем. Не только Я, говорит Он, не противлюсь и не враждую против Него, но никому невозможно и прийти к Нему, как только чрез Меня. Так как фарисеев вводило в соблазн в особенности то, что Он казался им противником Бога, то Он всеми мерами и опровергает эту мысль, и старается об этом не менее, чем и о знамениях, или еще и гораздо более. Когда же говорит: «Отца не знает никто, кроме Сына», не то разумеет, что все Его не познали, но что никто не имеет об Отце такого знания, какое имеет о Нем Сын. То же

можно сказать и о Сыне. Равным образом Он не разумеет здесь и какого-то неведомого Бога, который никому не открыл Себя, как утверждает Маркион, но прикровенным образом показывает невозможность полного о Нем познания, потому что мы и Сына не знаем так, как должно знать. То же самое показывает и Павел, говоря: «Отчасти знаем, и отчасти пророчествуем» (1Кор. 13:9). Потом, возбудив в них проповедью Своею расположение к Себе и показав им неизреченную Свою силу, призывает к Себе, говоря: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11:28). Не тот или другой приходи, но «придите» все, находящиеся в заботах, скорбях и грехах; «придите» не для того, чтобы Я подвергнул вас истязанию, но чтобы Я разрешил грехи ваши; «придите» не потому, что Я нуждаюсь в славе от вас, но потому, что мне нужно ваше спасение. Я, говорит, – «успокою вас». Он не сказал: спасу только; но, что еще гораздо важнее, поставлю вас в совершенной безопасности. «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф.11:29–30). Не бойтесь, говорит Он, услышав об иге: оно благо. Не страшитесь, услышав о бремени: оно легко. Как же Он прежде сказал: «Тесны врата и узок путь» (Мф. 7:14)? Когда будешь предаваться беспечности, когда будешь унывать. Если же исполнишь заповеданное, бремя будет легким; вот почему Он ныне таковым назвал его. И нам это можно исполнить? Если будешь смирен, кроток, скромен. Смирение есть мать всякого любомудрия. Вот почему, как при первоначальном изложении своих божественных законов начал Он со смирения, так и здесь то же делает, и притом обещает великое воздаяние. Не другим только полезен будешь, говорит Он, но прежде

всех и себя успокоишь: «Найдете, -:говорит,– покой душам вашим». Прежде будущего воздаяния Он дарует тебе воздаяние еще здесь, и награду предлагает, а тем самым, равно как и тем, что представляет в пример Себя самого, делает слово Свое весьма удобоприемлемым.

6 3. Чего ты боишься? говорит Он. Ужели ты, возлюбив смирение, будешь умален? Взирай на Меня и учись от Меня всему тому, что Я делаю: и тогда ясно узнаешь, какое великое благо смирение. Видишь ли, как всеми средствами Он побуждает их к смиренномудрию: то своими делами – «научитесь от Меня, ибо Я кроток»; то обещаемою им пользою – «найдете покой душам вашим»; то щедротами своими – «Я успокою вас»; то облегчением их ига – «иго Мое благо, и бремя Мое легко». Подобным образом и Павел убеждает, говоря: «Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу» (2Кор. 4:17). Но какое же это легкое бремя, скажешь ты, когда Господь говорит: «Кто … не возненавидит отца своего и матери» (Лк. 14:26), и – «кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10:38), и кто не отречется всего имения своего, «не может быть Моим учеником» (Лк. 14:27), и когда повелевает возненавидеть и самую душу? Пусть научит тебя Павел. «Кто отлучит нас от любви» Христовой? – говорит он: «Скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч» (Рим. 8:35)? И: «Ибо… нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим. 8:18). Пусть научат тебя и те, которые по получении многочисленных ран, возвращались из синедриона иудейского «радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» (Деян. 5:41). Если же ты еще боишься и содрогаешься,

слыша об иге и бремени, то этот страх не от свойства самой вещи, но от твоей лености. Если ты будешь иметь желание и решительность, то все будет для тебя удобно и легко. Потому и Христос, показывая, что и самим нам должно трудиться, не об одном приятном сказал, умолчав о прочем, – и не об одном также тяжком; но и то и другое поставил на вид. Именно, сказав об иге, назвал его благим; упомянув о бремени, присовокупил, что оно легко, – чтобы ты не бегал того, что кажется тяжким, и не пренебрегал тем, что кажется очень легким. Если же и после всего того добродетель представляется тебе тяжкою, то знай, что порок еще тягостнее. Это-то самое давая разуметь, Господь не прямо сказал: «Возьмите иго Мое», но наперед – «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные», показывая тем, что и грех тяжек, и бремя его не легко и не удобоносимо. Не сказал только: «труждающиеся», но: «обремененные». То же говорил и пророк, описывая свойство греха: «как тяжелое бремя отяготели на мне» (Пс. 37:5). И Захария, изображая грех, называет его талантом олова (Зах. 5:7). То же доказывает сам опыт. Ничто так не обременяет душу, ничто так не ослепляет мысль и не преклоняет долу, как сознание греха; напротив, ничто так не воскрыляет и не возносит горе душу, как приобретение правды и добродетели. Смотри, может ли что быть труднее того, как не иметь ничего? Или подставлять щеку? Не бить бьющего и умереть насильственною смертью? Но если мы исполнены любомудрием, то все это и легко, и удобно, и радостно. Но чтобы рассеять ваше недоумение, рассмотрим и тщательно исследуем каждую из только что указанных трудностей. Возьмем, если вам угодно, первую. Не иметь ничего для многих кажется тяжким. Но скажи мне, что более трудно, и тягостно: об одном ли чреве заботиться,

или обременяться бесчисленными заботами? Одной ли одеждой одеваться и не искать ничего более, или, обладая великим богатством, и день и ночь беспокоиться о его охране, бояться, трепетать, болезновать, и тщетно мучиться о том, чтобы моль не изъела имения, или раб не похитил его и не ушел? Впрочем, сколько бы я ни говорил, мое слово не изобразит того, что бывает на самом деле. Я поэтому желал бы, чтобы кто-нибудь из тех, которые достигли высоты любомудрия, предстал здесь пред нами, и тогда бы ты ясно уразумел, какое блаженство дает добродетель нестяжания, и как ни один бы из тех, которые возлюбили нестяжание, не восхотел богатеть, хотя бы представлялись к тому бесчисленные случаи. Но богатые, скажешь ты, решатся ли когда сделаться бедными и отречься от свойственных им забот? Что же в том? Это только признак их безумия и тяжкой болезни, а не доказательство того, что вещь сама по себе приятна.

[7] 4. А что это так, об этом нам могут засвидетельствовать сами богачи, которые ежедневно с плачем жалуются на свои заботы и жизнь свою считают не в жизнь. Не так напротив поступают возлюбившие нищету: они утешаются, торжествуют и хвалятся бедностью больше, нежели те, которые увенчаны диадемою. Равным образом и подставить щеку, если ты рассудителен, легче, нежели ударить другого, потому что здесь начинается брань, а там – оканчивается. Ударом ты в другом воспаляешь огонь, а терпением и свой пламень потушаешь. Но всякому известно, что лучше не быть палиму пламенем, нежели быть палиму. И если так бывает в рассуждении тела, то тем более – души. И что легче: подвизаться, или получать венец? Сражаться, или достигать почести? Обуреваться волнами, или войти в пристань? Вот почему даже и смерть бывает лучше жизни: та избавляет тебя от

бурь и опасностей, а эта поставляет тебя среди них и подвергает бесчисленным наветам и нуждам, из-за которых ты почтешь и жизнь не жизнью. Если же ты не веришь словам моим, послушай тех, которые видели лица мучеников, во время их подвигов, как они, будучи бичуемы и строгаемы, радовались и веселились; радовались даже лежа на сковородах, и веселились более, чем возлежащие на ложах, убранных цветами. Вот почему и Павел, пред тем как надлежало ему отойти отсюда и кончить жизнь насильственною смертью, говорил: «Радуюсь и сорадуюсь всем вам. О сем самом и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне» (Флп. 2:17–18). Видишь ли, с каким преизбытком веселия призывает всю вселенную в общение своей радости? Вот каким великим благом почитал он отшествие отсюда! Вот как вожделенною, любезною и благоутешною почитал он и самую страшную смерть! Впрочем, что иго добродетели и сладостно и легко, нужно в том увериться и из многого другого. Наконец, если угодно, рассмотрим и тяжесть греха. Для этого представим лихоимцев, корчемников, бесстыдных торжников и заимодавцев. Может ли что быть обременительнее такой торговли? Сколько печали, сколько забот, сколько оскорблений, сколько опасностей, сколько наветов и неприязней происходит всякий день от таких приобретений! Сколько волнений и смятений! Как никогда нельзя видеть море без волн, так и такую душу без попечения, без скорби, без страха, без смущения; за первыми следуют другие, их в свою очередь сменяют третьи – и не успеют еще утихнуть последние, как вздымаются новые.

8 Хочешь ли знать души бранливых и гневливых? Что может быть хуже того мучения, тех язв, которые они носят внутри себя, той печи, которая всегда горит, и того

пламени, который никогда не угасает? Хочешь ли знать плотоугодников и привязанных к настоящей жизни? Что может быть тягостнее этого рабства? Ведут они жизнь Каинову, находясь в непрестанном трепете и страхе; и, по кончине кого-либо из своих сродников, более о своей кончине, нежели о них плачут. Также, что беспокойнее и безумнее гордых? «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим». Незлобие есть мать всякого добра. Итак, не устрашайся и не убегай от ига, которое облегчает тебя от всех этих зол; но со всею готовностью покорись ему, и тогда ясно уразумеешь его сладость. Оно не отягчит твоей выи и возлагается на тебя для одного благоприличия, чтобы научить тебя шествовать правой стезею, поставить тебя на царском пути, избавить от стремнин, там и здесь находящихся, и таким образом приучить тебя с легкостью совершать тесный путь. Итак, если это иго доставляет нам столь великие блага, такую безопасность, такое веселье, то будем носить его от всей души, со всем тщанием, чтобы и здесь обрести покой душам своим, и сподобиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 39

[1] «В то время проходил Иисус в субботу засеянными полями; ученики же Его взалкали и начали срывать колосья и есть». (Мф. 12:1)

[2] Изъяснение 12:1–8. Христос не нарушал субботы без причины. – Как защищает Он учеников от обвинения их фарисеями в нарушении субботы. – Цель ветхозаветного закона о субботе. – Бесполезность его в новом завете. – Истинный праздник состоит в удалении от всякого зла. – Благодать делает легким исполнение заповедей, когда мы прилагаем и собственное старание.

[3] 1. А Лука говорит: «В субботу, первую по втором дне Пасхи» (Лк. 6:1). Что же значит «В субботу, первую по втором дне Пасхи» (в оригинале – суббота второпервая)? То, когда случалось двойное празднование – и субботы Господней, и другого, последующего праздника; иудеи каждый праздник называют субботою. И почему Он, все предвидя, привел их туда, как не потому, что хотел разрешить субботу? Он того хотел, но не просто. Вот почему Он никогда не нарушает субботы без причины, а только представляет благовидные к тому случаи, чтобы и закону положить конец и иудеев не оскорбить. Бывают, впрочем, случаи, при которых Он нарушает субботу независимо от обстоятельств; так, когда помазывает брением очи слепому, и когда говорит: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» (Ин. 5:17). А поступает Он таким

образом для того, чтобы в последнем случае прославить Отца Своего, а в первом – вразумить слабых иудеев. Так Он и здесь поступает, применяясь к потребностям природы. Явных грехов ни в каком случае нельзя защищать. Так, ни убийца не может представить в оправдание свое обладавшей им ярости, ни любодей – похоти или другой какой-либо причины. Здесь же, представляя в оправдание голод, Спаситель освободил учеников от всякого обвинения. Но ты лучше подивись ученикам, которые столько были воздержны, что вовсе не имели попечения о вещах телесных, но мимоходом приобщались телесной трапезы, и несмотря на то, что истаивали всегдашним голодом, не отступали от Христа. Если бы, ведь, не сильный голод вынуждал их, они бы так не поступили. Что же фарисеи? «Фарисеи, увидев это, – сказано,– сказали Ему: вот, ученики Твои делают, чего не должно делать в субботу» (Мф. 12:2). Здесь они не очень жестоки. Хотя и можно им быть таковыми, но они не сильно раздражаются, а обвиняют просто. Когда же Господь велел протянуть сухую руку и исцелил ее, тогда они так рассвирепели, что приняли даже намерение погубить и умертвить Его. Там, где ничего не происходит великого и достославного, они молчат; но где видят спасение кого-нибудь, ожесточаются, возмущаются и приходят в крайнее неистовство. Так для них ненавистно спасение человеческое! Как же защищает учеников Своих Иисус? «Разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? как он вошел в дом Божий и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам» (Мф. 12:3,4)? Так, когда Он защищает учеников, то приводит в пример Давида; а когда говорит о Себе, представляет Отца. И смотри как сильно: «Разве вы

не читали, что сделал Давид»? Пророк этот в великой был славе. Потому-то и Петр впоследствии, защищаясь пред иудеями, так говорил: «Да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что он и умер и погребен» (Деян. 2:29). Почему же Христос, именуя его, не упоминает о его достоинстве ни в настоящем случае, ни после? Вероятно потому, что Он от него происходил. Если бы фарисеи были добрых чувствований, то Он указал бы им на голод, которым ученики томились; но так как они были нечестивы и бесчеловечны, то Он приводит им на память историческое событие. Марк, говоря, что это случилось при первосвященнике Авиафаре (Мк. 2:26), не противоречит истории, но показывает только, что он имел два названия, причем присовокупляет, что он дал Давиду хлебы предложения, показывая и этим, какое великое оправдание имел последний, если и сам священник позволил, и не только позволил, но и действовал в этом случае. Не говори мне, что Давид был пророк. И это не давало ему права есть, потому что такое преимущество имели только священники; потому и сказано: «только одним священникам». Пусть Давид был и преславный пророк, но он не был священник. Если же он был и пророк, то не были таковыми бывшие с ним. А между тем архиерей дал хлебы и им. Итак, что же? Апостолы равны ли Давиду? Но что ты мне говоришь о достоинстве там, где дело идет по видимому о нарушении закона, хотя бы к тому и вынуждала необходимость природы? И этим-то Господь особенно и защитил Своих учеников от порицаний фарисейских, когда представил в пример большего, нежели они, пророка, который сделал то же самое.

[4] 2. Но как это, скажете, можно приложить к нашему предмету? Ведь Давид не нарушил субботы. Ты мне предлагаешь нечто важнейшее, что особенно показывает премудрость Христову; именно то, что Он, перестав говорить о субботе, указывает на предмет важнейший, нежели суббота. В самом деле, нарушить день и приобщиться той священной трапезе, которой никому нельзя было приобщаться, – не одинаково важно. Суббота часто была нарушаема, да и всегда нарушается, и при совершении обрезания, и во многих других случаях; то же можно видеть и при взятии Иерихона (Нав. 6:4); между тем указанное приобщение священной трапезе произошло только при Давиде. Таким образом Христос побеждает, приводя важнейшие примеры. Почему же никто не обвинял Давида, тогда как к обвинению его был и другой еще повод, более важный, нежели этот, – тот именно, что избиение священников произошло по данному случаю. Но Христос не упоминает об этом, а останавливается только в данном предмете. Далее Он объясняет празднование субботы и иным образом. Сперва Он привел в пример Давида, чтобы уничтожить гордость их достоинством самого лица. Когда же посрамил и унизил их высокомерие, тогда разрешает спор о субботе решительнее. Как же? Или не знаете, яко во храме «священники в храме нарушают субботу, однако невиновны» (Мф. 12:5)? Там, говорит Он, известное обстоятельство послужило случаем к нарушению субботы, а здесь она нарушается независимо от обстоятельств. Не непосредственно так Он разрешил вопрос, но сначала представляет нарушение субботы, как нечто допустимое, а потом уже настоятельно показывает справедливость его. Сильнейшее доказательство нужно было поставить после, хотя и первое имело свою силу. Не

говори мне, что привести в пример кого-либо впадшего в грех не значит быть свободным от обвинения в подобном грехе. Когда учинившего какой-либо проступок не обличают, то такой поступок уже служит к оправданию по закону. Впрочем, Господь, не удовольствовавшись и этим, возражает сильнее, говоря, что поступок учеников Его совсем не грех. В особенности же Он победил фарисеев тем, что показывая Себя упразднителем закона, оправдывал учеников двояким образом – указывая и на место и на субботу, и даже трояким, поскольку действие заключало два обстоятельства и, сверх того, иное по отношению к священникам, и, что еще важнее, не вменялось им то даже в грех, – сказано: «однако невиновны». Видишь ли, сколько обстоятельств Он привел? Место, – потому что это происходило, говорит Он, во храме; лицо, – потому что то были священники; время, – потому что то было в субботу; самое дело, – потому что они сквернят. Не сказал – нарушают; но сказал сильнее: сквернят. Наконец Господь присовокупил и то, что они не только не подвергаются за то казни, но свободны и от осуждения. «Однако невиновны», говорит Он. Но не думайте, чтобы поступок Давида равнялся действиям священников: то учинено однажды и не священником и по нужде, почему Давид и бывшие с ним и были достойны прощения; это, напротив, совершается и каждую субботу, и священниками, и во храме, и по закону. Потому они не только по снисхождению, но и по закону не подлежат обвинению. И не в обвинение их так говорю, говорит Господь, и не по снисхождению, освобождая их от вины; но по закону правды. По-видимому, Он оправдывает священников, но вместе с этим освобождает от обвинений и Своих учеников. Когда говорит Он: неповинны священники, то не более ли ученики? Они не

священники? Но они и священников больше. Здесь находится сам Господь святилища – Истина, а не образ. Потому и говорил Он: «Но говорю вам, что здесь Тот, Кто больше храма» (Мф.12:6). И фарисеи, несмотря на то, что слышали такие важные слова, ничего не отвечали, так как предлагаемое учение не касалось спасения человека. Затем, так как учение это слушателям казалось тяжким, тотчас Господь прикрыл его, опять оправдывая учеников словом Своим, а фарисеев обличая, говоря так: «Если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невиновных» (Мф.12:7). Видишь ли, как Он опять защищает учеников словом Своим и вместе с тем показывает, что для них вовсе не нужно оправдание? «То не осудили бы, – говорит Он,– невиновных»; а теперь то же самое прилагает к ученикам Своим. Впрочем, и это говорит не столько от Себя, сколько заимствует от закона, – Он привел пророческое слово.

[5] 3. Далее указывает и другую причину: «Ибо Сын Человеческий есть господин и субботы» (Мф.12:8), – говоря это о Себе Самом. Марк же говорит, что Он сказал это, применяясь и вообще к природе человеческой. Он говорил: «Суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк. 2:27). Но почему же наказан был собиравший дрова в субботу (Числ. 15 и далее)? Потому что законы, пренебреженные в самом начале, едва ли бы впоследствии времени были соблюдаемы. Многую и великую пользу вначале приносила суббота; например, делала людей кроткими, человеколюбивыми к ближним; приводила их к познанию Промысла и управления Божия и, мало-помалу, как говорит Иезекииль, научала их удаляться от зла и располагала к предметам духовным (Иез. 20). Если бы положивший закон о субботе сказал им: делайте доброе в субботу, а злого не делайте, они не

удержались бы и от зла. Поэтому и предписан общий закон: не делайте ничего. Впрочем, они не удержались, не смотря и на это. Таким образом, сам Законодатель, предписывая закон о субботе, прикровенным образом указывал на то, чтобы они сообразно с Его волею удалялись (в этот день) от худых только дел. Не делайте, сказано, ничего, «только что есть каждому» (Исх. 12:16). Между тем во святилище было совершаемо все, и даже с большим тщанием и с двойным старанием. Так Господь открывал им истину и самою сению. Итак, столь великое благо, скажешь, Христос разрушил? Никак; но еще более умножил. Настало для них время научиться всему посредством возвышеннейших предметов, и уже не было нужды связывать руки того, кто, освободившись от злобы, стремится ко всему доброму; уже не было нужды научаться из закона, что Бог сотворил все; уже не было нужды быть кроткими по силе закона тем, которые призываются к подражанию благости Божией. «Будьте, – говорит Он,– милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6:36). Уже не было надобности один день праздновать тем, которым всю жизнь повелено праздновать. «Посему станем праздновать, – сказано, – не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины» (1Кор. 5:8). Уже нет нужды стоять у ковчега и золотого жертвенника тем, которые имеют в себе самого Владыку всяческих и вступают в общение с Ним всеми способами – и молитвою, и приношениями, и писаниями, и милостынею, и ношением Его внутри себя. Итак, какая надобность в субботе тому, кто всегда празднует и живет на небе? Будем же праздновать непрестанно, удалясь от всякого зла. В этом-то и состоит истинный праздник. Будем устремляться к предметам духовным, оставя земные, и праздновать празднованием

духовным, руки удерживая от любостяжания, тело освобождая от излишних и бесполезных трудов, каковыми обременяем был некогда народ еврейский в Египте. Мы, приобретая золото, ничем не различаемся от тех, которые копали глину, делали кирпичи, собирали солому и были мучимы. И ныне дьявол принуждает делать кирпичи, как некогда фараон. В самом деле, что такое золото, как не брение? И что такое серебро, как не солома? Наподобие соломы воспламеняет огонь вожделения, и золото подобно глине оскверняет обладающего им. Вот почему Господь послал нам не Моисея из пустыни Египетской, но Сына Своего с небес. Итак, если ты и по пришествии Его пребудешь в Египте, то пострадаешь так же, как египтяне; если же, оставивши Египет, выйдешь вместе с духовным Израилем, то узришь все чудеса.

[6] 4. Впрочем, и этого еще недовольно ко спасению: нужно не только выйти из Египта, но и войти в землю обетованную. И иудеи, хотя, как говорит Павел, и море Чермное перешли, и манну ели, и пиво духовное пили, однако все погибли (1Кор. 10:1, 3–4). Итак, чтобы и нам тому же не подвергнуться, не станем медлить и назад обращаться. Но если услышишь и ныне лукавых соглядатаев, злословящих тесный и прискорбный путь, и говорящих то же, что некогда говорили те соглядатаи, подражай не толпе народа, но Иисусу и Халеву, сыну Иефониеву, и не отступай, доколе не получишь обетования и взойдешь на небо. Не почитай путешествия трудным. «Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом..., то тем более, примирившись, спасемся» (Рим. 5:10). Тесен и прискорбен, скажешь, путь этот? Но прежний путь, которым ты шел, не только тесен и прискорбен, но и непроходим и исполнен лютых зверей. И как не было бы возможности пройти Чермное море, если

бы не произошло там чуда, так не было бы возможности и проводившим плотскую жизнь взойти на небо, если бы не дано было в посредство к этому крещение. Если же невозможное сделалось возможным, то тем более трудное будет легким.

7 Но то, скажешь, было действием одной благодати. Но потому-то особенно тебе и следует подвизаться. Если там, где была одна только благодать, она совершила действие, то не совершит ли она тем более в том случае, когда присоединишь к ней еще и свои труды? Если она спасла недействующего, то не поможет ли тем более действующему? Выше я говорил, что ты, смотря на невозможное (и однако, совершившееся), должен дерзать против всех препятствий; а теперь говорю, что если мы станем бодрствовать, то и препятствия не затруднят нас. Смотри: смерть попрана, дьявол низложен, закон греха упразднен, благодать Духа дарована, жизнь сокращена, бремена ослаблены. Познай это и из самого опыта; смотри, сколько таких людей, которые сделали больше, нежели сколько Христос повелел, а ты боишься не выполнить и меры повеленного. Итак, какое ты будешь иметь оправдание, когда ленишься совершить и законное, тогда как другие устремляются далее цели? Тебе мы советуем подавать милостыню от имений своих, а другой отвергся всего ему принадлежавшего. Тебя мы умоляем целомудренно жить с женою, а иной не вступал и в брак. Тебя мы просим не быть завистливым, а иной самую душу полагает из любви к ближним. Тебя мы просим быть снисходительным и кротким к согрешающим против тебя, а иной, будучи ударяем по ланите, подставляет и другую. Что мы скажем, скажи мне? Как станем отвечать, не делая и того, в чем нас другие столько превосходят? Но они не превосходили бы, если бы дело не было весьма

легким. Кто сохнет: завидующий ли счастью других, или веселящийся и радующийся о нем? Кто всего опасается и непрестанно страшится: целомудренный, или прелюбодей? Кто с доброю надеждою веселится: похищающий, или милующий и подающий от своего имущества нуждающемуся? Итак, помышляя об этом, не станем ослабевать на пути добродетели, но со всяким рвением приступим к достохвальным подвигам, потрудимся здесь краткое время, чтобы получить вечные и неувядаемые венцы, которых и да сподобимся все мы получить, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 40

[1] «И, отойдя оттуда, вошел Он в синагогу их. И вот, там был человек, имеющий сухую руку». (Мф. 12:9–10)

[2] Изъяснение 12:9–24. Милосердие Господа и бесчеловечие и злоба иудеев. – Благодеяния, оказываемые Христом, особенно возбуждали против Него ненависть иудеев. – Зависть – худшее из зол. – Средства освобождения от зависти: сознание великой греховности ее, причиняемого ею вреда самому завидующему и ничтожества внешних преимуществ, возбуждающих зависть.

[3] 1. Опять Христос в субботу исцеляет, и тем оправдывает поступки учеников Своих. Другие евангелисты говорят, что Он вызвал человека на средину и вопрошал иудеев, можно ли в субботу делать *добро* (Мк. 3:4; Лк. 6:9)? Заметь милосердие Господа. Он вызвал человека на средину, чтобы смягчить их видом его; чтобы они, тронувшись этим зрелищем, оставили злобу свою и, устыдившись человека, перестали свирепствовать. Но неукротимые и бесчеловечные лучше хотят помрачить славу Христову, нежели видеть больного исцеленным, сугубо показывают злобу свою, т. е. враждою и сопротивлением Христу и таким упорством против Него, что хулили даже Его благодеяния, оказываемые другим. Другие евангелисты говорят, что Христос сам вопросил; а Матфей, говорит, что Его вопрошали. «И спросили

Иисуса, – говорит он,– чтобы обвинить Его: можно ли исцелять в субботы?». Вероятно, и то и другое было. Иудеи, будучи нечестивы, и зная, что Он непременно приступит к исцелению, спешили предупредить Его вопросом, надеясь тем воспрепятствовать Ему. Потому и вопрошали: «Можно ли исцелять в субботы?», с намерением не научиться от Него, но обвинить Его. Хотя довольно было самого дела для обвинения, но они старались уловить Его и в словах, чтобы иметь больше предлогов к обвинению. Но Человеколюбец и исцеление совершает, и ответствует, научая нас скромности и кротости, и обращает все против них, показывая их бесчеловечие. Он вызывает человека на средину не потому, чтобы их боялся, но желая принести пользу и расположить к состраданию. А когда и этим не мог смягчить их, тогда опечалился, говорит евангелист (Мк. 3:5), и разгневался на них за ожесточение сердца их, и сказал: «кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит? Сколько же лучше человек овцы! Итак можно в субботы делать добро» (Мф. 12:11–12). Вразумляет их этим примером, чтоб они оставили свое бесстыдство, и не обвиняли Его опять в преступлении. Но смотри, как различно и пристойно везде Христос защищает нарушение субботы. Когда Он сделал брение для слепого, то не защищался пред ними, хотя и тогда обвиняли Его, потому что самый образ чудотворения достаточно показывал в Нем Владыку закона. Когда ж обвинили Его за исцеление расслабленного, понесшего одр, то Он оправдывается и как Бог, и как человек. Оправдывается как человек, когда говорит: «Если в субботу принимает человек обрезание, чтобы не был нарушен закон Моисеев», – (не сказал – да получит пользу человек), то для чего «на Меня…

негодуете за то, что Я всего человека исцелил в субботу?» (Ин. 7:23)? Оправдывается как Бог, говоря: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» (Ин. 5:17). Будучи же обвиняем за учеников, отвечает: «Разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? как он вошел в дом Божий и ел хлебы предложения» (Мф. 12:3–4)? И представляет в пример священников. Так и здесь говорит: «Должно ли в субботу добро делать, или зло делать? душу спасти, или погубить? кто из вас, имея одну овцу» (Мк. 3:4–5)? Он знал, что они больше корыстолюбивы, нежели человеколюбивы. А другой евангелист говорит, что Христос, предлагая этот вопрос, взглянул на них, чтобы и самым взором смягчить их; но и от того они не сделались лучшими. Здесь Он совершает чудо одним словом, а во многих других случаях исцеляет и возложением рук. Впрочем, ни то, ни другое не сделало их кроткими; но тогда как человек получал здравие, они от исцеления его делались только худшими. Он прежде сухорукого хотел уврачевать их, и употребил бесчисленные средства врачевания – и прежние дела, и слова; но так как болезнь их была неизлечима, то Он приступил к самому делу. «Тогда говорит человеку тому: протяни руку твою. И он протянул, и стала она здорова, как другая» (Мф. 12:13). Что ж делают иудеи? Выходят, говорит евангелист, и советуются, как бы убить Его. «Фарисеи же, выйдя, имели совещание против Него, как бы погубить Его» (Мф. 12:14). Не будучи ничем обижены, они хотели убить Его.

[4] 2. Вот какое зло – зависть! Не только против чужих, но и против своих – всегда враждует. Марк говорит, что они умыслили это с иродианами (Мк. 3:6). Что ж делает тихий и кроткий Иисус? Узнавши об этом, Он удаляется: «Иисус, узнав» помышления их, «удалился оттуда» (Мф. 12:14).

Итак, где говорящие, что надлежало быть знамениям? Он показал чрез это, что ожесточенный человек не убеждается и знамениями, а вместе дал разуметь, что напрасно обвиняли и учеников Его. Но достойно замечания то, что иудеи особенно ожесточались благодеяниями, оказываемыми ближнему, и более обвиняли Христа и разъярялись против Него, когда видели кого-либо избавленным от болезни или от греха. Так они клеветали на Него, когда Он хотел спасти блудницу, когда ел с мытарями, и в настоящем также случае, когда увидели исцеленную руку. Но смотри, как Он и не перестает пещись о немощных, и вместе укрощает зависть иудеев. «И последовало за Ним множество народа, и Он исцелил их всех и запретил им объявлять о Нем» (Мф. 12:15–16). Народ везде удивляется Ему, и следует за Ним; а фарисеи не оставляют своей злобы. Потом, чтобы ты не изумился, слыша о происшедшем и о чрезвычайном их неистовстве, евангелист, приводит пророка, предсказавшего об этом. Пророки с такой подробностью предсказали все о Христе, что и этого не опустили, но описали все Его пути и переходы, даже самое намерение, с каким Он делал это, чтобы ты знал, что они все говорили по внушении Духа. Если нельзя знать тайны человеческие, то тем более невозможно было постигнуть целей Христовых без откровений от Духа. Итак, евангелист присоединяет здесь сказанное пророком, говоря: «Да сбудется реченное через пророка Исаию, который говорит: Се, Отрок Мой, Которого Я избрал, Возлюбленный Мой, Которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд; не воспрекословит, не возопиет, и никто не услышит на улицах голоса Его; трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит, доколе не доставит суду

победы; и на имя Его будут уповать народы» (Мф. 12:17–21). Пророк прославляет кротость и неизреченное могущество Христово, отверзает великую и широкую дверь язычникам, предрекает несчастия, имеющие постигнуть иудеев, и показывает единомыслие Христа с Отцом. «Се, – говорит, – Отрок Мой, Которого Я избрал, Возлюбленный Мой, Которому благоволит душа Моя». Если Христос избран Богом, то Он нарушает закон не как противник, или враг Законодателя, но как согласно с Ним мыслящий и поступающий. Далее, возвещая о кротости Его, говорит: «не воспрекословит, не возопиет». Христос желал исцелить их больных; но когда они отвергли Его, то Он и в этом не противодействовал им. Далее, показывая Его силу, а их слабость, говорит: «трости надломленной не переломит», – а Христу легко было сокрушить их всех, как трость, и притом уже надломленную. «И льна курящегося не угасит». Здесь пророк изображает воспламенившийся гнев иудеев и силу Христову, могущую укротить этот их гнев и весьма легко погасить его. А это показывает великую Его кротость. Что же? Всегда так будет? И Он до конца будет терпеть злоумышляющих и неистовствующих против Него? Нет! Когда Он совершит Свое дело, тогда и начнет наказывать. Это-то и выражается словами: «доколе не доставит суду победы; и на имя Его будут уповать народы». Подобным образом и Павел говорит: будучи готовы «наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится» (2Кор. 10:6). Что же значат слова: «доколе не доставит суду победы»? Когда совершит все Свои дела, тогда совершит месть, и месть полную; тогда они подвергнутся несчастиям, когда Он воздвигнет блистательный трофей; когда Его правда восторжествует над ними и не оставит им даже предлога к бесстыдному противоречию. Писание

обыкновенно правду называет судом. Но дела божественного домостроительства не ограничатся только наказанием неверных; напротив, Господь еще привлечет к Себе весь мир, почему и присовокуплено: «и на имя Его будут уповать народы». Но чтобы ты знал, что и это согласно с волею Отца, пророк в самом начале и это вместе с предыдущим подтвердил словами: «Возлюбленный Мой, Которому благоволит душа Моя». Возлюбленный, очевидно, делает и это по воле Возлюбившего. «Тогда привели к Нему бесноватого слепого и немого; и исцелил его, так что слепой и немой стал и говорить и видеть» (Мф. 12:22).

[5] 3. О, злость дьявольская! Заградила оба входа, чрез которые этот человек мог получить веру, – зрение и слух. Но Христос отверз тот и другой. «И дивился весь народ и говорил: не это ли Христос, сын Давидов? Фарисеи же, услышав [сие], сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как [силою] веельзевула, князя бесовского» (Мф. 12:23–24). Казалось бы, что важного сказал народ? Однако фарисеи и того не перенесли. Так они, как заметил я выше, всегда мучатся благодеяниями, оказанными ближним, и ничто их так не огорчает, как спасение людей. Хотя Христос удалился и дал успокоиться их гневу, но зло опять воспламенилось, как скоро новое оказано благодеяние, и фарисеи досадовали более дьявола. Тот вышел из тела, пошел и убежал, ничего не говоря; а они то покушаются умертвить Его, то стараются оклеветать; когда не удалось им сделать первого, то хотят помрачить Его славу. Такова-то зависть! Нет зла хуже ее. Блудник, например, по крайней мере получает некоторое удовольствие, и в короткое время совершает свой грех; а завистливый мучит и терзает себя прежде того, кому завидует, и никогда не оставляет своего греха, но всегда остается в

нем. Свинья любит валяться в грязи, демоны – вредить нам; так и завистливый радуется несчастию ближнего. Когда случится с ближним что-либо неприятное, тогда он покоен и весел, почитая чужие несчастия своим счастьем, а благополучие других своим злополучием и ищет не того, что ему могло бы быть приятно, но того, что ближнего может опечалить. Такие люди недостойны ли того, чтобы побить их камнями и замучить, как бешеных собак, как злобных демонов, как самих фурий? Как жуки питаются навозом, так и они, будучи некоторым образом общими врагами и противниками природы, находят для себя пищу в несчастиях других. Другие жалеют и бессловесное животное, когда его убивают, а ты неистовствуешь, дрожишь и бледнеешь, видя человека благополучным. Может ли быть что хуже такого бешенства? Вот почему блудники и мытари могли войти в царствие Божие, а завистники, находившиеся внутри его, выгнаны, по словам Спасителя: «А сыны царства извержены будут» (Мф. 8:12). Первые, освободившись от своих пороков, получили то, чего никогда и не ожидали; последние лишились и тех благ, какие имели. Да и совершенно справедливо. Зависть превращает человека в дьявола, и делает его лютым демоном. От нее произошло первое убийство, от нее презрена природа, от нее осквернена земля, от нее впоследствии разверзшеюся землею поглощены живые Дафан, Корей и Авирон и погиб весь тот народ. Но, может быть, кто-нибудь скажет: порицать зависть легко; а надобно позаботиться о том, как избавиться от этой болезни. Как же можем мы освободиться от этого порока? Когда помыслим, что входить в Церковь не позволено как блуднику, так и завистнику, и притом гораздо более последнему, нежели первому. А ныне зависть не считают и пороком, почему и

не заботятся избавиться от нее; но если откроется, что она зло, то легко оставим ее. Итак, плачь и стенай, рыдай и моли Бога; научись относиться к ней, как к тяжкому греху, и каяться в нем. Если так поступишь, то вскоре исцелишься от этого недуга. Но кто ж не знает, скажешь, что зависть есть порок? Правда, всякий знает это, но не всякий страсть эту ставит наряду с блудом и прелюбодеянием. Осуждал ли кто себя когда-нибудь за то, что предавался жестокой зависти, умолял ли когда Бога, чтобы помиловал его за этот недуг? Никто никогда. Напротив, обладаемый гнуснейшею из всех страстью, если постился и дал нищему мелкую монету, то думает, что он ничего худого не сделал, хотя бы тысячекратно завидовал. Отчего сделался таким преступником Каин, отчего Исав, отчего дети Лавановы, отчего сыны Иакова, отчего Корей, Дафан и Авирон с соумышленниками, отчего Мариам, отчего Аарон, отчего сам дьявол?

[6] 4. Вместе с тем представь и то, что ты не тому наносишь вред, кому завидуешь, а поражаешь мечом себя самого. В самом деле, какое зло причинил Авелю Каин? Ему против воли ускорил вход в царствие, а себя подверг бесчисленным бедствиям. Какой вред нанес Иакову Исав? Тот не обогатился ли и не наслаждался ли бесчисленными благами, а этот, после злоумышления своего, не принужден ли был выйти из дома родительского и скитаться в стране чужой? Что худого сделали Иосифу сыновья Иаковлевы, хотя едва не пролили крови? Не претерпели ли они голода и не были ли в крайнем бедствии, тогда как тот сделался царем всего Египта? Чем больше завидуешь, тем большие блага доставляешь тому, кому завидуешь. Бог за всем смотрит, и когда видит обиженным не обижающего, то его еще более возвышает и прославляет, а тебя наказывает. Если

Он не оставляет без наказания тех, которые радуются несчастию своих врагов, как-то сказано: «Не радуйся, когда упадет враг твой… увидит Господь, и неугодно будет это в очах Его» (Притч. 24:17–18), то тем более не оставит без наказания завидующих не причинившим им никакого вреда. Итак, отсечем от себя зверя многоглавого: много ведь видов зависти. Если любящий любящего его не имеет никакого преимущества пред мытарем, то где станет ненавидящий ничем не обидевшего его? Как избежит геенны, сделавшись хуже язычников? Жестоко болезную о том, что мы, обязанные подражать ангелам и даже Владыке ангелов, ревнуем дьяволу. Много зависти есть ведь и в церкви, и более в нас, нежели в управляемых нами, – почему и мы сами имеем нужду в увещании. За что, скажи мне, завидуешь ты ближнему? За то ли, что его уважают и хорошо говорят об нем? Но ты не представляешь себе, сколько зла приносят почести беспечным? Таких людей они доводят до тщеславия, до гордости, до надменности, до высокоумия, делают нерадивейшими, а сверх этих зол еще и скоро они увядают, и, что всего хуже, – происходящее от них зло навсегда остается, а удовольствие, лишь только появится, как и отлетает. Итак, из-за этого ты завидуешь, скажи мне? Но тот, кому ты завидуешь, в большей доверенности у начальника, делает все, что хочет, мстит оскорбляющим его, благодетельствует льстецам и имеет великую силу. Так говорить свойственно людям мирским, прикованным к земле. Духовного человека ничто огорчить не может. Какое в самом деле тот ему сделает зло? Лишит ли его сана? Что же? Если справедливо, то еще доставит ему пользу. Ничто, ведь, так не раздражает Бога, как священнослужение недостойное. Если же несправедливо, то осуждение опять падает не на него, а на самого

обидчика. Кто страдает несправедливо и переносит великодушно, тот приобретает чрез это большее дерзновение у Бога. Итак, будем заботиться не о том, чтобы достигнуть могущества, почестей и власти, но о том, чтобы отличиться добродетелью и любомудрием. Власть побуждает делать многое, Богу неугодное, и надобно иметь очень мужественную душу, чтобы пользоваться властью, как следует. Тот, кто лишен власти, волею и неволею любомудрствует; а облеченный ею терпит то же, что и человек, который, живя с хорошею и красивою девицею, обязался никогда не посмотреть на нее с вожделением. Такова власть! Вот почему она даже против воли делает многих обидчиками, у многих возбуждает гнев, снимает узду с языка и отворяет двери уст, как бы ветром раздувая душу, и как ладью погружая ее в самую глубину зол. Итак, что же ты дивишься человеку, находящемуся в такой опасности, и называешь его счастливым? Какое безумие! Кроме того, подумай еще и о том, сколько врагов и клеветников, сколько ласкателей как бы держат его в осаде. Такое ли состояние, скажи мне, можно назвать блаженным? И кто назовет? Но такой человек в славе у народа, скажешь ты? Что ж? Народ – не Бог, Которому он должен дать отчет. Поэтому, указывая на народ, ты говоришь только о новых отмелях, подводных камнях, скалах и утесах. Уважение народное, чем более оно делает знаменитым, тем с большими соединено опасностями, заботами и печалями. Такой человек, имея столь жестокого господина, совсем не может отдохнуть или приостановиться. Что я говорю – приостановиться или отдохнуть? Такой, имея и тысячи заслуг, с трудом входит в царство. Поистине, ничто столько не унижает людей, как слава народная, делающая их боязливыми, подлыми, льстецами и лицемерами.

Почему, например, фарисеи называли Христа беснующимся? Не потому ли, что желали народной славы? Почему народ произносил правильное об Нем мнение? Не потому ли, что Он не страдал этой болезнью? Ничто, истинно ничто так не делает людей законопреступными и несмысленными, как желание славы народной. Равным образом ничто так не делает славными и мужественными, как презрение ее. Потому и надобно иметь чрезвычайно мужественную душу тому, кто хочет противостоять такой буре, силе ветра. Любящий славу, когда он находится в счастливых обстоятельствах, ставит себя превыше всех, а когда в несчастных, то готов сам себя зарыть в землю. Это для него и геенна и царство, когда он поглощен этой страстью.

[7] 5. Итак, скажи мне, достойно ли это зависти? Напротив, не достойно ли рыданий и слез? Это для всякого очевидно. Завидуя имеющему такую славу, ты поступаешь подобно тому, кто, увидев связанного, наказываемого бичами и влекомого бесчисленными зверями, завидует его ранам и язвам. Поистине, сколько людей в народе, столько и для честолюбца уз, столько владык, и что всего хуже, каждый из них имеет свое особое мнение и всякий дает о служащем приговор, какой случится, ничего не разбирая; а что вздумает один или двое, то и все утверждают. Не ужаснее ли это всякого волнения, всякой бури? Ищущий славы то вдруг от радости поднимается вверх, то снова легко погружается, бывает всегда в тревоге, и никогда в покое. Еще не выходя на зрелище, и готовясь произнести речь, он беспокоится и трепещет, а после зрелища или умирает от уныния, или, опять, предается безмерной радости, – что хуже самой печали. А что радость не менее пагубна, чем печаль, это очевидно из ее действия на душу. Радость делает душу

легкомысленною, надменною и непостоянною. Это можно видеть и на древних мужах. Когда, например, Давид был добр: тогда ли, когда радовался, или когда был в тесных обстоятельствах? Иудейский народ, когда был добродетелен: тогда ли, когда стенал и призывал Бога, или когда в пустыне радовался и поклонялся тельцу? Потому-то и Соломон, знавший лучше всех, что такое радость, говорит: «Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира» (Еккл. 7:3). Потому и Христос ублажает скорбящих, говоря: «Блаженны плачущие» (Мф. 5:4); а радующихся почитает несчастными: «Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете» (Лк. 6:25)! И весьма справедливо. Во время забав душа бывает слабее и изнеженнее; а во время скорби укрепляется, делается целомудренною, освобождается от всех страстей, становится возвышеннее и мужественнее. Итак, зная все это, будем убегать славы народной и удовольствия, происходящего от нее, чтобы достигнуть истинной и вечной славы, которой все мы и да сподобимся благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 41

[1] «Иисус, зная помышления их, сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. И если сатана сатану изгоняет, то он разделился сам с собой: как же устоит царство его?». (Матф. 12:25–26)

[2] Изъяснение 12:25–32. Опровержение клеветы фарисеев и цель его. – В каком смысле хула на Духа Св. не прощается. – Самоосуждение и сердечное сокрушение – путь к совершенству и избавлению от наказаний.

[3] 1. Фарисеи и прежде обвиняли Иисуса в том, что Он изгоняет бесов силой Веельзевула. Но Он тогда не обличал их, чтобы дать им время еще из больших чудес познать Его силу, и из учения Его величие. Но так как они не переставали говорить о Нем то же, то Он, наконец, обличает их. И, во-первых, доказывает Свою божественность тем, что открывает их тайные помышления; а во-вторых, тем, что легко изгоняет бесов. И как ни бесстыдно было их обвинение (а зависть, как я сказал, не заботится о том, что сказать, только бы сказать что-нибудь), Христос все же не пренебрегает им, но защищается со свойственной Ему кротостью, научая нас поступать кротко с врагами; и хотя бы они обвиняли нас в том, в чем мы по собственному сознанию невиновны, хотя бы их обвинения не имели никакого основания, – не смущаться и не терять спокойствия духа, но со всяким

долготерпением защищать себя перед ними. Так поступил Спаситель и с фарисеями, яснейшим образом показывая, что они говорят ложь. Имеющему беса несвойственно было показывать столь великую кротость и знать тайные помышления. Фарисеи, частью потому, что их мнение было слишком бесстыдно, а частью по опасению народа, не смели обнаружить своих обвинений, держали их в уме. Но Спаситель, желая показать им, что Он знает и самые мысли их, не упоминает о том, в чем они обвиняли Его, и не обнаруживает их злобы, но опровергает их возражения, предоставляя собственной их совести уличить их во лжи. У Него было только одно попечение – доставлять пользу согрешающим, а не обнаруживать их согрешений. Если бы Он захотел продолжать Свою защиту и посрамить фарисеев, и потом подвергнуть их жесточайшему наказанию, Он весьма легко мог бы сделать это. Но Спаситель, оставив все это, старался только о том, чтобы истребить в них любовь к прениям, научить кротости, и через то сделать способнее к исправлению. Как же Он защищается перед ними? Он не приводит им слов Писаний (потому что они не внимали Писанию и извратили бы его смысл), но употребляет общие доказательства. «Всякое царство», говорит Он, «разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом», если разделится, скоро разрушится. Поистине, не столько гибельны внешние войны, сколько внутренние; то же бывает в обществах, то же и во всех делах. Но Спаситель берет пример с того, что известнее. Что на земле сильнее царства? Нет ничего; но и оно погибает от возмущений. Если же кто признает, что и царство, разделившись, при всем своем величии, сокрушается, то, что скажет он о городе и доме? Будет ли что мало или велико, если оно восстает само против себя, то погибает.

Итак, если Я, имея в себе беса, посредством его изгоняю других бесов, то значит между бесами несогласие и распря, и они восстают один на другого; если же они восстают друг на друга, то их сила погибла и разрушилась. «И если», говорит Спаситель, «сатана сатану изгоняет» (Он не сказал – бесов, показывая, что между ними находится великое согласие), «то он разделился сам с собой». Если же он разделился, то лишился силы и погиб; а если погиб, то, как может изгнать другого? Видишь ли, как смешно их обвинение, как оно безрассудно, какое в нем противоречие! Один и тот же человек не может сказать, что он и силен, и изгоняет бесов, и притом силен оттого, от чего бы ему должно было потерять силу. Вот первое опровержение. Второе, следующее за ним, касалось учеников. Спаситель, опровергая противящихся Ему фарисеев, всегда приводит не одно, но два и три доказательства, желая совершенно обуздать их бесстыдство. Так поступил Он и в споре о субботе, указывая на Давида, на священников, и на свидетельство Писания: «милости хочу, а не жертвы» (Ос. 6:6), и на причину установления субботы: «для человека», говорит Он, «суббота» (Мк.2:27). Так поступает и здесь. После первого опровержения Он приводит другое, яснейшее. «И если Я силой веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьей силой изгоняют» (Матф. 12:27)?

[4] 2. Смотри, с какой кротостью и здесь Он говорит им. Он не сказал: ученики Мои, или апостолы; но: «сыновья ваши», – чтобы, если фарисеи захотят мыслить столь же благородно, как Его ученики, подать им к тому случай; а если они пребудут в прежней неблагодарности и не оставят своего бесстыдства, лишить их всякого оправдания. Смысл же слов Его следующий: апостолы чьей силой изгоняют бесов? Апостолы уже изгоняли

бесов, получив на то власть от Спасителя; но фарисеи не обвиняли их. Они вооружались не против дел, но против лица. Поэтому Христос, желая показать, что одна зависть причиной их обвинения, указывает и на апостолов. Если Я, как вы говорите, изгоняю бесов силой Веельзевула, то тем более они, как получившие на то власть от Меня. Однако же вы ничего подобного об них не говорите. Почему же вы Меня, даровавшего им такую власть, обвиняете, а их освобождаете от обвинений? Впрочем, это не избавит вас от наказания, но подвергнет даже еще большему. Потому-то Спаситель и присовокупил: «они будут вам судьями». Если ученики Мои, будучи одного с вами рода и получив одинаковое образование, веруют в Меня и повинуются Мне, то, очевидно, что они осудят тех, которые делают и говорят противное. «Если же Я Духом Божьим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царствие Божье» (Матф. 12:28). Что значит – «царствие»? Мое пришествие. Смотри, как Он опять привлекает их к Себе, врачует и старается привести к познанию Себя, и показывает им, что они вооружаются против собственных благ и восстают против своего спасения. Вам, говорит Он, должно бы радоваться и ликовать, что Я пришел даровать те великие и неизреченные блага, о которых издревле возвещали пророки, и что настало время вашего благоденствия; а вы поступаете напротив, и не только не принимаете благ, но еще клевещете и выдумываете ложные обвинения на Того, Кто предлагает вам их. Святой Матфей говорит: «если же Я Духом Божьим изгоняю бесов»; а Лука: «если же Я перстом Божьим изгоняю бесов» (Лук. 11:20), – показывая этим, что изгнание бесов есть дело высочайшей силы и особенной благодати. Из этих слов можно было бы сделать такое заключение: если это справедливо, то значит, что Сын

Божий пришел. Но Христос не говорит этого прямо; чтобы не возбудить их ненависти, Он только намекает на это словами: «то, конечно, достигло до вас Царствие Божье». Какая мудрость! За что фарисеи обвиняли Спасителя, тем Он ясно доказал им Свое пришествие. Далее, чтобы привлечь их к Себе, Он не сказал просто: «достигло Царствие», но прибавил – «до вас»; как бы так говорил Он: настало время вашего блаженства. Итак, что же вы не радуетесь своим благам? Для чего вооружаетесь против своего спасения? Вот теперь настало время, о котором издревле предсказывали пророки. Вот признак проповеданного ими пришествия: бесы изгоняются силой божественной. Что они изгоняются, это вы сами знаете; а что изгоняются силой божественной, это свидетельствуют дела. Сатана не может ныне быть сильным; он по необходимости сделался слабым. Но слабый не может, подобно сильному, изгонять сильного беса. Так говорил Спаситель для того, чтобы показать силу, происходящую от любви, и бессилие от несогласия и раздора. Потому-то Он беспрестанно всюду побуждает и учеников Своих к любви, и особенно еще потому, что дьявол всячески старается истребить ее. После второго опровержения, Он приводит и третье, говоря: «как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного? и тогда расхитит дом его» (Матф. 12:29)? Что сатана не может изгонять сатану, это ясно из предыдущего, а что иначе и невозможно изгнать сатану, как победив его сначала – и с этим все согласны. Что же означают слова Христа? Ничего более, как только усиливают то, что Он сказал прежде. Я не только не хочу иметь сообщником дьявола, – как бы так говорит Он, – но даже веду с ним брань и связываю его; доказательством служит то, что Я расхитил сосуды его. Заметь, как

Христос опровергает клевету, которую фарисеи старались возвести на Него. Они хотели доказать, что Он не Своей властью изгоняет бесов; а Он, напротив, доказывает, что не только бесов, но самого их начальника прежде всего Он связал по Своей власти, и победил его собственной Своей силой. Это подтверждается самым делом. Если дьявол есть начальник, а бесы его подчиненные, то, как можно пленить этих последних, когда он сам не будет побежден и покорен? В этих словах, мне кажется, можно усматривать еще и пророчество. Не только бесы суть сосуды дьявола, но и люди, творящие его дела. Итак, очевидно, здесь говорится не только о том, что Он изгоняет бесов, но и о том, что Он рассеет весь мрак заблуждений во вселенной, разрушит все козни дьявольские и сделает их недействительными. Он не сказал: похитит, но – «расхитит», показывая тем, что у Него есть власть на это.

[5] 3. Христос называет сатану сильным не потому, что он таков по природе, – нет! – но указывая на его прежнюю большую власть, какую он имел над нами по нашей беспечности. «Кто не со Мной, тот против Меня; и кто не собирает со Мной, тот расточает» (Матф. 12:30). Вот и четвертое опровержение. Какое Мое намерение? говорит Христос. Привести людей к Богу, научить их добродетели, возвестить им царствие. А чего хотят дьявол и бесы? Противного этому. Итак, каким образом тот, кто не собирает со Мной и кто не за Меня, будет помогать Мне? И что Я говорю – помогать? Напротив, он еще старается расточать Мое. Как же поэтому не только не помогающий Мне, но еще расточающий Мое, может иметь со Мной такое согласие, чтобы стал со Мной вместе изгонять бесов? Это говорил Он, кажется, не о дьяволе только, но и о самом Себе, так как Он сам противодействует дьяволу и

расточает ему принадлежащее. Почему же Он говорит: кто не со Мной, тот против Меня? Потому что он не собирает вместе с Ним. Если же это справедливо, то таков именно должен быть тот, кто против Него? Если не содействующий Христу называется врагом, то тем более враг тот, кто вооружается на Него. Все же это, говорит Он, для того, чтобы показать великую и непримиримую вражду Свою с дьяволом. Скажи мне, не против ли тебя тот, кто не хочет помогать, когда тебе нужно воевать с кем-нибудь? Если же говорит Он в другом месте: «кто не против вас, тот за вас» (Лук. 9:50), то это не противоречит сказанному здесь. Здесь Он указал, кто их противник, а там показывает, кто их соучастник, потому что сказано: «Твоим именем» изгоняют «бесов» (Матф. 7:22)? Мне кажется, что здесь Христос намекает и на иудеев, поставляя их вместе с дьяволом. И они были против Него, и расточали то, что Он собирал. А что Он здесь намекает и на них, это доказывается следующими словами Спасителя: «посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам» (Матф. 12:31). Таким образом, уничтожив клевету их, решив их возражение и показав их безрассудное упорство, Он напоследок устрашает их, поскольку в деле совета и исправления не маловажно и то, чтобы не только отвечать на все вопросы и убеждать, но и угрожать, что часто и делает тот, кто дает законы и советы.

6 Хотя слова Иисуса Христа и кажутся очень неясными, но если вникнем, то легко поймем их. Итак, сначала внимательно выслушаем эти слова: «Всякий грех и хула», говорит Он, «простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам. Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на

Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Матф. 12:31–32). Что же значат эти слова? Вы много обо мне говорили, что Я обманщик, что Я противник Божий. Я вам это прощу и не потребую вашего наказания, если вы раскаетесь; но хула на Духа не отпустится и кающимся. Как же это? Ведь и эта вина была отпущена раскаявшимся. Многие из тех, которые изрыгали хулу на Духа, впоследствии уверовали, и все им было отпущено. Что же значат эти слова? То, что грех против Духа Святого преимущественно непростителен. Почему же? Потому, что Христа не знали, кто Он был; а о Духе получили уже достаточное познание. Так, что ни говорили пророки, говорили по внушению Духа, и в ветхом завете все имели о Нем очень ясное понятие. Итак, слова Христа имеют такое значение: пусть вы соблазняетесь Мной по плоти, в которую Я облекся; но можете ли вы сказать и о Духе, что Его не знаем? Потому-то хула ваша и будет непростительна, и здесь и там понесете за нее наказание. Многие хотя здесь только были наказаны, как, например, блудник, недостойно приобщившийся тайнам у коринфян, но вы – и здесь, и там. Итак, Я вам отпускаю все то, чем вы Меня злословили прежде креста, даже и то, что вы хотите распять Меня на кресте, и самое неверие ваше не будет поставлено вам в вину. Веровавшие прежде креста не имели полной веры, – потому Он везде запрещает объявлять о Себе кому-либо прежде страдания, и на самом кресте молился, чтобы отпущен был иудеям грех их. Но что вы говорили о Духе, то не будет прощено вам. А что Христос указывает на хулу, которую говорили против Него иудеи прежде креста, то это видно из следующего: «если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не

простится ему». Почему? Потому, что Дух Святой вам известен, а вы не стыдитесь отвергать очевидную истину. Если уж вы говорите, что Меня не знаете, то, несомненно, знаете, что изгонять бесов и совершать исцеления есть дело Духа Святого. Итак, не Меня только поносите, но и Духа Святого. Потому и наказание ваше, как здесь, так и там, неизбежно. Одни наказываются и здесь, и там; другие только здесь; иные только там; а иные ни здесь, ни там. И здесь и там, – как, например, эти самые хулители Духа Святого. Они и здесь понесли наказание, когда подвержены были ужасным бедствиям, по взятии их города, и там понесут жесточайшее, как жители Содома, и многие другие. Там только, – как, например, палимый пламенем богач, не имевший даже одной капли воды. Здесь, – как, например, блудник коринфский. Ни здесь, ни там, – как апостолы, как пророки, как блаженный Иов: а их страдания были не следствием наказания, а подвигами и борьбой.

[7] 4. Итак, постараемся иметь одинаковую с ними участь; если же не с ними, то, по крайней мере, с теми, которые здесь очистились от грехов. Поистине, страшен тот суд, неизбежно наказание, нестерпимы мучения. Если же ты и здесь не хочешь понести наказания, то сам себя осуждай, и требуй сам у себя отчета. Послушай, что говорит Павел: «ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы» (1Кор. 11:31). Если будешь поступать так, постепенно простираясь на пути к совершенству, то достигнешь и венца. Но спросишь: как требовать от самого себя отчета? Восплачь, восстенай горько, смиряй, изнуряй себя и вспоминай о каждом твоем прегрешении; это немалое мучение для души. Кто испытал сердечное сокрушение, тот знает, что душа больше всего этим мучится; кто вспоминал о грехах своих, тот знает скорбь,

происходящую отсюда. Вот почему и Бог за такое раскаяние в награду полагает оправдание, говоря: «говори ты, чтоб оправдаться» (Ис. 43:26). Немалым, истинно немалым средством к исправлению служит то, чтобы, сознавши все грехи свои, непрестанно представлять и размышлять о них. Кто это делает, тот в такое придет сокрушение, что признает себя недостойным и жить. А кто так рассуждает, тот будет мягче всякого воска. И не только осуждай себя за блуд, прелюбодеяние и другие грехи, которые всеми признаются за тяжкие; но собери в уме своем и тайные наветы, клеветы, злословие, тщеславие, зависть и все тому подобное. И эти пороки немалое понесут наказание. И клеветник ввергнется в геенну; и упивающийся вином не будет иметь места в царстве небесном; и не любящий ближнего так оскорбляет Бога, что и мученичеством своим не бывает угоден Ему. И тот, кто не радит о домашних своих, отвергся веры; и тот, кто бедных презирает, в огонь ввергается. Итак, не считай эти пороки маловажными, но все собери в уме своем, и напиши их как в книге. Если ты напишешь, то Бог сотрет их. Если же ты не напишешь, то Бог впишет их и потребует твоего наказания. Лучше же нам самим вписать их и видеть изглаженными Богом, нежели, забывая о них, заставлять самого Бога представить их перед глазами нашими в день судный. Итак, чтобы этого не случилось, внимательно все разберем, и мы найдем тогда, что во многом виновны. Кто, например, чист от любостяжания? Не указывай мне на то, что ты не слишком был любостяжателен; и за малое понесешь то же самое наказание. Помышляй об этом и раскаивайся. Кто не оскорбляет другого? А это ввергает в геенну. Кто тайно не злословил ближнего? А это лишает царствия. Кто не надмевался? А этот более всех нечист.

Кто не смотрел похотливыми очами? А этот считается наравне с блудником. Кто без причины не гневался на брата своего? А такой повинен суду. Кто не клялся? А это от лукавого. Кто не преступал клятвы? А это более, нежели от лукавого. Кто не служил мамоне? А такой отпал от законного служения Христу. Я мог бы исчислить вам много и других пороков; но и этих довольно, чтобы привести к сокрушению не окаменевшего сердцем и не дошедшего еще до бесчувственности. И если каждое из этих преступлений повергает в геенну, то чего не сделают они, когда совокупятся вместе? Каким же образом, скажешь, можно спастись? Употребляя против недугов равносильные врачевства – милосердие, молитвы, скорбь, раскаяние, смирение, сердце сокрушенное, презрение к земным благам. Бесчисленные пути Бог предложил к спасению, если только мы захотим быть внимательными. Будем же внимательны, будем всячески стараться об исцелении ран наших, творя милостыню, удерживая гнев к оскорбившим нас, благодаря за все Бога, постясь по силам, молясь с искренним сердцем, приобретая друзей себе «от богатства неправедного» (Лук. 16:9). Таким образом, мы можем получить прощение в грехах наших, и удостоиться обещанных благ, – чего да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 42

[1] «Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым, ибо дерево познается по плоду». (Матф. 12:33)

[2] Изъяснение 12:33–37. Цель обличения фарисеев. – Почему Христос называет их порождениями ехидн. – Выражаемое словами, – худое ли, доброе ли, – есть только избыток внутреннего. – Всякий будет судим по собственным словам. – Обижающий несчастнее обижаемого; подтверждающие это примеры. – Не должно оглашать чужих грехов, даже и явных. – Должно заниматься испытанием собственной совести. – Время и место для такого испытания. – Беспечность и леность – причина недоступности добродетелей.

[3] 1. Опять, иным образом, Господь стыдит фарисеев, не довольствуясь прежними обличениями. И делает это не с тем намерением, чтобы Себя освободить от обвинения, – для этого довольно было и прежних доказательств, – но с тем, чтобы противящихся Ему исправить. Сказанное же Им имеет такой смысл: никто из вас не обвинял исцеленных в том, что они не исцелились, и не говорил, что освободить от беса дело злое. В самом деле, хотя они и крайне были бесстыдны, но не могли того сказать. И потому, не осуждая дел, возносили клевету на творящего

их. Но Христос показывает, что такое обвинение несообразно ни с общим смыслом, ни с самым положением дел. А это уже признак крайнего бесстыдства – не только поступать злонамеренно, но и сплетать нечто такое, что даже с общими понятиями несообразно. И посмотри, как Спаситель устраняет Своими словами всякое возражение. Не сказал Он: согласитесь, что дерево хорошо, потому что плод хорош; но, чтобы с большей силой заградить им уста и показать Свою уступчивость и их бесстыдство, говорит: если вы хотите порицать дела Мои, пусть будет так; только бы не было в обвинениях ваших несообразности и противоречия. Таким образом, яснее могло обнаружиться бесстыдство их в деле совершенно очевидном, и Он мог сказать им: напрасно вы лукавите, когда в словах ваших заключается противоречие. В самом деле, о дереве судят по плоду, а не о плоде по дереву, а вы поступаете наоборот. Правда, что плод родится от дерева; но узнавать дерево надобно по плоду. Поэтому следовало бы и вам или доказать, что дела Мои худы, когда хотите обвинять Меня, или, раз хвалите дела Мои, то вместе и Меня, совершающего их, освободить от ваших обвинений. А вы напротив поступаете. Не находя ничего предосудительного в делах Моих, которые представляют плод, вы осуждаете дерево, – называете Меня беснующимся. Это уже верх безумия. Дерево доброе не может приносить плодов худых, равно как и на оборот, как сказал это Спаситель еще прежде, и подтвердил теперь. Следовательно, обвинения фарисеев заключали в себе противоречие, и были совершенно несообразны с действительностью. Далее, так как не о Себе самом говорит Спаситель, а о Духе Святом, то и произносит обличения Свои с большей строгостью: «порождения

ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы» (Матф. 12:34)? В этих словах заключается и обвинение фарисеев, и доказательство вышесказанного. Вот вы, говорит Спаситель, будучи худыми деревами, не можете приносить и доброго плода. Потому Я и не удивляюсь, что вы произносите такие слова; происходя от злого рода, вы и воспитаны худо, и усвоили себе мысли худые. И заметь, с какой осторожностью, предотвращающей всякое ухищрение противников, Он выражает Свои обвинения. Он не сказал: как вы можете говорить доброе, будучи порождениями ехидн, – потому что одно с другим не имеет соотношения, но говорит: «как вы можете говорить доброе, будучи злы»? А порождениями ехидн назвал их потому, что они хвастались своими предками. Итак, чтобы показать, что нет им от того никакой пользы, Он отсекает их от родства с Авраамом и дает им других предков, имеющих такой же нрав, как и они, и, таким образом, лишает их того благородства, которым они гордились. «От избытка сердца», говорит Он, «говорят уста». Здесь вновь дает Он видеть божество Свое, ведающее сокровенные помышления, а также показывает, что фарисеи понесут наказание не только за дела, но и за злые мысли; показывает и то, что Он, как Бог, знает эти мысли. А впрочем, возможно и людям знать их. Естественно, чтобы слова изливались наружу через уста, когда внутренность переполнена злом. Поэтому, когда ты слышишь человека, произносящего худые слова, то не думай, что в нем лежит лишь столько зла, сколько показывается в словах, а заключай, что источник его гораздо еще обильнее, потому что выражаемое наружно есть только избыток внутреннего. Видишь ли, какой крепкий удар наносит Христос фарисеям? Если слова их так исполнены зла, и происходят от духа дьявольского, то подумай, каков

должен быть корень и источник этих слов. Обыкновенно так бывает, что язык, удерживаемый стыдом, еще не все худое изливает в словах; напротив, сердце, не имея никого из людей свидетелем своих движений, бесстрашно порождает в себе всякое зло, какое только захочет, потому что оно не много думает о Боге. Слова предлагаются в слух всех и взвешиваются всеми, а сердце укрывается в тени, и потому меньше зла бывает на языке, больше в сердце. Но когда уже слишком много скопится его внутри, тогда с большим стремлением выходит наружу то, что доселе было скрываемо. И как мучащиеся рвотой сначала силятся удерживать в себе рвущиеся из них мокроты, а потом, когда уже не в силах владеть собой, выбрасывают нечистоту в большом количестве, так и наполненные злыми помышлениями, наконец, изливают их в злоречивом осуждении ближнего. «Добрый человек», говорит Спаситель, «из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое» (Матф. 12:35).

[4] 2. Не думай, говорит Спаситель, чтоб так было только с людьми злыми; напротив, и с добрыми то же происходит. И у них больше скрывается добродетели внутри, нежели, сколько является наружно в словах. Через это Господь показал, что как фарисеев должно почитать более злыми, нежели каковыми они представлялись в словах своих, так напротив Он более был благ, нежели, сколько открывалось из речей Его. А под словом: «сокровище» Он разумеет множество. Далее Он опять наводит на них великий страх. Не думайте, говорит Он, чтобы этим только все и ограничилось, – чтобы злоречие подверглось только осуждению людей. Нет; все злоречивые понесут еще крайнее наказание на последнем суде. Он не сказал здесь – «вы», частью для того, чтоб сообщить наставление

всем людям, частью для того, чтоб не произнести слишком жестокого и огорчительного слова. «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» (Матф. 12:36). Праздное слово есть слово несообразное с делом, ложное, дышащее клеветой, а также, по изъяснению некоторых, и пустое слово, например: возбуждающее неприличный смех, срамное, бесстыдное, неблагопристойное. «Ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Матф. 12:37). Видишь ли, как безобиден суд? Как кротки требования ответа? Не по речам другого, но по твоим собственным словам Судья произнесет приговор. Что может быть справедливее этого? В твоей ведь власти и говорить и не говорить. Поэтому не злословимым надобно страшиться и трепетать, а злословящим, потому что не злословимые должны будут оправдываться в том, что о них разносимы были недобрые слухи, но злословящие дадут ответ в том, что они говорили о других худо. На них-то падет вся беда. Итак, терпящим от злых слухов не о чем заботиться, потому что не потребуется от них ответа в том, что другие говорили о них худо, но говорившим худо надобно страшиться и трепетать, потому что они за свое злоязычие потребованы будут к суду. Поистине, это дьявольская сеть, это такой грех, который никакого не приносит удовольствия, а только один вред. Поистине, злое сокровище копит в душе своей злоязычник. Если одержимый дурными мокротами сам больше всех терпит от них, и впадает в болезнь, то тем более скапливающий внутри себя злобу, которая горче всякой желчи, потерпит жесточайший вред и причинит себе лютую болезнь. Если изрыгаемые им слова так много огорчают других, то еще гораздо большую скорбь причинят они душе, породившей их. Умышляющий зло прежде всех убивает самого себя,

точно так же, как раздувающий огонь нередко сам сгорает, и бьющий по алмазу причиняет вред самому себе, и наступающий на острые гвозди наносит сам себе кровавую рану.

5 Таков умеющий великодушно принимать и переносить обиды: он подобен алмазу, острым гвоздям и огню, а думавший обидеть его оказывается ничтожнее грязи! Итак, не то худо, когда обижают тебя; а то худо, когда ты обижаешь других, или когда не умеешь переносить обид. Как много обижаем был Давид! Как много обижал его Саул! Но кто же вышел сильнее и счастливее? И кто оказался несчастнее и достойнее жалости? Не тот ли, кто обижал? Рассмотрим это ближе. Саул обещался, если Давид убьет иноплеменника, принять Давида к себе в родство, выдать за него с великой охотой дочь свою. Давид убил иноплеменника; что же Саул? Нарушил данное слово, и не только не выдал за него (старшей дочери), но и старался умертвить его. Кто же заслужил большую честь? Саул мучился тоской и давим был злым духом; а Давид своей победой и благоволением Божьим стяжал славу, и воссиял светлее солнца. Саул, слыша песнопения жен, снедался завистью; а Давид, перенося все молчаливо, привлек и привязал к себе всех. И потом, когда он имел в руках своих Саула и пощадил его, кто был тогда счастлив и кто несчастен? Кто был слабее и кто сильнее? Не Давид ли явился сильнейшим, когда он, имея возможность по праву отомстить врагу своему, не захотел того? Без сомнения. У Саула было вооруженное войско; а Давид имел сподручницей и помощницей правду, которая сильнее тысячи войск. А потому, и после столь многих неправедных злоумышлений, претерпленных им, он не захотел умертвить Саула, хотя был и вправе сделать это. Он знал из прежних опытов, что не причинение зла

другому, а претерпение зла делает людей сильнейшими. Так бывает и с телами, так и с деревьями. А Иаков не терпел ли обид, не терпел ли зла от Лавана? Но кто ж оказался сильнее: Лаван ли, который уже имел его в своих руках, и, однако же, не смел прикоснуться к нему, будучи объят страхом и трепетом, или Иаков, который, не имея у себя ни оружия, ни множества воинов, был для него страшнее тысячи царей?

[6] 3. Но чтобы представить вам другое, еще сильнейшее доказательство вышесказанного, я опять обращу слово к Давиду – с противоположной стороны. Он силен был, когда терпел обиды; но как скоро сам, впоследствии времени, обидел другого, тотчас сделался немощным. Он обидел Урию, и тотчас порядок превратился: немощь перешла к обидевшему, а сила к обиженному, который, будучи уже мертвым, опустошил дом Давидов. Давид, оставшись жив и будучи царем, ничем не мог от него защититься; а Урия, простой воин и к тому же убитый, все поставил вверх дном в доме царя. Хотите ли, я представлю вам еще в яснейшем виде предлагаемую мной истину, с другой стороны? Посмотрим на тех людей, которые мстят за себя по праву. Что обижающие ближних воюют против собственной души своей и оказываются ниже и презреннее всех, это всякий видит. Но кто же, спросишь ты, мстил за себя по праву, и тем возжег много зла и навлек на себя много бед и скорбей? Посмотри на военачальника Давида. Он был виновником жестокой войны и потерпел тысячу зол, из которых ни одно не случилось бы с ним, если бы он умел рассуждать и действовать по правилам истинного любомудрия. Итак, будем убегать этого греха и не станем обижать ближних ни словами, ни делами. Господь не сказал: если ты при народе будешь поносить ближнего, и повлечешь его перед

судилище, виновен будешь; но просто – если будешь говорить худо, хотя бы и наедине, и тогда навлечешь на себя величайшее осуждение. Если бы даже было истинно то, что ты пересказываешь о ближнем, если бы ты был совершенно в этом уверен, и тогда подвергнешься наказанию. Не за то, что делал другой, Бог будет судить тебя, а за то, что ты говорил. «От слов своих осудишься». Не слышишь ли, что и фарисей говорил правду (о мытаре): высказал то, что было всем известно, и объявил то, что не было тайной, и, однако же, подвергся жестокому осуждению? Если же и явных грехов оглашать не должно, то тем более неизвестных и недоказанных. Согрешивший имеет над собой Судью. Итак, ты не предвосхищай себе чести, принадлежащей Единородному, Которому предназначен престол суда. Но ты хочешь быть судьей? Есть такое судилище, которое и тебе предоставлено, и может принести великую пользу, не подвергая тебя ни малейшему осуждению. Посади в совести своей судьей разум, и поставь перед его судилищем все твои беззакония, исследуй все грехи души твоей, потребуй от нее со всей строгостью подробного отчета и скажи ей: зачем ты отваживалась делать то и то? А если она будет уклоняться, и разбирать дела других, скажи ей: не за чужие грехи я сужу тебя, не за них должна ты отвечать, – что тебе до того, что худ такой-то? Ты зачем согрешила в том-то и в том-то? Отвечай; не показывай на других, смотри на свои дела, а не на чужие. Таким образом, вводи ее, как можно чаще, в этот подвиг. Потом, когда уже ей нечего будет сказать и она начнет укрываться от суда, уязвляй ее, поражай ее, как рабу кичливую и любодейную. Каждый день открывай для нее это судилище, представляй ей реку огненную, червя ядоносного и другие мучения; не попускай ей продолжать

связь с дьяволом и не принимай от нее таких бесстыдных оправданий: он приходит ко мне, он устраивает мне ковы, он искушает меня! Но скажи ей: если ты сама не захочешь, все это будет тщетно. А если она заговорит: но я сплетена с телом, облечена плотью, живу в мире, пришельствую на земле, – скажи ей: все это один лицемерный предлог и пустые отговорки! Вот и этот святой облечен был плотью, и этот жил в мире и пришельствовал на земле, и, однако же, они вели жизнь достославную; да и ты сама, когда делаешь добро, делаешь это, будучи обложена плотью. Пусть ей и больно это слышать, ты не переставай ее наказывать: не бойся, не умрет она от твоих ударов; напротив, ты еще избавишь ее от смерти. А если бы она сказала: вот такой-то раздражил меня, ты отвечай ей: можно тебе и не раздражаться, потому что нередко ты удерживала себя от гнева. Также, если бы она сказала: красота такой-то женщины воспламенила меня, ты представь ей: но ведь ты могла воздержать себя. Приведи ей примеры победивших похоть; укажи на пример первой жены, которая хотя и говорила: «змей прельстил меня» (Быт. 3:13), но этим не избавилась от обвинения.

[7] 4. Когда ты будешь производить такое испытание совести, в это время не допускай к себе никого, пусть никто не тревожит тебя; но, как судьи обыкновенно сидят за завесами, когда судят о делах, так и ты, вместо завес, огради себя безмолвием и избери благоприятное тому время и место. Займись этим судом, когда, поужинав, встанешь из-за стола, и пойдешь спать: вот время для тебя самое удобное; а местом твоим будут – постель и спальня. Так повелевает и пророк, говоря: «размыслите в сердцах ваших на ложах ваших» (Псал. 4:5). Требуй от себя и за малые погрешности строгого отчета, чтобы когда-либо не

приблизиться к великим грехам. Если ты будешь каждодневно это делать, то с дерзновением предстанешь перед страшным судилищем. Таким способом и Павел сделался чистым, потому и сказал: «если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы» (1Кор. 11:31). Так и праведный Иов очищал детей своих: если он приносил жертвы за тайные грехи, то тем более требовал отчета в явных. А мы не так поступаем, но совершенно напротив. Как скоро ляжем на постель, тотчас начинаем размышлять о всякого рода житейских делах: одни вводят в душу свою нечистые помыслы, другие думают о деньгах, отданных под залог, о торговых условиях и о различных временных заботах. Имея на руках девицу дочь, мы бережем ее со всей бдительностью; а душе своей, которая гораздо дороже дочери, позволяем любодействовать и оскверняться, впуская в нее тысячи нечистых мыслей. Хочет ли к ней войти любостяжание, или сластолюбие, или пристрастие к пригожим телам, или расположение к гневу, или иной какой недобрый гость, мы тотчас же отворяем двери, зовем и тащим его, и позволяем ей без всякого стыда и страха любодействовать с ним. Что может быть грубее этого и бесчеловечнее – смотреть с пренебрежением, как столь многие прелюбодеи надругаются над душой, которая для нас всего дороже, и давать ей сообщаться с ними до тех пор, пока они насытятся? Но этого никогда не дождешься. Разве тогда только отступят они, когда она предастся сну. Но, нет! И в это время они не отходят от нее, потому что и в сонных мечтаниях и видениях носятся перед ней те же образы. А от того часто случается, что и с наступлением дня душа, упоенная такими мечтами, тотчас устремляется к действиям, с ними сообразным. Ты не даешь малейшей пылинке войти в зеницу ока твоего; а душу свою

оставляешь в небрежении и попускаешь ей влачить за собой такую грязную кучу столь многих зол. Когда же мы успеем выбросить из себя этот помет, который с каждым днем накопляем в себе? Когда успеем вырвать терние? Когда успеем посеять семена? Не знаешь ли, что уже наступает время жатвы? А мы еще и не начинали вспахивать свое поле. Что же скажем, когда придет Хозяин поля и будет требовать должного? Что станем отвечать Ему? То ли, что нам никто не дал семян? Но они посылаются свыше каждый день. То ли, что никто не срезал терния? Но мы (служители Слова) каждый день острим для вас серп. Или, что житейские нужды отвлекают вас? Зачем же ты не распялся миру? Если тот, кто отдал вверенный ему талант, назван рабом лукавым за то, что не приобрел другого таланта, то, что ж услышит тот, кто погубил и вверенное ему? Если он был связан и брошен туда, где скрежет зубов, то каким страданиям подвергнемся мы, – мы, которые, имея бесчисленное множество побуждений, влекущих нас к добродетели, отвращаемся от нее и предаемся лености? Еще ли мало убеждений, достаточных к тому, чтоб возбудить тебя? Не видишь ли, как малоценна жизнь эта, как неизвестно ее продолжение? Сколько потребно труда и пота в делах здешнего мира? Разве одна добродетель приобретается с трудом, а порок достается без трудов? Если же и там и здесь труд, то почему не изберешь ты добродетели, приносящей с собой великую пользу? Да еще и такие есть добродетели, которые и труда никакого не требуют. В самом деле, что за труд – не злословить, не лгать, не клясться, простить ближнего, подавшего повод к гневу? Вот труд и большая забота – поступать противно этому. Итак, какого ждать нам оправдания, какого прощения, когда мы и этих легких добродетелей не соблюдаем?

Отсюда ясно видно, что и другие, труднейшие добродетели недоступны нам, по причине нашей беспечности и лености. Размыслив обо всем этом, будем убегать порока и возлюбим добродетель, чтобы сподобиться нам и настоящих и грядущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 43

[1] «Тогда некоторые из книжников и фарисеев сказали: Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение. Но Он сказал им в ответ: род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка». (Матф. 12:38–39)

[2] Изъяснение 12:38–45. Для чего фарисеи просили знамения. – Знамением силы Христовой служат бедствия, постигшие иудеев. – Действительность смерти Христовой. – Справедливость наказаний, понесенных иудеями после смерти Христа. – Освободившийся от зол, но не сделавшийся благоразумнее, подвергается более тяжкому наказанию. – Сильные страдания не облегчаются видом страданий других. – Польза напоминания о геенне. – Увещание к исправлению жизни. Условия общественной и семейной жизни не служат препятствием для добродетели.

[3] 1. Может ли быть что-нибудь, – не говорю, нечестивее, а безумнее этого? После стольких знамений, фарисеи говорят так, как будто бы ни одного из них не бывало: «хотелось бы нам видеть от Тебя знамение»! Для чего же так они говорят? Для того чтобы опять уловить Иисуса. Так как Он уже много раз словами Своими заграждал им уста и обуздывал бесстыдный их язык, то вот они снова

обращаются к делам. Дивясь этому, евангелист опять повторяет слово – «тогда». «Тогда некоторые из книжников и фарисеев сказали: Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение». Тогда: когда же это? Когда следовало бы преклонить голову, когда надлежало исполниться удивлением, когда не оставалось ничего более, как прийти в изумление и уступить. А они и тогда не отстают от своего лукавства. И смотри, как слова их исполнены ласкательства и притворства. Они надеялись этим заманить Его в свои сети. Только что перед тем они поносили Его, а теперь льстят; только что называли Его беснующимся, а теперь величают Учителем, – но и то и другое говорят со злым намерением, хотя слова их совершенно несходны одни с другими. Вот почему и Спаситель обличает их теперь весьма строго. Когда они грубо предлагали Ему вопросы и поносили Его, Он отвечал им кротко; а когда стали льстить ему, Он обращается к ним со всей строгостью и изрекает против них слова поносные, показывая тем, что Он выше и той, и другой страсти, и что как тогда не могли они рассердить Его, так теперь своей лестью не могут смягчить Его. После этого вникни в свойство Его поношений: в них ты увидишь не ругательство, а обнаружение злонравия фарисеев. Что говорит Он? «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения». Смысл этих слов таков: чему дивиться, что вы так поступаете со Мной, Которого доселе еще не знаете, когда вы так же точно поступали и с Отцом Моим, Которого могущество видели из столь многих опытов? Сколько раз вы оставляли Его и отбегали к демонам, привлекая к себе этих злых друзей, в чем многократно упрекал вас и пророк Иезекииль! Спаситель, говоря это, давал разуметь, что Он единомыслен с Отцом, и что они действуют так же, как и прежде; а вместе с тем

обнаруживал сокровенные их мысли и уличал их, что они лицемерно и как враги просят от Него знамения.

4 Он потому и называет их «родом лукавым», что они всегда были неблагодарны к своим благодетелям и, принимая благодеяния, делались еще худшими, – что служит признаком крайнего злонравия. А «прелюбодейным родом» назвал Он их, указывая и на их прежнее и на настоящее неверие, и в этом предложил новое подтверждение того, что Он равен Отцу, – поскольку именно и неверие в Него делает человека прелюбодеем. Потом, укорив их, что говорит далее? «И знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка». Здесь уже начинает Он слово о Своем воскресении и в подтверждение его, указывает на прообразование. Что же, скажешь ты, разве не дано фарисеям другого знамения? Не дано, когда они того просили. Спаситель знал их ослепление, и потому творил чудеса не для их убеждения, а для того, чтобы других людей исправить. Можно и в этом смысле понимать данные слова; или можно видеть в них тот смысл, что фарисеи не получат уже знамения, подобного упомянутому. Знамение дано было им, когда именно в собственном наказании они познали силу Господа. Итак, здесь Он указывает прикровенно на это будущее наказание, и, угрожая им, как бы так говорит: Я оказал вам тысячу благодеяний; но ни одно из них не привлекло вас ко Мне, и вы не захотели почтить с благоговением Мое могущество. Итак, вы узнаете Мою силу из дел противных, когда увидите ваш город разоренным до основания, когда увидите разрушенными стены и храм обращенным в развалины, когда лишитесь прежней свободы и гражданского устройства, и вновь будете скитаться повсюду, как беглецы и бездомные. Все это исполнилось после

крестных страданий. Так вот что будет послано вам вместо великих знамений! И в самом деле, не величайшее ли это знамение, что бедствия, претерпеваемые иудеями, доселе одинаковы и неизменны, и при всех попытках никто не мог облегчить наказания, однажды на них наложенного? Впрочем, здесь не говорит еще Спаситель об этом прямо, предоставляя яснейшее раскрытие последующему времени. А теперь открывает слово о Своем воскресении, в истине которого они удостоверятся теми самыми бедствиями, которые впоследствии времени должны будут претерпевать. «Ибо как», говорит, «Иона был в чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Матф. 12:40). Не сказал ясно, что Он воскреснет, потому что они стали бы смеяться над тем; а предвозвестил это прикровенно, впрочем, так, чтобы они могли поверить, что он знал это еще прежде. И они точно поняли смысл Его предречения, как это видно из их слов к Пилату: «обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну» (Матф. 27:63): между тем ученики Христовы, будучи менее их сведущи, не разумели этого; потому-то фарисеи сами на себя и навлекли осуждение.

[5] 2. Заметь, с какой точностью выражает Спаситель даже и прикровенное Свое пророчество. Не говорит Он: в земле, но: «в сердце земли», чтобы ясно означить Свое пребывание во гробе, и чтобы никто не подумал, будто смерть Его была только одно призрачное явление. Для того же предназначает Он и три дня, чтобы никто не сомневался на счет Его смерти, так что не только крест и очевидность для всех, но и самое количество дней должно служить доказательством ее. О воскресении должно было свидетельствовать все последующее время; между тем кресту многие не стали бы и верить, если бы не было

тогда многих знамений, свидетельствовавших о Нем; а если бы не поверили кресту, не поверили бы и воскресению. Потому-то и называет Спаситель крестную смерть знамением. Если бы Он не был распят на кресте, не было бы дано и знамение. Вот почему представляет Он и прообразование, для большего удостоверения в истине. Скажи мне, в самом деле, разве пребывание Ионы в чреве кита было одна мечта? Нет, ты не можешь этого сказать. А, следовательно, и пребывание Христа в сердце земли не могло быть мечтой. Не может быть, чтобы прообразование совершилось истинно, а сама истина осталась мечтой. Потому мы во всем и возвещаем смерть Христову: и в святых тайнах, и в крещении, и во всех других священных действиях. Потому и апостол Павел громко взывает: «я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа» (Гал. 6:14). Отсюда видно, что зараженные лжеучением Маркионовым суть чада дьявола, потому что они изглаживают ту истину, для утверждения которой все сделал Христос и для уничтожения которой все усилия употреблял дьявол, – я разумею крест и страдание. Для того и в другом месте предвозвещал Господь: «разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (Иоан. 2:19), и еще: «придут дни, когда отнимется у них жених» (Лук. 5:35); а здесь сказал: «знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка», показывая этим, что Он пострадает и за них, но они не приобретут от того никакой пользы, что Он и выразил явственно в последующих словах. И, несмотря на то, что Он знал об этом, Он все же благоволил умереть за них. Столь велика была Его любовь! А чтобы кто не подумал, что и с иудеями произойдет то же, что и с ниневитянами, и что, подобно этим иноплеменникам, которых обратил Господь, представив перед их взорами

близкое разрушение их города, и они после воскресения Христова раскаются и обратятся, – послушаем, что далее говорит Спаситель. Он возвещает совершенно тому противное: что иудеи не только не извлекут никаких благотворных плодов из Его воскресения, но и будут терпеть неисцелимые бедствия. Это дает Он разуметь, представляя пример одержимого духом нечистым. Но прежде того Он оправдывает самого Себя, доказывая, что не Он виновен в тех несчастиях, которым они подвергнутся, и что они будут терпеть справедливое наказание. В примере бесноватого Он предначертывает имеющие постигнуть их злоключения и запустение. А теперь показывает, что все эти злоключения они понесут справедливо. Так делал Он и в ветхом завете. Так, вознамерившись истребить Содом, наперед оправдал Себя в беседе с Авраамом, показав ему совершенное запустение и оскудение добродетели в тех городах, если уж там не нашлось и десяти мужей, живущих целомудренно (Быт.18:32). Подобным образом и Лоту дал видеть злобу против странников и неистовую похоть содомлян, и потом уже низвел огонь на их город (Быт.19:24). Так поступил Он и во время потопа, оправдав Себя самыми делами перед Ноем. Так показал Он Свою правду и Иезекиилю, когда представил перед взором его в Вавилоне все зло, какое происходило в Иерусалиме (Иез. 5). Так благоволил оправдать Себя и перед Иеремией, когда, сказав ему: «не молись», присовокупил: «не видишь ли, что они делают» (Иер. 7:16–17)? То же самое делает Он и во всех подобных случаях. Так делает и здесь. Что же именно говорит Он? «Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной; и вот, здесь больше Ионы» (Матф. 12:41)! Иона – раб, а Я – Владыка; он вышел из чрева кита, а Я воскрес

от смерти; Он проповедовал разрушение, а Я пришел благовествовать царствие. И жители Ниневии поверили ему без всякого знамения, а Я представил много знамений; они не слыхали ничего, кроме грозных слов пророка, а Я показал вам все сокровища высшего любомудрия. Иона явился в Ниневии, как служитель Божий; а Я – сам Владыка и Господь всяческих, и пришел не с угрозами, не с требованием отчета, но с прощением. Жители Ниневии были язычники, а с вами обращались столь многие пророки. Об Ионе никто не пророчествовал, а обо Мне – все, и дела Мои совершенно согласны с пророчествами. Он убежал от лица Господня, думал устраниться от осмеяния; а Я, наперед зная, что буду распят и поруган, пришел в мир. Он не хотел перенести и унижения, чтоб видеть спасенными ниневитян; а Я претерпел смерть, и смерть позорнейшую, и после этого еще посылаю других проповедовать. Он был среди ниневитян пришелец и чужестранец, никому незнакомый; а Я ваш сродник по плоти, происходящий от тех же прародителей, от которых происходите и вы. Но кроме этих непререкаемых преимуществ, еще много и других откроет всякий, кто размыслит об этом прилежнее.

[6] 3. Не ограничиваясь указанием на ниневитян, Спаситель представляет и другой пример, говоря: и «царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона» (Матф. 12:42)! Этот пример еще убедительнее прежнего. Иона отошел к ниневитянам; а южная царица не хотела дожидаться того, чтоб Соломон посетил ее, но сама пришла к нему, и решилась на это, не удерживаясь ни тем, что она была женщина, ни тем, что происходила от иного племени, ни дальностью расстояния; решилась не

понуждаемая ни угрозами, ни страхом смерти, а единственно по любви к мудрым наставлениям. «И вот, здесь больше Соломона»! Соломон, не выходя из чертогов, принял пришедшую к нему жену; а Я сам пришел к неимущим Меня. Соломон принял царицу, пришедшую от концов земли; а Я сам прохожу города и веси. Соломон беседовал с ней о деревах и растениях, и от этих бесед не могла она получить большой пользы; а Я предлагаю беседы о неизреченных вещах, о страшнейших таинствах. Таким образом, осудив фарисеев и неоспоримо доказав, что они грешат непростительно, что их непокорство происходит не от слабости Учителя, но от собственного их злонравия, доказав это и примером ниневитян, и царицы южной, и другими различными доводами, – Спаситель говорит, наконец, и о наказании, имеющем постигнуть их, и говорит прикровенно, впрочем, так что притча Его должна была возбудить в них великий страх. «Когда», говорит, «нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит его незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собой семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом» (Матф. 12:43–45). Этими словами Христос показывает, что не только в будущем веке, но еще и здесь фарисеи подвергнутся тягостнейшим наказаниям. Перед тем Он говорил: «ниневитяне восстанут на суд с родом сим». Фарисеи, слыша это, могли подумать, что еще не скоро наступит время суда, и оттого могли стать еще беспечнее. А потому, чтобы пресечь им всякий повод к нерадению, Спаситель представляет им теперь страшные бедствия, предстоящие им еще в этой жизни. Подобными

бедствиями угрожал им и пророк Осия, говоря: «будут, как пророк безумный, человек духом носимый» (Ос. 9:7), то есть: они будут как лжепророки, приводимые в неистовство и бешенство злыми духами. Под именем пророка изумленного здесь разумеется лжепророк, каковы были гадатели. На это ужасное состояние указывает и Спаситель, и потому говорит, что они потерпят величайшие наказания. Видишь ли, как Он всеми способами побуждает их к внимательному слушанию слов Его, представляя перед взорами их и настоящее, и грядущее, и достохвальные примеры ниневитян и царицы, и страшные примеры погибели тирян и содомлян? Так поступали и пророки, когда приводили в пример сынов Рихавовых, или невесту, не забывающую о своем украшении и поясе, или когда говорили, что вол знает своего хозяина, и осел ясли. Подобным образом и Спаситель, показав через сравнение с другими всю тяжесть злонравия фарисеев, наконец, говорит здесь и об их наказании.

[7] Что ж значат слова Его? Если бесноватые, говорит Он, избавятся от своего недуга и потом будут нерадеть о себе, то этим они привлекают сами на себя привидения, которые еще лютее прежних: в таком же состоянии находитесь и вы. И прежде вы одержимы были бесом, когда поклонялись идолам, когда закалали ваших сыновей в жертву демонам и тем показывали в себе сильное бешенство; но, не взирая на это, Я все не оставлял вас: Я изгонял из вас того беса через пророков, а потом пришел и сам, желая еще более вас очистить. Если же после всего этого вы не хотите внимать Мне, если вы решились еще на большее злодейство (потому что заклать самого Господа – гораздо большее и тягчайшее преступление, чем убивать пророков), то и потерпите за

то несравненно более, нежели отцы ваши, бедствовавшие в Вавилоне и в Египте и при Антиохе I. И в самом деле, бедствия, постигшие иудеев при Веспасиане и Тите, были несравненно ужаснее прежних. Потому и сказал Господь: «тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет» (Матф. 24:21). Но не только это одно открывается из примера бесноватого, а еще и то, что они совершенно будут чужды всякой добродетели и еще более подвержены действию демонов, нежели прежде. Тогда, хотя они и согрешали, но еще были среди них и праведники, еще присущ был Промысел Божий и благодать Святого Духа, заботившаяся, исправлявшая их и совершавшая все, что ей свойственно; а теперь они совершенно лишатся попечения Божьего, так что и крайнее оскудение добродетели, и необыкновенное усиление бед, и необузданное владычество демонов над ними будут их уделом. Вы сами знаете, как и в наше время, когда неистовствовал Иулиан, превзошедший своим нечестием всех нечестивцев, иудеи сблизились с греками, и как ревностно перенимали все их обычаи. Теперь они ведут себя, по-видимому, несколько умереннее и тише, но это только оттого, что боятся царей: не будь этого страха – и они пустятся на большие неистовства, чем прежде, потому что в других злых делах они далеко превосходят своих предков, с величайшей ревностью занимаются чародейством и магией и не знают меры в удовлетворении похоти. А в жизни общественной, несмотря на то, что они стянуты крепкой уздой, сколько раз они бунтовали и восставали против царей! Этим и навлекли на себя тяжкие бедствия.

[8] 4. Где теперь ищущие знамений? Пусть услышат они, что более всего нужно сердце, чувствительное к добру. А если его не будет, то от знамений нет никакой пользы.

Вот ниневитяне уверовали и без знамений; а иудеи, видевшие столько чудес, сделались только худшими, обратили себя в жилище бесчисленного множества бесов и навлекли на себя тысячи бед. Так и должно быть по суду правды. Кто, однажды освободившись от зла, не сделается благоразумнее, тот подвергнется наказаниям, которые гораздо тягостнее прежних. Спаситель для того и сказал: не обретает покоя, – чтобы показать, что наветы бесовские непременно и необходимо обрушатся на тех, которые не воспользовались своим избавлением. В самом деле, надлежало бы таким людям сделаться благоразумнее по двум причинам: первая из них, – мысль о тяжести прежнего страдания; вторая – ощущение драгоценности избавления. К этим причинам можно присовокупить и третью – угрозы, заставляющие опасаться, чтоб не случилось чего хуже. Но иудеи ни одним из этих побуждений не тронулись, и не сделались лучшими. Впрочем, сказанное теперь об иудеях относится не к ним одним, а и к нам, если мы, просветившись и избавившись от прежнего зла, опять прилепляемся к прежним порокам. За грехи, совершенные нами после просвещения, мы понесем более тяжкое наказание. Потому-то Христос и расслабленному сказал: «вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже» (Иоан. 5:14). И это сказано человеку, тридцать восемь лет лежавшему в болезни. Ты спросишь: что ж еще хуже этого могло с ним случиться? Могло постигнуть его наказание, гораздо более жестокое и несносное. Не дай Бог нам на самом деле испытать все те страдания, каким мы можем подвергнуться! У Бога наказаний много: «Как велика милость Его, так велико и обличение Его» (Иис. Сир. 16:13). Потому-то особенно и обвиняет Он помилованный им Иерусалим, говоря через пророка

Иезекииля: «увидел тебя в кровях твоих», «омыл Я тебя и помазал елеем», «и пронеслась по народам слава твоя ради красоты твоей», «блудила с соседями твоими» (Иез. 16:6, 9, 14, 26). А потому и угрожает согрешившему городу тягчайшими наказаниями. Мы же, внимая этому, помыслим не только о наказании, но и о беспредельном долготерпении Божьем. В самом деле, сколько раз мы впадали в те же грехи, а Он все еще терпит нас! Но не будем беспечны, а напротив исполнимся страхом. Если б и фараон вразумился первой казнью, то не испытал бы последующих и не потонул бы вместе со всем своим войском в пучине морской. Я упоминаю об этом потому, что знаю многих людей, которые и ныне, подобно фараону, говорят: не знаю Бога, – и не дают подвластным своим отойти от глины и кирпичей. Бог повелевает смягчить даже угрозы; а между нами сколько есть таких, которые не хотят даже облегчить и тяжелых работ! Но за то им уже не через Чермное море предназначено переходить. Им уготовано море огненное, с которым Чермное ни по величине, ни по качеству сравниться не может, – море, несравненно обширнейшее и яростнейшее, которого волны все из огня, и огня необыкновенного и ужасного. Там зияет великая пропасть, пышущая лютейшим пламенем. Там повсюду увидишь пробегающий огонь, подобный какому-то свирепому зверю. Если же и здешний чувственный, вещественный огонь, выскочив, как зверь, из печи халдейской, напал на тех, которые сидели вне ее, то чего не сделает адский огонь с теми, которые впадут в него? Послушай, что говорят о дне суда пророки: «день Господа лютый, с гневом и пылающей яростью» (Ис. 13:9). Не найдешь тогда ни заступника, ни избавителя; не увидишь тогда кроткого и тихого лица Христова. Но как сосланные в рудники отдаются под

власть людей немилостивых, и не могут видеть никого из своих домашних и друзей, а только видят своих надзирателей, – так будет и тогда, и еще не так, а несравненно хуже. Здесь еще можно прибегнуть к царю и умолить его, и таким образом снять с осужденного оковы; а там это уже невозможно. Из ада никого ни выпускают, и заключенные там вечно горят в огне и претерпевают такое мучение, которого и описать невозможно. Если никакое слово не может выразить и тех лютых страданий, какие терпят люди, сжигаемые здесь, то тем более неизобразимы страдания мучимых там. Здесь, по крайней мере, все страдание оканчивается в несколько минут, а там палимый грешник вечно горит, но не сгорает.

9 Что же нам делать, если попадем туда? Я это говорю к самому себе. Но если ты, учитель, – скажет мне кто-нибудь, – так говоришь о себе; то мне уже нечего и заботиться. Чему дивиться, что меня будут наказывать? Ах, нет! Молю вас, пусть никто не думает искать подобного утешения. В этом нет ни малейшей отрады. Скажи мне: не бестелесной ли силой был дьявол? Не превосходнее ли людей был он? И, однако, он пал. Что ж, разве может кто-нибудь почерпнуть для себя утешение в том, что он будет мучиться вместе с дьяволом? Никак. Что было некогда со всеми египтянами? Не видели ли они, что и начальники их терпят казнь, и в каждом доме слышен плач? Могли ли они, видя это, утешиться и отдохнуть от горести? Совсем нет, как это и видно из их действий впоследствии, когда они, как будто гонимые каким огненным бичом, все предстали перед царем, и заставили его отпустить народ еврейский. Как нелегко это считать утешением, что наказываются вместе со всеми, и говорить: как все, так и я! Что уже говорить о геенне? Представь себе только одержимых болезнью в ногах, и

укажи им, в то время как они терзаются чувством жестокой боли, на тысячу других людей, страждущих еще более чем они. Они и не поймут тебя, потому что сильная боль не дает ни малейшей свободы размышлению, чтобы можно было подумать о других и найти в этом утешение. Итак, не будем питать себя такими пустыми надеждами. Извлекать себе утешение из бедствий, претерпеваемых ближним, можно разве только тогда, когда собственные страдания довольно сносны; но когда мучение выходит из границ, когда вся внутренность кипит, когда душа и себя самой уже узнать не может, – тогда откуда почерпнет она утешение?

10 5. Итак, все эти слова – один только смех и басни несмышленых детей. Утешение, о котором говоришь ты, имеет место только в легкой скорби, только в сносной печали, когда услышим, что и другой то же терпит; да и то не всегда. Если же и в сносной печали оно остается иногда вовсе бессильным, то тем более в той невыразимой болезни и тоске, которая обнаруживается скрежетом зубов. Знаю, что тяжело и неприятно вам слышать от меня такие слова; но что мне делать? Я не желал бы говорить об этом, я рад бы был и в самом себе, и во всех вас сознавать добродетель. Но когда почти все мы живем в грехах, то даруй Боже, чтобы я мог породить в вас истинную печаль, и коснуться самого сердца моих слушателей! Тогда я был бы спокоен и перестал бы говорить об этом. А теперь я страшусь, чтоб некоторые из вас не пренебрегли словами моими, и за пренебрежение и невнимательность не подверглись бы большему наказанию. Если бы какой-нибудь раб, слыша угрозы господина, пренебрег ими, то, конечно, разгневанный господин не оставил бы его ненаказанным, а наложил бы на него за это тягчайшее наказание. Итак, умоляю вас,

сокрушимся сердцем, слыша слово о геенне. Поистине нет ничего сладостнее этой беседы, по тому самому, что нет ничего горче самой геенны. Но как же, спросишь ты, может быть сладостна беседа о геенне? Потому именно, что не сладко низринуться в геенну; а напоминания о ней, кажущиеся несносными, предохраняют нас от этого бедствия. Кроме того, они доставляют нам и другую еще усладу, приучают наш дух к сосредоточенности, делают нас более благоговейными, возносят ум наш горе, воскрыляют наши мысли, прогоняют злое ополчение похотей, осаждающих нас, и, таким образом, врачуют нашу душу. Теперь, после напоминания о наказании, позвольте мне сказать нечто и о стыде, ожидающем нас, потому что как иудеев осудят ниневитяне в день суда, так и нас осудят тогда многие, презираемые нами ныне. Итак, размыслим, какому мы подвергнемся осмеянию, какому осуждению; размыслим – и положим теперь же начало, и войдем в дверь покаяния. Я это говорю самому себе, прежде всех увещеваю к этому самого себя; не гневайся никто, как будто бы я хотел осуждать кого. Вступим на узкий путь. Доколе нам предаваться изнеженности? Доколе лениться? Еще ли не довольно жили мы в беспечности, в смехе, откладывая обращение со дня на день? Или опять все останется по-прежнему: и богатый стол, и пресыщение, и роскошь, и жадность к деньгам, и любостяжание, и охота строиться? Но какой же будет конец? Смерть. Какой конец? Пыль и прах, гроб и черви. Итак, начнем новую жизнь, сделаем землю небом; покажем язычникам, каких лишены они благ. Взирая на благоустроенную жизнь нашу, они будут видеть образ царствия небесного. Когда они увидят, как мы скромны, как свободны от гнева, от злых вожделений, от зависти, от любостяжания, как верно выполняем все обязанности, то

скажут: если здесь христиане делаются ангелами, то каковы они будут по переселении отсюда? Если здесь, будучи странниками, они разливают такой свет, то какими они явятся, когда достигнут своего отечества? Таким образом, и язычники, смотря на нас, сделаются лучшими, и слово благочестия распространится столь же обширно, как во время апостолов. В самом деле, если двенадцать апостолов обратили целые города и страны, то подумай, каким успехом увенчаются наши труды, когда мы все, ревностно стараясь о доброй жизни, через это самое сделаемся учителями? Язычника не столько привлекает воскресший мертвец, сколько любомудрый человек. От первого он придет в изумление, а от последнего получит пользу. То было, и прошло; а жизнь любомудрая пребывает постоянно, и всегда споспешествует к доброму возделыванию души его. Итак, позаботимся о себе самих, чтобы приобрести и неверных.

[11] Я не предлагаю вам ничего неудобоисполнимого; не говорю: не женись; не говорю: оставь город и устранись от дел общественных; но увещеваю, чтобы ты, оставаясь при них, украшался добродетелью. Я желал бы даже, чтобы живущие в городах больше отличались доброй жизнью, нежели удалившиеся в горы. Почему? Потому что из этого произошла бы весьма великая польза. Никто не зажигает светильника, и ставит его под спудом (Матф. 5:15). Поэтому-то желал бы я, чтобы все светильники поставлены были на подсвечниках, чтобы разливался от них великий свет. Возожжем же огонь этого света и сделаем то, чтобы сидящие во тьме избавились от заблуждения. Не говори мне: я имею жену и детей, управляю домом, и не могу этого исполнить. Если б ты ничего этого не имел, но оставался беспечным, то никакой не получил бы от этого пользы; а если и при всем

этом будешь тщателен, то обогатишься добродетелью. Требуется лишь одно – утверждение духа в добрых расположениях: тогда ни возраст, ни бедность, ни богатство, ни множество дел и ничто другое не может быть нам препятствием. Ведь и старики, и юноши, и женатые, и обязанные воспитывать детей, и ремесленники, и воины успевали исполнять все повеленное. Даниил был юноша, Иосиф был рабом, Акила был ремесленником, порфиропродательница управляла целым заведением; иной был стражем темничным, иной сотником, как Корнилий, иной имел слабое здоровье, как Тимофей, иной даже бежал от господина, как Онисим: и, однако же, никто из них не был удержан никаким препятствием, но все они вели достославную жизнь, и мужи, и жены, и юноши, и старцы, и рабы, и свободные, и воины, и простолюдины. Итак, не будем прикрываться бесполезными и пустыми извинениями, но утвердим в себе доброе намерение. Тогда, какое бы ни было наше звание, мы, без сомнения, сохраним добродетель, и сподобимся грядущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава и честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Беседа 44

[1] «Когда же Он еще говорил к народу, Матерь и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним. И некто сказал Ему: вот Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобой. Он же сказал в ответ говорившему: кто Матерь Моя? и кто братья Мои? И, указав рукой Своей на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои». (Матф. 12:46–49)

[2] Изъяснение 12:46–13:9. Цель упрека, сделанного Христом матери и братьям. – Родство по плоти не приносит никакой пользы, если нет родства духовного. – Изъяснение притчи о сеятеле. – Семя погибает не по вине сеющего. – Погибель и плодоношение зависят от воли приемлющего. – Для спасения недостаточно одной какой-либо добродетели. – Вред, причиняемый телу и душе пресыщением.

[3] 1. То самое, о чем я говорил прежде, т. е. что без добродетели все бесполезно, весьма ясно открывается и теперь. Я говорил, что и возраст, и пол, и пустынножительство, и тому подобное бесполезны, когда нет доброго расположения. А теперь мы узнаем еще более: без добродетели нет никакой пользы и Христа носить в чреве и родить этот дивный плод. Это особенно видно из приведенных слов. «Когда же Он еще говорил к народу», говорит евангелист, «некто сказал Ему: вот Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с

Тобой». А Христос отвечает: «кто Матерь Моя? и кто братья Мои»? Это говорит Он не потому, чтобы стыдился Матери Своей, или отвергал родившую Его (если бы Он стыдился, то и не прошел бы сквозь утробу ее); но желал этим показать, что от того нет ей никакой пользы, если она не исполнит всего должного. В самом деле, поступок ее происходил от излишней ревности к правам своим. Ей хотелось показать народу свою власть над Сыном, о Котором она еще не думала высоко; а потому и приступила не во время. Итак, смотри, какая неосмотрительность со стороны ее и братьев! Им надлежало бы войти и слушать вместе с народом, или, если не хотели этого сделать, дожидаться окончания беседы, и потом уже подойти. Но они зовут его вон, и притом при всех, обнаруживая через это излишнюю ревность к правам своим и желание показать, что они с большой властью повелевают Им. Об этом самом и евангелист с укоризной говорит. Когда же Он еще говорил к народу», говорит он, намекая на это. Неужели не было другого времени? – как бы так говорит он. Неужели нельзя было поговорить наедине? Да о чем и говорить хотели? Если об истинном учении, то им надлежало предложить об этом явно и говорить при всех, чтобы и другие получили пользу; если же о своих делах, то не должны были так настаивать. Если Христос не позволил ученику Своему пойти и похоронить отца, чтобы последование его за Христом не пресекалось, то тем более не должно было прерывать беседы Его с народом для дел неважных. Отсюда ясно, что они делали это по одному тщеславию, на что и Иоанн указывая, говорил, что «и братья Его не веровали в Него» (Иоан. 7:5). Он же передает и неблагоразумные слова их, говоря, как они звали Его в Иерусалим для того единственно, чтобы Его

знамениями самим прославиться: «если такие дела творишь», говорят они, «яви Себя миру: никто не делает чего-либо втайне, и ищет сам быть известным» (Иоан. 7:4). И сам Христос тогда упрекал их в этом, осуждая плотские их помышления. Когда они, ввиду худого мнения о Христе иудеев, говоривших: «не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами, Его сестры» (Матф. 13:55–56; Марк 6:3)? – желая скрыть низость Его рода, вызывали Его явить знамения, – тогда Он противится им, и тем хочет исцелить болезнь их. Итак, если бы он захотел отречься от Матери Своей, то отрекся бы от нее тогда, когда поносили Его иудеи. Напротив, Он так заботится о ней, что и на самом кресте препоручает ее возлюбленнейшему ученику и проявляет о ней великую заботливость. Но теперь Он не делает того из предусмотрительной любви к ней и братьям. Так как они думали о Нем как о простом человеке, и тщеславились, то Он исторгает этот недуг, не оскорбляя, впрочем, их, но исправляя. Но ты обращай внимание не на одни только слова, заключающие в себе легкий упрек, но и на неуместную смелость братьев, на которую они отважились, и на того, кто упрекал (это был не простой человек, но Единородный Сын Божий), и с каким намерением упрекал. Он не хотел оскорбить их, но избавить их от мучительной страсти, мало-помалу привести их к правильному о Себе понятию и убедить, что Он не Сын только Матери Своей, но и Господь. И ты увидишь, что этот упрек и Ему весьма приличен, и полезен Матери, и вместе с тем весьма кроток. Он не сказал напомнившему о Матери: пойди, скажи Матери, что она не мать Моя; но возражает ему: «кто есть мать Моя»? Говоря это, Он имел в виду еще нечто другое. Что же именно? То, что ни они, и никто другой не должны

полагаться на родство и оставлять добродетель. В самом деле, если для Матери Его не будет никакой пользы в том, что она мать, раз она не будет добродетельна, то родство тем менее спасет кого-нибудь другого. Есть одно только благородство – исполнение воли Божьей, и это благородство лучше и превосходнее того (плотского) родства.

4 2. Итак, зная это, мы не должны гордиться ни достославными детьми, если не имеем сами добродетелей их, ни благородными родителями, если не подобны им по жизни. Можно ведь и родив не быть отцом, и не родив быть им. Вот почему, когда одна жена сказала: «блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие» (Лук. 11:27), Христос не сказал на это: не носило Меня чрево, и не сосал Я сосцов, но: истинно, блаженны исполняющие волю Отца Моего (Лук. 11:28)! Видишь, как Он и прежде, и здесь не отвергает естественного родства, но присовокупляет к нему родство по добродетели. Равным образом и Предтеча, говоря: «порождения ехиднины! не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам» (Матф. 3:7,9), не на то указывает, что они (фарисеи и саддукеи) не происходили от Авраама по естеству, но что нисколько не полезно им это происхождение от Авраама, если они не будут иметь с ним родства нравственного. Это самое и Христос показывая, говорил: «если бы вы были дети Авраама, то дела Авраама делали бы» (Иоан. 8:39). Этими словами Он не отнимает у них родства по плоти, но научает искать родства лучшего и превосходнейшего. То же самое и здесь Он хочет внушить, но только внушает с большим снисхождением и нежностью; речь шла о Матери и Он не сказал: она не мать Моя, они не братья Мои, потому что не творят воли Моей, не произнес осуждения на них, но, говоря со свойственной Ему

кротостью, оставлял на волю их желать другого родства. Творящий, говорит Он, кто «будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матерь» (Матф. 12:50). Потому, если они хотят быть сродниками Его, пусть идут этим путем. Также, когда воскликнула жена: «блаженно чрево, носившее Тебя», Христос не сказал: у Меня нет матери, но если мать Моя хочет быть блаженной, пусть творит волю Отца Моего. Таковой для Меня и брат, и сестра и мать. Какая честь! Как велика добродетель! На какую высоту возводит она идущего путем ее! Сколько жен ублажали эту святую Деву и чрево ее, и желали быть такими матерями, и все отдать за такую честь! Что ж препятствует? Вот Христос показал нам пространный путь, и не только женам, но и мужам можно достигнуть столь великой чести, и даже еще гораздо большей. Идя этим путем, скорее можно сделаться матерью, нежели претерпевая болезни рождения. Потому, если родство плотское есть уже счастье, то родство духовное настолько более, насколько оно превосходнее первого. Итак, не просто желай родства, но и с большим тщанием иди путем, ведущим тебя к этому желанию. Сказав это, Спаситель вышел из дому. Видишь ли, как Он и упрек сделал, и исполнил их желание? То же самое делает Он и на браке. И там Он сделал упрек матери Своей, которая безвременно просила Его, и, однако же, не отказал ей, – упреком врачуя немощь ее, исполнением просьбы показывая любовь Свою к Матери. Так точно и здесь, с одной стороны, Он врачевал недуг тщеславия, с другой – воздал должную честь Матери, хотя требование ее было и неуместно. «В день тот», говорится, «выйдя из дома, Иисус сел у моря» (Матф. 13:1). Если хотите видеть и слышать Меня, – говорит Он, – то вот Я выхожу и беседую. Сотворив много знамений, Он хочет

опять доставить пользу учением Своим, и садится у моря, чтобы ловить и привлекать к Себе людей, находящихся на земле. Сел же Он у моря не без намерения (на что и евангелист намекает, отмечая это обстоятельство), но, желая поставить Себя в таком положении, чтобы никого не было позади Него, а все перед глазами. «И собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сел; а весь народ стоял на берегу» (Матф. 13:2). Когда Он сел тут, начал поучать притчами. «И поучал их много притчами» (Матф. 13:3). Не так Он поступил на горе: там слово Свое не предложил Он в столь многих притчах. И это потому, что там был только простой и необразованный народ, а здесь находились и книжники и фарисеи. Но заметь, какую прежде говорит Он притчу, и как по порядку предлагает их Матфей. Итак, какую же прежде говорит Он? Ту, которую должно было, прежде всего, сказать, и которая более способна возбудить внимание в слушателе. Намереваясь говорить прикровенно, Он прежде возбуждает ум слушателей притчей. Потому и другой евангелист говорит, что Христос сделал им упрек за то, что они не разумеют: «не понимаете этой притчи» (Мк. 4:13)? Впрочем, не для того только говорит Он притчами, но и для того, чтобы сделать слово Свое более выразительным, глубже запечатлеть его в памяти, и представить предмет нагляднее. Так поступают и пророки.

[5] 3. Итак, какая ж это притча? «Вышел сеятель сеять». Откуда вышел вездесущий и все исполняющий? Или, как вышел? Не местом стал Он ближе к нам, но расположением и промышлением о нас, когда облекся плотью. Так как грехи заграждали нам доступ к Нему и не позволяли взойти, то Он сам выходит к нам. И для чего вышел? Погубить ли землю, исполненную терний?

Наказать ли земледельцев? Нет. Он вышел для того, чтобы тщательно возделать землю и посеять на ней слово благочестия. Здесь под семенем Христос разумеет Свое учение, а под нивой души человеческие, под сеятелем же Себя самого. Какой же плод этого семени? Три части его погибают и одна только остается. «И когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то» (Матф. 13:4). Христос не сказал, что Он сам бросил, но что семя упало. «Иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать. Кто имеет уши слышать, да слышит» (Матф. 13:5–9). Четвертая часть уцелела, да и та не одинаковый принесла плод, но большое и здесь различие. Из этих слов видно, что Христос предлагал учение Свое всем без различия. Как сеятель не различает находящейся перед ним нивы, но просто и без всякого различия бросает семена, так и Он не различает ни богатого, ни бедного, ни мудрого, ни невежду, ни беспечного, ни заботливого, ни мужественного, ни робкого; но всем проповедал, исполняя Свое дело, хотя и наперед знал, какие от этого будут плоды, чтобы можно было Ему сказать: что Мне еще нужно было сделать, и не сделал (Ис. 5:4)? Пророки говорят о народе, как о винограде: «у Возлюбленного моего был виноградник»; и: «из Египта перенес Ты виноградную лозу» (Ис. 5:1, Псал. 79:9). А Христос говорит о народе, как о семени. Что же Он показывает этим? То, что теперь народ будет скоро и легко повиноваться, и тотчас даст плод. Когда же ты слышишь, что «вышел сеятель сеять», то не почитай этого

тождеством. Сеятель выходит часто и для другого дела, например: вспахать землю, или истребить негодную траву, или исторгнуть терние, или сделать другое что-нибудь подобное; но Христос вышел для сеяния.

6 Отчего же, скажи мне, погибла большая часть семени? Это произошло не от сеявшего, но от земли приемлющей, т. е. от души не внимавшей. Но почему не говорит Он, что иное семя приняли беспечные, и погубили его; другое приняли богатые, и подавили его; иное слабые, и пренебрегли его? Он не хочет сделать им сильного упрека, чтобы не ввергнуть их в отчаяние, но предоставляет обличение собственной совести слушателей. Впрочем, это случилось не только с семенем, но и с неводом. И в нем было много бесполезного. Настоящую притчу Христос предлагает для укрепления и наставления учеников Своих, чтобы они не унывали, хотя и большинство приемлющих слово их погибнут. То же было и с самим Господом; и хотя Он наперед знал, что так именно будет, не переставал, однако же, сеять. Но благоразумно ли, скажешь, сеять в тернии, на каменистом месте, при дороге? Конечно, в отношении к семенам и земле это было бы не благоразумно; но в отношении к душам и учению это весьма похвально. Если бы земледелец стал так делать, то справедливо заслуживал бы порицания, потому что камню нельзя сделаться землей, и дороге не быть дорогой, и тернию не быть тернием; но не то бывает с существами разумными. И камню можно измениться и стать плодородной землей; и дорога может быть не открытой для всякого проходящего и не попираться его ногами, а может сделаться тучной нивой; и терние может быть истреблено, и семена могут расти беспрепятственно. Если бы это было невозможно, то Христос и не сеял бы. Если же такое

изменение происходило не во всех, то причиной этого не сеятель, но те, которые не хотели измениться. Христос исполнил Свое дело; если же они пренебрегли Его учением, то явивший столь великое человеколюбие не виновен в том. Заметь еще и то, что не один путь погибели, но различные, и один от другого далеко отстоящие. Те, которые подобны дороге, это – нерадивые, беспечные и ленивые, а камень изображает только слабейших. «Посеянное на каменистых местах», говорит Христос, «означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняется. Ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его – вот кого означает посеянное при дороге» (Мф. 13:20–21:19). Не одно и то же, когда учение теряет силу свою без всяких козней и притеснений, и – когда оно бывает недействительно при искушениях. Те же, которые подобны тернию, виновнее всех прочих.

[7] 4. Итак, чтобы не случилось с нами чего-нибудь подобного, будем усердно внимать учению и беспрестанно иметь его в памяти. Пусть дьявол и хищничает; но от нас зависит не давать ему расхищать. Если семена и засыхают, то не зной бывает причиной этого, – не сказано, ведь, что посохли от зноя, но: «как не имели корня». Если и подавляется слово, то не от терния это происходит, но от тех, которые допустили взойти ему. Можно, если захочешь, не допустить этого негодного растения и богатство употребить, как должно. Потому Христос не сказал: век, но: «забота века»; не сказал: богатство, но: «обольщение богатства» (Матф. 13:22). Итак, будем обвинять не самые вещи, но испорченную

волю. Можно и богатство иметь, и не обольщаться им, – и в веке этом жить, и не подавляться заботами. Богатство соединяет в себе два противоположные зла: одно сокрушает и омрачает – это есть забота; другое расслабляет – это есть роскошь. И хорошо сказал Спаситель – «обольщение богатства», потому что все в богатстве лесть, – имена только, а не действительность. Подлинно, и удовольствие, и слава, и пышность и все тому подобное – один только призрак, а не действительная истина. Итак, сказав о различных родах погибели, Он, наконец, говорит и о доброй земле, чтобы не привести в отчаяние, но подать надежду на раскаяние и показать, что возможно из камня и терния обратиться в добрую землю. Но если и земля хороша, и сеятель один, и семена одни и те же, то почему одно семя принесло плод во сто крат, другое в шестьдесят, третье в тридцать? Здесь опять различие зависит от свойства земли, потому что и в хорошей земле можно найти много различия. Теперь видишь, что виной этому не земледелец, и не семена, но приемлющая земля. Различие это зависит не от природы людей, но от их воли. И здесь открывается великое человеколюбие Божье в том, что Господь требует не одинаковой степени добродетели, но и первых приемлет, и вторых не отвергает, и третьим дает место. Это говорит Он для того, чтобы последователи Его не подумали, что для спасения достаточно одного слушания. Почему же, скажешь ты, Он не сказал о других пороках, – например, о плотском вожделении, тщеславии? Сказав: «забота века сего и обольщение богатства», Он все сказал, потому что и тщеславие, и все другие пороки дело века сего и лести богатства, как, например, удовольствие, жадность, зависть, тщеславие и все прочее, подобное этому. О пути же и камне Он упомянул, желая показать, что

недостаточно освободиться от любви к богатству, но нужно позаботиться и о другой добродетели. Что пользы в том, если ты не пристрастен к богатству, но женоподобен и изнежен? Что пользы в том, если не изнежен, но беспечно и нерадиво слушаешь слово? Недостаточно одной добродетели для спасения нашего, но нужно, во-первых, тщательное слушание слова и всегдашнее памятование о нем; потом нужно мужество; далее – презрение богатства, и, наконец, – бесстрастие ко всему житейскому. Слушание слова потому ставит Он, прежде всего прочего, что оно, прежде всего, нужно. «Как уверуют», если не услышат (Рим. 10:14)? Так и мы (если не будем внимать слову, не будем иметь возможности узнать то, что должно делать). Потом уже говорит Он о мужестве и о презрении настоящих благ. Итак, зная это, оградим себя отовсюду, будем внимать слову, глубоко насаждать его в себе и очищать себя от всего житейского. Если будем одно делать, а о другом нерадеть, то не будет нам никакой пользы: так или иначе, все равно погибнем. Какое различие, если погибнем не от богатства, а от беспечности, или не от беспечности, а от изнеженности? Земледелец все равно скорбит, как бы он ни погубил семени. Итак, не будем утешаться тем, что мы погибаем не во всех отношениях, но будем плакать, каким бы образом мы ни погибали и будем сжигать терние, потому что оно подавляет слово. Это знают богатые, которые не способны не только к этому, но и ни к чему другому. Будучи рабами и пленниками страстей, они не способны и к гражданским делам. Если ж они не способны и к этому, то тем более к небесному. Двоякая язва заражает помышления их: роскошь и забота. Каждая из них сама по себе достаточна для потопления челнока. Представьте же, какое произойдет волнение, когда обе соединятся!

[8] 5. Не удивляйся тому, что Христос назвал роскошь тернием. Ты, упоенный страстью, не знаешь этого; но не зараженные этой страстью знают, что роскошь уязвляет более, нежели терние, и изнуряет душу сильнее, нежели забота, и причиняет самые мучительные болезни, как телу, так и душе. Не столько мучит забота, сколько пресыщение. Когда бессонница, боль в висках, тяжесть в голове и болезни в желудке мучат пресыщенного, то представь, скольких терний несноснее это! Как терние, с какой бы стороны ни брали его, окровавливает руки, так и роскошь вносит язву и в ноги, и в руки, и в голову, и в глаза, – словом, во все члены; она безжизненна и бесплодна как терние, и гораздо больше его вредна, и вредна для существеннейших частей. В самом деле, она преждевременно приближает к старости, притупляет чувства, омрачает мысль, ослепляет проницательный ум, наполняет тело влагами, скопляет гной, причиняет множество болезней и производит большую тяжесть и непомерную тучность, от чего и бывают постоянные падения, частые крушения. Для чего, скажи мне, утучняешь ты тело? Разве мы собираемся принести тебя в жертву? Или предложить на трапезу? Хорошо откармливать птиц, – или лучше сказать, и их не хорошо, потому что, когда они утучнеют, употребление их в пищу уже не бывает для нас здоровым. Так-то велико зло – пресыщение: оно вредно и бессловесным. Откармливая, делаем их бесполезными и для них самих, и для нас, потому что от этой тучности и пища неудобно варится, и соки гниют. Но те животные, которых не много кормят и которые, так сказать, постятся, употребляют пищу в умеренном количестве и находятся в трудных работах, бывают весьма полезны и для себя и для других, годны для пищи и для всего прочего. Те, которые питаются ими,

бывают более здоровы; те же, которые употребляют в пищу жирных животных, уподобляются им, становятся ленивыми, больными и сами на себя налагают тягчайшие узы. Ничто столько не противно и не вредно телу, как пресыщение; ничто столько не разрушает, не обременяет и не губит его, как неумеренное употребление пищи. Поэтому можно только удивляться безумно пресыщающимся, что они не хотят даже и настолько поберечь себя самих, сколько другие берегут мехи. Продавцы вин не наполняют и мехи более надлежащего, чтобы не прорвать их; а они и такой заботы не хотят иметь о бедном своем чреве, но до чрезмерности обременяют его пищей, наполняют себя вином до ушей, ноздрей и самого горла, и таким образом сугубо стесняют дух и ту силу, которая устраивает животную жизнь. Для того ли дана тебе гортань, чтоб ты до самых уст наполнял ее вином и другими вредными веществами? Не для того, человек, но чтоб, во-первых, славословить Бога, воссылать к Нему священные молитвы, читать божественные законы; во-вторых, подавать советы полезные ближним. А ты, как будто для обжорства только получив гортань, не даешь ей ни малейшего времени для священного занятия, а всю жизнь употребляешь ее на постыдную работу. Таковые люди поступают подобно тому, кто, взяв арфу, имеющую струны золотые и хорошо настроенную, вместо того, чтоб ударять в нее и извлекать гармоничные звуки, завалит ее навозом, всякой дрянью. Навозом я называю не пищу, но пресыщение и всякую неумеренность, так как то, что сверх меры, не питает уже, а только вредит. Одно чрево дано только для принятия пищи, а уста, гортань и язык даны и для других, более необходимых занятий; или лучше, и чрево дано не просто для принятия пищи, но для принятия пищи умеренной. Оно само показывает нам это,

так как всегда вопиет против нас, когда мы повредим ему таким излишеством; и не только вопиет, но, в отмщение за несправедливость, налагает на нас и величайшее наказание. И, во-первых, оно наказывает ноги, которые носят нас и водят на роскошные пиршества; потом связывает служащие ему руки за то, что они доставляли ему столь многие и столь хорошие яства. А многим оно повредило и самые уста, глаза и голову. Как раб, когда возложат на него что-либо свыше сил, в сильном негодовании оскорбляет своего господина, так и чрево, которому сделали насилие, часто губит и портит, вместе с прочими членами, и самый мозг. Потому хорошо устроил Бог, соединив с неумеренностью такие вредные следствия, чтобы ты, если по доброй воле не хочешь поступать благоразумно, хотя невольно, из-за страха и великого вреда, научился умеренности. Итак, зная это, будем убегать от роскоши, будем заботиться об умеренности, чтобы и здоровьем телесным наслаждаться и, избавив душу от всякой болезни, сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 45

[1] «И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано». (Мф. 13:10–11)

[2] Изъяснение 13:10–23. Благоразумие учеников. – Благодать не уничтожает свободы. – Иудеи сами были причиною того, что не понимали учения Христова. – Христос хотел их обращения и спасения. – Грех не есть дело природы или необходимости. – Многообразие путей спасения. – Увещание к милостыне и сострадательности к бедным.

[3] 1. Достойно удивления, что ученики, несмотря на сильное желание узнать, почему Иисус Христос говорит народу в притчах, разбирают время, когда предложить этот вопрос. Они делают это не при всех, как показал Матфей, говоря: «И, приступив». А что объяснение мое не есть догадка, это открывает яснее Марк, когда говорит, что ученики приступили к Нему, когда Он был один (Мк. 7:17). Так надлежало поступить и братьям, и Матери Его: не вызывать Его из дома и не выставлять себя. Заметь также и великую любовь учеников, – как много они заботятся о других, и сперва ищут их пользы, а потом уже своей. «Для чего, – говорят они, – притчами говоришь им»? Они не сказали: для чего Ты нам в притчах говоришь? И в других случаях они часто обнаруживают любовь свою ко всем, – например, когда говорят: «отпусти

народ» (Лк. 9:12), и также: «Знаешь ли, что фарисеи, услышав слово сие, соблазнились» (Мф. 15:12)? Что же отвечает им Христос? «Вам, – говорит Он,– дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано». Он это сказал, не указывая на какую-либо необходимость, или на простое и случайное некоторых избрание, но показывая, что слушающие сами [являются] причиною всех зол, и вместе желая открыть, что разумение тайн царствия есть дар благодати, ниспосылаемой свыше. Впрочем, хотя это и дар, однако этим не уничтожается свобода, как видно из последующих слов. А чтобы одни не предались отчаянию, а другие беспечности, слыша, что им дано разуметь тайны царствия, смотри, как Он показывает и тем и другим, что это первоначально зависит от нас: «Ибо кто имеет, – говорит Он,– тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мф. 13:12, 25:29). Хотя эти слова довольно неясны, но они заключают в себе непререкаемую правду. Они означают то, что кто сам желает и старается приобрести дары благодати, тому и Бог дарует все; а в ком нет этого желания и старания, тому не принесет пользы и то, что он имеет, и Бог не сообщит ему даров Своих. «У того отнимется, – говорит,– и то, что имеет». Это не то значит, что Бог отнимает у него, но что не удостаивает его даров Своих. Так поступаем и мы. Когда видим, что кто-нибудь слушает нас рассеянно, и при всех убеждениях наших остается невнимательным, – наконец перестаем говорить, потому что, если мы будем настаивать, то беспечность его еще более усилится. Напротив, кто с ревностью слушает учение наше, того мы завлекаем в разговор и многое ему сообщаем. И справедливо сказано: «и то, что имеет», – потому что такой человек и этого не имеет. Далее Он объясняет слова Свои, показывая, что значит: «имеющему

дастся», – говоря таким образом: «а у неимеющего отнимется и то, что имеет». «Потому, – продолжает Он,– говорю им притчами, что они видя не видят» (Мф. 13:13). Но если они не видали, – скажешь, – то надлежало им открыть глаза. Да, если бы ослепление это было от природы, то надлежало открыть; но так как ослепление это было произвольное и зависело от свободы, то Он не сказал просто: «не видят», но: «видя не видят», то есть, что слепота их происходит от собственного их развращения. Они видели, что Он изгонял бесов, и говорили: «Изгоняет бесов силою веельзевула, князя бесовского» (Лк. 11:15). Слышали, что Он приводит их к Богу и поступает во всем согласно с волею божественною, – и говорили: «Не от Бога Этот Человек» (Ин. 9:16). Таким образом, сами они поступали вопреки тому, что видели и что слышали. За это-то, говорит Христос, Я и зрение и слух отниму у них. Они не только не получают от этого никакой пользы, но напротив, подвергаются еще большему осуждению, – потому что они не только не веровали в Него, но и поносили, и обвиняли, и злоумышляли против Него. Об этом последнем Он, впрочем, умалчивает, потому что не хочет быть строгим в обвинении. Сначала Он не притчами говорил им, но просто и ясно. Но так как они стали неохотно слушать Его, то Он, наконец, стал говорить им притчами. Далее: чтобы кто-либо слова Его не почел одним только упреком и не сказал, что Он укоряет и клевещет на них по вражде, Христос приводит слова пророка, подтверждающие то же самое: «Сбывается над ними, – говорит Он, – пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите» (Мф. 13:14). Замечаешь ли, что и пророк обличает их с такою же точностью в выражениях? И он не сказал: «не

увидите», но – «глазами смотреть будете – и не увидите»; не сказал: «не услышите», но: «слухом услышите – и не уразумеете». Итак, они сами были причиною того, что не понимали, заградив слух, закрыв глаза и ожесточив сердце. Они не только не слышали, но и «с трудом слышат» (Мф. 13:15). И делали это, говорит Господь, «и да не обратятся, чтобы Я исцелил их», – показывая тем их закоснение во зле и намеренное отвращение от Него.

[4] 2. Он говорит это с тем, чтобы привлечь их, возбудить и показать им, что, если они обратятся, Он исцелит их. Подобно тому, как у нас говорят: он не хотел видеть меня, и отлично; а если бы он удостоил меня своим посещением, я тотчас оказал бы ему милость, показывая этим средство к примирению, – так точно и здесь говорит Господь: «и да не обратятся, чтобы Я исцелил их», показывая, что они могут и обратиться, и спастись, если раскаются, и что Он делает все не для собственной славы, но для их спасения. Если бы Он не желал, чтобы они слушали Его и спасались, то надлежало бы Ему молчать, а не поучать их в притчах. Но теперь тем самым, что говорит им притчами, возбуждает их. «Разве Я хочу смерти беззаконника?» – говорит Господь Бог. Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив? Бог, – говорится, – не желает смерти грешника, но «чтобы он обратился от путей своих и был жив» (Иез.18:23). Что грех происходит не от природы, не по необходимости и принуждению, послушай, что говорит Христос апостолам: «Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат» (Мф. 13:16), – разумея под этим зрение и слух не чувственные, но умственные. И апостолы были иудеи, и воспитаны в том же законе, и однако, пророчество ни мало не повредило им, потому что хорошо был укреплен в них корень добра, т. е. разум и воля. Теперь, видишь ли,

что слова: «вам дано знать» не означают необходимости? Иначе за что бы называть их блаженными, если бы это доброе дело не зависело от них самих? Не говори того, будто Он учил невразумительно. И иудеи ведь, подобно ученикам, могли приходить и спрашивать Его. Но они не хотели делать этого по своему нерадению и беспечности. И что я говорю: не хотели? Они даже поступали вопреки Ему: не только не веровали, не только не слушали, но и враждовали против Него, и отвращались от Его учения, в чем Господь и обвиняет их словами пророка: «с трудом слышат». Но не таковы были ученики; потому-то и удостоились названия блаженных. Христос и другим образом укрепляет учеников Своих, говоря: «Истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали» (Мф. 13:17), – то есть, Мое явление, чудеса, глас и учение. Здесь Он ставит учеников своих выше не только развращенных иудеев, но и самих праведников, – они и этих последних, говорит, блаженнее. Почему же? Потому, что ученики видят не только то, чего не видали иудеи, но и то, что желали видеть праведники. Последние созерцали только верою, а ученики лицом к лицу, и гораздо яснее. Видишь ли, как Христос опять соединяет Ветхий Завет с Новым, показывая, что ветхозаветные праведники не только знали будущее, но и сильно его желали? А они не могли бы желать, если бы почитали какого-либо бога чуждого и противного истинному. «Вы же выслушайте, -:говорит Он,– [значение] притчи о сеятеле»; и говорит затем то, что мы сказали раньше, о беспечности и тщании, о боязни и мужестве, о богатстве и нелюбостяжании, показывая, какой проистекает вред от первых и какая польза от последних. Потом показывает различные роды добродетели. По

милосердию Своему, Он не один только указал путь и не сказал, что тот будет отчужден, кто не принесет сторичного плода; спасется, говорит Он, и тот, кто принесет плод в шестьдесят крат, и даже кто в тридцать. Это для того Он сказал, чтобы облегчить нам путь к спасению. Итак, не можешь переносить трудного состояния девства? Вступи в брак и живи целомудренно. Не можешь совершенно расстаться с богатством? Уделяй часть от имения твоего. Для тебя трудно и это бремя? Разделяй с Христом имение твое. Не хочешь отдать Ему всего? Отдай, по крайней мере, половину, или третью часть. Если Он твой брат и сонаследник на небесах, то сделай Его сонаследником и здесь. Ему давать – значит себе давать. Не слышишь ли, что говорит пророк: «От единокровного твоего не укрывайся» (Ис. 58:7)? Если же не должно презирать сродников, то тем более не должно презирать Господа, Который вместе с правом власти имеет еще право родства с тобою и многие другие права. Он соделал тебя участником Своих благ, не только не получив ничего Сам от тебя, но еще предупредив тебя этим неизреченным благодеянием. Итак, не великое ли безумие получать такие дары и, между тем, самому быть нечувствительным и не воздавать взаимно за благодеяние, и притом меньшим за большее? Он соделал тебя наследником неба, а ты не хочешь пожертвовать для Него и земным. Он примирил тебя с Богом, несмотря на то, что ты не только не сделал ничего доброго, но даже был врагом, а ты не хочешь воздать другу и благодетелю, тогда как, не говоря о царствии и о всем прочем, ты обязан воздать Ему благодарность за то самое, что можешь дать. Когда рабы приглашают господ на пир, делают это не с тем, чтобы доставить им удовольствие, но чтобы самим получить от них. Между тем, здесь

напротив, не слуга пригласил своего господина, но Господь призвал слугу к трапезе Своей. А ты не хочешь пригласить Его и после этого? Он Сам первый ввел тебя в дом Свой, а ты не хочешь сделать этого и теперь? Он прикрыл твою наготу, а ты и после этого не хочешь дать Ему приюта, как страннику? Он прежде утолил жажду твою из Своего сосуда, а ты не хочешь дать Ему и капли холодной воды? Он тебя напоил дарами Духа Святого, а ты не хочешь утолить и телесной Его жажды? Он тебя напоил Духом тогда, как ты был достоин наказания, а ты презираешь Его, когда Он жаждет, и это несмотря на то, что ты должен употребить Его же дары?

[5] 3. Ужели ты почитаешь маловажным держать ту чашу, которую будет подносить к устам, и из которой будет пить Христос? Ужели ты не знаешь, что один только священник имеет право предлагать чашу крови? Но я на это не смотрю строго, – говорит Христос, – а принимаю и у тебя. Хотя бы ты был мирянин, Я не отвергну тебя и не требую того, что Я сам тебе дал. Я требую не крови, но студеной воды. Представь, кому ты предлагаешь питие; представь – и трепещи. Помысли, что ты сам делаешься священником Христа, когда руками своими подаешь не тело, не хлеб, не кровь, но чашу холодной воды. Он облек тебя одеждою спасения, и облек сам; и ты сделай то же, хотя чрез раба. Он прославил тебя на небесах; а ты, по крайней мере, защити Его от страха, наготы и бесславия. Он удостоил тебя сожительства с ангелами; а ты прими Его только под кров твой, – по крайней мере, дай Ему приют, как бы рабу своему. Я не пренебрегаю приютом этим, – говорит Христос, – хотя сам Я отверз для тебя целое небо. Я освободил тебя от тягчайшего плена, но не требую того же от тебя и не говорю: освободи Меня; для Моего утешения довольно, если ты только обратишь на

Меня внимание, когда Я нахожусь в узах. Я воскресил тебя из мертвых, – и не требую, чтоб и ты сделал то же; но говорю: посети Меня только во время Моей болезни. Итак, каких адских мучений не достойны мы, ежели при столь великих благодеяниях, изливаемых на нас, и при столь легких требованиях от нас, не исполняем и последних? Будучи бесчувственнее камня, мы по всей справедливости пойдем в огонь, уготованный дьяволу и ангелам его. Скажи мне: какая бесчувственность с нашей стороны, когда мы, получая столь великие дары и столь великие имея в виду, остаемся рабами богатства, с которым скоро, может быть, против воли своей должны будем расстаться? Тогда как другие пожертвовали жизнью и пролили кровь свою, ты для небесного царствия и столь великой славы не хочешь пожертвовать даже своими избытками. Какое ты заслужишь прощение, какое получишь оправдание, если ты при засеве поля охотно вверяешь земле все семена и, давая в заем людям, ничего не жалеешь, а к бедным остаешься так жесток и бесчеловечен, к бедным, в лице коих ты питаешь Самого Господа? Итак, зная, что мы получили, что надеемся получить, и то, что требуется с нашей стороны, и размышляя о всем этом, покажем всякое рвение к делам духовным. Будем снисходительны и милосерды, чтобы нам не подвергнуться тяжкому наказанию. Если мы пользуемся столь многими и великими дарами, если так немного требуется с нашей стороны, и притом если требуется то, с чем мы должны расстаться здесь невольно, если так сильно привязаны к вещам временным, – то не послужит ли все это к нашему обвинению? Каждое из этих обстоятельств уже само по себе может осудить нас. Где же надежда спасения, если все это соединится вместе? Итак, чтобы не подпасть

совершенному осуждению, будем сострадательны к бедным. Чрез это мы сделаемся достойными благ как здесь, так и там, коих и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 46

[1] «Другую притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел; когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Придя же, рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоем? откуда же на нем плевелы? Он же сказал им: враг человека сделал это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но он сказал: нет, – чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы». (Мф. 13:24–30)

[2] Изъяснение 13:24–33. Отличие притчи от предыдущей. – Дьявол придает заблуждению подобие истины. – Необходимость постоянного бодрствования. – Не должно убивать еретиков; не запрещается их обуздывать. Действие и сила апостольской проповеди. – Не чудотворения, а добродетели соделали великими апостолов и других святых. – Благодать чудотворений и привлекается добродетельною жизнью, и дается для исправления других. – В чем состоит истинно добрая жизнь.

[3] 1. Какая разность между этой притчею и предыдущею? Там Спаситель говорил о людях, которые без внимания Его слушали, а отойдя, и самое семя бросили; здесь же разумеет еретические сонмища. Чтобы ученики не смущались и этим, Христос, после того как объяснил им, для чего говорит притчами, предсказывает и об еретиках. Первая притча показывала, что слово Его не принято; а второю дается знать, что вместе с словом приняты и вредящие слову. Таково одно из ухищрений дьявола, что он к самой истине всегда примешивает заблуждение, прикрашивая его разными подобиями истины, чтобы тем легче обмануть легковерных. Вот почему и Господь называет посеянное врагом не другим каким семенем, а плевелами, которые с виду походят несколько на пшеницу. Далее объясняет способ злоумышления: «когда же, – говорит,– люди спали». Не малою опасностью угрожает Он здесь начальникам, которым

преимущественно вверено хранение нивы, – впрочем, не одним начальникам, но и подначальным. Данными словами Он показывает и то, что заблуждение приходит после истины, как о том свидетельствует и действительный опыт. В самом деле, после пророков – лжепророки, после апостолов – лжеапостолы, после Христа – антихрист. Да и дьявол, пока не видит, к чему можно подделаться, или над кем ухитриться, ничего не начинает, даже не знает, как приступить к делу. Так и теперь, приметив уже, что «одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать», он избирает для себя новый путь. Так как он не мог ни похитить укоренившегося, ни заглушить, ни пожечь, то вымышляет другого рода обман, именно – всевает собственные семена. Но чем же, скажешь, спящие отличаются от уподобленных пути? Тем, что там дьявол похитил посеянное мгновенно, не дал ему даже и укорениться; а здесь ему потребовалось для обольщения больше хитрости. Указывая на это, Христос научает нас непрестанно бодрствовать. Пусть, говорит Он, ты избег прежних бед; но тебе предстоит новая. Как там бывает гибель от пути, камней и терний, так здесь – от сна. Нужно, следовательно, постоянно быть на страже. Потому-то и сказал Он: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф. 10:22). Нечто подобное случилось в начале христианства. Многие предстоятели церквей, введя в них людей лукавых, скрытных ересеначальников, тем самым открыли дьяволу легкий путь для совершения своих козней. После того, как он всеял такие плевелы, ему нечего было уже и трудиться. Но как, скажешь, возможно пробыть без сна? Без сна естественного – невозможно, а без сна произвольного – возможно. Потому и Павел сказал: «Бодрствуйте, стойте в вере» (1Кор.

16:13). Далее Господь показывает, что дело дьявола есть не только вредное, но и излишнее, потому что он сеет после того, как нива уже возделана и все работы кончены. Так поступают и еретики, которые единственно только по тщеславию впускают свой яд. И не в этих только, но и в последующих словах Господь продолжает с точностью описывать поведение еретиков. «Когда взошла зелень, – говорит Он, – и показался плод, тогда явились и плевелы». Так действуют и еретики. Сначала они себя прикрывают; когда же приобретут смелость и получат полную свободу слова, тогда и изливают яд. А для чего Господь вводит рабов, рассказывающих о случившемся? Чтобы иметь случай сказать, что не должно убивать еретиков. Дьявола же именует врагом человекам потому, что он вредит людям. Он желает вредить нам, хотя это желание произошло не от вражды на нас, а от вражды на Бога. Отсюда ясно, что Бог любит нас больше, нежели мы сами себя. Посмотри и с другой стороны, какова злоба дьявола. Он не сеял прежде, потому что нечего было погубить. Но когда уже все засеяно, сеет и он, чтобы испортить стоившее многих трудов земледельцу. Столь сильную вражду обнаружил во всем против Него дьявол! Заметь также усердие слуг: они сейчас же готовы выдергать плевелы, хотя поступают не совсем осмотрительно. Это показывает их заботливость о посеянном; они имеют в виду не то, чтобы был наказан всеявший плевелы, а единственно то, чтобы не погибло посеянное господином; в первом не было нужды, а потому и придумывают средство, как бы только истребить болезнь. Впрочем, избравши средство, они не осмеливаются сами собою привести его в исполнение; но ожидают приговора от господина, спрашивая его: «хочешь ли»? Что же отвечает им господин? Запрещает, говоря: «Нет, – чтобы, выбирая

плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы». Этими словами Христос запрещает войны, кровопролития и убийства. И еретика убивать не должно, иначе это даст повод к непримиримой войне во вселенной.

[4] 2. Итак, Он останавливает их в исполнении предпринятого намерения, по следующим двум причинам: во-первых, для того, чтобы не повредить пшеницу; а во вторых, потому что все неисцельно зараженные сами по себе подвергнутся наказанию. Поэтому, если хочешь, чтоб они были наказаны, и притом без повреждения пшеницы, то ожидай определенного к тому времени. Но что разумел Господь, сказав: «Чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы»? Или то, что принявшись за оружие и убивая еретиков, неминуемо истребите с ними многих святых; или то, что многие из этих самых плевел могут перемениться и сделаться пшеницею. Следовательно, если вы, – говорит Он, – искорените их преждевременно, то, лишив жизни людей, которым было еще время перемениться и исправиться, истребите то, что могло бы стать пшеницею. Итак, Господь не запрещает обуздывать еретиков, заграждать им уста, сдерживать их дерзость, нарушать их сходбища и заговоры; но запрещает их истреблять и убивать. И заметь, какова кротость Господа: Он не просто объявляет приговор Свой, не просто повелевает, но излагает вместе и причины. Что же будет, если плевелы соблюдутся до конца? Тогда «скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их». Опять приводит на память ученикам слова Иоанна, в которых Он изображен Судиею, и вразумляет, что должно щадить плевелы, доколе они растут подле пшеницы, потому что для них возможно еще стать пшеницею. Если же еретику случится умереть без

всякого плода, то необходимо постигнет его неизбежное наказание. «Скажу, – говорит Господь,– жнецам: соберите прежде плевелы». Для чего же «прежде»? Чтобы ученикам не подать случая к опасению, что вместе с плевелами выдергана будет пшеница. «И свяжите их в связки, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою. Иную притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно зерну горчичному» (Мф.13:31). Так как Господь сказал, что три части посеянного погибает, а одна спасается, да и в самой спасаемой бывает великое повреждение, то, предупреждая вопрос учеников: кто же и в каком числе будут верные? уничтожает их страх, обращая их к вере притчею о зерне горчичном, в которой показывает, что проповедь распространится повсюду. Поэтому-то и предлагает весьма подходящий к предмету речи образ горчичного зерна. «Которое, хотя меньше всех семян, – говорит Он,– но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Мф.13:32). Этим Господь хотел показать образ распространения проповеди. Точно то же самое, говорит Он, будет и с проповедью. Хотя ученики Его были всех бессильнее, всех уничиженнее, но так как сила, в них сокровенная, была велика, то она распростерлась по всей вселенной. Далее к этому образу Господь присовокупил еще подобие закваски, говоря: «Подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все» (Мф.13:33). Как закваска над большим количеством муки производит то, что муке усваивается сила закваски, так и вы преобразуете целый мир. Обрати внимание на смысл: Господь избирает для образа то, что бывает в природе, чтобы показать, что слово Его так же непреложно, как и видимое в природе происходит по необходимым законам.

Не говори мне: что сможем сделать мы, двенадцать человек, вступив в среду такого множества людей? В том самом и обнаружится яснее ваша сила, что вы, вмешанные во множество, не предадитесь бегству. Как закваска тогда только заквашивает тесто, когда бывает в соприкосновении с мукою, и не только прикасается, но даже смешивается с нею (потому и не сказано – положи, но – «скры», так и вы, когда вступите в неразрывную связь и единение со врагами своими, тогда их и преодолеете. И как закваска, будучи засыпана мукою, в ней не теряется, но в скором времени всему смешению сообщает собственное свойство, так точно произойдет и с проповедью. Итак, не страшитесь, что Я сказал о многих напастях: и при них вы просияете и всех преодолеете. Под тремя же сатами (*мерами*) Господь разумеет здесь многие саты, так как число это обыкновенно употребляет для обозначения множества. Не дивись также и тому, что, беседуя о царстве, Он упоминает о зерне и закваске. Он беседовал с людьми неискусными и малоучеными, которых к высокому надлежало возводить посредством низких предметов, и которые были так просты, что при всем том имели еще нужду во многих пояснениях. Итак, где сыны эллинские? Да уразумеют силу Христову, имея пред очами истину событий! Да поклонятся Господу и как предрекшему такое дело, и как совершившему его! Он один вложил силу в закваску. Для того Он и верующих в Него вмешал во множество, чтобы мы передавали другим свое разумение. Итак, пусть никто не жалуется на скудость: велика сила проповеди; однажды вскиснувшее само делается закваскою для прочего. Как искра, когда коснется дров, зажженное ею делает новым источником огня, и таким образом простирается дальше и дальше, – так и проповедь. Но Господь сказал не об огне, а о

закваске. Почему же? Потому что там не все зависит от огня, но многое и от зажженных дров; здесь же закваска все производит сама собою. Если же двенадцать человек заквасили целую вселенную, то размысли, как мы худы, когда, несмотря на всю свою многочисленность, не можем исправить оставшихся, мы, которых по надлежащему было бы довольно стать закваскою для тысячи миров!

[5] 3. Но то, скажешь, были апостолы. Что же из того? Не находились ли они в одинаковых с тобою обстоятельствах? Не в обществах ли жили? Не ту же ли несли участь, не занимались ли ремеслами? Разве ангелы они были? Разве с неба сошли? Но, скажешь, они имели дар чудотворения. Но не по чудотворениям они сделались сами чудными. И долго ли эти чудеса будут служить для нас прикрытием нашего нерадения? Посмотри на целый сонм святых, просиявших не чудесами. Многие изгоняли даже бесов, но потому, что творили беззаконие, не только не сделались чудными, но еще подверглись и наказанию. Что же такое, спросишь, соделало апостолов великими? Пренебрежение богатства, презрение славы, свобода от житейских попечений. Если бы не имели они этого, но оставались рабами страстей, то хотя бы и тьмы мертвецов воскресили, не только бы не принесли никакой пользы, но сочтены были бы еще и обманщиками. Итак, одна жизнь блистает всюду; ею только привлекается и благодать Духа. Какое знамение сотворил Иоанн, привлекший к себе многие города? Что он не чудодействовал, о том послушай евангелиста, говорящего: «Что Иоанн не сотворил никакого чуда» (Ин. 10:41). Отчего и Илия соделался чудным? Не от дерзновения ли пред царем? Не от ревности ли по Боге? Не от нищеты ли, не от милоти ли, пещеры и гор? Чудеса сотворены им уже после всех этих подвигов. Чудом ли каким Иов изумил дьявола?

Никаких чудес не творил он, а показал блистательную жизнь и терпение, тверже адаманта. Какое знамение сотворил Давид, находясь еще в юности, когда Бог сказал о нем: «Нашел Я мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева» (Деян. 13:22)? И Авраам, Исаак, Иаков воскресили ли кого из мертвых? Очистили ли кого от проказы? Знаешь ли, что дар чудотворения, при нашей беспечности, может часто даже вредить? Так многие из коринфян впали в расколы; многие из римлян возгордились; Симон извержен, и пожелавший идти за Христом оказался недостойным, услышав, что «лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнезда» (Лк. 9:58). Все они, желая себе от чудотворения или денег или славы, отпали и погибли. Но ревностная жизнь и любовь к добродетели не только не рождают такого желания, но, если бы оно и было, истребляют его. И что говорил Христос, когда изрекал законы ученикам Своим? Сказал ли: творите чудеса, чтобы видели человеки? Совсем нет! Так что же? «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16). И Петру не сказал: если любишь Меня, то твори чудеса; но – «паси овец Моих» (Ин. 21:17). И если его с Иаковом и Иоанном Господь всегда предпочитал прочим апостолам, то скажи мне, за что такое предпочтение? За чудеса ли? Но все они одинаково очищали прокаженных, воскрешали мертвых; всем равно Господь дал всякую власть. В чем же было их преимущество? В душевной доблести. Итак, видишь, везде потребна жизнь и явление дел. «По плодам их, – говорит Господь,– узнаете их» (Мф. 7:16).

[6] 4. Что же составляет жизнь нашу? Явление ли чудес, или заботливость о благоустройстве поведения? Очевидно, что последнее. Чудотворения же и начало

отсюда заимствуют, и конец свой здесь же имеют. Кто ведет превосходную жизнь, тот привлекает к себе и благодать чудотворения. А приемлющий благодать приемлет для того, чтобы исправлять жизнь других. И Христос творил чудеса Свои для того, чтобы чрез них явясь достойным веры и привлекши к Себе людей, ввести в мир добродетель. Об этом-то преимущественно Он и заботится. Вот почему Он и не довольствуется одними чудесами, но то угрожает геенною, то обещает царствие, то предписывает чудные Свои законы и употребляет все способы к тому, чтобы соделать нас равными ангелам. Но что говорить о Христе? Он ли один все творит с такою целью? Скажи мне сам ты: если бы дали тебе на выбор – или воскрешать мертвых во имя Его, или умереть за имя Его, что бы ты охотнее избрал? Не последнее ли без всякого сомнения? Но первое было бы чудо, а последнее есть дело. И если бы предложили тебе – или траву превращать в золото, или иметь такую силу воли, чтобы всякое богатство попирать, как траву, не избрал ли бы ты скорее последнее? И весьма справедливо. Таким выбором ты больше привлечешь к себе людей. Увидев траву, превращаемую в золото, они сами пожелают иметь такую же силу, подобно Симону; а через то увеличится их любостяжательность. Напротив, если бы видели, что все попирают и презирают золото, как траву, то давно бы избавились от этой болезни.

7 Итак, видишь ли, что жизнь может приносить больше пользы? Жизнью же называю не то, когда ты постишься, когда подстилаешь вретище и пепел, но то, когда ты пренебрегаешь богатством, как пренебрегать им должно, когда избыточествуешь в любви, даешь хлеб свой алчущему, сдерживаешь гнев, отвергаешь тщеславие, истребляешь в себе зависть. Такой урок преподан нам от

Христа. «Научитесь, – говорит Он,– от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11:29). Не говорит: Я постился, – хотя бы мог упомянуть о сорокадневном посте; но, умалчивая об этом, указывает только, «ибо Я кроток и смирен сердцем». И опять, посылая учеников, не сказал: поститесь; но – «ешьте, что вам предложат» (Лк. 10:8). Между тем требует, чтобы они всячески береглись любостяжания, говоря: «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои» (Мф. 10:9). Говорю это не в осуждение поста: да не будет того! Напротив, весьма одобряю пост. Скорблю только, когда вы, презрев все прочие добродетели, достаточною для вашего спасения почитаете ту, которая занимает последнее место в лике добродетелей. Важнейшие же из них: любовь, кротость и милостыня, превосходящая даже девство. Итак, если хочешь сделаться равным апостолам, – ничто не препятствует. Довольно для тебя выполнить одну только добродетель милостыни, чтобы ни в чем не быть скуднее апостолов. Никто поэтому не должен откладывать подвигов в добродетели до получения дара чудотворения. Если демон мучится, когда его изгонят из тела, то гораздо больше мучится, когда видит душу освобожденную от греха. Подлинно, грех есть главная сила демонская; по причине греха умер Христос, чтобы разрушить его; грехом введена смерть; чрез грех все превращено. Если ты истребил в себе грех, ты подрезал жилы дьяволу, стер главу его, разрушил всю его силу, рассыпал воинство, сотворил чудо, всех чудес большее. Не мое это слово, но блаженного Павла, который, сказав: «Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший» (1Кор. 12:31), представляет не дар чудотворений, но любовь – корень всякого добра. Итак, если мы будем упражняться в любви и в прочем любомудрии, на ней

основанном, то не будем иметь никакой нужды в чудотворениях; напротив, если не будем упражняться в любви, то не получим никакой пользы от чудотворений. Помышляя о всем этом, поревнуем тому, через что апостолы соделались великими. А хочешь ли знать, через что они соделались великими? Послушай Петра, говорящего: «Вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам» (Мф. 19:27)? Послушай также и Христа, отвещающего ученикам: «Сядете и вы на двенадцати престолах. И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19:28:29). Итак, удалив от себя все житейские попечения, посвятим себя Христу, чтобы нам и соделаться равными апостолам по определению Его, и сподобиться вечной жизни, которую да получим все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 47

[1] «Все сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им, да сбудется реченное через пророка, который говорит: отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное от создания мира». (Мф. 13:34–35)

[2] Изъяснение 13:34–52. Для чего Христос учил в притчах. – Не должно понимать притчей буквально. – Важность и многоценность проповеди. – Отречение от всего житейского есть не потеря, а приобретение. – Одной веры не довольно для спасения. – Вред нерадения о чтении Писания. – Глава и члены добродетели. – Ев. Матфей, как пример добродетели. – Без милостыни невозможно спасение. – Превосходство души произвольно-убогого над душою богатого.

[3] 1. Евангелист Марк говорит, что Христос проповедовал им слово в притчах, «сколько они могли слышать» (Мк. 4:33). Но евангелист Матфей, чтобы показать, что проповедовать в притчах не есть что-либо новое, приводит пророка, которым предсказан этот способ учения, и вместе, чтобы открыть нам намерение Христово, с каким Он беседовал в притчах, именно – не то, чтобы оставить слушателей в неведении, но то, чтобы возбудить их к вопросам, – присовокупляет: «без притчи же не говорил им». Хотя Христос о многом говорил без притчи, но в

настоящем случае без притчи Он ничего не говорил. И однако же, никто не вопрошал Его, – хотя часто вопрошали пророков, как-то, Иезекииля и многих других. Теперь не предложили ему ни одного вопроса, хотя сказанного достаточно было к тому, чтобы озаботить слушателей и побудить к вопросам. Даже угроза величайшим наказанием, высказанная в притчах, не произвела на слушателей никакого впечатления. Вот почему Господь оставил их и ушел. «Тогда, – говорит евангелист, – Иисус, отпустив народ, вошел в дом» (Мф. 13:36). И ни один из книжников не следует за Ним. Отсюда видно, что они следовали за Христом единственно с намерением уловить Его в слове. Но так как теперь они не понимали того, что было говорено, то Господь оставил их. И приступают ученики Его с вопросом о притче плевел (Мф.13:36). Доселе хотя они и желали узнать, но боялись спрашивать. Откуда же теперь явилась у них смелость? Они слышали: «Что вам дано знать тайны Царствия Небесного» (Мф. 13:11), и осмелились. Потому и спрашивают наедине, не из зависти к народу, но исполняя закон Владыки, Который сказал: «А им не дано». Но почему, оставив притчу о закваске и о горчичном семени, они спрашивают именно о притче плевел? Те притчи оставлены ими, как вразумительнейшие. Изъяснение же этой притчи желают слышать потому, что она имеет близкое отношение к сказанной перед нею, причем намекает на нечто большее, чем прежняя (Христос не сказал бы одной и той же притчи дважды). Они видели уже, что в последней притче заключается великая угроза. Потому и Господь не только не укоряет их, но и пополняет сказанное прежде. И о чем неоднократно замечал я, что притчей не должно принимать буквально, – иначе можно прийти ко многим

несообразностям, – тому же самому и Господь научает теперь нас, в изъяснении притчи отступая от буквы. Он не говорит, кто таковы пришедшие к господину рабы. Но давая разуметь, что они введены только для сообразности и полноты изображения, опускает эту часть притчи, и изъясняет только нужнейшее и самое существенное – то самое, для чего притча произнесена, – дабы показать, именно, что Он есть Судия и Господь вселенной. «Сказал им, – говорит евангелист,– в ответ: сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы – сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мф.13:37–43). Итак, если сам Он есть Сеятель, сеет на собственном поле и с Своего царства собирает, то ясно, что настоящий мир Ему принадлежит. Размысли же, как неизреченно Его человеколюбие, как Он готов благотворить, и как далек от того, чтобы наказывать! Когда сеет, то сеет сам; когда же наказывает, то наказывает через других, именно через ангелов. «Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их». Это не значит, что они будут светиться, точно как солнце. Но так как мы не знаем другого светила, которое было бы блистательнее солнца, то Господь употребляет образы для нас известные. В других местах Христос говорит, что жатва уже наступила; так, например, когда говорит о самарянах: «Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к

жатве» (Ин. 4:35). И еще: «жатвы много, а делателей мало» (Лк. 10:2). Итак, почему же сказал Он там, что жатва уже наступила, а здесь говорит, что жатва еще будет? Потому, что слово *жатва* берет в разных значениях. Почему также, сказавши в другом месте: «один сеет, а другой жнет» (Ин. 4:37), здесь говорит, что сеющий есть сам Он? Потому что там, говоря пред иудеями и самарянами, противополагает апостолов не Себе, но пророкам, так как Он сеял и чрез пророков. Точно также иногда одно и то же Он называет и жатвою и сеянием, принимая эти слова в разных отношениях.

4 2. Когда Он разумеет благопокорность и послушливость слушателей, тогда, как окончивший свое дело, называет это жатвою. Когда же ожидает еще только плода от слышания, тогда именует это сеянием, а кончину – жатвою. А как в другом месте сказано, что праведники восхищены будут первые (1Фес. 4:16)? Точно, они первые восхищены будут в пришествие Христово. Но сперва грешные преданы будут наказанию, а потом уже праведные внидут в царство небесное. Праведникам точно надлежит быть на небе, и Господь придет на землю, будет судить всех людей, произнесет над ними приговор; потом, подобно некоему царю, восставши с Своими друзьями, поведет их в блаженное наследие. Видишь ли, что наказание будет сугубое: должны будут гореть – и видеть себя отчужденными от славы? Но для чего же, наконец, когда народ разошелся, и с апостолами Христос беседует в притчах? Для того, что они, будучи вразумлены сказанным прежде, могли уже понимать притчи. Потому-то, когда по произнесении притчей Он спрашивает их: «Поняли ли вы все это? Они говорят Ему: так, Господи!» (Мф. 13:51)! Таким образом, притча, кроме прочего, произвела и то, что апостолов соделала

проницательными. Что же Господь говорит далее? «Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то. Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Мф.13:44–46). Как выше – горчичное зерно и закваска имеют малую разность между собою, так и здесь сходны две притчи о сокровище и о бисере. Обеими этими притчами показывается то, что проповедь должно всему предпочитать. В притчах о закваске и о горчичном зерне говорится о могуществе проповеди и о том, что она совершенно победит вселенную. Настоящие же притчи показывают важность и многоценность проповеди. Подлинно она расширяется подобно горчичному дереву, превозмогает, подобно закваске, многоценна как бисер и доставляет бесчисленные удобства, подобно сокровищу.

5 Отсюда мы научаемся тому, что надобно не только прилежать к проповеди, отрешившись от всего прочего, но что даже должно это делать с радостью. И отрекающийся от своего имения должен знать, что это есть приобретение, а не потеря. Видишь ли, и как проповедь сокрыта в мире, и сколько в проповеди сокрыто благ? Если не продашь всего, то не купишь; и если не имеешь ищущей и заботливой души, то не найдешь. Итак, для тебя необходимо, во-первых, отказаться от житейских попечений, и во-вторых, быть весьма бдительным. Сказано: «Ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее». Одна есть истина, – и она не многосложна. Как обладающий бисером сам знает, что он богат, но для других часто бывает неизвестно, что у него в

руках бисер, потому что он не велик, – так можно сказать и о проповеди: обладающие ею знают, что они богаты, но неверующие, не понимая цены этого сокровища, не знают о нашем богатстве. Но чтобы мы не слишком полагались на одну проповедь, и чтобы не подумали, что одной веры достаточно нам ко спасению, Господь произносит новую грозную притчу. Какую же именно? Притчу о неводе. «Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон» (Мф.13:47–48). Чем различается эта притча от притчи о плевелах? И там одни спасаются, а другие погибают. Но там одни погибают от принятия вредных учений, а другие, о которых сказано выше, от невнимания к слову (Божию); здесь же причиною погибели бывает порочная жизнь. Так погибающие всех несчастнее: они и познание приобрели, и уловлены были, но при всем том не могли спастись. В других местах говорится, что отделяет сам Пастырь; здесь же приписывается это ангелам, как и в притче о плевелах. Что же это значит? То, что Господь беседует с учениками иногда менее, а иногда более возвышенно. И эту притчу изъясняет Он не по просьбе учеников, а по собственному изволению; притом истолковал одну часть ее, и тем увеличил страх. Чтобы ты, слыша, что злых извергли только вон, не почел такой гибели еще не опасною, Христос в изъяснении указывает образ наказания, говоря, что «ввергнут их в печь огненную», где будет скрежет зубов и несказанное мучение. Видишь ли, сколько путей к погибели? Камень, терния, путь, плевелы, невод. Итак, не напрасно сказано, что «широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» (Мф. 7:13). После того Господь, заключив речь

Свою угрозою и присовокупив многое тому подобное (потому что Он особенно занялся этим предметом), спрашивает апостолов: «Поняли ли вы все это? Они говорят Ему: так, Господи!» (Мф. 13:51)! И за такую понятливость снова восхваляет их, говоря: «Поэтому всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое» (Мф.13:52). Подобно этому сказал Он и в другом месте: «Посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников» (Мф. 23:34).

[6] 3. Видишь ли, что Христос не исключает Ветхий Завет, но хвалит и превозносит, называя его сокровищем? Итак, несведующие в божественных писаниях не могут быть названы людьми домовитыми: они и сами у себя ничего не имеют, и от других не заимствуются, но, томясь голодом, нерадят о себе. Впрочем, не они только, но и еретики лишены этого блаженства, потому что из сокровища своего не выносят ни старого, ни нового. У них даже нет старого, а потому нет и нового. Равно, не имеющие нового, не имеют и старого, но лишены и того и другого, потому что новое и старое соединено и связано между собою. Итак, все мы, нерадящие о чтении писаний, послушаем, какой терпим от этого вред и какую скудность. В самом деле, когда мы приведем в благоустройство дела свои, если не знаем тех самых законов, по которым должно приводить их в благоустройство? Богачи, влюбленные до безумия в богатство, часто выколачивают свои одежды, чтобы их не подъела моль. А ты, видя в себе забвение, губительнее моли, повреждающее твою душу, не прибегаешь к Писанию, не истребляешь в себе язвы, не украшаешь своей души, не вглядываешься пристально в образ добродетели, не рассматриваешь членов и ее главы. И

действительно, добродетель имеет и главу и члены, благолепнейшие всякого стройного и красивого тела. Что такое, спросишь, глава добродетели? Смиренномудрие. Потому и Христос начинает с смиренномудрия, говоря: «Блаженны нищие» (Мф. 5:3). Вот глава добродетели! Она не имеет ни волос, ни кудрей, но так прекрасна, что привлекает самого Бога. «На кого, – говорит Он,– Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим» (Ис. 66:2)? И еще: «Глаза мои» на кротких «(верных) земли» (Пс. 75:10, 100:6). И еще: «Близок Господь к сокрушенным сердцем» (Пс. 33:19). Глава эта, вместо волос и косы, приносит жертвы благоприятные Богу: Она – золотой жертвенник и духовный алтарь. «Жертва Богу – дух сокрушенный» (Пс. 50:19). Она – матерь премудрости. Кто ее имеет, тот и все прочее иметь будет. Итак, видишь ли главу, какой ты никогда еще не видывал? Хочешь ли видеть, или лучше, узнать и лицо добродетели? Всмотрись же сперва в его румяный, красивый и весьма приятный цвет, а потом узнай, от чего последний происходит. Отчего же именно? От того, что добродетель стыдлива и всегда краснеет. Потому и сказал некто: «Стыдливого предваряет благорасположение» (Сир. 33:12). Это сообщает большую красоту и всем прочим членам. И хотя бы ты смешал тысячи цветов, все не произведешь такой лепоты. Если хочешь видеть и глаза добродетели, то посмотри: они тщательно очертаны скромностью и целомудрием. Оттого-то они так прекрасны и проницательны, что видят самого Господа. «Блаженны чистые сердцем, – говорит Он,– ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). Уста же добродетели суть премудрость, и разум, и знание духовных песнопений. Сердце ее есть глубокое ведение Писаний, соблюдение истинных догматов, человеколюбие и

добродушие. И как без сердца невозможно жить, так без исчисленного теперь невозможно спастись. Отсюда рождается все доброе. У добродетели есть также свои руки и ноги – явление добрых дел. Есть у нее и душа – благочестие. Есть у нее золотая и тверже адаманта грудь – мужество. Легче все одолеть, чем сокрушить эту грудь. Наконец дух, пребывающий в мозгу и в сердце, – любовь.

[7] 4. Хочешь ли, покажу тебе образ добродетели и в самых делах? Представь этого самого евангелиста (Матфея). Хотя мы и не имеем полного описания жизни его, однако и в немногом можно видеть блистательное его изображение. Что он был смирен и сокрушен сердцем, о том слышишь от него самого, когда он в Евангелии называет себя мытарем. Что он был милостив, заключай из того, что отвергся всего и последовал за Иисусом. Что он был благочестив, это явно из учений его. И по написанному им Евангелию не трудно также судить о разуме его и о любви, потому что трудился для целого мира. Доказательством добрых дел его служит престол, на котором он имеет воссесть. Мужество же видно из того, что от лица синедриона он возвратился радуясь. Итак, поревнуем такой добродетели, особенно же смиренномудрию и милостыне, без которых невозможно спастись. Доказательство тому – пять дев, равно как и фарисей. Без девства можно видеть царствие; а без милостыни никакой нет к тому возможности. Милостыня всего нужнее, в ней все заключается. Потому-то мы не без причины назвали ее сердцем добродетели. Но и самое сердце скоро умирает, если не сообщает всему духа; – подобно как загнивает источник, если нет из него постоянного стока. То же случается и с богатыми, когда они удерживают у себя свое имущество. Потому-то вошло и в общую поговорку: много добра гниет у такого-то;

напротив не говорим, что у него большее изобилие, несметное сокровище. И обладающие богатством, и самое богатство подвержены гниению. Одежды лежа ветшают, золото ржавеет, пшеницу изъедают черви. Душа же обладающего всем этим больше всего ржавеет и сгнивает от забот. И если хочешь вывести на позор еще душу сребролюбца, то найдешь, что она, подобно одежде, которая изъедена тысячами червей, и на которой не осталось целого места, вся также источена заботами, сгнила и проржавела от грехов. Не такова душа убогого, убогого произвольно. Она сияет как золото, блестит как жемчужина, цветет как роза. К ней не прикасается ни моль, ни вор, ни попечение житейское. Точно как ангелы живут убогие. Хочешь ли видеть красоту такой души? Хочешь ли узнать богатство нищеты? Душа убогого не повелевает мужами, но повелевает демонами; не предстоит царю, но предстала Богу; не воинствует с человеками, но воинствует с ангелами; не имеет одного, двух, трех, двадцати сундуков, но имеет такое изобилие, что целый мир вменяет ни во что. Она не имеет сокровища, но имеет небо; не нуждается в рабах, – напротив, ей раболепствуют помыслы, обладающие царями. Помысл, владеющий облеченным в багряницу, до такой степени боится бедняка, что не смеет поднять и глаз своих. Произвольно убогий и над царским венцем, и над золотом, и над всем тому подобным смеется, как над детскими игрушками. Все это кажется ему столь же презренным, как и колесца, и кости, и камешки, и мячи. Он имеет такое украшение, которого не могут даже видеть забавляющиеся этими игрушками. Итак, что же лучше этого убогого? Ему подножием служит небо; а если таково подножие, то сам рассуди, что ему служит покровом. Скажешь, что нет у него коней и колесниц? Но

ему какая в том нужда, когда он имеет шествовать на облаках и быть со Христом? Итак, размысливши об этом, и мужи и жены, взыщем этого богатства, этого неиждиваемого имущества, да сподобимся получить Царствие Небесное по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 48

[1] «И, когда окончил Иисус притчи сии, пошел оттуда». (Матф. 13:53)

[2] Изъяснение 13:53–14:11. Незнатность происхождения Христа должна была вызывать большее удивление к Его учению. – Почему в отечестве своем Христос сотворил немногие чудеса. Мнение Ирода о Христе. – Преступление Иродиады и Ирода. – В чем состоял закон, нарушенный Иродом. – Вред пляски и пиршеств. – Страдания, причиняемые праведнику, увеличивают его награду. – Распутство бывает причиною многих преступлений. – Грех покрывается не присовокуплением греха, а покаянием. – Должно не осмеивать, а прикрывать грехи ближних. – Преступность пиршеств, устрояемых для тунеядцев. – Должно исправлять тунеядцев, употребляя их на служение добрым делам.

[3] 1. Для чего присовокуплено: «сии»? Для того, что Господь намеревался сказать еще другие притчи. А для чего переходит Он на другое место? Для того, что хочет сеять слово повсюду. «И, придя в отечество Свое, учил их в синагоге их» (Матф. 13:54). Какое же отечество Христа разумеет здесь евангелист? Думаю, что Назарет, – потому что сказано: «не совершил там многих чудес» (Матф.

13:58). В Капернауме же Господь творил чудеса, почему и сказал: «и ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня» (Матф. 11:23). Но, придя в Назарет, Христос оставляет чудеса, чтобы не возжечь в иудеях большей зависти, и чтобы не осудить строже за умножившееся неверие, и взамен того предлагает учение, не менее чудес чудное. Но люди до крайности бессмысленные, когда надлежало дивиться и изумляться силе слов Христовых, вместо того, унижают Христа по мнимому отцу Его, – хотя в прежние времена много имели тому примеров, что у незнатных родителей бывали знаменитые дети. Так Давид был сын одного незначительного земледельца – Иесея; а Амос, родившись от пастуха коз, и сам был также пастухом коз; и у Моисея, законодателя, отец был гораздо его ниже. Следовательно, и перед Христом должно было благоговеть и прийти в изумление потому наиболее, что, имея таких родителей, говорил необычайное. Это ясно показывало в Нем не человеческое обучение, но божественную благодать. Но за что надлежало удивляться, за то презирают. Между тем Господь постоянно ходит в синагоги, чтобы за всегдашнее пребывание в пустыне не стали еще бесславить Его, как раскольника и врага общества. Итак, дивясь и недоумевая, иудеи говорили: «откуда у Него такая премудрость и силы» (Матф. 13:54)? – называя силами или чудеса, или самую премудрость. «Не плотников ли Он сын» (Матф. 13:55)? В этом-то и величие чуда; это-то особенно и изумительно. «Не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон, и Иуда? и сестры Его не все ли между нами? откуда же у Него все это? И соблазнялись о Нем» (Матф. 13:55–57).

[4] Примечаешь ли, что Господь беседовал в Назарете? Не братья ли Ему тот и тот? говорили там. Так что же? Это-то самое и должно было особенно обратить вас к вере. Но зависть лукава и часто противоречит сама себе. Что было и странно, и чудно, и достаточно к тому, чтобы привлечь их, – то самое их соблазняло. Что же сказал им Христос? «Не бывает», говорит Он, «пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем» (Матф. 13:57). «И не совершил», – присовокупляет евангелист, – «там многих чудес по неверию их» (Матф. 13:58). Евангелист же Лука сказал: и не сотворил там многих знамений, хотя следовало сотворить. В самом деле, если удивление к Нему возрастало (даже и тогда дивились уже), то почему бы не сотворить чудес? Но целью Его было не Себя показать, а им доставить пользу. А так как в последнем не было успеха, то Спаситель пренебрег и то, что касалось до Него самого, чтобы не увеличить их наказания. Смотри же: хотя Он пришел к ним после долговременного отсутствия и показал множество знамений, но они и теперь не потерпели Его, а снова распалились ненавистью. Но для чего же Он сотворил немногие чудеса? Для того чтобы не сказали: «врач! исцели Самого Себя» (Лук. 4:23); не сказали: Он наш противник и враг, презирает Своих; не сказали: если бы чудеса были, и мы бы уверовали. Вот почему Он и сотворил чудеса, и удержался от чудес: сотворил, чтоб исполнить Свое дело; удержался, чтоб не подвергнуть их большему осуждению. Вникни же в силу сказанного: обладаемые ненавистью вместе и дивились. Но как, судя о делах Христовых, не осуждают самых дел, но вымышляют небывалые вины, говоря: «изгоняет бесов силой веельзевула» (Матф. 12:24; Лук. 11:15), так и здесь, судя об учении, не осуждают его, но прибегают к низости рода. А ты заметь

снисходительность Учителя, как Он не упрекает их, но с большой кротостью сказал: «не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем»; и даже на этом не остановился, но присовокупил: «и в доме своем». Присовокупил же это, как думаю, разумея братьев Своих.

[5] 2. У евангелиста Луки Господь представляет тому и примеры, говоря, что Илия приходил не к своим, но к иноземной вдовице, и что Елиссеем исцелен от проказы не другой кто, а иноземец Нееман (Лук. 4:25,27). Израильтяне и благодеяний не получили, и сами добра не делали; а облагодетельствованы и благодетельствовали чужие. Говорит же это Христос, чтобы показать злой их нрав, и то, что обращение с Ним не есть что-либо новое. «В то время Ирод четвертовластник услышал молву об Иисусе» (Матф. 14:1). Царь Ирод, отец упоминаемого, а избивший младенцев тогда уже умер. Евангелист не без намерения означает время, но чтобы ты увидел суетность и небрежность государя, который о делах Христовых узнает не вначале, но по прошествии немалого времени. Так-то люди, облеченные властью и величием, мало уважая такие вещи, поздно узнают о них. Но ты познай могущество добродетели: Ирод боится и умершего Иоанна; даже от страха любомудрствует о воскресении. «И сказал», говорит евангелист, «это Иоанн Креститель», которого я умертвил; он воскрес из мертвых, «и потому чудеса делаются им» (Матф. 14:2). Видишь ли, как силен у него страх? Он не смеет и теперь сказать это всенародно, а говорит только своим придворным. Впрочем, самая догадка груба и нелепа. Хотя многие воскресали из мертвых, но ни один не творил таких чудес. Мне кажется, что сказанное Иродом внушено и честолюбием, и страхом. Действительно, душа, не управляемая разумом, часто вмещает в себя смесь противоположных страстей.

Так, по сказанию евангелиста Луки, в народе о Христе говорили: это Илия, или: Иеремия, или: один из древних пророков (Лук. 9:8); а Ирод, как бы говоря рассудительнее прочих, называл Его Иоанном. Вероятно же, когда прежде другие признавали Его Иоанном, – так как и это говорили многие, – тогда с самохвальством и кичливостью Ирод отвергал такую молву, говоря: я умертвил Иоанна. Марк и Лука приписывают Ироду слова: «Иоанн, которого я обезглавил» (Марк. 6:16; Лук. 9:9). Но когда слухи усилились, то Ирод уже начинает говорить одно с народом. Далее евангелист рассказывает нам самое происшествие. Почему же не описал его прежде? Потому что единственным намерением евангелистов было говорить о делах Христовых, и они ничего не говорили лишнего и постороннего, кроме того, что могло содействовать их главной цели. Потому и теперь они не упомянули бы о происшествии, если бы оно не касалось Христа, и Ирод не сказал, что Иоанн воскрес. Евангелист Марк замечает, что Ирод весьма уважал Иоанна, хотя и был им обличаем (Марк. 6:20). Таково могущество добродетели! Евангелист же Матфей так продолжает повествование: «ибо Ирод, взяв Иоанна, связал его и посадил в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего, потому что Иоанн говорил ему: не должно тебе иметь ее. И хотел убить его, но боялся народа, потому что его почитали за пророка» (Матф. 14:3–5). Почему же Иоанн говорит не с Иродиадой, а с Иродом? Потому что Ирод имел больше власти. Заметь же, как легко евангелист обвиняет Ирода, пересказывая дело, как простой повествователь, а не как обвинитель. «Во время же празднования дня рождения Ирода дочь Иродиады плясала перед собранием и угодила Ироду» (Матф. 14:6). О, дьявольское пиршество! О, сатанинское позорище! О,

беззаконная пляска, и награда самой пляски беззаконнейшая! Дерзнули на убийство, все убийства злодеянием превосходящее! Достойный венца и величаний перед глазами всех заклан, и победное знамение бесов на трапезе поставлено! Самый образ победы достоин события. «Плясала», говорит евангелист, «перед собранием и угодила Ироду, посему он с клятвой обещал ей дать, чего она ни попросит. Она же, по наущению матери своей, сказала: дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя» (Матф. 14:6–8). Двойное преступление, – и потому что плясала, и потому что угодила, и угодила так, что в награду совершается убийство. Видишь ли, как бесчеловечен, как нечувствителен, как бессмыслен Ирод? Себя связывает клятвой, и девице дает полную власть просить. Когда же увидел зло, какое из того вышло, «опечалился» (Матф. 14:9), говорит евангелист, – хотя сначала сам связал Иоанна. Почему же печалится? Такова добродетель! И у порочных людей она достойна удивления и похвал. Каково же неистовство Иродиады! Ей надлежало удивляться Иоанну, надлежало благоговеть перед ним, потому что защищал ее от позора; а она замышляет о смерти его, расставляет сети, просит сатанинского дара. Ирод же убоялся, говорит евангелист, «ради клятвы и возлежащих с ним» (Матф. 14:9). Но как же ты не убоялся поступка бесчеловечного? Если ты боялся иметь свидетелей клятвопреступления, то гораздо больше надлежало тебе страшиться иметь стольких свидетелей такого беззаконного убийства.

[6] 3. Но так как, думаю, многие не знают силы того обвинения, из-за которого произошло убийство, то считаю нужным объяснить это, чтобы вы ясно увидели мудрость Законодателя. Какой же это был древний закон,

нарушенный Иродом и сильно поддерживаемый Иоанном? Тот, что жена умирающего бездетным должна была выходить за брата его (Второз. 25:5). Так как смерть была неотвратимое зло, а Законодатель во всем промышлял о жизни, то поставлено законом остающемуся в живых брату вступать в брак с женой умершего, и по имени его называть родившегося младенца, чтобы род умершего не прекращался. Если кто умирает без надежды оставить после себя детей, – без этого величайшего утешения в смерти, – то скорбь о кончине его ничем не может быть утолена. Вот почему для тех, кого природа лишила детей, Законодатель придумал средство к утешению и повелел, чтобы младенец, рожденный после покойника, считался его собственным. Когда же после умершего оставались дети, указанный брак не был допускаем. Но почему же? спросишь: если постороннему он был позволителен, то не гораздо ли больше брату? Нимало. Законодатель желал, чтобы родство распространялось, и больше было поводов к установлению близких отношений между людьми. Почему и с женой умирающего бездетным не вступал в брак посторонний? Потому, что в таком случае младенец не считался бы принадлежащим покойнику. А теперь, так как младенец рождался от брата, самый подлог делался неприметным. Притом посторонний вовсе не имел и нужды восстанавливать дом умершего; а брат своим родством приобретал на то право. Но поскольку Ирод вступил в брак с женой брата, у которой была дочь, то Иоанн обличает его за это, и обличает со всей пристойностью, при дерзновении показывая и снисхождение. Но смотри, каким сатанинским делом было все это позорище. Во-первых, оно состоялось через пьянство и сластолюбие, откуда ничего не происходит доброго. Во-вторых, зрители были люди развратные; а

дающий пиршество всех беззаконнее. В-третьих, забава была безумная. В-четвертых, девица, через которую брак делался противозаконным, и которой надлежало скрываться от света по причине позора своей матери, пышно является в собрании и, отложив девический стыд, затмевает собой всех блудниц. И самое время не мало служит к осуждению этого беззакония. Тогда как Ироду надлежало благодарить Бога за то, что в этот день произвел его на свет, он отваживается в это время на такие беззакония. Когда надлежало освободить связанного, тогда он к узам присоединяет убийство. Да обратят на это внимание те из девиц, а еще более – из замужних женщин, которые на чужих браках не отказываются вести себя неприлично, скакать, плясать и срамить свой пол. Да обратят также внимание те из мужчин, которые любят роскошные и сопровождаемые пьянством пиршества. Да убоятся они бездны, изрытой дьяволом. И несчастным Иродом так сильно овладел тогда дьявол, что он клянется отдать даже половину царства. Об этом так говорит евангелист Марк: «клялся ей: чего ни попросишь у меня, дам тебе, даже до половины моего царства» (Марк. 6:23). Так высоко ценил Ирод свою царскую власть, так отдался в плен страсти, что уступает царство за пляску. И чему дивиться, если так случилось с Иродом, когда и ныне, при высоте любомудрия, много таких изнеженных юношей, которые за пляску отдают свои души, даже и, не обязываясь к тому клятвой? Предавшись в плен удовольствиям, они, подобно бессловесным, ведутся, куда влечет их волк. Тому же самому подвергся тогда и безумец Ирод, безрассудно совершивший два постыднейших дела: то, что дал волю женщине столь неистовой, упоенной страстью и ни в чем себе не отказывающей; и то, что связал себя клятвой. Но

как ни беззаконно поступил он, жена была всех беззаконнее – и девицы и царя. Она-то была изобретательницей всех зол, она устроила все дело, хотя ей больше всего надлежало благодарить пророка. И дочь из повиновения ей бесчинствовала, плясала, просила об убийстве, и Ирод ей же уловлен был в сети. Видишь ли, как справедливо сказал Христос: «кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Матф. 10:37)? Если бы дочь Иродиады соблюла этот закон, то не преступила бы многих законов, не совершила бы этого гнусного убийства. В самом деле, что может быть хуже такого зверства – просить в знак благодарности убийства, просить убийства беззаконного, просить убийства среди пиршества, просить убийства бесстыдно и при народе? Не наедине приходит она и предлагает просьбу. Нет, она говорит ее при собрании, сбросив с себя личину, совершенно откровенно, взяв дьявола в помощники. И конечно, дьявол сделал то, что она и угодила тогда пляской и пленила Ирода. Подлинно, где пляска, там и дьявол. Не для того Бог дал нам ноги, чтобы бесчинствовать, но для того, чтобы ходить чинно; не для того, чтобы прыгать, подобно верблюдам (и они, а не только женщины, отвратительны, когда пляшут), но для того, чтобы ликовать с ангелами. Если тело делается безобразным при таких бесчинствах, то не гораздо ли больше душа? Так пляшут бесы, так обольщают служители бесов!

[7] 4. Вникни же в самую просьбу: «дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя». Видишь ли, как она потеряла весь стыд, как вся предалась дьяволу? И о достоинстве помнит, и того, однако же, не стыдится; но, будто говоря о каком-нибудь кушанье, просит принести на блюде эту священную и блаженную главу! Даже не указывает и

причину (почему просит), – так как никакой не имела; но просто изъявляет желание, чтобы в уважение ей было сделано зло другому. Не сказала: приведи его сюда и умертви, потому что не вынесла бы дерзновения готовящегося к смерти Иоанна: она боялась услышать грозный голос умерщвляемого, – ведь Иоанн не умолчал бы и перед усечением. Потому и говорит: «дай мне здесь на блюде». Хочу видеть этот язык молчащим. Она не только желала освободиться от обличений, но наступить на лежащего и насмеяться над ним. И Бог потерпел это, не послал молнии свыше и не попалил бесстыдного лица; не повелел расступиться земле и поглотить злое это сонмище, чтобы и праведника увенчать больше, и тем, которые впредь будут терпеть неправду, доставить обильное утешение. Итак, пусть выслушают это те из нас, которые, живя добродетельно, терпят насилие от злых людей. И тогда Бог потерпел, чтобы живший в пустыне, ходивший в кожаном поясе, в волосяной одежде, пророк, – даже больше пророка, – тот, перед кем нет большего из рожденных женами, был умерщвлен, умерщвлен бесстыдной девой и развратной блудницей, умерщвлен за то, что защищал божественные законы. Помышляя об этом, будем мужественно переносить все, что ни случится нам терпеть. Вот и тогда эта гнусная убийца и преступница, как только хотела отомстить огорчившему ее, так и могла сделать; излила весь свой гнев, – и Бог попускал то. Хотя Иоанн ничего не говорил ей самой, ни в чем не обличал ее, а винил одного мужа, однако совесть была строгим обличителем. Мучимая и угрызаемая ей Иродиада неистово порывалась на большее зло, всех вместе влекла к позору: и себя, и дочь, и умершего мужа, и живого прелюбодея, – стараясь превзойти прежние свои преступления. Если для тебя прискорбно, говорила она,

что Ирод прелюбодействует, то я сделаю его и убийцей: заставлю умертвить обвинителя.

[8] Выслушайте это вы, которые через меру пристращаетесь к женщинам! Выслушайте вы, которые клянетесь, не зная в чем, – делаете других властелинами вашей гибели, и сами себе роете яму! И Ирод погиб так же. Конечно, он думал, что дочь Иродиады попросит себе чего-нибудь приличного пиршеству, и именно, как девица, в торжественный день среди общего веселья при собрании, станет просить какого-нибудь блестящего и изящного подарка, а не попросит головы. Но обманулся. И, однако, все это не извиняет его. Пусть Иродиада имела сердце, свойственное только борцу со зверями; но ему не следовало даваться в обман и рабски служить тиранским повелениям. И, во-первых, кто бы не ужаснулся, видя священную главу Крестителя, лежащую в крови среди пира? Но не ужаснулся беззаконный Ирод, не ужаснулась и женщина, преступнее Ирода. Таковы распутные женщины: они всех бывают бесстыднее и свирепее! Если мы, слыша о том, приходим в ужас, то, какое зрелище должны были тогда вынести взоры? Что должны были чувствовать присутствовавшие на пире, когда среди общего веселья увидели кровь, капающую с головы только что усеченной? Но эта кровопийца, самих фурий лютейшая, нимало не смутилась при таком зрелище, а еще и услаждалась им. Если уже не могло подействовать ничто другое, то при одном взгляде надлежало ей прийти в оцепенение. Но и это не подействовало на гнусную убийцу, жаждущую крови пророческой. Таков блуд: не только делает наглецами, но и гнусными убийцами! Предавшаяся распутству близка к тому, чтобы покуситься на жизнь оскорбленного ею супруга, готова даже отважиться не на одно или два, но на тысячи убийств.

Много есть примеров таких злодеяний. Конечно, и Иродиада так поступила тогда в надежде, наконец, предать забвению и свое преступление. Но вышло совершенно наоборот: после этого Иоанн начал вопиять еще громче.

[9] 5. Но человек в злобе смотрит только на настоящее, и подобен одержимому горячкой, который безвременно просит холодного. Если бы Иродиада не умертвила обличителя, то не обнаружилось бы в такой мере преступление. Ученики Христовы ничего не говорили о том, что Ирод вверг Иоанна в темницу. Но когда убил его, тогда принуждены были объявить и причину. Они хотели прикрыть блудницу, и не желали обнаруживать худых дел ближнего; но когда доведены были до необходимости изложить происшествие, тогда рассказывают все преступление. И чтобы не стал кто подозревать, что причиной умерщвления было нечто худое, как в истории Февды и Иуды (Деян. 5:36–37), оказались вынужденными объявить и повод к убийству. Итак, чем более хочешь утаить грех, по примеру Иродиады, тем более обнаруживаешь его. Грех покрывается не присовокуплением греха, но покаянием и исповедью. Смотри же, с каким беспристрастием евангелист повествует обо всем, и даже, что только мог, приводит в оправдание. Относительно Ирода говорит, что он совершил преступление «ради клятвы и возлежащих с ним», и что «опечалился»; а о девице замечает, что она подучена была матерью и что отнесла голову матери, как бы желая тем сказать, что дочь исполняла приказ матери. Так все праведники болезнуют не о терпящих, но о делающих зло, – потому что делающие зло в большей мере и терпят его. И теперь не Иоанну сделано зло; а подверглись ему те, которые довели его до смерти. Будем

и мы подражать праведникам, и не только остережемся осмеивать грехи ближних, но постараемся по мере возможности даже прикрывать их. Научимся быть любомудрыми. Вот и евангелист, говоря о распутной женщине и гнусной убийце, выразился, насколько лишь было возможно, безобидно. Не сказал он: «по наущению» кровожадной и преступной матери, но просто: «матери», – употребляя самое почтительное имя. А ты оскорбляешь и укоряешь ближнего, и когда бываешь в досаде, не хочешь так помянуть о брате как евангелист о блуднице, но со всей лютостью, в несносных укоризнах называешь его злодеем, негодяем, лукавцем, безумцем и другими еще более оскорбительными именами. Мы еще более ожесточаемся, и, злословя, укоряя, оскорбляя брата, говорим о нем как о чужеземце. Но не так поступают святые. Они больше плачут о согрешающих, чем проклинают их. Будем и мы поступать так же; будем плакать об Иродиаде и о подражающих ей! И ныне, ведь, бывают подобные пиршества; и если не умерщвляется Иоанн, то умерщвляются члены Христовы, и еще с большей жестокостью. Пляшущие ныне не голову просят на блюде, но душу пирующих с ними. Порабощая их, вовлекая в беззаконные пожелания, и соблазняя блудницами, не голову усекают, но умерщвляют душу, потому что делают развратными, изнеженными блудниками. Не говори мне, что ты, когда, разгорячившись вином и упившись, смотришь на пляску и слушаешь бесстыдные речи женщины, ничего к ней не чувствуешь и не влечешься к разврату, одолеваемый сладострастием. Напротив, ты терпишь ужасный вред, потому что члены Христовы делаешь членами блудницы. Если и нет перед тобой Иродиадиной дочери, то дьявол, плясавший тогда в ней, и ныне управляет пляшущими, и

ныне, похищая души пирующих, увлекает в плен. Если вы и без пьянства пробыть можете, то участвуете в другом грехе, жесточайшем. Таковые пиршества соединены с множеством грабительств. Не смотри, прошу тебя, на предложенные мясо и пироги, но рассуди, как все это собрано, и увидишь, что собрано обидами, лихоимством, насилием, грабительством. Но скажешь, что на ином пиршестве нет ничего такого. Пусть не будет, я и не желаю того. И все-таки роскошные ужины, если и не заслуживают таких упреков, не свободны от осуждения. Послушай, как, и помимо указанной причины, порицает их пророк, говоря следующее: горе вам, «пьющим вино, мажущимся наилучшими мастями» (Амос 6:6)! Видишь ли, как осуждает и самую роскошь? Не лихоимство порицает он здесь, а одно только сластолюбие.

[10] 6. Ты насыщаешься без меры, а Христу не достает и нужного. Для тебя ничего не значат пироги, а у Него нет и черствого хлеба. Ты пьешь фазское вино, а Ему жаждущему не подашь и чаши студеной воды. Ты на мягком и убранном ложе, а Он цепенеет от холода. Вот почему твои ужины, хотя и чисты от лихоимства, все-таки нечисты от преступления, так как ты все делаешь сверх нужды, а Христу не даешь и нужного, – и это несмотря на то, что роскошествуешь из Его же имущества. Если, сделавшись опекуном у сироты и взяв к себе его имущество, ты не поможешь ему в крайнем положении, то найдутся против тебя тысячи обвинителей, и будешь наказан по законам. А, взяв имущество Христа и расточая так безрассудно, неужели думаешь не дать отчета? И это я говорю не о тех, которые приводят к себе за стол блудниц (о таких, как о псах, нет и слова), и не о тех, которые преданы лихоимству и поедают чужое (и с такими, как со свиньями и волками, у меня ничего нет

общего), а говорю о тех, которые пользуются собственным имением и не уделяют из него другим, о тех, которые нерасчетливо проживают отцовское наследие. И такой не свободен от порицания. И скажи мне, как избежишь ты порицания и осуждения, когда шут и комнатный пес у тебя пресыщаются, а Христос кажется тебе и их менее стоящим? Когда иной и за смехотворство берет много, а Христос за Царствие Небесное не получает и малой доли? Иной за то, что молвил острое слово, пошел от тебя с полными руками, а Христос, научивший нас тому, чего не зная не различались бы мы от псов, не удостаивается такого дара. Не приходишь ли в ужас, слыша это? Так ужаснись самого дела. Прогони тунеядцев и сделай, чтобы Христос разделял с тобой трапезу. Если Он вкусит твоего хлеба и соли, то снисходителен будет к тебе на суде, потому что Он умеет помнить твой хлеб и соль. Если разбойники не забывают гостеприимства, то гораздо больше Владыка. Вспомни о той блуднице, которую Господь оправдал за трапезой, а Симона укоряет, говоря: «ты целования Мне не дал» (Лук. 7:45). Если Господь питает тебя, когда ты и не исполняешь этого, то без сравнения вознаградит, когда исполнишь. Не смотри в нищем на то, что он неопрятен и гнусен видом, но представляй себе, что через него Христос входит к тебе в дом; удержись от жестокосердия и злоязычия, с каким всегда укоряешь приходящих, называя их притворщиками, ленивцами и другими еще обиднейшими именами. Рассуди, – когда произносишь такие слова, – какими делами занимаются твои тунеядцы? Какую пользу приносят они твоему дому? Верно, обед делают для тебя приятным? А чем это? Не тем ли, что ты бьешь их по щекам, а они говорят тебе всякий вздор? Но может ли быть что постыднее, как бить созданного по образу

Божьему, и в обиде ему находить для себя забаву, и тебе, человеку благородному и свободному, обращать дом свой в театр, наполнять беседу свою скоморохами, подражать тому, что бывает в народных игрищах? Там тоже смех и побои. Итак, скажи мне: то ли называешь увеселением, что достойно многих слез, многого плача и сетования? Тебе следовало бы обратить их к порядочной жизни, следовало бы внушить им обязанности их, а ты вовлекаешь их в напрасные клятвы и в бесчинные речи, и даже называешь это забавой! За что ты должен ждать себе геенны, то считаешь предлогом к веселью. Ведь как скоро у них недостает острых слов, тогда все они вознаграждают божбой и напрасными клятвами. Смеха ли это достойно? Не плача ли и слез? И кто назовет это смешным, будучи в здравом уме?

[11] 7. Но, говоря это, не запрещаю и таким людям давать пропитание: напитай, но по другому побуждению. Дай кусок, но из человеколюбия, а не по жестокосердию; с милостью, а не с обидой. Накорми потому, что он нищий; а не за то, что он говорит сатанинские речи и позорит свою жизнь. Накорми потому, что питаешь в нем Христа. Не смотри, что этот человек наружно смеется; но испытай совесть: тогда увидишь, что он тысячекратно клянет себя самого, стенает и скорбит. А если не показывает этого, то для тебя единственно. Итак, пусть лучше окружают тебя люди нищие и благородно мыслящие; пусть они разделяют твою трапезу, а не клятвопреступники, не скоморохи. Если же хочешь потребовать у них и вознаграждения за пищу, прикажи им, когда увидят какой беспорядок, вразумлять тебя, подавать советы, помогать тебе в хлопотах о доме, в управлении слугами. Если имеешь детей, пусть и они будут отцами твоих детей, разделяют с тобой присмотр за

ними; пусть приносят тебе прибыль, приятную Богу. Доставляй им случай к духовной купле. Если видишь нуждающихся в помощи, вели помочь, прикажи услужить; посредством их отыскивай странных, через них одевай нагих, через них посылай в темницу и разведывай чужие нужды. Вот какое вознаграждение пусть они дадут тебе за пищу, полезное и для тебя и для них, не заслуживающее никакой укоризны. Через это и дружба связывается крепче. Теперь призренные тобой хотя и думают, что ты любишь их, но вместе стыдятся, как живущие у тебя даром. Исправляя же такие поручения, станут усерднее служить тебе, и для тебя будет приятнее кормить их, потому что истратишься не даром. Они начнут обходиться с тобой смело и с надлежащей свободой, и дом твой вместо театра сделается церковью; дьявол убежит, вселится же Христос и лик ангелов. Где Христос, там и ангелы; а где Христос и ангелы, там небо, там свет, светлейший этого солнечного света. Если хочешь приобрести от них иное утешение, то в досужее время вели им, взяв Писание, читать божественный закон. Они охотнее будут тебе служить этим, нежели, забавляя иначе, потому что это и тебя и их делает более почтенными, а другие забавы всех вместе позорят: тебя – как обидчика и упивающегося до забывчивости, а их – как бедняков и готовых на все из-за куска. Если кормишь, чтобы обидеть, то это жестокосерднее, чем, если бы ты умертвил их. А если кормишь для одолжения и для их выгоды, то поступок твой полезнее, чем если бы ты избавил ведомых на смерть. В первом случае унижаешь их перед самими слугами, так что слуги больше, чем они, имеют смелости и чисты совестью. В другом же случае, делаешь их равными ангелам. Итак, освободи и их, и себя; истреби имя тунеядцев, переименуй их в собеседников и,

перестав звать льстецами, приветствуй как друзей. Для того дружба и установлена Богом – не к вреду, но к благу и пользе любимых и любящих. Но бесчестная дружба хуже всякой вражды. От врагов, если мы захотим, можем получить и пользу; а от таких друзей ничего не бывает, кроме одного лишь вреда. Не имей же друзьями учителей вреда, не имей таких друзей, которые больше любят (сытный) стол, нежели дружбу. Все такие друзья, как скоро прекратишь пиры, прекратят и дружбу. Кто соединен с тобой добродетелью, тот неотлучно при тебе пребывает, перенося всякий недостаток. А эти тунеядцы – такого свойства, что часто тебе мстят и навлекают на тебя худую славу. И я знаю многих людей благородных, которые через связи с ними заслужили о себе худое мнение. Одни оклеветаны в волшебстве, другие в прелюбодействе, а иные в деторастлении. Так как люди эти не имеют никакого занятия, а проводят жизнь в праздности, то многие подозревают, что они оказывают позорные услуги такого же рода. Итак, избавляя себя от худой славы, а особенно от будущей геенны, и делая угодное Богу, бросим этот дьявольский обычай, чтобы, когда едим и пьем, творить все во славу Божью (1Кор. 10:31), и сподобиться от Господа славы, которую да получим все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 49

[1] «И, услышав, Иисус удалился оттуда на лодке в пустынное место один; а народ, услышав о том, пошел за Ним из городов пешком». (Матф. 14:13)

[2] Изъяснение 14:13–32. Почему Христос после известия о смерти Иоанна удаляется в пустыню. – Привязанность народа ко Христу. – Несовершенство веры учеников. – Почему одни чудеса Христос совершал собственною властью, другие именем Отца. – Умножение хлебов свидетельствует, что Христос есть Творец всего видимого. – Способ совершения чуда и цель его. – Не должно искать людской славы. – Духовные блага должно предпочитать чувственным. – Милосердие превосходнее всех искусств. – Всякое искусство достойно своего имени, доколе служит к удовлетворению необходимого. – Против роскоши в обуви и одежде.

[3] 1. Заметь, что Господь всякий раз удалялся, когда Иоанн был предан, когда он умерщвлен, и когда иудеи услышали, что Иисус приобретает многих учеников. Ему угодно было чаще поступать по-человечески, пока не пришло время вполне обнаружить божество Свое. Потому и ученикам он приказывал никому не говорить, что Он Христос; Он хотел, чтобы это сделалось известным по

воскресении Его. По этой причине и с иудеев, которые дотоле не веровали в Него, не строго взыскивал, а, напротив, извинял их. Удаляется же не в город, но в пустыню, и притом на корабле, чтобы никто не следовал за Ним. Не оставь без замечания и того, что ученики Иоанна теперь уже ближе стали к Иисусу. Они именно уведомили Его о случившимся (с Иоанном) и, оставив все, делаются уже Его учениками. Так, кроме несчастья, немало исправило их и то, что Иисус внушил уже им о Себе Своим ответом. Но почему Господь не удалился до получения от них известия, хотя знал о случившемся и без уведомления? Для того чтобы во всем показать действительность воплощения. Не видом только, но и самыми делами Он хотел уверить в истинности его, потому что знал злобную хитрость дьявола, который готов все сделать, только бы истребить в людях мысль о Его воплощении. Вот по каким причинам удаляется Христос. Но привязанный к Нему народ не оставляет Его, а следует за Ним; и происшествие с Иоанном не устрашало Его. Такова привязанность! Такова любовь! Так она все побеждает и устраняет трудности. За это-то народ и получил вскоре награду. «И, выйдя, Иисус», продолжает евангелист, «увидел множество людей и сжалился над ними, и исцелил больных их» (Матф. 14:14). Хотя ревность их была велика, но благодеяния Христовы превышали цену всякого усердия. Потому евангелист и причиной исцелений в данном случае поставляет особенную милость; Христос всех исцеляет, и не спрашивает здесь о вере, потому что исцеленные показывают свою веру уже тем самым, что пришли к Иисусу, оставили города, тщательно искали Его и не оставляли, когда даже принуждал их к тому голод. Христос намеревается дать им пищу. Но сам не начинает этого, а ожидает, пока

обратятся к нему с просьбой, всюду, как я уже говорил, наблюдая правило: не прежде приступать к совершению чудес, как по просьбе. Но почему же никто из народа не подошел и не попросил Его об этом? Они безмерно Его уважали, и желанием быть при нем подавляли в себе чувство голода. Но и ученики Его не подошли и не сказали: накорми их, потому что еще были несовершенны. Но что они говорят? «Когда же настал вечер», говорит евангелист, «приступили к Нему ученики Его и сказали: место здесь пустынное и время уже позднее; отпусти народ, чтобы они пошли в селения и купили себе пищи» (Матф. 14:15). Если ученики и по совершении этого чуда забыли о нем, и после коробов думали, что Христос говорит о хлебах, когда Он учение фарисейское назвал квасом, то тем более, не видев еще на опыте такого чуда, не могли ожидать чего-нибудь подобного (Матф. 14:16). И хотя Христос исцелил сперва многих недужных, однако, ученики, и, видя то, не ожидали чуда над хлебами. Столько еще были они несовершенны! Ты же заметь мудрость Учителя, как прямо Он ведет их к вере. Не сказал вдруг: Я напитаю их; этому они не скоро бы поверили. «Но Иисус», говорит евангелист, «сказал им», – что же именно? «Не нужно им идти, вы дайте им есть» (Матф. 14:16). Не сказал: Я дам; но – вы дадите, – так как они еще считали Его простым человеком. Даже и после этого не возвысились они в понятиях, напротив, отвечают как простому человеку, говоря: «у нас здесь только пять хлебов и две рыбы» (Матф. 14:17). Потому и евангелист Марк говорит, что они не разумели сказанного: «потому что сердце их было окаменено» (Марк 6:52, 8:17). Итак, поскольку они еще пресмыкались по земле, то Господь сам начинает уже действовать, и говорит: «принесите их Мне сюда» (Матф. 14:18). Хотя «место пустынное», но

здесь Тот, Кто питает вселенную; хотя «время позднее», но с вами беседует Тот, Кто не подлежит времени. Иоанн упоминает и о том, что хлебы были ячменные, и не без цели говорит об этом, а с намерением научить, чтобы мы не тщеславились дорогими яствами. Такова была трапеза и у пророков. «Взяв пять хлебов и две рыбы», продолжает евангелист, «и велел народу возлечь на траву, и воззрел на небо, благословил и, преломив, дал хлебы ученикам, а ученики народу. И ели все и насытились; и набрали оставшихся кусков двенадцать коробов полных; а евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей» (Матф. 14:19–21).

[4] 2. Для чего Христос воззрел на небо и благословил? Ему надлежало уверить о Себе, что послан от Отца, и что равен Ему. Доказательства же этих истин, по-видимому, противоречили одно другому. Равенство Свое с Отцом Он доказывал тем, что делал все с властью; а тому, что послан от Отца, не поверили бы, если бы не поступал во всем с великим смирением, не стал приписывать всего Отцу, и во всяком деле призывать Его. Вот почему Господь, в подтверждение того и другого, не делает ни того, ни другого исключительно, но творит чудеса иногда с властью, а иногда по молитве. Потом, чтобы в этих действиях Его не представлялось опять противоречия, в делах менее важных взирает на небо, а в важнейших все творит с властью, из чего ты должен заключить, что и в менее важных делах Он поступает так не по нужде в содействии, но воздавая честь Родившему Его. Так, когда отпускал грехи, отверз рай и ввел в него разбойника, когда полновластно отменял ветхий закон, воскрешал многих мертвых, укрощал море, обнаруживал тайны сердечные, отверзал очи, – каковые дела свойственны одному Богу, а не другому кому, – ни при одном из этих

действий не видим Его молящимся. А когда намеревался умножить хлебы, что было гораздо маловажнее всех прежде исчисленных действий, тогда взирает на небо, как в подтверждение Своего посольства от Отца, по замеченному мной выше, так и в научение наше, не прежде приступать к трапезе, как воздав благодарение Подающему нам пищу. Но почему не творит хлебов вновь? Чтобы заградить уста Маркиону и Манихею, которые не признают Его Творцом, чтобы самыми делами научить, что все видимое произведено и сотворено Им, и чтобы доказать, что Он есть дающий плоды и изрекший в начале: «да произрастит земля зелень, траву»; также: «да произведет вода пресмыкающихся, душу живую» (Быт. 1:11, 20). И настоящее чудо не менее важно творения былья или гадов. В самом деле, пресмыкающиеся, хотя и сотворены вновь, однако, сотворены из воды. А из пяти хлебов и двух рыб сделать так много – не менее важно, чем произвести из земли плод и из воды пресмыкающихся животных; это значило, что Иисус имеет власть над землей и над морем. Доселе творил Он чудеса над одними больными; а теперь оказывает всеобщее благодеяние, чтобы народ не оставался простым зрителем того, что происходило с другими, но сам получил дар. И что иудеям, во время странствования по пустыне, казалось чудным (так как они говорили: «но сможет ли Он дать и хлеб? или приготовить трапезу» в пустыне? (Пс.77:20), то самое Господь показал на деле. Для того и ведет их в пустыню, чтобы чудо не подлежало решительно никакому сомнению, и никто не подумал, что для пропитания принесено что-нибудь из ближнего селения. Для того евангелист упоминает и о времени, а не только о месте. Отсюда научаемся и другому, именно: познаем умеренность учеников в удовлетворении необходимых

потребностей, и то, как мало заботились они о пище. Их было двенадцать человек; а они имели при себе только пять хлебов и две рыбы. Столь мало радели они о плотском, а занимались только духовным! Да и этих немногих хлебов не стали удерживать, а и их отдали, как скоро попросили у них. Отсюда должны мы научиться, что хотя имеем у себя и малость, и то обязаны отдавать нуждающимся. Когда им велено принести пять хлебов, они не говорят: что же будем есть сами? Чем утолим свой голод? – но тотчас повинуются. Кроме сказанного, по моему мнению, Христос и для того не творит вновь хлебов, чтобы привести учеников к вере: они были еще весьма слабы. Потому взирает и на небо. Они видели неоднократно примеры других чудес, а такого чуда еще не видели. Итак, взяв, преломил и раздавал через учеников, делая им через это честь. Впрочем, Он сделал это не столько для чести их, сколько для того, чтобы, когда совершится чудо, они не остались в неверии и не забыли о бывшем, когда собственные их руки будут свидетельствовать о том. Для той же цели и народу дает сперва испытать чувство голода; для той же цели выжидает, чтобы ученики пришли и просили, через них же рассаживает народ, через них же раздает хлеб, желая, чтобы каждый предрасположен был к чуду собственным сознанием и опытом. По той же причине берет и хлебы от учеников, чтобы много было свидетельств о случившемся, и памятнее сделалось для них чудо. Если и при всем том забыли они, то что бы вышло, когда бы не приняты были такие меры? Господь повелевает возлечь на траве, научая тем народ простоте жизни; хотел не тело только напитать, но и душу научить.

5 3. Итак, Господь для того избрал такое место, дал не более, как хлебы и рыбу, предложил всем одну общую

пищу и никому не уделил больше другого, чтобы научить смиренномудрию, воздержанию, любви, – тому, чтобы мы все равно были расположены друг к другу и все считали общим. «И, преломив, дал хлебы ученикам, а ученики народу». Пять хлебов преломил и роздал, и эти пять хлебов в руках учеников не истощались. Но и тем чудо еще не ограничилось. Господь сделал, что оказался избыток, и избыток не в цельных хлебах, а в кусках, чтобы показать, что это точно остатки от тех хлебов, и чтобы не находившиеся при совершении чуда могли узнать, что оно было. Для того Христос попустил народу почувствовать и голод, чтобы не принял кто чуда за мечту; для того сделал остатков двенадцать коробов, чтобы и Иуде было что нести. Господь и без хлебов мог утолить голод, но тогда ученики не познали бы Его могущества, потому что это было и при Илие. А за это чудо иудеи так удивились Ему, что хотели сделать даже царем, хотя при других чудесах никогда не покушались на это. Какое же слово изобразит то, как источались хлебы, как они растекались по пустыне? Как их достало для такого множества? Евших было пять тысяч, кроме жен и детей; и это служит большой похвалой для народа, что и жены и мужи следовали за Христом. Как могли быть остатки? Это тоже не маловажнее первого. Притом остатков вышло столько, что число корзин равнялось числу учеников, – ни больше, ни меньше. Господь отдал куски не народу, а ученикам, потому что народ не столько был совершен, как ученики.

6 По совершении же чуда, «тотчас понудил Иисус учеников Своих войти в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону, пока Он отпустит народ» (Матф. 14:22). Если в Его присутствии могли думать, что произведено нечто мечтательное, а не действительное, то не могли уже так думать в Его отсутствие. Поэтому-то,

предоставляя ученикам строго исследовать случившееся, велел им взять с собой памятники и доказательства бывших чудес, и удалиться от Него. И в других случаях, совершив что-нибудь великое, Христос отсылает от Себя народ и учеников, внушая нам через это никогда не гоняться за людской славой и не привлекать к себе толпу. А словом: «понудил» евангелист выражает, что ученики не охотно разлучались с Ним. Христос отослал их под предлогом отпустить народ, а на самом деле – намереваясь взойти на гору. Сделал же это опять для нашего научения, чтобы мы и не всегда старались быть с народом, и не всегда избегали его, а, напротив, из того и другого извлекали пользу, и попеременно были то в уединении, то в обществе, смотря по нужде. Научимся же и мы быть с Иисусом, но не для чувственных даров, чтобы не заслужить упрека подобно иудеям. Он говорит: «вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились» (Иоан. 6:26). Потому-то Он и не часто творит такое чудо, а только два раза, чтобы научить их не чреву служить, но непрестанно прилепляться к духовным благам. К ним-то и мы будем прилепляться, станем искать хлеба небесного и, приняв его, отложим всякое житейское попечение. Если иудеи, оставив дома, города, сродников и все, пребывали в пустыне и, несмотря на голод, не отходили от Иисуса, то тем более нам, которые приступаем к такой трапезе, должно показать большее любомудрие, и возлюбить духовные блага, а потом уже искать чувственных. И иудеи не за то были порицаемы, что искали Его для хлебов, но за то, что главным образом и только из-за этого искали Его. Кто пренебрегает великими дарами, а желает малых и таких, которыми он должен пренебрегать по воле дающего, тот лишается и первых; наоборот, если любим первые, то он

прилагает и последние, потому что они служат добавкой к первым. Так они малоценны и маловажны в сравнении с первыми, сколько бы ни казались сами по себе великими. Итак, не будем заботиться о благах чувственных, будем считать и приобретение, и потерю их для себя делом безразличным, подобно Иову, который, и, обладая благами, не прилеплялся к ним, и, лишившись, не искал их. Потому они называются и благами (cρηματα), что мы должны употреблять (cρησωμεθα) их на нужды, а не потому, что должны зарывать их в землю. Как всякий художник знает свое только художество, так и богатый не умеет ни ковать, ни строить кораблей или домов, ни ткать, ни другого чего-либо подобного; а потому пусть учится употреблять свое богатство как должно, быть милосердным к неимущим, и тогда он будет знать искусство, лучше всех исчисленных.

[7] 4. И подлинно, это искусство выше всех других. Для него мастерская устроена на небесах. Орудия его – не железо и медь, а благость и добрая воля. Наставник в этом искусстве – Христос и Отец Его. Потому сказано: «будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд» (Лук. 6:36). И что удивительно, это искусство, будучи настолько всех других лучше, не требует ни труда, ни времени для занятия им. Стоит только захотеть, и все сделано. Посмотрим же, каков и конец этого искусства. Итак, что бывает концом его? Небо и небесные блага, неизреченная слава, духовные чертоги, светлые светильники, обитание с Женихом и все то, чего никакое слово, никакой ум не могут представить, так что и в этом оно много отличается от других искусств. Большая часть искусств полезны нам только в настоящей жизни, а это полезно и в будущем веке. Если же оно столько превосходит искусства, необходимые для нас, как, например, врачебное

искусство, зодчество и прочие, им подобные, то еще более превосходит те, которые, по тщательном исследовании, нельзя даже назвать и искусствами. Почему я все таковые излишние искусства и не почитаю искусствами. На что, например, нужны нам искусства стряпать и приправлять кушанья? Ни на что. Напротив, они даже бесполезны, крайне вредны, потому что повреждают душу и тело, легко приучая к сластолюбию, которое есть мать всех болезней и страданий. Кроме этих искусств я не назвал бы также искусствами живопись и уменье выводить узоры, потому что они вводят только в лишние издержки; а искусства необходимые, служащие к поддержанию нашей жизни, должны доставлять и приготовлять нам нужное. Бог на то и дал нам мудрость, чтобы изобретать способы, как поддерживать бытие свое; а изображать животных на стенах, или на одеждах, скажи мне, полезно ли к чему-нибудь? Потому-то многое надобно бы выкинуть в ремесле сапожников и ткачей. Они многое ввели для щегольства; что было нужного, то испортили, и к искусству примешали ухищрение. То же случилось и с зодчествами. Доколе оно строит дома, а не театры, занимается необходимым, а не излишним, – я называю его искусством. Точно также и искусство ткать, доколе оно готовит нужное для одежды, а не подражает паутинам, не тратит трудов на произведения смешные и пышные без меры, – называю искусством же. Не отниму этого названия и у сапожного ремесла, доколе оно занимается приготовлением обуви. Но когда оно мужчин преображает в женщин, и посредством обуви дает им вид изнеженных и слабых тогда, – причисляю его к ремеслам вредным и излишним и не могу назвать уже искусством. Знаю, что, занимаясь такими предметами, для многих покажусь мелочным; но это не остановит меня. Причина

всех зол именно в том и заключается, что многие считают такие грехи маловажными, а потому не обращают на них внимания. Иной скажет: какой грех может быть маловажнее того, что человек носит красивые, светлые и обтягивающие ногу сапоги, если только можно назвать это грехом? Хотите ли, я изощрю на него язык свой, и покажу всю его гнусность? Выслушаете ли меня без гнева? Впрочем, если и погневаетесь, мало о том забочусь. Вы ведь виновны в этом безрассудстве, – вы, которые не почитаете этого греха и за грех, и тем заставляете нас вооружиться обличением против такой роскоши.

[8] 5. Так исследуем и рассмотрим, как велико это зло. Когда ты вышиваешь сапоги свои шелковыми нитями, которыми неприлично испещрять даже одежду, – каких укоризн, какого смеха достойно это? Если же ты пренебрегаешь нашим мнением, то выслушай сказанное Павлом, который со всей строгостью запрещает это, и тогда почувствуешь, как это смешно. Что же говорит Павел? «Не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценной одеждой» (1Тим. 2:9). Стоишь ли ты какого извинения, когда Павел и жене не позволяет носить драгоценные одеяния, а ты допускаешь такую пышность в сапогах, и выдумываешь тысячи нарядов, достойных осмеяний и порицания? Для этих нитей строят корабли, набирают гребцов, кормчего и корабельщика, распускают паруса, переплывают море; для них купец, оставив жену, детей и отечество, вверяет жизнь свою волнам, отправляется в страну варваров, подвергается бесчисленным опасностям, а ты, после всего этого, взяв эти нити, нашиваешь себе на сапоги, украшаешь кожу. Что может быть хуже такого бессмыслия? Не таково было одеяние древних; напротив, оно прилично было мужам.

Из этого заключаю, что со временем наши юноши без всякого стыда будут употреблять женскую обувь. И, что всего несноснее, отцы, смотря на это, не негодуют, а считают это ничего незначащим. Хотите ли, скажу нечто и того еще несноснее? То именно, что делается это тогда, как у нас много бедных. Хотите ли, представлю вам Христа, томимого голодом, нагого, преследуемого, связанного? Скольких молний достойны вы, которые не хотите обратить внимания на Христа, не имеющего нужной пищи, и между тем с такой заботливостью украшаете кожи! Христос, когда давал наставления ученикам Своим, не позволил им даже иметь сапог, а мы не только не умеем ходить босыми ногами, но и обуваться, как должно. Что же может быть беспорядочнее, смешнее этого? Все это показывает человека изнеженного, грубого, жестокого и суетного. Достанет ли досуга заняться чем-либо нужным тому, кто тратит время на такие излишества? Достанет ли досуга такому юноше позаботиться о душе, или даже подумать, что есть у него душа? Тот мелочен, кто принужден удивляться пышной обуви; тот жесток, кто для нее презирает нищих; тот чужд всякой добродетели, кто все свое старание употребляет на такие наряды. С любопытством рассматривая доброту нитей, живость красок, вытканные из них узоры, найдет ли он время воззреть на небо? Есть ли время подивиться красоте небес тому, кто пристрастился к красоте кож и поник в землю? Бог простер небо и возжег солнце для того, чтобы привлечь взор твой горе; а ты принуждаешь себя потупляться в землю, подобно свиньям, и повинуешься дьяволу. Подлинно злой этот дух изобрел такие гнусные вещи, чтобы, отвлекая тебя от небесной красоты, привлечь ими к земле. И Богу, указывающему небо, предпочитается дьявол, показывающий кожи, или

даже и не кожи (потому что и они – произведение Божье), а напыщенность и ухищрение. Поникши к земле, идет юноша, которому надлежало бы мудрствовать о небесном; тщеславится своими сапогами более, чем какой-нибудь важной заслугой; едва ступает по торжищу, сам себе причиняя напрасные печали и огорчения, – боясь, как бы в ненастье не замарать сапоги грязью, а в летнее время не запылить. Что скажешь на это, человек? Такой роскошью ты всю душу свою поверг в прах, и беспечно смотря на то, что она пресмыкается по земле, так много заботишься о сапогах! Подумай, для чего они употребляются, и устыдись того мнения, какое о них имеешь. Сапоги сделаны для того, чтобы попирать ими грязь, навоз и всякую нечистоту на полу. Если это для тебя несносно, возьми повесь их на шею, или положи на голову.

[9] 6. Вы смеетесь, слушая это; а мне приходится плакать, видя безумие таких людей и их заботливость о сапогах. Они скорее согласятся замарать в грязи тело, нежели эти кожи. Такие люди, насколько бывают мелочны, настолько, с другой стороны, сребролюбивы. Кто привык до безумия заботиться о таких украшениях, тому надобно много тратить на одежду и на все прочее, а потому и большие иметь доходы. Если отец у него щедр, то такой человек более и более предается этому пороку, и дает усиливаться безрассудной прихоти; а если скуп, то принужден прибегать к другим бесчестным средствам, чтобы иметь деньги на такие издержки. Вот отчего многие из молодых людей продали красоту свою, сделались шутами у богатых и унизились до других рабских услуг, чтобы за это приобрести только возможность исполнять такие свои прихоти. Отсюда видно, что такой человек будет сребролюбив и суетен, нерадивее всякого в делах нужных, и неминуемо впадет во многие проступки. Неоспоримо

также и то, что он должен быть жестокосерд и тщеславен. Жестокосерд, когда, видя бедного, по страсти к нарядам, не удостаивает его и взора, и хотя сапоги украшает золотом, но на нищего, тающего от голода, не обращает и внимания. Тщеславен же, когда ничтожными вещами старается уловить внимание зрителей. Не столько ведь, думаю, военачальник гордится победами, сколько распутный юноша нарядностью сапог своих, длинными одеждами, прической волос, хотя всем тем обязан искусству других. А если тщеславятся чужим, то, как не тщеславиться своим? Сказать ли еще и того худшее, или для вас довольно и этого? Итак, окончим наше слово. Да и это говорил я для тех, которые упорны и не находят в таких нарядах ничего неприличного. Знаю, правда, что многие юноши не обратят и внимания на слова мои, потому что упились уже страстью. Однако же, из-за этого не должно молчать. Если у отцов есть ум и они еще в силе, то они могут и по неволе обратить их к должной благопристойности. Итак, не говори: и то не важно, и другое не беда. Это-то именно все и губит. Следует учить их и относительно таких предметов и в самых, по-видимому, малостях делать степенными, великодушными, пренебрегающими наряды. Таким образом, они успевают и в важнейшем. Что маловажнее изучения азбуки? Однако же, начавшие с нее делаются риторами, софистами, философами. А не знающие азбуки и этих наук никогда не узнают. Все же это говорим не для одних только юношей, но и для жен и девиц. И они ведь подлежат тем же упрекам и, тем более что девице особенно нужна скромность. Итак, все сказанное юношам, приложите и к себе, чтобы нам опять не повторять того же. Но время уже заключить слово наше молитвой. Помолитесь же вместе со мной, чтобы юноши,

особенно христианские, могли жить скромно и достигнуть приличной им старости; ведь тем, которые не так живут, не хорошо дожить и до старости. Но кто в молодости живет как старик, тому желаю дожить до глубоких седин, сделаться отцом добрых детей, возвеселить своих родителей, а, прежде всего – Бога, его сотворившего; совершенно освободиться не только от недуга щеголять обувью и одеждами, но и от всех душевных болезней. Какова невозделанная земля, такова и юность, оставленная в небрежении: она произращает много терний. Итак, пустим огонь Духа, попалим злые вожделения, обработаем нивы, приготовим их к принятию семян; потщимся, чтобы наши юноши были целомудреннее иных стариков. То и достойно удивления, когда целомудрие блистает в юноше. Кто целомудрен в старости, тот заслуживает небольшую награду; его самый возраст делает уже целомудренным. Чудно то, чтобы среди волнения наслаждаться тишиной, в печи не сгорать, в юности не предаваться распутству. Помышляя об этом, поревнуем блаженному Иосифу, просиявшему всеми этими добродетелями, чтобы удостоиться тех же венцов, которых и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 50

[1] «И, отпустив народ, Он взошел на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один. А лодка была уже на средине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный». (Матф. 14:23–24)

[2] Изъяснение 14:23–36. Для чего Христос попускает ученикам обуреваться волнами и страхом. – Бог посылает сильнейшее испытание, когда хочет избавить от опасностей. – Сила любви Петра ко Христу; его маловерие. – Действие чуда на учеников и народ. – Христос и ныне предлагает Себя всем в евхаристии. – Евхаристия ничем не отличается от вечери, совершенной Самим Христом. – Евхаристия требует совершенной чистоты от приступающего к ней. – Милостыня угоднее Богу, чем богатые приношения во храм.

[3] 1. Для чего Господь восходит на гору? Чтобы научить нас, насколько удобны пустыня и уединение, когда нужно молиться Богу. Для того Он часто уходит в пустыни, и неоднократно проводит там ночи в молитве, уча нас избирать такое время и место, которые бы нас располагали к спокойной молитве. Пустыня есть матерь безмолвия, покой и пристань, укрывающая нас от всякой тревоги. Итак, Христос для молитвы взошел на гору; а ученики опять борются с волнами и претерпевают бурю,

как и прежде. Но тогда во время бури Христос был с ними на корабле, а теперь они одни. Господь постепенно и мало-помалу ведет их к большему, и приучает переносить все мужественно. Поэтому-то, когда они в первый раз подвергались опасности, был с ними, хотя и спал, чтобы тем самым успокоить их; теперь же, ведя их к большему терпению, поступает иначе: уходит от них, попускает буре застигнуть их среди моря, так что им не оставалось никакой надежды к спасению, и на всю ночь оставляет их бороться с волнами, – чем, думаю, хотел тронуть жестокое их сердце. Таковое действие должен был произвести страх, возбужденный как бурей, так и ночным временем. Сверх сердечного умиления, Господь располагает их к сильнейшему желанию быть с Ним и непрестанному памятованию о Нем. Вот почему Он не тотчас явился к ним, но, как говорит евангелист, «в четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю» (Матф. 14:25), – чем научал их не искать скорого избавления от окружающих бедствий, но мужественно переносить все, что ни случится. Но когда они ожидали избавления, страх еще более увеличился. «И ученики, увидев Его идущего по морю», говорит евангелист, «встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали» (Матф. 14:26). Господь и всегда так поступает: когда хочет прекратить бедствия, насылает другие, тягчайшие и ужаснейшие. Так было и в настоящем случае: кроме бури, и явление Христово устрашило их не менее бури. Христос не рассеял тьмы и не вдруг открыл Себя ученикам, чтобы продолжительностью страха укрепить их, как сказал я, и приучить к терпению. Так поступлено было и с Иовом. Когда Богу угодно было прекратить его страх и искушение, попустил, чтобы последнее страдание было тягчайшим. Я разумею здесь не смерть детей и слова

жены, но укоризны рабов и друзей. Равным образом, когда Бог хотел Иакова избавить от бедствования на чужой стороне, попустил, чтоб открылись новые беспокойства и непрестанно увеличивались. Тесть настиг его на пути и угрожал смертью, а потом брат, хотевший перехватить на дороге, поверг его в крайнюю опасность. Так как человеку не возможно вынести искушений продолжительных и сильных, то Господь, желая, чтобы праведники приобрели больше, перед окончанием их подвигов увеличивает испытания. Так поступил Он и с Авраамом, назначив ему последним искушением заклание сына. И несносное делается сносным, когда налагается на человека при дверях, незадолго до освобождения. Так поступил Христос и в настоящем случае: не прежде открыл Себя апостолам, чем они возопили. Чем более увеличивалось беспокойство, тем приятнее для них было пришествие Христово. Потом, когда возопили, «тотчас», говорит евангелист, «заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь» (Матф. 14:27). Эти слова рассеяли страх и внушили смелость. Апостолы не узнавали Его по виду, как по причине чудесного хождения, так и по причине ночного времени; поэтому Он открывает Себя посредством голоса. Что же делает Петр, везде пламенный, всегда предупреждающий других учеников? «Господи», – говорит он, – «если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде» (Матф. 14:28). Не сказал: помолись и призови на помощь Бога; но: «повели». Видишь ли, сколько жара, сколько веры – хотя Петр от того и подвергается часто опасностям, что домогается чрезмерного? Так и здесь он просил слишком многого: впрочем, из одной любви, а не из хвастовства. Не сказал: вели мне идти по волнам; но что говорит? «Повели мне прийти к Тебе». Никто не любил столько Иисуса. Это

доказал Петр и по воскресении Христовом. И тогда он не стал ждать, чтобы идти вместе с другими, но побежал вперед. Впрочем, он обнаруживает в себе не одну любовь, но и веру. Петр был уверен, что Иисус может не только Сам ходить по морю, но вести и других, и желает скорее быть близ Него. «Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде», – и шел к Иисусу. «Но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! спаси меня. Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился» (Матф. 14:29–31)? Это происшествие чудеснее прежнего, потому и случилось после. Когда Христос показал, что он Владыка моря, Он производит перед учениками другое удивительнейшее знамение. Прежде Он запретил только ветрам, а теперь и Сам ходит по водам, и другому дозволяет сделать то же. Но если бы повелел то вначале, Петр не принял бы с таким расположением, потому что не имел еще такой веры.

4 2. Итак, для чего Христос позволил Петру? Для того, что, если бы сказал ему: не можешь, – Петр, по своей горячности, и здесь стал бы противоречить. Поэтому Христос и убеждает его самым делом впредь быть осторожнее. Но Петра и это не удерживает. Итак, сошедши с корабля, обуревается волнами, потому что убоялся; вот что произвело волнение, а страх произошел от ветра. Иоанн говорит, что «они хотели принять Его в лодку; и тотчас лодка пристала к берегу, куда плыли» (Иоан. 6:21). Эти слова показывают то же самое, то есть: что Иисус взошел на корабль тогда уже, как ученики приблизились к берегу. Итак, Петр, сошедши с корабля, шел к Нему, радуясь не столько тому, что ходит по водам, сколько тому, что идет к Иисусу. Но, победив трудное, он едва не потерпел вреда от легчайшего; я разумею

стремительность ветра, а не моря. Такова природа человеческая: часто, успев в великом, затрудняется малостью!

5 Как Илия пострадал от Иезавели, Моисей от египтянина, Давид от Вирсавии, так и Петр. Сначала, объятый еще страхом, он осмелился идти по водам; а против усилия ветра и притом находясь уже близ Христа устоять не мог. Так бесполезно быть близ Христа тому, кто не близок к Нему верой. Это обнаружило также разность между учеником и Учителем и утешило прочих. Если они негодовали на двух братьев, то тем более вознегодовали бы на Петра, потому что еще не удостоились принять Святого Духа. После принятия Духа они стали иными, и во всем уже уступают первенство Петру; ему предоставляют право говорить в собраниях, хотя он менее других был искусен в слове. Но почему Господь не велел уняться ветрам, а Сам простер руку и поддержал Петра? Потому что нужна была Петрова вера. Когда с нашей стороны есть недостаток, то и божественное действие останавливается. Итак, желая показать, что не стремление ветра, но Петрово маловерие произвело такую перемену, Господь говорит: «маловерный! зачем ты усомнился»? Следовательно, он легко устоял бы против ветра, если бы в нем не ослабла вера. Потому-то Господь, поддержав Петра, и не остановил дуновения ветра, желая показать, что ветер не вредит, когда крепка вера. Как птенца, который прежде времени вылетел из гнезда и готов упасть наземь, мать сажает к себе на крылья и опять уносит в гнездо, – так сделал и Христос. «И, когда вошли они в лодку, ветер утих» (Матф. 14:32). Раньше при подобном случае говорили: «кто это, что и ветры и море повинуются Ему»? А теперь говорят иначе. «Бывшие же в лодке», говорит

евангелист, «подошли, поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сын Божий» (Матф. 14:33)! Видишь ли, как Господь мало-помалу вел всех выше и выше? Оттого, что Сам ходил по морю, велел другому сделать то же, и спас его от опасности, вера в учениках весьма уже возросла. Тогда запретил Он морю, а теперь не запрещает; но иначе, в высшей мере, показывает Свое могущество. Потому и говорили: «истинно Ты Сын Божий». Что ж? Запретил ли Он говорить так? Совершенно напротив, даже подтвердил сказанное тем, что с большей властью и не по прежнему стал исцелять приходящих к Нему. «И, переправившись», говорит евангелист, «прибыли в землю Геннисаретскую» (Матф. 14:34). «Жители того места, узнав Его, послали во всю окрестность ту и принесли к Нему всех больных» (Матф. 14:35). «И просили Его, чтобы только прикоснуться к краю одежды Его; и которые прикасались, исцелялись» (Матф. 14:36). Теперь приступили к Нему не с такими уже просьбами, как прежде: не зовут Его в дом, не домогаются, чтобы прикоснулся рукой, или приказал словом; напротив, с возвышеннейшим любомудрием и с обильнейшей верой просят об исцелении. Кровоточивая жена всех научила любомудрию. Между тем евангелист, желая показать, что Иисус Христос давно уже не был в этой стране, говорит: «жители того места, узнав Его, послали во всю окрестность ту и принесли к Нему всех больных». Однако время не только не истребило веры (в народе), но еще увеличило ее и сохранило во всей силе. Итак, прикоснемся и мы к краю одежды Христовой, вернее же сказать, – если хотим, мы можем иметь всего Христа. Нам предложено ныне и тело Его, – не только одежда, но самое тело, чтобы мы не только прикасались, но и ели и насытились. Приступим же с верой, приступим все

немощные. Если прикасающиеся к краю одежды Его привлекали на себя чудодейственную силу, то не гораздо ли в большей мере привлекут ее приемлющие в себя всего Христа? Приступить же с верой значит не только принять предложенное, но прикоснуться к нему с чистым сердцем, с таким расположением, как бы приступали к самому Христу. Что в том, что ты не слышишь гласа Его? За то ты видишь Его тебе предлагаемого; или лучше сказать, и голос Его слышишь, потому что Он говорит через евангелистов.

[6] 3. Итак, веруйте, что и ныне совершается та же вечеря, на которой сам Он возлежал. Одна от другой ничем не отличается. Нельзя сказать, что эту совершает человек, а ту совершал Христос; напротив, ту и другую совершал и совершает сам Он. Когда видишь, что священник преподает тебе дары, представляй, что не священник делает это, но Христос простирает к тебе руку. Как при крещении не священник крестит тебя, но Бог невидимой силой держит голову твою, и ни ангел, ни архангел, ни другой кто не смеет приступить и коснуться, так и в причащении. Если один Бог возрождает, то Ему одному принадлежит дар. Не видишь ли, что и у нас желающие кого-либо усыновить, не рабам вверяют это дело, а сами являются в суд? Так и Бог не ангелам вверил дар, но сам присутствует, повелевает и говорит: «отцом себе не называйте никого на земле» (Матф. 23:9). Говорит это не для того, чтобы ты не почитал родителей, а чтобы предпочитал им создавшего тебя и принявшего в число детей Своих. А кто дал тебе большее, т. е. предложил самого Себя, тот тем более не почтет недостойным Своего величия и преподать тебе Свое тело. Итак, послушаем, иереи и миряне, чего мы удостоились, послушаем и ужаснемся! Христос дал нам в пищу святую плоть Свою,

самого Себя предложил в жертву: какое же будем иметь оправдание, когда, принимая такую пищу, так грешим? Вкушая Агнца, делаемся волками! Съедая овцу, бываем хищны как львы! Таинство это требует, чтобы мы были совершенно чисты, не только от хищения, но и от малой вражды. Это таинство есть таинство мира; оно не позволяет гоняться за богатством. Если Господь не пощадил для нас самого Себя, то чего будем достойны мы, когда, дорожа богатством, не щадим души своей, за которую Он не пощадил Себя? Для иудеев учредил Бог праздники, чтобы они ежегодно вспоминали о Его благодеяниях; а тебе, так сказать, каждый день напоминает о них через это таинство. Итак, не стыдись креста. В нем заключены наша слава, наши таинства; этим даром мы украшаемся, им хвалимся. Если я скажу, что Бог простер небо и землю, расширил море, послал пророков и ангелов, я не выражу в такой мере Его благости. Верх благодеяний Его состоит в том, что Он не пощадил Сына Своего для спасения отошедших от Него рабов. Итак, ни Иуда, ни Симон не должны приступать к этой трапезе, потому что оба они погибли от сребролюбия. Будем же избегать этой пропасти, и не почтем достаточным для спасения, если, ограбив вдов и сирот, принесем золотой и украшенный драгоценными камнями сосуд для святой трапезы. Если ты хочешь почтить жертву, то принеси душу свою, за Которую принесена жертва; душу свою сделай золотой. Если же она хуже свинца и глины, а ты приносишь золотой сосуд, какая из того польза? Итак, будем заботиться не о том одном, чтобы принести в дар золотые сосуды, но о том, чтобы принести от праведных трудов. Такие приношения, добытые тобой без любостяжания, дороже всяких золотых. Церковь – не на то, чтоб в ней плавить золото,

ковать серебро; она есть торжественное собрание ангелов. Поэтому мы требуем в дар ваши души, – ведь ради душ принимает Бог и прочие дары. Не серебряная была тогда трапеза, и не из золотого сосуда Христос давал пить кровь Свою ученикам. Однако же там все было драгоценно, все возбуждало благоговение, потому что все исполнено было Духа. Хочешь почтить тело Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагим. И что пользы, если здесь почтишь Его шелковыми покровами, а вне храма оставишь терпеть и холод и наготу? Изрекший: «сие есть тело Мое» (Матф. 26:26), и утвердивший словом дело, сказал также: вы видели Меня алчущего, и не напитали; и далее: «так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне» (Матф. 25:42–45). Для этого таинственного тела нужны не покровы, а чистая душа; уды же Христовы, то есть, нищие, имеют великую нужду в нашем попечении. Научимся же быть любомудрыми и почитать Христа, как сам Он того хочет. Почитаемому приятнее всего та честь, которой он сам желает, а не та, которую мы признаем лучшей. И Петр думал почтить Господа, не допуская Его умыть ноги; однако же, это было не почтение, а нечто тому противное. Так и ты почитай Его той честью, какую сам Он заповедал, то есть, истощай богатство свое на бедных. Богу нужны не золотые сосуды, а золотые души.

[7] 4. Говоря это, не запрещаю делать богатые вклады: требую только, чтобы вы, вместе с вкладами и даже прежде них, творили милостыню. Хотя Бог приемлет и вклады, но гораздо лучше милостыню. Там один только приносящий получает пользу; а здесь и приемлющий. Там дар бывает иногда поводом к тщеславию; а здесь все делается по одному милосердию и человеколюбию. Что пользы, если трапеза Христова полна золотых сосудов, а

сам Христос томится голодом? Сперва напитай Его алчущего, и тогда уже употреби остальное на украшение трапезы Его. Ты делаешь золотую чашу, и не даешь чаши студеной воды. Что в том пользы? Делаешь для трапезы златотканые покровы, а Христу не даешь и нужного для прикрытия. Какой плод от того? Скажи, мне: если ты увидишь человека, не имеющего у себя необходимой пищи, и вместо того, чтоб утолить его голод, обложишь только стол серебром, поблагодарит ли он тебя за это, или, скорее, огорчится? Еще: ты видишь человека, покрытого рубищем и окостеневшего от холода, и вместо того, чтобы дать ему одежду, ставишь золотые столбы, говоря, что делаешь это в честь его: не скажет ли он, что ты над ним насмехаешься, и не почтет ли это крайней обидой? То же представь и о Христе, когда Он, как бесприютный странник, ходит и просит крова, а ты, вместо того, чтобы принять Его, украшаешь пол, стены, верхи столбов, привязываешь к лампадам серебряные цепи, а на Христа, связанного в темнице, и взглянуть не хочешь. Говоря это, не запрещаю и в том быть щедрым, но советую также не оставлять другого, или даже и предпочитать последнее. За неисполнение первого никто никогда не был осужден, а за неисполнение последнего угрожает геенна и огонь неугасимый и мучение вместе с демонами. Итак, украшая дом Божий, не презирай скорбящего брата; этот храм превосходнее первого. Те утвари могут похитить и неверные цари, и тираны, и разбойники; а что сделаешь для брата алчущего и странного и нагого, того и сам дьявол не может похитить: оно сбережется в неприступном хранилище. Почему же сам Христос говорит: «нищих всегда имеете с собой, а Меня не всегда имеете» (Марк 14:7)? Потому-то особенно и нужно быть милосердными, что не всегда имеем Его

алчущего, а только в настоящей жизни. Если же хочешь вполне постигнуть смысл этих слов, слушай: Христос говорит здесь не ученикам, как представляется с первого взгляда, а слабой жене. Так как она была еще несовершенна, а ученики приводили ее в сомнение, то Господь сказал это в ее ободрение. А чтобы показать, что действительно сказал это в ее утешение, присовокупил: «что смущаете» жену? Мы всегда имеем Его с собой, как сам Он говорит: «Я с вами во все дни до скончания века» (Матф. 28:20). Из всего этого видно, что Христос сказал те слова единственно для того, чтобы запрещение учеников не иссушило в жене прозябшей тогда веры. Поэтому не будем ссылаться теперь на то, что сказано было с особенным намерением; но, прочитав все законы о милостыне, данные и в новом, и в ветхом завете, употребим все старание, чтобы приложить их на деле. Милостыня и грехи очищает. Как сказано: «подавайте милостыню, тогда все будет у вас чисто» (Лук. 11:41). Она важнее жертв: «милости хочу, а не жертвы» (Ос. 6:6). Она отверзает небеса: «молитвы твои и милостыни твои пришли на память перед Богом» (Деян. 10:4). Она нужнее девства. Так одни девы были изгнаны из брачного чертога; так другие введены были в него. Зная все это, будем сеять щедро, чтобы с большим изобилием пожать, и получить будущие блага по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки. Аминь.

Беседа 51

[1] «Тогда приходят к Иисусу Иерусалимские книжники и фарисеи и говорят: зачем ученики Твои» и пр. (Мф. 15:1)

[2] Изъяснение 15:1–20. Иудейские священники виновны были во введении новых постановлений и в предпочтении их заповедям Божиим. – Почему ученики Христа ели неумытыми руками. – Фарисеи учили под видом благочестия презирать заповеди закона. – Христос отвергает постановления о пище и – прикровенно – все другие обрядовые предписания. – Христос не порицает закона. – Человека оскверняет нечистота сердца. – Должно приступать к молитве с чистыми устами и сердцем, свободным от гнева. – Не должно молиться против врагов. – Обижающий причиняет вред только самому себе.

[3] 1. *Тогда* – когда же это? После того, как Он сотворил бесчисленные знамения, после того, как исцелил недужных прикосновением к краю риз Его. Для того-то евангелист и означает время, чтобы показать крайнюю, ничем непреодолимую злобу книжников и фарисеев. Но что значат слова: «Иерусалимские книжники и фарисеи»? Книжники и фарисеи были рассеяны по всем коленам, и разделены на двенадцать частей; но те из них, которые жили в главном городе, были гораздо злее прочих, так как

большею пользовались честью и более надмевались. Смотри же, как они и самым вопросом своим уловляются. Они не говорят: почему ученики Твои преступают закон Моисеев, но – почему нарушают «предание старцев»? Отсюда видно, что священники много вводили нового, хотя Моисей под страхом великого наказания и со многими угрозами запрещал им что-либо прилагать к закону, или отнимать от него, говоря: «Не прибавляйте к тому, что я заповедую вам, и не убавляйте от того» (Втор. 4:2). И тем не менее, они вводили новые постановления, каково было и то, что не должно есть неумытыми руками, что чаши и котлы надобно омывать и самим омываться. Тогда как иудейскому народу надлежало уже оставить прежние постановления, они навязывали ему еще более, опасаясь лишиться власти и желая, чтобы их тем более страшились, что они и сами законодатели. От этого дело дошло до такого нечестия, что их заповеди сохраняли, а Божии нарушали; и столь велика была власть их, что это не почиталось уже и преступлением. Потому на них и лежала двойная вина: и за то, что вводили новые постановления, и за то, что, оставляя без внимания Божии заповеди, тем более вступались за свои. Умалчивая о других постановлениях, достойных только смеха, – как-то, об омовении кувшинов и котлов, – они выставляют на вид то, что по видимому более заслуживало внимания, желая, как мне кажется, привести чрез это Господа в гнев. Потому упоминали и о старцах, чтобы, в случае неуважения к ним, иметь предлог к обвинению Господа. Но сперва следует рассмотреть, почему ученики ели неумытыми руками? Итак, почему же они так поступали? Это они делали не с намерением, но потому, что презирали уже излишнее, и заботились об исполнении необходимого. Они не считали

законом умываться, ни оставаться неумытыми, но поступали так, или иначе, как случалось. И могли ли они заботиться об этом, когда не заботились даже о самой пище, необходимой для них? И тогда как им часто случайно приходилось есть неумытыми руками, – как, например, когда в пустыне принимали пищу, или когда рвали колосья, – пренебрегающие всегда великим и заботящиеся много об излишнем поставляют им это в вину. Что же Христос? Он не стал ни порицать, ни защищать поведения учеников, но на обвинение фарисеев и сам отвечал обвинением, унимая дерзость их и показывая, что согрешающий в великих делах не должен с такою заботливостью подмечать в других маловажные проступки. Вас бы надлежало подвергнуть обвинению, – говорит Он, – а вы сами обвиняете других. Заметь, что когда Он хочет какое-либо постановление отменить, то делает это в виде отповеди; так и теперь поступил. Он не тотчас обращается к учиненному проступку, и не говорит, что он ничего не значит, – иначе Он увеличил бы их дерзость; но сперва сражает дерзость их, поставляя на вид преступление гораздо важнейшее, и возлагая его на главу их. Он не говорит и того, что нарушающие постановление хорошо поступают, чтобы не подать им случая к обвинению Себя; но и не осуждает поступок учеников, чтобы не подтвердить постановления. Равно не обвиняет и старцев, как людей законопреступных и порочных (иначе фарисеи отвратились бы от Него, как от ругателя и оскорбителя); но, все это оставив, избирает другой путь и, порицая, по-видимому, подошедших к Нему, касается между тем сделавших сами постановления. Он не упоминает вовсе о старцах, но в обличении, направленном против одних, низлагает и других, и показывает, что они вдвойне грешат, не

покоряясь Богу и угождая людям. Он как бы так говорит: обыкновение повиноваться старцам, оно-то и погубило вас. Правда, Он не говорит этого, но то же самое дает разуметь в следующем ответе: «Зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего? Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать; и: злословящий отца или мать смертью да умрет. А вы говорите: если кто скажет отцу или матери: дар [Богу] то, чем бы ты от меня пользовался, тот может и не почтить отца своего или мать свою; таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим» (Мф. 15:3–6).

[4] 2. Господь не сказал: за предание старцев, но – «преданием вашим»; также не сказал: старцы же глаголют, но – «вы говорите», смягчая тем Свою речь. Книжникам и фарисеям хотелось показать, что ученики Его нарушают закон; Христос, напротив, показывает, что они сами делают это, а ученики не подлежат обвинению. Постановление человеческое не есть закон (потому Он и называет его преданием), а особенно постановление людей беззаконных. Но так как предание, повелевающее умывать руки, не было противно закону, то Христос приводит другое, противное закону, именно следующее: фарисеи учили юношей, под видом благочестия, презирать отцов. Каким образом? Если кто из родителей говорил сыну: дай мне эту овцу, которую ты имеешь, или тельца, или иное что, то им отвечали: то, чем ты желаешь от меня пользоваться, я отдаю в дар Богу, и ты не можешь получить этого. Отсюда происходило двоякое зло: и Богу не приносили, и родителей, под предлогом приношения Богу, лишали дара; и оскорбляли родителей под предлогом обязанности к Богу, и Бога – под предлогом обязанности к родителям. Впрочем, Господь не прямо указывает на это, но сначала читает им закон, в котором

показывает, что Бог строго требует почтения к родителям. «Почитай, – говорит Он,– отца и мать», и будешь долголетен на земле. И еще: «Злословящий отца или мать смертью да умрет». Но, умолчав о награде, которая принадлежит почитающим родителей, Христос упоминает только о том, чего надобно страшиться, т. е. о наказании, которое угрожает непочитающим родителей, желая таковых устрашить, равно как и благонамеренных ободрить, указывая таким образом на настоящих виновников, достойных смерти. Если, говорит Он, непочтительные на словах наказываются, то тем более будете наказаны вы, непочтительные на деле, и не только сами так поступающие, но и других научающие тому же. Как же вы, которым и жить не подобало бы, обвиняете учеников? Что удивительного, если вы Меня, доселе неизвестного вам, так много оскорбляете, когда являетесь так дерзкими и пред Отцом? Так Христос везде говорит и показывает, что из неуважения к Отцу и происходит такое безумное высокомерие их. Некоторые изъясняют иначе это выражение: «дар [Богу] то, чем бы ты от меня пользовался», именно: я не обязан почитать тебя, и это мой дар тебе, если я стану тебя почитать. Но Христос не о таком оскорблении упоминал здесь. Евангелист Марк выражает это яснее, говоря: «корван, то есть дар [Богу] то, чем бы ты от меня пользовался» (Мк. 7:11), что не означает ни дара, ни одолжения, но собственно выражает приношение. Итак, показав, что пренебрегающие законом Божиим не должны обвинять тех, кто нарушает предание старцев, Он то же самое показывает и из слов пророка. По строгом обличении, Он простирает речь Свою далее, что и всегда делает, представляя в доказательство Писания, и тем показывая Свое согласие с Богом. Что же говорит пророк? «Этот народ приближается ко Мне устами

своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня, и благоговение их предо Мною есть изучение заповедей человеческих» (Ис. 29:13). Видишь ли, как пророчество совершенно согласно со словами Иисуса Христа и как оно еще прежде возвещало злобу иудеев? Что Христос осудил ныне, о том еще прежде говорил Исаия, т. е., что иудеи заповеди Божии презирают. «Языком, – говорит,– своим чтит Меня», а о Своих постановлениях прилагают великое старание: «учат учениям, заповедям человеческим» (ср. Мф.15:9). Потому справедливо ученики и не соблюдают этих постановлений. Итак, нанесши иудеям смертельный удар и усилив обличение и делом, и собственным суждением, и словами пророка, Господь перестает говорить с ними, так как они не могли уже исправиться, но обращает речь Свою к народу, чтобы преподать ему высокое, великое и исполненное многого любомудрия учение. Пользуясь этим случаем, Он присовокупляет большее, и совсем уже отвергает постановления о пище. Но заметь, когда это? Когда прокаженного очистил, когда нарушил покой субботний, когда показал Себя царем земли и моря, когда установил закон, когда грехи отпустил, когда мертвых воскресил, когда представил многие доказательства Своей божественности: тогда начинает рассуждать и о пище.

[5] 3. Все иудейство заключается в преданиях о подобных предметах. И если ты отвергнешь эти предания, то отвергнешь и все его. Таким образом Христос показывает, что и обрезание должно уничтожить. Впрочем, сам Он не внушает оставить этот обряд предпочтительно пред прочими, потому что заповедь об обрезании всех древнее прочих и более уважалась, но через учеников утверждает закон об его отмене. Обрезание так было важно, что и

ученики, по прошествии уже многого времени желая отменить его, делают это после предварительного рассуждения. Но смотри, как Господь вводит закон: «И, призвав народ, – говорит евангелист,– сказал им: слушайте и разумейте» (Мф. 15:10)! Не просто объявляет им этот закон, но почтительностью и снисходительностью располагает народ к принятию слов Своих (что показал евангелист в слове: «призвав»). Далее Он пользуется благоприятностью времени: начинает изрекать закон после того, как обличил фарисеев, одержал над ними победу и осудил их словами пророка, следовательно, когда народ удобнее мог принимать слова Его; и притом Он не просто призывает их, но и возбуждает их внимание.

6 «Разумейте», – говорит Он, – т. е., размыслите, обратите внимание ваше. Закон, который Я теперь намерен дать вам, достоин этого. Если фарисеи несвоевременно нарушили закон для сохранения своих преданий, и вы их слушали, то гораздо более должны слушать Меня, в надлежащее время поучающего вас высшему любомудрию. Впрочем, Он не сказал, что разборчивость в пище ничего не значит, и что Моисей предписал ее напрасно, или из снисхождения; а говорит в виде увещания и совета, заимствуя доказательство из самого свойства вещи. «Не то, что входит в уста, – говорит Он, – оскверняет человека, но то, что выходит из уст» (Мф. 15:11). Основываясь на самой природе, Он и изрекает и утверждает закон. Слыша это, фарисеи ничего не сказали вопреки. Не сказали: что Ты говоришь? Тогда как сам Бог дал столько повелений о соблюдении различия в пище, Ты ли даешь такой закон? Но так как Христос совсем заставил молчать их не только тем, что обличил, но и тем, что вывел наружу их коварство, обнаружив тайные дела их и сокровенные помышления, то они молча удалились.

Но смотри, как Господь нигде не решается восстать явно против пищи; потому и не сказал – пища, но: «Не то, что входит в уста оскверняет человека», – что можно было относить и к неумовению рук. Хотя Он говорил о пище, но можно было думать, что Он говорил и об умовении рук. Разборчивость в пище так строго была наблюдаема, что и после воскресения Петр говорил: «Нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого» (Деян. 10:14). Хотя он говорил это и для других, и для того, чтобы иметь самому оправдание против обвинителей, и вместе показать, что Он сколько ни препирался, но не имел успеха, тем не менее показывает, как много думали об этом предмете. Потому-то и сам Христос первоначально не прямо сказал о пище, а употребил выражение: «что входит в уста»; и после, когда, по-видимому, говорил об этом яснее, опять прикровенно заключил речь Свою, сказав: «А есть неумытыми руками – не оскверняет человека» (Мф. 15:20), чтобы слышавшие думали, что Он с этого начал, и об этом рассуждал доселе. Потому не сказал прямо: пища не сквернит человека; – но говорил так, как бы рассуждал об умовении рук, чтобы фарисеи ничего не могли сказать вопреки. Услышав такие речи, «соблазнились» говорится, фарисеи, но не народ. «Ученики Его, приступив, – говорит евангелист,– сказали Ему: знаешь ли, что фарисеи, услышав слово сие, соблазнились» (Мф. 15:12)? – хотя Господь и не к ним говорил. Что же Христос? Он не стал выводить их из соблазна, но укорил их, говоря: «Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится» (Мф. 15:13). Он знал, когда должно оставлять без внимания соблазны, и когда не должно. Так, в другом случае Он говорит: «Чтобы нам не соблазнить их, пойди на море, брось уду (Мф. 17:27); а здесь: «Оставьте их: они

– слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15:14). Ученики говорили это не столько потому, что заботились о фарисеях, сколько потому, что сами несколько смущались. Но так как сказать это от своего лица не смели, то желали узнать через повествование о других. А что они действительно и сами соблазнялись, это видно из того, что ревностный и всегда других предупреждающий Петр подходит и говорит Иисусу: «Изъясни нам притчу сию» (Мф. 15:15); открывая свое душевное смущение, но не осмеливаясь явно сказать: я соблазняюсь, он просит изъяснения, дабы избавиться от этого смущения, за что и подвергся укоризне. Что же говорит Христос? «Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится». Зараженные учением манихеев говорят, что это сказано о законе; но им заграждает уста то, что сказано выше. Если Господь говорил это о законе, то как же Он выше защищает его, и отстаивает, говоря: «Зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего»? К чему приводит и слова пророка? Нет, это говорит Он о фарисеях и о их преданиях. Если Бог сказал: «Почитай отца и мать», то, как же сказанное Богом не есть насаждение Божие?

[7] 4. Равным образом и из последующего видно, что изъясняемые слова сказаны о фарисеях, и о их преданиях, потому что Господь присовокупил: «слепые вожди слепых». Если бы эти слова говорил Он о законе, то сказал бы: слепой вождь слепых; но Он не говорит так, а говорит: «слепые вожди слепых», отклоняя этим порицание от закона и обращая на них самих. Потом, отделяя от них народ, как уже близкий к тому, чтобы пасть в яму чрез их водительство, говорит: «А если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму». Большое зло и

слепым быть; но при слепоте не иметь руководителя и занимать должность вождя – двойное и даже тройное преступление. Если при слепоте не иметь вождя, то гораздо пагубнее браться водить другого. Что же Петр? Он не говорит: почему и для чего Ты сказал это; но спрашивает, как бы сказанное было не ясно; не говорит: для чего Ты утверждаешь противное закону, потому что опасается, чтобы Христос не почел его соблазнившимся; но как бы говорит, что сказанное не ясно. А что он в самом деле спрашивал не по причине неясности, но потому что соблазнялся, это очевидно из того, что в словах Господа не было ничего неясного. Поэтому Христос и укоряет его, говоря: «Неужели и вы еще не разумеете» (Мф. 15:16)? Народ, может быть, еще не понимал слов Его, а ученики соблазнились ими. Вот почему сначала они желали узнать о том, спрашивая как бы для фарисеев; когда же услышали произнесенную им тяжкую угрозу: «Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится», и: «слепые вожди слепых», – замолчали. Но Петр, во всех случаях ревностный, и этим не удерживается в молчании, а говорит: «Изъясни нам притчу сию». Что же отвечает Христос? Он отвечает с великою укоризною: «Неужели и вы еще не разумеете? еще ли не понимаете»? Так говорил Он и укорял их, чтобы уничтожить предрассудок, и не довольствуясь этим, присовокупил еще: «Что все, входящее в уста, проходит в чрево и извергается вон? а исходящее из уст – из сердца исходит – сие оскверняет человека, ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления – это оскверняет человека; а есть неумытыми руками – не оскверняет человека» (Мф. 15:17–20). Видишь ли, как сильно Он укоряет их? Потом подтверждает

сказанное общим законом природы, для исправления их. Говоря: «проходит в чрево и извергается вон», Он дает ответ, приноравливаясь к брезгливости иудеев. Он говорит, что пища не остается во чреве, но исходит, между тем как если бы она и оставалась, и тогда не оскверняла бы человека; но они еще не могли вместить этого. Потому и законодатель позволяет оставаться без умовения в то время, пока пища находится внутри, но когда выходит вон, не позволяет. Он повелевает омываться и быть чистым вечером, расчисляя время переваривания и извержения пищи. А нечистота сердца, говорит Он, внутри пребывает и оскверняет человека не только тогда, когда остается там, но и когда исходит оттоле. Сначала Он исчисляет злые помышления, свойственные иудеям, и уже не заимствует доказательства из природы вещей, но из того, что одни из них порождаются во утробе, а другие в сердце, одни остаются в человеке, а другие не остаются. То, что входит в человека извне, опять и исходит из него; но что зарождается внутри его, то оскверняет его и по нисшествии, и тогда еще более. Такое доказательство употребил Он потому, что ученики, как я уже сказал, еще не могли слушать этого с должною мудростью. Марк (Мк.7:19) говорит, что Господь этими словами указывал на то, что пища очищается от нечистоты. Но Он не показал вида и не сказал, что есть такую-то пищу не сквернит человека, потому что книжники не стали бы и слушать, если бы Он стал явно говорить это. Потому Он и присовокупил: «а есть неумытыми руками – не оскверняет человека». Итак познаем, что оскверняет человека, познаем – и будем избегать того! Мы видим, что многие в церкви строго соблюдают обыкновение – приходить в чистых одеждах и с обмытыми руками; а о том, чтобы с

чистою душою предстать Богу, нимало не заботятся. Говоря это, я не запрещаю умывать руки или лицо, но желаю, чтобы умывали их так, как должно – не водою только, но вместо воды убеляли добродетелями. Нечистоту уст составляют: злословие, хула, ругательство, гневные слова, срамословие, смех, насмешки. Поэтому, если ты сознаешь, что ничего подобного не говорил и не осквернил себя такою нечистотою, то приходи смело. Если же ты тысячекратно допускал себя осквернять этим нечистотам, то, что трудишься напрасно омывать язык водою, осквернив его пагубною и вредоносною нечистотою?

[8] 5. Скажи мне: осмелился ли бы ты молиться, если бы замарал руки в навозе или в грязи? Никак. Между тем это не причинило бы тебе никакого вреда, а то осквернение пагубно. Итак, для чего ты в делах безразличных опаслив, а в том, что запрещено, нерадив? Что же, – скажешь ты, – или не должно молиться? Должно, только надобно быть чистым и не оскверненным. Но что, – скажешь, – если я прежде осквернил себя? Очистись. Каким же образом? Плачь, стенай, раздавай милостыню; извинись перед обиженным, и через то примирись с ним; очисти язык, чтобы более не раздражать Бога. Если бы кто измаранными в грязи руками держал тебя за ноги, умоляя о прощении, ты не только не стал бы слушать его, но и оттолкнул бы ногою. Как же ты сам дерзаешь в такой нечистоте приступать к Богу? Язык молящихся есть рука, которою мы обнимаем колена Божии. Итак, не оскверняй его, чтобы и тебе не сказал Господь: «И когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу». И еще говорится: «Смерть и жизнь – во власти языка», и еще: «От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Ис. 1:15, 18:22; Мф. 12:37) Итак, сохраняй язык более зеницы ока!

Язык есть царский конь. Если ты наложишь на него узду и научишь его ходить прямо, то царь спокойно будет сидеть на нем; если же пустишь его бежать и скакать без узды, то на нем будет ездить дьявол и бесы. Ты после сообщения с твоею женою, хотя это и не преступление, не смеешь молиться; а после ругательств и обид, которые ведут к геенне, прежде, нежели очистишь себя совершенно, воздеваешь руки к Богу: как же ты не страшишься, скажи мне? Или ты не знаешь, что сказал Павел: «Брак у всех [да будет] честен и ложе непорочно» (Евр. 13:4)? Если же ты, востав от непорочного ложа, не смеешь приступить к молитве, то как, лежа на ложе дьявола, призываешь ужасное и страшное имя Божие? Поистине осквернять себя обидами и ругательствами – значит лежать на ложе дьявола. Гнев, как злой прелюбодей, совокупляясь с нами с сильною похотью, переливает в нас губительные семена и порождает дьявольскую вражду, и делает все противное браку. Брак производит то, что два бывают плоть одна, а гнев и соединенных разобщает и самую душу разделяет и рассекает. Итак, чтобы тебе с дерзновением приступать к Богу, не допускай гнева, когда он хочет войти в твою душу и совокупиться с нею, но отгоняй, как бешеного пса. Такое и Павел дал повеление, когда сказал: «Воздевая чистые руки без гнева и сомнения» (1Тим. 2:8). Итак, не оскверняй языка! Иначе, как он будет за тебя молиться, когда не будет иметь дерзновения? Укрась его кротостью и смирением, сделай его достойным призываемого тобою Бога, наполни благословением и многою милостынею, – можно ведь и словами творить милостыню. «Слово – лучше, – сказано,– нежели даяние» (Сир. 18:16), и еще: «отвечай ему (нищему) ласково, с кротостью» (Сир. 5:8). Все остальное время украшай возвещением божественных

законов: «Да будет… всякая беседа твоя – в законе Вышнего» (Сир. 10:20). Украсив себя таким образом, приступим к Царю, и падем на колена не только телом, но и мыслию. Помыслим, к кому мы приступаем и зачем, что желаем получить? Приступаем к Богу, Которого созерцая, серафимы отвращают лицо, не имея сил сносить сияния, от лица Которого трепещет земля; приступаем к Богу, Который живет во свете неприступном; и приступаем для того, чтобы Он избавил нас от геенны, отпустил нам грехи наши, освободил нас от нестерпимых наказаний и даровал нам небо и его блага.

9 6. Итак, припадем к Нему и телом и мыслию, чтобы Он сам воздвиг нас лежащих; будем беседовать с Ним с кротостью и со всяким смирением. Но кто из людей, скажешь ты, так несчастен и жалок, что и во время молитвы не бывает кроток? Тот, кто молясь проклинает, исполнен гнева и вопиет против врагов своих. Если ты хочешь обвинять, то обвиняй себя самого. Если хочешь изощрить язык свой, изощряй его против грехов своих; говори не о том, какое зло причинил тебе другой, но какое ты сам себе нанес; оно-то и есть величайшее зло. Другой не может обидеть тебя, если ты сам себя не обижаешь. Итак, если ты хочешь восставать против обижающих тебя, то восстань прежде против самого себя, – в этом никто тебе не препятствует; а если ты восстанешь против другого, то будешь в большой обиде. Да и какую ты, говоря по правде, можешь представить обиду? Ту ли, что кто-нибудь оскорбил, обобрал тебя и подверг опасностям? Но это не значит быть обиженным; напротив, если мы будем внимательны, то такие обиды принесут нам даже величайшую пользу. Здесь обиженный есть тот, кто учинил такое зло, а не тот, кто потерпел его. И в этом-то заключается главная причина всех зол, что мы не

знаем даже и того, кто когда получает, и кто наносит обиду. Если бы мы хорошо знали это, то никогда не обижались бы и не жаловались бы в молитвах своих на другого, зная, что другой не может причинить нам зла. Не лишаться, а лишать кого имущества есть зло. И потому, если ты похитил что-нибудь, то осуждай самого себя; если же у тебя похитили имущество, молись за похитителя, потому что он доставил тебе весьма великую пользу. Пусть его намерение было и не таково; но ты сам собою приобретешь величайшую пользу, если великодушно перенесешь обиду. Его карают и божественные и человеческие законы, а тебя, обиженного, увенчивают и прославляют. Если бы страждущий горячкою похитил у кого-нибудь сосуд с водою и утолил ею опасную жажду, мы назвали бы обиженным не того, у кого похищен сосуд, но того, кто похитил, потому что через это он усилил бы жар, и ухудшил свою болезнь. Так думай и о любостяжателе и о сребролюбце: и он, ведь, в жару любостяжения, который сильней самой горячки, похищением еще более усиливает свой пламень. Также, если бы кто в бешенстве, похитивши у кого-нибудь меч, заколол им себя, кто тогда потерпел бы зло: тот ли, у кого похищен меч, или тот, кто похитил? Очевидно тот, кто похитил. Так должны мы судить и о похищении имущества. Поистине богатство для сребролюбца то же, что и для безумного меч, и даже еще гораздо вреднее. Безумный, взявши меч и нанесши себе смертный удар, освобождается от безумия, и не получает другого удара; а сребролюбец каждый день получает бесчисленные, жесточайшие раны. Он не освобождается от своего безумия, но еще более увеличивает его; и чем больше получает ран, тем более подает случай раскрываться другим, жесточайшим. Помышляя об этом, будем

избегать такого меча, будем избегать безумия – и, хотя и поздно, научимся воздержанию. Поистине и эту добродетель не менее должно называть целомудрием, как и ту, которую все называют этим именем. Там бывает борьба с одною лютою плотью, а здесь нужно побеждать многие и различные похоти. Нет безумнее человека, раболепствующего богатству. Одолеваемый он представляет себя повелителем; будучи рабом, почитает себя господином; связав себя узами, радуется; усиливая лютость зверя, веселится; находясь в плену, торжествует и скачет; и видя пса, бесящегося и нападающего на его душу, вместо того, чтобы связать и изнурить его голодом, он доставляет ему обильнейшую пищу, чтобы он еще более нападал на него и был еще ужаснее. Итак, представляя все это, расторгнем узы, умертвим зверя, отринем болезнь, отринем это безумие, чтобы нам насладиться спокойствием и совершенным здоровьем и, достигнув с великою радостью тихого пристанища, получить вечные блага, которых и да сподобимся мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и во веки веков. Аминь.

Беседа 52

[1] «И, выйдя оттуда, Иисус удалился в страны Тирские и Сидонские. И вот, женщина Хананеянка, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется». (Мф.15:21–22)

[2] Изъяснение 15:21–31. Христос отверзает дверь язычникам. – Сила веры и смирения хананеянки. – Почему Христос медлил исполнением ее просьбы. – Милостыня ценится не по количеству подаваемого, а по силе расположения. – Превосходство милостыни пред всеми другими искусствами. – Наклонность к милосердию положена в самой природе. – Милосердие – отличительный признак человека. – Хищник не может получить плода милостыни.

[3] 1. Евангелист Марк говорит, что Христос, и «войдя в дом, … не мог утаиться» (Мк. 7:24). Но для чего Христос отправился в эти именно страны? Он, отменив для иудеев закон о разборчивости в пище, теперь, простираясь далее, отверзает дверь уже и язычникам. Так и Петр сперва получил повеление отступить от закона (о пище), а потом был послан к Корнилию. Если же кто спросит, как же Христос, говоря ученикам: «На путь к язычникам не ходите» (Мф. 10:5), сам вступает на этот путь? – то мы скажем на это: во-первых, Он не обязан был сам исполнять того, что заповедал Своим ученикам; во-вторых, Он шел в эти страны не проповедовать: на это

указывает и Марк, говоря, что Господь скрылся, но не мог утаиться. Как не следовало Христу идти к язычникам первым, так напротив не сообразно было с Его человеколюбием удалять их от себя, когда они сами приходили. Если Ему не надлежало оставлять убегавших от Него, тем более не должно было убегать тех, которые сами Его искали. Смотри, например, как вполне достойна была жена благодеяний! Она не смела прийти в Иерусалим, потому что опасалась и считала себя недостойною; если бы было не так, то она пришла бы и туда, как это видно из настоящего ее великого усердия и из того, что она вышла за пределы своей земли. Некоторые, толкуя эти слова иносказательно, говорят, что по отшествии Христа из Иудеи к Нему дерзнула приступить Церковь, также вышедшая за пределы свои, потому что Писание говорит: «Забудь народ твой и дом отца твоего» (Пс. 44:11). Христос вышел из пределов Своей страны, а жена из пределов своей, и таким образом они могут встретиться. «И вот, женщина Хананеянка, -:говорит евангелист,– выйдя из тех мест» . Так он называет жену для того, чтобы указать здесь чудо и ее еще более прославить. В самом деле, слыша название хананеянки, представь себе тот беззаконный народ, который извратил в самих основаниях законы природы; а представив это, уразумей силу пришествия Христова. Те, которые были изгнаны для того, чтобы не развратили иудеев, теперь больше иудеев оказывают усердия. Они выходят из пределов страны своей и сами идут ко Христу, а иудеи и пришедшего к Ним Христа гонят от себя. Итак, пришед ко Иисусу, жена одно только говорит: «Помилуй меня», и своим воплем привлекает к себе народ. Подлинно трогательное было зрелище – видеть жену, вопиющую с таким состраданием, видеть мать,

умоляющую о своей дочери, о дочери так жестоко страждущей. Она не осмелилась привести беснующуюся к Учителю, но, оставив ее дома на одре, сама умоляет Его и объявляет только болезнь, ничего более не прибавляя. И не зовет Врача в дом свой, подобно тому князю, который говорил: «Приди, возложи на нее руку Твою» (Мф. 9:18), – или тому цареву мужу, который сказал: «Приди, пока не умер сын мой» (Ин. 4:49); но, поведав о своем горе и тяжкой болезни дочери, обращается к милосердию Владыки и громким голосом вопиет, прося помилования не дочери своей, но себе самой: «Помилуй меня!» Как бы так говорила она: дочь моя не чувствует болезни своей, а я терплю тысячи различных мучений; я больна, я чувствую болезнь, я беснуюсь, и сознаю это. «Но Он не отвечал ей ни слова» (Мф. 15:23). Что значит этот новый и необыкновенный поступок Иисуса? Иудеев и неблагодарных вводит, и злословящих призывает, и искушающих не оставляет, а ту, которая сама приходит к Нему, просит Его и молит, которая не знала ни закона, ни пророков, и между тем показывает такое благочестие, Он не удостаивает даже и ответа. Кто бы не соблазнился о Иисусе, видя поступок так несогласный с молвою о нем? Слышно было, что Он сам обходил селения для того, чтобы исцелять больных; но вот Он отвергает и ту, которая сама пришла к Нему. Кого бы не преклонили такое страдание и такая покорность, с какою умоляла жена о своей злостраждущей дочери? Она не почитала себя достойною благодеяния, и пришла не с тем, чтобы требовать должного; но просила оказать милость и изъявляла только свое несчастие, – и при всем этом не удостоена ответа. Может быть, многие из слышавших это соблазнились; но она не соблазнилась. И что я говорю – из слышавших? Я думаю, что и сами ученики тронулись

несчастием жены, смутились и опечалились. Однако, и смутившись, они не смели сказать Ему: окажи ей милость; «ученики Его, приступив, просили Его: отпусти ее, потому что кричит за нами». Так и мы, когда желаем склонить к чему-либо другого, часто говорим не то, что бы хотели. Христос же отвечает: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мф.15:24).

4 2. Как же поступила жена? Умолкла ли она, услышав это? Отошла ли? Потеряла ли бодрость? Нет! Она еще более усилила свои моления. Не так поступаем мы. Если не получаем просимого, то перестаем и просить, тогда как надлежало бы просить еще усерднее. Кого бы не привели в недоумение слова Спасителя? Довольно было и одного молчания, чтобы привести хананеянку в отчаяние; тем более мог повергнуть в него ответ Христов. Видя вместе с собою в недоумении своих ходатаев и слыша, что просьба ее не может быть исполнена, можно было потерять всякую надежду. И однако, жена не потеряла ее, но, видя бессилие своих ходатаев, вооружилась похвальною смелостью. Прежде она не смела и явиться пред лице Господа, – сказано: «кричит за нами»; а теперь, когда по причине безнадежности надлежало бы вовсе удалиться, она приступает ближе и кланяется, говоря: «Господи! помоги мне» (Мф.15:25). О, жена! Неужели ты имеешь более дерзновения, более мужества, нежели апостолы? Нет, – говорит она, – я не имею ни дерзновения, ни мужества; напротив, я стыжусь, но употребляю дерзость вместо мольбы. Может быть, Он почтит мое дерзновение. Но что это? Или ты не слыхала, что Он сказал: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева»? Слышала, говорит она; но Он – Господь. Потому-то она и не сказала: попроси и помолися, но – «помоги мне». Что же Христос? Он и тем не

удовольствовался, но еще более умножает ее недоумение, говоря: «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (Мф.15:26). Удостоив ответа, Господь своими словами еще более поразил ее, нежели молчанием. Он уже не ссылается на другого в Свое оправдание, и не говорит: «Я послан» но чем более усиливает она свою просьбу, тем и Он решительнее отказывает. Он уже не овцами называет иудеев, но чадами, а ее псом. Как же поступает жена? Она в самих Его словах находит себе защиту. Если я пес, говорит она, то значит не чужая. Справедливо сказал Христос: «На суд пришел Я» (Ин. 9:39). Жена любомудрствует, показывает великое терпение и веру, несмотря на свое уничижение; а иудеи, получая исцеления и почести, воздают противным. Я знаю, – говорит она, – что чадам необходимо давать пищу; но и мне она не совсем возбранена, несмотря на то, что я подобна псу. Если мне вовсе нельзя пользоваться пищею, то нельзя участвовать и в крохах. Если же я могу иметь хотя малое участие в ней, то мне она не совсем возбранена, несмотря на то, что я подобна псу; или лучше, потому особенно я и имею в ней участие, что подобна псу. Христос знал, что она скажет это. Потому-то и медлил (оказать ей помощь); для того и отказывался даровать ей просимое, чтобы показать ее любомудрие. Если бы Он вовсе не хотел оказать ей помощи, то не оказал бы ее и после этого, и не стал бы снова заграждать ей уста. Но как поступил Он с сотником, сказав: «Я приду и исцелю его» (Мф. 8:7), чтобы мы узнали о благочестии этого мужа и услышали от него слова: «Недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой» (Мф. 8:8); как поступил Он с кровоточивою, сказав: «Я чувствовал силу, исшедшую из Меня» (Лк. 8:46), чтобы чрез то сделать известною веру ее; как поступил с самарянкою, чтобы показать, что она

не отошла от Него и после обличения, – так поступает и теперь. Он не хотел скрыть столь великой добродетели жены, и то, что говорил ей, говорил не для того, чтобы укорить ее, но чтобы призвать к Себе и открыть скрытое сокровище.

5 Но ты, вместе с верою, познай и смиренномудрие ее. Господь назвал иудеев чадами; а она не удовольствовалась этим, но назвала их и господами. Так далека она была от того, чтобы завидовать славе других! «И псы, – говорит она,– едят крохи, которые падают со стола господ их» (Мф. 15:27). Видишь ли благоразумие жены? Она не стала противоречить, не завидовала похвалам других и не оскорбилась собственною обидою. Какая твердость духа! Христос говорит: «Нехорошо», – она ответствует: «Так, Господи»! Он называет иудеев чадами, – а она господами. Он называет ее псом, – а она приписывает себе и действие свойственное псу. Видишь ли ее смирение? Теперь посмотри на высокомерие иудеев. «Мы семя Авраамово, – говорят они,– и не были рабами никому никогда»; мы рождены от Бога (Ин. 8:33, 41). Не так поступает жена. Она называет себя псом, а их господами; и за это-то сделалась чадом. Что же Христос? «О, женщина! –:восклицает Он,– велика вера твоя» (Мф. 15:28)! Для того, и медлил Он доселе оказать помощь, чтобы сказать эти слова и увенчать жену. «Да будет тебе по желанию твоему», – т. е., вера твоя может сделать и больше этого, но «да будет тебе по желанию твоему»! Это восклицание подобно повелению: да будет небо – и бысть. «И исцелилась дочь ее в тот час». Видишь ли, как много она способствовала к исцелению своей дочери? Потому-то и Христос не сказал: да исцелеет дщерь твоя, но: «Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему», – чтобы ты знал, что сказанное ею были не пустые или льстивые

слова, а выражали великую силу веры. Наилучшее доказательство и свидетельство последней заключается в самом событии, – именно дочь ее тотчас же исцелилась.

[6] 3. Заметь, что она совершила то, в чем побеждены были и чего не могли сделать апостолы. Такова сила неотступной молитвы! Бог хочет, чтобы мы в нуждах своих сами более просили Его, нежели другие ходатайствовали за нас. Хотя апостолы и более имели дерзновения, но жена показала великое терпение. Исполнив прошение жены, Христос оправдал Себя в медленности пред учениками и показал, что Он справедливо не согласился на их просьбу. «Перейдя оттуда, пришел Иисус к морю Галилейскому и, взойдя на гору, сел там. И приступило к Нему множество народа, имея с собою хромых, слепых, немых, увечных и иных многих, и повергли их к ногам Иисусовым; и Он исцелил их; так что народ дивился, видя немых говорящими, увечных здоровыми, хромых ходящими и слепых видящими; и прославлял Бога Израилева» (Мф. 15:29–31). Господь иногда сам ищет больных, а иногда выжидает, чтоб они сами приходили к Нему, и хромых возводит на гору. Теперь они уже не прикасаются и к одежде Его, но начинают рассуждать правильнее: повергаются к ногам Его и обнаруживают сугубую веру; несмотря на хромоту свою, всходят на гору, и ничего другого не требуют, кроме того, чтобы повергнуться к ногам Его. Весьма удивительно и странно было видеть, что те, которых прежде носили, теперь ходят сами, слепые не имеют нужды в руководителях. Но и самое множество исцеляющихся и легкость исцеления приводили в удивление народ. Знаешь ли, почему жену исцелил Он после такого промедления, а этих тотчас? Не потому, что они были достойнее ее, но потому, что она более их имела

веры. Для того Он и отлагает и медлит исцелить ее, чтобы показать ее твердость, а этим тотчас подает дар для того, чтобы заградить уста неверных иудеев и лишить их всякого оправдания. Подлинно, кто более получает благодеяний, тот большему подвергается и наказанию, когда бывает неблагодарен, когда и самая честь не делает его лучше. И богатые потому наказываются сильнее бедных за свою жестокость, что они и в изобилии не были сострадательны.

7 Не говори мне, что они подавали милостыню. Если они подавали менее, нежели сколько могли давать, то и тогда не избегнут наказания. Милостыня ценится не по количеству подаваемого, но по обилию расположения. Если и мало подающие будут наказаны, то тем более те, кто стяжал много благ, кто созидает дома в три и четыре кровли, а алчущих презирает, кто о любостяжании заботится, а о милостыне нерадит. Но если уж зашла речь о милостыне, то продолжим теперь ту беседу, которую я за три дня перед тем, рассуждая о человеколюбии, оставил недоконченною. Вы помните, что тогда я, рассуждая о чрезмерной и суетной заботливости об обуви и о изнеженности юношей, перешел к обличению этих пороков от размышления о милостыне. Что же тогда было поводом к этому? Мы сказали, что милостыня есть искусство, которого училище находится на небесах, а учитель не человек, но Бог. Потом, исследуя, что можно назвать искусством и чего нельзя, перешли к занятиям суетным и искусствам вредным, между которыми упомянули и об искусстве делать обувь. Вспомнили ли? Итак, займемтесь и теперь тем, о чем говорили тогда, и покажем, почему милостыня есть искусство, и притом лучшее всех искусств. Если дело искусства состоит в том, чтобы доставлять какую-либо пользу, а полезнее

милостыни нет ничего, то очевидно, что она есть искусство, – и притом лучшее всех искусств. Она не обувь нам делает, не одежду доставляет, не дома бренные созидает, но жизнь вечную уготовляет, из рук смерти исхищает, и в той, и в другой жизни прославляет, и созидает нам жилище и вечные чертоги на небесах. Она не дает погасать нашим светильникам, ни являться нам на брак в нечистых одеждах, но омывает их и делает чище снега: «Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю» (Ис. 1:18); она не попускает нам впасть туда, где находится (евангельский) богач и слышать страшные глаголы, но ведет нас на лоно Авраама. Каждое из искусств житейских доставляет одну какую-нибудь пользу, – так земледелие питает, искусство ткать одевает; а вернее сказать и такой пользы ни одно из них само по себе, без помощи другого, не может нам доставить.

[8] 4. Если хотите, то рассмотрим, во-первых, земледелие. Земледелец никак не мог бы заниматься своим искусством, если бы кузнец не доставлял ему заступа, сошника, серпа, топора и много других орудий, нужных для земледелия; если бы плотник не сделал для него плуга, не приготовил ярма и молотильной телеги, кожевник – ремней, и опять плотник не построил стойл для пашущих волов и жилищ для самих пахарей; если бы дровосек не рубил дров и, наконец, если бы не было людей, умеющих печь хлеб. Равным образом занимающиеся искусством тканья, при отправлении работ своих, призывают к себе на помощь многие искусства, и если не получат ее, то не могут производить работ своих. И вообще, каждое искусство имеет нужду в другом. Одна только благотворительность ничего другого не требует, кроме одного расположения. Если ты скажешь: она требует имущества, домов, обуви, то прочти

слова Христа, сказанные Им о вдовице, и отложи такого рода заботу. Хотя бы ты был весьма беден, беднее даже тех, которые у тебя просят, – все же, если ты ввергнешь две лепты, то ты все совершил; хотя бы ты дал кусок хлеба, не имея у себя ничего, кроме него, – ты все исполнил. Итак, посвятим себя этой науке и искусству, и будем упражняться в нем. Знать его – лучше, нежели быть царем и украшаться диадемою. Преимущество его состоит не в том только, что оно не имеет нужды ни в какой посторонней помощи, но и в том, что оно совершает многие и самые различные дела. Оно созидает вечные жилища на небесах, научает почитателей своих избегать вечной смерти; оно дарует тебе сокровища неистощимые, которые не могут потерпеть вреда ни от воров, ни от червей, ни от тления, ни от времени. Если бы кто-нибудь научил тебя сберегать только хлеб, то чего бы ты не дал, чтобы научиться сохранять его без вреда в продолжение нескольких лет? Но вот благотворительность научает тебя безвредно сберегать не только хлеб, но и все: и имущество, и душу, и тело. Но что подробно перечислять все выгоды, доставляемые этим искусством? Оно научает тебя тому, как можешь ты уподобиться Богу, а это есть первое из всех благ. Теперь видишь ли, что милосердие совершает не одно только действие, но многие? Не требуя помощи от других искусств, оно созидает дома, приготовляет одежды, доставляет неиждиваемые сокровища, делает победителями смерти, одолевает дьявола, уподобляет Богу. Итак, что может быть полезнее этого искусства? Кроме того, другие искусства оканчиваются вместе с настоящею жизнью, не действуют во время болезни художников и имеют действия преходящие, требуют труда и многого времени и других бесчисленных принадлежностей. А милостыня по

скончании мира еще яснее открывается, по смерти человека наиболее просиявает и обнаруживает свои действия, и не требует ни времени, ни труда, ни чего-либо другого трудного. Она действует и во время болезни твоей, и в старости, сопутствует тебе в жизнь будущую и никогда тебя не оставляет. Она делает тебя сильнее мудрецов и ораторов; люди знаменитые по своей мудрости и ораторству имеют у себя многих завистников, а за тех, которые прославили себя милосердием, бесчисленное множество людей приносят молитвы. Те предстоят пред судом человеческим, защищая обиженных, а часто и обижающих; а милостыня предстоит пред судом Христа, и не только защищает, но и самого Судию преклоняет защищать подсудимого и произнести милостивый приговор о нем. Хотя бы он был виновен в бесчисленных согрешениях, – она венчает его и провозглашает победителем; «Подавайте лучше милостыню,... – сказано, – тогда все будет у вас чисто» (Лк. 11:41). И что я говорю о будущей жизни? И в настоящей, – спросите кого угодно из людей, – чего они желают более: того ли, чтобы между ними было много мудрецов и ораторов, или людей милосердых и человеколюбивых? И вы услышите, что они изберут последнее. И весьма справедливо. От уничтожения красноречия жизнь нисколько не потерпит вреда; она и до него долгое время существовала. Но если уничтожится милосердие, то все погибнет и истребится. Как на море нельзя плыть далее берегов, так и земная жизнь не может стоять без милосердия, снисхождения и человеколюбия.

[9] 5. Вот почему Бог не только разуму предоставил побуждать нас к милосердию, но во многих случаях самой природе нашей даровал власть преклонять нас к последнему. Так отцы и матери оказывают милосердие

детям, а дети родителям; и то бывает не только у людей, но и у всех бессловесных. Так брат оказывает милосердие брату, родственник – родственнику, ближний – ближнему, человек – человеку. Мы по самой природе имеем некоторую наклонность к милосердию. Потому-то мы и скорбим об обиженных, болезнуем, смотря на убиваемых, плачем при взгляде на плачущих. Бог весьма желает, чтобы мы исполняли дела милосердия, потому и повелел природе сильнее побуждать нас к ним, показывая тем, что Ему весьма любезно милосердие. Итак, помышляя об этом, пойдем сами и поведем детей и ближних наших в училище милосердия. Человек всего более должен учиться милосердию, потому что оно-то и делает его человеком. «Великое – человек и драгоценное – человек милосердный» (Притч. 20:6). Кто не имеет милосердия, тот перестает быть и человеком. Оно делает мудрыми. И чему дивишься ты, что милосердие служит отличительным признаком человечества? Оно есть признак божества. «Будьте милосерды, – говорится, – как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6:36). Итак, по всем этим причинам научимся быть милосердными, а особенно потому, что мы и сами имеем великую нужду в милосердии. И не будем почитать даже жизнью время, проведенное без милосердия. Я говорю о милосердии, чуждом всякого любостяжания. Если человек, довольствующийся своим состоянием и не дающий ничего другому, не есть милосерд, то может ли назваться милосердным тот, кто похищает чужое, хотя бы он делал бесчисленные подаяния? Если наслаждаться одному своими благами бесчеловечно, то еще более отнимать их у других. Если люди, не причинившие никакой обиды другим подвергаются наказанию только за то, что не разделяли с ними своего имущества, то еще более

подвергнутся те, которые похищали чужое. Не оправдывай себя тем, что, причиняя вред одному, ты оказываешь милость другому. Так поступать несправедливо. Тебе должно оказывать милость тому, кого ты обидел; а ты, нанося раны одним, врачуешь тех, которым не причинил никаких ран, тогда как должно бы врачевать их, или лучше, не должно бы совсем и наносить. Человеколюбив не тот, кто сам поражает и исцеляет пораженных им, но тот, кто врачует раны, нанесенные другими. Итак, врачуй те раны, которые ты сам понес, а не те, которые другими причинены; или лучше, не поражай и не низлагай другого, – это значило бы издеваться над другими, – но восставляй пораженных. Уврачевать милостыней в соответствующей мере то зло, которое нанесено любостяжанием, невозможно. Если ты отнял у кого обол, то тебе мало уже обола, чтобы посредством милостыни залечить рану, нанесенную любостяжанием, но потребен талант. Вот почему пойманный вор возвращает вчетверо больше похищенного им. Но хищник хуже вора. Если же вор должен возвращать вчетверо более украденного им, то хищник вдесятеро, или еще более; хорошо, если и при этом условии сможет он получить отпущение в своей неправде: плода же милостыни он и тогда не получит. Потому-то Закхей и сказал: «Если кого чем обидел, воздам вчетверо», и: «Половину имения моего я отдам нищим» (Лк. 19:8). Если же во время закона должно было вознаграждать вчетверо, то тем более в царстве благодати. Если вор обязан это сделать, то тем более хищник; этот последний, кроме убытка, причиняет еще обиду, так что, хотя бы ты дал во сто крат больше, и тогда не вознаградишь всего. Видишь ли, что я не напрасно сказал, что если ты похитишь обол, а отдашь талант, то и

тогда едва вознаградишь? Если же, и поступая таким образом, ты едва можешь вознаградить вред другого, то когда ты поступишь наоборот, т. е., похитив все имущество у ближнего, раздашь только малую часть его, и притом не тем, у кого похитил, а другим, – какое ты будешь иметь тогда оправдание? Какое прощение? Какую надежду спасения? Хочешь ли знать, сколь великое зло делает тот, кто оказывает такое милосердие? Послушай, что говорит Писание: «Что заколающий на жертву сына пред отцем его, то приносящий жертву из имения» нищих (Сир. 35:20). Итак, прежде, нежели выйдем из храма этого, начертаем эту угрозу в уме нашем; напишем ее на стенах, на руках, в совести и везде, чтобы, по крайней мере, страх, усилившись в уме нашем, удерживал руки наши от ежедневных убийств. Хищение хуже убийства, поскольку оно медленно убивает бедного. Чтобы нам освободиться от этой болезни, будем размышлять о большем, и сами с собою, и с другими. Таким образом мы и к милосердию будем более склонны, и получим славные награды, даруемые за него, и удостоимся вечных благ благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 53

[1] «Иисус же, призвав учеников Своих, сказал им: жаль Мне народа, что уже три дня находятся при Мне, и нечего им есть; отпустить же их неевшими не хочу, чтобы не ослабели в дороге». (Мф. 15:32)

[2] Изъяснение 15:32–16:12. Несомненность чудесного насыщения. – Несовершенство веры учеников. – Их любомудрие. – Почему Христос не дал знамения просившим иудеям. – Малые по видимости чудеса Христовы по своей силе превосходили великие. – Строгость бывает так же полезна, как и снисходительность. – Настоящая жизнь есть смена радостей и печалей. – Ничто не доставляет большей радости, как добродетель. – Память добрых дел служит великим утешением в час смерти.

[3] 1. И прежде Христос, намереваясь сотворить подобное чудо, сперва исцелил страждущих телесными болезнями; и теперь делает то же самое: приступает к чудодействию после исцеления слепых и хромых. Почему же тогда ученики сказали: «Отпусти народ», а теперь этого не сказали, хотя прошло уже три дня? Или сами стали уже лучшими, или видели, что народ не слишком чувствовал голод, славя Бога за оказанные ему благодеяния? Но смотри, как Христос и теперь не просто приступает к чудодействию, но вызывает на него учеников. Народ,

пришедши для исцеления болезней, не осмеливался просить хлеба; но Христос, будучи человеколюбив и попечителен, дает и не требующим, и говорит ученикам: «Жаль Мне народа,…отпустить же их неевшими не хочу». Но чтобы кто-нибудь не сказал: они пришли с запасом хлеба, – Христос говорит: «Уже три дня находятся при Мне»; следовательно, если бы пришли и с запасом, то запас истощился бы. Потому-то и чудо сотворил Он не в первый и не во второй день, но когда вышло у них все, – чтобы, наперед восчувствовав нужду, тем с большим восторгом приняли чудо. Для того и говорит: «чтобы не ослабели в дороге», показывая тем, что далеко было до селения и что у них ничего не осталось. Но если ты не хочешь отпустить их голодными, почему не творишь знамения? Чтобы своим вопросом и ответом учеников возбудить в них большее внимание, и дать им случай показать веру свою, подойти к Нему и сказать: сотвори хлебы. Но и тут они не поняли цели вопроса. Вот почему после, как повествует Марк, Христос и говорит им: так ли окаменели сердца ваши? «Имея очи, не видите? имея уши, не слышите» (Мк. 8:17–18)? Если бы этого не было, то для чего говорить ученикам, и давать знать, что народ достоин благодеяния, и прибавлять, что Он милосердует о нем? Матфей говорит, что после Он еще укорял их, говоря: «Что помышляете в себе, маловерные, что хлебов не взяли? Еще ли не понимаете и не помните о пяти хлебах на пять тысяч [человек], и сколько коробов вы набрали? ни о семи хлебах на четыре тысячи, и сколько корзин вы набрали» (Мф. 16:8–10)? Так согласны между собою евангелисты. Итак, что ж ученики? Они еще пресмыкаются долу и, хотя Христос всячески старался запечатлеть в их памяти это чудо, и вопросом, и ответом, и тем, что сделал их раздаятелями (хлеба), и что короба

остались, – но они все еще оставались несовершенными, почему и говорят Ему: «Откуда нам взять в пустыне столько хлебов» (Мф. 15:33)? И раньше, и теперь они все поминают о пустыне; и хотя говорят это, не рассудив надлежащим образом, но само чудо и здесь не подвергают никакому сомнению. Но чтобы кто-нибудь не сказал, – как я уже и прежде заметил, – что Он хлебы получил из какого-нибудь ближайшего селения, то указывается на самое место, чтобы чудо было вне сомнения. Потому-то как первое, так и это чудо Он творит в пустыне, далеко отстоящей от селений. Но ученики, ничего этого не понимая, говорили: «Откуда нам взять в пустыне столько хлебов»? Они весьма неразумно думали, что Он говорит им это в намерении поручить им самим напитать народ. И прежде Он для того говорил: «Вы дайте им есть» (Мф. 14:16), чтобы дать им случай просить Его об этом. Теперь же и того не говорит – «вы дайте им есть»; но что? «Жаль Мне народа,...отпустить же их неевшими не хочу». Этими словами Он еще ближе наводит их на мысль, еще сильнее побуждает и дает разуметь, чтобы они просили Его напитать народ. Эти слова показывали, что Он может не отпустить их голодными, и свидетельствовали о Его могуществе. Это именно и означало слово: «не хочу». Но так как они, несмотря и на это, не поняли сказанного Христом и упомянули о народе, и о месте, и о пустыне (сказали именно: «Откуда нам взять в пустыне столько хлебов, чтобы накормить столько народа?»), то Он уже сам прямо вразумляет их, и говорит им: «Сколько у вас хлебов? Они же сказали: семь, и немного рыбок» (Мф. 15:34). Не говорят уже: «Но что это для такого множества?» (Ин. 6:9), как прежде говорили. Так, хотя они и не все вдруг понимали, но все же мало-помалу приобретали более высокое познание. И сам Он,

возбуждая этим их мысли, спрашивает так же, как и прежде, чтобы самим образом вопроса напомнить им о прежде совершенном чуде. Ты же, приметив из этого их несовершенство, познай вместе и любомудрый их разум, и подивись их любви к истине, как сами они в своих писаниях не скрывают собственных недостатков, и притом великих. В самом деле, не малая вина – так скоро забыть чудо недавно бывшее; за это Господь их и укоряет.

[4] 2. Кроме того, познай их любомудрие и в другом отношении, именно: как мало заботились они о чреве, как привыкли немного думать о пище. Находясь в пустыне и пребывая в ней три дня, имели только семь хлебов. Во всем прочем Господь поступает подобно прежнему: рассаживает их на земле и делает так, что в руках учеников не убывают хлебы. «Велел, – сказано,– народу возлечь на землю. И, взяв семь хлебов и рыбы, воздал благодарение, преломил и дал ученикам Своим, а ученики народу» (Мф. 15:35–36). Но что за этим следовало, не походило на прежнее. «Ели, – сказано,– все и насытились; и набрали оставшихся кусков семь корзин полных, а евших было четыре тысячи человек, кроме женщин и детей» (Мф.15:37–38). Но почему тогда от пяти тысяч осталось двенадцать коробов, а здесь от четырех тысяч осталось семь корзин? Итак, для чего и почему остаток был меньше, хотя и евших было меньше? Можно сказать, что или корзины были больше коробов, или если не то, надобно думать, что Господь опять, чтобы сходство чуда не довело их до забвения, таким различием пособляет их памяти, чтобы, помня сделанное иначе, помнили то и другое чудо. Поэтому-то в первом случае число коробов с остатками делает равным числу учеников, а теперь число корзин равным числу хлебов. И в этом Он обнаруживает неизреченную силу и свободу

могущества, показывая, что и так и иначе может творить чудеса. Подлинно, делом не малого могущества было то, что Он соблюл число как тогда, так и теперь: тогда было пять тысяч, а теперь четыре тысячи, остатков же было ни больше, ни меньше, в первом случае – числа коробов, а во втором – корзин, хотя число евших было различно. И что далее следует, подобно прежнему. Как тогда, оставив народ, Христос вошел в корабль, так и теперь. И Иоанн то же говорит (Ин. 6:17). Так как никакое чудо не располагало столько народ следовать за Ним, как чудо хлебов, – даже хотели не только за Ним следовать, но и сделать Его за это царем, – то Христос, избегая даже и вида властолюбия, удаляется после этого чудотворения; и не пеший уходит, но, чтобы не мог следовать народ, входит в корабль. «И, отпустив, – говорит евангелист,– народ, Он вошел в лодку и прибыл в пределы Магдалинские» (Мф. 15:39). «И приступили фарисеи и саддукеи и, искушая Его, просили показать им знамение с неба. Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите: будет ведро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете. Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка. И, оставив их, отошел» (Мф. 16:1–4). А Марк говорит, что когда они пришли к Нему и спрашивали, «глубоко вздохнув, сказал: для чего род сей требует знамения» (Мк. 8:12)? Хотя такой вопрос должен был возбудить гнев и негодование, однако человеколюбивый и милосердный Господь не гневается, но сожалеет и болезнует о них, как о неисцельно больных, которые после стольких доказательств Его могущества все еще искушали Его. Они спрашивали Его не для того, чтобы уверовать, но чтобы

уловить. Если бы пришли с тем, чтобы уверовать, Он дал бы им знамение. Тот, Кто сказал жене: «Нехорошо» (Мф. 15:26) и потом дал, тем более дал бы им. Но так как они просили знамения не для того, чтобы, уверовать, то Спаситель называет их в другом месте и лицемерами, за то, что они одно говорили, а другое думали. Если бы они веровали, то не просили бы и знамения. А что они не веровали, это видно и из того, что после укора и обличения, уже не настаивали на своей просьбе, и не сказали: мы не знаем, и хотим научиться. Какого же знамения с неба просили? Остановить солнце, или удержать луну, или низвести молнию, или произвести перемену в воздухе, или сделать что-нибудь подобное. Что же на это отвечает Христос? «Различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете». Видите ли кротость и снисходительность? Он не просто отказал, как прежде, не сказал: «не дастся ему» (Мф. 12:39), – но указывает и причину, по которой не дает, хотя они и не для того спрашивали, чтобы научиться. Какая же причина? Как на небе, говорит Он, иной признак ненастья, иной – ведра, и никто, видя признак ненастья, не будет ожидать хорошей погоды, а в хорошую погоду ненастья, так и обо Мне должно рассуждать. Иное время настоящего пришествия и иное будущего. Ныне нужны знамения на земли, а знамения на небе отложены до будущего времени. Ныне Я пришел как врач, тогда явлюсь как судия; ныне пришел взыскать заблудшее, тогда приду потребовать отчета. Потому ныне пришел скрытно, тогда приду со всею торжественностью: совью небо, сокрою солнце, лишу света луну; тогда и силы небесные подвигнутся, и явление Моего пришествия будет подобно молнии, которая вдруг всем является. Но не ныне время этих знамений: Я пришел умереть и

претерпеть поноснейшие страдания. Не слыхали ли, что пророк говорит: «Не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах» (Ис. 42:2)? И еще другой: «Он сойдет, как дождь на скошенный луг»? (Пс. 71:6)

[5] 3. Если укажете на знамения, бывшие при фараоне, то те знамения тогда были кстати, потому что нужно было избавиться от врага. А кто пришел к друзьям, тому нет нужды в таких знамениях. И что Мне производить великие знамения, когда малым нет веры? Малыми их я называю по видимости, потому что по (внутренней) силе последние гораздо более первых. В самом деле, что может сравниться с отпущением грехов, воскрешением мертвого, изгнанием бесов, исцелением тела, словом – с восстановлением всего? Ты же заметь, как ожесточено сердце иудеев. Слыша, что не дастся им знамения, кроме знамения Ионы пророка, они не расспрашивают Его, хотя, зная пророка и все с ним случившееся, и вновь слыша об этом от Христа, они должны были спросить и узнать, что значило сказанное? Но я сказал, что они просят знамения не с желанием научиться. Вот почему и Христос, оставив их, отошел. «Переправившись, -:говорит евангелист,– на другую сторону, ученики Его забыли взять хлебов. Иисус сказал им: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской» (Мф. 16:5–6). Почему не сказал: берегитесь учения? Очевидно, что хочет напомнить им о бывшем: знал, что они то забыли. Прямо обличать их не было видимого основания; но, от них же самих взяв повод укорить их, делает обличение не так для них чувствительным. Почему же не тогда укорил их, когда говорили: «Откуда нам взять в пустыне столько хлебов»? Казалось, что тогда кстати было сказать; но не сказал, чтобы не дать знать, что Он хочет сделать чудо. Притом,

не хотел и их обличать, и сам хвалиться пред народом. Теперь же приличнее было обвинять их, так как и после двукратного чуда они не вразумились. Вот почему уже после второго чуда укоряет их, и выводит наружу то, о чем они думали. О чем же они думали? «Что хлебов, – говорит евангелист,– мы не взяли» (Мф. 16:57). Они еще заботились об иудейских очищениях, и наблюдали разборчивость в пище. За все это Христос и укоряет их с большею строгостью, говоря: «Что помышляете в себе, маловерные, что хлебов не взяли? Еще ли не понимаете и не разумеете? Еще ли окаменено у вас сердце? Имея очи, не видите? имея уши, не слышите? Еще ли не понимаете и не помните о пяти хлебах на пять тысяч [человек], и сколько коробов вы набрали? ни о семи хлебах на четыре тысячи, и сколько корзин вы набрали?» (Мф. 16:8, 8:17–18, 16:9–10)

6 Видишь ли сильное негодование? Нигде еще Он так не укорял их. Для чего же делает это? Чтобы опять отвергнуть предрассудок их касательно пищи. Почему-то тогда Он сказал только: «Еще ли не понимаете и не помните»? Здесь же с сильною укоризною говорит: «маловеры»! И кротость не везде уместна. Как давал им полную свободу говорить, так и укоряет их; а то и другое делал для их спасения. Смотри же, как Он был строг и снисходителен. Он едва не извиняется пред ними, что их укорил с такою силою, когда говорит: «Не помните о пяти хлебах..., и сколько коробов вы набрали? ни о семи хлебах..., и сколько корзин вы набрали»? Для того означает число как евших, так и остаток, чтобы, напомнив им о прошедшем, сделать более внимательными к будущему. Но чтобы тебе узнать, что произвела укоризна, и как пробудила их усыпленный ум, послушай, что говорит евангелист. Хотя Господь ничего более не

сказал, а укоривши, присовокупил только: «Как не разумеете, что не о хлебе сказал Я вам: берегитесь закваски фарисейской и саддукейской? – но они, говорит далее евангелист,– тогда... поняли, что Он говорил им беречься не закваски хлебной, но учения фарисейского и саддукейского», – чего сам Он не объяснял. Смотри, сколько доброго произвела укоризна! Она заставила их отстать от иудейской разборчивости, и из беспечных сделала внимательными, и освободила их от честолюбия и маловерия, так что они перестали приходить в страх и трепет, когда случалось им иметь мало хлебов, и не заботились, чем утолить голод, но все это презирали. Так и мы не должны всегда поблажать подчиненным, равно не должны искать того, чтобы начальники наши нам поблажали. Для души человеческой необходимы оба эти врачевства (и строгость, и снисходительность). Вот почему и Бог в целой вселенной так распоряжается, что иногда употребляет строгость, а иногда – снисходительность, и не попускает быть ни благополучию без скорбей, ни бедствий без радостей. Как в природе бывает то ночь, то день, то лето, то зима, так и у нас – то печаль, то радость, то болезнь, то здоровье. Итак, не дивись, когда ты болен, – иначе должен будешь дивиться, когда ты и здоров; не смущайся, когда ты печален, – иначе должен будешь беспокоиться, когда и весел. Все совершается по естественному порядку.

[7] 4. И что дивишься, если с тобою это случилось? Кто не знает, что то же случалось и со святыми? А чтобы тебе понять это, изобразим ту жизнь, о которой ты думаешь, что она вся исполнена удовольствиями и свободна от забот. Хочешь ли, рассмотрим жизнь Авраама с самого ее начала? Что же он прежде всего услышал? «Пойди из земли твоей, от родства твоего» (Быт. 12:1). Видишь ли,

что требование очень неприятно? Но смотри, сколько следует затем радостного! И иди «в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ» (Быт. 12:1–2). А что, когда пришел в землю, достиг пристани, кончились ли скорби? – Отнюдь нет: опять следуют новые скорби, тягостнее прежних – голод, странствование, похищение жены; а затем ожидали его другие радости – поражение фараона, отпуск с честью, со многими дарами, и возвращение в дом. И вся остальная жизнь представляет такую же цепь радостей и печалей. То же самое случилось и с апостолами. Потому Павел и говорит: «Утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби» (2Кор. 1:4). Но ты скажешь: как это идет ко мне, который всегда нахожусь в скорбях? Не будь нечувствителен и неблагодарен; никому не возможно быть всегда в скорбях; этого не перенесет природа (человеческая). Но так как мы всегда желаем быть в радости, то и думаем, что всегда находимся в печали. Кроме того, так как радостное и приятное мы скоро забываем, а печальное всегда помним, то и говорим, что всегда находимся в печалях. Человеку по природе его невозможно быть всегда в печали. Если угодно, рассмотрим жизнь, проводимую в неге, забавах и роскоши, – и жизнь в нужде, в бедствиях и горестях. Мы покажем вам, что как та имеет свои горести, так и эта имеет свои радости. Но будьте спокойны. Вообразите себе человека, заключенного в оковы, и еще юного осиротевшего царя, который получил великое богатство; вообразите также работника, который трудится целый день, и человека, который все время проводит в неге. Хочешь ли, мы опишем прежде скуку преданного неге человека? Представь, как должны волноваться его мысли, когда ищет он славы не по силам своим, когда слуги его

презирают, когда низшие оскорбляют, когда тысячи его винят и осуждают его расточительность; а того и пересказать нельзя, что еще обыкновенно случается с такими богачами, как то: вражда, оскорбления, обвинения, убытки, злоумышления завистников, которые, когда не могут себе присвоить его богатства, завлекают молодого человека в разные дела, всячески расстраивают и причиняют ему тысячи беспокойств. Хочешь ли, опишу тебе приятности в жизни работника? Он свободен от всего исчисленного; если кто и обидит его, – не оскорбит, потому что никому себя не предпочитает; потери имения не страшится; ест с удовольствием, спит беззаботно. Не с таким удовольствием пьет иной и фазское вино, с каким он приходит к источнику и пьет ключевую воду. Но не такова жизнь богача. А если и этого тебе мало, то чтобы одержать над тобою еще большую победу, сравним царя с узником, и ты не раз увидишь, что узник наслаждается удовольствием, веселится и скачет, а царь, напротив, в диадеме и порфире скучает, имеет тысячи забот и обмирает от страха. Никому, никому нельзя жить без печали, равно как и без всякого удовольствия. Этого не вынесла бы и природа наша, как я сказал прежде. Если же один более радуется, а другой более скорбит, то происходит это от самого человека, который скорбит по малодушию, а не от природы вещей. Если же хотим всегда радоваться, то много имеем к тому случаев. Если утвердимся в добродетели, то ничто уже нас не будет печалить: добрые надежды внушает она тем, кто приобрел ее, делает их угодными Богу и почтенными пред людьми, и дает им неизреченную отраду. Правда, многого труда стоит утвердиться в добродетели; но за то она много радует совесть, и столько производит внутреннего удовольствия, что никаким словом и выразить нельзя. В

самом деле, что тебе кажется приятным в настоящей жизни? Стол ли роскошный, здравие ли телесное, слава ли и богатство? Но все эти удовольствия покажутся весьма горькими, если сравнить их с удовольствием внутренним. Поистине нет ничего приятнее неукоризненной совести и доброй надежды.

[8] 5. И если хотите увериться в этом, испытаем человека, близкого к смерти или престарелого и, припомнив ему о роскошных столах, которыми он услаждался, о славе и чести, равно и о добрых делах, какие он когда-либо делал и совершал, – спросим его: что больше его радует? И увидим, что, вспоминая первые, он стыдится и закрывает лицо, а вспоминая последние, восхищается и ликует. Так Езекия, когда изнемог, вспомнил не о славе, не о царстве, не о столах роскошных, но о правде. «О, Господи!, – говорит он, – вспомни, что я ходил пред лицем Твоим верно» (4Цар. 20:3). Посмотри, как и Павел восхищается добрыми делами, и говорит: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил» (2Тим. 4:7). Скажешь: о чем ему было и говорить? О многом, и большем этого: о почестях, ему возданных, об охранителях, которые имелись у него, и о многократных услугах. Не слышишь ли, что он говорит: «Приняли меня, как Ангела Божия, как Христа Иисуса», что «если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне» (Гал. 4:14–15), и что «голову свою полагали» за его душу (Рим. 16:4)? Однако он говорит не об этих почестях, но о трудах, об опасностях и соответствующих им венцах. И весьма справедливо. То остается здесь, а это за нами последует; за то дадим отчет, а за это получим награду. Или не знаете, как возмущают душу грехи в день кончины, как волнуют сердце? В эти-то минуты воспоминание о добрых делах, подобно ведру во время

бури, успокаивает смущенную душу. Если будем бодрствовать, то страх этот неразлучен будет с нами еще и в жизни; когда же остаемся бесчувственными, то он, без сомнения, предстанет тогда, когда будем разлучаться с этой жизнью. Так и узник тогда особенно скорбит, когда выводят его на суд; тогда особенно трепещет, когда приближается к судилищу, когда должен дать отчет. Вот почему много ходит и рассказов об ужасах при последнем конце и страшных явлениях, которых сам вид нестерпим для умирающих, так что лежащие на одре с великою силою потрясают его и страшно взирают на предстоящих, тогда как душа силится удержаться в теле и не хочет разлучиться с ним, ужасаясь видения приближающихся ангелов. Если мы, смотря на страшных людей, трепещем, то каково будет наше мучение, когда увидим приближающихся грозных ангелов и неумолимые силы, когда они душу нашу повлекут и будут отторгать от тела, когда много будет она рыдать, но вотще и без пользы? И богач, упоминаемый в Евангелии, много плакал по смерти; но это не принесло ему никакой пользы. Все это напечатлевая в уме и всегда представляя, чтобы и нам не потерпеть того же, удержим в свежей памяти страх смерти, чтобы избежать наказания за наши грехи и получить вечные блага, которых и да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому и Животворящему Духу слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 54

[1] «Придя же в страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?». (Матф. 16:13)

[2] Изъяснение 16:13–23. Для чего Христос спрашивает учеников предварительно о мнении народа о Нем. – В каком смысле Петр исповедал Христа Сыном Божиим. – Единосущие Христа с Отцом. – Почему до страданий Спаситель запрещал разглашать, что Он есть Христос. – Тайна креста и воскресения неизвестна была и апостолам. – Не должно стыдиться креста Христова. – С какими мыслями и расположениями должно совершать знамение креста. – Сила креста. – Христианин не должен иметь ничего общего с землею. – Легкоисполнимость заповедей.

[3] 1. Для чего евангелист упомянул об основателе города? Для того, что была другая Кесария, именно Стратонова; а Иисус Христос спрашивал учеников не в Стратоновой, а в Филипповой, отведя далеко от иудеев, чтобы они, освободившись от всякого опасения, смело высказали все, что у них было в мыслях. Для чего же Он спросил сначала не об их мнении, а о мнении народа? Для того чтобы они, сказав народное мнение, потом, будучи спрошены: «а вы за кого почитаете Меня»? – самым порядком вопросов были возведены к высшему разумению, и не стали о Нем

так же низко думать, как и народ. По той же причине спрашивает их не в начале проповеди, но когда сотворил много чудес, беседовал с ними о многих и высоких истинах и многократно доказал Свою божественность и единство с Отцом, тогда уже предлагает им этот вопрос. И не говорит: за кого Меня почитают книжники и фарисеи? – хотя они часто приходили к Нему и беседовали; но желает знать непритворное мнение народа: «за кого люди почитают Меня»? Мнение народа было хотя и гораздо ниже надлежащего, но без всякого лукавства; мнение же книжников и фарисеев внушено было сильной злобой. И показывая, как сильно желает, чтобы исповедовали Его воплощение, говорит: «Сына человеческого», – разумея под этим и божество, как нередко и в других местах Он делает. Так говорит: «никто не восходил на небо, как только сошедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах» (Иоан. 3:13); и в другом месте: «если увидите Сына Человеческого восходящего туда, где был прежде» (Иоан. 6:62). Потом, когда ученики сказали Ему: «одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков» (Матф. 16:14), и объявили Ему ложное мнение народа, – тогда присовокупил: «а вы за кого почитаете Меня» (Матф. 16:15)? Этим вторым вопросом Он побуждает их думать о Нем выше, и дает разуметь, что первое мнение весьма мало соответствует Его достоинству. Для того Он требует от них другого мнения, и предлагает другой вопрос, чтобы они не думали о Нем одинаково с народом, который видел чудеса, превышающие силы человека, и почитал Его человеком, хотя таким, который воскрес из мертвых, как говорил и Ирод. Но Он, отклоняя от таких догадок, говорит: «а вы за кого почитаете Меня», – вы, которые всегда со Мной были, видели Мои чудеса и сами творили через Меня

многие чудеса? Что же на это отвечает Петр, уста апостолов, всегда пламенный, глава в лике апостольском? На вопрос, предложенный всем, отвечает от себя. Когда Христос спрашивал о мнении народа, тогда все отвечали на Его вопрос; когда же об их собственном, то Петр не терпит, предупреждает и говорит: «Ты – Христос, Сын Бога Живого» (Матф. 16:16)! Что же сказал Христос? «Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это» (Матф. 16:17). Конечно, если бы Петр исповедал Его сыном не в собственном смысле и не от самого Отца рожденным, то это не было бы делом откровения; если бы он почел Его сыном, подобным многим, то его слова не заслуживали бы блаженства. И прежде еще бывшие на корабле, после бури, говорили: «истинно Ты Сын Божий» (Матф. 14:33), однако не были названы блаженными, хотя и истину сказали. Они исповедали Его не таким сыном, как Петр, но признавали воистину сыном подобным многим, даже превосходнейшим многих, только не из самой сущности Отца рожденным.

4 2. И Нафанаил также говорил: «Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израиля» (Иоан. 1:49), однако же, не только не называется блаженным, но еще обличается Господом за то, что много еще не досказал истины. Потому Христос и прибавил: «ты веришь, потому что Я тебе сказал: Я видел тебя под смоковницею; увидишь больше сего» (Иоан. 1:50). За что же Петр называется блаженным? За то, что он исповедал Его истинным Сыном. По этой-то причине Христос других не назвал блаженными, но, говоря с Петром, показал, кто и открыл ему. Чтобы исповедание Петрово не показалось многим сказанным из дружбы и лести, и в знак особенного к Нему расположения, – потому что он весьма любил Христа, – и указывает Того,

Кто внушил ему, чтобы ты разумел, что Петр только произносил, а научал его Отец, и чтобы ты верил, что слова эти не выражают человеческое мнение, но божественное учение. Но почему Христос не открывает Себя сам, – не говорит: Я Христос, – но достигает этого вопросом Своим и заставляет произнести исповедание учеников. Потому что это и Ему тогда было приличнее и нужнее, и их более побуждало верить сказанному. Видишь ли, как Отец открывает Сына? Как Сын открывает Отца? «Отца не знает никто», сказано, «кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Матф. 11:27; Лук. 10:22). Таким образом, не через другого кого можно познать Сына, как только через самого Отца; и не через другого кого можно познать Отца, как только через Сына, так что и из этого видно, что Они равночестны и единосущны. Что же говорит Христос? «ты – Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа» (Иоан. 1:42). Так как ты проповедал Моего Отца, то и Я именую родившего тебя, и как бы так говорит: как ты сын Ионин, так и Я Сын Моего Отца. Иначе излишне было бы говорить: «ты – сын Ионин». Но когда Петр назвал Его Сыном Божьим, тогда Христос, чтобы показать, что Он так же есть Сын Божий, как Петр сын Ионин, т. е. одной сущности с родившим, присовокупил: «и Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне» – т. е. на вероисповедании – «Я создам Церковь Мою» (Матф. 16:18). Этими словами Господь показывает, что отселе многие будут веровать, ободряет дух Петра и делает его пастырем: «и врата ада не одолеют ее». Если же не преодолеют ее, то тем более Меня. Поэтому не смущайся, когда услышишь, что Я буду предан и распят. Далее обещает и другую почесть: «и дам тебе ключи Царства Небесного» (Матф. 16:19). Что значит: «и Я дам тебе»? Как Отец дал тебе познание обо Мне, так и Я дам тебе; не сказал – умолю Отца, хотя и это

было бы важным доказательством Его могущества и неизреченно великим даром; но: «Я дам тебе». Что же даешь Ты, скажи мне? Ключи неба, чтобы «что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах». Как же не может дать того, чтобы сесть одесную и ошуюю – Тот, Который говорит: Я дам тебе? Видишь ли, как Христос этими двумя обещаниями возводит Петра к высокому о Нем мнению, как открывает Себя и показывает истинным Сыном Божьим? Он обещает даровать ему то, что собственно принадлежит одному Богу, именно: разрешать грехи, сделать Церковь непоколебимой среди всех волнений, и простого рыбаря явить крепчайшим всякого камня, когда восстанет на него вся вселенная. Подобным образом и Бог Отец сказал, беседуя с Иеремией, что полагает его, как столп медный и как стену (Иер. 1:18); но Иеремия поставлен был для одного народа, а Петр для целой вселенной. Хотелось бы мне спросить тех, которые унижают Сына: какие больше дары – те ли, которые Отец дал Петру, или те, которые дал Сын? Отец даровал Петру откровение о Сыне; Сын же откровенное познание об Отце и о самом Себе посеял во всей вселенной, и простому смертному вручил, дав ему ключи, власть над всем небесным; и он распространил Церковь по всей вселенной, и явил ее сильнейшей самого неба. «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Матф. 24:35). Как же меньше Тот, Кто дал такую власть и совершил такие дела? Говоря это, я не отделяю дел Отца от дел Сына: «все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть» (Иоан. 1:3); но хочу обуздать бесстыдный язык дерзающих унижать Сына.

[5] 3. Из всего этого познай власть Христа. «И Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и

врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного. Тогда», – сказав это, – «Иисус запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос» (Матф. 16:18–20). Для чего Он запретил? Для того чтобы, по удалении соблазнителей, по совершении крестного подвига и по окончании всех Его страданий, когда уже некому было препятствовать и вредить вере в Него многих, тогда чисто и твердо напечатлелось в уме слушающих верное о Нем понятие. Могущество Его не так еще очевидно обнаруживалось. Поэтому Он хотел, чтобы апостолы тогда уже начали проповедовать о Нем, когда очевидная истина проповедуемого и сила событий будут подтверждать слова их. Действительно, иное было дело видеть, что Он то чудодействует в Палестине, то подвергается поношениям и гонениям (особенно, когда за чудесами должен был последовать крест), и иное дело видеть, что вся вселенная Ему поклоняется и верует в Него, и что Он уже не терпит ни одного из тех страданий, которые претерпел. Поэтому-то Он и повелел никому не сказывать. Раз укоренившееся, а потом исторгнутое, трудно уже насадить и удержать во многих; напротив, что однажды принялось и остается на своем месте и ничем не бывает повреждаемо, то легко прозябает и возрастает. Если те, которые видели многие чудеса и слышали столько неизреченных тайн, соблазнились при одном слухе о страданиях, притом не только прочие апостолы, но и верховный из них Петр, то представь, какому бы соблазну подвергся народ, если бы он знал, что Христос есть Сын Божий, и потом увидел, что Его распинают и оплевывают, между тем не разумел бы сокровенного в этих тайнах, не приняв еще Святого Духа? Если и ученикам Христос говорил: «еще многое имею сказать вам; но вы теперь не

можете вместить» (Иоан. 16:12), то тем более смутился бы прочий народ, если бы прежде надлежащего времени открыта ему была высочайшая из тайн. Вот почему Он и запретил сказывать! И действительно, как важно было познать полное учение не прежде, чем после этих событий, когда миновали соблазны, познай то из примера верховного апостола. Тот же самый Петр, который после стольких чудес оказался таким слабым, что даже отрекся Иисуса и убоялся простой служанки, – когда совершились уже крестные страдания, когда он увидел ясные доказательства воскресения и когда ничто уже его не соблазняло и не устрашало, тот же Петр с такой непоколебимостью защищал учение Духа, что, несмотря на все угрожавшие ему опасности и тысячи смертей, сильнее льва устремлялся на народ иудейский. Итак, справедливо запретил Он сказывать прежде креста народу, когда прежде креста опасался все открыть и тем, которые должны быть наставниками. «Еще многое имею сказать вам», – говорит Христос, – «но вы теперь не можете вместить». И действительно, многого они еще не разумели в Его словах, чего прежде креста Он ясно не открыл им; после же воскресения они поняли некоторые из Его слов. «С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать» (Матф. 16:21). «С того времени»: с которого времени? С того, когда насадил в них учение о Своей божественности, – когда положил начало обращения языков. Но и тогда они не поняли еще слов Его, – сказано: «но они ничего из этого не поняли» (Лук. 18:34); они все еще оставались как бы в некоем мраке, не зная, что должно Ему воскреснуть. Вот почему Христос и останавливается на этом трудном для них предмете, распространяет Свое слово, чтобы отверзть их ум и дать

уразуметь, что значат слова Его. Но они «не разумели», но «слова сии были для них сокровенны»; они даже боялись спрашивать Его, впрочем, не о том, точно ли умрет Он, но о том, как и каким образом, и что значит эта тайна? Они не знали, что такое значит воскреснуть, и считали важнейшим никогда не умирать. Вот почему, при общем смущении и недоумении учеников, пылкий Петр опять один осмеливается продолжить об этом разговор, но и то не при всех, а наедине, т. е. устранившись от других учеников; И говорит: «будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобой» (Матф. 16:22)! Что это значит? Тот, который удостоился откровения, назван блаженным, так скоро споткнулся и упал так, что побоялся страдания? Но что удивительного, если это случилось с человеком, который не получил о том откровение? Чтобы знать тебе, что он не сам от себя произнес слова («Ты – Христос, Сын Бога Живого»), – смотри, как он смущается и недоумевает о том, что ему еще не открыто, и, тысячу раз слыша, не понимает, что говорят ему. Он познал, что Иисус есть Сын Божий; а что такое тайна креста и воскресения, – то ему еще не было известно. Сказано: «слова сии были для них сокровенны». Видишь ли, что Христос справедливо запретил сказывать о том другим? Если сказанное так смутило и тех, кому нужно было это знать, то чего не случилось бы с другими? Но Христос, желая показать, что Он ни мало не против собственной воли идет на страдание, даже обличил Петра и назвал сатаной.

[6] 4. Да слышат это все те, которые стыдятся крестных страданий Христовых. Если и верховный апостол, и притом, когда не понимал еще всего ясно, назван сатаной за то, что устыдился креста, то какое извинение найдут те, которые при всей очевидности отвергают это

таинство? Если слышит такой упрек названный блаженным и исповедавший божество Христово, то подумай, чему подвергнутся те, которые и ныне отвергают таинство креста? Христос не сказал: сатана говорит твоими устами; но: «отойди от Меня, сатана»! потому что противник именно желал того, чтобы Христос не страдал. Вот причина, почему Он с такой силой обличил Петра; Он видел, что и Петр, и другие всего более того боялись, и не могли спокойно слышать. По той причине Он обнаруживает и тайные его мысли, говоря: «думаешь не о том, что Божье, но что человеческое». Что значит: «думаешь не о том, что Божье, но что человеческое» (Матф. 16:23)? Петр, заключая о деле по человеческому и плотскому рассуждению, думал, что страдание для Христа позорно и несвойственно. Итак, проникая в его мысли, Христос говорит: ни мало не несвойственны Мне страдания, но ты так судишь по плотскому разуму; напротив, если бы ты в божественном Духе, освободившись от плотских помыслов, высказал сказанное Мной, то понял бы, что это Мне весьма прилично. Ты думаешь, что страдать для Меня низко, а Я тебе говорю, что эта мысль – не страдать Мне – от дьявола. Так Он страхом противного рассеивает боязнь Петра. Как и Иоанна, когда тот почитал низким для Христа креститься от него, Он убедил крестить, сказав: «так надлежит нам исполнить всякую правду» (Матф. 3:15); как и самому Петру, когда не давал Ему умыть ног своих, сказал: «если не умою тебя, не имеешь части со Мной» (Иоан. 13:8), так и здесь Он вразумил Петра страхом противного и силой обличения, уничтожил страх, возбужденный мыслью о страдании. Итак, никто не стыдись достопоклоняемых знаков нашего спасения, которыми мы живем, и начала всех благ, которыми

существуем. Но как венец будем носить крест Христов. Через него совершается все, что для нас нужно. Нужно ли родиться – предлагается нам крест; хотим ли напитаться таинственной пищей, нужно ли принять рукоположение, или другое что сделать – везде предстоит нам этот знак победы. Потому-то мы со всяким тщанием начертываем его и на домах, и на стенах, и на дверях, и на челе, и на сердце. Крест есть знамение нашего спасения, общей свободы и милосердия нашего Владыки, который «как овца, веден был на заклание» (Ис. 53:7). Потому, когда знаменуешься крестом, то представляй все значение креста, погашай гнев и все прочие страсти. Когда знаменуешься крестом, пусть на челе твоем выражается живое упование, а душа твоя делается свободной. Без сомнения вам известно, что доставляет нам свободу. Потому и Павел, склоняя нас к этому, – я разумею свободу нам приличную, – упомянув о кресте и крови Господней, убеждает такими словами: «вы куплены дорогой ценой; не делайтесь рабами человеков» (1Кор. 7:23). Помышляй, говорит, о дорогой цене, какая заплачена за тебя, и не будешь рабом ни одного человека; а под дорогой ценой он разумеет крест. Не просто перстом должно его изображать, но должны этому предшествовать сердечное расположение и полная вера. Если так изобразишь его на лице твоем, то ни один из нечистых духов не сможет приблизиться к тебе, видя тот меч, которым он уязвлен, видя то оружие, от которого получил смертельную рану. Если и мы с трепетом взираем на те места, где казнят преступников, то представь, как ужасается дьявол, видя оружие, которым Христос разрушил всю его силу и отсек голову змея. Итак, не стыдись столь великого блага, да не постыдит и тебя Христос, когда придет в славе Своей, и когда это знамение явится перед Ним, сияя светлее

самых лучей солнечных. Тогда крест этот самым явлением своим как бы скажет в оправдание Господа перед целой вселенной и в свидетельство, что с Его стороны все сделано, что только было нужно. Это знамение и в прежние, и в нынешние времена отверзало заключенные двери; оно отнимало силу у вредоносных веществ, делало недействительным яд; оно врачевало смертоносные угрызения зверей. Если оно отверзло врата адовы, отворило твердь небесную, вновь открыло вход в рай и сокрушило крепость дьявола, то, что удивительного, если оно побеждает силу ядовитых веществ, зверей и всего тому подобного?

[7] 5. Итак, запечатлей крест в уме твоем и обними спасительное знамение душ наших. Этот самый крест спас и преобразовал вселенную, изгнал заблуждение, ввел истину, землю обратил в небо, людей сделал ангелами. Когда при нас крест, тогда демоны уже не страшны и не опасны; смерть уже не смерть, а сон. Крестом все враждебное нам низложено и попрано. Итак, если кто скажет тебе: ты поклоняешься Распятому, отвечай ему радостным голосом и с веселым лицом: поклоняюсь и не перестану поклоняться. Если он засмеется, ты оплачь его безумие и благодари Господа, что Он оказал нам такие благодеяния, которых без откровения свыше и познать никто не может. Такой человек смеется, ведь, потому только, что «душевный человек не принимает того, что от Духа Божия» (1Кор. 2:14). То же бывает и с детьми, когда они видят что-нибудь великое и удивительное; если ты станешь объяснять ребенку тайну, он засмеется. И язычники подобны таким детям, а лучше сказать и их безрассуднее, почему и более достойны сожаления, как поступающие по-детски не в детском, а в совершенном возрасте.

Поэтому-то они и не заслуживают никакого извинения. Но мы громким, сильным и высоким голосом взываем и говорим, а когда предстанут все язычники, еще с большим дерзновением возопием, что крест есть наша похвала, начало всех благ, дерзновение и все наше украшение. О, если бы я мог сказать с Павлом: «которым для меня мир распят, и я для мира» (Галат. 6:14)! Но не могу, будучи одержим различными страстями. Поэтому увещаю вас, а прежде вас себя самого – распяться миру и не иметь ничего общего с землей, но возлюбить горнее отечество, славу и блага небесные. Мы – воины Царя небесного, мы облеклись в оружие духовное. Зачем же мы живем подобно корчемникам, бродягам и даже подобно червям? Где царь, там должен быть и воин. Мы воины не отдаленного какого-либо царя, но близкого к нам. Земной царь не допустит всех в свой дворец и к своей особе; но Царь небесный хочет, чтобы все были близ царского Его престола. Но как возможно, – скажешь, – чтобы мы, находясь здесь, предстояли Его престолу? Так же, как и Павел, будучи на земле, был там, где серафимы и херувимы, и даже ближе был к Христу, нежели щитоносцы к царю: эти последние обращают свои взоры на многие предметы, Павла же ничто не занимало, ничто не развлекало, но вся мысль его была устремлена к Царю Христу. Если, следовательно, мы захотим, и нам это будет возможно. Если бы Господь отдален был местом, то ты имел бы причину сомневаться; если же Он везде присутствует, то и близок ко всякому, кто все внимание устремил к Нему. Вот почему и пророк сказал: «не убоюсь зла, потому что Ты со мной» (Псал. 22:4). И сам Бог говорит: «разве Я – Бог только вблизи, а не Бог и вдали?» (Иер. 23:23). Потому как грехи удаляют нас от Него, так добрые дела приближают к Нему: «когда еще будешь

говорить», – сказано, – «скажет: вот Я!» (Ис. 58:9). Какой отец когда-либо бывал так внимателен к детям? Какая мать так бывает заботлива и всегда ждет, не позовут ли ее дети? Не найдешь ни одного такого отца, ни одной такой матери; только один Бог непрестанно ждет, не воззовет ли к Нему кто из слуг Его, и никогда не оставляет наших прошений, когда просим Его должным образом. Потому-то Он и говорит: «когда еще будешь говорить», – ты еще не кончишь своих прошений, а Я уже выслушаю. Итак, будем призывать Его, как Он того хочет. Но как Он хочет? «Разреши», – говорит, – «оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет перед тобой, и слава Господня будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопишь, и Он скажет: вот Я!» (Ис. 58:6–9)! Но кто же в состоянии все это сделать, скажешь ты? А я спрошу тебя: кто не в состоянии? В самом деле, что здесь трудного? Что тягостного? Что неудобного? Напротив, это не только возможно, но и так легко, что многие даже сделали более: не только раздирали неправедное писание, но и отдавали все свое; не только укрывали и питали у себя бедных, но трудились до пота, чтобы их прокормить; благодетельствовали не только сродникам, но и врагам.

[8] 6. И в самом деле, что трудного в сказанном выше? Не говорят тебе: взойди на гору, переплыви море, возделай столько-то десятин земли, долго постись, надень вретище; но (сказано): подай ближним, подай хлеба, разорви неправедно составленные писания. Что легче этого,

скажи мне? Если же тебе и кажется это трудным, то посмотри на награды – и будет для тебя легко. Подобно тому, как цари подвизающимся на ристалищах конских предлагают венцы, награды и одежды, так и Христос среди поприща полагает награды, показывая их в каждом слове пророка, как бы в особой руке. Земные цари, – пусть они будут тысячу раз цари, все же люди: и богатство у них тратится, и щедрость истощается, а потому они и стараются малое показать великим, отчего каждую вещь вручают особому прислужнику, и, таким образом, выставляют напоказ. Не так поступает наш Царь: так как Он весьма богат и ничего не делает напоказ, то Он выставляет дары, сложивши все вместе, и если бы эти дары разложить порознь, они были бы неисчислимы и много требовалось бы рук держать их. Чтобы увериться в этом, рассмотри внимательно каждую из наград. «Тогда откроется», сказано, «как заря, свет твой». Не думаешь ли, что тут один дар? Нет, не один; он заключает в себе много почестей, венцов и других наград. Если угодно, разложим и покажем по возможности все богатство; только не поскучайте. И, во-первых, посмотрим, что значит: «откроется»? Не сказано: явится, но: «откроется». Это показывает нам скорость и обилие, и то, как много желает Он нашего спасения, как усиливается и спешит породить эти блага, – показывает, что ничто не удержит этого неизреченного усилия; все это выражает обилие даров и бесчисленное богатство. Что значит: «как заря»? Это значит, что награды даются не после искушений, или испытанных бедствий, но еще прежде. Как плоды, которые показались прежде времени, мы называем ранними, так и здесь, опять выражая скорость, Он также говорит, как и выше сказал: «тогда ты возопишь, и Он скажет: вот Я!» А о каком свете говорит Он? Что это за

свет? Не этот чувственный, но другой, гораздо лучший, при котором мы видим небо, ангелов, архангелов, херувимов, серафимов, престолы, господства, начала, власти, все воинство, чертоги и дворы царские. Если ты удостоишься этого света, то и это все **увидишь**; избавишься геенны, ядовитого червя, скрежета зубов, неразрешимых уз, стенания и скорби, непроницаемой тьмы, рассечения надвое, реки огненной, проклятия и места мучения, и пойдешь туда, где нет ни болезни, ни печали, где великая радость, и мир, и любовь, и веселье, и услаждение; где жизнь вечная, слава несказанная и красота неизреченная; где вечные обители, слава Царя недоведомая и такие блага, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» (1Кор. 2:9); где духовный чертог и небесные ложи; где девы с ясными светильниками и облеченные в брачные одежды; где бесчисленное богатство Господа и царские сокровищницы. Видишь ли, сколько наград, и как все они выражены одним словом, и как все совокуплены вместе? Точно также, если станем разбирать и прочие слова, откроем бесчисленнейшее богатство – море неизмеримое! Итак, скажи, будем ли еще медлить и не радеть о вспомоществовании бедным? Нет, умоляю вас; но хотя бы нужно было всем пожертвовать, хотя бы нужно было броситься в огонь и идти против мечей и секир, или другое что потерпеть, – все будем переносить охотно, чтобы получить одеяние царства небесного и неизреченную славу, каковой славы все мы и да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 55

[1] «Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мной, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мной». (Матф. 16:24)

[2] Изъяснение 16:24–27. По примеру Христа должно всегда быть готовым на смерть. – Почему Христос не принуждает, а приглашает к последованию за Собою. – Что значит отвергнуться самого себя. – До чего должно простираться самоотвержение. – Не всякое страдание является последованием Христу. – В чем истинное спасение и истинная погибель души. – Равночестие и единосущие Сына с Отцом. – Похвала жизни иноков. – Изъяснение употребляемой ими молитвы после принятия пищи. – Увещание подражать образу жизни иноков.

[3] 1. «Тогда» – когда же? После того, как Петр сказал: «будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобой», и получил в ответ: «отойди от Меня, сатана»! Господь не удовольствовался одним воспрещением, но, желая вполне показать неуместность слов Петра и пользу страданий, сказал: ты Мне говоришь: «будь милостив! да не будет этого с Тобой»; а Я тебе говорю, что не только вредно и пагубно для тебя препятствовать Мне и сокрушаться о Моем страдании, но и ты сам не можешь спастись, если не будешь всегда готов умереть. А чтобы

ученики не думали, что страдать для Него бесчестно, то о пользе страдания вразумляет их не одними вышеприведенными словами, но и следующими. Так, у Иоанна говорит Он: «если пшеничное зерно, упав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоан. 12:24). Итак, здесь, вполне раскрывая пользу страдания, сказанное о необходимости умереть, распространяет не на себя только, но и на них. Такова польза этого подвига, что и для вас не желать умереть – пагубно, а быть готовыми к тому – благо. Впрочем, вполне объясняет это Христос после, а теперь раскрывает только отчасти. И заметь, как Он, говоря это, не принуждает; не сказал, что вам волей или неволей должно пострадать, а что сказал? «Если кто хочет идти за Мной». Я не заставляю, не принуждаю; но предоставляю это собственной воле каждого. Потому и говорю: «если кто хочет». Я приглашаю на доброе дело, а не на злое и тягостное, не на казнь и мучение, к чему Мне нужно было бы принуждать. Дело само по себе таково, что может вас привлечь. Говоря таким образом, Христос только сильнее привлекал к последованию за Ним. Тот, кто принуждает, часто отвращает; а кто предоставляет слушателю свободу, скорее привлекает. Кроткое обращение действеннее принуждения. Потому и Христос сказал: «если кто хочет». Велики те блага, говорит Он, которые Я вам даю, – таковы, что к ним вы охотно будете стремиться. Кто дает золото и предлагает сокровище, тот не станет употреблять насилие. Если же при этих благах не нужно насилия, то тем менее оно нужно при благах небесных. Если свойство самого блага не побуждает тебя стремиться к нему, то ты недостоин и получить его; если же и получишь, то не будешь знать цены полученного. Потому-то и Христос не принуждает, но снисходительно

увещевает нас. Так как ученики, смущаясь словами Иисуса, по-видимому, наедине много роптали, то Он говорит: не должно роптать и смущаться. Если вы не верите, что то, о чем Я сказал, будет причиной бесчисленных благ и с вами сбудется, – Я не заставляю, не принуждаю; но кто желает последовать, того призываю. Не считайте последованием Мне то, что теперь делаете, ходя за Мной. Если хотите за Мной идти, то вам надобно будет перенести много трудов, много опасностей. Не думай, Петр, что, поскольку ты исповедал Меня Сыном Божьим, за это одно и можешь ждать венцов; не считай этого достаточным для твоего спасения и не успокаивайся на этом, как будто бы все тобой сделано. Я, как Сын Божий, могу сделать, что ты не подвергнешься бедствиям, но не хочу того для тебя, чтобы было нечто и твое собственное, и чтобы ты заслужил больше похвалы. Какой распорядитель игр на поприще, будучи другом борцу, захочет его увенчать только по милости, без всякой его заслуги и единственно потому, что любит его? Так и Христос тем, которых особенно любит, желает, чтобы они приобретали славу и сами по себе, а не при Его только помощи. Смотри же, как не трудна предлагаемая Им заповедь. Не их одних обрекает Он на бедствия, но дает общую заповедь для всех, говоря: «если кто хочет», жена ли, муж ли, начальник ли, подчиненный ли, – всякий должен следовать по этому пути. И хотя, по-видимому, говорит об одном, а разумеет три действия: отвержение самого себя, взятие креста своего и последование Ему. Два соединены между собой, а одно поставлено особо. Итак, посмотрим, во-первых, что значит отвергнуться самого себя. Наперед исследуем, что значит отвергнуться другого, тогда узнаем и то, что значит отвергнуться самого себя. Итак, что значит отвергнуться другого?

Отрекающийся другого, например, брата, или раба, или кого иного, хотя бы и видел, что его бьют, или вяжут, или ведут на казнь, или как иначе мучают, не заступается, не защищает, не соболезнует, не принимает в нем никакого участия, как бы он был совершенно ему чужой. Так точно и Христос желает, чтобы мы не жалели своего тела: бьют ли, гонят ли, жгут ли, или другое что делают, – не жалей себя. Это-то самое и значит жалеть себя. И отцы тогда жалеют детей своих, когда, перепоручая их учителям, приказывают не щадить их. Так и Христос. Он не сказал: пусть не жалеет самого себя, но, что гораздо сильнее, – «да отвержется себя», т. е. пусть не имеет ничего общего с самим собой, а пусть обрекает себя на опасности, на подвиги, и их переносит, так, как бы то терпел другой кто-либо. Христос не сказал: да отречется (αρνησασθω), но: «да отвержется» (απαρνησασθω), небольшим этим прибавлением придавая большую силу словам Своим, так как последнее гораздо выразительнее первого.

[4] 2. «И возьми крест свой». Это следует из первого. Чтобы ты не подумал, что, отвергаясь самого себя, должен переносить словесные только оскорбления и укоризны, Он назначает предел, до которого должно простираться самоотвержение, именно – смерть, и смерть поносную. Поэтому не сказал Он: *да* «пусть отвергается себя» даже до смерти, но: «возьмет крест свой», разумея поносную смерть, и действие не раз или два раза, но целую жизнь совершаемое. Беспрестанно, говорит Он, имей перед глазами смерть, и каждый день будь готов на заклание. Многие, хотя пренебрегали богатство, удовольствия и славу, но не презирали смерть, а страшились опасностей; поэтому Я, говорит Он, хочу, чтобы Мой подвижник ратовал до крови, и подвиги его продолжались до самого заклания. Итак, если нужно будет претерпеть смерть, и

смерть поносную, смерть под проклятием и по подозрению в худых делах, то все должно перенести с мужеством, и еще тому радоваться. «И следуй за Мной». Так как иной, и страдая, не последует Ему, когда страдает не за Него (и разбойники, например, и расхитители гробниц и чародеи терпят много тяжких мучений), то, чтобы ты не подумал, что довольно самых бедствий, от чего бы они ни происходили, Он присовокупляет, какая должна быть причина бедствий. Какая же? Что ни делаешь, ни терпишь, последуй Христу, все за Него претерпевай и соблюдай прочие добродетели. В словах: «и следуй за Мной» заключается и то, чтобы ты оказывал не только мужество в бедствиях, но и целомудрие, и кротость, – и всякую добродетель. То и значит последовать Ему, как должно, чтобы стараться о всякой другой добродетели, и все за Него терпеть. Есть люди, которые, последуя дьяволу, терпят то же и предают за него свои души; но мы терпим за Христа, или лучше сказать, за самих себя. Они терпением вредят себе и здесь, и там; а мы приобретаем пользу и в этой, и будущей жизни. Итак, не крайнее ли это нерадение – не оказывать и такого мужества, какое оказывают погибающие, и это несмотря на то, что нам уготовано столько наград? Притом нам помогает Христос, а им никто. Еще прежде, когда посылал учеников Своих, Господь заповедал им, говоря: «на путь к язычникам не ходите», «посылаю вас, как овец среди волков» и «поведут вас к правителям и царям» (Матф. 10:5, 16, 18). А теперь заповедует гораздо сильнее и строже. Тогда говорил о смерти только, а теперь упомянул и о кресте, и кресте всегдашнем: «и возьми», говорит Он, «крест свой», – т. е. да держит и носит его непрестанно. Так и всегда обыкновенно Христос поступал: не сначала, не при первых наставлениях, но

постепенно и мало-помалу предлагал труднейшие заповеди, чтобы не встревожить слушателей. Далее, так как заповедь казалась тяжкой, смотри, как Он смягчает ее последующими словами, как предлагает награды, превышающие труды, и не награды только, но и наказания за грехи; о наказаниях распространяется даже более, нежели о наградах, потому что обыкновенно не столько даяния благ, сколько строгая угроза умудряет многих. Смотри же, как Он и здесь начинает, и тем же самым оканчивает. «ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее; какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою» (Матф. 16:25–26)? Слова эти значат: не думайте, чтобы Я вас не щадил; напротив, очень щажу, когда заповедую вам это. Так и тот, кто щадит своего сына, губит его, а кто не щадит, тот сохраняет его. То же самое сказал и один мудрый: «если накажешь розгой» сына твоего, «не умрет, спасешь душу его от преисподней» (Притч. 23:13–14); и еще: «ублажающий сына будет перевязывать раны его» (Сирах 30:7). То же бывает и с воинами: если военачальник, щадя воинов, позволяет им всегда сидеть дома, то погубит и тех, кто остается с ними вместе. Итак, чтобы не случилось того же и с вами, говорит Он, вам беспрестанно должно быть готовыми на смерть. Ведь и ныне уже возгорается ужасная брань. Потому не сиди дома, но пойди и сражайся; если и падешь на брани, в ту же минуту оживешь. Если и в видимых сражениях идущий на смерть славнее других и считается непобедимым, и для врагов особенно страшен, хотя царь, за которого он поднимает оружие, и не силен воскресить его по смерти, то тем более в этих бранях, – когда столько надежд воскреснуть,

– предающий душу свою на смерть обретет ее – во-первых, потому что не скоро побежден будет, во-вторых, потому что если и падет, приобретет для нее лучшую жизнь.

5 3. Потом, так как, говоря: «ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее», в том и другом случае употребляет слова: «спасет и погубит», – то чтобы не подумал кто-нибудь, что погубить и спасти в обоих случаях значит одно и то же, но ясно видел, что между тем и другим спасением такое же различие, какое между погибелью и спасением, – Он объясняет это от противного: «какая польза человеку», говорит Он, «если он приобретет весь мир, а душе своей повредит»? Видишь ли, что спасать душу, не как следует, значит губить ее, и хуже чем губить, – губить невозвратно, так что не остается уже средств искупить ее? Не говори мне, – как бы так сказал Он, – что избежавший величайших опасностей спас душу свою, но представь, что душе его покорена вся вселенная: что ему будет пользы от того, когда душа его гибнет? Скажи мне: если ты видишь, что рабы твои живут в полном довольстве, а сам ты в крайней беде, какая тебе польза оттого, что ты господин? Никакой. Так же суди и о душе: когда плоть наслаждается и богатеет, душа ожидает будущей гибели. «Какой выкуп даст человек за душу свою»? Опять подтверждает то же. Ты не можешь, говорит Он, вместо души дать другой души. Если ты потеряешь деньги, можешь дать другие; то же можно сказать о доме, о рабах и о всяком другом имуществе; а, потеряв душу, не сможешь дать другой души. Хотя бы ты владел и целым миром, хотя бы был царем вселенной, – однако, и всю вселенную отдав, и на всю вселенную не купишь ни одной души. Да и что удивительного, если так случается с душой? Так же, как всякий может видеть,

бывает и с телом. Хотя бы ты надел на себя тысячи венцов, но если у тебя тело по природе больное и неизлечимо страдает, то не можешь пособить тому, хотя бы ты отдал целое царство и присовокупил тысячи тел, города, имущества. Так же суди и о душе, да о душе еще больше, и, оставив все прочее, приложи о ней все старание.

[6] 4. Заботясь о чужом, не забывай себя и своего, как ныне все делают, подражая рудокопам. Для них нет никакой пользы от такой работы и от самых драгоценностей; напротив: бывает еще больший вред, потому что они подвергаются опасностям напрасно и подвергаются для других, не получая для себя никакого плода от своих трудов и изнурений. Им-то ныне и подражают многие, собирая богатство для других. Да о нас больше, чем о них, жалеть надобно, потому что нас после таких трудов ожидает геена. Рудокопа от его трудов освобождает смерть; а для нас смерть бывает началом бесчисленных зол. Ты говоришь, что тебе приятно трудиться, когда обогащаешься; но покажи, что душа твоя радуется: тогда поверю. Всего главнее в нас душа. Если же тело тучнеет, а душа истаевает, то в этом тебе нет ни малой пользы. Так, если раба веселится, а госпожа гибнет, то для госпожи нет пользы от благоденствия служанки; так и для больного тела нет пользы от нарядной одежды. «Какой выкуп даст человек за душу свою»? – говорит тебе опять Христос, повелевая тебе всячески стараться о душе, и о ней одной заботиться. Устрашив указанием на погибель души, Христос утешает и обетованием благ: «ибо придет», говорит Он, «Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его» (Матф. 16:27). Видишь ли, что Отцу и Сыну принадлежит одна слава? Если же слава одна, то

очевидно и сущность одна. Если, при единстве сущности, бывает разница во славе («иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится во славе» (1Кор. 15:41), хотя они и одинаковой сущности), то, как можно почитать не единосущными тех, которым принадлежит одна слава? И Он не сказал: во славе такой, которая свойственна Отцу, – чтобы ты опять не подумал, что здесь есть какая-нибудь разность, – но со всей точностью показывает, что слава одна и та же, говоря, что во славе Отца придет. Итак, – говорит, – чего ты страшишься, Петр, слыша о смерти? Ты увидишь тогда Меня во славе Отца. А если Я во славе, то и вы. Ваша награда не в настоящей жизни; нет, вы наследуете другой, лучший жребий. Сказав о благах, Он, однако, не остановился на том, но присоединил и угрозы, упоминая о последнем суде, о строгом истязании, о беспристрастном приговоре, о праведном решении. Впрочем, Он не хотел только опечалить их словом, но растворил его приятными надеждами. Не сказал: тогда накажет грешников, но – «воздаст каждому по делам его». Говоря это, разумел Он не наказание только грешников, но и награды и венцы праведников. Он сказал это для того, чтобы ободрить и людей добродетельных. А я всегда трепещу, слыша о суде, так как я не из числа венчаемых. Думаю, что и другие также страшатся и ужасаются, так как кого не устрашит, кого не заставит трепетать это слово, если слушающий придет только в сознание самого себя? Кого не заставит убедиться, что вретище и самый строгий пост нужнее для нас, чем для народа ниневийского? Нам говорят не о разрушении града, не об общей погибели, но о муке вечной, об огне негасимом.

[7] 5. Вот почему я отдаю честь и удивляюсь инокам, которые удалились в пустыни, будучи побуждены как

другими причинами, так и этим словом Христовым. Они после обеда, или лучше сказать, после ужина (у них обеда иногда и не бывает, так как настоящую жизнь считают они временем плача и поста), – после ужина, вознося благодарственные песни Богу, вспоминают об этом слове. Если хотите слышать и самую песнь их, чтобы и вам всегда произносить ее, то я повторю вам всю эту священную песнь. Вот собственные слова ее: «Благословен Бог, питающий меня от юности моей, подающий пищу всякой плоти! Исполни радостью и весельем сердца наши, чтобы мы, имея всякое довольство, всегда избыточествовали во всяком деле благом, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Тебе слава, честь и держава, со Святым Духом во веки. Аминь. Слава Тебе Господи, Слава Тебе Святый, Слава Тебе Царю, что Ты дал нам брашна и веселье! Исполни нас Духом Святым, да обретемся перед Тобой благоугодными, да не будем постыжены, когда Ты воздашь всякому по делам его». Вся песнь эта достойна удивления, особенно же конец ее. Так как за столом от пищи человек несколько забывается и тяжелеет, то они, вспоминая о времени суда, во время веселья словом Христовым, как бы некоторой уздой, укрощают душу. Они знают, что случилось с Израилем от роскошной пищи: «утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога» (Второзак. 32:15). Так и Моисей сказал: «будешь есть и насыщаться, тогда берегись, чтобы не забыл ты Господа» (Второзак. 6:12, 11), потому что после пресыщения израильтяне отваживались на великие беззакония. Итак, берегись, чтобы и с тобой не случилось чего-либо подобного. Хотя бы ты и не приносил в жертву камню или золоту овец и тельцов, но берегись, чтобы не принести своей души в жертву гневу, своего спасения – в жертву любодеянию

или другим подобным страстям. Потому-то и иноки, опасаясь таковых падений, после стола, или лучше сказать после поста (так как они и за столом соблюдают пост) приводят себе на память страшный суд и последний день. Если же те, которые уцеломудривают себя постом, преклонением долу, бдением, вретищем и бесчисленными подвигами, имеют еще нужду в таком воспоминании, то, как можем безбедно прожить мы, когда наши столы приводят в волнение страсти, а мы и садимся за стол, и встаем из-за него без молитвы? Для отвращения таких бед объясним всю песнь, которую мы привели, чтобы, узнав пользу ее, всегда петь ее при столе, – укрощать тем неистовство чрева, и ввести у себя в домах обычаи и уставы земных ангелов. Самим бы вам надлежало сходить к ним, чтобы получить такую пользу; а если не хотите, по крайней мере, из моих уст выслушайте это духовное сладкопение, и пусть каждый после стола произносит слова песни, начиная так: «Благословен Бог»! Так, в самом же начале они исполняют апостольскую заповедь, которой предписывается: «все, что вы делаете, словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца» (Колос. 3:17). Итак, благодарить должно не за один настоящий день, но за целую жизнь, почему и сказано: «питающий меня от юности моей». И здесь-то заключается учение любомудрия. Если Бог питает, то самому не нужно заботиться. Если бы царь обещал тебе давать на ежедневное пропитание из своей казны, то ты остался бы спокойным; тем более должен быть ты свободен от всякой заботы, когда сам Бог дает и все тебе от Него рекой течет. Для того-то они и произносят такие слова, чтобы убедить себя и поучаемых ими отрешиться от всякого житейского попечения. Далее, чтобы ты не подумал, что они воздают

такую благодарность только за самих себя, присовокупляют: «подающий пищу всякой плоти», – благодаря тем за весь мир. Как отцы всей вселенной, они за всех благословляют Бога, возбуждая себя к искреннему братолюбию; они не могут ненавидеть тех, за которых благодарят Бога, питающего их. Видишь ли из сказанного теперь и прежде, как благодарение ведет к любви, и удаляет житейские попечения? Если Господь питает всякую плоть, то тем более уповающих на Него. Если питает связанных житейскими заботами, то тем более тех, которые свободны от них, как то и Христос подтвердил, сказав: «вы дороже многих малых птиц» (Лук. 12:7). Этими словами Он научал не надеяться на богатство и плодоношение семян. Не это питает, а слово Божье. Таким образом, иноки своей песнью посрамляют манихеян и валентиниан, и всех их единомышленников. В самом деле, нельзя почитать злым того, кто свои блага предлагает всем, даже и тем, которые хулят его. Далее следует прошение: «исполни радостью и весельем сердца наши». Какой радостью: не житейской ли? Нет. Если бы иноки желали такой радости, то не стали бы жить на высотах гор и в пустынях, не стали бы облекаться во вретище. Напротив, они говорят о той радости, которая не имеет ничего общего с настоящей жизнью, – о радости ангельской, о радости горней. И не просто испрашивают они радости, но просят ее в великом избытке. Не говорят: дай; но: «исполни»; не говорят: исполни нас, но: «сердца наши». Такая-то радость и есть преимущественно радость сердца. «Плод же духа», говорится, «любовь, радость, мир» (Галат. 5:22). Так как грех породил печаль, то они просят водворить в них вместе с радостью правоту; иначе и быть не может радости. «Чтобы мы, имея всякое довольство, всегда избыточествовали во всяком благом

деле». Вот исполнение евангельского слова: «хлеб наш насущный подавай нам на каждый день» (Лук. 11:3). Смотри, как они ищут и самого довольства только для души: «чтобы мы избыточествовали во всяком деле благом». Не сказали, чтобы мы исполнили только должное, но – даже и более заповеданного. Это-то и значат слова: «чтобы мы избыточествовали». И хотя просят у Бога довольства только в необходимом для жизни, но сами готовы повиноваться не столько, сколько от них требуется, но с великим преизбытком во всем. Так всегда и во всем избыточествовать свойственно рабам благонамеренным, мужам любомудрым. Потом, опять напоминая себе о своей немощи и о том, что без вышней помощи ничего доброго не могут сделать, они к словам: «чтобы мы избыточествовали во благом деле», присоединяют еще: «во Христе Иисусе нашем, с Которым Тебе слава, честь и держава во веки, аминь». Таким образом, они и начинают, и оканчивают песнь благодарением.

[8] 6. После этого они опять начинают как бы снова, но, на самом деле, продолжают то же. Подобным образом и Павел, начало послания окончив славословием и сказав: «по воле Бога и Отца нашего; Ему слава во веки веков. Аминь» (Галат. 1:4–5), вслед затем начинает раскрывать содержание своего послания. Равным образом и в другом месте, сказав: «поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь» (Римл. 1:25), не окончил речи, а продолжает ее и далее. Итак, не будем винить и этих ангелов за то, что они не соблюдают порядка, когда, заключив речь славословием, опять продолжают священные песни. Они следуют примеру апостолов, когда начинают славословием и оканчивают тем же и, по таком окончании, начинают снова. Итак,

говорят: «слава Тебе Господи, слава Тебе Святый, слава Тебе Царь, что Ты дал нам брашна в веселье»! Благодарить должно не за великие только благодеяния, но и за малые. Благодаря же и за малые, они обличают ересь манихеев и всех тех, кто говорит, что настоящая жизнь есть зло. Чтобы ты, судя по высокому их любомудрию и по тому, что небрегут о чреве, не заключил, что они гнушаются брашен подобно самоубийцам, они своей молитвой научают тебя, что воздерживаются от многого, не по отвращению от созданий Божий, но по любви к подвижничеству. И смотри, как они, возблагодарив за ниспосланные уже блага, просят других больших, и не останавливаются на житейских, но возносятся превыше небес, и говорят: «исполни нас Духом Святым»! Не исполнившись благодати Духа, ни в чем нельзя иметь надлежащего успеха, равно как нельзя совершить ничего доблестного и великого без помощи Христовой. И как они к словам: «чтобы избыточествовали во всяком деле благом» присоединяют: «во Христе Иисусе», так и здесь говорят: «исполни нас Духом Святым, да окажемся благоугодными перед Тобой». Видишь ли, что они о житейском не молятся, а только благодарят, о духовном же и благодарят, и молятся? «Ищите», сказал Христос, «прежде Царства Божьего, и это все приложится вам» (Матф. 6:33). Примечай и дальше их любомудрие. «Да окажемся», говорят они, «перед Тобой благоугодными, да не будем постыжены». Мы не боимся, говорят они, посрамления людского; что бы люди ни говорили о нас в насмешку и поношение, мы не обращаем на то никакого внимания. Мы о том только заботимся, чтобы тогда не постыдиться. А когда говорят это, помышляют об огненной реке, о награде, о почестях. Не сказали: чтобы

нам не потерпеть наказания; но: чтобы не постыдиться. Явиться оскорбителями Господа для нас страшнее геенны. Но так как многих беспечных это не устрашает, то они присоединяют: «тогда воздашь каждому по делам его». Видишь, сколько приносят нам пользы эти странники и пришельцы, пустынножители, или лучше – небожители. Мы странники небесные, а жители земные; а они – наоборот. После такой песни, исполнившись умиления, с горячими и обильными слезами, они отходят ко сну и спят столько, сколько потребно для малого успокоения. И опять ночь превращают в день, проводя время в благодарениях и псалмопениях. И не одни только мужи, но и жены упражняются в таком любомудрии, побеждая немощь естества избытком усердия. Итак, мы, мужи, устыдимся крепости жен и перестанем заботиться о настоящем – о тени, о мечте, о дыме. Большая часть жизни нашей проходит в бесчувствии. В юности мы почти вовсе неразумны; когда наступает старость, то притупляется в нас всякое чувство. Остается небольшой промежуток, в который мы с полным чувством можем наслаждаться удовольствием; да и в это время мы не наслаждаемся вполне, по причине бесчисленных забот и трудов. Потому-то и убеждаю искать благ неизменных, нетленных, и жизни никогда нестареющей. Можно, ведь, живя и в городе подражать любомудрию пустынножителей; и женатый и семейный может и молиться, и поститься, и приходить в умиление. Так первые христиане, наученные апостолами, жили в городах, а являли благочестие свойственное пустынножителям; иные занимались и рукоделием, как то: Прискилла и Акила. Да и все пророки имели и жен, и дома, как например: Исаия, Иезекииль, великий Моисей; однако это не препятствовало им быть добродетельными.

Им и мы, подражая, будем всегда благодарить Бога и всегда воспевать Его; будем стараться о целомудрии и прочих добродетелях, и введем любомудрие пустынников в городах, чтобы нам явиться и перед Богом благоугодными, и перед людьми – почтенными, и чтобы нам удостоиться будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу слава, честь, держава, со Святым и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 56

[1] «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем». (Матф. 16:28)

[2] Изъяснение 16:28–17:9. Почему Христос более говорит о наградах, чем угрожает наказаниями. – Почему являются при преображении Моисей и Илия. – От учеников Христовых требуется большее совершенство, чем показали Моисей и Илия. – Любовь Петра ко Христу. – Равенство Сына с Отцом. – Почему Христос запрещал разглашать о Своем преображении до страданий. – Слава будущего пришествия Христова. – Добродетель легка, порок тягостен. – Против ростовщичества.

[3] 1. Так как Христос много беседовал об опасностях, о смерти и страданиях Своих, об избиении учеников, и завещал им тяжкие подвиги, которым они должны были подвергнуться в настоящей жизни, и притом весьма скоро, между тем как блага, – спасение, например, души для тех, кто губит ее, пришествие Христа во славе Отца Своего, воздаяние наград за подвиги, – оставались для них в надежде и ожидании, то теперь, желая просветить взор их и показать, сколько то возможно для них, в чем

будет состоять та слава, с которой Он придет, открывает им эту славу еще в настоящей жизни, чтобы они, а особенно скорбевший Петр, не печалились о своей смерти, равно как и о смерти Господа своего. И заметь, как Он поступает. Сказав о геенне и царствии [именно словами: «кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее», и если кто погубит «ее ради Меня, тот обретет ее», и: «воздаст каждому по делам его» (Иоан. 12:25; Матф. 16:27) Он означил и то, и другое], сказав о том и другом, Он царствие поставляет перед самыми глазами, а геенну удаляет от взора. Почему же так? Потому, что для людей более грубых нужно было говорить и о геенне; а так как ученики Его были опытны и сведущи, то Он убеждает их тем, что могло доставить им большое утешение. Притом же так говорить было и приличнее Иисусу Христу. Впрочем, Он не оставляет совершенно и геенны, но иногда и ее представляет перед глазами, когда, например, приводит образ Лазаря (Лук. 16), или заимодавца, или человека, требовавшего сто динариев (Матф. 18), облеченного в грязные одежды, и многих других (Матф. 22). «По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна» (Матф. 17:1). Если другой евангелист говорит: «спустя восемь дней» (Лук. 9:28), то здесь нет противоречия, напротив – согласие. Один разумел и тот день, в который говорил Иисус, и тот, в который возвел Он учеников Своих на гору; а другой считает только те дни, которые протекли между этими днями. Посмотри же, как беспристрастен Матфей: он не скрывает тех, которые были предпочтены ему. То же самое часто делает и Иоанн, с полной точностью описывая отменные похвалы, воздаваемые Петру. Так, всегда были чужды зависти и тщеславия все эти святые мужи.

[4] Итак, взяв верховных апостолов, «возвел их на гору высокую одних, и преобразился перед ними: и просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие» (Матф. 17:1–3). Почему Христос берет только этих учеников? Потому, что они превосходили прочих: Петр сильной любовью к Иисусу, Иоанн – особенной любовью к нему Иисуса, а Иаков – ответом, который он дал вместе с братом своим: можем испить чашу (Матф. 20:22), и не одним ответом, но и делами – как другими, так и теми, которыми он оправдал свои слова. И действительно, он был так неприязнен и ненавистен для иудеев, что и Ирод умерщвлением его думал сделать великий подарок иудеям. Для чего же Иисус не тотчас возводит их? Для того чтобы прочие ученики не пришли в смущение. Потому же Он не говорит даже и об именах тех, которые взойдут с Ним на гору. В противном случае прочие ученики сильно пожелали бы следовать за Ним, чтобы видеть образ будущей славы, и восскорбели бы, как будто презренные. Хотя Христос намеревался показать славу Свою и чувственным образом, однако же, и это было для них вожделенно. Но для чего же Он прежде сказал об этом? Для того чтобы они, услышав об этом ранее, сделались способнее к созерцанию, и чтобы число дней, воспламенив в них сильнейшее желание, заставило их приступить с мыслью бодрствующей и озабоченной. Для чего же тут являются Моисей и Илия? На это можно много представить причин. И, во-первых, так как одни из народа почитали Христа за Илию, другие за Иеремию, иные за какого-либо из древних пророков, то и являются главные пророки, чтобы видно было различие рабов от Господа, и то, что Петр справедливо похвален, за исповедание Христа Сыном Божьим. Можно указать,

далее, и вторую причину. Иудеи часто обвиняли Христа в преступлении закона и в богохульстве, – будто бы Он похищал славу Отца, Ему не принадлежащую, и говорили: «не от Бога Этот Человек, потому что не хранит субботы» (Иоан. 9:16); и еще: «не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом» (Иоан. 10:33); поэтому, чтобы показать, что оба обвинения произошли от зависти, а Он свободен и от того и от другого, – то есть, что Он ни закона не преступил, ни славы, не принадлежащей Ему, не присвоил, называя Себя равным Отцу, – Он представляет мужей, прославившихся и исполнением закона, и ревностью к славе Божьей. Если Моисей дал закон, то иудеи могли заключить, что он не потерпел бы презрения этого закона, как они думали, и не стал бы служить нарушителю его, для него неприязненному. Также и Илия из ревности к славе Божьей не предстал бы и не повиновался бы Христу, если бы Он был противником Божьим, и назвал Себя Богом и равным Отцу, не будучи таковым на самом деле.

[5] 2. Наряду с указанными можно привести и еще причину. Какую же? Этим явлением Иисус Христос хотел научить учеников тому, что Он имеет власть над жизнью и смертью, и владычествует над небом и землей. Для того-то и являются здесь и умерший, и еще не испытавший смерти. Пятую же причину (а это, действительно, пятая) представил сам евангелист. Она состоит в том, чтобы показать славу креста, утешить Петра и других учеников, боявшихся страдания, и ободрить их сердца. В самом деле, явившиеся два мужа не молчали, но говорили о славе, которую он намерен был явить в Иерусалиме, т. е. о страдании и о кресте, потому что страдание и крест всегда называются славой. Далее –

причиной избрания этих мужей была самая их добродетель, которой Он преимущественно требовал от учеников. Так как Христос всегда учил: «если кто хочет идти за Мной, возьми крест свой, и следуй за Мной», то Он теперь и выводит на середину тех, которые тысячу раз умирали за славу Божью и за вверенный им народ. Подлинно, каждый из них, погубив душу, обрел ее; каждый смело говорил против тиранов, один – против фараона, другой против Ахава, и притом за людей неблагодарных и непослушных, которые за свое спасение платили им неблагодарностью, ввергая их в крайние опасности; каждый хотел отвлечь народ от идолослужения. Оба были люди простые, и притом один был косноязычен и худогласен, а другой вел жизнь суровую. Оба отличались нестяжательностью, потому что ни у Моисея ничего не было, ни Илия ничего не имел, кроме милоти. И притом все это было в ветхом завете, когда еще не было столь обильного дара чудес. Правда и Моисей разделил море, но Петр ходил по водам, мог переставлять горы, врачевал различные телесные болезни, изгонял жестоких демонов, самой тенью своей совершал великие чудеса, и обратил всю вселенную. Также и Илия, хотя воскресил мертвеца, но ученики Христовы воскресили тысячи, и притом тогда, когда еще не удостоились принять в себя Духа. Христос беседует с Моисеем и Илией и для того, чтобы побудить учеников Своих подражать их любви к своему народу, их постоянству и твердости, чтобы они были кротки как Моисей, ревностны как Илия, и равно попечительны. В самом деле, один из них три года сносил голод для иудейского народа, а другой говорит: «прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал» (Исх. 32:32). Обо всем этом Христос и

напоминал ученикам явлением Моисея и Илии. И во славе Он вывел их не только для того, чтобы ученики были таковыми, но и превосходили их. Вот почему, когда однажды они сказали: «скажем, чтобы огонь сошел с неба» (Лук. 9:54), и упомянули об Илии, сделавшем подобное, то Он сказал им: «не знаете, какого вы духа», превосходством дара убеждая их к перенесению обид. Но да не подумает кто-либо, что мы осуждаем Илию, как несовершенного; мы этого не говорим. Он очень совершен был, но только в свое время, когда ум людей находился еще в младенчестве, и когда они имели нужду в таком руководстве. Равно и Моисей совершен был; но от учеников Христовых требуется более совершенства: «если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Матф. 5:20). И это потому, что ученики были посланы не в Египет, но во всю вселенную, которая находилась в худшем состоянии, нежели Египет, и не с фараоном имели разговаривать, но сражаться с самым начальником зла – дьяволом. Их подвиг состоял в том, чтобы связать его и расхитить все его сосуды; и это они совершили не море разделяя, но рассекая жезлом Иессеевым бездну нечестия, воздымаемую бурными волнами. Представь, что только не устрашало этих мужей: смерть, бедность, бесславие, бесчисленные страдания. Все это для них было страшнее, нежели тогда море для иудеев. И, тем не менее, Христос убедил их все это презреть и идти с совершенной безопасностью, как бы сухим путем. Приготовляя их ко всему этому, Он и поставил перед ними мужей, прославившихся в ветхом завете. Что ж при этом пламенный Петр? «Хорошо нам здесь быть» (Матф. 17:4), говорит он. Так как он слышал, что Христу должно идти в Иерусалим и пострадать, то, боясь и трепеща за

Него, он после сделанного ему упрека не смеет приступить и повторить то же: «милостив будь к Себе» (Матф. 16:22), но от страха ту же самую мысль выражает в других, но уже не столько ясных словах. Теперь, видя гору и уединенную пустыню, он подумал, что самое место доставляет безопасность, и не только надеялся на безопасность места, но и думал, что Иисус не пойдет уже в Иерусалим. Петр хочет, чтобы Христос здесь остался навсегда, потому и напоминает о шатрах. Если, думал он, станется это, то мы не пойдем в Иерусалим; а если не пойдем, то и Христос не умрет, потому что там, говорил Иисус, нападут на Него книжники. Но не осмелившись сказать таким образом, а желая, чтобы это было, Петр без всякого опасения сказал: «хорошо нам здесь быть»! Здесь находятся Моисей и Илия, Илия – низведший огонь с неба на гору, Моисей – вошедший в мрак и беседовавший с Богом; и никто не узнает, что мы здесь.

[6] 3. Видишь ли, как пламенно Петр любит Христа? Не думай о том, что предлагаемое им убеждение не было обдумано; но рассуждай о том, как он пламенен был и как любовь к Христу сжигала его. А что Петр говорил это не из боязни за себя, то видно из слов его, которые он произнес, когда Христос предсказывал будущую смерть и исход Свой, – из слов: «душу мою отдам за Тебя; хотя бы мне надлежало и умереть с Тобой, не отрекусь от Тебя» (Марк 14:31). Заметь, как ради Христа он подвергался опасностям, когда именно не только не убежал от напавшей на Христа толпы народа, но, извлекши еще меч, отсек ухо у раба архиерейского. Таким образом, он не о себе заботился, но трепетал за Учителя своего. Далее, – так как слова его были решительны, то теперь он одумывается, и чтобы снова не навлечь на себя упрека, продолжает: «если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе

одну, и Моисею одну, и одну Илии»? Что ты говоришь, Петр? Не ты ли незадолго перед этим отличал Его от рабов, а теперь опять смешиваешь с рабами? Вот как ученики были несовершенны до креста! Хотя Петр и имел откровение от Отца, но он не удерживал его постоянно, а смущался страхом, – не только тем, о котором я сказал, но и страхом, родившимся в нем при самом видении. Потому другие евангелисты, говоря об этом и показывая, что причиной смущения, с которым он произносил эти слова, был именно страх тот, сказали: Марк – «не знал, что сказать; потому что они были в страхе» (Марк 9:6); а Лука, сказав: «сделаем три кущи», присоединил: «не зная, что говорил» (Лук. 9:33). Притом показывая, что как Петр, так и прочие ученики были поражены большим страхом, Лука говорит о них: «отягчены были сном; но, пробудившись, увидели славу Его» (Лук. 9:32). Под сном здесь евангелист разумеет большое отягчение, происшедшее в них от видения. Как чрезмерный блеск ослепляет глаза, так и они поражены были тогдашним светом. Этот свет явился не ночью, а днем, и слабое их зрение отягчалось величием блеска. Что ж далее? Ни сам Христос не говорит ничего, ни Моисей, ни Илия; но больший всех и более всех достойный веры Отец глаголет из облака. Почему же из облака? Так всегда является Бог. «Облако и мрак окрест Его» (Псал. 96:2); еще: «восседит на облаке легком» (Ис. 19:1); еще: «делаешь облака Твоей колесницей» (Псал. 103:3); также: «облако взяло Его из вида их» (Деян. 1:9); еще: «с облаками небесными шел как бы Сын человеческий» (Дан. 7:13). Потому, чтобы ученики поверили, что голос этот есть голос самого Бога, является облако, и притом светлое. «Когда он еще говорил, вот, облако светлое осенило их; и вот, голос из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в

Котором Мое благоволение; Его слушайте» (Матф. 17:5)! Когда Бог изрекает угрозы, тогда показывает мрачное облако, как например, на горе Синайской: «Моисей вступил в середину облака и взошел на гору» (Исх 24:18), «восходил от нее дым, как дым из печи» (Исх. 19:18). Равным образом и пророк, говоря об угрозах, сказал: «мрак вод, облаков воздушных» (Псал. 17:12). Здесь же, поскольку Он имел намерение не устрашить, а научить, является светлое облако. И в то время как Петр сказал: «сделаем три кущи», сам Он показал сень нерукотворную. Вот почему там курение и дым печной, здесь – свет неизреченный и голос. Потом, чтобы показать, что не просто говорит об одном из трех, но именно о Христе, прочие двое, когда раздался голос, удалились, потому что если бы сказано было просто о ком-нибудь из них, то по удалении двоих не остался бы один Иисус. Почему же облако осенило не одного только Христа, но всех? Если бы оно осенило одного Христа, то можно было бы подумать, что голос происходил от самого Христа. Потому и евангелист, предотвращая это самое, говорит, что голос был из облака, то есть от Бога. Что ж говорит голос этот? «Сей есть Сын Мой возлюбленный»! Если же Иисус есть Сын возлюбленный, то не бойся, Петр! Тебе уж нужно было знать и могущество Его, и увериться в Его воскресении. Если же ты не знаешь, то, по крайней мере, ободрись голосом Отца. Если Бог всемогущ, – как Он и действительно таков, – то и Сын всемогущ. Потому не бойся угрожающих опасностей. Если же ты все еще не соглашаешься, то, по крайней мере, рассуди, что Он есть Сын, и Сын любимый: «сей есть Сын Мой возлюбленный»! Если же Он любимый, то не бойся. Кто погубит того, кого любит? Итак, не смущайся; хотя бы любовь твоя к Нему была безмерна, но ты не любишь Его так, как любит

Родивший Его, Который о Нем благоволит. Он не потому только любит Его, что родил Его, но и потому, что Он равен Ему во всем, и одну имеет с Ним волю. Следовательно, причина любви Его двоякая, или даже троякая, то есть: что Он Ему Сын, что возлюбленный, что в Нем все Его благоволение. Что ж значит: «в Котором Мое благоволение»? Отец как бы так говорит: в Нем покой Мой и услаждение; и это потому, что Он во всем совершенно равен Отцу; воля у Него одна с волей Отца, и, будучи Сыном, Он во всем составляет одно с Родившим. «Его слушайте», – так что, если бы Он захотел быть распятым на кресте, ты тому не противься. «И, услышав, ученики пали на лица свои и очень испугались. Но Иисус, приступив, коснулся их и сказал: встаньте и не бойтесь. Возведя же очи свои, они никого не увидели, кроме одного Иисуса» (Матф. 17:6–8).

[7] 4. Отчего же они были так поражены, когда услышали эти слова? И прежде такой глас был на Иордане, в присутствии народа, но никто не испытал ничего подобного; и после опять, когда и гром был, как говорили, никто не испытал подобного. Отчего же они поверглись ниц на горе? Причины тому: уединенность и высота места, глубокое молчание, преображение соединенное с ужасом, свет чрезвычайный и облако простертое, – все это повергло их в сильный трепет. Отовсюду окружали их поразительные вещи, и они, в ужасе, пали и поклонились. Но чтобы страх, слишком долго действуя, не лишил их памяти, Христос тотчас рассеивает их ужас и предстает очам их один; и заповедует им не говорить о событии никому до тех пор, пока Он восстанет из мертвых. «И когда сходили они с горы, Иисус запретил им, говоря: никому не сказывайте об этом видении, пока Сын Человеческий не воскреснет из мертвых» (Матф. 17:9).

Действительно, чем более стали бы рассказывать о Нем чудесного, тем труднее для многих было бы тогда верить этому. Притом, соблазн о кресте от того еще более увеличивался. Потому-то Он велит им молчать, и не просто велит, но снова напоминает им о Своих страданиях, как будто бы приводя причину, по которой Он повелевал им молчать, – запретив именно не всегда скрывать это, но только до тех пор, пока Он восстанет из мертвых. Умолчав о том, что было весьма неприятно, Он говорит только одно утешительное. Что ж после этого? Не могли ли они соблазниться? Никак. Нужно было только пройти времени до креста; а после они исполнились Духа, и в знамениях находили голос, споспешествующий им. Все, что они говорили после, достойно было вероятия: дела, громче всякой трубы, провозвещали Его могущество, и события не возбуждали уже никакого соблазна. Подлинно, ничего не может быть блаженнее апостолов, и особенно троих из них, удостоившихся быть с Господом под покровом одного облака. Впрочем, и мы, если захотим, можем увидеть Христа, – не в таком виде, в каком они видели Его на горе, но в виде гораздо лучшем, потому что впоследствии Он придет не в прежнем виде. Тогда Он , щадя учеников, явил им столько славы, сколько они могли снести; после же Он придет во славе Отца Своего, не с Моисеем только и Илией, но с бесчисленными воинствами ангелов, с архангелами, с херувимами, со всеми их несметными полчищами; не одно облако будет над головой Его, но все небо будет сосредоточено над Ним. Как судьи, когда совершают всенародно суд свой, отнимают занавеси и показываются всем, так точно и тогда все увидят Христа восседающего, и все люди предстанут Ему, и Он сам Своими устами будет отвечать им. Иным скажет: «придите,

благословенные Отца Моего: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть» (Матф. 25:34–35); некоторым же скажет «добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю» (Матф. 25:21). А другим, определяя иное, скажет: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его» (Матф. 25:41); некоторым же: «лукавый раб и ленивый» (Матф. 25:26). Иных рассечет и предаст мучителям; других же велит, связав руки и ноги, ввергнуть во тьму кромешную. И после секиры примет их печь, в которую будет ввергнуто все, что выброшено из сети. «тогда праведники воссияют, как солнце» (Матф. 13:43), и даже еще более, нежели солнце; если же сказано так, то не потому, чтобы светлость их была точно такова, как солнечная, но потому, что мы не знаем другого светила, блистательнее солнца. Христос посредством известного нам предмета хотел только изобразить будущую славу святых. Так точно евангелист, когда говорит, что Иисус на горе просиял как солнце, говорит так по той же самой причине; а что свет был более приводимого в сравнение (солнечного света), это доказали ученики тем, что пали ниц. Если бы свет этот не был чрезвычайный, а был бы подобный солнечному, то они не пали бы, а легко снесли его. Итак, праведники в то время просветятся как солнце, и еще более; грешники же испытают крайние бедствия. Тогда не нужно будет доказательств, обличений, свидетелей. Тот, Кто судит, есть вместе и свидетель, и обличитель, и судья. Он все знает ясно: «все обнажено и открыто перед очами Его» (Евр. 4:13). Туда никто не явится богатым или бедным, сильным или слабым, мудрым или глупым, рабом или свободным; все эти отличия исчезнут, и разбираться будут одни дела. Если в судах осужденный за худое управление или убийство, кто бы он ни был – префект или

консул, или подобный им, лишается всех достоинств и приемлет достойную казнь, то тем более так будет там.

[8] 5. Итак, чтобы этого не случилось с нами, снимем с себя нечистые одежды, облечемся в оружие света, – и слава Божья осенит нас. Какая, в самом деле, из заповедей неудобоисполнима, какая трудна? Выслушай, что говорит пророк, и тогда узнаешь, что они легки. «Томит человек душу свою, когда гнет голову свою, как тростник, и подстилает под себя рубище и пепел? Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма» (Ис. 58:5–6). Заметь мудрость пророка! Предложив сперва и потом, отвергнув средства трудные, он представляет легкий путь спасения, показывая, что Бог требует не трудов, а послушания. Потом, доказывая, что добродетель легка, а порок тягостен, он изображает это самыми простыми словами. Порок, говорит он, есть узы и рабство, а добродетель – освобождение и разрешение от всего этого. «Расторгни всякое ярмо», – разумея под этим расписки в долгах и займах. «Угнетенных отпусти на свободу», – т. е. бедных, потому что должник, как скоро увидит заимодавца, смущается духом и страшится его больше зверя. «Скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся» (Ис. 58:7). В прежней беседе, рассуждая о наградах, мы назвали их источником богатства. Теперь посмотрим, есть ли в заповедях что-нибудь трудное, превышающее нашу природу? Нет, мы не найдем в них ничего такого; даже еще найдем противное. Они настолько же легки, насколько порок труден. В самом деле, что может быть труднее – давать в займы, заботиться о прибыли, заключать сделки, требовать поручительства, страшиться и трепетать за заклады, за отданные в рост деньги, за расписки, за барыши, за

выполнение обещаний? Таково-то все житейское! Самая, по-видимому, изысканная предусмотрительность во всем ненадежна и непрочна. Напротив того, быть милостивым легко, и освобождает от всех забот. Итак, не будем наживаться на счет чужих несчастий, и торговать милосердием. Знаю, что для многих неприятно слушать эти слова; но что за выгода и молчать? Если я буду молчать и не докучать своими словами, то не только не могу этим молчанием избавить вас от наказания, – напротив, наказание от этого еще увеличится, и не для вас только увеличится, – даже и мне самому это молчание навлечет наказание. Итак, что пользы в льстивых словах, когда они не помогают на деле, но еще вредят? Какая прибыль веселить словами и печалить на самом деле, нежить слух и подвергать душу наказанию? Итак, надобно печалиться здесь, чтобы не подвергнуться наказанию там. Ужасная, любезные мои, ужасная, и большого требующая врачевства болезнь вкралась в церковь! Те, которым даже не велено копить богатства и праведными трудами, но повелено отверзать дома свои неимущим, те самые извлекают свою выгоду из бедности других, выдумывая благовидный образ хищения, искусно прикрывая любостяжание. Не говори мне о внешних законах. И мытарь исполняет закон внешний, но, несмотря на то повинен наказанию. То же придется испытать и нам, если не перестанем притеснять бедных в нужде и в несчастиях, и пользоваться этим случаем для постыдного прибытка. Ты для того имеешь деньги, чтобы облегчать бедность, а не для того, чтобы утеснять ее; а ты, под видом великодушия, только увеличиваешь бедность, и продаешь милосердие за деньги. Продавай, я не запрещаю; но только ради царства небесного. За это дело ты получишь немалую награду – но воздаяние сторичное, жизнь

бессмертную. Для чего ты беден и нищ? Для чего ты, малодушный, продаешь великое за малую цену – за деньги погибающие, между тем как это должно было бы делать ради царства, вечно пребывающего? Для чего, оставив Бога, стараешься о выгодах человеческих? Зачем, обегая Богатящего, докучаешь неимущему, и, оставляя щедрого Подателя, вступаешь в сношение с неблагодарным? Тот сам желает дать, а этот с трудом дает. Этот дает едва ли сотую часть, а Тот более, нежели стократ – жизнь вечную. Этот с обидой и ругательством, Тот – с любовью и благосклонностью. Один возбуждает в тебе ненависть, другой и венцы тебе сплетает. Один с тобой только что здесь, другой – и здесь, и там. Итак, не крайнее ли это безумие – не знать даже своей пользы? Сколько людей потеряло в погоне за барышами свои деньги! Сколько людей, ради корыстей, подверглись опасностям! Сколько людей и себя, и других повергли в крайнюю бедность от неслыханного любостяжания!

[9] 6. Не говори мне, что тот, кто берет в долг, радуется и благодарит за то, что ему дали; это происходит от твоей жестокости. И Авраам, отдав варварам жену свою, сам показывал вид, будто дурное их намерение для него приятно; однако, он это делал не из доброй воли, но опасаясь фараона. Так точно и бедный: раз ты не считаешь его достойным и того, чтобы дать ему в долг, принужден благодарить тебя и за твою жестокость. Мне кажется, что ты даже освободив кого-нибудь от опасности, потребуешь награды за это. Нет, скажешь ты, этого не будет! Что ты говоришь? Избавляя от большого несчастья, ты не хочешь брать за то денег, между тем как при малой услуге ты оказываешь такое бесчеловечие? Разве ты не видишь, какого наказания достоин такой поступок? Разве не знаешь, что это запрещено было и в

ветхом завете (Второз. 15)? Но что еще говорят многие: «я возьму проценты, и подам бедным?» Хорошо говоришь ты, друг, – только Богу не угодны такие приношения. Не хитри с законом. Лучше совсем не подавать нищему, чем подавать приобретенное такими средствами. Неправедным мздоимством ты нередко делаешь противозаконным и то богатство, которое собрал честными трудами, – точно так же, как если бы кто заставлял здоровое чрево рождать скорпионов. И что я говорю о законе Божьем? Не сами ли вы называете это нечистым? Если же вы, корыстолюбцы, так думаете об этом, то представьте, какой суд произнесет над вами Бог? Если ты хочешь знать, как думали об этом земные законодатели, то и на их взгляд такие поступки были знаком крайнего бесстыдства. Тем, которые в чести и принадлежат к великому совету, называемому сенатом, запрещалось бесчестить себя такими прибытками. У них был закон, возбранявший подобные прибытки. Как же не почувствовать ужаса, когда ты не отдаешь такой чести небесному государству, какую воздают законодатели римскому сенату, даже почитаешь небо ниже земли? И ты не стыдишься такого безумия? Ведь это так же бессмысленно, как если бы кто вздумал сеять без земли, дождя и плуга. Те, которые выдумали бы такой нелепый образ земледелия, не должны бы ничего ожидать от этого, кроме плевел, обреченных огню.

10 Разве нет многих честных способов к приобретению, например: лугов, паств, полей, рогатого скота, рукоделий, попечения об имении? Для чего же ты безумствуешь и, сея на удачу, получаешь терния? Плоды земные, скажешь ты, много терпят вреда, например: от града, засухи, проливных дождей. Но все не такой, какой проценты. В самом деле, от тех несчастных случаев терпят только

плоды, а капитал, то есть, поле остается. Здесь же, напротив, многие часто губят и самый капитал, и еще прежде этого несчастья испытывают постоянно беспокойство. Заимодавец никогда не наслаждается тем, что имеет, никогда не радуется об этом, да и тогда, как нарастают проценты, не веселится о прибытке, напротив, печалится о том, что рост еще не сравнился с капиталом; и прежде, нежели этот неправедный рост сравнится совершенно, он старается пустить его в оборот, обращая в капитал и самые проценты, и насильно заставляя производить преждевременные порождения ехиднины. Таковы проценты! Они более этих ядовитых животных терзают и снедают души несчастных. Вот – «союз неправды»! Вот – «узы ярма»! Человек говорит: я даю не для того, чтобы ты что-нибудь имел, но чтобы возвратил с лихвой. А Бог, напротив, не велит и отданное получать обратно. «Взаймы давайте», говорит Он, тем, от кого не ожидаете получить (Лук. 6:35); ты же требуешь даже более того, сколько дал, и принуждаешь должника своего почитать долгом и то, чего ты не дал. Ты думаешь через это умножить свое имение; но вместо того уготовляешь для себя огонь неугасимый. Чтобы с нами не случилось этого, отсечем неправедные порождения прибытков, истребим беззаконные желания, иссушим пагубное это чрево, и будем стремиться к одним истинным и великим выгодам. А какие это выгоды? Послушай, что говорит Павел: «великое приобретение – быть благочестивым и довольным» (1Тим. 6:6). Этим-то единственным богатством будем обогащаться, чтобы и здесь насладиться спокойствием, и достигнуть будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, с Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Беседа 57

[1] «И спросили Его ученики Его: как же книжники говорят, что Илии надлежит прийти прежде?» (Мф. 17:10)

[2] Изъяснение 17:10–21. Двоякое пришествие Христа. – Илия – предтеча второго пришествия. – Почему Иоанн называется Илиею. – Чудо может совершаться как по вере посредника, так и одною силою чудотворца. – Маловерие отца бесноватого отрока. – Почему бесноватые называются лунатиками. – Апостолы не всегда были одинаково совершенны. – Для изгнания демонов необходим пост, соединенный с молитвою. – Роскошь и пьянство источник всех зол. – Должно осуждать не вино, а пьянство. – Пагубные следствия пьянства.

[3] Итак, ученики узнали об этом не из Писаний, но им открыли книжники, – и молва об этом носилась в простом народе, как и о Христе. Потому и самарянка сказала: «Придет Мессия…; когда Он придет, то возвестит нам все» (Ин. 4:25); и книжники вопрошали Иоанна: «Ты Илия?… Пророк» (Ин. 1:21)? Итак, среди иудеев, как я сказал, была молва о пришествии Христа и Илии, но они неправильно толковали ее. Писание говорит о двух пришествиях Христа, о бывшем и будущем. И Павел, указывая на оба пришествия, сказал: «Явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас,

чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке». Вот одно пришествие; послушай, как и о другом говорит. Сказавши эти слова, он присовокупил: «Ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа» (Тит. 2:11–13). Также и пророки о том и другом упоминают; они говорят, что предтечею одного из них, именно второго, будет Илия, а первого был Иоанн, которого Христос называет Илиею – не потому, чтобы он был Илия, но потому, что он совершал служение Его. Как Илия будет предтечею второго пришествия, так Иоанн был предтечею первого. Но книжники, сливая то и другое и развращая народ, упоминали пред народом об одном только втором пришествии и говорили, что если этот – Христос, то Илия должен предварить Его своим приходом. Потому и ученики говорят: «Как же книжники говорят, что Илии надлежит прийти прежде»? По той же причине фарисеи посылали к Иоанну и спрашивали: «Что же? ты Илия»? вовсе не упоминая о первом пришествии. Какой же ответ дал Христос? Илия точно придет тогда, пред вторым Моим пришествием; но и ныне пришел Илия, – называя этим именем Иоанна. Этот Илия пришел. А если ты спрашиваешь о фесвитянине, то он придет; потому и сказал: «Илия должен прийти прежде и устроить все». Что такое – *все*? То, о чем сказал пророк Малахия: «Пошлю к вам Илию пророка... И он обратит сердца отцов к детям..., чтобы Я, придя, не поразил земли проклятием» (Мал. 4:5–6). Видишь точность пророческого изречения! Когда Иоанна назвал Илиею Христос, то назвал по причине сходства служения. А чтобы ты не подумал, что то же самое говорится и у пророка, последний присовокупил и родину его, называя фесвитянином; а

Иоанн фесвитянином не был. Вместе с тем он указывает и другой признак, говоря: «Чтобы Я, придя, не поразил земли проклятием», – означая этим второе страшное Его пришествие. В первом Он не пришел поразить землю: «Пришел, – говорит,– не судить мир, но спасти мир» (Ин. 12:47). Итак, означенные слова пророка показывают, что фесвитянин придет пред тем пришествием, когда будет суд. Он вместе показывает и причину пришествия его. Что же это за причина? Чтобы он, пришедши, убедил иудеев уверовать во Христа и чтобы, когда Христос придет, не все они совершенно погибли. Потому-то и Христос, приводя им это на память, сказал: «должен прийти прежде и устроить все», т. е. исправит неверие иудеев тогдашнего времени. Вот почему и пророк весьма точно сказал; он не сказал: «обратит…сердца детей к отцам их», но: «отцов к детям». Так как отцы апостолов были иудеи, то сказано: обратит к учению сынов, т. е. апостолов, сердца отцов, т. е. расположение народа иудейского.

4 «Говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели; так и Сын Человеческий пострадает от них. Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе» (Мф. 17:12–13). Хотя об этом не говорили ни книжники, ни писания, но так как апостолы стали уже проницательнее и внимательнее к словам, то скоро поняли. Откуда же узнали об этом ученики? Прежде им было сказано: «Он есть Илия, которому должно прийти» (Мф. 11:14), а здесь говорится, что уже пришел; и опять: «Илия должен прийти прежде и устроить все». Но не смущайся и не считай за ошибку, когда в одном месте говорится, «должен прийти», а в другом: «пришел». Все это справедливо. Когда Христос говорит: «Илия должен прийти прежде и устроить все»,

разумеет самого Илию и будущее обращение иудеев; а когда говорит: «Он есть Илия, которому должно прийти», то по образу служения называет Иоанна Илиею. Подобно этому пророки каждого благочестивого царя называли Давидом, а иудеев князьями содомскими и сынами ефиопов, и именно по образу жизни их. Как Илия будет предтечею второго пришествия, так Иоанн был предтечею первого.

[5] 2. Но не по одной только указанной причине Христос везде именует его Илиею, но и для того, чтобы показать, что Он говорит совершенно согласно с Ветхим Заветом, что пришествие это совершилось по пророчеству. Потому и присоединяет: «пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели». Что такое значит, вся «как хотели»? Ввергли в темницу, поругались, умертвили, принесли главу его на блюде. «Так и Сын Человеческий пострадает от них». Видишь, как благовременно Он опять напоминает им о страдании? Он уже утешил их страданиями Иоанна; и не этим только, но и тем, что вскоре начинает совершать великие чудеса. Когда говорит Он о страданиях, то тотчас же творит чудеса; и, как можно заметить, Он и прежде слов этих и после, и вообще при всяком случае поступал так. Тогда «начал открывать..., что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать...и быть убиту» (Мф. 16:21). Когда же? Тогда, как исповедывали, что Он Христос и Сын Божий. И еще на горе напоминал им о страданиях, когда показал им чудное видение, и когда о славе Его разговаривали пророки. Окончивши историю об Иоанне, Он присовокупил: «Так и Сын Человеческий пострадает от них»; и немного спустя, когда изгнал беса, которого ученики не могли изгнать, «Во время пребывания их в Галилее, – рассказывает евангелист, – Иисус сказал им:

Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его, и в третий день воскреснет» (Мф. 17:22–23). Так поступал Он для того, чтобы величием чудес уменьшить чрезмерность печали, и чтобы как-нибудь их утешить. Так и здесь, напомнивши о смерти Иоанна, доставил им великое утешение. Если же кто спросит: почему Он и теперь не послал Илию, когда столько благодеяний свидетельствуют о Его пришествии? – отвечаем: потому, что и теперь признающие Христа за Илию не уверовали в Него; и ясно говорится: одни Тебя почитают Илиею, другие Иеремиею (Мф. 16:14). Но между Иоанном и Илиею не было иного различия, как только по времени. Как же, спросишь ты, тогда уверуют? Он устроит все не славою только имени своего, но и тем, что слава Христа до того времени успеет весьма распространиться и будет для всех яснее солнца. Потому, когда он придет после того, как уже распространится высокое мнение о Нем и ожидания, и станет проповедовать Иисуса, то его благовестие примут с охотою. Когда Христос говорит: «не узнали его», то этим и извиняет, по-видимому, врагов Своих, и утешает учеников. Кроме того, утешает этих последних еще и тем, что указывает на неповинное Свое страдание, и прикрывает скорби двумя знамениями: бывшим на горе и тем, которое имеет быть. Услышав это, они не спрашивают Его, когда Илия придет – или потому, что угнетены были скорбью о страдании, или потому, что боялись. Часто случалось, что как скоро замечали, что Он не хотел говорить о чем-нибудь ясно, переставали любопытствовать. Когда, находясь в Галилее, Он сказал: «Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его», то они, присовокупляет евангелист, «весьма опечалились», что два евангелиста поясняют таким

образом: Марк – «они не разумели сих слов, а спросить Его боялись» (Мк. 9:32); Лука – «оно было закрыто от них, так что они не постигли его, а спросить Его о сем слове боялись» (Лк. 9:45). «Когда они пришли к народу, то подошел к Нему человек и, преклоняя пред Ним колени, сказал: Господи! помилуй сына моего; он в новолуния [беснуется] и тяжко страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду, я приводил его к ученикам Твоим, и они не могли исцелить его» (Мф. 17:14–16). Писание свидетельствует, что этот человек был весьма слаб в вере. Это видно из многого: из того, что Христос сказал: «все возможно верующему» (Мк. 9:23); из того, что сам пришедший к Нему говорил: «Помоги моему неверию»; даже и из того, что Христос запретил злому духу когда-либо войти в него, и, наконец, из того, что человек этот сказал еще Христу: «если что можешь». Но если неверие, скажешь ты, было причиною того, что злой дух не выходил, то за что же Христос обвиняет учеников? Он показал этим, что они верою могут исцелять больных и без посредников. Часто и вера посредника достаточна бывает для того, чтобы даже от меньших собратий получить желаемое; равно и сила чудотворца часто бывает достаточна к произведению чуда, хотя бы приходящие не имели веры. Оба эти случая подтверждает Писание. Домашние Корнилия своею верою привлекли благодать Духа, и Елиссей воскресил мертвого тогда, как никто не веровал, потому что бросившие мертвеца бросили не по вере, но по робости, бросили как попало и, убоявшись опасности, убежали, и сам брошенный был мертв, но от одной силы святого тела этот мертвец восстал. Отсюда очевидно, что и ученики были слабы, но не все; столпы не были при этом.

[6] 3. Но ты можешь видеть неразумие этого человека и из другого обстоятельства. Вот он пред народом жалуется Иисусу на учеников: «Приводил его, – говорит,– к ученикам Твоим, и они не могли исцелить его» (Мф. 17:16). Впрочем Христос, отклоняя от них обвинение в глазах народа, более обвиняет его самого: «О, род неверный и развращенный! доколе буду с вами» (Мф. 17:17)? Чтобы не смутить его, Он обращается не к нему одному, но и ко всем иудеям. Вероятно, многие из предстоящих соблазнились и стали думать худо об учениках. Когда же говорит: «доколе буду с вами», показывает опять, что для Него смерть вожделенна и переселение отсюда составляет предмет желания, и что Ему не распинаться тяжело, а жить с ними. Однако Он не ограничивается обвинениями, но что говорит? «Приведите его ко Мне сюда», – и Сам вопрошает отца, сколько лет страдает сын его, защищая тем и учеников, и в нем возбуждая благую надежду и уверенность в том, что сын его будет избавлен от недуга. Если же попускает ему терзаться, то это не напоказ: когда стал сбегаться народ, Он запретил духу; но делает это для самого отца, чтобы он, когда увидит смятение беса от одного только слова Иисусова, по крайней мере, после этого поверил имеющему совершиться чуду. Когда же он сказал: «с детства», и: «если что можешь,... помоги нам», – то Спаситель говорит, – «все возможно верующему» (Мк. 9:20–22), – опять делая ему укоризну. Когда прокаженный говорил: «Если хочешь, можешь меня очистить», свидетельствуя о Его власти, тогда Господь, похваляя его и подтверждая сказанное, отвечает: «Хочу, очистись» (Лк. 5:12–13). Напротив, когда этот ничего не сказал, что бы достойно было Его могущества, а говорил только: «Если что можешь,... помоги нам», то смотри, как Христос

исправляет его погрешность. Что говорит? «Если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему», то есть: Я имею столько могущества, что и других могу сделать чудотворцами; а потому, когда ты уверуешь как должно, сам можешь излечить и сына, и многих других. Сказавши это, Христос исцелил одержимого духом. Ты же не только из этого должен видеть благотворительное промышление Его, но и из самого времени, с которого Он попустил демону вселиться в отрока, – потому что если бы не особенный Промысл и в это время, то больной давно погиб бы. Писание говорит, что дух повергал его и в огонь, и в воду; если же он дерзал на такие дела, то и вовсе бы его убил, если бы среди такого бешенства Бог не укрощал духа. То же было и с теми нагими, что блуждали по пустым местам, и бились о камни. Если этот бесноватый называется лунатиком, то не смущайся; так называл его отец.

7 Почему же говорит евангелист, что Христос многих исцелил лунатиков? Он называет их так сообразно с мнением народа. Бес клевещет на стихию, и мучит одержимых, и послабляет им по течению луны; но это не значит, чтобы луна действовала, – нет, сам дух прибегает к такой хитрости, клевеща на стихию. Отсюда-то утвердилось ошибочное мнение между неразумными, и вдаваясь в обман они называют этим именем демонов. Но это несправедливо. «Тогда ученики, приступив к Иисусу наедине, сказали: почему мы не могли изгнать его» (Мф. 17:19)? Мне кажется, они боялись, не потеряли ли благодати, сообщенной им; они получили власть над духами нечистыми: потому и спрашивают Христа, пришедши к Нему тайно, не потому, что стыдились (раз дело уже совершилось, и они были обличены, то не для

чего им было стыдиться словесного признания), а потому, что они намерены были вопрошать Его о предмете важном и тайном. Что же Христос? «По неверию, – говорит,– вашему;...если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17:20). Скажешь: где они сдвинули с места гору? Я скажу, что они сделали гораздо более, воскресивши тысячи мертвых. Поистине, не столько потребно силы передвинуть гору, сколько выгнать из тела смерть. Говорят, впрочем, что святые, после них жившие и их гораздо меньшие, передвигали и горы, когда требовала того нужда. Отсюда очевидно, что и апостолы могли бы сдвинуть, если бы только нужно было, но так как тогда не было нужды, то не следует и обвинять их. Да и Господь не сказал: передвинете непременно, но: можете передвинуть. А если они не переставляли гор, то не потому, что не могли (иначе, как же могли они совершать более важные чудеса), но потому, что не хотели; а не хотели потому, что не было нужды; а может быть, это и случалось, но нигде не упоминается, так как не все чудеса описаны. К тому же они тогда еще были не столько совершенны. Почему? Ужели не имели такой веры? Не имели; они не всегда были одинаково совершенны. Так Петр то называется блаженным, то укоряется; так и прочие получают от Христа упрек в неведении, когда не разумели слова о квасе. Может быть, и в настоящем случае апостолы обнаружили слабость веры, так как прежде креста они были не совсем совершенны. Говоря здесь о вере, Христос разумеет веру чудодействующую, и желая показать неизреченную силу ее, указывает на горчицу, которая хотя по виду весьма невелика, но имеет весьма великую силу. Итак, в доказательство того, что и

самая малая искренняя вера имеет великую силу, указывает на горчицу; не останавливаясь на этом, упоминает затем еще и о горах и, восходя далее, прибавляет: «ничего не будет невозможного для вас».

[8] 4. Подивись же и здесь их любомудрию и силе Духа: любомудрию, потому что не скрыли своей слабости; силе Духа, потому что тех, которые не имели веры и с зерно горчичное, Он в короткое время так возвысил, что протекли в них реки и источники веры. «Сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17:21), присовокупляет Он. Здесь Он разумеет вообще демонов, а не одних только лунатиков. Видишь ли, как и апостолам говорит уже о посте? Не говори мне о редких случаях, что некоторые и без поста изгоняли бесов. Хотя и рассказывают про некоторых, что они и без поста изгоняли бесов, однако быть не может, чтобы человек, живущий среди утех, избавился от такого недуга: нет, страждущий таким недугом имеет особенную нужду в посте. Ты скажешь: если нужна вера, для чего же еще нужен пост? Для того, что кроме веры и пост много придает крепости; он научает великому любомудрию, человека делает ангелом, и укрепляет противу сил бестелесных. Впрочем, не сам по себе; – нужна еще молитва, и она должна предшествовать. И смотри, какие блага происходят от этих двух добродетелей. Тот, кто молится, как должно, и притом постится, немногого требует; а кто требует немногого, тот не будет сребролюбив; а кто не сребролюбив, тот любит подавать и милостыню. Кто постится, тот становится легким и окрыляется, и с бодрым духом молится, угашает злые похоти, умилостивляет Бога и смиряет надменный свой дух. Потому-то и апостолы всегда почти постились. Кто молится с постом, тот имеет два крыла, легче самого

ветра. Таковой не дремлет, не говорит много, не зевает и не расслабевает на молитве, как то со многими бывает, но он быстрее огня и выше земли; потому-то таковой особенно является врагом и ратоборцем против демонов, так как нет сильнее человека, искренно молящегося. Если жена могла преклонить жестокого начальника, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, – то тем более может преклонить Бога тот, кто непрестанно предстоит пред Ним, укрощает чрево и отвергает утехи.

9 Если слабо у тебя тело, чтобы поститься беспрестанно, то оно не слабо для молитвы и для пренебрежения удовольствиями чрева. Если ты не можешь поститься, то по крайней мере, можешь не роскошествовать, – а и это не маловажно и не далеко от пощения, и может укротить неистовство дьявола. Подлинно, ничто так не любезно демону, как роскошь и пьянство – источник и мать всех зол. Этим путем дьявол ввергнул некогда израильтян в идолопоклонство, этим возжег содомлян на беззаконные похоти. «Вот в чем, – говорит Писание, – было беззаконие Содомы, сестры твоей и дочерей ее: в гордости, пресыщении и праздности» (Иез. 16:49). Тем же путем он и многих других погубил и предал геенне. В самом деле, какого зла не производит роскошь? Она делает людей свиньями, и хуже свиней. Свинья валяется в грязи и питается калом, а сластолюбивый человек приготовляет себе стол отвратительнейший, придумывая непозволенные связи и беззаконную любовь. Такой нимало не различается от бесноватого: он так же бесстыдствует и неистовствует. О бесноватом мы, по крайней мере, жалеем, а этого отвращаемся и ненавидим. А почему? Потому что он произвольно неистовствует, и обращает и рот свой, и глаза, и ноздри, и все вообще в проводники смрада и нечистоты. Если же заглянуть

внутрь такого человека, то увидим, что душа в нем застыла и оцепенела, как бы среди зимы и мороза, и уже не может подать никакой помощи ладье, по причине чрезмерной непогоды. Стыдно мне говорить, как много страждут от сластолюбия и мужчины, и женщины. Это я оставляю на их совесть, которая точнее знает все. Что отвратительнее пьяной женщины, качающейся туда и сюда? Чем немощнее сосуд, тем жесточе крушение. Свободная ли то будет жена, или раба, – свободная бесчестит себя среди рабов, а раба то же делает среди рабов, и таким образом делают то, что дары Божии хулятся несмысленными. Я слышу, как многие, когда встречаются такие случаи, говорят: будь проклято вино! О, глупость; о, безумие! Другие грешат, а ты порицаешь дар Божий. Что за сумасбродство? Ужели вино, – о, человек, – причиною такого зла? Нет, – не вино, а невоздержание тех, которые злоупотребляют вином. Итак, лучше скажи: исчезни пьянство, погибни роскошь! А если скажешь: пропади вино, то можешь вслед затем сказать: пропади железо, – потому что есть человекоубийцы; пропади ночь, – потому что есть воры; пропади свет, – потому что есть клеветники; да погибнут жены, – потому что есть блудницы. Таким образом ты все наконец захочешь истребить.

10 5. Но ты не поступай так, – это сатанинский дух. Не презирай вина, но презирай пьянство. Когда пьяный придет в чувство, опиши ему все его безобразие. Скажи ему: вино дано для увеселения, а не для того, чтобы безобразить себя; дано для того, чтобы быть веселым, а не для того, чтобы быть посмешищем; дано для укрепления здоровья, а не для расстройства; для уврачевания немощей телесных, а не для ослабления духа. Бог тебя почтил этим даром: для чего же ты неумеренным

употреблением этого дара бесчестишь себя? Послушай, что говорит апостол Павел: «Употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1Тим. 5:23). Если этот святой, даже одержимый болезнью и частыми недугами, не употреблял вина, доколе не повелел ему учитель, то какого же достойны будем осуждения мы, когда и здоровые упиваемся? Ему сказано: «Употребляй немного вина, ради желудка твоего»; а из вас каждому упивающемуся скажет апостол: употребляй меньше вина, потому что от пьянства рождается блудодеяние, сквернословие, и прочие дурные похоти. Если же не хотите воздерживаться от пьянства по этой причине, то воздерживайтесь хоть потому, что оно возбуждает гнусные похоти. Вино дано для веселья, – сказано: «вино, которое веселит сердце человека» (Пс. 103:15); а вы и это доброе его свойство порочите. В самом деле, что за радость – быть не в себе, мучиться множеством болезней, видеть все кружащимся, все во мраке, и подобно находящимся в горячке, иметь нужду в том, чтобы кто-нибудь намазал голову елеем? Я говорю не о всех, вернее – впрочем – о всех; не потому, что все пьют; нет, но потому, что не пьющие не заботятся о пьющих. Потому я и к вам особенно обращаюсь, – к вам, находящимся в здоровом состоянии. Так и врач, оставляя больных, беседует с теми, которые сидят около них. Итак, к вам я обращаю слово: умоляю вас, не заражайтесь этой болезнью; а тех, которые заразились, исхищайте из беды, чтобы они не оказались хуже бессловесных. В самом деле, скоты не требуют ничего более того, что им нужно; а предающиеся пьянству становятся бессмысленнее и их, преступая границы умеренности. И подлинно, не гораздо ли лучше таких людей осел? Не гораздо ли лучше пес? Каждое из этих животных, как и все вообще животные,

едят ли, пьют ли, знают пределы довольства и не простираются далее потребного. И хотя бы тысячи человек принуждали их, никогда не дадут себе дойти до неумеренности. Итак, вы хуже бессловесных и в этом отношении, и не только в глазах здоровых людей, но и в собственных ваших глазах. И что вы сами о себе думаете хуже, чем о свиньях и ослах, это видно из того, что этих животных вы не заставляете есть сверх меры. Почему ж это так, спросят? Ты скажешь: чтобы не нанести им вреда; а о себе ты и этой предусмотрительности не употребляешь. Следовательно, ты думаешь о себе хуже, нежели о скотах и, всегда обуреваемый, нерадишь о себе. Ты страдаешь от пьянства, не только в тот день, когда пьян, но и после того дня. Подобно, как и по прошествии горячки, остаются еще следы пагубного влияния ее, так и у тебя, и по прошествии хмеля, и в душе и в теле свирепствует буря. Бедное тело лежит расслаблено, как корабль, разбитый бурею, а того беднее душа, потому что и в расслабленном теле воздымает бурю и возжигает похоть. Когда же, по видимому, приходит в здравый смысл, тогда-то особенно безумствует, воображая вино, бутылки, стаканы, чаши. Как при укрощении волнения после бури остаются следы разрушительного действия ее, так и здесь. Как там товары, так здесь почти все доброе выбрасывается. Целомудрие ли стяжал кто-либо, стыдливость ли, пристойность ли, кротость ли, смирение ли, – все это пьянство повергает в море нечестия. А что еще после этого делает пьянство, того нельзя ни с чем и сравнить. Там, по выгружении, корабль делается легче; а здесь, напротив, новое отягощение: вместо богатства корабль нагружается песком, соленою водою и всякою дрянью, отчего корабль и с пловцами, и с кормчим тотчас погибает. Итак, чтобы не потерпеть нам того же,

устранимся от этой бури. Нельзя пьянице видеть царствия небесного. «Не обманывайтесь, -:говорит апостол: ... ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют» (1Кор. 6:9–10). И что я говорю: царствия небесного? Пьяный не видит и настоящих предметов; пьянство дни превращает для нас в ночи, свет в тьму; пьяный, смотря во все глаза, не видит и того, что у него под ногами. И не это только зло рождается от пьянства, но и потом пьяницы подвергаются другой, жесточайшей казни: безумному унынию, неистовству, расслаблению, насмешкам, поношениям. Какого же помилования ждать тем, которые убивают себя такими бедствиями? Совершенно никакого. Итак потщимся избегнуть этого недуга, чтобы получить нам и настоящие и будущие блага, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

Беседа 58

[1] «Во время пребывания их в Галилее, Иисус сказал им: Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его, и в третий день воскреснет. И они весьма опечалились». (Мф. 17:22–23)

[2] Изъяснение 17:22–18:6. Значение смерти Христовой и воскресение непонятны были ученикам. – Что такое дидрахма, которую спрашивали со Христа. – Христос – истинный Сын Божий и владыка вселенной. – Страсть тщеславия не чужда была ученикам. – Примером отрока Христос научает смирению и простосердечию. – Великость награды и наказания презирающим людей смиренных. – Высокомерие делает человека безумным. – Знатность происхождения не дает никакого действительного преимущества. – Богатство лишает благородства и свободы. – Почести не приносят пользы телу и вредят душе.

[3] 1. Чтобы ученики не говорили: для чего мы здесь остаемся столько времени? – Христос опять говорит им о страдании, а слыша об этом, они не хотели даже и видеть Иерусалима. Смотри же, как апостолы и после того даже, как Петру уже сделано было порицание, после того, как Моисей и Илия, беседуя о страдании, называли это дело славою, после того, как и Отец свыше подал глас, и

столько было чудес, и воскресение уже было при дверях (потому что Христос сказал, что Он не долго будет оставаться в объятиях смерти, но в третий день воскреснет), – все же не перенесли слов Христовых, но опечалились, и опечалились сильно. Это произошло оттого, что они еще не разумели силы слов Христовых, как то показывают Марк и Лука. Один говорит: «Не разумели сих слов, а спросить Его боялись» (Мк. 9:32); а другой: Слово «было закрыто от них, так что они не постигли его, а спросить Его о сем слове боялись» (Лк. 9:45). Но если они не понимали, то как же могли печалиться? Нельзя сказать, чтобы они ничего не понимали; напротив, знали они, что Он умрет, потому что непрестанно слышали о том. Но чтобы могла когда-либо случиться с Ним такая смерть, и что вскоре она должна разрушиться и произвести бесчисленные благодеяния, – этого они ясно еще не понимали; не знали и того, что это за воскресение. Потому-то они и скорбели, что весьма любили Учителя.

4 «Когда же пришли они в Капернаум, то подошли к Петру собиратели дидрахм и сказали: Учитель ваш не даст ли дидрахмы» (Мф. 17:24)? Что это за дидрахмы? Когда Бог избил первенцев египетских, то вместо них взял колено левитов. Но, так как число левитов было меньше числа первородных у иудеев, то Он за тех, которых недоставало в число, повелел вносить сикль. С этого времени вошло в обыкновение платить такую пошлину за первенцев. А так как Христос был первенец, и из учеников Петр казался первым, то собиратели пошлины и приступили к нему. Они, как мне кажется, собирали пошлину со всякого города; поэтому и пришли к нему в отечество, которым считался Капернаум. К самому Христу они не осмелились приступить, а пришли к Петру;

впрочем, и к последнему приступили не с насильственным требованием, а скромно. Они не настоятельно требовали, а только спрашивали: «Учитель ваш не даст ли дидрахмы»? Надлежащего о Нем мнения они еще не имели, но считали Его за простого человека; впрочем, воздавали Ему некоторое уважение и честь за предшествовавшие знамения. Что ж им отвечает Петр? «Он говорит: да»! Собирателям пошлины сказал Петр, что Христос даст дидрахму; но самому Христу не объявил об этом, может быть, стыдясь говорить с Ним о таких вещах. Потому кроткий и все ясно ведущий Иисус, предупреждая его, говорит: «Как тебе кажется, Симон? цари земные с кого берут пошлины или подати? с сынов ли своих, или с посторонних?» Когда Петр ответил: от чужих, – Христос сказал: «итак сыны свободны» (Мф. 17:25–26). Чтобы не подумал Петр, что Он услышал что-либо от них, предваряет его, обнаруживая Свои мысли о том же самом предмете, и давая ему смелость, так как прежде последний не смел говорить об этом. Смысл же слов Его такой: Я свободен от платежа пошлины. Если цари земные не берут подати с сыновей своих, но с чужих, то тем более Я должен быть свободен от требования их, Царь и Сын Царя не земного, а небесного. Видишь ли, как Он различил сынов от тех, которые – не сыны? Если бы Он не был Сын, то напрасно привел в пример царей. Точно, говорят, Он Сын, но не истинный. Следовательно, не Сын. А если не Сын, и не истинный Сын, то не Сын Божий, а чужой. Если же чужой, то пример царей не имеет своей силы. Он говорит не просто о сынах, каких бы то ни было, но о сынах законных, собственных, участвующих в царстве с родившими их. Потому-то для различия и противопоставил сынов чужих, так называя тех, которые рождены не от них (от царей). Сынами же своими

называет тех, которых родили сами цари. Но обрати здесь внимание и на то, как подкрепляет Он своими словами открытое Петру ведение. Впрочем Он не останавливается и на этом, но и снисхождением Своим внушает то же: новый опыт великой мудрости! Сказавши это, Он присовокупляет: «Но, чтобы нам не соблазнить их, пойди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми, и, открыв у ней рот, найдешь статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя» (Мф. 17:27). Видишь ли, как Он и от подати не отказывается и, между тем, не просто повелевает отдать ее? Показав наперед, что Он не подлежит подати, потом дает ее; первое делает для того, чтобы не соблазнились ученики; последнее – чтобы не соблазнились сборщики податей. Дает пошлину не как обязанный к тому, но из снисхождения к их слабости.

[5] 2. В другом месте, рассуждая о пище, Христос пренебрегает соблазном; этим Он поучает нас различать время, когда надобно заботиться о соблазняющихся, а когда можно и оставить без внимания. Да и самый образ, как Он дает подать, открывает, кто Он таков. Для чего не велит Он заплатить из хранившихся у них денег? Для того, как я выше сказал, чтобы и в этом случае показать, что Он есть Бог над всем, и что море в Его власти. Эту власть Он показал и тогда уже, когда *запретил морю*, и тому же самому Петру позволил ходить по волнам. Эту же самую власть и теперь показывает, хотя другим образом, но также приводит в великое изумление. В самом деле, не мало значило сказать о бездне, что первая же рыба попадется, с требуемою пошлиною, и что повеление Его, подобно закинувшему сеть в бездну, поймает рыбу с статиром. Но дело власти прямо божественной и неизреченной – повелеть морю, чтобы оно принесло дар, и показать, как во всем оно Ему покорно, и тогда, когда,

взволновавшись, вдруг утихло и среди неистовства волн подъяло сослужителя своего, и теперь также, когда платит за Него требующим подати. «Отдай им, – говорит,– за Меня и за себя». Видишь ли великое предпочтение? Познай же и глубокую мудрость Петрову. Об этом важном обстоятельстве не упомянул Марк, ученик его, как о великой чести, оказанной Петру Христом, но об отвержении его и он написал, а о том, что могло бы прославить Петра, умолчал, – может быть, потому что Учитель запретил говорить о нем то, что относилось к его славе. «За Меня и за себя», – так как и Петр был первенец. Ты дивишься силе Христовой? Подивись и вере ученика, который так послушен был в случае столь затруднительном. Действительно, для человеческого разума дело представлялось слишком трудным. В награду за такую-то веру Христос и присоединил его к Себе при плате пошлины: «За Меня и за себя». «В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном» (Мф. 18:1)? Нечто человеческое действовало в учениках. На это указывает и евангелист, говоря: «В то время», то есть, когда Христос предпочел Петра всем прочим. И Иаков был первородный, но Иисус ничего подобного не оказал ему. Стыдясь обнаружить страсть, которою недуговали, они не говорят прямо: почему Ты отдал Петру предпочтение пред нами? Разве он больше нас? Они стыдились сказать так, а спрашивают неопределенно: «Кто больше в Царстве Небесном»? Когда Иисус оказывал предпочтение троим из них, в них не обнаруживалось ничего подобного. А когда честь предоставлена была одному только, они опечалились. И не это только, но и другие обстоятельства приняв в соображение, они воспламенились страстью. Так Христос сказал некогда Петру: «Дам тебе ключи Царства

Небесного. Блажен ты, Симон, сын Ионин» (Мф. 16:19, 17); и здесь говорит: «Отдай им за Меня и за себя»; к тому ж и большее дерзновение, какое они неоднократно видели в Петре, раздражало их. Если же Марк и не говорит, что они вопрошали, а в себе самих помышляли, то это нимало не противоречит первому: вероятно, и то и другое было с ними; еще и прежде неоднократно они приходили в такое состояние, а теперь выразили на словах, и в себе самих помышляли. Но ты смотри не на одно лишь то, что достойно было бы порицания, а размысли и о том, во-первых, что они и теперь ничего земного не ищут; во-вторых, что они после оставили и эту слабость и взаимно друг другу уступали первенство. Что ж касается до нас, то мы не можем возвыситься и до погрешностей их; не спрашиваем о том, кто больше в царствии небесном, но кто больше в царстве земном, кто богаче, кто сильнее. Что же говорит им Христос? Он раскрывает их совесть, и отвечает на их чувствования, а не просто на слова. «Призвав дитя, сказал: ...если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:2–3). Вы доискиваетесь, говорит, кто больше, и спорите о первенстве. Я же говорю: кто не будет ниже всех, тот недостоин царствия небесного. И прекрасный представляет пример. Но и не представляет только, а на самом деле поставляет посреди их отрока, пристыжая самим тем, что видят они пред собой; убеждает быть столько же смиренными и простосердечными, как и младенец, который не имеет ни зависти, ни тщеславия, ни желания первенства, но обладает высокою добродетелью простоты, беззлобия и смирения. Итак, нужно иметь не одно только мужество и благоразумие, но и добродетель смиренномудрия и простоты. Когда мы не имеем этих добродетелей, то сколь бы ни велики были наши дела,

спасение наше сомнительно. Младенца хотя бы поносили, хотя бы наказывали, хотя бы хвалили, хотя бы честили, он ни в первом случае не досадует и не укоряет, и в последнем не гордится.

[6] 3. Видишь ли, как Он опять призывает нас к добрым естественным делам, показывая, что их можно совершать по свободному произволению? Этим искореняет Он и нечестивое учение манихеев. В самом деле, если природа есть зло, то почему же Он почерпает из нее примеры любомудрия? Что ж касается до дитяти, которое было поставлено пред учениками, то, по моему мнению, это было дитя в полном смысле свободное от всех указанных страстей – дитя чуждое и гордости, и тщеславия, и зависти, и сварливости, и всех подобных страстей; – дитя украшенное многими добродетелями, как то: простосердечием, смирением, спокойствием, и которое ни одною из этих добродетелей не гордится; а это, т. е., обладать качествами и, между тем, не надмеваться ими, свойство высокой мудрости. Потому-то Христос привел его и поставил посреди. Но и этим не ограничил Он Своего наставления, а простер его еще далее: «И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает» (Мф. 18:5). Не только, говорит Он, если сами вы таковыми будете, получите великую награду, но даже если ради Меня будете почитать таковых, то в награду за почтение к ним назначаю вам царство. Даже выражает более того: «Меня, – говорит,– принимает» – так Мне любезно смирение и простосердечие! Под именем младенца здесь Он разумеет людей столько же простодушных, смиренных, отвергаемых и презираемых людьми обыкновенными. Чтобы сделать речь более убедительною, Он усиливает ее далее не только обещанием чести, но и угрозою казни. «А кто соблазнит, – продолжает Он,–

одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф. 18:6). Как те, говорит Он, кто почитает таковых ради Меня, получат небо и даже честь большую самого царства, так понесут жесточайшее наказание и пренебрегающие их (это означается словом – соблазнит). Не удивляйся, что Он обиду называет соблазном: многие малодушные нередко соблазнялись тем, что их презирали и бесчестили. Таким образом, увеличивая преступление, Он представляет проистекающий из него вред. Наказание же Он изображает уже иначе, чем награды, объясняя – именно – тяжесть его вещами нам известными. Так, когда Он особенно хочет тронуть людей нечувствительных, то приводит чувственные примеры. Поэтому и здесь, желая показать то, что они подвергнутся великому наказанию, и обличить гордость тех, которые презирают таких людей, представляет чувственное наказание – мельничный жернов и потопление. Сообразно с предыдущим надлежало бы сказать: тот, кто не приемлет одного из малых сих, Меня не приемлет, – что тяжелее всякого наказания. Но так как на людей бесчувственных и грубых это страшное наказание мало бы подействовало, то Он говорит о жернове мельничном и потоплении. Не сказал, что жерновный камень повешен будет на шею его, но что лучше бы было потерпеть такое наказание, показывая этим, что несчастного ожидает другое, тягчайшее зло; если то несносно, тем более это последнее. Видишь ли, какая ужасная угроза? Сравнивая ее с известною для нас угрозою, Он представляет ее в большей ясности; а указывая на большую тягость, заставляет страшиться большего наказания, нежели каково чувственное. Видишь ли, как Он с корнем исторгает высокомерие? Как врачует

недуг тщеславия? Как научает нигде не искать первенства? Как внушает домогающимся первенства везде искать последнего места? Подлинно, нет ничего хуже высокомерия. Оно лишает нас самого обыкновенного благоразумия, выставляет глупцами, или, вернее, и совсем делает безумными. Если бы кто-нибудь, будучи не выше трех локтей, усиливался быть выше гор, и считал бы себя таковым; если бы он стал вытягиваться, как будто бы был выше горных вершин, – то мы не стали бы искать другого доказательства его безумия. Так точно, когда ты увидишь надменного человека, который считает себя лучше всех и за бесчестие ставит жить вместе с простыми людьми, то не ищи уже другого доказательства его безумия. Такой человек гораздо более достоин посмеяния, нежели глупые от природы, потому что сам добровольно навлек на себя эту болезнь. И не потому только он достоин сожаления, но и потому, что впадает в бездну зла, не чувствуя того. В самом деле, может ли он когда-нибудь сознать грехи свои должным образом? Может ли почувствовать свои преступления? Дьявол, взяв его, как непотребного раба и пленника, влечет его, куда хочет, всячески мучая его и подвергая бесчисленным поруганиям; наконец, он доводит таких людей до такого безумия, что, следуя его внушениям, они начинают гордиться пред детьми и женами своими, даже пред предками, – или же, напротив, надмеваться знаменитостью этих последних. А что может быть того безумнее, когда гордятся совсем противоположными вещами: одни тем, что имели бедных отцов, дедов и прадедов, а другие – тем, что имели славных и знаменитых предков? Итак, чем смирить гордость и тех, и других? Одним надлежит сказать: поднимись подальше своих дедов и прадедов: может быть, много среди них

найдешь поваров, погонщиков, харчевников; а тем, которые гордятся собою, смотря на низость предков, надлежит сказать противное: и ты тоже посмотри на предков своих, живших пораньше: найдешь многих, гораздо тебя знаменитейших.

[7] 4. Что таков порядок природы, это я докажу вам от Писания. Соломон был сын царя, и царя знаменитого; но отец этого последнего был из числа людей бедных и незнатных; таков же был и дед его по матери, иначе он не выдал бы своей дочери за простого воина. Но если ты будешь восходить выше, то после этих бедных предков снова увидишь знаменитейший царственный род. То же можно наблюдать и относительно Саула, и многих других. Итак, не будем же гордиться предками. Скажи мне в самом деле, – что такое род? Не что иное, как одно пустое имя. И это вы узнаете в последний день. Но поскольку он еще не наступил, то мы постараемся убедить вас известными нам ныне обстоятельствами в том, что знаменитость происхождения не дает никакого преимущества. Когда наступает война, голод или какое-нибудь другое бедствие, тогда ничтожество всех мнимых преимуществ знатного происхождения обнаруживается ясно. Приключится ли болезнь или моровая язва, она не знает различия между богатым и бедным, между славным и бесславным, между знатным и низким; так точно и смерть и другие перевороты: одинаково они постигают всех и, что всего чуднее, особенно богатых. Чем беспечнее последние ведут себя в таковых обстоятельствах, тем легче погибают. Даже страх сильнее действует на богатых. Трепеща больше других перед начальниками, они в такой же мере, и даже гораздо еще сильнее, боятся и народа, поскольку часто дома богачей становятся жертвою и неистовства черни, и

неудовольствия начальников. Напротив, бедный остается безопасным от этих волнений. Итак, если желаешь показать, что ты благородного происхождения, то, презрев благородство рода, яви такое же благородство духа, какое имел тот блаженный, хотя и бедный, который сказал Ироду: «Не должно тебе иметь жену брата твоего» (Мк. 6:18); какое имел тот, который был до него, и который будет после него, так обличавший Ахава: «Не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего» (3Цар. 18:18); какое имели пророки и все апостолы. Но не таковы души преданных богатству: подобно тем, которые находятся под властью бесчисленных приставников и палачей, они не смеют даже возвести очей своих, не смеют свободно действовать для добродетели. Жадность к деньгам, славе и другим предметам, бросая на них суровый взор, делает их рабами своими и невольниками. Подлинно, ничто не лишает столько свободы, как прилепление к вещам житейским и пристрастие ко всему блестящему. Таковой служит не одному, не двум, не трем, а бесчисленным господам. И если хотите исчислить их, то приведем для примера одного какого-нибудь знаменитого царедворца. Пусть он обладает бесчисленным богатством, пусть облечен он великою властью, пусть будет у него славная родина, знатные предки и пусть обращает он на себя взоры всех. Посмотрим же, не презреннее ли этот вельможа всех рабов? Противопоставим ему не просто раба, но раба, принадлежащего рабу; ведь многие и слуги имеют рабов. Этот раб раба имеет одного господина, – что нужды, если и не свободного? Зато одного, которому только и старается угодить. И пусть он знает, что господин его также подвластен; но все же он повинуется только одному, и если хорошо управляет его имением, то проводит жизнь спокойно. Напротив, тот имеет не одного,

не двоих господ, но многих, и гораздо более взыскательных. И прежде всего его тревожит мысль о царе. Большая разница иметь владыкою над собою какого-либо человека незнатного, или царя: этот последний, слушая наветы многих, оказывает свое благоволение сегодня одним, а завтра другим. И хотя он ничего не знает за собою, несмотря на то, всех подозревает, и своих сподвижников, и подчиненных, и друзей, и врагов. Но и тот, скажут, боится господина своего. Но разве одно и то же – иметь одного господина и бояться его, или иметь многих и страшиться их? Мало того; если кто тщательно рассмотрит дело, то найдет, что тот ни одного не имеет над собою господина. Как и каким образом? Он не имеет никого, кто бы пожелал лишить его такой службы и поставить себя на его место, а потому не имеет себе соперника. Напротив, вельможи о том только и заботятся, чтобы очернить пред царем того, кому он оказывает благоволение и любовь свою. Потому-то все они и принуждены льстить высшим, равным, друзьям, потому что где господствует зависть и жадность к славе, там нет искренней дружбы. Как люди, занимающиеся одним и тем же художеством, не могут чисто и искренно любить друг друга, так точно и те, которые обладают равным достоинством, и в вещах житейских домогаются одного и того же. От того-то происходит между ними сильная борьба. Итак, видишь ли целый ряд владык и владык жестоких? Хочешь ли, укажу и нечто другое, еще более тягостное, в их положении? Находясь ниже другого, каждый старается возвыситься пред ним; а те, которые возвышены, стараются воспрепятствовать другим сравниться с ними, или превзойти их.

[8] 5. Но, о чудо! Я намерен был указать владык; а мое слово увлекло меня до того, что я сказал более, нежели

сколько был намерен: представил господ недругами, или – вернее – одних и тех же представил и господами и недругами, потому что они пользуются уважением как господа, страшны как недруги и злокозненны как враги. Если же кому кто и господин, и вместе недруг, то что можно представить хуже этого несчастия? Раб, хотя находится в зависимости от своего господина, все же пользуется от него покровительством и благосклонностью. Напротив, ими и повелевают, и против них же враждуют; они вооружены друг против друга и больше, чем на войне, подвержены опасностям, поскольку хотят скрыть свою вражду, под личиною дружбы питают чувства враждебные, и на развалинах счастья других стараются часто созидать свое собственное. Между нами не так бывает: если кто несчастлив, то многие страдают с ним; а если кто счастлив, то многие с ним радуются, как говорит апостол: «Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены» (1Кор. 12:26). Предлагая такие увещания, в одном случае он говорил: «Кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли» (1Фес. 2:19)? В другом: «Ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе» (1Фес. 3:8). В третьем: «От великой скорби и стесненного сердца я писал вам» (2Кор. 2:4); или: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся» (2Кор. 11:29)? Итак, для чего же доселе мы кружимся в вихрях и обуреваемся волнами житейских забот, а не спешим к тихому пристанищу: почему не стремимся к самим вещам, оставив пустые имена? Слава и власть, богатство и знатность и тому подобное у них только имена, а у нас сама вещь; равно как и наоборот, печаль, смерть и бесчестие, бедность и тому подобное для нас только

имена, а для них само дело. Если угодно, приведем прежде всего в пример славу, столь для них любезную и вожделенную. Я не говорю уже, что она кратковременна и что скоро исчезает. Нет, представь ее в то время, когда она находится в полном блеске; не скрывай нарядов и прикрас любодейцы, но выставь ее во всем ее украшении, и я укажу ее безобразие. Итак, ты конечно укажешь на одежду, на множество ликторов, голос герольда, покорность толпы, безмолвие черни, удары встречающимся на пути, и наконец всеобщее внимание. Разве, скажешь, все это не составляет блеска? Рассмотрим, однако, не лишнее ли все это, и не одно ли пустое тщеславие? В самом деле, чем лучше становится человек от этого: по душе ли, или по телу (ведь из таковых частей и состоит только человек)? Разве он от этого делается выше, или сильнее, или здоровее, или быстрее? Или он приобретает чувства острейшие и проницательнейшие? Но этого никто не скажет. Равным образом, если обратимся к душе, то найдем, что и здесь не приобретается никакой выгоды. Что же? Ужели тот, пред кем так раболепствуют, чрез то делается умереннейшим, скромнейшим, благоразумнейшим? Нимало! Даже совершенно напротив. Здесь бывает не то, что с телом. Тело только что ничего не приобретает от почестей в свою пользу; а здесь, напротив, не одно только то несчастие, что душа никакой не получает пользы, но и что она же становится более злою. Она предается от этого гордости, тщеславию, безумию, гневу и другим бесчисленным порокам. Но, – ты скажешь, – она радуется здесь, ликует, восхищается. Но это-то и верх зла, болезнь неисцельная. В самом деле, кто утешается таким положением, тот нескоро и захочет освободиться от уз зла; его довольство заграждает собою путь к исцелению.

Это-то и есть крайнее несчастие, что он, видя умножение своих болезней, не только не печалится, а даже радуется. Не всегда ведь радость составляет добрый признак. Радуется и вор, когда украдет что-либо; и прелюбодей, оскверняющий брачное ложе ближнего своего; и любостяжатель, похищающий чужое; и человекоубийца, губящий людей. Итак, мы не на то должны обращать внимание, радуется ли человек, а на то, о добром ли радуется, и должны опасаться, чтобы не найти такой радости, какова у прелюбодея или вора. Почему радуется он, скажи мне? Потому ли, что, снискав славу, он в состоянии гордиться пред другими и обращать на себя их внимание? Но что может быть преступнее такого расположения и такой безумной любви. Если это не зло, то не обвиняйте тщеславных, и не осыпайте их бесчисленными укоризнами. Перестаньте проклинать гордых и высокомерных. Но вы находите это невозможным. Следовательно, и те заслуживают бесчисленных порицаний, хотя и окружены бесчисленною свитою. Вот что я намерен был сказать о беззаконных вельможах! И действительно, многих из них мы найдем таких, которые, по причине злоупотребления своей властью, несравненно преступнее разбойников, убийц, прелюбодеев, гроборасхитителей. В самом деле, они и похищают бесстыднее, нежели те, и умерщвляют с большею жестокостью, и предаются наслаждениям несравненно постыднейшим, и, по силе власти своей, разоряют не стены, но имущество и бесчисленные дома других; они, предаваясь беспечно страстям, страдают под игом жесточайшего рабства; терзая нещадно подобных себе рабов, трепещут всякого, кто знает их ближе. Подлинно, тот только свободен, тот только владыка и могущественнее царей, кто не порабощен страстям. Итак,

зная это, постараемся снискать истинную свободу и удаляться от постыдного рабства; не будем ничего, кроме одной добродетели, почитать за блаженство: ни ложного блеска власти, ни богатства поработительного, – и тогда мы будем наслаждаться спокойствием в здешней жизни, и в будущей получим блага благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава с Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

Беседа 59

[1] «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит!» (Мф. 18:7)

[2] Изъяснение 18:7–14. Для чего говорит Христос о пришествии соблазнов. – Непреложность пророчества не уничтожает свободы воли. – Погибель не зависит от соблазнов. – Польза соблазнов. – Всякий бывает добродетелен или порочен по своей воле. – Зло не совечное Богу начало. – Зло есть неповинение Богу, происходящее от беспечности. – Путь для избежания соблазнов, указанный Христом. – Должно заботиться о спасении ближних. – Одно благочестие должно утверждать узы дружества. – В заботе о спасении ближних должно быть терпеливым. – Для спасения не достаточно одной собственной добродетели. – Увещание заботиться о надлежащем воспитании юношей.

[3] 1. Если надобно прийти соблазнам, – скажет, может быть, кто-либо из противников, – то для чего же Христос сожалеет о мире, тогда как должен бы избавить его от соблазнов и подать руку помощи? В этом ведь состоит долг врача и ходатая; а сожалеть и всякий может. Что отвечать нам на столь бесстыдные слова? Можешь ли ты

найти что-либо такому равное врачеванию? Будучи Богом, Христос соделался для тебя человеком, принял образ раба, подвергся всем поношениям и не оставил с Своей стороны ничего, что нужно было сделать. Но так как все это людям неблагодарным не принесло никакой пользы, то Он сожалеет о них, – сожалеет о том, что и после такого врачевания они не избавились от своей болезни, подобно тому, как если бы кто-нибудь, сожалея о больном, о котором прилагали великое старание, но который не захотел повиноваться предписаниям врача, сказал: горе этому человеку от болезни, которую он усилил собственным своим нерадением! Но там нет никакой пользы от сожаления; а здесь и то служит врачевством, что Христос предсказывает будущее и сожалеет о мире. В самом деле, часто от советов многие не получали никакой пользы, а от сожаления исправлялись. Потому-то особенно Спаситель и сказал: «горе миру!» – чтоб возбудить людей, приготовить их к подвигам и заставить бодрствовать. Вместе с тем, Он обнаруживает любовь Свою к ним и кротость – тем, что и о противящихся сожалеет, не негодуя только, но и исправляя их Своим сожалением и предсказанием, чтобы обратить их к Себе. Но как это возможно? – скажешь ты. Если надобно прийти соблазнам, то как можно избежать их? прийти соблазнам надобно, но погибать от них нет необходимости. Если бы, например, какой-нибудь врач сказал (ничто не препятствует опять представить тот же пример): надобно прийти такой-то болезни, – из этого еще не следует, что эта болезнь необходимо должна причинить вред человеку осторожному. Эти слова Спаситель сказал, как я выше заметил, для того, чтобы вместе с прочими пробудить от усыпления и учеников Своих. Чтобы они не предавались усыплению, как будто бы им назначено было вести жизнь

покойную и безмятежную, Он предсказывает о множестве предстоящих им внутренних и внешних браней. И Павел, указывая на это, сказал: «Отвне – нападения, внутри – страхи… в опасностях между лжебратиями» (2Кор. 7:5, 11:26). Также рассуждая с ефесскими пастырями в Милете, говорил: «Из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно» (Деян. 20:30). И сам Христос сказал: «Враги человеку – домашние его» (Мф. 10:36).

4 Когда Христос говорит о необходимости соблазнов, то не уничтожает этим ни свободного произволения, ни свободы воли, и не подчиняет жизнь нашу какой-либо необходимости действий, но предсказывает только то, что непременно должно случиться. То же самое и евангелист Лука выражает, говоря: «Невозможно не прийти соблазнам» (Лк. 17:1). Что же такое соблазны? Препятствия на прямом пути. Так и в театре называют тех, которые искусно ставят препятствия и ловко перевертывают тела. Итак, не предсказание Спасителя причиною соблазнов; нет; и не потому соблазны существуют, что Спаситель предсказал о них; но потому предсказал, что они непременно должны были произойти. Если бы люди, от которых происходят соблазны, решились не делать зла, то соблазны и не пришли бы; а если бы они не имели прийти, то не были бы и предсказаны. Но так как люди предались злу и впали в болезнь неисцельную, то соблазны пришли, и Спаситель и предсказывает лишь то, что должно было случиться. А если б они исправились, – скажешь ты, – и никто не стал бы вводить соблазнов, то не оказалось ли бы ложным это предсказание? Нимало; его тогда и не было бы. Если бы все люди могли исправиться, то Спаситель и не сказал бы: «надобно прийти соблазнам». Но поскольку Он предвидел, что некоторые не захотят исправиться, потому

и сказал, что соблазны непременно придут. Но для чего же, спросишь ты, Господь не уничтожил их? Для чего же уничтожать их? Для тех ли, кто получает от них вред? Но они получают вред не от соблазнов, а от своего нерадения. Это видно из примера людей добродетельных, которые не только не терпят от соблазнов никакого вреда, но еще получают величайшую пользу. Таков был Иов, таков Иосиф, таковы все праведники и апостолы. Если же многие и погибли, то погибли от своей беспечности. Если бы было не так, и погибель зависела от соблазнов, то надлежало бы всем погибнуть, Если же есть люди, которые избегают соблазнов, то не избегающий их должен винить себя самого. Соблазны, как я сказал, пробуждают людей от усыпления, делают их осмотрительными и проницательными, и не только того, кто хранит себя от них, но и падшего скоро восстановляют; они научают его осторожности и делают неуловимым. Итак, если мы бываем внимательны, то немалую получаем пользу от соблазнов: мы научаемся непрестанно бодрствовать. Если и при таком множестве врагов и искушений мы предаемся усыплению, – то что было бы с нами, когда бы мы жили в безопасности? Посмотри, например, на первого человека. Если он краткое время, может быть, менее одного дня, живя в раю и наслаждаясь удовольствиями, дошел до такого повреждения, что возмечтал быть равным Богу, обольстителя счел за благодетеля и не мог сохранить одной заповеди, то чего не сделал бы он, если бы и после вел жизнь безбедственную?

[5] 2. Но, слыша от нас такие слова, противники снова возражают нам, говоря: для чего же Бог сотворил его таковым? Нет, не Бог сотворил его таковым; иначе Он и не наказал бы его. Если и мы не обвиняем рабов своих за

то, в чем сами бываем виновны, тем более не может делать этого Бог всяческих. Отчего же человек сделался таковым? – спрашиваешь ты. От самого себя и своей беспечности. Как это: от самого себя? Спроси себя. Если злые злы не от самих себя, то не наказывай раба своего, не порицай жены, если она погрешит в чем, не бей сына, не обвиняй друга, не питай ненависти к врагу, обижающему тебя: ведь все они достойны сожаления, а не наказания, если их погрешности непроизвольны. Но, скажешь, я не могу так рассуждать. Нет, когда ты сознаешь, что они не произвольно, а по необходимости сделались виновными, то можешь рассуждать. Так, если раб, по причине болезни, не исполнит твоих приказаний, ты не только не обвиняешь его, но и охотно прощаешь. Таким образом ты сам свидетельствуешь, что иное зависит от него, а иное не от него. Подобным образом и здесь: если бы первый человек был столько порочен потому, что сотворен таковым, то ты не только не стал бы обвинять, но охотно простил бы его. Если ты прощаешь раба по причине болезни, то конечно не откажешь в прощении тому, кто сотворен от Бога наклонным ко злу, если только он действительно сотворен был таковым. Тем, которые делают подобные возражения, легко заградить уста и другим образом: истина обильна доказательствами. Почему, например, ты никогда не обвиняешь раба своего за то, что он некрасив лицом, невысок ростом, не умеет летать? Потому, что это зависит от природы. Итак, что человека нельзя обвинять в том, что зависит от природы, тому никто не будет противоречить. Следовательно, когда ты обвиняешь кого, то показываешь этим, что его преступление зависит не от природы, а от собственной воли. Если мы тем, что не обвиняем других в преступлениях, показываем, что их преступления зависят

от природы, то очевидно, что если в чем порицаем других, этим даем знать, что их преступление зависит от свободы. Итак, не представляй превратных умствований и хитросплетений, которые слабее паутинной тенеты, а отвечай мне опять на вопрос: всех ли людей Бог сотворил? Конечно. Почему же не все равно добродетельны и порочны? Откуда добрые, хорошие, смиренные? Откуда порочные и нечестивые? Если это зависит не от воли, а от природы, то почему одни добродетельны, а другие порочны? Если все от природы злы, то никому нельзя было бы быть добрым; если ж от природы все добры, то никто не может быть злым. Если у всех людей одинакова природа, то все они, в силу этого, должны быть одинаковы, – или все добры, или все злы. Если же мы скажем, что одни добры от природы, а другие злы (что несправедливо, как мы показали), то эти свойства их должны бы быть неизменными, так как природные свойства не изменяются. Например, посмотри: все мы смертны, подвержены страстям, и никто не может освободиться от них, хотя бы употреблял тысячу усилий. Между тем мы видим, что многие из добрых делаются злыми и из злых – добрыми: одни по нерадению, другие по великому тщанию; из чего особенно и видно, что быть добрым или злым – не зависит от природы. Что дано природою, то ни изменяется, ни приобретается посредством старания. Как для того, чтоб видеть или слышать, нам не нужно трудиться, так и для приобретения добродетели нам не было бы нужды употреблять усилия, если бы она дана была в самой природе. Да для чего и Бог сотворил бы злых, когда мог всех сотворить добрыми? Итак, откуда же зло? Спроси самого себя; мое дело только показать, что оно ни от природы, ни от Бога. Итак, скажешь, само собою явилось?

Ни в каком случае. Что же, или оно нерожденно? Замолчи, о, человек! Беги от такого безумия, и не воздавай злу одинаковой чести с Богом, и притом высочайшей. Ведь, если зло нерожденно, то значит оно могущественно, и нельзя ни отвратить, ни уничтожить его: всякому известно, что нерожденное не может погибнуть.

[6] 3. Отчего же так много добрых, когда зло имеет такую силу? Как рожденные могут быть сильнее нерожденного? Ты скажешь: Бог некогда уничтожит зло. Но каким образом Он уничтожит зло, если оно, подобно Ему, безначально, могущественно и вечно? – скажет кто-либо? О, злоба дьявольская! Сколько она изобрела зла! До какого богохульства довела человека! Под каким благочестивым предлогом измыслила новое нечестивое учение! Желая показать, что зло не от Бога происходит, люди ввели новое нечестивое учение, признав зло нерожденным. Итак, откуда же происходит зло? От хотения и нехотения. Но откуда происходит самое хотение и нехотение? От нас самих. Предлагать такой вопрос – значит то же, что спрашивать: отчего человек видит, и не видит? Если бы я отвечал тебе: оттого, что он открывает и закрывает глаза свои, ты бы снова спросил меня: а отчего он открывает и закрывает глаза свои? И потом, когда бы я сказал тебе, что это зависит от нас самих и от нашего хотения, ты бы опять стал искать новой причины. Зло не иное что есть, как неповиновение Богу. Откуда же, скажешь ты, это неповиновение произошло в человеке? Но скажи мне: трудно ли было произойти ему? Я не говорю того, что трудно; спрашиваю только, отчего человек захотел не повиноваться Богу? От беспечности. Имея власть повиноваться и не повиноваться Богу, он избрал последнее. Если ты и после этого сомневаешься и

недоумеваешь, то я предложу тебе вопрос не трудный и не запутанный, но простой и ясный: не случалось ли с тобою, что иногда ты поступал худо, а иногда хорошо? Например, побеждал какую-либо страсть и снова подвергался ей, предавался пьянству и удерживался от него, гневался и укрощал гнев, презирал бедного и не презирал его, прелюбодействовал и снова делался целомудренным? Итак, скажи мне: откуда все это? Отчего? Если ты мне не скажешь, то я скажу тебе: это оттого, что сперва ты старался (о добродетели) и был ревностен, а потом ослабел и сделался беспечен. Людям отчаянным и совершенно предавшимся злу, бесчувственным и безумным, которые не хотят даже и слышать о том, что может исправить их, я не буду и говорить о любомудрии; а тем, которые поступают то так, то иначе, скажу с удовольствием. Ты похитил как-нибудь имущество тебе не принадлежащее, а после, побуждаемый милосердием, уделил бедному и от собственных твоих благ: откуда произошла в тебе такая перемена? Не очевидно ли, что от твоей воли и расположения? Это так очевидно, что всякий легко согласится с этим.

7 Поэтому прошу вас быть тщательными и держаться добродетели, и тогда вы не будете предлагать подобных вопросов. Если мы захотим, то зло будет существовать только по одному имени. Итак, не спрашивай, откуда происходит зло, и не предавайся сомнению; но узнав, что оно происходит от одной беспечности, удаляйся его. Если же кто скажет тебе, что зло не от нас самих происходит, то когда ты увидишь, что он гневается на раба, сердится на жену, обвиняет сына и осуждает тех, которые причиняют другим обиды, скажи ему: как же ты говорил, что зло происходит не от нас самих? Если оно не от нас,

то для чего же ты обвиняешь других? Спроси также его: добровольно ли ты порицаешь и поносишь других? Если не добровольно, то никто не должен на тебя гневаться; если же добровольно, то значит, зло происходит от тебя и от твоей беспечности. Далее: веришь ли ты, что есть люди добрые? Если нет добрых, то откуда ты взял самое это название? Откуда твои похвалы? Если же есть добрые, то очевидно, что они могут порицать злых. Если же злой делается злым не добровольно, и не сам по себе, то несправедливо поступят добрые, упрекая злых, и сами сделаются чрез то злыми. В самом деле, что может быть хуже, как обвинять невинного? Если же добрые, и упрекая злых, остаются добрыми, и это служит сильнейшим доказательством их доброты даже для людей безрассудных, то и отсюда очевидно, что никто никогда не был злым по необходимости. Если ты и после этого будешь спрашивать, откуда происходит зло, то я скажу тебе: от беспечности, от праздности, от обращения с злыми и от презрения к добродетели. Отсюда происходит и зло, и то, что некоторые спрашивают, откуда происходит зло. Из людей добродетельных, возлюбивших жизнь смиренную и целомудренную, никто не спрашивает об этом; одни только дерзающие делать зло и желающие посредством этого учения ввести некоторую пагубную беспечность сплетают паутинные тенета. Но мы разорвем эти паутины не словами только, но и самими делами. Зло существует не по необходимости. Если бы оно было необходимо, то Христос не сказал бы: «Горе тому человеку, через которого соблазн приходит». Он называет несчастными тех только, которые делают зло по своей воле. А что говорит: «через которого соблазн приходит», – то не удивляйся. Эти слова Его означают не то, будто бы посредством этого человека другой кто вводит соблазн, но

что он сам все производит. В Писании часто, вместо предлога «от» употребляется предлог «чрез», например: «Приобрела я человека от Господа:(δια του Θεου)» (Быт. 4:1), т. е. первая причина полагается вместо второй. Также: «не от Бога (δια του Θεου) ли истолкования» (Быт.40:8)? И еще: «Верен Бог, Которым (δι ου) вы призваны в общение Сына Его» (1Кор. 1:9).

[8] 4. А чтобы тебе увериться, что зло не зависит от необходимости, послушай, что далее говорит Господь. Изъявив сожаление о тех, которые вводят соблазны, Он продолжает: «Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный; и если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную» (Мф. 18:8–9). Спаситель говорит здесь не о членах тела, но о друзьях и о сродниках наших, которые составляют как бы необходимые для нас члены. Об этом Он говорил и прежде, и теперь говорит. Действительно, ничто столько не вредно, как общение с людьми порочными и развратными. Чего не может произвести необходимость, то часто производит дружество – и ко вреду, и к пользе. Вот почему Спаситель с особенною силою и повелевает нам удаляться людей вредных, разумея под ними тех, которые вводят соблазны. Видишь ли, как Христос предотвратил вред, могущий произойти от соблазнов? Во-первых, Он предсказал, что соблазны непременно произойдут, чтобы никто не предавался беспечности, но все, ожидая их, бодрствовали; во-вторых, показал, что соблазны великое зло (он не без причины сказал: «Горе миру от соблазнов», но чтобы показать великий вред, от

них происходящий); в-третьих, – и еще более, – показал это тем, что назвал несчастным того, кто вводит соблазны (словами: «горе тому человеку» Спаситель означает то, что этот человек подвергнется тяжкому наказанию). И не только этими словами, но и присоединенным к ним сравнением увеличивает страх. Но не довольствуясь этим, Он показывает и путь, которым можно избежать соблазнов. Какой же это путь? Прекрати, говорит Он, дружество с людьми нечестивыми, хотя бы они были для тебя весьма любезны, и представляет тебе на это неопровержимое доказательство. Если, говорит, они пребудут твоими друзьями, то ты и им не принесешь пользы и себя погубишь. Если же прекратишь с ними дружество, то по крайней мере, сам приобретешь спасение. Итак, если дружество с кем-либо для тебя вредно, удались от него. Если мы часто отсекаем члены тела своего, когда они бывают больны неизлечимо и вредны для прочих членов, то тем более должно поступать так с друзьями. Если бы зло зависело от природы, то излишне было бы все это увещание и всякий совет, излишне было бы и предостережение, заключающееся в вышесказанном; если же оно не излишне, – каково и действительно, – то очевидно, что зло зависит от воли. «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного» (Мф.18:10). Малыми Господь называет здесь не тех, которые в самом деле малы; но тех, которых многие почитают таковыми, то есть бедных, презираемых и незнатных. Как, в самом деле, можно назвать малым того, кто дороже целого мира? Того, кто друг Богу? Спаситель называет малыми тех, которые были таковы во мнении людей. Он не говорит «многих», но «одного», предотвращая и через это вред от

многих соблазнов. Как удаление от злых, так и почитание добрых доставляет великую пользу; и человек внимательный двояким образом предохраняет себя от зла, – удаляясь от содружества с людьми соблазняющими, и отдавая уважение и честь мужам святым. Потом еще и другие побуждения представляет нам почитать этих мужей, говоря: «что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного». Отсюда очевидно, что все святые имеют на небесах ангелов. И апостол говорит о жене, что она «должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов» (1Кор. 11:10); и Моисей говорит: «Поставил пределы народов по числу ангелов Божиих» (Втор. 32:8). Здесь не об ангелах только говорится, но и о высших чинах ангельских. А говоря, что они «видят лице Отца Моего Небесного», не иное что означает, как великое их дерзновение и великую честь. «Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Мф. 18:11). Вслед за этим представляет новое доказательство, сильнейшее первого, и присовокупляет притчу, в которой показывает, что и сам Отец желает, чтобы мы не презирали меньших братий своих. «Как вам кажется? – говорит Он – Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? и если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся. Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих» (Мф.18:12–14). Видишь ли, как много побуждений представляет нам Господь, заставляя пещись о низких по состоянию братьях наших? Итак, не говори, что такой-то кузнец, сапожник, земледелец – человек глупый и потому достоин презрения. Чтобы тебе не подвергнуться этому злу, посмотри, как многими

доказательствами убеждает тебя Христос умерять самого себя, и прилагать попечение о тех людях. Он поставил дитя посреди и сказал: «будете как дети», и: «и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает» (Мф.18:3, 5). А кто соблазнит, тот подвергнется жесточайшему наказанию; и сказав: «Тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф.18:6), не удовольствовался этим, но присовокупил еще: «горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф.18:7), и повелел удаляться таковых, хотя бы они были для нас вместо рук и глаз. Потом и ради ангелов, которым вверены эти меньшие братия, заставляет нас почитать их, и собственною волею и страданием побуждает нас к тому (потому что когда говорит: «Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее», то указывает этим на крест, как и Павел говорит о брате: «Не губи твоею пищею того, за кого Христос умер», – Рим. 14:15), и волею Отца, потому что и Ему не угодно, чтобы кто-либо от малых погиб. И наконец употребляет общее доказательство, что и пастырь, оставив сохраненных им овец, ищет погибшей, и когда найдет ее, весьма радуется о обретении и о спасении ее.

[9] 5. Итак, если Бог столько радуется о обретении меньшего брата, то как же ты презираешь тех, о которых столько печется Бог, тогда как тебе должно полагать душу за единого о от малых сих? «Но он немощен и беден!» Потому-то особенно ты и должен делать все, чтобы спасти его. И сам Господь, оставивши девяносто девять овец, пошел за одною, и спасение такого множества овец не могло сокрыть от него погибели одной. Евангелист Лука говорит, что Он взял ее даже на плечи Свои, и что на небе более бывает радости о едином

грешнике кающемся, нежели о девяносто девяти праведниках. Оставив незаблудившихся овец для одной заблудившейся, и возрадовавшись о ее обретении более, нежели о сохранении тех, Он показал чрез то великое попечение о ней. Итак, не будем презирать таковых душ. Для того ведь все это нам и сказано. Угрожая тем, которые не будут подобны детям, совершенным отлучением от царствия небесного и упоминая о жернове, Спаситель низлагает этим гордость людей высокомерных, так как ничто столько не противно любви, как гордость. Говоря: «надобно прийти соблазнам», возбуждает нас к бодрствованию; присовокупляя к этим словам: «горе тому человеку, через которого соблазн приходит», каждого из нас предостерегает от того, чтобы не делать соблазна; повелевая удаляться от соблазняющих, делает для нас удобнейшим путь ко спасению; а запрещая презирать меньших братий, – и не просто запрещая, но с особенною силою, говоря: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих», и еще: «что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного», также: для того и Я пришел, и Отец Мой хочет того, – соделывает ревностнейшими тех, которые должны пещись о них.

10 Видишь ли, каким оплотом Он оградил их, и какое прилагает попечение о людях презираемых и погибающих, угрожая тяжкими бедствиями соблазняющим их, и обещая великие блага тем, которые служат им и пекутся о них? Это подтверждает и собственным примером, и примером Отца. Будем и мы подражать Ему, и не будем отказываться для братьев наших ни от каких, по-видимому, унизительных и трудных дел. Но хотя бы нам надлежало послужить человеку незнатному и бедному, хотя бы это сопряжено было с великими трудами, хотя бы надлежало перейти для этого

горы и стремнины, – все это мы должны переносить для спасения брата. Бог столько печется о душе, что не пощадил и Сына Своего. Потому умоляю вас, будем с самого утра, как скоро выйдем из дома своего, стремиться к одной этой цели, и прежде всего, будем заботиться о том, чтобы избавить от опасности брата. Я говорю здесь не столько об опасности телесной, – это почти нельзя и назвать опасностью, – сколько о душевной, которой подвергает людей дьявол. Купец для умножения богатства переплывает море, и художник для увеличения своего имущества делает все. Так и мы должны заботиться не только о своем спасении (но и о спасении ближних); иначе и сами не получим спасения. Воин, который во время сражения старается только о том, чтобы спасти себя самого бегством, вместе с собою губит и других; напротив, мужественный, сражаясь для защиты других, вместе с другими спасает и самого себя. А так как и наша жизнь есть также война, и притом жесточайшая из всех войн, – время сражения и битвы, – то будем вступать в сражение так, как повелел Царь наш, с готовностью поражать, убивать и проливать кровь врагов наших, заботясь о спасении всех, укрепляя стоящих и поднимая падших. Многие из собратий наших в этом сражении лежат в ранах, истекают кровью, и нет человека, который бы помог им; ни народ, ни священники, ни другой кто, ни покровитель, ни друг, ни брат не заботятся о них, но каждый печется только о себе самом. Через это-то мы и унижаем достоинство своих подвигов, – потому что величайшее дерзновение (к Богу) и похвала принадлежит тому, кто печется не о своей пользе. Оттого-то мы бываем слабы и удобно побеждаемся как от людей, так и от дьявола, что ищем только своего, и не укрепляем друг друга, не ограждаем любовью о Боге,

но отыскиваем иные случаи для дружества: одни в родстве, другие в товариществе, третьи в знакомстве, иные в соседстве, – и всякие другие узы гораздо более утверждают нас в дружестве, нежели благочестие, тогда как оно одно должно связывать нас узами дружества. Но с нами происходит противное. Порой мы охотнее вступаем в дружбу с иудеями и эллинами, нежели с сынами Церкви.

[11] 6. Но один, говоришь ты, зол, а другой добр и кроток. Что ты говоришь? Ты называешь злым брата своего – того, которому тебе запрещено говорить: «рака»? И ты не стыдишься, не краснеешь, понося брата, который есть член твой, который участвует в одном с тобою рождении, и приобщается одной трапезы? Если брат твой по плоти учинит бесчисленное множество зол, ты стараешься прикрыть его, и его бесчестие почитаешь собственным бесчестием; а брата духовного, которого бы надлежало тебе защищать от клеветы, ты всячески поносишь? Он зол и несносен, говоришь ты. Но потому-то ты и должен сделаться его другом, чтобы он перестал быть таковым, переменился и обратился к добродетели. Но ты говоришь: он не повинуется и не принимает советов. Откуда ты знаешь это? Увещевал ли ты его, и старался ли исправить? Ты скажешь: я много раз увещевал его. А сколько? Два раза? И это значит много! Если бы ты всю жизнь делал это, и тогда не должен ослабевать и отказываться от этого дела. Не видишь ли ты, как Бог непрестанно увещевает нас чрез пророков, апостолов, евангелистов? Что ж, мы все исполняем, всему повинуемся? Нет. Но перестал ли Он увещевать нас? Умолк ли? Не говорит ли напротив каждый день: «Не можете служить Богу и маммоне» (Лк. 16:13), – и, между тем, страсть к богатству и жестокость возрастает у

многих? Не каждый ли день Он взывает к нам: «отпустите – и отпустится вам» (Мф. 6:14), и мы еще более ожесточаемся? Не увещевает ли Он нас непрестанно господствовать над похотью и побеждать порочные удовольствия, и между тем многие, хуже свиней, валяются в этом грехе? И все же Он не перестает увещевать нас. Итак, почему же мы не размышляем и не говорим самим себе, что и нас Бог увещевает и не перестает увещевать, хотя мы часто не повинуемся Его увещаниям? Потому-то Он говорил, что мало спасаемых (Лк. 13:23). Если нам для спасения недостаточно одной собственной добродетели, но должно оставить эту жизнь, обратив к добродетели и других, то что мы должны будем претерпеть, когда ни самих себя, ни других не приведем ко спасению? За что можем надеяться получить спасение? Но что я обвиняю за нерадение о спасении ближних, когда мы нимало не печемся и о тех, которые живут вместе с нами, т. е., о жене, детях и рабах, но, подобно пьяным, делаем не то, что должно, – заботимся о том, чтобы у нас было больше рабов и чтобы они служили нам с великою ревностью, чтобы оставить детям своим богатое наследство, чтобы жена носила золотые украшения и драгоценные одежды, – и никогда не печемся о них самих, но только об их имуществе. В самом деле, мы не о жене печемся, а о вещах, ее украшающих, и не о детях, а об их имении, и поступаем подобно человеку, который, видя, что дом его обветшал, и стены готовы разрушиться, вместо того чтоб поддержать их, обносит кругом его большую ограду; или подобно тому, кто, не заботясь о исцелении своего больного тела, готовит для него дорогие одежды; или, во время болезни госпожи, заботится о рабынях, об их занятии, о сосудах и о прочих домашних принадлежностях, оставив ее страдать и

плакать. Так и мы поступаем. Тогда как душа наша страдает от жестокой болезни, предается гневу, злословию, безрассудным желаниям, тщеславию, возмущению, прилеплена к земле и терзается столь многими зверями, мы, не заботясь об избавлении ее от страстей, печемся о доме и о рабах. Если откуда тайно убежит медведица, то мы запираем дома, прячемся, чтобы не встретиться с нею; а тут, несмотря на то, что не один зверь, но множество их, т. е. нечистые помыслы, терзают душу нашу, мы даже и не чувствуем их. Живя в городе, мы весьма строго смотрим за зверями, заключаем их в местах безлюдных и в пещерах, и держим их на цепи не на городской площади, или около судилища и царских чертогов, но где-нибудь в отдалении. А в душу – это место совета, эти царские чертоги, это судилище – вторгаются звери и производят крик и шум около самого ума и престола царского. От того-то все и приходит в беспорядок, повсюду возмущение, и внутри, и вне нас, и каждый из нас весьма похож на город, который привели в возмущение нашедшие на него варвары. С нами бывает то же, что с птичками, когда змей займет гнездо их. Издавая жалобный писк, они всюду летают в страхе и смятении, не зная, как освободиться от опасности.

[12] 7. Потому, умоляю вас, истребим змия, заключим зверей, умертвим их и отсечем лукавые помыслы мечом духовным, чтобы и нам не угрожал пророк тем же, чем угрожал земле иудейской: «Но будут обитать в нем звери пустыни, домы наполнятся филинами; страусы поселятся, и косматые будут скакать там. Шакалы будут выть в чертогах их, и гиены – в увеселительных домах» (Ис. 13:22, 21; Ис.14– «И сделаю его владением ежей и болотом, и вымету его метлою истребительною»). Подлинно, и люди бывают хуже шакалов. Они

необузданны как звери, живущие в пустыне. Таковы бывают по большей части юноши. Преданные свирепым страстям, они скачут и прыгают, необузданно носясь всюду и нимало не заботясь о должном. А виноваты в этом их отцы. Своих конюхов они заставляют укрощать лошадей с великим тщанием, и не позволяют долгое время молодым коням оставаться неукрощенными, но в самом начале обуздывают их и все другие средства употребляют для их укрощения, а на детей своих долгое время смотрят равнодушно, когда они живут необузданно, не имея целомудрия, бесчестят себя, предаваясь любодеянию, играм, посещая бесчестные зрелища, – тогда как для предупреждения любодеяния надлежало бы соединить сына брачным союзом с женою целомудренною и мудрою; она удержит мужа от безрассудного образа жизни и обуздает его. Блуд и прелюбодеяние от того и происходят, что юношам дают свободу. Если бы он имел разумную жену, то стал бы заботиться о доме, о славе и чести. Но ты скажешь: он еще молод. И я знаю это. Но если Исаак на сороковом году от рождения вступил в супружество, и до того времени хранил девство (Быт. 25:20), то тем более в благодатном состоянии юноши должны иметь эту добродетель. Но что мне делать? Вы не только не хотите позаботиться о их целомудрии, но смотрите равнодушно, когда они бесчестят, оскверняют себя и предаются различным порокам, не зная того, что польза брака зависит от сохранения чистоты тела, без которой нет никакой пользы от брака. А у вас бывает противное. Когда дети ваши уже осквернят себя бесчисленными пороками, тогда соединяете их узами брака; но уже тщетно и напрасно. Но вы говорите: надобно подождать времени, когда сын станет знаменитым и прославит себя делами государственными,

а о душе нимало не печетесь, но равнодушно смотрите на ее падение; от того-то у нас во всем такое смешение, расстройство и беспорядок, что мы не заботимся о душе, пренебрегаем необходимым, и все попечение обращаем на дела маловажные. Неужели ты не знаешь, что ты ничем лучше не можешь облагодетельствовать сына своего, как сохранив его от нечистоты блуда? Ведь ничего нет драгоценнее души: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит» (Мф. 16:26)? Но любовь к богатству превратила и ниспровергла все, и истребила истинный страх Божий. Как тиран разрушает крепость, так и она ниспровергла души людей. Потому-то мы и не печемся ни о спасении детей, ни о своем собственном, заботясь только о том, чтобы сделаться богатыми и оставить богатство своим наследникам, а те своим, и так далее; и таким образом мы только передаем свое имущество другим, а не обладаем им сами. Вот откуда происходит безумие; вот отчего люди свободные делаются хуже рабов. В самом деле, мы наказываем рабов, если не для них, то по крайней мере, для самих себя; а свободные не пользуются и таким попечением, и оказываются у нас хуже даже рабов. И что я говорю о рабах? Участь детей наших хуже даже скотов; об ослах и лошадях мы более заботимся, нежели о детях. Если кто имеет лошака, то всячески старается найти лучшего конюха, который бы был честен, не вор, не пьяница, и знал свое дело. Если же нам нужно дать наставника сыну, то мы просто, без всякого выбора, берем, кого случится. А между тем нет ничего труднее искусства воспитывать. В самом деле, какое искусство сравнится с искусством образования души и просвещения ума юноши? Человек знающий это искусство должен быть внимательнее всякого живописца и ваятеля. Но мы об этом нимало не

заботимся, а обращаем внимание только на то, чтобы ученик выучился говорить. Да и об этом заботимся только для богатства. Он учится говорить не для того, чтобы уметь хорошо говорить, но чтобы обогащаться, так что если бы, и не умея говорить, можно было приобретать богатство, то мы не стали бы заботиться и об этом. Видишь ли, какую силу имеет над нами страсть к деньгам? Как она все покорила под власть свою и связала нас, точно невольников и скотов, и влечет куда хочет? Но что нам пользы от таковых обличений? Мы вооружаемся против этой страсти словами, а она побеждает нас делами. Впрочем, не перестанем хоть и так – словами уст наших – поражать ее. Если от этого будет какая польза, то она будет простираться и на нас, и на вас. Если же вы не оставите прежних пороков, по крайней мере, мы с своей стороны сделали все. Бог же и вас да освободит от этой болезни, и нам да подаст случай приобрести похвалу чрез вас. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 60

[1] «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего». (Мф. 18:15)

[2] Как должно обличать согрешающих. – Почему Спаситель посылает оскорбленного к оскорбившему и повелевает обличать ему, а не кому другому. – Цель обличения. – Почему молитва живущих согласно не всегда бывает услышана. – Любовь к ближним должна иметь основанием Христа. – Непостоянство любви, проистекающей из житейских выгод, и твердость любви ради Христа.

[3] 1. Так как Спаситель произнес строгое обличение против соблазнителей и поразил их страхом, то чтобы, в виду этого обличения, в свою очередь и соблазняемые не впали в беспечность и, все, почитая не до них касающимся, по ложной надежде, что все им должно служить, не впали в безумную гордость, – смотри, как Он и их воздерживает. Он повелевает их обличать, но обличать только наедине, чтобы обличение в присутствии многих свидетелей не показалось слишком тяжким и обличаемый, вместо того, чтобы исправиться, не сделался еще наглее. Потому и говорит: «Обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего». Что же это значит: «если послушает»? Если осудит самого себя, если сознается в своем грехе. «То

приобрел ты брата твоего». Не сказал: ты достаточно отмстил ему, но: «приобрел ты брата твоего», – показывая, что от вражды происходит вред тому и другому. Не сказал: он получил пользу только для себя; но: и ты с своей стороны приобрел его. А этим показал, что и тот, и другой прежде того много теряли, – один терял брата, а другой – собственное спасение. Тому же учил Он и тогда, когда сидел на горе; то оскорбившего Он посылал к оскорбленному, и говорил: если ты, предстоя алтарю, «там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, … пойди прежде примирись с братом твоим» (Мф. 5:23–24); то оскорбленному повелевал простить ближнего: «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Мф. 6:12), – так Он учил говорить в молитве. Здесь же употребляет и другой способ: не оскорбившего посылает Он к оскорбленному, а последнего к первому. Так как оскорбивший, от стыда, неохотно бы пошел просить прощения, то он посылает к нему оскорбленного, и посылает его с тем именно намерением, чтобы исправить происшедшее между ними расстройство, и не говорит: обвини, или укори, или потребуй на него суда и наказания; но только – обличи. Оскорбивший тебя, от гнева и стыда, находится как бы в усыплении; а ты, здоровый, и должен прийти к больному, и для того, чтобы врачевство твое скорее могло быть принято, ты должен производить суд не публично. Слово: «обличи» не другое что значит здесь, как: напомни ему о грехе, и скажи ему о том, что ты от него претерпел. Если это будет сделано как должно, то ты сделаешь два дела: и себя будешь оправдывать, и другого склонять к примирению. Но что, если он не послушает и будет упорствовать? «Возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое

слово» (Мф. 18:16). Чем он будет бесстыднее и дерзновеннее, тем более нам должно прибегать к врачевству, а не к гневу и негодованию. И врач, видя, что болезнь не прекращается, не оставляет больного и не гневается на него, но тем более прилагает попечение. То же самое и здесь повелевает делать Спаситель. Ты был слаб, когда был один; будь сильнее при помощи других. Двое могут обличить согрешившего. Видишь ли, как Спаситель ищет пользы не оскорбленного только, но и оскорбившего? Обижен собственно тот, кто объят страстью; он и болен, и слаб, и немощен. Потому-то Спаситель и посылает к нему оскорбленного, то одного, то с другими. Если же и тогда он будет упорствовать, то посылает вместе с Церковью: «Скажи, – говорит,– церкви» (Мф. 18:17). Если бы Он искал только пользы оскорбленного, то не повелел бы кающегося прощать до седмижды седмидесяти раз и не указал бы столько врачей для его болезни, но раз он остается упорным после первого обличения, и приказал бы его оставить; напротив, Он повелевает врачевать его однажды, и дважды, и трижды, и то одному, то с двоими, то, наконец, со многими. Когда дело касалось одних внешних, то Он там ничего такого не заповедовал, а говорил: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:39), а здесь не так. Тому же самому и Павел научает, говоря: «Что мне судить и внешних» (1Кор. 5:12)? И тот же Павел повелевает и обличать, и обращать братьев, а непокорных отсекать, дабы устыдились. И Спаситель здесь то же делает, когда предписывает такое правило касательно братьев; троих дает оскорбившему учителей и судей, которые бы вразумили его в том, что сделал он во время своего опьянения. Хотя он и сам говорил и делал все непристойности, но имеет нужду в постороннем

вразумлении, как и пьяный. Гнев и грех приводят человека в сильнейшее исступление, нежели всякое пьянство. Кто был мудрее Давида? Но и он, когда согрешил, ничего не чувствовал, похоть овладела всем его рассудком и, подобно дыму, наполнила его душу. Потому-то он и имел нужду в светильнике пророческом и в тех словах, которые бы привели ему на память то, что он сделал. Потому-то и здесь Спаситель приводит к согрешившему таких людей, которые бы рассказали ему о его поступке.

[4] 2. А почему повелевает обличать оскорбленному, а не кому-либо другому? Потому что оскорбивший может удобнее перенести обличение от него, как от обиженного, оскорбленного и потерпевшего вред. Не все равно слышать обличение от других, которые вступаются за обиженного, и от самого обиженного, – особенно когда обличителем бывает только он один. В самом деле, если тот, кто имел бы право требовать от него удовлетворения за обиду, появляется перед оскорбившим с заботами о спасении его, – тогда скорее всех может привести его в стыд. Видишь ли, что обличение здесь делается не с тем, чтобы обидеть, но чтобы исправить. С тою же целью и двоих повелевает Спаситель брать для обличения не вдруг, а когда сам обиженный уже не будет иметь успеха; да и тогда не повелевает обличать вдруг многим, но повелевает взять только двоих, или одного; а когда обличаемый презрит и этих, тогда предоставляет его суду Церкви. Таким образом Спаситель великое прилагает попечение о том, чтобы о грехах ближнего не было разглашаемо. Хотя право поведать Церкви Он мог бы предоставить обиженному в самом начале, но чтобы грех не разглашался, Он повелевает делать это уже после одного и двух обличений. А что значит: «устами двух или

трех свидетелей подтвердилось всякое слово»? Это значит, что ты с своей стороны сделал все, и не опустил ничего, что тебе надлежало сделать. «Если же не послушает их, скажи церкви», то есть, ее представителям; «а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь». Таковой неизлечимо болен. Вспомни, что Он везде мытаря представляет в пример самого тяжкого грешника. И выше сказал Он: «Не то же ли делают и мытари» (Мф. 5:46)? И еще в другом месте: «Мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие» (Мф. 21:31), – т. е. люди самые презренные. (Пусть слушают те, которые ищут неправедных ростов, и требуют процентов на проценты!). Почему же Он поставил человека, преслушавшего Церковь, в ряду с мытарями? В намерении утешить обиженного и устрашить того. Но в этом ли только наказание? Нет; но послушай далее: «Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе» (Мф. 18:18). Он не говорит предстоятелю Церкви: свяжи его; но: если и ты свяжешь (все дело предоставляется оскорбленному), – то узы будут также неразрешимы. Итак, он подвергнется крайнему несчастию; но не тот виноват, кто связывает, а тот, кто не хочет покоряться. Смотри, каким бедам он подвергает упорного: и здешнему наказанию, и будущему мучению! А этим он угрожает не для того, чтобы так и случилось, но чтобы устрашенный угрозою, т. е. и отсечением от Церкви, и опасностью быть связанным на небесах, стал кротче и, зная то, если не в начале, то по крайней мере после многих осуждений, оставил гнев. Так Спаситель установил первый и второй и третий суд, а не вдруг отверг грешника, чтобы, если он не послушает первого суда, то покорился бы второму, а если презрит и этот, то устрашился бы третьего, если же не

уважит и последнего, ужаснулся бы будущего наказания, – определения и суда Божия.

5 «Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного» (Мф.18:19). «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф.18:20). Смотри, как еще Он разрушает вражду, истребляет мелкие расчеты и мирит враждующих, – не возвещением только казни, но и представлением благ, от любви проистекающих. После вышесказанных угроз против вражды, Он возвещает великие награды за согласие. Единодушные преклоняют Отца на то, чего просят, и Христос пребывает среди их. Но что же? Ужели нет нигде и двух, между собою согласно живущих? Есть, конечно, во многих местах, а может быть, и везде. Почему же они не все получают? Потому, что есть много причин других, которые препятствуют получать. Не получают например потому, что часто просят бесполезного. И чему же дивиться, если так бывает с другими, когда то же самое испытал и Павел: «Довольно для тебя, – сказано ему,– благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2Кор. 12:9)? Не получают потому, что недостойны того, чтобы слушали их, не делая с своей стороны того, что от них требуется; а Спаситель ищет таких молящихся, которые бы уподоблялись апостолам, почему и говорит: (два) от вас , *т. е. добродетельные и ведущие жизнь ангельскую. Или потому, что приносят молитвы против оскорбивших, требуя им отмщения и наказания, что запрещено, именно говорится:* «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас... и молитесь за обижающих вас» (Мф. 5:44). Или потому, что просят милости грешники

нераскаянные, а им получить невозможно, хотя бы не только они сами просили, но и даже другой, имеющий дерзновение к Богу, ходатайствовал за них. И Иеремия, молившийся за иудеев, услышал в ответ: «Ты же не проси за этот народ и не возноси за них молитвы и прошений; ибо Я не услышу» (Иер. 11:14). Если же все эти требования исполнены, то есть: если ты и полезного просишь, и делаешь все, что от тебя требуется, и жизнь ведешь апостольскую, и с ближними находишься в согласии и любви, – то получишь по своей молитве, потому что Господь человеколюбив.

[6] 3. Далее, так как Спаситель сказал: «от Отца Моего», то, чтобы показать, что и Он сам есть податель, а не один Отец, присовокупил: «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:19). Итак, что же? Неужели не случается, чтобы двое или трое собрались во имя Его? Случается, но редко. Христос не просто говорит о собрании, и не его только требует, но главным образом, как я и выше сказал, вместе с тем другой добродетели; а потом уже и этого также непременно требует. Слова Его имеют такой смысл: если кто поставляет Меня за первое основание любви к ближнему, и если притом имеет другие добродетели, с тем Я буду находиться вместе. Но мы видим, что многие имеют другие побуждения к любви: один любит потому, что его самого любят; другой потому, что его уважают; иной потому, что ближний в некотором житейском деле был для него полезен; а четвертый почему-нибудь другому. Но трудно найти такого, который бы любил ближнего искренно и как должно – для Христа. Большинство соединены друг с другом только житейскими делами. Павел не так любил: он любил для Христа; потому-то, хотя и не был любим так, как сам любил, однако не ослаблял любви своей, а дал ей

укорениться в себе. Не такова нынешняя любовь. Если мы исследуем все причины любви, то найдем, что у большинства они отличаются от указанной. И если бы кто позволил мне в этом многолюдном собрании учинить такое исследование, то я показал бы, что весьма многие соединены между собою житейскими видами. Это открывается из причин, производящих вражду. Так как они соединены между собою преходящими выгодами, то поэтому любовь их не имеет ни пламенности, ни постоянства; напротив, каждая обида, или потеря денег, или зависть, или любовь к тщеславию, или другое что подобное легко разрушает их любовь, не имеющую духовного корня. Если бы был такой корень, то ничто бы житейское не могло разрушить духовного. Любовь, имеющая основанием Христа, тверда, постоянна, непобедима; расторгнуть ее не может ничто, – ни клевета, ни опасности, ни смерть, ни другое что-либо подобное. Кто таким образом любит, хотя бы претерпевал тысячу поражений за свою любовь, не оставит ее. Кто любит за то, что его любят, тот, случись с ним неприятность, прервет любовь свою; а кто соединен тою любовью, никогда не оставит ее. Потому и Павел сказал: «Любовь никогда не перестает» (1Кор. 13:8). Что ты скажешь мне в защиту свою? Что тебя обидел тот, который был почтен тобою? Или что облагодетельствованный тобою хотел убить тебя? Но если ты любишь для Христа, то и это самое располагает тебя к большей любви. Что у других служит к разрушению любви, здесь то же самое служит к утверждению ее. Почему же? Во-первых, потому, что таковой бывает для тебя виновником наград; во-вторых, потому, что он имеет нужду в большей помощи и заботливости о нем. Вот почему, кто так любит, тот не разбирает ни рода, ни отечества, ни богатства, ни

взаимной любви к себе, ни другого чего-либо подобного. Но хотя бы его ненавидели, обижали, умерщвляли, не перестает любить, имея достаточную причину к любви – Христа. На Него неуклонно взирая, он пребывает тверд и неизменен. И Христос таким же образом любил врагов, неблагодарных, обидчиков, поносителей, ненавистников, не хотевших и смотреть на Него, предпочитавших Ему даже дерево и камни, – любил их высочайшею любовью, которой нельзя найти подобной. Он говорит: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Смотри, как он заботится и о тех, которые распяли Его, и которые столько оказали неистовства над Ним! Так говорил Он об них к Отцу: «Прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:34)! И впоследствии послал еще к ним учеников. Итак, поревнуем и мы этой любви, и будем взирать на нее, чтобы, сделавшись подражателями Христу, удостоиться и здешних, и будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 61

[1] «Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз». (Мф. 18:21–22)

[2] Прощение обид – всегдашняя наша обязанность. – Сколь велико различие между грехами против Бога и против человека. – Величие благодеяний Божиих усугубляет тяжесть грехов против Бога. – Обличение пороков воинов, ремесленников, землевладельцев. – Изъяснение притчи о прощенном и оказавшемся неблагодарным должнике. – Польза безропотного перенесения обид. – Должно скорбеть о причиняющих нам зло.

[3] 1. Петр думал, что говорит нечто великое, почему, как бы желая похвалиться любовью к ближнему, заключил вопрос свой словами: «До семи ли раз»? Ты повелел, – говорит он Иисусу, – прощать обиды ближнему; сколько же раз я должен делать это? Если, например, ближний часто будет погрешать и, по обличении всегда будет раскаиваться, – то сколько раз Ты повелишь нам прощать его? Того, кто не раскаивается и не осуждает себя за грех, Ты повелел по троекратном обличении оставить, сказав: «Да будет он тебе, как язычник и мытарь», а для раскаивающегося не положил никакого предела, но велел

принимать его. Итак, сколько же раз должно прощать его, когда он по обличении раскаивается? Довольно ли семи раз? Что ж отвечает Христос, человеколюбивый и благий Бог? «Не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз». Число семьдесят крат седмерицею берется здесь неопределенно, и означает непрерывную или всегдашнюю обязанность. Как выражение: «тысячу раз» употребляется для означения множества, так и настоящее выражение. Например, и в словах: «бесплодная рождает семь раз» (1Цар. 2:5), под словом «семь» Священное Писание разумеет множество. Таким образом, Христос не определил числа, сколько раз мы должны прощать ближнему, но показал, что это постоянная и всегдашняя наша обязанность. То же самое объяснил Он и в следующей далее притче. Чтобы повеление, заключающееся в словах: «до седмижды семидесяти раз» не показалось кому-либо великим и трудным, Он присоединил эту притчу, в которой разъясняет смысл предыдущих слов, посрамляет того, кто бы стал гордиться прощением обид, и вместе показывает, что таковое повеление не трудно, а напротив весьма легко. Потому-то Он представил в ней человеколюбие Свое, чтобы ты отсюда познал, что, хотя бы седмижды семьдесят раз прощал ближнему, хотя бы все вообще его прегрешения всегда оставлял, – и тогда твое человеколюбие будет столь же далеко от бесконечной божественной благости, которая для тебя нужна на будущем суде при требовании от тебя отчета, сколько капля воды от беспредельного моря, даже еще более. Вот слова Христа: «Посему Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими; когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов; а как он не имел,

чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и все, что он имел, и заплатить» (Мф. 18:23–25). Потом, когда этот должник, помилованный господином, вышедши, стал душить своего товарища, должного ему сто динариев, и тем разгневал господина, то последний приказал снова ввергнуть его в темницу, пока не отдаст всего. Вот как велико различие между грехами против Бога и грехами против человека! Так же велико, как между десятью тысячами талантов и сотнею динариев, и даже еще более. Причина этого заключается как в различии лиц, так и в непрерывном повторении грехов. На глазах человека мы удерживаемся и опасаемся грешить; а Бога, хотя Он каждодневно на нас смотрит, не стыдимся, – напротив, и делаем все, и говорим обо всем безбоязненно. И не от этого только зависит важность грехов, но еще и от благодеяний и той чести, которою мы почтены от Бога. И если вы желаете знать, что значит «десять тысяч», – и даже гораздо более – «талантов», т. е. грехов к Богу, то я постараюсь показать это вкратце. Но я опасаюсь, чтобы чрез это или не подать большего повода ко греху тем, которые склонны к беззаконию и любят непрестанно грешить, или не ввергнуть в отчаяние малодушных, которые, подобно апостолам, может быть, спросят: «Кто же может спастись» (Лк. 18:26)? Однако же скажу, чтобы внимательных сделать более твердыми и благодушными. Страждущие неизлечимою болезнью и не чувствующие ее, и без моих слов не оставят своего нечестия и нерадения. Если же мои слова подадут им больший повод к беспечности, причина будет заключаться не в них, а в самой их бесчувственности. По крайней мере, поучение мое внимательных может обуздать и довести до сердечного сокрушения, а мягких сердцем, показав им тяжесть грехов их и открыв силу

покаяния, более расположить к нему. Потому почитаю нужным говорить. Таким образом в слове своем я изложу грехи как по отношению к Богу, так и по отношению к людям, – и притом не частные, но общие, так как частные каждый может присовокупить, советуясь с своею совестью. А для того предварительно изображу божественные благодеяния. Итак, какие же благодеяния Божии? Он даровал нам бытие и сотворил для нас все видимое: небо, море, землю, воздух и все в них содержащееся: животных, растения, семена; но невозможно исчислить всех Божиих дел по причине беспредельного их множества! Из всех тварей, населяющих землю, в нас только одних вдохнул душу живую; насадил рай, дал помощницу, поставил владыками над всеми бессловесными, увенчал славою и честью. Потом, когда человек оказался неблагодарным к своему Благодетелю, Он удостоил его еще большего благодеяния.

[4] 2. В самом деле, смотри не на то только, что Бог изгнал человека из рая, но обрати внимание и на ту пользу, которая произошла отсюда. По изгнании из рая, Он оказывал людям бесчисленные благодеяния, совершил различные строения спасения, и наконец послал единородного Сына Своего к облагодетельствованным Им и ненавидящим Его, отверз нам небо, отпер двери рая, и нас, врагов Своих неблагодарных, соделал сынами. Потому прилично теперь сказать: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия» (Рим. 11:33)! Он дал нам крещение во оставление грехов, освободил от наказания, сделал наследниками царствия, обещал бесчисленные блага добродетельно живущим, простер к нам Свою руку, и излил Духа в сердца наши. Итак, что же, после таких бесчисленных Божиих благодеяний? Какое мы должны иметь расположение к Нему? Воздали ли бы мы не только

достойную, но даже самомалейшую часть долга и тогда, когда бы каждый день умирали за Того, Который столько возлюбил нас? Нимало. И это самое обращалось бы в нашу пользу. Но такие ли мы имеем к Нему расположения, какие должно иметь? Мы каждодневно нарушаем Его законы. Не оскорбляйтесь, если я обращу свое слово против грешников: я буду обвинять не вас только, но и самого себя. Итак, с кого бы мне начать, по вашему желанию? С рабов или с свободных? С воинов или простолюдинов? С начальников или подчиненных? С жен или мужей? С старцев или юношей? С какого возраста? С какого рода? С какого чина? С какого звания? Угодно ли вам, чтобы я начал свое слово с воинов? И что же? Не грешат ли они каждодневно, оскорбляя, понося других, неистовствуя, и всячески стараясь сделать их несчастными? Будучи подобны волкам, они никогда не чужды злодеяний. Да и может ли море быть без волн? Какая страсть не возмущает их! Какая болезнь не обдержит их души! По отношению к равным они водятся ненавистью, завистью и тщеславием; по отношению к подчиненным – корыстолюбием; по отношению к тяжущимся и прибегающим к ним как к пристани – коварством и клятвопреступлением. Сколько производят они хищений! Сколько у них обманов! Каких нет между ними клевет и непозволенных торгов! Сколько между ними раболепных ласкательств! Теперь противопоставим каждому пороку закон Христов. «Кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной» (Мф. 5:22). «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею» (Мф. 5:28). «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3). Воины же надмеваются пред подчиненными и вверенными их власти, которые

трепещут пред ними и страшатся их, так как они жестокостью своею превосходят зверей. Ничего не делают ради Христа, а все для чрева, для корыстолюбия и тщеславия. И можно ли исчислить в слове все беззаконные их поступки? Кто в состоянии описать их насмешки, неумеренный смех, неприличные разговоры, постыдные слова? А о корыстолюбии и говорить нечего. Как монахи, живущие в горах, не знают, что такое корыстолюбие, так и воины, – только по противоположным причинам. Первые не знают этой страсти потому, что слишком далеки от этой болезни: а последние не чувствуют того, какое великое зло эта страсть, по той причине, что чрезмерно упиваются ею. Эта страсть до того искоренила в них добрые расположения и так возобладала над ними, что не почитается даже у этих неистовых людей и тяжким преступлением. Но не угодно ли вам, оставивши воинов, посмотреть на других, более кротких? Обратимся, например, к художникам и ремесленникам. Кажется, эти люди преимущественно пред другими снискивают пропитание справедливыми трудами и собственным потом; но и они, при всех трудах своих, подвергаются многим порокам, когда бывают невнимательны к себе самим. К праведным трудам своим они часто присовокупляют неправедную продажу и куплю; из корыстолюбия лгут, клянутся и нарушают клятву. Они заботятся только о настоящей жизни, прикованы к земле: все делают из корыстных видов и, желая умножить свое имение, мало пекутся о подании помощи нуждающимся. Кто может изобразить употребляемые при этом злословия, обиды, барыши, проценты, договоры, коварно заключаемые бесчестные торговые дела?

[5] 3. Впрочем, если вам угодно, оставим и этих, и перейдем к другим, – более, по-видимому, справедливым. Кто же это? Это те, которые владеют поместьями и собирают богатство от плодов земли. Но можно ли найти кого несправедливее их? Если посмотрите, как они поступают с бедными, несчастными земледельцами, то увидите, что свирепость их превышает жестокосердие варваров. Тогда как земледельцы истаивают от голода, изнуряют себя всю жизнь трудами, – они непрестанно налагают на них новые тяжкие оброки, определяют их к самым трудным работам и употребляют их вместо ослов и лошаков, и даже вместо камней. Не давая им ни малейшего отдыха, и во время плодородия, и во время бесплодия равно угнетают их и никакой пощады им не оказывают. Есть ли кто-нибудь несчастнее этих бедняков, которые трудясь всю зиму, проводя ночи на холоде, под дождем, без сна, и за все это не получая никакой платы, но еще задолжавши, принуждены бывают убегать от своих господ, не столько спасаясь и боясь голода и домашнего расстройства, сколько мучений, насилия, истязаний, тюрьмы и неизбежных работ – от управителей? Что сказать о торгах, чрез них производимых, и о неправедных прибытках, отсюда получаемых? Господа, их притесняющие, наполняя свои точила и подточилия от трудов и пота их, не позволяют этим беднякам брать в свои дома ни малейшей части; но весь плод от винограда вливая в свои неправедные сосуды, бросают им за это самую малую плату. Они выдумывают новые роды процентов, недозволенные законами даже у язычников; составляют самые бесчестные долговые акты, в которых требуют не сотой части, но половины всего имения от должника; и хотя бы последний имел жену, воспитывал детей, хотя бы был человек бедный и собственными трудами собирал в

свое гумно и точило, – они об этом не размышляют. Потому уместно здесь привести слова пророка: «ужаснися небо, и убойся земля!» (Иер.2:12) До какого неистовства дошел род человеческий! Говоря обо всем этом, я не осуждаю искусств, земледелия, воинского звания, поместьев, – но нас самих. И Корнилий был сотником, и Павел был скинотворцем, и после проповеди занимался своим ремеслом, и Давид был царем, и Иов был господином большого имения и получал великие доходы; но все это никому из них не послужило препятствием к добродетели. Итак, рассмотревши все это и вспомнивши о тьме талантов, потщимся хоть поэтому прощать ближнему малочисленные и неважные оскорбления. Мы должны дать отчет в исполнении предписанных нам заповедей; но мы не в состоянии исполнить всего, что бы мы ни делали. Поэтому Бог и дал нам легкое и удобное средство к уплате совершенно всех наших долгов, – то есть, забвение обид. А чтобы лучше уразуметь это, выслушаем всю притчу по порядку. «Приведен был, – говорит Спаситель, – к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов; а как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей» (Мф.18:24–25). Почему же велел и жену продать? Не по жестокости или бесчеловечию (в таком случае раб его потерпел бы новый урон, так как тогда и жена сделалась бы рабою), но по особенному намерению. Таким строгим повелением хотел устрашить раба своего, и тем побудить его к покорности, без всякого намерения продать. Если бы он имел это в виду, то не внял бы его просьбе и не оказал бы ему своего милосердия. Но почему же он не сделал этого, и не простил ему долга прежде такого повеления? Чтобы вразумить его, сколько долгов он прощает ему, и чрез это заставить его быть снисходительнее к своему товарищу,

который был должен ему. В самом деле, если он и тогда, как узнал и тяжесть своего долга, и великость прощения, стал душить своего товарища, то до какой бы жестокости не дошел он, если бы наперед не был вразумлен этим средством? Как же на него подействовало это средство? «Потерпи на мне, – говорит он,– и все тебе заплачу» (Мф. 18:26). Господин же его, «умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему» (Мф. 18:27). Не открывается ли и здесь опять его чрезмерное человеколюбие? Раб просил только отсрочки времени, а он дал ему более просимого: он отпустил ему весь долг и простил его. Господин и прежде хотел простить долг рабу своему, но не хотел, чтоб это было одним только даром его, – но и следствием покорности раба, чтобы и со стороны его что-нибудь было сделано для получения награды. Впрочем причина прощения показывает, что все это зависело от самого господина, хотя раб припадал к нему с своим прошением. «Умилосердившись над рабом тем, -:сказано,– отпустил его». Однако же господин так поступил, чтобы и со стороны раба была причина прощения ему долга (иначе он был бы совершенно посрамлен), и чтобы, научившись собственным несчастием, был снисходительнее к своему товарищу.

6 4. И действительно, в это время раб был добр и чувствителен: он ни от чего не отрекся, – дал обещание заплатить долг свой, припал к господину с прошением, возгнушался грехами своими и познал великость своего долга. Но последующие его поступки совершенно не соответствуют прежним. Выйдя же тотчас, – не чрез несколько времени, но *тотчас*, еще живо ощущая благодеяние, ему оказанное, – он во зло употребил и дар, и свободу, ему данную. «Нашел, – говорится, – одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев,

и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен» (Мф. 18:28). Не очевидно ли человеколюбие господина, не очевидна ли и жестокость раба? Заметьте это, поступающие так из-за прибытков! Если не должно так поступать во внимание к греху, то тем более из-за прибытков. Итак, что же сказал должник? «Потерпи на мне, и все отдам тебе» (Мф. 18:29). Но тот не тронулся этими словами, которые спасли его самого: ведь и он, сказав то же самое, прощен был в десяти тысячах талантов; он не вспомнил о пристани, спасении его от потопления; та же самая просьба не напомнила ему о человеколюбии господина. Но по любостяжанию, жестокосердию и злобе, пренебрегши всем этим, душил своего товарища с жестокостью, несвойственною даже диким зверям. Что ты делаешь, человек? Или не чувствуешь собственного обольщения? Не вонзаешь ли меч в самого себя, вооружая против себя милость господина и отпущение им долга? Но он нимало об этом не размышлял, подобного случая, бывшего с ним, не припомнил, а потому и не сделал должнику своему никакого снисхождения, хотя последний просил о долге и не так важном. Сам он просил господина о прощении десяти тысяч талантов, а этот только о сотне динариев; последний просил у равного себе, а тот у господина. Сам он получил совершенное прощение, а товарищ просил только отсрочки времени, но он и в этом отказал ему, – потому что сказано: «посадил его в темницу…Товарищи его, видев происшедшее» (Мф. 18:30–31), обвинили его пред господином. Даже и людям это было неприятно: что сказать о Боге? Так негодовали на него не имеющие на себе долга! Что же сказал господин? «Злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я

помиловал тебя» (Мф. 18:32–33)? Примечай опять кротость господина! Он судится с рабом своим и как бы защищается, намереваясь уничтожить свой дар (или лучше, не он уничтожил, но сам получивший), а потому и говорит: «Весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего»? Хотя и тяжким для тебя кажется простить долг ближнему своему, но ты должен обратить внимание и на ту пользу, которую ты уже получил и имеешь получить; хотя и тяжко повеление, но надлежало помыслить о награде за исполнение его. Притом товарищ не оскорблял тебя, напротив ты оскорбил Бога, простившего тебя за одно только прошение твое. Если бы даже он и оскорбил тебя, и для тебя несносно быть ему другом, то еще несноснее попасть в геенну. Если бы ты то и другое сравнил между собою, то увидел бы, что первое гораздо легче последнего. Когда он был должен десять тысяч талантов, господин не называл его лукавым, и не укорял его, но помиловал его. Как же скоро он поступил жестоко с своим товарищем, то господин сказал: «Злой раб!» Слушайте, лихоимцы (к вам слово)! Слушайте, безжалостные и жестокие! Вы жестоки не для других, но для самих себя. Когда ты питаешь злобу, то знай, что ты питаешь ее к самому себе, а не к другому, обременяешь самого себя грехами, а не ближнего. Что бы ты ни делал последнему, все это сделаешь как человек, и притом в настоящей только жизни; но Бог не так поступит: Он подвергнет тебя большему и вечному мучению в жизни будущей. «Отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга» (Мф. 18:34), – т. е. навсегда, потому что он никогда не будет в состоянии заплатить своего долга. Если благодеяние тебя не сделало лучшим, то остается исправлять тебя наказанием. Хотя благодеяния и дары

Божии непреложны, но злоба так усилилась, что нарушила и этот закон. Итак, что хуже памятозлобия, когда оно может лишить нас столь великого дара Божия? Господин не только предал раба своего мучителям, но и прогневался на него. Когда он приказывал его продать, то приказание дано было без гнева; Потому-то он не исполнил последнего, и это служит яснейшим доказательством его человеколюбия. Но теперь делается определение с великим негодованием, определение мести и наказания. Итак, что означает эта притча? «Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его» (Мф. 18:35). Не говорит: Отец ваш, но: «Отец Мой», – потому что недостойно называться Богу Отцом столь лукавого и столь человеконенавистного раба.

[7] 5. Итак, требование Спасителя двоякое: чтобы мы чувствовали свои грехи, и чтобы прощали другим. Чувствовать свои грехи нужно для того, чтобы удобнее было прощать их другим (так как размышляющий о собственных грехах снисходительнее бывает к ближнему). Прощать же другим мы должны не словами только, но от чистого сердца. Итак, не будем же обращать против самих себя меча своим памятозлобием. Чем и в такой ли мере причинит тебе зло оскорбивший тебя, сколько ты сам себе причинишь, питая в себе гнев и подвергаясь за то осуждению от Бога? Если ты будешь рассудителен и любомудр, то зло обратится на главу оскорбившего, и он жестоко пострадает. Если же ты будешь оскорбляться и негодовать, то сам пострадаешь, – не от него, а от самого себя. Итак, не говори, что другой оскорбил тебя и оклеветал, и причинил большое зло: чем больше будешь говорить, тем более покажешь, что он твой благодетель. Он доставляет тебе случай освободиться от грехов, так

что, чем больше наносит тебе обид, тем больше становится причиною очищения грехов твоих. Действительно, если мы захотим, нас никто не может обидеть; самые даже враги величайшую доставят нам пользу. Но что говорить о людях? Может ли кто быть лукавее дьявола? Но и он может доставить нам удобнейший случай к нашей славе, как это показывает пример Иова. Если же дьявол доставляет случай получать венцы, то для чего бояться врага – человека? Смотри, сколько получаешь ты пользы, перенося безропотно обиды от врагов: первая и важнейшая – отпущение грехов; вторая – терпение и великодушие; третья – кротость и человеколюбие, так как тот, кто не способен гневаться на оскорбляющих его, тем более будет кроток в отношении к любящим его; четвертая – совершенное истребление гнева, с чем никакое благо не может сравняться, так как свободный от гнева без сомнения свободен и от неприятностей, с ним соединенных, и не проводит жизни в напрасных огорчениях и муках. Не умеющий враждовать не знает и печали, но наслаждается радостью и другими бесчисленными благами. Итак, ненавидя других, мы сами себя наказываем, равно как любя других, благодетельствуем сами себе. Притом тебя будут уважать все, даже и сами враги, хотя бы они были демоны; вернее же сказать, поступая таким образом, ты уже не будешь иметь и врага. Но что всего важнее, ты приобретешь милосердие Божие. Если ты согрешил, получишь прощение грехов своих; если прав, получишь большее дерзновение к Богу. Итак, не будем питать ненависти ни к кому, чтобы и самим заслужить любовь от Бога, – и тогда, хотя бы мы десятью тысячами талантов были должны, Он умилосердится над нами и помилует нас. Но ты обижен ближним? Потому-то и будь снисходителен к нему; не

питай ненависти; плачь и рыдай, а не презирай его: ведь не ты прогневал Бога, но он; а ты, перенесши обиду, поступил достохвально. Припомни, что и Христос, идя на крестную смерть, о Себе радовался, а о распинателях Своих плакал: подобным образом и нам надлежит поступать. Чем более нас обижают, тем более мы должны оплакивать обидевших нас; для нас отсюда происходит великое благо, для них же, напротив, великое зло. Но ближний тебя обидел при всех, и даже ударил? Это значит лишь, что он при всех обесчестил и посрамил самого же себя, и тысячу обвинителей вооружил против себя, тебе же, напротив, приготовил многие венцы и дал многих глашатаев твоего великодушия. Но он оклеветал тебя пред другими? Что тебе и до этого, когда Сам Бог будет рассматривать твое дело, а не те, которые слышали клевету? Он только прибавил лишний повод для своего наказания, так как должен будет дать ответ не только за свои поступки, но и за то, что осудил тебя. Тебя он оклеветал пред людьми, а сам сделался виновным пред Богом. Если же для тебя этого недостаточно, то вспомни, что и Сам Владыка был оклеветан и от сатаны, и от людей, и притом пред теми, которых Он наиболее любил. То же самое испытал и единородный Сын Его, Который потому и сказал: «Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его» (Мф. 10:25)? И не только оклеветал Его злой тот демон, но даже успел клевету свою выдать за истину, и оклеветал не в маловажном чем-нибудь, но в величайших и позорных преступлениях: называл Его и беснующимся, и льстецом, и противником Богу. Но ты, оказав благодеяния ближнему, терпишь от него обиду? Поэтому-то особенно плачь и болезнуй о причинившем тебе зло, а о себе радуйся: ты уподобился Богу, «Он повелевает солнцу

Своему восходить над злыми и добрыми» (Мф. 5:45). Но если подражание Богу превосходит твои силы (хотя для ревностного и это не трудно, но пусть тебе кажется это сверх твоих сил), то мы укажем тебе пример для подражания в подобных тебе рабах. Посмотри на Иосифа: он хотя претерпел бесчисленные бедствия от своих братьев, однако же, облагодетельствовал их; посмотри на Моисея, который, после бесчисленных против него злоумышлений иудеев, молился за них; посмотри на блаженного Павла, который, не мог даже исчислить страданий, какие потерпел он от иудеев, и при всем том желал еще быть за них под анафемою; посмотри на Стефана, который, будучи побиваем камнями, молился об отпущении греха этим убийцам. Припомнив все это, оставь всякий гнев, чтобы и тебе Бог оставил все прегрешения твои, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 62

[1] «Когда Иисус окончил слова сии, то вышел из Галилеи и пришел в пределы Иудейские, за Иорданскою стороною». (Мф. 19:1)

[2] Злоба и коварство фарисеев. – Нерасторжимость брака. – Христос научает предпочитать девство браку. – Отсечение членов – дело дьявольское. – Необходимость благодатной помощи для избирающих девство. – Должно уподобляться по душевным свойствам детям. – Незлобивый сильнее злого. – Примеры Давида и Саула. – Страсти причиняют вред обладаемым ими в настоящей жизни.

[3] 1. Иисус Христос, часто оставляя Иудею по причине ненависти к Нему жителей, ныне опять приходит туда, так как приближалось время Его страдания. Впрочем в самый Иерусалим не входит еще, но посещает только пределы иудейские. За Ним «последовало много людей, и Он исцелил их там» (Мф. 19:2). Он не занимается исключительно ни одною только проповедью, ни одним только чудотворением, но то тем, то другим попеременно, представляя различные средства ко спасению неотлучным Своим последователям, чтобы посредством знамений приобрести доверие к Себе как учителю и веру к Своей проповеди, а посредством учения умножить пользу знамений. А это сделано Им было с тою целью, чтобы привести Своих слушателей к богопознанию.

Заметь и то, что ученики вообще говорят о людях, следовавших за Иисусом, не называя по имени каждого из тех, которые исцелились. Они не говорят: такой-то или другой, но: «много», – чтобы научить смирению. Христос благодетельствовал и многим другим: исцеление немощи первых представляло случай к богопознанию последним. Только не фарисеям. Напротив, последние от этого еще более ожесточаются, и приходят к Нему с искушением. Так как они не могли уловить Иисуса Христа в делах, то предлагают Ему для разрешения вопросы. Приступив, говорится, «к Нему… и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею» (Мф. 19:3)? Какое безумие! Они хотели заградить уста Его своими вопросами, хотя уже видели доказательство такой Его силы! Когда фарисеи с Иисусом Христом много рассуждали о субботе (Мф. 12), когда говорили, что Он богохульствует (Мф. 9:3), беса имеет (Ин. 10:20), когда укоряли учеников Его, по случаю прохождения их по насеянным полям, когда рассуждали о неумытых руках (Мф. 12:2), – везде, заградив им уста и связав бесстыдный язык, Он таким образом отпускал их. И все-таки они Его не оставляют. Такова злость и такова зависть, – бесстыдна и дерзостна; хотя тысячу раз отразишь ее, она опять столько же раз будет нападать!

4 Но заметь злость в самом вопросе. Не говорят Ему: Ты велел не оставлять жену, – потому что об этом законе уже говорено было; они не вспомнили этих слов, а с намерением удалились от них, и с коварным умыслом, желая более уловить Его и поставить в необходимость противоречить закону, – не говорят: для чего Ты установил тот, или другой закон? а как будто бы не было говорено ни о каком законе, – спрашивают: «позволительно»? думая, что Он забыл Свои слова, и

готовясь, если Он скажет, что следует отпускать, обратить против Него собственные Его слова и сказать: для чего же Ты говорил прежде не так? – а если повторит прежние свои слова, то противоположить ему закон Моисеев. Что же Он им отвечает? Он не сказал: «Что искушаете Меня, лицемеры» (Мф. 22:18)? Хотя после так говорит, но здесь этого не сказал. Почему же? Для того, чтобы вместе с Своим могуществом показать кротость. Он не во всяком случае молчит, чтобы не подумали, что Ему неизвестно; не всегда и обличает, чтобы научить нас, что все должно переносить с кротостью. Как же Он отвечает им? «Не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19:4–6). Подивись мудрости учителя! На вопрос: «позволительно (*аще достоит*)?» Он не тотчас отвечал: не должно! чтобы они не возмутились и не наделали шуму; но прежде решительного ответа Он предварительно сделал его уже очевидным, объяснив, что и Его повеление есть заповедь Отца Его, и что Он установил ее, не противореча Моисею, а в полном согласии. Заметь, что Он утверждает Свои слова не только тем, что Бог сотворил мужа и жену, но и заповедью, которую Он произнес после их сотворения; Он не сказал, что Бог только сотворил одного мужчину и одну женщину, но и то, что велел им – одному и одной – между собою соединиться. А если бы Бог хотел, чтоб жену оставляли и брали другую, то сотворил бы одного мужчину, и многих женщин. Итак, как образом творения, так и определением закона Иисус Христос показал, что муж с женою должны соединиться навсегда, и никогда не

разлучаться. И смотри, как говорит: «Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их», то есть: так как они произошли от одного корня, то и должны соединиться в одно тело: «Будут, – говорит,– два одною плотью». Потом, представляя, как страшно нарушать это повеление, и утверждая закон, не сказал: итак не расторгайте, не разделяйте, но: «что Бог сочетал, того человек да не разлучает». Если ты ссылаешься на Моисея, то я указываю на Господа Моисеева, и притом утверждаю древностью установления. Бог «Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их». И этот закон есть самый древний (хотя и вводится, по-видимому, теперь только Мною), и установлен с особенным тщанием. Не просто Бог привел мужа к жене, но велел оставить и матерь, и отца; и не просто приказал прийти к жене, а прилепиться, – самими словами показывая нерасторжимость. Но и этим не удовольствовался; Он еще потребовал другого соединения, теснейшего: «Будут, – говорит, – два одною плотью».

5 2. Таким образом, изложив древний закон, делом и словом установленный, и доказав его достоверность тем, Кто дал его, Он со властью далее изъясняет его, и усиливает словами: «Так что они уже не двое, но одна плоть». Следовательно, как рассекать плоть есть дело преступное, так и разлучаться с женою – дело беззаконное. И на этом еще не остановился, но в подтверждение указал на Бога, говоря: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает». Этими словами Он показывает, что разводиться – дело противное как природе, так и закону: природе, поскольку рассекается одна и та же плоть; закону, поскольку вы покушаетесь разделить то, что Бог соединил и не велел разделять. Что же после этого должно было делать? Не замолчать ли, и

не похвалить ли сказанного? Не подивишься ли мудрости? Не изумишься ли такому согласию с Отцом? Но фарисеи ничего этого не делают, а опять продолжают спорить, и говорят: «Как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею» (Мф. 19:8)? Хотя не они Ему должны были сделать такое возражение, а Он им, но Он не нападает на них, не говорит им и того, что не Я виновен в этом, но разрешает и это возражение. И если бы Он не был согласен с древним законом, то не вошел бы в спор за Моисея; не утверждался бы на том, что вначале однажды установлено; но старался бы доказать, что Его слова согласны с древним законом. Но Моисей заповедал много и другого, например, о пище и о субботе. Почему же они не указывают Ему на эти предписания, подобно тому, как делают это в настоящем случае? Потому что желают вооружить против Него народ. У иудеев развод был обычным явлением, и все им пользовались. Поэтому-то из всех заповедей, о которых было говорено на горе, они теперь и вспомнили только об этой. Но неизреченная Мудрость и эту заповедь защищает, и говорит: «Моисей по жестокосердию вашему» (Мф. 19:8) положил такой закон. Спаситель не допускает порицать и Моисея, поскольку Он сам дал ему этот закон; но освобождает его от осуждения, и все обращает против фарисеев, как и везде Он это делает. Так, когда они обвиняли учеников в том, что они срывают травы, Он показал, что и они не чужды обвинения; и когда они называли преступлением, – есть неумытыми руками, Он показал, что они сами преступники. Так поступил Он говоря о субботе, так поступал везде, так и здесь. Затем, – так как слова Его были для них несносны и весьма укоризненны, то Он тотчас обращает Свою речь к древнему закону, говоря то же, что и прежде сказал: «А

сначала не было так», то есть, вначале самым делом Бог дал нам закон противоположный, чтобы они не сказали: откуда известно, что Моисей сказал это по жестокосердию нашему? Христос опять заставляет их этим молчать. В самом деле, если бы этот закон дан был раньше и был полезен, то тот не был бы дан вначале, и Бог, сотворивший человека, не сотворил бы его таким образом (т. е. в лице только мужа и жены), и Христос не сказал бы: «Но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, [тот] прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует» (Мф. 19:9). После того, как заставил их молчать, Он, как Господь, поставляет закон, подобно тому, как Он сделал это, когда рассуждал о пище и о субботе. Как тогда, опровергнув их по отношению к закону о пище, начал говорить народу, что «не то, что входит в уста, оскверняет человека» (Мф. 15:11), равно, посрамив их по отношению к закону о субботе, сказал: «Итак можно в субботы делать добро», – так и здесь. Но что там случилось, то и здесь. Как там, после посрамления иудеев, ученики смутились и, подошедши к Нему с Петром, говорили: «Изъясни нам притчу» (Мф.13:36), – так и здесь, смутившись, говорили: «Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться» (Мф.19:10). Но теперь они лучше поняли сказанное, нежели прежде. Поэтому-то тогда они замолчали, а теперь, поскольку возражение было опровергнуто, вопрос решен и закон сделался яснее, вопрошают Его. Явно противоречить они не осмеливаются, а предлагают лишь то, что из сказанного им кажется важным и трудным. «Если такова, – говорят они, – обязанность человека к жене, то лучше не жениться». Им казалось, что слишком несносно иметь

жену, исполненную всякого зла, и терпеть при себе постоянно неукротимого зверя.

[6] 3. Что точно ученики смутились, это показал Марк, говоря, что они наедине спрашивали об этом Иисуса. Что же значат их слова: «Если такова обязанность человека к жене»? То значат: если муж с женою для того соединились, чтобы составлять одно; если муж так этим обязан, что он всякий раз, как скоро оставляет жену, поступает против закона, – то легче сражаться с пожеланием природы и с самим собою, нежели с злою женою. Что же сказал Христос на это? Не сказал: «да, точно, легче», – и это для того, чтобы не подумали, что это дело законное, – но произнес: «Не все вмещают слово сие, но кому дано» (Мф. 19:11). Этим самым Он возвышает предмет, представляет его великим и, таким образом, привлекает и побуждает к нему. Но обрати здесь внимание на противоречие: Он называет это великим, а они легким. В самом деле, то и другое нужно было. Ему надобно было назвать это великим для того, чтобы сделать их усерднейшими, а они должны были своими словами показать легкость этого, чтобы и по этой причине преимущественно избрать девство и целомудрие. Так как речь о девстве могла показаться им очень тяжкою, то Он непременяемостью брачного закона возбудил в них желание девства. Далее, доказывая возможность безбрачной жизни, говорит: «Есть скопцы, которые из чрева матернего родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного» (Мф. 19:12). Неприметно возбуждая в них этими словами желание к избранию девства, и убеждая в возможности этой добродетели, Он как бы так говорит: представь себе, что ты таков от природы, или сделался таковым чрез

насилие других: что бы ты стал делать, лишившись наслаждения и не получая за то награды? Итак, благодари Бога, что для награды и венцов терпишь то, что терпят другие, не имея их в виду. Притом это еще облегчается, когда ты подкрепляешь себя надеждою, и сознанием добродетели, и не увлекаешься пожеланием, сильно волнующим тебя. Подлинно не столько отсечение члена, сколько сила ума может укрощать подобные волны и водворять тишину. Итак, чтобы научить учеников, Христос перечислил роды скопцов. Если бы Он не имел этой цели, то для чего бы Ему было перечислять других скопцов? Когда же Он говорит: «сделали сами себя скопцами», то разумеет не отсечение членов, – да не будет этого! – но истребление злых помыслов, потому что отсекший член подвергается проклятию, как говорит Павел: «О, если бы удалены были возмущающие вас» (Гал. 5:12)! И весьма справедливо. Таковой поступает подобно человекоубийцам; содействует тем, которые унижают творение Божие; отверзает уста манихеев и преступает закон, подобно тем из язычников, которые отрезывают члены. Отсекать члены искони было дело дьявольское и злоухищрение сатаны, чтобы чрез это исказить создание Божие, чтобы нанести вред человеку, созданному Богом, и чтобы многие, приписывая все не свободе, а самим членам, безбоязненно грешили, сознавая себя как бы невинными; отсечение членов измышлено было, таким образом, для того, чтобы причинить человеку сугубый вред: как отсечением членов, так и поставлением препятствий воле делать добро. Все это измыслил дьявол, который, желая расположить людей к принятию этого заблуждения, ввел еще и другое ложное учение – о судьбе и необходимости, и таким образом всячески старался уничтожить свободу, дарованную нам Богом, уверяя, что

зло есть следствие физической природы, и чрез это рассеивая многие другие ложные учения, хотя и скрытно. Таковы стрелы дьявольские! Поэтому, молю, убегайте такого преступления. К сказанному следует прибавить, что пожелания наши отсечением членов не только не укрощаются, но еще более раздражаются, – так как семя, находящееся в нас, другие имеет источники и другим образом возбуждается. Одни говорят, что пожелание происходит от мозга, другие – от чресл; а я говорю, что оно происходит не из иных источников, как от развращенной воли и невнимания к помыслам. Если воля целомудренна, то никакого не будет вреда от естественных движений. Итак, сказав о скопцах, как о тех, которые напрасно скопят себя, не будучи целомудренными в помыслах, так и о тех, которые ради царствия небесного сохраняют девство, Христос прибавляет: «могущий вместить, да вместит». И таким образом по неизреченной Своей кротости показывая, сколь важно соблюдение девства, и не заключая его в необходимых предписаниях закона, Он еще более воспламеняет в них любовь к нему. И этим самым Он показал совершенную возможность добродетели, чтобы тем сильнее возбудить в воле желание ее.

[7] 4. Но если это зависит от воли, то спросит кто-либо: для чего Он вначале сказал: «Не все вмещают слово сие, но кому дано»? Для того, чтобы ты с одной стороны познал, как велик подвиг, с другой – не представлял его для себя необходимым. Дано тем, которые хотят. А говорил Он таким образом для того, чтобы показать, сколь великую имеет нужду в божественной помощи тот, кто вступает на этот подвиг, – помощи, которую без сомнения получит желающий. Спаситель обычно употребляет это выражение, когда идет речь о чем-либо важном, как,

например, говорит: «Вам дано знать тайны» (Лк. 8:10). А что это истинно, видно и из настоящего места. В самом деле, если бы эта добродетель была только даянием свыше, и сами девственники от себя ничего не приносили бы, то напрасно бы Он обещал им Царствие Небесное и отличал их от других скопцов. Но обрати внимание на то, каким образом одни этим пренебрегают, а другие отсюда получают пользу: иудеи удалились, ничему не научившись, и не вопрошали, чтобы научиться чему-либо; ученики же отсюда получили пользу. «Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился; ученики же возбраняли им. Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное. И, возложив на них руки, пошел оттуда» (Мф. 19:13–15). Почему же ученики не допускали детей? Из уважения к Иисусу Христу. Что же Он? Чтобы научить их смирению и истребить гордость мирскую, берет детей, обнимает их, и таковым обещает царствие, – о чем и прежде Он говорил. Так и мы, если хотим наследовать небеса, всеми силами должны стараться стяжать добродетель смирения. Цель любомудрия в том и состоит, чтобы с мудростью соединять простоту. Это есть жизнь ангельская. Душа дитяти чиста от всех страстей; дитя не помнит обид и к обидевшим подбегает как к друзьям, как бы ничего не бывало; сколько бы мать ни наказывала свое дитя, оно всегда, однако же, ищет ее, и более всех любит ее. Представь ему царицу в диадеме: оно не предпочтет ее матери, облеченной в рубище, но еще более будет желать видеть последнюю в рубище, нежели царицу в богатой одежде. Свое оно различает от чужого не по бедности или богатству, но по любви. Дитя ничего более не требует, кроме необходимого, и коль скоро насытится молоком,

оставляет сосцы. Дитя не печалится, как мы, о потере денег и тому подобном; равно как не радуется подобно нам о таких скоропреходящих вещах; дитя не пристрастно к красоте телесной. Вот почему Христос и сказал: «Таковых есть Царство Небесное», чтобы мы по свободной воле делали то, что дети делают по природе. Так как фарисеи руководились в исполнении своих дел не иным чем, как хитростью и гордостью, то Он, обличая их и научая Своих учеников, повелевает последним везде быть простыми – как на высших, так и на низших степенях достоинства. Подлинно, ничто так не надмевает человека, как власть и преимущества. Между тем ученикам Христовым предстояли большие почести во всей вселенной; поэтому Спаситель и предупреждает их, не попуская им потерпеть что-либо человеческое и запрещая требовать почестей от народа, или гордиться пред ним. Хотя это и кажется маловажным, однако служит причиною многих зол. Так фарисеи, привыкши к гордости в отрочестве, впоследствии низринулись в бездну зол, требуя приветствий, председания, посредничества. Эти пороки ввергли их в безумное славолюбие, а последнее повергло их в нечестие. Вот почему они навлекли на себя проклятие за искушение Господа; дети же, как чистые от всех этих пороков, получили благословение. Уподобимся же и мы детям, и да будет злоба наша подобна злобе младенцев. Невозможно, невозможно, говорю, иначе увидеть небо; всякому нечестивому и лукавому непременно должно низринуться в геенну. Но еще прежде геенны, здесь мы потерпим крайнее зло. «Если буен, – говорит Писание, – то один потерпишь», если же добр, то будешь таковым для себя и для ближнего (Притч. 9:12). Вспомни, что и прежде так было. Кто был злее Саула, и кто проще и незлобивее Давида? Но кто из них

был сильнее? Не два ли раза Давид имел Саула в руках своих, и не оставлял ли он ему жизнь, когда мог отнять ее? Не пощадил ли его, когда имел его в своей власти, и как бы связанного в сетях и темнице? Хотя и другие подстрекали Давида, и сам он имел причину наказать Саула за его бесчисленные преступления, однако он отпустил его от себя, не причинив ему вреда. Саул со всем войском преследовал Давида, а последний блуждал с малым числом беглецов, лишенных всякой надежды, и перебегал с места на место; между тем беглец победил царя. И это оттого, что Давид вооружался простотою, а Саул злобою. В самом деле, можно ли представить кого злее Саула, искавшего убить вождя своего войска, который счастливо совершал все войны, одерживал победы, получал трофеи, сам переносил труды, а его украшал победными венцами?

[8] 5. Такова зависть! Она всегда строит козни добрым ближним, и страждущего ею терзает и окружает бесчисленными бедствиями. Жалкий Саул, пока Давид не ушел от него, не произносил в слезах таких жалостных слов: «Тяжело мне очень; Филистимляне воюют против меня, а Бог отступил от меня» (1Цар. 28:15). Пока Давид не удалился от него, дотоле не падал он на брани, но был в безопасности и славе, так как слава военачальника переходила на царя. Давид не был честолюбив, не искал свергнуть его с престола, но все исполнял для него и неусыпно заботился о нем. Это видно и из последующего. Может быть, не совсем знающие дело станут приписывать закону подчиненности то, что Давид воевал за Саула. Но после того, как Саул изгнал Давида из своего царства, что уже удерживало последнего в пределах повиновения, и заставляло удерживаться от войны с царем? Не все ли, напротив, располагало убить Саула? Не строил ли Саул

несколько раз козней против Давида? Не был ли он облагодетельствован этим? Не имел ли Давид права обвинить его? Не подвергалось ли опасности обещанное Давиду царствование, и даже самая жизнь его? Не принужден ли был Давид беспрестанно блуждать, бегать и трепетать за свою участь, доколе Саул был жив и царствовал? И однако, ничто не могло заставить Давида обагрить кровью свой меч. Видя Саула спящим, в полной своей власти, одного, среди своих воинов, касаясь главы его, подстрекаемый многими, которые говорили, что такой благоприятный случай есть определение Божие, Давид, замкнув уста подстрекавшим его, удержался от убийства и отпустил Саула живым и невредимым и, как бы телохранитель его и щитоносец, а не враг, обвинял воинов в предательстве царя. Что может сравниться с такою душою? Что – с такою кротостью? Об этом можно судить по вышесказанному; но еще более можно убедиться, если обратить внимание на то, что ныне бывает. Когда мы увидим нашу злость, тогда лучше познаем добродетель святых. Поэтому, умоляю вас, подражайте их ревности к добродетели. Если желаешь ты славы, и потому строишь козни ближнему, то тогда вполне приобретешь ее, когда, презрев эту славу, будешь удерживаться от коварства. Как для сребролюбивого приобретение богатства соединено с потерею, так и для славолюбивого домогательство славы соединено с бесславием. И если хотите, то и другое рассмотрим порознь. Так как мы нимало не страшимся геенны и нисколько не заботимся о царствии небесном, то по крайней мере, посмотрим на следствия того и другого в настоящей жизни. Скажи мне, кто достоин посмеяния: не тот ли, кто слишком домогается славы у людей? Кто достоин похвалы: не тот ли, кто совершенно пренебрегает

человеческой похвалой? Следовательно, если любовь к пустой славе соединена с поношением, и если тщеславный, гоняющийся за славою, не может скрыться, то и будет он непременно подвергаться поношению, и домогательство славы сделается для него причиною бесславия. И не за это только потерпит он бесчестие, но и за то, что бывает принужден делать много позорного и свойственного только самому последнему рабу. Равным образом и все те, которые до безумия пристращаются к корысти, обыкновенно получают вред, главным образом от своего недуга (они подвергаются многим обманам: малейшие выгоды причиняют большой вред, как говорит пословица). Так точно и сладострастному служит препятствием к наслаждению необузданная его страсть. С сладострастными и женоподобными мужьями жены обходятся как с рабами, и никогда не хотят обращаться с ними как с мужьями, но бьют их по щекам, плюют в лицо, во всем их проводят и обманывают, издеваются над ними и приказывают исполнять все свои желания. Точно также нет ничего презреннее и бесчестнее и человека надменного, славолюбивого и очень много о себе думающего. Люди, не привыкшие уступать свои права другим, ничему столько не сопротивляются, как человеку спесивому, надменному и славолюбивому. Притом гордый, чтобы удовлетворить своей страсти, надевая на себя личину, рабски пресмыкается пред высшими, ласкает и угождает им и несет рабство хуже всякого покупного раба. Итак, представляя все это, отвергнем эти страсти, чтобы и здесь не подвергнуться наказанию, и там не мучиться вечно. Будем любить добродетель. Тогда мы и здесь прежде еще царствия небесного приобретем великие блага, и по смерти насладимся благами вечными, коих все мы и да сподобимся, по благодати и

человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 63

[1] «Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?» (Матф. 19:16)

[2] Намерение вопрошавшего юноши. – Смысл и цель ответа Христа. – Приращение богатства усиливает страсть к нему. – Нужна особая помощь благодати, чтобы при богатстве жить благочестиво. – Христос не усвояет дела спасения одному Богу. – Как должно ослаблять страсть к богатству. – Богатство бывает причиною бедствий в здешней жизни. – Размышление о бедствиях и опасностях, соединенных с богатством, предохраняет от обольщения им.

[3] 1. Некоторые обвиняют этого юношу в том, будто он подошел к Иисусу с хитростью и лукавством, и притом с намерением искусить Его; но я скорее согласен назвать его сребролюбцем и невольником богатства, так как в этом же самом и Христос изобличил его. Укорять же юношу в лукавстве я отнюдь не намерен: не безопасно быть судьей того, чего мы не знаем, и особенно судьей – обличителем. Да и Марк отдалил такое подозрение, когда сказал о нем: «подбежал некто, пал перед Ним на колени и спросил Его»; и еще: «Иисус, взглянув на него, полюбил его» (Марк 10:17, 21). Отсюда видно, как велика власть богатства. Хотя бы мы в остальных отношениях и были добродетельны, богатство истребляет все эти добродетели. Вот почему и Павел справедливо назвал его

корнем всех зол: «корень всех зол есть сребролюбие», говорит он (1Тим. 6:10). Но почему Христос отвечает юноше такими словами: «никто не благ»? Юноша подошел к Нему как к простому обычному человеку и считал Его просто учителем иудейским; Иисус и беседует с ним как человек. И часто говорит Он приспособительно к мнениям обращавшихся к Нему; так, например: «мы знаем, чему кланяемся» (Иоан. 4:22); или: «если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно» (Иоан. 5:31). Итак, когда Он сказал: «никто не благ», то этим не хотел показать, что Он не благ. Да не будет этого! Ведь Он не сказал: почему ты называешь Меня благим? Я не благ; но: «никто не благ», т. е. никто из людей. Впрочем, Он этими словами не лишает благости и людей, но только отличает последнюю от благости Божьей, – почему и присовокупил: «только один Бог». Не сказал: только Отец Мой, чтобы мы знали, что Он не открылся юноше. Точно в таком же смысле назвал Он выше людей злыми, когда сказал: «если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим» (Матф. 7:11). И здесь назвал Он их злыми не с тем, чтобы изобличить во зле всю природу человеческую, – сказал: «вы», а не все люди, – а с тем, чтобы только сравнить благость Божью с благостью человеческой, почему и присовокупил: «тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него». Но говорят: что заставило Иисуса Христа, и какую Он имел цель так отвечать юноше? Без сомнения, ту, чтобы постепенно вести юношу к совершенству, отучить его от лести, отдалить от пристрастия ко всему земному и приблизить к Богу, возбудить в нем желание благ будущих и, наконец, научить его познанию истинного блага – источника и корня всех благ, и ему-то одному воздавать честь. Подобно этому же, когда Христос

говорит: не называйте учителя на земле (Матф. 23:8), говорит так по отношению к Себе, и чтобы научить, каково первое начало всего. Юноша показал немалое усердие, когда задал Иисусу Христу такой вопрос. В самом деле, тогда как одни приближались к Иисусу с намерением искусить Его, а другие по причине своих собственных или чужих болезней, он подходит к Нему и беседует о жизни вечной. Тучна была земля и способна к плодородию, но множество терния заглушало посеянное. Смотри, как он доселе готов был к выполнению того, что бы ни повелел Христос. Что мне делать, говорит юноша, чтобы наследовать жизнь вечную? Вот готовность его исполнить повеление Учителя! Если же юноша подошел бы к Иисусу Христу с намерением искусить Его, то это показал бы нам и евангелист, как он делает это в других случаях, например, в истории о законнике. Но если бы и сам юноша утаил свое намерение, то Христос не попустил бы ему утаиться: Он или явно, или намеками обличил бы его, чтобы мы не заключили, что юноша, обманув Его, утаился, и, таким образом, поругался над Ним. Сверх того, если бы юноша подошел к Иисусу с намерением искусить Его, то не отошел бы с печалью о том, что услышал. Никто из фарисеев никогда не испытал в себе такого состояния; напротив, все они, будучи опровергаемы Иисусом, еще более ожесточались против Него. Не так поступает юноша: он уходит с печалью. А это служит признаком того, что он подходил не с коварным намерением, хотя и не с совершенно чистым; желал наследовать жизнь вечную, а обладаем был страстью гораздо сильнейшей. Итак, когда Христос сказал: «если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди» (Матф. 19:17), – он, не медля, спрашивает: «какие»? И спрашивает не для того, чтобы искушать Иисуса, – нет, – а

думал, что, кроме заповедей закона, есть еще другие, которые будут его путеводителями в жизнь вечную. Так сильно было его желание спастись! Но когда Иисус пересказал ему заповеди закона, – «все это сохранил я от юности моей», говорит он; и на этом не останавливается, но снова спрашивает: «чего еще недостает мне» (Матф. 19:20)? И это тоже было знаком сильного желания им вечного спасения. Не маловажно то, что он не почитал себя докончившим дело своего спасения, а думал, что сказанного им еще недостаточно к получению желаемого. Что же Христос? Намереваясь предписать заповедь трудную, Он сначала предлагает награду за исполнение ее, и говорит: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мной» (Матф. 19:21).

[4] 2. Видишь ли, какую награду и какие венцы обещает Христос за этот подвиг? Если бы юноша искушал Его, то Он не сказал бы ему этого. А теперь и говорит, и, чтобы привлечь юношу к Себе, обещает ему великую награду, предоставляет все собственной его воле, прикрывая всем этим трудную сторону Своего повеления. Потому-то прежде, нежели говорит о подвигах и труде, предлагает юноше награду: «если хочешь быть совершенным», – и потом уже говорит: «продай имение твое и раздай нищим». Далее – опять награда: «и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мной», – так как следовать за Иисусом – великая награда. «И будешь иметь сокровище на небесах». Так как речь была о богатстве, то Спаситель повелевает юноше оставить все, показывая, впрочем, что Он не только не отнимает у него богатства, но еще и присовокупляет к нему новое, превышающее то, которое повелевает раздать, –

настолько превышающее, насколько небо превышает землю, и даже еще более. Под сокровищем же Он разумеет обильную награду, сокровище единственное, которого никто похитить не может, представляя его юноше насколько возможно по-человечески. Итак, не довольно презирать богатство; а надобно еще напитать нищих, и – главное – последовать за Христом, т. е. делать все то, что ни повелит Он, быть готовым на страдания и даже на смерть. «Если», говорит Он, «кто хочет идти за Мной, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мной» (Лук. 9:23). Конечно, заповедь проливать собственную кровь гораздо труднее заповеди оставить свое богатство; однако же, и исполнение последней немало способствует исполнению первой. «Услышав слово сие, юноша отошел с печалью» (Матф. 19:22). Вслед за тем, евангелист, желая показать, что он не без причины опечалился, прибавляет: «потому что у него было большое имение».

5 Действительно, не столько имеют препятствий на пути к спасению те, которые владеют немногим, сколько те, которые погружены в бездну богатства, – потому что страсть к богатству тогда бывает сильнее. И я никогда не перестану повторять, что приращение богатства более и более возжигает пламя страсти и делает богачей беднее прежнего: возбуждая в них беспрестанно новые пожелания, заставляет через то сознавать всю свою нищету. Смотри вот, какую силу и здесь показала эта страсть. Того, кто с радостью и усердием подошел к Иисусу, так помрачила она и так отяготила, что, когда Христос повелел ему раздать имение свое, он не мог даже дать Ему никакого ответа, но отошел от Него молча, с поникшим лицом и с печалью. Что же Христос? «Трудно богатому войти в Царство Небесное» (Матф. 19:23).

Христос этими словами не богатство порицает, но тех, которые пристрастились к нему. Но если трудно войти в Царство Небесное богатому, то, что сказать о любостяжателе? Если не давать от своего имения другому есть уже препятствие на пути к царствию, то представь, какой собирает огонь тот, кто захватывает чужое! Но для чего же Христос сказал ученикам Своим, что трудно богачу войти в Царствие Небесное, когда они были бедны и даже ничего не имели? Для того чтобы научить их не стыдиться бедности и как бы оправдаться перед ними в том, почему Он прежде советовал им ничего не иметь. Сказав здесь, что неудобно богатому войти в Царство Небесное, далее показывает, что и невозможно, не просто невозможно, но и в высшей степени невозможно, что и объясняет примером верблюда и игольных ушей. «Удобнее», говорит, «верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божье». А отсюда видно, что немалая и награда ожидает тех, кто при богатстве умеет жить благоразумно. Потому Христос называет такой образ жизни делом Божьим, чтобы показать, что много нужно благодати тому, кто хочет так жить. Когда же ученики смутились, слыша Его слова, Он далее сказал: «человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Матф. 19:26). Но отчего смущаются ученики, будучи бедны, и даже слишком бедны? Что их беспокоит? Оттого, что имели слишком сильную любовь ко всему человечеству, и уже принимая на себя должность его учителей, страшились за других, за спасение всех людей. Эта-то мысль очень много и смущала их, так что они великую имели нужду в утешении. Потому Иисус, посмотрев сначала на них, сказал: «невозможное человекам возможно Богу» (Лук. 18:27). Кротким и тихим взором Он успокоил волнующие их мысли, и разрешил

недоумение (на это самое указывает и евангелист словами: «воззрев»), а потом ободряет их и словами, указывая на силу Божью, и, таким образом, возбуждая в них надежду. А если хочешь знать, каким образом и невозможное может быть возможным, то слушай. Не для того ведь сказал Христос: «невозможное человекам возможно Богу», чтобы ты ослабевал в духе и удалялся от дела спасения, как невозможного; нет, Он сказал это для того, чтобы ты, сознавая величие предмета, тем скорее принялся за дело спасения и, с помощью Божьей ступив на путь этих прекрасных подвигов, получил жизнь вечную.

[6] 3. Итак, каким же образом невозможное сделается возможным? Если ты откажешься от своего имения, раздашь его нищим и оставишь злые вожделения. Что Христос не приписывает дела спасения исключительно одному Богу, а сказал так для того, чтобы показать трудность этого подвига, это видно из следующего. Когда Петр сказал Христу: «вот, мы оставили все и последовали за Тобой», и потом спросил Его: «что же будет нам» (Матф. 19:27)? – то Христос, определив им награду, присовокупил: «и всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Матф. 19:29). Так невозможное делается возможным. Но как, скажут, все это привести в исполнение? Как может восстать тот, кем уже овладела ненасытная страсть к богатству? Если он начнет раздавать имение и разделять свои избытки, – через это он мало-помалу будет удаляться от своей страсти, и впоследствии поприще для него облегчится.

[7] Итак, если вдруг всего достигнуть для тебя трудно, то не домогайся получить все в один раз, но постепенно и мало-помалу восходи по этой лестнице, ведущей тебя на небо. Как страждущие горячкой, при умножающейся внутри их острой желчи, если принимают какую-либо пищу и питье, не только не утоляют жажды, но еще сильнее разжигают пламя, так точно и любостяжатели, по мере удовлетворения своей ненасытной страсти, которая острее самой желчи, еще более воспламеняют ее. Ничто не прекращает этой страсти так легко, как постепенное ослабление желания корысти, подобно тому, как малое употребление пищи и питья уничтожает действие желчи. А это, спросишь ты, как может быть? Не иначе, как если ты будешь представлять, что, непрестанно обогащаясь, ты никогда не перестанешь жаждать нового богатства и истаивать от желания большего, а, не прилепляясь к богатству, легко можешь остановить и самую страсть. Итак, не озабочивайся многим, чтобы не погнаться за тем, чего нельзя достигнуть, не заразиться неизлечимой болезнью и от того не сделаться несчастнее всех. Скажи мне, кто более мучится и терзается: тот ли, кто желает дорогих кушаний и напитков и не в состоянии удовлетворить своего желания, или тот, кто не имеет такого желания? Очевидно, тот, который сильно желает и не может получить желаемого. Состояние желающего и не получающего, жаждущего и не утоляющего своей жажды так мучительно, что и Христос, желая дать нам понятие о геенне, изображает ее точно так же, представляя в ней богатого среди пламени; последний, желая капли воды и не получая ее, жестоко мучился. Итак, кто презирает богатство, тот только подавляет в себе страсть к нему; напротив, кто желает обогатиться и умножить свое

имение, тот еще более воспламеняет ее, и никогда не в силах подавить. Последний, хотя бы собрал бесчисленное богатство, желает получить еще столько же; хотя бы удалось ему и это получить, и тогда он пожелает иметь еще вдвое более; и таким образом, более и более желая, он впадает в некоторый новый, ужасный и никогда неизлечимый род сумасшествия, которое заставляет его желать, чтобы и горы, и земля, и море, и вообще все претворилось для него в золото. Итак, знай, что не умножением богатства, но истреблением в себе страсти к нему прекращается зло. В самом деле: если бы тебе пришла когда-нибудь глупая страсть летать по воздуху, то, как бы ты истребил ее? Устройством ли крыльев и других, потребных к тому орудий, или путем рассуждения, что желание это невыполнимо, и что не следует даже и пытаться его исполнить. Очевидно, последним способом. Но летать, скажешь, невозможно. Но еще более невозможно положить предел страсти любостяжания; легче для людей летать, нежели умножением богатства прекратить страсть к нему. Если ты желаешь возможного, то можешь утешаться надеждой, что некогда это получишь; если же невозможного, то ты об одном только должен стараться, т. е. об истреблении такого желания, потому что иным образом нельзя доставить душе спокойствия. Итак, чтобы не напрасно нам беспокоиться, для этого, отвергнув постоянно терзающую нас и никогда не успокаивающуюся любовь к богатству, устремимся к другой, которая и гораздо легче может сделать нас блаженными, и возжелаем небесных сокровищ. Здесь труд не велик, а польза бесчисленная: никогда не может лишиться благ небесных тот, кто всегда бодрствует, трезвится и презирает земные блага,

напротив, тот, кто порабощен и совершенно предан этим последним, необходимо лишится первых.

[8] 4. Итак, размыслив обо всем этом, истреби в себе злую страсть к богатству. Ты не можешь даже сказать и того, что она доставляет блага настоящие, а лишает только будущих; да хотя бы это было и так, и это есть уже крайнее наказание и мучение. На самом деле, однако, нельзя сказать и этого. Страсть к богатству подвергает тебя жестокому наказанию не только в геенне, но еще и прежде ее, в настоящей жизни. Страсть эта разоряла многие дома, воздвигала жестокие войны и заставляла прекращать жизнь насильственной смертью. Да еще и прежде этих бедствий, она помрачает добрые качества души и часто делает человека малодушным, слабым, дерзким, обманщиком, клеветником, хищником, лихоимцем, и вообще имеющим в себе все низкие качества. Но, может быть, ты, смотря на блеск серебра, на множество слуг, на великолепие зданий и на уважение к богатству в собраниях, обольщаешься всем этим? Какое же средство против этой гибельной болезни? Собственное твое размышление о том, как это уязвляет твою душу, как помрачает ее и делает гнусной, безобразной и порочной; собственное твое размышление, с какими бедствиями соединено собирание богатства, с какими трудами и опасностями должно его беречь, вернее же – что его и нельзя уберечь до конца, а если и удастся сохранить от всяких хищений, то приходит смерть и передает твое богатство часто в руки врагов, а тебя самого похищает ничего не имеющего, кроме ран и язв, полученных от богатства, с которыми душа твоя переселяется в тот мир. Итак, если ты увидишь кого-нибудь облеченного блестящей одеждой и окруженного толпой телохранителей, то раскрой его совесть, – и ты найдешь

внутри его много паутины и увидишь много нечистоты. Представь Павла и Петра, представь Иоанна и Илию, и в особенности самого Сына Божьего, Который не имел, «где голову приклонить» (Лук. 9:58). Подражай Ему и его рабам и помышляй о неизреченном богатстве. Если же ты, несколько прозрев, опять помрачишься земными благами, подобно погибающим во время кораблекрушения, то припомни изречение Христа о том, что невозможно богатому войти в царство небесное. Вместе с этим изречением представь и то, что и горы, и земля, и море, словом все, если хочешь, превратились в золото, и ты увидишь, что ничто не может сравниться с тем вредом, который отсюда для тебя проистек бы. Ты укажешь на множество десятин земли, на десять, двадцать или, пожалуй, и более домов, на столько же бань, на тысячу или вдвое больше слуг, на посеребренные и позолоченные колесницы, а я скажу вот что. Если бы каждый из обогащающихся между вами, презрев эту нищету (ведь в сравнении с тем, о чем я намерен говорить, это есть нищета), приобрел весь мир, если бы каждый из них столько же имел у себя рабов, сколько теперь находится людей на земле, море и во всем мире, если бы каждый из них имел в своем владении и землю, и море, все здания, города и народы, и если бы для них из всех источников, вместо воды, текло золото, то и этих богачей я не счел бы стоящими даже трех оболов, – так как они лишаются Царства Небесного. Если они, желая тленных благ, мучатся, когда не получают их, то что может утешить их, когда они узнают цену будущих неизреченных благ? Совершенно ничто. Итак, помышляй не о множестве богатства, но о том вреде, которому подвергаются слишком пристрастившиеся к нему; они из-за него теряют небесные блага, и уподобляются тем,

которые, лишившись великой чести при царском дворе, остаются с кучей навоза, и даже еще гордятся этим. И подлинно, куча богатства ничем не лучше кучи навоза, даже еще хуже. Навоз годен и для земледелия, и для топления бань, и для других подобных нужд; золото же, закопанное в землю, совершенно бесполезно: да и дай Бог, чтобы оно было только бесполезно. Но оно в душе обладающего им воспламеняет как бы огненную печь, если не употребляется как должно. Каких зол оно не причиняет? Потому-то светские писатели и называли любостяжание верхом зла, а блаженный Павел гораздо лучше и с большей выразительностью назвал корнем всех зол. Итак, размышляя обо всем этом, поревнуем тому, что достойно ревности: не желая величественных зданий или дорогих поместий, поревнуем мужам, имеющим великое дерзновение к Богу, которые приготовили себе сокровище на небесах и наслаждаются им, мужам, которые поистине богаты, так как сделались бедными для Христа; поревнуем им, чтобы получить нам вечные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 64

[1] «Тогда Петр, отвечая, сказал Ему: вот, мы оставили все и последовали за Тобой; что же будет нам»? (Матф. 19:27)

[2] Бедность не препятствует быть совершенным. – Обетования Божии условны. – В каком смысле апостолам обещается суд над двенадцатью коленами. – Смысл и цель притчи о виноградаре и делателях. – Призвание зависит от готовности человека повиноваться Богу. – Для спасения нужны правая вера и добродетельная жизнь. – Пренебрежение одной какой-либо добродетели приводит к погибели. – Милосердие делает душу непобедимою для дьявола. – Не должно соблазняться примером ленивых.

[3] 1. Что это значит, блаженный Петр: «оставили все»? Уду, сети, корабль, ремесло? Это ли разумеешь ты под словом: «все»? Да, отвечает он. Но не честолюбие заставляет меня говорить так. Я хочу этим вопросом обратить людей бедных (к Господу). Так как Господь сказал: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах» (Матф. 19:21), то, чтобы кто из бедных не спросил: что же, если у меня нет имения, значит, я и не могу быть совершенным? – для того Петр предлагает вопрос свой Иисусу, чтобы ты, бедный, знал, что бедность

твоя нимало не вредит тебе. Петр спрашивает для того, чтобы не от Петра узнал ты истину, и сомневался (он и сам тогда был еще не совершен и не имел Духа), но чтобы, получив ответ от Учителя Петрова, был твердо уверен в ней. Как поступаем мы, когда, предлагая мнения других, часто усваиваем их себе, так поступил и апостол: он вместо всей вселенной предложил Иисусу этот вопрос. Свою участь он знал ясно, как это видно из того, что о нем было прежде сказано. Получив еще на земле ключи Царства Небесного, он тем более мог быть уверен в наследии благ. Но смотри, с какой точностью отвечает он на требования Христовы. Христос требовал от богатого двух вещей: чтобы он отдал имение свое нищим, и чтобы последовал за Ним. Поэтому и апостол указывает на эти же два действия: на оставление имения и последование за Иисусом. «Вот мы», говорит он, «все и последовали за Тобой». Оставление всего было нужно для последования: последование через оставление сделалось удобнее, и за то, что они оставили все, были исполнены надежды и радости. Что же отвечает Христос? «Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мной, – в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Матф. 19:28). Итак, что же? И Иуда будет сидеть на престоле? Нет. Как же Христос говорит: «сядете и вы на двенадцати престолах»? Как обещание это исполнится? Внимай, как и каким образом. Бог дал закон, через Иеремию пророка возвещенный иудеям, и гласящий: «иногда Я скажу о каком-либо народе и царстве, что искореню, сокрушу и погублю его. Но если народ этот, на который Я это изрек, обратится от своих злых дел, Я отлагаю то зло, которое помыслил сделать ему. А иногда скажу о каком-либо народе и царстве, что

устрою и утвержу его; но если он будет делать злое перед очами Моими и не слушаться голоса Моего, Я отменю то добро, которым хотел облагодетельствовать его» (Иер. 18:7–10). По тому же закону поступаю Я, говорит Он, и с добродетельными. Хотя Я и обещаю воссоздать их, но если они окажутся недостойными этого обещания, то Я не исполню его. Так случилось с человеком первозданным. «Да страшатся и да трепещут», сказал Господь, «вас все звери земные» (Быт. 9:2); но этого не исполнилось, так как человек сам себя показал недостойным такой власти. Так точно и Иуда. Но чтобы одни, устрашенные приговором наказания, не предались отчаянию и еще более не ожесточились, а другие, надеясь на обещание благ, не сделались совершенно беспечными, ту и другую болезнь Он врачует вышеупомянутым образом, как бы так говоря: буду ли Я угрожать тебе казнью, не отчаивайся, потому что ты можешь покаяться и уничтожить Мое определение, как сделали ниневитяне; буду ли обещать какое-либо благо, не ослабевай, надеясь на обещание, потому что если ты окажешься недостойным, то Мое обещание не только не принесет тебе никакой пользы, но еще и увеличит твое наказание. Я обещаю награду только достойному. Вот почему и тогда, беседуя с учениками Своими, Он не без условия дал обещание; не сказал просто: «вы», но присовокупил еще: «последовавшие за Мной», чтобы и Иуду отвергнуть, и тех, которые после имели обратиться к Нему, привлечь, – эти Его слова относились не к ученикам одним, и не к Иуде, который впоследствии времени сделался недостойным Его обещания. Итак, ученикам Господь обещал дать награду в будущей жизни, говоря: «сядете и вы на двенадцати престолах» (потому что они уже находились на высшей степени совершенства, и никаких земных благ не искали);

а другим обещает и настоящие блага: и «всякий», говорит, «кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную». Чтобы некоторые, слыша слово: «вы», не подумали, что сподобиться в будущей жизни величайших и первых почестей предоставлено одним ученикам, Он продолжил речь и распространил Свое обещание на всю землю, и обещая настоящие блага, уверяет в будущих. Господь и с учениками, вначале, когда они еще были несовершенны, начал беседу Свою представлением настоящих благ. Когда именно Он призывал их к Себе, от моря, и отвлекал от их ремесла, и повелевал оставить корабль, Он упоминал не о небесах, не о престолах, но о настоящих вещах, говоря: «Я сделаю вас ловцами человеков» (Матф. 4:19). Но когда возвел их на высшую степень совершенства, тогда говорит уже и о небесных благах.

[4] 2. Но что значат слова: «судить двенадцать колен Израилевых»? То, что они осудят их; апостолы не будут сидеть, как судьи; но в каком смысле сказал Господь о царице Южной, что она осудит род тот, и о ниневитянах, что они осудят их, в том же говорит и об апостолах. Потому и не сказал: «судить народы и вселенную», но: «колена Израилевы». Иудеи были воспитаны в тех же самых законах, и по тем же обычаям, и вели такой же образ жизни, как и апостолы. Поэтому, когда они в свое оправдание скажут, что мы не могли уверовать во Христа потому, что закон воспрещал нам принимать заповеди Его, то Господь, указав им на апостолов, имевших один с ними закон и, однако же, уверовавших, всех их осудит, как о том и раньше сказал: «посему они будут вам судьями» (Матф. 12:27). Что же, скажешь ты, великого в

Его обещаниях, если апостолы будут иметь то же, что имеют ниневитяне и царица Южная? Но Он еще прежде обещал им много других наград и после обещает. Не в этом одном только их награда. Впрочем, и в этом обещании заключается нечто большее перед тем, что сказано о ниневитянах и царице Южной. О последних Господь сказал просто: «Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, и Царица южная осудит» (Матф. 12:41–42). А об апостолах не говорит так просто. Но как говорит? «Когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах», – показывая этим, что и они вместе с Ним будут царствовать и участвовать в той славе. «Если терпим», говорит апостол, «с Ним и царствовать будем» (2Тим. 2:12). Престолы не означают седалища (так как Он один есть сидящий и судящий), но ими означается неизреченная слава и честь. Итак, апостолам обещал Господь эту награду, а всем прочим – живот вечный и сторичную мзду здесь. Но если все прочие, то тем более апостолы должны получить возмездие и там, и в здешнем веке. Так и сбылось. Оставив уду и сети, они имели во власти своей имущества всех людей, их дома, поля и даже самые тела верующих; многие готовы были даже умереть за них, как свидетельствует о том Павел, говоря: «если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне» (Галат. 4:15). Далее, словами: «всякий, кто оставит жену», Господь не внушает того, чтобы без причины были расторгаемы браки; но, как говоря о душе, что «потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Матф. 10:39), говорил это не для того, чтобы мы убивали самих себя и тотчас разлучали душу с телом, но для того, чтобы предпочитали всему благочестие, – так и здесь того же требует Он, повелевая оставить жену и братьев. Мне

кажется также, что Он говорит здесь еще и о гонениях. В то время многие отцы детей своих и жены мужей своих привлекали к нечестию. Итак, когда они от вас требуют этого, говорит Господь, оставьте и жену, и отца, о чем и Павел говорит: «если же неверующий хочет развестись, пусть разводится» (1Кор. 7:15). Возвысив, таким образом, апостолов и утвердив их в надежде награды, определенной и им самим и всей вселенной, Господь присоединил: «многие же будут первые последними, и последние первыми» (Матф. 19:30). Слов этих нельзя ограничивать некоторыми только лицами. Они относятся ко многим и другим; впрочем, в них говорится и о верующих, и о непокорных фарисеях, как и прежде о них же говорил Господь, что «многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю» (Матф. 8:11–12). Потом Господь предлагает и притчу, чтобы побудить к большей ревности тех, которые обратились к Нему после других. «Ибо Царство Небесное», говорит Он, «подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой и, договорившись с работниками по динарию на день, послал их в виноградник свой; выйдя около третьего часа, он увидел других, стоящих на торжище праздно, и им сказал: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, дам вам. Они пошли. Опять выйдя около шестого и девятого часа, сделал то же. Наконец, выйдя около одиннадцатого часа, он нашел других, стоящих праздно, и говорит им: что вы стоите здесь целый день праздно? Они говорят ему: никто нас не нанял. Он говорит им: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите. Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему:

позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых. И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию. Пришедшие же первыми думали, что они получат больше, но получили и они по динарию; и, получив, стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мной? возьми свое и пойди; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе; разве я не властен в своем делать, что хочу? или глаз твой завистлив от того, что я добр? Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных» (Матф. 20:1–16).

[5] 3. Что значит эта притча? Сказанное в начале не согласно с тем, что говорится в конце ее, но открывает совершенно противное. В ней Господь показывает, что все люди получают равные награды; а не говорит того, что одни изгоняются, а другие вводятся. Но прежде этой притчи и после нее Он говорил противное: «будут первыми последние и последними первые», то есть, последние будут выше и самых первых, которые уже не будут первыми, но сделаются последними. А что таков действительно смысл этого изречения, это видно из присоединенных к нему слов: «ибо много званых, а мало избранных», – которыми Господь вместе и первых укоряет, и последних утешает и ободряет. Но притча не то говорит, в ней говорится только, что последние равны будут мужам уже испытанным и много трудившимся. «Сравнял их с нами», говорится в ней, «перенесшими тягость дня и зной». Итак, что же значит эта притча? Нужно прежде объяснить ее, и тогда мы разрешим указанное противоречие. Виноградом называются в ней

повеления и заповеди Божьи, временем делания – настоящая жизнь, а делателями – те, которые различным образом призываются к исполнению заповедей Божьих; утро же, третий, шестой, девятый и одиннадцатый час – означают различные возрасты пришедших и получивших одобрение за труды свои. Но главное дело состоит в том: те первые, которые столько прославились и угодили Богу и весь день с особенной ревностью провели в трудах, не заражены ли сильнейшей страстью злобы, завистью и недоброжелательством? Видя, что и пришедшие после них получили такую же награду, они говорили: «эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной». Так они, не потерпев никакого убытка и получив сполна свою награду, досадовали и негодовали на то, что другие пользуются благами, – а это происходило от зависти и недоброжелательства. Но что всего важнее, сам Домовладыка, защищая тех и оправдывая свой поступок перед человеком, говорившим ему, обвиняет его в злобе и крайней зависти, говоря: «не за динарий ли ты договорился со мной? возьми свое и пойди; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе; или глаз твой завистлив от того, что я добр?» Итак, чему учат нас такие притчи? Не в этой только, но и в других притчах то же можно видеть. Так, например, и добрый сын впал в такую же душевную болезнь, когда увидел, что блудный брат его удостоился великой чести, и даже большей, нежели он. Как последним делателям винограда большая честь была оказана тем, что они первые получили награду, так и блудному сыну обилием даров сделано было предпочтение, о чем свидетельствует сам добрый сын. Что же следует сказать? То, что в Царстве Небесном нет ни одного человека, который бы производил такие споры

и жалобы, и быть не может, потому что там нет места ни зависти, ни недоброжелательству. Если святые и в настоящей жизни полагают души свои за грешников, то, видя их там наслаждающимися уготованными благами, они тем более радуются, и почитают это собственным блаженством. Итак, для чего Господь в таком образе предложил слово Свое? Это притча; а в притчах не нужно изъяснять все по буквальному смыслу, но, узнав цель, для которой она сказана, обращать это в свою пользу, и более ничего не испытывать. Для чего же так изображена эта притча, и какая цель ее? Такая, чтобы сделать ревностнейшими людей, которые в глубокой старости переменяют образ жизни и становятся лучшими, и чтобы освободить их от того мнения, будто они ниже других (в Царстве Небесном). Потому-то Господь и представляет, что другие с огорчением смотрят на их блага, не для того, чтобы показать, будто они истаивают от зависти и терзаются, – нет, – но чтобы уверить, что и поздно обратившиеся удостоятся такой чести, которая может породить в других зависть. Так часто делаем и мы сами, говоря: он меня обвиняет за то, что я тебя удостоил такой чести, – и говорим так не потому, чтобы, в самом деле, кто-либо обвинял нас, или чтобы нам хотелось оклеветать кого, но чтобы показать этим величие дара, коего другой удостоился. Но почему Он не всех вдруг нанял? Насколько мог, всех, а что не все вдруг Его послушались, это зависело от воли званных. Поэтому Он одних утром, других в третьем, иных в шестом, иных в девятом часу призывает, а некоторых даже в одиннадцатом, смотря по тому, когда кто готов был повиноваться Ему. Это объясняет и Павел, говоря: «избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своей, благоволил» (Гал. 1:15). Но когда благоволил? Тогда, когда он

готов был повиноваться. Сам Бог хотел этого от начала; но так как Павел не послушал бы Его, то Он тогда благоволил призвать его, когда последний и сам готов был покориться Ему. Так призвал Он и разбойника. Мог и прежде призвать его; но тогда он не послушал бы Его. Если Павел не послушал бы Его сначала, то тем более разбойник. Что же касается до слов делателей: «никто нас не нанял», то уже я сказал общую мысль, что не на все в притчах должно обращать внимание. А здесь это не нужно и потому, что говорящим представляется не сам Домовладыка, но трудившиеся. Он же не обличает их для того, чтобы не привести их в сомнение, но привлечь к Себе. А что Он звал всех, кого мог, в первом часу, это видно и из самой притчи, где сказано, что Он с утра вышел нанять.

[6] 4. Итак, из всего видно, что притча эта сказана как для тех, которые в первом возрасте жизни своей, так и для тех, которые в старости и позже начали жить добродетельно: для первых, чтобы они не возносились и не упрекали тех, кто пришел в одиннадцатый час; для последних, чтобы они познали, что и в короткое время можно все приобрести. Так как раньше Господь говорил о великой ревности, об оставлении имений и о пренебрежении всего находящегося на земле, а для этого потребно великое мужество и юношеская ревность, то чтобы возжечь в слушателях пламя любви и волю сделать твердой, Он показывает, что и после пришедшие могут получить награду за целый день. Этого, впрочем, Он не говорит, чтобы они опять не возгордились; но показывает, что все зависит от Его человеколюбия, по которому и они не будут отвергнуты, но будут удостоены вместе с другими неизреченных благ. И это-то составляет главную цель настоящей притчи. Если далее Он присовокупляет:

«так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных», – то не удивляйся этому. Это Он высказывает не как заключение, выведенное из притчи, а утверждает лишь то, что как сбылось одно, так сбудется и другое. Здесь первые не сделались последними, но все получили одну награду, сверх всякой надежды и ожидания. Но как здесь, сверх чаяния и надежды, сбылось то, что последние сравнялись с первыми, так сбудется и еще большее и удивительнейшее, т. е., что последние окажутся впереди первых, а первые останутся за ними. Итак, одно выражает притча, другое – послесловие. Кажется мне, что Он указывает здесь на иудеев и на тех из верных, которые, просияв сначала добродетелью, после ней вознерадели и опять обратились к пороку; равно как и на тех, которые, удалившись от беззакония, многих превзошли добродетелями. И, действительно, мы видим, что такие перемены случаются и в вере, и в образе жизни.

7 Потому умоляю вас, будем прилагать великое старание о том, чтобы нам пребывать и в правой вере и вести жизнь добродетельную. Если мы с верой не соединим достойной жизни, то подвергнемся жесточайшему наказанию. Это подтвердил блаженный Павел опытом древних времен, когда он, говоря об израильтянах, что «все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питье» (1Кор. 10:3–4), присоединяет далее, что они не спаслись: «ибо они поражены были в пустыне» (1Кор. 10:5). И сам Христос в Евангелии подтвердил то же, когда сказал, что некоторые люди, изгонявшие бесов и пророчествовавшие, осуждены будут на казнь. Да и все притчи Его, как то: притча о девах, о неводе, о тернии, о дереве, не приносящем плода, требуют, чтобы мы были добродетельны на деле. О догматах Господь редко

рассуждает (так как верить им не трудно), но о жизни добродетельной – очень часто, или лучше сказать, всегда, так как на поприще ее предстоит всегдашняя брань, а потому и труд. И что я говорю о совершенном пренебрежении добродетели? Даже нерадение о малейшей части ее подвергает великим бедствиям. Так небрежение о подаянии милостыни ввергает небрегущего о том в геенну, хотя это не вся добродетель, а только часть ее. И, однако, девы за то, что не имели этой добродетели, были наказаны, и богач за то же страдал в пламени, и все те, которые не напитали алчущего, осуждаются с дьяволом. Равным образом, и не укорять других есть малейшая часть добродетели, – однако же, кто ее не исполняет, тот изгнан будет из Царства. «Кто же скажет брату своему», говорит Писание, «безумный, подлежит геенне огненной» (Матф. 5:22). И целомудрие, опять, есть часть добродетели; но без нее никто не увидит Господа: Писание говорит: «мир имейте и святыню со всеми, их же кроме никто же узрит Господа» (Евр. XII, 4). Смиренномудрие есть также часть добродетели; но если бы кто другие добродетели исполнил, а этой не соблюл, тот не чист перед Богом. Это показывает пример фарисея, который был украшен многими добродетелями, но гордостью погубил все. Я еще гораздо более скажу: не только пренебрежение одной какой-либо добродетели заключает для нас небо; но хотя бы мы и исполнили ее, но не с должным тщанием и ревностью, и это производит такие же следствия. «Если праведность ваша не превзойдет», говорит Христос, «праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Матф. 5:20). Потому если ты и милостыню подаешь, но не более той, какую они подавали, то не войдешь в царствие. Как же великую милостыню, спросит кто-либо, они подавали?

Я и сам хочу говорить теперь об этом для того, чтобы не дающих милостыни побудить к подаянию ее, а дающих предохранить от высокомерия и заставить подавать еще более. Итак, что фарисеи давали? Они давали десятину от всего имущества, и еще другую десятину, и сверх того еще третью, так что отдавали почти третью часть своего имения, – ведь три десятины и составляют почти третью часть всего имения. Сверх того они приносили еще начатки первородных животных, и много других жертв, каковы, например, жертвы о грехе, об очищении, – жертвы, совершаемые при праздниках, во время юбилея, при оставлении долгов, при отпущении рабов и при займах без роста. Если же дающий третью часть имений своих, или лучше – половину (эти приношения, взятые вместе с десятинами, и составляют половину), если, говорю, дающий половину не делает ничего великого, то чего будет достоин тот, кто не подает и десятины? Справедливо поэтому сказал Господь, что не многие спасутся.

[8] 5. Итак, приложим попечение о добродетельной жизни. Если нерадение об одной какой-либо добродетели влечет за собой такую погибель, то, как избежим мы наказания, когда будем подлежать осуждению за нерадение обо всех? Каких не потерпим мучений? Какая же после этого, скажут, остается нам надежда спасения, когда все вышесказанное, каждое в отдельности, угрожает нам геенной? И я говорю то же. Впрочем, если мы будем внимательны, то можем спастись, приготовляя врачевство милостыни и исцеляя (им) раны. Подлинно, не столько елей укрепляет тело, сколько человеколюбие укрепляет душу и делает ее ничем непобедимой и неуловимой для дьявола. За что бы он ни взял ее, она тотчас ускользает от него, – милосердие, как елей, не попускает держаться

руке его на хребте нашем. Итак, будем чаще намащивать себя этим елеем: он основание здоровья, источник света и причина веселья. Но иной, скажешь ты, столько-то и столько имеет талантов золота, и ничего не подает. А что тебе до этого? Тем более будешь иметь похвалы ты, когда при своей бедности будешь щедрее него. Так хвалил македонян Павел не за то, что они подали помощь, но за то, что подали ее, находясь в бедности. Итак, не на других взирай, но на общего всех Учителя, Который не имел, где головы приклонить. Но почему же, скажешь ты, такой-то и такой-то этого не делают? Не суди другого, а себя самого избавь от осуждения. Ты еще большему подвергнешься наказанию, когда и других будешь порицать, и сам не будешь делать, – когда, осуждая других, и сам будешь повинен тому же суду. Если и тем, которые сами исполняют свои обязанности, не дано права судить других, то тем более нарушающим их. Итак, не будем осуждать других, и не будем смотреть на ленивых, но посмотрим лучше на Господа Иисуса и возьмем пример с Него. Я ли тебя облагодетельствовал? Я ли искупил тебя, чтобы ты взирал на меня? Нет! Есть другой, все это тебе Даровавший. Для чего же ты, оставив Владыку, смотришь на подобного тебе раба? Или ты не слыхал, что Он говорил: «научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Матф. 11:29)? И еще: «кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугой»; и еще: «так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить» (Матф. 20:26, 28)? Кроме того, чтобы ты, соблазняясь примером ленивых рабов, подобных тебе, не проводил жизнь в праздности, Он, отклоняя тебя от этого, говорит: «Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам» (Иоан. 13:15). Ты не имеешь никакого учителя добродетели между людьми, живущими

с тобой, который бы мог тебя в этом деле руководствовать? Но тем более тебе будет похвалы, более славы, что ты и без учителей сделался достойным славы. А достигнуть этого мы можем весьма легко, если захотим. В том удостоверяют нас достигшие такого совершенства праотцы наши, как то: Ной, Авраам, Мелхиседек, Иов и другие, подобные им; на них-то и должны мы всякий день взирать, а не на тех, кому вы не перестаете завидовать и о ком говорите в ваших собраниях. Я только и слышу повсюду такие разговоры, что такой-то получил во владение столько-то и столько десятин земли, такой-то богатеет, тот строит дом. Для чего ты занимаешься внешним, о, человек? Для чего смотришь на других? Если хочешь смотреть на других, то смотри на тех, которые живут добродетельно и честно, которые ревностно исполняют весь закон, а не на тех, которые претыкаются и живут бесчестно. Если ты будешь смотреть на последних, то получишь от этого много зла, – впадешь в леность, в гордость, и станешь осуждать других; а если будешь исчислять живущих добродетельно, то приобретешь смиренномудрие, тщание, сокрушение сердца, и другие бесчисленные блага. Внемли, как пострадал фарисей за то, что, оставив добрых, смотрел на грешного; внемли и бойся. Смотри, как прославился Давид потому, что взирал на предков своих, добродетельно живших. «Странник», говорит он, «я у Тебя и пришелец, как и все отцы мои» (Пс. 38:13). И он, и все подобные ему, оставив грешных, помышляли о мужах прославившихся добродетелью. Поступай и ты так. Тебя никто не поставил судьей чужих проступков, или исследователем чужих грехов. Ты должен судить себя самого, а не других: «если бы мы», говорит апостол, «судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же

судимы, наказываемся от Господа» (1Кор. 11:31–32). А ты извратил этот порядок. От себя ни в великих, ни в малых согрешениях не требуешь никакого отчета, а в других всякое прегрешение тщательно замечаешь. Итак, не будем же более делать так, но, оставив такой беспорядок, поставим судилище в нас самих для суждения о своих грехах, сами будем и обвинителями, и судьями, и наказывающими свои проступки. Если же хочешь испытывать и дела других, то рассматривай добрые дела их, а не грехи, – чтобы, побуждаясь и воспоминанием о своих согрешениях, и ревностью к подвигам других, и представлением нелицеприятного суда, нам ежедневно наказываться совестью, как неким бичом, и, таким образом, преуспевая в смиренномудрии и рвении, достигнуть будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 65

[1] «И, восходя в Иерусалим, Иисус дорогой отозвал двенадцать учеников одних, и сказал им: вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие; и в третий день воскреснет» (Матф. 20:17–19).

[2] Почему Христос о своих страданиях говорит ученикам наедине. – Апостолы не имели ясного знания о тайне страдания и воскресении. – Чего и с каким намерением просили сыновья Зеведеевы. – Как Христос исправляет их просьбу. – Степень прославления обусловливается достоинством дел. – Степень совершенства апостолов до и после сошествия Св. Духа. – Смирение умножает славу. – Нет ничего выше смирения и ниже гордости. – Доказательство превосходства смиренного над гордым.

[3] 1. Не тотчас по выходе из Галилеи Иисус пришел в Иерусалим. Во время пути Своего Он произвел много чудес, посрамил фарисеев и рассуждал с учениками – о нестяжательности: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое» (Матф. 19:21); о девстве: «кто может вместить, да вместит» (Матф. 19:12); о смиренномудрии: «если не обратитесь и не будете как

дети, не войдете в Царство Небесное» (Матф. 18:3); о воздаянии в настоящей жизни: «всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, получит во сто крат» (Матф. 19:29) в настоящем веке, и о наградах в будущей: «и наследует жизнь вечную» (Матф. 19:29); тогда уже приближается к этому городу, и перед вступлением в него опять беседует с ними о страдании Своем. Не желая, чтобы страдание это совершилось, ученики легко могли забывать о нем. Поэтому Христос непрестанно напоминает им, чтобы частым напоминанием приучить их ум помышлять об этом и смягчить их скорбь. Не без причины Он рассуждает с ними об этом и наедине. Не нужно было распространять об этом молву в народе и говорить открыто, потому что отсюда не произошло бы никакой пользы. Если ученики, слыша о страданиях, возмутились, то гораздо более возмутился бы простой народ. Но что же, – скажешь ты, – разве это не было открываемо народу? Было открываемо и народу, но не так ясно. «Разрушьте», говорил Он народу, «храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (Иоан. 2:19); или еще: «род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка» (Матф. 12:39); и еще следующими словами: «еще недолго быть Мне с вами; будете искать Меня, и не найдете» (Иоан. 7:33–34). А к ученикам говорил не так, но открыл им и эту истину, равно как и другие, гораздо яснее. Для чего же Господь и говорил, если народ не понимал силы слов Его? Для того чтобы он узнал впоследствии, что Иисус Христос предвидел Свое страдание, и добровольно шел на него, а не так, как бы не знал этого, или против воли. Ученикам же предсказывал не только с этой целью, но, как я сказал выше, и для того, чтоб они, укрепленные ожиданием, тем удобнее перенесли Его страдание, и чтобы нечаянное

приближение последнего не привело их в крайнее смущение. Вот почему Он сначала говорил им только о смерти Своей; а когда они начали помышлять об этом и приготавливать себя к ней, тогда раскрывает им и все прочие обстоятельства, как то: что Его предадут язычникам, надругаются над Ним и будут бить, – для того, чтобы они, видя исполнение печальных предсказаний, ожидали в силу этого и воскресения. Если Христос не скрыл обстоятельств печальных и, по-видимому, унизительных для Его чести, то естественно нужно было верить Ему и касательно благоприятных предсказаний. Но смотри и на то, как Он мудро избирает и самое время для такой беседы. Не с самого начала Он объявил им о страданиях, чтобы не смутить их, но и не в самое время события, чтобы и этим не привести в смятение. Но когда они уже довольно видели опытов Его всемогущества, когда Он дал им великие обетования о жизни вечной, – тогда, и притом не однажды или два раза, но часто среди чудес и наставлений говорит им и о страданиях. Один евангелист говорит, что он приводил в свидетельство и пророков; а другой утверждает, что ученики не разумели сказанного: «слова сии были для них сокровенны» (Лук. 18:34), и что они в ужасе следовали за Ним. Итак, скажут, от предсказаний не произошло никакой пользы: если ученики не разумели слышанного, то не могли и ожидать; а если не ожидали, то и не укреплялись надеждой. А я со своей стороны представлю и другое, гораздо труднейшее сомнение, именно – что если они не разумели, то почему же скорбели? Другой евангелист говорит ведь, что они скорбели. Итак, если они не разумели, то, как же скорбели? Как Петр говорил: «будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобой» (Матф. 16:22)? Что ж на это должно сказать? То, что хотя они и не знали ясно

тайны домостроительства, не имели ясного знания ни о Его воскресении, ни о тех действиях, которые Он намерен был совершить после того, – это было скрыто от них, – но что Он умрет, это они знали, и потому скорбели. Что иные других воскрешают, это они видели; а чтобы кто-нибудь сам себя воскресил, и так бы воскрес, чтобы никогда после того не умирать, – такого чуда никогда не видали. Этого-то именно они и не понимали, хотя Он и часто говорил о том. Равно и о самой смерти, какая она будет и как случится, ясно не знали, а потому и боялись, когда шли за Ним. И не это только приводило их в страх, но, как мне кажется, Господь навел на них ужас и Своей беседой о страдании.

4 2. Впрочем, все это не имело над ними такого действия, чтобы сделать их мужественными, хотя они и часто слышали о воскресении Его. Кроме Его смерти их устрашало особенно то, что над Ним будут ругаться, Его будут бить, и делать тому подобное. Представляя себе чудеса Его, исцеления бесноватых, воскрешение мертвых и все другие чудеса Его, а потом, слыша такие предсказания, они изумлялись, и недоумевали: неужели сотворивший все это должен подвергнуться таким мучениям? Потому-то они и недоумевали, и то верили, то не верили словам Его, и не могли понять их. Эта темнота разумения их была так велика, что сыны Зеведеевы приступили к Нему в то же самое время, и разговаривали с Ним о председании. «Желаем», – говорили они, – «сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую в славе Твоей» (Марк 10:35–36). Как же, скажешь ты, евангелист говорит, что приступила мать? И то, и другое справедливо. Они взяли с собой и мать, чтобы придать более силы своей просьбе и преклонить через нее Христа. А что сказанное мной справедливо, т. е., что эта просьба

больше принадлежала им, и что они от стыда взяли с собой мать, – это видно из того, что Христос к ним простирает Свое слово.

5 Но прежде узнаем, чего они просят, с каким намерением и по какому побуждению. Итак, откуда им пришла такая мысль? Они видели себя в большей чести перед другими, и потому надеялись, что Господь исполнит и эту их просьбу. Но чего они просят – послушай другого евангелиста, подробно повествующего об этом. Они находились близ Иерусалима, говорит он, и представляли, что царство Божье уже открывается; потому и предложили свою просьбу. Они думали, что оно близко, что оно чувственно и что, если они получат то, чего просят, то не подвергнутся никаким неприятностям. Они искали царства Божьего не только для того, чтобы получить его, но и для того, чтоб избежать скорбей. Потому и Христос, прежде всего, отклоняет их от таких помышлений, повелевая ожидать смерти, опасностей и жесточайших бедствий. «Можете ли», говорит Он, «пить чашу, которую Я буду пить» (Матф. 20:22)? Впрочем, никто не должен смущаться, видя апостолов такими несовершенными: ведь крест еще не совершился, благодать Духа им еще не была дана. Если же хочешь познать добродетель их, то смотри на их последующую жизнь и увидишь, что они были выше всех страстей. Господь для того и открывает недостатки их, чтобы ты узнал впоследствии, насколько великими они сделались по получении благодати. Итак, отсюда видно, что они не просили ничего духовного, даже не имели и понятия о высшем царстве. Теперь посмотрим, как они приходят и что говорят. «Желаем», говорят они, «чтобы Ты сделал нам, о чем попросим» (Марк 10:35). И, в ответ на это, Христос спрашивает их: «что хотите»? – не потому, чтобы

не знал, но чтобы вынудить их самих к ответу, открыть рану, и затем дать соответствующее лекарство. Они же, стыдясь и краснея, так как побуждены были страстью человеческой, отозвав Его от прочих учеников, начали предлагать свою просьбу. Евангелист говорит, что они зашли вперед, чтобы, т. е., не обнаружить себя перед прочими, и тут открыли свое желание. Желание же их, как я думаю, состояло в том, чтобы занять первые престолы, так как Христос говорил им: «сядете и вы на двенадцати престолах» (Матф. 19:28). Они сознавали свое преимущество перед другими; опасались только Петра, и потому говорят Ему: «скажи, чтобы сел у Тебя один по правую сторону, а другой по левую» (Матф. 20:21); и словом – «скажи» (Марк 10:37) понуждают Его. Что же Он отвечает? Показывая, что они просят не чего-либо духовного, и что если бы знали, о чем просят, то не дерзнули бы и просить этого, Он отвечает: «не знаете, чего просите» (Марк 10:38), – т. е. не знаете, как велик, как чуден, как недостижим для самих горних сил предмет ваших требований. Потом присовокупляет: «можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь» (Марк 10:38)? Смотри, как тотчас же удаляет Он их от той мысли, начиная рассуждать с ними о противном. Вы напоминаете Мне о чести и венцах, говорил Он, а Я говорю о подвигах и трудах, вам предлежащих. Еще не наступило время наград, и не теперь откроется та слава Моя; настоящее время есть время смерти, браней и опасностей. И смотри, как самым вопросом Он и увещевает их, и привлекает. Не сказал: можете ли идти на смерть? Можете ли пролить кровь свою? Но что говорит? «Можете ли пить чашу»? Потом, чтобы привлечь их, присоединяет: «которую Я пью», – чтобы через это общение с Собой возбудить в них более

усердия. Он называет это еще «крещением», показывая тем, что долженствующее теперь совершиться послужит для вселенной великим очищением. Потом ученики отвечают Ему: «можем» (Марк. 10:39). В пылу усердия, они тотчас изъявили согласие, не зная того, что сказали, но, надеясь услышать согласие на свою просьбу. Что же Господь говорит им? «Чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься» (Марк. 10:39). Он предсказал им великие блага, то есть: вы удостоитесь мученичества, пострадаете так же, как и Я, закончите жизнь насильственной смертью, и в этом будете Моими участниками. «Дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано Отцом Моим» (Матф. 20:23).

6 3. Возвысив души просивших, устремив их к горнему и сделав непреодолимыми для печали, Господь исправляет потом и их просьбу. Но что значат эти слова? Многие предлагают здесь два вопроса: во-первых, в самом ли деле некоторым уготовано сесть одесную Его? Во-вторых, неужели Господь всего не имеет власти дать это тем, которым уготовано? Итак, что же значит сказанное? Если мы разрешим первый вопрос, то и второй будет ясен для вопрошающих. Что же значит сказанное? То, что никто, ни с правой, ни с левой стороны Его, не будет сидеть. Престол этот недоступен ни для кого, не только для людей, как то: святых и апостолов, но и для ангелов, и для архангелов, и для всех высших сил. Павел поставляет это отличительным преимуществом Единородного, говоря: «кому когда из Ангелов сказал Бог: сиди одесную Меня? Об Ангелах сказано: Ты творишь Ангелами Своими духов. А о Сыне: престол Твой, Боже» (Евр. 1:13, 7–8). Как же Он говорит: «Дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит» (Матф. 20:23)? Не

показывает ли это, что некоторые будут сидеть? Нет. Он только дает ответ сообразно разумению вопрошавших, снисходя к их слабости. Они не понимали, что это за высокий престол, что это за сидение одесную Отца; они не знали даже и того, что было гораздо ниже того, – что каждодневно было им внушаемо; они искали только первенства, чтобы стать выше прочих и никого не иметь выше себя при Нем. Об этом я и прежде упоминал уже, говоря, что поскольку они слышали о двенадцати престолах, то, не понимая, что значат эти слова, искали председания. Итак, смысл слов Христовых следующий: хотя вы умрете за Меня, и закланы будете за проповедь, и сделаетесь Моими участниками в страдании, однако же, этого вам недостаточно будет для получения председания и первого достоинства. И если бы пришел кто-нибудь, претерпевший мученическую смерть и украшенный всеми родами добродетели в высшей степени перед вами, то, несмотря на то, что Я люблю вас теперь и предпочитаю другим, Я не соглашусь отвергнуть последнего свидетельствуемого делами своими, и дать вам первенство. Правда, Господь не сказал им так прямо, чтобы не опечалить их; но прикровенно Он высказывает то же самое, говоря: «чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься, но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано Отцом Моим» (Матф. 20:23). Кому же уготовано? Тем, которые прославятся своими делами. Потому-то Он и не сказал: не в Моей власти дать, но во власти Отца, – чтобы не почел кто-нибудь Его слабым и не имеющим власти делать воздаяние. Но как сказал? «Не от Меня зависит, но кому уготовано». Чтобы представить сказанное мной в большей ясности, объясним это примером. Вообразим себе

председателя ристалища; представим, что из многих отличных подвижников, вышедших на это ристалище, двое весьма близкие к нему, надеясь на его расположение к себе и любовь, подходят к нему и говорят: сделай, чтобы мы были увенчаны и объявлены победителями! – а он бы сказал им: не в моей власти сделать это; награда принадлежит тем, которым она приготовлена за труды и подвиги. Неужели мы назовем его за это бессильным? Никак. Напротив, мы похвалим его за справедливость и беспристрастие. Итак, подобно тому как сказали бы о начальнике ристалища, что он не дал венца не потому, что не мог, но потому, что не хотел нарушить закона ратоборства и извратить порядка справедливости, так и я могу сказать о Христе, что Он сказал это, желая всячески побудить Своих учеников к тому, чтобы они надежду спасения и прославления, после благодати Божьей, полагали в собственных добрых делах. Потому-то Он и говорит: «кому уготовано» (Матф. 20:23). Что если, – как бы говорит Он, – другие окажутся лучше вас? Если они более вас потрудятся? Неужели вы за то только, что были Моими учениками, должны получить первенство, хотя бы сами и не оказались достойными такого преимущества? А что Он имеет власть над всем, это видно из того, что в руках Его весь суд. И Петру Он говорит так: «дам тебе ключи Царства Небесного» (Матф. 16:19). И Павел, то же самое подтверждая, сказал: «теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судья, в день оный» (2Тим. 4:8); явлением Христовым называется здесь бывшее пришествие Его. А что Павла никто не превзойдет, это известно всякому. Если же Господь и не ясно сказал об этом, то не удивляйся тому. Удаляя их искусным образом от того, чтобы они безрассудно и напрасно не наскучивали Ему исканием первенства, – так

как они побуждены были к тому страстью человеческой, – и вместе не желая опечалить их, Он достигает такой неясностью и того, и другого. «Тогда услышав сие, прочие десять вознегодовали на двух» (Матф. 20:24, Марк 10:41). Когда же – «тогда»? Когда Господь укорил искавших первенства. Пока Христос произносил Свой суд над ними, прочие не негодовали, но и видя, что тех предпочитают, оставались в покое и молчали, из стыда и почтения к Учителю; если же внутренне и скорбели, то не смели, однако же, этого обнаружить. Подобным образом и на Петра, когда он отдал две дидрахмы, хотя и смотрели по-человечески, не негодовали, а только спросили: «кто больше в Царстве Небесном» (Матф. 18:1)? Но здесь, так как просили сами ученики, они негодуют на них. Впрочем, и здесь не тотчас обнаружили свое негодование. Когда те начали просить; но тогда уже, когда Христос укорил их и сказал, что они не получат первенства, если не окажут себя достойными его.

[7] 4. Видишь ли, как все они были несовершенны, – как эти двое, желавшие возвыситься над десятью, так и те, завидовавшие двоим? Но я сказал уже: посмотри на их последующую жизнь, и ты увидишь их свободными от всех этих страстей. Послушай, как тот же Иоанн, который подходит теперь к Иисусу для испрашивания первенства, всегда уступает его потом Петру и в проповеди, и в творении чудес, как то видно из Деяний Апостольских, и не скрывает его знаменитых дел, но упоминает и о его исповедании, которое он произнес тогда, когда все молчали, и о входе во гроб, и ставит этого апостола выше себя самого. Тогда как оба они были при Распинаемом, Иоанн, презирая собственную славу, говорит: «ученик же сей был знаком первосвященнику» (Иоан. 18:15). Что же касается Иакова, то он, хотя не долго жил, но и в самом

начале так воспламенился ревностью, что презрел все человеческое, достиг высоты неизреченной и тотчас удостоился заклания мученического. Так после сделались все они совершенными во всех добродетелях; но тогда негодовали. Как же поступает Христос? «Подозвав их», говорится, «сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними» (Матф. 20:25). Так как они смутились, то Господь прежде словесного убеждения успокаивает их самым призыванием и повелением подойти к Нему ближе. Так как те два ученика, отделившись от десяти, стояли ближе к Иисусу, разговаривая с Ним наедине, то Он подзывает и прочих, чтобы и этим самым, равно и тем, что желает открыть всем сказанное наедине, умерить страсть и тех и других. Впрочем, теперь Господь вразумляет учеников не так, как прежде. Прежде Он выводил на середину детей и повелевал ученикам подражать их простоте и смирению, а теперь в обличение их выставляет более резкое противоположение, говоря: «князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугой; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Матф. 20:25–27). Этими словами Он показывает, что желать первенства свойственно только язычникам. Действительно страсть эта слишком насильственна; она постоянно удручает и великих людей, – потому требовала и сильнейшего отражения. Потому-то и Он поражает их в самой глубине сердечной, стыдя надмевающийся дух их сравнением с язычниками. В одних уничтожает зависть, а в других гордость, как бы так говоря им: не негодуйте на них, как обиженные: те, которые так ищут первенства, более посрамляют самих себя: они находятся в числе

последних. У нас не то, что у язычников. «Князья народов господствуют над ними»: а у Меня последний есть первый. А что Я говорю это не просто, смотри доказательство тому в Моей жизни: я сделал более, нежели сколько сказал. Будучи Царем высших сил, я восхотел быть человеком и подвергнуться презрению и поруганию; но и этим не удовольствовался, а пришел и на самую смерть. Потому далее и говорит: «так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Матф. 20:28). Как бы так сказал: Я не остановился на том только, чтобы послужить, но и душу Свою отдал в искупление; и за кого же? За врагов. Ты, если смиряешься, смиряешься для себя самого, а Я смиряюсь для тебя. Итак, не опасайся потерять честь свою через это. Сколько бы ты ни смирялся, никогда не можешь смириться настолько, насколько смирился Владыка твой. Однако это уничижение Его сделалось возвышением для всех, и открыло славу Его. Прежде, нежели Он сделался человеком, известен был одним ангелам; а когда стал человеком и был распят, тогда не уменьшил ту славу, которую имел, но и приобрел новую, будучи познан вселенной. Не бойся же потерять честь свою оттого, что ты смиряешься; смирением более возвысится и распространится слава твоя. Оно есть дверь к Царству. Зачем же идти в противоположную дверь? Зачем вооружаться против самих себя? Если мы захотим казаться великими, не сделаемся великими, но будем бесчестнее всех. Видишь ли, как Господь всегда старается на них подействовать примерами противными, но дает и то, чего они желают? Мы уже и прежде много раз замечали это. Так поступил Он с любостяжателями и с искателями суетной славы. Для чего, говорил Он, ты

творишь милостыню перед человеками? Для того чтобы наслаждаться славой? Не поступай таким образом, и ты насладишься этой славой вполне. Для чего ты собираешь сокровища? Для того чтобы обогатиться? Не собирай сокровищ, и ты непременно обогатишься. Так поступает Он и здесь. Для чего ты, говорит Он, желаешь первенства? Для того ли, чтобы быть выше других? Избери же последнюю степень, и тогда получишь первенство; если желаешь быть великим, не ищи величия, – и тогда будешь велик. Унижение-то и составляет величие.

[8] 5. Видишь ли, как Он исцеляет их от их болезни, показывая им, что они на своем пути только теряют, а на этом приобретают, и, побуждая, таким образом, одного удаляться, а другим идти? И о язычниках напоминает им для того, чтоб показать через это низость и гнусность честолюбия. Гордый необходимо унизится, а смиренный, напротив, возвысится; величие смиренного есть величие истинное и подлинное, а не то, которое состоит в одних словах и наименованиях. Внешнее величие есть плод принуждения и страха, а это подобно величию Божьему. Снискавший это последнее, хотя бы никто ему и не удивлялся, остается велик; напротив, приобретший только первое, хотя бы все раболепствовали перед ним, всех ниже. Честь, воздаваемая последними, воздается по принуждению, и потому легко теряется; а честь, которую воздают первому, зависит от доброго произволения, а потому и сохраняется постоянно. Так и святых мы почитаем за то, что они, будучи выше всех, перед всеми смиряли себя; потому-то они и доселе остаются высоки, и величия их не потребила и самая смерть. Если вы хотите, то мы подтвердим сказанное и доказательствами разума. Высоким называют кого-нибудь или тогда, когда он имеет

высокий телесный рост, или когда стоит на высоком месте, а низким в противных случаях. Теперь рассмотрим, кто действительно высок: гордый ли, или смиренный, – чтобы тебе удостовериться в том, что нет ничего выше смиренномудрия, и нет ничего ниже гордости. Гордый обыкновенно почитает себя выше всех и не признает никого равным себе, и какой бы он ни пользовался честью, всегда желает и домогается большей; думает, что он еще ничего не получал; презирает людей и ищет от них почтения. Что может быть безрассуднее этого? Это что-то загадочное: человек ищет себе почтения от тех, которых почитает за ничто. Видишь ли, как желающий вознестись ниспадает и пресмыкается долу. А что он всех людей почитает за ничто в сравнении с собой, он сам это ясно обнаруживает: таково именно свойство надменности. Итак, для чего же ты прибегаешь к тому, который ничего не стоит? Для чего ищешь от него чести? Для чего имеешь при себе такое множество людей? Вот низкий, который и стоит на низком месте! Обратим же теперь внимание и на истинно высокого. Он знает, что значит человек; знает и то, что человек велик, и то, что сам он всех ниже. Потому, если пользуется и уважением, то почитает это за великое; он верен самому себе, постоянно высок, и никогда не переменяет своего мнения. Кого он признает великими, от тех и честь принимает за великое, хотя бы она была и не велика, потому только, что он их самих признает великими. Напротив гордый тех, которые почитают его, почитает за ничто, а честь, которую они ему воздают, дорого ценит. Еще: смиренный не уловляется никакой страстью; его не может возмутить ни гнев, ни любовь к славе, ни зависть, ни ревность. А что может быть выше души, чуждой этих страстей? Напротив гордый одержим всеми этими страстями, и пресмыкается

как червь в грязи. И зависть, и ненависть, и гнев постоянно волнуют его душу. Итак, кто же истинно высок: тот ли, кто господствует над страстями, или тот, кто раболепствует им? Тот ли, кто трепещет и страшится их, или тот, кто недоступен для них и никак ими не уловляется? Какая птица летает выше, скажем мы: та ли, которая носится выше стрел ловца, или та, которая и без стрелы поддается ловцу, потому что летает по земле и не может подняться на высоту? Таков точно и гордый: его каждый силок удобно ловит, потому что он пресмыкается по земле.

[9] 6. Если же ты хочешь, то можешь видеть то же и из примера злого духа. Что ниже дьявола гордого, и что выше человека смиряющего себя? Тот пресмыкается по земле, находясь под нашей пятой («даю вам власть наступать», говорится, «на змей и скорпионов» – Лук. 10:19; Псал. 90:13), а этот находится с ангелами на небесах. Если же ты хочешь знать то же из примера людей гордых, то представь себе того варвара, который имел великое войско и не знал даже того, что всем известно, как например: что камень есть камень и идолы – идолы, а потому был ниже этих самых вещей. Напротив благочестивые и верные возносятся выше солнца; а потому, что может быть выше их? Они перелетают самые своды небесные и, оставив за собой ангелов, предстоят самому престолу Царя. Наконец, чтобы тебе еще более увериться в низости гордых, я спрошу тебя: кто унижается, – тот ли, кому вспомоществует Бог, или тот, кому Он противится. Итак, слушай, что говорит Писание о том и другом: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1Петр. 5:5). Еще спрошу тебя о другом: кто выше, – священнодействующий ли и приносящий жертву перед Богом, или тот, кто не имеет дерзновения

приступить к Нему? Но ты скажешь: какую жертву приносит смиренный? Послушай Давида, который говорит: «жертва Богу – дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Псал. 50:19). Видишь ли чистоту смиренного? Обрати же внимание и на нечистоту гордого. О нем говорит Писание: «нечист пред Богом всякий надменный сердцем» (Прем. Солом. 16:5). Притом в первом обитает сам Бог: «на кого Я призрю», говорит Он, «на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего перед словом Моим» (Ис. 66:2), а последний мучится вместе с дьяволом, – надменный потерпит то же, что и дьявол. Потому и Павел говорит: «чтобы не возгордился и не подпал осуждению с дьяволом» (1Тим. 3:6). Таким образом, с ним случится противное тому, чего он желает. Он хочет гордиться для того, чтобы его почитали; а между тем, если кто более всех подвергается презрению, то это он. Если кто подвергается насмешкам, вражде и ненависти у всех, если нападают на кого враги, если кто подвергается гневу, является нечистым перед Богом, – так это больше всего гордецы. Что же может быть хуже этого? Это – верх зла. Напротив, что любезнее смиренных? Что блаженнее их, когда они любезны и приятны Богу, да и у людей они же более наслаждаются славой: все почитают их как отцов, любят как братьев, принимают их как своих? Итак, будем смиряться, чтобы нам вознестись. От великой гордости происходит унижение и безумие. Так унижен был фараон. «Не знаю Господа», сказал он (Исх. 5:2, 14:24), и за это сделался презреннее мышей, лягушек и мух, и вскоре после того потонул с оружием своим и конями. Не то было с Авраамом: «я, прах и пепел», говорил он (Быт. 18:27), и потому одержал победу над бесчисленными неприятелями; будучи у египтян,

возвратился от них с победой, славнейшей прежней, и, снискав столь великую добродетель, навсегда остался великим. Потому-то его везде воспевают, ублажают и прославляют. А фараон – земля, пепел, и даже хуже того. Подлинно Бог ничего так не отвращается, как гордости. Потому-то он еще изначала так все устроил, чтобы истребить в нас эту страсть. Для этого мы сделались смертными, живем в печали и сетовании; для этого жизнь наша проходит в труде и изнурении, обременена непрерывной работой. Первый человек впал в грех от гордости, возжелав быть равным Богу, и за то не удержал и того, что имел, но лишился и того. Таковы плоды гордости! Она не только не доставляет нам никакой пользы, но лишает и того, что имеем. Напротив, смиренномудрие не только не отнимает у нас того, что имеем, но еще доставляет и то, чего не имеем. Итак, возревнуем об этой добродетели, потщимся стяжать ее, чтобы нам насладиться и в этой жизни честью, и приобрести будущую славу, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, держава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 66

[1] «И когда выходили они из Иерихона, за Ним следовало множество народа. И вот, двое слепых, сидевшие у дороги, услышав, что Иисус идет мимо, начали кричать: помилуй нас, Господи, Сын Давидов!» (Мф. 20:29–30)

[2] Настойчивая молитва преклоняет Бога. – Милосердие Христа простиралось только на достойных. – Чему научает событие беспрекословного отдания ослицы. – Жизнь Христа должна быть примером для нас. – Прообразовательное значение входа Христа на осляти. – Увещание к милостыне. – Недостаточность подаваемой милостыни сравнительно с богатством города (Антиохии). – Неизвинительность предлогов для отказа в милостыни. – Милостыня есть лучшее приобретение.

[3] 1. Смотри, откуда идет Спаситель в Иерусалим, и где прежде этого находился: это, по моему мнению, стоит особенного внимания. В самом деле, почему оттуда прежде не пошел Он прямо в Галилею, но через Самарию? Но оставим это любопытным; кто захочет тщательно испытать, тот увидит, что евангелист Иоанн делает на это достаточный намек и приводит причину. Что же касается до нас, мы будем говорить, что следует, и послушаем вышеупомянутых слепцов, которые были лучше многих зрячих. Они, не имея вожатая и не могши

видеть приближающегося Господа, имели однако сильное желание дойти до Него, и начали кричать; и тогда как посторонние запрещали им это, они еще более усиливали свой вопль. Вот что значит душа сильная! Самые препятствия доводят ее до цели. И Христос не запрещал заграждать им уста, чтобы чрез это еще более обнаружилось их усердие, и чтобы ты знал, что они достойны были получить исцеление. Оттого Он и не спросил у них: «веруете ли»? – как обыкновенно поступал с другими. Самый крик и усердное желание подойти к Нему уже очень ясно всем показывали их веру. Отсюда-то научись, возлюбленный, что сколько бы мы ни были ничтожны, отвержены, но, с истинным усердием приходя к Богу, сами собою можем испросить у Него все, что ни потребуется. Посмотри, как и эти слепцы, не имея даже ни одного из апостолов на своей стороне, и еще от многих слыша запрещение, победили все препятствия, пришли к самому Иисусу; и хотя евангелист не свидетельствует, чтобы их жизнь сколько-нибудь ручалась за их дерзновение, но вместо всего для них достаточно было одного усердия. Поревнуем и мы этим слепцам. Пусть Бог медлит ниспослать нам дары Свои, пусть многие отклоняют нас с пути молитвенного, – будем продолжать свою молитву: этим самым мы особенно и умилостивим Бога. Посмотри и здесь, как ни нищета, ни слепота, ни мысль слепцов, что они не будут услышаны, ни запрещение народа, – ничто не остановило их. Такова-то душа пламенная и терпеливая! Что же Христос? «Подозвал их и сказал: чего вы хотите от Меня? Они говорят Ему: Господи! чтобы открылись глаза наши» (Мф. 20:32,33)! Для чего Он сделал такой вопрос слепцам? Для того, чтобы кто не подумал, что Он дает совсем не то, чего они хотят. Он везде наперед обыкновенно обнаруживал

пред всеми доброе расположение просящих исцеления, и потом уже подавал исцеления, – с одной стороны для того, чтобы в других возбудить подобную ревность, с другой – для того, чтобы показать достоинство получающих дарование: так поступил он с женою хананейскою, так поступил с сотником, так поступил и с женою кровоточивою; вернее, впрочем, будет сказать, что эта чудная жена даже предупредила вопрос Господа, и однако Он и тут не оставил ее без внимания, но, исцелив, открыл другим сердце ее. Таким образом Он везде старался сперва обнаружить совершенства приходящих к Нему, и представить их гораздо даже большими, чем они были на самом деле. Так сделал и здесь с слепцами. Затем, когда они высказали свое желание, Он, умилосердившись над ними, прикоснулся к ним. Это милосердие было единственною причиною всех врачеваний; по нему-то Он и в мир пришел. Тем не менее, хотя Христос был и воплощенная милость и благодать, Он искал достойных. А что слепые были достойны, это видно как из их усиленного вопля, так и из того, что они, получив исцеление, не отстали от Христа, как делали многие не признательные к благодеяниям Его. Нет, эти слепцы не таковы: они и прежде дара постоянны, и после благодарны, – пошли вслед за Ним. «И когда приблизились к Иерусалиму и пришли в Виффагию к горе Елеонской, тогда Иисус послал двух учеников, сказав им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; и тотчас найдете ослицу привязанную и молодого осла с нею; отвязав, приведите ко Мне; и если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что они надобны Господу; и тотчас пошлет их. Все же сие было, да сбудется реченное через пророка, который говорит: Скажите дщери Сионовой: се, Царь твой грядет к тебе кроткий, сидя на ослице и

молодом осле, сыне подъяремной» (Мф. 21:1–5). Часто и прежде Христос ходил во Иерусалим; но никогда не ходил с такою славою. Почему же так? Потому что тогда было еще начало строительства Его и сам Он не был столько известен; притом и время страданий еще не было близко. Поэтому он и жил, не отличаясь ничем от прочих, и по большей части скрывал Себя; иначе Его явление не было бы столь удивительно, а только бы возбудило в иудеях больший гнев. Когда же Он показал уже много опытов Своей силы, и крест был уже при дверях, тогда прославляет Себя решительнее и с большею торжественностью делает все, что могло воспламенить их. Конечно, это возможно было сделать и с самого начала, но было бы не нужно и бесполезно. А ты размысли со мною, сколько здесь чудес, и сколько исполнилось пророчеств? Христос сказал: «найдете ослицу»; и тут же предрек, что никто не будет препятствовать, но лишь услышат – замолчат. Это служило немалым обвинением против иудеев: если Христос и незнакомых Ему и не видавших Его заставляет отдавать свою собственность без всякого противоречия, и притом (не сам даже лично, а) чрез учеников, то насколько же виноваты оказываются иудеи, которые, будучи свидетелями стольких чудес, Им совершенных, не верили Ему.

[4] 2. И не считай этого события маловажным. В самом деле, что заставило этих бедных людей, может быть, земледельцев, без всякого противоречия отдать свою собственность? И что я говорю, – без противоречия? Даже и не спрашивая, или спросив, замолчать и уступить? Если они ничего не сказали, когда уводили их скот, или, если и сказали что-либо, но услышав, что Господь его требует, уступили без всякого противоречия, то и другое равно удивительно, тем более, что они не видели Его самого, а

только учеников. Чрез это Господь дает разуметь, что Он всячески мог воспрепятствовать и жестоковыйным иудеям, когда они пришли схватить Его, и сделать их безгласными; но только не захотел этого. С другой стороны, Он научает учеников жертвовать всем, чего бы Он ни потребовал; если бы Он повелел отдать самую душу, и ею они должны пожертвовать без всякого противоречия. В самом деле, если незнакомые Ему повиновались Его требованию, то тем более они должны жертвовать Ему всем. Далее: Христос исполнил здесь еще двоякое пророчество – пророчество дел, и пророчество словес: пророчество дел, когда воссел на осла; пророчество словес – Захарии пророка, который сказал, что Царь будет сидеть на осляти. Воссев на осля, Он исполнил это последнее пророчество и, в то же время прообразуя Своими действиями будущее, дал другое пророчество. Каким же образом? Он предвозвестил призвание нечистых язычников, – что Он в них почиет, что они приидут к Нему и за Ним последуют. Таким образом, пророчество следовало за пророчеством. Впрочем, Христос, по моему мнению, не по этой только причине благоволил воссесть на осля, но и для того, чтобы подать нам правило жизни. Он не только исполнял пророчества и насаждал учение истины, но чрез это самое исправлял и нашу жизнь, везде поставляя нам за правило удовлетворять только крайним нуждам. Такое исправление нашей жизни Он везде имел в виду; так, когда благоволил родиться на земле, то не искал богато убранного дома, ни матери богатой и знаменитой, но избрал бедную, которая обручена была древоделателю; рождается в вертепе и полагается в яслях; избирая также учеников, избрал не ораторов и мудрецов, не богатых и славных, но и между бедными самых бедных, и нимало не

знаменитых; равным образом, когда предлагал трапезу, то иногда предлагал хлеб ячменный, иногда пред самой только уже трапезой повелевал ученикам купить на рынке; вместо ложа употреблял траву; одеяние носил бедное, не отличающееся даже от одеяния самых простых людей; а дома даже и не имел; если Ему нужно было переходить с одного места в другое, то ходил пеший, и притом так, что иногда даже утомлялся; когда садился, не искал стула, ни мягкого возглавия, но сидел на голой земле, иногда на горе, иногда при источнике, и даже один; разговаривал и с самарянкой; также полагал меру и для самой печали: когда надлежало плакать, плакал тихо, повсюду, как я сказал, поставляя правила и границы, до которых позволительно доходить, но далее которых не должно идти. Так и теперь, если бы случилось, что кто-нибудь, по немощи, имел нужду в животном, то Христос и в этом случае сделал ограничение, показывая, что не на конях, не на мулах надобно мчаться, но должно довольствоваться ослом, и никогда не простираться далее необходимого. Но посмотрим, как сбываются пророчества – и словами, и самым делом. Какое же это пророчество? «Се, Царь твой грядет к тебе кроткий, сидя на ослице и молодом осле». Не на колеснице едет, как обыкновенно поступают другие цари, не требует дани, не наводит Собою страха, не имеет копьеносцев, но и здесь показывает величайшую кротость. Спроси у иудея: был ли какой-нибудь царь, который бы на осляти въезжал в Иерусалим? Он не может указать тебе никого, кроме только Христа. Но Он, как я выше сказал, делал это в предзнаменование будущего. Здесь чрез осленка означается Церковь и народ новый, который был некогда нечист, но после того, как воссел на нем Иисус, соделался чистым. Заметь же, какая точность во всем

прообразовании. Ученики отвязывают подъяремников: и иудеи, и мы призваны в новоблагодатную Церковь чрез апостолов, введены в нее тоже чрез апостолов. Наша блаженная и славная участь и в иудеях возбудила ревность: осел идет позади осленка. И действительно, после того, как Христос воссядет на язычников, тогда и иудеи, по чувству соревнования, придут к Нему, что ясно показывает Павел, говоря, «что ожесточение произошло в Израиле отчасти, [до времени], пока войдет полное [число] язычников; и так весь Израиль спасется» (Рим. 11:25–26). Итак, из сказанного видно, что это было пророчество. В противном случае не нужно бы было говорить пророку так подробно о возрасте осла. И не это только видно из сказанного, но и то, что апостолы приведут их без труда. И действительно, как здесь никто не препятствовал апостолам, когда они повели животных, так никто не мог воспрепятствовать им и в призвании язычников, когда они их уловляли. Далее: Христос садится не на нагого осленка, но на покрытого одеждою апостолов: это потому, что апостолы, взяв осленка, и свое все уже отдают, как и Павел говорит: «Я охотно буду издерживать [свое] и истощать себя за души ваши» (2Кор. 12:15). Но обрати внимание и на послушание осленка, на то, как он, вовсе не обученный и не знавший еще узды, не помчался быстро, но шел тихо и спокойно. И это служило предзнаменованием будущего, выражая покорность язычников и скорую их перемену к благоустроенной жизни. Все это совершилось словом: «отвязав, приведите ко Мне»; и беспорядочное пришло в благоустройство, и нечистое сделалось чистым.

[5] 3. Но смотри на низость иудеев! Прежде, когда Христос так много делал чудес, они никогда столько Ему не удивлялись; теперь же, видя стекающийся народ,

удивляются. «И когда вошел Он в Иерусалим, – говорится,– весь город пришел в движение и говорил: кто Сей?» (Мф. 21:10–11). И здесь, когда по видимому они говорили нечто высокое, их мысль была земная, самая низкая, пресмыкающаяся. Впрочем, Христос делал это не из тщеславия, но для того, чтобы, как я сказал, и пророчество исполнить, и преподать назидательное наставление, а вместе с тем и утешить учеников, сетующих о Его смерти, давая и то знать, что Он все это терпит добровольно. Ты же подивись тому, с какою точностью все предсказано пророками: иное Давидом, а иное Захариею. Будем и мы поступать так же, будем воспевать Его и подавать одежду тем, которые носят Его. В противном случае чего мы будем достойны? Если тогда, при входе Христа во Иерусалим, одни покрывали одеждою своею ослицу, на которой Он сидел, а другие постилали одежды ей под ноги, то неужели мы, которым повелено не только снимать одежды с себя, но и истощать все свое ради других, не окажем никакой щедрости, видя Его обнаженным? Там народ впереди и позади сопровождал Его: зачем же мы отсылаем Его, даже прогоняем с оскорблением, когда Он сам приходит к нам? Какого это достойно наказания, какого отмщения! Приходит к тебе нуждающийся Владыка, а ты не хочешь и выслушать Его просьбы, но еще осуждаешь и поносишь Его, слыша такие слова Его! Но если ты и на один хлеб и на несколько денег так бережлив, неподатлив и скуп, то что бы было с тобой, если бы потребовали от тебя всего? Не видишь ли ты, как наделяют распутных женщин тщеславные люди в театре? А ты и половины этого, а часто и десятой доли, не подаешь. Когда дьявол повелевает давать кому попало, и за это между тем готовит геенну, ты даешь; а когда Христос повелевает давать нищим, обещая за это

царствие, ты не только не подаешь, но еще обижаешь. Ужели ты согласишься лучше слушать дьявола, чтобы подвергнуться мучению, нежели повиноваться Христу, чтобы получить спасение? Что может быть хуже такого безумия? Один готовит геенну, другой – царствие: и вы, оставив этого, бежите к тому. Когда Христос приходит к вам, вы Его отсылаете, а дьявола сами приглашаете издалека. Это похоже на то, как если бы царь, предлагая порфиру и диадему, не склонил бы нас на свою сторону; а разбойник, потрясая мечом и угрожая смертью, успел бы то сделать. Итак, размышляя об этом, возлюбленные, откроем глаза свои хотя теперь, и начнем бодрствовать. Признаюсь, мне уже стыдно говорить о милостыне, так часто повторяя о ней и не видя плодов проповеди. Правда, против прежнего вижу больше плодов, но не столько, однако же, сколько бы желал. Вижу, что вы сеете, но не щедрою рукою; потому я опасаюсь, чтобы вы скудно и не пожали. А что мы сеем скудно, для того исследуем, если угодно, кого больше в городе: бедных или богатых, и много ли таких, которые ни бедны, ни богаты, но занимают средину между ними? Я полагаю, что десятая часть богатых и десятая бедных, вовсе ничего не имеющих; а прочие – посредственного состояния. Итак, разделим число всех жителей города на число бедняков, и вы увидите, какой будет стыд. Весьма богатых мало, но достаточных много; бедных же гораздо меньше в сравнении с ними. Между тем при таком числе богатых, которые могли бы питать алчущих, многие засыпают голодными, – не потому, чтобы достаточные люди не могли легко удовлетворить нуждам их, но потому, что жестоки и бесчеловечны. В самом деле, если бы богатые и следующие после них разделили между собою нуждающихся в хлебе и одежде, то едва ли бы на

пятьдесят или на сто человек достался один бедный. И однако, бедняки, несмотря на столь великое количество людей, которые в состоянии помогать им, всякий день плачут. Чтобы видеть бесчеловечие богатых, стоит тебе только обратить внимание на то, как многим вдовицам и девам доставляет нужное содержание Церковь, которая получает доходу не более, чем сколько получает один самый богатый и один не так богатый. В самом деле, число содержимых Церковью простирается до трех тысяч. Кроме того, она содержит заключенных в темнице, находящихся в гостинице, как больных, так и здоровых, чужестранцев, калек, сидящих при храме ради пищи и одежды, и других, просто приходящих каждодневно, и между тем она не оскудевает. Итак, если бы только десять человек захотели столько же на них издержать, то ни одного не было бы нищего.

[6] 4. Вы скажете: что же останется в наследство нашим детям? Главный капитал останется, и дохода прибавится, потому что для них соберется сокровище на небеси. Но если вы не хотите таким образом употреблять свое имение для бедных, то хотя половину отделяйте им от него, или третью часть, или четвертую, или пятую, или даже десятую. При помощи благодати Божией и в таком случае наш город в состоянии был бы пропитывать бедных из десяти городов. И это я мог бы доказать, если б было ваше на то желание; впрочем, нет нужды и доказывать, потому что до очевидности ясно, как легко это сделать. Смотрите, как много издерживает часто один дом на городские повинности, и между тем нимало даже и не примечает ущерба. Если бы каждый из богатых пожелал совершать подобное служение по отношению к бедным, то вскоре бы восхитил небо. Итак, какое мы можем иметь прощение, какой предлог к извинению,

когда мы того, что необходимо должны оставить при переселении отсюда, не раздаем нуждающимся и с такою щедростью, с какою другие расточают для лицедеев, между тем как мы могли бы собрать от этого великие плоды? Если б мы и навсегда здесь оставались, то и тогда не надлежало бы нам жалеть об этой прекрасной трате; но если чрез несколько времени должны будем переселиться отсюда и притом без всего – нагими, то какое можем иметь оправдание в том, что не уделяем от своих доходов голодным и утесненным? Я не заставлю тебя уменьшить имение, не потому, чтоб я этого не желал, но потому, что мало вижу в тебе к этому расположения. Итак, не об этом уже говорю тебе; но уделяй хотя из прибытков и не скрывай из них ничего. Довольно с тебя, что у тебя есть как бы источник, из которого текут денежные доходы; сделай же участниками в них нищих, и будь добрым распорядителем в данном тебе от Бога. Скажешь: я плачу подати. Итак, ты потому пренебрегаешь бедняков, что никто от тебя не требует этого настоятельно? Почему требующему у тебя дани и, может быть, с насилием принуждающему ты не смеешь отказать, принесет ли земля тебе плоды, или нет, а нищему, который с кротостью у тебя просит, и то только во время плодородия, ты не отвечаешь и словом? Кто же тебя избавит некогда от нестерпимых мучений? Никто. Если ты потому только заботишься об уплате подати, что не платящего ее здесь строго наказывают, то знай, что там готовятся наказания еще жесточе: не узы, не темница, но вечный огонь. Итак, прежде всего заплатим эти подати. Это и сделать весьма легко, и награда за это больше, и пользы больше; а если останемся к этому нечувствительны, то нас ожидает и наказание несравненно тягостнейшее, наказание вечное. Если ты

скажешь, что тебе надобно давать на содержание воинов, сражающихся за тебя с неприятелями, то и здесь есть воинство – нищие, и здесь сражение, которое они за тебя совершают. Приняв милостыню, они умилостивляют Бога своими молитвами, а умилостивляя Бога, они разрушают наветы не варваров, а демонов, – и не допускают лукавому духу усиливаться и делать на тебя непрестанные нападения, но ослабляют его силу.

[7] 5. Итак, видя этих воинов, прошениями и молитвами каждодневно за тебя сражающихся с дьяволом, вытребуй с себя прекрасную эту дань – пропитание их. Царь небесный, по Своей кротости, не приставил к тебе истязателей, а хочет, чтобы ты сам добровольно подавал. Подаешь ли ты немного, – Он примет; если по бедности отложишь ненадолго, – Он неимущего не принуждает. Однако же, не будем пренебрегать долготерпением Его; будем сокровиществовать себе не гнев, а спасение, не смерть, а жизнь, не наказание и мучение, а честь и венцы. Здесь нет нужды платить за переправу вносимого нами; не нужно менять деньги. Твое дело – подать: сам Владыка перенесет это на небо; Он сам сделает для тебя выгоднейший оборот. Здесь не надобно искать человека, который бы перевез вносимые деньги: только подай, и тотчас твое подаяние восходит не на содержание других воинов, а для сбережения и приращения в твою же пользу. Здесь, на земле, если ты что-нибудь дашь, то взять назад уже не можешь; там, напротив, получишь свое с великою честью и приобретешь большие и духовнейшие выгоды. Здесь даваемое есть нечто вытребованное, там – прибыль, заем и долг. Сам Бог дал тебе расписку, сказав: «Благотворящий бедному дает взаймы Господу» (Притч. 19:17). Дал тебе также и залог, и поруку, несмотря на то, что Он Бог. Какой же залог? Все блага настоящей жизни,

и чувственные и духовные, как начатки благ будущих. Итак, почему находишься в нерешимости и медлишь, тогда, как ты уже столько получил и столько еще ожидаешь? Полученные тобою блага суть следующие: Он образовал тебе тело, Он вложил в тебя душу, почтил тебя одного на земле умом, дал тебе право на обладание всем видимым, сообщил тебе познание о Себе, предал за тебя Сына, даровал тебе крещение, в котором одном источается столько благ, предложил тебе священную трапезу, обещал тебе царствие и блага неизреченные. Итак, и получив и еще ожидая столько благодеяний, (опять скажу то же), зачем ты столько дорожишь непрочным имением? И какое будешь иметь оправдание? Неужели надеешься извиниться тем, что у тебя есть дети? Но ты и их научи приобретать таковые выгоды. Если бы твои деньги, отдаваемые кому-либо взаймы, приносили прибыль, и должник был бы человек честный, то без сомнения во сто раз лучше сделаешь, если вместо золота вручишь сыну расписку, потому что таким образом деньги будут приращаться и он не принужден будет снова искать таких людей, которые бы могли у него взять их в долг. Так и теперь дай эту расписку детям и оставь им должником Бога. Ты и сам не продаешь деревни, а оставляешь детям, и это делаешь с тем намерением, чтобы сохранялись доходы, а чрез это увеличилось бы для них имение: отчего же опасаешься оставить им такое рукописание, которое выгоднее всяких деревень и всяких доходов, и которое столько приносит пользы? Какая глупость и какое неразумие! Тем более, когда ты совершенно знаешь, что хотя и оставляешь эту расписку детям, но и сам в свою очередь по ней получишь. Таковы духовные блага, – они весьма обильны. Не будем же так убоги, так безжалостны и жестоки к самим себе, но будем заниматься этою

прекрасною куплею для того, чтобы и самим по отшествии своем получить, и детям своим оставить, и сподобиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Беседа 67

[1] «И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано, – дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников». (Мф. 21:12–13)

[2] Ожесточение иудеев. – Значение хвалы отроков. – Для чего проклята смоковница. – Почему Христос не говорит иудеям о праве Своей власти. – Христос заставляет их осудить самих себя. – Для чего представляет им в пример блудниц и мытарей. – Никакой грешник не должен отчаиваться в исправлении, равно как добродетельный не должен предаваться беспечности. – Превосходство труда для добродетели пред мирскими трудами.

[3] 1. Об этом говорит и Иоанн, только говорит в начале Евангелия, а Матфей в конце. Поэтому вероятно, что так случилось два раза, и притом в разное время. Это видно и из обстоятельств времени, и из ответа иудеев Иисусу. У Иоанна говорится, что это случилось в самый праздник Пасхи, а у Матфея – задолго до Пасхи. Там говорят иудеи: «Каким знамением докажешь Ты нам» (Ин. 2:18)? а здесь молчат, хотя Христос и укорил их, – молчат потому, что все уже дивились Ему. Тем большего достойны обвинения иудеи, что Христос не один раз делал это, а они все еще не переставали торговать в храме, и называли Христа

противником Божиим, тогда, как и отсюда должны были видеть честь, воздаваемую Им Отцу, и собственное Его могущество. Они видели, как Он и чудеса творил, и как слова Его согласны с делами Его. Но они не убеждались и этим, а негодовали, несмотря и на то, что слышали пророка, говорящего об этом, и отроков, не по летам своим прославлявших Иисуса. Потому Он, обличая их, приводит слова пророка Исаии: «Дом Мой домом молитвы наречется». И не этим только показывает Христос Свою власть, но и тем, что исцеляет различные болезни. «И приступили, – говорится,– к Нему в храме слепые и хромые, и Он исцелил их» (Мф. 21:14). И здесь Он являет Свою силу и могущество. Но иудеи не трогались и этим, но, видя и последние чудеса Его и слыша отроков, прославляющих Его, сильно негодовали и говорили Ему: «слышишь ли, что они говорят» (Мф. 21:16)? Христу лучше бы надлежало сказать им: «слышите ли, что они говорят»? Ведь отроки воспевали Его, как Бога. Что же Христос? Так как иудеи противоречили столь очевидным знамениям, то Христос, чтобы сильнее обличить их и вместе исправить, говорит: «Разве вы никогда не читали: из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу» (Мф. 21:16)? И хорошо Он сказал – «из уст», так как слова их происходили не от разума их, но Его же сила двигала несовершенным еще языком их. Это изображало также и язычников, которые прежде немотствовали, но потом вдруг начинали вещать великие истины убедительно и с верою, – и вместе немало утешало и апостолов. Именно, чтобы апостолы не сомневались, как они, будучи людьми простыми и необразованными, могут проповедовать народам, отроки наперед истребили в них всякое беспокойство и внушили им твердую надежду, что Тот, кто научил отроков прославить Господа, сделает и их

красноречивыми. Это чудо показывало также, что Он есть Господь природы. Дети, еще не достигшие зрелого возраста, вещали великое и достойное неба; а мужи говорили слова, исполненные всякого безумия. Такова-то злоба! Итак, поскольку много было причин, от которых раздражались иудеи, например, толпы народа, изгнание из храма торгующих, чудеса, пение отроков, то Христос опять оставляет их, чтобы утишить их гнев, и не хочет предлагать им Своего учения, чтобы они, снедаемые завистью, не пришли еще в большее негодование от Его слов.

4 «Поутру же, возвращаясь в город, взалкал» (Мф. 21:18). Почему же Он алчет утром? Уступая требованиям плоти, Он этим показывал немощь ее. «И увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней и, ничего не найдя на ней, кроме одних листьев» (Мф. 21:19). Другой евангелист говорит: «Ибо еще не время было» (Мк. 11:13). Если же не пришло еще время собирания смокв, то, как же этот другой евангелист говорит: «Пошел, не найдет ли чего на ней»? Очевидно, это сказано евангелистом потому, что так думали ученики, которые еще не были совершенными. Евангелисты часто излагают мысли учеников. И не только это думали ученики, но и то, что смоковница проклята потому, что на ней нет плодов. Итак, для чего же смоковница проклята? Ради учеников, – именно, чтобы их ободрить. Так как Христос всегда благодетельствовал и никого не наказывал, между тем надлежало Ему показать и опыт Своего правосудия и отмщения, чтобы и ученики, и иудеи узнали, что Он, хотя и мог иссушить, подобно смоковнице своих распинателей, однако же, добровольно предает Себя на распятие, и не иссушает их, то Он и не захотел показать этого над людьми, но явил опыт Своего правосудия над растением. Итак, когда подобное

случается или с какими-либо местами, или с растениями, или с бессловесными животными, то не любопытствуй. Не говори: если еще не наступило время собирания плодов со смоковницы, то правосудно ли она иссушена? Такие слова крайне безрассудны. Лучше взирай на чудо, и дивись и прославляй чудодействующего. Так многие и судят о потоплении свиней, – отыскивая здесь причину правосудия. Но и в этом случае не должно их слушать. Как растения бездушны, так и животные без разума. Итак, почему дан такой вид делу и почему эта именно причина проклятия? Это, как я уже и прежде сказал, описано евангелистом так, как думали ученики. Если же не настало еще время собирания плодов, то напрасно некоторые говорят, будто под смоковницею изображается закон. Плодом закона была вера; и этот плод закон уже принес, и время собирать этот плод, тогда уже наступило. «Нивы, – сказано, – поспели к жатве» (Ин.4:35); и: «Я послал вас жать то, над чем вы не трудились» (Ин.4:38).

[5] 2. Итак, здесь не указывается на закон, но, как я уже сказал, Христос, проклиная смоковницу, представляет этим доказательство Своей силы и власти к отмщению; и это видно именно из слов: «ибо еще не время было». Слова эти показывают, что Христос подошел к смоковнице с особым намерением, не для того, чтобы утолить голод, но ради учеников, которые весьма удивились тому, что смоковница засохла, хотя много было чудес и важнее этого. Но для учеников, как я сказал, такое чудо было новым и неожиданным, потому что Христос в первый еще раз показал Свое правосудие и отмщение. Поэтому Господь сотворил чудо не над другим каким-либо деревом, но над смоковницею, – деревом, которое сочнее всех, так что чудо показалось от этого еще более необыкновенным. Но, чтобы ты знал, что это

сделано ради учеников, именно для ободрения их, – выслушай следующие слова. Что Христос говорит? Вы и большие чудеса сделаете, если будете иметь веру, соединенную с молитвою и упованием. Видишь ли, что все для учеников было сделано, чтобы они не страшились и не трепетали вражеских козней? Потому и в другой раз повторяет то же, чтобы утвердить их в вере и молитве. Не только это сделаете, говорит Он, но силою веры и молитвы и горы будете переставлять, и творить другие, еще большие чудеса. Между тем гордые и надменные иудеи, желая прервать беседу с учениками, подошли к Нему с вопросом: «Какой властью Ты это делаешь» (Мф. 21:23)? Так как иудеи не могли унизить Его чудес, то выставляют Ему поступок Его в храме с торжниками. Подобный вопрос предложили они и у евангелиста Иоанна, хотя не теми же словами, но в том же смысле. Они там говорят: «Каким знамением докажешь Ты нам, что [имеешь] [власть] так поступать» (Ин. 2:18)? Там Христос отвечает им: «Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (Ин.2:19), а здесь Он приводит их в крайнее затруднение. Отсюда очевидно, что случай, описываемый Иоанном, был в начале служения Иисуса, когда Он только что начал творить чудеса, а описываемый Матфеем был при конце его служения. Смысл же вопроса иудеев был такой: получил ли Ты кафедру учительскую, или рукоположен во священника, что выказываешь такую власть? Хотя Христос ничего не сделал, что бы показывало гордость, а только проявил заботу о благочинии церковном, однако иудеи, не имея совершенно ничего сказать против Иисуса, ставят Ему в вину и это. Впрочем, по причине чудес они не смели ничего сказать Ему в то время, когда Он изгнал торжников из храма; но укоряют Его уже после, когда

увидели Его. Что же Христос? Он не прямо отвечает на их вопрос, показывая тем, что они могли знать о Его власти, если бы захотели, – но Сам спрашивает их, говоря: «Крещение Иоанново откуда было: с небес, или от человеков» (Мф. 21:25)? Но как это относится к делу? спросишь ты. И очень. Если бы они сказали: «с небес», Он отвечал бы им: «Почему же вы не поверили ему»? – потому что, если бы верили, то и не спросили бы об этом, так как о Нем говорил Иоанн: «Недостоин развязать ремень обуви» Его (Лк. 3:16); и еще: «Вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира» (Ин 1:29); и также: «Сей есть Сын Божий» (Ин 1:34); и еще: «Приходящий с небес есть выше всех» (Ин. 3:31); и опять; «лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое» (Мф. 3:12). Поэтому, если бы иудеи поверили Иоанну, то не было бы никакого затруднения для них знать, какою властью Христос делает это. Далее, так как иудеи с лукавством отвечали Ему: «не знаем», то Христос не сказал им: и Я не знаю; но что же? «И Я вам не скажу» (Мф. 21:27). Если бы они в самом деле не знали, то надлежало бы научить их; но так как они поступали лукаво, то Христос справедливо ничего не отвечает им. Почему же иудеи не сказали, что крещение Иоанново было «от человеков»? Боялись народа, сказано. Видишь ли развращенное сердце? Богом всюду пренебрегают, а для людей все делают. И Иоанна боялись ради людей, уважая святого мужа не ради него самого, но ради народа; ради народа они не хотели веровать и в Иисуса Христа, – и вот где источник всех зол для них! Далее, Иисус Христос говорит им: «А как вам кажется? У одного человека было два сына; и он, подойдя к первому, сказал: сын! пойди сегодня работай в винограднике моем. Но он сказал в ответ: не хочу; а после, раскаявшись, пошел. И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал

в ответ: иду, государь, и не пошел. Который из двух исполнил волю отца? Говорят Ему: первый» (Мф.21:28–31). Христос опять притчами обличает иудеев, намекая как на неповиновение их, так и на покорность отверженных прежде язычников. Здесь под двумя сыновьями разумеется то, что случилось с язычниками и иудеями. Первые, не давая обещания в послушании и не слышав закона, самым делом оказывали повиновение; а последние, хотя говорили: «Все, что сказал Господь, исполним» (Исх. 19:8), на деле не оказывали покорности закону. Поэтому, чтобы иудеи не подумали, что закон приносит им пользу, Христос показывает, что это-то самое и осуждает их. Согласно с этим говорит и Павел: «Не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут» (Рим. 2:13). Поэтому, для того, чтобы иудеи осудили сами себя, Спаситель заставляет их самих произнести приговор. Так же точно Он делает и в следующей притче о винограде.

[6] 3. Здесь Христос заставляет иудеев также осудить самих себя в другом лице. Так как они не хотели прямо сознаться в своей вине, то Христос притчею доводит их до предположенной цели. Когда же они, не понимая цели притчи, произнесли приговор, тогда Он уже открывает им сам смысл притчи, и говорит: «Мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие, ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему» (Мф.21:31–32). Если бы Он просто сказал: блудницы прежде вас войдут в царство Божие, то Его слова показались бы им тяжкими; но теперь, когда сами они объявили свое мнение, то слова Его для них кажутся не так тяжкими. Для этого же Он приводит и причину. Какую же? «Пришел к вам Иоанн, –

говорит Он, а не к ним, и притом – путем праведности». Вы не можете обвинять его, как человека нерадивого и бесполезного. Он вел и жизнь безукоризненную, и имел большую попечительность; и однако, вы не послушали его. После этого следует другое осуждение, т. е., что мытари уверовали; затем еще обвинение, именно: вы даже и после них не поверили ему, а это вам надлежало сделать прежде мытарей; то же, что вы не сделали этого даже и после них, не заслуживает никакого прощения, и потому мытарям большая похвала, а вам – осуждение. Иоанн пришел к вам – и вы не приняли его; он не приходил к мытарям – и они приняли его, а вы не вразумились их примером. Заметь, как много доказательств является к похвале мытарей и осуждению иудеев. К вам пришел Иоанн, говорит Он, а не к ним; вы не поверили – это их не соблазнило; они поверили – это вам не принесло пользы. Слово же: «вперед вас» (или «предварит») не потому сказано, что иудеи последуют мытарям, но что и они, если захотят, могут войти в царствие Божие. Подлинно, ничто так не возбуждает грубых людей, как ревность. Поэтому Христос всегда говорит: последние будут первыми, и первые последними. Для того и представляет Он в пример блудниц и мытарей, чтобы иудеи возревновали. Грех блудниц и грех мытарей – два величайшие греха, происходящие от грубой любви, в первом случае к телу, в последнем – к деньгам. Притом Христос научает, что верить Иоанну значит истинно повиноваться закону Божию. Итак, блудницы входят в царствие Божие не по одной благодати, но и по правде, потому что входят они не как уже блудницы, но как послушные и верующие, чистые и переменившиеся. Видишь ли, как Христос сперва притчею, а потом указанием на блудниц делает слово Свое не столь тяжким

для иудеев, а между тем весьма сильным? Он не вдруг сказал им: почему вы не поверили Иоанну? но – что было гораздо поразительнее – сперва указывает на мытарей и блудниц, а потом уже говорит это, самими делами доказывая, что иудеи были недостойны прощения, и показывая, что они делают все из боязни к людям и ради суетной славы. Действительно, они и во Христа не веровали из-за страха, чтобы не быть отлученными от синагоги; равно и Иоанна не осмеливались осуждать, не по благочестию, но также по страху. Обличив иудеев во всем этом, Христос, наконец, наносит им самый тяжкий удар, говоря: «Вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему». Худо не делать доброго в самом начале; но еще большего осуждения достоин тот, кто и после не исправляется. Это особенно делает многих нечестивыми. Я даже и теперь вижу, как то же самое случается с некоторыми по причине крайнего их жестокосердия. Но пусть никто не будет таким бесчувственным, и если бы даже кто впал в величайшее нечестие, пусть и тогда не отчаивается в своем исправлении; легко выйти из самой глубокой бездны нечестия. Или вы не слыхали, как одна блудница, превосходившая всех своим распутством, после превзошла всех благочестием? Не о евангельской блуднице я говорю, но о той, которая на нашем веку была в финикийском городе, самом беззаконном. Эта блудница была некогда и у нас, считалась первою актрисою в театре, и имя ее повсюду было известно, и не в нашем только городе, но даже у киликийцев и каппадокиян. Она многих разорила; многих пустила сиротами; многие даже подозревали ее в чародействе, будто она завлекала в свои сети не только красотою телесною, но и колдовством. Эта блудница прельстила даже брата царицы: так велика была

ее сила! Но вдруг, – не знаю каким образом, только знаю верно, – она добровольно переменилась, привлекла на себя благодать Божию, презрела все прежнее и, бросив дьявольское очарование, прибегла к небу. И хотя не было никого бесстыднее ее, когда она была на сцене, однако после она многих превзошла своим великим целомудрием, – и одетая во вретище, она подвизалась так всю свою жизнь. И когда начальник города, по наущению некоторых людей, хотел возвратить ее на сцену, то посланные им воины с оружием не могли привести ее назад и взять от дев, которые приняли ее к себе. Удостоенная неизреченных тайн, явив ревность достойную благодати, она кончила жизнь, омытая от всех грехов, и после крещения являла уже великое благочестие. Она даже не хотела взглянуть на прежних своих приятелей, приходивших к ней, и, заключившись в уединении, многие годы провела как бы в темнице. Так первые будут последними, и последние первыми! Так нам нужно быть всегда ревностными, – и тогда ничто не воспрепятствует сделаться нам великими и дивными.

[7] 4. Итак, никакой грешник не должен отчаиваться, равно как и добродетельный человек не должен предаваться беспечности. И пусть последний не надеется на себя, так как может случиться, и очень часто случается, что блудница предварит его. Равно и грешник пусть не отчаивается, и ему еще возможно превзойти даже первых. Послушай, что говорит Бог Иерусалиму: «Я говорил: «возвратись ко Мне»; но она не возвратилась» (Иер. 3:7). Когда мы с пламенною любовью обращаемся к Богу, то Он не поминает прежних наших грехов. Бог – не как человек: Он не укоряет уже в том, что прошло, и, когда мы раскаиваемся, не говорит нам: для чего вы столько времени удалялись от Меня? но уже любит нас, когда мы

приходим к Нему, если только приходим к Нему как должно. Итак, соединимся с Господом пламенною любовью сердец наших. Примеры подобного рода можно видеть не только в Новом, но и в Ветхом Завете. Кто был хуже Манассии? Но он, смог умилостивить Бога. Кто был счастливее Соломона? Но он, предавшись беспечности, пал. Я могу даже показать и то и другое в одном лице, именно в лице Соломона: он был и добродетелен, и грешен. Кто был блаженнее Иуды? Но он сделался предателем. Кто был хуже Матфея? Но он сделался евангелистом. Кто был более достоин сожаления, как не Павел? Но он, сделался апостолом. Кто был ревностнее Симона? Но и он сделался несчастнее всех. Сколько можно видеть и других примеров, подобных перемен, бывших и в древние времена, и ныне случающихся каждый день! Поэтому-то я говорю, что ни тот, кто играет на сцене, не должен отчаиваться, ни тот, кто остается верным сыном Церкви, не должен быть самонадеянным. Господь говорит последнему: «Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть» (1Кор. 10:12); а первому: «Разве, упав, не встают» (Иер. 8:4)? И еще: «Укрепите ослабевшие руки и утвердите колени дрожащие» (Ис. 35:3). Бодрствуйте, говорит Он опять благочестивым; а нечестивым: «Встань, спящий, и воскресни из мертвых» (Еф. 5:14). Одни должны хранить то, что имеют; другие должны приобретать то, чего не имеют. Одни должны сберечь свое здоровье, другие – излечиться от болезни, так как много страждут. Но многие и больные возвращают себе здоровье, и здоровые, при беспечности, впадают в болезнь. Поэтому Господь говорит одним: «Вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже» (Ин. 5:14); а другим: «Хочешь ли быть здоров?... встань, возьми постель твою и ходи» (Ин. 5:6, 8;

Мф. 9:6). И подлинно, грех есть тяжкий, очень тяжкий недуг расслабления, или лучше – не такой только этот недуг, но нечто еще и более тяжелое. Такой человек не только не делает ничего доброго, но делает еще злое. Впрочем, хотя бы находился ты и в этом состоянии, если захочешь несколько восстать, весь недуг твой пройдет. Хотя бы тридцать восемь лет ты страдал, если только пожелаешь быть здоровым, ничто не воспрепятствует. И ныне предстоит Христос и говорит: «Возьми постель твою»! Только пожелай восстать, не отчаивайся. Ты не имеешь человека? Но имеешь Бога. Ты не имеешь, кто бы опустил тебя в купальню? За то имеешь Того, Кто и не допустит тебя иметь нужду в купальне. Ты не имеешь, кто бы помог тебе? Но за то имеешь Того, Кто повелевает тебе взять одр. А потому ты и не можешь теперь сказать: «Когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня» (Ин. 5:7). Если захочешь только сойти на источник, никто не воспрепятствует. Благодать не истощается, и не оскудевает. Этот источник струится беспрестанно, и от полноты его мы можем исцелить и души, и тела наши. Итак, приступим же теперь. И Раав была блудницею, однако же, она спаслась; и разбойник был человекоубийцей, но и он поселился в обителях райских. Иуда, будучи с учителем, погиб, а разбойник, будучи и на кресте, сделался учеником. Так непостижимы пути Божии! Волхвы угодили Богу, мытарь сделался евангелистом, гонитель Бога – апостолом.

[8] 5. Представляй это и никогда не отчаивайся, но всегда надейся и ободряй самого себя. Спеши только скорее вступить на путь, ведущий на небеса, чтобы не заключены были для тебя двери и не загражден вход. Коротко настоящее время, и труд не велик, но если бы даже он был и велик, то и в таком случае не нужно от него

отрекаться. Хотя бы ты не трудился на этом лучшем поприще, поприще покаяния и добродетели, все-таки ты должен трудиться и бедствовать в мире иным образом. Если же и здесь и там нужно трудиться, то почему же не избрать для себя того труда, который приносит и плоды обильные и награду великую? Впрочем, никак нельзя сравнивать труд для добродетели и труд для мира. В трудах житейских беспрерывные опасности, беспрестанные потери, обманчивая надежда, великое раболепство, изнеможение души и тела, трата денег, – а между тем плоды наших трудов, даже и в том случае, если они действительно бывают, далеко не соответствуют нашим ожиданиям. Не всегда труды наши в делах житейских приносят плоды. Но положим, что труды наши и не останутся без успеха, но принесут великие плоды; все же плоды эти будут на короткое время. Труды твои вознаграждены будут под старость твою, когда ты совершенно не в силах будешь наслаждаться плодами их. Ты трудишься в цветущих летах; а плоды собираешь и наслаждаешься ими в старости, когда сделаешься дряхлым, когда время притупит чувства твои, а если и не притупит, то мысль о смерти воспрепятствует наслаждению. Напротив, труды добродетели не таковы. Здесь труды подъемлются в слабом и смертном теле, а награда воздается в теле нетленном, бессмертном, бесконечно пребывающем. Труд предшествует и непродолжителен; а награда после следует и беспредельна, чтобы ты спокойно мог наслаждаться плодами трудов твоих, не опасаясь ничего неприятного. Там не должно страшиться никакой перемены, никакого несчастия, как это бывает здесь. Что это за блага, которые непостоянны, но скоропреходящи, ничтожны, которые исчезают при первом своем появлении, а между

тем приобретаются с большим трудом? И как они могут сравниться с теми благами, которые неизменяемы, не стареют, не требуют никакого труда и украшают тебя венцами еще во время подвигов твоих? Тот, кто презирает земные блага, уже в том самом находит для себя награду, что он свободен от беспокойства, ненависти, клеветы, коварства, зависти. Тот, кто ведет жизнь непорочную и честную, еще прежде отшествия из настоящей жизни увенчивается и утешается, освобождаясь от всякого бесчестия, посмеяния, опасностей, обвинения и от всех других зол. Точно также и все другие виды добродетели здесь еще доставляют нам награду. Итак, чтобы достигнуть настоящих и будущих благ, будем убегать порока и стремиться к добродетели. Таким образом мы и здесь будем утешаться и будущих удостоимся благ, которых все мы да сподобимся получить благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 68

[1] «Выслушайте другую притчу: был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградою, выкопал в нем точило, построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился. Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды; виноградари, схватив слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послал он других слуг, больше прежнего; и с ними поступили так же. Наконец, послал он к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградари, увидев сына, сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его и завладеем наследством его» (Лк. 20:13, 15). «И, схватив его, вывели вон из виноградника и убили. Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями? Говорят Ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои. Иисус говорит им: неужели вы никогда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла?» (Мф. 21:33–42)

[2] Толкование притчи о винограднике. – Христос предрекает отвержение иудеев и принятие язычников. – Иудеи сами виновны в своей погибели. – Блага будущие должно предпочитать настоящим. – Жизнь монашеская вожделеннее мирской жизни. – Описание образа жизни монахов. – Сравнение удовольствий, даваемых театром и монастырем. – Увещание поучаться жизни среди монахов.

[3] 1. Настоящею притчею Христос научает многому: что Бог с давних времен промышлял об иудеях; что они с самого начала склонны были к убийству; что приняты были всевозможные меры для их исправления; что даже по избиении ими пророков, Бог не отвратился от них, но еще послал к ним Сына; что и один и тот же есть Бог Нового и Ветхого Завета; что чрез смерть Христову совершено великое дело; что иудеи за крест Христов и за злодеяние свое понесут крайнее наказание; что будут призваны язычники, иудеи же отвержены. Притчу эту Христос предлагает после предыдущей для того чтоб тем показать всю тяжесть и совершенную непростительность греха их. Как же и чем именно? Тем, что иудеи, при всем об них попечении, дали блудницам и мытарям опередить себя, и притом так много. Рассуди же, как велико было Божие попечение о них, и как непомерна их беспечность. Он сам сделал все, что надлежало делать земледельцам: обнес оградою, насадил виноградник, и все прочее, а им оставил немногое: заботиться о том, что уже есть, и сберегать порученное. Ничто не было забыто, все приготовлено, но и при всем том они ничем не

воспользовались, хотя многое и в большей мере получили от Бога. Так, когда иудеи вышли из Египта, Бог дал им закон, дал им город, устроил жертвенник и храм воздвигнул. И отыде, – то есть, долго терпел, не всегда наказывал тотчас по преступлении. Под отшествием разумеется великое Божие долготерпение. «Послал своих слуг (то есть, пророков)... взять свои плоды», – т. е., повиновение, доказываемое делами. Но они и в этом случае показали свою злобу: не только после таких попечений о них не дали плода, что обнаруживало их недеятельность, но даже вознегодовали на пришедших. Если нечего было отдать, хотя были к тому обязаны, то им надлежало не досадовать и не негодовать, а умолять. Они же не только вознегодовали, но еще обагрили руки свои кровью и, сами заслуживая казни, предали казни посланных. Поэтому Бог послал в другой и в третий раз, чтобы обнаружилась и их злоба и человеколюбие Пославшего. Но почему Бог не тотчас послал Сына? Для того, чтобы они почувствовали, как несправедливо поступили с посланными рабами, и отложивши гнев, устыдились Его пришествия. Есть и другие причины; но пока займемся дальнейшим. Что значат слова: «может быть, постыдятся»? Ими показывается не неведение в Боге, а только намерение обнаружить великость греха и его совершенную непростительность. Бог знал, что убьют и Сына; и однако, послал. Словами же: «постыдятся сына моего» указывает, что должны они были сделать, – потому что им должно было устыдиться. Так, если и в другом месте говорит: «Будут ли они слушать» (Иез. 2:5), то не по неведению; но чтобы не сказал кто-нибудь из людей безрассудных, что самое предсказание Божие невольно влечет к неповиновению, для того и употребляет такой образ выражения: «будут ли, может быть». Если они уже

были непризнательны к рабам, то по крайней мере должны были почтить достоинство Сына. Но как же поступили они? В то время, как им должно было прийти и просить помилования в своих преступлениях, – они ведут себя по-прежнему, даже предпринимают новые злодеяния, ужаснее прежних. На это и сам Христос указывает, говоря: «Дополняйте же меру отцов ваших» (Мф. 23:32). В том же обвиняли их прежде пророки, говоря: «Ваши руки полны крови» (Ис. 1:15), и: «кровопролитие следует за кровопролитием» (Ос. 4:2), также: «созидающие Сион кровью» (Мих. 3:10). Но они не сделались благоразумнее, хотя и дана им была эта великая заповедь: «не убий», а чрез нее велено было воздерживаться от многого другого, и много употреблено было других различных побуждений к исполнению ими этой заповеди. Но, несмотря и на все это, они не оставили своего злого навыка. Но что говорят они, увидев Сына? «Пойдем, убьем его». Для чего и за что? Можно ли им было обвинять Его в чем-нибудь, великом или малом? Разве в том, что Он почтил вас, и будучи Богом, соделался для вас человеком и совершил бесчисленные чудеса? Или в том, что прощал грехи? Или в том, что призывал в царствие? Смотри, как они при своем нечестии крайне безумны, и как безрассудно их побуждение к убийству: «убьем его» (Лк. 20:14), говорят они, и «и наследство его будет наше»! И где намерены убить? Вне винограда.

[4] 2. Видишь, как Христос предсказывает о самом месте, где будет убит? «И, выведя его вон из виноградника, убили» (Лк. 20:15). По свидетельству ев. Луки, Христос сам объявил, что надлежало им за это претерпеть, а они сказали: «Да не будет!», но Он привел свидетельство. «Взглянув, – говорится,– на них, сказал: что значит сие написанное: камень, который отвергли строители, тот

самый сделался главою угла»? И: «Всякий, кто упадет на тот камень, разобьется» (Лк.20:16–18). Матфей же говорит, что иудеи сами произнесли приговор. Но в этом нет противоречия; и то, и другое было. Они произнесли на себя этот приговор, а потом, уразумев смысл притчи, сказали: «Да не будет!» и Он возразил им словами пророка, уверяя, что это непременно сбудется. Впрочем, и в этом случае не указал им прямо на язычников, чтобы не раздражить их против Себя, но намекнул только, сказав: «Отдаст виноградник другим» (Лк. 20:16). Без сомнения, Он и притчу сказал для того, чтобы иудеи сами произнесли приговор, что случилось и с Давидом, когда он произнес осуждение себе, уразумев притчу Нафана. Суди же по этому, как справедлив приговор, когда подвергаемые наказанию сами себя обвиняют. Потом, для того, чтобы они видели, что не только самая справедливость требует этого, но что давно уже предрекла это благодать Святого Духа, и Бог так определил, Христос приводит пророчество и обличает их, говоря: «Неужели вы никогда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла? Это от Господа, и есть дивно в очах наших?» Он всячески уверяет иудеев, что они, как неверующие, будут изгнаны, а язычники приняты. Это дал Он разуметь и обращением с хананеянкою, и избранием осла при входе во Иерусалим, и примером сотника, и многими притчами; на это же указывает и теперь. Поэтому Он и присовокупил: «Это от Господа, и есть дивно в очах наших», давая тем знать, что верующие язычники и те, которые из самих иудеев уверуют, составят одно, несмотря на все их прежнее между собою различие. Затем, чтобы они знали, что все это нисколько не противно Божию совершенству, а напротив весьма

сообразно с ним, и даже чудно и поразительно для всякого (а и действительно это было несказанное чудо), – Христос присовокупил: «Это от Господа». Камнем называет Себя, а зиждущими – учителей иудейских; то же сказано и Иезекиилем: «Когда он строит стену, они обмазывают ее грязью» (Иез. 13:10). Как же «отвергли»? Когда говорили: «Не от Бога Этот Человек» (Ин. 9:16); «обольщает народ» (Ин. 7:12); также: «Ты Самарянин и… бес в Тебе» (Ин. 8:48). Наконец, чтобы они знали, что им угрожает не одно отвержение, указывает на самые казни: всякий «кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит» (Мф. 21:44). Здесь Христос представляет двоякую гибель: одну от преткновения и соблазна, – это означают слова: «упадет на этот камень»; а другую, когда подвергнутся пленению, бедствиям и совершенной погибели, – что ясно выразил словами: «того раздавит». Этим же Он указал и на Свое воскресение. Пророк Исаия говорит, что Он обвиняет виноградник (т. е., народ); здесь же порицает и начальников народа. У Исаии говорит Он: «Что еще надлежало бы сделать для винограднika Моего, чего Я не сделал ему» (Ис. 5:4)? А у другого пророка: «Какую неправду нашли во Мне отцы ваши» (Иер. 2:5)? также: «Народ Мой! что сделал Я тебе и чем отягощал тебя» (Мих. 6:3)? Так Он изображал неблагодарность иудейского народа, что они за все Его благодеяния воздали Ему противным! Здесь то же самое говорит с большею силою. Не Сам Он является говорящим: «Что еще надлежало бы сделать… , чего Я не сделал»? Но представляет, что они сами произносят приговор, что все для них было сделано, и тем сами себя осуждают. Слова их: «Злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям» – то и означают, что они сами на себя произносят самый

строгий приговор. И Стефан укоряет их в этом, особенно нападая на них за то, что они, пользуясь постоянно великим Божиим промышлением о них, воздавали Благодетелю совсем противным; и это самое было ясным доказательством того, что не наказывающий, но сами наказываемые были виновниками ниспосылаемой на них казни. То же доказывается и здесь, как притчею, так и пророчеством. Христос не удовольствовался одною притчею, но привел еще два пророчества: одно Давидово, другое – собственное Свое. Итак, что же должны были сделать иудеи, выслушав это? Не поклониться ли Господу? Не удивляться ли Божией о них попечительности, явленной как в древние времена, так и после этого? Если никакое благодеяние не могло их сделать лучшими, то по крайней мере не надлежало ли им вразумиться хотя страхом наказания? Но они не вразумились. Что же сделали они после этого? «И слышав, – говорит евангелист, – притчи Его, первосвященники и фарисеи поняли, что Он о них говорит, и старались схватить Его, но побоялись народа, потому что Его почитали за Пророка» (Мф. 21:45–46). Иудеи, наконец, поняли, что Христос разумел их. Когда однажды они хотели схватить Его, Он прошел посреди их, и сделался невидим; в другой раз явился и остановил решительное их намерение убить Его, которым они мучились. И они, удивляясь этому, говорили: «Что Он подлинно Христос? Вот, Он говорит явно, и ничего не говорят Ему» (Ин. 7:25–26). Но теперь, так как их удерживал страх пред народом, Христос довольствуется этим, и не производит чуда, как прежде, не проходит посреди их, не делается невидимым. Он не хотел везде действовать сверхчеловеческою силою, чтобы верили истине Его вочеловечения. Но ни народ, ни слова Христа

не вразумили иудеев; они не устыдились ни свидетельства пророков, ни собственного своего приговора, ни мнения народного. Так совершенно ослепило их любоначалие, тщеславие и привязанность к временному!

[5] 3. И действительно, ничто так не доводит нас до опасного падения и не влечет по стремнинам, ничто так не лишает нас будущих благ, как пристрастие к вещам скоропреходящим; напротив, ничто так не приводит нас к обладанию настоящими и будущими благами, как предпочтение всему будущих. «Ищите же, – говорит Христос, – прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33). Но если бы даже не прилагались временные блага, и тогда не надлежало бы так много заботиться о их приобретении. Теперь же, получить будущие блага значит получить и настоящие. Но некоторые не убеждаются и этим и, уподобляясь бесчувственным камням, гоняются за тенью удовольствий. В самом деле, что сладостного в благах настоящей жизни? Что приятного? Я намерен свободнее поговорить с вами ныне. Но будьте внимательны и знайте, что жизнь, представляющаяся вам трудною и несносною (я говорю о жизни монахов и распявшихся миру), гораздо сладостнее и вожделеннее той, которая кажется вам приятною и удобною. И свидетели этому вы сами, которые часто, во время постигнувших вас несчастий и скорбей, просите себе смерти и называете блаженными живущих в горах и вертепах и ведущих жизнь безбрачную и беззаботную, вы, которые занимаетесь искусствами, служите в войсках, или живете без дела и праздно, и проводите дни в театре и местах пляски. И там, где по видимому тысячами текут удовольствия, и реками – увеселения, рождается бесчисленное множество горьких скорбей. Если кто воспылает любовью к одной из

плясавших там девиц, тот вытерпит страдания, каким не подвергнешься ни в многочисленных сражениях, ни в многократных странствованиях, и состояние такого человека будет более тягостно, чем всякого осажденного города. Но не станем описывать подробно этих мучений, и – предоставив это на суд совести плененных любовью – рассмотрим жизнь обыкновенную; и мы найдем между монашескою и мирскою жизнью такое же различие, как между пристанью и морем, непрестанно рассекаемым ветрами. Смотри, самые убежища монахов уже дают начало их благоденствию. Избегая рынков и городов и народного шума, они предпочли жизнь в горах, которая не имеет ничего общего с настоящею жизнью, не подвержена никаким человеческим превратностям, ни печали житейской, ни горести, ни большим заботам, ни опасностям, ни коварству, ни ненависти, ни зависти, ни порочной любви, ни всему тому подобному. Здесь они размышляют уже только о царствии небесном, беседуя в безмолвии и глубокой тишине с лесами, горами, источниками, а наиболее всего – с Богом. Жилища их чужды всякого шума, а душа, свободная от всех страстей и болезней, тонка, легка и гораздо чище самого тонкого воздуха. Занятия у них те же, какие были вначале и до падения Адама, когда он, облеченный славою, дерзновенно беседовал с Богом и обитал в преисполненном блаженства рае. И в самом деле: жизнь монахов, чем хуже жизни Адама, когда он до преслушания введен был в рай возделывать его? Адам не имел никаких житейских забот: нет их и у монахов. Адам чистою совестью беседовал с Богом: так и монахи; более того, они имеют гораздо больше дерзновения, нежели Адам, так как больше имеют в себе благодати, по дару Духа Святого. Надлежало бы вам собственными глазами

видеть это; но так как вы не хотите, и проводите жизнь в шуме и на торжищах, то по крайней мере, на словах опишу вам хотя одну часть их образа жизни, – всей же их жизни описать невозможно. Эти светильники мира, едва начинает восходить солнце, или еще до рассвета, встают с ложа здоровые, бодрые и свежие (потому что их не возмущает никакая печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни труд, ни множество дел, ни что-нибудь другое тому подобное, но они живут, как ангелы на небе). Итак, поспешно встав с ложа, бодрые и веселые, они все вместе с светлым лицом и совестью составляют один лик и как бы едиными устами поют гимны Богу всяческих, прославляя и благодаря Его за все благодеяния, как частные, так и общие. Поэтому, если угодно, оставив Адама, спрошу вас: чем отличается от ангелов этот лик поющих и восклицающих на земле: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лк. 2:14)? И одежда у них соответственна их мужеству. Они облечены не в длинные одежды, как люди изнеженные и расслабленные, но одежды их приготовлены, как у тех блаженных ангелов: Илии, Елисея, Иоанна и прочих апостолов, у одних из козьей, у других из верблюжьей шерсти, а некоторым довольно одной кожи, и то совсем обветшавшей. Потом, пропевши свои песни, с коленопреклонением, призывают прославленного ими Бога на помощь в таких делах, которые другим не скоро бы пришли на ум. Они не просят ни о чем настоящем, у них не бывает об этом слова; но просят о том, чтобы им с дерзновением стать пред страшным престолом, когда Единородный Сын Божий придет судить живых и мертвых, – чтобы никому из них не услышать того страшного голоса: «не знаю вас» (Мф. 25:12)! и чтобы в чистоте совести и обилии добрых дел совершить

настоящую трудную жизнь и благополучно переплыть это бурное море. Молитвы же их начинает отец и настоятель. Потом, как вставши, окончат эти священные и непрестанные молитвы, с восходом солнечным каждый идет к своему делу, и трудами многое приобретают для бедных.

[6] 4. Где теперь те, которые предаются дьявольским пляскам, непотребным песням и сидят в театре? Стыжусь вспоминать об них; но, по вашей немощи, необходимо сделать и это. И Павел говорит: «Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на [дела] беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на [дела] святые» (Рим. 6:19). Итак, посмотрим и мы на это сонмище блудных жен и непотребных юношей, собравшихся в театре, и их забавы, которыми весьма многие из беспечных юношей завлекаются в их сети, сравним с жизнью блаженных. Здесь мы найдем различия столько же, сколько между ангелами, если бы ты услышал их поющими на небе стройную песнь, и между собаками и свиньями, которые визжат, роясь в навозе. Устами одних говорит Христос, а языком других – дьявол. Там сами трубы издают звук, соответственный их нескладному голосу и уродливому виду, когда они надувают щеки и натягивают жилы. А здесь издает звук благодать Духа Святого, которая вместо труб, гуслей и флейт употребляет уста святых. Впрочем, что бы я ни говорил, невозможно вполне представить того удовольствия людям, привязанным к персти и плинфоделанию. Поэтому желал бы я взять кого-нибудь из пристрастившихся к театру, отвести в монастырь и показать ему собрание святых мужей; тогда мне уже не нужны были бы слова. Однако – несмотря на то, что беседую с людьми бренными, попытаюсь и словом хотя бы

несколько извлечь их из грязи и тины. Там слушатель тотчас воспламеняется огнем нечистой любви: если мало взора блудницы зажечь сердце, то голос ее влечет в гибель; а здесь, если бы даже душа и имела что-нибудь нечистое, она тотчас оставляет это. И не только голос и взор, но и самые одежды блудниц еще более приводят в смущение зрителей. Бедняк, человек низкий и презренный, посмотрев на это зрелище, будет досадовать и скажет сам себе: эта блудница и этот блудник – дети поваров и сапожников, а часто и рабов – живут в такой роскоши; а я, свободный, происходя от свободных, живя честными трудами, и во сне не могу представить себе этого, – и оставляет, таким образом, зрелище, съедаемый печалью. У монахов же не случится ничего такого, но все бывает совершенно напротив. В самом деле, когда увидит, что дети богатых и знатных родителей облечены в такие одежды, каких не носят и самые последние из нищих, и что даже еще радуются этому, то представьте, с каким утешением для своей бедности пойдет он из монастыря! А если посетит монахов и богатый, то возвратится от них лучшим и с здравыми понятиями о вещах. Опять, в театре, когда посмотрят на блудницу в золотом уборе, бедный станет плакать и рыдать, видя, что жена его не имеет ни одного такого украшения, а богатые после такого зрелища будут презирать и отвращаться своих супруг. Как скоро блудница представит зрителям и одежду, и взор, и голос, и поступь, и все, что может возбудить любострастие, – они выходят из театра воспламененные страстью, и возвращаются к себе домой уже пленниками. Отсюда происходят обиды, бесчестия, отсюда вражда, брани и каждодневные случаи смертные; и жизнь становится несносной такому пленнику, и жена ему уже не мила, и дети не по прежнему любезны, и весь дом

приходит в беспорядок, и самый свет солнечный, наконец, кажется для него несносным. Напротив, из монашеских собраний не происходит ни одной такой неприятности. Жена встречает мужа ласковым, кротким, непристрастившимся ни к какому гнусному удовольствию, и в обращении его находит больше непринужденности, нежели прежде. Столько-то зла производит театр, и столько добра монастырь: один овец делает волками, а другой и волков обращает в агнцев. Правда, мы пока ничего еще не сказали об удовольствиях монашеской жизни. Но что может быть приятнее того, когда душа наша ничем не возмущается, не мучится, не унывает, не стенает? Однако же, продолжим наше сравнение и рассмотрим, какое удовольствие доставляет нам то и другое пение, то и другое зрелище, – и мы увидим, что в первом случае оно продолжается только до вечера, пока зритель сидит в театре, а после язвит его больнее всякого жала; полученное же в монастыре удовольствие непрестанно сохраняет свою силу в душах зрителей, – навсегда остается в их мыслях и образ виденных ими мужей, и приятность места, и простота жизни, и чистота общества, и сладость прекрасного духовного пения. Вот почему те, которые всегда наслаждаются этим тихим пристанищем, бегают уже людского шума, как бы какой-нибудь бури. И не только во время своих песнопений и молитв, но и когда сидят за книгами, монахи доставляют зрителям приятное зрелище. После того, как кончится пение, один берет Исаию, и с ним беседует; другой беседует с апостолами; третий читает книги других писателей и любомудрствует о Боге, о мире, о предметах видимых и невидимых, чувственных и духовных, о ничтожности жизни настоящей и о величии жизни будущей.

[7] 5. Пища у них самая лучшая: они питаются не вареными мясами бессловесных животных, но словом Божиим, «слаще меда и капель сота» (Пс. 18:11). Это чудный мед и гораздо лучше того, которым некогда в пустыне питался Иоанн. Не дикие пчелы, садясь на цветы, собирают этот мед, и не росу, переварившие в себе, кладут в ульи; но приготовляет его благодать Духа Святого и, вместо сотов, ульев и дупла, полагает в души святых, так что желающий всегда безопасно может вкушать его. Подражая этим пчелам, и они облетают соты священных книг, почерпая в них великое удовольствие. Но если хочешь знать трапезу их, то подойди поближе, и ты увидишь, что отрыгаемое ими все сладко, приятно, исполнено духовным благоуханием. Уста их не могут произнести ни одного дурного слова и ни одного шуточного или грубого, но каждое достойно неба. Тот не погрешит, кто сравнит уста людей, бегающих по рынкам и жадно гоняющихся за житейским, со стоками нечистот, а уста монахов с источниками, текущими медом и бьющими чистыми ключами. Но если кому обидно, что я сравниваю уста людей со стоками нечистот, тот пусть знает, что я выразился еще весьма снисходительно. А священное писание не наблюдает и этой меры, но употребляет другое, гораздо сильнейшее сравнение, говоря: «Нет в устах их истины: сердце их – пагуба, гортань их – открытый гроб» (Пс. 5:10). Не таковы уста монахов: они исполнены благоухания. Таково настоящее их состояние! А будущее их – какое слово может выразить? Какой ум – постигнуть? Их жребий ангельский: неизреченное блаженство, несказанные блага! Может быть, теперь многие из вас воспламенились и чувствуют в себе желание вести такую прекрасную жизнь; но что пользы, ежели, пока вы здесь, этот огонь горит в вас, а как скоро

выйдете, пламя погасло, и это желание пропало? Как же сделать, чтобы этого не случилось? Пока горячо в тебе это желание, пойди к этим ангелам и воспламенись еще более. Не столько могут воспламенить мои слова, сколько взгляд на самое дело. Не говори: вот я переговорю с женою, кончу прежде дела свои; такая отсрочка есть начало беспечности. Послушай: некто хотел устроить домашние дела, и пророк не позволил ему (3Цар. 19:20). Что говорю: устроить? Ученик хотел погребсти отца, и Христос не согласился даже на то (Лк. 9:60). Какое же дело кажется тебе столько необходимо, как погребение отца? Но Христос и того не позволил. Почему же? Потому что дьявол всеми мерами старается вкрасться, и если заметит в человеке, что он мало занят или откладывает дело, производит в нем большую леность. Поэтому-то некто и советует: «Не откладывай со дня на день» (Сир. 6:8). Таким образом ты можешь в большем успеть, да и домашние дела твои будут в хорошем состоянии. «Ищите же, – сказано, – прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33). Если и мы обеспечиваем состояние тех, которые, пренебрегая собственными своими выгодами, заботятся о наших выгодах, то тем более Бог, Который и без того печется и промышляет о нас.

[8] Итак, не заботься о своих делах, но предоставь это Богу. Если ты заботишься, то заботишься как человек; если же Бог промышляет, то Он промышляет как Бог. Итак, не заботься о своих делах, оставляя важнейшее; иначе Бог менее будет промышлять о них. Но чтобы Бог более промышлял о твоих делах, предоставь все Ему одному. Когда ты, оставляя дела духовные, сам занимаешься делами житейскими, тогда уже Бог не много печется о них. Итак, чтобы все у тебя шло хорошо, и тебе

освободиться от всех забот, прилепись к духовному и презирай житейское: тогда ты с небом получишь и землю, и сподобишься будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 69

[1] «Иисус, продолжая говорить им притчами, сказал: Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего и послал рабов своих звать званых на брачный пир; и не хотели прийти. Опять послал других рабов, сказав: скажите званым: вот, я приготовил обед мой, тельцы мои и что откормлено, заколото, и все готово; приходите на брачный пир. Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою; прочие же, схватив рабов его, оскорбили и убили их». (Матф. 22:1–6)

[2] Сходство и различие притчей о винограднике и о брачном пире. – Почему царство небесное называется браком. – Три вины иудеев. – Попечение Божие об иудеях и их непризнательность. – Отвержение иудеев и призвание язычников. – Призвание бывает по благодати; должно соответствовать благодати послушанием. – Должно заботиться об одеянии души, не тела. – Указание на пример пустынников. – Простота жилища и трапезы монахов. – Безмятежность их жизни. – Презрение земных достоинств и отличий.

[3] 1. Видишь ли, какое различие между сыном и рабами представляется как в предыдущей притче, так и в этой? Видишь ли великое сходство и вместе великое различие

той и другой притчи? И эта притча показывает долготерпение Божье и великое Его попечение, а также и нечестие, и неблагодарность иудеев. Впрочем, эта притча заключает в себе больше первой: она предвозвещает отпадение иудеев и призвание язычников и, кроме того, показывает правильный образ жизни, и то, какая казнь ожидает беспечных. Справедливо эта притча предлагается после предыдущей притчи. Сказав в предыдущей беседе: «дано будет народу, приносящему плоды его» (Матф. 21:43), Христос показывает здесь, какому дастся языку; и не только это, но еще и то, что Он имел особенное попечение об иудеях. Там Он изображается призывающим прежде распятия Своего, а здесь – настоятельно привлекающим их к Себе и после распятия; и в то время как надлежало их наказать тягчайшим образом, Он влечет их на брачный пир и удостаивает высочайшей чести. И заметь, как там прежде призывает не язычников, а иудеев, так и здесь. Но как там, когда иудеи не хотели принять Его, и даже пришедшего к ним убили, Он отдал другим виноградник, так и здесь, когда они не хотели прийти на брачный пир, Он позвал других. Может ли что быть хуже такой непризнательности – быть званными на брачный пир, и не прийти? Кто не захочет пойти на брак, на брак царя, царя уготовляющего брак для сына? Ты спросишь: почему Царствие Небесное называется браком? Чтобы ты познал попечение Божье, любовь Его к нам, великолепие во всем, – познал то, что там ничего нет печального и прискорбного, но все исполнено духовной радости. Поэтому и Иоанн называет Его «женихом» (Иоан. 3:29); поэтому и Павел говорит: «потому что я обручил вас единому мужу» (2Кор. 11:2); и еще: «тайна сия велика; я говорю по отношению к Христу и к Церкви» (Ефес. 5:32).

Почему же невеста обручается не Отцу, но Сыну? Потому что если она обручается Сыну, то обручается и Отцу. В Писании то или другое полагается безразлично, по тождеству существа. Здесь Христос предвозвещает и о воскресении. Так как прежде Он говорил о смерти, то теперь показывает, что и после смерти будет брак, будет жених. Но и это не сделало иудеев лучшими, не смягчило их жестокого сердца. Что может быть хуже этого? Это третья их вина. Первая вина та, что они побили пророков; вторая, что они убили Сына; наконец, третья, что по совершении этого убийства, призываемые самим убиенным ими на брачный пир, не идут на него, но представляют причины – супруг, волов, поля, жен. Хотя эти причины кажутся благовидными, но из этого мы научаемся, что хотя бы удерживала нас и необходимость, духовное должно предпочитать всему. И не теперь только зовет Он, но уже давно. Он говорит: «скажите званным»; и еще: «позовите званных» – что еще более делает иудеев виновными. Когда же они были званы? Они были званы всеми пророками; потом Иоанном, который всех посылал к Христу, говоря: «Ему должно расти, а мне умаляться» (Иоан. 3:30); потом самим Сыном, который говорит: «придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Матф. 11:28); и еще: «кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Иоан. 7:37). Он их звал не одними только словами, но и делами; звал, по вознесении Своем, через Петра и прочих апостолов. Именно сказано: «Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников» (Гал. 2:8). Так как иудеи, увидев Сына, вознегодовали и убили Его, то Он зовет их опять через рабов. И к чему Он их призывает? К трудам, подвигам, бедствиям? Нет, Он их призывает к веселью. Говорит Он: «тельцы мои и что откормлено,

заколото, и все готово». Какой пышный пир, какое великолепие! Но и это их не обратило; напротив, чем Он больше долготерпел им, тем более они ожесточались. Они не пришли на брачный пир по лености, а не потому, что заняты были делами. Но как же одни из них представляют в извинение свое брак, а другие – волов? Разве это занятие? Ни в коем случае. Для духовных дел должно оставлять все другие занятия, даже необходимые. Мне же кажется, что они представляли такие причины только для того, чтобы прикрыть свою беспечность. И не только то одно худо, что они не пришли, но всего безрассуднее и ужаснее то, что они и пришедших приняли весьма дурно, надругались над ними и убили; это гораздо хуже прежнего. Прежде приходили к ним требовать плодов, и приходившие были убиты; теперь приходят от Убиенного ими звать на брачный пир, и также они убивают их. Что может сравниться с такой жестокостью? За это и Павел, укоряя их, сказал: «убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали» (1Фес. 2:15). Потом, чтобы они не сказали: «Он противник Божий, поэтому мы не пришли», – послушай, что говорят призывающие: Отец делает брачный пир и призывает. Что же после? Так как они не захотели прийти, но убили пришедших к ним, то Он сжег города их и, послав войско, истребил их. Этим Он предсказывает события, случившиеся при Веспасиане и Тите, и так как иудеи оскорбили и Отца, не поверив Ему, то Он сам принимает на Себя отмщение их. Потому не тотчас по смерти Христа случилось истребление города, но спустя сорок лет, – после того, как они убили Стефана, умертвили Иакова и надругались над апостолами, – чтобы видно было Его долготерпение. Видишь ли, как точно и скоро исполнились самые события? Это случилось еще при жизни Иоанна и многих других, бывших с Христом, и

свидетелями этих событий были те, которые слышали это предсказание. Заметь особенное попечение Божье. Он насадил виноградник, – все сделал и выполнил: по убиении одних рабов, послал других; по убиении этих, послал Сына, и по убиении Сына, призывает их на брак; они же не захотели прийти. После посылает других рабов, – они и этих убили. Тогда, наконец, Он истребляет их, как зараженных неисцелимой болезнью. А что они заражены были неисцелимой болезнью, это доказывают не только прежние поступки их, но и то, что они совершали подобные дела и после того, как уверовали блудницы и мытари. Таким образом, они осуждаются не только за свои злодеяния, но и за то, что другие делали доброе. Если же кто скажет, что язычники призывались не тогда, когда апостолы подвергались бичеваниям и терпели бесчисленные бедствия, но тотчас после воскресения (тогда именно им сказал Иисус Христос: «идите, научите все народы» – Матф. 28:19), то мы на это ответим, что ученики говорили иудеям первым, и прежде, и после креста. И прежде креста Иисус говорил ученикам: «идите прежде к погибшим овцам дома Израилева», и после креста Он не запретил, но повелел ученикам проповедовать иудеям. Хотя Он и сказал: «научите все народы», но перед вознесением Своим на небо ясно показал ученикам, что они должны проповедовать иудеям прежде. Он сказал: «вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. 1:8). И Павел также говорит: «Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников» (Гал. 2:8). Поэтому и апостолы прежде проповедовали иудеям, и, пробыв долгое время в

Иерусалиме, когда уже были изгнаны иудеями, рассеялись между язычниками.

4 2. Заметь и здесь великую любовь Господа. «Всех, кого найдете, зовите на брачный пир», говорит Он. Прежде, как сказал я, апостолы благовествовали и иудеям, и язычникам, находясь, впрочем, более в Иудее; но так как иудеи не прекращали коварства против апостолов, то послушай, как Павел, изъясняя эту притчу, говорит: «вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его,.. то вот, мы обращаемся к язычникам» (Деян. 13:46). Поэтому и сам Господь говорит: «брачный пир готов, а званые не были достойны» (Матф. 22:8). Он без сомнения и прежде знал об этом, но чтобы не оставить иудеям никакого предлога к бесстыдному извинению, не смотря и на это пришел к ним первым, и послал Своих апостолов, чтобы им заградить уста, а нас научить исполнять все, что относится к нам, хотя бы никто не получил от этого никакой пользы. Итак, говорит Он, так как они «не были достойны, пойдите на распутья и всех, кого найдете, зовите на брачный пир» (Матф. 22:9), даже низких и презренных. Так как Он часто говорил, что блудницы и мытари наследуют небо, и первые будут последними, а последние первыми (Матф. 21:31, 19:30), то теперь показывает, что все это делается справедливо. Видеть, что язычники на их место вводятся в царство – особенно сильно оскорбляло иудеев и смущало их гораздо более, нежели разорение их города. Потом, чтобы первые не полагались на одну веру, Он рассуждает с ними о суде и наказании за худые дела; старается неверующих привести к вере, а верующих наставляет в правилах жизни. Под «одеждой» разумеются дела жизни. Но ведь призвание – дело благодати: почему же Он о нем так обстоятельно рассуждает? Потому что хотя призвание

и очищение есть дело благодати, но то, чтобы призванный и облеченный в чистую одежду постоянно ее сохранял такой, зависит от старания призванных. Призвание бывает не по достоинству, но по благодати. Поэтому должно соответствовать благодати послушанием, и получив честь, не показывать такого нечестия. Но ты скажешь: я не получил столько благ, сколько иудеи. Нет, ты получил гораздо большие блага. То, что в продолжение всего времени было приготовляемо для них, всецело получил ты, не будучи того достойным. Поэтому и Павел говорит, что язычники за милость прославят Бога (Римл. 15:9). Ты получил то, что должны были они получить. Поэтому великое наказание ожидает нерадивых. Ты, уклоняясь к развратной жизни, так же оскорбляешь Бога, как и они оскорбили Его тем, что не пришли к Нему. «Войти в нечистой одежде» – означает, имея нечистую жизнь, лишиться благодати. Потому и сказано: «он же молчал». Не видишь ли, как, при всей ясности дела, Господь не прежде наказывает, как тогда уже, когда согрешивший сам осудил себя? Не имея чем защитить себя, он осудил самого себя, и, таким образом, подвергает себя чрезвычайному наказанию. Слыша «о мраке», не подумай, что он тем только и наказывается, что отсылается в темное место; нет, здесь еще «будет плач и скрежет зубов». А эти слова указывают на нестерпимые муки. Обратите внимание на это все вы, которые, приняв участие в таинствах и будучи призваны на брак, облекаете душу нечистыми делами! Послушайте, откуда вы призваны: с распутья! Что вы были? Хромые и слепые по душе, – что гораздо хуже слепоты телесной. Почтите человеколюбие Призвавшего; и пусть никто да не остается в нечистой одежде, но каждый из нас пусть позаботится об одеянии души своей. Послушайте жены,

послушайте мужья! Нам нужна не эта златотканая одежда, украшающая наше тело, но одежда, которая бы украшала душу. Но нам трудно облечься в эту одежду, пока мы будем носить первую. Нельзя украшать вместе и душу, и тело. Нельзя вместе работать мамоне и служить, как должно Христу. Итак, оставим эту худую привычку, которая господствует над нами. Ты, конечно, не снес бы великодушно, если бы кто украсил дом золотыми занавесами, а тебя заставил сидеть в рубище, почти нагим. Но вот ты теперь сам это делаешь с собой, украшая жилище души твоей, т. е. тело, бесчисленными дорогими одеждами, а душу оставляя в рубище. Неужели ты не знаешь, что царю надобно более украшаться, нежели городу? Поэтому-то для города приготавливают одежду изо льна, а для царя – порфиру и диадему. Так и ты должен прикрывать тело наиболее дешевой одеждой, а ум одевать в порфиру, украшать венцом, и сажать на высоком и блистательном троне. А теперь делаешь совсем наоборот: разнообразно украшаешь свой город, а царя – ум оставляешь влачиться в узах за необузданными страстями. Неужели ты не понимаешь, что ты зван на брак, и на брак Божий? Неужели не представляешь, что званную в этот торжественный чертог душу твою надобно будет ввести облеченной и украшенной золотыми одеждами?

[5] 3. Хочешь ли, я покажу тебе одетых в брачную одежду? Припомни тех святых, о которых я недавно говорил вам, – святых, облеченных во власяницы, живущих в пустынях. Они-то особенно носят эти брачные одежды. А отсюда очевидно, что какие бы ты ни давал им порфирные одежды, они не согласятся взять их; но как царь, если бы кто велел ему надеть худую одежду бедняка, отвергнул бы ее с презрением, так отвергнут и они его багряницу. И это

они делают не по чему-либо другому, а потому, что знают красоту своей одежды. Потому же презирают они и пышное одеяние, как паутину. Вретище научило их этому. Действительно, они гораздо выше и славнее самого царя. Если бы ты мог отворить двери сердца их и увидеть душу их и всю красоту внутреннюю, – ты упал бы на землю, будучи не в состоянии вынести сияния красоты, светлости тех одежд и блеска их совести. Мы можем указать на великих и чудных мужей древности; но так как на людей простых видимые примеры действуют сильнее, то я посылаю вас, поэтому, в самые обители этих святых. У них нет никакой печали; но как бы на небесах устроив себе хижины, они так же далеко обитают от бедствий настоящей жизни и, ополчившись против дьявола, борются с ним так легко, как будто играют. Устроив, таким образом, жилища себе, они избегают городов, общественных собраний и домов, потому что воюющему не годится сидеть в доме, но, как намеревающемуся тотчас переселиться, должно жить в таком жилище, которое легко оставит. Таковы все те, которые живут не так, как мы. Мы живем не как в воинских лагерях, а как в мирном городе. Кто, в самом деле, живя в стане воинском, полагает основание и строит дом, который спустя немного времени намеревается оставить? Никто. А если бы кто и решился на это, того убьют, как изменника. Кто, в лагере, закупает десятины земли и замышляет о торговле? Никто, конечно. И совершенно справедливо, – говорят же: ты пришел воевать, а не торговать. Итак, что ты так заботишься о месте, которое скоро должен оставить? Делай это, когда возвратишься в отечество. Это же самое и тебе скажу теперь я: поступай так тогда, когда возвратишься в вышний град. Еще более: там тебе вовсе не нужно будет трудиться, потому что Царь все для тебя

устроит. Здесь же довольно выкопать яму и воткнуть кол, а строить ничего не нужно.

6 Послушай, какая жизнь у кочующих скифов, какой образ жизни ведут номады? Так надобно жить и христианам: обходить вселенную, воюя с дьяволом и освобождая плененных им, и забывать все житейское. Человек! Для чего ты готовишь дом? Для того ли, чтобы больше связать себя? Для чего закапываешь сокровище и вызываешь против себя врага? Для чего строишь стены и готовишь себе тюрьму? Если это кажется тебе трудным, пойдем в обители святых, и узнаем легкость труда на деле. Устроив хижины, они, если нужно будет оставить их, так же оставляют, как воины во время мира оставляют лагерь. Поистине они живут как в лагере, или еще гораздо приятнее. Приятнее видеть пустыню, усеянную хижинами монашескими, нежели видеть стан воинов, которые раскидывают в поле шатры, втыкают копья и на концы их вешают красные плащи, видеть множество людей с медными шлемами на головах, выпуклость ярко блещущих щитов, людей, с головы до ног покрытых железными латами, наскоро устроенные царские палатки, обширное ровное поле, и пирующих и играющих на трубах воинов. Это зрелище не столько увеселяет, как то, о котором я теперь говорю. Если мы пойдем в пустыню посмотреть палатки воинов Христовых, то не увидим ни растянутых покровов, ни острых копий, ни золотых тканей, покрывающих палатку царскую; но как если бы кто, распростерши на земле, более обширной и неизмеримой, чем наша, многие небеса, представил бы зрелище новое и изумляющее, так и там можно видеть то же самое. Их обитель ничем не хуже небес, потому что к ним сходят ангелы, и даже сам Господь ангелов. Если Господь и ангелы приходили к Аврааму, человеку

женатому и озабоченному воспитанием детей, приходили потому, что знали его страннопримство, то – когда обретают большую добродетель и находят человека отрешившегося от тела и в плоти плоть презирающего, – гораздо более пребывают здесь и веселятся радостью им свойственной. Трапеза святых свободна от всякого излишества и исполнена благочестия. Нет у них потоков крови, они не рассекают мяса; нет головных болей; нет приправ в кушаньях; нет ни тяжелого запаха и неприятного курева, ни беспрестанного беганья и шума, ни суматохи и криков несносных, а только хлеб и вода, вода из чистого источника, хлеб от трудов праведных. Если же они захотят лучше приготовить пищу, то ягоды составляют их лакомство; и здесь более удовольствия, чем на царских обедах. Нет здесь никакого страха и трепета; не обвиняет начальник, не раздражает жена, не печалит сын, не утомляет чрезмерный смех, не делает напыщенными толпа льстецов; но трапеза их – трапеза ангелов, свободная от всякого подобного смятения. Постелью служит им просто трава, как сделал Христос, напитав народ в пустыне; а многие спят и не имея крова, но вместо кровли им служит небо и луна вместо светильника, который не имеет нужды ни в масле, ни в том, кто бы поправлял его; и для них-то одних недаром светит луна.

[7] 4. Смотря на такую трапезу с неба, и ангелы веселятся и радуются. В самом деле, если они радуются и об одном грешнике кающемся (Лук. 15:7), то чего не сделают для стольких праведников, подражающих им самим? Там нет господина и раба: все рабы, и все свободные. Не думай, что я говорю иносказательно. Они и рабы друг другу, и владыки друг над другом. С наступлением вечера им не о чем сокрушаться, как это бывает со многими из людей,

когда они размышляют о дневных неприятностях. После ужина им не нужно бояться разбойников, запирать двери, налагать засовы, или опасаться чего-либо другого, чего обыкновенно боятся многие, гася осторожно светильники, чтобы искра не зажгла дом. И разговор их исполнен такого же спокойствия. Они не говорят о том, о чем, совершенно и не касающемся нас, разговариваем мы, например: тот-то сделан начальником, тот лишен начальства, тот умер, а другой получил наследство, и тому подобное; но всегда разговаривают и любомудрствуют о будущем, и как бы обитающие в другом мире, как бы переселившиеся на самое небо и живущие там, всегда рассуждают о небесном: о лоне Авраама, о венцах святых, о ликовании со Христом; а о настоящем нет у них ни помина, ни слова. И как мы не считаем достойным нашего разговора то, что делают муравьи в своих муравейниках, так и они не говорят о том, что делаем мы, а говорят о небесном царстве, о настоящей брани, о кознях дьявола, о великих подвигах, совершенных святыми. Итак, если мы сравним себя с ними, чем лучше будем муравьев? Как муравьи заботятся о вещественном, так и мы. И пусть бы заботились мы только об этом, а то еще гораздо о худшем, – потому что заботимся не о необходимом только, как муравьи, но и об излишнем. Муравьи трудятся и труд их безукоризнен, а мы всегда трудимся из любостяжания, и подражаем труду не муравьев, а волков и леопардов, даже являемся еще и их хуже. Им так судила природа добывать пищу; нас же Бог почтил и разумом и справедливостью, а мы стали хуже зверей. Мы сделались хуже бессловесных животных, а праведные равны ангелам, будучи странниками и пришельцами на этой земле. У них все отлично от нашего: и одежда, и пища, и жилище, и обувь, и речь. И если бы

кто послушал разговор праведных и наш, тот хорошо узнал бы, что они граждане небесные, а мы недостойны даже и земли. Поэтому, когда кто облеченный достоинством приходит к ним, то здесь совершенно пропадает вся надменность. Этот самый земледелец, неопытный ни в чем житейском, сидит на траве, на грязной подстилке, рядом с полководцем, который много мечтает о власти своей, – потому что здесь некому величать его и поселять в нем гордость. Здесь бывает то же самое, как если бы кто пришел к золотых дел мастеру, или в розовый цветник: как здесь пришедший получает некоторый блеск и от золота, и от роз, так и приходящие к праведным, получая некоторую пользу от блеска их, освобождаются несколько от прежней своей гордости. Или, как тот, кто взойдет на высокое место, хотя бы был и очень мал, кажется большим, так и те, восходя в беседе к высоким помыслам праведников, и сами кажутся такими же, пока остаются с ними, а когда уходят, то, спустившись с этой высоты, опять становятся низкими. Ничто у святых царь, ничто начальник; но как мы смеемся над детьми, в игре представляющими царя или начальника, так и они презирают гордость тех, которые внушают страх собой. Отсюда очевидно, что если бы кто стал давать им царство для охранения, они не согласились бы принять; взяли бы, может быть, если бы не заботились о большем царстве и не почитали первого делом временным. Итак, почему мы не спешим к столь великому блаженству, не идем к этим ангелам? Почему не надеваем чистых одежд и не торжествуем этих браков, но остаемся бедными, нисколько не лучшими нищих, сидящих на распутьях и даже еще хуже и беднее их? Действительно, неправедно обогащающиеся гораздо хуже нищих, и лучше просить, нежели похищать, так как первое простительно, а

последнее влечет за собой наказание. Тот, кто просит, нисколько не оскорбляет Бога; а кто похищает, оскорбляет и Бога, и людей, и часто только тратит труды при хищении, а всеми плодами пользуются другие. Итак, зная это, оставим всякое любостяжание и будем приобретать сокровище нетленное, восхищая со всяким тщанием царство небесное, – потому что невозможно, невозможно ленивому войти в это царство. О, если бы мы все, сделавшись прилежными и бдительными, получили его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 70

[1] «Тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уловить Его в словах». (Матф. 22:15)

[2] Намерение иудеев уличить Христа в возмутительстве против власти. – Как обличает их Христос. – Кто были саддукеи. – Вымышленность их рассказа о жене, имевшей семь мужей. – Свойства и действительность будущего воскресения. – Изображение брани, подвигов и побед пустынников над пьянством и чревоугодием. – Сравнение трапезы сластолюбцев и пустынников.

[3] 1. «Тогда»: когда же это? Когда бы всего более надлежало сокрушиться сердцем, прийти в изумление от человеколюбия Божьего, устрашиться будущего (суда) и, смотря на то, что уже совершилось, поверить тому, что должно совершиться. Слова Спасителя ясно подтверждались самыми событиями. В самом деле, мытари и блудницы обращались к вере, пророки и праведники были преданы смерти: зная это, фарисеи должны были не сомневаться в том, что слышали о своей погибели, а должны были уверовать и вразумиться. Но и это не прекращает злобы их; она не перестает мучить их и усиливаться еще более. А так как они не могли схватить Иисуса (потому что боялись народа), то избрали другой путь и, чтобы подвергнуть Его опасности, вознамерились обвинить Его в нарушении постановлений общественных.

«Посылают», сказано, «к Нему учеников своих с иродианами, говоря: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божьему учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо; итак, скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет» (Матф. 22:16–17)? Они платили уже дань с того времени, как управление общественными делами их перешло во власть римлян. Итак, зная, что не задолго перед тем Февда и Иуда, вознамерившись произвести возмущение, были за это убиты, они хотели и Иисуса вопросом своим подвергнуть подобному подозрению. С этой целью они и послали не только своих учеников, но и воинов Иродовых, думая через это с той и другой стороны выкопать для Него ров и расставить сети, чтобы в том и другом случае уловить Его. Стал ли бы Спаситель говорить согласно с мнением иродиан, – в таком случае фарисеи могли бы укорять Его; стал ли бы Он говорить согласно с ними, – приверженцы Ирода обвинили бы Его. Правда, Он заплатил уже дидрахму; но они не знали этого, и потому в том или другом случае надеялись уловить Его. Впрочем, им более хотелось того, чтобы Он дал ответ, противный мнению иродиан. С этим намерением они послали и учеников своих, чтобы их присутствием побудить Его к такому ответу и на этом основании предать Его игемону, как похитителя законной власти. На это указывает и евангелист Лука, говоря, что они и перед народом вопрошали Его для того, чтобы больше иметь свидетелей. Но вышло совсем противное их намерению, и они только перед большим числом зрителей обнаружили свое безумие. И смотри, с какой лестью они приступают к Нему, и как хитро прикрывают свое намерение. «Знаем», говорят, «что Ты справедлив». Как же вы прежде

говорили, что «Он обольщает народ», и «одержим бесом» (Иоан. 7:12, 10:20), и «не от Бога»? Как не задолго перед этим совещались убить Его? Но чего не делают люди, когда хотят причинить зло другим! Так как незадолго перед тем они с наглостью спрашивали Его; «какой властью Ты это делаешь» (Матф. 21:23)? и не могли получить ответа, то теперь надеются лестью надмить Его, и склонить к тому, чтобы Он сказал что-нибудь противное установленным законам и верховной власти. Поэтому они и заявляют Ему о Его справедливости, и, таким образом, признают Его тем, что Он есть на самом деле, только не от чистого сердца и не охотно, – и присовокупляют: «не заботишься об угождении кому-либо». Смотри, как ясно обнаруживается в этих словах намерение их заставить Его сказать что-нибудь такое, что могло бы оскорбить Ирода и навлечь на Спасителя подозрение в похищении власти, как на человека восстающего против закона, чтобы потом могли они подвергнуть Его наказанию, как возмутителя и похитителя верховной власти. Говоря к Нему: «не заботишься об угождении кому-либо», и: «не смотришь ни на какое лицо», они намекали тем на Ирода и кесаря. «Скажи нам: как Тебе кажется»? Теперь вы уважаете и называете учителем того, которого столько раз презирали и оскорбляли, когда Он беседовал с вами о вашем спасении! Впрочем, они и теперь думают о Нем так же, как и прежде. И посмотри, как они коварно действуют; не говорят: скажи нам, что хорошо, что полезно, что согласно с законом, – но: «как Тебе кажется»? Они только за тем и смотрят, как бы предать Его и уличить в противлении верховной власти. Это показывает и евангелист Марк, который, яснее открывая их дерзость и убийственное намерение, говорит, что они так спрашивали Спасителя: давать ли нам подать кесарю, или

не давать (Марк 12:14)? Так они дышали яростью и мучились желанием погубить Его, хотя притворно показывали вид, будто хотят угодить Ему. Что же Он? «Что искушаете Меня, лицемеры» (Матф. 22:18)? Не видите ли, что теперь Он уже с большей строгостью начинает говорить к ним? Так как злоба их уже созрела и открыто обнаруживалась, то Спаситель глубже рассекает их рану, открывает их тайные мысли, обнаруживает перед всеми, с каким намерением они пришли к Нему, – и, таким образом, в самом начале приводит их в замешательство и заставляет молчать. А сделал Он это, желая усмирить их злобу, чтобы они и впредь подобными начинаниями не причиняли себе вреда. Хотя они на словах и оказывали Ему великое уважение, называли Его учителем, свидетельствовали, что Он справедлив и не смотрит на лица, – но Он, как Бог, не мог быть этим обманут. Итак, и из слов Его они должны были заключить, что Он не по догадке обличает их, но знает и сокровенные их мысли.

[4] 2. Но Спаситель не остановился на одном обличении. Хотя и довольно было того, чтобы, обличив их намерение и открыв лукавство, привести их в стыд, но Он не довольствуется этим, а еще и иным образом заграждает уста их. «Покажите Мне», говорит Он, «монету, которой платится подать» (Матф. 22:19). Когда же они показали Ему, то Он и теперь, как и в других случаях, и их собственными устами произносит приговор, и заставляет их самих сознаться, что должно платить дань кесарю, – в чем и состояла главная и торжественная Его победа над ними. Итак, Он спрашивает их не потому, чтобы не знал, какой должно дать ответ, но потому, что желает их же собственными словами обличить их. Когда они на вопрос Его: «чье это изображение»? отвечали: «кесарево», то Он

сказал им: «отдавайте кесарево кесарю» (Матф. 22:20). Платить дань не значит давать, но отдавать должное; и в подтверждение этого Он указывает на изображение и надпись. А чтобы они не сказали: «Ты подчиняешь нас людям?», прибавляет: а «Божие Богу». И людям надобно воздавать должное, и Богу – то, чем мы в отношении к Нему обязаны. Поэтому и Павел говорит: «отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь» (Рим. 13:7). Впрочем, когда ты слышишь: «отдавайте кесарево кесарю», разумей под этим только то, что нисколько не вредит благочестию; все противное благочестию не есть уже дань кесарю, но дань и оброк дьяволу. Услышав такой ответ, фарисеи замолчали и дивились Его мудрости. После этого надлежало бы им уверовать и признать себя пораженными. В самом деле, Он представил им очевидное доказательство Своей божественности, открыв их тайные мысли, и кротким образом заставил их молчать. Что же? Поверили ли они? Нет; но «оставив Его, ушли» (Матф. 22:22). После них к Спасителю приступили саддукеи. Какое безумие! Едва успел Он заградить уста фарисеям, как уже к Нему приступают эти, тогда, как им следовало бы воздержаться от этого. Но дерзость так бесстыдна и безрассудна, что покушается даже и на невозможное. Потому и евангелист, удивляясь их безумию, указывает на него, говоря: «в тот день приступили» (Матф. 22:23). «В тот день»: когда же это? В тот самый день, в который Спаситель изобличил лукавство фарисеев, и посрамил их. Кто ж такие саддукеи? Это люди, составлявшие особенную секту между иудеями, отличную от фарисейской и гораздо худшую той, – утверждавшие, что нет ни воскресения, ни ангела, ни духа. Они были грубее фарисеев, и совершенно преданы вещам телесным. У

иудеев много было различных сект. Поэтому и Павел говорит: «я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению» (Деян. 26:5). Впрочем, саддукеи, приступив к Спасителю, не прямо начинают говорить о воскресении, но вымышляют какую-то басню и рассказывают о происшествии, по моему мнению, небывалом, думая привести Его в затруднение опровергнуть и то, и другое: и то, что будет воскресение, и то, что оно будет такое, какое разумел Спаситель. И они, подобно фарисеям, приступают как будто с кротостью, говоря: «Учитель! Моисей сказал: если кто умрет, не имея детей, то брат его пусть возьмет за себя жену его и восстановит семя брату своему; было у нас семь братьев; первый, женившись, умер и, не имея детей, оставил жену свою брату своему; подобно и второй, и третий, даже до седьмого; после же всех умерла и жена; итак, в воскресении, которого из семи будет она женой» (Матф. 22:24–28)? Смотри, с какой мудростью, приличной истинному учителю, Спаситель отвечает им. Хотя они приступили к Нему и с коварным намерением, но вопрос их происходил более от неведения. Поэтому Спаситель и не называет их лицемерами. А чтобы Он не спросил: почему семеро имели одну жену? саддукеи ссылаются на Моисея, хотя весь их рассказ, как я уже сказал, по мнению моему, был вымышлен. Действительно, третий не взял бы ее за себя, видя, что уже два ее мужа умерли; а если бы взял ее за себя третий, то не взял бы четвертый и пятый; если же бы и эти согласились, то верно уже не решились бы на это шестой и седьмой, но отвратились бы от нее, опасаясь той же участи, так как к таковым опасениям склонны были иудеи. Если и ныне многие имеют подобные опасения, то тем более тогда имели их иудеи, которые и без того избегали подобных супружеств,

несмотря на то, что были обязываемы к тому законом. Вот почему и Руфь, моавитянка, вышла за дальнего родственника, тогда как был ближайший, а Фамарь по той же причине принуждена была обмануть свекра своего, чтобы не остаться бездетной. Для чего же саддукеи выдумали, что не двух или трех, но семь мужей имела одна жена? Через это они надеялись еще более осмеять учение о воскресении. Потому-то и говорят: «все имели ее», думая, что уже после этого Ему нечего сказать. Что же Христос? Он отвечает на то и другое, имея в виду не слова их, но намерение, и так же, как и прежде, открывает сокровенные их помышления, частью обнаруживая перед всеми, а частью предоставляя обличение их совести вопрошающих. Теперь смотри, как Он показывает и то и другое, то есть, что будет и воскресение, и что оно будет не такое, каким они представляют его себе. Что же Он говорит им? «заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божьей» (Матф. 22:29). Так как они ссылаются на Моисея и на закон, как знающие его, то Спаситель показывает, что самый этот вопрос и обличает их в неведении Писания. Потому-то они и искушали Его, что не разумели Писания надлежащим образом, и не знали силы Божьей. Удивительно ли, говорит Он, что вы искушаете Меня, Которого еще не знаете, когда не ведаете даже силы Божьей, столько доказательств которой вам представлено, и между тем вы не познали ее ни из Писания, ни из общих начал разума? Ведь и из общих начал разума можно знать, что Богу все возможно.

[5] 3. И, во-первых, Спаситель отвечает на вопрос. Так как причиной того, что они не верили в воскресение, было мнение их, что порядок вещей всегда останется неизменен, то Он прежде всего устраняет причину

болезни, а потом врачует и самую болезнь (так как последняя происходила от первой), и показывает свойства воскресения: «ибо в воскресение», говорит, «ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божьи на небесах» (Матф. 22:30), – или, как говорит евангелист Лука, «сыны Божьи» (Лук. 20:36). Итак, если в воскресение не женятся, то неуместен и вопрос саддукеев. Впрочем, не потому сыны воскресения называются ангелами, что не женятся, а потому не женятся, что будут подобны ангелам. Этими словами Спаситель уничтожил многие и другие попечения (о мирских удовольствиях), которые все Павел заключил в одном слове, сказав: «ибо проходит образ мира сего» (1Кор. 7:31). Объяснив, каково будет воскресение, Спаситель далее показывает, что оно действительно будет. Конечно, и эта истина вытекала из вышесказанного; но Он, не довольствуясь прежними словами, присоединяет к ним новое доказательство. Он имел в виду не только один вопрос, но и самые мысли вопрошающих. Так, когда спрашивают Его не со злым намерением, но по неведению, то Он в ответе своем сообщает более, нежели сколько требовалось на вопрос; а когда вопросы внушает одна злоба, то не отвечает и на то, о чем спрашивают. Итак, Он вновь заграждает уста саддукеев словами Моисея, так как и они сами ссылались на Моисея: «а о воскресении мертвых», говорит Он, «не читали ли вы сказанного вам Богом: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Матф. 22:31–32). Бог не есть Бог не существующих и совершенно уничтожившихся, которые никогда уже не воскреснут; не сказал о Себе: Я был; но сказал: Я Бог сущих и живых. Как Адам, хотя и жив был в тот день, когда вкусил от дерева, но тотчас после

изречения суда Божьего подвергся смерти, так и праотцы, хотя и умерли, но остались живыми по обетованию воскресения. Как же в другом месте сказано: «владычествовать и над мертвыми и над живыми» (Римл. 14:9)? Изречение это не противоречит предыдущему, потому что здесь говорится о мертвых, которые некогда оживут. Впрочем, есть и различие между словами: «Я Бог Авраама», и изречением: «владычествует и над мертвыми и над живыми». Надобно знать, что есть иная смерть, о которой сказано: «предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Лук. 9:60). «И, слыша, народ дивился учению Его» (Матф. 22:33). Но эту пользу получили не саддукеи, которые, будучи побеждены удалились, а народ, слушавший Его в простоте сердца. Итак, если таково будет воскресение, то употребим все усилия, чтобы удостоиться первенства в будущей жизни. Если же угодно, то мы покажем вам таких подвижников, которые еще здесь, прежде воскресения, проводят равноангельское житье и преуспевают в нем, а для этого опять удалимся с вами в пустыни. Я опять буду беседовать с вами о подвизающихся там, так как вижу, что вы с великим удовольствием слушаете о них. Итак, посмотрим теперь на эти духовные воинства, посмотрим на удовольствия, не возмущаемые никаким страхом. Эти подвижники, как воины живут в шатрах, но не с копьями, не со щитами и бронями (на этом я остановился в прежнем слове). Ты увидишь, что у них нет ничего подобного, и, однако же, они совершают такие подвиги, каких те не могут совершить и с оружием. Итак, если ты способен видеть эти подвиги, то дай мне руку, и мы оба пойдем и посмотрим на эту войну и на стройные ряды тех воинов. И они каждый день сражаются, умерщвляют врагов, и побеждают все те похоти, которые обыкновенно

обуревают нас. Ты увидишь врагов их поверженными на землю и не имеющими никакого движения, – увидишь на самом деле исполнение апостольского слова: «те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» (Галат. 5:24). Видишь ли множество лежащих мертвецов, убитых мечом духовным? Поэтому-то нет там ни пьянства, ни пресыщения. Это показывает и самая их трапеза, и знамение победы, воздвигнутое на ней. Пьянство и пресыщение побеждено у них питьем воды, и лежит повержено и мертво. А это многообразный и многоглавый зверь. Как у баснословной Сциллы и Гидры, так и у пьянства много голов: здесь вырастает у него блуд, там гнев; здесь тупость ума и сердца, а там постыдная любовь. У воинов же духовных все эти враги умерщвлены. Обыкновенные воины, хотя бы одержали тысячу побед, бывают побеждаемы этими врагами, и ни щиты, ни копья, ни другие оружия не могут устоять против нападения этих полчищ. Напротив, ты увидишь, что эти гиганты, эти храбрые ратоборцы, показавшие бесчисленные опыты своего мужества, без всяких уз связаны сном и пьянством, без всяких смертоносных ударов и ран лежат как израненные, или даже найдешь их еще в худшем состоянии. Ведь раненые, по крайней мере, еще имеют движение; а у них нет и этого, но они вдруг после поражения делаются неподвижными. Теперь видишь, что духовные воины гораздо сильнее обыкновенных, и более заслуживают удивления, так как одним хотением умерщвляют врагов, которыми те побеждаются. Они так обессиливают страсть к пьянству – эту мать всех зол, – что она уже не причиняет им более никаких беспокойств; а как скоро военачальник низложен и голова отсечена, то и все тело лежит без действия. Притом, в воинстве духовном каждый воин одерживает такую победу. И здесь

бывает не так, как на бранях с врагами внешними, что как скоро кто от одного получил рану и пал, другому уже не может причинить вреда; но все должны поражать этого зверя, и кто сам не нанес ему смертоносного удара и не низложил его, того он не перестает беспокоить всячески.

[6] 4. Видишь ли славную победу этих воинов? Каждый из них воздвигает такие трофеи, каких не могут воздвигнуть воинства, собранные от всех концов вселенной. Они отринули от себя все беспорядочное и безрассудное: безумные слова, неистовые помышления, нестерпимую гордость и все, чем вооружается против человека пьянство. Они подражают своему Владыке, о Котором Писание с удивлением говорит: «из потока на пути будет пить, и потому вознесет главу» (Псал. 109:7). Хотите ли еще видеть множество мертвых другого рода? Посмотрим на вожделения, происходящие от сластолюбия, которым служат искусные повара, приготавливающие различные лакомые кушанья. Я стыжусь подробно перечислять их; упомяну только о птицах, доставляемых с берегов Фазиса, о соусах богато приправленных, о жидких и сухих кушаньях, и о правилах, установленных для пиршеств. Как правители городов и военачальники, устанавливающие воинов в строй, так и законодатели пиршеств полагают правила, и назначают, что должно подавать прежде, и что после. Иные сначала предлагают птиц, изжаренных на угольях и начиненных рыбой; а другие начинают с других кушаний эти противные закону пиршества, и много спорят о качестве, о порядке и о количестве их, и хвалятся тем, чего бы надлежало стыдиться, – одни, что провели в пиршестве половину дня, другие целый день, а иные еще и ночь. Посмотри, бедный человек, как мало нужно пищи для желудка, – и постыдись неумеренности твоих забот о его насыщении!

Ничего подобного нет у тех ангелов, – у них мертвы как эти, так и все другие вожделения. Они употребляют пищу не для пресыщения и наслаждения, но для удовлетворения естественной потребности. Нет между ними ни птицеловов, ни рыболовов. Они довольствуются хлебом и водой. Смятение, шум и беспокойства, все это совершенно изгнано оттуда, и как в жилищах их, так и в теле великая тишина; напротив, у сластолюбцев во всем беспорядок. Представь себе внутренность желудка их, и ты увидишь множество сору, поток нечистот, гроб повапленный (окрашенный); а что бывает после, о том стыжусь и говорить – отвратительная отрыжка, блевание, извержения низом и верхом!.. Но не одни эти вожделения ты усмотришь там умерщвленными, а и другие, еще сильнейшие, происходящие от них, то есть, сладострастные. Ты увидишь, что все они повержены вместе с конями и со всем обозом. А обоз, оружие и кони срамных дел – это срамные слова. Но вот и конь, и этот всадник, и оружия лежат в прахе. Напротив, у рабов сладострастия ты усмотришь совсем иное, а души их – мертвыми и поверженными. И не только над чревоугодием одержали блистательную победу те святые мужи, но и над другими страстями: любостяжанием, славолюбием, завистью и вообще над всеми болезнями (душевными). Теперь не видишь ли, что эти воины сильнее воинов царя земного, и что трапеза их – лучше трапезы тех? Кто станет противоречить этому? Никто, даже и из самих чревоугодников, как бы кто из них ни был безумен. Подлинно, трапеза мужей святых возводит на небо, а трапеза сластолюбцев влечет в геенну. Эту приготовляет дьявол, а ту – Христос. Для этой дает правила сластолюбие и необузданная роскошь, а для той – любомудрие и целомудрие. Здесь пребывает Христос, а

там – дьявол. Где пьянство, там и дьявол; где срамословие и пресыщение, там ликуют демоны. Такую трапезу имел богач, упоминаемый в Евангелии; но за то (по смерти) ему не было дано и одной капли воды.

[7] Напротив, пустынножители заботятся не о такой трапезе, но о житье ангельском. Они не женятся, не посягают, не едят много, не предаются изнеженности; но кроме самых немногих нужд, неизбежных для существа телесного, живут как бестелесные. Кто же так легко может одолевать врагов, как не тот, кто, принимая пищу, в то же время одерживает победу? Поэтому и пророк говорит: «Ты приготовил передо мной трапезу в виду врагов моих» (Псал. 22:5). Мы не погрешим, если применим эти слова и к этой трапезе. Действительно, ничто так не стесняет духа, как безумное вожделение, сластолюбие, пьянство и всякое зло, происходящее отсюда. Это хорошо знают испытавшие. Если же рассмотришь и то, какими средствами приготавливается эта трапеза и трапеза сластолюбцев, то ясно увидишь различие той и другой. Какими же средствами приготавливается трапеза сластолюбцев? Пролитием множества слез, расхищением имущества вдов, разграблением сирот. Напротив, трапеза пустынножителей – праведными трудами. Последняя подобна красивой и благообразной жене, которая не нуждается ни в каких внешних украшениях, но имеет природную красоту; напротив, та – подобна гнусной и отвратительной блуднице, которая хотя и употребляет различные притиранья, но не может закрыть своего безобразия, и чем ближе к кому подходит, тем более обнаруживает его. Такова и трапеза сластолюбцев: чем ближе подойдешь к ней, тем более увидишь ее гнусность. Для этого посмотри на пиршествующих не тогда, когда

они сходятся, но когда встают из-за стола, и тут-то ты увидишь всю их отвратительность. Та, будучи свободна, не позволяет собеседникам говорить ничего срамного; а эта, как бесчестная блудница, не дает сказать ничего целомудренного. Та ищет пользы своих соучастников, а эта – погибели. Та не позволяет оскорбить Бога, а эта заставляет оскорблять Его. Итак, пойдем к тем (любителям воздержания). Там узнаем, как многими узами мы связаны; там научимся устраивать трапезу, исполненную бесчисленных благ, сладостнейшую, не требующую издержек, чуждую всяких забот, зависти и злословия, свободную от всякой болезни, исполненную благих надежд, доставляющую множество побед. Нет там никаких возмущений душевных, нет ни болезней, ни гнева; все тихо, все мирно. Не указывай мне на молчание слуг в домах богачей, но представь себе шум пирующих, – не тот, который происходит от их разговоров (хотя и этот уже достоин посмеяния), но шум внутренний, происходящий в душе и отдающий их в плен многим врагам; представь мятеж, волнение, мрак и бурю их мыслей, от которой все приходит в смешение и беспорядок, подобно тому, что бывает в ночном сражении. Напротив, в обителях монашеских нет ничего подобного; там великая тишина, великое безмолвие. За той трапезой следует сон подобный смерти, а за этой – трезвость и бодрствование; та подвергает мучению, а эта приводит к царству небесному и бессмертным наградам. Итак, будем стремиться к этой трапезе, чтобы нам насладиться и ее плодами, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 71

[1] «Фарисеи, услышав, что Он привел саддукеев в молчание, собрались вместе. И один из них, законник, искушая Его, спросил, говоря: Учитель! какая наибольшая заповедь в законе?» (Матф. 22:34–36)

[2] Связь заповедей о любви к Богу и ближнему. – За что Христос похвалял вопрошавшего законника. – Христос утверждает учение о Своем Божестве. – Тщеславие обращает в свою пищу и добрые и худые дела. – Против тщеславящихся раздаянием милостыни. – Милостыня должна быть тайной. – Ищущий славы чрез милостыню навлекает на себя осуждение и бесславие.

[3] 1. Опять евангелист представляет новую причину, по которой фарисеям надлежало бы умолкнуть, и, таким образом, еще более обнаруживает дерзость их. Как же это? Спаситель уже заградил уста саддукеев, и фарисеям после этого надлежало бы замолчать; но вот они опять приступают к нему, опять с прежним злобным намерением заводят с Ним спор, и подсылают к нему законника, не с тем, чтобы научиться, но чтобы искусить Его, и спрашивают: какая первая заповедь? Они знали, что первая заповедь: «возлюби Господа Бога твоего»; но ожидали, что Спаситель поправит ее, назвав Себя самого Богом, и через то подаст им случай обвинить Его, а потому и предложили такой вопрос. Что же отвечает

Христос? Желая показать, что они предлагают этот вопрос потому, что вовсе не имеют любви, но истаивают от злобы и снедаются завистью, Он говорит: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всей душой твоей и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Матф. 22:37–39). Почему же подобна ей? Потому что вторая пролагает путь к первой, и взаимно поддерживается ею. «Ибо всякий», сказано, «делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету» (Иоан. 3:20); и в другом месте: «сказал безумец в сердце своем: нет Бога» (Псал. 13:1). А что отсюда происходит? «развратились, совершили гнусные дела» (там же). И еще: «корень всех зол есть сребролюбие, которому, предавшись, некоторые уклонились от веры» (1Тим. 6:10); и: «если любите Меня, соблюдите Мои заповеди» (Иоан. 14:15). А из всех заповедей Его главная заповедь: «возлюби Господа Бога твоего, и ближнего твоего как самого себя». Итак, если любить Бога – значит любить ближнего, так как Спаситель сказал Петру: если ты любишь Меня, паси овец Моих (Иоан. 21:16), а любовь к ближнему имеет плодом своим хранение заповедей, то истинно сказано: «на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки». Потому как прежде поступил Спаситель, так поступает и теперь. Там, на вопрос саддукеев о том, каково будет воскресение, Он сказал больше, нежели, сколько содержалось в вопросе, для того, чтобы научить их; так и здесь, будучи спрошен о первой заповеди, приводит и вторую, почти настолько же важную, как и первая (она хотя и называется второй, но подобна первой). Этим Он давал им заметить, из какого источника происходил их вопрос, то есть, от злобы: «любовь не завидует» (1Кор. 13:4). Таким образом

Спаситель доказал, что Он повинуется и закону, и пророкам. Но почему евангелист Матфей говорит о законнике, что Он, искушая, предложил вопрос, тогда как Марк говорит обратное: «видя», говорит он, «что он разумно отвечал, сказал ему: недалеко ты от Царствия Божия» (Марк 12:34)? Тут нет никакого противоречия; напротив, евангелисты совершенно согласны между собой. Сначала законник спросил Его искушая, но потом воспользовался ответом Спасителя, – и получил от Него похвалу. Спаситель не с самого начала похвалил его; но когда законник отвечал, что любить ближнего – больше всех всесожжений, тогда уже Господь сказал ему: «недалеко ты от Царствия Божия», – потому что он, презрев низшие обязанности, постиг, в чем состоит начало добродетели. Все ведь прочие обязанности, как то: хранение субботы и другие, имеют целью любовь. Впрочем, Спаситель не присваивает ему совершенной похвалы, а показывает, что ему еще многого недостает. Слова: «недалеко от Царствия Божия» означают то, что он еще не достиг его, и сказаны с тем намерением, чтобы он искал, чего ему недостает. А что Спаситель похвалил его, когда он сказал: «один есть Бог и нет иного, кроме Него» (Марк 12:32), не удивляйся тому, но познай отсюда, как Он применяется к понятиям приходящих к Нему. Пусть они говорят о Христе весьма много такого, что недостойно славы Его, только бы не дерзали совсем отвергать бытия Божьего. Итак, за что же он хвалит законника, когда он сказал, что кроме Отца нет иного Бога? Это не значит того, чтобы Иисус Христос не признавал Себя Богом, – да не будет! – но так как не пришло еще время открыть Ему Свое божество, то Он и оставляет законника при прежнем учении и хвалит его за то, что он хорошо знает древний закон, чтобы таким

образом сделать его способным к принятию учения и новозаветного, когда оно открыто будет в приличное время. Кроме того, слова: «один есть Бог и нет другого кроме Него», как в ветхом завете, так и в новом, приводятся не в опровержение божества Сына Божия, а для того, чтобы отличить идолов от истинного Бога. С этою мыслию и Спаситель хвалит законника, произнесшего данные слова. Потом, дав ответ на его вопрос, Иисус и сам спросил (фарисеев): «что вы думаете о Христе? чей Он сын? Говорят Ему: Давидов» (Матф. 22:42). Итак, смотри, сколько Он сотворил чудес и знамений, сколько предложил других вопросов, сколько представил доказательств Своего единомыслия с Отцом и в словах и в делах, какую приписал похвалу законнику, сказавшему: «один есть Бог», прежде нежели предложил этот вопрос, чтобы фарисеи не могли сказать, что хотя Он и творит чудеса, но оказывается противником закона и врагом Божьим. Вот почему этот вопрос Он и предлагает после столь многих доказательств, неприметным для них образом приводя их к признанию и Его Богом. И прежде Он предлагал подобный вопрос ученикам Своим, но сперва спросил их: «за кого почитают Меня другие», а потом уже – «за кого они сами»? Но фарисеев спрашивает иным образом. В противном случае они, привыкнув все говорить без всякого страха, тотчас назвали бы Его обманщиком и злым человеком. Поэтому Он и требует их собственного суда.

[4] 2. Так как Спаситель хотел идти на страдание, то и приводит теперь такое пророчество, в котором Он ясно назван Господом; и делает это не просто и не без причины, но имея для того достаточное основание. Так как они на первый вопрос Его не дали правильного ответа (назвав Его простым человеком), то, в опровержение их

ложного мнения о Нем, Он приводит слова Давида, возвещающего Его божество. Они почитали Его простым человеком, почему и сказали: «Давидов», Спаситель же, исправляя это их мнение, приводит пророка, утверждающего, что Он Господь и истинный Сын Божий, и что Ему принадлежит одинаковая честь с Отцом. Впрочем, Он и на этом не останавливается, но чтобы возбудить в них чувство страха, приводит и следующие слова пророка: «доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих», – для того, чтобы по крайней мере этим средством обратить их к Себе. А для того, чтобы они не сказали, что в этих словах Давида есть преувеличение, похожее на ложь, и что это просто лишь сказано по суждению человеческому, смотри, что говорит Он: «как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом»? Смотри, с какой скромностью Он указывает на мнение и суд о Нем пророка. Сперва Он сказал: «что вы думаете о Христе? чей Он сын?» чтобы этим вопросом побудить их к ответу. Потом, когда они сказали: «Давидов», не сказал: Давид говорит, однако же, следующее, но опять в виде вопроса: «как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом»? – чтобы им не показалось противным Его учение о божестве. По этой же причине Он не сказал: как вы думаете обо Мне, но: «о Христе». Поэтому-то и апостолы со всей скромностью говорили о патриархе Давиде; «да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что он и умер и погребен» (Деян. 2:29). Подобным образом и сам Спаситель предлагает учение о Себе в виде вопроса и рассуждения, говоря: «как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих»? И потом: «если Давид называет Его Господом, как

же Он сын ему» (Матф. 22:43–45)? Этим Он не отвергает того, что Он есть сын Давидов, – нет; Он и Петра не укорил бы за это, – но только исправляя мнение фарисеев. Поэтому слова Его: «как же Он сын ему»? имеют такое значение: Он – сын Давидов, но не в том смысле, как вы разумеете. Они говорили, что Христос есть только сын Давидов, а не Господь. Итак, Он сперва приводит свидетельство пророка, а потом уже исправляет их мнение со всей кротостью, говоря: «если Давид называет Его Господом, как же Он сын ему»? Но, выслушав эти слова, фарисеи ничего не отвечали; они совсем не хотели знать истины. Поэтому Он сам наводит их на ту мысль, что Он есть Господь Давиду. Но и это Он говорит не прямо от Своего лица, а приводя слова пророка, потому что они вовсе не верили Ему, и думали о Нем худо. Смотря на это их расположение, ни в каком случае, конечно, не должно соблазняться тем, что Спаситель иногда говорит о Себе уничиженно и смиренно, так как главной причиной этого, кроме многих других, было то, что Он в беседах с ними приноровлялся к их понятиям. Вследствие этого и теперь Он предлагает им Свое учение посредством вопросов и ответов; но и таким образом Он все же прикровенно указывает им на Свое достоинство, потому что не одинаково важно было называться Господом иудеев, и Господом Давида. Далее посмотри, как благовременно предлагает Он это учение. Сказав наперед, что Господь один, говорит потом и о самом Себе, что Он Господь, и доказывает это не только делами Своими, но и свидетельством пророка; и вместе с этим возвещает, что сам Отец отомстит им за Него, говоря: «доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих», и, таким образом, доказывая Свое согласие и равное достоинство с Отцом. Этими словами Спаситель заключает беседу Свою с

фарисеями, представив им учение высокое, величественное и могущее заградить уста их. И они действительно с того времени замолчали, не по собственному желанию, но потому что не могли ничего возразить; и, таким образом, получили столь решительный удар, что уже не отваживались более так нападать на Него, – сказано: «с того дня никто уже не смел спрашивать Его» (Матф. 22:46). И это принесло народу немалую пользу. Потому-то Спаситель, прогнав этих волков и разрушив их злые умыслы, и обращает, наконец, Свое слово к народу.

5 Фарисеи, будучи заражены тщеславием и преданы этой ужасной страсти, не получили от Его беседы никакой пользы. И в самом деле, страсть эта ужасная и многоглавая. Увлеченные ею, одни стремятся к богатству, другие к власти, иные к могуществу. Распростирая власть свою далее, она обращает себе в пищу и милостыню, и пост, и молитвы, и дар учения, да много еще и других голов у этого зверя. Впрочем, нисколько не удивительно, когда люди гордятся богатством и властью; но то странно и достойно оплакивания, когда они самый пост и молитву обращают в предмет своего тщеславия. Но чтобы, в свою очередь, не останавливаться здесь только на одних упреках, мы укажем и способ, как избегать этой страсти. С кого же, прежде всего, начать нам? С тех ли, кто тщеславится богатством, или одеждой, или властью, или даром учения, или крепостью телесной, или искусством, или красотой, или нарядами, или жестокостью, или человеколюбием и милостыней, или пороками, или смертью, или распоряжениями, долженствующими совершиться после их смерти? Страсть эта, как я сказал, многоразличным образом опутывает нас, и простирается даже за пределы нашей жизни. Потому и говорят;

такой-то умер и, чтобы удивлялись ему, завещал сделать то и то. Поэтому же один хочет быть бедным, а другой богатым. Это-то особенно и ужасно, что страсть тщеславия находит себе пищу в предметах противоположных.

6 3. Итак, против кого же нам вооружиться и ополчиться? А одного и того же слова обличения против всех этих видов тщеславия недостаточно. Хотите ли, чтоб я вооружился против тех, которые тщеславятся раздаянием милостыни? Я охотно желал бы этого. Я весьма люблю милостыню, и скорблю, видя, как тщеславие портит ее и развращает, подобно какой-нибудь кормилице, которая, служа царской дочери, завлекает ее в постыдные связи, и которая хотя и ходит за ней, но в то же время, к ее стыду и вреду, приучает ее к непотребным делам, убеждая презирать наставления отца, и наряжаться, чтобы понравиться развратным и много раз осрамившим себя мужчинам, и для этого заставляет ее носить такие срамные и позорные наряды, которые могут нравиться сторонним людям, а не отцу. Итак, обратимся к тщеславным людям подобного рода и представим себе, что кто-нибудь подает милостыню щедрой рукой только напоказ перед людьми. Таким образом, подающий милостыню выводит ее из чертога отеческого. В самом деле, Отец небесный повелевает, чтобы даже левая рука не знала о ней; а подобного рода милостыня выставляет себя напоказ и рабам, и всем встречным, хотя бы они совсем и не знали ее. Не видишь ли ты здесь и блудницу, и соблазнительницу, которая возбуждает к себе любовь в людях непотребных и с этой целью украшается так, как нравится им? Далее, хочешь ли видеть, как тщеславие делает преданную ему душу не только блудницей, но и доводит до безумия? Посмотри ближе на ее чувствования.

Вот она, оставив небо, бегает по распутьям и переулкам, гоняясь за рабами беглыми и невольниками, гнусными и безобразными, которые ненавидят ее и не хотят даже взглянуть на нее, а она горит к ним любовью. Что же может быть безумнее этого? В самом деле, люди никого столько не ненавидят, как домогающихся от них себе чести. Они сплетают на них множество клевет, и здесь бывает то же, как если бы кто царскую дочь, девицу, низведя с царского престола, заставил отдаться на поругание гладиаторам, презирающим ее. Так поступают и люди: чем более ты гоняешься за ними, тем более они от тебя отвращаются. Напротив, Бог, когда ты будешь искать чести у него, по мере твоего усердия будет и привлекать тебя, и утешать тебя похвалами, и воздаст тебе великую награду. Но если ты хочешь и с другой стороны видеть, насколько бесполезна милостыня, когда подаешь ее напоказ и из тщеславия, то размысли, какая постигнет тебя печаль, и какая нескончаемая скорбь будет одолевать тебя, когда возгремит перед тобой голос Христов: ты погубил всю мзду свою! Тщеславие и везде пагубно, но особенно в делах человеколюбия, так как здесь оно является крайней жестокостью, извлекая себе хвалу из чужих бедствий и почти ругаясь над живущими в нищете. Если указывать на свои благодеяния значит укорять облагодетельствованного, то не гораздо ли хуже выставлять их напоказ перед многими? Как же нам избежать этого зла? Мы избежим его, когда научимся быть истинно милосердными, и рассмотрим, у кого мы ищем славы. Скажи мне, кто первый учитель милостыни? Конечно, Тот, Кто примером Своим научил нас ей, т. е. Бог, Который всех лучше знает и бесконечно оказывает ее. Что же? Если бы ты учился искусству борьбы, на кого бы стал ты смотреть, или кому стал бы показывать свои

успехи в нем, – тому ли, кто продает овощи и рыбу, или учителю этого искусства, хотя бы тех было и много, а этот один? И если бы все прочие стали смеяться над тобой, а он хвалил бы тебя, то не стал ли бы и ты сам вместе с ним смеяться над ними? Или: если бы ты учился искусству бойцов, то не стал ли бы точно также смотреть на того, кто умеет обучать этому искусству? Равным образом, если бы ты занимался красноречием, то не стал ли бы дорожить похвалами учителя красноречия, и пренебрегать суждением других? Итак, не безрассудно ли в других искусствах обращать внимание только на одобрение учителя, а в делах милосердия поступать наоборот, – и, тем более что вред в том и другом случае не одинаков? В самом деле, если ты борешься только для того, чтобы нравиться народу, а не учителю, то и вся беда имеет значение только по отношению к этой борьбе, здесь же дело касается жизни вечной. Если ты через милостыню уподобляешься Богу, то будь же подобен Ему и в том, чтобы не делать ее напоказ. Когда Он исцелял кого, то говорил, чтобы никому о том не сказывали. Но ты хочешь слыть между людьми милостивым? Что за прибыль? Прибыли никакой нет, а вред бесконечный, так как те самые, кого ты призываешь в свидетели, отнимают у тебя, как разбойники, сокровища небесные, или лучше сказать, не они, а мы сами разграбляем свое стяжание и расточаем свое богатство, хранящееся в горних обителях. Вот новое бедствие, новое, необыкновенное зло! Чего не истребляет моль, чего не похищает тать, то разграбляет тщеславие. Вот моль, истребляющая вечные сокровища! Вот тать, разграбляющий небесные блага! Вот похититель некрадомого богатства! Вот что разрушает и развращает все доброе! Итак, когда дьявол видит, что страна эта недоступна ни для разбойников, ни для других

злоумышленников, и что ее сокровищ не истребляет моль, – расхищает их тщеславием.

[7] 4. Но ты желаешь славы? Неужели для тебя не довольно славы от человеколюбца Бога, Который сам принимает от тебя милостыню, что ты ищешь еще славы и от людей? Берегись, чтобы не испытать противного: чтобы люди не стали смотреть с презрением на тебя, как на человека, не милость являющего, но хвастливого и честолюбивого и только выставляющего на позор чужие бедствия. Милостыня есть тайна. Итак, запри двери, чтобы кто не увидел того, чего показывать не должно. Главные тайны наши – это милосердие и человеколюбие Божье. Он по многой милости Своей помиловал нас непокорных. И в первой молитве, которую приносим за бесноватых, мы испрашиваем милости; потом во второй – за кающихся – просим для них великой милости; наконец, и в третьей – за самих себя, в ней же из среды народа указываем на невинных детей, – умоляем Бога о милости. Так как мы сами сознаем свои прегрешения, то за тех, которые много погрешили и достойны осуждения, молимся сами, а за себя самих представляем молящимися детей, подражающих простоте которых ожидает царство небесное. Этот образ молитвы показывает то, что люди смиренные и бесхитростные, подобно детям, могут преимущественно молиться за виновных. А какой великой милости, какого человеколюбия исполнено это таинство, это знают посвященные. Так и ты, когда по возможности своей оказываешь человеку милость, запри дверь: пусть это видит один тот, кто получает милость; а если можно, то пусть даже и он не видит. Если же ты отворишь дверь, то обнаружишь свою тайну. Подумай, что и тот, у кого ты ищешь славы, осудит тебя. Если это будет друг твой, то он сам про себя подумает о тебе худо; а если враг, то он

осмеет тебя и перед другими, и ты испытаешь противное тому, чего желал. Тебе хочется, чтобы он сказал о тебе, что ты человек милостивый; но он не скажет этого, а назовет тебя тщеславным и человекоугодником, и еще как-нибудь гораздо хуже. Если же ты скроешь от него свое доброе дело, то он будет говорить о тебе совершенно противное этому, – будет называть тебя человеколюбивым и милостивым. Бог не допускает оставаться в неизвестности доброму делу, и если ты сам скроешь его, Он обнаружит; и тогда будет больше удивления и больше пользы. Таким образом, выказывая себя, мы сами полагаем себе препятствие к приобретению славы; к чему мы сильно стремимся и чего нетерпеливо желаем, к тому не допускает нас самая наша нетерпеливость, так что мы не только не получаем славы людей милостивых, но еще возбуждаем противное о себе мнение, а сверх того терпим великий вред. Ради всего этого и будем убегать тщеславия, и возлюбим одну славу Божью. Таким образом, мы и здесь достигнем славы, и сподобимся вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 72

[1] «Тогда Иисус начал говорить народу и ученикам Своим и сказал: на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте». (Мф. 23:1–3)

[2] Согласие Христа с Отцом. – Должно слушать учителей, хотя бы развращенных. – Учитель, преступающий закон, заслуживает особенного осуждения. – Жестокость и тщеславие фарисеев. – Что такое хранилища и воскрылия. – Учитель во всем должен являться образцом. – Христос предохраняет от любоначалия и внушает смирение. – Пример смиренномудрия показывают отшельники. – Образ жизни пустынников удаляет их от гордости. – Общественная жизнь не может служить извинением гордости.

[3] 1. «Тогда»: когда же это? Когда Спаситель окончил беседу Свою с фарисеями, когда заградил им уста, когда довел их до того, что они не осмеливались более искушать Его, когда показал, что они страждут неисцельным недугом. И так как выше упомянул о Господе, глаголавшем к Господу, то теперь опять обращается к закону. Может быть, ты скажешь: закон не говорит ничего подобного, а говорит только: «Господь, Бог наш,

Господь един есть» (Втор. 6:4). Но в Писании называется законом весь Ветхий Завет. А что теперь говорит Спаситель, говорит для того, чтобы всячески показать Свое совершенное согласие с Отцом. Если бы Он был противен Отцу, то противное говорил бы и о законе. Ныне же Он предписывает оказывать такое уважение к закону, что велит наблюдать его, несмотря даже и на развращение учителей закона. При этом Он беседует и о жизни, и о должном образе поведения, так как главнейшею причиною неверия фарисеев была развращенная жизнь и любовь к славе. Итак, чтобы исправить слушателей, Спаситель особенно повелевает им соблюдать то, что наиболее споспешествует спасению, именно: не презирать учителей и не восставать против священников; и не только повелевает другим, но и Сам исполняет это. Он и у развращенных учителей не отнимает должного уважения, подвергая их чрез это тем большему осуждению, а у слушающих Его учение отнимая всякий предлог к непослушанию; чтобы кто не сказал: я потому стал ленив, что учитель мой худ, Он и отнимает самый повод. Итак, несмотря на развращение книжников, Спаситель так твердо ограждает права их власти, что и после столь сильного обличения сказал народу: «Все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте», – потому что они предлагают не свои заповеди, но Божии, которые Бог открыл в законе чрез Моисея. И заметь, какое Он оказывает уважение к Моисею, снова доказывая согласие Своего учения с Ветхим Заветом, когда и самих книжников считает заслуживающими уважения из почтения к Моисею: «На Моисеевом седалище сели», говорит Он. Так как Он не мог представить их достойными доверия по их жизни, то предлагает к тому законные побуждения, упоминая о кафедре и учении Моисея. Когда

же слышишь слово: «все», не разумей здесь всего закона, как, например, постановлений о пище, о жертвах и тому подобном. Как Он мог говорить теперь о том, что отменил еще прежде? Под словом: «все» разумеет Он предписания, служащие к исправлению нравов, улучшению образа жизни, согласные с правилами Нового Завета и освобождающие от ига закона. Почему же Он повелевает делать это не на основании закона благодати, а закона Моисеева? Потому что еще не время было ясно говорить об этом прежде креста. Кроме того, мне кажется, что Он, говоря это, имел в виду и нечто еще другое. Так как Он хотел обличить фарисеев, то, чтобы не подумали люди неразумные, что Он сам ищет власти, принадлежащей им, или что делает это по ненависти, прежде всего Он уничтожает такое подозрение и, сделав это, уже приступает к обличению. Для чего же Он обличает их и так много говорит против них? Для того, чтобы предохранить народ, чтобы и он не впал в такие же пороки. В самом деле, не одно и то же – просто запрещать зло и указывать на людей, делающих зло, подобно тому, как не одно и то же – хвалить добрые дела и представлять примеры людей добродетельных. Вот почему Спаситель, еще прежде обличения фарисеев, говорит: «По делам же их не поступайте». Чтобы народ не подумал, что, слушая их, он должен и подражать им, Спаситель прибавляет эти слова, мнимую их честь обращает им в осуждение. И действительно, что может быть несчастнее того учителя, ученики которого тем только и спасаются, что не смотрят на его жизнь? Таким образом, мнимая честь этих учителей обращается в величайшее для них осуждение, когда жизнь их такова, что ученики их, подражая ей, совершенно развращаются. Потому Господь и обращается теперь к обличению их. Впрочем Он делает это не по

одной только этой причине, но и для того, чтобы показать, что и прежнее их неверие, и пригвождение Его ко кресту, на которое они осмелились после, не может быть обращено в вину Распятому, в Которого они не уверовали, но их самих обличает в нечестии и неблагодарности. Смотри же, с чего начинает и чем усиливает Он Свои обличения. «Говорят, и не делают», говорит Он. И всякий преступник закона достоин обвинения, а тем более тот, кто имеет власть учить. Таковой заслуживает вдвое и втрое больше осуждения: во-первых, потому, что преступает закон; во-вторых, потому, что, имея обязанность исправлять других, но сам хромая, достоин большего наказания, по высоте своего положения; а в-третьих, потому, что он сильнее увлекает других к пороку, так как нарушает закон, сам будучи учителем закона. Сверх всего этого, Спаситель обвиняет их еще и в том, что они жестоко поступают с людьми, вверенными их попечению. «Связывают бремена тяжелые и неудобоносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их» (Мф. 23:4). Этими словами Он обнаруживает двоякое зло в их действиях: именно то, что они от подчиненных без всякого снисхождения требуют полной и совершенной исправности в жизни, а сами себе предоставляют полную свободу действия, между тем как доброму начальнику надлежало бы поступать иначе, т. е., к самому себе быть судьею строгим и взыскательным, а к подчиненным – кротким и снисходительным. Фарисеи же поступали наоборот.

[4] 2. Таковы и все любомудрствующие на словах. Они без милости строги и взыскательны, потому что не испытали, как трудно учить делами. Немаловажно и это зло, и придает много силы прежним обличениям. Но посмотри, как Спаситель еще более усиливает это обвинение против

книжников. Он не сказал: не могут, но – «не хотят»; и не сказал: нести, но – «перстом двинуть их», т. е., не хотят даже и приблизиться, даже и прикоснуться. Но о чем же они заботятся и к чему устремлены их усилия? К тому, что возбранено законом. «Все же дела свои делают с тем, – говорит Спаситель,– чтобы видели их люди» (Мф. 23:5). Этими словами Он обличает их в тщеславии, которое и погубило их. Вышеупомянутые поступки показывали их жестокость и нерадение; а те, о которых говорится теперь, обнаруживают в них неумеренное желание славы. Оно-то и удалило их от Бога, оно заставило их подвизаться на ином позорище, и довело до погибели. Действительно, каких кто имеет зрителей, такие являет и подвиги, стараясь им понравиться. Так, кто подвизается пред людьми, исполненными мужества, тот и сам старается отличиться мужеством; а кто борется пред людьми слабыми и малодушными, и сам становится небрежен. Так, если кто имеет пред собою зрителей, любящих смеяться, то и сам старается быть смешным, чтобы доставить им удовольствие. Другой же, имея пред собою зрителей серьезных и расположенных к любомудрию, и сам старается быть таким же, так как это согласно с расположением тех, от которых он ожидает себе похвалы. Но смотри, как и здесь Спаситель увеличивает вину фарисеев. Он не говорит, что в одних случаях они поступают так, а в других – иначе; но что во всех своих делах одинаково. Таким образом обличив их тщеславие, показывает далее, что они тщеславятся не важными какими-либо и нужными делами (никаких истинно добрых дел они не имели), но пустыми и ничтожными, которые обнаруживали только их развращение. «Расширяют, – говорит Он,– хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих».

[5] Какие же это хранилища и воскрылия? Так как они часто забывали благодеяния Божии, то Бог повелел им написать на особенных листочках чудеса Его, и привязывать эти листочки к рукам своим (потому и сказано: «Да будут они повязкою над глазами твоими» (Втор. 6:8), что и называлось хранилищами, подобно тому, как ныне многие женщины носят Евангелия на шее. А чтобы и другим образом заставить их помнить о Его благодеяниях, Бог повелел им, как малым детям, делать то же, что многие делают во избежание забывчивости, обвязывая палец льном или нитью, то есть: пришивать по краям верхней одежды снурки гиацинтового цвета до самых ног, чтобы, взирая на них, они вспоминали о заповедях, – и это называлось воскрылиями. А они особенно заботились о том, чтобы делать широкие повязки для этих листочков и увеличивать воскрылия одежд, что показывало их крайнее тщеславие. Для чего ты гордишься и расширяешь их? Ужели в этом состоит твоя добродетель? Принесут ли они тебе какое-нибудь добро, если ты не воспользуешься тем, о чем они тебе напоминают? Бог не того требует, чтобы ты увеличивал и расширял их, но чтобы помнил Его благодеяния. Если не должно хвалиться и милостынею и постом, которые требуют от нас труда и суть наши дела добрые, то, как же ты, иудей, превозносишься тем, что особенно обличает твое нерадение? Впрочем, иудеи не только в этих мелочах обнаруживали свое тщеславие, но и во многих других. «Также любят, – говорит Он,– предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель!» (Мф. 23:6–7). Может быть, все это сочтет кто-либо и за мелочи; но мелочи эти бывают причиною великих зол. Они разрушали и государство и церкви. Я не

могу удержаться от слез, когда и ныне слышу о *председаниях и приветствиях*, и представлю, как много зол произошло отсюда для церквей Божиих. Но об этом не нужно теперь говорить вам подробно, и особенно старшие из вас не имеют нужды слышать от меня об этом. Лучше обратим внимание на то: где учителями закона овладевало тщеславие? Там, где им заповедано было предохранять себя от тщеславия – в синагогах, куда они ходили учить других. На пиршествах это могло бы показаться еще не так предосудительным, хотя и там учителю надлежало быть образцом, – он должен показывать пример не только в церкви, но и везде. Как человек, где бы он ни был, везде очевидным образом отличается от бессловесных, так и учитель, говорит ли, молчит ли, обедает ли, или что другое делает, должен являться образцом – и в походке, и во взоре, и в одежде, и вообще во всем. Напротив фарисеи во всем являлись достойными осмеяния и стыда, стараясь гоняться за тем, чего следовало избегать. «Любят же», – говорит Он. Если и любить предосудительно, то каково делать? И насколько большее еще зло – гоняться за этим, и домогаться получить это?

[6] 3. До сих пор, обличая пороки фарисеев, Спаситель обращался только к ним одним, так как пороки эти были не велики и не важны, и не было нужды предостерегать от них учеников; но когда дело дошло до причины всех зол – любоначалия и восхищения учительских кафедр, то Спаситель, выставляя на вид этот порок, обличает его со всею строгостью, восстает против него со всею ревностью и силою, обращаясь и к ученикам Своим. Что именно говорит Он? «А вы не называйтесь учителями» (Мф. 23:8). А вслед затем указывает и причину этого: «ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы – братья»; и один другого

ничем не превосходит, потому что ничего не имеет своего. Поэтому-то и Павел говорит: «Кто Павел? кто Аполлос? Они только служители»(1Кор. 3:5) А не сказал: учители. И еще: «И отцом себе не называйте никого» (Мф. 23:9). Это не то значит, чтобы они никого не называли отцом, но чтобы знали, кого собственно должно называть отцом. Как учитель не есть учитель в собственном смысле, так и отец. Один Бог есть виновник всех – и учителей, и отцов. И еще присовокупляет: «И не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник – Христос» (Мф. 23:10). Он не сказал: Я наставник. Подобно тому, как прежде Он сказал: «Что вы думаете о Христе»? – а не сказал: обо Мне, – так и здесь. Но желал бы я здесь спросить: что на это скажут те, которые слова: «Один» и «один» часто относят только к одному Отцу, отвергая Единородного? Скажут ли они, что Отец есть наставник? Это подтвердят все, и никто не будет противоречить. И однако же, один, говорит Спаситель, «у вас Наставник – Христос». Как говоря: един есть наставник Христос, Спаситель не отвергает того, что и Отец есть наставник, так и называя Отца единым учителем, не отвергает того, чтобы вместе и Сын был учителем. Слова «Один» и «один» сказаны для отличения от людей и от прочих тварей. Итак, предохранив учеников от этого жестокого недуга и обличив его, Спаситель показывает и способы избегать его – посредством смиренномудрия. Поэтому и присовокупляет: «Больший из вас да будет вам слуга: ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится» (Мф. 23:11–12). Подлинно ничто не может сравниться с смирением, почему и Спаситель напоминает им часто об этой добродетели: и когда малых детей поставил пред ними, и в настоящей беседе; и когда, беседуя на горе о блаженствах, с этой добродетели начал

Свое слово, и теперь, когда с корнем исторгает гордость, говоря: «кто унижает себя, тот возвысится». Видишь ли, как Он здесь ведет слушателя к делам, совершенно противоположным гордости? Он не только запрещает искать первенства, но и предписывает избирать последнее место. Чрез это, говорит Он, ты получишь желаемое. Итак, желающему первенства надлежит избрать себе место ниже всех: «кто унижает себя, тот возвысится». Но где мы найдем такое смиренномудрие? Хотите ли опять пойти во град добродетели, в селения святых, т. е., в горы и ущелья? Там-то мы и увидим эту высоту смиренномудрия. Там люди, блиставшие прежде мирскими почестями, или славившиеся богатством, теперь стесняют себя во всем: не имеют ни хороших одежд, ни удобных жилищ, ни прислуги, и, как бы письменами, явственно изображают во всем смирение. Все, что способствует к возбуждению гордости, как то: пышные одежды, великолепные дома, множество слуг, что иных и поневоле располагает к гордости, – все это удалено оттуда. Сами они разводят огонь, сами колют дрова, сами варят пищу, сами служат приходящим. Там не услышишь, чтобы кто оскорблял другого, не увидишь оскорбляемых; нет там ни принимающих приказания, ни приказывающих; там все слуги, и каждый омывает ноги странников и один перед другим старается оказать им эту услугу. И делают они это, не разбирая, кто к ним пришел, раб или свободный, но служат так всем одинаково. Нет там ни больших, ни малых. Что же? Значит, там нет никакой подчиненности? Напротив, там господствует отличный порядок. Хотя и есть там низшие, но высший не смотрит на это, а почитает себя ниже их, и чрез то делается большим. У всех один стол, у пользующихся услугами, и у служащих им; у всех одинаковая пища,

одинаковая одежда, одинаковое жилище, одинаковый образ жизни. Больший там тот, кто предупреждает другого в отправлении самых низких работ. Там нет различия между моим и твоим, и оттуда изгнаны самые слова эти, служащие причиною бесчисленного множества распрей.

[7] 4. И чему дивишься, что у пустынников один образ жизни, одинаковая пища и одежда, когда и душа у всех их одна, не по природе только (по природе она у всех людей одинакова), но и по любви? А в таком случае как может он когда-либо возгордиться сам перед собою? Там нет ни бедности, ни богатства, нет ни славы, ни бесчестия. Как же могут вкрасться туда гордость и высокомерие? Есть там низшие и высшие по добродетели; но, как я уже сказал, там никто не смотрит на свое превосходство. Низших там не оскорбляют презрением; там никто не уничижает других. А если бы их кто и унижал, они тем более научаются чрез это переносить презрение, поругание, уничижение и в словах, и в делах. Они обращаются с нищими и увечными, и столы их бывают переполнены такими гостями; а потому-то они и достойны неба. Один врачует раны недужного, другой водит слепого, иной носит безногого. Нет там толпы льстецов и тунеядцев, – более того, там даже и не знают, что такое лесть. Итак, от чего бы могла у них родиться гордость? У них во всем великое равенство, а потому они весьма удобно преуспевают и в добродетели. Действительно, такое равенство гораздо более способствует к научению низших, нежели когда бы их невольно заставляли уступать первенство высшим. Подобно тому, как человека дерзкого вразумляет тот, кто, получив от него обиду, уступает ему, так и честолюбивого научает смирению тот, кто не гонится за славою, но презирает ее. Подобного же

рода примеров там множество и сколько между нами бывает распрей из-за того, чтобы достигнуть первенства, столько они употребляют усилий, чтобы не иметь его, но быть в унижении, и всячески стараются превзойти друг друга в том, чтобы не самим пользоваться честью, а воздавать ее другим.

8 Впрочем и самые их упражнения приводят их к смирению, и не дают им надмеваться. В самом деле, скажи мне, кто, занимаясь копанием земли, поливанием и насаждением растений, плетением корзин и вязанием власяниц, или другою какою-либо подобною работою, будет высоко думать о себе? Кто, живя в бедности и борясь с голодом, подвергнется этому недугу? Никто. Поэтому-то для них легко быть смиренными. Как здесь трудно соблюсти скромность по причине множества рукоплещущих и удивляющихся, так там это весьма удобно. Отшельника занимает собою только пустыня: он видит летающих птиц, колеблемые ветром деревья, веяние зефира, потоки, быстро текущие по долинам. Итак, чем может возгордиться человек, живущий среди такой пустыни? Впрочем, жизнь общественная не послужит для нас извинением, если мы, обращаясь с людьми, будем предаваться гордости. И Авраам, живя среди хананеев, говорил: «Я, прах и пепел» (Быт. 18:27); и Давид, находясь среди войска, сказал о себе: «Я же червь, а не человек» (Пс. 21:7); и апостол, вращаясь в мире, свидетельствовал о себе: «Недостоин называться Апостолом» (1Кор. 15:9). Какое же мы будем иметь извинение, какое оправдание, когда, имея пред глазами столь высокие образцы, не смиряемся? Как они достойны бесчисленных венцов, потому что первые вступили на путь добродетели, так мы заслуживаем бесчисленных наказаний, за то, что ни примерами этих мужей,

отшедших из жизни настоящей и прославляемых в Писании, ни примерами последующих им и возбуждающих удивление делами своими, не привлекаемся к равному соревнованию им в этой добродетели. В самом деле, что скажешь в свое оправдание ты, который не исправляешься? Что не знаешь грамоты, не читал Писания, чтобы научиться добродетелям древних? Но это служит к большему твоему осуждению, что ты не ходишь в Церковь, которая всегда открыта, и не пользуешься этими чистыми источниками. Впрочем, хотя бы ты и не знал об отшедших святых мужах, потому что не читал Писания, тебе надлежало бы посмотреть на подвижников, живущих ныне. Но тебя некому проводить к ним? Приди ко мне, и я тебе покажу обители этих святых. Приди, и научись от них чему-нибудь полезному. Это светильники, сияющие по всей земле; стены, ограждающие города. Они для того удалились в пустыни, чтобы научить и тебя презирать суету мирскую. Они, как мужи крепкие, могут наслаждаться тишиною и посреди бури; а тебе, обуреваемому со всех сторон, нужно успокоиться и хотя немного отдохнуть от непрестанного прилива волн. Итак, ходи к ним чаще, чтобы, очистившись их молитвами и наставлениями от непрестанно приражающихся к тебе скверн, ты мог и настоящую жизнь провести возможно лучше, и сподобиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу слава, держава, честь, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 73

[1] «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете домы вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение». (Мф. 23:14)

[2] Прикрывающий злые дела личиной благочестия заслуживает сугубого наказания. – Фарисеи были губителями желавших спасения. – Цель ветхоз. предписаний о внешних очищениях. – Добродетели, очищающие душу: правда, человеколюбие, истина. – Против не заботящихся о душевной чистоте. – Против высматривающих в храме красивых женщин. – Сравнение нравов апостольского времени с современными. – Против женских нарядов, женитьбы из-за денег, развращающих поговорок.

[3] 1. Этими словами Спаситель начинает обличать книжников и фарисеев в том, что они пресыщались и, что еще ужаснее, наполняли чрево свое не от имущества богатых, но от стяжания вдов, и таким образом еще более увеличивали их бедность вместо того, чтоб облегчить ее. Они не просто ели, но поедали. И это корчемство еще прикрывали самым низким лукавством: «лицемерно долго молитесь». Всякий, делающий зло, заслуживает наказания; кто же, принявши на себя образ благочестия, употребляет его для прикрытия своих злых дел, тот

подлежит гораздо жесточайшему наказанию. Почему же Спаситель совсем не лишал сана книжников и фарисеев? Потому, что не пришло еще время. Вот почему Он и оставил их до времени. А обличая их, Он предохраняет народ от обольщения, чтобы он, смотря на высокий сан книжников, не увлекся к подражанию им. Так как прежде Он сказал: «Все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте», то теперь, чтобы неразумные, основываясь на этих словах, не подумали, что им позволяется все, показывает, в чем книжники извращают закон. «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете» (Мф. 23:13). Если виновен тот, кто не приносит пользы, то как может ожидать прощения тот, кто причиняет ближним вред, и заграждает им вход? Что же значит слово: «хотящих войти»? Оно означает способных. Когда надлежало что-нибудь предписывать другим, тогда книжники возлагали бремена неудобоносимые; а когда самим им должно было исполнять что-нибудь из предписываемого законом, тогда они поступали совершенно иначе: не только ничего не делали сами, но, что гораздо пагубнее, развращали еще и других. Это люди, которых должно назвать язвою, люди поставляющие делом своим погибель других, совершенно противоположные истинным учителям. Если дело учителя – спасать погибающего, то губить желающего спастись – дело губителя. Затем следует другое обличение: «Обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас» (Мф. 23:15), – то есть: хотя вам стоит чрезвычайно великих трудов и усилий обратить кого-либо, но и после всего этого вы не умеете сберечь его. Мы всего более стараемся сберегать то, что приобретено с великим

трудом; а вас и это не делает более заботливыми. Здесь Христос предъявляет к книжникам и фарисеям два обвинения: во-первых, в том, что они ничего не могут сделать для спасения многих, и что им великого стоит труда привлечь к себе хотя одного человека; во вторых, в том, что они совершенно нерадят о сохранении того, кого приобрели; и не только нерадят, но еще становятся его предателями, когда порочною своею жизнью развращают его и делают еще хуже. Действительно, когда ученик видит порочных учителей, то делается хуже их, потому что он не останавливается на степени развращения своего учителя. Когда учитель добродушен, ученик подражает ему; а когда он худ, то еще и превосходит его в том, потому что нет ничего легче, как делаться худшим. Он называет его *сыном* геенны, т. е. точно таким, какова сама геенна. А слова: «худшим вас» – сказал для того, чтобы и порочных учеников устрашить, и книжников поразить сильнее за то, что они были учителями беззакония. И не только за это, но еще и за то, что они старались вложить в учеников своих больше зла, вовлекая их в большую порочность, нежели какой подвержены были сами, что служит признаком в высшей степени развращенной души. Далее Христос укоряет книжников и фарисеев и за безумие их, – за то, что они внушали неуважение к важнейшим заповедям. Правда, прежде Он говорил, по-видимому, противное, то есть, что они «связывают бремена тяжелые и неудобоносимые» (Мф. 23:4); но они и это в свою очередь делали, и, с другой стороны, употребляли все средства к развращению своих последователей, требуя от них исправности в маловажных делах и, вместе, оказывая пренебрежение к важнейшим обязанностям. «Даете десятину, – говорит Спаситель,– с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд,

милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять» (Мф. 23:23). Здесь совершенно справедливо можно было сказать: где десятина, там и милостыня; какой же вред в том, чтобы подавать милостыню? Но Спаситель не порицает книжников и фарисеев за то, что они в этом соблюдали закон: нет, Он не говорит так. Вот причина, почему именно здесь Он говорит: «сие надлежало делать». Но Он не делает этого прибавления там, где начинает говорить о вещах чистых и нечистых, а вместо того, различает внутреннюю чистоту от внешней, и показывает, что за внутреннею чистотою необходимо следует и внешняя, но не наоборот. Рассуждая о человеколюбии, Он не делает такого различения, как по вышепоказанной причине, так и потому, что еще не пришло время прямо и явно отменить предписания закона. Но, начавши говорить о соблюдении телесных очищений, Он яснее опровергает эти обряды. И потому о милостыне говорит: «Сие надлежало делать, и того не оставлять»; а об очищениях не так. Как же? «Очищаете, – говорит,– внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. … очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их (Мф. 23:25–26). Здесь Христос, говоря о стклянице и блюде, объясняет мысль Свою указанием на вещь, всем известную и очевидную.

[4] 2. Далее, чтобы показать, что нет никакого вреда от несоблюдения очищений телесных, а напротив величайшее наказание бывает следствием небрежения об очищении души, то есть о добродетели, Спаситель назвал телесные очищения комаром, так как они были маловажны и ничтожны, а действия, очищающие душу – верблюдом, так как последние были невыносимы. Потому и говорит: «Оцеживающие комара, а верблюда

поглощающие» (Мф. 23:24). Наружные очищения были предписаны законом только ради внутренних, ради милости и суда; а потому даже и в Ветхом Завете не приносили никакой пользы, как скоро оставались одни. Так как маловажное учреждено было ради важнейшего, а между тем последнее было оставлено и предметом служило только первое, то от этого и не выходило, еще и в то время, никакого добра: внутреннее очищение не следовало за внешним, тогда как напротив внешнее необходимо уже следует за внутренним. Итак, из слов Спасителя видно, что и прежде пришествия благодати, очищения телесные не были в числе дел важных и достойных особенного попечения, а требовалось нечто другое. Если же таковы были эти обязанности еще прежде благодати, то тем более оказались они бесполезными после возвещения высоких заповедей новозаветных и уже вовсе не надлежало оставлять их в силе. Итак, жизнь порочная, во всяком случае, есть тяжкое зло; но особенно она вредна тогда, когда порочный совсем не думает о том, что он имеет нужду в исправлении; а еще пагубнее бывает она тогда, когда такой человек почитает себя способным к тому, чтобы и других исправлять: указывая на это Христос и называет книжников слепыми вождями слепых. В самом деле, если уже величайшее несчастие и бедствие, когда слепец не находит нужным иметь путеводителя, то в какую пропасть низвергнет то, когда он захочет еще руководить других? Все эти обличения Спаситель направляет к тому, чтобы указать на чрезмерное, до неистовства доходившее славолюбие книжников и фарисеев, на этот жестокий недуг, от которого они сходили с ума. Действительно, для них причиною всех зол было то, что они все делали напоказ. Это и от веры отвело их, и расположило к

нерадению об истиной добродетели, и побудило заботиться об одних только телесных очищениях, не стараясь об очищении души. Поэтому-то Христос, желая привести их к истинной добродетели и к очищению души, и напоминает о милости, и о суде, и о вере. Вот силы, которыми держится жизнь наша! Вот добродетели, очищающие душу: правда, человеколюбие, истина! Человеколюбие побуждает нас прощать другим, и не дает нам быть чрезмерно жестокими к согрешающим и непреклонными к прощению (а таким образом мы приобретаем двоякую пользу: и делаемся человеколюбивы, и сами за то снискиваем великое человеколюбие Бога всяческих), и располагает нас соболезновать страждущим и оказывать им помощь. А истина не допускает нас обманывать и лукавить. Но как в том случае, когда Христос говорит: «Сие надлежало делать, и того не оставлять», Он говорит это не с тем намерением, чтобы ввести наблюдение ветхозаветных правил, – это мы показали выше, – так и тогда, когда говорит о блюде и чаше: «Очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их», не предписывает прежней мелочной разборчивости, напротив всеми словами хочет показать, что она совершенно излишня. Он не сказал: «очистите и внешнее», но – «внутренность»: за этим, без сомнения, последует и то. А впрочем, Христос говорит не о чаше и блюде, но рассуждает о душе и теле, под словом: «внешность» разумея тело, а под словом: «внутренность» – душу. Если же в блюде важно внутреннее, то тем более в тебе. Но вы, говорит Он, поступаете напротив: соблюдая маловажное и внешнее, нерадите о важном и внутреннем; отсюда происходит тот величайший вред, что вы, считая себя исполнившими все, прочее пренебрегаете; а

пренебрегая, и не заботитесь; или не принимаетесь за его исполнение. Далее Христос опять поносит книжников и фарисеев за тщеславие, называя их гробами окрашенными, и везде прибавляя слово: «лицемеры», так как в этом заключается причина всех беззаконий, а, вместе, и погибели их. И не просто назвал их гробами окрашенными, но и сказал еще, что они полны нечистоты и лицемерия. Этими словами Он показал причину, почему книжники и фарисеи не верили: именно ту, что они исполнены были лицемерия и беззакония. И не только Христос, но и пророки постоянно обвиняют их в хищничестве, в том, что начальники их не судят по правде. И везде найдешь, что жертвы отвергаются, а требуются милость и правда. Итак, нет ничего необычайного и нового ни в данных Христом заповедях, ни в обличении, ни даже в уподоблении гробам. Это подобие употребляет и пророк, и он также называет не просто гробом, но «гортань их – открытый гроб» (Пс. 5:10). И ныне много подобных людей, которые снаружи украшены, а внутри исполнены всякого беззакония. И ныне о внешней чистоте прилагают много труда, много заботы, а о душевной нисколько. Но если бы кто раскрыл совесть каждого, то нашел бы множество червей, множество гноя и нестерпимое зловоние, – я разумею гнусные и злые пожелания, которые отвратительнее червей.

[5] 3. Но что эти люди таковы, это конечно ужасно, однако же, еще не так. А когда мы, удостоенные быть храмом Бога, вдруг делаемся гробами, вмещающими в себе такое зловоние, это уже крайнее бедствие. Быть гробом тому, в ком жил Христос и действовал Дух Святый, в ком совершилось столько тайн, – какое в самом деле бедствие! Какого плача и рыдания достойно то, когда члены

Христовы делаются гробом, исполненным нечистоты! Размысли, как родился ты, чего удостоился, какую получил одежду, как соделался храмом нетленным, прекрасным, украшенным не златом или перлами, но Духом, что несравненно драгоценнее. Подумай, что в городе не держат ни одного гроба с покойником; поэтому и тебе нельзя явиться во град горний. Если это воспрещено здесь, то тем более там. Или лучше, и здесь над тобою стали бы все смеяться, если бы ты стал носить мертвого человека, и не только стали бы смеяться, но и убегать тебя. Скажи мне: если бы кто везде носил с собою мертвое тело, разве все не отступили бы и не убежали от него? Так рассуждай и в настоящем случае. Ты представляешь гораздо ужаснейшее зрелище: ты носишь всюду душу умершую от грехов, душу преданную гниению. Кто пожалеет о таком человеке? Если ты не жалеешь о своей душе, то будет ли жалеть кто-либо другой о таком жестоком и пагубном враге самому себе? Если бы кто в твоей спальной или столовой комнате зарыл мертвое тело, то чего бы ты не сделал? А ты зарываешь мертвую душу не в столовой и не в спальной, но между членами Христовыми, – и ты не боишься, чтоб не поразили с неба твою голову тысячи громов и молний? Как же ты осмеливаешься ходить в церковь Божию и в святые храмы, будучи исполнен внутри такого отвратительного зловония? Если бы кто внес мертвеца в царские чертоги и положил его там, тот понес бы жесточайшее наказание. А ты входишь в священную ограду, и наполняешь дом Божий таким зловонием: подумай, какому подвергнешься наказанию! Подражай той блуднице, которая миром помазала ноги Христовы, и весь дом наполнила благовонием; ты делаешь совсем напротив относительно дома Божия. Что нужды, если ты и

не чувствуешь зловония? Это только крайняя степень болезни. Это значит, что болезнь твоя неисцелима; что она гораздо более жестока, чем болезнь тех, у кого тело гниет и издает дурной запах. Эта последняя болезнь и дает чувствовать себя страждущим, и не заслуживает никакого обвинения, но даже достойна сожаления; первая же достойна отвращения и мучения. Так как болезнь эта, и по этой причине, является более тяжкой и не позволяет больному чувствовать себя, как бы надлежало, то послушай внимательно, – я покажу тебе ясно ее пагубу. Прежде выслушай, что ты произносишь, когда поешь: «Да направится молитва моя, как фимиам, пред лице Твое» (Пс. 140:2). Но если не фимиам, а смрадный дым восходит от тебя и от твоих дел, то какому не достоин ты подвергнуться наказанию? Что же это за смрадный дым? Это знают многие, именно те, которые заглядываются на красивых женщин и высматривают привлекательных девиц. Не удивительно ли еще, как не разразятся удары грома, и не разрушится все до основания? Действительно, стоит громов и геенны то, что здесь бывает. Но Бог, по Своему долготерпению и великой милости, удерживает до времени гнев Свой, призывая тебя к покаянию и исправлению. Что ты делаешь, человек? Высматриваешь красивых женщин и не трепещешь, нанося такое оскорбление храму Божию! Ужели ты считаешь церковь непотребным домом и ставишь хуже площади? На площади ты боишься и стыдишься быть примеченным, что высматриваешь женщин; а во храме Божием, когда сам Бог беседует с тобою и угрожает за такие поступки наказанием, ты блудодействуешь и прелюбодействуешь в то самое время, когда слышишь, что не должно этого делать. И ты не трепещешь, не ужасаешься? Этому научают вас

соблазнительные зрелища, – эта неистребимая язва, вредоносный яд, сети, из которых трудно избавиться попавшимся в них, удовольствие и вместе погибель для сладострастных. Вот почему и пророк в своем обличении говорит: «Но твои глаза и твое сердце обращены только к твоей корысти» (Иер. 22:17). Лучше таким людям быть слепыми, лучше быть больными, чем так злоупотреблять зрением. Надлежало бы иметь внутри храма стену, которая отделяла бы вас от женщин. Но как вы не хотите этого, то отцы признали необходимым отделить вас, по крайней мере, этими деревянными досками; в древнее же время, я слыхал от старцев, не было и таких стен, – «нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28), – да и во времена апостолов вместе находились мужчины и женщины. Тогда и мужчины были мужчинами, и женщины женщинами, а ныне все напротив: женщины усвоили себе нравы блудниц, а мужчины ничем не лучше коней неистовых. Не слыхали ли вы, что мужи и жены пребывали вместе в горнице, и такое собрание достойно было небес? И вполне справедливо, потому что и женщины в то время вели жизнь благочестивую, подвижническую, и мужчины хранили чистоту и целомудрие. Послушайте, что говорит женщина, торговавшая багряницею: «Если вы признали меня верною Господу, то войдите в дом мой и живите [у меня]» (Деян. 16:15). Послушайте о женщинах, которые, руководясь мыслями мужескими, везде ходили с апостолами: о Прискилле, Персиде и о других, от которых нынешние женщины так же далеко отстоят, как мужчины от тех мужчин.

[6] 4. Тогда женщины хотя и ходили по чужим странам, но не навлекали на себя худой славы; а ныне и воспитывающиеся во внутренних комнатах едва избегают

такого подозрения. И это происходит от излишних нарядов и изнеженности. У тех женщин было занятием распространение проповеди, а нынешние женщины заботятся о том, чтоб показаться благообразными, красивыми и приятными по наружности. Вот их слава, вот их спасение! А о каких-нибудь возвышенных и важных предприятиях они и во сне не помышляют. Какая жена употребила старание на то, чтоб сделать мужа лучшим? Какой муж имел попечение об исправлении жены? Нет ни одного. Напротив, у жены только и заботы, что о золотых украшениях, одежде и других нарядах, и также об умножении имущества; а муж занят, кроме этих, еще многими и другими попечениями, и все житейскими. Кто, намереваясь вступить в брак, старался узнать нрав и поведение девицы? Никто. Напротив, всякий тотчас расспрашивает о деньгах, об имении, о том, сколько всякого рода домашних вещей, – все равно, как бы хотел купить что-нибудь, или заключить какой-нибудь обыкновенный торговый договор. По этой причине и брак называют этим именем. Слыхал я, как многие говорят: такой-то сделал договор с такою-то, т. е., женился. Так ругаются над дарами Божиими: женятся и выходят замуж, как будто продают и покупают что-нибудь. А письменные условия по бракам заключаются с гораздо большею осторожностью, чем по делам купли и продажи. Посмотрите, как древние вступали в брак, и подражайте им. Как же они вступали? Они искали в невесте доброго поведения и нравов, и совершенства душевного; а потому не имели нужды в письменных договорах, в обеспечении посредством бумаги и чернил. Вместо всего им достаточно было душевных свойств невесты. Итак, умоляю и вас искать не денег и богатства, но доброго поведения и кротости. Ищи девицу богобоязненную и

благоразумную, и это будет для тебя лучше бесчисленных сокровищ. Если ты будешь искать угодного Богу, то и это получишь; но если, оставив первое, погонишься за последним, не получишь и того. Но такой-то, скажешь ты, от жены разбогател. Не стыдно ли тебе приводить такие примеры? Слыхал я от многих вот какие слова: лучше желал бы я терпеть крайнюю бедность, нежели получить богатство от жены. И действительно, что может быть неприятнее такого богатства? Что может быть тягостнее такого изобилия? Что постыднее – сделаться таким образом знаменитым и подать повод всем говорить о себе: такой-то от жены разбогател? Я не говорю уже о домашних неприятностях, которые необходимо должны произойти отсюда; не говорю о надменности жены, раболепстве мужа, о ссорах, о поношениях со стороны слуг, когда они будут говорить: нищий, лоскутник, низкий и из низкого состояния; с чем пришел? не все ли принадлежит госпоже? Но ты не беспокоишься о том, что так говорят о тебе, – так как ты уже не свободен. Привыкшие есть чужой хлеб, слышат о себе отзывы и хуже и не печалятся; равным образом и эти, – да еще и в похвалу себе вменяют подобный позор; и когда мы говорим это им, они отвечают: было бы приятно да сладко, а то пусть хоть умру. О, дьявол! Какие поговорки ввел он в мире, – они способны совершенно развратить жизнь таких людей! Рассмотри эти самые пагубные, дьявольские слова, какой преисполнены они погибели. Ведь они не говорят ничего другого, кроме следующего: не думай о честности, о справедливости; отбрось все это, ищи только одного – удовольствия, чего бы это тебе ни стоило, добывай его; хотя бы все встречающиеся с тобою плевали на тебя, хотя бы грязью бросали тебе в лицо, хотя бы гнали тебя как пса, – переноси все. Если бы свиньи и

нечистые псы могли говорить, сказали бы они что-нибудь хуже этого? Конечно, и они не сказали бы того, что людям внушает дьявол говорить, как бы в бешенстве. Теперь вы узнали бессмыслие этих слов. Потому умоляю вас удаляться таких поговорок, и выбирать из Писаний противные этим изречения. Какие же это изречения? «Не ходи, – сказано, – вслед похотей твоих и воздерживайся от пожеланий твоих» (Сир. 19:30). А относительно блудницы есть также противное изречение в притчах: «[Не внимай льстивой женщине], ибо мед источают уста чужой жены, и мягче елея речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый» (Притч. 5:3–4). Этим изречениям будем внимать, а не тем. От тех-то изречений и рождаются помыслы низкие, свойственные рабам; от них люди делаются бессмысленными животными, потому что везде ищут только удовольствия, следуя той поговорке, которая и без наших слов, сама по себе, достойна посмеяния. После смерти какая у тебя останется прибыль от наслаждений? Итак перестаньте подвергать себя посмеянию и разжигать неугасимый огонь геенны, и смыв с глаз гной, хотя и поздно, посмотрим надлежащим образом на будущее, чтобы и настоящую жизнь провести благочинно, во всякой чистоте и благочестии, и сподобиться будущих благ благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Беседа 74

[1] «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в [пролитии] крови пророков». (Мф.23:29–30)

[2] Почему Христос осуждает фарисеев за устроение гробниц пророков. – Фарисеи притворно осуждали своих отцов и превосходили их нечестием. – Невразумляющиеся наказанием других несут тягчайшее наказание. – Любовь Христа к иудеям и казнь за отвержение ее. – Позднее раскаяние иудеев не принесет им пользы. – Увещание заботиться о душе и лечить душевные недуги – в частности сребролюбие – у врачей духовных.

[3] 1. Христос говорит: «горе» книжникам и фарисеям – не потому, что они строят гробницы и осуждают отцов своих, но потому, что, как в первом случае, так и в притворном осуждении отцов своих, они поступают хуже их. А что осуждение их было притворное, об этом говорится у Луки, где они называются сообщниками отцов, потому что они строят гробницы. «Горе вам, что строите гробницы пророкам, которых избили отцы ваши: сим вы свидетельствуете о делах отцов ваших и соглашаетесь с ними, ибо они избили пророков, а вы строите им гробницы» (Лк. 11:47–48). Здесь Христос осуждает их

намерение, с каким они строили; именно они строили гробницы не в честь убитых, но как бы хвалясь убийством, и из опасения, чтобы свидетельство и память о такой их дерзости, с течением времени, не погибли вместе с разрушившимися памятниками; строили гробницы, воздвигая великолепные здания, как бы трофеи, и тем показывали, что они поставляли для себя славу в преступлении отцов своих. Действительно, – как бы говорит Христос, – настоящие дерзкие ваши поступки показывают, что и это вы делаете с таким же намерением. Хотя вы, говорит Он, под предлогом обвинения отцов ваших, и говорите противное, – то есть, что мы не были бы сообщниками их, если бы жили в те дни, – но явно, с какою мыслию вы говорите это. Потому-то Христос, обнаруживая это намерение, так объясняет его. Сказав: «Говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в [пролитии] крови пророков», – присовокупил: «таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков» (Мф. 23:30–31). Но какое преступление – быть сыном убийцы, если этот сын не участвует в намерении отца? Никакого. Отсюда очевидно, что Христос говорит им это для того, чтобы дать знать об участии их в злодеянии отцов их. Это доказывают и следующие слова, которые Он присовокупил: «Змии, порождения ехиднины!» (Мф. 23:33). Как ехидны, по смертоносному яду, уподобляются родившим их, так и вы уподобляетесь отцам вашим по убийству. Далее, обнаружив их намерение, неизвестное для многих, Он подтверждает слова Свои будущими дерзкими их поступками, о которых все будут знать. Сказав: «Таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков», и тем самым дав знать, что Он говорит

об участии их в злодеянии и что они притворно говорили: «то не были бы сообщниками их», – присовокупил: «дополняйте же меру отцов ваших» (Мф. 23:32), не давая этим повеления, но только предвещая будущее, именно убиение Его самого. Таким образом обличив их и показав лживость слов, которые они говорили в защиту себя, – именно, что мы не были бы их сообщниками (в самом деле, те, которые не удержались от убиения Господа, как бы пощадили рабов?) – усиливает после этого речь Свою, называя их змиями и порождениями ехидниными, и продолжает: «Как убежите вы от осуждения в геенну?», отваживаясь на такие дерзкие поступки, и отрекаясь от них и скрывая свое намерение? Далее, обличая их еще с большею силою иначе, Он говорит: «Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших» (Мф. 23:34). А для того, чтобы они не сказали, что хотя мы и распяли Господа, однако удержались бы от убийства рабов, если бы жили в то время, – говорит: вот, Я посылаю к вам рабов, и самих пророков, но вы и их не пощадите. Это говорит Христос для того, чтобы показать, что нет ничего странного, если Его убьют сыны, в убийстве, обманах, коварстве и дерзких поступках превышающие отцов своих. Кроме того, Он показывает, что они и чрезмерно тщеславны; когда они говорят, что если бы мы жили во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их, говорят это по тщеславию, и мудрствуют только на словах, а на деле поступают совершенно наоборот. «Змии, порождения ехиднины!», – то есть: злые дети злых отцов, и еще злее их. Христос показывает, что они отваживаются на гораздо большие злодеяния, и в жестокости превосходят даже отцов своих, хотя и хвалятся, что они не поступили бы так в подобном случае. И действительно,

они оканчивают и довершают злодеяния. Те умертвили пришедших в виноградник, а эти убили и самого Сына и тех, которые звали на брак. Это еще говорит Христос и для того, чтобы отдалить их от родства с Авраамом и показать, что от этого нет никакой пользы для них, если они не будут подражать делам его. Потому и присовокупляет: «Как убежите вы от осуждения в геенну?», подражая отцам своим в таких дерзких поступках? Здесь Он привел им на память и обличительную проповедь Иоанна, потому что и он так называл их, и напоминал им о будущем суде. Далее, так как ни суд, ни геенна нисколько не страшили их, частью потому, что они не верили, а частью потому, что это представлялось в отдаленном будущем, то Он обличает их настоящими случаями, и говорит: «Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших…; да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником. Истинно говорю вам, что все сие придет на род сей» (Мф. 23:34–36).

[4] 2. Смотри, сколько Христос предостерегал их! Он говорил: вы осуждаете отцов ваших, говоря, что не были бы сообщниками их; и этим не мало пристыжал их. Далее говорил: вы, осуждая их, поступаете еще хуже их, и это также достаточно было, чтобы посрамить их. Наконец говорит: это не останется без наказания, – и тем самым наводит на них величайший страх, напоминая им о геенне. Но так как до геенны было далеко, то Христос представляет им настоящие бедствия, и говорит: «что все сие придет на род сей» (Мф. 23:36). С наказанием соединил Христос и величайшие бедствия, сказав, что они

понесут наказание тяжелее всех; но ни от чего не сделались они лучшими. Но если кто спросит: за что же они терпят наказание тяжелее всех, я сказал бы: за то, что более жестоко и хуже всех поступают, и ничем из прежде бывшего не вразумились. Ужели ты не слыхал слов Ламеха: «[Если за Каина] отмстится [всемеро, то] за Ламеха в семьдесят раз всемеро» (Быт. 4:24), то есть: я достоин больших наказаний, чем Каин. За что же? Ведь он не убил брата? За то, что не вразумился тем примером. То же самое говорит Бог в другом месте: «Не оставит без наказания... [наказывающий] детей за вину отцов до третьего и четвертого [рода], ненавидящих Меня» (Исх. 20:7,5), – не потому, чтобы кто-нибудь из них нес наказание за чужие проступки, но потому, что после многих грешников, и притом наказанных, они не сделались лучшими, но подобно им предавались греху, а потому и достойны того, чтобы им терпеть одинаковые наказания. Но смотри, как кстати Христос напомнил им об Авеле, показывая, что и это убийство было сделано по зависти. Итак, что вы теперь можете сказать? Или вы не знаете, что потерпел Каин? Разве Бог оставил без внимания случившееся? Не подверг ли Он его жесточайшему наказанию? Ужели вы не слыхали, что потерпели отцы ваши, избившие пророков? Не преданы ли они были бесчисленным мучениям и наказаниям? Как же вы не сделались лучшими? Но для чего мне говорить о наказаниях отцов ваших, и о том, что они потерпели? Ты, который произносишь осуждение на отцов твоих, почему хуже их поступаешь? Вы сами произнесли приговор, что «злодеев сих предаст злой смерти» (Мф. 21:41). Какое же извинение будете иметь, отваживаясь на такие дерзновенные проступки после такого приговора? Но кто этот Захария? Одни считают его за отца Иоанна, другие

за пророка, а иные за другого какого-то священника, имеющего два имени, которого Писание называет и Иоддаем. Обрати внимание и на то, что это было сугубое злодеяние. Они не только убивали святых, но еще и в священных местах. И произнося эти слова, Христос не только устрашал их, но и утешал учеников, показывая, что и праведники еще прежде их то же терпели. Устрашал же их предсказанием, что как те были наказаны, так и они понесут жестокое наказание. Потому и учеников Своих называет пророками, мудрыми и книжниками, снова отнимая этим у иудеев всякий предлог к оправданию. Теперь, говорит Он, вы не можете сказать, что Я посылал из язычников, и оттого вы впали в соблазн; вас довело до этого то, что вы убийцы и жаждете крови. Поэтому Он и сказал прежде, что Я пошлю пророков и книжников. И все пророки обличали их в том же, говоря, что они кровь с кровью мешают, и что они – мужи кровей (Ос. 4:2). Вот почему Бог и требовал принесения крови в жертву Себе, показывая, что если в бессловесном так дорога кровь, то тем более в человеке. Поэтому Он и говорит Ною: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека» (У Златоуста: «*Я отмщу за всякую кровь пролитую*») (Быт. 9:6). Можно найти бесчисленное множество и других доказательств на то, что Бог запрещает убивать. Потому Бог не повелел есть и чего-нибудь удушенного. О, как велико милосердие Бога, Который хотя и знал, что иудеи никакой не получат пользы, однако исполнял Свое дело! Посылаю, – говорит Он, – хотя и знаю, что они будут убиты. Таким образом, иудеи и здесь были обличены в том, что напрасно говорили: мы не были бы сообщниками отцов наших. И эти умерщвляли пророков в синагогах, и не почитали ни самого места, ни достоинства лиц. Они

умерщвляли не простых людей, но пророков и мудрых, чтобы не быть обличаемыми от них. Под именем же пророков Христос разумеет апостолов и их преемников, потому что многие пророчествовали. Потом, желая увеличить страх, говорит: «Истинно говорю вам, что все сие придет на род сей», то есть, все это Я обращу на ваши головы и отмщу жестоким образом, потому что тот, кто видел многих согрешающих, и не вразумился, но сам поступал так же, и не только так же, но и гораздо хуже, должен подвергнуться гораздо более тяжкому наказанию, чем те. Подобно тому, как если бы он захотел, то получил бы для себя громадную пользу и сделался бы лучшим, благодаря множеству примеров в других, – точно также, не исправившись, становится достоин большего наказания за то, что имел много случаев к вразумлению себя от людей прежде согрешивших и уже наказанных, но без всякой для себя пользы.

[5] 3. Вслед за этим Христос обращает речь к городу, желая таким образом вразумить слушателей, и говорит: «Иерусалим, Иерусалим» (Мф. 23:37)! Что значит это сугубое воззвание? Это голос милосердия, сострадания и великой любви. Как будто пред любимою женщиною, которую постоянно любили, но которая презрела любившего ее, и чрез то заслужила наказание, Он оправдывается, когда намерен уже был поразить казнью. То же делает Он и чрез пророков, когда говорит: «Я говорил: «возвратись ко Мне»; но она не возвратилась» (Иер. 3:7). Сделав такое воззвание к Иерусалиму, Христос исчисляет совершенные им убийства: «Избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих,... и вы не захотели!» (Мф. 23:37)? Защищая от преступлений против Него, Он говорит, что и всем этим ты не отвратил Меня от

себя, и не отклонил великого благоволения Моего к тебе; напротив, Я хотел, и не однажды или два раза, но многократно, привлечь тебя. «Сколько раз, – говорит Он, – хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели»? Этими словами Он хочет показать, что они всегда отдалялись от Него, по причине грехов; сравнением же изъявляет Свою любовь, потому что эта птица горячо любит своих птенцов. Такое сравнение пророков с крыльями везде, и в песни Моисея, и в псалмах, означает особенное смотрение и попечение. «Вы не захотели», продолжает Он. «Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Мф. 23:38), то есть, чужд Моего покровительства. Итак, сам Он прежде покровительствовал им, поддерживал, хранил их, сам Он и наказывает их всегда. И теперь угрожает Он наказанием, которого они всегда чрезвычайно страшились, так как оно указывало на полное нарушение их гражданского быта. «Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен грядый во имя Господне!» (Мф. 23:39). И это – голос любви пламенной, сильно влекущей их не прошедшими только, но и будущими событиями, так как здесь Он говорит о будущем дне Своего второго пришествия. Но что? Неужели они с этого времени не видали Его? Говоря: «отныне», Он указывает не на этот самый час, но на все время, которое протекло до Его страдания. А так как они всегда обвиняли Его в том, что Он богопротивник и враг Богу, то Он и убеждает их любить Себя тем, что показывает Свое единомыслие с Отцом и Свое присутствие в пророках, а потому и употребляет те же самые слова, какие и пророк. Этими же самыми словами Он предвещал и воскресение, и второе пришествие Свое, давая разуметь даже и самим неверующим, что тогда они

несомненно поклонятся Ему. Но как Он указал на это? Предсказывая многое будущее, именно: что пошлет пророков; что их будут убивать, и даже в самих синагогах; что сами они потерпят крайние бедствия; что дом останется пустым; что они подвергнутся ужасным несчастиям, каких прежде никогда и не было. Все это для самых бессмысленных и упорных могло быть ясным указанием на Его второе пришествие. Спросим их: не посылал ли Он к ним пророков и мудрых? Не убивали ли они их в синагогах? Не оставлен ли дом их пустым? Не постигли ли род этот все наказания? Все это очевидно, и никто не будет спорить. И подобно тому, как сбылось все это, так сбудется и последнее Его предсказание, и тогда, без сомнения, они покорятся Ему; но это нисколько не послужит им в оправдание, так же как и всем, которые будут раскаиваться тогда в виду разрушения их государства. Поэтому, пока есть время, будем делать добро. Как для иудеев не будет тогда никакой пользы от прозрения, так и нам не принесет тогда пользы наше раскаяние в нечестии. Так и кормчему ничего не остается более делать, когда от его нерадения корабль погрузится в море, и врачу после смерти больного, но каждому из них надобно прежде все обдумать и сделать, чтобы не подвергнуться никакой опасности или стыду; после же – все бесполезно. Итак, и мы, когда больны, призовем врачей, издержим деньги и приложим все старание, чтобы, освободившись от болезни, быть потом здоровыми. И какое мы обнаруживаем попечение о рабах наших, когда они бывают больны телесно, такое же обнаружим и о себе самих, во время болезни души нашей. Мы к самим себе ближе рабов, и души наши лучше тела их; но, несмотря на это, мы едва ли прилагаем и такую же заботу

о душе. Если же мы ныне не будем этого делать, то после смерти не будем в состоянии ничем оправдать себя самих.

[6] 4. И кто же будет так жалок, скажешь ты, чтобы не приложил такого же попечения о душе? Это-то и удивительно, что мы так невнимательны к самим себе, что пренебрегаем собою более, нежели рабами. Когда рабы больны горячкою, мы призываем врачей, отделяем особую комнату и заставляем повиноваться предписаниям врачебной науки; и если они нерадят о себе, мы принимаем меры более строгие, и приставляем стражей, которые не позволяли бы им делать то, чего бы хотелось, и если ухаживающие за ними скажут, что нужно приготовить дорогое лекарство, мы соглашаемся; если приказывают что-нибудь, мы слушаемся, и платим деньги им за их предписания. Когда же мы сами бываем больны, – а мы больны всегда, – то не призываем ни врача, ни денег не издерживаем, но так нерадим о душе, как бы о враге каком и неприятеле. Это я говорю не в укоризну заботливости о рабах, но желая показать, что, по крайней мере, такое же старание мы должны прилагать и о нашей душе. Но как же это делать, скажет кто-нибудь? Покажи свою больную Павлу, призови Матфея, пошли за Иоанном. Узнай от них, что должно делать с таким больным: без всякого сомнения, они скажут и не утаят ничего; ведь они не умерли, но живы и могут говорить. Но душа твоя не чувствует того, что она одержима горячкой? Ты принудь ее и пробуди в ней рассудок. Призови к ней пророков. Этим врачам не нужно платить денег, они не требуют награды ни за свои труды, ни за лекарства, ими приготовляемые; кроме дел милосердия, не принуждают тебя ни к каким издержкам; во многом даже сами помогают тебе; так, когда заставляют соблюдать воздержание – избавляют тебя от излишних и неуместных

издержек; когда научают трезвости – обогащают тебя. Видишь ли искусство врачей, вместе с здоровьем доставляющих и деньги? Прибегни же к ним, и узнай от них свойство своей болезни. Так, ты любишь деньги, жаждешь богатства, как больные горячкою – воды холодной? Послушай, что они советуют. Как врач говорит тебе: если удовлетворишь свое желание, погубишь себя, и то, и то случится с тобою, так и Павел: «Желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу» (1Тим. 6:9). Но ты нетерпелив? Слушай же, что говорит он: «Ибо еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит» (Евр. 10:37); «Господь близко. Не заботьтесь ни о чем» (Флп. 4:5–6); и опять: «Проходит образ мира сего» (1Кор. 7:31). Этим он не приказывает только, но и утешает, подобно врачу. И как эти последние вместо холодной воды придумывают дать что-нибудь другое, так и Павел дает другое направление желанию. Ты, говорит он, хочешь обогащаться? Обогащайся добрыми делами. Стремишься собирать сокровища? Не запрещаю; только собирай их на небесах. И подобно тому, как врач говорит, что холодная вода вредна для зубов, нервов, костей, так и Павел более кратко, – он любит краткость, – но за то гораздо яснее и сильнее сказал: «Корень всех зол есть сребролюбие» (1Тим. 6:10). Чем же должно пользоваться? Он говорит и об этом: довольством вместо любостяжания. «Великое приобретение, – говорит он, – быть благочестивым и довольным» (1Тим. 6:6). Если же ты нетерпелив и жаждешь большего, и не решаешься оставить все излишества, то и такому больному сказывает он, как нужно ими пользоваться: чтобы «радующиеся» о стяжании были, «как не радующиеся; и покупающие, как

не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся» (1Кор.7:30–31). Видишь ли, что он предписывает? Хочешь ли, представлю тебе еще и другого врача? Я готов. Эти врачи не похожи на врачей телесных, которые взаимными своими спорами часто губят больного. Они не таковы. Они заботятся о здоровье больных, а не о собственной славе. Итак, не бойся, что их много; один во всех вещает Учитель Христос.

[7] 5. Смотри, вот приходит еще другой, и резко говорит о твоей болезни, или лучше, его устами говорит сам Учитель: «Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24). Скажут: пусть так; но как же это может быть? Как нам отказаться от своего желания? И этому здесь можно научиться. Каким же образом? Слушай, что говорит Он: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут» (Мф. 6:19). Видишь ли, как Он указанием на место и истребителей отклоняет от этой земной страсти и устремляет тебя к небу, где ничто не истребляется? Если, – как бы так говорит Он, – будете собирать богатство там, где ни моль, ни ржа не истребляют, где воры не подкапывают и не крадут, то и болезнь эту отразите, и душе доставите величайшее богатство. Сказав это, Он представляет и пример для вразумления тебя. И как врач, устрашая больного, говорит: «такой-то, напившись холодной воды, погубил себя», так и Он приводит богатого, который, будучи болен и желая жизни и здоровья, не мог получить этого по страсти к любостяжанию, но отошел ни с чем. Затем другой евангелист указывает еще на другого богача, горящего в пламени и не имеющего даже и капли воды (Лк. 16:24). Потом, показав, что эти заповеди легки, Христос сказал: «Взгляните на птиц небесных» (Мф. 6:26). Но будучи снисходителен, Он не дозволяет и богатым

отчаиваться. «Невозможное человекам, – говорит Он, – возможно Богу» (Лк. 18:27). Хотя и богат ты, но все еще может исцелить тебя этот Врач. Впрочем, Он не запрещает обогащаться, но не велит быть рабом денег и предаваться любостяжанию. Как же можно спастись богатому? – Все стяжание свое делая общим для нуждающихся, как поступал Иов, изгоняя из души пристрастие к большему, и ни в каком случае не преступая пределов необходимого. После того представляет тебе и мытаря, который, несмотря на то, что был одержим сильною горячкою любостяжания, скоро избавился от этого недуга (Лк. 5:27). Кто корыстолюбивее мытаря? Но и он сделался человеком нелюбостяжательным, повинуясь предписаниям Врача. Таковы были у Него ученики, которые, будучи одержимы такими же, как и мы, болезнями, скоро выздоравливали. И каждого из них Он нам представляет в пример, чтобы мы не приходили в отчаяние. Посмотри на этого мытаря. Обрати еще внимание на другого, начальника мытарей: он обещался раздать вчетверо более против всего насильственно им приобретенного имения, и половину из своего собственного, чтобы принять Иисуса (Лк. 19:8). Но ты слишком распален страстью к деньгам? Считай принадлежащее всем как бы за свое. Больше, нежели ты ищешь, говорит Он, даю тебе, отворяя для тебя дома богатых по вселенной: «Всякий, кто оставит домы,... или отца, или мать,... или земли, ради имени Моего, получит во сто крат» (Мф. 19:29). Таким образом, не только получишь весьма много, но и совершенно утолишь эту сильную жажду, и будешь переносить все легко, не только не заботясь об излишнем, но часто отказывая себе в необходимом. Так Павел алкал, и был доволен этим более, нежели когда ел (Флп. 4:11). И подвижник, получив венец

за свои подвиги, не решится предаться бездействию и праздности, равно как и купец, получивший прибыль от торговли на море, не захочет уже оставаться в бездействии. Так и мы, если вкусим должным образом от духовных плодов, будем почитать уже за ничто все настоящее, увлекаясь как бы некоторым сладким упоением – желанием будущего. Итак вкусим, чтобы освободиться от суеты настоящих благ, и достигнуть будущих, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 75

[1] «И выйдя, Иисус шел от храма; и приступили ученики Его, чтобы показать Ему здания храма. Иисус же сказал им: видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено». (Матф. 24:1–2)

[2] Исполнение пророчества о разрушении храма. – Пророчество о бедствиях иудеев и искушениях апостолов. – Христос исправляет мнение учеников о времени конца мира. – Почему разрушение Иерусалима совершилось после распространения проповеди Евангелия. – Доказательством силы Христовой служит то, при каких тяжких условиях совершилась победа проповеди. – Против учения о круговращении времен и влиянии звезд на судьбу человека. – Доброе неведение лучше худого знания. – Тяжесть греха уменьшается или увеличивается в зависимости от обстоятельств и лица согрешающего.

[3] 1. Так как Христос сказал: «се, оставляется вам дом ваш пуст» (Матф. 23:38), и еще прежде этого предвозвестил бесчисленные бедствия, то ученики, услышав это, с удивлением приступили к Нему, указывая на красоту храма и недоумевая, неужели будет уничтожена такая красота, драгоценное вещество и невыразимое

разнообразие искусства? Христос не просто уже говорит им о запустении, но предсказывает совершенное уничтожение. «Видите ли все это», говорит Он, и не удивляетесь и не ужасаетесь ли? «Не останется здесь камня на камне»? Как же, однако, остался, скажешь? И что бы это значило? И это изречение в этом случае не осталось без исполнения. Спаситель говорил это, указывая или на всеобщее запустение, или на запустение того только места, где Он был, так как части храма до основания разрушены. Притом можно сказать и то, что случившиеся происшествия даже самых упорнейших должны уверить в совершенном уничтожении и остатков. «Когда же сидел Он на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века» (Матф. 24:3)? Они потому приступили наедине, что имели намерение спросить о столь важных предметах. Они нетерпеливо желали узнать о дне Его пришествия, так как сильно желали видеть ту славу, которая будет причиной бесчисленных благ. И двое из них спрашивают Его об этих двух предметах: «когда это будет», то есть разрушение храма, «и какой признак Твоего пришествия»? Лука свидетельствует, что вопрос был один, и именно о разрушении Иерусалима, так как ученики думали, что тогда будет и пришествие Его. А Марк говорит, что не все они спрашивали о разорении Иерусалима, но только Петр и Иоанн, как имевшие более дерзновения. Что же сказал Господь? «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: Я Христос, и многих прельстят. Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец» (Матф. 24:4–6). Так как ученики слышали о

наказании, посылаемом на Иерусалим, как о чуждом для них, и, думая, что сами они будут спокойны, мечтали об одних только благах и надеялись получить их очень скоро, то Спаситель опять предвозвещает им несчастья, побуждая тем к заботливости и сугубой бдительности, – чтобы они не увлеклись обманом обольстителей, и не были побеждены силой бедствий, имеющих постигнуть их. Война, говорит Он, будет двоякого рода: со стороны обольстителей и со стороны врагов; но первая будет гораздо более жестока, потому что откроется при обстоятельствах смутных и ужасных, когда люди будут находиться в страхе и смущении. И в самом деле, великое тогда было смятение, когда римляне начинали процветать, города были пленяемы, войска и оружие находились в движении, и когда многие всему легко верили. О войнах же говорит Он тех, которые имели быть в Иерусалиме, а не вне его, во всех местах вселенной. Какая нужда была ученикам до этих последних? Притом, Он ничего бы не сказал нового, если бы говорил о бедствиях всей вселенной, которые всегда случаются, потому что и прежде того бывали войны, возмущения и сражения. Но Он говорит здесь о войнах иудейских, которые вскоре имели последовать, так как иудеев беспокоили уже успехи римлян. А так как и этого уже довольно было для того, чтобы встревожить их, то Христос и предсказывает все это. Потом в удостоверение того, что и сам Он восстанет против иудеев, и будет воевать против них, Он говорит не об одних только битвах, но и о поражениях, голоде, язвах, и землетрясениях, которые Бог пошлет на них, показывая, что Он сам попустит быть войнам, и что все это случится не просто, как прежде обыкновенно бывало у людей, но по гневу Божьему. Поэтому Он и говорит, что произойдет это не случайно

или внезапно, но со знамениями. А чтобы иудеи не говорили, что виновники этих зол уверовавшие тогда, – Он открыл им и причину наведения их. «Истинно говорю вам», сказал Он выше, «что все сие придет на род сей» (Матф. 23:36), вспомнив о гнусном их убийстве. Потом, для того, чтобы они, слыша о таком множестве бедствий, не подумали, что предсказание не совсем исполнится, присовокупил: «смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть», то есть, всему, что я предсказал, и наступление искушений нимало не воспрепятствует исполнению слов Моих. Хотя будут возмущения и смятения, но они нимало не поколеблют Моих предсказаний. Далее, так как Христос сказал иудеям: «не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен Грядущий во имя Господне» (Матф. 23:39), а ученики думали, что вместе с разрушением Иерусалима будет и скончание мира, то чтобы исправить и это их мнение, сказал: «но это еще не конец». А что они думали точно так, как я сказал, убедись из их вопроса. В самом деле, о чем они спрашивали? «Когда это будет»? То есть, когда будет разрушен Иерусалим? «И какой признак Твоего пришествия и кончины века»? Но Христос ничего не отвечал тотчас на этот вопрос, а прежде говорит о необходимейшем, и о том, что надлежало узнать прежде. Он не сказал тотчас ни о Иерусалиме, ни о втором пришествии Своем; но о тех несчастьях, которые были при дверях. Поэтому и побуждает учеников к осторожности, говоря: «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: Я Христос». Таким образом, прежде возбудив их внимание к слушанию этого («берегитесь», говорит Он, «чтобы кто не прельстил вас»), сделав их заботливыми и бдительными и упомянув о лжехристах,

затем говорит и о бедствиях Иерусалима, удостоверяя на основании того, что уже случилось, и в непреложности будущего людей безумных и упорных.

4 2. Войнами и слухами о войнах, как я и прежде сказал, Он называет смятения, имеющие быть у них. Далее, так как – о чем я и прежде сказал, – ученики думали, что за этой войной последует конец, то смотри, как Спаситель успокаивает их, говоря: «но это еще не конец: ибо восстанет», говорит, «народ на народ, и царство на царство» (Матф. 24:7). Он разумеет начало бедствий иудеев. «Все же это – начало болезней» (Матф. 24:8), то есть, тем, которые с ними случатся. «Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас» (Матф. 24:9). Благовременно упомянул Христос ученикам об их собственных бедствиях, которые облегчаются общими несчастиями, и не этим только, но и тем, что присовокупил: «за имя Мое. Будете», говорит Он, «ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазнятся многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь; претерпевший же до конца спасется» (Матф. 24:10–13). Бедствие это становится тем больше, когда присоединяется к нему и междоусобная война: а тогда много было лжебратий. Видишь ли троякую войну, – именно с обольстителями, врагами и лжебратьями? Смотри, как и Павел, то же самое оплакивая, говорит: «извне – нападения, внутри – страхи»; и: «опасности от лжебратий» (2Кор. 11:26); и опять: «ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых» (2Кор. 11:13). Потом, что всего хуже, ученики и от любви не будут получать утешения. Далее, показывая, что это нисколько

не повредит мужественному и терпеливому, Христос говорит: не бойтесь и не смущайтесь. Если вы покажете надлежащее терпение, то несчастья не победят вас. Ясным доказательством этому служит проповедание евангелия по всей вселенной, не смотря ни на какие препятствия: таким образом, вы будете выше несчастий. А чтобы ученики не сказали: как же мы будем жить? присовокупил еще более: будете и жить, и учить всюду. Поэтому-то и сказал: «и проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, в свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (Матф. 24:14) – не мира, а Иерусалима. А что Христос говорил об этом конце, и что евангелие было проповедано прежде взятия Иерусалима, послушай, что говорит Павел: «по всей земле прошел голос их» (Рим. 10:18); и опять: «благовествование, которое возвещено всей твари поднебесной» (Кол. 1:23). И ты видишь, как скоро он перешел из Иерусалима в Испанию. Если же один овладел столь великой частью (вселенной), то размысли, сколько сделали и другие. И в другом послании Павел говорит о евангелии, что оно «приносит плод, и возрастает» (Кол. 1:6) во всей твари поднебесной. Но что значит: «в свидетельство всем народам»? Так как евангелие всюду было проповедано, но не всюду уверовали в него, Христос говорит: «в свидетельство» будет не уверовавшим, то есть, в обличение, в осуждение; в свидетельство: уверовавшие будут свидетельствовать против не уверовавших, и осудят их. Вот почему уже после проповедания евангелия по всей вселенной разрушается Иерусалим, чтобы неблагодарные не могли иметь и тени извинения. В самом деле, какое могут иметь извинение люди, видевшие могущество Его, всюду воссиявшее и в мгновение протекшее вселенную, если они остались в той же самой

неблагодарности? А что евангелие всюду было тогда проповедано, послушай, что говорит Павел: «благовествование, которое возвещено всей твари поднебесной» (Кол. 1:23). Это и служит величайшим знамением силы Христовой, что слово Его достигло пределов вселенной в течение двадцати или тридцати лет. Итак, после этого, говорит Христос, придет конец Иерусалима. А что Он указывает именно на это, видно из следующего. В удостоверение разрушения Иерусалима Он привел и пророчество, говоря: «когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, – читающий да разумеет» (Матф. 24:15). Он указал им на Даниила. А мерзостью называет статую завоевавшего тогда город, которую он, по опустошении города и храма, поставил внутри храма, почему и называет мерзостью запустения. Потом, для того, чтобы они знали, что это случится еще при жизни некоторых из них, сказал: «когда увидите мерзость запустения».

5 3. Здесь каждый особенно должен подивиться силе Христовой и мужеству апостолов, потому что они проповедовали в такие времена, в которые особенно иудеи были угнетаемы войной, когда на иудеев обращали особенное внимание, как на возмутителей, когда кесарь дал повеление всех их изгонять. Это подобно тому, как если бы кто в то время, когда море со всех сторон взволновалось, когда мраком покрывается весь воздух, кораблекрушения следуют за кораблекрушениями, все плывущие на корабле возмущаются, чудовища выплывают на поверхность моря и, вместе с волнами, пожирают плавающих, когда блистают молнии, нападают разбойники, и находящиеся на корабле друг против друга злоумышляют, – повелел людям неискусным в плавании,

и даже не видевшим моря, сесть на корме, управлять кораблем, производить морское сражение и с одним малым судном, при таком, как я сказал, всеобщем беспорядке, брать в плен и истреблять бесчисленный флот, идущий против них с великой силой. И действительно, апостолы и у язычников находились в ненависти, как иудеи, и от иудеев побиваемы были камнями, как противящиеся их законам, и нигде не имели пристанища. Таким образом, всюду для них были стремнины, скалы и подводные камни: и в городах, и в селах, и в домах, и каждый восставал против них: и вождь, и начальник, и простолюдин, и все языки, и все народы, и было такое смятение, которого невозможно выразить словами. Народ иудейский был весьма ненавистен римскому правительству, потому что причинял ему бесчисленные беспокойства. Но это нисколько не повредило проповеди: город был взят, сожжен и жителей постигли тысячи зол: а апостолы, происшедшие из этого города, вводили новые законы и обладали римлянами. О, новые и чудные дела! Римляне взяли тогда в плен бесчисленные тысячи иудеев, но не победили двенадцати мужей, которые просто сражались с ними безо всякого оружия. Какое слово будет в состоянии изобразить такое чудо? Два условия нужно иметь им: пользоваться доверенностью и быть любимыми со стороны учеников, а, кроме того, и самое учение должно быть удобоприемлемо, и время свободно от смятения и возмущения. В то же время все было напротив. Апостолы, по-видимому, не заслуживали доверия, а между тем обольщенных отвлекали от таких людей, которые почитались достойными доверия; они не были любимы, даже были ненавидимы, и между тем отклоняли от любимых вещей, от обычаев, от отечества, от законов. Их требования были

неудобоисполнимы; а то, от чего они отвращали, было весьма приятно. Как сами они, так и последователи их подвергались многим опасностям, многим смертям; а сверх всего этого, и самое время было весьма трудное, исполнено было войн, смятений, возмущения; так что если бы и ничего из сказанного не было, то оно могло бы все привести в смятение. Прилично здесь сказать: «кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его» (Псал. 105:2)? Если единоплеменники, при всех знамениях, не послушали Моисея потому только, что были угнетаемы деланием глины и кирпичей, то тех, которые ежедневно были поражаемы и убиваемы, и которые претерпевали несносные бедствия, кто убедил оставить жизнь спокойную и предпочесть ей жизнь, исполненную опасностей, крови и смертей, тогда как проповедующие это были иноплеменники, и во всем были им весьма враждебны? Не говоря уже о племенах, городах, но если даже кто-нибудь и в небольшой дом введет такого человека, которого ненавидят все живущие в нем, и если через него будет стараться отклонять от любимых предметов, от отца, матери, жены и детей, то не растерзают ли его еще прежде, чем он откроет уста? А если в доме будет еще ссора и брань между женой и мужем, то не побьют ли его камнями прежде, нежели он ступит на порог? Если же он будет еще и достоин презрения и станет предписывать что-либо трудное, требовать умеренной жизни от людей, преданных удовольствиям, и притом будет действовать против людей, которые гораздо многочисленнее и сильнее его, то не очевидна ли его совершенная погибель? Но при всем том, чего не могло быть в одном доме, то Христос совершил во всей вселенной, проведя врачей ее через стремнины, печи, утесы, скалы, через землю и море, обуреваемое

войной. Если ты хочешь яснее узнать все это, то есть, голод, язвы, землетрясения и другие плачевные события, то прочти об этом историю Иосифа, и ты все узнаешь подробно. Поэтому Сам Христос сказал: «не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть»; и: «претерпевший же до конца спасется»; и: «проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной». Так как ученики, устрашившись Его слов, пришли в изнеможение и уныние, то Он и укрепляет их, говоря, что хотя и бесчисленные будут препятствия, однако, евангелие должно быть проповедано по всей вселенной, и «тогда придет конец».

[6] 4. Видишь ли, в каком состоянии находились тогда дела, и как многоразлична была война? И это вначале, когда во всяком деле особенно требуется великое спокойствие. В каком же состоянии они находились? Ничто не препятствует опять повторить то же самое. Первая брань была со стороны обольстителей: «придут», сказано, «лжехристы и лжепророки»; вторая – со стороны римлян: «услышите о войнах»; третья производила «голод»; четвертая – «моры и землетрясения»; пятая – «предадут вы на смерть»; шестая – «будете ненавидимы всеми»; седьмая – друг друга «предадут и возненавидят»: здесь означается междоусобная брань. Потом лжехристы и лжебратья; наконец, «охладеет любовь», что и будет причиной всех зол. Видишь ли бесчисленные роды браней, новые и необычайные? Но даже и при этих и других гораздо больших бранях (к междоусобной брани присоединялась еще брань между родными) проповедь евангельская возобладала над всей вселенной: «проповедано будет», говорит Он, «евангелие» во всем мире. Итак, где те, которые владычество природы и круговращение времен противопоставляют учению

Церкви? Помнит ли кто-нибудь из них, чтобы явился когда-нибудь другой Христос, чтобы случилось подобное происшествие? И хотя они и рассказывают о других баснях, что, например, будто бы прошло уже сто тысяч лет, но здесь ничего подобного выдумать не могут. Итак, о каком вы скажете круговращении? Ни Содома, ни Гоморры, ни потопа в другой раз не было. До каких пор вам издеваться и говорить о превращении и возникновении? Как же, скажешь ты, сбывается многое из того, что предсказывают? Так как ты сам себя лишил помощи Божьей, пренебрег ее и поставил себя вне промысла, то дьявол, по своей воле, управляет и располагает твоими делами. Но он не делает этого со святыми, ни даже с нами грешными, которые весьма презираем эти предсказания. Хотя жизнь наша и худа, но так как мы по благодати Божьей весьма твердо держимся догматов истины, то и возвышаемся над кознями дьявольскими. Что же, в самом деле, значит гадание по светилам? Не что иное, как ложь и запутанность, по которым все происходит наудачу, и не только наудачу, но и безрассудно. Но ты скажешь: если светила не имеют влияния на судьбу человека, то почему тот богат, а другой беден? Не знаю; до времени я так буду рассуждать с тобой, чтобы научить тебя, чтобы ты не слишком все испытывал, и потому не думал, что все происходит наудачу и случайно. Потому, что ты не понимаешь этого, ты не должен измышлять того, чего нет. Доброе неведение лучше худого знания. Кто не знает причины, тот скоро может дойти до истинной причины; а кто, не познав истинной причины, вымышляет ложную, тот не легко может принять истинную; но много требуется от него труда и пота для того, чтобы уничтожить прежнее. На чистом пергаменте всякий удобно может писать, что

ему угодно, а на исписанном не так: прежде надобно стереть то, что худо написано. И между врачами тот, который ничего не делает, гораздо лучше того, который делает вред; и тот, кто непрочно строит, хуже того, который совершенно ничего не строит, равно как и земля, на которой нет ничего, гораздо лучше той, которая имеет терние. Итак, не будем спешить узнать все, но будем терпеть, если чего и не знаем, чтобы, когда найдем учителя, не причинить ему сугубого труда. Напротив, многие часто оставались даже в неисцелимой болезни, после того как по простоте своей приняли худое учение. Действительно, не одинаково трудно исторгать то, что прежде пустило худые корни, и – сеять и насаждать на чистом поле. Там надобно исторгнуть прежнее, и потом уже посеять другое, а здесь – открытые только уши. Отчего же, однако, иной богат? Теперь уже я скажу. Одни приобрели богатство по Божьему благодеянию; другие же по попущению Божьему. Вот краткая и простая причина. Почему же, скажешь ты, Он делает богатым блудника, прелюбодея, сладострастника, и того, который злоупотребляет своим имением? Он не делает богатым, но только попускает быть богатым; а между деланием и попущением великое, даже бесконечное, различие. Почему же, однако, Он попускает? Потому, что не пришло еще время суда, чтобы каждый получил достойное. Что хуже того богача, который не давал даже и крох Лазарю? Но он сделался всех несчастнее, не мог иметь и капли воды, особенно за то, что при своем богатстве был бесчеловечен. Если два нечестивца имели здесь не одинаковую участь, но один из них был богат, а другой беден, то они и там не равно будут наказаны, но который более богат, будет наказан более жестоко.

[7] 5. Итак, видишь ли, что и этот богач претерпевает жесточайшие мучения, потому что благоденствовал в этой жизни? Поэтому и ты, если увидишь, что неправедно приобретающий богатство благоденствует, вздохни и пролей слезы: богатство это увеличит его наказание. Как те, которые много грешат и не хотят покаяться, собирают себе сокровище гнева (Рим. 2:5), так и те, которые здесь не наказываются, а наслаждаются счастьем, подвергнутся большему наказанию. И это, если угодно, я докажу тебе примером не только из будущей, но и из настоящей жизни. Так блаженный Давид, когда сделал известный грех с Вирсавией и был обличаем пророком, за то особенно весьма жестоко был обвиняем, что совершил такое преступление, несмотря на то, что пользовался полной безопасностью. Послушай, как Бог за это особенно укоряет его: «не Я ли помазал тебя в царя, и освободил из руки Саула, и дал тебе все имение господина твоего, и весь дом Израиля и Иудин? И если мало было тебе этого, Я еще к этому приложил бы тебе. И для чего ты сотворил лукавое передо Мной» (2Цар. 12:7–9)? Не все грехи одинаково наказываются, но есть многие и различные наказания, смотря по времени, по лицам, по достоинствам, по степени разумения, и по многим другим обстоятельствам. Чтобы яснее были слова мои, укажем здесь на один грех – блуд; и смотри, насколько многоразличные наказания представлю я, не от себя самого, но из божественных Писаний. Кто любодействовал прежде закона, – иначе наказывается. Это показывает Павел: «те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут» (Римлян. 2:12). Кто любодействовал после закона, тот потерпит более жестокое наказание: «а те, которые под законом согрешили», говорит Он, «по закону осудятся». Кто

сделал блуд, будучи священником, тот соответственно своему сану получает величайшее и усиленное наказание. Вот почему другие девы за любодеяние были убиваемы, а дочери священников сжигались, чем законодатель весьма ясно показывает, какая казнь угрожает самому священнику за подобный грех. В самом деле, если дочь подвергается большему наказанию потому, что она дочь священника, то гораздо более сам священник. Если какая-либо женщина сделала блуд по принуждению, то она свободна от наказания. Если сделала блуд женщина богатая и женщина бедная, то и здесь опять различие. Это открывается из того, что мы выше сказали о Давиде. Любодействовал ли кто по пришествии Христовом и умрет, не приняв крещения, – подвергнется более жестокому наказанию, чем все прежде упомянутые. Сделал ли кто блуд после омытия божественным крещением, – здесь уже не остается никакого утешения в грехе. И показывая именно это, Павел сказал: «Если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которой освящен, и Духа благодати оскорбляет» (Евр. 10:28–29)? Если сделал блуд какой-либо священник ныне, это особенно уже верх всех зол. Видишь ли, сколько различий у одного и того же греха? Иное – грех совершенный прежде закона, иное – после закона, иное – сделанный священником, иное – богатой и бедной женщиной, иное – грех учиненный оглашенной и верной, иное – женщиной из рода священнического. Также великое различие происходит и от разумения: «который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много» (Лк. 12:47). И грех, сделанный

после таких и столь многих примеров, получает большее наказание. Поэтому Христос сказал: «видев это, не раскаялись после» (Матф. 21:32), хотя и много были врачуемы. В том же укоряет Он и Иерусалим, говоря: «сколько раз хотел Я собрать чад твоих, и вы не захотели» (Лук. 13:34)? Относительно тех, которые грешат, живя в роскоши, ты имеешь пример в истории о богаче и Лазаре. Увеличивается еще тяжесть греха и от места, на что сам Христос указывает, говоря: «между храмом и жертвенником» (Матф. 23:35); и от качества самых преступлений: «не спускают», сказано, «вору, если он крадет, когда он голоден» (Притч. 6:30); и опять: «сыновей твоих и дочерей твоих приносила в жертву… при всех твоих мерзостях и блудодеяниях твоих» (Иез. 16:20, 22). Также и от лиц: «если согрешит человек против человека, то помолятся о нем Богу; если же человек согрешит против Господа, то кто будет ходатаем о нем» (1Цар. 2:25)? Подобным образом, если кто превосходит своей беспечностью самых худших людей, что Бог порицает и у Иезекииля таким образом: «даже не поступаете и по постановлениям язычников» (Иез. 5:7); и когда кто-либо не направляется даже примерами других: видела, сказано, сестру свою и оправдала ее (Иез. 16:57); когда кто пользуется особенным промышлением: «если бы в Тире», говорит Он, «и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретище и пепле покаялись, но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам» (Матф. 11:21–22). Видишь ли совершенную точность и то, что не все за одни и те же грехи получают равное наказание? И мы, если не воспользуемся долготерпением Божьим, подвергнемся большему наказанию. Это показывает и Павел, говоря: «по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе

собираешь гнев» (Рим. 2:5). Итак, зная это, не будем соблазняться и смущаться никакими случаями жизни, не будем обуреваться помыслами; но, предаваясь непостижимому божественному промыслу, будем стараться о добродетели и избегать греха, чтобы получить будущие блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 76

[1] «Тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои». (Матф. 24:16–18)

[2] Тяжесть бедствий иудеев по пророчеству Христа и по свидетельству Иосифа (Флавия). – Причина бедствий. – О каких избранных говорит Христос. – Время и образ второго пришествия. – Для чего явится крест. – Должно добровольно ради Христа делать то, что бывает с нами по необходимости. – Во Христе удовлетворение всех наших желаний и нужд. – Суетность и гибельность житейских попечений. – Необходимость будущего суда и наказаний.

[3] 1. Сказав о бедствиях, имеющих постигнуть город, об искушениях апостолов и о том, что они будут непобедимы, и пройдут всю вселенную, Спаситель опять говорит о бедствиях иудеев, показывает, что когда апостолы, научив всю вселенную, прославятся, тогда иудеи подвергнутся бедствиям. Но смотри, как Он говорит о войне, представляя жестокость ее в словах, по-видимому, маловажных. «Тогда», говорит Он, «находящиеся в Иудее да бегут в горы». «Тогда»: когда же? «Когда случится все это, когда увидите мерзость запустения на святом месте». Из этого я заключаю, что Он говорит о войсках. Тогда бегите, говорит: вам не будет уже никакой надежды на

спасение. А так как часто случалось, что иудеи, во время жестоких войн, опять укреплялись, как, например, при Сеннахириме и Антиохе (когда, хотя войска напали на город и храм был взят, но Маккавеи, устремившись против врагов, дали обратное направление делам), то, чтобы и теперь не ожидали какой-либо подобной перемены, Он отнимает у них всякую надежду. Хорошо, говорит, если кто спасется хотя бы нагим. Поэтому и находящимся на кровле не позволяет войти в дом, чтобы взять одежды, – показывая неизбежность зла и чрезмерно великое несчастье, и то, что впадший в него необходимо должен погибнуть. По этой же причине прибавляет, что и находящийся на поле да не возвратится взять риз своих. Если и находящиеся в доме бегут из него, то тем более не должно возвращаться тем, которые вне его. «Горе же беременным и питающим сосцами» (Матф. 24:19), – первым потому, что они, будучи отягощаемы беременностью, по причине слабости, не смогут удобно бежать; а последним потому, что они, будучи связаны узами сострадания к детям, не смогут спасти с собой питающихся грудью. Деньги легко и пренебречь, и сохранить, равно как и одежду; но того, с чем связывает человека природа, как может кто-либо избежать? Как может быть легкой беременная женщина? Как может кормящая грудью презреть дитя свое? Далее, опять показывая величину бедствия, говорит: «молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимой или в субботу, ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет» (Матф. 24:20–21). Видишь ли, что Он говорит иудеям, и рассуждает о бедствиях, имеющих постигнуть их? Апостолы не соблюдали субботы, и не были в Иерусалиме в то время, когда Веспасиан сделал это, так как большинство из них еще прежде этого

скончались, если же кто оставался в живых, тот жил тогда в других частях вселенной. Но почему ни «зимой, ни в субботу»? Зимой, – по причине трудности времени; в субботу, – по требованию закона. Бегство было необходимо, и бегство скорейшее; а иудеи в то время не смели бежать в субботу из уважения к закону, зимой же бежать было неудобно: поэтому Христос и говорит: «молитесь. Ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет». Да не подумает кто-либо, что это сказано преувеличенно; пусть прочитает сочинения Иосифа, и узнает истину этих слов. Никто не может сказать того, что Иосиф, как верующий, увеличил изображение этих бедствий для того, чтобы подтвердить сказанное; он был иудей, и иудей весьма строгий, ревнитель и из числа тех, которые жили по пришествии Христовом. Что же он говорит? То, что эти бедствия превзошли всякое описание бедствий, и подобной войны никогда не случалось с каким-нибудь народом. Такой, по словам его, был голод, что сами матери с жадностью ели детей и возникала из-за этого между ними ожесточенная борьба, а у многих даже мертвых растерзываемы были чрева. Я охотно спросил бы теперь иудеев: за что излился на них столь великий и нестерпимый гнев Божий, который превышает все бедствия, доселе бывшие не только в Иудее, но и во всей вселенной? Не очевидно ли – за то, что дерзнули распять Христа, и вследствие Его предсказания? Все могут подтвердить это, а вместе со всеми и прежде всех – истина событий. Заметь же чрезвычайность бедствий, когда они, по сравнению с бедствиями, не только бывшими доселе, но и имеющими быть во все последующее время, являются лютейшими из всех. Действительно никто не может указать подобных бедствий ни во всей вселенной, ни во все время, как

прошедшее, так и будущее. И это справедливо. Никто из людей, бывших прежде или после этого, не дерзал на злодеяние столь беззаконное и ужасное. Поэтому Христос и говорит: «будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни» (Матф. 24:22). Этим Он показывает, что иудеи заслужили еще большее наказание, чем это, а под днями разумеет дни войны и осады. Итак, смысл слов Его следующий: если бы долее продолжалась война римлян против города, то погибли бы все иудеи (под всякой плотью Он разумеет здесь иудеев), находящиеся как вне, так и внутри города. Не только воевали против тех, которые были в Иудее, но и изгоняли и преследовали рассеянных всюду по причине ненависти к ним.

4 2. О каких же избранных говорит здесь Христос? О верующих, находившихся среди иудеев. Чтобы иудеи не сказали, что бедствия эти случились по причине проповеди евангельской и поклонения Христу, Он показывает, что верующие не только не будут причиной этих зол для них, но, напротив, если бы их не было, то все они совершенно бы погибли. Если бы Бог попустил продолжиться войне, то не сохранился бы остаток иудеев; но чтобы вместе с неверующими иудеями не погибли верующие из них, Он скоро прекратил брань и положил конец войне. Поэтому-то Христос говорит: «но ради избранных сократятся те дни». Это сказал Он и для того, чтобы утешить верующих, находившихся среди иудеев, и успокоить их, чтоб они не боялись, как имеющие погибнуть вместе с ними. Если же здесь столь велико промышление Божье о верующих, что ради них и другие спасаются, и остатки неверующих иудеев сохраняются

ради христиан, то какая честь ожидает их во время раздаяния венцов? Этими словами Христос и утешал верующих, чтобы они не скорбели в собственных опасностях, так как и неверующие претерпевают такие же бедствия, и притом без всякой пользы, даже с потерей своей жизни. И не только утешал их, но еще тайным и неприметным образом отвлекал от иудейских обычаев. В самом деле, если перемены на лучшее уже не будет и храм не будет существовать, то очевидно, что и закон упразднится. Впрочем, ясно Он не сказал этого, но намекнул на это, говоря о совершенной погибели иудеев. Ясно же не сказал для того, чтобы не поразить учеников прежде времени. Поэтому не сказал Он об этом и с самого начала; но, наперед оплакав город, заставил их показать Себе камни и предложить вопрос, чтобы в виде ответа на вопрос предвозвестить им все будущее. Заметь премудрое распоряжение Духа в том, что Иоанн ничего не писал об этом, чтобы не показалось, что он пишет на основании самого повествования о происшествиях (а он долгое время жил еще после разрушения Иерусалима); но пишут об этом те, которые умерли прежде этого разрушения, и не видали ни одного из этих событий, так что отовсюду сияет сила пророчества.

5 «Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, – не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам. Итак, если скажут вам: вот, Он в пустыне, – не выходите; вот, Он в потаенных комнатах, – не верьте; ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого; ибо, где будет труп, там соберутся орлы» (Матф. 24:23–28). Кончив предсказание о Иерусалиме, Христос переходит

уже к Своему пришествию и говорит ученикам о знамениях, полезных не только для них, но и для нас, и для всех, которые будут после нас. «Тогда»: когда же? Здесь слово: «тогда», как я часто говорил, не означает последовательного порядка времени в вышеупомянутых событиях. Когда Христос хотел показать порядок времени, то сказал: «вдруг, после скорби дней тех» (Матф. 24:29). Здесь же не так, но употребляет слово: «тогда», указывая этим не на то, что будет тотчас после этого, а на то, что будет в то время, когда должны совершиться события, о которых Он хотел сказать. Так, когда и евангелист говорит: «в те дни приходит Иоанн Креститель» (Матф. 3:1), то говорит не о том времени, которое тотчас последовало, но о том, которое было спустя много лет, и в которое происходило то, о чем он намерен был сказать. Сказав о рождестве Иисуса, пришествии волхвов и смерти Ирода, он тотчас говорит: «в те дни приходит Иоанн Креститель», хотя тридцать лет протекло между этими событиями. В Писании обыкновенно употребляется этот образ повествования. Так и здесь, опустив весь промежуток времени от разрушения Иерусалима до начала кончины мира, Христос говорит о времени, имеющем быть не задолго перед кончиной мира. «Тогда», говорит, «если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, – не верьте». Говоря о признаках второго Своего пришествия и чудесах обольстителей, Он в то же время предостерегает учеников касательно места. Не так Он явится тогда, как в первое Свое пришествие явился в Вифлееме, в малом углу вселенной, и когда сначала никто не знал о том; но открыто и со всей славой, так что не нужно будет кому-нибудь возвещать об этом. Это служит немалым признаком того, что Он придет не тайно. Заметь же, что Он здесь ничего не говорит о войне, – Он отличает

предсказание о пришествии Своем от предыдущего, – но говорит о тех, которые будут стараться прельщать. Одни из них, бывшие при апостолах, многих прельстили: «восстанут лжехристы и лжепророки», говорит, «и многих прельстят»; а другие, которые явятся перед вторым пришествием Его, еще хуже будут первых: «и дадут», говорит, «великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных». Здесь Он разумеет и антихриста, и тех, которые будут служить ему. О нем и Павел говорит таким же образом. Назвав его «человеком греха, сыном погибели», присовокупил: «того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякой силой и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих» (2Фес. 2:3, 9–10). Смотри же, как Христос предостерегает. «Не выходите», говорит, в пустыню, не входите во внутренние комнаты. Не сказал: отойдите и не веруйте; но: «не выходите и не входите». Великий будет тогда обман, по причине обольстительных знамений.

6 3. Сказав, каким образом придет антихрист, то есть, в известном месте, Христос говорит, каким образом и Сам придет. Каким же образом Он придет? «Как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого; ибо, где будет труп, там соберутся орлы» (Матф. 24:27–28). А как блистает молния? Она не требует вестника, не требует проповедника, но в одно мановение является во всей вселенной, и тем, которые сидят в домах, и тем, которые находятся во внутренних комнатах дома. Таково же будет и пришествие Христово, которое вдруг явится везде по причине сияния славы. Далее Христос говорит о другом знамении: «где будет труп, там соберутся орлы», показывая этим на множество ангелов, мучеников и всех

святых. Потом говорит о страшных чудесах. Какие же это чудеса? «Вдруг, после скорби дней тех», говорит, «солнце померкнет» (Матф. 24:29). О какой скорби дней говорит Он? О скорби дней антихриста и лжепророков. Подлинно, великая тогда будет скорбь, когда столь много будет обольстителей. Впрочем, она не долго продолжится. Если и иудейская война ради избранных была сокращена, то тем более сократится это искушение ради них же. Поэтому-то Христос не сказал: после скорби, но – «вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет», – потому что все это случится почти одновременно. Лжепророки и лжехристы, явившись, произведут возмущение, и тотчас придет сам Христос. Немалое смятение будет тогда обладать вселенной. Как же придет Он? Так, что преобразится уже эта тварь. «Солнце померкнет», будучи не уничтожаемо, но побеждаемо светом пришествия Его; «и звезды спадут», потому что какая в них будет уже нужда, когда не будет ночи? «И силы небесные поколеблются»: и очень справедливо, – видя столь великую перемену. Если они столь ужаснулись и удивились, когда сотворены были звезды («Когда сотворены были звезды», от радости, говорит Господь, «восхвалили Меня громким голосом все Ангелы Мои (и преклонились)». (Иов 38:7), то, как им не ужаснуться и не поколебаться гораздо более, когда увидят, что все преобразуется, сослужители их подвергаются наказанию, вся вселенная предстоит страшному судилищу, и все, от Адама до пришествия Христова существовавшие, должны дать отчет во всех своих действиях?

7 «Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе» (Матф. 24:30), – то есть, крест, который светлее солнца, – так как солнце помрачается и скрывается, а крест является; он не явился бы, если бы не был гораздо

светлее солнечных лучей. Но для чего является это знамение? Для того чтобы совершенно посрамить бесстыдство иудеев. Христос придет на этот суд, имея величайшее оправдание – крест, показывая не только раны, но и постыдную смерть. «Тогда восплачут все племена земные»: не будет нужды в обличении после того, как они увидят крест; и они восплачут, так как не получили никакой пользы от смерти Его, и распяли Того, Которому должны были поклоняться. Видишь ли, сколь страшным представил Христос Свое пришествие? Как ободрил сердца учеников? Для того Он сперва и представляет печальные знамения, а потом радостные, чтобы таким образом утешить и успокоить их. Снова напоминая им о страдании и воскресении, Он представляет крест в блистательнейшем образе, чтобы они не стыдились и не скорбели, так как Он придет полагая его вместо знамения. В другом же месте Писания говорится: «воззрят на Него, Которого пронзили» (Зах. 12:10). Поэтому-то восплачут племена, увидев Того самого, Которого они пронзили. Напомнив о кресте, Христос присовокупил: «увидят Сына Человеческого, грядущего» не на кресте, но «на облаках небесных с силой и славой великой» (Матф. 24:30). Услышав о кресте, ты опять не представляй чего-либо печального: Христос придет с силой и славой многой. Крест же приносит для того, чтобы грех иудеев сам собой осудился, подобно тому, как если бы кто-нибудь, будучи поражен камнем, стал показывать самый камень, или окровавленные одежды. Придет на облаке, подобно тому, как и вознесся: и, видя это, «восплачут» племена. Впрочем, бедствия их не ограничатся одним плачем, но плач этот будет для того, чтобы они сами над собой произнесли приговор и осудили самих себя. В то же время еще «и пошлет

Ангелов Своих с трубой громогласной, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их» (Матф. 24:31). Когда ты услышишь это, представь себе мучение тех, которые останутся. Они понесут не только то наказание, но и это. И, как выше говорил Христос, что воскликнут: «благословен грядый во имя Господне» (Матф. 23:39), так и здесь говорит, что «восплачут». Раньше Христос сказал Им о жестоких бранях; но чтобы они знали, что за бедствиями настоящей жизни ожидают их мучения и в будущей, то представляет их и плачущими, и отлучаемыми от избранных, и предаваемыми геенне; и этим опять ободряет учеников Своих, и показывает, от каких зол они освободятся, и какими будут наслаждаться благами.

[8] 4. Но для чего Христос через ангелов будет призывать избранных, если Он придет так явно? Для того чтобы и этим почтить их. Павел говорит, что они будут восхищены на облаках. Рассуждая о воскресении, он сказал и это. «Потому что Сам Господь», говорит он, «при возвещении, при голосе Архангела и трубе Божьей, сойдет с неба» (1Фес. 4:16). Итак, ангелы соберут воскресших, а облака восхитят собранных, и все это произойдет в кратчайшее время, в мгновение. Господь будет призывать их не пребывая на высоте, но сам придет с трубным голосом. Для чего же будут трубы и голос? Для возбуждения, для радости, для представления ужасных событий, для мучения тех, которые оставляются. Горе нам от этого страшного дня! Надлежало бы нам радоваться, когда мы слышим это, но мы скорбим, сетуем и печалимся. Или я один испытываю такое чувство, а вы радуетесь, слыша это? На меня находит некоторый ужас, когда говорят об этом, и я горько плачу и воздыхаю из глубины сердца. Впрочем, не это смущает меня, но то, что вслед за тем

сказано о девах, о скрывшем в земле полученный талант, о лукавом рабе. Поэтому-то я плачу, представляя, какой мы лишимся славы, какой надежды благ, и притом совершенно и навсегда, если хотя бы немного не позаботимся. Если бы и велик был труд и тяжек закон, то и в таком случае надлежало бы все исполнять. Хотя многие из нерадивых и думали иметь некоторое извинение, – извинение, правда, бесполезное, впрочем, думали иметь, – указывая на чрезмерную тяжесть заповедей, на великий труд, на бесконечное время и невыносимое бремя, но теперь ничего подобного мы не можем представить в оправдание; и это особенно будет терзать нас в то время не менее геенны, когда мы за краткое мгновение, за пренебрежение ничтожного усилия, потеряем небо и неизреченные блага. Поистине и время кратко, и труд мал; а между тем мы расслаблены и унылы. На земле подвизаешься, а на небесах венец; от людей принимаешь мучения, а от Бога получаешь честь; два дня бежишь, а на бесконечные века награда; в тленном теле борьба, а в нетленном честь. А сверх этого, должно еще представлять и то, что хотя бы мы и не решились потерпеть для Христа некоторые скорби, все же совершенно необходимо будет потерпеть их, только иным образом. Если ты и не умрешь за Христа, то не будешь же бессмертен; если и не отвергнешь для Христа богатство, то не возьмешь его с собой по смерти. Он требует от тебя того, что и без требования ты отдашь, потому что ты смертен. Он желает, чтобы ты добровольно сделал то, что должен будешь сделать и по необходимости; требует только одного того, чтобы для Него делано было то, что случается и приходит и по естественной необходимости. Видишь ли, как легок подвиг? То, что совершенно необходимо тебе претерпеть, говорит Он, претерпи для

Меня; присовокупи только это, и Я доволен твоим послушанием! Золото, которое ты намерен давать взаймы другому, отдай Мне, с большей и выгодой и безопасностью; телом, которым ты хочешь воевать за другого, воюй за Меня: твои труды Я вознагражу с великим избытком. В других случаях ты предпочитаешь того, кто платит более, – и в даянии взаймы, и в торговле, и в военной службе; а Христа, Который один воздает более всех и бесконечно более, не принимаешь. Что это за брань, столь великая? Что за вражда, столь сильная? Откуда же, наконец, получишь ты прощение и защиту, когда не хочешь предпочесть Бога людям за то, за что одних людей предпочитаешь другим? Для чего предаешь сокровище земле? Отдай в Мои руки, говорит Он. Ужели не думаешь, что Господь земли вернее земли? Земля возвращает только вверенное ей, а часто не возвращает и того; Господь же дает тебе и награду за сохранение, потому что весьма любит нас. Поэтому, если ты хочешь отдать взаймы, Он готов принять; если хочешь сеять, Он принимает это на Себя; если хочешь строить, Он влечет тебя к Себе, говоря: строй на Моем основании. Для чего ты прибегаешь к бедным, просящим милостыни, людям? Прибегай к Богу, Который и за малое воздает тебе великое. Но мы об этом и слышать не хотим, а спешим туда, где брани, войны, борьба всякого рода, распри, клеветы.

9 5. Итак, не по праву ли Господь отвращается и наказывает нас, когда Он во всем предоставляет нам Себя, а мы противимся Ему? Для всякого это совершенно очевидно. Хочешь ли ты, говорит Он, украшаться, – украшайся Моей красотой, или вооружаться, – Моим оружием, или облечься, – в Мою одежду, или питаться, – вот тебе Моя трапеза, или идти, – иди Моим путем, или

наследовать, – получи Мое наследие, или войти в отечество, – войди в город, которого Я Художник и Строитель, или построить дом, – построй его в селениях Моих. Я не требую от тебя награды за то, что даю, но еще и должен наградить тебя за то самое, что ты пожелаешь воспользоваться всеми Моими благами. Что может сравняться с этой щедростью? Я отец, Я брат, Я жених, Я дом, Я питание, Я одежда, Я корень, Я основание, Я все, чего бы ты ни захотел: ни в чем ты не будешь иметь нужды. Я и служить буду, – потому что Я пришел для того, чтобы служить, а не для того, чтобы Мне служили (Матф. 20:28). Я и друг, и член, и глава, и брат, сестра, и мать, – Я все; только ты будь Мне другом. Для тебя Я беден, для тебя Я нищий, для тебя Я на кресте, для тебя в гробе, за тебя ходатайствую перед Отцом, на небесах, для тебя Я явился на земле посланником от Отца. Ты Мне все: и брат, и сонаследник, и друг, и член. Чего еще желаешь? Для чего отвращаешься от Того, Который любит тебя? Для чего работаешь миру? Для чего вливаешь в сосуд разбитый? А этому и подобны труды для настоящей жизни. Для чего сечешь огонь? Для чего бьешь воздух? Для чего бежишь напрасно? Не каждое ли искусство имеет цель? Это всякому известно. Покажи мне и ты цель житейского попечения. Но ты не можешь показать: «суета сует – все суета» (Еккл. 1:2). Пойдем к гробам: покажи мне отца, покажи мне жену. Где тот, который облекался в золотые одежды, кто сидел на колеснице, кто имел войска, царский пояс, провозвестников; который одних предавал смерти, а других ввергал в темницу; который по своей воле и умерщвлял, и освобождал? Я ничего не вижу, кроме костей, червей и паутины. Все это земля, все это вымысел; все это сон и тень, пустой рассказ и образ, или лучше сказать, менее, нежели образ: образ

мы видим, по крайней мере, на картине, здесь же не видим и картины. О, если бы этим оканчивались бедствия! Но теперь честь, удовольствие, знаменитость, – одна тень, одни слова; а то, что от них происходит, – уже не тень и слова, но пребывает и перейдет с нами туда, и всем будет известно; хищения, любостяжание, блудодеяния, прелюбодеяния и бесчисленные подобного рода преступления, состоят ли они в словах, или делах, написаны не на картине и не на прахе, но на небесах. Итак, какими очами будем мы взирать на Христа? Если человек не может смотреть на отца, когда сознает себя виновным перед ним, то как мы будем взирать тогда на Того, Кто бесконечно более кроток, чем отец? Как снесем Его присутствие? Предстанем перед судилищем Христовым, и всем будет строгое испытание. Если же кто не верит будущему суду, тот пусть посмотрит на то, что здесь происходит, – на тех, которые находятся в темницах, в рудниках, в нечистых местах, на беснующихся, на сумасшедших, на пораженных неизлечимыми болезнями, на борющихся со всегдашней нищетой, на терпящих голод, на удрученных сильными скорбями, на пленных. Они не терпели бы этого теперь, если бы и всех других, подобно им согрешивших, не ожидало наказание и мучение. Если же другие нисколько здесь не пострадали, то это самое должно служить тебе признаком, что непременно ожидает их нечто по отшествии из настоящей жизни. Один и тот же Бог всех не стал бы одних наказывать, а других, совершивших такие же, или еще большие преступления, оставлять без наказания, если бы Он не намерен был подвергнуть их некоторому наказанию в будущей жизни. Итак, в виду этих размышлений и доказательств, и сами смирим себя, и отвергающие суд пусть уверуют и исправятся, чтобы мы, проведя здешнюю

жизнь достойно царствия небесного, получили вечные блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Беседа 77

[1] «От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето; так, когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях». (Матф. 24:32–33)

[2] Для чего Христос приводит пример смоковницы. – В каком смысле употреблено выражение род сей. – Истинность пророчеств Христа. – Христос знал день кончины мира. – Внезапность второго пришествия. – Почему оставлен в неизвестности день суда и смерти каждого человека. – Примеры выражений Христа и Бога Отца, показывающих Их неведение. – Для чего Бог говорит таким образом. – Для надлежащего пользования даром потребны благоразумие и верность. – Польза неизвестности дня суда. – О надлежащем употреблении богатства. – Должно преимущественно заботиться о добродетелях, приносящих пользу ближним. – Молитва, пост и девство заимствуют силу от милостыни. – Забота о спасении ближних неразлучна от заботы о собственном спасении.

[3] 1. Так как Христос сказал: «вдруг после скорби дней тех», ученики же его спросили, когда это будет, и желали точно знать самый день, то Он представил им в пример смоковницу, показывая, что немного осталось времени, и что скоро будет Его пришествие. И это подтвердил Он не одной только притчей, но и следующими затем словами: «знайте, что близко, при дверях». Вместе с этим Христос пророчествует и о духовном лете, и о той тишине, которая в тот день настанет для праведных после обуревающей их

теперь зимы: грешникам же, напротив, предсказывает зиму по прошествии лета, что подтвердил впоследствии, сказав, что день тот застанет их посреди роскоши и удовольствий. Впрочем, Он привел в пример смоковницу не только для обозначения времени, – мог бы означить его и другим образом, – но и для подтверждения того, что Его предсказание непременно исполнится. Подобно тому, как необходимо быть первому, так точно и последнему. Да и вообще, Христос, равно как и подражающий ему блаженный апостол Павел, когда говорит о том, что непременно должно случиться, всегда приводит в пример необходимые естественные явления. Вот почему, и беседуя о воскресении мертвых, Он говорит: «если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоан. 12:24). И блаженный апостол Павел, подражая Христу, употребляет тот же пример, рассуждая с коринфянами о воскресении: «безрассудный», говорит он, «то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет» (1Кор. 15:36). Затем, чтобы ученики вскоре опять не приступили с вопросом: когда это случится? Спаситель напоминает им о приближении этого времени, говоря: «истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все это будет» (Матф. 24:34). Что же Он разумеет под словом: «все это»? То, что случилось с Иерусалимом: войны, голод, мор, землетрясения, лжехристов, лжепророков, повсеместное распространение евангелия, мятежи, раздоры и все, что, как мы сказали, должно случиться до Его пришествия. Как же Он сказал: «род сей»? Здесь Он говорит не о поколении, тогда жившем, но о верных. Род обозначается не только по времени, но и образу религии и жизни, как, например, когда говорится: «род ищущих Господа» (Псал. 23:6). Что Христос сказал прежде: «ибо надлежит всему

тому быть», и еще: «проповедано будет сие Евангелие», то же выражает и здесь, говоря, что все это непременно сбудется, а род верных пребудет и не прервется ни от одного из вышеозначенных бедствий. Разрушится и Иерусалим, и погибнет большая часть иудеев; но рода этого ничто не преодолеет, ни голод, ни мор, ни землетрясения, ни ужасы браней, ни лжехристы, ни лжепророки, ни обольстители, ни предатели, ни соблазнители, ни лжебратья, ни другие подобные искушения. Затем для большего их удостоверения Он говорит: «небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Матф. 24:35), – то есть, скорее, разрушатся небо и земля, столь твердые и неподвижные, нежели прейдет какое-либо из слов Моих. Кто сомневается в этом, пусть исследует все сказанное, и тогда, найдя все истинным (а найдет непременно), – на основании того, что было, поверит и тому, что имеет быть; пусть во все вникнет с тщанием – и увидит, что последующие события совершенно оправдали истину пророчества. О стихиях же Христос упомянул для того, чтобы показать как то, что Церковь превосходнее неба и земли, так и то, что Он есть творец всего существующего. А так как Он сказал о кончине мира, чему многие не верят, то и упомянул о небе и земле, показывая тем неизреченное Свое могущество, и со всей силой объявляя Себя владыкой вселенной, и, таким образом, тем, которые сомневаются в словах Его, представляет их совершенно достоверными. «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, а только Отец Мой один» (Матф. 24:36). Словами: «ни Ангелы» Христос удерживает учеников Своих, чтобы они не старались узнать того, чего не знают и сами ангелы; словами же: «ни Сын» – возбраняет им не только знать, но и спрашивать об этом.

А что слова эти сказаны Им с этим именно намерением, узнай из того, как Он по воскресении с большей силой воспретил им любопытство, когда заметил, что они излишне предаются ему. Теперь указал на многие и бесчисленные признаки, а тогда сказал просто: «не ваше дело знать времена или сроки» (Деян. 1:7). Потом, чтобы ученики не сказали: «мы недоумеваем, нас презирают, но мы не достойны этого», – Он говорит: «которые Отец положил в Своей власти». Он очень заботился о том, чтобы учеников уважали, и чтобы не было скрыто от них ничего; но в этом случае предоставляет самому Отцу знать времена и сроки, дабы внушить страх к делу и воспретить им даже спрашивать о нем. Если бы это было не так, если бы в самом деле Сын Божий не знал этого, то когда же бы Он узнал? Вместе с нами? Но кто станет утверждать это? Он знал Отца совершенно, – так же, как и Отец Сына, – а не знал об этом дне? Кроме того, «Дух все проницает, и глубины Божьи» (1Кор. 2:10), – а Сын будто бы не знал и времени суда? Он знал, каким образом должно судить, знал тайны каждого, – и мог не знать того, что гораздо менее важно? Если «все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть» (Иоан. 1:3), то, как может быть, чтобы Он не знал этого дня? Тот, кто сотворил веки, сотворил без сомнения и времена; если же сотворил и времена, то сотворил и день: как же Ему не знать того дня, который Он сотворил?

[4] 2. Вы говорите, что знаете даже сущность Божью: Сын ли Божий не знает последнего дня, Сын, который беспрестанно пребывает в недрах Отца, – несмотря на то, что познание сущности гораздо важнее, нежели познание дней, бесконечно важнее? Каким же образом вы, присваивая себе большее, не уступаете меньшего Сыну, «в Котором сокрыты все сокровища премудрости и

ведения» (Кол. 2:3)? Но как ни вы не знаете того, в чем заключается сущность Божья, хотя весьма часто безумно утверждаете это, так и Сын не остается в неведении относительно этого дня, а напротив, совершенно знает его. Вот почему Он, сказав обо всем, означив времена, лета и приведя учеников Своих к самым дверям (именно сказал: «близко, при дверях»), умолчал о дне. Если о дне и часе ты спрашиваешь, не услышишь от меня ничего, говорит Он; если же вообще о времени и предварительных признаках, то, не скрывая ничего, скажу тебе все подробно. Что мне известен этот день, – на это Я представил много доказательств: сказал о расстоянии времени, обо всех будущих событиях, и даже о том, сколько от настоящего времени осталось до того дня (это объясняет тебе причта о смоковнице), и, таким образом, довел тебя до самого преддверия. Если ж Я не отворил тебе дверей, то и это для твоей же пользы. Для большего же удостоверения в том, что Христос умолчал о дне кончины не по незнанию, обрати еще внимание на то, что Он к вышеуказанному знамению Своего пришествия присоединяет еще и другое: «ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, – так будет и пришествие Сына Человеческого» (Матф. 24:38–39). Христос сказал это в доказательство того, что Он придет вдруг и неожиданно, когда большинство будет наслаждаться удовольствиями. То же самое говорит Павел в следующих словах: «когда будут говорить: мир и безопасность, тогда внезапно постигнет их пагуба» (1Фес. 5:3), и в объяснение этой нечаянности сказал: «подобно, как мука родами постигает имеющую в чреве». Как же Христос говорит: «после скорби дней тех»? Если тогда будут удовольствия,

«мир и безопасность», как сказал Павел, то, как же Христос говорит: «после скорби дней тех»? При радостях, какая может быть скорбь? Здесь разумеются удовольствия и мир, которые могут быть только у людей бесчувственных. Поэтому-то апостол и не сказал: когда будет мир, но: «когда будут говорить: мир и безопасность», изображая тем их бесчувственность, подобную той, какая была у людей и в дни Ноя, когда они, несмотря на величайшие бедствия, проводили жизнь, полную удовольствий, праведные же, напротив, проводили жизнь в скорби и печали. Отсюда видно, что с пришествием антихриста, между нечестивыми и отчаивавшимися в спасении своем, умножатся постыдные наслаждения, – тогда будет чревоугодие, объедение и пьянство. Таким образом, Христос приводит пример совершенно подходящий к обстоятельствам дела. Как в то время, говорит Он, когда приготовлялся ковчег, люди не верили, и даже тогда, когда был готов и предвещал им близкое несчастье, они спокойно смотрели на него и предавались удовольствиям, как будто не предстояло им никакого бедствия, так и теперь: явится антихрист, за которым будет кончина, после кончины последуют наказания и неизреченные мучения; а люди, опьяневши от разврата, не почувствуют никакого страха и перед этими будущими бедствиями. Поэтому-то «подобно как мука родами постигает имеющую в чреве», по слову апостола, так и их постигнут эти ужасные и неотвратимые бедствия. Почему же не упомянул Христос о бедствии, постигшем содомлян? Он хотел представить в пример происшествие всемирное, которому также не верили, когда оно было предсказано. А так как многие не верили будущему, то Он удостоверяет их в этом прошедшими событиями, и этим потрясает сердца их. Вместе с тем Он

указывает и на то, что и в прежних случаях действовал Он же. Далее Спаситель представляет новое знамение Своего пришествия, так что из соображения всех этих знамений становится очевидно, что Он знал этот день. Какое же знамение? «Тогда будут двое на поле: один берется, а другой оставляется; две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляется. Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет» (Матф. 24:40–42). Все это служит доказательством тому, что Он знал этот день, но только ученикам запрещал спрашивать о нем. Поэтому же Он напоминал им и о днях Ноевых, поэтому же сказал, что тогда «будут двое на поле», показывая тем, что Он придет совершенно неожиданно, когда они совсем не будут и думать об этом. «И две мелющие» – это также служит признаком, что они нисколько не будут ожидать его. Притом берутся и оставляются и слуги, и рабы, и те, которые будут упражняться в труде, и те, которые будут находиться в праздности, словом из всех состояний, подобно тому как и в ветхом завете говорится: «от фараона, который сидит на престоле своем, до рабыни, которая при жерновах» (Исх. 11:5). Хотя Христос и сказал, что трудно спастись богатым, но здесь уверяет, что они не все погибнут, равно и бедные не все спасутся; но как из тех, так и из этих некоторые спасутся, а некоторые погибнут. Я даже думаю, здесь указывается и то, что пришествие Его будет в ночи. То же подтверждает и евангелист (Лук. 17:34). Вот видишь, как точно Христос знает все обстоятельства? Потом, чтобы не обратились к Нему с вопросом ученики, опять присоединяет: «итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет». Объявив им почти самый час, опять предупреждает их вопросы об этом, желая, чтобы они были постоянно бдительны.

Поэтому Он и говорит им: «бодрствуйте», показывая тем причину, по которой не объявляет им о последнем дне. «Но это вы знаете, что, если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать дома своего. Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий» (Матф. 24:43–44). Не говорит им о том часе, когда Он придет, для того, чтобы они бодрствовали и всегда были готовы. Желая же, чтобы они всегда были озабочены встречей с Ним и всегда добродетельны, сказал им, что придет тогда, когда не ожидают Его. Смысл слов Его таков: если бы люди знали, когда они умрут, то без сомнения позаботились бы об этом часе.

[5] 3. Итак, для того, чтобы не заботились об одном только дне смерти, Христос не означает ни дня общей кончины, ни дня смерти каждого, желая чтобы люди всегда ожидали этого дня, – чтобы он был предметом непрестанной заботы. Поэтому и конец жизни каждого оставил в неизвестности. Потом открыто называет Себя Господом, тогда как ранее никогда так ясно не говорил этого. Здесь, я думаю, содержится еще укоризна беспечных, за то, что они о душе своей не проявляют и той заботы, какую обнаруживают о своих деньгах люди, ожидающие вора. Эти последние, когда ожидают вора, бодрствуют и ничего не позволяют унести из своих кладовых; а вы, говорит Он, хотя и знаете, что Господь придет, и придет непременно, однако же, нисколько не бодрствуете, не готовитесь, чтобы смерть не постигла вас неожиданно; от того-то день этот и приходит на погибель беспечных. Как богатый, если бы знал время, в которое обворован будет, избежал бы того, так и вы предохранили бы себя, если бы были готовы. Далее, так как Он упомянул о суде, то и обращает, наконец, речь Свою к

учителям, и говорит о наказаниях и наградах. И, сперва сказав об участи людей добродетельных, останавливается на участи грешников, чтобы заключением речи возбудить страх в слушателях.

6 Для этого Он сперва говорит: «кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу во время? Блажен тот раб, которого господин его, придя, найдет поступающим так; истинно говорю вам, что над всем имением своим поставит его» (Матф. 24:45–47). Скажи мне: означают ли и эти слова Его неведение? Если ты, основываясь на Его словах: «ни Сын не знает» (Марк 13:32), говоришь, что Он не знает дня кончины мира, то, что скажешь о словах: «кто же»? Неужели скажешь, что Он и этого не знает? Ни в каком случае. Да и ни один безумный не скажет этого: в первом случае можно хотя бы представить некоторую причину, здесь же и этого нет. Что значит вопрос Его: «Симон Ионин! любишь ли ты Меня» (Иоан. 21:15)? Неужели он не знал и этого? Или когда говорит: «где вы положили его» (Иоан. 11:34)? Подобный вопрос можно слышать и от Бога Отца; так и Он говорит: «Адам, где ты» (Быт. 3:9)? и: «вопль Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма; сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю» (Быт. 18:20–21). И в другом месте: «будут ли они слушать, или не будут» (Иез. 2:5)? И в евангелии: «пошлю сына моего возлюбленного; может быть, увидев его, постыдятся» (Лук. 20:13). Все эти выражения показывают неведение. Но не по неведению Бог говорил это, а с тем намерением, чтобы удобнее достигнуть Своей цели. Так с Адамом Он говорил подобным образом с тем намерением, чтобы побудить его искать прощения в грехе; с

содомлянами – для того, чтобы научить нас никогда не произносить приговора, не зная самого дела; у пророка сказано в предотвращение той безумной мысли, будто бы предсказание уже невольно влечет к неповиновению; в притче евангельской для того, чтобы показать, что они должны были то исполнить – почтить Сына; здесь же – для того, чтобы чрезмерно не любопытствовали; а вместе и для указания особенной важности этого вопроса. Притом смотри, какое неведение выражается в этих словах, если Он не знает даже и того, кого поставляет! Он называет раба блаженным, – «блажен», говорит, «раб тот», – но не говорит, кто это такой; а только: «которого господин его поставил над слугами своими»? и: «блажен тот раб, которого господин его, придя, найдет поступающим так». Следует заметить, что это сказано не об одном имении, но и о слове, и силе, и дарованиях, и обо всех обязанностях, на каждого возложенных. Эта притча может относиться и к гражданским начальникам: каждый должен употреблять дары свои на общую пользу. Одарен ли ты премудростью, или вручена тебе власть, богат ли ты, или имеешь что-либо другое, – ты не должен употреблять даров своих во вред собратий своих, или для собственной погибели. От упомянутого в притче раба Спаситель требует двух качеств: благоразумия и верности, потому что грех бывает от неразумия. «Верным» же называет Он его за то, что из достояния господина своего ничего не утаил себе, и ничего не расточил напрасно и без цели; а «мудрым» потому, что умел употребить вверенное ему достояние надлежащим образом. И нам нужны также оба указанные качества, как для того, чтобы не присваивать себе того, что принадлежит Господу, так и для того, чтобы сделать надлежащее употребление из дарованного. Если одного качества нет в нас, то и другое

несовершенно. Если раб и верен, и не крадет, но губит имение, расточая его на предметы бесполезные, то и это большая вина. Если же он умеет хорошо управлять имением, но вместе с тем крадет, то и это опять немаловажное преступление. Пусть заметят это и те из нас, которые имеют деньги, потому что слова Христовы относятся не только к учителям, но и к богатым. И тем, и другим вверено богатство, – учащим более необходимое, а вам, богатым, менее необходимое. Если учители щедро расточают блага более важные, а вы не хотите оказать щедрости даже и в маловажном, и не только щедрости, но и благодарности (потому что даете чужое), то какое будете иметь оправдание? Впрочем, прежде чем говорить о наказаниях, ожидающих неправедных, послушаем, как будет награжден тот, кто поступает надлежащим образом. «Истинно говорю вам, что над всем имением своим поставит его». Что может сравняться с подобной честью? Какое слово достаточно выразить то достоинство, то блаженство, когда Царь небесный, Которому принадлежит все, поставит человека над всем своим имением? Потому и называет его «мудрым», что умеет не расточать великого ради малого, но, благоразумно поступая здесь, получает небо.

[7] 4. Далее Христос, как Он всегда поступает, исправляет слушателя не только представлением награды, предназначенной добрым, но и наказания, угрожающего злым. Поэтому и присовокупил: «если же раб тот, будучи зол, скажет в сердце своем: не скоро придет господин мой, и начнет бить товарищей своих и есть и пить с пьяницами, – то придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, и рассечет его, и подвергнет его одной участи с лицемерами; там будет плач и скрежет зубов» (Матф.

24:48–51). Если кто-нибудь скажет: видишь ли, какая мысль пришла рабу по причине неизвестности дня, – он именно сказал: «не скоро придет господин мой», – то в ответ на это мы скажем, что мысль эта пришла ему не потому, что день не был известен, но потому, что он был худой раб. Почему, в самом деле, такая же мысль не пришла на ум рабу мудрому и верному? Несчастный! Хотя и медлит господин, но почему ты все же ожидаешь Его пришествия? Зачем же, поэтому, не заботишься? Итак, отсюда мы узнаем, что Господь и не медлит. Такая мысль принадлежит не Господу, но рабу лукавому, а потому он и осуждается. Что Господь не медлит, послушай Павла, который говорит: «Господь близко. Не заботьтесь ни о чем» (Фил. 4:5–6); и: «Грядущий придет и не умедлит» (Евр. 10:37). Но внимай дальнейшим словам и примечай, как часто Христос напоминает о неизвестности дня, показывая тем, насколько эта неизвестность полезна для рабов, и способствует их пробуждению ото сна. Что ж, если некоторые не извлекли из этого никакой пользы для себя? И другие спасительнейшие средства иным не принесли пользы. Господь не оставляет, однако, Своего дела. Что же далее говорит Он? «Придет в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает», – и постигнет его участь самая жалкая. Видишь, как часто Он повторяет это, показывая, как спасительна неизвестность дня, – и заставляя тем нас быть в непрестанной заботливости? Предмет Его попечения составляет то, чтобы мы непрестанно бодрствовали; и так как мы ослабеваем всегда во время счастливой и покойной жизни, а от несчастий наиболее укрепляемся, то Он непрестанно и внушает нам, что когда мы бываем покойны и беззаботны, тогда и являются бедствия. И как выше показал это через Ноя, так и здесь говорит: когда

раб тот упивается, когда буйствует, тогда и наказание ему готовится ужасное. Но будем внимательны не только к наказанию, ему определенному, но рассмотрим еще и то, не так же ли и мы поступаем, хотя и не замечаем того?

[8] И действительно, такому неверному рабу подобны имеющие деньги и не помогающие бедным. Ведь и ты только распорядитель своего имущества, точно так же, как и служитель церкви, распоряжающийся ее стяжанием. Как последний не имеет власти расточать сокровищ, даруемых вами в пользу бедных, по своей воле и без разбора, потому что они даны на пропитание бедных, так и ты не можешь расточать своих сокровищ по своей воле. Хотя ты получил родительское наследство, и таким образом все имущество составляет твою собственность, – однако, все оно принадлежит Богу. Если и ты требуешь, чтоб имуществом, данным тобой, распоряжались соответственно твоему назначению, то неужели думаешь, что Бог Своей собственности не востребует от нас с большей строгостью, но оставит без внимания, когда она расточается без всякой пользы? Нет, не может этого быть, не может. Он для того и вверил тебе богатство, чтобы ты давал другим пищу в надлежащее «время». Что значит давать в надлежащее «время»? Давать бедным, алчущим. Как ты поручаешь распоряжаться имением подобному себе рабу, так и Богу угодно, чтобы ты употреблял это имение должным образом. Поэтому хотя Он и может лишить тебя, но оставляет у тебя для того, чтобы ты имел случай обнаружить свою добродетель. Он поставил всех во взаимной нужде для того, чтобы любовь одного к другому тем сделать более пламенной. Но ты, получив от Бога, не только не даешь, но еще бьешь тех, кому следует давать. А

если уже и не давать – преступление, то, какое будет помилование тому, кто бьет?

[9] 5. Мне кажется, Христос говорит это на счет обидчиков и лихоимцев, объявляя им жестокое осуждение за то, что они «бьют» тех, которых должны питать. Думаю также, что Он здесь намекает и на сластолюбцев: и сластолюбию также предстоит тяжкое наказание. «Ест и пьет», говорит, «с пьяницами», – выражая тем пресыщение чрева. В самом деле, ты не для того получил имущество, чтобы роскошествовать, но чтобы творить милостыню. Это имение твое ли собственное? Оно принадлежит бедным, а тебе только вверено, хотя бы это было наследство отцовское, хотя бы было приобретено честными трудами. Неужели Бог не мог его отнять у тебя? Но Он не делает этого, доставляя тебе возможность быть щедрым по отношению к бедным. И заметь, как Христос во всех притчах обличает тех, которые не употребили богатств своих на пропитание бедных. Так и девы не за то осуждаются, что они похищали чужое, но за то, что не уделяли от своего; и зарывший талант свой не был также лихоимцем, но только не удвоил его; и те, которые презрели алчущих, не за то наказываются, что они завладели чужим, но за то, что не расточили своего, подобно как и упомянутый раб. Пусть же заметят это те из нас, которые угождают чреву и расточают на пиршества богатство, нисколько не принадлежащее им, но бедным. Не думай, чтобы то, что по человеколюбию Божьему велено тебе раздавать как бы свою собственность, было и действительно твое. Тебе Бог дал заимообразно для того, чтобы ты мог употреблять с пользой. Итак, не почитай своим, когда даешь Ему то, что Ему же принадлежит. Ты когда кому-нибудь даешь заимообразно денег с тем, чтобы он воспользовался ими

для приобретения какой-либо выгоды, никогда не скажешь, чтобы эти деньги были его. Так и Бог дал тебе богатство с тем, чтобы ты им купил небо. Не делай поэтому Его бесконечного человеколюбия основанием к проявлению твоей неблагодарности. Размысли о том, как желательно иметь средство, которое бы после крещения разрешило грехи наши. Если бы Господь не сказал: сотвори милостыню, то, сколько бы людей сказало: о, если бы пожертвованием имения можно было избавиться от угрожающих нам бедствий! Когда же это сделалось возможным, то, наоборот, остаются в нерадении. Но ты говоришь: я даю. И что же даешь? Ты не дал и столько, сколько та жена, которая подала только две лепты; не дал и половины того, даже и малейшей части в сравнении с ней; ты больше расточаешь на бесполезные вещи, на пиршества, на пьянство, на крайнее распутство; то приглашаешь к себе других, то тебя приглашают, то сам проживаешь, то других заставляешь проживать; и, таким образом, готовишь себе сугубое наказание: во-первых, за то, что сам делаешь, во-вторых, за то, что других заставляешь делать. Вспомни же об этом рабе, осужденном за то же самое: он ел и пил, сказано, с пьяницами. Не одних пьяниц постигнет наказание, но вместе с ними и соучастников их, – и весьма справедливо, потому что они самих себя губят, и о спасении ближних нерадят. Бога же ничто столько не раздражает, как небрежение о спасении ближних. Поэтому-то, чтобы выразить гнев Свой, Он приказал рассечь раба пополам. Вот почему и признаком учеников Своих Он поставил любовь, потому что тот, кто любит, необходимо печется о благосостоянии любимого лица. Итак, будем держаться этого пути; он – тот самый путь, который ведет нас на небо, делает подражателями Христу и, по возможности,

подобными Богу. Заметь же, как преимущественно перед другими нужны те добродетели, которые избрали себе жилище на этом пути. И если угодно, рассмотрим их, и будем судить о них по суду Божьему. Пусть будут два пути жизни добродетельной, и из них один пусть делает добрым только того, кто шествует по ней, а другой – вместе и ближнего. Посмотрим, какой из них совершеннее и лучше нас возводит на высшую степень добродетели. Апостол Павел весьма часто осуждает того, кто печется только о собственном своем благе, – когда же я говорю: Павел, то разумею здесь самого Христа, – а того, кто старается о благе ближнего, превозносит похвалами и почестями. Откуда это видно? Послушай, что он говорит одному, и что другому: «никто не ищи своего, но каждый пользы другого» (1Кор. 10:24). Видишь ли, как он одно отвергает, а другое предписывает? И опять: «каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию» (Рим. 15:2). Далее следует неизреченная похвала, соединенная с увещанием: и «Христос не Себе угождал» (Рим. 15:3). Довольно уже было бы и этих рассуждений к тому, чтобы показать, на которой стороне победа. Впрочем, чтобы это было с большей пользой, посмотрим, какие добрые дела относятся исключительно к нам, и какие вместе распространяются и на ближних. Пост, распростертие на земле, хранение девства и целомудрие полезны для тех самих, которые подвизаются в этих добродетелях; а что от нас распространяется и на ближних, это – милостыня, наставление и любовь. Послушай же и в этом случае Павла, который говорит: «если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1Кор. 13:3).

[10] 6. Видишь ли, как любовь, сама по себе прославляется и увенчивается? Если угодно, предложим и третье сравнение. Положим, что иной постится, соблюдает чистоту, предается мученичеству и сжигается; а другой пусть, для назидания ближнего, отлагает мученичество, и не только отлагает, но и умирает без мученичества. Кто из них, по переходе из настоящей жизни, удостоится большей славы? Нам нет нужды здесь говорить много и распространять речь свою: вопрос решает блаженный Павел, говоря: «имею желание разрешиться и быть с Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться в плоти нужнее для вас» (Фил. 1:23), и таким образом назидание ближнего предпочитает отшествию к Христу. Исполнять волю Христа, это-то и значит, в особенности быть с Христом; воля же Его заключается не в ином чем, как в попечении о пользе ближнего. Хочешь ли я представлю тебе и четвертое доказательство? Петр! «Любишь ли Меня», говорит Христос: «паси агнцев Моих» (Иоан. 21:15); и, спросив его в третий раз, сказал, что это пасение и есть знак любви. И это сказано не к одним только священникам, но и к каждому из нас, кому вверено хотя бы малое стадо. Не презирай его только за то, что оно мало, так как Отец Мой, говорит Он, благоволил о нем (Лук. 12:32). Каждый из нас имеет овцу, которую и должен водить на добрую пажить. Муж, вставая с постели, о том только и должен стараться, чтобы и делами, и словами насаждать в своем доме и семействе большее благочестие; равным образом и жена пусть наблюдает за домом, но кроме этого занятия, она должна иметь другую, более настоятельную заботу о том, чтобы все семейство трудилось для царства небесного. В самом деле, если и в делах житейских, прежде занятия делами домашними, мы стараемся исполнить общественные

обязанности, чтобы за небрежное отношение к ним не подвергнуться заключению в узы, судебным истязаниям и всякого рода бесчестиям, то тем более в делах духовных должны стараться, прежде всего, исполнить дела Царя всяческих, Бога, чтобы не быть отосланными туда, где скрежет зубов. Будем же искать тех добродетелей, которые и для нас самих спасительны, и для ближнего наиболее полезны. Таковы – милостыня и молитва; впрочем, молитва сама заимствует свою силу и воскрыляется от милостыни. «Молитвы твои», сказано, «и милостыни твои пришли на память перед Богом» (Деян. 10:4). И не только молитва, но и пост также от милостыни заимствует свою твердость. Если ты постишься без милостыни, то пост твой не есть пост, и такой человек хуже обжоры и пьяницы, и притом настолько, насколько жестокость хуже роскошества. Но что я говорю – пост? Хотя бы ты был непорочен, хотя бы соблюдал девственность, но если не творишь милостыни, будешь вне брачного чертога. Что может равняться девственности, которая, по своему превосходству, и в новом завете не была поставлена необходимым законом? Но и она отвергается, если не соединена с милостыней. Если девы отвергаются за то, что не творили милостыни с надлежащей щедростью, то кто может без нее получить прощение? Без сомнения никто, и тот, кто не творит милостыни, непременно должен погибнуть. Если и в делах житейских никто для себя одного не живет, но всякий, и художник, и воин, и земледелец, и купец, посвящают себя занятиям для пользы и выгоды общественной, то, тем более, должно быть это исполняемо в делах духовных. В этом преимущественно и состоит жизнь; напротив, кто живет только для самого себя, а обо всех прочих не радит, тот лишний, тот не

человек, а изверг рода человеческого. Что же будет, – скажешь, – если я свое оставлю, а о чужом буду заботиться? Нет; не может быть, чтобы тот, кто заботится о делах других, в то же время не заботился о своих. Действительно, кто заботится о благосостоянии других, тот никогда не оскорбит, обо всех станет болезновать, всем по силе своей будет помогать; ни у кого ничего не станет отнимать, не будет лихоимствовать, никого не будет обманывать, ни лжесвидетельствовать; воздержится от всякого порока, будет хранить всякую добродетель, молиться за врагов, благодетельствовать злоумышляющим против него, ни с кем не будет ссориться, никого не будет злословить, хотя бы сам слышал бесчисленные хулы, но скажет вместе с апостолом: «кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся» (2Кор. 11:29)? Если же будешь искать только своего, то о чужом совершенно не будешь стараться. Убедившись таким образом в том, что невозможно спастись тому, кто не заботится о пользе общей, и взирая на раба, рассеченного пополам, и на того, который зарыл талант свой, изберем лучше этот путь (служения ближним), чтобы получить и жизнь вечную, которой все мы да сподобимся по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Беседа 78

1 «Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них пять было мудрых и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собою масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих. И как жених замедлил». (Мф. 25:1–5 и след.)

2 Отличие притчи о девах от других подобных притч. – Девство, лишенное дел милосердия, осуждается наравне с прелюбодейством. – Кроме собственных дел ничто не может спасти нас. – Исправление по смерти не приносит пользы. – Отличие притчи о талантах, излагаемой у Матфея, от излагаемой у Луки. – Изъяснение притчи. – Все дары Божии должно употреблять на пользу ближним. – О надлежащем употреблении языка. – Увещание подражать в пользовании языком примеру Христа.

3 1. Эти притчи сходны с прежнею притчею о рабе неверном, расточившем имение господина своего. Их четыре, и все они различным образом убеждают нас в одном: именно, чтобы мы старались подавать милостыню и помогать ближнему во всем, в чем только можем, так как иначе нельзя спастись. Но в тех притчах говорится вообще о всяком благодеянии, которое мы должны

оказывать ближнему. А в притче о девах говорится в частности о денежном подаянии, и говорится сильнее, нежели в притче предшествующей. Тою притчею осуждается на мучение раб, который бьет товарищей своих, пьет с пьяницами, расточает и губит имение господина своего; а этою и тот, кто не старается о пользе ближнего, и не делает щедрого подаяния бедным от имущества своего. Девы имели масло, но не много, а потому и подвергаются наказанию. Но почему Христос в этой притче представляет не просто какое-либо лицо, а дев? Он превознес девство, когда сказал: «Есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного»; и: «Кто может вместить, да вместит» (Мф. 19:12). Кроме того, Ему известно было и высокое мнение многих о девстве. Оно и по природе своей – великое дело, что видно из того, что как в Ветхом Завете оно не было хранимо даже святыми и великими мужами, так и в Новом не поставлено в необходимый закон. Христос не дал о нем заповеди, а предоставил его произволению слушающих. Поэтому и Павел говорит: «Относительно девства я не имею повеления Господня» (1Кор. 7:25). Я хвалю того, кто хранит девство, но не принуждаю того, кто не хочет быть девственником, и совета не делаю законом. И вот, так как девство – дело великое, и многие имели о нем высокое понятие, то, чтобы кто-либо, храня его, не предался беспечности, как бы уже исполнивший все, и не стал нерадеть о прочем, Христос приводит эту притчу, которая может убедить в том, что девство, хотя бы оно было соединено со всеми другими добродетелями, будучи чуждо дел милосердия, осуждается вместе с людьми прелюбодейными; и бесчеловечный, и немилосердный поставляется наравне с ними. И весьма справедливо: теми обладает плотская страсть,

неразумными же девами – сребролюбие. Плотская же страсть и сребролюбие не равны между собою в силе; первая сильнее и мучительнее. Потому, чем слабее противник, тем менее заслуживают прощения побежденные девы. Потому-то Христос и называет их юродивыми, что они, совершивши больший подвиг, за несовершение меньшего лишились всего. Светильниками называет Он здесь самый дар девства, чистоту святости, а елеем – человеколюбие, милосердие и помощь бедным. «И как жених замедлил, то задремали все и уснули» (Мф. 25:5). Он показывает, что будет немалый промежуток времени, отстраняя тем от учеников мысль о скором пришествии Его царствия. Они надеялись на такое пришествие; поэтому Он беспрестанно подавляет в них эту надежду. Притом Он дает понять и то, что смерть есть сон. «И уснули», сказано. «Но в полночь раздался крик» (Мф. 25:6). Это говорит Он, или сообразуясь с притчею, или показывая, что воскресение случится ночью. О вопле упоминает и Павел, говоря: «При возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба» (1Фес. 4:16). Что же означают трубы? И что значит вопль? «Жених идет. Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым: дайте нам вашего масла» (Мф. 25:7–8). Спаситель опять называет их юродивыми, чтобы показать, что нет ничего глупее тех, которые собирают здесь деньги, и отходят без всего туда, где особенно нужно человеколюбие и много елея. Юродивы они не только по этой причине, но и потому, что надеялись достать елея у мудрых дев, и искали его не вовремя, хотя эти девы и были в высшей степени человеколюбивы, чем они особенно и прославились. Да и просят юродивые у них не всего, – «Дайте нам, – говорят они, – вашего масла», – и указывают на крайнюю

необходимость, говоря: «потому что светильники наши гаснут». Но несмотря и на все это, получили отказ, и ни человеколюбие тех, у которых они просили, ни удобоисполнимость просьбы, ни необходимость и нужда просимого не помогли им получить просимое. Чему это научает нас? Тому, что если изменят нам собственные наши дела, то никто не будет в состоянии помочь нам, и не потому, что не хочет, но потому, что не может. И девы ссылаются на невозможность. Это объяснил и блаженный Авраам, когда сказал: «Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут» (Лк. 16:26). «Пойдите лучше к продающим и купите себе» (Мф. 25:9). Кто эти продающие? Бедные. Где же они? Они здесь, и теперь только надлежит находить их, а не в то время.

[4] 2. Видишь ли, какую пользу приносят нам бедные? Ежели ты устранишь их, то лишишься великой надежды на спасение. Итак, здесь надлежит запастись елеем, чтобы там, когда потребует время, воспользоваться им: настоящее, а не будущее время, есть время заготовления. Поэтому не трать напрасно своего имущества на роскошь и для пустой славы, потому что там много для тебя нужно будет елея. Услышав ответ мудрых дев, юродивые пошли купить елея, но ничего не приобрели. Это Христос говорит или для хода и связи притчи, или, показывая тем, что хотя бы мы сделались и человеколюбивейшими по смерти, мы не извлечем из того никакой пользы и не избежим наказания. Так и девам не принесло пользы их усердие, потому что они не здесь, но там уже ходили к продающим, равно как и богачу не принесло пользы, когда он сделался так человеколюбив, что стал заботиться даже о сродниках своих. Тот, кто проходил мимо лежащего при вратах, спешит исхитить от

опасности и из геенны тех, которых он уже не видит, и просит послать к ним кого-либо известить их о том. И все же он не получил никакой пользы, подобно тому как и девы. После того, как они, получив такой ответ, ушли, – «пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир» (Мф. 25:10); а для юродивых двери были затворены. После многих усилий, после великих трудов, после этой жестокой брани и побед над сильными влечениями природы, они, пристыженные, потупив взоры, отошли с угасшими светильниками. Нет ничего мрачнее девства, которое лишено милосердия, почему немилосердых многие обыкновенно и называют помраченными. Итак, где же польза девства, когда те девы не видали и жениха и, после того, как стучались в двери, ничего не добились, но услышали этот страшный голос: отойдите, «не знаю вас»? Когда сам Христос сказал это, то не остается ожидать ничего другого, кроме геенны и несносного мучения; даже более того – эти слова страшнее и самой геенны. Они сказаны также и делающим беззаконие. «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа» (Мф. 25:13). Видишь, как часто Христос прибавляет эти слова, показывая, что неведение смертного часа полезно для нас? Где же теперь те, которые ведут жизнь беспечную и на обвинения наши говорят, что при кончине все оставят бедным? Пусть услышат они эти слова и исправятся. И в самом деле, многие, будучи похищены внезапною смертью, не могли сделать этого в то время, и не успели объявить о своей воле родственникам. Итак, эта притча говорит о денежной милостыне; а следующая за нею говорит против тех, которые не хотят помогать ближним ни деньгами, ни словом, ни покровительством, ни другим чем, но все скрывают. Но почему в этой притче представлено лицо царя, а в той – жениха? Чтобы научить

нас тому, как близок Христос к тем девам, которые раздают бедным свое имение; в этом именно и состоит девство. Потому и Павел так определяет эту добродетель: «Незамужняя, – говорит Он, – заботится о Господнем, как угодить Господу, ...благочинно и непрестанно... без развлечения» (1Кор. 7:34–35). Это я советую, говорит он. Если же у евангелиста Луки в притче о талантах говорится другое, то я скажу на это, что об одном говорит одна притча, о другом другая. В притче у Луки от одинаковой суммы проистекли различные выгоды, потому что от одной мины иной приобрел пять, иной – десять, каждый потому различную получил и награду; здесь же, напротив, и потому награда одинакова. Кто получил два таланта, тот и приобрел два; равно и тот, кто получил пять, пять и приобрел; а там, так как от одинаковой суммы один приобрел более, другой менее, то по всей справедливости они не удостаиваются и одинаковой награды. Но заметь, что везде не вскоре требуется отчет. Так, отдавши виноградник земледельцам, хозяин удалился, равно и здесь, раздав деньги, ушел; и все это для того, чтобы показать нам Свое долготерпение. Мне же кажется еще, что Христос этим делает намек на воскресение. Но здесь не земледельцев только и виноградник имеет Он в виду, а всех вообще делателей, потому что Он рассуждает не с начальниками только и иудеями, но со всеми вообще. Возвращающие деньги чистосердечно признаются, что они приобрели и что взяли у господина. Один говорит: «Господин! пять талантов ты дал мне» (Мф. 25:20); а другой – «два»; и показывают этим, что он доставил им случай получить выгоду, и благодарят его, все ему приписывая. Что же говорит на это господин? «Хорошо, добрый и верный раб! (так как заботиться о пользе ближнего свойственно

доброму), в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего» (Мф. 25:21). Этими словами Он показывает полное блаженство. Но один из них не так говорит; а как же? – «Я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое» (Мф. 25:24–25). Что же сказал ему господин его? «Посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим» (Мф. 25:27), то есть, нужно тебе было с ними посоветоваться и уговориться. «Но они не слушают меня?» Это не твое дело. Какие слова могут быть снисходительнее?

[5] 3. Люди не так поступают, но самого заимодавца заставляют требовать. Царь же иначе; он говорит: «Надлежало тебе отдать», а истребование предоставить мне. «Я, придя, получил бы мое с прибылью», – разумея лихву проповеди – явление дел. Тебе надлежало сделать более легкое, а мне оставить более трудное. Но так как раб этого не исполнил, то господин и говорит: «Возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25:28–29). Что же это показывает? Кто получил дар слова и учения для пользы других и не пользуется им, тот погубит самый дар. Напротив, кто радит о нем, получит еще больший, между тем, как тот теряет и то, что получил. Впрочем, празднолюбца кроме этой потери ожидает еще невыносимое мучение, и вместе с мучением приговор страшного осуждения. «Негодного раба, – говорит он, – выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 25:30). Видишь ли, что не только хищник, любостяжатель и делающий зло подвергается ужаснейшему мучению, но и тот, кто не делает добра?

Итак, будем внимать словам этим. Пока есть время, будем стараться о нашем спасении; запасем елей для светильников; будем приобретать на талант. Если здесь будем ленивы и станем жить беспечно, то там никто не окажет нам сострадания, хотя бы мы пролили реки слез. Одетый в нечистое платье, обвинил самого себя, – и, однако же, не получил никакой пользы. Имевший один талант возвратил вверенное ему серебро, – и, однако, был осужден. Умоляли также и девы, приступали и стучались, – и все тщетно и напрасно. Итак, зная это, употребим и деньги, и старание и покровительство, и все на пользу ближнего. Под талантами здесь разумеется то, что находится во власти каждого, – или покровительство, или имение, или научение, или что-нибудь подобное. Поэтому никто не должен говорить: я имею один талант, и ничего не могу сделать. Можешь и с одним заслужить одобрение. Ты не беднее той вдовицы, не ниже по званию Петра и Иоанна, которые были из простого народа и необразованные, и, однако, за то, что были усердны и делали все для общего блага, получили небесное наследие. Подлинно, ничто так не любезно Богу, как полезная для всех жизнь. Потому-то Бог дал нам и дар слова, и руки, и ноги, и крепость телесную, и ум, и разумение, чтобы все это употребляли мы для собственного нашего спасения и для пользы ближнего. Слово нужно нам не для одних только песнопений и благодарения, но полезно и для научения и утешения. Если таким образом пользуемся им, то соревнуем Господу; если же напротив, то дьяволу. Так и Петр, когда исповедал Христа, назван был *блаженным*, как сказавший по внушению Отца; когда же он устрашился креста и отрекся, то был жестоко укорен, как поступивший по наставлению дьявольскому. Итак, если за

слова, сказанные по неведению, такое осуждение, то какое заслужим прощение мы, когда во многом погрешаем произвольно? Будем же говорить так, чтобы само собою видно было, что мы говорим слова Христовы. Я не тогда только произношу слова Христовы, когда говорю: «Встань и ходи» (Мф. 9:5), и когда скажу: «Тавифа! встань» (Деян. 9:40); но и преимущественно тогда, когда, будучи злословим, благословляю, и когда, будучи оскорблен, молюсь за оскорбившего. Прежде я сказал, что язык наш есть рука, касающаяся ног Божиих; теперь же еще более скажу: язык наш подражает языку Христову, если прилагает надлежащее старание о том, чтобы произносить угодное Ему. Какие же слова по Его воле мы должны произносить? Слова, преисполненные милосердия и кротости, подобные тем, какие Он произносил к своим оскорбителям: «Во Мне беса нет» (Ин. 8:49); и еще: «Если Я сказал худо, покажи, что худо» (Ин. 18:23). Если и ты так говоришь, если говоришь для исправления ближнего, то имеешь язык, подобный языку Его. Это подтверждает и сам Бог: «Если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста» (Иер. 15:19). Итак, когда язык твой будет подобен языку Христову, и уста твои будут как уста Отца, и когда ты соделаешься храмом Духа Святого, то какая честь может сравняться с этою? Не так бы блистали уста твои, если бы они были из золота и драгоценных камней, как они блистают, будучи украшены скромностью. В самом деле, что может быть приятнее уст, не знающих обиды, а ревнующих о благословении? Если же ты не можешь благословлять проклинающего, по крайней мере, молчи, и поступай так до тех пор, пока, при должном старании и постепенных успехах, не достигнешь этого и не приобретешь уста, о которых мы сказали.

[6] 4. Не почитай этих слов дерзкими. Господь человеколюбив, и дар этот есть дар благости Его. А вот что дерзко: иметь уста, подобные дьявольским, и обладать языком подобным языку злого духа, особенно тому, кто участвует в столь высоких таинствах и приобщается самой плоти Господней. Итак, размышляя об этом, подражай Господу по мере сил своих. Когда сделаешься таковым, то и сам дьявол не будет уже в состоянии противостать тебе, потому что он знает дарственное знамя, знает оружие Христово, которым был поражен. Какое же это оружие? Смирение и кротость. И Христос, когда победил и сокрушил приступавшего к Нему на горе дьявола, то не давал о Себе знать, что Он Христос; но опутал его словами, как сетями, победил смирением, прогнал от Себя кротостью. Так и ты поступай, когда увидишь человека, приступающего к тебе с злобою дьявола, так побеждай! Христос дал тебе власть уподобляться Ему по мере сил твоих. Не страшись, слыша это. Страшно не быть подобным Ему. Итак, говори так, как и Он, – и тогда сделаешься подобным Ему, насколько это возможно человеку. Вот почему тот, кто говорит таким образом, выше того, кто пророчествует; то исключительно дар, а здесь и труд твой, и подвиг. Научи свою душу образовать тебе уста, подобные устам Христовым. Она может сделать это, если только захочет; ей известно это искусство, если только она не беспечна. Но как, спросишь, образовать такие уста? Из каких красок, из какой материи? Никаких красок, ни материи для этого не нужно, а нужны только добродетель, скромность и смирение. Посмотрим теперь, как образуются уста дьявольские, – чтобы никогда не иметь их. Как же они образуются? Проклятием, ругательствами, клеветою, клятвопреступлением. Когда человек говорит

как дьявол, то приобретает и язык его. Итак, какое будем иметь извинение, или вернее сказать, какому не подвергнемся наказанию за то, что позволяем себе произносить дьявольские слова тем самым языком, которым удостаиваемся вкушать плоть Господню? Не будем же позволять себе этого, но приложим все старание к тому, чтобы научить язык наш подражать своему Господу. И если мы научим его этому, то с большим дерзновением предстанем на суд Христов. Если же кто не умеет говорить таким образом, того Судия не будет и слушать. Как римский судия не поймет ответчика, который не умеет говорить по-римски, так и Христос не поймет тебя, и не будет внимать тебе, если ты не будешь говорить, как Он. Будем же учиться говорить так, как привык слушать наш Царь; постараемся подражать Его языку. Постигнет ли тебя печаль, смотри, чтобы чрезмерное уныние не изменило твоих уст; но говори, как Христос. Ведь и он был в печали о Лазаре, и об Иуде. Нападет ли на тебя страх, – старайся опять так говорить, как Он. Ведь и Он был в страхе за тебя, когда устроял твое спасение. Говори и ты: «Впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26:39). Плачешь ли ты, – плачь умеренно, как и Он. Терпишь ли клевету и скорбь, – принимай все это подобно Христу. Ведь и Он был оклеветан, и Он скорбел, и говорил: «Душа Моя скорбит смертельно» (Мф. 26:38). И во всем вообще Христос показал тебе пример, чтобы ты соблюдал ту же умеренность, и не нарушал данных тебе правил. Таким образом, можешь иметь уста, подобные устам Христовым. Таким образом, находясь еще на земле, ты будешь иметь язык, подобный языку Седящего на небесах, – когда будешь наблюдать умеренность в унынии, в гневе, в печали, в скорби. Сколько из вас желали бы видеть Христа! И вот, если будем стараться, не только

можем увидеть Его, но и быть подобными Ему. Не будем же медлить. Не столько приятны для Господа уста пророков, сколько уста людей кротких и смиренных. «Многие скажут Мне..., – говорит Господь, – не от Твоего ли имени мы пророчествовали?...И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас» (Мф. 7:22–23). А уста Моисея, который был весьма смирен и кроток («Моисей же, – сказано, – был человек кротчайший из всех людей на земле», – Числ.12:3), так были приятны и любезны Господу, что Он говорил с Моисеем, так сказать, лицом к лицу, устами к устам, как друг с своим другом. Теперь ты не имеешь власти над демонами; когда будешь иметь уста, подобные устам Христовым, то будешь иметь власть над огнем геенским. Будешь иметь власть над бездною огненною и скажешь ей: «Умолкни, перестань» (Мк. 4:39), и с дерзновением взойдешь на небеса и получишь царствие, которого да сподобимся все благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 79

[1] «Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей» (Мф. 25:31), «и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов». Одних восхвалит за то, что они Его алчущаго накормили, жаждущаго напоили, когда был Он странником, ввели в дом, когда был наг, одели, когда был болен, призрели, когда был в темнице, посетили, – и даст им царство; а других, обвинив в противоположных поступках, пошлет в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его. (Мф.25:32–36, 41)

[2] Описание страшного суда. – Смерть Христа есть торжество и избавление вселенной от зол. – Сколько было первосвященников. – Человеколюбие Христа. – Увещание подражать Его примеру. – О прощении обид. – Памятозлобие запрещается в ветхом завете. – Человек добрый не может потерпеть никакого вреда от обид.

[3] 1. Сладчайшие слова эти, которые никогда не оставляем в уме, должны мы выслушать теперь со всем тщанием и умилением, так как этими словами заключается и самая беседа Христа. Он придает великое значение человеколюбию и милостыне. Поэтому и в предшествующих словах говорил о том различным образом, и здесь говорит, но уже гораздо явственнее и сильнее, представляя не два или три, ни даже пять лиц, но целую вселенную. Правда, и прежде, говоря о двух

лицах, Он разумел не два лица, а две стороны: одну послушных, а другую непослушных. Но здесь Он предлагает нам о том слово и более страшное, и более торжественное. Вот почему и не говорит уже: «Подобно будет Царство Небесное» (Мф. 25:1); но прямо указывает на самого Себя, говоря: «Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей». Ныне Он явился в бесславии, поношении и поругании; а тогда сядет на престоле славы Своей. И часто упоминает о славе. Так как приближалось время крестной Его смерти, которая считалась позорною казнью, то Он возводит ум слушателя к высшему, представляя взору его судилище и всю вселенную. И не от этого только слово Его становится страшным; но и от того, что небеса представляются опустевшими. Ведь, говорит Он, ангелы будут при Нем, и будут свидетельствовать, сколько они служили, будучи посылаемы от Господа для спасения людей. И во всех отношениях день тот будет ужасен. «Соберутся, – говорит Он далее,– все народы (то есть, весь род человеческий); и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец» (Мф. 25:32). Ныне не разделены, но смешаны все; а тогда будет разделение, и самое точное. Сперва Он разделяет их местами, и обнаруживает каждого; а потом и самыми наименованиями показывает внутреннее расположение каждого, называя одних козлищами, а других овцами, и показывая, что первые не приносят никакого плода, – так как от козлов не может быть ни малого плода, – а последние – обильный плод, – так как овцы приносят большую пользу тем, что дают волну, молоко, ягнят, чего вовсе не доставляет козел. Впрочем, бессловесные животные не приносят плода, или приносят его, по своей природе, а люди – по произволу. Потому те из них,

которые не приносят плодов, подвергаются мукам, а приносящие плод получают венцы.

4 Господь не прежде подвергает грешников мукам, чем рассудится с ними, почему, разместив их, и произносит обвинения. Они отвечают ему с кротостью, но уже без всякой для себя пользы; и это вполне справедливо, так как они пренебрегли то, чего всего более Он желал. Ведь и пророки везде говорили: «Милости хочу, а не жертвы» (Ос. 6:6), и Законодатель возбуждал к тому всеми мерами, и словом, и делом, да и самая природа учила тому. Заметь при этом, что у осуждаемых не было не одной или двух только добродетелей, но всех. Они не только не напитали алчущего, не одели нагого, но даже, что гораздо легче было исполнить, и больного не посетили. Смотри также, как легки Его заповеди. Он не сказал: Я был в темнице, и вы освободили Меня; Я был болен, и вы воздвигли Меня с одра болезни; но сказал: «Посетили Меня;... пришли ко Мне». Но и тогда, как Он алкал, не трудно было исполнить Его требование. Он просил не пышной трапезы, но только самого нужного, пищи необходимой, и притом просил с мольбою. Таким образом все делало их достойными наказания: и удобоисполнимость просьбы, так как Он просил хлеба; и жалобный вид просящего, так как Он был нищ; и естественное сострадание, так как Он был человек; и привлекательность обещания, так как обещано царство; и страх наказания, так как угрожала геенна; и достоинство получающего, так как сам Бог принимал в лице нищих; и величие чести, так как удостоил снизойти; и законность подаяния, так как Он принимал Свое. Но при всем том сребролюбие совершенно ослепило плененных им, даже и при столь великих угрозах. И как выше сказал Он, что не принимающие бедных будут наказаны более, нежели

содомляне, так и здесь говорит: «Так как вы не сделали этого одному из сих меньших» братий Моих, «то не сделали Мне» (Мф. 25:45). Что ты говоришь? Они твои братья? И почему их называешь меньшими братиями? Потому они братья, что уничижены, что нищи, что отвержены. Таковых Он в особенности призывает в Свое братство, то есть, незнаемых, презираемых, разумея не одних только монахов и живущих в горах, но и всякого верующего. Он хочет, чтоб и мирской человек, когда жаждет, алчет, наг или странствует, получал от нас всякое пособие. Крещение и общение в божественных тайнах соделывает нас братьями.

[5] 2. Затем, чтобы ты и с другой стороны видел справедливость приговора, Он еще прежде восхваляет тех, которые надлежащим образом исполнили свое дело, и говорит: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть», и проч. (Мф.25:34–35); чтобы осуждаемые не сказали, что они ничего не имели, Он осуждает их, указывая на товарищей, подобно тому как осуждает и дев, указывая на дев, раба упивающегося и объедающегося – указывая на раба верного, раба скрывшего свой талант – указывая на раба представившего два таланта; и вообще, осуждает каждого грешника, указывая на исполнивших свои обязанности. И это сравнение берется иногда от равного, как, например, здесь и в притче о девах; иногда от большего, как, например, когда говорится: «Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иининой; и вот, здесь больше Ионы. Царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона»

(Мф.12:41–42). И опять от равного: «Они будут вам судьями» (Мф.12:27); и опять от большего: «Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более [дела] житейские?» (1Кор. 6:3)? Что касается до настоящего места, то Христос берет здесь сравнение от равного; богатых сравнивает с богатыми и нищих с нищими. Но справедливость Своего приговора над осуждаемыми Он объясняет не только тем, что подобные им рабы, при тех же обстоятельствах, исполнили свои обязанности; но и тем, что осуждаемые оказались непослушными даже и в том, в чем бедность нисколько не служила препятствием, как, например, когда нужно им было напоить жаждущего, прийти к находящемуся в темнице, посетить больного. Восхвалив тех, которые исполнили свои обязанности, Спаситель открывает, какую любовь Он имел к ним от века: «Приидите, – говорит Он, – благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира». С какими благами может сравняться это наименование – благословенные, и притом благословенные от Отца? И за что удостоились они такой чести? Какая тому причина? «Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня», и проч. Сколько чести, сколько блаженства в этих словах! Он не сказал: «приимите», но – «наследуйте», как свое собственное, как отеческое, как ваше, как от века вам принадлежащее. Прежде чем вы стали существовать, говорит Он, это уже было для вас уготовано и устроено, так как Я знал, что вы будете таковыми. И за что они получают такую награду? За кров, за одежду, за хлеб, за холодную воду, за посещение, за приход в темницу. Всюду требует Он необходимого; а иногда, впрочем, и не необходимого, потому что, как я сказал, больной и находящийся в темнице требуют без сомнения не только посещения, но

один – освобождения еще от уз, а другой – от болезни. Однако Господь, будучи снисходителен, требует от нас того, что нам по силам, и даже гораздо менее этого, предоставляя самим нам ревновать о большем. А осуждаемым говорит: «Идите от Меня, проклятые, – не от Отца, так как не Он проклял их, но собственные их дела,– в огонь вечный, уготованный не вам, а «диаволу и ангелам его». Когда говорил Он о царствии, то, сказав: «Приидите благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, – присовокупил: уготованное вам от создания мира»; а говоря об огне, сказал не так, а присовокупил: «уготованный диаволу». Я царство готовил вам, говорит Он, огонь же не вам, но «диаволу и ангелам его»; но так как вы сами ввергли себя в огонь, то и вините сами себя. И не только в этих, но и в следующих словах Он, как бы в оправдание пред ними Себя, представляет и причины их осуждения: «Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть» (Мф.25:42). Если бы даже пришел враг, то не сильны ли бы были страдания его тронуть и преклонить самого немилосердого? Голод, холод, узы, нагота, болезнь, бесприютное блуждание всюду – и этого довольно к прекращению вражды. Но вы не поступили так и с другом – с другом-благодетелем и Владыкою. Мы часто трогаемся, видя и пса алчущим, преклоняемся, видя и зверей в нужде; а ты, видя своего Владыку, не преклоняешься? Чем можно извинить это. Да если бы это только и было, не достаточно ли бы было и этого к вознаграждению? Я не говорю о том, что (оказав благодеяние) ты услышишь пред лицом вселенной столь радостный глас от Седящего на престоле Отца и получишь царство; но и то, что ты оказал благодеяние, не довольно ли вознаграждает тебя? А теперь пред лицом вселенной, при явлении этой неизреченной славы, сам

Господь провозглашает и увенчивает тебя, признает тебя питателем и странноприимцем, и не стыдится говорить это, чтобы венец твой сделать более блистательным. Поэтому-то те праведно наказываются, а эти увенчиваются по благодати, хотя бы они оказали и бесчисленные благодеяния, все же дарование им за столь маловажное и ничтожное – неба, царства, и столь великой чести – есть дар щедрот благодати. «Когда Иисус окончил все слова сии, то сказал ученикам Своим: вы знаете, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие» (Мф. 26:1–2). Опять благовременно Христос упоминает о страдании, после того как сказал о царстве, о будущем воздаянии и о вечном мучении; Он как бы так сказал: для чего бояться вам зол кратковременных, когда ожидают вас такие блага?

[6] 3. Здесь обрати внимание на то, каким новым способом Христос скрывает в первых из упомянутых слов то, что могло особенно опечалить учеников Его. Он не сказал: вы знаете, что чрез два дня Я предан буду; но что? «Вы знаете, что через два дня будет Пасха», и после этого уже прибавил, что Он «предан будет на распятие», – показывая, что имеющее совершиться есть таинство, праздник и торжество о спасении вселенной, и что Он идет на страдание, все предвидя. Поэтому, так как уже достаточно было одного этого для утешения их, Он ничего не говорит теперь о Своем воскресении, потому что излишне было снова говорить о нем, после того как уже было сказано о том так много. Кроме того, упоминая о древних благодеяниях, доставленных Пасхою иудеям в Египте, Он, как я сказал, показывает тем, что и это самое страдание избавляет от бесчисленных зол. «Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы, и

положили в совете взять Иисуса хитростью и убить; но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе» (Мф.25:3–5). Видишь ли необыкновенное расстройство в делах иудейских? Предпринимая дела беззаконные, они идут к первосвященнику, надеясь получить дозволение там, где надлежало бы ожидать препятствий. И сколько же было первосвященников? По закону, должен быть один; но тогда было их много. Отсюда очевидно, что дела иудеев в это время начинали приходить в упадок. Моисей, как я сказал, повелел быть одному первосвященнику, и когда этот умрет, тогда быть другому, и временем жизни первого определял время изгнания ненамеренных убийц. Почему же тогда много было первосвященников? Потому что в последнее время они были избираемы каждогодно. Это показывает евангелист, когда, говоря о Захарии, сказал, что он был «священник из Авиевой чреды» (Лк. 1:5). Итак, здесь говорится о тех первосвященниках, которые были прежде первосвященниками. О чем же они совещались? О том ли, чтобы Иисуса тайно взять, или о том, чтобы убить Его? О том и другом вместе. Они боялись народа, почему и ждали, пока пройдет праздник: «Но говорили: только не в праздник». Дьявол не хотел, чтобы Христос пострадал в Пасху, для того, чтобы страдание Его не сделалось известным; а они – чтобы не сделалось возмущения. Заметь: они боятся не гнева Божия и не того, что время праздника может увеличить их злодеяние, но везде – опасностей со стороны людей. Впрочем, кипя гневом, они снова переменили свое намерение. Сказав: «Только не в праздник», потом, найдя предателя, они не ждали времени, но совершили убийство в праздник. Почему же они взяли Его в это время? Потому что и гневом кипели, как я сказал, и надеялись Его найти в то

время, и во всем действовали, как ослепленные. Правда, сам Он воспользовался злобою их для совершения Своего служения; но они поэтому не безвинны, а достойны бесчисленных мучений за то, что действовали по собственному намерению. Притом в то самое время, когда надлежало бы дать свободу всем, даже и виновным, они убили Праведника, Который оказал им бесчисленные благодеяния, и Который для них оставил до времени и язычников. Но какое человеколюбие! Таким преступным (упорным) и исполненным всяких неправд людям Он опять предлагает спасение, посылает апостолов на смерть за спасение их, и чрез апостолов молит их. «От имени Христова просим» (2Кор. 5:20). Имея такие примеры, я не говорю: умрем за врагов, – хотя требовалось бы и это; но так как мы крайне немощны, то я говорю пока: не будем, по крайней мере, завидовать друзьям, не будем ненавидеть благодетелей; не говорю пока: станем благотворить злодеям, – хотя сильно желал бы и этого; но так как сердце ваше грубо, по крайней мере, не будем мстить. Ужели мы здесь как на зрелище, ужели наша жизнь – игра? Почему же вы действуете иногда совершенно противно заповедям? Не без цели изображены как все другие, так и те, достаточные для вразумления иудеев, действия, какие совершил Христос в самых страданиях; но для того, чтобы ты подражал благости и последовал Его человеколюбию. Он и пришедших против Него поверг ниц, и ухо раба исцелил, и кротко говорил с ними, и будучи на кресте совершил великие чудеса: помрачил лучи солнца, разверз камни, воздвиг умерших; устрашил жену судии сновидениями, на самом суде явил совершенную кротость, которая не менее чудес могла привлечь их; многое предсказал на судилище, и на самом кресте воскликнул: Отче! отпусти

им грех (Лк. 23:34)! Да и после погребения сколько сделал для их спасения? А по воскресении, не тотчас ли Он призвал иудеев? Не даровал ли им отпущения грехов? Не оказал ли им бесчисленных благодеяний? Что неожиданнее этого? Те, которые распинали Его, которые дышали убийством, после того, как распяли Его, соделались сынами Божиими. Что может сравниться с такой заботливостью? Слыша это, устыдимся, что мы так далеки от Того, Кому заповедано нам подражать. Познаем хоть то, как велико это расстояние, чтобы по крайней мере могли мы обвинять самих себя за то, что находимся во вражде с теми, за которых Христос положил душу Свою, и не желаем примириться с теми, для примирения с кем сам Он не отказался вкусить смерть. Или и здесь издержки, и трата денег, чем вы отговариваетесь от подаяния милостыни?

[7] 4. Подумай, как много ты виновен и не только не отказывай в прощении обидевшим тебя, но сам спеши к огорчившим тебя, чтобы и у тебя было основание получить прощение, чтобы найти извинение собственных твоих неправд. Язычники, не ожидая никаких великих благ, часто поступали в таких случаях благоразумно; а ты, имея в виду такие надежды, отказываешь в прощении и медлишь, и не решаешься заблаговременно из повиновения закону Божию совершить того, что со временем само собою сделается, но лучше хочешь, чтобы страсть погасла в тебе без всякой для тебя награды, чем с наградою? Если страсть твоя от времени и погаснет, то тебе никакой не будет из того пользы; напротив тебя ожидает великое наказание, потому что ты не сделал по внушению закона Божия того, что сделало время. Если ты скажешь, что воспоминание об оскорблении воспламеняет тебя гневом, то вспомни, не сделал ли тебе

какого-нибудь добра оскорбивший тебя; а вместе подумай, сколько зла замышлял ты сам против других? Он тебя злословил и бесчестил? Представь, что и ты иных злословил. Как же получишь ты прощение, когда сам другим в нем отказываешь? Но ты никого не злословил? За то ты слушал, как другого злословили, и соглашался. А и это не безгрешно. Хочешь ли знать, как хорошо прощать обиды, и как много это приятно Богу? Он наказывает тех, которые радуются, когда видят справедливо наказываемых Им, – потому что хотя они и праведно наказываются, но тебе не должно радоваться. И пророк, обличив многие неправды, присовокупил: «Не болезнуете о бедствии Иосифа» (Ам. 6:6); и еще: «Не убежит и живущая в Цаане; плач в селении Ецель не даст вам остановиться в нем» (Мих. 1:11). Хотя Иосиф, то есть, колена от него происшедшие, и другие соседние с ними, были наказаны по определению Божию, но Он хочет, чтобы мы сострадали и им. Если мы, будучи злы, когда наказываем раба и видим, что кто-либо из товарищей его смеется, еще более раздражаемся и обращаем гнев свой против последнего, то тем более Бог накажет тех, которые радуются, видя наказываемых Им. А если должно жалеть, а не нападать на тех, которые наказываются от Бога, то тем более должно жалеть тех, которые согрешают против нас. Это – знак любви, а любовь Бог всему предпочитает. Как в царской багрянице почитаются драгоценными те цвета и краски, которые украшают хламиду, так точно и здесь драгоценны те добродетели, в которых содержится любовь. А ничем так не сохраняется любовь, как прощением обид виновным пред нами. Разве Бог не имеет попечения и об обиженных? Не посылает ли Он обидевшего к обиженному? Не отсылает ли его к нему от самого алтаря,

и не призывает ли его к трапезе после примирения (Мф. 5:23)? Впрочем, поэтому тебе еще не надобно дожидаться, пока он к тебе придет; иначе ты все потерял. Для того особенно Бог и назначает тебе великую награду, чтобы ты предварил его; так что если ты примиришься по его прошению, то любовь будет плодом уже не повеления Божия, но усердия обидевшего, – почему ты и остаешься неувенчанным, тогда как тот получает награду. Что ты говоришь? Ты имеешь врага, и не стыдишься? Не довольно ли нам и дьявола, чтобы еще приобретать себе врагов из среды подобных нам? О, если бы и он перестал враждовать против нас! О, если бы и он не был дьяволом! Ты не знаешь, как велико удовольствие после примирения? Что нужды, если не обнаруживается оно ясно, во время самой вражды? Только по прекращении вражды можно хорошо узнать, что гораздо приятнее любить оскорбившего, чем ненавидеть.

[8] 5. Для чего же нам подражать людям неистовым, пожирающим друг друга и враждующим против собственной плоти? Послушай, как сильно сказано о том и в ветхом завете: «На пути правды – жизнь, и на стезе ее нет смерти» (Притч.12:28). «Человек питает гнев к человеку, а у Господа просит прощения» (Сир. 28:3). Но Бог позволил мстить: «глаз за глаз, зуб за зуб» (Исх. 21:24): почему же в таком случае Он ставит это в вину? Потому, что Он позволил это не для того, чтобы мы в самом деле так поступали по отношению друг к другу, а чтобы из страха наказания и не осмеливались на обиды. Притом же такое мщение свойственно гневу кратковременному, а злопамятность свойственна душе объятой злостью. Тебе причинили зло? Но оно отнюдь не так велико, как то, которое ты сам себе причиняешь злопамятством. Кроме того, человеку доброму и

невозможно нанести никакого вреда. Представим себе, что кто-нибудь, имея детей и жену, ведет жизнь совершенную; пусть будет у него много и случаев получить вред; пусть обладает он громадными богатствами, властью, множеством друзей, наслаждается почестями, и однако, ведет жизнь совершенную (это должно прибавить), – и представим, что его постигают бедствия. Пусть например, какой-нибудь злой человек причинил ущерб его имуществу: но что это значит для того, кто ни во что вменяет имение? Пусть убил детей его: но что значит это для того, кто уверен в воскресении мертвых? Пусть умертвил жену его: но что значит это для того, кто научился не плакать об умерших? Пусть обесчестил его: но что значит это для того, кто все настоящее представляет цветом травным? Пусть изранил он, если хочешь, даже тело его, и ввергнул его в темницу: но что и это значит для того, кто знает, что «если внешний наш человек и тлеет, то внутренний… обновляется» (2Кор. 4:16), и что «от скорби происходит терпение» (Рим. 5:3)? Я уверен, что такой человек не потерпит никакого вреда, а напротив, как пред этим объяснено, получит пользу: он обновится и сделается искусным. Итак, не будем мучить себя обидами других, причиняя тем сами себе вред, и расслабляя свои душевные силы. Мучение происходит не столько от злобы ближних наших, сколько от нашего малодушия. Поэтому-то, если кто обидит нас, мы плачем и предаемся унынию; если похитит у нас что-нибудь, мы испытываем то же самое, подобно малым детям, которых сверстники их, более резвые, раздражают, смущая не чем-нибудь важным, а пустяками, и если увидят, что те на них гневаются, то не перестают им досаждать, а если увидят, что смеются, то от них отступают. Но мы бессмысленнее и

детей, – плачем о том, чему бы должны смеяться. Поэтому умоляю вас, оставим такие детские чувства; будем стремиться к небесному. Христос хочет, чтобы мы были мужами, и мужами совершенными. То же заповедал и Павел, говоря: «Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы» (1Кор. 14:20). Итак, будем младенцами на злое, и избегая греха, будем держаться добродетели, чтобы сподобиться вечных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 80

[1] «Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову». (Мф. 26:6–7)

[2] Три евангелиста говорят об иной жене, чем Иоанн. – Для чего упоминается о проказе Симона и называется имя города. – Чего искала жена. – Почему Христос допустил помазание миром. – От людей немощных не должно требовать высоких дел с самого начала. – Истиннолюбие евангелистов. – Злоба Иуды. – Сребролюбие – ужаснейшая из страстей. – Изображение сребролюбца. – Добродетельному никто не может причинить зла. – Бедность обогащает душу, богатство делает бедною.

[3] 1. Жена эта, по-видимому, есть одна и та же у всех евангелистов; в действительности же не так, но у трех евангелистов, мне кажется, говорится об одной и той же; у Иоанна же – о другой некоторой чудной жене, сестре Лазаря. Не без цели евангелист упомянул и о проказе Симона, но для того, чтобы показать, почему жена с дерзновением приступила к Иисусу. Так как проказа считалась болезнью крайне нечистою и гнусною, а между тем она видела, что Иисус исцелил человека (иначе Он не захотел бы остаться у прокаженного), и возлежал у него,

то она возымела надежду, что Иисус легко очистит и душевную ее нечистоту. Не без причины также евангелист упомянул и о городе Вифании, но для того, дабы ты знал, что Христос добровольно идет на страдание. Прежде Он удалялся от иудеев; теперь же, когда особенно воспламенилась их ненависть, Он проходит близ их, на расстоянии стадий пятнадцати. Таким образом, и прежнее удаление Его было делом домостроительства. Итак, жена, увидев Его и получив вследствие этого дерзновение, приступила к Нему. И если жена кровоточивая и не сознававшая ничего подобного, так как нечистота ее была от природы, со страхом и трепетом приступила, то тем больший страх и стыд надлежало иметь этой жене, по причине нечистоты ее совести. Поэтому и приступает она после жены самарянской, хананейской, кровоточивой и других весьма многих жен, так как сознавала в себе великую нечистоту; и приступает не всенародно, но в доме. И в то время, как все прочие жены приходили только за получением исцеления телесного, она пришла исключительно за тем, чтобы воздать честь Иисусу, и получить душевное исцеление. Она не имела никакого повреждения в теле, и потому особенно всякий должен ей удивляться. И не как к простому человеку подходит она к Иисусу, – иначе не отерла бы своими власами ног Его, – но как к такому лицу, которое выше человека. Поэтому и принесла к ногам Христовым главу свою, – часть тела, которая драгоценнее всего тела. «Увидев это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим. Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня: ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете; возлив миро сие

на тело Мое, она приготовила Меня к погребению; истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала» (Мф. 26:8–13). Откуда родилась в учениках эта мысль? Они слышали, как Учитель говорил: «Милости хочу, а не жертвы» (Ос. 6:6), и порицал иудеев за то, что они оставляли важнейшее – «суд, милость и веру» [ср. Мф. 23:23], как на горе рассуждал с ними о милостыне, и из всего этого выводили заключение и рассуждали друг с другом: если он не допускает всесожжений и древнего богослужения, то тем менее допустит помазание елеем. Но так думали ученики, Иисус же, видя мысли жены, попускает ей приблизиться. И, так как благоговение ее было велико и усердие невыразимо, то Он, по величайшему снисхождению Своему, позволил ей излить миро и на главу Свою. Если Он не отказался соделаться человеком, быть носимым во чреве, питаться млеком, то чему удивляться, если и этого не отвергает? Как Отец Его принимал курение и дым, так и Он принял блудницу, одобряя, как я прежде сказал, ее расположение. Елеем Иаков помазал столп в жертву Богу (Быт. 28:18); елей приносим был в жертвах (Лев. 2:4); елеем помазуемы были и священники (Лев.8:10). Но ученики, не зная мыслей жены, неуместно укоряли ее, и в самом обвинении указали на щедрость жены. Сказав, что его можно было бы продать за триста динариев (Мк. 14:5; Ин. 12:5), они показали, сколько она истратила на миро, и какую обнаружила щедрость. Поэтому Христос и упрекает их, говоря: «Что смущаете женщину»? И указывает далее причину, желая снова напомнить им о Своем страдании: «Она приготовила, – говорит,– Меня к погребению». Приводит также и другую причину: «Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете»; и: «Где ни

будет проповедано Евангелие сие..., сказано будет... что она сделала» (Мф. 26:11, 13). Видишь ли, как Христос предвозвещает ученикам исшествие их к народам, и таким образом утешает их при мысли о смерти, указывая на то, что после крестной смерти откроется такая сила, что проповедь распространится повсюду. Итак, какой несчастный будет противоречить столь очевидной истине? Вот исполнилось то, что Христос предсказал, и куда ни пойдешь во вселенной, везде увидишь, что возвещают и об этой жене, хотя она не знаменита, не имела многих свидетелей, была не на зрелище, но в доме, и притом в доме некоего прокаженного, в присутствии одних только учеников Христовых.

[4] 2. Кто ж это возвестил и проповедал? Сила Того, Кто предсказал это. Умолчано о подвигах бесчисленных царей и полководцев, которых памятники еще сохраняются; неизвестны ни по слуху, ни по имени те, которые построили города, соорудили стены, одержали победы на войнах, воздвигли трофеи, покорили многие народы, хотя они и поставили статуи и издали законы; но то, что жена блудница излила елей в доме некоторого прокаженного в присутствии десяти мужей, все воспевают во вселенной. Прошло столько времени, а память об этом происшествии не истребилась; и персы, и индийцы, и скифы, и фракияне, сарматы, и племя мавров, и жители Британских островов повествуют о том, что сделала жена блудница в Иудее – тайно, в доме. Велико человеколюбие Господа! Он принимает блудницу, блудницу, лобызающую ноги, возливающую елей и отирающую власами, принимает и упрекает тех, которые обвиняют ее. В самом деле, не надлежало приводить в смущение жену за такое ее усердие. Обрати внимание и на то, как высоки были ученики и усердны к подаянию милостыни. Но для чего

Христос не просто сказал: доброе дело сделала; а сказал прежде: «Что смущаете женщину»? Для того, дабы они знали, что не надобно требовать с самого начала высоких дел от немощных людей. Поэтому-то Он и рассматривает дело не просто, каково оно само в себе, но по отношению к лицу жены. Если бы Он давал закон, то не упомянул бы о жене; но чтобы ты знал, что для нее это сказано с тою целью, чтобы ученики не истребили возникающей ее веры, а еще более возбудили; для этого Он говорит вышеупомянутые слова, научая нас тому, чтобы мы принимали, одобряли и возводили к большему совершенству доброе дело, кем бы оно ни было сделано, и каково бы оно ни было, и не требовали полного совершенства в самом его начале. Что Христос и сам особенно желал этого, видно из того, что Он, не имевший где главу приклонить, повелел носить денежный ящик. Но теперь время не требовало исправления поступка, а только принятия его. Как прежде этого поступка жены Он не произнес бы такого мнения, если бы кто спросил Его, так и после того, как жена совершила его, Он имеет в виду только то, чтобы она не приведена была в смущение порицанием учеников, но удалилась от Него, сделавшись усерднее и лучше чрез служение Ему. После возлияния елея порицание их было уже неуместно. Так и ты, если увидишь, что кто-нибудь сделал и приносит священные сосуды, или заботится о другом каком-нибудь украшении церковном, касающемся стен и пола, – не позволяй продавать или истреблять то, что сделано, чтобы не ослабить его усердия. Если же кто прежде, чем сделать, скажет тебе о своем намерении, то вели раздать нищим, так как и сам Иисус сделал это для того, чтобы не ослабить усердия жены, и все, что ни говорит, говорит в утешение ее. Далее – когда сказал: «Она приготовила

Меня к погребению», то чтобы не показалось, что Он приводит в смущение жену, упомянув о таком предмете, то есть, гробе и смерти, смотри как опять укрепляет ее, говоря: во всем мире «сказано будет..., что она сделала». Это служило и для учеников увещанием, и для жены утешением и похвалою. Все, говорит Он, прославят ее впоследствии, и теперь она предвозвестила страдание, принесши необходимое для погребения. Поэтому никто пусть не порицает ее. Я настолько далек от того, чтобы осуждать ее, как бы за худой поступок, или укорять, как бы за неправое дело, что даже не попущу остаться в неизвестности случившемуся, и сделаю то, что мир узнает о поступке, совершенном в доме и втайне, так как этот поступок происходил от благоговейной мысли, теплой веры и сокрушенного сердца. Но для чего Христос обещал жене не духовное что-нибудь, а всегдашнюю о ней память? Для того, чтобы чрез это вселить в ней надежду на получение духовных благ. Если она сделала доброе дело, то, очевидно, и получит достойную награду. «Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его?» (Мф. 26:14–15). «Тогда». Когда же? Когда Христос говорил это, когда сказал: «к погребению». Иуда не тронулся этим и не убоялся, когда услышал, что Евангелие будет проповедано повсюду (а сказанное заключало в себе невыразимую силу); тогда как жены, и жены блудницы, оказывали такую честь Иисусу, он совершал дьявольское дело. Почему же евангелисты говорят о его именовании? Потому что был другой Иуда. Без опасения они говорят и то, что Иуда был из числа двенадцати. Таким образом, они не скрывают ничего, что кажется постыдным. Можно было бы сказать просто: был некто из учеников Христовых, – потому что были и другие.

Теперь же они прибавляют: от обоюнадесяте, и как бы говорят: из первого лика, из числа лучших, избранных учеников, которые были с Петром и Иоанном. Они старались об одной только истине, о том, чтобы не утаить событий. Поэтому умалчивают о многих знамениях, но не скрывают ничего такого, что кажется постыдным, и смело возвещают о том, хотя бы это было слово или дело, или что другое.

[5] 3. И не только первые три евангелиста повествуют об этом, но и сам Иоанн, возвещающий высочайшие тайны. Он более всех говорит о поношениях и поруганиях, претерпенных Иисусом. И смотри, как велика злоба Иуды, когда Он произвольно приступает к предательству, когда делает это из-за денег, и притом денег столь незначительных. Лука говорит, что он имел совещание с военачальниками (Лк. 22:4). По причине возмущений иудеев, римляне поставляли над ними своих начальников, которые наблюдали за порядком, – потому что власть уже была отнята у иудеев, по пророчеству. Пришедши к этим военачальникам, Иуда сказал: «Что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребренников; и с того времени он искал удобного случая предать Его» (Мф. 26:15–16), так как он боялся народа, и хотел взять Иисуса наедине. О, безумие! Как ослепило его совершенно сребролюбие! Несмотря на то, что часто видел, как Иисус проходил среди толпы и не был удерживаем, как являл многие доказательства Своего божества и силы, Иуда думал удержать Его, и несмотря на то, что Иисус столько раз повторял ему и страшные и кроткие слова, чтобы разрушить злой его умысел. Даже и на вечери не переставал заботиться о нем, но до последнего дня беседовал с ним об этом. Но Иуда не получил никакой пользы: несмотря однако на все это

Господь не переставал совершать Свое дело. Зная это, и мы неопустительно должны делать все для заблуждающих и беспечных: увещевать их, учить, утешать, умолять, подавать им советы, хотя бы от этого не получили мы никакой пользы. И Христос предвидел, что предатель не исправится, – однако не переставал с Своей стороны заботиться о нем, увещевать его, угрожать ему, соболезновать о нем, не открыто и явно, но сокровенно. В самое же время предания даже попустил облобызать Себя, – но все это для Иуды было бесполезно. Вот какое великое зло сребролюбие! Оно именно сделало Иуду и святотатцем, и предателем. Услышьте все сребролюбцы, страждущие болезнью Иуды, – услышьте и берегитесь этой страсти. Если тот, кто находился со Христом, творил чудеса, пользовался таким учением, низвергся в такую бездну от того, что не был свободен от этой болезни, то тем более вы, не слышавшие даже Писания и всегда прилепляющиеся к настоящему, удобно можете быть уловлены этою страстью, если не будете прилагать непрестанного попечения. Иуда ежедневно находился с Тем, Кто не имел, где главы преклонить, ежедневно был научаем делами и словами тому, что не должно иметь ни золота, ни серебра, ни двух одежд, – и при всем том не вразумился. Как же ты надеешься избежать этой болезни, когда не употребляешь сильного врачевания и не прилагаешь сильного старания? Ужасен, поистине ужасен этот зверь. Впрочем, если захочешь, легко победишь его. Это не есть похоть врожденная, как то доказывают освободившиеся от нее. Естественные влечения всем общи; а эта похоть происходит от одного нерадения; от него рождается, от него возрастает, и когда уловит пристрастных к ней, заставляет их жить противоестественно. В самом деле, когда они не признают

единоплеменников, друзей, братьев, сродников, словом – всех, а с ними вместе не знают и самих себя, то не значит ли это жить противоестественно? Отсюда ясно, что противоестественна и злоба, и болезнь сребролюбия, подвергшись которой, Иуда сделался предателем. Как же он сделался предателем, спросишь ты, когда призван Христом? Бог, призывая к Себе людей, не налагает необходимости, и не делает насилия воле тех, которые не желают избрать добродетели; но увещевает, подает советы, – все делает и всячески старается, чтобы побудить их сделаться добрыми; если же некоторые противятся этому, Он не принуждает. Если ты хочешь узнать, отчего Иуда сделался таким, то найдешь, что он погиб от сребролюбия. Отчего же, спросишь, он уловлен этою страстью? Оттого, что был беспечен. От беспечности происходят такие перемены, тогда как от ревности происходят перемены противоположные. Сколько, в самом деле, таких, которые были жестокими, а теперь кротче овец? Сколько таких, которые сперва были сладострастными, а после сделались целомудренными? Сколько таких, которые прежде были сребролюбцами, а теперь отвергли и свое собственное имущество? Совершенно противное случалось от беспечности. Так Гиезий жил со святым мужем, и сделался нечестивым от болезни сребролюбия (4Цар.5). Поистине сребролюбие ужаснейшая из всех страстей. Отсюда расхитители гробниц, отсюда убийцы, отсюда войны и битвы, отсюда всякое зло, какое бы ты ни назвал. И подобный человек везде бывает бесполезен, случится ли ему начальствовать над войском, или управлять народом. И он бывает таким не только в делах общественных, но даже и в частных. Вознамерится ли жениться, – не возьмет добродетельной жены, а возьмет ту, которая всех хуже. Вздумает ли

купить дом, – покупает не такой, какой приличен благородному, но такой, который может принести ему большой доход. Захочет ли купить рабов, или что другое, – купит самое худое. Но что я говорю о его начальстве над войском и народом, о его хозяйстве? Если даже он будет царем, то будет несчастнейшим из всех, погибелью для вселенной, беднейшим из всех. Его состояние будет подобно состоянию какого-нибудь простолюдина; он не будет блага всех почитать своими, но будет считать себя отдельным от всех и, похищая блага у всех, станет думать, что он имеет менее всех. Измеряя настоящие блага желанием будущих, еще не приобретенных благ, он будет считать первые ничтожными в сравнении с последними.

6 4. Поэтому-то некто сказал: нет ничего беззаконнее сребролюбивого. Действительно, такой человек и сам себя продает, и делается общим врагом вселенной, когда скорбит, что земля не приносит золота вместо колосьев, и что вместо рудников существуют источники, вместо драгоценных камней – горы; с негодованием смотрит он на плодородие, печалится при виде общего блага, отвращается от всякого дела, чрез которое нельзя приобрести денег; все терпит, когда можно ему получить хотя две малые монеты; ненавидит всех, бедных и богатых: бедных из-за того, как бы они не пришли к нему когда-нибудь просить милостыню; богатых за то, что он не имеет их богатства. Он думает, что все завладели его имуществом, и как бы всеми обижаемый, негодует на всех. Он не знает довольства и насыщения, он самый несчастнейший из всех. Наоборот, свободный от всего этого, и любящий истинную мудрость, счастливее всех. Добродетельный, будет ли он рабом или пленником, блаженнее всех. Никто не сделает ему зла, хотя бы со всей вселенной стеклись все с оружием и войсками и

стали воевать против него. Негодный же и злой человек, и такой, какого мы описали, хотя бы был царем и украшен бесчисленными венцами, может потерпеть от всякого величайшие несчастия. Так бессильна злоба! Так сильна добродетель! Что же ты печалишься, находясь в бедности? Для чего рыдаешь в праздник? Это время – время празднества. Для чего проливаешь слезы? Бедность составляет для тебя торжество, если только ты благоразумен. Для чего горько плачешь, дитя? Подлинно, такого должно назвать дитятею. Бил ли кто тебя? Что ж? Он сделал тебя чрез это терпеливее. Отнял ли кто у тебя деньги? Отнял излишнее бремя. Лишил ли славы? Опять ты говоришь мне о другом виде свободы. Послушай, как об этом рассуждают язычники; они говорят: ты не претерпел никакого несчастия, если только не присваиваешь его себе. Отнял ли кто у тебя большой и укрепленный оградами дом? Но вот пред тобою вся земля, общественные здания, – употребляй их, как хочешь, – на увеселение или на пользу. Что приятнее и прекраснее тверди небесной? До каких пор вам быть нищими и бедными? Нельзя быть богатым тому, кто не обогащает душу; равно как нельзя быть нищим тому, кто не беден душою. Если душа могущественнее тела, то ее не может привлечь слабейшее. Но она, будучи могущественна, привлекает к себе не столь могущественное и изменяет его. И сердце, когда получит какую-либо болезнь, то сообщает ее всему телу, и если бывает повреждено, то разрушает все тело, а если бывает здорово, то сообщает здоровье всему телу. Когда же поврежден какой-либо из прочих членов тела, а сердце бывает здорово, то оно легко истребляет повреждение и в прочих членах. Но чтобы сделать яснее то, что я говорю, скажи мне: какая польза в зеленых ветвях, когда засыхает корень? И какой вред от

того, когда верхние листья засыхают, а корень здоров? Так и здесь. Нет никакой пользы в деньгах, когда бедна душа, и нет никакого вреда, когда душа богата. Как же, скажешь ты, душа может быть богата, будучи бедна деньгами? Тогда-то особенно и может быть богата, – потому что она в это время обыкновенно и богатеет. Если, как мы часто говорили, признаком богатого служит то, что он презирает деньги и ни в чем не нуждается, а бедного, напротив, то, что он нуждается, и если легче презирать деньги в бедности, нежели в богатстве, то очевидно, что бедность особенно делает богатым. Всякому известно, что богатый более желает богатства, нежели бедный, подобно тому, как человек упившийся вином чувствует сильнейшую жажду, чем тот, кто пил с умеренностью. Похоть не такова, чтобы могла быть погашена большим удовлетворением ее, но напротив, от этого она еще более воспламеняется. Как огонь, чем более получает пищи, тем более свирепствует, так и пристрастие к богатству, чем более получает золота, тем более усиливается. Итак, если желание большего есть признак бедности, а богатый желает большего, то богатый весьма беден. Видишь ли, что душа тогда особенно бывает бедна, когда обогащается, и тогда бывает богата, когда бедна? Если хочешь, чтоб я объяснил это примером, то представь двух человек, из которых один имеет десять тысяч талантов, а другой десять, и отнимем у обоих эти таланты: который из них будет более сожалеть? Тот, который лишился десяти тысяч. Но он не стал бы более сожалеть, если бы не любил их более; если же он любит более, то более и желает; если же более желает, то более и беден. Мы более всего желаем того, в чем наиболее имеем нужду, так как от нужды происходит желание. Где же довольство, там не может быть желания. Мы тогда

особенно томимся жаждою, когда ощущаем нужду в питье. Все это сказано мною для того, чтобы показать, что если мы будем бодрствовать, то никто не может сделать нам вреда, и что не от бедности, а от нас самих бывает нам вред. Поэтому умоляю вас всеми силами истреблять болезнь сребролюбия, чтобы нам и здесь сделаться богатыми, и насладиться вечными благами, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Беседа 81

[1] «В первый же день опресночный приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: где велишь нам приготовить Тебе пасху? Он сказал: пойдите в город к такому-то и скажите ему: Учитель говорит: время Мое близко; у тебя совершу пасху с учениками Моими». (Мф. 26:17–18)

[2] Что разумеется под первым днем опресночным. – Для чего Христос посылает к неизвестному человеку. – Образ и дело обличения Иуды. – Иуда не был служителем домостроительства спасения. – Для чего Бог попускает родиться злым. – Не рождение, а беспечность делает злым. – Сколь велико зло сребролюбия. – Иудино бегство. – Сребролюбцы причиняют себе и другим более вреда, чем бесноватые. – Не освободившийся от сребролюбия не может победить и других страстей. – В каждом возрасте должно подавлять соответствующие страсти.

[3] 1. Первым днем опресночным евангелист называет день, предшествовавший празднику опресноков, так как иудеи всегда имели обыкновение считать день с вечера. Евангелист упоминает о том дне, в который вечером должно было закалать пасхального агнца, так как ученики приступили к Иисусу в пятый день недели. Этот-то день евангелист Матфей и называет днем,

предшествовавшим празднику опресноков, когда говорит о времени, в которое ученики приступили к Иисусу. А другой евангелист говорит так: «Настал же день опресноков, в который надлежало заколать пасхального [агнца]» (Лк. 22:7). «Настал», то есть, приближался, был при дверях. Очевидно, евангелист упоминает об этом именно вечере, так как с вечера начинали совершать пасху. Потому каждый евангелист присовокупляет: когда закалали пасхального агнца. Приступив к Иисусу, ученики говорят Ему: «Где велишь нам приготовить Тебе пасху»? И отсюда, между прочим, видно, что у Иисуса не было дома, не было постоянного местопребывания. А я думаю, что и ученики не имели его; иначе они попросили бы Иисуса прийти туда. Но и у них, отрекшихся от всего, не было дома. Для чего же Христос совершил пасху? Для того, чтобы во всем, что Он совершал даже до последнего дня, показать, что Он не противится закону. Но для чего именно посылает к неизвестному человеку? Чтобы и этим показать, что Он мог не пострадать. В самом деле, если Он одними только словами расположил сердце этого человека к тому, чтобы принять учеников, то чего не произвел бы в распинающих Его, если бы не хотел пострадать? И что Он сделал прежде, когда послал за ослом, то же делает и теперь. Там Он сказал: «Если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что они надобны Господу» (Мф. 21:3); так и здесь говорит: «Учитель говорит:...у тебя совершу пасху». Впрочем, я удивляюсь не тому только, что принял Его человек незнакомый, но и тому, что Он, зная, что навлечет на Себя великую вражду и непримиримую брань, презрел ненависть многих. Далее, так как ученики не знали этого человека, то Христос дает им и знамение, какое пророк дал Саулу, говоря: «Встретят тебя там три человека, идущих к Богу...

третий несет мех с вином» (1Цар. 10:3); а здесь: «несущий кувшин воды» (Лк. 22:10). И заметь еще доказательство силы Его. Он не только сказал: «Совершу пасху»; но прибавляет еще другие слова: «Время Мое близко». Это делал Он для того, чтобы с одной стороны чрез непрестанное напоминание и частое предсказание ученикам о страдании приучить их к бестрепетному размышлению о будущем, с другой – чтобы показать как самим ученикам, так и принимающему их, и всем иудеям, как я часто говорил, что Он не непроизвольно идет на страдание. Прибавляет же слова: «с учениками Моими» – для того, чтобы и приготовление было достаточно, и принимающий не подумал, что Он укрывается. «Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками» (Мф. 26:20). О, бесстыдство Иудино! И Он там присутствовал, и он пришел для того, чтобы причаститься таинств и яств, и обличаем был при самой трапезе, тогда, как и зверь, мог бы сделаться кротчайшим. Поэтому-то и евангелист замечает, что когда они ели, Христос беседовал с ними о предательстве, чтобы и самым временем, и трапезою обличить лукавство предателя. Когда ученики совершили, как повелел им Иисус, «Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками; и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня» (Мф. 26:21). Прежде же вечери Христос умыл и ноги Иуды. Смотри, как Он щадит предателя: Он не сказал: этот предаст Меня; но: «один из вас» – для того, чтобы сокрытием его опять дать ему возможность раскаяться, и предпочитает устрашить всех, чтобы спасти его. Один из вас двенадцати, говорит Он, которые всюду находитесь со Мною, которым Я умыл ноги, и которым Я обещал столь великие блага. Тогда нестерпимая скорбь объяла это святое собрание. Иоанн говорит, что ученики

недоумевали, и озирались друг на друга (Ин. 13:22), и каждый из них с боязнью спрашивал о себе самом, хотя они и не сознавали за собою ничего такого. Матфей же говорит: «Они весьма опечалились, и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи? Он же сказал в ответ: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам» (Мф. 26:22; Ин. 13:26). Смотри, когда Христос открыл предателя! Тогда, как восхотел вывести из смущения прочих, которые омертвели от страха, а потому и спрашивали настоятельно. Впрочем, Он делал это не только с тем намерением, чтобы освободить их от страха, но и для того, чтобы исправить предателя. Так как последний, часто слышавший неясные обличения, по жестокосердию своему, оставался без исправления, то Христос, желая сильнее возбудить его, срывает с него личину. Когда же ученики опечалились, и начали говорить: «Не я ли, Господи?», то, «Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня; впрочем Сын Человеческий идет, как писано о Нем, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться» (Мф. 26:23–24). Некоторые говорят, что Иуда так был дерзок, что не почитал Учителя, и вместе с Ним обмакивал руку. А по моему мнению, Христос сделал и это для того, чтобы привести его в больший стыд, и возбудить в нем доброе расположение; ведь и это имеет некоторую пользу.

4 2. Не должно совершенно оставлять этого без внимания, но мы должны напечатлеть это в наших мыслях, и ярость никогда не будет иметь в нас места. Кто, в самом деле, размышляя об этой вечери, о предателе, возлежащем со Спасителем всех, и о том, сколь кротко беседует имеющий быть предан, – не отвергнет всего яда гнева и

ярости? Смотри же, с какою кротостью Христос обращает речь Свою к Иуде: «Сын Человеческий идет, как писано о Нем»! Это говорил Он как для утверждения учеников Своих, чтобы они поступок Его не приписали слабости, так и для того, чтобы исправить предателя. «Горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться». Заметь опять в обличении неизреченную кротость. Даже и теперь не грозно, но весьма милостиво беседует с предателем, и притом прикровенно, несмотря на то, что не только прежняя его бесчувственность, но и после этого обнаружившееся в нем бесстыдство достойны были крайнего негодования. Ведь и после этого обличения Иуда говорит: «Не я ли, Равви» (Мф. 26:25)? О, бесчувственность! Спрашивает тогда, как сам это сознает! И евангелист, удивляясь его дерзости, говорит об этом. Что же сказал в ответ кротчайший и незлобивый Иисус? «Ты сказал». Хотя он и мог бы сказать: о, скверный и прескверный, гнусный и нечистый человек! Столько времени готовясь совершить зло, удалившись и заключив сатанинский договор, согласившись взять сребро и будучи обличен Мною, ты осмеливаешься еще спрашивать? Но Христос не сказал ничего такого. Что же сказал? «Ты сказал», – и тем самым начертывает для нас образ и правило терпения. Но иной скажет: если написано, что Христос так пострадает, то за что же осуждается Иуда? Он исполнил то, что написано. Но он делал не с тою мыслию, а по злобе. Если же ты не будешь обращать внимания на намерения, то и дьявола освободишь от вины. Но нет, нет! И тот, и другой достойны бесчисленных мучений, хотя и спаслась вселенная. Не предательство Иуды соделало нам спасение, но мудрость Христа, дивно обращавшая

злодеяния других в нашу пользу. Что же, – спросишь ты, – если бы Иуда Его не предал, то не предал ли бы другой? Какое же отношение имеет это к настоящему предмету? Такое, скажешь, что если Христу надлежало быть распятым, то нужно было, чтобы это совершено было кем-либо; если кем-либо, то, конечно, таким человеком. Если бы все были добры, то не исполнено бы было строительство нашего спасения. Да не будет! Сам Всемудрый знал, как устроить наше спасение, хотя бы и так было, потому что премудрость Его велика и непостижима. Поэтому-то, чтобы кто не подумал, что Иуда был служителем домостроительства, Христос и называет его несчастнейшим человеком.

5 Но кто-нибудь опять скажет: если лучше было бы не родиться ему, то для чего Бог попустил произойти на свет как ему, так и всем злым? Тебе бы надлежало порицать злых за то, что они, имея возможность не быть такими, сделались злыми; а ты, оставив это, слишком много испытываешь и исследуешь судьбы Божии, хотя и знаешь, что никто не бывает злым по необходимости. Ты скажешь: надлежало бы рождаться одним только добрым, и не было бы нужды ни в геенне, ни в наказании, ни в мучении, и не было бы даже зла; злым же надлежало бы или не рождаться, или, если родились, тотчас умирать. Прежде всего, должно указать тебе на следующее апостольское изречение: «А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?"» (Рим. 9:20)? Если же ты требуешь доказательств разума, я скажу, что добрые заслуживают большего удивления, когда находятся среди злых, потому что тогда-то особенно открывается в них терпение и великое любомудрие. Ты же, говоря вышеупомянутые слова, уничтожаешь случай для борьбы и подвигов. Что ж,

скажешь ты; для того, чтобы одни сделались добрыми, наказываются другие? Нет, не для этого, а за свои злодеяния. Они сделались злыми не потому, что родились, но вследствие своего нерадения; поэтому и подвергаются наказанию. Как не быть достойными наказания тем, которые имеют таких учителей добродетели, и не получают от них никакой пользы? Как благие и добрые вдвойне достойны чести за то, что и были добры, и нисколько не заразились от злых, так и злые достойны двойного наказания – и за то, что были злы, имея возможность стать добрыми (что и доказывают те, которые сделались добрыми), и за то, что не получили никакой пользы от добрых. Но посмотрим, что говорит этот несчастный ученик, будучи обличаем Учителем. Что же он говорит? «Не я ли, Равви»? Почему же не сначала спросил он об этом? Он думал, что он не узнан, когда было сказано: «один из вас»; когда же Христос открыл его, тогда он опять осмелился спросить, надеясь на кротость Учителя, что не обличит его. Вот почему он и назвал Его Равви.

[6] 3. О, ослепление! Куда оно увлекло Иуду? Таково сребролюбие! Оно делает людей безумными и безрассудными, бесстыдными и псами, вернее же сказать, злее и самых псов, и из псов делает демонами. Когда Иуда присоединился к дьяволу и клеветнику, и предал Иисуса и благодетеля, то по намерению сделался уже дьяволом. Таковыми-то делает людей ненасытная жадность к деньгам, – безумными, сумасшедшими, совершенно предавшимися корыстолюбию, каким сделался и Иуда. Как же Матфей и другие евангелисты говорят, что дьявол овладел Иудою тогда, когда он условился относительно предания Христа, а Иоанн говорит, что «после сего куска вошел в него сатана» (Ин. 13:27)? Он и сам знал это; выше

Он говорит: «Во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искариоту предать Его» (Ин. 13:2). Как же в таком случае говорит: «после сего куска вошел в него сатана»? Сатана не вдруг входит, и не в одно время, но сначала делает многие покушения; что и здесь случилось. Сначала он испытывал Иуду, и приступал к нему мало-помалу; когда же увидел в нем готовность к принятию его, тогда весь вселился в него и совершенно овладел им. Но если Христос и ученики Его ели пасху, то как ели противозаконно? Ведь не должно было возлежать, когда они ели. Что на это сказать? То, что они возлежали уже во время совершения вечери, после того как ели пасху. А другой евангелист говорит, что Христос в этот вечер не только ел пасху, но еще говорил: «Очень желал Я есть с вами сию пасху» (Лк. 22:15), – то есть, в этот год. Почему? Потому, что тогда имело совершиться спасение вселенной, имели быть установлены таинства, прекратиться печали смертью Иисуса. Таким образом, Он претерпел крест по своему произволению. Но неукротимого зверя ничто не усмирило, не преклонило, не привело в стыд. Христос назвал его несчастнейшим, сказав: «Горе тому человеку»! Потом устрашил его словами: «Лучше было бы этому человеку не родиться»! Пристыдил его, сказав: «Тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам». Но все это нисколько не удержало Иуду; он был объят сребролюбием, как бы некоторым бешенством, или лучше, как самою лютою болезнью: сребролюбие именно и есть самое свирепое бешенство. Делал ли что-либо подобное беснующийся? Иуда не испускал пены из уст, но испускал убийство на Владыку; не ломал рук, но простирал их для того, чтобы продать драгоценную кровь. Поэтому бешенство его было гораздо сильнее, – он бесновался здоровый. Но, скажешь ты, он не говорил

бессмысленно? А что же может быть бессмысленнее этих слов: «Что вы дадите мне, и я вам предам Его»? Предам: дьявол говорил его устами. Но он не бил ногами землю и не трепетал? А не гораздо ли лучше было бы ему трепетать, чем стоять прямо, с такими замыслами? Он не поражал себя камнями? А не гораздо ли лучше было бы это делать, чем покушаться на такое злодеяние?

7 Хотите ли, чтоб я представил вам беснующихся и сребролюбивых, и сравнил тех и других? Впрочем, никто не должен думать, что его оскорбляют лично; я не природу человеческую оскорбляю, но порицаю поступки. Бесноватый никогда не одевался в платье, бил себя камнями, бегал по непроходимым путям и каменистым местам, будучи сильно гоним бесом. Не представляется ли тебе это страшным? Что же, если я докажу тебе, что сребролюбивые причиняют душе своей больший вред, и настолько больший, что поступки бесноватого кажутся детскою игрою в сравнении с поступками сребролюбивого? Будете ли избегать болезни сребролюбивого? Итак, посмотрим, чья болезнь сноснее. Они ничем не различаются один от другого, потому что оба отвратительнее многих нагих. Гораздо лучше быть нагим, нежели ходить, одевшись в корыстолюбие, подобно приносящим жертвы Бахусу. Как те носят маски и платье беснующихся, так и эти. И подобно тому, как наготу беснующихся производит бешенство, так и одежду сребролюбивых производит бешенство, – и эта одежда более достойна сожаления, нежели нагота. И это я постараюсь доказать вот чем. Кого из самих беснующихся мы назовем более беснующимся: того ли, кто себя самого терзает, или того, кто и себя, и всех с ними встречающихся? Очевидно, последнего. Итак, беснующиеся обнажали только самих себя, а

сребролюбивые обнажают всех с ними встречающихся. Беснующиеся, скажешь, раздирают одежду? Но как желал бы каждый из обиженных сребролюбцами, чтобы лучше разодрали у него одежду, чем лишили его всего имущества! Корыстолюбивые не терзают лица? Напротив, они и это делают; если же и не все делают это, то все чрез голод и нищету производят во чреве жесточайшие болезни. Они не уязвляют зубами? Но – о, если бы они уязвляли зубами, а не стрелами корыстолюбия, которые острее зубов! «Зубы [их] – копья и стрелы» (Пс. 56:5). Кто чувствует сильнейшую боль: тот ли, кто однажды уязвлен и тотчас исцелен, или тот, кто всегда уязвляется зубами бедности? Невольная бедность хуже разжженной печи и зверей. Сребролюбцы не бегают по пустыням, подобно бесноватым? О, если бы они бегали по пустыням, а не по городам! Тогда все живущие в городах наслаждались бы безопасностью. А теперь они несноснее всех бесноватых, потому что в городах делают то, что те в пустынях, обращая города в пустыни, и похищая у всех имущество, как в пустыне, где никто этому не препятствует. Но они не бросают камнями на проходящих? Что ж? От камней легко можно предохранить себя; а кто может предохранить себя от тех ран, которые сребролюбцы наносят несчастным бедным посредством бумаги и чернил, составляя записки, наполненные бесчисленными язвами?

[8] 4. Посмотрим также, сколько зла делают сребролюбцы и самим себе. Они ходят по городу обнаженные, так как нет у них одежды добродетели. И если это не кажется им постыдным, то зависит от чрезмерного их бешенства, в силу которого они даже не чувствуют своего безобразия. Они стыдятся, если бывают обнажены телом; и напротив хвалятся, когда имеют обнаженную душу. Если хотите, я

покажу и причину такой бесчувственности. Какая же причина этого? Та, что они обнажаются между многими столь же нагими; поэтому и не стыдятся, подобно тому, как и мы не стыдимся в банях. Если бы многие были облечены добродетелью, тогда более обнаружился бы их позор. Ныне же особенно достойно горьких слез то, что по причине существования многих злых злые дела не почитаются постыдными. Дьявол, между прочими бедствиями, произвел и то, что не попускает ощущать зло, но множеством злых прикрывает гнусность зла, так как если бы злому случилось жить между многими добродетельными, то он лучше увидел бы свою наготу. Из этого видно, что сребролюбцы более обнажают себя, нежели беснующиеся. А что они ходят по пустыням, то и в этом никто не будет противоречить. Широкий и просторный путь пустее всякой пустыни, и хотя имеет многих путешественников, но не имеет ни одного человека, а только змей, скорпионов, волков, ехидн, аспидов, таковы те, которые следуют нечестию. И этот путь нечестия не только пустыня, но еще и ужаснее пустыни. Это видно из того, что не столько камни, утесы и вершины гор поражают восходящих на них, сколько грабительство и корыстолюбие поражают душу тех, которые им предаются. А что сребролюбцы живут во гробах, подобно бесноватым, или лучше, сами суть гробы, видно из следующего. Что такое гроб? Это камень, в котором положено мертвое тело. Итак, чем различаются от этих камней тела сребролюбцев? Они несчастнее даже и камней. Это не камень, вмещающий тело мертвое, но тело, которое бесчувственнее камней, и носит в себе мертвую душу. Поэтому никто не согрешит, если сребролюбцев назовет гробами. И сам Господь наш назвал таким образом иудеев, преимущественно за это; и потому

присовокупил следующие слова: «Внутри они полны хищения и» (Мф. 23:25) корыстолюбия. Хотите ли, наконец, чтобы я показал вам, как сребролюбцы поражают камнями свои головы? Скажи мне, откуда прежде ты хочешь узнать это – из настоящего или будущего их состояния? Но о будущем они мало размышляют. Следовательно, должно говорить о настоящем их состоянии. Не хуже ли всяких камней заботы, которые поражают не головы, но изнуряют души? Сребролюбцы боятся, чтобы когда-нибудь законным образом не вышло из дому их то, что вошло неправедно. Они трепещут за всякую малость, гневаются, раздражаются против домашних и против чужих. Попеременно овладевает ими то малодушие, то страх, то ярость, и они, как бы переходя с утеса на утес, каждодневно ожидают того, чего еще не получили. Вследствие этого они не наслаждаются и тем, что имеют, как потому, что не уверены в своей безопасности, так и потому, что всею мыслию устремляются к тому, чего еще не получили. И как непрестанно томящийся жаждою, хотя бы выпил бесчисленные источники, не чувствует удовольствия, потому что не насыщается, так сребролюбцы не только не ощущают удовольствия, но еще тем более мучатся, чем более получают богатства, так как их похоть не имеет никаких пределов. Таково настоящее состояние сребролюбцев! Скажем теперь и о последнем дне. Хотя они и не внимают, но нам нужно сказать. Всякий может видеть во всех местах Писания, что сребролюбцы осуждены будут на мучение в последний день. Когда Христос говорит: «Алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня» (Мф.25:42), Он осуждает на мучение сребролюбцев; и когда говорит: «Идите... в огонь вечный, уготованный диаволу»

(Мф.25:41), то посылает в огнь вечный тех, которые неправедно обогащаются. Такой же участи подвергаются и злой раб, не уделявший своим товарищам от имения господина своего (Мф. 24:46–49), и раб, закопавший в землю талант, и пять дев (Мф. 25:18); и где ни посмотришь в Писании, везде увидишь, что сребролюбивые осуждаются на мучение. То они услышат: «Между нами и вами утверждена великая пропасть» (Лк. 16:26); то: «Идите от Меня… в огонь вечный, уготованный диаволу»; то угрозу, что, будучи рассечены, пойдут они туда, где скрежет зубов; и всякий может видеть, что они отовсюду изгоняются, нигде не имеют места, кроме одной только геенны.

[9] 5. Итак, что нам пользы от правоверия для нашего спасения, когда мы услышим эти слова? Там – скрежет зубов, тьма кромешная, огонь, уготованный дьяволу, рассечение, изгнание; а здесь – вражда, злословия, клеветы, опасности, заботы, коварства, всеобщая ненависть, всеобщее презрение даже от тех, которые, по-видимому, льстят. Как добрым удивляются не только добрые, но и злые, так злых ненавидят не только добрые, но и злые. В подтверждение этой истины я желал бы спросить самих сребролюбцев: не имеют ли они ненависти друг к другу? Не почитают ли друг друга врагами более лютыми, нежели те, которые жестоко их обидели? Не осуждают ли самих себя? Не считают ли для себя обидой, когда кто-либо упрекает их в корыстолюбии? И это служит для них крайним поношением и доказательством великой их злобы. Если ты не можешь презреть богатство, то что же в таком случае будешь в состоянии победить? Похоть, чрезмерное славолюбие, ярость, гнев? И как можно кого-либо побудить к этому? Похоть телесную, гнев и ярость многие врачи

приписывают телосложению и излишествам тела. Так человека более горячего и сырого называют они похотливым, а человека имеющего сухое телосложение – раздражительным, вспыльчивым и яростным. Но никто никогда не слыхал, чтобы врачи говорили что-нибудь подобное о сребролюбии. Таким образом, болезнь сребролюбия происходит от одного нерадения и бесчувственности души. Поэтому умоляю вас, постараемся исправлять все такие недостатки, и подавлять страсти, возрастающие у нас соответственно каждому возрасту. Если же в каждую часть жизни нашей мы будем проплывать мимо трудов добродетели, везде претерпевая кораблекрушения; то, достигнув пристанища без духовных сокровищ, подвергнемся крайнему бедствию. Настоящая жизнь есть обширное море. И как в море различные заливы имеют различные бури, например, Эгейское море опасно по причине ветров, Этрурский пролив – по причине узкого места, Харибда, близ Ливии – по причине мелей, Пропонтида, у Эвксинского понта – по причине быстроты и стремительности вод, часть моря близ Гадир – по причине пустых, непроходимых и неизвестных мест, и другие части моря опасны по другим причинам, так бывает и в нашей жизни. Первым морем можно назвать детский возраст, который подвержен многим волнениям по причине неразумия, легкомыслия и непостоянства. Поэтому и приставляем мы к детям воспитателей и учителей, и попечением восполняем недостатки природы, подобно тому, как на море они восполняются искусством кормчего. За этим возрастом следует море юности, где дуют сильные ветры, как на Эгейском море, – потому что тогда усиливается в нас похоть. Этот возраст особенно неспособен для исправления, не только потому, что

подвержен сильнейшим волнениям, но и потому, что проступки не изобличаются, тогда не бывает уже учителя и воспитателя. Когда же ветры дуют сильнее, а между тем кормчий слаб, и никто не подает помощи, то представь, как опасна буря! Далее наступает возраст мужеский, в котором предстоят человеку дела хозяйственные, жена, брак, деторождение, управление домом и великое множество забот. Тогда же особенно усиливается сребролюбие и зависть. Итак, если мы в каждом возрасте будем терпеть кораблекрушение, то как же пройдем мы настоящую жизнь? Как избежим будущего наказания? Если в первом возрасте не научимся ничему разумному, в юности не будем жить воздержно, сделавшись мужами не победим сребролюбия, то придя в старость, как бы на некоторое дно корабля, и ослабив ладью души всеми этими язвами, по разрушении досок ладьи, достигнем пристани с множеством сора вместо духовных сокровищ, и возбудим в дьяволе смех, а себе причиним плач и доставим нестерпимые мучения. Итак, чтобы этого не случилось с нами, оградивши себя отовсюду и противоставши всем страстям, отвергнем пристрастие к богатству, чтобы достигнуть и будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Беседа 82

[1] «И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: приимите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов». (Мф. 26:26–28)

[2] Ослепление предателя. – Для чего Христос совершил таинство Евхаристии во время пасхи. – Значение таинства. – Для чего Христос ел и пил по воскресении. – Своим примером Христос научает начинать и кончать трапезу молитвой. – Страх и бегство учеников служат доказательством смерти Спасителя. – Почему Христос попустил падение Петра. – Для спасения необходимы как благодатная помощь, так и собственное старание. – Как должно смотреть на таинство. – В Евхаристии дается вкушение Христа. – Величие благодеяний таинства требует соответствующего расположения от приступающих. – Увещание служителям таинства испытывать достоинство причащающихся.

[3] 1. О, как велико ослепление предателя! Приобщаясь тайн, он оставался таким же, и наслаждаясь страшною трапезою, не изменялся. Это показывает Иоанн (Ин.

13:27), когда говорит, что после этого вошел в него сатана, не потому, что пренебрегал телом Господним, но издеваясь над бесстыдством предателя. Грех его велик был в двояком отношении: и потому, что он с таким расположением приступил к тайнам, и потому, что, приступивши, не вразумился ни страхом, ни благодеянием, ни честью. Христос не препятствовал ему, хотя и знал все, чтобы ты познал, что Он не оставляет ничего, что служит к исправлению. Поэтому и прежде, и после этого непрестанно вразумлял и удерживал предателя и словами, и делами, и страхом, и угрозами, и честью, и услугами. Но ничто не предохранило его от жестокого недуга. Вот почему Христос, оставив, наконец, его, чрез тайны опять напоминает ученикам о Своей смерти, и на вечери беседует о кресте, чтобы чрез частое предсказание сделать для них Свое страдание удобоприемлемым. Действительно, если они после стольких событий и предсказаний смутились, то чего не потерпели бы, если бы ничего такого не услышали? «И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил». Для чего Христос совершил это таинство во время пасхи? Для того, чтобы ты из всего познавал, что Он есть законодатель Ветхого Завета, и что написанное в этом Завете служит прообразованием новозаветных событий. Поэтому-то Христос вместе с образом полагает и самую истину. Вечер же служил знаком полноты времен и того, что дела приходили уже к концу. И «благодарит», – научая нас, как должно совершать это таинство; показывая, что Он добровольно идет на страдание; наставляя нас переносить страдания с благодарностью, и возбуждая в нас благие надежды. Если образ был освобождением от столь великого рабства, то тем более Истина освободит вселенную и предаст Себя для

спасения нашего естества. Вот почему Христос не прежде установил таинство, но когда надлежало уже упразднiться предписанному законом. Он упраздняет самый главный праздник иудеев, призывая их к другой, страшной вечери, и говорит: «Приимите, ядите: сие есть Тело Мое, за вас ломимое» (1Кор. 11:24). Каким образом ученики, услышав это, не смутились? Оттого, что Христос и прежде много важного говорил им об этом таинстве. Поэтому теперь он и не дает более наставлений относительно этого, так как они довольно уже слышали, а показывает только причину страдания, то есть, отпущение грехов. И называет кровью Нового Завета, то есть, обетования, возвещения нового закона. Это обещано было издревле, и составляет Новый Завет. И как Ветхий Завет имел овнов и тельцов, так и новый имеет кровь Господню. Этим самым Христос показывает и то, что Он претерпит смерть; потому упоминает и о завете, и вспоминает вместе о первом, так как и этот завет обновлен был кровью. Далее, опять говорит о причине Своей смерти: «Ибо сие... за многих изливаемая во оставление грехов», и прибавляет: «сие творите в Мое воспоминание». Видишь ли, как Христос отклоняет и отвращает от иудейских обычаев? Как пасху вы совершали, говорит Он, в воспоминание чудес, бывших в Египте, так и это таинство совершайте в Мое воспоминание. Кровь Ветхого Завета была изливаема во спасение первородных, а эта кровь изливается во оставление грехов всего мира: «Сие есть Кровь Моя, – говорит Он,– изливаемая во оставление грехов». Это сказал он также и для того, чтобы показать, что страдание и крест суть таинство, и этим опять утешить учеников. И как Моисей сказал: это да будет памятно для вас вечно (Исх. 3:15), так и Христос говорит: «В Мое

воспоминание», до того времени, как Я приду. Потому говорит еще: «Очень желал Я есть с вами сию пасху» (Лк. 22:15), то есть, предать вам новые установления, и даровать пасху, чтобы чрез нее сделать вас духовными. И сам пил из чаши, для того, чтобы ученики, услыша это, не сказали: что такое, мы пьем кровь и едим плоть? – и от того не смутились. (Ведь когда Христос говорил об этом, то и самыми словами многие соблазнялись). Итак, чтобы ученики и тогда не смутились, Он сам первый совершил это, побуждая их приступить к приобщению тайн без смущения. С этою-то целью Он и пил сам собственную кровь. Что же? Не должно ли, скажешь ты, совершать и древнее, и новое таинство? Ни в каком случае. Христос для того и сказал: «сие творите», чтобы отклонить от древнего. Если новое таинство дарует оставление грехов, – а оно действительно дарует, – то древнее уже излишне. Поэтому как было у иудеев, так и здесь с таинством Христос соединил воспоминание благодеяния, и этим заграждает уста еретиков. Когда они говорят: откуда известно, что Христос принес Себя в жертву? – то мы, кроме других свидетельств, заграждаем уста их и самими таинствами. Если Иисус не умер, то символом чего же служат таинства?

[4] 2. Видишь ли, как много Христос заботился о том, чтобы мы всегда вспоминали, что Он умер за нас? Так как имели явиться последователи Маркиона, Валентина и Манеса, отвергающие это строительство спасения, то Он непрестанно напоминает о страдании и чрез самые таинства, чтобы никто не был обольщен, и таким образом этою священною трапезою и спасает и, вместе, наставляет, потому что это таинство есть основание благ. Вот почему и Павел часто упоминает об этом. Затем, после установления таинства, Христос говорит: «Не буду

пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое [вино] в Царстве Отца Моего» (Мф. 26:29). Так как Он беседовал с учениками о страдании и кресте, то опять говорит и о воскресении, упоминает о царстве, называя таким образом Свое воскресение. Но для чего Он пил по воскресении? Для того, чтобы люди грубые не сочли воскресение призрачным: многие ведь поставляли это признаком воскресения. Поэтому-то апостолы для уверения в воскресении говорили: «Нам, которые с Ним ели и пили» (Деян. 10:41). Итак, желая показать ученикам, что они ясно увидят Его по воскресении, что Он опять будет с ними и что они сами будут свидетелями события и посредством видения, и посредством дел, Он говорит: «Когда буду пить с вами новое [вино]», при вашем свидетельстве; вы увидите Меня после того, как Я воскресну. А что значит: «Новое [вино]»? Новым, то есть, необыкновенным образом, не в теле подверженном страданию, но уже бессмертном, нетленном и не имеющем нужды в пище. Итак, по воскресении, Христос ел и пил не в силу необходимости, – тогда тело Его уже не нуждалось в этом, – а для удостоверения в воскресении. Но для чего по воскресении Он пил не воду, а вино? Для того, чтобы совершенно исторгнуть другую злую ересь. Так как некоторые в тайнах употребляют воду, то чтобы показать, что и при установлении таинства употреблял вино, и по воскресении, когда без таинства предлагал обыкновенную трапезу, также употреблял вино, говорит: «от плода сего виноградного». Виноградная же лоза производит вино, а не воду. «И, воспев, пошли на гору Елеонскую» (Мф. 26:30). Да слышат все те, которые, подобно свиньям, принимая пищу без молитвы, попирают чувственную трапезу и встают от нее опьянелыми, тогда как должно

оканчивать ее с благодарностью и пением. Слушайте и вы, которые не дожидаетесь окончательной молитвы при совершении тайн: эта молитва есть образ Христовой молитвы. Христос возблагодарил прежде, нежели предложил трапезу ученикам, чтобы и мы благодарили. Возблагодарил, и воспел, и после трапезы, чтобы и мы делали то же самое. Но для чего Он пошел на гору? Для того, чтобы явить Себя тем, которые хотели взять Его, чтобы не подумали, что Он скрывается; поэтому спешил идти на место, известное и Иуде. «Тогда говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне». Потом приводит пророчество: «Ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы стада» (Мф.26:31), – чтобы с одной стороны убедить учеников всегда внимать Писанию, а с другой – показать, что Он распинается по воле Божией, и чтобы из всего видно было, что Он не противник Ветхому Завету и Богу, в нем возвещаемому, что совершающееся есть дело смотрения Божия, и что все настоящие события издревле предвозвестили пророки, чтобы ученики несомненно надеялись на лучшее. Вместе с этим дает знать, каковы были ученики пред крестною смертью, и каковы после крестной смерти. Те, которые во время распятия Его не могли даже устоять, после смерти Его сделались сильны и крепче адаманта. А это самое, то есть, бегство и страх учеников, служит доказательством смерти Спасителя. В самом деле, если после столь великих событий и свидетельств некоторые бесстыдно говорят, будто Христос не распят, то в какое бы нечестие они не впали, если бы ничего такого не случилось? Поэтому не только Своими страданиями, но и состоянием учеников, а также и тайнами Христос подтверждает истину смерти Своей, посрамляя всем этим зараженных ересью Маркиона. Поэтому же и верховному апостолу попускает

отречься. В самом деле, если Он не был связан и распят, то отчего объял такой страх и этого апостола, и прочих? Впрочем, Христос не попустил им оставаться в печали, но что говорит? «По воскресении же Моем предварю вас в Галилее» (Мф.26:32). Он не является с неба тотчас же и не удаляется в какую-либо дальнюю страну, но остается среди того самого народа, среди которого был распят, и почти в тех самых местах, – чтобы и этим уверить учеников, что Он сам и распят был, и воскрес, – и тем более утешить их в печали. Потому и сказал: «В Галилее», чтобы, освободившись от страха иудеев, они поверили Его словам. Потому же Он и явился там. «Петр сказал Ему в ответ: если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь» (Мф.26:33).

[5] 3. Что ты говоришь, Петр? Пророк сказал: «Рассеются овцы»; Христос подтвердил сказанное; а ты говоришь, нет? Разве тебе не довольно того, что случилось прежде, когда ты говорил: «Будь милостив к Себе, Господи» (Мф. 16:22) – и был обличен? Христос попускает пасть Петру для того, чтобы научить его во всем повиноваться Ему, и определение Его почитать вернейшим собственного суждения. Да и прочие получили немало пользы от его отвержения, познавши немощь человеческую и истину Божию. Когда сам Бог предсказал что-нибудь, то не должно уже оспаривать этого, и восставать против многих. «Похвалу», – говорит апостол, ты будешь иметь «только в себе, а не в другом» (Гал. 6:4). Надлежало бы молиться и говорить: помоги нам не разлучаться; а он надеется на самого себя и говорит: «Если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь», – т. е. хотя бы все потерпели это, но я не потерплю, – что мало-помалу приводило его к гордости. Желая удержать его от этого, Христос и попустил отвержение. Так как

Петр не внимал словам ни Христа, ни пророка (хотя Христос для того и привел свидетельство пророка, чтобы ученики не противоречили), то он научается самыми делами. А что Христос попустил Петру отвергнуться для того, чтобы исправить в нем этот порок, – послушай, что Он говорит: «Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя» (Лк. 22:32). Это сказал Он для того, чтобы сильно тронуть его и показать, что его падение опаснее падения прочих, и требует большей помощи. В самом деле, здесь было два преступления: во-первых, то, что он противоречил, во-вторых, то, что ставил себя выше других; или лучше сказать, было и третье преступление – то, что он все приписывал самому себе. Итак, для уврачевания этого Христос и попустил падение; и потому, оставивши прочих, обращается к Петру: «Симон!, – говорит Он, – Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу» (Лк. 22:31), – то есть, возмущал, колебал, искушал; «Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя». Но почему же, если сатана просил всех, Христос не сказал: «молился за всех»? Не очевидно ли, что и это имеет ту же цель, о которой я говорил выше, то есть, что Христос обращает слово Свое к Петру, чтобы тронуть его и показать, что его падение опаснее падения прочих? Почему тоже не сказал Он: Я не попустил, но – «молился»? Идя на страдание, Он говорил смиренно, чтобы показать Свое человечество. Тот, который создал Церковь на исповедании Петра и так оградил ее, что бесчисленные опасности и смерти не одолеют ее, Который дал ему ключи царствия небесного, вручил столь великую власть и, для совершения этого, не имел нужды в молитве (не сказал тогда: «молился», но со властью сказал: «Создам Церковь Мою» и: «и дам тебе ключи Царства Небесного» (Мф. 18:18–19), каким образом

нуждался в молитве для утверждения колеблющейся души одного человека? Почему же сказал так? По той причине, о которой я говорил, и по причине немощи учеников Своих, так как они еще не имели надлежащего о Нем понятия. Как же Петр отрекся? Христос не сказал: чтобы ты не отрекся, но – чтобы не оскудела вера, чтобы он не погиб совершенно. И это было делом попечения Христова. Действительно, безмерный страх, объявший Петра, все рассеял; а безмерным этот страх был потому, что Бог совершенно лишил его Своей помощи; а лишил помощи потому, что в нем была сильна страсть гордости и противоречия. Итак, для совершенного истребления этой страсти, Бог допустил столь сильному страху объять Петра. А что эта страсть была в нем сильна, видно из того, что он не удовольствовался тем, что прежде противоречил и пророку, и Христу, но и после того, когда Христос сказал ему: «Истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня», – говорил: «Хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя» (Мф. 26:34–35). Лука же (Лк. 22:33–34) прибавляет, что чем более Христос опровергал, тем более Петр противоречил. Что значит это, Петр: когда Христос говорил: «Один из вас предаст Меня», ты боялся, чтобы не быть предателем, и побуждал ученика спросить, хотя ничего подобного не сознавал в себе; а теперь, когда Он ясно провозглашает и говорит: «Все вы соблазнитесь», ты противоречишь, и не однажды только, а дважды и много раз? Так именно говорит Лука. Отчего же это случилось с ним? От великой любви, от великой радости. Когда он освободился от того страха относительно предательства, и узнал предателя, то говорил уже с дерзновением и, возвышая себя над другими, заявлял: «Если и все соблазнятся о Тебе, я

никогда не соблазнюсь». Зависело это отчасти и от честолюбия, так как на вечери ученики рассуждали о том, кто из них больше: так мучила их эта страсть. Вот почему Христос уничижил Петра, не с тем, чтобы побудить его к отвержению, – да не будет, – но чтобы, оставив его лишенным помощи, показать слабость человеческой природы. Смотри, как после этого он сделался кроток: когда, по воскресении, сказал: «А он что» (Ин. 21:21)? – и был остановлен, то не осмелился уже противоречить, как здесь, но умолчал. Также и при вознесении, когда услышал: «Не ваше дело знать времена или сроки» (Деян. 1:7), опять молчал и не противоречил. И после этого, когда на горнице, и при видении плащаницы, услышал голос, говорящий ему: «Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым» (Деян. 10:15), – и еще не знал ясно, что значат эти слова, – молчал и не спросил.

[6] 4. Все это было следствием падения. Прежде этого Петр все приписывал себе, говоря: «Если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь... хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя», тогда как надлежало бы сказать: если получу от Тебя помощь. Но после падения он говорит совершенно противное: «Что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит» (Деян. 3:12)? Отсюда мы научаемся той великой истине, что недостаточно бывает собственного старания человека, если он не получит высшей помощи; и наоборот, что мы не получим никакой пользы от высшей помощи, если не будет у нас собственного старания. То и другое доказывают Иуда и Петр. Первый, получивши много помощи, не получил никакой пользы, потому что не захотел, и не приложил собственного старания; а последний и при собственном старании пал, потому что

не получил никакой помощи. Добродетель слагается из этих двух принадлежностей. Поэтому я умоляю, чтобы вы, предоставляя все на волю Божию, не предавались усыплению, и чтобы при собственном старании не думали, что вы все совершаете собственными трудами. Богу не угодно, чтобы мы были нерадивы, а потому Он не все сам совершает; равно не угодно Ему и то, чтоб мы были самонадеянны, вследствие чего не все нам дал, но, из того и другого, отнявши вредное, оставил нам полезное. Поэтому же попустил пасть и верховному апостолу, чтобы сделать его кротким и возбудить к большей любви. Кому больше, сказано, оставится, больше возлюбит (Лк. 7:47). Итак, будем во всем повиноваться Богу, и ни в чем не будем противоречить, хотя бы слова Его казались противными нашим мыслям и взглядам; но пусть управляет слово Его нашими мыслями и взглядами. Таким же образом будем поступать и в таинствах, обращая внимание не на внешность только, но содержа в уме своем слова Христовы. Слово Его непреложно, а наше чувство легко обольщается. Первое никогда не погрешает, а последнее часто обманывается. Поэтому когда Христос говорит: «Сие есть Тело Мое», то убедимся, будем верить и смотреть на это духовными очами. Христос не передал нам ничего чувственного, но все духовное, только в чувственных вещах. Так и в крещении: чрез чувственную вещь, воду, сообщается дар, а духовное действие состоит в рождении и обновлении. Если бы ты был бестелесен, то Христос сообщил бы тебе эти дары бестелесно; но так как душа твоя соединена с телом, то духовное сообщает тебе через чувственное. Как многие ныне говорят: желал бы я видеть лицо Христа, образ, одежду, обувь! Вот, ты видишь Его, прикасаешься к Нему, вкушаешь Его. Ты желаешь видеть одежды Его, а Он дает

тебе самого Себя, и не только видеть, но и касаться, и вкушать, и принимать внутрь. Итак, никто не должен приступать с небрежением, никто с малодушием, но все с пламенною любовью, все с горячим усердием и бодростью. Если иудеи ели агнца с поспешностью, стоя и имея сапоги на ногах и жезлы в руках, то гораздо более тебе должно бодрствовать. Они готовились идти в Палестину, а потому и имели вид путешественников; ты же готовишься идти на небо.

7 5. Поэтому должно всегда бодрствовать, – немалое предстоит наказание тем, которые недостойно приобщаются. Подумай, как ты негодуешь на предателя и на тех, которые распяли Христа. Итак, берегись, чтоб и тебе не сделаться виновным против тела и крови Христовой. Они умертвили всесвятое тело; и ты принимаешь его нечистою душою после столь великих благодеяний. В самом деле, Он не удовольствовался лишь тем, что сделался человеком, был заушен и умерщвлен; но Он еще сообщает Себя нам, и не только верою, но и самым делом делает нас Своим телом. Насколько же чист должен быть тот, кто наслаждается этою жертвою? Насколько чище лучей солнечных должны быть – рука, раздробляющая эту плоть, уста, наполняемые духовным огнем, язык, обагряемый страшною кровью? Помысли, какой чести ты удостоен, какою наслаждаешься трапезою! При виде чего трепещут ангелы, и на что не смеют взглянуть без страха, по причине сияния, отсюда исходящего, тем мы питаемся, с тем сообщаемся и делаемся одним телом и одною плотью со Христом. «Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его» (Пс. 105:2)? Какой пастырь питает овец собственными членами? Но что я говорю – пастырь? Часто бывают такие матери, которые новорожденных младенцев отдают

другим кормилицам. Но Христос не потерпел этого, но Сам питает нас собственною кровью, и через все соединяет нас с Собою. Размысли же, что Он родился от нашего естества. Но ты скажешь: это не ко всем относится. Напротив, ко всем. Если Он пришел к нашему естеству, то очевидно, что пришел ко всем; а если ко всем, то и к каждому в отдельности. Почему же, ты скажешь, не все получили от этого пользу? Это зависит не от Того, Который благоволил совершить это для всех, но от тех, которые не восхотели. С каждым верующим Он соединяется посредством тайн, и сам питает тех, которых родил, а не поручает кому-либо другому; и этим опять уверяет тебя в том, что Он принял твою плоть. Итак, удостоившись такой любви и чести, не будем предаваться беспечности. Не видите ли, с какою готовностью младенцы берут сосцы, с каким стремлением прижимают к ним уста свои? С таким же расположением и мы должны приступать к этой трапезе и к сосцу духовной чаши, – или лучше сказать, мы с большим еще желанием должны привлекать к себе, подобно грудным младенцам, благодать Духа; и одна только у нас должна быть скорбь – та, что мы не приобщаемся этой пищи. Действия этого таинства совершаются не человеческою силою. Тот, Кто совершил их тогда, на той вечери, и ныне совершает их. Мы занимаем место служителей, а освящает и претворяет дары сам Христос. Да не будет здесь ни одного Иуды, ни одного сребролюбца. Если кто не ученик Христов, то пусть удалится; трапеза не допускает тех, которые не таковы. «С учениками Моими», – говорит Христос, – «совершу пасху» (Мф. 26:18). Это та же самая трапеза, которую предлагал Христос, и ничем не менее той. Нельзя сказать, что ту совершает Христос, а эту человек; ту и другую совершает сам Христос. Это место есть та

самая горница, где Он был с учениками; отсюда они вышли на гору Елеонскую. Выйдем и мы туда, где простерты руки нищих; это именно место есть гора Елеонская; множество же нищих – это маслины, насажденные в доме Божием, источающие елей, который будет полезен для нас там, который имели пять дев, и которого не взявши, другие пять погибли. Взявши этот елей, войдем, чтобы нам с горящими светильниками выйти на встречу Жениха. Взявши этот елей, выйдем отсюда. Не должен приступать сюда ни один бесчеловечный, ни один жестокий и немилосердый, словом ни один нечистый.

[8] 6. Это говорю вам, которые приобщаетесь, и вам, которые служите. Нужно побеседовать и с вами, чтобы вы со многим тщанием разделяли эти дары. Не малое наказание ожидает вас, если вы, признавши кого-либо нечестивым, позволите причаститься этой трапезы. Кровь Его взыщется от рук ваших. Хотя бы кто был полководец, хотя бы высший начальник, хотя бы сам царь, носящий диадему, но если приступает недостойно, то запрети ему: ты имеешь больше власти, нежели он. Если бы тебе поручено было сохранять в чистоте источник воды для стада, и ты увидел овцу, имеющую на устах много грязи, то не позволил бы ей наклониться и возмутить источник. Но теперь вручен тебе источник не воды, а крови и Духа, – и ты, видя некоторых имеющих грех, который хуже земли и грязи, и приступающих к этому источнику, не вознегодуешь, не воспрепятствуешь? Какое ты можешь получить прощение? Для того Бог удостоил вас этой чести, чтобы вы разбирали такие дела. В этом состоит ваше достоинство, ваша важность, ваш венец, а не в том, чтобы вы облекались в белую и блистательную одежду. Но как, скажешь, я могу знать того и другого? Я говорю не о

неизвестных, но о известных людях. Скажу нечто более страшное: не столько опасно приступать к этому таинству бесноватым, сколько тем, которые, как говорит Павел, попирают Христа, кровь завета не почитают за святыню, и ругаются над благодатию Духа (Евр. 10:29). Приступающий во грехах хуже бесноватого. Последний не наказывается, потому что он беснуется; а приступающий недостойно предается вечному мучению. Итак, будем удалять не только бесноватых, но и всех, которых увидели бы недостойно приступающими. Никто не должен приобщаться, если он не из числа учеников Христовых. Никто не должен принимать дары, подобно Иуде, чтобы не потерпеть участь Иуды. Это собрание верующих есть также тело Христово. Поэтому ты, служитель таинств, смотри, чтобы тебе не раздражить Владыку, если не будешь очищать это тело, смотри, чтобы не дать меча, вместо пищи. Но хотя бы кто и по неразумию пришел для причащения, воспрети ему, – не бойся. Бойся Бога, а не человека. Если будешь бояться человека, то от Бога будешь уничижен; а если будешь бояться Бога, то и от людей почитаем. Если ты сам не смеешь, то приведи ко мне: я не позволю этой дерзости. Скорее предам душу свою, нежели причащу крови Господней недостойного; скорее пролью собственную кровь, нежели причащу столь страшной крови того, кого не должно. Если же кто после многих испытаний не найдет недостойного, то не будет виновен. Это сказано мною об известных людях. Если мы исправим этих, то Бог и неизвестных скоро соделает нам известными. Если же мы оставим без внимания известных нам, то для чего Ему делать других нам известными? Это говорю я не для того, чтобы мы только удаляли и отсекали, но для того, чтобы мы исправляли и возвращали их, чтобы имели попечение о них. Таким образом мы и

Бога умилостивим, и найдем много достойных причастников, и получим за свое старание и попечение о других великую награду, которой да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Беседа 83

[1] «Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там. И, взяв с Собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать. Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною». (Мф. 26:36–38)

[2] Образ и цель молитвы Спасителя. – Страдание Христа не следствие Его вины или необходимости, а дело божественного промышления. – Снисхождение и кротость Христа усиливает вину предателя. – Сребролюбие подвергает опасностям и скорбям, лишает удовольствий и усиливает недуги телесные и душевные. – В чем состоит истинное украшение и истинное безобразие дома.

[3] 1. Так как ученики неразлучно были со Христом, то Он и говорит им: «Посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там». Он имел обыкновение молиться без них. Делал же это Он для того, чтобы и нас научить доставлять себе во время молитвы безмолвие и совершенный покой. С Собою берет только троих, и говорит им: «Душа Моя скорбит смертельно». Для чего Он не взял всех? Для того, чтобы они не подверглись падению, и взял только тех, которые были зрителями Его славы. Но и этих он оставляет. «И, отойдя немного», молится, говоря: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я

хочу, но как Ты. И приходит к ученикам и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26:39–41). Не без причины Он обращается особенно к Петру, тогда, как и другие ученики также спали; но и здесь укоряет его по той же причине, которую я указал раньше. Потом, так как и прочие то же самое говорили, – когда Петр сказал: «Хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя», свидетельствует евангелист: «Подобное говорили и все ученики», – то обращается ко всем и обличает их слабость. Те, которые прежде решались умереть с Ним, теперь не могли бодрствовать и сострадать Ему в Его скорби, но побеждены были сном. Он же прилежно молится, чтобы это действие не показалось притворством. По той же причине истекает из Него и пот, чтобы еретики не сказали, что Его скорбь была лицемерною. Поэтому и пот истекает из Него в виде каплей крови, и для подкрепления Его явился ангел; и было много других признаков страха, чтобы кто не сказал, что это слова ложные. По этой же причине Он и молится. А когда говорит: «Если возможно, да минует Меня», то показывает этим Свое человеческое естество; словами же: «Впрочем не как Я хочу, но как Ты», показывает Свое мужество и твердость, научая нас повиноваться Богу, несмотря на противодействие природы. А так как для неразумных не довольно выражать скорбь на одном лице, то Он прибавляет и слова. Опять, так как недостаточно было одних слов, а требовались сами действия, то Он со словами соединяет и само дело, чтобы самые притязательные противники поверили, что Он и вочеловечился, и умер. Если и при всех этих знамениях находятся такие люди, которые не верят этому, то тем

более не поверили бы, если бы ничего такого не было. Смотри, какими знамениями Он доказывает истину благодатного строительства? И словами, и страданиями. Затем, придя к ученикам, говорит Петру: «Не мог ты бодрствовать один час» со Мною (Мк. 14:37)? Все спали, между тем Он обличает Петра, напоминая ему прежние его слова. Слово: «со Мною» Он употребил здесь не без причины, и как бы так сказал: ты не можешь со Мною бодрствовать; как же положишь за меня душу? То же самое выражается и в следующих словах: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение». Смотри, как и здесь Он учит их не гордиться, но смирить мысль свою и сердце, и предать все Богу! То обращается к Петру, то ко всем вместе. Именно говорит одному ему: «Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас..., но Я молился о тебе» (Лк. 22:31–32). А всем: молитесь, «чтобы не впасть в искушение», – везде сокрушая их гордость, и заставляя заботиться о себе. Далее, чтобы обличение Его не показалось жестоким, прибавляет: «дух бодр, плоть же немощна». Хотя ты, говорит Он, и желаешь презреть смерть, однако не можешь, пока Бог не поможет тебе, потому что все плотское унижает дух. И снова молился о том же, говоря: «Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя» (Мф. 26:42), – показывая тем, что Он совершенно согласуется с волею Божиею, и что во всем должно сообразоваться с нею и искать ее. «И, придя, находит их опять спящими» (Мф. 26:43). Кроме того, что тогда была глубокая ночь, очи их были еще отягчены печалью. И отойдя от них, в третий раз помолился, сказав то же самое, чтобы подтвердить, что Он был совершенный человек. Слова: во второй раз и в третий раз, в Писании употребляются для означения несомненной

достоверности чего-либо. Так Иосиф говорит фараону: во второй раз тебе явился сон ради истины и чтобы уверить тебя, что это действительно исполнится (Быт. 41:32). Поэтому и Христос говорит то же самое и в первый, и во второй и в третий раз, для того, чтобы уверить в Своем домостроительстве. Для чего Он приходит во второй раз? Для того, чтобы обличить их в том, что так погрузились в печаль, что не чувствовали даже Его присутствия. Впрочем, Он не стал обличать более, но несколько удалился от них, обнаруживая этим их великую слабость, когда они несмотря и на обличение не могли бодрствовать. А не разбудил их и не обличает снова для того, чтобы не поразить еще более уже пораженных, но отошедши от них, помолился еще, и возвратившись, сказал: «Вы все еще спите и почиваете» (Мф. 26:45)? Хотя это время надлежало бодрствовать, но Христос, желая показать, что они не перенесут зрелища бедствий и рассеются от ужаса, что Он не имеет нужды в их помощи, и что Он необходимо должен быть предан, говорит: «Вы все еще спите и почиваете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников». Этим Он снова показывает, что все происходившее с Ним было делом домостроительства.

4 2. Не только первые слова, но и следующие – «в руки грешников», – служат к ободрению их духа, показывая, что совершающееся над Ним есть дело злобы грешников, а не Его вины в каком-либо грехе. «Встаньте, пойдем: вот, приблизился предающий Меня» (Мф. 26:46). Всем этим Он научает их, что происходившее есть дело не необходимости, и не немощи, но некоторого высочайшего промышления. Он предвидел, что придет Его предатель, и не только не бежал, но пошел даже навстречу. «И, когда еще говорил Он, вот Иуда, один из двенадцати, пришел, и

с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и старейшин народных» (Мф. 26:47). Хороши же орудия у священников! Они идут с мечами и дреколием. И Иуда, сказано, с ними, один из двенадцати учеников. Евангелист опять называет его одним из двенадцати, и не стыдится. «Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его» (Мф. 26:48). О, какое злодеяние взял на душу свою Иуда! Какими глазами он смотрел тогда на Учителя? Какими устами лобызал Его? О, преступная душа! Что он умыслил, на что отважился? Какое дал знамение предательства? «Кого я поцелую», сказал он; он надеялся на кротость Учителя; а между тем более всего и должно было посрамить его и лишить всякого извинения то, что он предал столь кроткого Учителя. Но для чего же, ты скажешь, он дал знак? Для того, что Иисус часто, когда Его брали, удалялся от них невидимо. И в этом случае могло быть то же самое, если бы Он сам не восхотел предаться. Желая вразумить Иуду, Он ослепил пришедших взять Его и сам спросил их: «Кого ищете» (Ин. 18:4)? Но они не узнали Его, хотя были с факелами и светильниками и имели с собою Иуду. Потом, когда отвечали: «Иисуса», тогда Он сказал им: «Это Я», его же ищете; и, обращаясь к Иуде, говорит ему: «Друг, для чего ты пришел» (Мф. 26:50)? Таким образом позволил взять Себя тогда уже, когда показал Свое могущество. А евангелист Иоанн повествует, что и в этот самый час Христос старался вразумить Иуду, говоря: «Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого» (Лк. 22:48)? Не стыдно ли тебе предавать таким образом? Впрочем, так как Он ему не воспрещал и этого, то и допустил лобзание, и сам Себя добровольно предал. И враги возложили на Него руки и взяли в ту самую ночь, в

которую совершали пасху. Так они раздражены были, так неистовствовали. Впрочем, они ничего бы не могли сделать, если бы Он сам не попустил этого. Но это не освобождает Иуду от ужасного наказания, а подвергает его гораздо большему осуждению, потому что он, видя столь великое доказательство и могущества, и снисхождения, и смирения, и кротости своего Учителя, оказался лютее всякого зверя. Итак, зная это, будем избегать любостяжания. Оно именно тогда довело Иуду до неистовства; оно научает крайней жестокости и бесчеловечию тех, которыми обладает. В самом деле, если оно заставляет отказываться от собственного спасения, то тем более располагает к пренебрежению спасением других. И страсть эта настолько сильна, что иногда превозмогает над самым сильнейшим плотским вожделением. Поэтому с большим стыдом упоминаю, что многие удерживались от распутства потому только, что жалели денег, а между тем не хотели жить целомудренно и честно по страху Христову. Будем же бегать любостяжания, – я не перестану никогда говорить об этом. Для чего ты, человек, собираешь золото? Зачем налагаешь на себя столь тяжкое рабство, столь трудное попечение, столь сильную заботу? Положим, что тебе принадлежало бы все золото, скрытое и в рудниках, и в царских чертогах. Обладая таким множеством золота, ты стал бы только беречь его, а не пользоваться им; если ты и теперь не пользуешься тем, что имеешь, но бережешь как чужое, то тем более стал бы поступать так, если бы имел больше. Обыкновенно сребролюбцы, чем более имеют, тем более берегут свое имение. Но, я знаю, – скажешь ты, – что это мое. Следовательно, твое приобретание состоит только в одной мысли, а не в употреблении. Но при богатстве, – ты скажешь, – меня

будут бояться другие. Напротив, чрез это ты станешь более доступным и для богатых и для нищих, для разбойников, клеветников, рабов и вообще всех коварных людей. Если хочешь быть страшным, то уничтожай причины, по которым могут уловить и оскорблять тебя все, которые стремятся к этому. Ужели ты не слыхал пословицы: нищего и неимущего не могут ограбить и сто человек? Бедность служит ему сильным защитником, которого не может взять и покорить даже сам царь.

[5] 3. Между тем сребролюбцу все причиняют скорбь: не люди, но и моль, и черви против него вооружаются. И что говорю – моль? Одно только время, без других причин, может нанести величайший вред сребролюбцу. Итак, какое же удовольствие в богатстве? Я вижу одни горести; покажи ты мне от него удовольствие! Но какие горести, ты скажешь? Заботы, наветы, вражда, ненависть, страх, ненасытная жадность и печаль. Если бы кто имел вожделение к какой-либо любезной ему девице, и между тем не мог бы удовлетворить своему вожделению, то терпел бы от этого жестокое мучение; так бывает и с богатым: хотя он имеет бесчисленные сокровища и живет только ими, однако, не может удовлетворить всего своего желания; с ним бывает то же самое, что говорит Премудрый: «пожелание евнуха растлить девицу» (Сир. 20:4), и «подобен евнуху, который обнимает девицу и вздыхает» (Сир. 30:21), – так и все богатые. Но кто может исчислить и другие неприятности, соединенные с богатством? Как всем несносен сребролюбец: слугам, земледельцам, соседям, правителям, обижаемым, необижаемым, особенно жене, а более всех – детям? Он воспитывает их не как свободнорожденных, но хуже, чем рабов и невольников. Он имеет бесчисленные случаи навлекать на себя гнев, оскорбления, ярость, смех других,

служа для всех предметом посмеяния. Вот сколько у него неприятностей! И может быть еще более, потому что нельзя всех исчислить, но один только опыт может показать их. Скажи же теперь ты: какое удовольствие получаешь от богатства? Ты скажешь: меня считают богатым. Но какое удовольствие считаться богатым? Ведь имя богатого составляет предмет зависти; а богатство – одно имя, не имеющее ничего существенного. Но богатый таким мнением о себе услаждается? Услаждается тем, о чем бы надлежало скорбеть. Почему же, ты скажешь, скорбеть? Потому что это делает его ни к чему негодным, малодушным, немужественным в путешествиях и в смерти. Предпочитая богатство всему, он любит более деньги, нежели свет солнечный. Его не веселит ни небо, потому что оно не приносит ему золота, ни солнце, потому что оно не испускает золотых лучей. Но есть такие, ты скажешь, которые наслаждаются имуществом, удовлетворяя прихотям и чреву, предаваясь пьянству и употребляя на это огромные издержки. Ты указываешь мне на богачей, которые еще хуже тех, так как они-то более всего и не наслаждаются своим богатством. Богач, о котором я говорил, будучи предан одной страсти, по крайней мере, свободен от других пороков; а эти хуже его, потому что, кроме той страсти, порабощаются еще множеству других: служат каждый день, как лютым владыкам, чреву, сладострастию, пьянству и другим видам невоздержания; содержат блудниц, делают великолепные пиры, покупают себе тунеядцев, льстецов, унижаются до противоестественного вожделения, и этим причиняют душе и телу бесчисленные болезни. Они тратят свое богатство не на нужное, но на то, что вредит телу, а вместе с ним развращает и душу, и поступают точно так же, как если бы кто, украшая тело свое, думал,

что он тратит имущество для своей пользы. Таким образом, только тот один получает удовольствие от своего богатства и бывает господином его, кто пользуется им надлежащим образом. А те, о которых мы говорили, суть рабы его и невольники, так как усиливают недуги телесные и болезни душевные. Что за наслаждение там, где стеснение, вражда и возмущение свирепее всякой морской бури? Если богатство достается глупым, то оно делает их еще глупее; если распутному, то – распутнее. Но какая, ты скажешь, польза бедному от благоразумия? Тебе естественно не знать: ведь и слепой не знает, какую пользу доставляет свет. Послушай, что говорит Соломон: «Преимущество мудрости перед глупостью такое же, как преимущество света перед тьмою» (Еккл. 2:13). Но как нам вразумить человека, пребывающего во тьме? А сребролюбие есть истинная тьма, так как оно препятствует видеть вещи, каковы они сами в себе, и представляет их в другом виде. Как находящийся во тьме, хотя бы и имел пред собою золотой сосуд, или драгоценный камень, или пурпуровую одежду, счел бы все это за ничто, потому что он не видит их красоты, так и сребролюбец не видит, как должно, красоты вожделенных благ. Рассей мрак, происходящий от этого недуга, и тогда увидишь вещи в их существе: они никогда так не открываются, как в бедности; никогда так не обнаруживается ничтожность того, что кажется чем-то существующим, но, в самом деле, есть ничто, как при жизни строгой и умеренной.

[6] 4. Но, о, бессмысленные! – вы, которые клянете нищих и говорите, что стыдно взглянуть на их дома, на их образ жизни, что от нищеты все делается гнусным, скажите мне, что составляет посрамление для дома? Ужели то, что нет в нем ложа из слоновой кости, или серебряных

сосудов, а все сделано из глины и дерева? Но это-то и составляет величайшую славу и знатность дома. Когда не заботятся о вещах житейских, тогда часто всю заботу и попечение обращают на пользу души. Поэтому когда замечаешь большую заботливость о внешности, тогда стыдись этого, как великого безобразия. Дома богатых особенно безобразны. В самом деле, когда ты видишь дом, в котором столы накрыты коврами, ложи украшены серебром, как в театре, как на сцене, что может сравниться с таким безобразием? Какой дом более уподобляется части театра, назначенной для плясок, или тому, что здесь происходит: дом ли богатого, или дом бедного? Не очевидно ли, что дом богатого? Таким образом этот дом преисполнен безобразия. А какой дом подобен дому Павла, или Авраама? Без сомнения, дом бедного. Поэтому-то он особенно красив и знатен. А чтобы тебе увериться в том, что бедность служит особенно украшением дома, войди в дом Закхея и узнай, как он украшал его, когда хотел посетить его Христос: он не побежал к соседям просить у них ковров, седалищ из слоновой кости, не вынимал из кладовых драгоценных покрывал, но украсил весь дом украшением, приличным Христу. Какое же это украшение? «Господи! половину имения моего я отдам нищим, – говорит он, – и, если кого чем обидел, воздам вчетверо» (Лк. 19:8). Так и мы должны украшать дома, чтобы и нас посетил Христос. Это-то и есть ковры драгоценные; они приготовляются на небе, там ткутся. Где есть это, там присутствует и Царь небесный. Если же ты украшаешь чем-либо иным, то призываешь к себе дьявола и его служителей. Христос был и в доме мытаря Матфея (Мф. 9:10). Что же этот сделал? Прежде всего, украсил себя усердием, потом тем, что оставил все и последовал за Иисусом. Так и Корнилий

украшал дом свой молитвами и милостынями; а потому и доныне блистает он более, нежели царские чертоги. Подлинно, безобразие дома состоит не в том, что в нем сосуды лежат в беспорядке, ложе не убрано, стены закопчены дымом, – а в грехах живущих в нем. Это ясно показывает Христос: Он не постыдился войти в подобный дом, когда в нем жил человек честный; напротив, в другой дом, хотя бы в нем был золотой потолок, никогда не войдет. Поэтому тот дом, который принимает Владыку всех, блистательнее царских палат; а этот, с золотым потолком и с золотыми столбами, подобен нечистым стокам и водопроводам, потому что украшен сосудами дьявольскими. Впрочем, сказанное мною относится не вообще к богачам, пользующимся богатством по надлежащему, но к скупым и сребролюбивым людям, которые заботятся не о нужном, но о пресыщении чрева, о вине и других подобных мерзостях, тогда как в доме бедном заботятся только о строгой жизни. Вот почему Христос никогда не входил в блистательный дом, но был в доме мытаря, начальника мытарей и рыбаря, оставив царские палаты и тех, которые облекались в дорогие одежды. Итак, если и ты желаешь призвать Его в свой дом, то укрась последний милостынями, молитвами, всенощными бдениями и усердным молением. Это и составляет украшение для Царя Христа, а внешняя пышность есть украшение для мамоны, врага Христова. Итак, никто пусть не стыдится иметь бедный дом, если в нем есть такие украшения; равно никто из богатых пусть не гордится великолепным домом, напротив, пусть стыдится, и, оставив его, пусть поревнует о первом, чтобы и на земле принять Христа, и на небе удостоиться вечных селений благодатию и человеколюбием Господа нашего

Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 84

[1] «И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященника, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? как же сбудутся Писания, что так должно быть?» (Матф. 26:51–54)

[2] Для чего Христос повелел ученикам иметь мечи и мех. – Почему Он воспретил ученикам защищаться. – Доказательства добровольного предания. – Беззаконность суда над Христом. – Почему хотели предать Христа публичной смерти. – Коварство само себя обличает. – Не всегда должно искать победы. – Истинная победа дается терпением. – Пример Иосифа.

[3] 1. Кто этот один, урезавший ухо? Евангелист Иоанн говорит, что это Петр (Иоан. 18:10). Такой поступок был делом его пылкости. Но нужно исследовать, для чего ученики Иисуса носили ножи? А что они носили их с собой, это видно не только из настоящего обстоятельства, но еще из их ответа, что у них есть два меча. Для чего же позволил им Христос иметь мечи? Евангелист Лука повествует, что когда Христос спросил их: «когда Я посылал вас без мешка и без сумы и без обуви, имели ли вы в чем недостаток»? и когда они отвечали: «ни в чем»,

тогда Он сам сказал им: «но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч»; и когда они на это отвечали: «вот, здесь два меча», тогда Он сказал им: «довольно» (Лук. 22:35–36, 38). Итак, для чего же Он позволил им иметь мечи? Чтобы уверить их, что он будет предан. Поэтому и говорит им: «купи нож», не для того, чтобы вооружились; нет, но чтобы этим указать на предательство. Для чего, опять ты спросишь, Он повелел иметь меч? Он учил их тем трезвиться, бодрствовать и иметь самим о себе великую заботу. Вначале Он держал их, как неопытных, под охранением Своего могущества, а теперь, выпустив их как птенцов из гнезда, велит им самим летать. Далее, для того, чтобы они не подумали, будто Он оставляет их по слабости Своей, повелевая и им действовать самостоятельно, Он напоминает им о прошедшем, говоря: «когда Я посылал вас без мешка, имели ли вы в чем недостаток»? Он хочет уверить их в Своей силе и тем, что Он прежде поддерживал их, и тем, что ныне не вдруг оставляет. Но откуда были у них мечи? Они шли прямо с вечери после трапезы; вероятно, поэтому, там для агнца были и ножи; когда же они услышали, что на Иисуса будет сделано нападение, то и взяли с собой эти ножи для защиты своего Учителя; но это они сделали только по своей воле. Поэтому-то Христос и упрекает Петра, и притом со страшной угрозой, за то, что он употребил меч в отмщение пришедшему рабу, хотя он поступил так горячо в защиту не самого себя, а своего Учителя. Но Христос не допустил, чтобы от этого произошел какой-либо вред. Он исцелил раба, и сделал великое чудо, которое могло открыть и Его кротость, и могущество, а равно и нежность любви, и покорность ученика, потому что тот поступок был свидетельством его любви, а этот

послушания. Когда он услышал: «вложи меч в ножны» (Иоан. 18:11), то тотчас повиновался и впоследствии никогда не делал этого. Другой же евангелист повествует, что ученики спрашивали Его: «не ударить ли нам мечом» (Лук. 22:49)? Но Христос воспретил это, и исцелил раба, а ученику возбранил еще с угрозой, для того, чтобы более вразумить его: «ибо все», говорит Он, «взявшие меч, мечом погибнут». И приводит основание, говоря: «или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов»? Но «как же сбудутся писания»? Этими словами Он остановил их горячность, показывая, что случившееся с ним соответствует и Писанию. Поэтому Он и там молился, чтобы они с покорностью перенесли случившееся с Ним, зная, что это совершается по воле Божьей. Итак, двумя причинами Он хотел успокоить учеников: во-первых, угрозой наказания тем, которые начинают нападение: «ибо все», сказал Он, «взявшие меч, мечом погибнут»; во-вторых, тем, что Он терпит это добровольно: могу, говорит Он, «умолить Отца Моего». Но почему Он не сказал: неужели вы думаете, что Я не могу погубить их? Потому что первые Его слова были гораздо убедительнее; а ученики Его не имели еще о Нем надлежащего понятия. Некоторое время назад Он говорил: «душа Моя скорбит смертельно», и еще: «Отче, да минует Меня чаша», и был в скорби и поте, и укрепляем от ангела. Итак, вследствие того, что Он показывал в Себе много человеческого, Ему не поверили бы, если бы Он сказал: неужели вы думаете, что Я не могу погубить их? Поэтому и говорит: «или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего»? Но и здесь опять показывает смирение, когда говорит: «представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов». Если один

ангел поразил сто восемьдесят пять тысяч вооруженных (4Цар. 19:35), то неужели нужно было Христу двенадцать легионов ангелов против тысячи человек? Нет! Он так сказал по причине страха и слабости учеников Своих, так как они от страха омертвели. Поэтому же Он ссылается и на Священное Писание: «как же сбудутся писания»? и этим устрашая их. Если происходящее со Мной подтверждается Священным Писанием, то для чего вы сопротивляетесь?

4 2. Так говорил Христос ученикам Своим, а врагам, напавшим на Него, сказал: «как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня; каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня» (Матф. 26:55). Смотри, сколько Он делает такого, что могло вразумить их: то повергает их на землю, то исцеляет ухо рабу, то угрожает им убийством. «Мечом погибнут», говорит Он, «взявшие меч», – что самое и подтвердил исцелением уха; везде, и в настоящем и в будущем, являет Свое могущество и показывает, что иудеи не своей силой взяли Его. Поэтому Он и прибавляет: «каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня», показывая и этим, что они взяли Его по Его соизволению. Не упоминая о чудесах, Он говорит только об учении, для того, чтобы не показаться тщеславным. Когда Я учил вас, тогда вы Меня не брали; а когда замолчал, тогда напали на Меня. Я был в храме, и никто не удерживал Меня; а теперь неблаговременно, среди ночи, вы приступили ко Мне с оружием и кольями. Какая нужда в этом оружии против Того, Кто был всегда с вами в храме? Этим научает, что они никогда бы не могли взять Его, если бы Он не предал Себя добровольно, потому что если и прежде, имея Его в своих руках, всегда посреди себя, они не могли взять Его, то и ныне также не могли бы сделать

этого, если бы Он не захотел. Далее разрешает недоумение, для чего Он восхотел предать Себя. «Это же все было», говорит Он, «да сбудутся писания пророков» (Матф. 26:56). Смотри, как Он до последнего часа, и в самое время предания, все делает для исправления врагов Своих: вразумляет их, пророчествует, угрожает им: «мечом», говорит Он, «погибнут», а когда говорит: «каждый день с вами сидел Я, уча», то этим показывает добровольное Свое страдание; словами же: «да сбудутся писания пророков» доказывает Свою покорность воле Отца. Почему же они не взяли Его в храме? Потому что не осмелились на это в храме в виду народа. Поэтому Он и вышел вон из города, предоставляя им в отношении и места и времени полную свободу и, даже до последнего часа лишая их оправдания. Тот, Кто в исполнение божественных пророчеств предал самого Себя, мог ли учить противному воле божественной? «Тогда все ученики», говорит евангелист, «оставив Его, бежали». Когда взяли Иисуса Христа, ученики оставались еще при Нем; но когда Он сказал толпе, напавшей на Него, упомянутые слова, разбежались. Они, наконец, увидели, что уже нельзя будет более Ему уйти после того, как Он добровольно предал Себя, и объявил, что это совершается сообразно писаниям пророческим. По рассеянии учеников, Иисуса Христа приводят к Каиафе: «Петр же следовал за Ним издали, чтобы видеть конец» (Матф. 26:58). Велика была любовь этого ученика: увидав, как убежали другие ученики, он все-таки не убежал, но остался и вошел с Христом во двор Каиафы. Без сомнения, и Иоанн сделал то же (Иоан. 18:15), но он был известен первосвященнику. Для чего же привели Христа в такое место, где все были собраны? Для того чтобы все сделать по воле архиереев. Каиафа был тогда первосвященником,

и у него там были все собраны: так они бодрствовали и не спали целую ночь ради этого. Не пасху они тогда совершали, как пишет евангелист, но не спали по этому самому делу. Евангелист Иоанн, сказав, что было утро, присовокупляет: «они не вошли в преторию, чтобы не осквернриться, но чтобы можно было есть пасху» (Иоан. 18:28). Это что значит? То, что они ели пасху в другой день, и стремясь погубить Христа, нарушили закон. Христос не пропустил бы времени пасхи, но Его убийцы осмеливались на все, и нарушали многие законы. Так как они терзаемы были жестокой яростью против Него, и, часто покушаясь убить Его, не могли этого сделать, то теперь, взяв Его неожиданно, решились оставить даже пасху, чтобы исполнить свое кровожадное намерение. Вот почему и собрались все, и, составив сонм губителей, искали лжесвидетельства, чтобы своим коварным замыслам дать вид законного суда. Они не имели даже истинных свидетельств (Марк 14:56): так беззаконен был их суд, так все было извращено и перепутано! «Пришли лжесвидетели и сказали: Он говорил: могу разрушить храм Божий и в три дня создать его» (Матф. 26:60–61; Мк. 14:58; Иоан. 2:19). И Он действительно говорил, что в три дня воздвигнет Церковь, но не говорил: «разрушу», а: «разрушьте»; и притом говорил не о Церкви, а о собственном теле. Что же сказал на это первосвященник? Желая побудить к защите самого обвиняемого, чтобы через это уловить Его, он говорит: «не слышишь ли, что они против Тебя свидетельствуют? Иисус молчал» (Матф. 26:62–63). Ответ был бесполезен, когда никто не слушал, да и суд их имел только наружный вид суда, на самом же деле был не что иное, как нападение разбойников, которые бросаются на проходящих из своего вертепа. Поэтому Христос и молчал. Между тем первосвященник

продолжал говорить: «заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын» Бога живого? Он же сказал: «ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует» (Матф. 26:63–65). Это Он сделал для того, чтобы усилить обвинение, и свои слова подтвердить самым делом. И так как слова его привели в страх слушателей, то они точно так же, как и во время осуждения Стефана, затыкали уши свои.

[5] 3. Но в чем состоит эта хула? Ведь и прежде Христос говорил собравшимся к Нему: «сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня» (Матф. 22:44; Псал. 109:1), и изъяснил эти слова; и они тогда не смели говорить, а молчали, и с того времени ни в чем уже Ему не противоречили. Как же теперь слова Его они назвали хулой? Для чего и Христос дал такой ответ? Для того чтобы отнять у них всякое извинение, так как Он учил их до последнего дня, что Он есть Христос, сидит одесную Отца, и имеет прийти опять судить вселенную, – что самое свидетельствовало о совершенном Его согласии с Отцом. Итак, первосвященник, растерзав ризы свои, сказал: «как вам кажется»? Не объявляет своего мнения, но требует его от своих советников, как будто об очевидных преступлениях и явном богохульстве. Но так как первосвященники знали, что если дело будет исследовано и тщательно рассмотрено, то Христос окажется совершенно невинным, то и осуждают Его сами и, предупреждая слушателей, говорят: «вы слышали богохульство», едва не вынуждая тем, едва не насильно исторгая приговор. Что же отвечали эти слушатели? «Повинен смерти», – чтобы, как будто уже обвиненного,

только оставалось представить Его на суд Пилата. Сознавая это, они и говорят: «повинен смерти»! Сами обвиняют Его, сами судят, сами произносят приговор, – сами все делают. Почему же они не выставили в обвинение Христа Его дело в субботу? Потому, что Он прежде часто заграждал им уста, когда они начинали говорить об этом, и притом они хотели уловить Его и осудить на основании настоящих Его слов. Итак, первосвященник, предварительно исторгнув у них это осуждение на Иисуса, и раздиранием риз своих, склонив всех на свою сторону, ведет Его как злодея к Пилату. Так он доселе действовал. Но у Пилата они ничего подобного не говорят, но что же? «Если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе» (Иоан. 18:30), – желая умертвить Его как виновного в преступлении против общественного блага. Но почему они не умертвили Его тайно? Потому что хотели уничтожить и самую славу Его. Так как много было таких, которые слышали Его беседы и сильно удивлялись Ему, то враги Его стараются предать Его смерти публично, перед всеми. А Христос со своей стороны не препятствовал этому, но злобу их употребил к утверждению истины, так как через это смерть Его стала всем известной. Таким образом, случилось совсем не то, чего хотели. Враги хотели предать Его публичному позору, чтобы таким образом посрамить Его, а Он через это самое еще более прославил Себя. И подобно тому, как они говорили прежде: убьем Его, «придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом» (Иоан. 11:48); а когда убили Его, то это с ними и случилось, – так и здесь они хотели публичным распятием повредить Его славе, но вышло напротив. А что они имели власть сами по себе предать Его смерти, это видно из слов Пилата: «возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его» (Иоан. 18:31). Но

они не хотели этого, чтобы показать, что Он предан смерти как законопреступник, как самозванец, как возмутитель. Вот почему и распяли вместе с Ним разбойников; потому же и говорили: «не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский» (Иоан. 19:21).

6 Все это делалось для утверждения истины, чтобы врагам не осталось даже и тени бесстыдного оправдания. Точно так же печать и стража при гробе только способствовали яснейшему обнаружению истины; то же самое должно сказать о посмеянии, злословии, поношении. Таково обыкновенно коварство: что оно злоумышляет, тем самым и разрушается. Так случилось и здесь: те, которые думали одержать верх, остались наиболее посрамленными, побежденными и низложенными; а кто казался побежденным, тот особенно прославился и одержал верх. Итак, не всегда будем искать победы, и не всегда будем избегать поражения. Иногда и победа приносит вред, а поражение пользу. Так между людьми раздраженными обыкновенно считают победившим того, кто более нанес обид; но этот-то, в самом деле, и остался побежденным жесточайшей страстью и обиженным; а кто равнодушно перенес обиду, тот победил и одержал верх. Тот не мог уврачевать даже и собственного недуга, а этот перенес чужой; тот побежден от себя, а этот восторжествовал над другим, и не только сам не сгорел, но и погасил высоко вздымавшееся пламя другого. А если бы он пожелал одержать мнимую победу, то и сам был бы побежден, и, возжегши другого, доставил бы ему тем жесточайшее страдание и таким образом оба, подобно женщинам, подверглись бы постыдному и жалкому посрамлению. Но, поступив как прилично мужу мудрому, он избежал стыда и, допустив благодушно победить себя в самом себе и в

ближнем, воздвиг себе блистательный трофей победы над гневом.

[7] 4. Итак, не всегда будем искать победы. Конечно, оскорбивший обыкновенно одерживает победу над оскорбленным; но это худая победа, так как она причиняет погибель победителю. Между тем, обиженный и мнимо побежденный, когда переносит обиду великодушно, без сомнения получает блистательный венец. Во многих случаях лучше претерпеть поражение; и это даже есть самый лучший способ победы. Если бы кто ограбил кого, или нанес кому удары, или завидовал кому, то претерпевший это и не оказавший сопротивления остался бы победителем. Но что говорить о грабительстве и зависти? Влекомый на мучение также бывает победителем, когда терпит узы, биение, сечение и мучительную смерть. Как в обыкновенном сражении падение считается поражением, так у нас – победой. Мы никогда не бываем победителями, когда делаем зло; напротив, всегда побеждаем, когда терпим зло. Точно также и блистательная победа бывает тогда, когда мы терпением побеждаем обижающих нас. Отсюда видно, что эта победа от Бога, потому что она имеет свойство противное обыкновенной победе, что и служит доказательством могущества. Так и морские камни рассекают ударяющиеся о них волны; так и все святые тогда прославились и получили венцы и воздвигли себе блистательные трофеи, когда одержали такую, чуждую сопротивления победу. Не тревожься, не беспокойся; Бог дал тебе силу побеждать не сражаясь, но через одно только терпение. Не ополчайся, не выходи сам, – и ты одержишь победу; не сражайся, – и ты получишь венец. Ты гораздо сильнее самого могущественного из твоих противников. Что ты стыдишь сам себя? Не давай ему

сказать, что ты победил через сражение; но пусть он изумляется твоей непобедимой силе и всем говорит, что ты победил его без сражения. Так и блаженный Иосиф прославляется за то, что терпением победил сделавших ему зло. И братья и египтянка злоумышляли против него, но он их всех победил. Не говори мне ни о темнице, где он был заключен, ни о царских палатах, где жила эта жена; но покажи, кто был поражен, и кто остался победителем, кто в скорби, и кто в радости. Египтянка не могла победить не только этого праведника, но даже собственной страсти, а он победил и ее и жестокую болезнь. Если хочешь, то выслушай самые ее слова, и ты увидишь победу: «привел к нам Еврея ругаться над нами» (Быт. 39:14, 17). Не отрок наругался над тобой, несчастная и жалкая женщина, а дьявол, который внушил тебе, будто ты можешь сокрушить адамант. Не муж твой привел к тебе отрока еврея, злоумышляющего против тебя, но злой демон, который вложил в тебя нечистую похоть; он надругался над тобой. Что же делает Иосиф? Он молчит и так же осуждается, как и Христос, потому что все, случившееся с Иосифом, служит образом того, что произошло с Христом. Иосиф был в узах, а эта женщина в царских чертогах. Но что из того? Он был славнее всякого венценосца, хотя томился в узах; а она была несчастнее всякого узника, хотя жила в царских чертогах. Впрочем, победы и поражения должно искать не только здесь, но и в самом окончании дела. В самом деле, кто достиг желаемого? Узник, а не царица. Тот старался соблюсти целомудрие, а эта хотела его лишить такового. Кто же теперь получил желаемое: тот ли, кто потерпел зло, или та, которая сделала зло? Очевидно, тот, кто потерпел зло. Таким образом, он остался и победителем. Итак, зная это, будем искать той победы,

которая получается через претерпение зла, и избегать той, которая достигается через нанесение зла. Тогда мы и настоящую жизнь проведем безмятежно и совершенно спокойно, достигнем и будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 85

[1] «Тогда плевали Ему в лице и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам и говорили: пророки нам, Христос, кто ударил Тебя». (Матф. 26:67–68)

[2] Безмерность преступления ругавшихся над Христом. – Страдания Спасителя – наша похвала. – Причина отречения Петра. – Согласие повествований Матфея и Марка об этом событии. – Бесполезность раскаяния Иуды. – Сознание преступления лишает оправдания осудивших Христа. – Преступление осудивших обличается их собственными действиями. – Против милости, приносимой от прибытков любостяжания. – Скорбь проповедника о необходимости заниматься служителям церкви мирскими попечениями ради дел милосердия.

[3] 1. Для чего они это делали, если хотели умертвить Его? Что была за нужда в таком издевательстве? Разве та, чтобы видел ты наглый нрав их? Подлинно, как будто найдя добычу, они обнаруживали свое исступление: порывались бешенством, совершая это торжество, со злобной радостью бросались на Него, выказывая убийственный свой нрав. Подивись же любомудрию учеников: с какой тщательностью они повествуют об этом! Здесь ясно обнаруживается их любовь к истине; то,

что кажется бесчестным, они пересказывают со всей точностью, ничего не утаивают, ничего не стыдятся, но еще и за великую честь считают, – и справедливо, – что Владыка вселенной благоволил понести за нас такие страдания. Это показывало неизреченную Его попечительность и непростительную злобу тех, которые со столь кротким и тихим поступали так, как только может поступать лев с агнцем. Ничего, ничего здесь не опущено, ни с Его стороны – в кротости, ни с их – в злобе и жестокости на словах и на деле. Все это предвозвестил и пророк Исаия, так, в кратких словах, выражая это поношение: «как», говорит, «многие изумлялись, смотря на Тебя, – столько был обезображен паче всякого человека лик Его, и вид Его – паче сынов человеческих» (Ис. 52:14). Что может сравниться с этим оскорблением? На то самое лицо, увидев которое устыдилось море, от которого солнце, узрев на кресте, скрыло лучи свои, – на то самое лицо плевали, то самое лицо заушали, били по голове, безмерно увлекаемые своим неистовством. Наносили удары самые жесточайшие, били по щекам, заушали, и к этим язвам присоединяли позор оплевания. Мало того, – громко повторяли едкие насмешки, говоря: «прореки нам, Христос, кто ударил Тебя», так как многие называли Его пророком. Другой евангелист (Лук. 22:64) говорит, что они закрывали при этом лицо Его одеждой, то есть, как будто имели перед собой человека самого бесчестного и ничего не стоящего. И не только свободные, но и рабы ругались над Ним с таким безумием. Об этих-то событиях должны мы читать Писание как можно чаще; о них слушать со всем вниманием; начертывать их на сердце нашем: все это для нас истинно честь. Этим я хвалюсь: хвалюсь не тысячей только мертвецов, которых воскресил Он, но и теми страданиями,

которые Он претерпел. Об этом и Павел непрестанно повторяет, то есть, о кресте, о смерти, о страданиях, о поруганиях, о поношениях, о насмешках. Он то говорит: «выйдем к Нему за стан, нося Его поругание» (Евр. 13:13), то проповедует: «вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление» (Евр. 12:2). «Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином. Но он отрекся перед всеми, сказав: не знаю, что ты говоришь. Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем. И он опять отрекся с клятвой, что не знает Сего Человека. Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя. Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде, нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И выйдя вон, плакал горько» (Матф. 26:69–75). Странное и неожиданное дело! Когда Петр видел, как только задерживали Учителя, он до такой степени воспламенился, что схватил меч и отрезал ухо; а когда надлежало большее обнаружить негодование, более воспламениться, слыша такие поругания, – тогда он отрекается! Кого, в самом деле, не привело бы в ярость то, что происходило тогда? И, однако, ученик, побежденный страхом, не только не показывает никакого негодования, но и отрекается, не сносит угрозы бедной, бессильной служанки. И не однажды, но и в другой и третий раз отрекается, и в короткое время, и не перед судьями, так как он был во дворе, и служанка спрашивала его тогда, когда он выходил за ворота. Не тотчас почувствовал он и свое падение. Лука говорит, что Иисус

воззрел на него (Лук. 22:61), т. е. он не только отрекся, но и тогда, как пел петух, не вспомнил сам по себе, а надобно было, чтоб напомнил ему опять Учитель: взор служил ему вместо голоса. Так он был поражен страхом! Марк же повествует, что петух запел, когда Петр отрекся в первый раз; потом вторично запел, когда тот отрекся в третий раз (Марк 14:68–72), – то есть, точнее, пересказывает о слабости ученика и об его оцепенении от ужаса; а Марк узнал об этом от учителя своего, так как был спутником Петра. Поэтому тем более надлежит удивляться ему, что он не только не скрыл падения учителя своего, но напротив. Потому-то яснее прочих и рассказал об этом, что был учеником.

[4] 2. Но как же могут быть справедливы слова Матфея, когда он повествует, что Иисус сказал: «истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде, нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня» (Матф. 26:34), тогда как Марк, сказав о троекратном отвержении, упоминает, что «петух запел во второй раз» (Марк 14:72)? Справедливы вполне и здесь нет никакого противоречия. Так как петух в каждый прием обыкновенно кричит по три и четыре раза, то Марк и говорит об этом, желая показать, что и крик петуха не удержал Петра от падения, и не привел ему на память обещания его. Таким образом, и то и другое справедливо. Прежде, нежели петух успел кончить первый прием, Петр отрекся трижды. И когда Христос привел ему на память грех, он не осмелился плакать явно, чтобы по слезам не быть обвиненным, но «выйдя вон, плакал горько». Когда наступил день, «отвели» Иисуса от Каиафы «к Пилату» (Матф. 27:2). Так как они решились умертвить Его, но сами не могли, по причине праздника, то и ведут к игемону. Размысли же теперь, как они спешили, если даже в праздник совершили такое дело?

Так было предуставлено свыше! «Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребреников» (Матф. 27:3). Это увеличивает вину и его, и их: его – не потому, что он раскаялся, а потому, что раскаялся слишком поздно и сам над собой произнес осуждение, так как сам исповедал, что предал Его; их же вину увеличивает потому, что они, имея возможность переменить свои мысли, не раскаялись. Смотри, когда Иуда раскаивается? Когда уже совершено и приведено к концу преступление. Таков дьявол: он не дает беспечным взглянуть на грех свой прежде, чем они совершат его, чтобы пойманный не раскаялся. Предатель не трогался тогда, как Иисус столько раз обличал его, но когда уже совершено преступление, пришло ему на мысль покаяние, – пришло, но уже без пользы. Конечно, заслуживает одобрения то, что он сознался, повергнул сребреники, и не устрашился иудеев; но что сам на себя надел петлю, – это грех непростительный, это дело злого демона. Дьявол отвлек его от покаяния, чтобы оно осталось для него совершенно бесполезным; он же и умертвил смертью позорной и для всех открытой, внушив ему погубить самого себя. Но ты можешь видеть, как истина сияет всюду, даже и в том, что делают, или чему подвергаются враги. В самом деле, такая смерть предателя не заграждает ли уста осудивших Иисуса и не лишает ли их всякого предлога к бесстыдному самооправданию? Что они могут сказать, когда предатель сам против себя подал такой голос? Но посмотрим и на слова, какие они говорили. «Возвратил тридцать сребреников первосвященникам», и сказал: «согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. И, бросив сребреники в храме, он вышел, пошел и удавился» (Матф. 27:3–5). Не вынес

мучений совести. Но смотри: и с иудеями происходит то же самое, и они, долженствуя очувствоваться после всего, что испытали над собой, останавливаются не прежде как уже совершив преступление. Грех Иуды, то есть, предательство, уже совершен, – а их грех еще не совершен. Но вот, когда и они кончили свое дело, и распяли Иисуса, то и сами приходят в смятение. То говорят: «не пиши: сей есть царь Иудейский» (Иоан. 19:2) (хотя чего ж бояться вам, отчего смущаться, когда мертвое тело уже пригвождено к кресту?), то берегут Его, говоря: «чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого» (Матф. 27:64). Но если ученики и скажут так, то дело можно обнаружить, если оно несправедливо. Да и как похитят те, которые после того, как он был схвачен, не имели смелости остаться с Ним, а самый верховный еще трижды, и отрекся Его, не снеся угрозы служанки? Но дело в том, что они, как я сказал, уже смущались. А что они признавали дело это законопреступным, – это показывают их слова: «смотри сам».

5 Заметьте это вы, сребролюбцы, и подумайте, что стало с предателем? Как он и денег лишился, и согрешил, и душу погубил свою? Таково тиранство сребролюбия! Ни серебром не воспользовался, ни жизнью настоящей, ни жизнью будущей, но вдруг лишился всего и, от них же самих, получив худой отзыв, удавился. Но, как я сказал, некоторые осматриваются, сделав уже дело. Смотри же, как и эти не хотят теперь вполне почувствовать злодейской решимости, а говорят: «смотри сам», – что особенно увеличивает их вину. Это слова людей, которые сами свидетельствуют о своем злодействе и беззаконии, а между тем, будучи упоены страстью, не хотят отстать от

сатанинского предприятия, и безумно прикрывают себя бессмысленной личиной притворного неведения. Если бы это сказано было после распятия, и уже после смерти Его, то и тогда даже слова эти не имели бы смысла, хотя и не столько бы обвиняли их; а теперь, когда Он еще у вас, и вы властны отпустить Его, как вы можете говорить это? Это оправдание всего более и служит к вашему осуждению. Почему так? Потому, что слагаете всю вину на предателя (говорите: «смотри сам»), тогда как можете отстать от христоубийства и отпустить Его. Но нет, они еще состязаются с Иудой в злодействе, присоединяя к предательству крест. В самом деле, что препятствовало тем, которые сказали: «смотри сам», отстать от злодеяния? Но они теперь поступают напротив, – присовокупляют убийство, и во всем, что ни делают, что ни говорят, сами себя опутывают нерасторжимыми узами зла. И после, когда Пилат предоставил им выбор, они предпочли освободить разбойника, а не Иисуса; Того же, Который ничем никого не оскорбил, а напротив, оказал столько благодеяний, убили!

[6] 3. Что делает Иуда? Когда он увидел, что трудился бесполезно, и что они не хотят принять сребреников его, бросил их в храме, и «пошел и удавился. Первосвященники, взяв сребреники, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови. Сделав же совещание, купили на них землю горшечника, для погребения странников; посему и называется земля та «землей крови» до сего дня. Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: и взяли тридцать сребреников, цену Оцененного, Которого оценили сыны Израиля, и дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь» (Матф. 27:6–10). Видишь ли

опять, как они осуждаются совестью? Они видели, что купили убийство, а потому не положили в сокровищницу, а купили землю горшечника для погребения странников. Вот свидетельство против них и обличение предательства! Название места громче трубы возвещает всем о гнусном их убийстве. И это делают они непросто, но – «сделав совещание», и поступают так во всем, чтобы никто не остался неповинным в этом беззаконии, но чтобы все были виновны. Это предсказано и в пророчестве. Видишь ли, как не только апостолы, но и пророки со всей тщательностью повествуют о поношениях, проповедуют всюду о страданиях и наперед предсказывают им? А иудеи не поняли этого. Если бы они положили в сокровищницу, дело не обнаружилось бы так ясно, купив же землю, они сделали все гласным и для будущих родов. Внимайте вы, которые убийствами думаете благотворить ближним, и берете цену душ человеческих. Это милостыни иудейские, или лучше сказать, сатанинские! Есть, подлинно есть и ныне такие, которые, ограбив весьма многих, считают себя совершенно правыми, если бросят десять или сто златниц. О них-то пророк говорит: «заставляете обливать слезами жертвенник» (Малах. 2:13). Не хочет Христос питаться плодами любостяжания, не принимает Он такой пищи. Зачем ты оскорбляешь Владыку, принося Ему нечистое? Лучше презреть томимого голодом, нежели кормить такой пищей. То – дело человека жестокосердого, а это и жестокосердого, и обидчика. Лучше ничего не давать, чем давать чужое. Скажи мне, если б ты увидел двух людей – одного нагого, а другого в одежде, и, раздев последнего, одел первого, то разве не неправо поступил бы ты? Всякий с этим согласится. Если же ты, и отдавая все взятое другому, обижаешь только, а не милуешь, то тогда, когда даешь

только малейшую часть из похищенного, и называешь это милостыней, – какого не достоин ты наказания? Если приносившие хромое животное подвергались суду, то ты, который делаешь хуже, какого можешь ожидать прощения? В самом деле, если в ветхом завете хищник, возвращавший самому владельцу похищенное, все еще оставался неправ и притом до такой степени, что даже и тогда, как уплачивал вчетверо против похищенного, едва смывал вину свою, то подумай, какой огонь собирает на голову свою тот, кто не только похищает, но делает еще насилие, и притом возвращает не самому ограбленному, а вместо него отдает другому, и не только вчетверо, но и половины не возвращает, живя притом не в ветхом, а в новом завете? Если такой хищник остается не наказанным, то рыдай о нем по тому самому, что он собирает себе тягчайший гнев, если он не покается. Думаете ли вы, говорил Спаситель, что только те одни были грешны, на которых упал столп? «Ни, глаголю вам: но если не покаетесь», то и вы потерпите то же самое (Лук. 13:5). Итак, покаемся, и дадим милостыню не из прибытков любостяжания, дадим милостыню щедрую. Представьте себе, как иудеи питали восемь тысяч левитов, кроме них – вдов, сирот, притом исполняли многие и другие должности, а также бывали и на войне. Ныне же Церковь сама содержит поля, дома, дает поземельную за дома, содержит колесницы, конюхов, мулов и другое многое, для вас же, и по причине вашего жестокосердия. Надлежало бы этим сокровищам церковным находиться в руках ваших, а доходом церкви должно бы служить ваше усердие. Теперь же проистекают из этого две следующие несообразности: и вы остаетесь без плода, и священники Божьи не занимаются надлежащим делом. Ужели за апостолами не

могли оставаться дома и поля? Почему же они продавали их и раздавали все? Потому что так лучше было.

[7] 4. Но ныне, когда вы до безумия заняты житейскими попечениями, когда вы только собираете, а не расточаете, – страх объял отцов ваших на счет участи вдов, сирот и дев, как бы не сгибли толпы этих несчастных от голода, а потому они принуждены были установить такой порядок. Они совсем не хотели заниматься сами такими неподобающими делами; они желали, чтобы только ваше усердие было их собственностью, чтобы от него получить все плоды, а самим бы пребывать в молитвах. Теперь же вы принудили их подражать людям мирским, живущим хозяйством: отсюда все извратилось. В самом деле, когда и вы, и мы занимаемся одним и тем же, то кому умилостивлять Бога? Мы не смеем отверзть уст, так как церковь является уже ничем не лучше людей мирских. Разве вы не знаете, как апостолы не хотели разделять имений, даже и без труда собранных? А ныне наши епископы в подобных заботах превзошли самих приставников, экономов и корчемников, и в то время как им надлежало бы печься о ваших душах, они каждый день озабочены тем, чем обыкновенно занимаются сборщики, приемщики, счетчики и казначеи. Не напрасно я говорю об этом и изливаю скорбь мою. Я желал бы видеть какое-нибудь исправление и перемену; желал бы, чтобы над нами, удрученными столь тяжким рабством, сжалились, наконец, чтоб вы сделались опять для Церкви и доходом, и сокровищем. Если же не хотите, то вот нищие перед глазами вашими. Скольких можем, не перестанем питать мы; а тех, кого не будем в состоянии призреть, предоставляем вам, – чтобы не услышали вы в страшный день этих слов, относящихся к немилостивым и жестоким: вы Меня видели алчущего, и не напитали.

Ваше бесчеловечие и нас вместе делает смешными, когда мы, оставив молитву и учение, и другие святые занятия, толкаемся и день и ночь, одни с виноторговцами, другие с хлеботорговцами, третьи с торговцами иного рода. Отсюда ссоры и споры, ежедневная брань, упреки и насмешки; отсюда священнику дают имена, приличные более в мирском хозяйстве, между тем как надлежало бы заменить их совсем другими, и заимствовать наименования от тех действий, от которых заповедали заимствовать и апостолы: от питания нищих, от защиты обижаемых, от попечения о странных, от вспомоществования бедствующим, от смотрения за сиротами, от заступления вдов, от покровительства дев. Эти-то служения и следовало бы выделить себе, вместо попечения об имениях и жилищах. Они-то составляют дорогие редкости и приличные сокровища Церкви, они-то доставляют нам великое удобство, а вам пользу, или лучше, вам же – и удобство, и пользу. Думаю, что благодатью Божьей число собирающихся сюда простирается до ста тысяч; и если бы каждый хотя по одному хлебу подавал нищей братии, то все были бы в изобилии; или если бы каждый уделял по одному оболу (полушке), тогда и бедных не было бы, и мы не стали бы претерпевать столько поношений и осмеяний за заботливость о стяжаниях. Ведь слова: «продай имение твое и дай нищим, и потом иди за Мной» (Матф. 19:21) прилично могут быть сказаны и первостоятелям Церкви, на счет церковных имуществ. Никому нельзя следовать за Христом надлежащим образом иначе, как оставив всякую грубую и низкую заботливость. Ныне же священники Божьи хлопочут и о собирании винограда, и о жатве, и о продаже, и о покупке вещей. Служившие сени были совершенно свободны от всего этого, хотя им и вручено

было служение телесное; а мы, призываемые в самое святилище небес, входящие в истинное святое святых, принимаем опять на себя заботы, свойственные купцам и корчемникам. Отсюда и большое небрежение о Писании, и леность в молитвах, и нерадение обо всем прочем. Нельзя же ведь с одинаковым старанием делить себя на то и другое. Поэтому я прошу и умоляю открыть для нас источники обилия, да сделается ваше усердие и гумном, и точилом нашим. Таким образом и нищие удобно будут питаемы, и Бог будет неумолчно прославляем, и вы, оказывая более успехов в человеколюбии, насладитесь некогда вечных благ, коих все да удостоимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Беседа 86

[1] «Иисус же стал перед правителем. И спросил Его правитель: Ты Царь Иудейский? Иисус сказал ему: ты говоришь. И когда обвиняли Его первосвященники и старейшины, Он ничего не отвечал». (Матф. 27:11–12)

[2] В каком смысле Христос исповедует Себя царем. – Почему Он не отвечал на клеветы обвинителей. – Виновность Пилата и народа. – Пороки нужно искоренять в самом начале. – Малые грехи требуют больше труда и тщания, чем большие. – Отчаяние губит более греха. – Грех прикрывает себя иногда личиной благочестия. – Знание Писания – средство для ограждения от путей погибели.

[3] 1. Видишь ли, как, прежде всего, подвергают исследованию то, что особенно всегда смущало иудеев? Так как они видели, что Пилат не обращает никакого внимания на дела закона, то обращаются к обвинению в гражданском преступлении. Так поступали они и с апостолами; то же всегда выставляли на вид и говорили, что галилеяне ходят повсюду и проповедуют некоего царя Иисуса: как бы о простом каком человеке упоминали они об Иисусе, и старались возбудить против Него подозрение в замыслах властолюбия. Отсюда видно, что и раздирание риз, и ужас первосвященника – были одно притворство. Все вели они и направляли к тому, чтобы подвергнуть Его смерти. Итак, вот о чем вопросил Пилат! Что же отвечает Христос? «Ты говоришь». Он исповедует Себя царем, но

царем небесным; так Он и в другом месте яснее сказал, когда отвечал Пилату: «Царство Мое не от мира сего» (Иоан. 18:36), – и это для того, чтобы ни иудеи, ни Пилат, обвинявшие Его за объявление Себя царем, не имели оправдания. И приводит непререкаемую причину этому, говоря: «если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан». Вот почему, чтобы отклонить от Себя такое подозрение, Он платил и сам дань, и другим повелел платить, и когда хотели Его сделать царем, Он удалился. Почему же, – скажешь, – не обнаружил Он этого, когда обвиняли Его в замыслах властолюбия? Потому что они, имея в делах Его бесчисленные доказательства Его силы, кротости, смирения, сами себя ослепляли, замышляли злое, и учиняли беззаконный суд. Поэтому Он ни на что не отвечает, но молчит; а для того, чтобы постоянным молчанием не навлечь на Себя укоризны в гордости, отвечает кратко, – как, например, когда заклинал архиерей, когда вопрошал игемон. На клеветы же их не отвечал ничего, так как не намерен был убеждать их. Об этом и пророк, предсказывая, говорил: «во смирении Его суд Его взятся» (Ис. 53:8). Игемон дивился этому. Да и надобно было удивляться, видя такую кротость и молчаливость в Том, Кто мог сказать весьма многое. Сами они обвиняли Его не потому, что сознавали в Нем что-нибудь худое, но по одной зависти и ненависти. В самом деле, когда и выставленные ими лжесвидетели не нашлись что сказать, – зачем было еще настаивать? Для чего, видя, как Иуда погиб, и Пилат умыл руки, не сокрушились они сердцем? Так много и тогда Он сделал для того, чтобы привести их к раскаянию, но они не сделались от того лучшими. Что же Пилат? «Не слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя» они (Матф. 27:13)?

Пилат хотел освободить Его, если бы Он стал защищать Себя, а потому и сказал это; когда же Иисус ничего не отвечал, он вымышляет другое средство. Какое же? У них был обычай – отпускать одного из виновных. Этим-то средством Пилат и попытался освободить Его. Если вы не хотите, сказал он, отпустить Его, как невинного, то отпустите хотя как виновного – для праздника. Видишь ли извращение порядка? Обычай был такой, чтобы народ просил об осужденных, а игемон должен был отпускать. Теперь же происходит наоборот: игемон просит об этом народ, и, однако, они не укрощаются, а еще более свирепеют и подымают крик, неистовствуя от зависти. Они ничего не могли сказать в обвинение Его, несмотря даже на то, что Он молчал; так много было доказательств правоты Христа, что они изобличались и при молчании Его. Молчавший побеждал без умолку говоривших и неистовствовавших. «Между тем, как сидел он на судейском месте, жена его послала ему сказать: не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него» (Матф. 27:19). Смотри, вот и еще обстоятельство, которое могло всех их отвлечь от их намерения. После доказательств, заключавшихся в делах, не маловажная вещь была и сон. Но почему же не сам Пилат видит его? Или потому, что жена была более достойна его, или потому, что если бы видел он, то не поверил бы ему, и даже, быть может, не сказал бы о нем. Поэтому так и устраивается, что видит этот сон жена, чтобы это сделалось известным для всех. И не просто видит она сон; но и страдает много, чтобы муж, хотя бы из сострадания к жене, помедлил совершать убийство. Тому же содействовало и самое время: она видела в ту же ночь сон. Но для него, скажут, не безопасно было отпустить Иисуса, так как говорили, что Он творит Себя царем.

Поэтому следовало потребовать и рассмотреть доказательства, улики, все признаки властолюбия, какие только могли быть, – например, не набирал ли Он войска, не собирал ли денег, не заготовил ли оружия, или не замышлял ли что-нибудь подобное. Но Пилат просто склоняется на их сторону, а потому Христос не оставляет безвинным и его: «предавший Меня» тебе, говорит, «более греха на нем» (Иоан. 19:11). Итак, слабость была причиной того, что он уступил и, бив бичами, предал. Он не имел мужества, был слаб; архиереи же были злобны и лукавы. После того, как он нашел некоторый предлог, именно закон о празднике, повелевающий отпускать осужденного, что предпринимают против этого они? Убедили народ, сказано, «просить Варавву» (Матф.27:20).

[4] 2. Видишь ли, с какой предусмотрительностью заботится Он о том, чтобы избавить их от греха, и с какой тщательностью стараются они не оставить для себя и тени к своему оправданию? Что надлежало делать: уличенного ли отпустить преступника, или сомнительного? Если позволено было отпускать одного из уличенных преступников, то тем более сомнительного. И, конечно, Иисус не казался для них худшим явных человекоубийц. Евангелист не просто сказал: имели разбойника, но: разбойника известного, знаменитого по своим злодеяниям, совершившего бесчисленные убийства. И, все-таки, они предпочли его Спасителю вселенной, и не посовестились ни святого времени, ни законов человеколюбия, ни другого чего-либо подобного. Зависть совершенно ослепила их. Будучи сами злы, они развращали и народ, чтобы и за обольщение его понести тягчайшую казнь. Итак, когда просили они Варавву, то Пилат сказал: «что же я сделаю Иисусу» (Матф. 27:22)? Вопросом этим он опять хотел образумить их;

предоставляя им свободу в выборе, он хочет, чтобы они, хотя бы по чувству стыда испросили Иисуса, и, таким образом, все стало бы делом их великодушия. Если бы сказал он, что Иисус ни в чем не согрешил, то вызвал бы в них только большее упорство; когда же просил спасти Его по чувству человеколюбия, то против этой просьбы и убеждения нечего было прекословить им. Но они, не смотря и на это, говорили: «да будет распят. Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят. Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего» (Матф. 27:22–24). Зачем же предаешь? Почему не исхитил Его, как Павла сотник? И этот знал также, что он угодил бы иудеям; и из-за Павла было возмущение и смятение; и, однако, он мужественно стал против всего. Но Пилат действует весьма малодушно, слабо. Все провинились: ни Пилат не восстал против черни, ни чернь против иудеев; и никому из них нет ни откуда оправдания: они «еще сильнее кричали», то есть, еще более кричали: «да будет распят». Хотели не только убить, но и убить, как за худое, и когда судья противился, они только упорствовали, крича одно и то же. Видишь ли, сколько сделал Христос для того, чтобы приобрести их? Как Иуду часто отклонял Он от его намерения, так удерживал и этих, и во все время благовествования Своего и во время самого суда. В самом деле, когда они видели, что игемон-судья умывает руки и говорит: «невиновен я в крови Праведника Сего», то и слова и дела убеждали их к раскаянию, равно как и тогда, когда Иуда удавился, и сам Пилат увещевал их взять на казнь другого вместо Иисуса. Когда обвинявший и предавший Его осуждает сам себя, и тот, который должен произносить

решение, снимает с себя ответственность, и видение является в ту же ночь, и Пилат просит у них Его, как осужденного, то, как могут они оправдаться? Если они и не хотели объявить Его невинным, то не надлежало, по крайней мере, предпочесть Ему разбойника, разбойника отъявленного и весьма известного. Что же они? Когда увидели, что судья умывает руки и говорит: «невиновен я, кричали: кровь Его на нас и на детях наших» (Матф.27:25). И тогда уже, как они сами произнесли на себя определение, он дозволил им все. Смотри же, сколь велико и здесь их безумие! Такова ярость, такова злая страсть: она не позволяет видеть то, что должно видеть. Пусть так, что вы самих себя прокляли; для чего навлекаете проклятие и на детей? Впрочем, человеколюбивый Господь, хотя они и неистовствовали так безумно против себя и детей, не подтвердил согласием этого приговора не только по отношению к детям, но и по отношению к ним самим; но даже и из них самих принял покаявшихся и удостоил бесчисленных благ. И Павел был из числа их, и многие тысячи уверовавших в Иерусалиме («видишь, брат», говорил Иаков, «сколько тысяч уверовавших Иудеев» – Деян. 21:20) были также из этих. Если же некоторые остались, то себе самим должны вменить мучение их ожидающее. «Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие» (Матф. 27:26). Для чего же бил? Или как осужденного, или – чтобы дать вид суда, или – чтобы угодить иудеям. Во всяком случае, надлежало сопротивляться. И прежде этого он сказал: «возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его» (Иоан. 18:31). Да и много было такого, что могло остановить и его, и иудеев, именно: и знамения, и чудеса, и великое незлобие Страдальца, и особенно – неизреченное Его молчание.

Если Он и защитой Себя и молитвой показывал, что Он человек, то с другой стороны Своим молчанием и презрением к их словам обнаруживал Свое величие и высокое достоинство – всем этим заставляя их удивляться Себе. Но ничто не подействовало на них.

[5] 3. Так-то, когда как бы опьянением разум бывает объят какой-нибудь безумной страстью, то трудно уже прийти в настоящее свое положение, разве только падающая душа имеет особенное мужество. Худое, очень худое дело поддаваться подобным худым страстям, а потому надлежит всячески отражать их и возбранять им вход. Они, как скоро займут душу и станут обладать ей, то, как огонь, падающий на сухие дрова, возжигают в ней страшный пламень. Поэтому молю вас, употребляйте все, чтобы заградить им вход, и не давайте места какому бы то ни было злу, успокаивая себя душепагубным рассуждением: что за важность в том или в этом? Отсюда-то рождаются бесчисленные виды зла. Коварный дьявол употребляет большие (хитрости и насилие и) послабление к погибели человека, и начинает действия свои с малого. Смотри: хотел он довести Саула до того, чтобы тот пошел слушать болтовню чревовещательницы. Если бы он в начале стал внушать это Саулу, то Саул, конечно, не послушал бы его. Как, в самом деле, послушал бы тот, кто сам преследовал волхвования? Поэтому он неприметно и мало-помалу приводит его к тому. И, во-первых, когда не послушал Саул Самуила, и в отсутствие его дерзнул принести всесожжение, то, будучи обвиняем, говорит, что большая нужда настояла со стороны врагов; и в то время, как должен был рыдать, оставался спокоен, как бы ничего не сделал. Потом Бог повелел истребить амаликитян, – но он и этого не исполнил. Далее следовали злые умыслы его против

Давида, – и, таким образом, неприметно и мало-помалу поскальзываясь, он не мог уже остановиться, пока, наконец, не вверг себя в самую бездну погибели. Так случилось и с Каином. Дьявол не тотчас увлек его на убийство брата, так как он и не успел бы убедить его; но, во-первых, склоняет его принести в жертву худшее, внушая ему, что в этом нет греха; во-вторых, возжег в нем ненависть и зависть, уверяя, что ничего и в этом нет; в-третьих, убедил умертвить брата и запираться перед Богом в гнусном смертоубийстве; и не прежде отступил от него, пока не довел до крайнего зла. Итак, надобно отражать зло в начале; даже и в том случае, если бы первые преступления и не влекли за собой дальнейших, и тогда нельзя пренебрегать ими; между тем они доходят и до большего, когда душа вознерадит. Поэтому нужно употреблять все средства, чтобы истреблять пороки в самом начале. Не смотри на то, что грех сам по себе мал, но помни, что он бывает корнем великого зла, когда вознерадят о нем. Сказать ли тебе достойное удивления? Не столько требуют тщания и трудов большие грехи, сколько, напротив, малые и незначительные. Отвращаться первых заставляет самое свойство греха; а малые, по тому самому, что малы, располагают нас к лености и не позволяют мужественно восстать на истребление их. А потому они скоро и делаются великими, если мы спим. Так обычно бывает и с телом. Так и в Иуде родилось это великое зло. Если бы он не думал, что будто бы неважное дело – красть имущество бедных, то, конечно, не впал бы и в грех предательства. Также если бы иудеям не представлялось маловажным то, что они пленены тщеславием, то, конечно, не дошли бы до христоубийства. Да и всякое зло обыкновенно совершается так. Ведь никто не впадает в нечестие скоро

и вдруг. В душе нашей, несомненно, есть некоторый прирожденный стыд греха и уважение к добру, и невозможно ей вдруг дойти до такого бесстыдства, чтобы отринуть все зараз, напротив, она нисходит до крайней погибели неприметно, мало-помалу, когда вознерадит. Так вошло в мир и идолопоклонство, когда стали выше меры чтить людей, как живых, так и умерших. Так же стали поклоняться изваянным. Так, наконец, усилилось блудодейство и другие пороки. Смотри также: один безвременно посмеялся, другой укорил; иной отринул страх, говоря: это ничего. Что за важность – посмеяться? Что от этого может произойти? От этого происходят пустые разговоры, отсюда срамословие, а потом позорные поступки. Еще иной, когда его упрекают, что он поносит ближнего, насмехается и злословит, презирает это, и говорит, что злословить другого ничего еще не значит. На самом же деле отсюда рождается безмерная ненависть, непримиримая вражда, бесконечные укоризны; а от укоризн – драки; а от драк часто и убийство.

6 4. Итак, этот лукавый демон от малого доводит до большего, а от большего доводит до отчаяния, изобретая, таким образом, другой способ, не менее пагубный. Подлинно, не столько губит грех, сколько отчаяние. Согрешивший, если будет бодрствовать, покаянием скоро исправляет свой проступок; а кто отчаивается и не кается, тот потому и остается без исправления, что не употребил врачевства покаяния. Есть еще и третья, самая опасная, хитрость у дьявола, именно: когда он облекает грех личиной благочестия. Но где же, скажешь, можно видеть, чтобы дьявол настолько усиливался, чтобы и до этого доходил в своих обманах? Слушай – и остерегайся его замыслов. Христос повелел через Павла (1Кор.7), чтобы жена не отлучалась мужа, и чтобы не лишали друг

друга, разве по согласию; но некоторые, по любви к воздержанию оставив мужей своих, как будто бы в самом деле это было дело благочестия, ввергли их в прелюбодеяние. Итак, подумай, какое это несчастье, что понесшие столько труда обвиняются, как будто учинившие великое зло, и как сами подвергаются крайнему наказанию, так и сожительствовавших с ними повергают в бездну погибели. Еще: иные, воздерживаясь, по заповеди поста, от пищи, мало-помалу дошли до того, что гнушаются пищей; а это приносит им величайшее наказание. То же бывает, когда свои предвзятые мнения оправдывают вопреки смыслу Писания. Некоторые из коринфян думали, что вкушать все без различия, даже и запрещенное, означает совершенство (1 Кор, гл. 8); но это было делом не совершенства, а крайнего заблуждения. Поэтому и Павел сильно запрещает им это и говорит, что они подлежат за это крайнему наказанию. Другие еще думают, что убирать волосы на голове означает благочестие. Напротив, и это запрещено, и есть дело очень постыдное. Иным, опять-таки, кажется, что они получат великую пользу, если безмерно станут скорбеть о грехах; но и это относится к умыслам дьявольским, как показал на себе Иуда, который от того и удавился. Поэтому и Павел боялся, как бы не потерпел чего подобного соблудивший, и увещевал коринфян скорее простить его, «дабы он не был поглощен чрезмерной печалью» (2Кор. 2:7). Потом, показывая, что это есть одна из сетей дьявола, говорит: «чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы» (2Кор. 2:11), – то есть, что он приступает к нам с великой хитростью. В самом деле, если бы он ратовал явно, то легко и удобно было бы побеждать его. Но нам легко будет и ныне победить его, если будем бодрствовать; против всех этих

коварств Бог снабдил нас оружием. Слушай, что говорит Он, желая убедить нас, чтобы мы не пренебрегали ничем малым: «кто скажет брату своему: безумный, подлежит геенне огненной» (Матф. 5:22); и тот, кто смотрит похотливыми глазами, совершенный есть прелюбодей. Также и смеющихся называет несчастными; и везде истребляет начатки и семена зла и говорит, что и за праздное слово отдадим ответ. Вот почему и Иов очищал даже и помышления детей своих (Иов. 1:5). А о том, что не надобно отчаиваться, так говорит Писание: «разве, упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются» (Иер. 8:4)? И еще: «разве Я хочу смерти беззаконника? Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив» (Иез. 18:23). Также: «если бы вы ныне послушали голоса Его» (Пс. 94:7). И много других подобных слов и примеров находится в Писании. А о том, чтобы нам не погибнуть под видом благочестия, послушай, что говорит Павел: «дабы он не был поглощен чрезмерной печалью» (2Кор. 2:7). Зная же это, оградим себя от всех путей, гибельных для беззаботных, знанием Писания. Не говори: что в том, если я пристально посмотрю на красивую женщину? Если ты в сердце учинишь прелюбодеяние, то скоро осмелишься сделать это и плотью. Не говори: что в том, если я пройду мимо этого нищего? Если ты пройдешь мимо него, то пройдешь и мимо другого, а после этого – и третьего. И опять, не говори: что и в том, если пожелаю собственности ближнего? Это-то именно и погубило Ахава, хотя он и цену давал, но брал против желания владевшего (3Цар. 21). Покупающий не должен делать насилия, а должен убеждать. Если же тот, кто давал надлежащую цену, так осужден был за то только, что взял против согласия другого, то какого наказания достоин тот, кто не только делает это, но похищает насильственно,

и при том, живя под благодатью? Итак, чтобы не понести нам наказания, будем блюсти себя чистыми от всякого насилия и хищничества, будем оберегать себя не только от грехов, но и от их начатков, и со всем тщанием возревнуем о добродетели. Таким образом, мы насладимся и вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Беседа 87

[1] «Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк и, раздев Его, надели на Него багряницу; и, сплетя венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь перед Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!» (Матф. 27:27–29)

[2] Тяжесть оскорблений, понесенных Христом. – Польза всенародного и частного чтения истории страданий Христа. – Старание иудеев опорочить славу Христа и его безуспешность. – Примером своих страданий Христос научает долготерпению. – Польза, получаемая от оскорблений. – Как можно научиться спокойному перенесению обид. – Должно не гневаться на обижающих, а скорбеть о них. – Уважающий самого себя никем не может быть обесчещен.

[3] 1. Как будто по какому уговору ликовал тогда со всеми дьявол. Пусть, в самом деле, ругались над Христом иудеи, истаивая от зависти и ненависти; но каким образом и почему воины делали это? Не явно ли, что дьявол тогда со всеми пиршествовал? До того они были жестоки и неукротимы, что из оскорблений, наносимых Христу, делали себе удовольствие. Им надлежало удержаться от этого, надлежало плакать по примеру народа; но они не делали этого, а напротив, оскорбляли Его, нападали на Него нагло, может быть, желая тем угодить иудеям, или

делая это только по своему злонравию. И оскорбления были различные и многообразные. Эту божественную голову то заушали, то уязвляли терновым венцом, то били тростью люди скверные и нечистые. Какой после этого мы дадим ответ, – мы, которые гневаемся за каждую обиду нам наносимую, тогда как Христос претерпел такие страдания? А то, что совершали с Ним, было крайней степенью поругания. Не часть одна, а все тело терпело страдания: голова – от венца, трости и ударов, лицо – от плеваний, ланиты – от заушений, все тело – от бичевания, одеяния хламидой и притворного поклонения, рука – от трости, которую дали держать Ему вместо скипетра, уста – от поднесения уксуса. Что может быть тяжелее этого? Что обиднее? Поистине, происходившее превосходит всякое описание. Как бы боясь, чтобы не опустить какой-либо наглости, они, убивавшие пророков своими руками, Христа умерщвляют по определению судьи. Они все делают: и убивают своими руками, и судят, и осуждают, и на своем суде, и перед Пилатом, говоря: «кровь Его на нас и на детях наших»; нападают с неистовством, издеваются, связывают, отводят, делаются виновниками оскорблений, нанесенных воинами, пригвождают к кресту, поносят, оплевывают, насмехаются. Пилат здесь ничего не присоединял со своей стороны: они сами все делали, сами были и доносчиками, и судьями, и палачами, и всем. И это у нас прочитывается при всеобщем собрании. Чтобы не сказали нам язычники: вы показываете народу только блистательное и славное, например – знамения и чудеса, а позорное скрываете, благодать святого Духа так устроила, что все это прочитывается у нас во всенародный праздник, именно в великий вечер Пасхи, когда мужи и жены предстоят в большом множестве;

когда стекается целая вселенная, тогда и проповедуется это громким голосом. И, несмотря на то, что это читается и сообщается всем, мы веруем, что Христос есть Бог; и как по другим причинам, так и потому поклоняемся Ему, что Он благоволил до того снизойти для нас, что претерпел такие страдания и научил нас всякой добродетели. Но и всегда должны мы читать это, потому что великая отсюда происходит прибыль, великая польза. В самом деле, когда ты видишь, как и на словах, и на деле насмехаются над Ним, с каким издевательством склоняются перед Ним, как тяжко заушают Его и заставляют терпеть крайние страдания, – то хотя бы ты был бесчувственным камнем, сделаешься мягче воска, и изринешь из сердца твоего всю надменность. Слушай же, что следует далее. После того, как насмеялись над Ним, «повели Его на распятие» (Матф. 27:31), и, обнажив Его, взяли себе одежды Его и, сев, выжидали, когда Он испустит дух. И разделили одежды Его, как это обыкновенно бывает с осужденными самого низкого рода, с отверженными, с беззащитными и беспомощными; разделили те ризы, которые произвели столько чудес, и которые, однако же, не оказывали тогда никакого действия, так как Христос удерживал Свою неизреченную силу. И этот поступок составляет немаловажное прибавление к их сумасбродству: они, как я сказал, во всем поступали с Ним, как с бесчестным и презренным, как самым последним человеком. С разбойниками ничего подобного они не делали, а против Христа достало у них дерзости на все это. Его и распяли посреди их, чтобы Он разделил с ними их худую славу. «Дали Ему пить уксуса» (Матф. 27:34), – и это с целью надругаться: «Он же не хотел пить». Другой же повествует, что, отведав, Он сказал: «совершилось» (Иоан. 19:30)! Что же значит это

слово: «совершилось»? Совершилось о Нем пророчество: «и дали», говорит, «мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом» (Псал. 68:22). Впрочем, и этот не показывает, что Он пил. Нет различия – отведать что-нибудь только и не пить: это означает одно и то же. Но и здесь еще не конец их неистовству. После того, как обнажили Его, распяли, подносили уксус, они идут еще далее: смотря на пригвожденного к кресту, поносят и они сами, и мимо проходящие; и что было всего тяжелее, Он терпел страдания как бы льстец и обманщик, как гордый и пустой самохвал. Для того они и распяли Его всенародно, чтобы в глазах всех ругаться над Ним; для того распяли и руками воинов, чтобы под предлогом, что приговор произнесен в народном судилище, тем свободнее предаваться неистовству.

4 2. И кого бы не смягчил народ, последующий за Ним и рыдающий? Но только не этих зверей. Вот почему Он тех и удостоил ответа, а этих не удостоил. После того, как сделали все, что хотели, стараются опорочить и славу Его, страшась Его воскресения. С этой целью они всенародно говорят об этом, распинают с Ним разбойников, и, желая огласить Его льстецом, говорят: «Разрушающий храм и в три дня Созидающий! спаси Себя Самого» (Матф. 27:40). Когда, тщетно просив Пилата снять вину (а вина была написана такая: «царь Иудейский» – Иоан. 19:21–22), они не успели в намерении (он воспротивился им, сказав: «что я написал, то написал»), – тогда они уже ругательствами своими старались показать, что Он не царь. Поэтому они, кроме тех слов, говорили и следующие: «если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста» (Матф. 27:42); и еще: «других спасал, а Себя Самого не может спасти», – и покушались, таким образом, омрачить и прежние знамения Его. Также: «уповал на Бога; пусть теперь

избавит Его, если Он угоден Ему». О, скверные и пребеззаконные! Что же: пророки разве не были пророками, или праведные – праведными, оттого, что их Бог не исхитил от напастей? Они оставались таковыми, хотя и претерпевали страдания. Что может сравниться с вашим безумием? Если их слава не омрачилась бедствиями, наведенными вами на них, но они остались пророками и при всех страданиях, которые терпели, то тем более не надлежало вам соблазняться о Христе, Который и делами, и словами искоренял в вас эту мысль. Впрочем, говоря и делая это, они ничего не успели даже в самое это время. Тот, который погибал в крайнем нечестии, который все время жизни своей провел в убийствах и грабежах, в то время, как сказано было это, исповедал Его и вспомнил о царствии; равно и народ плакал о Нем. Хотя несведущим строения тайны казалось, что все происходившее свидетельствовало о противном, – именно, что Он слаб и бессилен, – но истина и самыми противными обстоятельствами усилилась. Итак, слыша это, вооружимся против всякого возмущения сердечного, против всякого гнева. Если увидишь, что сердце твое возгорается, огради грудь твою крестным знамением: вспомни что-нибудь из случившегося тогда, – и этим воспоминанием ты рассеешь всякое возмущение духа, как прах. Помысли о словах, делах; помысли, что Он Владыка, а ты – раб. Он пострадал для тебя, а ты для себя; Он за облагодетельствованных Им и вместе распявших Его, а ты за себя самого; Он за причинявших Ему оскорбления, а ты часто за обиженных тобой; Он – в глазах целого города, даже всего народа иудейского, в глазах пришельцев и соотечественников, которым Он изрекал человеколюбивые глаголы, а ты – в присутствии нескольких. А что всего обиднее, Он оставлен был и

самими учениками. Те, которые прежде услуживали Ему, убежали от Него; а враги и противники – иудеи, воины, с обеих сторон разбойники, окружая Распятого, досаждали, укоряли, поносили, насмехались, хулили: и разбойники оба поносили и хулили Его. Но как же Лука говорит (Лук. 23:40), что один из разбойников поносил Его? И то, и другое было; сперва хулили оба, а после не так уже. Чтобы ты не подумал, будто бы это произошло по какому-то согласию, или что разбойник не был разбойником, – евангелист его ругательством доказывает тебе, что сперва на кресте был разбойник и враг, но внезапно изменился. Итак, обо всем этом размышляя, подумай: что потерпел ты подобное тому, что понес Господь твой? Ты посрамлен публично? Но, конечно, не так. Ты наказан? Но, конечно, не по всему телу, и не столько обнажен и замучен. Если и заушали тебя, то опять не так.

[5] 3. Прибавь к этому: от кого, за что, когда? И что всего тяжелее, – на происходившее тогда никто не жаловался, никто не обнаруживал негодования; напротив все хвалили, все вместе смеялись и посрамляли, поносили Его как обманщика, самохвала и льстеца, который не может оправдать делами слов своих. Но Он совершенно молчал, подавая нам неоцененное врачевание – долготерпение. А мы, слушая это, не умеем быть терпеливыми даже и перед рабами своими, но пуще диких ослов скачем и бьем ногами; люты и бесчеловечны бываем против обижающих нас, а о том, что касается до Бога, заботимся мало. Таковы же остаемся и в отношении к друзьям: если кто обидит нас, никак не стерпим; если досадит кто, мы свирепствуем более зверей, мы, которые читаем это ежедневно. Один ученик предал, прочие, оставив Его, убежали; те, которые облагодетельствованы, плевали на

Него; слуга архиереев заушал; воины били по ланитам; мимо проходящие насмехались и поносили; разбойники также укоряли; и Он никому не отвечал ни слова, но всех победил молчанием, самым делом научая тебя тому, что чем более ты будешь переносить все с кротостью, тем легче победишь несправедливо поступающих с тобой, и всех заставишь удивляться тебе. Кто, в самом деле, не подивится тому, кто с кротостью переносит обиды, наносимые со стороны дерзких поносителей. Подобно тому, как тот, кто хотя и законно страдает, но переносит бедствия с кротостью, многими считается за невинного страдальца, так, напротив, тот, кто страдает и невинно, но от нетерпения неистовствует, навлекает подозрение, будто он терпит достойное, и становится предметом смеха, как пленник, увлекаемый гневом, потерявший свое благородство. Такой человек недостоин называться и свободным; хотя бы управлял тысячами слуг. Но тебя кто-нибудь сильно раздражил? И что же в том? Теперь-то и надлежит показать свое любомудрие. Мы и зверей видим кроткими, когда их никто не раздражает; не всегда и они свирепствуют, а когда только кто раздразнит их. Итак, если и мы только тогда остаемся спокойными, когда никто нас не раздражает, то чем мы превышаем зверей? Они не без причины часто мечутся, и могут быть извинены, так как ярятся оттого, что их раздражают и бьют; сверх того, у них нет рассудка и они от природы получили зверство. Но когда ты свирепствуешь и зверствуешь, скажи мне, в чем можешь найти себе извинение? Какое зло потерпел ты? Ограблен ли? Потому-то ты и должен перенести это, что тем самым приобретаешь большее. Обесславлен ли? Что же в этом? Ты сам от того не меньше стал, если ты рассудителен. Если же ты ничего не потерпел худого, то почему

гневаешься на того, кто не только не причинил тебе зла, но принес еще и пользу? Те, которые уважают нас, усыпляют и разнеживают нас; напротив, обижающие и презирающие делают более терпеливыми тех, которые внимательны к себе. Ленивые более терпят вреда, когда их уважают, нежели тогда, когда оскорбляют их. Оскорбляющие заставляют нас умудряться, когда мы бодрствуем над собой; а те, которые хвалят нас, умножают в нас надменность, возбуждают гордость, тщеславие, беспечность, и делают душу изнеженной и слабой. Это доказывают те отцы, которые не столько ласкают своих детей, сколько бранят, боясь, как бы они не потерпели вреда от снисхождения; то же средство употребляют и учители. Поэтому, если кого следует отвращаться, то именно льстецов, а не оскорбляющих нас: больше приносит вреда лесть, нежели обида. Ласкательство есть приманка для неосторожных, и от нее труднее предостеречься, нежели от той; да и больше за то награды, более славы. И подлинно, более достойно удивления видеть человека, которого оскорбляют и он не возмущается, чем такого, которого бьют, поражают, и он не падает. Но как возможно, скажешь ты, не возмущаться. Обидел ли кто тебя? Огради крестным знамением грудь; вспомни все, что происходило на кресте – и все погаснет. Не думай об одних обидах, но вспомни вместе и о добре, какое ты когда-нибудь получил от обидевшего; и тотчас станешь кротким. Особенно же и, прежде всего, приведи на мысль страх Божий, и вскоре сделаешься умерен и покоен.

[6] 4. Кроме того, возьми пример в этом случае и с рабов своих. Когда видишь, что ты бранишься с кем-нибудь из них, а тот молчит, то представь, что можно быть благоразумнее, и укори себя за свое раздражение. Во

время самых обид приучайся не оскорблять другого, и тогда, будучи оскорбляем, не будешь чувствовать скорби. Представь, что обижающий тебя в исступлении и не в своем уме, и тогда не будешь досадовать на обиду. Случается, что беснующиеся бьют нас, однако мы не только не гневаемся на них, но и жалеем их. Поступай и ты так, – пожалей об обижающем; он ведь одержим лютым зверем – яростью, демоном неистовым – гневом. Поспеши освободить того, которого мучит злой демон, и который так скоро погибает. Поистине, гнев такая болезнь, что немного надобно времени для того, чтобы погиб одержимый ею. Поэтому и сказал некто: «самое движение гнева есть падение для человека» (Сирах 2:22), показывая ее жестокость особенно в том, что она в короткое время причиняет великое зло и не имеет нужды в продолжительности времени; а если бы, при ее силе, она была еще и продолжительна, то с ней нельзя было бы и бороться. Желал бы я показать тебе, кто таков обидчик, и кто – любомудрствующий; желал бы представить тебе в обнаженном виде душу того и другого. Ты увидел бы, что сердце первого подобно волнующемуся морю, а последнего – как тихое, безмятежное пристанище; он не возмущается этими бурными ветрами, напротив, легко укрощает их. Обидчики все делают, чтобы уязвить другого; но когда теряют всякую надежду успеть в этом, сами, наконец, укрощаются и отходят уже исправившимися. И не может быть, чтобы разгневанный человек, наконец, сильно не укорил себя, подобно тому, как невозможно, чтобы человек не разгневанный укорял себя. Если нужно против кого-нибудь восстать, то это можно сделать и без гнева, и даже удобнее и благоразумнее, нежели как с гневом: тогда ничего не потерпишь неприятного. Если захотим, все счастье наше

и все доброе будет зависеть от нас, и мы будем в состоянии, при помощи благодати Божьей, устроить свою безопасность и сохранить честь. Для чего ищешь ты себе у другого почести? Уважай сам себя, и никто не нанесет тебе бесчестия; но когда ты сам себя бесчестишь, то хотя все будут чтить тебя, ты останешься бесчестным. Подобно тому как, если мы сами себя не расстроим, то никто другой нас не расстроит, точно также, если мы сами не будем бесчестить себя, то никто другой нас не осрамит. Представим себе человека великого и достойного славы; и пусть все стали бы называть его прелюбодеем, вором, гроборасхитителем, человекоубийцей, разбойником; но если он ничем этим не раздражается, ни на что не досадует и ничего такого не сознает в себе, то какое он от того терпит бесчестие? Никакого. Что же, – скажешь, – если многие имеют о нем такое мнение? И в таком случае он не обесчещен, а обесчестили себя те, потому что не считают его таковым, каков он есть. Скажи мне: если бы кто стал считать солнце темным, то солнце ли, или себя он обесчестил бы? Конечно себя самого, навлекая на себя подозрение, что он или слеп, или не в уме. Так и те, которые считают добрых худыми, – срамят себя самих. Поэтому надлежит прилагать большое старание о том, чтобы сохранить совесть свою чистой, и не подать никакого случая к подозрению на нас. Если же и при таком нашем поведении другие хотят неистовствовать, то не нужно заботиться или скорбеть об этом. Если кто добр в себе, а его считают худым, то он ничего от того не теряет, оставаясь таким, каким он есть; напротив, кто питает безрассудные, пустые подозрения, подпадает крайней гибели. Точно также и худой, если считают его не таковым, не получает от того никакой выгоды, а подвергнется большему осуждению, впадет только в

большую беспечность. Худой, когда таким и считается, по крайней мере, смиряется и сознает грехи свои; напротив, когда укрывается, впадает в бесчувственность. В самом деле, если и тогда, как все укоряют, грешники едва возбуждаются к сокрушению, то может ли открыть глаза свои живущий в нечестии тогда, когда не только не осуждают его, но и хвалят? Не слышишь ли, как и Павел порицает за то, что коринфяне, ублажая и уважая соблудившего, не только не допустили его осознать грех свой, но и утвердили его в его нечестии? Поэтому умоляю вас – оставим мнения о нас других, обиды и почести, и будем стараться только об одном, – чтобы соблюдать совесть незазорной и не осрамить самих себя. Таким образом мы и здесь, и в будущем веке будем наслаждаться великой славой, которую все да сподобимся получить по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Беседа 88

[1] «От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил». (Матф. 27:45–46)

[2] Величие небесного знамения, явленного при кресте. – Мрак при распятии не был следствием обычного затмения. – Почему это чудо не оказало действия на язычников. – Знамения власти и силы, показанные Христом при смерти. – Мужество жен и Иосифа. – Милостыня, подаваемая бедному, дается Христу. – Почему проповедник часто беседует о милостыне. – Почему не говорит о борьбе против врагов веры. – Добродетели христиан – лучше оружия против неверующих. – Против производящих шум и разговор в церкви.

[3] 1. Вот то знамение, которое Он прежде обещал просившим! «Род лукавый и прелюбодейный», – так говорил Он, – «знамения ищет, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка» (Матф. 12:39; Лук. 11:26), – то есть крест, смерть, гроб и воскресение. И опять, иным образом указывая на силу креста, говорил: «когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я» (Иоан. 8:28), – то есть, когда распнете Меня, и подумаете, что уже победили Меня, тогда-то особенно узнаете Мою

силу. Действительно, после того как Он был распят, их город истреблен, иудейство кончилось, гражданское бытие и свобода их исчезли; напротив, евангельская проповедь процвела и простерлась до пределов вселенной: земля и море, обитаемые и необитаемые страны, повсюду возвещают силу слова Христова. Итак, вот что говорит Он, и вот что случилось во время распятия на кресте! И это тем более удивительно, что случилось в то время как Он пригвожден был к кресту, а не тогда, когда ходил по земле. Но не это одно дивно; дивно то, что знамение, которого они искали, было и с неба, и явилось во всей вселенной, чего прежде никогда не случалось, разве только в Египте, когда надлежало совершить пасху, поскольку то было образом настоящих событий. Заметь и то, когда это происходит: в полдень, когда по всей вселенной был день, дабы знали все обитатели земли. Этого достаточно было, чтобы обратить их к истине, не только в виду величия чуда, но и в силу его благовременности. В самом деле, оно совершается уже после всех дел безумия их, после беззаконного издевательства, когда они уже оставили свое неистовство, когда перестали насмехаться, когда насытились бесстыдными ругательствами, и высказали все, что хотели: только после всего этого показал Он тьму, чтобы, по крайней мере, теперь они укротили гнев свой, и извлекли себе пользу из чуда. Совершать такие знамения на кресте было гораздо удивительнее, нежели сойти с креста. Если они думали, что эти чудеса совершал Он, то необходимо надлежало верить и трепетать; а если думали, что не Он, но Отец, – и тогда им надлежало прийти в сокрушение, так как мрак этот свидетельствовал о том, что Отец прогневан был их преступлением. А что это не было затмение, а гнев и негодование, это видно, кроме

того, и из самого времени: тьма продолжалась три часа. Затмение совершается в несколько минут, как это известно тем, кто наблюдал это явление; таково и в наше время случилось затмение. Отчего же, скажешь, не пришли в изумление все, и не признали Христа Богом? Оттого, что тогда род человеческий погружен был в беспечность и нечестие; чудо, это было одно, и едва явилось, вскоре окончилось; а ни у кого не было ревности изыскать причины его; явные беззакония находили себе извинение и в обычаях. Не хотели и знать, что за причина этого явления, а думали, что оно было следствием или затмения, или другой какой естественной причины. И что дивиться внешним, которые ничего не знали, и по своей великой беспечности не старались узнать причины события, когда жившие в самой Иудее, после стольких чудес, продолжали поносить Иисуса, хотя им явно было, что Он это сделал? Для того Он и говорит после этого чуда: «Или, Или, лама савахфани», чтобы они знали, что Он еще жив, и что Он совершил его, и, таким образом, укротили бы свою ярость. Из этого они могли видеть, как Он даже до последнего издыхания чтит Отца, и не есть богопротивник. Он взывает пророческим голосом, свидетельствуя до последнего часа об истине ветхого завета, и не только пророческим, но и еврейским, чтобы им было понятно и внятно. Во всем этом показывал Он Свое единомыслие с Отцом Своим. Но заметь и здесь их дерзость, необузданность и безумие. Они подумали, говорит евангелист, что Он зовет Илию, – и тотчас напоили Его уксусом. А другой, подойдя, пронзил копьем бок Его. Что может быть нечестивее этого, что звероподобнее? До того простерли свое неистовство, что и над бездыханными останками ругаются. Но смотри, как Он и их нечестие обращает к нашему спасению. За

ударом истекли источники спасения нашего. «Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух» (Матф. 27:50). Вот то, о чем Он говорил: «имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее. Я Сам отдаю ее» (Иоан. 10:18). Для того Он и возопил, чтобы показать, что дело совершается по Его воле. Марк говорит: «и удивился, что Он уже умер» (Мк. 15:44), и что сотник особенно потому уверовал, что Иисус умер со знамениями власти. Голос этот разодрал завесу, отверз гробы и сделал храм пустым. И это учинил Он не для того, чтобы обесчестить храм (мог ли сделать это Тот, Кто говорил: «дома Отца Моего не делайте домом торговли» – Иоан. 2:16), но показывал этим, что они недостойны пребывания в нем; подобно тому как когда Он предал его и вавилонянам. Кроме того, настоящее событие было еще и предречением будущего запустения и перемены на лучшее и высшее и знамением Его могущества.

[4] 2. Вместе с тем и в последовавших за тем событиях Христос показал Свою силу, именно в воскресении мертвых, в помрачении света, в перемене стихий. Во время Елисея один мертвец, коснувшись мертвеца, воскрес. Теперь голос воздвиг мертвецов, тогда как тело пригвождено было к кресту. Впрочем, первое было прообразом настоящих событий; для того оно и происходило, чтобы верили настоящему. И не только возбуждаются мертвые, но и камни расседаются, и земля трясется, чтобы познали, что Он мог и их и омрачить, и расторгнуть. Тот, Кто расторгнул камни и омрачил вселенную, тем более мог сделать то же над ними, если бы захотел. Но Он не восхотел этого; излив гнев Свой на стихии, Он желал спасти их кротостью. Но они не оставили своего неистовства. Такова зависть, такова ненависть: не легко укротить ее! И при всех таковых

явлениях бесстыдство их было одинаково. Впоследствии же, когда, несмотря на то, что положена была печать на гробе, приставлена воинская стража, Он воскрес, и они услышали об этом от самих стражей, обольстили и других деньгами, и хотели скрыть свидетельство о воскресении. Итак, не удивляйся тому, что они и тогда так бесчестно поступали: так они раз навсегда расположились во всем поступать бесстыдно! Смотри только, сколько знамений Он сотворил, то на небе, то на земле, то в самом храме. Этим Он частью показывал Свое негодование, частью то, что и недоступное сделается теперь доступным, и что небо отверзнется и откроется истинное святое святых. Они говорили: «если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста»; а Он показывает им, что Он есть Царь всей вселенной. Они говорили: «Разрушающий храм и в три дня Созидающий»; а Он указывает, что их храм совершенно запустеет. Далее, они говорили: «других спасал, а Себя Самого не может спасти»? Он же, пребывая на кресте, с избытком показывает им Свою силу над телами рабов Своих. Подлинно, если великое дело выйти из гроба четвородневному Лазарю, то гораздо важнее всем давно усопшим внезапно явиться живыми, что было знамением будущего воскресения. «Многие», говорится, «тела усопших святых воскресли и, вошли в святой город и явились многим» (Матф. 27:52–53). Чтобы это событие не сочли призрачным, воскресшие являются многим в городе. Тогда и сотник прославил Бога, говоря: «воистину Он был Сын Божий. Весь народ, сшедшийся на сие зрелище, видя происходившее, возвращался, бия себя в грудь (Матф. 27:54; Лк.23:48). Такова сила Распятого, что после таких насмешек и ругательств, и сотник, и народ пришли в устрашение! Некоторые говорят, что этот сотник, укрепившись после того в вере, совершил

мученический подвиг. «Там были также и смотрели издали многие женщины, которые следовали за Иисусом из Галилеи, служа Ему; между ними были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых» (Матф. 27:55–56). На эти события взирают жены, особенно сострадательные и сетующие. Смотри, каково их усердие! Они следовали за Ним, чтобы прислуживать Ему, и не отлучались от Него даже среди опасностей. Потому они и видели все: видели, как Он возопил, как испустил дух, как камни расселись, и все прочее. И они первые видят Иисуса, этот, столь презираемый, пол первый наслаждается созерцанием благ. В этом особенно видно их и мужество. Ученики убежали, а эти жены присутствовали. Кто же они были? Матерь Его, которую евангелист называет Иаковлевой, и прочие. Другой евангелист говорит, что и многие плакали об этом и били грудь свою. Это показывает, какова была жестокость иудеев. О чем другие воздыхали и плакали, над тем они смеялись, ни жалостью не трогались, ни страхом не укрощались. Все происходившее тогда было знамением великого гнева Божьего; не просто знамением, но знамением ярости; все означало гнев чрезмерный, и тьма, и рассевшиеся камни, и разодранная пополам завеса, и землетрясение. «Иосиф, придя к Пилату, просил тела Иисуса» (Матф. 27:58). Этот Иосиф – тот самый, который доселе скрывался; теперь, по смерти Христовой, он одушевился великим дерзновением. Он был не незаметный человек, но знаменитый и знатный, именно почтенный член синедриона. Отсюда особенно можно видеть его мужество. Он отваживался теперь на явную смерть, потому что возбуждал всеобщую против себя ненависть, когда обнаруживал свою любовь к Иисусу и дерзнул просить тело Его, и не прежде отступил, пока не

получил его; дерзнул даже не только принять тело и похоронить честно, но и положить в своем новом гробе, чем показал и свою любовь, и мужество. И это случилось не без причины, но именно потому, чтобы не имели подозрения, будто вместо одного восстал другой. «Была же там Мария Магдалина и другая Мария, которые сидели против гроба» (Матф. 27:61). Для чего они сидят здесь? Они ничего еще не знали о Нем должным образом, ничего не представляли великого и высокого. Потому принесли они и миро, и при гробе бодрствовали, чтобы, когда утишится неистовство иудеев, приступить и намастить Его.

[5] 3. Видишь ли мужество жен? Видишь ли пламенную любовь их? Видишь ли щедрость в издержках и решимость на самую смерть? Будем и мы, мужи, подражать женам, чтобы не оставить Иисуса в искушениях. Они столько издержали для умершего, и предавали даже души свои, а мы (опять скажу то же) ни алчущего не питаем, ни нагого не оденем, но, видя, что просит он, спешим пройти мимо. Конечно, если бы вы увидели Его самого, то каждый истощил бы все свое. Но и ныне Он тот же, потому что Сам сказал: «Я есмь». Итак, почему же ты не все иждиваешь? И ныне слышишь, как говорит Он: Мне творишь. Никакого нет различия, Ему ли, или другому ты подашь. И ты сделаешь не менее тех жен, которые тогда Его питали; напротив, даже еще более. Не смущайтесь. Не одно и то же – питать Его самого, когда Он являлся во всей славе, которая могла расположить к Нему и каменную душу, и – служить, в исполнение только Его заповеди, бедному, убогому, согбенному. Там в любви твоей участвует уважение к лицу и достоинству присутствующего; здесь вся честь принадлежит твоему человеколюбию: здесь ты большее показываешь уважение

к Нему, когда только по заповеди Его служишь подобному тебе рабу Его, и угождаешь ему во всем. Итак, угождай, веруя приемлющему и говорящему: Мне дал. Если бы ты не Ему давал, Он не удостоил бы тебя Своего царствия. Если бы не Его ты отвращался, Он не послал бы тебя в геенну; не осудил бы на мучения, если бы ты презрел просто человека. Нет; пренебрегаемым является сам Он; потому-то и составляет это великое прегрешение. Так и Павел Его гнал, когда преследовал верующих, почему и сказал Он: «что ты гонишь Меня» (Деян. 9:4)? Итак, будем же настолько усердны, как если бы мы самому Христу подавали, когда подаем ближним. Подлинные слова Его достовернее, нежели глаза наши. Поэтому когда видишь бедного, вспомни слова Его, которыми Он сказал тебе, что Он есть самый тот, кого ты питаешь. Хотя являющийся тебе и не Христос, но под образом этого бедняка Он сам просит и принимает. Но ты стыдишься слышать, что Христос просит? Напротив, стыдись, когда не дашь просящему; это точно есть срам, наказание, мучение. Когда Он просит, это происходит от Его благости, и потому нам нужно даже хвалиться этим; но когда ты не подаешь, это показывает твою жестокость. Если ты теперь не веришь мне, что, проходя мимо нищего – верующего, проходишь мимо самого Христа, то поверишь этому тогда, когда Он выведет тебя на суд и скажет: «так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне» (Матф. 25:45). Но да не будет, чтоб мы узнали это таким образом. Поверим же этому ныне и принесем плод, чтобы нам услышать блаженный голос, вводящий нас в царство! Но, может быть, кто-нибудь скажет: каждый день говоришь ты нам о милосердии и человеколюбии. Я и не перестану говорить об этом. Если бы вы и преуспевали даже в этих

добродетелях, и тогда бы мне не надлежало прекращать о них речь, чтобы не сделать вас беспечными. Конечно, если бы вы преуспевали, я говорил бы меньше. Но когда вы и в половину надлежащего не успели в этом, то не мне, а себе говорите такие слова. Подлинно, жалуясь на меня, ты делаешь то же самое, что и дитя, когда оно, много раз слыша альфу и не заучивая ее, стало бы жаловаться на учителя, что он часто и даже беспрестанно повторяет одно и то же. В самом деле, кто от слов моих склонился к подаче милостыни? Кто расточил имение? Кто половину, кто третью часть роздал? Никто! Итак, прилично ли вам запрещать учить вас, когда вы еще не научились? Вам надлежало бы поступать напротив, – надлежало бы, если бы мы даже и захотели прекратить учение, удержать нас и сказать: мы еще не заучили этого, – для чего перестаете учить нас? Если бы случилось, что у кого-нибудь болел глаз, а я был бы врачом, обвязал бы глаз, дал бы мази, применил бы другие средства, но, ничего не сделав действительно полезного, ушел бы, то не пришел ли бы он к дверям моего дома и не стал бы упрекать меня в крайней беспечности, что я оставил его тогда, как не прошла болезнь? И если бы я в ответ на обвинение сказал: я дал примочки, мази, – снес ли бы больной такое оправдание? Нет! Он тотчас сказал бы: какая мне в том польза, когда я еще страдаю? То же самое помышляй и о душе. Что, если бы я, и много леча ослабевшую, оцепенелую, скорченную руку, не излечил бы ее: не то же ли услышал бы я? Но мы и теперь врачуем точно скорченную и иссохшую руку. Потому, пока не увидим ее совершенно прямой, не перестанем ухаживать за ней. О, если бы и вы ни о чем другом не говорили, и дома, и на площади, и за столом, и ночью, и во сне! Если бы днем мы

беспрестанно заботились об этом, то и во сне занимались бы тем же.

[6] 4. Что ты говоришь? Что о милосердии всегда я рассуждаю? Я и сам желал бы, чтобы не было большой нужды в таких беседах с вами: я желал бы рассуждать о борьбе против иудеев, эллинов и еретиков; но нездоровых можно ли вооружать? Как выводить на сражение тех, которые покрыты язвами и ранами? Если бы я видел вас здоровыми, то, конечно, вывел бы на это сражение, и тогда вы увидели бы благодатью Христовой целые тысячи падающих врагов ваших, и их головы валяющиеся перед вами. Много было уже сказано нами об этом в различных книгах; и, однако, по нерадению многих, мы и теперь не можем еще торжествовать совершенную победу. Мы многократно побеждаем их в догматах; но они порицают нас за жизнь многих у нас числящихся, гнушаются их ранами и недугами сердечными. Итак, можно ли благонадежно выводить вас на сражение, когда вы и нам служите во вред, и при первом же появлении поражаетесь и осмеиваетесь врагами? У одного больна рука, скорчена, не может подавать. Как же он может держать щит и защищаться им, не уязвляясь от жестоких нападений? Другие хромают ногами: это те, которые ходят в театры и в дома блудниц. Как же они могут стоять на сражении и не уязвиться стрелами похоти? Иной болен глазами, совсем ослеп, или неправо смотрит, будучи исполнен блудодеяниями и занимаясь только злодейскими наветами против целомудрия жен, и подкопами против браков. Как же может такой смотреть на врагов, управлять копьем, бросать стрелы, когда отовсюду поражается насмешками? Иных видишь страждущих чревом, как бы одержимых водяной болезнью; они удручены чревонеистовством и пьянством. Итак, как могу

я вести этих пьяниц на сражение? У иного гнилые уста: таковы вздорные, ругатели, хульники. Как же они подадут своим голосом знак на сражении, и могут ли сделать что-нибудь важное и благородное, будучи объяты другого рода пьянством и составляя предмет смеха для врагов? Вот почему я каждый день обхожу свое войско, врачуя раны и исцеляя струпы. Если вы когда-нибудь протрезвитесь и будете способны поражать других, тогда научу вас и этому воинскому искусству и покажу, как действовать оружием, или лучше, тогда самые дела ваши будут для вас оружием: тогда все будут падать перед вами, – если, то есть, вы будете милосердны, кротки, тихи, незлопамятны и все прочие добродетели будут сиять в вас. Если же кто станет противоречить нам, тогда мы приложим и свой труд, представляя в пример вас. Между тем ныне вы даже служите препятствием в нашем течении. Смотри: мы говорим, что Христос сотворил великие чудеса, людей изменил в ангелов. Но когда спрашивают от нас доказательств на это, и заставляют представить пример из этого стада, – мы немы, и я боюсь, как бы вместо ангелов не выгнать свиней из хлева, или коней женонеистовых. Знаю, что это для вас больно; но не против всех это сказано, а только против виновных, вернее же и не против них, если они трезвы, а за них. Ныне все извращено и испорчено: церковь ничем не отличается от стойла быков, ослов и верблюдов; и я всюду хожу, ищу овцы – и не могу усмотреть. Так все топают и бьют ногами, как будто какие лошади или дикие ослы; наполняют место это только кучами навоза, – таковы именно их разговоры. Если бы можно было видеть, о чем говорят за всяким священным собранием мужи, жены, – то ты увидел бы, что слова их гаже всякого навоза. Потому умоляю, оставьте этот худой обычай, чтобы

церковь могла благоухать миром. Мы наполняем ее ныне только чувственным фимиамом, а о том, чтобы изгнать и истребить духовную нечистоту, и не заботимся. Что же в том пользы? Поистине, не столько бесчестим мы церковь, когда заносим в нее навоз, сколько оскверняем ее тогда, когда разговариваем в ней друг с другом о барышах, о торговле, о корчемстве, о том, что совсем не прилично нам, тогда как нужно было бы здесь присутствовать ликам ангелов, церковь делать небом, и ничего другого не знать, кроме сердечных молитв, молчания и внимания. Исправимся же, по крайней мере хоть с настоящего времени, чтобы очистить жизнь нашу и наследовать обещанные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Беседа 89

[1] «На другой день, который следует за пятницей, собрались первосвященники и фарисеи к Пилату и говорили: господин! Мы вспомнили, что обманщик тот, еще, будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну; итак, прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого». (Матф. 27:62–64)

[2] Запечатание гроба служит непререкаемым доказательством воскресения. – Ученики не могли ни украсть тела, ни вымыслить воскресения. – Почему воскресение должно было совершиться в пределах трех дней. – Обстоятельства, сопровождавшие воскресение. – Явление Воскресшего женам. – Увещания подражать мироносицам. – Против пристрастия к дорогим одеждам и украшениям. – Украшения – повод к бесчестию и скорбям. – Должно избегать ношения украшений особенно в церкви. – Любовь к украшениям отвращает от милостыни и бывает причиной распутства мужей.

[3] 1. Ложь везде обличает себя, и как бы невольно защищает истину. Смотри: надлежало верить тому, что Он умер и погребен и воскрес, – и все это через самих

врагов становится достойным всякого вероятия. Вникни в эти слова, которые вполне подтверждают все это. «Мы вспомнили», говорят, «что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал», – следовательно Он скончался; «после трех дней воскресну; итак, прикажи охранять гроб», – следовательно погребен Он; «чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его», – следовательно, если гроб запечатан, то обмана уже не будет. Невозможное дело! Итак, в самой вашей же просьбе дано непререкаемое доказательство Его воскресения. Если гроб был запечатан, то не было никакого и обмана; если не было обмана, а гроб найден пустым, то явно, что Он воскрес, – нельзя и прекословить этому. Видишь ли, как и против воли подвизаются в пользу истины? Рассмотри также, как дорожат истиной и ученики, – как ничего не скрывают из того, что сказано врагами, хотя бы то было и позорное. Вот они называют Его обманщиком; и ученики не умалчивают об этом. Это показывает и жестокость врагов, доходивших до того, что даже и по смерти не оставляли своего гнева, и вместе простоту и правдолюбие учеников. Надлежит при этом исследовать и то, где сказал Он: «после трех дней воскресну». Более ясных слов об этом нигде не найдешь, кроме примера Ионы. Беззаконные иудеи знали, следовательно, и понимали слова Его, и сознательно злодействовали. Что же отвечает им Пилат? «Имеете», говорит, «стражу; пойдите, охраняйте, как знаете. Они пошли и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать» (Матф. 27:65–66). Он не позволяет воинам одним печатать. Как бы узнав о его делах, он не хочет более действовать с ними за одно; а чтобы освободиться от них, позволяет им оградить гроб, и говорит: вы, как хотите, печатайте, чтобы после не винить других. Подлинно, если бы одни воины запечатали, то

иудеи могли бы сказать (хотя это и была бы невероятная ложь; но все же они как в других случаях бесстыдно клеветали, так и теперь могли бы сказать), что воины позволили унести тело, и дали ученикам возможность измыслить весть о воскресении. Теперь же, когда они сами утвердили гроб, не могут сказать и этого.

4 Видишь ли, как они против своей воли стараются об истине? Сами пришли, сами просили, сами запечатали вместе со стражей, чтобы, таким образом, быть обвинителями и обличителями самих себя. В самом деле, когда ученики могли бы украсть? В субботу? И притом, как? В субботу не позволялось и выходить. Если же преступили и закон, то, как эти столь робкие люди осмелились бы пойти? Как притом могли убедить народ? Что они могли говорить, что делать? Что за ревность побуждала их стоять за мертвеца? Какой ожидали награды? Какой почести? И от живого, когда только Он задержан был, они убежали; а после смерти могли ли бы дерзать за Него, если бы Он не воскрес? Как это сообразить? Что они не хотели и не могли вымыслить небывалого воскресения, видно из следующего. Много раз сказано было Им о воскресении, даже беспрестанно повторял Он, что, как сказали и сами враги, «после трех дней воскресну». Поэтому, если бы Он не воскрес, очевидно, они, как обманутые и преследуемые всем народом, изгоняемые из домов и городов, должны были бы отстать от Него; не захотели бы разносить такую о Нем молву, как обманутые Им и подпавшие за Него крайним бедствиям. А что они не могли вымыслить воскресения, если бы не было его на самом деле, об этом не нужно и говорить. В самом деле, на что они могли при этом надеяться? На силу ли своего слова? Но они были самые неученые люди. На богатство ли? Но они не имели даже

ни посоха, ни обуви. На знатность ли рода? Но они были бедны и от бедных рождены. На знатность ли отечества? Но они происходили из весей незнатных. На многочисленность ли свою? Но их было не более одиннадцати, и те рассеяны. На обещания ли Учителя? Но на какие? Если бы Он не восстал, то и остальные обещания Его не были бы для них достоверны. Итак, как могли бы они укротить неистовство народа? Если верховный из них не снес слова жены привратницы, а все прочие, увидев Его связанным, рассеялись, то, как они вздумали бы идти в концы вселенной, и там насаждать вымышленное слово о воскресении? Если один из них не устоял против угроз жены, а другие даже при виде уз, то, как могли они стать против царей, князей и народов, где мечи, сковороды, печи, бесчисленные роды ежедневной смерти, если бы не были укреплены силой и помощью Воскресшего? Совершено было множество великих чудес, и ни одного из них не устыдились иудеи, но распяли Сотворившего их; а простым словам учеников могли бы поверить о воскресении? Нет, нет! Все это сотворила сила Воскресшего.

[5] 2. И посмотри, как смешны их замыслы! «Мы вспомнили», говорят, «что обманщик тот, еще, будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну». Но если Он был обманщик и хвалился попусту, то чего вы боитесь, мечетесь и так суетитесь? Боимся, говорят, как бы ученики не украли и не обманули чернь. Но доказано уже, что этого никак не могло быть. И, однако, злоба упорна и бесстыдна, – покушается и на безумное дело. Велят до трех дней оберегать гроб, как бы стараясь защитить свое учение и желая показать, что Он и прежде был льстец, и даже в гробе можно подозревать Его в злобе. Поэтому-то Он и восстал скоро, чтобы не говорили,

что Он оказался лжецом и что тело украдено. Обвинять за то, что Он скоро восстал, было нельзя; замедление было бы подозрительно. Если бы Он не тогда воскрес, когда они сидели и оберегали гроб, но тогда, как спустя три дня они удалились бы, то могли бы еще что-нибудь говорить против, хотя бы и безрассудно. Для того Он предварил воскресением. Надлежало совершиться воскресению именно тогда, когда они сидели там и стерегли; следовательно, надлежало быть ему в пределах трех дней; а если бы оно произошло по истечении их, когда стража удалилась бы, дело могло бы быть подозрительным. Поэтому Господь попустил и запечатать гроб по их желанию, допустил быть при нем и воинам. Они не заботились и о том, что трудятся в субботу; но имели в виду только то одно, как бы им преуспеть в своей злобе. Вот высшая степень безумия и ужаса, потрясавшего их! Те, которые захватили Его в свою власть живого, боятся теперь умершего. Если это был простой человек, то следовало оставаться спокойными. Но дабы они познали, что и будучи живым Он добровольно претерпел все, что только претерпел, – вот и печать, и камень, и стража, – и все это не могло удержать мертвеца! Они успевают в том только, что и погребение становится известным, и воскресение Его получает большую достоверность, потому что и воины неотступно были при гробе, и иудеи надзирали. «По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб. И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег» (Матф. 28:1–3). По воскресении приходит ангел. Для чего же приходит он и отваливает камень? Для жен, которые

увидели его тогда в гробе. Они видят, что в гробе нет тела, и потому должны были поверить воскресению Его. Вот для чего снят камень; для того было и землетрясение, чтобы они воспрянули и пробудились от сна. Жены приходили для того, чтобы намастить елеем тело, и это было ночью: естественно, что некоторые из них и спали. Но зачем и почему сказал им ангел: «не бойтесь вы»? Прежде всего, он освобождает их от страха, и потом говорит о воскресении. И это слово – «вы», с одной стороны, выражает большую честь, а с другой – указывает на то, что ужасные ожидают бедствия тех, которые дерзнули на это злодеяние, если не покаются. Не вам, говорит, надлежит страшиться, а распявшим Его. Итак, освободив их от страха и словами, и взором, потому что показался в светлом виде, как принесший радостную весть, ангел присоединяет: «ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого» (Матф. 28:5). Не стыдится назвать распятым, потому что это высочайшее наше благо. «Воскрес». Откуда это видно? «Как сказал». Если мне, говорит, не верите, вспомните слова Его; тогда и мне не будете не доверять. Далее и другое доказательство: «подойдите, посмотрите место, где лежал Господь». Для того отвален камень, чтобы и отсюда они получили новое уверение. «Скажите ученикам Его, что предваряет вас в Галилее» (Матф. 28:7). Повелевает и другим благовествовать о воскресении, что особенно заставляет их верить. И хорошо сказал: «в Галилее»; избавляет их от забот и опасностей, чтобы страх не колебал веры. «И, выйдя поспешно из гроба, они со страхом и радостью великой побежали» (Матф. 28:8). Почему так? Потому, что видели поразительное и странное дело – гроб пустой, в котором прежде при их глазах положено было тело. Для того ангел и привел их к гробу, чтобы они могли быть

свидетельницами того и другого – и гроба, и воскресения. Действительно, они могли понять, что никто не мог бы унести Его в присутствии стольких воинов, если бы Он не восстал сам. Потому и радуются, и дивятся, и получают награду за такое постоянство: первые видят и благовествуют, – благовествуют то, о чем не только слышали, но и что видели.

6 3. Итак, когда они вышли со страхом и радостью, – «Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его» (Матф. 28:9). С великим весельем притекли к Нему, прикосновением твердо уверились в Его воскресении и поклонились Ему. Что же Он? «Не бойтесь»! Опять и сам прогоняет страх, уготовляя удобнейший путь вере. «Пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня» (Матф. 28:10). Смотри, как и сам Он через жен благовествует ученикам, – и, как часто говорил я, униженному полу возвращает честь и добрые надежды, и врачует немощное. Может быть, кто-нибудь из вас захочет, по примеру достохвальных жен, обнять ноги Иисуса? Можете и ныне, если хотите, не только руки и ноги обнять, но и священную Его голову, если будете приобщаться с чистой совестью страшных тайн. И не только здесь, но и в тот день узрите Его, грядущего в неизреченной славе с сонмом ангелов, если только захотите быть человеколюбивыми; услышите не только эти слова: «радуйтесь»; но и те: «придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Матф. 25:34). Итак, будьте человеколюбивы, дабы вам услышать эти слова. И вы, украшающиеся золотом жены, видевшие течение тех жен, оставьте, по крайней мере, теперь этот недуг златовожделения. Если ревнуете блаженным тем женам,

перемените украшения ваши, облекитесь милосердием. Что за польза, скажи мне, в этих драгоценных камнях и в златотканых одеждах? Скажешь: в них находит радость и отраду душа. Но я спрашиваю тебя о пользе, а ты говоришь о вреде. Нет ничего хуже, как заниматься такими вещами, радоваться им и прилепляться. Тем плачевнее тяжкое это рабство, что человек и, рабствуя, утешается. К какому духовному делу такой человек приложит надлежащее тщание? Будет ли так же осмеивать, как бы надлежало, житейские занятия, когда считает утешением связывать душу золотом? Кто живет в темнице, и с удовольствием, тот конечно никогда не захочет освободиться из нее. Так и душа златолюбивая: она как бы пленница злой своей страсти, – не захочет выслушать даже одного слова духовного с надлежащей охотой и ревностью; тем менее исполнить дело. Итак, скажи мне, что за выгода в этом украшении, в этой неге? Услаждаюсь, говоришь. Но опять повторяешь о вреде и гибели. Но я пользуюсь, говоришь ты, большим почетом у зрителей. И что ж в этом? Это только повод к гибели другого рода, когда ты надмеваешься, кичишься. Теперь, раз ты не могла показать пользы, выслушай, как я покажу тебе вред. Какой же вред? Тот, что забот гораздо более, нежели удовольствия. Потому-то многие из зрителей, и притом очень необразованные, ощущают более удовольствия, нежели ты, которая так украшена. Ты украшаешься с заботливостью, а они и без заботы услаждают свои взоры. С другой стороны, вред в том состоит, что ты унижаешь свою душу, возбуждаешь везде и повсюду зависть. Соседки твои раздражаются этим, восстают против своих мужей и поднимают против тебя жестокую брань. Сверх того, потратив на это все свое старание и заботу, ты пренебрегаешь духовными

упражнениями, исполняешься высокомерием, гордостью и тщеславием, прилепляешься к земле, теряешь крылья духовные и, вместо орла, становишься псом и свиньей. Перестав обращать взор свой и парить к небу, подобно свинье, смотришь только долу, заботишься о металлах и кладовых, и лишаешь душу твою твердости и свободы. Но ты еще выходишь на зрелище, чтобы показать себя? Тем более тебе не должно украшаться золотом, и чтобы не быть предметом общего внимания, и не отверзать уст толпы злословящих. Не думай, чтобы кто-либо из зрителей тебе удивлялся; напротив, они все смеются над тобой, как над щеголихой, как над женщиной гордой и заботящейся только о теле. Если ты приходишь в церковь, то, выходя из нее, ты ничего не понесешь с собой, кроме насмешек, ругательств и поношений, и не только от зрителей, но и от пророка. Велегласный Исаия, увидев тебя, тотчас возопит: так говорит Господь на владетельных дочерей Сиона: «ходят, подняв шею и обольщая взорами, и выступают величавой поступью и гремят цепочками на ногах, – оголит Господь темя дочерей Сиона и обнажит Господь срамоту их. И будет вместо благовония зловоние, и вместо пояса будет веревка» (Ис. 3:16–17,23). Вот что дадут тебе вместо украшения! Это сказано не о тех только, но и о всякой женщине, которая им подражает. Вместе с ним и Павел обличает, написав к Тимофею, чтоб он запретил женам украшать себя плетениями, золотом, или бисером, или ризами многоценными. Итак, украшаться золотом всегда пагубно, а особенно когда ты приходишь в церковь, когда проходишь мимо бедных; посмотри тогда на себя: ты увидишь, что одежда твоя не более, как личина жестокости и бесчеловечия.

[7] 4. Размысли, сколько в таком одеянии обходишь ты алчущих, сколько нагих в сатанинском украшении твоем! Насколько лучше было бы тебе накормить души алчущих, нежели проколоть уши и привесить к ним для пустой цели то, что могло бы доставить насущную пищу столь многим беднякам! Неужели быть богатой составляет, по твоему мнению, славу? Неужели украшаться золотом Ты считаешь делом важным? Если бы даже все это снискано было и праведными трудами, и тогда твое поведение достойно величайшего осуждения. Когда же и приобретено еще неправедным путем, то представь, как безмерно преступление. Но ты любишь похвалу и славу? Сними с себя позорную эту одежду, и тогда все тебе удивятся; тогда будешь наслаждаться и славой, и чистым удовольствием; ныне же ты осыпана ругательствами, и этим сама себе создаешь множество поводов к скорби. Представь, если что-нибудь пропадет. Сколько отсюда бед! Сколько рабынь должны будут терпеть наказание! Сколько мужчин приведено будет в тревогу! Сколько будет посажено, сколько будет жить в темницах! Затем пойдут суды, тяжбы, тысяча ругательств и поношений жене от мужа, мужу – от друзей, и душе – от себя самой. Но положим, что ничего и не пропадет, – хотя трудно без этого обойтись, – положим, что все всегда будет в целости: и в таком случае опять ты подвержена будешь только беспокойству, заботам, скорби, не получая пользы. Какая отсюда прибыль дому? Какая польза самой украшающейся? Пользы никакой, а бесчестия много и укоризны отовсюду. И как в таком украшении ты можешь лобзать и обнимать ноги Христа? Он отвращается от такого украшения. Потому-то Он благоволил родиться в доме плотника, а лучше сказать, даже и не в самом доме, но в пещере и яслях. Итак, как же ты можешь видеть Его,

когда не имеешь красоты для Него вожделенной, когда ты облечена не любезным для Него украшением, а ненавистным? Приходящий к Нему должен быть украшен не такими одеждами, а облечен добродетелью. Рассуди: что такое золото? Земля и прах. Брось в воду, – и будет грязь. Рассуди и устыдись, как ты прах делаешь своим владыкой; как ты, оставив все, сидишь с ним или всюду носишься с ним, даже когда приходишь в церковь, – где особенно надлежало бы удалять его, потому что церковь не для того создана, чтоб ты показывала в ней это богатство, а для того, чтобы ты показывала богатство духовное. А ты, как бы на зрелище, приходишь сюда в таком украшении и, подражая играющим на сцене женам, одеваешься с такой величавостью в смешной их сор. Вот почему ты приходишь сюда во вред для многих. По окончании собрания, в домах за трапезой вы услышите многих, беседующих об этом. Не говоря о том, что то и то сказал пророк и апостол, – заводят разговор о великолепии одежд, о драгоценности камней и о прочем безобразии украшающихся таким образом жен. Это-то самое и вас и мужей ваших делает скупыми на милостыню. Подлинно, никто из вас не захочет уделить из этого золота сколько-нибудь, чтобы накормить алчущего. Если ты соглашаешься скорее сама терпеть нужду, нежели допустить малейшую порчу в дорогой твоей вещи, то, как можешь уделить что-либо для того, чтобы накормить другого? Поистине, многие пристрастились к этим украшениям, как бы к одушевленным каким существам, и любят их не меньше, чем детей. Как это можно, скажете вы? Докажите же мне противное; докажите делами; теперь же я совсем не то вижу. Какая женщина из страдающих этим недугом, приобретя довольное число многоценных украшений, исхитила от

смерти душу дитяти? Но что я говорю: дитяти? Искупила ли она этими драгоценностями свою собственную погибающую душу? Напротив, из-за них многие продают ее ежедневно. Если случится болезнь телесная, они все делают; а если видят порчу душевную, ничего подобного не делают, но как о своей, так и о душе своих детей совсем нерадят, чтобы оставались их драгоценности, пока не заржавеют от времени. Ты осыпана несчетными талантами золота, а член Христов не имеет даже и необходимой пищи. Общий всех Владыка, Владыка неба и всех живущих на нем, всем равно предложил духовную Свою трапезу; а ты и из тленных вещей ничего не хочешь Ему дать, и хочешь оставаться всегда окованной тяжкими этими узами. Отсюда несчетные беды. Отсюда ревнование, отсюда блудодейство мужей, – когда вы не к любомудрию их побуждаете, а заставляете их находить удовольствие в том, чем украшаются блудницы. Потому-то они очень скоро и уловляются. Если бы ты научила его питать к этим украшениям презрение и утешаться непорочностью, благочестием, смирением, то он не так легко бы мог быть уловляем любодеянием. Украшаться таким образом, и даже лучше, может и блудница; а облекаться добродетелями – нет. Итак, приучи его находить удовольствие в таком украшении, которого он не может видеть на блуднице. Как же ты его к этому приучишь? Если снимешь с себя украшение твое и облечешься в духовное. Тогда муж твой будет огражден, и ты будешь в почтении, и Бог будет вам милостив; все люди будут вам дивиться, и вы достигнете будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 90

1 «Когда же они шли, то некоторые из стражи, войдя в город, объявили первосвященникам о всем бывшем. И сии, собравшись со старейшинами и сделав совещание, довольно денег дали воинам, и сказали: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали; и, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим». (Мф. 28:11–14)

2 Невероятность похищения тела Христа доказывается присутствием стражи при гробе, боязливостью учеников и оставшимся в гробе платом. – Истина воскресения подтверждается свидетельством врагов о пустом гробе. – Явление Воскресшего в Галилее. – Смысл данного Христом обетования. – Легкоисполнимость заповедей Христовых. – Распространенность и тяжесть недуга сребролюбия. – Богатство не дает безопасности. – Бедность не есть зло. – Превосходство бедности над богатством. – Не чудеса, а презрение богатства доставляют славу.

3 1. Для воинов произошло землетрясение, чтобы их устрашить, и чтобы они могли быть свидетелями. Это и случилось. Рассказ стражей об этом происшествии нимало не был подозрителен, потому что одни из

знамений были видны во всей вселенной, другие частно были показаны находящимся при гробе. Знамением для всей вселенной была тьма, а частным знамением было явление ангела и землетрясение. Итак, когда они пришли и возвестили о воскресении (а истина и в устах врагов ее светит), «денег дали воинам», чтобы сказали, «что ученики Его, придя ночью, украли Его». Как украли? О, безумные! Так истина ясна и очевидна, что они не умеют и солгать! Их слова совершенно невероятны, и ложь не имела никакого правдоподобия. Скажите, каким образом ученики украли Его, эти бедные и простые люди, которые не смели даже показаться? Да и не была ли на гробе положена печать? Не охранялся ли гроб со всех сторон стражей воинов и иудеев? Не подозревали ли и они того же самого, не беспокоились ли, не бдели ли, не заботились ли? Да и для чего украсть им? Для того ли, чтобы выдумать учение о воскресении? Но как бы пришло на мысль выдумать что-нибудь подобное людям, которые любили жить в неизвестности? Да и как они отвалили камень утвержденный? Как укрылись от такого множества? Пусть они презирали смерть; но напрасно и без цели, конечно, не отважились бы на такую опасность, когда столько было стражей. А что они боязливы были, это показывают прежние их поступки. Так, когда Христос был взят при них, то они все разбежались. Если же они не смели противостоять и в то время, когда видели Его живым, то как они могли не устрашиться множества воинов по смерти Его? Не нужно ли было разломать дверь? Можно ли было это сделать тайно даже и одному? Камень был привален большой; для отваления его нужно было много рук. Итак, они справедливо говорили: «И будет последний обман хуже первого», – это сказали они сами против себя; им бы нужно было принести раскаяние

в своем безумии, а они к прежним приплетают новые смешные вымыслы. Они купили кровь Его, когда Он был жив; а по Его распятии и воскресении опять деньгами же стараются подорвать истину воскресения. Смотри же, как они уловляются со всех сторон своими собственными поступками! Если бы они не приходили к Пилату, если бы не просили стражи, то еще могли бы таким образом бесстыдствовать; теперь же, напротив: они все так делали, как будто старались заградить свои уста. И если ученики не могли бодрствовать с Иисусом, несмотря и на то, что Он даже укорял их в том, то откуда теперь получили такую бодрость? Да и почему они не украли раньше, но тогда, когда пришли вы? Если бы они хотели это сделать, то сделали бы в первую ночь, когда при гробе еще не было стражи; тогда это было нисколько не затруднительно и совершенно безопасно. Только в субботу ведь иудеи пришли к Пилату просить стражу и начали стеречь; в первую же ночь никого из стражи при гробе не было.

[4] 2. Далее, что значит и плат со смирною? Петр видел, что он там лежал. Если бы ученики хотели украсть, то не нагое бы украли тело, не потому только, чтобы тем не нанести бесчестия, но и потому, чтоб, занимаясь раздеванием, не разбудить тех, которые могли встать и схватить их. А снять одежду с тела было трудно, и требовалось на это много времени, потому что смирна прилипает к телу и одежде, как клейное вещество. Таким образом, и отсюда очевидна невероятность похищения. Ужели они не знали неистовства иудеев, и того, что этим они обратят на себя гнев их? Да и какая бы была им польза, если бы Христос не воскрес? Иудеи сами сознались, что они все это выдумали, когда дали серебро, и сказали: «Скажите, ...и, если слух об этом дойдет до

правителя, мы убедим его». Напрасно борясь против истины, они хотели везде распространить эту молву; но тем самым, чем старались помрачить ее, против воли способствовали ее воссиянию. Самые слова их: «что ученики Его... украли» подтверждают воскресение. Они согласны, что тела там не было. Если же они сознаются, что тела там не было, а лживость и невероятность похищения доказывается присутствием стражи при гробе, знамениями и боязливостью учеников, то отсюда открывается непреложное доказательство воскресения. И однако же, они с бесстыдством дерзают на все; тогда как все заграждает им уста, говорят: «Скажите,...и, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим». Видишь ли, как все сговорены на их сторону: и Пилат (его хотели *убедить*), и воины, и народ иудейский. Но не удивляйся, что деньги победили воинов. Когда они показали такую силу над учеником, то тем более над ними. «И пронеслось слово сие ...до сего дня». Смотри опять, какую любовь к истине показывают ученики! Как они не стыдятся сказать и того, что о них разнесся такой слух! «Одиннадцать же учеников пошли в Галилею,... и, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились» (Мф. 28:16–17). Это, мне кажется, было то последнее Его явление в Галилее, когда Он послал их с повелением крестить. Если же некоторые усомнились, то и в этом случае подивись их любви к истине, как они не скрывали своих погрешностей, даже в последние дни с ними случившихся. Впрочем и эти некоторые были утверждены явлением. Что же Он сказал, явившись им? «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28:18). Опять говорит с ними по-человечески, так как они не прияли еще Духа Святого, Который бы сделал их возвышеннее. «Идите, научите все народы, крестя их во

имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28:19–20). Здесь Он говорит об учении и заповедях. Он ничего не упоминает о иудеях, молчит о прежних происшествиях, не укоряет и Петра за его отвержение, и никого из прочих за бегство. Он только повелевает возвестить по всей вселенной Его учение, которое сокращенно вручил им вместе с заповедью о крещении. Но так как Он заповедал им дело великое, то, ободряя их сердца, сказал: «Се, Я с вами во все дни до скончания века». Не видишь ли опять силы Его? И не видишь ли притом, с каким снисхождением Он говорит это? Не с ними только будет находиться, говорит Он, но и со всеми теми, которые после них будут веровать. Апостолы не могли пребыть «до скончания века»; но Он говорит ко всем верным, как бы к одному телу. Не говорите Мне, сказал он, о препятствиях и трудностях: с вами Я, который делаю все легким! Это и в Ветхом Завете говорил Он часто пророкам: Иеремии, когда тот указывал на юность свою; Моисею и Иезекиилю, отказывающимся, Он говорил: «Я с вами». То же самое и здесь говорит ученикам Своим. Но заметь и здесь, какое различие между теми и другими. Те часто отказывались, будучи посылаемы к одному народу; эти, посылаемые во всю вселенную, ничего подобного не говорили. О скончании же века Он напоминает им для того, чтобы более привлечь их, и чтобы они не на настоящие скорби только смотрели, но и на будущие бесконечные блага. Скорби, говорит Он, которым вы подвергнетесь, оканчиваются с настоящею жизнью, поскольку и самый этот настоящий век придет к скончанию; блага же, которые вы получите, вечны, как Я вам и прежде часто говорил. Укрепив таким образом, и ободрив их дух этим напоминанием о последнем дне, Он послал их в мир. Подлинно, этот день

для тех, которые провели жизнь в делах благих, столь же вожделенный, сколько страшен для проведших ее в грехах, как для имеющих понести наказание. Но не будем только страшиться и ужасаться, принесем и покаяние, пока есть время, и отстанем от нечестия. Для нас это возможно, стоит только захотеть. Если и прежде благодати многие совершили такой подвиг, то тем более можно сделать это под благодатию.

[5] 3. В самом деле, что тягостного нам заповедано? Горы ли рассекать? Или летать по воздуху? Или переплыть Тирренское море? Совсем нет. Нам заповедан столь легкий образ жизни, что не нужно никаких к тому орудий, – нужна только душа и расположение. Какие орудия имели апостолы, совершившие такие дела? Не в одной ли одежде и без обуви они ходили, – а между тем все преодолевали? Что же трудного в заповедях Христовых? Ни к кому не питай ненависти; никого не злословь: противное гораздо тяжелее. Но ты скажешь, что Он говорит: откажись от имения. Так в этом трудность? Но этого Он решительно и не заповедовал, а только дал совет. Да если бы это была и заповедь, – что тягостного может быть в том, чтобы не брать себе тяжестей и беспокойных забот? О, сребролюбие! Все свелось к деньгам, – потому все и перепуталось! Ублажает ли кто кого, помнит деньги; называют ли несчастным, причина опять в них же. Вот, о том только и говорят, кто богат, кто беден. В военную ли службу кто имеет намерение поступить, в брак ли кто вступить желает, за искусство ли какое-нибудь хочет приняться, или другое что предпринимает, – не прежде приступает к исполнению своего намерения, пока не уверится, что это принесет ему великую прибыль. Так общими силами не посоветоваться ли нам, как бы уничтожить эту болезнь? Не стыдно ли нам

добродетелей отцов наших? Тех трех тысяч, тех пяти тысяч человек, которые имели все общее? Что пользы в настоящей жизни, если мы не можем купить ею жизни будущей? Доколе не поработите себе поработившего вас мамону? Доколе будете рабами денег? Доколе не возлюбите свободы и не расторгнете уз сребролюбия? Когда вы находитесь в рабстве, тогда решаетесь на все, лишь только бы кто-нибудь обещал вам свободу. А будучи пленниками сребролюбия, вы и не думаете освободиться от этого горького рабства. То рабство еще не так тяжко; а это самое несносное иго. Подумайте, сколь великую цену положил за нас Христос! Он пролил собственную кровь Свою, самого Себя предал. А вы и после всего этого ниспали, и, что всего ужаснее, вы еще и утешаетесь своим рабством, услаждаетесь своим бесславием, и желаете того, чего должно избегать.

6 Нужно, однако, не оплакивать только и осуждать, но и исправлять. Поэтому рассмотрим, отчего эта пагубная страсть сделалась нам любезною? Итак, отчего? Отчего она нам стала любезна? От того, говоришь ты, что она доставляет славу и безопасность. Но, скажи мне, какую безопасность? Конечно, ту, что мы надеемся при деньгах не терпеть ни голода, ни стужи, ни вреда, ни презрения. Итак, если я обещаю тебе такую безопасность, – перестанешь ли ты желать богатства? Если богатство только потому тебе любезно, то, когда и без него можно быть безопасным, какая еще тебе в нем нужда? Но как возможно, говоришь ты, без богатства достигнуть этого? Напротив, как это возможно для богатого? В самом деле, он должен по необходимости многим льстить, как начальникам, так и подчиненным, иметь нужду во многом, до низости раболепствовать, бояться, трепетать, предполагать завистников, страшиться клеветников и

алчности других корыстолюбцев. А в бедности не бывает подобного, но совершенно тому противное. Это убежище безмятежное и безопасное, тихая пристань, училище любомудрия, образ жизни ангельской. Услышьте это вы, бедные, а еще более вы, желающие быть богатыми! Не бедным быть худо, но худо не хотеть быть бедным. Не считай бедность злом, и для тебя она не будет злом. Не в существе самой вещи, а только во мнении изнеженных людей лежит причина страха. Впрочем, мне было бы даже стыдно, если бы я о бедности сказал только то, что она не есть зло. Если ты внимательнее размыслишь, то найдешь ее даже источником бесчисленных благ; и когда кто-нибудь стал бы предлагать тебе начальство, какую-нибудь гражданскую власть, богатство, удовольствия, потом предложил бы и бедность, и дал свободу выбрать что тебе угодно, – ты бы тотчас избрал бедность; если бы знал цену ее.

[7] 4. Я знаю, что многие смеются над этими словами; но мы не смущаемся, вас же просим потерпеть, и вы скоро с нами согласитесь. Бедность, по моему мнению, подобна скромной, невинной, прекрасной девице, корыстолюбие же подобно жене зверонравной, чудовищной Скилле, Гидре и другим подобным же чудовищам, вымышленным баснотворцами. Не представляй мне осуждающих бедность, но представь тех, которые чрез бедность прославились. В бедности воспитанный Илия восхищен был тем блаженным восхищением; ею Елиссей прославился; в бедности были Иоанн, в бедности и все другие апостолы. С богатством же Ахав, Иезавель, Гиезий, Иуда, Нерон и Каиафа погибли. Если угодно, посмотрим не на тех только, которые в бедности прославлялись; но рассмотрим и самую красоту этой девы. Взор ее чист, светел и покоен; тогда как глаза

корыстолюбия то исполнены злобы, то выражают пресыщение удовольствием, то делаются мутными от невоздержания. Не таков взор бедности: он кроток, ясен, приветлив, ласков, приятен, ни к кому не выражает ни ненависти, ни отвращения. Где деньги, там случай к вражде и бесчисленным распрям; равным образом уста корыстолюбия исполнены обид, тщеславия, чрезмерной гордости, проклятий и лести. А у бедности и уста, и язык здравы, исполнены всегда благодарности, благоговения, слов кротких, ласковых, покорных, одобрений и похвал. Хочешь ли ты узнать и стройность ее стана? Она несравненно выше и величественнее богатства. А если многие бегают ее, то не удивляйся: безумные бегают и других добродетелей. Но скажешь: бедного обижает богатый? Опять говоришь в похвалу бедности. Кто блажен, скажи мне, – тот ли, который обижает, или тот, которого обижают? Очевидно, блажен обижаемый. Но обижать заставляет сребролюбие, сносить же обиды – бедность. Бедный, говоришь ты, томится голодом? И Павел алкал, и не имел, чем утолить голода. Бедный не имеет спокойного пристанища? И Сын человеческий не имел, где главу приклонить. Видишь ли ты, как далеко простирается достоинство бедности, где она поставляет тебя, каким уподобляет мужам, и как делает тебя подражателям самого Господа? Если бы иметь золото было благо, то Христос, Который дал ученикам Своим неизреченные блага, дал бы им и его. Он не только не дал им его, но запретил и иметь. Вот почему и Петр не только не стыдится бедности, но даже и хвалится ею, говоря: «Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе» (Деян. 3:6). Кто из нас не хотел бы сказать таких слов? Конечно, все бы, – может быть, скажет кто-нибудь. Так пренебреги же серебром, пренебреги золотом. Но получу

ли я силу Петра, говоришь ты, когда пренебрегу богатством? Скажи, что сделало Петра блаженным: то ли, что он исцелил хромого? Совсем нет, а то, что он не имел богатства, и чрез то достиг неба. Многие из творивших чудеса, низвергнуты в геенну, напротив, презревшие богатство, получили царство небесное. Об этом и сам Петр говорит; вот два его изречения: «Серебра и золота нет у меня»; и: «Во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи». Итак, что его сделало славным и блаженным? Исцеление хромого, или презрение богатства? Узнай это из слов самого Подвигоположника. Что Он говорит богатому, ищущему вечной жизни? Он не сказал ему: исцеляй хромых, но говорит: «Все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною» (Лк. 18:22, Мк. 10:21). И Петр опять не сказал: се, во имя Твое изгоняем бесов, хотя и изгонял; но говорит: «Вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам» (Мф. 19:27)? И Христос, опять, отвечая ему, не сказал: если кто исцелит хромого, но говорит: «Кто оставит домы,... или земли... получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19:29). Так и мы поревнуем этому, чтобы нам не постыдиться, но с дерзновением предстать на суд Христов, и иметь Его с собою, как был Он с учениками Своими. Будет и с нами Он, как был и с учениками, если мы хотим следовать им, и подражать правилам и образу их жизни. За это-то Бог венчает и прославляет; а не требует того, чтобы ты воскресил мертвого, или исцелил хромого. Не такие чудеса делают подобным Петру, а презрение богатства, – в этом и состояло совершенство апостола. Но нельзя, по твоему мнению, презреть богатство? Очень возможно. Впрочем, если не хочешь сам, я не принуждаю и не настаиваю; но умоляю только уделять хотя некоторую

часть неимущим, и не искать ничего, кроме необходимого. Таким образом мы и здесь будем наслаждаться жизнью спокойною и безмятежною, и удостоимся жизни вечной, которой все мы и да сподобимся благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн